

ЗВЕНЬЯ

ФЕНИКС

ATHENEUM

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»**

**НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МЕМОРИАЛ»**

ЗВЕНЬЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 2

ФЕНИКС • ATHENEUM
МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ

1992

ББК 63.3(2)

З-43

Выпуск подготовили:
Редакторы-составители
А.И.Добкин, А.Б.Рогинский
Редакторы
Н.Г.Охотин, М.Ю.Сорокина

Звенья: Исторический альманах. Вып.2 — М.—Спб.:
3-43 Феникс: Atheneum, 1992.— 653 с.; ил.

ISBN 5-85042-022-3
ISBN 5-85042-020-7

В сборник, подготовленный научным центром «Мемориал», вошли дневник З.Гиппиус 1917-18 гг., письма известного общественного деятеля Д.И.Шаховского, переписка В.Н.Фигнер и другие материалы, дополняющие наши представления об отношении интеллигенции к революции и о механизмах деятельности власти.

Книга предназначена для историков, филологов и широкого круга читателей.

$\frac{4702010206 — 006}{Д20(03) — 92}$ — без объявл.

ББК 63.3 (2)

ISBN 5-85042-022-3
ISBN 5-85042-020-7

© Феникс, 1992
World © Atheneum, 1992

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	7
I	
«Черные тетради» Зинаиды Гиппиус. Подготовка текста М.М.Павловой. Предисловие и примечания М.М.Павловой и Д.И.Зубарева	11
<i>Д.И.Шаховской</i> . Письма о Братстве. Публикация Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной	174
<i>А.В.Тыркова</i> . Петроградский дневник. Публикация М.Ю.Сорокиной .	319
Монархист и Советы. Письма Б.В.Никольского к Б.А.Садовскому 1913—1918. Публикация С.В.Шумихина	340
Из Хвалынска в Петроград. Письма К.А.Поссе к Н.С.Таганцеву и В.А.Стеклову 1917—1918. Публикация А.А.Сергеева. Предисловие Б.Н.Равдина и А.А.Сергеева	378
<i>В.П.Семенов-Тянь-Шанский</i> . Фрагменты воспоминаний. Публикация Ф.Благовещенского	395
Незапечатленный труд: из архива В.Н.Фигнер. Публикация Я.В.Леон- тьева и К.С.Юрьева	424
Разговор через «решетку». Переписка М.А.Осоргина и А.С.Буткевича. Публикация А.Серкова	489
II	
<i>С.В.Яров</i> . Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих (по неопубликованным документам).	539
Два эпизода борьбы с церковью в Петрограде. Публикация М.В.Шка- ровского.	555
<i>М.Н.Покровский</i> . К отчету о деятельности Академии Наук за 1926 год. Публикация М.Юрьевой и Д.Рейзлина	580
Лишенцы. Публикация А.И.Добкина	600
Указатель имен	631
Список иллюстраций	653

Основная тема этого выпуска — интеллигенция и революция. При отборе материала для первого раздела мы прежде всего стремились обращать внимание на сюжеты, связанные с восприятием интеллигенцией революционных событий и осознанием ею своего места в послеоктябрьской исторической реальности. Читателю нетрудно заметить, что главный источник острых переживаний этих людей в пору социального переворота — это кризис «народолюбия». Пути его преодоления для разных кругов варьировались в широком диапазоне: от полного изживания комплекса «служения народу» до его замещения комплексом «служения государству». Однако нам кажутся интересными не только эти крайности (приводившие зачастую либо к прямой борьбе против революции, либо, наоборот, к полному сервильизму, и в обоих случаях связанные с черно-белым восприятием действительности), но, в не меньшей мере, и весь промежуточный спектр воззрений. И здесь обращает на себя внимание тот факт, что для многих интеллигентов понимание трагизма происходящих событий не отменяло (полностью или частично) укоренившегося в них исторического оптимизма и не ослабляло свойственной им потребности в общественном делании, принципы и мотивы которого сложились еще в предшествующие эпохи. Многим вплоть до середины 1930-х революция не казалась завершенной, ее зримые результаты не рассматривались как окончательные, а надежды оказывать влияние на окружающую жизнь все еще сохранялись, хотя и постепенно таяли. Однозначно интерпретировать ныне это самоощущение как сумму неизжитых иллюзий представляется нам, по меньшей мере, несправедливым.

Публикации второго раздела иллюстрируют (пусть и фрагментарно) становление той системы надзора, контроля и манипуляции обществом, которая, заострившись, превратилась в тоталитарную диктатуру. Конечно, неразработанность источников для изучения этой стороны послереволюционной истории, нечеткость критериев при определении их достоверности приводят порой к искажениям, однако даже при этом условии документы, отражающие «рефлексию власти», являются — в рамках нашего альманаха — необходимым комментарием к памятникам общественного и личного самосознания.

Мы надеемся, что материалы этого тома помогут читателю вслушаться в многоголосье истории, а через нее — вникнуть и в происходящее сегодня.

Подготовка к печати этого выпуска финансировалась Международным фондом «Культурная инициатива», с 1989 года являющимся основным спонсором Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал», и Фондом Льва Ланде (Нидерланды).

Международный фонд «Культурная инициатива» основан в Москве в 1987 году американским бизнесменом Джорджем Соросом для поддержки демо-

кратических преобразований в тогдашнем Советском Союзе. Аналогичные организации за последние годы созданы Соросом в Санкт-Петербурге, Киеве, Вильнюсе, Риге, Таллинне.

Лев Соломонович Ланде (1901-1976) — общественный деятель, экономист, историк. Родился в Варшаве, с 1914 жил в Москве. Социал-демократ, участник молодежных организаций, после Гражданской войны — секретарь нелегального Главного комитета партии меньшевиков на Украине. Дважды арестовывался, в советских тюрьмах стойко боролся за права политических заключенных. В 1923 бежал в Германию. В 1933 эмигрировал в Голландию, в 1941 — в США. Вернулся в Голландию в 1966. Много занимался организацией помощи жертвам нацизма. Один из авторов «Социалистического вестника»; тесно сотрудничал в Menshevik Project.

Пользуемся случаем горячо поблагодарить всех, кто оказал материальную и организационную поддержку историко-просветительской работе «Мемориала», а также О.А.Горланова за помощь в подготовке рукописи этого выпуска к печати.

Названия всех современных организаций приведены нами по состоянию на июль 1991 года.

Январь 1992.

I

«ЧЕРНЫЕ ТЕТРАДИ» ЗИНАИДЫ ГИПШИУС

Подготовка текста М.М.Павловой
Вступительная статья и примечания
М.М.Павловой и Д.И.Зубарева

«Петербургский Дневник» З.Н.Гиппиус, в состав которого входит публикуемый ниже текст, посвящен самой драматической и поворотной эпохе русской истории XX столетия. Первая его запись относится ко дню начала Мировой войны — 1 августа 1914. Последняя сделана 23 декабря 1919. На следующий день Зинаида Николаевна Гиппиус (1869-1945), ее муж Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941), их ближайший друг, долгие годы проживший с ними под одной крышей, — Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940) и секретарь З.Н. Гиппиус Владимир Ананьевич Злобин (1894-1967) уехали из Петрограда, а через несколько недель навсегда покинули Россию.

Значительная часть Дневника («Синяя книга» — 1 августа 1914 — 7 ноября 1917; «Черная книжка» — июнь—ноябрь 1919; «Серый блокнот» — ноябрь—декабрь 1919) оказалась в распоряжении З.Н.Гиппиус за границей и была ею опубликована в журналах и отдельных изданиях еще в 1920-е годы. В последнее десятилетие эта часть «Петербургского дневника» несколько раз переиздавалась¹. Иная судьба постигла «Черные тетради», охватывающие период с 7 ноября 1917 до 12 января 1919. Они остались в России. Сама Гиппиус не раз утверждала, что они были закопаны под Петроградом неким близким ей человеком, однако эти ее слова преследовали, мы полагаем, единственную цель — уберечь одиозный текст от внимания власти². Текст

¹ «Черную книжку» и «Серый блокнот» Гиппиус вывезла с собой. В октябре 1920 в Варшаве она подготовила их к печати, снабдила предисловием «История моего дневника» и вскоре опубликовала в Болгарии (Русская мысль. 1921. № 1/2) и Германии (в кн.: Мережковский Д.С. Царство Антихриста. Мюнхен, 1921). В 1927, когда Гиппиус жила уже в Париже, ей удалось (вероятно, через М.Л.Слонимского) получить оставленную в России «Синюю книгу» и напечатать ее отдельным изданием в 1929 в Белграде. См. также: Гиппиус З. Петербургские дневники: (1914-1919)/Предисловие и примечания Н.Н.Берберовой. Нью-Йорк, 1982 (ниже — Петербургские дневники); То же. Нью-Йорк, 1990. Недавно предпринято первое советское издание. См.: Гиппиус З. Живые лица: Стихи. Дневники/Сост. Е.Я.Курганов. [Кн.1]. Тбилиси, 1991.

² Ср. в «Истории моего дневника»: «О существовании тетрадей пополз слух. О них знал Горький. Я рисковала не только собой и нашим домом: слишком много лиц было в моих тетрадях. Некоторые из них еще не погибли и не все были вне пределов досягаемости» (Петербургские дневники. С.9). См. записи от 29 и 31 января 1918 в публикуемом тексте с размышлениями об отсутствии знакомых «неогенералов», у которых можно было бы хранить дневники, а также запись в «Синей книге» от 27 февраля 1916 о генералах — родственниках Д.В.Философова.

был действительно спрятан, но не в земле, а, как и многие «крамольные» документы в ту пору, в государственном архиве, в Рукописном отделении Российской Публичной библиотеки, и сделано это было, скорее всего, в апреле 1918, когда в то же хранилище сдавал свои бумаги (вполне официально) Д.В.Философов³. Тот факт, что послеоктябрьский дневник Гиппиус хранится в Публичной библиотеке, узкому кругу специалистов по русскому «серебряному веку», равно как и сотрудникам Отдела рукописей, был известен давно, но по разным причинам (не в последнюю очередь по тем же, что и у автора Дневника) об этом как-то не принято было заявлять в печати⁴. И лишь сейчас, в данной публикации, «Черные тетради» впервые и в полном объеме представляются читателю⁵.

Название свое эта часть Дневника (как и другие) получила по цвету обложки тетрадей, в которых работал автор. Всего черных тетрадей было три, но в Публичной библиотеке хранится (а может быть, только обнаружена) лишь одна из них — вторая, с подневными записями событий 11 февраля — 1 июня 1918⁶. Судьба двух других нам неизвестна. Но уже в 1918 — начале 1919 Гиппиус, отредактировав тетради (были убраны длинноты, местами смягчена эмоциональность оценок, однако историческая структура осталась нетронутой), переписала их в одну толстую книгу, которая затем была и перепечатана. «Сводная рукопись» и машинопись (с небольшой авторской правкой) сохранились⁷. Они почти идентичны. Машинописный текст имеет подзаголовок — «Современная запись II», что должно было подчеркнуть связь «Черных тетрадей» с предшествовавшей им «Синей книгой» («Современная запись I»). На неразрывность двух частей Дневника указывают и даты: последняя в «Синей книге» и первая в «Черных тетрадях» — соответственно 6 и 7 ноября 1917⁸.

³ Д.В.Философов в этот момент (с осени 1918) служил в Публичной библиотеке. Сохранилось его заявление от 4 апреля 1919 о пожертвовании библиотеке материалов своего архива. Сейчас бумаги Философова составляют фонд 814, Мерезковских — фонд 481 в ОР ГПБ. Последняя дата, зафиксированная в публикуемом тексте, — апрель 1919 (см. прим. к записи от 2 декабря 1918).

⁴ См. напр. туманную отсылку на «одно из государственных архивохранилищ» в кн.: Орлов В.Н. Александр Блок. М., 1956. С.242. Сведения о местонахождении рукописи «Синей книги» в советской печати появлялись (Цехновицер О. Литература и мировая война. М., 1938. С.120, 225, 263-264, 281, 347-348. Автор, цитируя Дневник, называет его «неопубликованным», не подозревая, по-видимому, о белградском издании 1929).

⁵ Фрагменты «Черных тетрадей» см.: Из дневника З./ Публ. А.Б.Рогинского и А.И.Добкина // Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981; То же // Петербургские дневники. Н.-Й., 1990; Гиппиус З. Вторая черная тетрадь / Публ. М.М.Павловой // Наше наследие. 1990. № 6. См. также: Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания / Сост. Е.Я.Курганов. [Кн.2]. Тбилиси, 1991.

⁶ ОР ГПБ. Ф.481. Д.5.

⁷ ОР ГПБ. Ф.481. Д.2 и 4.

⁸ Подробнее о соотношении дат см. прим.1 к тексту.

Дневник предназначался для публикации. Свидетельство этому — не только целенаправленная редакция текста при подготовке к машинописи, но и прямая помета «для заграничного издания» на первой странице машинописного экземпляра «Синей книги», и, наконец, содержащееся там же и датированное июнем 1918 обращенное к читателю «Предупреждение», где сформулированы цели публикации: «Я говорю заранее, моя книга не для любителей сенсаций. Она для внимательного и неленивого взора тех, кто хочет знать, как переживал — культурный и политический — слой русского общества великие потрясения своей страны. Мы слишком отделены от Европы, от своего мира. Если мне удастся приподнять хоть край завесы над нашей действительностью — я сочту себя удовлетворенной»⁹. Думается, что это заявление не более чем литературный прием. Менее всего дневник Гиппиус напоминает спокойное, предназначенное для «внимательного и неленивого взора» повествование о жизни интеллигенции в годы революции. Дневник Гиппиус — отнюдь не летопись, и взгляд автора здесь далеко отстоит от традиционного взгляда летописца. Мы имеем дело с острым художественно-публицистическим произведением, умело выстроенным и пронизанным одной мыслью, страстным, взрывным и зовущим к действию.

Политические взгляды Гиппиус не изменились, как у некоторых представителей ее круга, в течение бурного 1917. И в начале, и в конце его она, как и раньше, оставалась противницей самодержавия, поклонницей демократических, республиканских идей. Однако летом уже наметилось, а после «корниловской истории» обострилось чувство разочарования в происходящем, послефевральская эйфория сменилась скепсисом относительно будущего русской революции (народ темен и склонен к анархии, вожди ничтожны и слабы), с осени возникают (возрождаются), а после Октября ее целиком захватывают апокалипсические настроения, усиливающиеся с каждым месяцем.

Октябрьский переворот для Гиппиус — победа Зла. В терминах Мережковских, большевики — «хамы», их власть — «хамодержавие», установление их режима — наступление царства Антихриста. Механизм победы большевиков, по Гиппиус, примитивен: ложь, коварство и, главное, террор, террор во всех сферах и формах — от затыкания рта до убийств. Воцарение Антихриста, его победа над Россией — главная тема Дневника.

Такого рода установки и определили характер отбираемого для Дневника исторического материала. В Дневник попадали лишь те факты или слухи, которые эти установки подтверждали: не укладывающиеся в идеологическую конструкцию — отменялись. «Доброго» поступка никто из большевиков не может совершить в принципе. И если Гиппиус повествует об освобождении

---

⁹ ОР ГПБ. Ф.481. Д.3. Л.2. Процесс работы над «Синей книгой» был такой же, как и над «Черными тетрадами»: первоначальная рукопись — отредактированная «сводная» рукопись — машинопись. В ОР ГПБ хранятся сводная рукопись и машинопись (Ф.481. Д.1 и 3). По всей вероятности, в Париж в 1927 была доставлена первоначальная рукопись, отсутствующая в ОР ГПБ. Там, при подготовке к изданию 1929, она подверглась редакции, но несколько иной, чем в 1918 в Петрограде. В настоящее время «Синяя книга» по «сводной» рукописи подготовлена к изданию М.М.Павловой.

арестованных, например, то тут же подчеркивает: в основе освобождения ни в коем случае не справедливость, не милость, но обязательно корысть или унижение просителей. Злу противостоит Культура, поэтому большевики должны уничтожить ее. Культура, интеллигенция — обречены. В этом смысле Дневник насквозь эсхатологичен. Иной путь — сотрудничества с новой властью — путь физического выживания, но саморазоблачения и предательства Культуры. И Гиппиус составляет свой знаменитый список людей Культуры — «перебежчиков» (к Антихристу), тех, кому «не простит никогда»¹⁰. Их работа, как и любые новые явления культурной жизни, в Дневник не попадает. Мы не найдем в нем упоминаний о новых издательствах, книгах, спектаклях, выставках, попытках защиты памятников архитектуры, сохранения исторических архивов. Любое культурное начинание, так или иначе связанное с новой властью или хотя бы дозволенное ею, для автора Дневника оказывалось вне Культуры. Закрытия газет, разгоны демонстраций, запрещения литературных вечеров, аресты, казни — именно это, с точки зрения Гиппиус, составляет содержание эпохи и, соответственно, ее Дневника¹¹.

Лишь учитывая эти общие идейные конструкции, можно попытаться понять антисемитские сентенции в Дневнике, которые ранее если и были в какой-то мере свойственны автору, то во всяком случае им не обнаружались. В основе здесь убежденность (кстати, отделившая Гиппиус от многих в антибольшевистском лагере), что Зло (большевизм) не имеет корней ни в русской истории, ни в характере русского народа, который не может ни породить Зло, ни успешно ему сопротивляться (отсюда и мысль о необходимости для победы над Злом союза с иными — внешними же — силами). Между тем победа Зла — ни в коей мере не есть результат заговора Запада против России или, например, «мирового заговора». Сама по себе принадлежность к какой-либо русско-европейской или русско-мировой структуре (хотя бы и социал-демократии, к которой она относилась враждебно) в глазах Гиппиус не была основанием для обвинений — ср. недавно опубликованное свидетельство А.Я.Гальперна о том, что в годы войны и З.Н., и Мережковский становятся масонами (см. прим. 23 к наст. публ.). Зло нашло опору не на Западе, а именно в России, но вне традиций русской жизни. Воплощение Зла, выразители воли Антихриста, его слуги — большевики-евреи, связанные, по мнению Гиппиус, с Россией лишь формально (местом рождения), но чуждые ее укладу, культуре, духу ее народа. Другие большевики, не евреи (Ленин, например), в этой системе рассуждений оказываются изменниками России, предателями своего народа¹².

¹⁰ См. ниже запись от 11 января 1918 и прим. 275. Мотив «непрощения» тех, кто вступил в сотрудничество с большевиками, — сквозной в послеоктябрьском творчестве Гиппиус.

¹¹ Поэтому вряд ли справедливо суждение Н.Н.Берберовой о «податливости» Гиппиус «на каждый непроверенный слух». (Петербургские дневники. С. VI). Не «податливость», но жесткий отбор тех слухов, которые соответствовали миропониманию автора, — вот что характерно для Дневника. Такой подход не вызывает недоумения, если помнить, что мы имеем дело не с обычным дневником, который пишется «в стол», а с текстом, имеющим специальные публицистические задачи и ориентированным на публикацию.

¹² При этом в окружении Гиппиус по-прежнему оставалось немало людей ев-

Надо ли бороться со Злом? На этот вопрос, один из важнейших в Дневнике, Гиппиус убежденно отвечает — да! И со свойственной ей жесткой последовательностью идет в своих размышлениях намного дальше большинства современников: «...у нас всех только одна узкая, самая узкая, цель: свалить власть большевиков. Другой не должно быть. Эта единая, первая, праведная: свалить. Все равно чем, все равно как, все равно чьими руками. И вот в эту минуту представляются одни, вот эти [эсеров. — *Лубл.*] руки. <...> Когда они провалятся, будем искать следующих»¹³. Этот ход рассуждений логически привел Гиппиус после краха всех надежд в России (на эсеров, добровольцев, Юденича, Колчака и т.д.) к надежде на интервенцию (первые мысли о ней находим уже в публикуемом Дневнике), к будущей поддержке Пилсудского, контактам с Муссолини, т.е. к тому, что отталкивало от Мережковских многих даже в так называемой «правой» русской эмиграции.

Сведения, фиксировавшиеся в дневнике, Гиппиус получала из самых разных источников, В первую очередь из газет. Особенно широко использует она информацию из «Нашего века» (бывшей «Речи»), где сотрудничал Д.В.Философов, «Новых ведомостей» и «Вечернего звона», в которые нередко писала сама, а также из «Дня», «Дела народа», реже — поскольку газета выходила в Москве — из «Русских ведомостей». Ревниво и без доброжелательства, но систематически она читает «Новую жизнь», издававшуюся Горьким и близким ему кругом литераторов, а кроме того, регулярно просматривает коммунистическую прессу — «Красную газету», «Известия», «Правду» — и не только с середины 1918, когда никаких других газет не остается, но и раньше, чтобы уяснить себе официальную большевистскую точку зрения на события.

Все же важнейшие из источников Гиппиус — устные. Еще с начала века дом Мережковских был одним из центров духовной жизни Петербурга. Среди их близких знакомых — виднейшие литераторы, юристы, врачи, общественные и политические деятели, все те, кого Гиппиус называла «цветом русского культурного общества». «Во времена царизма, — писала она, — <...> русское общество не разделялось на профессиональные круги: не было круга чисто писательского и т.п. Все в известной мере были «политиками» — слишком одинаково давило правительство на всю мыслящую часть общества. И все мы, более или менее, жили одной жизнью и одними и теми же интересами»¹⁴. Из этой же среды, по словам Гиппиус, вышли и все ведущие деятели Февральской революции: «Временное правительство, да ведь это все те же мы, те же интеллигенты, из которых каждый имел для нас свое *лицо*... (Я уже не говорю,

рейского происхождения, которым она доверяла и которых во многом считала своими единомышленниками, — видимо, признавая за ними если не духовное родство с русским народом, то, по крайней мере, верное понимание его идеалов. Н.Н.Берберова писала, что в Гиппиус «дремала ее общая с Д.С. [Мережковским. — *Лубл.*] великодержавность, презрение к инородцам, живущим на российской земле. Позже это выветрилось из нее, и она даже стыдилась этих своих чувств» (Петербургские дневники. С. VI). См. также статью Гиппиус «Антисемитизм?» (Общее дело. 1921. 24 июня). Ср. и ее нетерпимое отношение к публицистическим выступлениям В.В.Розанова в связи с делом Бейлиса.

¹³ См. ниже запись от 1-2 января 1918.

¹⁴ ОР ГПБ. Ф.481. Д.3. Л.3.

что были там и люди с нами лично связанные)»¹⁵. Круг этот стал резко сужаться сразу же после Октября. Одни сразу же исчезли в историческое небытие (А.Ф.Керенский)¹⁶, другие, как например А.В.Карташев (1875-1960) — почти член семьи, перед Октябрем, во Временном правительстве — министр исповеданий, были арестованы, третьи должны были спешно скрываться от ареста. Кто-то эмигрировал, кто-то уехал в провинцию, где было, казалось, не так голодно и более спокойно. Борис Савинков, один из ближайших друзей, метался по стране, пытаясь собрать антибольшевистские силы. Мережковские не принадлежали ни к какой партии, но симпатии свои отдавали эсерам и отчасти кадетам¹⁷. Кадетские лидеры в ноябре были объявлены «врагами народа», эсеры (среди них Мережковские дружили особенно с супругами Фондаминскими¹⁸), многие из которых были избраны в Учредительное собрание, стали разъезжаться из Петрограда вскоре после его разгона, в начале 1918. Были потери и иного рода — когда вчерашние близкие становились «перебежчиками» — в таких случаях отношения прерывались¹⁹.

Процесс сужения круга знакомых все же был постепенным и по крайней мере в течение первого полугодия после Октября он еще не слишком сказывается на объеме представленных в Дневнике сведений. Однако с каждым месяцем он все более ощущим; постепенно реальной информации в Дневнике становится все меньше (в особенности после запрещения небольшевистских газет летом 1918), а процент рассуждений автора, его оценок, наоборот,

¹⁵ Петербургские дневники. С.8. Курсив автора.

¹⁶ Историю их взаимоотношений см.: Колоницкий Б.И. А.Ф.Керенский и круг Мережковских//Петроградская интеллигенция в 1917 году. Сб. статей и материалов. М.-Л., 1990. См. в этом же сборнике содержательный обзор «Петербургского дневника» в статье: Варустина Е.Л. Из неопубликованного и малоизвестного о революции (по делам Пращского и других архивов).

¹⁷ «Несмотря на плохо разработанную идеологию, партия эта [эсеров. — Публ.] казалась нам наиболее органической, наиболее отвечающей русским условиям»; «Мы близко соприкасались с либералами, благодаря тому, что Философов, не входя в партию ка-де, работал в партийной газете “Речь”, и позиция его имела много общего с позицией либеральной» (Петербургские дневники. С.5).

¹⁸ Фондаминский (псевд. Бунаков) Илья Исидорович (в Дневнике часто — Илюша; 1880-1942) — публицист, видный эсер. В 1917 — комиссар Временного правительства на Черноморском флоте. Член Учредительного собрания. С 1919 в эмиграции. Погиб в фашистском концлагере. Он и его жена Амалия Осиповна (урожд. Гавронская; ум. в 1936) сблизились с Гиппиус в Париже в 1906-1907.

¹⁹ Впрочем, не всегда. Так, например, хотя в январе 1918 Гиппиус вписала в свой «черный список» К.И.Чуковского, но продолжала приглашать его, обращаясь с различными просьбами, и была с ним, по-видимому, достаточно откровенна. Также и упоминания о Мережковских в дневнике Чуковского вполне снисходительны, хотя не лишены иронии, а иногда и раздражения. См., напр., запись от 27 октября 1918: «Оттуда к Мережковским. Зинаида Николаевна, раскрашенная, в парике, оглохшая от болезни, но милая. Сидит за самоваром — и в течение года ругает с утра до ночи большевиков, ничего, кроме самовара, не видя и не слыша» (Новый мир. 1990. № 7. С.146). См. также запись от 15 октября 1918 (Там же. С.145).

увеличивается. На этом фоне исчезновений, разрывов, потерь старых связей (а значит, и привычных источников информации) на первый план выступает фигура сравнительно недавнего знакомого Мережковских, их соседа — И.И. Манухина. Манухины жили на пятом этаже дома на углу Сергиевской и Потемкинской, Мережковские — в белэтаже²⁰. «Он, — и жена его²¹, — вспоминала о Манухинных Гиппиус, — люди, с которыми мы действительно вместе, почти не разлучаясь физически и душевно, переживали годы петербургской трагедии»²².

Иван Иванович Манухин (1882-1958) — известный врач, доктор медицины. После Февральской революции он принял должность врача при Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством для расследования деятельности бывших сановников, и в связи с этим ему пришлось регулярно бывать в Петропавловской крепости, где содержались арестованные царские министры²³. После Октября на его докторском попечении сразу же оказались министры Временного правительства, а затем и оппозиционные общественные деятели, журналисты, политические лидеры. Манухина продолжали пускать в тюрьмы скорее по традиции, чем вследствие принадлежности к какой-то общественной организации — Политическому Красному Кресту, активнейшим работником которого он являлся, или любой другой. И он смело пользовался возможностями, которые открывала ему такая «привилегия» — не только лечил, но и передавал новости — с воли в тюрьму и из тюрьмы на волю, главное же — был бесконечным ходатаем за заключенных. В попытках облегчить их участь он был неутомим: обивал пороги кабинетов Смольного и «Чрезвычайки», писал Ленину²⁴, искал пути к большевистским вождям через Н.Н. Суханова (тот хоть и числился пока меньшевиком, но сохранял положение члена ВЦИК), его жену Г.К. Флаксерман, дружившую с большевиками-цекистами, пытался что-то предпринять через А.В. Луначарского²⁵, постоянно подталкивал к заступническим пись-

²⁰ Сергиевская, 83. Сюда Мережковские переехали в 1913. Квартира оказалась выгодным «наблюдательным пунктом» для автора Дневника — из окон и с балкона был виден Таврический дворец — здесь заседала Дума, затем (до августа) Петроградский Совет, здесь же прошел единственный день работы Учредительного собрания. Гиппиус отмечала, что «и это внешнее обстоятельство, случайное наше положение вблизи центра событий, благоприятствовало ясности моих записей. Мне кажется, если бы я даже не была писателем, если б я даже вовсе не умела писать, но видела бы, что видела, — я бы научилась писать и не могла бы не записывать...» (Петербургские дневники. С.6).

²¹ Манухина Татьяна Ивановна (в Дневнике — Т.И.; 1885-1962) — литератор. Близкая дружба между ней и Гиппиус возникла в начале 1930-х в Париже. См.: Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action. München, 1972. С.461-516.

²² Петербургские дневники. С.12.

²³ Упоминание об этих посещениях — в дневнике А.Блока за 1917 г.: Блок А. Собрание сочинений. Т.7. М.-Л., 1963. По имен. ук.

²⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.5. М., 1974. С.300.

²⁵ В эпоху Первой русской революции Манухин примыкал к социал-демократам, и его знакомство с Луначарским восходит, видимо, к этому времени. В 1917, после «июльских дней», Луначарский, скрываясь, провел ночь в квартире Манухина.

мам-ходатайствам Горького, с которым был давно близок — еще в 1912, в Италии, успешно лечил его от туберкулеза. А кроме того, со многими видными деятелями эпохи, в том числе и большевиками, Манухин был связан просто как практикующий врач²⁶.

В силу такого широкого круга общения и неизменного доверия, которое он вызывал у окружающих, Манухин был хорошо осведомлен в самых разных подробностях петроградской жизни — от тюремного быта до деталей заседаний Петросовета, а иногда даже большевистского ЦК. Многим из узанного он делился при каждодневных встречах с Гиппиус, и его рассказы и впечатления откладывались на страницах Дневника (часто без прямого указания на первоисточник), в итоге заняв в тексте существенное место. Конечно, информация, полученная от Манухина, как и любые другие сведения, которыми располагала Гиппиус, проходила на пути к записи через авторское идейное и эстетическое сито. В 1921 году, уже оказавшись в Париже, куда ему удалось выбраться благодаря хлопотам Горького, Манухин прочел только что опубликованную часть Дневника (за вторую половину 1919) и был поражен, насколько преобразенными оказались там его беседы с Мережковскими. На прочитанное он немедленно откликнулся в письме Горькому: «На “Дневник” Гиппиус я больше, чем кто-либо, зол. От обиды и злости, когда я прочел его здесь, в Париже, я раскачивал постель в том кабинете, в котором жил... думал, — думал... но я вспомнил положение, что мне нигде нельзя было ответить ей на ложь и клевету на меня. И вы понимаете, что обиднее всего для меня было то, что я (?!), якобы, говорил о Вас»²⁷. И в другом письме: «Я сейчас в таком состоянии, что пересуды, сплетни, сведения каких-то счетов, бесконечное обсуждение того, кто в чем провинился, с чем я столкнулся при встречах, настолько в стороне от меня, настолько мне кажется большим преступлением и перед самим собой и перед Россией, что я счел ниже своего достоинства оспаривать дневник сплетен Гиппиус, хотя и очень больно ущемил он мое сердце...»²⁸. Так резко отозвался о Дневнике человек, которому Гиппиус в предисловии к своей публикации посвятила несколько восхищенных страниц, кого она считала образцом русского интеллигента²⁹.

Однако, если верить Манухину, когда к нему обратились с такой же просьбой относительно Ленина, он отказал, мотивировав тем, что «одно дело помочь человеку, попавшему в беду, другое — помочь главе политической партии, ставившему задачей устранить демократическое правительство и в то же время желавшему моей квартирой обеспечить себе безопасность» (Манухин И.И. Революция//Новый журнал. 1963. Кн.73. С.187).

²⁶ Среди пациентов Манухина были и сотрудники Петроградской ЧК, в т.ч. ее председатель в 1919–20 И.П.Бакаев. Об этом писал в ПетроЧК Горький, аргументируя таким образом «лояльность» Манухина. Поводом к письму явился обыск в квартире Манухина (уже после его отъезда в Париж), предьявленный при этом ордер на арест и засада, оставленная на его квартире. Об этом см.: Минц З.Г. А.М.Горький и КУБУ//Ученые записки Тартуского гос. университета: Труды по русской и славянской филологии. Т.ХIII. Тарту, 1968. С.238.

²⁷ Архив Горького. 24267. 7. 32. 3. Манухин — Горькому. Б.д.

²⁸ Там же. 32596. 7. 32. 4. Манухин — Горькому. 19 мая 1921.

²⁹ Гиппиус о Манухине: «Крайняя прямота, стойкость, непримиримость, —

Сдержаннее — и глубже — оценка другого читателя (и также персонажа Дневника) — когда-то друга, а теперь, в терминологии Гиппиус, «перебежчика», с которым у нее были «взорваны мосты», — Александра Блока. Заграничный русский журнал с началом Дневника попал в его руки в те же дни, что и к Манухину, — в апреле 1921. Он также отметил «много скверных анекдотов о Горьком, Гржебине и др.», но не это, в отличие от Манухина, выделил как главное. «Это очень интересно, блестяще, большею частью, я думаю, правдиво, но — своекорыстно. Она (они) [Мережковские. — Публ.] слишком утяжелена личным, тут нет широких, обобщающих точек зрения. Может быть, на обобщения такого размера, какие сейчас требуются, они и вовсе не способны. <...> Это — правда, но только часть»³⁰. Последние два слова Блок выделил курсивом. По его мнению, сказать «всю правду» можно лишь отрешившись от узости и заведомой заданности прежних установок, поднявшись над сиюминутным, поняв всемирный смысл происходящего. Однако на это, полагает Блок, автор Дневника оказалась неспособна.

Современный читатель вправе отнестись к характеристике, данной Дневнику Блоком, с известным скепсисом. Ведь события послеоктябрьских десятилетий во многом подтвердили справедливость предчувствий Гиппиус, оправдали пафос ее публицистики, в том числе и Дневника. Впрочем, Блок, кажется, мерил не десятилетиями...

Однако, как бы ни рассудила История спор между Гиппиус и Блоком, несомненно для нас одно: «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус, как и весь ее «Петербургский дневник», принадлежат к числу самых ярких и значительных документальных свидетельств революционной эпохи.

Текст печатается по авторизованной машинописи (ОР ГПБ. Ф.481. Д.4). Авторские особенности расположения текста (например, начало каждой новой записи с середины строки) не воспроизводятся. «Белые страницы» отмечены строкой точек. В публикации сохранены характерные для Гиппиус и имеющие смысловую направленность орфографические варианты (например, «большевицкий»). В других случаях пунктуация и орфография приведены в соответствии с современными требованиями. Очевидные опечатки исправлены. Для удобства пользования текстом проведена унификация аббревиатур названий политических партий (например, вместо используемых Гиппиус «к.-д.», «ка-де» и «ка-дет» в тексте дается написание «кадет»). Сокращения автора, допускающие единственно возможное прочтение, даются без оговорок, добавления публикаторов — в квадратных скобках. Авторские подчеркивания выделяются курсивом.

выражались у него не словесно, а именно действенно»; «При всей своей непримиримости и кипучей ненависти к большевикам, при очень ясном взгляде на них — он не впадал в уныние: он до конца, — до дня нашей разлуки, — таким и остался: жарко верующим в Россию, верующим в ее неперенное и скорое освобождение»; «С какой благодарностью обращается мысль моя к И.И.» и т.д. (Петербургские дневники. С.12, 14).

³⁰ Блок А. Собрание сочинений. Т.7. С.416. Дневниковая запись от 20 апреля 1921.

[1917]

7 Ноября*, Вторник (поздно)¹.

Да, черная, черная тяжесть. Обезумевшие диктаторы Троцкий и Ленин сказали, что если они даже двое останутся, то и вдвоем, опираясь на «массы», отлично справятся. Готовят декреты о реквизиции всех типографий, всей бумаги и вообще всего у «буржуев», вплоть до хлеба.

Госуд < арственный > Банк, вероятно, уже взломали: днем прошла туда красная их гвардия, с музыкой и стрельбой².

Приход всяких войск с фронта или даже с юга — легенды. Они естественно рождаются в душе завоеванного варварами населения. Но это именно легенды. Фронт — без единого вождя, и сам полуразвалившийся. Казакам — только до себя. Сидят на Дону и о России мало помышляют. Пока не большевики, но... какие же «большевики» и эти, с фронта дерущие, пензенские и тамбовские мужики? Просто зараженные. И зараза на кого угодно может перекинуться. И казаки пальцем не пошевелят для вас, бедные россияне, взятые, по команде немцев, в полон собственной черню.

Знаменитая статья Горького оказалась просто жалким лепетом³. Весь Горький жалок, но и жалеть его — преступление.

Манухин — человек удивительный. Всякий день ездит в крепость. Весь надрывается, чтобы помочь заключенным⁴. День и ночь то с «женами», то у нас, то еще где-нибудь. Сегодня с этой еврейкой Галиной, женой Суханова-Гиммера, полтора часа возился⁵.

— Понимаете, я ей втолковывал всячески. Она сначала Бог знает, что плела, а потом будто одумалась. Ведь я как ее ругал!

— А она кто же?

— Да большевичка! Сначала за русским была замужем, потом к Суханову перешла, стала интернационалисткой, а потом демонскими глазами Троцкого⁶ пленилась, влюбилась и партийной большевичкой заделалась. Хорошо, что роль ее там не видная. Теперь уж, говорит, не влюблена. Однако поеду, говорит, завтра к Троцкому, скажу о министрах. Обещала. Флюс у нее, да я потребовал, пусть с флюсом едет... Небось, все его гвоздикой украшала — ездил...

Что это, уж не тот ли свет? Большевичка с флюсом и с цветами к Бронштейну, который ломает Гос < ударственный > Банк, комендант Петропавл < овской > крепости⁷, сообщающий Манухину, с неизвестными целями, что «из Трубецкого бастиона есть потайной ход,

* Здесь и далее — в т.ч. и после перехода страны на новый календарь 1(14) февраля 1918 — Гиппиус приводит даты по старому стилю. В примечаниях мы поступаем так же. — *Лубл.*

только забит», расстрелянная тяжелыми орудиями русских, под командой опытных «военнопленных», Москва, уголовный парень в политической камере (весьма приятно там себя чувствует), сотни юнкеров убитых (50 евреев одних)⁸, фронтовые войска, пожирающие колбасы красногвардейцев... Эти «массы», гудящее, голодное зверье...
Что это? Что это?

8 Ноября, Среда.

Мое рожденье. Выпал глубокий снег. Поехали на санях. Ничего нового. Тот же кошмар длится.

10 Ноября, Пятница.

Длится. Сместил Ленин верховного главнокомандующего Духонина. Назначил прапорщика Крыленко (тов. Абрама). Неизвестно, сместился ли Духонин⁹.

Объявлено самовольное «перемирие»¹⁰. Германия и в ус не дует, однако.

Далее: захватили в Москве всю золотую валюту.

Что еще? «Народн<ых> соц<иалистов>» запретили¹¹. За агитацию любых списков, кроме ихнего, бьют и убивают¹². Хорошенькое Учредительное Собрание! Да еще открыто обещают «разогнать» его, если, мол, оно не будет «нашим»¹³.

11 Ноября, Суббота.

Барометр (настоящий) стоит на «буре». Я сегодня очень огорчилась... но мне советуют этого не записывать. Рабство вернулось к нам — только в страшном, извращенном виде и в маске террора. Не оставить ли белую страницу в книге? Но ведь я забуду. Ведь я не знаю, скоро ли вернется свобода... хотя бы для домашнего употребления. Ну что ж. Проглотим этот позор! Оставим белую страницу.

.....

15 и 17 Ноября.

Пусть и на эти два дня остается белая страница. Довольно одной. Ведь подробности я забуду¹⁴.

.....

18 Ноября, Суббота.

Со мной что-то сделалось. Не могу писать. «Россию продали оптом». После разных «перемирий» через главнокомандующего пра-

порщика, после унижительных выборов в Учр<едительное> Собрание, — под пулями и штыками Хамодержавия происходили эти выборы! — после всех «декретов» вполне сумасшедших, и све<рх>безумного о разгоне Гор<одской> Думы «как оплота контрреволюции» — что еще описывать? Это такая правда, которую стыдно произносить, как ложь.

Когда разгонят Учр<едительное> Собрание (разгонят!) — я, кажется, замолчу навек. От стыда. Трудно привыкнуть, трудно терпеть этот стыд.

Все оставшиеся министры (соц<иалисты>), выпустив свою прокламацию¹⁵, скрылись. А те сидят.

Похабный мир у ворот.

Сегодня, в крепости, Манухин, при комиссаре-большевике Подвойском¹⁶, разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил:

— А мы уж царя хотим.

— Матрос! — воскликнул бедный Ив. Ив. — Да вы за какой список голосовали?

— За четвертый (большевицкий).

— Так как же...??

— А так. Надоело уж все это...

Солдат невинно подтвердил:

— Конечно, мы царя хотим.

И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться — солдат вдруг удивился, с прежней невинностью:

— А я думал, вы это одобрите...

Не угодно ли?

С каждым днем большевицкое «правительство», состоявшее из просто уголовной рвани (исключая главарей-мерзавцев и оглашенных) все больше втягивает в себя и рвань охранническую. Погромщик Орлов-киевский — уж комиссар¹⁷.

Газеты сегодня опять все закрыли¹⁸.

В Интимном Театре, на благотворительном концерте, исполнялся романс Рахманинова на (старые) слова Мережковского «Христос Воскрес». Матросу из публики не понравился смысл слов (Христос зарыл бы, увидев землю в крови и ненависти наших дней). Ну, матрос и пальнул в певца, в упор. Задел волосы, чуть не убил¹⁹.

Вот как у нас.

Лестница Смольного вся залита красным вином и так заледенела. А ведь это Резиденц-Палас*!

* Правительственный дворец (нем.).

26 Ноября, Воскресенье.

Газета «День» превратилась в «Ночь» — после первого закрытия; в «Темную Ночь» — после второго; вышла «Полночь» — после третьего. После четвертого — «В глухую ночь», а потом совсем захлопнули²⁰. Сегодня вышла Однодневная газета — писателей, а днем был митинг. Протест против удушения печати. Говорили многие: Дейч, Пешехонов, Мережковский, Сологуб...²¹. Горький не приехал, сославшись на болезнь. А на подъезде мы его встретили идущим к Манухину — угрюмого, враждебного, черного, но здорового. Не преминули попрекнуть. Но, я думаю, он боится. Боится как-то внутренне и внешне...

«Они» — остервенели после «взятия» Ставки с растерзанием Духонина²², после езды к Германцам с мольбой о перемирии. Ездили туда, между прочим, и два провокатора: не вполне уличенный — Масловский, и вполне — Шнеур-Шпец²³. Этого прап <орщик> Крыленко возвел в полковники.

Но тотчас и разразился скандал. Нечего делать, «б <ольшеви> ки «отозвали полковника».

Сообщили по прямому проводу от немцев в Смольный: не мирятся немцы! предлагают такие условия, что... Смольный их даже не объявляет. Не хочет сразу. Готовит к ним свой «преданный народ». А парламентарам велел пока пришипиться и там где-нибудь посидеть.

Полагаю, что условия немцев довольно просты. Вероятно, вроде следующих (если не хуже): «север России — наша колония, оккупированные местности отделяются, отходя к нам, Финляндия — наш протекторат, Петербург — порто-франко, второй Гамбург». И еще что-нибудь, соответственно.

Большевики повернутся, «приготовят» свой «народ» — и примут в конце концов. Что им? Но раньше надо устроить домашние дела: выбрать новую, свою, цельную большевицкую гор <одскую> Думу — завтра. Изничтожить Учредительное Собрание — послезавтра.

Готовится сражение под нашими окнами. Всю комиссию по выборам уже арестовали²⁴. В Таврическом Дворце пусто. Прибывающих членов Собрания систематически арестовывают тоже. В Смольном лихорадочное оживление.

Юг непонятен: не то легенды, не то сражения.

27 Ноября, Понедельник.

Учред <ительное> Собрание завтрашнее — отложено. Большевики еще со своей городской думой не справились — это одно. И другое — они требуют minimum'a 400 человек наличных, прекрасно зная,

что из-за их действий выборы по России фактически замедлились²⁵. Прибывающих они рассчитывают пока планомерно арестовывать.

К дружеской Милюкову семье сегодня явился «член воен<но>-рев<олюционного> комитета» с тайным предупреждением: пусть Милюков не приезжает... Субъекта естественно встретили как провокатора, на что он сказал: как хотите, а только я б<ольшеви>ков ненавижу, и нарочно с ними, чтобы им вредить и мстить, они у меня сына убили...²⁶.

Хоть У<чредительное> С<обрание> отложено декретом официально, гор<одская> Дума (настоящая) назначила на завтра шествия и манифестации. Посмотрим. Дворец охраняется большевицкими латышами.

Манухин уже видел сегодня Шнеура-Шпеца, члена первой мирной делегации к германцам... в крепости! Пухлые черные усы над губой, к щекам закручены, вид Альфонса, в полковничьем мундире, орден.

— Я лишь на несколько дней! Пока выяснится недоразумение! Буржуазные газеты затравили меня! Выдумали, что я был охранником при Николае! Я сам, по соглашению с Сов<етом> Народн<ых> Комиссаров, решил сесть сюда, до полного выяснения моей невинности! Пусть не ложится тень на Совет! Я готов. Ведь Могилев — это я взял! Я первый Народный Полковник!

А вот серьезная неприятность.

Заключенные министры — Кишкин, Коновалов, Терещенко, Третьяков и Карташев²⁷, томясь и все-таки не понимая реально того, что происходит (это мы, «на воле», принюхались к невероятному), издумали глупую штуку. Воображая, что Учр<едительное> Собрание соберется 28-го (опять мы-то знали — не соберется), написали коллективное обращение к «Г<осподину> Председателю Учр<едительного> Собр<ания> для оглашения». Подтверждают свою бывшую и настоящую верность Вр<еменному> Пр<авительст>ву, не признают власти «захватчиков», незаконно держащей их в заточении, и заявляют, что лишь ныне складывают с себя полномочия и передают их Учр<едительному> Собранию²⁸.

Сегодня утром явился к нам Ив. Ив. Манухин с этой бумажкой, переданной ему тайно. Настоятельная просьба заключенных — чтобы заявление непременно завтра было опубликовано во всех газетах.

Я Ив. Ив-ча не видала. Димы не было дома, Дмитрий²⁹ направил И.И. к секретарю Коновалова. И лишь вечером выяснилась вся безумная досада: эти наивные пленники, передав свое заявление Ив. Ив-чу, в то же время передали его... официально, коменданту крепости! Для Смольного! И напечатать в газетах хотели, боясь, что Собрание откроется, а Смольный не успеет передать заявления «Г-ну Председателю». Что ж вышло? Когда вечером Дима помчался к

Паниной³⁰ и в газеты, оказалось, что уже во всех редакциях эта бумажка есть. Очевидно, во всех большевицких тоже.

И выйдет лишь новый «криминал», вроде недавнего «заявления от Вр<еменного> Пр<авительст>ва, подписанного освобожденными мин<истрами>-социалистами, после которого все газеты закрыли, а подписавшихся бросились арестовывать. Да они брызнули врассыпную и скрылись.

Эта же «новая гидра», к радости большевиков, уже в их руках, — в крепости. Что они сделают? Да что захотят! Вот все грозятся их в Кронштадт отправить...

О, лояльнейшие, уважаемые, умные «реальные» политики! Издумали! Поняли! Коменданту честь-честью подали! Не видят никогда, с кем и с чем имеют дело. Не я буду, если все выбранные в У<редительное> С<обрание> кадеты не явятся упрямо сюда (хоть бы Милюкова-то попридержали!) в полной убежденности, что «как члены Высокого Собрания, они полноправны и неприкосновенны»... А вот прикоснутся, еще бы! Надо же видеть, что делается и КТО нами овладел!

Мы спрашиваем, в морозной, мглиной тьме, на углу, газеты. Только одна!

— Какие ж, когда они все заторможены? — отвечает мне серьезный «пролетарий». И продолжает: — Обещали хлеба, обещали землю, обещали мира... на тебе! Ничего, видать, и не будет.

— А вы чего ж верили? — спрашиваю.

— Дураки верят... Сдурили тебе голову, как есть...

В воздухе пахнет террором. Все время, с разных концов... Стоит ли пачкаться? И все-таки, в отличку от бывшего белодержавия это краснодержавие — безликое, массовое. Не должен ли и террор быть массовый, т.е. сражательный, военный? Недаром главная у нас легенда — война юга с севером, Каледина с большевиками³¹.

Увы, только легенда!

В «Русских Ведомостях» от 21 Ноября напечатан фельетон Бориса «К выступлению большевиков» — о Гатчинских днях³². Протокольный, строгий, как всегда у него, и очень любопытный. Все мои гаданья и предположенья — в конкретной одежде фактов. Все, как я думала и строила по отрывочным сведениям. Керенский продолжал свою страшную линию. (И на диване, очевидно, валялся!). Борис был там почти все время. Сделать уже ничего было нельзя. Разложение воли Керенского заразило всех, давно. А Ставка! А Духонин!

У нас, в ночь оргии у Зимнего Дворца, на 24-е, в подвале стояло вино на аршин. И ворвавшаяся банда, буйствуя, из-под ног пила и люди падали... «Залились!» — хохочет солдат.

Утопленниками вынули³³.

28 Ноября, Вторник.

Проснулась от музыки (над головой у меня открытая форточка). Морозу 10°, но светло, как весной.

Бесконечная процессия с флагами — к Таврическому Дворцу, к Учредительному Собранию (которого нет).

Однако, это *не* весна: толпа с плакатом «Вся власть Учр<едительному> Собранию!» — поразительно *не* военная и даже не пролетарская, а демократическая. Трудовая демократия шла. Войскам большевики запретили участвовать: «Темные силы буржуазии задумывают контрреволюционное выступление...» (Офиц<иальные> «Известия» сегодня)³⁴.

Красногвардейцы с гиком, винтовки наперевес, кидаются во всякую толпу: «ррасходись!»

В редакции «Речи» — солдаты. На углах жгут номера газеты, из тех 15 тысяч, которые успели выйти.

И как по программе: выследили по известным адресам (теперь у них много кадровых сыщиков) кадетский ЦК, в семь часов утра арестовали граф<иню> Панину, у нее устроили засаду и пошли катать прибывающих членов Учр<едительного> Собрания. (Не была ли я права, утверждая, что «прибудут?»).

Уже арестовали Шингарева, Кокошкина и столькох еще, что я и не перечисляю³⁵.

Мы нейдем, конечно, к Думе: это тебе не март³⁶! Говорили, будто одна плакатная толпа на руках поднесла к Дворцу Чернова, «селянскую владычицу», и он, будто бы, махал платочком. А другие, будто бы, вступили с «верными» латышами в разговор, упрекали их, что они двери народные хранят, а те отворили: пожалуйста! Произошло, будто бы, братанье... Однако я никаким очевидцам не верю. Что там кто видел? Тьма, морозный туман, красная взорь гикает...

Был С.Н.³⁷. Вот этот много рассказывал интересного и верного... Между прочим: в первой делегации к немцам, кроме добровольца-Шнеура, были несколько взятых «захватным путем»: генерал, какой-то картонный рабочий (первый попавшийся) и такой же мужик: этого схватили с веником, из бани шел. Повлекли, он так до конца и не понял, куда, зачем?

Теперь отправилась другая «делегация», — торопятся³⁸! Абсолютно очевидно, что которая-нибудь, если не эта, вернется с «миром» на тех условиях, которые прикажет подписать Германия.

Я так, сравнительно, мало пишу об этом потому... что мне слишком больно. Это, в самом деле, почти невыносимо. Этого ведь не забудешь до смертного часа. Да и потом... Позор всей земли упал на Россию. Навек, навек!

«Беспамятство, как Атлас, давит душу...»³⁹.

Быть русским... Да, прежде только на матерей нельзя было поднять глаз, а теперь — ни на кого! и никогда больше. Лучше бы нам всем погибнуть. Вспоминаю: «... смерть пошли, где хочешь, и когда хочешь, — только без стыда и преступленья...»⁴⁰.

Я не думаю, чтобы все-таки удалось им, посредством репрессий, арестов и т.д. подменить Учр<едительное> Собрание, т.е. успеть подтасовать под себя так, чтобы заставить одобрить и свой «похабный» мир, и свои декреты, и самих себя. А потому я думаю, что они его обязательно разгонят (если соберут).

На Юге — неизвестность, но, кажется, совсем не хорошо.

Тяжело, что никогда европейцы не поймут нашей трагедии, т.е. не поймут, что это трагедия, а не просто «стыд и преступление». Но пусть. Сохраним хоть и мы, сознательные, культурные люди, последнюю гордость: молчания.

29 Ноября, Среда.

Планомерные аресты прибывающих кадет продолжаются. В «Известиях» (это *единственная* сегодня газета) напечатан декрет, которым кадеты объявляются ВНЕ ЗАКОНА и подлежащими аресту сплошь.

Вчера-таки было что-то вроде заседания в Тавр<ическом> Дворце; сегодня оно объявлено «преступным», стянуты войска, матросы (уже не латыши), и никто не пропущен. Арестовали столько, что я не знаю, куда они их девают. Даже «отдано распоряжение» арестовать Чернова.

Сегодня у нас был Mr.Petit⁴¹. Очень любезен, но — не знаешь, куда девать глаза. Они (французы посольства) решили терпеть до крайности, ибо «ведь уехать — это уже последнее». Считает, однако, все конченным. Сепаратный мир неизбежным (позорный) и продолжение войны союзников с Германией тоже неизбежным. О, у них есть достоинство, и честь, и все то, без чего погибает народ.

Уже перейдена, кажется, возможность воспринимать впечатления, и, кроме перманентного сжатия души, как-то ничего не ощущается.

Мороз. На улицах глухо, стыло, темно, молчаливо. Зимний, — черный по белому, — террор.

Въезд наших владык-шпионов с похабным миром ожидается в конце недели.

30 Ноября, Четверг.

Пришел Манухин, весь потрясенный, весь смятенный: он покинул пленников Трубецкого бастиона. Сегодня. Сегодня арестовали ту

следственную комиссию, врачом которой он состоял, при Вр<еменном> Пр<авительстве>, для царских министров в бастионе⁴². Теперь, чтобы продолжать посещения заключенных, нужно перейти на службу к большевикам. Они — ничего, даже приглашали остаться «у них». Вообще — вот замечательная черта: они прежде и паче всего требуют «признания». И всякие милости готовы даровать, «если, падиши, поклонисься им».

Манухин удивительно хороший человек. И больно до жалости было глядеть, как он разрывается. Он понимает, что значит его уход оттуда для несчастных.

— Мы сегодня вместе плакали с Коноваловым. Но поймите, — они все поняли! — ведь это уж не тюрьма теперь, это застенок! Я их по морде должен все время бить! Если б я остался (я так этим приглашателям и сказал), я бы стал кричать, что застенок! Ведь там они с веселыми лицами сегодня понасажали членов Учр<едительного> Собрания и говорят — это первые, а мы камеры убираем, готовим для социалистов. Вот хоть бы Церетели...⁴³. Все «враги народа». Кокошкин, совершенно больной, туберкулезный, его в сырую камеру посадили... (ну, я ему сухую отвоевал). Ничего у них нет, ни свечей, ни одежды...

— А караул?

— Плохой очень. Теперь одни эти озверелые красногвардейцы. У заключенных очень серьезное настроение; новые более нервны, прежние сдержаннее, но все они готовятся и к смерти. Коновалов передал мне духовное завещание, посмертную записку... Да ведь это ужас, ужас! — кричит бедный Ив. Иванович. — Ведь это конец, если б я к «ним» на службу пошел! Как сами заключенные стали бы на меня смотреть? И как бы я им помогал? Тайком от тех, кому «служу»?

Да, это безмерно важно, что теряется человеческая связь с пленными, а плен большевиков — похуже немецкого! Но я *по совети* не могла бы сказать Манухину: все-таки идите, для них. Ведь это то же, если честный для добрых целей поступает в охранку. Я помню —

Сутки на улицах стрельба пачками. «Комиссары» решили уничтожать винные склады. Это выродилось в их громление. Половину разобьют и выльют — половину разграбят: частью на месте перепиваются, частью с собой несут. Посылают отряд — вокруг него тотчас пьяная, зверская толпа гарнизы, и кто в кого палит — уж не разобрать. Около 6-ти часов, когда мы возвращались домой, громили на Знаменской: стрельба непрерывная...

Сейчас, ночью, когда я пишу, — подозрительные глухие стуки — выстрелы... Бегу в столовую, выходящую на двор, смотрю на освещенные окна домовой караулки... Возвращаюсь. Потушив огонь, приподнимаю портьеру, гляжу на улицу: бело, пустынно, бело-голу-

бовато (верно луна за тучами) и быстро шмыгают иногда по стенке темные фигуры.

Мы здесь, в этом доме, буквально обложены войсками: в Тавр<ический> Дв<орец> их стянули до 8 тысяч. Матросы. Привезены и пулеметы. Дворец, только что отремонтированный, уже заплеван, загажен, превращен в подобие Смольного — в большевицкую казарму.

Нельзя быть физически ближе к Учр<едительному> С<обранию>, чем мы. И вот, мы почти в такой же темноте и неведении, как были бы в глухой деревне. Мы в лапах гориллы...

Посланцы к немцам — «имеют широкие полномочия для заключения немедленного мира» — объявил Троцкий⁴⁴.

А немецкие условия... впрочем, я уже писала, и, конечно, они еще хуже, чем я писала и могу вообразить.

Учр<едительное> Собрание, даже искаженное, даже выбранное дураками под штыками, — сорвано безвозвратно.

На Дону — кровь и дым. Ничего хорошего не предвидится, во всяком случае.

Мы в лапах гориллы, а хозяин ее — мерзавец.

Кадеты — прямо святыми делаются. У Шингарева только что умерла жена, куча детей, никаких средств... и мужественно приехал, и свято, и честно сидит в крепости. Да, свято и честно. Но, может быть -

«Нельзя быть честным в руках гориллы...»?

1 Декабря, Пятница.

Винные грабежи продолжаются. Улица отвратительна. На некоторых углах центральных улиц стоит, не двигаясь, кабацкая вонь. Опять было несколько «утонувий» в погребах, когда выбили днища из бочек. Массу растащили, хватит на долгий перепой.

Из Таврического Дворца трижды выгоняли членов Учредительного Собрания — кого под ручки, кого прикладом, кого в шею. Теперь пусто.

Как будто «они» действуют по плану. Но по какому?

Что им нельзя допустить ни малейшего намека на Учредительное Собрание в данный момент — ясно. И с мирной делегацией они недаром торопятся. Что там с нею происходит — видно по небольшому факту: ген. Скалон (тоже взятый захватом) вышел в другую комнату и застрелился. В предсмертном письме его негодия вымарали две строчки⁴⁵.

Возможно, что, подведя переговоры к концу, они откроют Учредительное Собрание, чтобы оно, одоблив все предварительные действия «власти» и ее самую, санкционировало мир похабнейший. Но

это если им удастся инсценировать Учредительное Собрание, т.е. переарестовать нужное количество эсеров, а кадетов перебить, и выпустить на сцену имеющихся уже 400 большевиков⁴⁶.

Подготавливая дело, — «Правда» и прочие Лжи вещают аршинными буквами, что уже найдены тайные монархические заговоры кадет⁴⁷; призывают к самосуду. Найдены же, в действительности: разнообразные проекты вотирования в Учредительное Собрание, между прочим проект не всенародного выбора президента республики, а членами Собрания (Всенародные выборы в 48 г. во Франции — дали Наполеона III!). Пишу это, как образчик негодяйского передергивания для возбуждения неграмотной массы.

Игра ведется до такой степени в руку Германии, и так стройно и совершенно, что, по логике, приходится признавать и агентуру Ленина. О Троцком — ни у кого нет сомнений, тут и логика, и психология. Но Ленин, психологически, мог бы и не быть. А вот логика... Интересы Германии нельзя защищать ярче и последовательнее, чем это делает большевицкие правители⁴⁸.

Наш еврей-домовладелец⁴⁹, чтобы спасти себя, отдал свою квартиру в распоряжение Луначарского «для просветительных целей». Там поселился фактор большевиков Гржебин (прохвост), реквизировал себе два автомобиля, налепил на дверь карточку «Музей Минерва» — и зажил припеваючи⁵⁰. Сегодня к нему от Манухина пошел обедать Горький. Этот страдальческий кретин тоже малограмотен: тоже поверил «Правде»: нашли кадетский заговор! Ив. даже ужаснулся: «Ну, идите к Гржебину есть мародерские пироги!»

Приказ арестовать Савинкова-Ропшина. Были обыски у его знакомых. Не придут ли к нам? Предложу им, для «выемки», старые ропшинские стихи. Может быть, возьмут, поищут в них «заговора».

И спрошу их кстати: не знают ли они, где он?

Ведь это интересно.

2 Декабря, Суббота.

Продолжается громление виновных лавок и стрельба. Ни малейшего, конечно, Учредительного Собрания. Зато слухи о «мирном» занятии немцами Петербурга — все осязательнее. Говорят, будто город уже разделен на участки (слухи, даже вздорные, часто показательны).

Глубокая тайна покрывает большевицкие и германские переговоры.

Явился М.И.Туган-Барановский. Смеется, толстое дитя, рассказывает, как был в Украинской Раде министром финансов. И как это хорошо — Рада. Почему же ушел? — Да так. Сюда в университет приехал. Ведь он же профессор! А лекций-то нету. — А еще почему? — Да они уже там стали такое делать, что я и не согласен. В Госуд < ар-

ственный > Банк полезли, а я министр финансов. Четыре губернии, не спросясь, аннексировали⁵¹. Ну, это уж что ж... А так — хорошо! Я с белым флагом ездил, перемирие устраивал между большевиками и войсками Керенского...

Словом — веселое, невинное, гадящее дитя, только ничуть не «потерянное», а всегда в мягкой люльке.

Какие-то слухи о бегстве Николая... Явно нелепые⁵².

Остального не стоит записывать.

4 Декабря, Понедельник.

Вчера к матери Терещенко явился матрос Карташев из Военно-Революционного Комитета (старый уголовный), а также комендант Петропавловской крепости Куделько с предложением освободить шестерых министров *по подложным ордерам*⁵³. (И Терещенко первым). Хотя сам же матрос в Следственной Комиссии, но заявил, что лишь по подложным ордерам это можно сделать.

Растерявшаяся Е.М.Терещенко обрадовалась, вручила матросу записку для сына, французскую, — имей, мол, доверие и т.д.

Лишь потом сообщила, что надо бы посоветоваться насчет странной истории.

Явилась к Манухину, слетелись другие встревоженные жены... Мы, конечно, пришли в ужас. Ясно, что это провокация, но откуда она исходит? Если бы от матроса только, то он сразу потребовал бы денег, и взял; тем более, по обстоятельствам места, все это фактически невыполнимо. Был, очевидно, план получить согласие на побег, может быть, инсценировать его, чтобы далее объявить «кадетский заговор» с «фактами» в руках.

Несчастный Ив. Ив. не спал всю ночь, утром бросился к Горькому, туда же вызвали мать Терещенко.

Горьковская жена (дублюра), «знаменитая» Мария Федоровна Андреева, которая «ах, искусство!» и потому всячески дружит и работает с Луначарским, — эта жена отправилась с Терещенкой... к Ленину! Чтобы ему все «доложить»⁵⁴.

Невкусно. Однако, по-видимому, ничего другого, после gaffe* Терещенки, не оставалось.

Дальнейших подробностей не знаю. Знаю, что как-то «уладилось» и что Смольный просил эту историю не разглашать, заявив, что матрос «уже смещен».

Гм... ну а комендант?

Пауки ворочаются во тьме —

* Промах, оплошность (фр.).

«... шевелятся их спины
В зловонно-сумрачной пыли»⁵⁵,

— а что, как, почему — не видно, не разобрать, не понять, не сообразить.

Ощущение вони, клоаки, где мы тонем.

Винные погромы не прекращаются ни на минуту. Весь «Петроград» (вот он когда Петроград!) пьян. Непрерывная стрельба, иногда пулеметная. Сейчас происходит грандиозный погром на Васильевском.

Не надо думать, что это лишь ночью: нет, и утром, и днем, и вечером — перманентный пьяный грабеж.

Слух, что большевики разрешат Учредительное Собрание на 8 декабря, пятницу. Не верю, ибо логически такой ход необъясним. Ведь большинство предвидится эсеровское. Их куча. Зачем же большевики сейчас на это пойдут?

Или германская задача уже исполнена? Германский-то мир дело совершившееся, можно считать; однако Германии как будто рано, уплатив, отпустить верных слуг. А вдруг еще пригодятся?

Да и не психологично, что Ленин, при его все-таки фанатизме, согласен в эдакий момент взять плату и уйти под сень струй. Кто бы он ни был, он захочет подольше «покрасоваться».

На Дону кровавая бойня. Неизвестно, кто одолевает. Проезда нет. Мать Злобина поехала в Кисловодск — и через неделю вернулась из Таганрога, не доехав⁵⁶.

5 Декабря, Вторник.

Ничего особенного. Погромы и стрельба во всех частях города (Сегодня 8-ой день). Пулеметы так и трещат. К ним, к оргиям погромным, уже перекидывающимся на дома и лавки, — привыкли. Раненых и убитых в день не так много: человек по 10 убитых и 50 раненых.

Забастовали дворники и швейцары, требуя каких-то тысяч у домовладельцев, хотя большевики объявили дома в своем владении. Парадный ход везде наглухо закрыт, а ворота — настежь всю ночь. Так требуют дворники.

Офицеры уже без погон⁵⁷. С погонами только немцы, медленно и верно прибывающие.

В Крестах более 800 офицеров сейчас. «Правда» объявила: это «офицеры, кадеты и буржуи расставили винные погреба для контрреволюционного превращения народа в идиотов» (sic!)⁵⁸.

Как выпьешь — так оно и ясно. Кончил с погребом — иди громить буржуя. Сам виноват, зачем «контрреволюционно расставлял погреба».

Небось, струсят, все отдадут. Потому — наша власть, — и над погребами, и над самими буржуями.

8 Декабря, Пятница.

Занималась «Вечерним Звоном» (такую газетку выпускали в типографии «Речи») и сюда не заглядывала⁵⁹. Да и все то же. Погромы и стрельба перманентны (вчера ночью под окнами так загрохотало, что я вздрогнула, а Дима пошел в караулку). Но уже все разгромлено и выпито, значит скоро утихнет. Остатки.

На Юге война, кажется, не только с казаками, но и с Радой. Большевики успели даже с Викжелем⁶⁰ поссориться. В Москве ввели цензуру. Они зарываются... или нет? Немецкие войска все прибывают, кишат не стесняясь. Германское посольство ремонтируется.

«Влад. Ал.»⁶¹ — только два дня на Дону, а то был в Киеве. Посмотрим.

Если б не скука — можно бы, ничего, подождать. Но утомительное мелькание гигантских гадостей особенную наводит скуку — зевотно отвратную.

11 Декабря, Понедельник.

Продолжают свое. Строят «винно-кадетские» заговоры, — погребато утихают, сейчас последние дограммывают.

Судили вчера графиню Панину в «военно-революционном трибунале»... и... ей-Богу кажется — все это «нарочно»: оперетка, Гейша эдакая трагическая.

(Никогда в жизни я не ставила столько слов «в кавычках». И все так пишут. Это потому, что и вся наша жизнь стала «жизнью» — в кавычках).

Вот, Панину «судили»: с истериками и овациями публики, с полной безграмотностью обвинителей и трогательными защитниками. Приговор, впрочем, был решен еще накануне вечером: пусть сидит, пока министерские деньги 92 тысячи не возьмет от тех, кому отдала, и не передаст большевикам.

Панина тверда: народные деньги следует отдать народу, т.е. Учредительному Собранию, а не вам.

И ушла опять в тюрьму. За то, что она «не признает» большевиков — ей еще постановлено выразить «порицание»⁶².

Десять министров плотно сидят в Петропавловке. Арестованные «заговорщики» — кадеты, члены Учредительного Собрания — тоже, кроме Кутлера: он в больнице, ибо при аресте его ранили в ногу⁶³.

Остальных трое: Шингарев, Кокошкин и Долгорукий⁶⁴. С Шин-

гаревым еще случилась на днях потрясающая по глупости и досаде история. Неслыханный анекдот — из области трагедии.

Девушка Кауфман из канцелярии кадетского ЦК, поклонница Шингарева, выпросила себе свиданье с ним и понесла ему коржики. По дороге забежала в квартиру канцелярии «пощebetать» с другими барышнями. А уходя — схватила со стола *другой* пакет, который, вместо коржиков, и передала Шингареву в крепости. В пакете же были бумаги, протоколы заседаний кадетского ЦК, прежние и новые! Эти протоколы на столе ждали вторую барышню, которая должна была нести [их] на конспиративную квартиру. Нашли коржики — тут и открылось.

Три дня охи, рыдания, самые преступные, — ибо большевики что-то прослышали и сделали у Шингарева обыск. Все вышло столь нелепо и невероятно, что в первую минуту большевики подумали, уж не хитрость ли, не подсунили ли им бумаги для чего-нибудь?

Но когда пришли ревущие барышни и стали все брать на себя, рассказывать «правду-матку», большевики убедились, что им только «повезло». Постараются использовать это везение для какого-нибудь нового «заговора» кадет. Обыскали уж и барышень, и квартиру Шингарева. Какое идиотское несчастье!

В заботе о заключенных теперь выужен старый, нелегальный прицарь «Красный Крест»⁶⁵. Он когда-то много помогал политическим. Близко к нему стоял и Керенский — сколько было вечеров и лекций с «неизвестной» благотворительной целью⁶⁶!

Благодаря «Кресту» — Ив. Ив. Манухин теперь снова может посещать заключенных. Для «связи» привлекли и этого грешника — Н.Д. Соколова. Хоть он и «кающийся» грешник, однако старые связи у него есть же...⁶⁷.

Прямо счастье, что Ив. Ив. опять ездит в крепость и хлопочет — уже в качестве доктора от Красного Креста.

Горького стал привлекать, но тут пошел бессовестный конфликт. Эта истерическая особа, жена Горького, которая работает с Луначарским, сразу: «Ах, я с удовольствием... И вечер устрою... И Алексей Максимович лекцию прочтет... только ведь это вполне нейтральная организация? Ведь она также будет действовать, когда Ленин будет сидеть?» Бесстыдность сейчас этих вопросов взъерепенила «честных» старых членов Креста.

А Горький... почти преступник. К нему сегодня пришла сестра этого несчастного Шингарева, а он ее выгнал. И сказал Ив. Ив-чу (с какими глазами?), что «вот если б Ленин был в этом положении, я бы помог, а Шингареву помогать не хочу».

Очень серьезные проекты о смертной казни⁶⁸. Хотят начать со своего Шнеура (ловкий ход!), а потом уж нескольких кадет...

Дела у них пока не очень ладятся. Привлекут, очевидно, своих

подручных — левых эсеров. Война фактически кончилась, солдаты кончили ее «утонутием», буквальным, в вине разгромленных погребов. Но и мира нет — даже похабного. Немцы еще прикидывают, когда его ловчее будет устроить, подписать со «своими». Пока — стягивают войска к югу, на случай, если понадобится помочь хлипким и трусливым большевицким отрядам в их войне с Украиной и казаками. Помогут «победить»... и заберут, конечно, все для себя.

Странно! Я ничего не вижу вперед. Странно потому, что стоит перелистать мою запись с начала войны — и поразишься, как иное, в конкретной точности, было угадано. А теперь — или все уже перешло за грань человеческой логики и разума, или — узлы перенесены за поле зрения нашего, они уже не здесь — у немцев. И мы без ключа. *Ничего* не зная — нельзя и построить никаких реальных положений для будущего.

А голым «чувствам» я не верю.

14 Декабря, Четверг.

Люблю этот день. Но именно потому, что люблю — и не хочу осквернять его, записывая день сегодняшний.

О, петля Николая — чище,
Чем пальцы серых обезьян!⁶⁹.

Это две выкинутые редакторами «нецензурные» строчки из моего сегодняшнего стихотворения «Им» (т.е. «декабристам»), которое я вчера ночью написала и сегодня напечатала в «Вечернем Звоне».

16 Декабря, Суббота.

Ветрогона Васю, который давно тут нелегально околачивается и вел себя с детско-кадетской неосторожностью, арестовали у Молчанова (мужа Савиной) и засадили в крепость⁷⁰. В камеру сырую и в полной изоляции.

Темный дьял нас — но какой-то стройный план — развивается. Случилось: 1) *будто бы* немецкие превосходительства соглашаются на «без аннексий и контрибуций» (!?) В форме двусмысленной, но вполне достаточной для солдатских голов и красованья большевиков. Тотчас они, ликуя, захватили со своими гвардейцами все и частные банки⁷¹. 2) Приехали открыто, в экстренных поездах, всякие немцы высокого положения — для «ознакомления с внутренним положением России». (Это не я говорю, в виде иронии, это официально напечатано!). Приехал до 150 человек, в два, пока, приема⁷². (Да здесь их, вооруженных, около 800).

Высоких гостей-«врагов» с почетом охраняет Смольная стража,

Троцкий дает им обеды и завтраки, происходят в Смольном самые секретные совещания «высоко-государственной важности»...

Абсолютный голод у дверей. С Сибирью — смутно, слухи, что она отложилась, что какое-то там Правительство с Потаниным во главе⁷³. Южнее Курска нет движения. Там — война, всего юга с севером, — ведь большевики в войне и с Украиной.

Чернов опять как будто снюхивается с большевиками. Однако Учредительное Собрание (да черт ли в нем теперь?) в том же висячем положении. Ремонтируется Зимний Дворец, — не то для большевицкого конвента, не то для еще высших немецких гостей. Я так же спокойно запишу — если это будет — что вот «сегодня прибыл Вильгельм» и что «Троцкий хлопочет о приеме». Ибо еще неизвестно, будет Троцкий «представляться», или именно тогда ударит час расплаты с ним с заднего крыльца и внушительное Nerauss*! Случится то, что умнее и германцам выгоднее.

Завтра наша властвующая Сволочь решила показать лицом предложенный товар. Устраивает демонстрации «правительства» и «торжествующего народа», «ликующих подданных». Строго воспрещено вмешиваться не ликующим. Заранее арестовываются те, кто, по теории вероятия, ликовать не будет. Объявлены соответственно похабные лозунги: «Смерть буржуям, калединцо-корниловцам» и т.д.⁷⁴.

Стекайтесь, серые обезьяны, несите ваш звериный лес знамен!

Дмитрий говорит: надо было бы тоже устроить демонстрацию, вернее — процессию: такую тихую, с горящими факелами, с большим красным гробом, и на нем надпись: «Свобода России»... А я поправляю: нет, написать страшнее. Надо написать просто — «Россия»...

20 Декабря, Среда.

Вчера тяжелая история в крепости: денщик Павлов (помощник коменданта) перехватил письмо Каргашева к сестре, где он писал, что «Россия поступила к немцам в батраки». Ворвался к заключенному с солдатами и загнал в карцер. Остальные министры объявили голодовку⁷⁵.

К счастью, сегодня уладилось как-то; перевели Каргашева обратно. Положение, однако, там скверное.

А германцы-то! Такой «мирчик» предложили, что и б<ольшеви>ки завертелись⁷⁶. Рано, оказывается ликовали. Бьюкенен уехал⁷⁷.

Арестовали Авксентьева⁷⁸. Сегодня была опять Амалия. А вечером поздно — Илья. Станный, чистый — и много органически непонимающий человек⁷⁹.

* Вон! (нем.).

Всяк — свое. Нет сговора.

Илюша говорит, что эсеры решили открыть Учредительное Собрание 27-го. В первый же день, сразу, три вопроса: «Вся власть Учредительному Собранию», «мир» и «земля». В двух последних — решено перелевить большевиков (ибо все, мол, уж кончено, все равно). Ну... а первый? Ведь первый-то и сорвется у них...

Илюша бессильно объяснял «бездну» между эсерами и большевиками: «У них — микроб бунта, у нас — микроб порядка»... Не голословно ли?..

22 Декабря, Пятница.

Моя запись — «Война и Революция»...⁸⁰ немножко «из окна». Но из окна, откуда виден купол Таврического Дворца. Из окна квартиры, где весной жили недавние господа положения; в дверь которой «стучались» (и фактически даже) все недавние «деятели» правительства; откуда в августе Савинков ездил провожать Корнилова и... порог которой не преступала ни распутино-пуришкевическая, ни, главное, комиссаро-большевицкая нога. Во дни самодержавия у нашего подъезда дежурили сыщики... не дежурят ли и теперь, во дни самодержавия злейшего?

А ему конца не видно. Смутные призраки кругом.

Вчера был неслыханный снежный буран. Петербург занесен снегом, как деревня. Ведь снега теперь не счищают, дворники — на ответственных постах, в министерствах, директорами, инспекторами и т.д. Прошу заметить, что я не преувеличиваю, *это факт*. Министрша Коллонтай назначила инспектором Екатерининского Института именно дворника этого же самого женского учебного заведения⁸¹.

Город бел, нем, схоронен в снегах. Мороз сегодня 15°.

Трамваи едва двигаются, тока мало (сегодня некоторые газеты не могли выйти). Хлеба выдают 3/8 на два дня. Мы все более и более изолируемся.

Большевики кричат, что будут вести «священную», сепаратную войну с немцами. Никакой войны, благодаря их деяниям, вести уже нельзя, поэтому я думаю, что это какой-нибудь «ход» перед неизбежным, неотвратимым похабным миром.

Не только всякий день — всякий час что-нибудь новое, потом оканчивающееся опять иным, записать нельзя и почти не стоит.

О Россия, моя Россия! Ты кончена?

23 Декабря, Суббота.

Устала, поздно. Разные люди. Разным занята. Была Амалия. За

ней пришел Зензинов. Я, в передней, не преминула показать ему вырезки из «Дела Народа» с его явно лживыми словами о Савинкове⁸². Оправдывался тем, что в отчете слова неверно приведены. Ну, я ему не дала пощады.

Потом на минутку были братья Слонимские (студенты)⁸³ — и вдруг, уже поздно, прямо с Николаевского вокзала — Ратьков с сыном Володей⁸⁴. Это тот самый Володя, который добровольцем-преображенцем на войне с первого дня. Был на фронте, пока был фронт. Теперь, совсем недавно, приехал в Москву, к матери. Уже был как-то здесь. Ходит в штатском.

Они сюда лишь на два дня, по делам. Оставляла их ночевать — куда это теперь на Петроградскую Сторону? Но не остались. Хоть бы уж этот Володя никуда больше не ездил из Москвы, ни на какие «фронты»! Довольно...

Слухи... Мороз 20°.

24 Декабря, Воскресенье.

Дела... переделаны, а за дневник все же сажусь поздно.

Манухин, этот человек-печальник, был с худыми вестями. Крепостной Павлов фигура действительно страшная.

— Не пускает меня, — рассказывает Манухин. — Что, мол, вы тут каждый день шляетесь, с Красными Крестами какими-то. На что? — Я им бумагу от Ленина, от Троцкого... О Троцком они никто и слышать не хотят, а про Ленина прямо выражаются: «да что нам Ленин? Сегодня Ленин, а завтра мы его вон. Теперь власть низов, ну, значит, и покоряйтесь. Мы сами себе совет». Ясное дело, разложение в полном ходу. И объявили, что передач не будут допускать: «А пусть сидят на нашем пайке». Я с ними час говорил. Истопник в печке мешает — кочергой на меня замахнулся: «Уж тебя-то не пустим, ты нам с апреля надоел, такой-сякой, выпускал тут, еще выпустить хочешь?» Меня уж Карпинский за рукав — очень просто, свистнет кочергой⁸⁵. Я во вторник в Смольный поеду. Этот гарнизон только и можно что «оглушить» приказанием. И всего-то их осталось человек 300 из трех тысяч — разбежались... Зато — кто остался — человечье обличье потеряли...

Снег до половины окон. И все-таки не белое Рождество, — черное, черное.

Учредительное Собрание разрешили на 5-ое, но уже неприкрыто говорят в своих газетах, что оно «не нужно», что оно должно — или быть «приказчиком и слугой» их, или — разогнано «революционной силой»⁸⁶.

Так и случится, думаю. Впрочем — не знаю еще. Не знаю, в какую

из калош сядут эсеры: в бесчестную или бессильную. Чернов способен на всякое предательство.

Но в одну-то из калош, при этих обстоятельствах, очевидно сядут, или в первую (стакнутся с большевиками), или во вторую (будут разогнаны). Если б хоть во вторую!

Масса, конечно, скандалов. Вчера опять били погрёба. Нашлись еще недобитые.

1918

1-2 Января.

Ничего не изменивший, условный Новый год. Т.е. изменивший к худшему, как всякий новый день. Часто гасят электричество: первого зажгли всего на час, от 5 — 6. Остальное время — черный мрак везде, и на улице: там, при 20° мороза, стоит еще черный туман.

Хлеба, даже с палками и соломой, почти нет.

Третий день нет газет.

Коновалова и Третьякова перевели из крепости в больницу. Надеются и Карташева тоже.

Теперь, однако, пора здесь сказать кое-что с ясностью. Спросить себя (и ответить), почему я помогаю эсерам?

Почему сижу до 8 ч. утра над их «манифестами» для Учредительного Собрания, над их «нотами», прокламациями и т.д.? Илюша приходит, как Никодим, поздно ночью, уже с заднего крыльца⁸⁷. Принесит свою отчаянную демагогию и вранье (в суконных словах), а я все, это же самое, пишу сызнова, придаю, тружусь, живую форму. Зачем я это делаю?

Сознательно. Илюша не хуже меня понимает, что и «демагогия», и вранье.

Но положение следующее.

Учредительное Собрание (даже все равно какое) и большевики НИ МИНУТЫ НЕ МОГУТ СОСУЩЕСТВОВАТЬ. Или «вся власть Учредительному Собранию» и падают большевики, или «вся власть советам», и тогда падает Учредительное Собрание. Или — или. Эсеры говорят, что поняли это. И уж на этой основе строят свой план, обдумали тактику. Идут на бой. Их «вся власть Учредительному Собранию» — первое положение первого заседания; если они смогут его провести и утвердить — это и будет ПЕРЕМЕНА ВЛАСТИ. Надеются они на свое бесспорное большинство и на «идею» Учредительного Собрания. Учитывая данное состояние «масс» (как они выражаются), обольщенных большевицким «миром» и «землей», они СОЗНАТЕЛЬНО (все честные из них, даже *более* или *менее* честные, — почти все) — обертывают эту новую «власть» демагогическими

конфетами. (Ведь терять нечего). Они тоже и тут же обещают и «мир» (только всеобщий) и «землю» (только в порядке) и федеративную республику (только единую).

Не знаю, ясно ли видят они шаткость надежды, но я-то вижу, конечно: пусть «большинство» неоспоримо (они сблокировались в этих трех первых, сразу ставящихся, вопросах *власти, мира и земли* с представителями — всех других партий, кроме б <ольшевии> ков и левых эсеров). Но: передемагогить большевиков им все равно не удастся, это первое. «Идею» Учредительного Собрания большевики уже давно и умно подорвали, это второе. Уже подготовили «умы» обалдевшей черни к такому презрению к «Учредилке», что теперь и штыковой разгон — дело наипростейшее. Если у эсеров нет реальной силы, которая бы их поддержала, то, очевидно, это и случится.

А РЕАЛЬНОЙ СИЛЫ У НИХ НЕТ, по собственным полупризнаниям.

Почему же я им помогаю, несмотря на: 1) их очень вероятный провал, 2) на их заведомо лживые обеты, 3) на то, что Чернов мало чем лучше Ленина, 4) на то, наконец, что я твердо считаю, и навеки, все поведение их, с апреля по ноябрь, преступным?

А потому, что сейчас у нас (всех) только одна, узкая, самая узкая, цель: свалить власть большевиков. Другой и не должно быть. Это единая, первая, праведная: свалить. Все равно чем, все равно как, все равно чьими руками. И вот в эту минуту подставляются только одни вот *эти* руки. В них всего 1% возможности успеха. Но выбора нет. Ибо если не эсеры своим 1%, то В ДАННЫЙ МИГ ВРЕМЕНИ — никого, 0%.

Для каждого данного мига нужно использовать людей данного мига.

Вот и все.

Когда они провалятся — будем искать следующих. И опять возьмем следующих, кто бы они ни были, с точки зрения целесообразности их действий, пригодности средств для неизбежной, узкой, ПЕРВОЙ цели — свержения большевиков.

Каждый, сейчас длящийся, день их власти — это лишнее столетие позора России в грядущем. Это не преувеличение, а, вероятно, преуменьшение.

В частности же, к этим «преступникам» (эсерам) я отношусь очень зряче. Я могу ждать от них гораздо худшего, чем провала (это естественно) или подражания большевикам после их свержения (это не страшно, ибо не выйдет). О, я боюсь гораздо худшего: *сдачи на соглашение*. Теперь эсеры орут: «вся власть Учредительному Собранию!» — ну, а если им предложат поделиться?.. Теперь Ил. честно (он вообще честный младенец-преступник) хочет центральную власть в виде коалиции по национальностям (ох, тоже чепуха!) — ну, а если

им подсунут левых украинцев, да Ленин чтоб за кулисами, да просто какой-нибудь большевик потише?.. Одна, впрочем, надежда, и твердая: большевики — хоть их голод и холод жмут, а немцы третируют, — НИ ПЯДИ НЕ УСТУПЯТ ИЗ ДОБЫТОГО, ПОКА НЕ ЛОПНУТ. НИКОМУ.

С ледоколом привели в Неву, кроме «Авроры», еще три броненосца.

Вчера арестовали все румынское посольство⁸⁸. (Мы, говорят, ни перед чем не остановимся). Уничтожили авторское право⁸⁹. Что еще? Да все изничтожают. Надо специально вспоминать, что пока еще осталось.

К ним, по сегодняшний день, перешли от «искусства», кроме Иер. Ясинского, Серафимовича и московских футуристов, — поэты А.Блок, С.Есенин с Клюевым, худ. Петров-Водкин, Рюрик Ивнев.

Об этом «переходе» заявил орган Нахамкеса⁹⁰.

4 Января, Четверг.

Свет еще не погас, но спички и огарок у меня под рукой.

День сегодня острый — приготовление к завтрашнему.

Досадная неудача с переводом Карташева, Шингарева и Кокошкина из крепости в лечебницу. Все было налажено, доктора и родные целый день продежурили в крепости, ловя большевиков для подписи, но не словили. До завтра.

Идиотское «покушение» на Ленина (в глубоком тумане, будто бы, стреляли в его автомобиль, если не шина лопнула), заставило «Правду» изрыгать угрозы уже нечеловеческие. Обещают «снести сотни голов» и объявляют, что «не остановятся перед ЗВЕРСТВОМ»⁹¹. Третьего дня разгромили редакцию «Воли Народа» (эсеры), арестовали Пит. Сорокина, Аргунова, Гуковского и еще кучу сотрудников, даже Пришвина! Вчера разгромили редакцию «Дня» (с.-д. меньшевиков), арестовали Заславского, еще кого-то, Кливанского при аресте ранили⁹². Разгромили солдатскую газету «Серая шинель».

Румын пока что выпустили, по протесту всех послов, но обещают арестовать румынского короля (?).

После обеда пришел Ив. Ив. — в полной подавленности и, хотя не холодно, — в шубе. Он эту шубу и дома не снимает. Говорит: «Душа замерзла, я так и хожу».

Пришел Илюша, на этот раз *перед* своим заседанием, поэтому раньше и с переднего хода.

Положение крайне напряженное. Это чувствуется в каждом слове каждого. Это в воздухе.

Эсеры готовят бой (с провалом в конце, думаю). Завтра в 12 ч. должно открыться Учредительное Собрание. К этому времени под-

готовлена манифестация, члены У<чредительного> С<обрания> надеются вместе с ней «влиться» в Таврический Дворец, но... напрасно, ибо готовят свое и большевики: уже издали запрещение полкам и всем «верным» идти на манифестацию, латышам же и вызванным специально матросам (более тысячи) — повелели оцепить район Таврического Дворца и никого не подпускать. Однако членам дозволено будет войти — только им. Не совсем понятно, почему не перерастовали еще большее количество эсеров? Может быть, сегодня ночью...

Приготовили уже свою декларацию, с объявлением России «советской» республикой и с открытым заявлением, что если Учредительное Собрание этой декларации не примет и всех «декретов» вместе с их властью не утвердит, — то будет немедленно разогнано⁹³.

Если же утвердит, то не будет разогнано «штыками», а тихо, за ненадобностью, распущено.

На это с той же открытостью эсеры (сам Чернов) объявляют, что будут непоколебимо отстаивать лозунг «Вся власть Учредительному Собранию»⁹⁴.

Благодаря слишком очевидной разрухе, голоду (на окраинах что-то вроде хлебных бунтов, сегодня на рынке волынцы подрались с красногвардейцами), благодаря холоду, остановке трамваев (находясьничали), наконец, благодаря весьма скверному положению мирных переговоров (немцы перестают церемониться, прервали их на 10 дней) — настроение, если не глупого гарнизона, то рабочих — не «крепкое», а скорее мерцающее. Не могу решить, слишком ли «рано» откроется завтрашнее Учредительное Собрание, или слишком «поздно» — только чувствуется, что не в надлежащую «пору» (опять как все у нас!). И весьма неизвестно, как обернется...

Конечно, Илюша прав, и у большевиков покоя нет. Они, как больные звери, — особенно озлоблены. И на все готовы.

Был Илюша опять с «бумажками». Кое-где прибавить, кое-где убавить, кое-что иначе сказать... Будет ли еще у них большинство? Эсдеков почти нет. Кадеты перерастованы.

К манифестации, будто бы, примкнут и офицеры, переодетые, но вооруженные. Это чепуха и не имеет значения. Еще больший вздор, что, по выкрикам «Правды», приехали «специальные контрреволюционеры», даже будто бы Филоненко и чуть не Савинков⁹⁵. Ну, а без крови завтрашнему дню все-таки не обойтись...

Никакой победы над большевиками завтра не будет же. Но если бы хоть надлом...? Да, от надлома они могут освирепеть последним зверством...

Побежденные в Ростове матросы — освирепели в Севастополе. Уже растерзали там сотни офицеров⁹⁶.

Душа в тисках. Сжата болью, все нарастающей. Господи!! и нет

слов. Какие-то черные волны кругом, и тысячи пар глаз страдающих оттуда смотрят, и это лишь я столько вижу, а ведь их не столько, — все, все?..

Не хочу я больше писать. Не могу я больше ничего сказать. И знать-то дальше я уже ничего почти не желаю.

Завтра будет... ожидажно-скверное, с той примесью роскоши ужасного, которая неожиданна для воображения и свойственна только действительности.

5 Января, Пятница.

Сейчас второй час ночи. Вот что было с утра. Какие факты⁹⁷.

Сначала, к удивлению, полная тишина. Хмурая, серая, занесенная пустым снегом улица. 10° морозу. Что такое? Оказывается, мы кругом оцеплены матросами и красногвардейцами — с Преображенской до Литейной — для непропуска манифестаций к Таврическому Дворцу.

Около 2-х Дмитрий вышел гулять — скоро вернулся. Говорит — стреляют, в казармах крики, беспокойно.

Позднее пришел Дима — по Надеждинской не пропустили, да и нельзя: стреляют. Из Северной Гостиницы звонят: на Невском громадные манифестации, но далее Литейной не пускают. На Литейной одну манифестацию уже расстреляли, у № 19. Манифестанты в большинстве — рабочие. Какой-то рабочий говорит:

— Теперь пусть не говорят, что «буржуи» шли, теперь мы шли, в нас солдаты стреляли.

Убит один член Учредительного Собрания, один солдат-волынец, несколько рабочих, многие ранены. Пулеметные засады — на протопоповских местах, оттуда и жарили⁹⁸. Где-то близ Кирочной или Фурштадской расстреливали манифестации 6 красногвардейцев. На крышах же (вместо городских) сидели матросы.

Одну барышню красногвардеец заколол штыком в горло, когда упала — доколот.

Мы долго не знали, где же эсеры, неужели с расстрелянными манифестациями? Сообщают — что они все уже во Дворце.

Пришли, оказывается, сразу. Со знаменитой регистрацией Урицкого — еще вчера было известно, что большевики согласились на компромисс. Сами прислали им красные билеты⁹⁹.

Часов в 6 (еще до вечерних газет) является Ив. Ив. за вестями (конечно, в шубе). Узнаем из редакции¹⁰⁰: Учредительное Собрание открылось. Была уже свалка — кому открывать. В конце концов-таки открыл большевик Свердлов.

Идут выборы председателя. Эсеры своего — Чернова, а другая сторона, от леваков, — Марусю Спиридонову. Ждем, что будет. При-

ходят все газеты: много наврано, вести старые. В Учредительном Собрании уже известно о расстрелах.

До чего дожили! Эта половая психопатка, подруга публичного провокатора Деконского, кандидатка в желтый дом, — кандидатка в председатели Учредительного Собрания¹⁰¹! Лишний знак, чего стоит все это сегодняшнее, в данном его виде и составе, Учредительное Собрание. Не явная ли во всем этом — несерьезность?

При упоминании о Марусе — мне почему-то вечно приходит в голову заезженная фабричная песенка:

... Маруся отравилась,
В больницу повезли...
.....
Давали ей лекарства,
Она их не пила,
Давали ей «пильюли»,
Она их не брала...
Спасайте, не спасайте —
Мне жизнь не дорога.
Я милаго любила,
Такого подлеца...

Восемь часов. Опять спустился Ив. Ив. Говорит, что ему из Учредительного Собрания знаменитая Галина телефонировала (что в демонские очи Троцкого влюблена). — Увы, мол, проходит Чернов! — Прошел? Нет еще, но, явно, пройдет.

Ждем. Часу в 9-м телефон: Прошел Чернов 244 голосами против 153-х. (Украинцы «воздержались»). Дима все время *против* борьбы эсеров с большевиками. Чем, говорит, Чернов лучше, я бы тоже «воздержался». А по-моему, это преступно: кто бы ни боролся с большевиками — лишь бы победил; кто бы ни шел против них — всякому помогать. Ибо **КАЖДЫЙ ЛИШНИЙ ДЕНЬ ИМЕННО БОЛЬШЕВИЦКОЙ ВЛАСТИ — ЛИШНИЙ ГОД ПОЗОРА РОССИИ**. Каждый лишний час их сиденья увеличивает вероятность нашей совершенной гибели. И при том еще: увеличивается, прогрессивно, трудность их свержения: завтра труднее, чем сегодня, как сегодня труднее, чем вчера. Чем больше они усидят — тем дольше будут сидеть. Это моя схема, и столь страшная, что я даже боюсь ее наполнить вероятным конкретным содержанием... таковы перспективы. Но она правильная, ничего не поделаешь. А Чернова я всей душой презираю и ненавижу — но нисколько не «боюсь». (Я боюсь только его возможного «соглашательства» — только!)

У кадет и кадетствующих неистребимый, органический «лимон во рту». Если не в точку по-ихнему — то все одинаково худо, все пропало, пусть и большевики. Ганфман так же кислится: «что за радость — Чернов!»¹⁰².

Опять Ив. Ив. (шубе) с Т.И. (тоже)¹⁰³.

Телефон. Узнаём далее: начались речи. Чернов выбран, — но выборы президиума отложены (?), будут паритетные, и Маруся попадет в «товарищи» к Чернову.

А пока — говорят! Уж начался «водолей» (недаром мы сейчас под этим знаком зодиака). Впрочем, «водолей» был и в покойном «предбаннике», и в позорном «демократическом совещании»¹⁰⁴.

Говорил уже Чернов (не сомневаюсь в отвратной демагогичности его речи), говорили Дыбенки-Крыленки и этот Иуда — Штейнберг¹⁰⁵. А Ленин, будто бы сидит там в своей «царской» ложе, вид именинника и весь в цветах. Что ему! Велит матросам разогнать в нужный момент... Запасливо согнали в залу матросов со всего Кронштадта.

Ладно. Ждем дальше. И надо сказать еще, что сегодня с половины 9-го утра — хлопоты по переводу заключенных министров (некоторых) в частные лечебницы. Нельзя было добиться подписей Козловского¹⁰⁶. Так и не вышло пока. Смирнова и Карташева хотят перевезти из крепости к Герзони, а Шингарева и Кокошкина вряд ли удастся туда же¹⁰⁷.

Завтрашний день еще более неизвестен, чем вчера был сегодняшний.

В 12 часов мы узнаём, что заседание продолжается и — будет продолжаться до последней возможности. Очевидно, атмосфера и обстановка — плохи. Прервать, не исполнив намеченной задачи, — опасно. Вместе с тем они уже начинают ошибаться, ибо не сокращают своих речей, и может случиться, что при таком внешнем удлинении задачи — никому не хватит просто физических сил. Или большевики выйдут из терпения.

Очень, все-таки, неумные люди.

Пока в «порядке дня» эсеры победили. Ведут условленную линию «манифеста», который должен быть прочитан и начинается так: «У <кредительное> С <обращение>, открывшись сего числа и т.д., объявляет, что приняло всю власть в свои руки. У <кредительное> С <обращение> постановило: О мире... О земле... О воле... и повелевает...»¹⁰⁸.

До сих пор никакого «викжелянья» не заметно. Этот «мой» манифест написан так, что его не допускает. Но повторяю — я всего жду от эсеров (Чернова). И вот в случае их внутреннего, малейшего, уклона к соглашательству с большевиками — я прокляну час, когда приложила руку, чтобы помочь этим непростимым преступникам.

Впрочем, тогда моей помощи и не будет... Нет, будет! Они оставят весь свой сверх-большевизм, только выкинут «о власти», начало и конец. Умолчат о всякой «власти», а за кулисами пойдут предлагаться левым и большевикам...

Уж очень я презираю Чернова. Подождем гадать. Пока — призна-

ков преступности нет. А если они провалятся не по этой линии, а по какой-нибудь другой (провал-то вообще — почти наверен), то я не удивлюсь и ни в чем не буду раскаиваться. Буду искать следующих, очередных сил и, если пригожусь, — буду им помогать.

Пока, у этих, — угрожающе лишь словоизвержение, испытанно-негодное ни к чему средство.

Кончаю, поздно, все равно ничего больше не узнать сегодня. Подхожу к окну, приподымаю портьеру... там, за темными деревьями снегового сада, под невидимым куполом Дворца — еще не кончили. Кончат к утру?

Я думаю, уйдут большевики с заседания (их прием). Все кончится ранее конца.

6 Января, Суббота (Утром).

Ушли большевики, когда выяснилось, что принимается эсеровский «порядок дня». За ними вскоре ушли и левые эсеры. Заседание продолжалось. В неприлично-безобразных условиях, среди криков ночного караула (Учредительное Собрание — под караулом!), требовавшего окончания. Все последующее принималось без прений, но смято, растерянно, скомкано.

И под настояния и угрозы улюлюкающих матросов (особенно отличался матрос Железняков, объявивший, что «караул устал», что он сейчас погасит свет), кончалось, мазалось это несчастное заседание к 6 ч. утра¹⁰⁹.

Первое — и последнее: ибо сегодня уже во Дворец велено никого не пропускать. Разгон, таким образом, осуществлен; фактически произвел его матрос Железняков. В данную минуту ждем еще официального декрета.

Почти ни одна газета не вышла. Типографии заняты красногвардейцами. Успевшие напечататься газеты отнимались у газетчиков и сжигались.

Все подробности вчерашнего заседания узнаем после. Пока записываю лишь атмосферу и общие факты. И слухи.

Утром вдруг слух, непосредственно от сторожа Таврического > Дворца, что убит при выходе Чернов, мальчишкой-красногвардейцем, и лежит в коридоре. Абсолютный вздор, Амалия выходила из залы вместе с Черновым (говорит по телефону). Ну вот настроение.

Рассказы о вчерашних расстрелах заранее опвоенных красногвардейцев, их уличная пальба по рабочим — это нечто неподклонное перу.

Ночью, 6-го же.

Сегодня днем из крепости перевезли-таки Смирнова и Карташева к Герзони, в частную лечебницу. А Шингарева и Кокошкина — в Мариинскую больницу.

Погода неслыханная, метель с таким ветром, что лошади останавливаются. Дима поехал к Герзони и чуть назад не вернулся. Но слез с извозчика, лошадь не пошла.

У Герзони... ему не понравилось. Двери в комнаты заключенных открыты, и тут же, в коридоре, у порогов, хулиганы-красногвардейцы, с тупыми мордами, и вооруженные до зубов. Даже ручные бомбы у них. Весело.

Советский Ц.И.К. утвердил полный «ропуск» Учредительного Собрания. Завтра будет декрет¹¹⁰.

Ну вот. Об остальном после. Не теперь. Теперь не могу. Холодно. Душа замерзла.

Вообще — я более не могу жить среди всех этих смертей. Я задыхаюсь. Я умираю.

7 Января, Воскресенье. (Утр.)

Убили. В ночь на сегодня Шингарева и Кокошкина. В Мариинской больнице¹¹¹. Красногвардейцы. Кажется, те самые, которые их вчера из крепости в больницу и перевозили. Какие-то скрылись, какие-то остались.

До утра ничего не было известно. В 9 часов Ганфман из Речи вышел на улицу, просто пройтись, видит — кучки народа у больницы... потом Диме позвонила Панина. Тотчас собрались все, весь Красный Крест, — Манухин, Соколов — уехали.

Из «правителей» будто бы никто ничего и не знал до 11 часов. Ленин... издал декрет о «расследовании»¹¹². Бонч стал уверять, что это — какие-то пришлые матросы...¹¹³. Штейнберг обозлился и предложил другим, от Герзони, освободить... «Но только не на нашу ответственность...»

Надо, однако, действовать, ибо у Герзони очень плохо, и опасность не — [так! — Публ.].

Седьмого же, ночью.

Надо серьезно записать все, и сегодняшнее, и вчерашнее. Спокойно. Я могу. Ведь я, после вчерашнего ночного томленья — кольца смертей — уже окостенела.

Нынче днем, усилиями политического Красного Креста, четырех министров (Карташева, Коновалова, Третьякова и Смирнова) уда-

лось от Герзони перевести в Кресты, в тюремную больницу. Когда солдаты явились за ними (присутствовал и Соколов) — красногвардейцы не пожелали их выпускать и сменяться. Пришлось выписать из Смольного прямо от Ленина, два автомобиля и третий — грузовик с солдатами. Красногвардейцы покорились, но были недовольны. Мы, мол, так хорошо охраняли... Между тем шли серьезные слухи, что на сегодня готовился разгром лечебницы.

В Крестах нет красногвардейцев, там обыкновенная тюремная стража, старая.

Поместили их всех в одной палате, прибавив к ним еще Салтыкова (тов. министра)¹¹⁴. Мы следили по телефону за их выездом, путешествием и прибытием. Все пока благополучно. Главное — надо их «спрятать» на эти дни. Стараемся, чтоб и в газеты ничего не попало.

Шингарев был убит не наповал, два часа еще мучился, изуродованный. Кокошкину стреляли в рот, у него выбиты зубы. Обоих застигли спящими, в постелях. Электричество в ту ночь в больнице не горело. Все произошло при ручной лампочке.

Сегодня Ив. Ив., мечась и хлопоча, попал в гнездо «левых». Прямо в их Центральный Комитет, в квартире Натансона¹¹⁵. Этот по жене родственник несчастного Коновалова, ну, и хотели действовать через него. (Был там и Дима, но не выдержал, а Ив. Ив. долго сидел, дожидаясь Шрейдера)¹¹⁶.

Натансон (я с ним встречалась в Париже), старец, лицом напоминающий Фета (у Фета, ведь, было пренеприятное еврейское лицо). Квартира тут, на Сергиевской, со двора, маленькие грязные комнаты. В одной — продавленный диван. Направо — комната, где заседает весь этот «левозеровский» Центральный Комитет (попросту банда).

Натансон и повлек туда Манухина. Сидят: Прошьян¹¹⁷, «Маруся — отравилась», все другие прелести.

— Вот, Маруся, — весело начал старец, — представляю тебе нашу знаменитость, новейшего ученого, доктора Манухина, который вылечил Горького...

Но Маруся немедленно и прямо заявила, что «не признает никаких знаменитостей»... Ив. Ив. извиняется, напоминает, что, ведь, не он себя «знаменитостью» рекомендовал. Маруся беспощадна, ей все равно, она «никого не признает и ничего, кроме политики». Сдержанно и вежливо удивлен Ив. Ив.: как, ни науку, ни искусство. — «Красоту бытия?» — ласково сетует Натансон. — Вот какая ты, Маруся, это твоя черта, ты ничего не признаешь. А вот будет у тебя опять неладно с верхушкой легкого — так доктор Манухин еще нам пригодится.

Беспощадна Маруся, знать ничего не хочет и прямо к Ив. Ив.: «А какие ваши политические убеждения?»

— Я здесь не для того, чтобы говорить о политике, — отрезал Ив. Ив., начиная злиться, и Натансон увел его в другую комнату.

Откровенничал, трусливо ахал: не миновать, ждем боя с правыми эсерами. У них «большие силы»...

А те беспомощны и смотрят, какие у этих «силы»!

Ведь вот: вчера поздно к нам пришел Илюша, — ночевать. Собственная квартира небезопасна. Мы сидели наверху, у Ив. Ив., спустились вместе (соображали, не безопаснее ли ему у Ив. Ив., который с радостью предлагал. Но потом решили Ив. Ив-ча оставить про запас).

Илюша подробно рассказывал о заседании, о всем вчерашнем дне. Самого Илюшу, в зале, чуть не убил матрос, узнав в нем того Бунакова, который летом ездил в Балтийский флот. Матрос, уже обезумевший «большевик», с площадными ругательствами наставил на него винтовку.

Потом их, нескольких, чуть не повлекли к расстрелу, тоже матросы, — заступился сам Ленин.

Общий облик заседания очень сошелся с моими догадками издали. Главные мои опасения не оправдались: эсеры вели себя, в своей линии, очень выдержанно. Если линия эта НЕ была дотянута — то лишь благодаря предвиденному срыву, который натягивали большевики с левыми, *уйдя* после перерыва. Заседание продолжалось, но смято, скомканно, сбито, под вопли и угрозы караула, — матросов, — потушить электричество, вплоть до прямого «закрытия» Собрания матросом Железняковым. До «манифеста» не дотянули-таки.

Илюша говорит следующее: «Благодаря этой смятости конца, получилось положение не резко определенное. И мы завтра должны избрать одну из линий поведения. Или чисто-волевою, т.е. не считаясь с разгоном, немедленно открыть заседание, где угодно, объявить манифест, или... взять позицию выжидательную, сделать подсчет сил... Я пришел посоветоваться. Ведь ответственность громадная. У нас настроение боевое, слишком боевое...»

Так говорит Илюша. Зная его органический оптимизм, во-первых, его рассудительную склонность ко всяким «выжиданиям», во-вторых, — я, во-первых, перевожу данное на язык действительности и говорю: положение, напротив, резко определенное: ДЕЛО СОРВАЛОСЬ. Ничего удивительного: ведь было всего 1/2 шанса за удачу против 99 1/2. Можно еще, пожалуй, рассчитывать на кое-какие волны, поднятые разгоном и уличным расстрелом, — но они падут, если их не муссировать, а эсеры этого сделать не могут, за ними фактически не стоят реальные, вооруженные силы. Что себя обманывать: они все еще на другой стороне. Толчок был — и оказался слаб. Дело 5 января — СОРВАЛОСЬ.

Я еще отнюдь не говорю, что вообще дело Учредительного Собра-

ния сорвалось. Но именно дело данного дня, данных людей и данной линии их — не вышло. По всем разумным вероятностям.

Вот что я говорю (себе), *во-первых*. И *во-вторых* (уже при Илюше), на его рассуждения, советую, конечно, «линию воздержания». Какое там у них «боевое» настроение! Боевое, может быть, да глупое. Куда лезть дуром? На что глядя? Илюша верным инстинктом склоняется к... «выдержке», как он называет. Пусть утешаются этим словом, но даже если назвать это «пасс», то и то надо принять.

Борьба, однако, еще *была бы* возможна, в других аспектах... да только не справятся с ней данные эсеры, вот эта группа. Особенно возглавляемая Черновым.

Илюша не скрывает, что речь Чернова была отвратительна. Они пытались ее заранее процензуровать, — «но что поделаешь с этим человеком!» Ступив на эстраду, он занесся, заплывал, бесцельно и жалко раздулся в демагогию... И, в самом конце, очевидно растерялся (это, впрочем, понятно), когда наступали матросы, требуя закрытия заседания.

Ну, дело ясно: весь вопрос в реальных силах, а этих сил у эсеров сейчас *нет*. Я и советую сейчас «выдержку» (по оптимистическому выражению Илюши), ибо сейчас «действовать» — просто значило бы лезь на рожон.

Настроение рабочих — загадочно-смутное. Должно быть, загадочное и смутное для них самих. Миклашевский уверяет, что и на этом заводе, и вот на этом — «повернулось»...¹¹⁸. Что уличные расстрелы «повлияли»... Ну, посмотрим эти повороты и влияния.

Большевики, конечно, переживают минуты паники. Протянут лапу, попробуют, — а если ничего, обошлось — тут же смеются. И следующую лапу уже дальше протягивают. Осмелевают. Уличный террор был не в их расчетах, но если обойдется, то пойдет к их осмелению. И сегодняшнее убийство в Мариинской больнице тоже может быть им невыгодно, и тоже обернется в конце концов выгодой, если *так* пройдет. Они на глазах смеются. Шесть месяцев тому назад они поднимались и поднимали то же матросье во имя немедленного Учредительного Собрания; три месяца тому назад они еще не смели его разогнать, а теперь разогнали, как ни в чем не бывало. Они вертятся на тупой забвенности опьяненной толпы варваров, играют с возможностью, что в неловкий момент она их разорвет, лавируют не без легкомыслия, но... пока очень удачно.

В общем — тут такой «переплет», что сам черт не только ноги, но и роги обломает. Что это за подозрительное учреждение на Гороховой, «борьба с мародерством и контрреволюцией»¹¹⁹? Почему в эту ночь все телефоны Мариинской больницы были выключены? Кем? Ведь факт, что большевики узнали о случившемся — после нас. Кто эти скрывшиеся красногвардейцы? Большевики или нет?

Надо утвердить, что сейчас никаких большевиков, кроме действующей кучки воротил, — нет. Матросы уж не большевики ли? Как бы не так! Озверевшие, с кровавыми глазами и матерным ругательством — мужики, ндраву которых не ставят препятствий, а его поощряют¹²⁰. Где ндраву разгуляться — туда они и прут. Пока — ими никто не владеет. Но ими непременно завладеет, и только ХИТРАЯ СИЛА.

Если этой хитрой силой окажутся большевики — тем хуже.

Мы в снеговом безумии, и его нельзя понять даже приблизительно, если не быть в его кругу. Европа! Глубокие умы, судящие нас издали! Вот, посидел бы обладатель такого ума в моей русской шкуре, сейчас, тут, даже не выходя на улицу, а у моего окна, под сутробной решеткой Таврического сада. Посмотрел бы в эту лунную, тусклую синь притаившегося, сумасшедшего, голодного, раздраженного запаха крови, миллионного города... Да если знать при этом хоть только то, что знаю я, знать, что, бурля, делается и готовится за этими стенами и окнами занавешенными... Кто поймет это — издали?

Нынче днем к Мариинской больнице, окруженной толпой, подъехал Штейнберг с матросом, на автомобиле. Толпа угрожающе загудела. «Мы следственная комиссия!» На это толпа отвечала криками: «Нет, вы убийцы, вот кто вы!»

Бедная, маленькая, робкая толпа. Это еще толпа «людей». А не тех, с красными глазами, которые идут, как быки, в завладение Хитрой Силы.

9 Января, Вторник.

Я рада, что пропустила здесь милое 8-ое число. И не нарочно, так вышло. Однако, что было вчера?

Утром Татьяна из Крестов, успокоенная¹²¹. Смотритель тюрьмы обещал на ночь спрятать «узников» куда-то в подземелье. Никаких кр <асно> гвардейцев там нет, обыкновенный караул.

Там и Бурцев. Не только спокоен, но даже в восторге. Ибо царский охранник Белецкий, с которым Бурцев в Петропавловке лишь перестукивался, теперь в одной с ним камере. Вдвоем живут, вместе спят. Бурцев ходит с Белецким в обнимку и заявляет, похлопывая его по плечу:

— Напролет все ночи разговариваем. Историю делаем. Все будет явно¹²²!

Толпа (вчера, 8-го) так и простояла весь день у Мариинской больницы. Когда Беклемишев с формовщиком пришли делать маски с убитых, то едва могли пробраться¹²³.

О «ропуске» Учредительного Собрания большевики для проформы прочитали своим «дакальщиком» (в Советах своих «рабоче-сол-

датских») и те дакнули, повыв даже своим, более осмысленным большевикам, вроде Рязанова¹²⁴. Кончено. Относительно убийства Шингарева и Кокошкина дакнули на резолюцию, что «осуждают»¹²⁵. Затем служебные большевики сделали «доклад» о расстрелах 5-го января. Какой — видно из слов Подвойского: солдаты и красногвардейцы вели себя идеально, стреляли в воздух, а если были жертвы, то потому, что манифестанты — саботажники и буржуи — были вооружены и *попадали друг в друга*. (Честное слово, это даже совершенно в своем роде, даже художественно!)¹²⁶.

Было предложено принять соответственную резолюцию (что буржуи попадали в самих себя), без обсуждения. На протест Суханова (из Горьковской «Новой Жизни» дрянцо; однако не выдержал), чуть не ответили самосудом, спас Володарский, прыгнув через стол¹²⁷. Надо отдать справедливость Суханову, он довольно мужественно стоял под кулаками и браунингами.

Затем Суханова убрали, а стадо опять дакнуло, с довольным воем.

Постановили заодно «праздновать» 9 января. Ни с какой стороны невозможно осмыслить, *что* же, собственно, сегодня празднуется?

Вечером (все вчера) у нас перманентный Ив. Ив., конечно, этот удивительный, гениальный... Человек. Он, быть может, и гениальный ученый, но гениальностей всякого рода, и художников и писателей, и ученых, и философов, и политиков мы знаем достаточно, не мало их и выдывали.

С совершенством же в «чисточеловечестве» я сталкиваюсь в первый раз. Это человек — только — человек, настоящий, — которого от этой именно настоящести, подлинности, и следует писать с большой буквы. У него, ради полноты совершенства, должны присутствовать и все недостатки человеческие.

Но я отвлекаюсь. Итак — приходящий и уходящий Ив. Ив. И вдруг, уже довольно поздно, — опять Илюша.

Теперь они все уже определенно скрываются. Большевики, в ожидании «боя» от эсеров, занялись арестами. Пришли во фракцию и бессмысленно арестовали 20 мужиков, членов Учредительного Собрания, всех, кого там застали.

Перейти на нелегальное положение все эсеры не могут. Их слишком много. Думаю, кончат тем, что разъедутся.

Я все-таки утверждаю, что свою линию эсеры выдержали до конца. Они заблокировали с собою всех, даже интернационалистов. Поставили себе задачу, избрали тактику, которой остались верны. Другое дело, что из этого ничего не вышло. Может быть, провиденциальная роль эсеровской интеллигенции в том, что у нее ничего не выходит.

Мы до четырех часов говорили вчера с Ил. вдвоем. Но это я расскажу после, а сейчас докончу сегодняшний день.

Нервное состояние пленников в Крестах — ужасно. Когда их сегодня ночью повели в подвал (скрывать) — они забыли о предупреждении и решили, что все для них кончено. Особенно волновались Третьяков и Коновалов. Ну, утром это объяснилось. Да что кадеты, люди непривычные, а любопытнее, что Авксентьев и Войтинский¹²⁸ в Петропавловке тоже потрясены, Авксентьев совершенно не спит... Положим, теперь — то, чего никогда не бывало, и всякую минуту можно ждать всего.

Говорят, что на заводах волнения... Но это слухи. Газетный террор — факт. Везде красногвардейцы, и всякую, с муками вылизнувшую газету, красногвардейцы и матросы рвут, жгут, топят в прорубях. Увлекаются «революционством» до сжиганья и рванья своих собственных, где тут разбирать.

Похороны жертв расстрела состоялись сегодня так тихо, без манифестаций, что нечего сказать¹²⁹.

Нащупывается неуловимое разделение власти. Очень странно и подозрителен этот комитет на Гороховой «по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Главные буйства идут оттуда. Вероятнее всего — это услужливые исполнители еще не высказанных или явно «несказанных» аспираций Смольного. Как бывлые погромщики при царе.

О чем же мы вчера ночью говорили с Ильей? Мы вернулись к корниловской истории. Я рассказывала ему о многом, фактическом, чего он не знал¹³⁰. Но ведь голые факты представляют собою такой дикий сумбур, что им отказываешься верить. Ничего нельзя понять. Лишь вооружившись фактами *психологи*, учитывая психологию каждого действующего лица, начинаешь открывать глаза, видеть и логическую ниточку.

Конечно, все еще сложнее, бесконечно сложно. Длинные слагаемые. Не нам распутать клубок истории. Причины не в личностях только, но и в личностях. Ибо личности тоже важны, тоже ниточки.

Вот грубая схема, которую подтвердила моя беседа с Ильей. Я ее повторю, хотя бы для себя.

Керенский. Человек не очень большой, очень горячий, искренний *двойным* образом, т.е. даже когда «делает» свой огонь. Человек громадной, но чисто женской интуиции — интуиции мгновенья. Слабость его также вполне женская.

Его взметнуло вверх. И там ослепило, ибо и честолюбие у него необыкновенно-женское, цепкое, упрямое, тщеславное, невыдержанное, неумное, даже не хитрое, — но тем оно безмернее. Он не видел, да и не умел видеть людей, только всех боялся, всем не доверял. И чем дальше, тем больше. Конечно, он говорил себе, что думает лишь о России и революции (я хочу быть беспристрастной и объективной сейчас). Конечно, не имел он ни силы, ни ума достаточно, чтобы перед собой сознаться во лжи. Увидеть эту страшную (здесь —

страшную!) нитку личного, упрямого тщеславного честолюбия, которая в него была ввита. Он инстинктивно боялся всякого, в ком подозревал силу. И, слабый, подозревал ее во всех. Подумать только! Ведь он именно с этой стороны, *за это* ненавидел и боялся Чернова (как мне доказал Илья, — а вовсе не за негодяйство и циммервальдизм, к чему он относился потрясающе-легкомысленно. Глупо). Подозрительность, недоверие, страх все больше кидали, швыряли, шатали Керенского, заставляли его делать бессмысленные и беспорядочные прыжки. Направо — налево. Туда — сюда. Нет-нет — да-да! И тревожное прислушиванье, без слов, — где же он сам? Где? Там же? Не падет ли? О, нет, он должен победить всех!

Корнилов. Это — солдат. Больше ничего. И есть у него только одно: Россия. Все равно какая. Какая выйдет. Какой может *быть*. Лишь бы было. Этим прямым стержнем Корнилов начинается и кончается. Его дело война, когда война, и раз от войны Россия сейчас зависит, то он свое дело для России хочет сделать, и сделать как можно лучше. Кто мешает — враг.

Легко, пожалуй, назвать это узким. Во всяком случае это цельно, просто, прямо и сильно. И бывают моменты истории, когда лишь цельность и сила — праведны, когда нужна лишь действенность и лишь при известной узости действительна действенность.

Корнилов вовсе не был против Керенского, он не мечтал ни о каком диктаторстве, не думал как-нибудь полновластно править Россией (смешно упоминать об этом). Он хотел делать свое дело, считая, что оно нужно, и оно, действительно, было нужно. Он верил, что Керенский любит Россию так же, как он, Корнилов, что Керенский будет делать для нее *свое* дело, а Корнилов свое, и это — *одно* дело.

Но Корнилов перестал понимать Керенского и заподозрил его по отношению к *России*, когда Керенский заподозрил его по отношению к *себе* и стал вилять и прыгать.

С этого момента начинается борьба: у Корнилова с Керенским — за дело России, у Керенского с Корниловым — за дело свое, за свое положение и власть. У Корнилова все было прямо и узко, как прямая линия. У Керенского — сложно, фантастично, туманно, интересно, болезненно и полусознательно преступно.

Теперь третье лицо: Савинков. Умный, личник до самобожества (у него и ум, благодаря его биографии, криво развивался), безмерно честолюбивый, но это уже другое, чисто мужское, честолюбие. Вообще это *только мужская* натура, до такой степени, что в нем, для политика, чересчур много прямой гордости и мало интриганства. Людей видит, понимает, хотя может слепнуть (временно) к обожающим его или умно льстящим ему. Это, впрочем, иногда ничему серьезно не вредило, ибо его снисходительность в подобных случаях все-таки не шла далеко, и все исчезало, чуть дело касалось дела. Какие

бы у него ни были внутренние слабости и провалы, как ни велика его самоуверенность, — следует и должно признать в нем ту высокую меру силы и ума, которая делает его человеком очень замечательным. Я очень люблю его лично, но здесь желаю быть только объективной. Я ставлю вопрос: что перевесило бы, ЕСЛИ Б на одной чашке весов лежало его честолюбие, а на другой — Россия? Ставлю его для врагов Савинкова, которые очень желали бы ответить: о, конечно честолюбие! и *не могут* так ответить, ибо фактически: убеждения Савинкова, его честолюбие и служение России, и благо ее — оказались СЛИТЫМИ ВОЕДИНО.

Само ли так вышло, его ли это заслуга — не будем разбирать здесь. Но и враги Савинкова принуждены признать: у него *не было* внутреннего, слепого и низменного раздвоения Керенского.

Из трех главных действующих лиц это раздвоение, почти распадение личности, было у одного Керенского. История забросила его на слишком важное место и потому раздвоение сыграло роковую роль. Оно послужило лишним толчком России к падению. Оно же, погубив Корнилова, погубив Савинкова, совершенно естественно погубило и самого Керенского.

Вот психологический ключ к августовской истории. Факты, положенные на эти ноты, разыгрываются стройной пьесой.

Звуки пьесы были вовремя подхвачены теми, кому она была нужна. И в первый раз *с властью* ворвался гаденький мотивчик «mein lieber Augustin...» в Марсельезу (о, прозорливец Достоевский!)¹³¹. Ныне «Augustin» победил в громовом хоре. Марсельеза умерла...

А наши «миропохабщики» вернулись пока ни с чем¹³². Немцы им объявили: пожалуйста, если не желаете наши откровенно-похабные условия принимать — мы через две недели возьмем Ревель...

Сейчас, значит, им надо лгать. Будут лгать. Извернутся. *Примут.*

Очень страшно, серьезно страшно, что нас, России, подлинной никто не понимает и не видит в Европе. Не слышит.

Уэллс написал Уильямсу письмо, свидетельствующее... если не о их глухоте, то, значит, о нашей немоте¹³³. Пишет, что может быть, большевики — настоящие, передовые революционеры, а мы, мол, так обуржуазились, что этого не хотим понять?..

Европа! Во имя вселенского разума, во имя единой культуры человечества — приклони ухо к нам! Услышь наш полузадушенный голос. Ведь и мы, хотя мы русские, мы люди одного Духа, мы — интеллигенты-работники той же всемирной нивы человеческой!

Мы умираем в снегах, залитых кровью и грязью. Но от нашей весенней революции мы не отказываемся; тем менее можем мы отказаться от нашего человеческого разума, проклинающего убийцу

России, и от всех завоеваний человеческого духа — в эти звериные темные дни.

Европа, не забывай: мы с тобой, хотя ты не с нами.

А глетчеры тают. Глыбы с грохотом валятся с крыш на улицу. 2° тепла. Прохожие скользят и падают.

11 Января, Четверг.

• Сегодня, после оттепели, 10° мороза. Снова Ив. Ив. в шубе. Черные дни!

Амалия звонила, что арестовали Минора¹³⁴. Неизвестно, где он. А вообще столько этих арестов, разгромов, обысков, расстрелов, убийств, грабежей-реквизиций, грабежей-обысков, грабежей просто, что — неразумно их перечислять. Разорили «крестьянский съезд». Мужики, кто остался цел, пошли с котомками по ночлежкам. А «вумные» мужики живут в «Астории», в номерах с ваннами (большевики)¹³⁵.

Сегодня скромно и торжественно хоронили Шингарева и Кокошкина, воистину «невинно-убиенных»¹³⁶.

Сегодняшний день следует отметить как первый, когда совсем не выдали хлеба. Объявили, что кончился. Но у нас все время что-нибудь кончается, а потому неизвестно, когда же начинать голодные бунты? Их и не начинают.

Пришли по Николаевской дороге 37 вагонов, будто бы с мясом и мукой. Но оказались набитыми, вплотную, трупами. Вот что нам присылает юг. И стоит.

Вместо разогнанного Учредительного Собрания большевики, на тех же креслах Таврического Дворца, рассадили сегодня свой большевицкий «Съезд Советов». Довольны, ликуют, торжествуют. Вот, говорят, наше Учредительное Собрание, его не разгоним! Матрос Железняков, тот, который угрозами «прекратил» Учредительное Собрание, говорил на этом Съезде речь. Что они, матросы, «не остановятся не только перед сотнями или тысячами жертв, но даже перед «миллионами»» (sic). А Учредительному Собранию он «выражает презрение». Ну, был «покрыт овациями»¹³⁷.

Любопытно: сейчас верны «правительству» и действуют активно главным образом матросы и мальчишки-красногвардейцы, вместе с той уймой оружия и орудий, в которой они увязли. Солдаты торгуют на улицах, сидят в казармах или бурно танцуют с «барышнями» на бесконечных «балах». (Всюду объявления об этих солдатских балах).

Относительно политики пришли в полумаразм. Солдат Басов, что «светил лампочкой» матросам, когда те убивали Шингарева и Кокошкина, — дезертир, явившийся с фронта и немедленно записавшийся в красную гвардию. Он, по выражению следственного

лев <ого> эсера Штейнберга, «дитя природы», а по всем видимостям — абсолютный кретин, та «горилла», которая и делает всю «большевистскую массу».

Матросы, в благодарность, что «посветил», подарили ему кожаную куртку с тут же убитого Шингарева. Ее горилла понесла в деревню Волюнкину, — переделывать для себя¹³⁸.

Лев <ые> эсеры признались, в частном разговоре, что Гороховая, 2, — это их «охранное отделение». Там, конечно, есть уже и опытные филеры, из старых. Всякий день строятся какие-нибудь «заговоры». Разгромы типографий (всеобщие) происходят даже без ведома Смольного, под самыми разными «ордирами». Красногвардейцы притом увозят и выносят все имущество. Когда жалуются в Смольный, — там снисходительно пожимают плечами.

Всячески муссируются слухи о «революционном движении» в Вене. Думаю, в данный момент дураков других не найдется и *сейчас* ничего подобного не будет.

Для памяти хочу записать «за упокой» интеллигентов-перебежчиков, т.е. тех бывших людей, которых все мы более или менее знали и которые уже оказываются в связях с сегодняшними преступниками. Не сомневаюсь, что просиди большевики год (!), почти вся наша хлипкая, особенно литературная, интеллигенция, так или иначе, поползет к ним. И даже не всех было бы можно в этом случае осуждать. Много просто бедноты. Но что гадать в разные стороны. Важны сегодняшние, первенькие, пошедшие, побежавшие сразу за колесницей победителей. Ринувшиеся туда... не по убеждениям (какие убеждения!), а ради выгоды, ради моды, в лучшем случае «так себе», в худшем — даже не скажу. Вот этих первеньких, тепленьких, мы и запишем.

Запишу их за чертой, как бы в примечании, а не в тексте, и не по алфавиту, а как они там, на той ли другой службе у большевиков, выяснялись*.

Пока — букет не особенно пышный. Больше всех мне жаль Блока.

* Вот они.

1. Иероним Ясинский, — старик, писатель, беллетрист средней руки.
2. Александр Блок — поэт, «потерянное дитя», внеобщественник, скорее примыкал, сочувствием, к правым (во время царя), убежденнейший антисемит. Теперь с большевиками через лево-эсеров.
3. Евгений Лундберг — захудалый писатель, ученик Шестова.
4. Рюрик Ивнев — ничтожный, невзрастенический поэт.
5. — — — Князев — мелкий поэт.
6. Анд <рей> Белый (Б.Бугаев) — замечательный человек, но тоже «потерянное дитя», тоже через лев <ых> эсеров, не на «службе» лишь потому, что благодаря своей гениальности, неспособен вообще быть на службе.

Он какой-то совсем «невинный», *un innocent*. Ему «там» отпустится... но не здесь. Мы не имеем права.

Об Илье ничего не знаю. Да и ни о ком. Все скрываются. Все нелегалыны.

12 Января, Пятница.

Утром позвонили, что умер старик Слонимский¹⁴⁰. Потом сказали, что арестован музыкант Зилотти (опять!). Это друг Ив. Ив., и он сегодня с утра мыкался. Напрасно. Искал Луначарского, того самого, который в июльские дни «скрывался» у Ив. Ив. и погано трясся от

7. Серафимович	}	всякая беллетристическая и другая мелкота из неважных, 2 первые больше писали, имеют книги, бездарные
8. Окунев		
9. Оксенов		
10. Рославлев		
11. Пим. Карпов		
12. Ник. Клюев		
13. Сергей Есенин	}	Два поэта «из народа», 1-й старше, друг Блока, какой-то сектант. 2-й молодой парень, глупый, оба не без дарования.

14. Чуковский, Корней — литер < атурный > критик, довольно даровитый, но не серьезный, вечно незрелый, он не «пот < ерянное > дитя», скорее из породы «милых, но погибших созданий», в сущности невинный, никаких убеждений органически иметь не может.

15. Иванов-Разумник — литер < атурный > критик очень среднего дарования и вкуса, тип не Чуковского, иной. Лев < ый > эсер, в сущности без влияния. Озлобленный.

16. Мстиславский-Маслов < ский > — офицер гл < авного > штаба, журналист, писал при царе и в лев < ых > журналах, и в официозе. Был в об. оп. [так! — Лубл.] заподозрен в 15 г. в провокации. Деятельный лев < ый > эсер, на службе у большевиков, ездил даже в Брест.

17. Алекс < андр > Бенуа — изв < естный > художник, из необщественников. С момента революции стал писать подозрительные статьи, пятнающие его, водится с Луначарским, при царе выпросил себе орден.

18. Петров-Водкин — художник, дурак.

19. Доливо-Добровольский — невидный дипломат-черносотенник; на службе у б < ольшевиков >.

20. Проф. Рейснер — подозрительная личность, при царе писал доносы; на службе у большевиков.

21. Лариса Рейснер — его дочь, поэтизирующая с претензиями, слабо; на службе.

22. Вс. Мейерхольд — режиссер-«новатор». Служил в Императорских Театрах, у Суворина. Во время войны работал в лазаретах. После революции (по слухам) записался в анархисты. Потом, в августе, опять бывал у нас, собирался работать в газете Савинкова. Совсем недавно с союзе писателей, громче всех кричал против большевиков. Теперь председательствует на заседаниях театральных с большевиками. Надрывается от усердия к большевикам. Этот, кажется, особенная дрянь¹³⁹.

страха. Но теперь Луначарский отказал Ив. Ив. выпустить старого музыканта на поруки. Пусть, говорит, сначала признает мою власть. А то я его уволил в отставку, он ушел, положим, — но из-за этого хор оперный забастовал. Если же его окончательно убрать, то хор можно подвергнуть репрессиям — запоет^{141!}

Комментарии лишни. Европа, взгляни!

Вечером были наверху¹⁴². Там Суханов из «Новой Жизни» и его большевичка Галина (что в демонские очи Троцкого влюбилась). Она с виду обыкновенная макака.

А с ним все-таки очень тяжело. Хотя он на Съезде и в оппозиции — он очень противен. Привязывался, почему мы неидем «глядеть» на съезд, с точки зрения «аттракциона». Невероятный цинизм¹⁴³. А позиция — что-то вроде позиции «неделанья», как давно у интернационалистов «Новой Жизни». Ни того, ни этого — и чего угодно, в конце концов.

Ив. Ив. совершенно прав, говоря, что не пойдет на «съезд», как не пойдет «глазеть» на смертную казнь.

Сегодня внезапно — 3° тепла! Вот и живи тут. Абсолютно никто не знает, чем все это кончится. Иные предрекают, что власть перейдет просто к матросам и красной гвардии.

Недавно убили красногвардейца. Женщины исцарапали ему лицо ногтями.

Самосуды на улицах ежедневны.

Финляндия отрезана. В Выборге восстание красногвардейцев. Но вырбобаны (по слухам!) шведские войска...¹⁴⁴.

Господи! Хотя бы шведы нас взяли! Хотя бы немцы прикончили! О, если б проснуться!

13 Января, Суббота.

Замечательный день, его надо отметить особо. Большевики постановили: **ВОЙНЫ НЕ ВЕСТИ, МИРА НЕ ПОДПИСЫВАТЬ**¹⁴⁵. И еще: реквизируют весь золотой запас, на миллиард с чем-то. Выслать всех румын¹⁴⁶.

Продолжается «самоодобрение» на съезде.

Убийц Шингарева и Кокошкина посадили в тот же Трубецкой бастион, где сидели убитые. По этому случаю (?) в крепость никого из Красного Креста не пропустили.

Луначарский, желая подешевле заплатить Ив. Ив. за летнее гостеприимство, обещал выпустить Зилотти, но не домой, а безысходно на его, Ив. Ив., квартиру (!?).

Но и для этого нужна еще подпись Козловского, начальника следственной комиссии. Козловский летом был арестован как шпион¹⁴⁷.

Послать бумагу часом ранее — и все бы удалось, «начальник» бы подписал. Но в этот час вскрылось, что он проворовался. И нет более тюремного повелителя — Козловского! Над ним и Красиковым назначено следствие. (Выкрутятся)¹⁴⁸. Но пока — ищи начальства нового. Лови его, неровен час — откроется, что и оно не в меру хапает.

15 Января, Вторник.

Девятого Января я писала, что Троцкие вернулись из Бреста с откровенно-похабными германскими условиями мира. И я указывала дальше (слишком ясно было!): «сейчас, значит, им надо лгать. Будут лгать. Извернутся. *Примут*».

Эти извороты и происходят, причем все делается быстрее быстрого, ибо на этом III Съезде самоодобрение у них развито до последних степеней. Всякую фразу, независимо от ее смысла, покрывают, даже прерывают, аплодисментами (напр.: «убит солдат и двое рабочих»... аплодисменты!) и перманентно поют «Интернационал». Вчера «одобряли» подготовку Троцкого к уже решенному миру, который и Троцкий назвал «не честным миром, а миром-несчастьем»...¹⁴⁹. И вновь в Брест уехал. Таким образом, мы уже имеем все, кроме чести, совести, хлеба, свободы и родины. «Вир хабен* похабен мир».

20 Января, Суббота.

И каждый день писать? не могу. Тяжело. Трудно.

Закончили свой съезд с пышностью. Утвердили себя не временным, а вечным правительством. Упразднили всякие Учредительные Собрания навсегда. Ликуют. Объявили, что в Берлине революция. «Похабен» до сих пор пока не подписан.

Размахнулись в ликовании, и Коллонтайка послала захватить Александро-Невскую Лавру. Пошла склока, в одного священника пальнули, умер. Толпа баб и всяких православных потекли туда. Бонч завертелся как-нибудь уладить посередке — «преждевременно! А патриарх новый предал анафеме всех «извергов-большевиков» и отлучил их от церкви (что им!)¹⁵⁰.

Вчера «Таня». Письмо от П.И. Верное. Но малоутешительное. Консервированные «остатки» не победны¹⁵¹.

В крепости неважно. Было покушение на мерзавца Павлова, и сменили команду (хорошую). Теперь неспокойно.

Все время оттепель. Улицы вполне непроходимы, не-во-об-ра-зи-мы.

* Мы имеем (нем.)

22 Января, Понедельник.

Всю ночь длились пьяные погромы. Опять! Пулеметы, броневики. Убили человек 120. Убитых тут же бросали в канал.

Сегодня Ив. Ив. пришел к нам хромой и расшибленный. Оказывается, выходя из «Комитета безопасности» (о, ирония!), что на Фонтанке¹⁵², в 3 часа дня (и день — светлый) он увидел женщину, которую тут же грабили трое в серых шинелях. Не раздумывая, действуя как настоящий человек, он бросился защищать рыдавшую женщину, что-то крича, схватил серый рукав... Один из орангутангов изо всей силы хляснул Ив. Ив., так что он упал не решетку канала, а в Фонтанку полетело его ринсе-пез и шапка. Однако, в ту же минуту обезьяны кинулись наутек, забыв про свои револьверы... Да, наполовину «заячья падаль», наполовину орангутангъё.

Отбитую женщину Ив. Ив. усадил в трамвай, сам поехал, расшибленный, домой.

Опять воздерживаюсь от комментариев. Перебежчиков делается все больше. Худых людей во всякой стране много, но такой «нелюди», такого варварства — нигде, конечно, нет.

«Мешаются, сливаются»... и маленькие писателишки, и более талантливые. А такие внесознательные, тонкостебельные, бездонно-женские женщины, как поэтесса Анна Ахматова (очень талантливая) — разве это люди?

Вчера я видела Ахматову на «Утре России» в пользу политического Красного Креста. Я нисколько не «боюсь» и не стесняюсь читать с эстрады, все равно что, стихи или прозу; перед 800 чувствуя себя так же, как перед двумя (м.б., это происходит от близорукости) — однако терпеть не могу этих чтений и давно от них отказываюсь. Тут, однако, пришлось, ведь это наш же Красный Крест. Уж и почитала же я им — все самое «нецензурное»!

Читали еще Мережковский, Сологуб... Народу столько, что не вмещалось. Собрали довольно¹⁵³.

Вчера же были грандиозные крестные ходы. «Анафему» читали у Казанского собора.

У нас, поблизости, два проезжающие матроса стрельнули-таки в крестный ход.

Большевики не верят, что серость всколыхнулась серьезно (черт знает, может, они правы, может быть, и тут серость быстро «сдаст»). Сегодня хватили декрет о мгновенном лишении церкви всех прав, даже юридических, обычных¹⁵⁴.

Церкви, вероятно, закроются. Вот путь для Тихона сделаться новым Гермогеном¹⁵⁵.

Но ничего не будет. О, нет людей! Это самое важное, самое страшное.

А «народ»... Я подожду с выводами.

24 Января, Среда.

Погромы, убийства и грабежи, сегодня особенно на Вознесенском, продолжают без перерыва. Убитых скидывают в Мойку, в канал, или складывают (винных уопленников), как поленицы дров. Батюшкова ограбили, стреляли в него, оставили на льду без сознания¹⁵⁶. Артистку Вольф-Израэль ни с того ни с сего проходящий солдат хватил в глаз; упала, обливаясь кровью¹⁵⁷.

А торжествующие грабители хотят переехать в Таврический Дворец. По соседству.

Не буду писать о всероссийской бойне («от финских хладных скал до пламенной Колхиды» буквально). Без меня расскажут.

Тюрьмы так переполнены политическими, что решили выпустить уголовных. Убийц Шингарева комендант Павлов лелеет, сделал их старостами. «Им место во дворце, а не в тюрьме», — ответил на чей-то протест.

Ну вот, и увидим их в Таврическом Дворце.

Я еще не достигла созерцательной объективности летописца. Достигну ли?

Стреляют все время.

25 Января, Четверг.

Пролетел день, как все, однообразный по разнообразию лиц, вестей, слухов и случаев. Сегодня ровно три месяца грязной кухни большевиков. Сегодня, в юбилейный день его заточения, выпустили Карташева. Выпускают их поодиночке, под сурдинку и только по личным поклонам. За кого больше накланено, больше обито мерзавческих порогов, того под полой и выпускают (а у кого, знают, деньги — за кого больше заплачено). «Совет» же *официально* всем отказывает. Весь Красный Крест — больше всех Ив. Ив. — словно заморенные лошади истомлены, бегают, «организуя защиту» у отдельных комиссаров за каждого отдельного заключенного. Луначарский, с удивляющей наглостью, так и выразился: «организовать защиту», т.е. «протекцию».

Но черт с ними. Новости: декрет о перемене календаря¹⁵⁸. Жаль, что это сделали они, ибо это давно следовало сделать. Да, все-таки, все-таки нельзя забыть, что правительству Керенского мы столь обязаны нашим разрушением. Зародыши его были там...

Скорый мир на Западе? Оккупация России соединенными силами? Не верю этим слухам, война еще держит Запад в своих когтях. Чем дольше усидят большевики, тем возможнее, в нашей без-мерной

России, пережест, т.е. восстановление монархии. Что гадать, впрочем. Многое зависит от войны, от ее исхода или дленья.

Не могу вообразить сейчас таких обстоятельств, при которых наши «умеренные», наши либералы, не оказались бы «никудашниками». В крови у них нет микроба *борьбы*, а без этого никакая политика невозможна. Одно из несчастий России — эти ее стоячие, безрукие интеллигенты государственники.

Эсеры провалились — и, кажется, крепко. Если они совсем не перемят кожу — то вряд ли выплывут.

Совершенно не верю (особенно после письма П.И.) в Алексеевский поход. Война финляндская — черт ее разберет. Вообще воздерживаюсь от всяких слухов. Грянет явное — увидим.

Однако невеселая картина у меня вышла. Все равно. Пока о другом.

Был у нас сегодня актер Орленев, хочет играть «Павла I» Мережковского. Играл его в Америке бесчисленное количество раз. Странное существо — настоящий русский актер: гениальный, истеричный, захватывающий, запойный, потрясающий и вне-разумный. Таков Орленев. При том еще: грубо-невежественный — и тончайше вдруг, интуитивно, проникновенный¹⁵⁹.

Впрочем, таковы наши и писатели, и художники: варвары — самородки, вне всякой культуры и не способные к ней... еще или уже? (Исключения есть везде).

Оттого они и безответственны¹⁶⁰. Оттого и... вчера монархист — завтра большевик. А сегодня — верхом на баррикаде, если не у себя под кроватью.

Наша революция еще впереди. Еще не «воссиял свет разума»...

Пока нет начала света — предрекаю: напрасны кривлянья Луначарского, тщетны пошлые безумства Ленина, ни к чему все предательства Троцкого-Бронштейна, да и беспельны все «социалистические» их декреты, хотя бы 10 лет они издавались 10 лет сидящими большевиками. Впрочем, 10 лет декреты издаваться наверно не будут, ибо гораздо раньше уничтожат *физически* все окружающее и всех людей. Это они могут.

Грабят сплошь. И убивают. Днем.

29 Января, Понедельник.

Замечательнейшее постановление от 13 Января решено ввести в жизнь. Если оно вводится, то надо признать, что, действительно, будет то, чего не бывает. Пока же оно кажется чем-то, «по ту сторону»...

Вот сегодняшнее возвещение от «мирных» переговорщиков: «Именем Сов. Нар. Ком. настоящим доводит (кто?) до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных

стран, что, ОТКАЗЫВАЯСЬ ОТ ПОДПИСАНИЯ аннексионистского ДОГОВОРА, Россия объявляет с своей стороны состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам отдается приказ о полной демобилизации по всем линиям фронта». Подписано пятью евреями в псевдонимах.

Вот оно: мира не заключать — войны не вести¹⁶¹.

Даже художественно. Небывалое. Вне всего человеческого. Рассчитано даже не на обезьян: обезьяны или дерутся, или не дерутся. Но те, неизвестно кто, на кого это рассчитано, — «поймут»: уйдут. И «без аннексий и контрибуций» — и «домой». А дома и дом, и все мое, и еще вся власть моя. Малина!

Только «поймет» ли Германия? А в расчет ее следовало бы взять.

Выпустили (опять тишком и за деньги) Третьякова и Коновалова. Один от неожиданности заплакал, другой упал в обморок. Эсеры сидят в Петропавловке, Сорокин, Аргунов, Авксентьев и др. Определенно в виде заложников. Если, мол, что с нашими стряется — этим голову свернем.

На досуге запишу, как (через барышню, снизошедшую ради этого к исканиям влюбленного под-комиссара) выпустили безобидного Пришвина¹⁶².

Газеты почти все изничтожены. Читаем победные релиции о гражданской войне. Киев разгромлен — неслышанно¹⁶³!

Сегодня был Б.Н.¹⁶⁴. Чрезвычайно любопытно... Однако, теперь еще нужнее, чем при царе, отправить мой дневник в «верное место»... К другим «генералам»... Но я их не имею, знакомых... Просто воздержимся.

Оттепель была, пока все не развезло. Стали сгонять интеллигентов снег чистить¹⁶⁵. Глупо. Отменили. А снег опять напал. Сегодня к вечеру 10° морозу.

Запущенный Петербург — ужасен. На центральных улицах валяются дохлые лошади.

31 Января, Среда.

Невероятно запуталось и путается все дальше. Ведь Украина заключила форменный мир с Германией¹⁶⁶. На займах и хлебах. Румыния воюет с большевиками. Украина теперь, воюя с большевиками, как бы воюет с «нами» в союзе с Германией. В это самое время большевики объявляют, что никакой Украины и Рады нет, ибо они взяли Киев и там воцарились. И что теперь делать Дону? Воевать против большевиков (в союзе с Германией) или с Германией (в союзе с большевиками)?

Само оно еще как-то может утрястись, определиться, но понять никому этого нельзя.

Снова Б.Н. ... Но снова думаю о нео-генералах. Оставлять белое бесцельно: забуду.

Натансон с Коллонтайкой уезжают за границу¹⁶⁷. Хотя бы навек!

«Правила» для печати — тоже «небывалое», — нигде и никогда: «жирным шрифтом» и на первой странице каждая газета обязана печатать все, что когда-либо пришлют комиссары (а они ежедневно валят кучи, тексты их нечитаемых газет). Кроме того, если «налицо явная контрреволюция» (решает, «налицо ли», отряд красногвардейцев), то арестовываются все члены редакции¹⁶⁸. Как рреволюционерно!

2 февраля, Пятница.

Киев нейдет у меня с ума. Тысячи убитого населения.

Вчера сидела опять до 8 утра, с этими — ныне уже вполне бесцельными, «бумажками». Илья нет, меня просили через Б.Н., пришли два, мне незнакомых, Ков. и Ильяшев¹⁶⁹. И они вроде Илюши: сознающиеся, жизнерадостно-бессильные пленники партии.

Серьезные слухи, что Каледин... застрелился¹⁷⁰. Может быть. Но еще не понимаю психологии этого самоубийства.

Хлеба (с соломой) выдают 1/8 ф. в день.

В Киеве убили митрополита Владимира¹⁷¹.

5 Февраля, Понедельник.

Каледин застрелился, кажется, от измены казаков: кучами стали переходить на сторону большевицких войск. Очевидно, зараза обольет весь юг. Большевики уже под Ростовом и Новочеркасском.

У нас атмосфера очень напряжена. «Поднимают голову» анархисты. Печать задавлена, газеты ежедневно — «судятся». О безумии здешних грабежей я уже не упоминаю.

Но есть нечто самое любопытное и... чреватое последствиями. Сегодня кончилось «перемирие»: сегодня же немцы заняли Двинск¹⁷². Большевики закопошились, селятся эвакуировать Ревель и Гельсингфорс. У Балтийского флота, конечно, нет топлива. Немцы, слышно, подвигаются и на юг (еще бы, не дураки они, заключив с Радой сепаратный мир, оставить хлебный Киев большевикам!).

Все это в порядке вещей. И лишь два опасения: что немцы лишь проучивают большевиков, как «не подписывать» похабного мира, и большевики проучатся, и покорятся, и немцы, взяв, что они себе жирно наметили, еще будут поддерживать столь им удобное российское «правительство». Лучше для их жадности не будет ведь! Только... но это потом, а теперь о втором опасении. Даже не опасение... просто некоторое содрогание инстинктивное перед моментом операции в

том случае, если немцы *не* остановятся (большевики *не* успеют покориться) и если желанное (Боже, до чего дошла Россия!) немецкое спасенье к нам прибудет. В последний момент орда жестоко себя покажет: осенние мухи жестоко жалят, издыхая.

Но пусть! Все — лучше, чем то, что сейчас длится.

С каждым днем яснее, неоспоримее: НЕ РЕВОЛЮЦИЯ У НАС, А ТА ЖЕ ВОЙНА. Ее же продолжение — людьми, от нее впадшими в буйное безумие. Вся психология именно *войны*, а не революции, да и вся внешняя обстановка с тяжелыми орудиями, с расстрелами городов, с летчиками, бомбами и газами, — обстановка именно современной войны; это ее физическая «культура» и ее внутреннее опустошение, тупость, ожесточенность, духовное варварство, почти диотизм.

Полузаеденную царем Россию легко доедает война. Но спешите, спешите с миром, Европа! Еще год войны — содрогнутся и твои здоровые народы. И твой, Германия! Еще год — они приблизятся, один за другим, к тому же *безумному*, вихревому ПРОДОЛЖЕНИЮ ВОЙНЫ ПОД МАСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ.

Этому «продолжению» — какие конгрессы положат определенный конец? Тут конец — вне человеческой воли и разума, он теряется в темноте...

А немцы, кажется, в лучшем для большевиков случае, позволяют им сидеть лишь над голодным Петербургом. Вряд ли не выгонят они их, несмотря на любой похабный мир с петербургскими, из Украины и их Финляндии. В Финляндии они энергично помогают «белой гвардии», уже душили самыми немецкими газами 2000 человек.

О другом. Как дико видеть плоды своих ночных трудов, свои слова — подписанные ненавистным именем¹⁷³. Но не отрекаюсь. Отвечаю за то, что делаю. Я — человек. Объяснение напишу «при свободе». Доживу ли? Дневник все обесмысливается. Не оставить ли? Чтобы потом, мемуарным способом... Но это две вещи разные, и пусть дневник скучен — только он дает понятие *атмосферы*... тому, кто хочет понимать, не боится скуки.

О, столько живу, слышу, знаю, и — нельзя писать! *Нечестно* писать. Европейцы, вы этого абсолютно не понимаете? Ну конечно!

Итальянского посла ограбили у самой Европейской гостиницы (пора переименовать ее в Российскую). «Соглашатели» из «Нов <ой> Жизни» (см. старое «Новое Время») скоро пойдут в «правительство». Клянусь, что если не рано, то поздно — в нем *будет* Горький!

Циник Суханов, кажется, уже пошел. Это слух, впрочем¹⁷⁴.

6 Февраля, Вторник.

Вот оно, разыгрывается «по-писанному». Утром узнаем, что не-

мцы двинулись по всему фронту, и с севера, и с юга, и с запада. Швеция заняла свои острова. Немцы просто себе пошли и идут, заявляя при этом, что идут (надо заметить!) «не для захвата лишних территорий»... Большевики, газетно, еще продолжают хорохориться, но... в 10 ч. утра уже послали в Берлин унижительную телеграмму с предложением (мольбой?) подписать тот (похабный) мир, от которого отказались в Бресте. Вот-те и «небывалое», коим они так недолго, в полном идиотизме, хвастались!

Тут же явился слух, что лево-эсеровская мразь — против этой телеграммы, не может, будто, выдержать, выходит из «правительства».

Но пошел Ив. Ив. сегодня ратовать за очередного арестанта. Талмудист Штейнберг встретил его весь трясущийся.

— Вы знаете, что случилось?

— ??

— Да вот, так и так, сегодня мы такую-то телеграмму...

— И вы тоже? И вы согласились?

— Да ведь как же? Да ведь немцы идут... Ведь они, пожалуй, и дальше пойдут? А мы ничего не можем... Ну, 50 тысяч красногвардейцев пошлем... Так ведь немцы их сейчас же перестреляют...

— Конечно, перестреляют. О чем же вы раньше думали? Разве не явно было всем и каждому, что именно так будет? Как же немцам не идти?

— Мы думали... пролетариат... Мы думали... а теперь где же защита нашей революции? Надо соглашаться...

Ив. Ив. даже руками всплеснул.

— Вот так ловко! Пролетариат! Думали! Хорошо думали, нечего сказать! Вот вам «мира не хотим, войны не ведем!»

До позднего вечера на изъявляющую покорность телеграмму ответа не было.

Наконец узнаём: пришел ответ. Гласит: пришлите *ваши* условия мира — в Двинск. А в Двинске уже немецкая штаб-квартира, которую большевистская сволочь оставила со всем, еще громадным, запасом орудий и снаряжения¹⁷⁵.

Сию минуту происходит «бурное» заседание мятущихся большевиков: как отвечать? Что послать в Двинск?

Ведь теперь им нужно самим *предложить* тот мир, который они не захотели *принять* как «аннексионистский». Достаточно громко его таким огласили. Это бы что! Им ведь на все наплевать, лишь бы усидеть. Но примет ли еще Двинск мир Бреста? Что прибавить придется? Или вдруг немцы вспомнили, что у Германии есть разумные, серьезные основания быть против мира, всякого, с *данной* Россией, зараженной и *заражающей*, быть против открытия ей своих границ?

Каются теперь большевики, что не удержались на первой своей твердой линии во дни Бреста, — линии, мной отмеченной: лгать, извернуться и принять. Их сбили и соблазнили лев<ые> эсеры в «небывалое»... Дрожмя-дрожат большевики, а вдруг Германия-таки порешила их свергнуть? по-прежнему они пойдут «на все и даже более», чтоб удержаться у власти; но закроюсь сомненьице: не на эту ли священную точку посягает Германия?

Страшно сказать, но все-таки скажу: мне думается, что Германия, от сомнения и жадности, *уже потеряла разум*. И, если Троцкие запредлагают ей и то, и это, и семижды аннексионистский, самый «двинский» мир — только нам дозвольте сидеть! Только своих позовьтe до косточек объедасть, да и косточки нам отдавать! — если, *что наверно*, так будет, обалдевшие от жадности немцы соблазнятся. На всю опасность заразы закроет им глаза надутая уверенность в себе. О, как она оглупеет!

Неприменно соблазнится. Да, так будет. Да, я думаю.....

Впрочем, ничего не думаю, и не хочу ни о чем думать, я тоже собрана в одной точке: в острие против предателей, убивших, распявших мою Россию и ныне, под крестом, делящих ее одежды.

В каком последнем хитоне будут они завтра метать жребий¹⁷⁶?

7 Февраля, Среда.

Все на своих местах, идет «нормально». Немцы, кажется, склонны заключить что-то вроде мира: есть признаки...

Остановят где-нибудь ход, оставив сидеть большевиков. Эти, значит, своего пока достигнут. Очень хорошо.

Союзники поразительно мало понимают. Благодаря ли неудачным представителям, или коренному их непониманию России — но они странно действуют. Англия несколько определеннее: посол ее уехал — не официально, правда, — но другим и не заменен... Фрэнсис и Нуланс окончательно не на высоте положения¹⁷⁷. Мы не требуем, чтобы союзники думали о наших интересах, — отнюдь! Но каждая страна, думая о своих, должна бы понимать, что эти свои *связаны* с обще-мировыми. Мы, таким образом, хотели бы от правительства каждой страны только более широкой и дальновидной заботы о своих собственных интересах. Союзники сейчас несколько уподобились нашим ослепшим кадетам перед революцией: «полная победа над Германией!» — и, конечно, ничего не видят, даже не видят, ЧТО этой победе грозит и откуда (пусть и будет победа, если будет).

Не учитывая опасности существования России в виде чумного очага, — они смотрят крайне просто: в России какое-то правительствo, это ее дело; для нас оно плохо, если заключает сепаратный мир,

и хорошо, если не заключает. (К тому же и воспитаны мы так, что в чужие дела не мешаемся).

Когда Троцкие начали свои фарсы с «небывалым» — союзники усмотрели тут одно: ага, мира *не* заключают. Значит — хорошо. И тотчас пошли дипломатические, условно-милые улыбки большевикам и Троцкому в частности.

Очередной фортель, — приниженные мольбы о каком угодно мире с Германией — застал послов именно за обсуждением какого-то — осторожного, правда, — нового изъяснения дружелюбности большевикам... и совсем ошеломил.

Случаен ли столь неудачный подбор послов? А послы так ничего не понимают, что... за Евгением Семеновым послали для информации¹⁷⁸! Точно анекдот.

Тут могли бы помочь кадеты... но они скрываются. Да и очень в них много озлобления, кроме их святого страдания и справедливого отчаяния.

Германия всегда понимала нас больше, ибо всегда была к нам внимательнее. Она могла бы понять: сейчас мы опаснее, чем когда-либо, опасны для всего тела Европы (и для тела Германии, да, да!). Мы — чумная язва. Изолировать нас нельзя, надо уничтожить гнездо бактерий, выжечь, если надо, — и притом *торопиться*, в своих же, в своих собственных интересах!

Германия скорее могла бы понять это, но, как сказано, она ожидала и оглуела. И воображает, кстати, что, сама развея у нас культуру этих бактерий, сумеет с ней обращаться, что она, Германия, застрахована. Посмотрим!

Что-то роковое в недалевидности Европы.

Чума опаснее штыка.

8 Февраля, Четверг.

Почти не верю, что мы все это перенесем, переживем и увидим хоть полоску зари.

Но что же? Будем записывать, пока есть силы и разум.

Наступление — шествие — немцев продолжается, почти церемониальным маршем. Они уже за Минском, подходят к Пскову. На юге — не так далеко от Киева¹⁷⁹.

Большевики совершенно потеряли голову. Мечутся: священная война! нет, — мир для спасения революционного Петрограда и советской власти! нет, — все-таки война, умрем сами! нет, — не умрем, а перейдем в Москву, а возьмут Москву, — мы в Тулу, и мы... Что, наконец? Да все, — только власти не уступим, никого к ней не подпустим, и верим, германский пролетариат... Когда? Все равно, когда...

Словом, такой бред, что и мы понемногу сходим с ума. Тут же они лихорадочно ждут милосердного ответа из Двинска (на последние мольбы остановить движение), тут же издают неслыханные приказы о всеобщей мобилизации — «от 17 до 60 лет обоего пола!» — с обещаниями «тех буржуев, которые прежде отлынивали от войны», (буржуи?! «стереть с лица земли». Впрочем, буржуев приказано «стереть» во всяком случае, и лишь непонятно, сначала ли их стереть, а потом мобилизовать, или наоборот.

Наши банды, при одном слухе, что немцы недалеко, — удирают во все лопатки, бросая ружья. Здесь — схватили 27 поездов и в количестве 40 тысяч подрали в Москву. Первыми исчезли всякие «Советы» и «Комитеты». Если хулиганье до немцев успеет пограбить жителей всюю — тем хуже для жителей.

Около Минска собрались на грандиозный митинг. Говорили полдня. Подумывали — не начать ли сопротивляться? Но тут слышали немцев — и только пятки засверкали. Даже пешком дерут.

Германцы в плен их не желают брать: обезоружат (кого застанут) и вон, ступай откуда пришел.

«Вся —
...растерянная челядь,
И мечется, и чьи-то ризы делит,
И так дрожит за свой последний час»¹⁸⁰,

— что, видимо, обезумела вдрызг. Рядом с повелениями кого-то «стирать», в кого-то «стрелять», <...> — чтобы немедленно ставить памятник Карлу Марксу! Что «власть на это не пожалеет денег», честное слово¹⁸¹!

Приказали это напечатать во всех газетах, вместе с мобилизацией, расстрелом буржуев и — оправдыванием себя на тот случай, если еще получится милость из Берлина и можно будет «покрасоваться».

«Центробалт», однако, уже навесил флаги черные, анархические. Уж им ни Дыбенко, ни Крыленко, — на всех начать.

У нас с утра сегодня люди, люди... К вечеру пришел Карташев — в первый раз. Ничего, он, по-моему, даже поправился в заключении. Потом пришел Илюша. Потом Ив. Ив. с Т.И. Была и Тата... Да, да, кто спорит, эсеры уже абсолютно бессильны. Но какое-то, когда-нибудь, да будет же Учредительное Собрание. Вообще, нельзя, невозможно пустить себя на тот океан отчаяния, в котором плавают кадеты. То есть самые умные, нежные и честные. Ибо другие просто ждут, когда все к ним подплывает (если подплывает).

Выпустили Заславского, Кливанского, Сорокина, Аргунова. Сидят: из видных эсеров — Гуковский и Авксентьев; из бывшего правительства: Терещенко, Рутенберг¹⁸², Кишкин, Пальчинский¹⁸³.

Единственная злая отрада сегодняшнего дня: на Шпалерной

ограбили знаменитых большевиков Урицкого и Стучку¹⁸⁴. Полуголые, дрожа, добрались они до Таврического Дворца.

До сих пор Стучки с Блоками, Разумниками и Бенуа грабили по ночам Батюшковых и Пешехоновых. А вот, наконец, «унтер-офицерская вдова сама себя высекала»...

Если б они сами себя разорвали! Но они сначала Россию разорвут, а потом уж их разорвет. Да уж когда бы ни разорвало — поздно! поздно!

Неужели я еще надеюсь, все-таки...? Не признак ли это, что и я в бреду?

Надо поспокойнее.

Стоят морозы, 10°, 11°. Светло. Но я сижу поздно по ночам, утром тяжело вставать. Опять входит в это кровавое колесо!

Пожалуй, это правда, что теперь важнее вглядываться не в русское, а в международное положение дел. Но мы уж так «сепарированы», что *знать* можно очень мало, строить же понимание на догадках, слухах и вероятиях — не могу. Не привыкла.

9 Февраля, Пятница.

«Совершенно немедленно»... приказывается, опять и снова, кого-то стирать; кого-то пресекать, — паническая несовместимая чепуха заплетающимся языком.

Германцы благополучно продвигаются. Будто бы ответили (передаю, впрочем, как сомнительный слух, не верю этим «перехваченным радио»), что «мир будут заключать в Петрограде». Однако Ленин до того обалдел, что предложил выселить из Петербурга в 24 часа всех женщин и детей. Замяли; сами видят, что не в себе человек.

«Удёрники» серые так и льются с фронта. Через Петербург заливаются дальше. Поплыли вон отсюда и всякие представители «господствующего класса»: рабочие, дворники, ломовые... Очень нужно рыть окопы — не хотим! Когда сядут главные удёрники на свой заготовленный блиндированный поезд — неизвестно. Запретили, с официальными проклятиями, все газеты, кроме двух¹⁸⁵. Эти оставлены для того, чтобы завтра было где печатать официальную ругань. Ее так много, что на другой, ненасильственный, текст места почти не хватает. (1-ая и 2-ая страница регулярно наполняется этой дрянью, всякими «совершенно-немедленными» приказами и «опасностями социалистического отечества»).

Нет, не разорвет их вовремя. Ведь все у нас — поздно!

Кронштадт трепещет. Глядит вверх: нет ли аэропланов?

11 Февраля, Воскресенье. *Днем.*

Немецкие условия получены (?). В Ц.И.К. приняты большинством 7 против 4 при 3-х воздержавшихся¹⁸⁶. Похабнейший из миров будет подписан. Этим покупается отсрочка (долгая? недолгая?) свержения большевиков.

Вечером.

Да, решилось. Чтоб еще посидеть на России, трусливые мерзавцы отдают все, что им не жаль (т.е. почти всю, верно, Россию, кроме куса, выпрошенного, чтобы самим доесть). С доеданием придется им спешить. Ибо есть в немецком «мире» тугие условия для них. Например — обратиться со своей «властью» из Финляндии и Украины, разоружить «красную армию» (а гвардию?), не лезть в занятые немцами области ни с какой своей пропагандой.

И уж, конечно, Германия не шутками будет требовать исполнения этих условий; ведь сегодня она заняла Остров, завтра, быть может, займет Псков.

Никогда нельзя угадать ни всей меры безобразия, ни всей глубины мерзости дельяемого, пока не доделается, не довершится. Жизнь слишком махрова в своих воплощениях. Вот, мы твердо знаем, что эти господа примут любой немецкий мир, знали с момента их отправления к Кюльману¹⁸⁷. Но такого выверта, такого «мира» — все-таки не ожидали. Это уж как будто и роскошь.

Предвиденное исполняется, но с излишками, недоступными робкому человеческому воображению.

После принятия «мира» загудели по городу фабричные гудки, застонали странно, черные, ночные. Сзывают на митинги, надо же объявить радостную весть, надо в полчаса «повернуть на обратно»: ведь три дня надрывались о «красной непобедимой армии», призывали «всех-всех-всех» к оружию, метались, как бешеные кошки.

Утром лишь в «Речи» (из не ихних — только одна «Речь — Век» существует) было о принятии Центральным Исполнительным Комитетом немецкого владычества. В ихних же газетах все было смазано, и еще кричалось, вопилось о «новой армии» и войне... на всякий случай, чтоб не сразу.

А сегодня воскресенье, вечерних нет, завтра не будет никаких. На отдыхе обрабатывают свой «народ», успеют. Будут «покрыты аплодисментами».

Вот когда я больше не могу писать.

Да будут прокляты слова, дела и люди. Да будут прокляты.

Если гаснет свет — я ничего не вижу.

Если человек зверь — я его ненавижу.

Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю¹⁸⁸.

12 Февраля, Понедельник.

А писать все-таки надо. Буду. Пишу. Немцы уже в Пскове. Разъезды их в Белой и, кажется, под Лугой. Ревель тоже взят. Большевики еще мнут. Официально восторжествовало «принятие» немецкого мира; спешно запосылали новую делегацию. Но долго не могли найти желающих, Иоффе¹⁸⁹ и прежние отказались. Посхал Карахан с несколькими евреями (русского — ни одного)¹⁹⁰. Неизвестно, куда доедут.

Ленин непреклонен в требовании — по его собственному выражению — «позорного» мира. *«Условий его мы все равно выполнять не будем»*, утешает он далее (а немцы что же, дураки? Позволят?) и нисколько не боится неистовой внутренней ругани, которая у них поднялась. Объявил, что если не будет позорного мира, то он, Ленин, «уйдет в массы» (кажется, подразумевается Преображенский полк) и с этими «массами» явится свергать несогласных большевиков¹⁹¹. Их, однако, не очень много, главный какой-то Бурханов (?)¹⁹², а больше левые эсеры гомозятся. (На что же они знаменитую телеграмму-то посылали?).

Все при этом согласны, что воевать мы не можем. Крыленко назвал положение на фронте «более, чем отчаянным». Солдаты уходят, даже не портя путей и оставляя вооружение. Мало того, и все матросы поубегали с судов, бросив их на произвол судьбы. Фактически происходит непонятное: с одной стороны, мобилизуют «красную армию»; приказы, хлопоты, призывы, раскрыли арсенал... и, с другой, имеют курьеров с мольбами о «мире», в условия которого — это уже сказано — входит полное разоружение.

Вчерашними гудками будили рабочих неизвестно для чего, тоже надвое: не то для «совершенно-немедленной» мобилизации, не то для внедрения в них приятного отношения к новому «миру».

Пишут (у себя, другие газеты периодами запрещаются все), что «массы» рабочих пошли в «красную армию»; но пока эти массы — 140 человек. Гарнизонные солдаты и ухом не повели. Отсюда, по доброй воле, да с немцами воевать? Даром, они, что ли, «социалистами» заделались? И никогда, ни малейшей «красной армии» Троцкие не устроят себе, пока не объявят в своем «социалистическом отечестве» *принудительный* набор. Если объявят — то уж, конечно, постараются внедрить в умы, что это-то и есть настоящий «социализм».

Кроме физического принуждения — наших солдат ничем не возьмешь. И пока — они танцуют или, по признанию Крыленки, в

карты всю ночь дуются. И нынешнюю дулись, несмотря на гудки и Псковы.

Им уж и «свергать» надоело: пусть сидит, кто сидит; где еще возиться!

Троцкий надорвался. По выражению Суханова — «хрипит, как издыхающий бес».

В Крестах угнетение. Нервничает Рутенберг, не много лучше Авксентьев (я ему сегодня: письмо послала), тверже всех Терещенко.

Вчера был в Крестах классический винт: Сухомлинов, Хвостов¹⁹³, Белецкий и — Авксентьев! Игра!

Хвостов говорит Авксентьеву: «Наверно у нас есть общие сослуживцы, Николай Дмитрич: ведь вы были министром в моем же министерстве...»

Друг друга свергали. И оба сидят.

Ив. Ив. опять в шубе. Опять у него «душа замерзла».

Б.Н. я вызвала. Он очень угнетен. Эсеры вполне проваливаются. Уж стремятся в Москву. Напрасно.

Ростов опять взяли большевики. «Укрепление советской власти на местах»... Да, все идет *отсюда*.

13 Февраля, Вторник.

Тяжелая, странная скука. И как будто воздух ее отяжелен, все в ее объятиях, весь город. Движения мысли трудны, как движения тела в воде.

Ив. Ив. в шубе.

Но это атмосфера. А вот факты (хотя и факты какой-то подернуты мутью, точно и они затруднены в движениях).

Немцы, взяв Ревель и Псков, дальше как будто не продвигаются. Но на телеграмму Крыленки ответили, что до подписания мира, т.е. до истечения трех дней, оставляют за собой право продолжать военные действия. Высадились в Або довольно большими силами.

Наша «делегация» (оказался-таки один русский — плюс восемь штук жидов) уж в Бресте. Ей велено принять *всякий* мир.

Теперь вот что получается: большевики решили принять этот мир во имя сохранения своей власти. Но если в условиях мира будет заключаться что-нибудь такое, что, исполняя (а немцы потребуют гарантий исполнения), — большевики механически власти лишатся? Надо думать, что немцы, раз они пошли на сделку, таких условий в договор *не включают*. Например, они не потребуют права ввести оккупационные войска в Петербург. Все меня убеждают, — все, еще горящие надеждой на спасение от большевиков хотя бы через немцев, — что Германии гораздо мудрее войти в Санкт-Петербург как бы мирно, для «гарантий», а не военным маршем. Быть может, и муд-

рее... если б она хотела, решила войти и выбрала только способ. Если бы она, так или сяк, намеревалась свергать большевиков. Антибольшевицкий Петербург наш в это верит, отчасти и убежден в этом как-то органически. Но логики тут нет. И вся моя логика противится такому положению: Германия заключает мир с правительством, которое она хочет свергать? Чего же будет стоить этот упойительный для нее мир, когда она свергнет единственное правительство, способное его, такой, заключить? Не надеется же Германия просто завоевать всю Россию? Это невозможно, если даже вся Россия перед ней будет отступать.

Нет, Германия оглупела от жадности, но не настолько, чтобы забыть свои дела на Западе, — они очень, и главным образом, ее заботят. Оглупела как раз в ту меру, чтобы пойти на сделку с большевиками, считать их сиденье над Россией и Брестскую сделку чрезвычайно для себя, в этот момент, выгодными. А если так (т.е. если она «считает»... Выгодно ли все это Германии на самом деле, в конечном счете, — покажет будущее), если значит так — НЕ БУДУТ НЕМЦЫ НИ БРАТЬ ПЕТЕРБУРГА, НИ СВЕРГАТЬ БОЛЬШЕВИКОВ, ни прямо, ни косвенно, включением в договор каких-нибудь, лишающих большевизм власти, условий.

Вот соображение неумолимой логики... А что будет — посмотрим.

Сегодня напуганные большевики уж собрались в Вологду¹⁹⁴. Отложили.

Продолжают «мобилизовать». Все так же тщетно. Все так же начисто отказываются воевать солдаты. Уходят и отсюда толпами — домой, остающиеся только танцуют.

Любопытно, что в «мирной делегации» есть левые эсеры, а между тем сегодня эта лакейская партия объявила, что она мира *не* принимает.

Газеты сегодня лишь ихние, т.е. похабные, грязные (неужели там ни одного приличного человека?), заведомо лживые и в повальном безграмотстве.

Какая тяжелая, тяжелая — Скука.

14 Февраля, Среда.

Очень смутно. Противоречиво. Даже по ихним газетам. В перемирии Гофман отказал (да зачем, если через 3 дня «мир?»)¹⁹⁵. Немцы, однако, явно приостановились. Посольства некоторые выехали, другие спешно собираются. Но и большевики все время «собираются». Пускают пробные камни: «Советская, мол, власть — вся Россия ей опора... Вот, мол, Урал... А то и Нижний... Или вновь завоеванный “красный” Ростов...»

Левые лакеи капризничают, взъелись на Ленина: «мелко-буржу-

азный, а не социалистический премьер». Газеты продолжают вздувать «подъем обороны Советской Республики», но это полный вздор: достаточно взглянуть на жалкую, сборную рвань — «доблестную красную армию».

Вечером слух, что эвакуируется министерство юстиции. Значит, заберут с собой и главных пленников. Это уже каюк.

Настроение тяжелое.

Вечером пошли к Ив. Ив. Вдруг является снизу пришедший к нам Илюша.

Говорили много и там, и после, внизу. Эсеры уезжают. В Москву. Очень серьезные имеют намерения сблокироваться со всеми государственными партиями. Кадеты, однако, на блок нейдут. В общем, они заняли позицию чисто-созерцательную, думают, что лишь германский, а лучше бы международный штык изменит положение России, и лишь после, когда-нибудь, настанет время «акции». На вопрос: а что же делать в сейчасную минуту? определенно отвечают: ничего не делать.

Кроме того, они (кадеты) уже потому не пойдут в «блок», что слышать не могут ни о каком Учредительном Собрании. Предлагается же вовсе не прежнее, предлагается У<чредительное> С<обрание> (и без Чернова) лишь как мгновенная опора, как переходный лозунг для образования новой власти, самой твердой, быть может, даже сначала диктаторской. Предлагается и об этом сначала сговориться. Но кадеты и слышать не хотят. Учредительное Собрание для их теперь более, чем когда-либо — *bete poire**.

И во, и до пришествия конституционного монарха, желают сидеть чистыми. Сколько времени пройдет до этого «до»? И что останется от России?

Но я далека от каких-либо упреков кадетам. Возможно, что у них сейчас действительно уже нет никаких активных сил.

Да и у кого они есть? у честного, хотя бы краткого, блока всех партий (кроме *крайней* монархической) могли бы быть, но... этот блок невозможен. Не могут — и не смогут — сговориться наши несчастные интеллигенты, горе-политики.

Слух, довольно смутный, что в Ростове попали к большевикам Милюков и Родзянко¹⁹⁶.

Где Б. — не знаю. Но, к счастью, кажется не там.

На улице странно. Не разберешь ее, улицу. Оттепель. Грязь. Затаенность.

* Пугало (*фр.*).

15 Февраля, Четверг.

Ничего явно-нового. Лакеи (левые эсеры) ворча, покоряются. Знаменитую формулу: «мира не подписывать — войны не вести» — вывернули, и получилось: «мир подписывать — войну вести».

На этом стоят и соответственно собираются действовать. Да вывернутая формула понравилась и большевикам, по крайней мере кажется им очень пригодной для уговоров, для обlamывания артачащихся. Ленин уж говорил: «Подпишем мир! Ведь условий его мы не будем исполнять!» Теперь он поехал в Москву уговаривать в этом духе тамошние, слишком воинственные, собачьи советы, пока они не поймут всю р-революционность положения: и мир заключать, и войну вести. Не сомневаюсь: когда раскусят — понравится. Предел свободы: кто хочет — в мире живет, кто хочет — воюет. И даже одновременно, и воюет, и в мире живет.

Послы уехали. А большевики со своей эвакуацией решили ждать. Уверяют, что нет наступления. (А Ленин-то, на всякий случай, уехал).

Ив. Ив. в шубе. Напрасно Красный Крест надрывается, никого из заключенных не выпускают. Зато шпионов Козловского и Красикова восстановили в следственной комиссии. Странно: сами же так ошельмовали их ранее, что, думать надо, сделали эту реабилитацию под угрозой какого-нибудь разоблачения.

О вчерашнем (насчет блока).

Дима принес мне текст какого-то «доклада совету московского совещания общественных деятелей»¹⁹⁷. Это совсем не пахнет «блоками», но это, очевидно, один из многих «проэктв российского устройства», зарождающихся теперь в бессильных, отдельных, интеллигентско-общественных кругах и кружках. Данный имеет, кажется, отношение к московскому кружку «Русских ведомостей». Я подумывала, даже, не выписать ли его, как образчик современной беспомощности и политического бессилия интеллигентской буржуазии, — но не стоит. Главные положения: утверждение неподготовленности России к самоуправлению («социалистическое крыло интеллигенции раздуло классовую вражду» и т.д.); поэтому «надо отбросить даже идею Учредительного Собрания». Далее выдвигается «военная диктатура». Это бы ничего, если бы тут же не создавался *cercle vicieux**: военная диктатура, чтобы *стать*, *быть*, должна опереться на материальные силы; между тем, этой «диктатуре», как одна из задач, рекомендуется «восстановить материальные силы» для «создания элементарного порядка».

Очень беспомощно сказано, что военная диктатура «опирается на

* Порочный круг (фр.).

государственно-мыслящую часть народа». Ясно, что эта «часть народа», если она и существует, материальных сил в своем распоряжении не имеет; следовательно, и «военная диктатура», на нее «опирающаяся», — прежде всего нечто «нематериальное» и даже без пути к материализации. Стоит ли, поэтому, выписывать здесь и обсуждать все мечтательные схемы «устроения Российского», которыми занимается «проект»? Совершенно неважно, что эти несколько человек стоят за «монархию»; другие будут за республику, и столь же все не важно. Но если они и тут, в области мечтаний, не могут помыслить сговора, — какой возможен «блок» для конкретных, близких действий?

Да, волей-неволей начинаешь думать, что единая наша надежда — чужой штык. А так как его не будет... Не будет? Глядя трезво на положение вещей, на психологию обладателей этого штыка — всех, и германцев, — должно сказать, что не БУДЕТ.

16 Февраля, Пятница.

Передо мной куча московских газет (только что добытых, еще январских). Гляжу на них — и начинаю понимать, до какого состояния мы в Петербурге незаметно доведены.

Настоящая газета! С резкими, русским языком написанными, статьями. И даже с объявлениями! Я смотрю на нее недоверчивыми глазами папуаса. Мы уже одичали, и дичанье продолжается. Сегодня — диче, нежели вчера, завтра еще диче...

Все время что-то толкает внутри, кипит, хочешь чего-то сказать, крикнуть, написать, сообразить, сделать... и все это, подавленное, затвердевает тупым камнем внутри. Ни с кем ведь не видишься (да и с кем?), ничего, кроме слухов, слухов и ...неприличной матерщины «красных» газет. Именно теперь, думаю, мы бесповоротно разучимся писать. Потеряем дар слова, как на глазах теряем здравый смысл.

Мы в каменном мешке. Уехать в Москву? Но туда уже почти не пускают. И надолго ли эта сравнительная «свобода» в Москве¹⁹⁸? Ведь уже туда отправился Ленин...¹⁹⁹

Сегодня «купили» у разбойников Терещенко и Кишкина. За Терещенку нагло потребовали 100 тысяч, а за Кишкина (с паршивой собаки хоть шерсти клок!) три тысячи²⁰⁰. На протесты не стеснялись сказать: «Вы же знаете, как нам теперь деньги нужны». У Кишкина и 3-х не было, за него хотел платить Красный Крест, но Штейнберг отказал в расписке: «неловко». Заплатила мать Терещенки.

Ив. Ив. сам вывел пленников из тюрьмы. И тотчас первая улыбка «свободы» навстречу: свора красной рвани, направляющаяся в Смольный. Уж Ив. Ив. скорей пленников в переулочек, от этого зрелища.

Немцы делают вид, что собираются идти на Лугу, куда несчастная эта воробьиная стая и посылается, «для победоносного отражения немецких калединцев» (sic). Немного осталось бы от «победоносцев», если б действительно немцы на них пошли (и если б те не успели удрать).

Кровь несчастного народа на вас, Бронштейны, Нахамкесы, Штейнберги и Кацы²⁰¹. На вас и на детях ваших.

Трехдневный срок для подписания «мира» истекает в понедельник утром. Жиды доплелись до Бреста. (Все-таки не в Двинске, куда они лишь первые мольбы и согласия на все послали, совершится это позорное, тайное, «мирное» деянье).

В московских газетах («Русские ведомости») есть несколько статей Бориса²⁰². В них интереснее всего — тон (атмосфера борьбы) и праведные упреки эсеров в *бездейственности*. Да, с ними случилось непоправимое: они потеряли революционность. Теперь все уехали. Да нигде у них ничего не выйдет. Ни к кому не применятся, так и сгинут.

Илья сам говорил: «Нет у нас ни одного решительного человека. Серая публика».

Серая, хлипкая. Чернов, что ли, их так разложил?

Бориса возненавидели, изгнали, — выбрали вождей: Чернова и Натансона. Ожглись на последнем (он сразу пошел в Большевики), да и Чернов, если не с большевиками, а ходит по Москве «крашенный» — то это чистая случайность...

Завтра, кажется, выкупаются все, кроме Бурцева. Ив. Ив. сам точно каторжный с этими хлопотами и выкупам.

Завтра же вводятся новые «меры»: ввиду отсутствия денег у большевиков налог в пользу Советов; и затем — «немедленное вселение рабочих в буржуазные квартиры»²⁰³. Скоро, значит, я уже не буду иметь своего письменного стола и своих книг. Книги — первый признак «буржуазности». У нас же их столько, что наша квартира во всем доме, конечно, самая «буржуазная».

17 Февраля, Суббота, 5 ч. Веч.

Вчера поздно ночью Смольный, получив от своих караханов (мирной делегации) телеграмму о высылке обратного поезда, — задрожал, испугался, решил, что все кончено, немцы не соглашаются ни на что. Даже Ленин объявил официально (сам сидел в Москве), что «надо оборонять Питер».

Но это волнение недолго длилось: караханы НЕ ГЛЯДЯ ПОДПИСАЛИ НЕМЕЦКИЙ МИР, и теперь возвращаются, полуликуя, полутрусая (желают охраны к поезду), первая же их телеграмма почему-то не дошла²⁰⁴.

Ленин торжествует. Хотя в то же время Киев взят германцами.
Ну-с, вот.

Позднее.

Кроме Авксентьева²⁰⁵, сегодня выпустили (все тайком) и Бурцева. Этого Ив. Ив. прямо один «вырвал», как он говорит, из их рук.

Большевичка Галина (макака) ликующе телефонировала Манухиным: «мир подписан, советская власть спасена». Мир же *такой*, что они даже и своим, даже наиболее приближенным, сразу не смеют открыть его условия (о нас всех и говорить не стоит; полагается, что население Петербурга ровно ничего не должно знать. «Брестский договор» — самый тайный из всех «тайных договоров», которые когда-либо были подписаны)²⁰⁶.

Частично осведомляют «своих». Пока лишь сказали, что у России берется Карс с Батумом (это сверх всего запада и севера).

Исполняются мои предсказания насчет оглупевшей, одуревшей от жадности Германии. Ведь большевики предлагали ей *все*, только выбирай, за свое царство. Перед таким соблазном не устояла Германия: какие выгодные люди, пусть сидят, это недорого...

Измученный, возмущенный Петербург (честные люди) упрямо не хочет этому верить. Упрямо стоит на своем, что не мытьем, так катаньем, а немцы доедут большевиков. Никто не допускает, чтобы немцы *не знали*, как для них самих, в их собственных интересах, нужно наискорейшее свержение большевиков.

Так горячи эти толки вокруг меня, так бесспорны доказательства опасности для Германии брестской сделки, — что и я, слушая, начинаю заражаться, сомневаться... Нет ли, в самом деле, у немцев какого-нибудь камня за пазухой для большевиков?

Ведь Германия (до сих пор была, по крайней мере) страна с самым развитым и совершенным ощущением момента, времени, с полным знанием слова «пора». Ее гений — чувство *меры* (в противоположность нашему народу, безумному в без-мерности; для нас все, всегда, или *рано*, или *поздно*..).

С этим гениальным «чувством меры» Германия всегда великолепно блюла свои «интересы». Аккуратно всюду посмотрит, все взвесит, десять раз прикинет, — терпеливо и трудолюбиво, наконец, скажет себе: «пора!» и отрежет. С начала войны Германия глаз не отрывала от России, внимательно всматривалась, не жалея ни труда, ни времени, и ничего прочего. Проникла, учла, отмерила и — кое-что сделала для своего интереса в самую пору. Не побрезгала, как побрезгала, и до сих пор, фатально (для собственных интересов!), брезгует нами Англия. Ее презрительное невнимание к «далекой, восточной, грубой стране» в свое время на ней скажется, но сейчас не о ней речь.

Сейчас меня занимает Германия, с ее хитрейшей мерой и — с брестской сделкой, с покровительством большевикам. Неужели она могла одуреть так сразу, так внезапно? Может быть, уже давно, чуть-чуть, неприметным образом началась эта потеря разума — от войны? Война, теперешняя, наша, обладает потрясающим свойством тихо сводить с ума и народы, и правительства. Почему Германия — исключение? Напротив...

Но довольно этих рассуждений... на пустом месте. Мы в завязанном мешке — и еще что-то хотим видеть. Я ничего не знаю, мои соображения — только для меня.

А сегодня странный факт: упала бомба с аэроплана на углу Горсткиной и Фонтанки. Есть раненые (что не слух, а факт). С какого аэроплана? Уверяют, что с немецкого. Я не верю, это бессмысленно. Если же не с немецкого, то — с нашего?

19 Февраля, Понедельник.

Да, «карахань» вчера, 18 февраля (3-го марта) НЕ ГЛЯДЯ ПОДПИСАЛИ НЕМЕЦКИЙ УЛЬТИМАТУМ, после чего поехали назад. А четырех «советско-украинских» делегатов немцы в Брест и не пустили: «не надо нам этих 4-х господ»²⁰⁷.

Вчера ночью погасло электричество. Я думала — так, но после узнаем, что цеппелины! О бомбах, однако, не слышно. Аэропланы продолжают реять. Какая чепуха²⁰⁸!

Левые эсеры против ленинцев. Впрочем, никто уже не знает, кто за что, за кого, против кого. Факт, что наши властители утекают сплошь, иные — говоря, что на московский съезд, а иные ничего не говоря. Забирают и полуразрушенные свои «министерства». Оставлен для владения нами «Петроградский Совет с Зиновьевым»²⁰⁹. Полагаю, что в случае чего и этот собачий совет погалопирует, задеря хвост. «Управы» тоже растекаются, велено запасы разделить на руки.

Немцы, взяв Киев, взяв сегодня Нарву, дали официальный приказ об остановке военных действий. Но упрямыцы наши не вразумляются: пусть «мирным путем» — но придут немцы! И даже, мол, раньше двухнедельного срока.

Ну, пусть, скучно думать, воли не хватает даже на желание. Ведь мы абсолютно бессильны.

Видела сегодня Бурцева. Веселый и жизнерадостный старичок. Говорила я, что ему тюрьма нипочем, только лишний прибыток, дружба с Белецким, например. Немножко (или «много») он маниакален, но сам этого не видит. Все такой же, как в Париже. Его суетливая жизненная энергия очень завидна.

Гуляла сегодня по несчастному, грязному, вшивому Петербургу. Видишь ли ты, Петр?

20 Февраля, Вторник.

Все большевики дружно и спешно уезжают. Укладывают, что поценнее, везут — и в Нижний, и в Казань, и в Уфу, куда какое «министерство» попадет. Лишних людей распускают. Торопня открытая. Официально все комиссары и «Петроградский Совет» едут в Москву на съезд. Но съезд 27-го, а они уже теперь спят в вагонах великокняжеского поезда на Николаевских путях.

О «карахановской» делегации ни слуху, ни духу. Будто бы в дороге обратно, а где — неизвестно.

Все это окрыляет верующих в освобождение и в здравый разум Германии. Я запишу нарочно, что говорят в городе. Есть слухи, сразу передающие атмосферу, в которой рождены.

Говорят: немцы уже в Териоках. Вот-вот займут Гатчину, чтобы послать несколько полков в Петербург, и все это будет без боя, а с правом, т.к. это, мол, оговорено в «мирных» немецких условиях.

Спорить, что не оговорено, — нельзя уже потому, что условия эти доселе не опубликованы, а в радио, которая пришла в редакцию «Речи», пункты до 4-го замазаны и стерты. Слухи конкретизируются — вплоть до имени петербургского коменданта: какой-то Вальдерзее. Планы немцев — учредить Комитет с Тимирязевым²¹⁰ во главе, а затем содействовать новому нашему Учредительному Собранию, но созываемому на правах рейхстага.

Вся эта картина имеет такой стройный вид правдоподобия, что я не дивлюсь уверенным. Я даже чувствую, слушая, что сама способна заразиться этой верой. И тогда является чисто физиологическая радость, что гнилой зуб будет вырван. Физиология самая голая, ибо даже сердце знает — какая уж радость! Позор из позоров — спасение от немцев. Но я думаю, что если б даже лишь ценой головы можно было избавиться от этого зуба, то... никто бы вольно на то не пошел, — однако, если б свершилось, — мгновенье физиологической радости все-таки было бы!

И я слушаю... пока снова и снова не встанет передо мною неумолимая логика фактов, уже несомненных: Германия пошла на сделку. Германия оставила большевиков. Германия одурела.

Утешение (сейчас такое жалкое!), что Германии это когда-нибудь отплатится.

А что будет в Москве — неподклонно человеческому уму. Москва — город невозможностей и непроницаема, как Пекин. Не удивлюсь, если она вдруг в наших Бронштейнов вопьется и они сызнова начнут

ее расстреливать. Не удивлюсь, если она примет их униженно и покорно. Ничему не удивлюсь.

В самом конце концов — Москва всегда повторяет Петербург, только еще подчеркнуто, утрированно. Это надо знать.

Бедный Ив. Ив. уходил себя, мучаясь с заключенными. Нынче ночью у него был сильный сердечный припадок. Теперь сидит, как худая, печальная птица.

Но уже «мечтает» ехать вызволить двух последних: Рутенберга и Пальчинского²¹¹.

— Как бы успеть до немцев!

Твердо верит в приход немцев!

Кишкин уехал в Москву, надеясь там на политическую работу (сажать Михаила Александровича)²¹². Звал Карташева — «работать в церкви». Боже, какие утопии!

21 Февраля, Среда.

И торопня у большевиков прошла, уезжают с прохладцей. Как будто уверились, что они нужны немцам. Отлегло.

А мы, когда начинаем все-таки ждать немцев, — чувствуем себя, как на операционном столе. Ни рукой, ни ногой. Только видим и дышим. И ждем. И гангрена наша с нами. Ждем, ждем. А дленье длится.

Нет, не ждать — лучше. Знать — лучше.

22 Февраля, Четверг.

Большевики убили Володю Ратькова, второго сына сестры Зины. (Дмитрия, младшего, убили немцы полтора года тому назад).

Володя был ее любимый. Убили под Ростовом, когда казаки изменили²¹³. Он полз спасать раненого гренадера. Убили на земле, сразу. Да, вот этот умер, как святой, в борьбе с дьяволом, а не с человеком. Не могу сегодня больше ничего писать. Оружие прошло душу матерей. И слезы их еще не затопили землю²¹⁴!

Господи, когда оглянешься на невинных твоих?

23 Февраля, Пятница.

Пишу лишь во имя какого-то, вероятно, несуществующего, — долга. Писать физически трудно. Смерть Володи ни на минуту не отходит. Еще не знает мать до сих пор. Ей — (сегодня поехал в Москву) — скажет последний сын, старший, Ника. Был у меня вчера. Этого я не очень люблю. Он всегда казался неприятным. Теперь он последний.

Тяжесть общего положения — неотразима. Вот, полгода мы присутствуем при систематической работе отравителя. Каждый день очередная порция мышьяку. И нельзя остановить руку убийцы, ибо мы связаны, привязаны, как псы, с заткнутыми глотками, — смотри!

Ратификация мира будет 3-го марта. Немцы не только остановились, но даже отступили. Большевики уже не бегут зайцами, совсем оправились, твердо надеются, что ратификация состоится. И правы, Ленин свое возьмет, а «будуирующие» леваки прижмут хвост. Ленинцы усиленно разглашают, что это «передышка», потом мы — реванш, а пока будем весь народ вооружать и обучать.

«Передышечники» в Москве и победят. Яснее, чем когда-либо, полное одурение и оглушение германцев перед жирной добычей. Ибо — я повторяю, и сто раз еще повторю — сиденье большевиков НЕ в интересах Германии. И сейчас она испытывает судьбу. Зарывается в своей великолепной самопоуенности. Рассчитывает, рассчитывает... но и на старуху бывает проруха. Почему-то вспоминается мне Уэллс, его марсиане из «Борьбы миров». Как марсиане все рассчитали, явившись на землю, какие у них были идеально-совершенные разрушительные орудия! Люди даже и помыслить не могли о борьбе с ними. Но... марсиане не учли, пускаясь в свое предприятие, — силу земных бактерий. Крошечное, невидимое существо заразило их могучие тела, непривычные, неприспособленные, — и марсиане сдохли, со всей их культурой и механикой, сдохли почти молниеносно.

Как бы и тебе не дрогнуть, Германия, в час, когда на жедшь и не думаешь? Смотри, не просчитайся, самоуверенная страна!

Петербург сейчас оставляется на добычу хулиганам, разным «районным советам», которым «Красная Газета» (наш официальный орган) ежедневно советует заняться «додушением буржуазии». Для этого, будто бы, так и необходима «передышка».

Пока «додушенье» идет очень интенсивно. Вот две иллюстрации — на протяжении двух дней. Первая — объявление от «районного совета Петроградской Стороны», что они взяли в какой-то квартире 7-рых юношей, повели ночью на окраину и там расстреляли (причем одного недострелили, уполз, после умер). И прибавка: «личности их не выяснены». Когда одна из полузaduшенных газет осмелилась спросить: что же это такое? — Бонч напечатал, что Совет Народных Комиссаров об этом не знает, приказа не отдавал, будет «произведено расследование»²¹⁵.

Рядом, как раз под Бончем, объявление того же районного совета (вторая иллюстрация) о расстреле заключенного «капиталиста Аптра», который, будто бы, предложил им 25 тысяч, «посягая на революционную честь презренным металлом». Интереснее всего: тут же оскорбленные «революционеры» добавляют, что после расстрела они конфисковали «весь его капитал и все имущество». Очевидно, перед

этим кушем — презренны какие-то 25 тысяч керенок. Лучше ухлопать и сразу все взять, да еще «с честью».

В тот же самый день и час Ив. Ив. как на базаре торговался в главной следственной комиссии за Рутенберга и Пальчинского. Уступали по рублишкам. «Нам деньги нужны!» Наконец-таки ударили по рукам. Значит, в «главной» предпочитают пока сделки без ухлопыванья, да и заключенные эти более на виду. Но с отъездом «главных» в силу вступают упрощенные районники.

Из расстрелянных юношей трое оказались французы, прапорщики, должны были ехать во Францию. Остальные — студенты. Пришли к знакомой курсистке. Какое-то печенье поджаривали. Все жили здесь при родителях.

Вот до чего мы дошли.

Голодных бунтов нет — люди едва держатся на ногах, не забунтуешь. Ната продает на улицах газеты, 8 к. с экземпляра (для этого кончила Академию и выставяла свою скульптуру)²¹⁶.

Все кончается.

26 Февраля, Понедельник.

Новость: официально объявлена ПЕТРОГРАДСКАЯ КОММУНА и диктатура Троцкого²¹⁷.

Большевики почему-то опять заторопились, некоторые удирают по ночам. Едут через Пермь, косясь на Бологое, где много немецких «пленных».

Ив. Ив. — один из наиболее горячо, как-то «беззаветно» убежденных, что Германия не оставит большевиков. Сегодня пришел к нам в радостном настроении, даже без шубы (хотя мороз) и уверяет, что в скрываемых немецких условиях *есть* пункт оккупации Санкт-Петербурга. Что после ратификации мира немцы будут здесь, у них, будто, уже все подготовлено. И пятого марта... Ну, и так далее.

А сегодня в 11 1/2 часов вечера у подъезда нашего дома семеро грабителей подстергли возвращающийся автомобиль Гржебина (прохвоста) и всех ограбили, да и шофера, да и автомобиль угнали. (Гржебин устроился в квартире домовладельца, где, для охранности, навесил вывеску «музей Минерва (?)»).

Взяли и деньги все, и шубы, у Гржебина сняли с пальца бриллиантовый перстень.

Не ходи в большевиках!

28 Февраля, Среда.

Исключительные условия времени и места делают запись мою почти бессмысленной. Я ничего не знаю. Есть вероятие думать, что

и никто ничего не знает. Я ничего не могу вообразить себе из того, что будет. Есть данные думать, что и никто этого не может.

В Москве съехалась всякая партийная интеллигенция (вправо от большевиков). Очевидно, имела какие-то общие совещания (подобие блока), после чего совместно заявила союзническим консулам (послы уехали), что она «мира не признает». Сегодня — такое же заявление от партии народной свободы — кадетов, которые, значит, в общепартийных совещаниях не участвовали. Но пришли в данном пункте к тому же — к непризнанию мира.

Очень хорошо. Совершенно естественно. Выводы — пусть гадательные — из этого мы сейчас сделаем. Упомяну раньше, что тут же говорят о «представлении Японии союзниками свободы действий в России».

Эта загадочная «свобода действий» никаких конкретных надежд для нас не может, конечно, представлять. Но союзники так безумно далеки от нас, что даже помощь далекой и бессильной Японии — для мысли — все же конкретнее. Отсюда и выражение: «ориентироваться на Японию», что, в сущности, значит: ориентация на союзников, а не на Германию.

Потому что люди, не потерявшие веру в мудрость Германии, склонны, ради избавления и спасения России, стиснуть зубы и принять «германскую ориентацию», признать даже немецкий мир и немецкий штык, благодетельно направленный на большевиков.

Непризнанием же мира, — говорят эти... идеалисты? — лучшая часть русского общества *заставляет* немцев, волей-неволей, поддерживать правительство большевиков. Они одни — друзья в России (пусть формальные), остальные — враги, ибо на стороне врагов. Как же Германии свергать «друзей», для торжества врагов? Напротив, ей придется поощрять большевицкие гонения, изничтожения всех небольшевицких частей России. Союзники, с Японией вместе, *физически* не могут помочь России, даже если б понимали, как нужна ей сейчас помощь. А немцы физически могут, и понимают, что в свержении большевиков ее, Германии, интересы совпадают с русскими, но... Тут мечтатели упрекают в мечтательности русскую интеллигенцию, объявляющую о своей «душевной верности» союзникам, и тем, будто бы, предающую плоть России на двойное физическое растерзание.

Очень трудно разобраться. Но так как у меня самая первая предпосылка иная, чем у «германских ориентаторов» (Германия одурела, оглупела, просчиталась, уже чего-то не понимает; и не хочет, *ни за что*, свергать большевиков), — то меня русская верность союзникам лишь радует. Легче погибать с чистой душой, если уж на то пошло.

Сегодня арестовали 60 человек. Все мальчики от 14 лет, гимназисты, лицеисты, реалисты... Контрреволюционеры!

Ив. Ив. нынче был у нового председателя ревтрибунала. Поехал туда хлопотать о выпуске старых министров, больше некуда ехать: вся следственная комиссия удрала.

Видит — человек. Ив. Ив. то, се — человек слушает добродушно. Слушает, но как-то... отсутствует.

Ив. Ив. к нему по-хорошему:

— А вы кто же такой сами по себе будете?

— Да я — слесарь...

— Ну, а я — доктор. Никаких я юридических наук и законов не знаю, вы тоже, думаю, не знаете, ну и давайте мы говорить просто по-человечески.

Стали говорить по-человечески. Однако слесарь усумнился, по какому «пункту» выпустить, например, Сухомлинова?

— Да хоть бы по тому, что ему 70 лет!

Но слесарь решил запросить Москву. Кто его знает! А с меня, говорит, «спросится».

Разговорились по душам, слесарь признался, что как его посадили за стол — он даже обомлел. Слышал — есть английские законы, есть французские, а он — ни английских, ни французских, ни русских, — ну просто ничегошеньки!

Неловкое дело. Ну, для нашего правления — и слесарь управит. «Рабочее» правление.

Холод, 10—7° морозу. Ясное солнце. Мертво.

Вчера вяло «праздничали» (не на улицах). А я не нарочно, но как-то символично пропустила вчерашнюю «годовщину»²¹⁸. Ведь надо бы не праздновать — панихиду служить по нашей революции.

3 Марта, Суббота.

В Москве, на знаменитом съезде, «мир», как было предуказано, ратифицирован. Левые эсеры грозят, клянутся, что уйдут, уходят, уже ушли... но тут как тут. Ленин их прямо в морду называет «дураками», плюет на них... ничего, оботрутса²¹⁹.

Какая мудрость в том, чтобы НЕ ЖДАТЬ. Когда кругом меня трепетно и, казалось, не без оснований, ЖДАЛИ, и так, что вот-вот... благословенный крах у дверей... я изо всех сил стараюсь не впасть в этот соблазн, защелкнуть внутреннюю задвижку. И это мне удавалось. Да, да, будет как было, большевики будут сидеть, у нас будет наша террористическая коммуна, и немцы будут поддерживать наше «советское правительство» и все так будет до... Я не знаю. Не мое дело звать времена и сроки.

Массовый террор в России я описывать не хочу. В Симферополе вырезали две улицы «буржуев». В Ялте... столько убийств, утоплений с ядрами на ногах, что теперь... мертвецы одолевают город, всплывая

в бухте в стоячем положении. В Глухове...²²⁰ нет, не стоит. Вот только еще — торговля рабынями на юге: «герои» навезли, убегая с кавказского фронта. Продают женщин рублей по 30—25, сбили цену, много навезли, а первые шли по 100—75.

Забыла отметить, что нынче в ночь, около 5 ч. утра, перебудили весь наш дом. (Я еще не ложилась, только что хотела). Прямо у наших окон, — буквально, кр<асно>армейцы, лошади, пулеметы и тяжелые орудия. Зачем и во что они хотели палить из этих пушек — о сию пору толку не добиться. Какая-то война с *солдатами*, ибо они целились на казармы, — мы окружены всякими.

Из углового дома справа выгнали всех жильцов, будет, мол, артиллерийская стрельба. Долго стояла около нас, у сада, «грозная» эта армия. Дима говорит (он выходил на улицу с домовыми сторожами), что главные действия этих доблестных красных вояк — перманентная ругань. Матерщина — топор вешать; плотно набили ею улицу.

Кажется, «враги» сразу сдались, ибо к рассвету матерщики отъехали и пушки увезли, ничего не расстреляв.

Сегодня газеты косноязычно и с глуповатым видом пишут (они теперь только так и пишут), что «в Преображенском полку велась белогвардейская пропаганда», и красноармейцы должны были этот полк и еще какой-то разоружить... или арестовать... или, — словом, вялая чепуха²²¹.

Вечером звонок сверху. Ив. Ив-чу опять стало худо, опять с хлопотами о заключенных переутомился. Были мы там. Лежит.

6 Марта, Вторник.

Все на своих местах. Я верна себе и ничего не «жду». Дыбенку арестовали²²². Левые эсеры? Одни — уши («на Волгу! Подымать восстание!»)²²³, другие — благополучно остались. У нас коммуна как коммуна, дело привычное. Немцы, взяв после Киева Николаев и Одессу, преспокойно подвигаются к Харькову. Большевики забеспокоились опять, но не очень: в Москве-то «мир».

На днях всем Романовым было повелено явиться к Урицкому — регистрироваться²²⁴. Ах, если б это видеть! Урицкий — крошечный, курчавенький жидочек, самый типичный, нагряк. И вот перед ним — хвост из Романовых, высоченных дылд, покорно тянущих свои паспорта. Картина, достойная кисти Репина!

Но страницы Истории — этой книги, которую так трудно порою читать, — перестали для меня быть иллюстрированными. С самого октября. Почти ни одного из октябрьских мерзавцев я не знаю в лицо. И редко жалею об этом.

Сегодня был француз Domeguc, парижский корреспондент. О, как французы ничего у нас не понимают!

17 Марта, Суббота.

Запад. Запад... Расстреливаемый Париж...²²⁵.

Кричу (пусть безгласно, как во сне) мужественной Франции: да, да, мы знаем, сейчас не только германские руки кровявят вас, вас душит свех и труп России. Мы, сознательные русские люди, повинны тоже и также: мы бессильные рабы. Вы правы, проклиная нас. Но мы и не хотим вашего прощенья. Когда и в чем Россия искупит свою вину перед Европой? Не знаю. Но я верю; это будет, будет.

Я верна себе. Я — здесь — ничего не *жду*. И, кажется, все, мало-помалу, приходят к тому же.

Вчера на минуту кольнуло известие о звероподобном разгроме Михайловского и Тригорского (исторических имений Пушкина). Но ведь уничтожили и усадьбу Тургенева. Осквернили могилу Толстого. А в Киеве убили 1200 офицеров, у трупов отрубали ноги, унося сапоги. В Ростове убивали детей, кадетов (думая, что это и есть «кадеты», объявленные «вне закона»).

У России не было истории.

И то, что сейчас происходит, — *не история*. Это забудется, как неизвестные зверства неоткрытых племен на неизвестном острове. Канет.

В расстреливаемом из пушки «La colossale» за 120 километров Париже, во всем сегодняшнем походе на Францию, чувствуется неслыханное напряжение немцев. Даже какое-то надрывное. Если они и на этот раз ничего не достигнут... впрочем, не надо говорить.

Нам немцы дают догнивать, поддерживая большевиков. И даже особой заботы, чтобы с этой падали черви не расплозились, не замечается. На юге украинцы, с небольшой помощью немцев, взяли Полтаву и еще что-то. Вяло.

Мы здесь живем сами по себе. Кто цел — случайно.

До последнего дня — морозы, 13—15°. Нынче оттепель. Вонь. Всюду лежат неубранные лошади.

Каждый день кого-то расстреливают, по «районным советам».

27 Марта, Вторник.

Время почти не проходит. На западе сраженье длится. Только в эту сторону мы еще смотрим, что глядеть на Россию, ее нет.

Ни японские десанты, ни советские ультиматумы не занимают никого. Рада с Германией взяли уже Екатеринослав и Харьков. Тоже не интересно. Безумно скучные слухи из Москвы. Большевики там,

конечно, буйствуют, расстреливают, газеты закрыли сплошь и «на- всегда» (даже «Русские ведомости»)²²⁶. Разлагаются и там, и здесь. Здесь у них все комиссариаты заняты ворами и старыми охранниками.

Мы тупо дичаем. Только и думаем: взят Амьен или нет? Стоят солнечные дни. Падают карнизы. Я не выхожу.

30 Марта, Пятница.

Сегодня опять плохо на Западе. Сегодня известия об анархической бойне в Москве²²⁷.

Сегодня *мы*, наконец, бесповоротно потеряли К.²²⁸.

6 Апреля, Пятница.

Подтверждается, что убит генерал Корнилов под Екатеринода- ром²²⁹...

... Открой, Господь, поля осиянные
Душе убитого на поле чести...²³⁰

Корнилов — наш единственный русский герой. За все эти страш- ные годы. Единственная *личность*.

Его память, одна, останется, не утонет в черной гнилой гуще, которую хотят называть «русской историей».

14 Апреля, Суббота.

Кажется, опять придется писать. Событий нет (т.е., конечно, все полно событиями, только мы к таким до полного безумия привыкли), но в атмосфере чувствуется новое смущение. Очень, однако, неопределенное.

На Западе первым вихревым натиском немцы ничего *не* достиг- ли. Продолжают. Сражения вновь разгораются. Запад — это теперь для нас единственное... И мы вполне бескорыстны, ибо что Запад изменит для *нас*?..

У нас немцы с украинцами взяли уже и Курск, и... Крым. С севера немцы с финляндцами взяли окончательно все, чуть ли не Сестро- рецк. Наши коммунары поговаривают о «защите Петрограда», но вяло, а в конце концов понять ровно ничего нельзя, так как одна нелепость громоздится на другую. Германцы распоряжаются боль- шевиками, как своими слугами, но слуги эти из рук вон бестолковы, и удивительно, что Германия не теряет терпения. Послала Мирбаха в Москву²³¹ (а большевики послали в Берлин еврея Иоффе, комизма не расхлебать!). Что за фигура Мирбах — мы не знаем. Слышно, что он не совсем доволен «служащими». Они, по мановенью герман-

ского пальца, разорвали с союзниками окончательно и готовы на дальнейшие знаки преданности. А Мирбах кривится, точно ему с большевиками... не уютно. Говорят (это лишь слухи, слухи!), что Мирбах закидывает удочки, обещая всякой приличной части России помочь создать власть, растерев большевиков в порошок, лишь бы эта власть признала Брестский мир. Даже в Брестском мире обещают уступочки! Что это значит, если это так, если Мирбах действительно и полный выразитель германской политики? Не хочет ли Германия быть против Дальнего Востока вместе с Россией? На востоке — сибирское правительство, признанное союзниками. Без войск, но обнадеженное обещанием помощи со стороны Японии и Америки²³². Не думает ли Германия, что если метнуться туда, то лучше с Россией, а не с большевиками?

Впрочем, бесполезно гадать, а мы ничего *не знаем*. Мы даже не знаем, действительно ли закидывал Мирбах свои удочки. А если и закидывал (если!), то можно ли положиться, что это — политическая линия господствующей Германии? Мирбах — это уже наверно — никаких никому даже приблизительно официальных предложений не делал. Возможно, что он, будучи здесь, понял яснее «дружественных большевиков», и пока те, оттуда, из Берлина видят еще в них выгоднейшую цацу, Мирбах уже задумывается и робко пробует почу, на всякий случай...

Пока — россияне продолжают еще балдеть. В деревнях только перья летят — дерутся друг с другом. В столицах бушуют анархисты. Этим своим вчерашним друзьям большевики, в угоду немцам, уже расстреливали в Москве из пушек. Но анархисты не унывают. Здесь взорвались сами, однако продолжают грозить. К ним переходит осатанелое матросье, с которым Троцкий уж не кокетничает, не зовет «красой и гордостью» своей, а приказывает разоружать. Да тут же и Дыбенко пошел на Крыленку, Крыленко на Дыбенку, друг друга арестовывают, и Коллонтайка, отставная Дыбенкина жена, тоже здесь путается²³³.

Ежедневно арестовывают какого-нибудь комиссара.

В среду на Страстной — 1 мая по новому стилю. Владыки объявили «праздник своему народу». Луначарский, этот изолгавшийся парикмахер, клянется, что устроит «из праздников праздник», красоту из красот. Будут возить по городу колесницы с кукишами (старый мир) и драконов (новый мир, советская коммуна). Потом кукиши сожгут, а драконов будут венчать. Футуристы воспламенились, жадно мажут плакаты. Луначарский обещает еще «свержение болванов» — старых памятников. Уже делется на скульптуру бар. Клодта на Марининской площади²³⁴. (Из «Карла Маркса» ничего не вышло, «свергать» легче — посвергаем!)²³⁵.

На всякий случай и пулеметов понаставили. Вдруг безработные придут на праздник не с достаточно сияющими лицами?

Надо знать: в городе абсолютный голод. Хлеба нет даже суррогатного. Были случаи голодной смерти на улице. Со всех сторон Петербург обложен: немцо-финны с севера, немцо-украинцы с юга (Курск, Воронеж). В этих обстоятельствах-то «Совнаркому» и хочется повеселить свой «пролетариат» (100 тысяч безработных).

Решили: пора объявить «рай на земле» наступившим.

Озлобление разливается, как вода по плоскому месту. Воздух сжимается.

А какая теплая, солнечная весна! Как нежно небо! Как сквозят просыпающиеся деревья Таврического сада! Я сижу на балконе. Играют дети на пустынной улице. Изредка протарахтит грязный, кривой автомобиль с заплюзганными, незанятыми (днем) налетчиками. За голыми прутьями сада так ясен на солнце приземистый купол Дворца. Несчастный дворец, бедный старик! Сколько он видел. Да жив ли он еще, не умер ли? Молчит, не дышит...

...Сейчас не так поздно, часа 3 1/2, уже светло за распахнутыми окнами и стреляют. Но я не запираю окон — привыкла.

17 Апреля, Вторник.

Два дня идет мокрый снег. Завтра, для «позорища», верно, прояснит. Цари всегда имели луч солнца.

Был Зензинов, из Москвы, — ликвидировать Ил <юшину> квартиру. Эсеры как припаяны к большевикам. Торчат, в бессилии, около них и — никуда.

Зензинов потолстел и помертвел. Точно кукла. Ни раскаянья, ни сознания.

Сегодня был у меня Лебедев, эсер-оборонец (тоже бывший министр!)²³⁶. Этот громко-буйный бессильник. Не весьма умный, но ничего парень. Зензинова зовет «Зензинкой», защищает Керенского, хотя не слишком, бранит Бориса, хотя тоже не очень. Ничего хорошего впереди не видит, уверяет, что «никакой власти нет», что мы давно в руках жуликов и притонодержателей.

Это почти правда. Но тем хуже. Я, очевидно, так и не напишу заветную дату: «сегодня пали большевики». Только бы написать! А там — шваркну этот одичалый дневник.

Говорят, Корнилов жив. Не верю. А Филоненко убит²³⁷. Тоже не верю.

На завтра и слухи вялые. Голод не тетка, не до «акций!». Хлеба сегодня совсем не дали. Фунт масла стоит 18 р. Каждая картофелина — 1 р. 50 к. Достать можно при условиях и удаче. Сказочно.

Московская «серединка» (Кускова и пр.) пошли на соглашательство²³⁸. Культурная работа!

Да, был «кающийся» (не про него покаяться!) Чуковский. Был и останется он «милым, погибшим созданием».

22 Апреля, Воскресенье, Пасха.

Погода самая неприятная. Город уныл и пуст. И «позорище» в среду было унылое. По-казенному шагали красноармейцы при злобно-настроенной, жидкой толпе. Дул ветер, развевая идиотские, кубистические полотна. Маскарадные хари закончить не успели, а потому их и не жгли.

В Москве затянули красными тряпками иконы на Спасских воротах. Порывом ветра сорвало кусок над Николаем Чудотв <орцем>. Толпа зажглась, бросилась за священниками — служить молебен. Крики, визги, угрозы. Двух (будто бы) комиссаров убили. Вызванные броневики расстреляли бушеванье²³⁹. Немцы разогнали Раду. Есть еще кое-что, но потом.

Карташев приходит к «изуверству»²⁴⁰.

26 Апреля, Четверг.

В сущности — царство большевиков — уже остров, даже островок. Кругом бушуют волны. Немцы движутся, ұзя кольцо. Финляндия кончилась, Украина тоже (там немцы посадили диктатора)²⁴¹, с турками немцы взяли Крым, вчера Донскую Область. Новочеркасск, Ростов, двигаются на Царицын. Также около Курска они, — будто бы.

Я-то утверждаю, что и это все может быть ни к чему, большевизм раздавится ТОЛЬКО С ГОЛОВЫ — все идет ОТСЮДА. Но уверяют, что немцы предъявили «москвичам» ультиматум о разоружении французов и англичан на Мурмане (!) и своих латышских полков (!) «... и чтобы сама золотая рыбка была у меня на посылках». Если бы немцы намеревались свалить большевиков, то, пожалуй, такой ультиматум они могли бы предъявить. Но...

На западе битвы еще не решены. Страшно, впрочем, важно, что немцы *уже* не достигли намеченного. Много имею еще написать из другой области, и о союзниках, и о нас... Но воздерживаюсь.

26 Апреля, Четверг.[так! — Публ.]

Из Москвы вести путаные и скудные. В одной газете проскользнуло, что немцы, между прочим, требуют «пропуска германских войск на Мурман» (и за Урал, конечно)²⁴². Фактически — это требование, чтобы Россия вступила в войну со своими бывшими союзни-

ками совместно с Германией. Немцам больше нечего желать России, они ее уже имеют; им нужна победа над Европой; они хотят только еще *использовать* Россию и для этой цели. Большевики пойдут на это с радостью, все, что смогут! Но они завозились; боясь, как бы немцы не поступили с ними по примеру Украины, все-таки. Ведь они с Радой мир заключили и Раду мирно сбросили, посадив диктатором немцефила — Скоропадского...

Только ввиду этих сомнений комиссары денно и нощно засовещались; вытребовали все императорские поезда в Москву — на случай утеканья. Отсюда, пока что, многие исчезли бесследно, «без вести пропали». Заместители утекших — уже полные низы, каторжники и воры, идущие на всякий риск, лишь бы «урвать».

По всей вероятности, «забеспокоились» главари — рано и преувеличенно. Слабые нервы заставляют их уже сейчас так дрожать за собственную шкуру. И я хочу сказать два слова не о том, будет или не будет Германия свергать большевиков, а о некотором внутреннем ужасе, новом, дыхание которого вдруг почувствовалось. Это — так называемая ГЕРМАНСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ. Уже не большевики (что большевики!), но все другие слои России как будто готовы повлечься к Германии, за Германиею, пойти туда, куда она прикажет, послужить ей не только за страх, но и за «порядок», если немцы его обещают, за крошечный кусок хлеба. Каждый за себя и за свое. Капиталисты — в надежде на восстановление своих капиталов. Правые — за реставрацию. Церковь — за реставрацию и за себя. (Мирбах уже имел свидание с Тихоном).

О РОССИИ НЕ ДУМАЕТ НИКТО. Между тем надо же сказать: все интересы России, все до одного, расходятся с интересами Германии, как она, данная, правящая Германия их понимает. Она не поступится добровольно ни одним — и потому все интересы России просто будут стерты. У нас нет выбора — что отдать Германии, что просить и *получить* взамен. У нас лишь такой выбор: отдать ли ей *все* — с готовностью, с бесполезным заискиванием, или... молча предоставить ей *брать все* — силой. В обоих случаях мы теряем и все — внутреннее. То есть всякую возможность — близкого или далекого возрождения.

Идя навстречу Германии, мы признаём, что СИЛА — ЕСТЬ ПРАВО. А такое признание в конечном счете не прощается НИКОМУ, ни сильному, ни слабому. Это собственный приговор: для слабого он исполняется завтра, для сильного — послезавтра. Пусть Германия даже делается владычицей мира завтра. Она погибнет — послезавтра.

Но не могу еще не сказать: *я понимаю*, изнутри понимаю это склонение России к тому, что зовется «германской ориентацией». Если некоторые рассуждают, рассчитывают (неверно, неразумно), то

большинство не рассуждает вовсе. Это измученная, заглоданная большевиками, издыхающая Россия. Одуревшая, оглупевшая, хватающаяся за то, что видит пред собой. Что, мол, союзники! Далеко союзники! У них свои дела. А Германия уж здесь, близко. Она *может* устроить нам власть, дать порядок, дать *завтра* хоть кусочек хлеба.

Эта бессмысленная часть России только и видит ясное: «может». Захочет ли? И что выйдет? Подыхая, не занимаются такими вопросами. Надо «попросить», чтобы захотела. И готовы просить.

Союзники не поймут и этого, как они вообще ничего у нас не понимают. Фатально не понимают они и большевиков. Ведь они до последнего времени (еще вчера!) говорили в «совдепах»! Что за слепота! Какое общее горе! Да, общее, я это подчеркиваю. Это скажется.

А вот что надо бы знать и союзникам, и нашим «германским ориентаторам», чтобы сделать из этой формулы соответственные выводы: сейчас между нашими большевиками и правящей Германией — знак равенства ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА.

Я не буду вдаваться в объяснения. Это лишь кажется парадоксом, — но это так. И пока что — большевики могут спать *sur les deux oreilles**. Не дрожать через меру.

27 Апреля, Пятница.

Ну вот, Мирбах и приотпустил петлю, ну на каких «ультиматумах» не настаивает. Большевики воспряли духом и накинулись на газеты.

Американцы же, в лице Фрэнсиса, сегодня опять и опять закивали в сторону большевиков.

Может ли Россия и внутренне ориентироваться на союзников, если с ними будут большевики? Ведь большевики — немцам. Опять союзники вредят России своей слепотой и — поскольку мы считаемся — вредят собственным интересам.

А большевики упадут — неожиданно. И упадут, конечно, *слишком поздно*.

28 Апреля, Суббота.

Газетный террор. Запретили в Москве почти все. Здесь — «навсегда!» — закрыли «Речь» («Век») и рабочий «Новый Луч»²⁴³. Слухи (вечные слухи!), что обуховцы и путиловцы, будто бы, хотят выступить против советов. Завтра. Сюда же как-то припутывают балтийских матросов (анархистов?).

* Спать спокойно; и ухом не вести (фр.).

Грандиозный крестный ход. Тоже завтра. Дмитрий лекцию читает — и это завтра²⁴⁴. Билеты уже все проданы.

Интересное «совпадение»: утром Горький написал в «Новой Жизни» статью о «Речи», кончил так: смотрите, вот она, контрреволюция! Вечерние газеты едва успевали это отметить — через несколько часов «Речь» была закрыта «за контрреволюционное направление»²⁴⁵.

29 Апреля, Воскресенье.

Все мирно-тихо. Была Дмитриева лекция. Народу — битком. На улице прохладное солнце, полное спокойствие. Крестные ходы, говорят, были очень внушительны — и тоже покойны. Все, значит, на своих местах. И православие.

1 Мая, Вторник.

Обыкновеннейшее напряженное состояние. Некоторые утренние газеты еще закрыты («Новая Жизнь», «День» «Дело Народа»), вечерние — все. Какая случайно выскользнет — конфискуют. Заводы вяло волнуются. Хлеба нету и не обещают.

Продолжает организовываться Украина Скоропадского. Кажется, пошли туда кое-какие кадеты. Я менее взволнованно смотрю на «поднимающую голову», знаменитую «германскую ориентацию», могу рассматривать это явление спокойно²⁴⁶. И ничто в моих выводах не меняется, напротив — подчеркивается.

Поведение союзников, конечно, толкает нас тоже к этой «ориентации». Толкает, за общими массами, жаждущими порядка и «образа» в жизни, — и руководящие слои, которые стремятся к государственности и деятельности. Наши либералы-государственники, повертываясь от союзников к Германии, начинают естественно покрывать этот поворот — Россией: она, мол, должна жить — и сейчас; мы должны начать для нее работать — в условиях порядка и настоящей власти — сейчас. Эти условия может создать нам только Германия. Примем же эту необходимую помощь. Признаем Германию победительницей не только нашей, — но и Европы: ведь все равно Германия победит ее завтра. Зачем же *мы* будет бесполезно длить эту агонию? Покоримся, авось спасем, хоть что-нибудь...

И так далее.

Между тем положение не изменилось, и положение хрустально ясно:

Германии (активно-политической) нужна Россия: 1) разделенная, 2) откинутая на Восток, 3) не имеющая выхода к морю на юге и на западе, 4) умеренно просвещенная (с азиатской окраской), с твердым и консервативным правительством, беспощадным внутри,

покорным Серединным Империям. И страна отнюдь не должна быть *богатой*, ни капиталом, ни промышленностью. Меру установит Германия.

*Это Россия по Рорбаху*²⁴⁷. Вся политическая линия Германии показывает, что именно таковыми Германия мыслит свои интересы в России. Большевики, в виде чудовищной карикатуры, приблизили, однако, Россию к этой германской схеме; во всем, кроме пункта «консервативного» правительства. (Да и то! Чем оно не «консервативно»?). Немцы, за общую близость к их схеме, мирятся с большевиками, надеясь, едва они покончат дела на Западе, с легкостью шваркнуть карикатуристов и довести картину до своего совершенства.

Но именно эту картину. Наши русские государственные люди должны, обязаны понять, какую Россию они будут строить совместно с Германией. Идя к ней, данной, навстречу, идя сегодня, — они соглашаются работать для создания *такой* России. Пусть же скажут открыто, что соглашаются на такую, пусть отвечают за то, что хотят делать.

Повторяю: надеяться, что Германия добровольно откажется от малейшего своего интереса — нельзя. И если только действительно политика правящей Германии в России такова — (а факты не оставляют сомнений) — то и устройство России поведется ею, совместно с русскими работниками, именно в таком направлении, не в другом.

5 Мая, Суббота.

Закрыли «День», сегодня и «Дело Народа» (за резолюцию московского съезда эсеров)²⁴⁸. Имеем, значит, только горьковскую «Новую Жизнь», и, пока, «Голос» (Листок).

Мы в бесповоротном мешке. *Знать* ничего нельзя. Но кое-что ясно и по логике, без знания фактов. Немцы очень логично оставляют большевикам их власть над голодной рванью Петербурга и Москвы. Пусть тешатся. У немцев работа на Западе. На Мурман они пройдут с финляндцами, при содействии «услужающих». В Сибири их «военнопленные» с угодливыми красноармейцами уже бьют «семеновцев»...²⁴⁹

Хитра Германия! Но где момент? Ведь война длится... Ведь и в Германии — люди. А если она зарвется и не успеет уничтожить сразу?

Германцы даже ничего не скрывают: «... пока мы можем делать то, что хотим, большевицкими руками...» Эти цинические слова с полным бесстыдством повторяют сами большевики.

В Москве — ложная «политическая жизнь»: гремят ви-тии...²⁵⁰. У нас, слава Богу, этих «словес» нет. Утомление, да и шатает всех от

голода. Борис скрывается. Слышно, что он в серьезном контакте с союзными кругами. Да, его главная линия всегда верна.

В.Маклаков шлет русскому обществу из Парижа мольбы — воздержаться от германской ориентации, «потерпеть» еще 7 месяцев, и тогда, мол, придут японцы...²⁵¹. Почему они придут и почему через 7 месяцев? А может быть, они и через 27 не придут? Верю, что из нас «остаток спасется», но все? Как же все, другие? Терпеть неопределенно? Да они уж и теперь не знают, какую пятку немцу лизнуть, чтобы он соизволил принять их в непосредственное подданство. И как винить нас, несчастных, почти «додушенных»?

Неистовое положение.

У меня, да и у Дмитрия, целый день всякий народ, малонужный. Я издала крошечную книжечку «Последние стихи» (самые контрреволюционные!). Издание у меня купили все сразу.

Гадкая зараза это общество соглашателей «Культура и Свобода»²⁵². Опять там Максим Горький. Он — Суворин при Ленине... пока. Пойдет и дальше. Но уже и теперь — оказывается, Ленин у него был перед отъездом. Дружеская велась беседа...²⁵³.

7 Мая, Понедельник.

Чертов хаос! Ничего нельзя разобрать, почти нельзя иметь точку зрения.

Сегодня был у нас брат В... О... Ф...²⁵⁴. Только что покупался в «московской гуще». Передаю просто его слова.

Б. играет там серьезную роль — в делах союзнических. Большевики, несмотря на «услужение», гаснут с каждым днем (как бы не так! смеюсь я). Эсеры кипят там, не стесняясь. Все время совещаются и между собой и с союзниками (болтают всюю!). Но работает один Б., который опирается... смутно, на кого, но только не на эсеров: с Авксентьевым даже в одной комнате не пожелал быть. Союзники, однако, и к нему — и к эсерам: «европейское» отношение, все-таки, мол, «члены Учредительного Собрания». Безнадежны. Еще думают сызнова о «коалиционном правительстве», чуть не с теми же лицами, и обещают, если это правительство переедет в Архангельск, десант на Мурмане и японцев за Уралом. Господи! Что это? Неужели Б. серьезно может думать о такой штучке?

Но тут же союзники, как будто, и «диктатора» хотят. Тут же без враждебности посматривают на А..., который — тут же вьется! И даже Елену выписал! (А Ол. между тем в критическом положении)²⁵⁵. Впрочем, теперь сей герой уже уехал за границу. (Возили — возили — увезли). Бедная заграница!

Ф. видался, говорит — узнать невозможно. Старик, в морщинах

весь, в очках, с длинной бородой, вид провинциального учителя. Много анекдотов...

А наш наглит, гуляет по улицам, и в ус не дует, — только им и пожертвовал²⁵⁶.

«Они считают положение данное таким, — наивно говорит Ф., — что можно бы свергнуть большевиков, да ведь тогда немецкое вторжение будет моментальным!»

(Не права ли я, что союзники отдают явное предпочтение большевикам пред немцами?).

Немцы, будто бы, предлагают: за союз с ними — пересмотр Брестского мира, единство России и еще что-то. Опять! Кто верит? Никто (из нормальных). Но так же не верит никто и в «десант» союзников. А уж в силу эсеров — не верят даже ненормальные. Эсеры не имеют больше *raison d'être**.

Если и Борис не может заставить союзников прозреть... Он-то все понимает. И он удивительно чуток ко «времени». Поэтому, оставаясь собой всегда, он может действовать так, как нужно для России — сейчас.

Нет, не могу я стереть знака равенства (для момента) между большевиками и немцами. Я с трудом, не сразу, не необдуманно его поставила. Принуждена была поставить. И пока так оно и есть. Равны. И друг другу нужны. И одинаковые разрушители России.

8 Мая, Вторник.

Сегодня еще длинная информация — от Лившица²⁵⁷. В общем, подтверждает вчерашнюю, хотя видно, что вчерашняя — из других кругов, и притом интимнее.

Главное дополнение: позиция проф. Новгородцева (средняя)²⁵⁸. Он считает, что надо «и нашим, и вашим», т.е. идти к тому, у кого «выходит». Лавировать между немцами и союзниками, опираясь на одних в разговоре с другими — и обратно.

Отличная позиция. Самое замечательное, что она стоит столько же, сколько две другие позиции, т.е. все равно ничего не стоят.

Есть утверждение, принимаемое везде без спора: это что ни англичане, ни французы, ни американцы абсолютно не понимают ни нас, ни того, что у нас творится. Ведь подумать! Англия на днях еще главным образом интересовалась... большевицкой красной армией! Понимаю, почему. Но и говорить не хочу.

* Смысл существования (фр.).

18 Мая, Пятница.

Электричество гасят в 12 ч. То есть в 10, так как большевики перевели часы на два часа вперед (!)²⁵⁹. Веселая жизнь.

Я убедилась: нам неоткуда ждать никакого спасения. Нам всем, русским людям, без различия классов. Погибнут и большевики, но они после всех.

Премирная скука владеет мною. Неужели надо кому-нибудь знать, как издевается над нами всеми — от глупого мужика до сознательного интеллигента — эта шайка? Противное, грубое зрелище. Я могла бы, для любителей сильных ощущений, нарисовать приятные картинки... но не могу никому потакать, увлекать в садизм.

Скажу кратко: давят, душат, бьют, расстреливают, грабят, деревню взяли в колья, рабочих в железо. Трудовую интеллигенцию лишили хлеба совершенно: каждый день курсистки, конторщики, старые и молодые, падают десятками на улице и умирают тут же (сама видела). Печать задушена и здесь, и в Москве.

Притом делается все цинично, с издевательством, с обезьяньими гримасами, с похабным гоголем.

Бедный Уэллс! Я убедилась в нищенстве его воображения. Оттого он с таким уважением и льнет к большевикам, что — хотя ничего не знает — чувствует: в России его перескакали.

Горький продолжает в «Новой Жизни» (ее одну не закрыли) свое худое дело. А в промежутках — за бесценок скупает старинные и фамильные вещи у «гонимых», в буквальном смысле умирающих с голоду²⁶⁰. Впрочем, он не «негодяй», он просто бушмен или готтентот. Только не с невинными «бусами», как прежде, а с бомбами в руках, которые и разбрасывает — для развлечения.

В Москве — омерзительно. Опять открыли какой-то «заговор». Усилили буйство²⁶¹. А Кускова (да что с ней?) ежедневно кричит, что «надо работать с большевиками».

Эти облизываются, хотя ту же Кускову ежеминутно закрывают.

Не понимаю это бескорыстное хлебание помоев. А как третируют союзников те же большевики!

На Западе, говорят, плохо. Немцы снова брошены на Париж. Взяли Реймс и Суассон?

21 Мая, Понедельник.

Не взяли Реймса и Суассона! Это было злорадное большевицкое вранье. Впрочем, — что мы знаем?

Умер Плеханов. Его съела родина. Глядя на его судьбу, хочется повторять соблазнительные слова Пушкина:

Нет правды на земле...
Но нет ее и выше.

Он умирал в Финляндии. Звал друзей, чтобы проститься, но их большевики не пропустили. После октября, когда «революционные» банды 15 раз (sic) вламывались к нему, обыскивали, стаскивали с постели, издеваясь и глумясь, — после этого ужаса внешнего и внутреннего, — он уже не поднимал головы с подушки²⁶². У него тогда же пошла кровь горлом, его увезли в больницу, потом в Финляндию.

Его убила Россия, его убили те, кому он, в меру силы, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру: 1) быть честным, 2) культурным, 3) держаться науки и любить ее. Нельзя ему быть — европейцем. Задушат. Еще при царе туда-сюда, но при Ленине — конец.

Я помню его года за два до войны, в San Remo и в Ментоне. В San Remo мы провели с ним однажды целый день. На белой вилле у Б. Там в то время умирала нежная, тихая девушка — Марья Алексеевна, невеста Сазонова²⁶³. Помню ее душистую, свежую комнату, — окнами в южный сад мая; и в белых подушках — ее лицо, такое прекрасное и прозрачное, что все лица других, рядом, казались грубыми. Темными, земными, красными...

Плеханов был тогда бодр. И его лицо казалось слишком здоровым. Но оно было удивительно благородное. Старик? Нет, наши русские «старики» — не такие. Скорее «пожилой француз». И во всем сказывался его европеизм. Мягкие манеры, изысканная терпимость, никакой крикливости. Среди русских эмигрантов он был точно не в своем кругу. Тогда шли разговоры о «единой социалистической партии». С нами, из Ментоны, приехал к Б. и Илья. И все почти были эсеры. Благодаря нашему присутствию, разговоры велись, конечно, не специальные. Но все же, по-русски, сходили на приподнятый спор. И нужно сказать, не только эмигранты, — и мы частенько оказывались дикими русопятами перед культурной выдержкой Плеханова.

А потом в Ментоне, у Илья, мы как-то неистово спорили с Борисом (помню, из-за статьи Ив<анова>-Разумника о Религиозно-философском обществе и Карташеве)²⁶⁴. Присутствовавший Плеханов был шокирован. А между тем спор был самый обыкновенный — для России. Но Плеханов — европеец!

Надо сказать, однако, что в нем была и большая узость. При серьезном научном багаже, при всей изысканной внешней терпимости и всем европеизме — это истинно русская партийная, почти мелочная, узость казалась даже странной. Она, вероятно, и давала ему налет педантизма. Но его «скупность» (как говорили последнее время) не от узости, нет! Это наука, это Европа, это культура — скупны нашему оголтелому матросью, нашей «веселой» горилле на цепочке у мошенников²⁶⁵.

По деревням посланы вооруженные кучки — отнимать хлеб. Все разрушили, обещают продолжать, если найдется недоруженное²⁶⁶. Грабят так, что даже сами смеются. А журналиста П.Пильского засадили за документальное доказательство: из числа правящих большевиков — 14 клинически-помешанных, уже сидевших в психиатрических лечебницах²⁶⁷.

Топливо иссякает. Электричество везде гаснет в 10 часов.

Погода пронзительно-холодная, ледяной ветер, 3° тепла.

Всёобщее унижение — унижение человека, возвышение обезьяны.

24 Мая, Среда.

Сегодня белое место.

. . . . .

А затем — хочу, наконец, записать с полной отчетливостью, как выяснилось это мне сегодня, все относительно «германской ориентации». И надо кончить с ней, это — в последний раз. Беру лишь схему, оставляя в стороне сложность международной политики.

Союзники нам помочь бессильны, потому что: 1) до сих пор ничего не понимают, держатся принципа невмешательства; 2) поздно, и, по времени, физически — возможная их помощь уже мало реальна. Германия — может сделать с нами, что хочет. Что же она хочет?

Интересы свои она могла бы рассматривать двояко: менее дальновидно — и более.

ПЕРВАЯ СХЕМА: Германия рассматривает Россию *как врага*. Как объект, которым она все время пользуется, все время держа ее в руках. Она устраивает ее по Рорбаху (см. страницу 97). Смотри по своим нуждам и своему положению, она поддерживает у нас правительство или разлагающее, или анархию, или собственную диктатуру, или (все по времени и по своей нужде) русское консервативное, вполне ей покорное правительство (опять стр. 97). Раздробленность и распыленность России нужна при этом Германии непременно и всегда. Такая новая Индия рассчитывается не на годы и даже не на десятилетия. Это первая схема (о ней, касаясь интересов Германии, и линии ее русской политики, я всегда и говорила). Но есть —

ВТОРАЯ СХЕМА. Интересы Германии могут рисоваться, при большей дальновидности, так: она рассматривает Россию *как друга*. Она эксплуатирует ее... на «законных основаниях», что ли. И помогает сейчас — не государству, — его нет, — но спасает жизнь народа.

Навстречу Германии, действующей в этом смысле, русские общественные силы могли бы пойти, если не «за совесть», — то от последней нужды. Спасение жизни народа — это сейчас насущно, и это не мало, это может стать всем. Германия готовит в будущем крепчайший союз восточных стран, и для этого ей нужна Россия: объединенная, порядливая, не самодержавная (это опасно), и ежели под крепким германским, — то лишь *внутренним* влиянием.

Таковы (объективно) дальновидные интересы Германии.

Теперь, с той же объективностью, рассмотрим, по какой же схеме, по какой линии действует Германия фактически? Какова ее реальная политика?

Ответ слишком ясен: ПО ПЕРВОЙ. Т.е. — Россия по Рорбаху, новая Индия.

Быть может (мы ведь в полном неведении!), в Германии есть какая-нибудь внутренняя борьба, есть люди, или партия, со взорами более дальновидными. Но мы-то, во всяком случае, можем считаться лишь с партией господствующей (военной?), с той, которая, в данное время, активно ведет политику, действительно, фактически, направляет Германию по тому или другому пути.

И мы должны, на основании всей совокупности фактов, признать бесповоротно: вся политика Германии, до мелочей, совпадала и совпадает с линией первой, со схемой ПЕРВОЙ.

Вывод отсюда будет самый определенный, самый резкий и уже вне всяких соображений моральных. Вывод тот, что ГЕРМАНСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НЕОСУЩЕСТВИМА, а потому все споры о ней *бесполезны*. Ни на какие сделки ни с кем, кроме большевиков, Германия сейчас не пойдет, ибо в линии ее политики сегодняшнего дня (Рорбах) никто, кроме большевиков, не лежит*. Таким образом, безразлично, говорю ли я, что беру германскую ориентацию, говоришь ли ты, что не берешь, — результат у нас получается один и тот же. Будем ли мы лизать германские пятки, или не будем — мы не то что ничего не получим от Германии, но мы просто останемся на тех же местах, без всякой Германии, и она без нас, ПОТОМУ ЧТО МЫ ЕЙ СЕЙЧАС НИ НА ЧТО НЕ НУЖНЫ.

А большевики так нужны (по Рорбаху!), что могут не то что пятку не лизать (лизут так, по склонности, и «страха ради иудейска»), но могут — могли бы — многое себе позволить, всякие капризы и бутады, — немцы простят.

---

* Факт: *были* предложения (не прямые, конечно) некоторых русских общественных кругов вступить с Германией в контакт при условиях: 1) немедленного свержения большевиков; 2) пересмотр Брестского мира; 3) единство; 4) отказ от военного союза. Все эти шаги не имели от правящей Германии никакого отклика²⁶⁸.

Вот и конец «германской ориентации»²⁶⁹!

26 Мая, Суббота.

Приехала Ася из Одессы²⁷⁰. Рассказывает... Ну, а у нас то же. Трудно писать, пишу при огарке.

Опять был [пропуск в тексте. — *Публ.*]. Я его боюсь, чего-то в нем не понимаю.

Плеханова хоронят завтра. Как жалки «гражданские» панихиды. Дважды в день: сначала пропоют «вечную память», потом «вы жертвою пали» (!), а потом друзья начинают «болтать». Нехорошо. Неуживание к великой Молчаливой. Крошечная человечья болтовня над тем, кто перешел в небытие и мудрее их всех.

29 Мая, Вторник.

Что писать? Душа моя полна до краев, выше краев — льдом.

Не буду я больше писать! — какой выстрел загрохотал на улице... Точно взрыв. Я задернула портьеры. Хотя ведь и пишу с тусклой лампой, ничего не видно с улицы.

Льдом, острым, полна моя душа.

30 Мая, Среда.

Чехо-словаки, сибирское правительство, опять флирт Фрэнсиса с большевиками, крестьяне в войне с хлебными отрядами, германцы, наступающие на Смоленск, волнения на Украине, Совдеп, Совнарком, Иксокол, виждор, истердеп, апс, бип, — Дмо²⁷¹!

Остальное — белое место.

.....

1 Июня, Пятница.

Ничего я не жду ни от каких «чехо-словаков». Все там в Сибири распылены; и сколько уж было сибирских «правительств»!

Большевики зашушукались и завозились (немцы наступают на Воронеж, Чичерин с Мирбахом любезничают «нотами»)²⁷² — не испугаться ли чехо-словаков? Бодритесь, милые: с чехо-словаками немцы вам будут помогать. Непременно.

Союзники инертны или бессильны.

2 Июня, Суббота.

Чехо-словаки пока не утихают. Но Пензу взяли не они, а немцы.

Дело просто: Россия превращается в поле битвы. Сама лежит в идиотизме и позоре, пассивно помогая сильным, пассивно мешая слабым. Она уже давно — объект.

Мы, сознательные люди, даже наблюдать ничего не можем, мы заперты и ослеплены, — мы ничего не *знаем*.

Большевики, переарестовав кадетов (не досада ли, Кишкин опять сидит!), принялись за всех остальных, кто не они. Из Совета своего сначала выключили всю, начисто, оппозицию (даже интернационалистов), а выключив — засадили²⁷³. Опять на улице стрельба. Подхожу к окну: бело-серая ночь, глухо... и опять выстрел.

Когда я вздрогнула, — точно взрыв! это просто-напросто грабили соседний кооператив. И дули из нагана. Наш кооператив ограбили на три дня раньше.

Ну вот. Значит, лизать большевицкую пятую столь же бесполезно, как немецкую. «Интернационалисты» отвергаемы и «гонимы» тоже.

Впрочем, приветствуют «непартийников», которые «душою с нами». Эти душевники быстро переходят и телом.

Отвратительны писатели. Валерий Брюсов не только «работает с большевиками», он, говорят, в цензуре у них сидит²⁷⁴. Интенсивно «работает» Блок; левые эсеры, т.е. те же большевики мелкого калибра, всего его без остатка «взяли», — как женщину «берут»²⁷⁵.

Третьего дня пришли Ив. Ив. с Т.И. — были днем у Горького. Рассказывают: его квартира — совершенный музей, так переполнена старинными вещами, скупленными у тех, кто падает от голода. Теперь ведь продают последнее, дедовское, заветное, за кусок хлеба. Горький и пользуется, вместе с матросьем и солдатами, у которых деньжищ — куры не клюют. (Целые лавки есть такие, комиссионные, где новые богачи, неграмотные, швыряют кучами керенок «для шик-ку»). — Выходит как-то «грабь награбленное» в квадрате; хотя я все-таки не знаю, почему саксонская чашка старой вдовы убитого полковника — «награбленное», и ее пенсия, начисто отобранная, — тоже «награбленное».

Горький любит скупленным, перетирает фарфор, эмаль и... думает, что это «страшно культурно»!

Страшно — да. А культурно ли — пусть разьяснят ему когда-нибудь ЛЮДИ.

Неистовый Ив. Ив., конечно, полез на стены. Но Горький нынче и с ним по-свойски, прямо отрезал: «Не додушила вас еще революция! Вот погодите, будет другая, тогда мы всех резать будем».

Кончу пока. Ведь не перечислять же опять действия большевицкие, аресты и т.д. Монотонно.

7 Июня, Четверг.

Днем у меня был мой приятель, студент Слонимский. Мне как-то не сиделось дома, и я вдруг решила, уже часу в седьмом, отправиться с ним к нему же и к его брату, тоже студенту, — в гости. И мы поехали на Петербургскую Сторону. Яркий, солнечный, нежаркий день. Пока мы доплелись на убогом трамвае, пока они меня там угощали чем Бог послал, а я ужасалась беспорядку их «студенческой» квартиры с кучами газетной бумаги, развернутым томом Платона на огрызках колбасы, пока-то мы, уже втроем, достигли опять дверей моей квартиры, — не рано я пришла домой.

И тотчас позвонили из редакции: убит большевик Володарский (комиссар по делам уничтожения печати)²⁷⁶.

Подробности смутны, версии различны. Во всяком случае это произошло на улице, после митинга на Семянниковском заводе.

Теперь ведь у них идут «перевыборы» в Совет. Никакого значения эти «перевыборы» не имеют, вывеска. Все устроено, чтобы выбирались одни большевики.

8 Июня, Пятница.

По сводке всех версий, картина убийства Володарского такова.

Часов 8 вечера. Яркий солнечный день. Шлиссельбургское шоссе, недалеко от Фарфорового завода. Кое-где кучки рабочих, Володарский, с женой Зорина²⁷⁷, едет на открытом автомобиле с одного митинга на другой. Внезапно автомобиль останавливается. Шофер слезает. Говорит — порча, да и бензину мало. Володарский со спутницей решают идти пешком — недалеко. Идут, — за ними кто-то, с виду рабочий, лет 30. Когда спутница Володарского слегка отделилась от него, обходя яму, — неизвестный дважды выстрелил. Володарский обернулся, выронив портфель. Неизвестный сделал еще два (или 3) выстрела, почти в упор, и, когда Володарский упал навзничь, — бросился бежать. Сначала прямо, потом завернул в переулок. Немногочисленные свидетели растерялись. Потом кто-то кинулся за убежавшим. Тот с необычайной ловкостью перепрыгнул через забор, побежал по огороду, перескочил через второй забор. Эти препятствия задержали преследователей, а когда они их преодолели — неизвестный бросил бомбу. Она разорвалась (никого не ранив), дым рассеялся — неизвестный исчез.

Около убитого на тротуаре стояла Зорина и беспомощная кучка народа. Но проезжал Зиновьев с Иоффе (не берлинским)²⁷⁸. Их остановили. Зиновьев вышел, бледный, постоял:

— Иоффе, вы должны что-то сделать...

И уехал. Иоффе, с помощью рабочих, перенес тело в автомобиль

(какой? Зиновьев свой не оставил) и увез. Начались попытки «оцепить» местность. Удалось весьма нескоро. Вообще все делалось медленно. Повальные обыски ни к чему не привели. Результатов пока нет.

Город взбудоражен. Почему-то приняли это иначе, нежели бесчисленные убийства. Скорее как первый «террористический акт». Газета «Час» даже сравнивает это с «июльским днем Плеве»²⁷⁹.

Все партии, вся пресса высказались осудительно. Не одобряют и с «точки зрения целесообразности».

Что ж, верно. Никогда террор не свергал существующей власти. И верно, что наша сегодняшняя власть ответит на это массовым террором, — под рядовку.

Я все это знаю.

Сегодня с почестями пронесли Володарского в Таврический Дворец; установили в Екатерининском зале; караул. Хотели хоронить в Таврич <еском > саду. Но не будут.

Очевидно, в самую Троицу понесут из Дворца — мимо нас.

По улицам стрельба. Ленин в Москве забеспокоился.

Обещали выслать к нам для расправы самого Дзержинского (буквальный палач). Ленин совершенно заперся в Кремле. Вход туда запрещен.

«Володарский», — конечно, псевдоним. Фамилия этого еврея не то Коган, не то Гольдштейн (две версии). Бывший портной из Лодзи, в грамоте самоучка. У нас был повелителем печати. Закрыв все газеты, яростно обвинял их в трибунале, клялся «выбить из рук буржуазных писак их шпаженку».

Серьезные слухи об убийстве Николая Романова (сегодня уже из германских источников). Михаила Романова украли, будто бы, чехословаки. И он, будто бы, уже выпустил манифест, призывая народ к Земскому собранию для выбора правительства²⁸⁰.

Немцы, по официальному большевицкому сообщению, наступают на Смоленск и Воронеж. Это зачем же?

Вообще — кто, где, когда, зачем и что — неизвестно. В отместку за украденного сибиряками Михаила — немцы (т.е. большевики) засадили здесь в тюрьму его жену — графиню Брасову²⁸¹.

Старик Репин голодает, запертый в Финляндии, в своих «Пенатах»²⁸². Не пошлет ли ему Горький корочку хлеба, не подаст ли на бедность?

10 Июня, Воскресенье. Троица.

Проснулась от дудящей за открытым окном музыки. Поняла, что это они своего мертвого жида везут с почестями на Марсово поле. И уж, конечно, все это — под нашими окнами!

Дождь, слава Богу, и все время проливной. Красные тряпки, лениво несомые, взмокли. На углу процессия затормозилась. Красноармейцы кивали руками и ногами, играя в настоящих солдат. Некоторые были в шинелях длинных, по самые пятки, точно в капотах. Провожающие барышни-большевички уныло стояли под зонтиками. Баба, глазевшая с тупым равнодушием, неприлично задирала юбку. На скисшем бархатном знамени белели горьковские слова: «Безумству храбрых поем мы песню...»

Провезли высокую колесницу вроде виселицы, с нее болтались длинные красные и черные полосы²⁸³.

Я закрыла окно и опять легла в постель. Дождь лил весь день.

В Москве приговорили к смертной казни Щастного, адмирала Балт<ийского> флота, выбранного, у большевиков же потом служившего. Обвинял сам Троцкий-Бронштейн. Но осталось ясным, как день, что Щастный сделал одно: спас Балт<ийский> флот. За это его расстреляют.

Уже расстреляли²⁸⁴.

Газеты протестуют.

Расстреляли почему-то рабочего, старого меньшевика, ведя его в тюрьму с собрания, где он говорил.

Газеты не протестуют.

Почему не протестуют — неизвестно. Должно быть, устали от протестов насчет Володарского и Щастного. Передышка.

Завтра приезжает палач-Дзержинский. В Совдепе — гром угроз. Урицкий не знает, на кого кинуться. На правых эсеров? Уж террор — так не без них, мол. И Савинкова припел, и даже — Филоненко²⁸⁵!

На бесчисленных внутренних фронтах — полная неизвестность. Завтра и послезавтра хлеба не выдают — селедки.

Вечером Татьяна. Говорили долго.

11 Июня, Понедельник (Духов День).

Сегодня жара. Но мне все холодно. И скучно. Тяжелая лень собираться на дачу. Впрочем — все равно.

Ив. Ив. полон своими германскими слухами.

12 Июня, Вторник.

Арестовали Амфитеатрова²⁸⁶. Неизвестно почему. Так.

Идет дождь.

Романов, будто бы, жив.

Куча всяких слухов, но неинтересно записывать, ибо все — вранье.

Да и откуда, кому, что знать? Мы отрезаны и обложены. Голод. Тяжко.

15 Июня, Пятница.

Новый «Совдеп» (какое словечко! свиное депо) громит все и вся. Кузьмин (заместитель Володарского) объявил, что соц. газеты будут закрывать без суда (уже закрыл), а на буржуазные накладывать штраф до полумиллиона, «они сами и сдохнут». Уже наложил: на «Новую Жизнь» 50 тысяч, на «Новые ведомости» (вечерка), 10 тысяч²⁸⁷.

Редактор последней рассказывает, как был у Кузьмина. Человечек вида учительского. Стали торговаться. Скостил 8 тысяч. Но редактор и на 2 не соглашается. Тогда Кузьмин: «Нет, давайте две, зато мы вас долго не будем трогать». Редактор радуется: «Правда? Но нельзя ли рассрочку?» Дали рассрочку²⁸⁸.

Везде торговля.

Выдано 12 тысяч русских шинелей для немцев, едущих с большевиками на чехо-словаков. Что-то мало — 12 тысяч!

Был Мейер²⁸⁹.

17 Июня, Воскресенье.

Душная жара. Политическое положение перманентно обостряется, оставаясь, однако, все тем же. И «ноты», и Мурман, и, будто бы, близость общих мирных переговоров, и еще тысяча всяких... зыбких, неверных, неизвестных вещей. При этом все мы, сверху донизу, в мертвой пассивности. Душа огрубела, оmozодела, и ко всему равнодушна. Потеряла способность реагировать. И вот уж когда никакого «ожидания».

КРАСНАЯ ДАЧА²⁹⁰.

5 Июля, четверг.

Опять та же Красная Дача, прошлогодняя, где осенью мы пережили Корниловскую историю. Где она нас застала, мы тогда тотчас помчались в Петербург.

Сейчас хочется сидеть тут безвыездно. И ничего не делать. Ничего не писать. Я и не пишу, даже в газеты. Обещала 3 раза в неделю, а вот за 2 недели — ни строки.

Холод. Всего 3°.

Имение князя «взято», конечно²⁹¹. Сидит «комиссар», молодой губошлеп. Из княжеского дома потаскал половину вещей, стреляет в парке дроздов, блестя лаком новых ботинок. Ведет себя законченным хамом.

Но к черту здешнее. Было: очень глупое «восстание» лев<ых>

эсеров против собственных большевиков. Там и здесь (здесь из Пажеского корпуса) постреляли, пошумели, «Маруся» спятила с ума, — их уgomонили, тоже постреляв, потом простили, хотя ранее они дошли до такого «дерзновения», что убили самого Мирбаха. Вот испугались-то большевики! И напрасно: Германия им это простила. Не могла не простить, назвалась груздем, так из кузова нечего лезть. Идет там, конечно, неизвестная нам каша, но Германия верховодствующая, Германия Брестского мира и большевиков (т.е. та, с которой мы единственно и можем считаться) — простит большевикам всякого Мирбаха²⁹².

На райскую нашу Совдепию апокалиптический ангел вылил еще одну чашу: у нас вспыхнула неистовая холера. В Петербурге уже было до 1000 заболеваний в день. Можно себе представить ярость большевиков! Явно, что холера контрреволюционна, а расстрелять ее нельзя. Приходится выдумывать другие способы борьбы. Выдумали, нашли: впрягать «буржуазию» в телеги для возки трупов и заставляя ее рыть холерные могилы²⁹³.

Пока еще не впрягали, а рыть могилы эти уже гоняли. Журналисты («буржуи»!) описывают впечатления свои этого рытья.

Интереснее: Милюков объявился в Киеве и, кажется, делает шаги в смысле «германской ориентации». На основе моей второй схемы (свержение большевиков, пересмотр Бреста и т.д.). Сочувствующие уверяют, что германское правительство «немо, но не глухо». Пусть утешаются этим, если могут. Новая утопия! Но не хочу повторяться.

Об остальном мы знаем здесь, в деревне, так же мало, как в Петербурге.

6 Июля, Пятница.

С хамскими выкриками и похабствами, замазывая собственную тревогу, объявили, что РАССТРЕЛЯЛИ НИКОЛАЯ РОМАНОВА. Будто бы его хотели выкрасть, будто бы уральский «совдеп», с каким-то «тов. Пятаковым» во главе, его и убил 3-го числа. Тут же, стараясь ликовать и бодриться, всю собственность Романовых объявили своей. «Жена и сын его в надежном месте»... воображаю!

Это глупость — зарыв, и никакой пользы для себя они отсюда не извлекут. Не говорю, что это может приблизить их ликвидацию. Но после ранней или поздней ликвидации — факт зачтется в смысле усиления зверств реакции.

Щупленького офицера не жаль, конечно (где тут еще, кого тут еще «жаль»!), он давно был с мертвечинкой, но отвратительное уродство всего этого — непереносно²⁹⁴.

Нет, никогда мир не видал революции лакеев и жуликов. Пусть посмотрит.

Немцы опять наступают на Париж. Идет сражение на Марне. Война перехлестнула все человеческое. Могут ли *люди* ее кончить?

Вчера ночью — мороз. Сегодня удивительной красоты прохладный день. Мы ходили по бесконечному лесу, глухому, высокому и прекрасному. Зеленая, строгая тишина. И нет «истории». Мир был бы прекрасен без людей. Я начинаю думать, что Бог сотворил только природу и зверей, а людей — дьявол.

21 Июля, Суббота.

Убили, лев<ые> эсеры, после здешнего Мирбаха, и Эйхгорна с адъютантом на Украине²⁹⁵. Большевики довольны, что не у них (точно это не от них!). Германия опять закроет глаза, сделает вид, что это вовсе не от близкого соседства с «дружественной» советской властью.

Чехо-словаки (или кто?) взяли Екатеринбург. Вообще же неизвестно ничего. Лишь *наблюдается* осатанелое метанье большевиков.

Это производит странное впечатление, ибо причин-то беспокойства мы не видим — они скрыты.

В Москве уже нет *ни одной* газеты. Запрещены «вплоть до торжества советской власти» (sic). Какого же им еще «торжества?» «Русск<ие> Вед<омости>» и «Русск<ое> Слово» ликвидировали дела, сотрудники уехали в Киев.

Из петербургских еще живы только «Речь» и «Листок», да 2—3 вечерних. Но жизнь их считается минутами. Нет сомнения, что будут ухлопаны.

Фунт мяса стоит 12 р. Извозчик на вокзале — 55 р. и более. Гомерично.

22 Июля, Воскресенье.

Çayest!* Запрещены «все» газеты и «навекки». Как в Москве²⁹⁶. Большевики вне себя от тревоги (?)

Погода ужасная.

Остальное неизвестно.

27 Июля, Пятница.

Было: Дима в среду утром уехал в город, узнавать, чем пахнет. Уехал со Злобиной. (Злобины, мать и сын-студент, мой большой приятель, живут с нами на Красной Даче нынче, на второй половине).

Вчера Дима, с трудом, звонил сюда по телефону, что поезда не

* Итак (фр.).

ходят, что если они не вернутся ночью, то чтобы мы ехали «при первой возможности».

А мы сидим в гигантском доме втроем — Дмитрий, я и Володя Злобин — и в полном неведении. Стали на всякий случай собираться, весьма неохотно.

Однако часа в 2 или 3 ночи Дима со Злобиной приехали.

Долго, ночью же, разговаривали. Положение сложное, трудно передать.

Поезда то ходят, то нет — из-за какой-то частичной и самовольной забастовки, благодаря полному отсутствию хлеба. Это не важно. Но после запрещения газет восстало неистовое количество слухов. Разобрать, что правда, что неправда, — невозможно. Правда ли, что на Мурмане высадились американцы? Правда ли, что Эйхгорн перед смертью пожалел: «Напрасно, мол, мы не “начали с головы”, взять бы нам в феврале Петербург!»

Наверное правда, что Гельферих уехал обратно в Берлин, а вся немецкая миссия — из Москвы в Петербург. Что Архангельск и Казань кто-то взял, и что большевики — в небывалом трансе²⁹⁷.

Переарестовали около 5 тыс. офицеров и отправили их в Кронштадт²⁹⁸.

За Лугой разобраны пути, идет сражение крестьян с отнимающими хлеб красноармейцами.

Мы сидим здесь и продолжаем не знать, что лучше: сидеть или ехать?

По-моему, сидеть.

На мой взгляд, единственно-интересное — это безмерное (загадочное) смятение большевиков. Судороги какие-то. Почему?

29 Июля, Воскресенье.

Продолжаем сидеть и пребывать в счастливом неведении. Убеждена, что и в СПб-ге *знают* не больше нашего. Сквозь вранье, меледу и безграмотство большевических газет порой что-то скудно мерцает. Например: германское посольство провело в СПб лишь сутки — все уехало «домой». Что это значит?

Идет дождь. Ни капли керосина. Громадный дом наш с 8 вечера темен и черен. Свечи на исходе.

Телефон испортился. Да и на что он? С кем, о чем говорить?

Отрадно: на Западе — хорошо!

31 Июля, Вторник.

Ясные, тихие — вполне уже осенние дни. Я гуляю, читаю французские романы, смотрю на закаты и — вместе с Володей Злобиным

— пишу стихи! Это какое-то чисто органическое стремление хоть на краткий срок отойти, отвести глаза и мысли в другую сторону, дать отдых душевным мозолям.

И я почти не осуждаю себя за эти минуты «неделанья», за инстинктивную жажду забвения. Душа самосохраняется.

Да и что можно «делать», Боже? И «смотреть-то» некуда, не на что, нигде ничего не увидишь.

Изредка получаем «ихние» газеты, читать которые — неблагодарный труд. А вчера запретили даже эту рептилию — Фому Райляна («Петрб <ургская> Газ <ета>») ²⁹⁹.

Германское посольство, говорят б <ольшевии> ки, уехало совсем, — в Псков. Чтобы, говорят, не создавать осложнений (?). И будет, говорят, сноситься с СПб через Ревель и Гельсингфорс, чтобы прямее (???)!

Ну что можно поделывать с такими известиями? Что?

А на Западе — хорошо!

1 Сентября, Суббота.

Весь август выпал у меня отсюда. Недобросовестно писать о происходящем, *не зная* происходящего до такой ужасной степени, до какой не знаем мы. А что знаем — о том скажу сухо, отчетно, в двух словах.

Мы только теперь вступили в полосу настоящего ТЕРРОРА.

После убийства Володарского, затем, в другом плане, убийств Мирбаха и Эйхгорна (из одного страха, как бы не *пришлось* поссориться с большевиками, немцы увезли свое посольство) — произошло, наконец, убийство Урицкого (студ <ент> Канегиссер) и одновременно ранение — в шею и в грудь — Ленина. Урицкий умер на месте, Ленин выжил и сейчас поправляется.

Большевики на это ответили тем, что арестовали 10.000 человек. Наполнили 38 тюрем и Шлиссельбург (в Петропавловке и в Кронштадте — верхом). Арестовывали под рядовку, не разбирая. С первого разу расстреляли 512, с официальным объявлением и списком имен. Затем расстреляли еще 500 без объявления. Не претендуют брать и расстреливать *виноватых*, нет, они так и говорят, что берут «заложников», с тем, чтобы, убивая их косяками, устрашать количеством убиваемых. Объявили уже имена очередных пятисот, кого убьют вскоре ³⁰⁰.

Дошло до того, что консулы нейтральных держав, плюс германский консул, явились к большевикам с протестом «культурных стран» против этих гиперболических убийств. Большевики, конечно, не повели и ухом. Только, благодаря уже совсем нечеловеческому

приказу Петровского, террор перекинулся в провинцию, где сейчас и бушует³⁰¹.

Нет ни одной, буквально, семьи, где бы не было схваченных, увезенных, совсем пропавших. (Кр<асный> Крест наш давно разогнан, к арестованным *никто* не допускается, но и пищи им не дается). Арестована О.Л.Керенская, ее мать и два сына, *дети* 8 и 13 лет.

Гржебины и Горькие блаженно процветают. Эта самая особа, жена последнего, назначена даже «комиссаром всех театров». Имеет власть и два автомобиля³⁰².

Все, что знаем, — знаем лишь от приезжающих. Большевицкие газеты читать бесполезно. К тому же они ввели слепую, искажающую дух языка, орфографию³⁰³. (Она, между прочим, дает произношению — еврейский акцент!)

Теперь далее. Почти неизвестно общее положение дел. Но вот обрывки.

На Западе, очевидно, какие-то успехи союзников. Какие — большевики от нас скрывают. А мы, на нашем востоке, находимся в фактической, и даже какой-то полуобъявленной войне с союзниками. Какими силами там Германия поддерживает Красную Армию — уловить нельзя, но должно быть порядочными, так как большевики, испуская дикие клики, объявляют о победах «доблестной Кр<асной> Армии» над «чехо-словаками», о взятии обратно целого ряда городов: Казани, Сызрани, Симбирска и других.

Никаких выводов из вышеприведенных скудных фактов я не делаю. Констатирую лишь одно: большевики физически сидят на физическом насилии, и сидят крепко. Этим держалось самодержавие. Но не имея за себя традиций и привычки, большевики, чтобы достигнуть крепости самодержавия, должны увеличивать насилие до гомерических размеров. Так они и действуют. Это в соответствии с национальными «особенностями» русского народа, непонятными для европейца. Чем власть диче, чем она больше себе позволяет, — тем ей больше позволяют.

Да, и все это — *вне истории*, это даже не революция в Персии, это Большой Кулак в Китае³⁰⁴, если не поничтожнее (при всей своей безмерности).

У Ратьковых убили (б<ольшевы>ки) третьего и *последнего* сына — старшего. Это что-то уж..... я не вмещаю.

Позавчера совершенно неожиданно приехала Татьяна.....

Август, да, впрочем, и весь июль, прошел весь в бурях и проливных дождях. Не запомню такого лета. И теперь те же дожди, притом еще холод. Ночные морозы.

В Москве расстреляли всех царских министров, которых отвое-

вывал и не успел отвоевать Ив. Ив.: Щегловитова, Белецкого, Протопопова и других.

Кишкин опять сидит. И Пальчинский³⁰⁵.

1 (14) Октября, Понед<ельник>. СПБ.

Мы с Дмитрием вернулись с дачи 12 Сентября, Дима еще остался, мы думали, было, еще поехать туда на некоторое время, но... здесь нас сразу охватила такая атмосфера, что мы поняли: надо уезжать. Надо бежать, говоря попросту. Нет более ни нравственной, ни физической возможности дышать в этом страшном городе.

Он пуст. Улицы заросли травой, мостовые исковерканы, лавки забиты. Можно пройти весь город и не увидеть ни одной лошади (даже дохлой — все съедены). Ходят по середине улицы, сторонясь лишь от редких ковыляющих автомобилей с расхлябанными большиками.

Для того, чтобы выехать из города, нужно хлопотать более месяца о разрешении. Уехать мы хотели на Украину. Начались мытарства, — сколь многим знакомые! Ведь вся интеллигенция, кроме перемерших, уехала; последние, даже умирающие, стремятся уехать.

Но вот события последних дней. Сообщения для нас неожиданные и для нас малообъяснимые (еще бы! что мы видели сквозь тусклое, грязное стекло нашей банки с пауками?). В Германии что-то происходит или что-то начало происходить. Произошла перемена правительства, умаление прав Вильгельма — падение военной партии. Произошло ли это в связи с германскими неудачами на Западе, и какими, — мы не знаем. Тут же вышла из войны Болгария, за ней Турция. По всей вероятности, Германии стали грозить и какие-нибудь внутренние волнения (ага! все-таки не без наших «бацилл»). Факт тот, что новое германское правительство, назначенное большинством рейхстага, МГНОВЕННО ПРЕДЛОЖИЛО ВИЛЬСОНУ ПЕРЕМИРИЕ, «для переговоров о мире на основании его» — знаменитых — «пунктов». (Откуда пошло «без аннексий и контрибуций»). Пока мы не знаем официального ответа, все по слухам (ведь у нас и немецкие газеты запрещены). Но слухи такие, что ответ, в общем, благоприятный, хотя с требованием некоторых гарантий, вроде вывода войск из Бельгии и т.д.

Германия — все условия приняла! А союзники, между тем, заняли Варну и Констанцу. (Не открыты ли Дарданеллы?).

Происходят события безмерной важности. Мир у дверей... Европы. А наша паучья банка по-прежнему цела, и прежняя в ней война.

Все говорят о неизбежной международной оккупации Петербурга. Я заставляю себя не верить и этому. «Господа» весьма могут нас забыть в нашем кровавом, пустом аду, если у них там все пойдет

по-хорошему. А если пойдет не совсем по-хорошему — тем более... Не могу определенно сказать, чего я боюсь (я давно не вижу вероятного будущего, так как не знаю никакого настоящего), но есть смутное ощущение *начала* каких-то событий в Германии, а не завершения. Германия не «одумалась», ее что-то заставило перемениться, ее перетряхнуло... или начало перетряхивать.

Мы имеем несколько любопытных свиданий здесь с одним немцем, неким Форстом, сотрудником Berliner Tagenblatt³⁰⁶. Мы видели его перед самым крахом Германии и потом уже во время слухов о перемене правительства, о предложенном перемирии, о том, что будет, если союзники потребуют гарантий.

Так вот: этот самый Форст во-первых, объявил себя никогда не принадлежавшим к «военной партии» Германии, и вообще старался показать себя с самой либеральной стороны и ненавидящим Вильгельма. Тут же уверял, что, в сущности, никакой определенной политической линии Германия последнее время не вела, а лишь происходило безумное шатание.

И далее... Но необходимо знать, что этот самый Форст приехал в Россию *в июле* (с тех пор тут и жил), приехал — к большевикам, упоенный ими и всеми их делами! (Не цельнее ли была Германия, чем о ней думали, когда во всей слепоте винули только одну «военную партию»?) Потолкавшись у большевиков, Форст к сентябрю несколько скис. Интеллигенция, которая вначале его не принимала (чему он наивно удивлялся), — приоткрыла ему дверь. К нам его привел Ганфман. Однако, на мой взгляд, он еще не многому научился и, главное, остался до корня волос «немцем», не признающим ни фатальности поведения Германии, ни ее, по сей день, тупости — на свою голову! Тогда образовывалось, только что, новое правительство (которому он сочувствовал), отпадала Австрия, а он все-таки говорил, что если союзники потребуют «гарантий» в условиях перемирия, то Германия на это не пойдет, не должна идти, что он «сам первый, не желавший войны, отправится на фронт»... А когда Дима, очень осторожно, поставил вопрос, да может ли Германия продолжать войну, нет ли для германской армии, хоть какой-нибудь опасности разложения, падения дисциплины... немец с высокомерной грубостью отвечал, что таких опасностей для германской армии не существует вовсе. Я мысленно констатировала знакомую слепую самоупоенность: «бациллы, опасные для свиней, безвредны для людей». И в сущности он, с любезными оговорками, одобрял все поведение Германии относительно России и большевиков, от Брестского мира вплоть до прощения большевикам их шалостей с Мирбахом и Эйхгорном. Вообще же я порою чувствовала невольное раздражение, мне не свойственное и обращенное на личность, не на данного Форста, а

на «немца», потому что этот немец держал себя, как... победитель. Это органически проскальзывало — даже с нами!

А большевиков (к которым он, по его словам, изменился, хотя перед отъездом в Берлин выпросил «аудиенцию» у Горького) — он любезно предлагал России свергнуть самой, «кстати, они уже сами себя изживают, и век их — полгода».

Я в упор спросила Форста, в какой мере немцы помогают б<ольшевы> кам на сибирском фронте. Он отрицал всякую помощь, совершенно определенно. А между тем мы узнали, что весь главный штаб сибирских красноармейцев — немецкий...³⁰⁷.

На Форсте я остановилась потому, что он мне кажется характерным и любопытным явлением минуты. И примером немецкого (отчасти всевропейского) ничегонепониманья и ничегонепредвиденья.

Вернемся к нашей домашней банке с пауками.

Пауки не знают, что будет, несколько трусят, но делают вид, что все великолепно и приготавливаются праздновать свою годовщину. Мейерхольд в «советских» газетах сзывает «товарищей актеров» на чтение «товарища» Маяковского новой его «Мистерии-Буфф» (sic) для октябрьских торжеств. Горький — на дне хамства и почти негодяйства, упоен властью, однако взял в «заложники», из тюрьмы на свою квартиру, какого-то Романова. Взял под предлогом отправить его в Финляндию, но не отправляет, держит, больного, в своей антикварной комнате и только ежедневно над ним издевается. Какое постыдное³⁰⁸!

Аресты, террор... кого еще, кто остался? В крепости, — в Трубецком бастионе, набиты оба этажа. А нижний, подвальный (запомните!) — камеры его заперты наглухо, замурованы: туда давно нет ходу, там — неизвестно кто — обречены на голодную смерть. Случайно из коридора крикнули: сколько вас там? И лишь стоном ответило: много, много...

Это было давно.

С.Н. арестован в Москве. Ему грозит расстрел. Расстрелян Меньшиков за Бологим. Вот тебе и «подкладной ягненок»³⁰⁹.

Не могу больше писать, больна. У нас ведь еще свирепствует «испанская болезнь»³¹⁰. Теперь надо бы опять записывать каждый день, а я еще не совсем поправилась.

7 Октября, Воскресенье.

Больна. Два слова: ничего определенного. Т.е. мы ничего не знаем. Германия, очевидно, все приняла, но заключено ли перемирие?

Как странно и внезапно сгорела Германия — точно бумага! Да, не

принесла ей добра хитрая авантюра с большевиками. Не построила она своего счастья на нашей гибели. Зарвалась Германия.

И неизвестно, что еще дальше будет. Далеко неизвестно!

9 Октября, Вторник.

Ответ Германии Вильсону — полон покорности³¹¹. Удивительно! Большевики судорожно арестовывают направо и налево. Даже проф. Чигаева³¹²! Даже баронессу Иксуль³¹³!

Слухов сколько угодно. Фактически — мертвая тишина. Голод растет.

14 Октября, Воскресенье.

Наша банка цела и даже без трещин. Это одно, что мы знаем с достоверностью. Остальное — приблизительно: Вильсон ответил Германии на ее «безоговорочное» восприятие, нотой, где, как будто, требует смещения или свержения Вильгельма! Это до такой степени провокационно в смысле революции, что я не знаю, что думать. Мне интересно, идут ли на германскую революцию союзники *сознательно*, уверены ли они, что она остановится там, где следует, или...

Боюсь, доселе не понимают они, что такое большевизм, и не учитывают его возможностей... в Германии.

Ну, так или иначе — «господам» не до нас...

В Гороховой «чрезвычайке» орудуют женщины (Стасова, Яковлева)³¹⁴, а потому царствует особенная, — упрямая и тупая, — жестокость. Даже Луначарский с ней борется, и тщетно: только плачет (буквально, слезами).

Характерен современный большевицкий лозунг: «лучше расстрелять сто невинных, чем выпустить одного виновного».

Отсюда и система «заложников», и все остальное.

Пища иссякает. Масла нет и по 40 р. ф. Говядина была уже 18 р. Едят только красноармейцы. Газет не читаю — одни декреты.

Берут к себе всю литературу — книги, издания, магазины. Учреждают особую цензуру³¹⁵.

Все остальное взято.

Тупость Европы меня и удивлять перестала. За эту тупость в Германии уже началась расплата. Но никто не вразумлен. Ну, вот, поглядим. Не застрахованы и вы, голубчики.

22 Октября, Понедельник.

Общее положение дня таково: Германия приняла *все* условия перемирия, — очень тяжелые. (А Вильгельма?) В Австрии уже раз-

ложение. Явное «оно», а не «она», не революция. Распад, Карл бежал, толпы дезертиров; в Вене совсем неладно³¹⁶. Германское пр<авительство> во пока еще держится... Не хочу передавать слухи.

У нас? Да все то же, прогрессивное ухудшение. Мы, как остальные, стремимся уехать. Но для выезда нужно пройти 18 инстанций, которые вот в течение полутора месяцев еще нельзя было проделать, несмотря на все приватные хлопоты, возможности и взятки.

Декреты, налоги, запрещения — как из рога изобилия. Берут по декретам, берут при обысках, берут просто. «Берет» даже Андреева, жена Горького: согласилась содействовать отправлению в <еликого> кн<язя> Гавриила в Финляндию лишь тогда, когда жена Гавриила подарила ей дорогие серьги.

Ив. Ив. бывает у Горького только ради заключенных. И все неудачно. Ибо Горький, вступив в теснейшую связь с Лениным и Зиновьевым, — «остервенел», по выражению Ив. Ив-ча. Разговаривает, с тем же Ив. Ив-чем, уже так: «что вам угодно?» И «прошу меня больше не беспокоить».

Характерно еще: при отправке своего «заложника» в Финляндию (после серег), Горький, *на всякий случай*, потребовал от него «охранную грамоту»: что вот, мол, я, Гавриил Романов, обязан только Горькому спасением жизни...

Нужны ли комментарии?

Сегодня, входя к Горькому, Ив. Ив. в дверях встретил Шаляпина. Долгий разговор. Шаляпин грубо ругал большевиков, обнимая Ив. Ив-ча и тут же цинично объявляя, что ему — все все равно, лишь бы жратва была. «Получаю 7 тысяч в месяц и все прожиржаю». Милая черточка для биографии русской дубины. Незабвенная отвратительность³¹⁷.

Чудовищный слух, которому отказываешься верить: будто расстреляли В.В.Розанова, этого нашего, мало известного Европе, но талантливого писателя, русского Ницше³¹⁸.

Я не хочу верить, но ведь все возможно в вашем «культурном раю», г-да Горькие и Луначарские! Попраздничайте вашу годовщину, please! Вы уж навесили красивые штаны на Таврический Дворец... впрочем, он уже не Таврический, а «дворец Урицкого».

Обеими руками держу себя, чтобы не стать юдофобкой. Столько евреев, что диктаторы, конечно, они. Это очень соблазнительно.

Еще слух, что расстреляли и эту безумицу несчастную — Александру Федоровну с ее мальчиком. Да и дочерей. Держат это, однако, в тайне³¹⁹.

Не знаю, куда мы еще можем уехать. Немецкие войска на Украине очень надежны. (Еще бы!) Вернее всего пока — в Финляндию. Я знаю, уехать — это превратиться... не в эмигрантов даже, а в беженцев. Без денег (не позволяют), без одежды (не пропускают), без рукописей

и работ, голыми, бросив на разгромление нашу ценнейшую библиотеку и, главное, архивы, — ехать неизвестно куда, не зная, когда можно и можно ли вернуться, — вот судьба русского писателя, имеющего почти славу (как Дмитрий), некоторую известность (как я и затем Дима) и за спиной 30 лет работы, томы изданных книг. Но жить здесь больше нельзя: душа умирает.

25 Октября, Четверг.

Вчера вечером — странное атмосферное состояние тревоги. Как будто что-то случается. Нам дали знать, что уезжает (или уехало) германское консульство. Затем, что уезжают и нейтральные. А советский Иоффе и другие большевики в 24 часа высланы из Берлина³²⁰.

Весь город заговорил: идут немцы! Зашныряли большевики, тревожась за свои празднества. Усилили аресты. Тюрьмы заперли наглухо... И всем казалось невероятным, чтобы державы оставили большевикам своих граждан — без защиты.

Однако, сегодня утром уже было видно, что — оставили, и все остается, как было. «Праздники» действуют, несмотря на мглявый, черный дождь. Снова —

«... скользки улицы отвратные...»³²¹.

Вдвойне отвратные, ибо к сегодняшнему дню их — переименовали! То улица «Нахамкисона», то «Слуцкого», и других неизвестных большевицких жидов³²².

На заборе Таврического (Урицкого!) сада висят длинные кумачовые тряпки и гигантский портрет взлохмаченного Маркса с подписью «ест кто работает» (других, очевидно, нету). Ритуал «праздников» я описывать не буду. Еще и завтра будут длиться. Трамваи не ходят. К счастью, по Сергиевской нет процессий, дудят лишь сбоку.

Сюда же приурочили «съезд бедноты» — наехали какие-то «тысячи», которых разместили по лучшим гостиницам, «убранным тропическими растениями», и кормят их «конфетами с шоколадом» (выписываю из большевицких газет)³²³. Но сами сомневаются, не «переодетые ли это кулаки?» Кулаки (или «беднота») наехали со своей провизией, которую жадно, по мародерским ценам, продают на улице.

Мы отрезаны от мира, как никогда. Положение странное, беспримерное. Банка закупорена плотно.

Что в Европе?

28 Октября, Воскресенье.

Все дни — ничего, кроме «празднеств» и глухих, диких слухов. (Ведь даже и б <ольшеви> цких газет нету!).

Сегодня вечером слухи сделались весьма ужасными: что в Германии — революция, и притом большевицкая, Либкнехтовская (германский Ленин), что в Москве на германском консульстве уже красный флаг, а Вильгельм убит³²⁴. Высланный Иоффе — возвращается.

Ну, если все, или приблизительно, так — с кем будут мириться союзники? С Либкнехтом? Как Вильгельм мирился с Троцким?

Факт, а не слух: здешнее германское консульство не выпущено, не уехало: его арестовали.

Вчера умер С.А.Андреевский³²⁵. Мой давний друг. Когда-то знаменитый адвокат, нежный поэт, обаятельный и тонкий человек. Умер одиноким стариком от голода, умер в такой нищете, что его не на что похоронить (буквально), так и лежит, непогребенный, в квартире.

Да ведь мы все — умираем от голода. многие опухли — страшны до неузнаваемости. Точно голод в Индии.

Не только мы, интеллигенция, — в таком же положении и рабочие: ведь нельзя с семьей жить на 450 р. в месяц, когда кусок мяса (если добудешь) стоит 200 р.

Я это пишу и знаю, что мне потом не поверят. Но я честным словом заверяю — мы умираем с голоду.

Умирают все (кроме комиссаров, их присных и жуликов). Одни скорее — другие медленнее.

29 Октября, Понедельник.

С ликованием и криками вывесили и на нашем опустевшем (арестовано) германском консульстве красный флаг. Объявили о полном торжестве большевицкой революции в Германии. Празднуют победу Либкнехта-Ленина.

Опять я спрашиваю себя: с кем же, с каким правительством будут союзники (сегодня, кажется?) подписывать перемирие? Если все так, то, очевидно, немецкий Ленин пошлет им своего Троцкого? И будет Брестский мир. И союзники признают Либкнехта, как Германия признала Ленина? И, признав Либкнехта, кстати, заодно, признают Ленина? Ибо ведь они же давно в объятиях друг друга.

«На колу мочала, не сказать ли сначала».

Кровавая мочала.

Нет, кончена «роль личности в истории». Все катится стихийно, и мы ничего не можем, и ничего не понимаем.

Когда же, однако, воцарился Либкнехт?

31 Октября, Среда.

Оказывается, Либкнехт еще не воцарился. Только хочет воцариться. Не стану записывать жалких обрывков сведений, которые мы

имеем о Европе, — только главное: перемирие подписано с третьим германским правительством, — Шейдемана (не буржуазным, но и не большевицким, с «социал-предательским», как называют шейдеманцев наши владыки)³²⁶. Условия перемирия так тяжелы, что делается страшно: уже не зарвались ли союзники, как раньше Германия, на свою голову?

Ведь в Германии очевидная революция (Вильгельм удрал в Голландию). Везде понастроены «совдепы», и хотя чудится мне, что не вполне они такие, как у нас, а все же...

Наши — надрываются. Лезут, пристают к Германии, дают советы, раскрывают объятия, висят на радио... Иоффе где-то застрял по дороге — они расшлепываются в лепешку, чтобы местный немецкий «совдеп» скорее пустил его обратно в Берлин. Прибытие высаженного посла — это ли не было бы знаком полного единения между «Красной Россией» и «Красной Германией»?

Правительство Шейдемана, стоя на коленях перед союзниками, как-то не смотрит (не может?) назад. Некогда, очевидно, взглянуть на свои внутренние дела.

Война кончена, это ясно. Но грядущее чревато всеми невозможностями...

Наши так себя ведут, как будто уже завтра разложатся английские и французские войска, а послезавтра — будет интернационал. Рвутся действовать в Европу, обещают германцам хлеб (откуда?) и «пролетариат с оружием» (?Господи!), все готовы для Либкнехта³²⁷. Пока что — Шейдеман повторяет ошибку Керенского и «спартаковцев» (либкнехтцев) не скручивает. О, мы опытни! Все это уж мы видели! И если не повторится там нашего (если!), то лишь потому, что между германцами и русскими есть какая-то еще неопределимая в эту минуту разница, и Шейдеман все-таки не Керенский.

Но рисунки, в общем, похожи...

Ничего нельзя угадать. Людское безумие приняло такие размеры, что слова забываются и смешны, как птичий писк.

13 Ноября. Вторник.

Пишу для того, чтобы отметить: мы в самом деле, действительно, *уже почти не живы*.

Все, в ком была душа, — и это без различия классов и положений, — ходят, как мертвецы. Мы не возмущаемся, не сострадаем, не негодуем, не ожидаем. Мы ни к чему не привыкли, но ничему и не удивляемся. Мы знаем также, что кто сам не был в нашем круге — никогда не поймет нас. Встречаясь, мы смотрим друг на друга сонными глазами и мало говорим. Душа в той стадии голода (да и тело), когда уже нет острого мученья, а наступает период сонливости.

Перешло, перекаатилось. Не все ли равно, отчего мы сделались такими? И оттого, что выболела, высохла душа, и оттого, что иссохло тело, исчез фосфор из организма, обескровлен мозг, исхрусли торчащие кости.

От того и от другого — вместе.

Что нам общий мир? В нашем Кольце — война. О чем нам думать, когда мы ничего, кроме самых мутных слухов, не знаем, заперты в этом кольце — с большевиками. Ведь и они не знают. Их скудные, грязные газеты — те же слухи, только подтасованные. Все ихние «посольства», и швейцарское, и знаменитое германское, с Иоффе во главе, подобру-поздорову вернулось в Москву.

Шейдеманцы пока держатся — Либкнехт не воцарился. Перемирие заключено, тяжелые его условия германцами, кажется, уже выполняются.

Но, хотя союзники намеренно не требовали отвода немецких войск из России, — немцы неудержимо отходят (домой!), обнажая оккупированные местности. Туда немедля, с визгом, внедряются большевицкие банды. Начинается грабеж и «всесоветское» разрушение.

На Украине — неизвестно что, и никто не знает. Какие-то дикие бои, и будто опять вылез Петлюра³²⁸.

Одно мгновенье говорили, что союзники потребовали сдачи СПбга, и большевики раскололись, причем Ленин стоял за сдачу, Зиновьев — против. Но вряд ли это было, ультиматумы подкрепляются силою*, а союзники, очевидно, не желают или не могут пойти на Петербург.

Война, война! У всех ты отшибаешь разум, и у победителей, и у побежденных равно. Не начинают ли союзные победители терять разум? На это и рассчитывает наше хамье, жулье и безумье.

Теперешние самодержцы — «районные советы» — на всех плюют (так и говорят), особенно же на хлыща Луначарского. В 3 дня выселили из квартиры музыканта Зилотти (опять с ним беда!), позволив взять только носильное платье, остальное — себе, и сами вселились. Семья пошла по комнатам — ведь теперь и с деньгами нельзя «нанять» квартиру, во все пустые вселяют «бедноту» неизвестного происхождения.

Ежедневно декреты. На декабрь объявили какую-то миллиардную военную контрибуцию. Однако неизвестно, что им делать, когда,

---

* Увы это *было!* Я потом видела (в руках его имею) этот несчастный, позорный «ультиматум». Что это за глупость? Суконнейшим языком написанная вялая просьба — «позвольте вам выйти вон, потому что вы такие бяки. И нельзя ли к 6 часам 3 декабря. Хорошо? а то мы вас...» неизвестно, что. Подписано всякими министрами и почему-то «Сазонов, Набоков, Извольский»³²⁹. Большевики правы, что посмеялись. Для чего этот стыд?

придя к «обложенному буржую», найдут они у него лишь кусок конины, поджаренный на касторке. Мебель конфисковать? Но ведь она, вся, и так уж давно, по декрету, ихняя... Затруднительное положение...

Взятки берутся (когда есть что взять) уже почти официально. И жулье, даже интеллигентное, процветает — в зависимости от ловкости рук.

Горький все, кажется, старинные вещи скупил, потянуло на клубничку, коллекционирует теперь эротические альбомы. Но и в них прошибается: мне говорил один сторонний человек с наивной досадой: за альбом, который много-много 200 р. стоит — Горький заплатил тысячу!

Вяч. Иванов (рассказывал Карташев) пошел, было, с голодухи к большевикам, но зря; ничего не получил, так же с голоду умирает³³⁰.

Директор Тенишевского Училища³³¹ живет без прислуги, жена его (тьнь!) колет дрова. Едят конину с селедками. Весь он полуразрушенный, страшный...

Что же еще написать? Не знаю, право.

25 Ноября, Воскресенье.

Мы еще живы. Всякий день равнодушно этому удивляемся.

В Германии еще Шейдеман. Всякий день владыки наши уверяют, что завтра воцарится Либкнехт.

Драконовские условия перемирия Германией выполняются. Флот разоружен, интернирован. Английская эскадра была в Киле, в Копенгагене. Проскользнула весть, что появились англ<ийские> суда и в Балтике. Тотчас, конечно, неунывающий Зилотти (живет в 4°, оторванный от семьи) телефонировал радостно: «наша родная — в Либаве!»

Б<ольшеви> ки нет-нет и задумаются. Хотели, было, одну минуту, эвакуировать из СПб-га снаряды, оружие и все продовольствие. Потом как-то не вышло. Но, очевидно, косят глазом: вдруг де, союзники придут и возьмут «красный Питер»? *Если* придут, то (в этом и большевики не сомневаются) — немедленно и возьмут. Ибо голая и «доблестная» Кр<асная> армия не боится ни пустых городов, ни наших горе-белогвардейцев; но первого *солдата* она испугается насмерть. Когда под Нарвой разорвало их же снаряд — 1600 человек из 2000 немедля удрали.

Но бедные англичане опять, кажется, и этого не понимают.

Свирепствует сыпной тиф. В больницах кладут вповалку, мужчин и женщин.

Морозов больших нет, но каждое полено стоит 5—10 рублей, а потому приходится и дома сидеть если не в шубах, то в пальто.

Москвичам, говорят, хуже нашего. Там холод неисцелимый, 3°-4° в комнатах, а голод... гомерический, ибо все реквизируется для «правительства». Кругом Москвы — бунты: крестьяне не хотят мобилизоваться.

В Пятигорске расстреляли как «заложника» и с Машука сбросили — генерала Рузского. Того самого, что бывал у нас в Кисловодске. Больной и невинный болтун с палочкой, немножко рамолик, за ним всегда ходили жена и дочь, офицеры молодые к нему были добродушно-нежны. Он отчески ворчал на них, целовался с ними, бодрился и постоянно хворал воспалением легких³³².

Успокоился.

2 Декабря, Воскресенье.

Мне стыдно перечитывать мой дневник прошлого года. Но это очень поучительно. Видишь, какие там все были детские игрушки и как, вообще, немужественно и бесполезно — ныть. Я и не буду, а некоторые параллели хочу провести.

В прошлом году у нас было масло, молоко — вообще что-то было (например, магазины, лавки и т.д.). Теперь черная мука — 800 р., каждое яйцо — 5—6 р., чай — 100 р. (все, если *случайно* достанешь)*

В прошлом году я могла читать с эстрады свои стихи (да ведь и печать была, Господи!), а нынче, на днях, проф. Сперанский³³³, со всеми разрешениями, вздумал назначить вечер в память Достоевского, публики собралось видимо-невидимо (участвовал Дмитрий, а он привлекает), — а в последнюю минуту явился «культурно-просветительный Совдеп», и всю публику погнал вон. Нельзя. Накануне изгнали Амфитеатрова. Грозил винтовками.

Вот наше телесное и душевное положение.

В прошлом году мы могли думать о каком-то «пределе»! Предела, очевидно, и сейчас нет. Мы еще не едим кожу, например (у меня много перчаток). И, вот, сию сейчас все-таки за столом и пишу... хотя нет, пишу я уже незаконно, случайно...

В прошлом году мы возмущались убийством Шингарева и Кошкина, уверяли, что этого нельзя терпеть, а сами большевики полуизвинялись, «осуждали»... Теперь — но нужно ли, можно ли подчеркивать *эту* параллель? О ней кричит всякая страница моего дневника — последних месяцев.

И, наконец, вот главное открытие, которое я сделала: **ДАВНЫМ-ДАВНО КОНЧИЛАСЬ ВСЯКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**. Когда именно — не знаю. Но давно. Наше «сегодня» — это не только ни в какой мере не

---

* В апреле 19 г. 1 ф <унт> чаю нельзя достать и за 400 р <ублей>. [Примечание сделано от руки. — Публ.]

революция. Это самое обыкновенное КЛАДБИЩЕ. Лишь не благообразное, а такое, где мертвецы полузарыты и гниют на виду, хотя и в тишайшем безмолвии. Уж не банка с пауками — могила, могила!

На улицах гробовое молчание. Не стреляют (не в кого), не сдирают шуб (все собраны). Кажется, сами большевики задеревенели. Лошадей в городе нету (съедены), автомобили, все большевицкие, поломаны и редки. Кое-где, по глухому снегу, мимо забытых магазинов с сорванными вывесками, трусят ободранные пешеходы.

Но спешно отправлены в Вологду, в «каторжные работы», арестованные интеллигенты (81 чел.) такие «преступники», как Изгоев, журналист из «Речи», например³³⁴. Очень спешили, не дали привезти им даже теплой одежды. Жену Изгоева при проводах красноармеец хватил прикладом, упала под вагон; вчера служила в столовой журналистов вся обвязанная.

Не это ли «революция?»

Вчера я проснулась с острым стыдом в душе. Не позорно ли, что еще недавно, лежа в таком виде, мы ждали англичан! Приди мол, господин, возьми меня!

А они и не подумали прийти. То «не приходили» немцы (я, впрочем, знала, что они не придут), потом такими же «неприхожденцами» сделались союзники. Об этих я все-таки думала иногда, что они могут прийти, не ради нас — ради себя. Ведь нельзя же было предполагать, что они так сразу — *германской* слепотой ослепнут.

Но теперь я говорю: пусть! Пусть, черт с ними, сидят большевики! Пусть история идет, как ей назначено. Ведь вот «есть правда на земле», возмездие Германии — произошло на глазах. Картина выпукло-ясная. Точно в прописях. А теперь — черед следующих, кто зарвется...

Царства Либкнехта еще нет. Нашу «советскую» делегацию в Берлин не пустили.

Мы по-прежнему ничего не знаем. КЛАДБИЩЕ.

15 Декабря, Суббота.

Кладбище. Отмечу только лестницу голода. Нет, конечно, той остроты положения (худого), которая не могла бы длиться. Но до сих пор все ж питались кое-как нажувлиничавшие и власть. Она же упитывала кр <асно> армейцев. Теперь у комиссаров для себя еще много, но уже ни для кого другого, кажется, не будет.

Сегодня выдали, вместо хлеба, 1/2 ф <унта> овса. А у мешочников красноармейцы на вокзале все отняли — просто для себя.

На Садовой — вывеска: «Собачье мясо, 2 р. 50 к. фунт». Перед вывеской длинный хвост. Мышь стоит 20 р.

Никто ни о каких «спасительных англичанах» более не думает. А

что они о нас думают? Должно быть, что-нибудь простое; как-нибудь очень просто, как об Индии, например. Что ж, Индия часто вымирает от голода, и ничего.

Многие сходят с ума. А может быть, мы все уже сошли с ума?

И такая тишина в городе, такая тишина — в ушах звенит от тишины!

29 Декабря, Суббота.

Мы еще живы, но уже едва-едва, все больны. Опять рвемся уехать, просто хоть в Финляндию.

Блокада полная. Освобождения не предвидится. Вместо хлеба — 1/4 фунта овса. Кусок телятины у мародера — 600 р. Окорок — 1000. Разбавленное молоко 10 р. бутылка, раз-два в месяц. Нет лекарств, даже йода. Самая черная мука, с палками, 27 р. фунт. Почти все питаются в «столовках», едят селедки, испорченную конину и пухнут.

Либкнехт (спартаковцы-большевики) еще не воцарился, но сегодня вести, что в Берлине жестокое восстание. Именно потому, что оно «жестокое», т.е. какая-то настоящая «борьба», — более вероятно, что Либкнехту не удастся так вождеденно воцариться³³⁵. Во всяком случае — merci bien, Marianne*, many thanks, Mr. Wilson!** Желаем вам всего лучшего, но берегите ваше здоровье!

Сегодня видела Вырубову³³⁶. Русская «красна-девица», волоокая и пышнотелая (чтобы Гришка ее не щипал — да никогда не поверю!), *женщина* до последнего волоска, очевидно тупо-упрямо-хитренькая. Типичная русская психопатка у «старца». Охотно рассказывает, как в тюрьме по 6 человек солдат ее приходили насиловать, «как только Бог спас!»

Тем острых мы старались не касаться. Кажется, она не верит царским смертям и думает, что еще все вернется.

1919

5 Января, Суббота.

Годовщина однодневного Учр<едительного> Собрания. А я едва вспомнила... Да и помнить нечего. Да и ничего мы уже не помним.

В Берлине шейдемановцы, после жестокой бойни, победили спартаковцев (большевиков). Так что Либкнехт не только не воцарился, но даже убит. Будто бы его везли арестованного и застрелили за попытку бежать. И эту чертовку Розу Люксембург тоже убили. Ее,

* Благодарим, Марианна (фр.).

** Огромное спасибо, г-н Вильсон (англ.).

будто бы, растерзала толпа. Жаль, что нашего К.Радека, кстати, не растерзала. Уж заодно бы^{337!}

Это восстание как будто параллельно нашему июльскому. И тут же ясная, резкая разница. У нас Керенский, после июля, едва-едва арестовал мелких большевиков (кажется, до хлыща Луначарского только). Ленин и Зиновьев открыто «скрывались» сначала в Кронштадте, а затем на Петер <бургской> Стороне, где буквально все знали их точнейший адрес. И Ленин ежедневно, под собственным именем, призывал к перевороту в своей газете (незакрытой!), даже твердо обещал переворот, с указанием чисел. Троцкий и не двинулся, работал в Совете с полной явностью. Цвел все время, а когда подвезло «счастье», вполне безумное (Корнилов) — расцвет получился полный, и собственно «воцарение» большевиков совершилось за два месяца до официального³³⁸. Ведь уже тогда Троцкий был председателем Совета, уже тогда проходили организованные скандалы на всех «совещаниях», на «демократическом», в «предпарламенте» и т.д. Ну а германским большевикам в их «июле» сразу не поздоровилось.

Какой бы «октябрь» ни грозил германцам — одно для меня ясно: У Берлина не будет подобного Петербургу, *пассивного* самоотдания. Не верю глазам своим, читая свою же запись тех дней. Петербург сам упал, тихо, в руки большевиков, как созревший плод. Именно сам, именно тихо! Никакого подобия *борьбы!* Были мелкие судороги, в Москве — покрупнее, но не борьба, а только — *судороги*.

Мы, интеллигенция, — какой-то вечный Израиль, и притом глупый. Мы в вечном гонении от всякого правительства, царского ли, коммунистического ли. Мы нигде не считаемся. Мы *quantité negligible**. И мы блистательно доказали, что этой участи мы *вполне достойны*. Вот, «случилось» *наше* правительство: Временное. И что же, не было оно все, с макушки до пяточек, — *quantité negligible?* От Милюкова, сквозь Керенского, до мельчайших Либергоцев³³⁹ — глупым и negliжабельным? Не было?

И я, со своим высокопартийным созерцанием и претензиями на сознательность, такая же близорукая дура, как другие.

Прогнившая воля делала нас достойными *sujets*** Николая. Теперь мы достойны владычества Хамов, взявших нас голыми руками.

Ничего, не на кого, некому жаловаться. Бессильное и неумное ничтожество. А народ — еще животное, с животной (невинной) хитростью, с первичными инстинктами... может быть, впрочем, со своеобразной еще придурью. *Un point — c'est tout****.

* Ничтожество (фр.).

** Подданные (фр.).

*** Точка, вот и все (фр.).

Меня привела к этому оглядка на недавнее прошлое. Оно кричит о глупости и последнем безволии.

И ни одной личности! Ни единой! (Кроме Савинкова, может быть, но где Савинков?) Ни единой до того, что когда я перечитываю собственный дневник и через несколько страниц встречаю то же имя, — мне кажется, что я ошиблась: имя то же, человек другой. «Индивидуум» не похож на себя... на какого «себя?» Где — он? Вовсе его нет. Горького, например, будто и не было, столько Горьких. Даже каждый прохвост меняет прохвостничество. А Керенский где — настоящий? А Карташев? О литераторах не говорю... Да каждый? Каждый, как медуза, как все!

Не говорю и о демосе. Там безлико по праву (но мы-то этого не подозревали). Например, часто мной здесь упоминавшийся «герой» — матрос Ваня Пугачов. «Революционный деятель» в марте, над рассуждениями которого я умилялась, усмиритель апреля и июля, сметливый, хитрый, о сю пору верный нашей кухне (в том смысле, что любит забежать в нее похвастаться). Теперь он форменный мародер самого ловкого типа. Шатался по всей России, по Украине, даже залезал в Австрию, всегда был в «тех», кто побеждал, орудовал, прожженный на всем, спекулировал, продавал этих тем, а тех сызнова этим. Говорит без конца, без конца, по какой-то своей логике, целует у меня руку (как у «дамы»), ходит в богатейшей шубе, живет в 25 комнатах, ездит на своей лошади (когда в путешествие), притом клянется, что не «большевик» и не «коммунист», и я ему в этом верю.

Кстати, раз уж я оглянулась на прошлое, вспомню мою сентябрьскую встречу с Блоком в трамвае. Я сидела, когда он вошел. Мест больше не было, он минут 10 стоял, поневоле, около меня. Войдя, сказал сразу: «Здравствуйте». Я подняла глаза при знакомом замогильном звуке голоса, ставшем, кажется, еще замогильнее.

Бледный, желтый, убитый. «Подадите ли вы мне руку?» — «Лично — да. Но только лично. Вы знаете, что мосты между нами взорваны...»

Кончилось тем, что к нашему диалогу стал прислушиваться весь трамвай. Мы признавались друг другу в любви, но я тут же подчеркивала, что «не прощу никогда». Все, очевидно, думали, что встретились старые любовники. Было тяжело. Наконец я встала, чтобы выйти. Он сказал: «спасибо за то, что вы мне подали руку...» и поцеловал эту руку, протянутую «только лично, не забывайте!»³⁴⁰.

Да, он весь стал глуше, суше, мрачнее. Весь пришибленный, весь — «без права», и вот уж без счастья-то!

В октябрьские торжества внесли полотница с хамской рожей и с хамскими словами внизу, хамски и жидовски начертанными:

«Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем!»³⁴¹.

Это его — нежного Блока — слова!!

Довольно. Я уже замолчала о настоящем. Что тревожить прошлое?

Было ли оно? Если я не предвижу будущего, не вижу настоящего, — не позволительно ли мне сомневаться в бытии прошлого?

Нас постигло «небытие». Пусть мы, Россия, русский народ виноваты сами. Я готова сейчас признать все вины, признать наше небытие, нашу трупность. Но ведь Европа еще жива! И мы — какая-то часть ее тела, все-таки, хотя бы самая ничтожная. Кто ослепил, одурил Европу, и она не понимает, как для *ее жизни* опасно наше трупное разложение? Кто у нее отнял разум? Если Бог — за что Он ее так наказывает?

12 Января, Суббота.

Декларация Вильсона, от которой большевики возликовали сугубо, с задираньем носов. Не совсем, конечно, понимают, откуда и с какими психологиями этот Вильсоновский «шеколад» заверений и уверений, которым обернут зов «русских правительств на Принцезы острова» (эдакая «предварилка») — но все равно рады: им явная «передышка», и можно еще громче кричать, что «Антанта боится!»³⁴².

Мы уже совсем не понимаем, какие у Вильсона мысли по поводу этих островов и на что тут он надеется, о чем мечтает Его Наивность. Понимаем одно, что это на руку большевикам, безразлично, поедут они туда, или закобелятся.

Условия? Условия можно и обойти, можно и принять; Ленин, во время сделки с Германией, неустанно требовал принятия немецких условий: «Согласимся! ведь все равно мы их исполнять не будем!» И как сказал, так и сделал: после принятия двух главных условий Германии — разоружение всей армии и никакой пропаганды за чертой — тотчас взбодрил всю Красную Армию и особенно развил пропаганду в Германии.

«Передышка» очень кстати: было у них страху с Нарвой, ведь близко! А Красная Армия так дружно удирала (думала — англичане), что сами б <ольшеви> ки затряслись. Ничего, потом обтерлось. Потеряли морской кусочек, зато на юг двинулись, и везде что-то забирают³⁴³.

Им везет, им все на пользу. Победа союзников над Германией — они тотчас в пустые города. Ушли немцы, предав Скоропадского, — вылез бессильный Петлюра, — они тотчас двинулись на Украину, схватили Чернигов, Харьков, Полтаву, шествуют опять на несчастный Киев.

Ваша Наивность! Mister Wilson! Вы хотите спросить нескольких евреев под псевдонимами о «воле русского народа». Что же, спросите, послушайте. Но боюсь, что это недостаточная информация. Вы боль-

ше бы узнали, если бы пожили с недельку в Петербурге, покушали нашего овсеца, поездили на трамваях, а затем отправились бы по России... ну хоть до Саратова и обратно. Да не в «министерском» вагоне с «комиссарами», а с «народом», со всеми, кто *не* комиссары, т.е. в вагончиках «скотских». Там вы непосредственным соприкосновением узнали бы «волю русского народа». Или, во всяком случае, наверно, узнали бы его *неволю*. Увидели бы собственными глазами. И собственными ушами услышали бы, что сейчас в России нет, за малыми исключениями, ни одного довольного и не несчастного человека.

Это было бы — такой опыт Mr. Wilson'a — очень мило, но, я сознаюсь, бесполезно. Ибо в глубину добрых чувств Его Наивности я все равно перестала верить. А вот жаль, что я не могу дать Вильсону самый практический совет, самый ему сейчас нужный, ему — и всей Европе: не ставьте никаких условий большевикам! Никаких — потому что они *все примут, а вы поверите*, что они их исполнят.

Есть только одно единственное «условие», которое им можно поставить, да и оно, если условие — бесполезно, а благодатно лишь как повеление. Это — «УБИРАЙТЕСЬ К ЧЕРТУ».

Примечания

¹ Предшествующая дневниковая запись Гиппиус, датированная тем же днем, завершала «Синюю книгу», однако не вошла в ее опубликованный текст: «7 ноября. Вторник. 7 лет со дня смерти Льва Толстого. Никто его у нас не вспомнил. Ну, я тебя вспомню, “поденщик Христов”! Вспомни и ты о нас, счастливый!» (ОР ГПБ. Ф.481. Д.3. Л.274). «*Поденщик Христов*» — название одной из статей Мережковского о Толстом.

² После 25 октября служащие Госбанка, как и большинства других государственных учреждений, отказывались подчиняться требованиям новой власти. Утром 7 ноября в Смольном на гарнизонном собрании по предложению Троцкого было решено выделить от каждой части отряд и с музыкой организовать перед банком демонстрацию представителей от армии. Около 3 часов дня вооруженные солдаты подошли к Госбанку. На требование выдать 10 млн. руб. для Совнаркома банковские служащие ответили отказом. Первые деньги из Госбанка были получены большевиками только 17 ноября.

³ Горький М. К демократии//Новая жизнь. 1917. 7(20) ноября. С.1. Здесь Горький весьма резко писал о лидерах большевиков: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. <...> Надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалующий ни чести, ни жизни пролетариата». Характерно, что такого рода заявления Горького не могли поколебать обычного недоверия Гиппиус к нему.

⁴ Гиппиус имеет в виду в первую очередь арестованных в ночь с 25 на

26 октября и заключенных в Петропавловскую крепость членов Временного правительства (далее — ВП).

⁵ *Суханов* (наст.фам. Гиммер) Николай Николаевич (1882-1940) — меньшевик-интернационалист, близкий сотрудник Горького, один из редакторов «Новой жизни», в 1917 — член Исполкома Петросовета, до июня 1918 — член ВЦИК. Его жена — *Флаксерман* Галина Константиновна (1888-1958) — социал-демократка (меньшевичка, затем коммунистка). Обращение Манухина за помощью именно к ней продиктовано тем, что в этот период она была близка к вождям большевиков — на ее квартире (в отсутствие Суханова) 10 октября 1917 состоялось знаменитое заседание большевистского ЦК, на котором было принято решение о восстании в Петрограде.

⁶ *Троцкий* (наст.фам. Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940) — в этот момент председатель Петросовета, нарком по иностранным делам, член ЦК партии большевиков.

⁷ Вероятно, солдат-большевик В.Павлов.

⁸ Речь идет о жертвах восстания в Петрограде 29 октября юнкеров Владимирского, Павловского и других военных училищ. О похоронах убитых *повстанцев* см. напр.: «За последние дни петроградская еврейская община оплакивает свои многочисленные жертвы, как в дни еврейского погрома. На еврейском Преображенском кладбище за один день похоронено 50 жертв. Среди похороненных 35 юнкеров, убитых при осаде Владимирского училища и телефонной станции» (Вечерняя почта. 1917. 6(19) ноября).

⁹ *Духонин* Николай Николаевич (1876-1917) — генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного Главнокомандующего российской армии. После исчезновения А.Ф.Керенского из Петрограда и потери с ним связи принял на себя исполнение обязанностей Главверха. 9 ноября, после отказа выполнить распоряжение СНК о переговорах с противником, был заменен в должности Николаем Васильевичем *Крыленко* (1885-1938; парт.псевд. «Тов. Абрам», большевик с 1905, прапорщик, с 26 октября 1917 — один из народных комиссаров по военным и морским делам).

¹⁰ Имеется в виду переданное в эфир военно-морской радиостанцией в Петрограде утром 9 ноября воззвание СНК с призывом к солдатам «взять дело мира в свои руки» (Известия. 1917. 11(24) ноября).

¹¹ «Народные социалисты» (энесы, или трудовики) — члены Трудовой народно-социалистической партии, выделившейся из партии эсеров в 1906. Во главе ее стояли А.В.Пешехонов, Н.Ф.Анненский, В.А.Мякотин, В.Г.Короленько. 9 ноября был приостановлен их орган — газета «Народное слово».

¹² Речь идет о списках для голосования на выборах в Учредительное собрание (далее УС). В Петроградском городском округе всего было представлено 19 списков. Большевики опубликовали свой (№ 4) только 9 ноября, за три дня до начала выборов. О стычках большевистских агитаторов с агитаторами других партий см.: К выборам в Учредительное собрание//Известия. 1917. 11(24) ноября.

¹³ Это, по-видимому, отклик на публичное заявление В.Володарского о том, что если «массы опобутся с избирательными бюллетенями, им придется взяться за другое оружие» (Скрипилев Е.А. Всероссийское учредительное собрание. М., 1982. С.178).

14 Приведем краткий перечень событий этой недели:

— 12—14 ноября — выборы в УС в Петрограде. Обнародван Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов;

— 13 ноября — по распоряжению Крыленко парламентары В.Шнеур, М.Сагалович и Г.Мерен перешли линию фронта с предложением перемирия. Начались переговоры о нем;

— 16 ноября — принят Декрет о роспуске Петроградской городской Думы за «контрреволюционное противодействие воле рабочих, солдат и крестьян».

15 От Временного правительства//День. 1917. 17(30) ноября. С.3. В воззвании говорилось, что «и не в полном составе в настоящее время Временное правительство является единственной в стране законной верховной властью», содержался призыв «всех граждан армии и тыла к единому духу защите Учредительного Собрания для обеспечения ему возможности властно и твердо выразить народную волю» и т.д. Воззвание подписали: С.Прокопович (министр продовольствия, и.о. министра-председателя), П.Малянтович (министр юстиции), А.Никитин (мин.внутр.дел, почт и телеграфов), К.Гвоздев (мин.труда), А.Ливеровский (мин.путей сообщения), С.Маслов (мин. земледелия), а также товарищи министров В.Вернадский, А.Нератов, М.Фридман, Н.Саввин, К.Голубков, Г.Краснов. Гиппиус ошибается: не все из авторов обращения были социалистами (напр., В.И.Вернадский — кадет). Сразу же после публикации большевики издали приказ об аресте всех; подписавших этот документ.

16 *Подвойский* Николай Ильич (1880-1948). В октябре—ноябре 1917 — один из руководителей ВРК в Петрограде.

17 Ср.: «Значительную роль в Смольном институте играет далее бывший личный секретарь министра внутренних дел А.Д.Протопопова, член Союза русского народа А.Орлов. Орлов ведает столом обысков и арестов» (День. 1917. 1(14) декабря).

18 Речь идет о закрытии газет, напечатавших воззвание Временного правительства (см. прим.15): «Утренние ведомости», «Речь», «Единство», «Утро», «Рабочее дело», «День», «Воля народа», «Трудовое слово», «Рабочая газета», типография «Нового времени» была реквизирована, а некоторые сотрудники редакций арестованы. См.: Закрытие газет //Правда. 1917. 2 декабря (18 ноября). С.2.

19 См.: Тиун. В кого он стрелял?//Петроградский Листок. 1917. 18 ноября (2 декабря). С.5.

20 «День» выходил с 1912. Под другими названиями: «Новый день» (19—21 ноября 1917), «Ночь» (22—23 ноября), «Полночь» (24—25 ноября), «В глухую ночь» (25—26 ноября), «Грядущий день» (28—30 ноября 1917 и 6 января 1918), «Новый день» (14—22 февраля и с 3 апреля 1918); прекратился на № 43 4(17) мая 1918. С редакцией «Дня», в частности, с его издателем, лидером меньшевиков-оборонцев Александром Николаевичем *Потресовым* (1869-1934) Гиппиус связывали деловые и дружеские отношения.

21 На страницах «Газеты протеста: В защиту свободной печати», изданной

26 ноября Союзом русских писателей, выступили Д.Мережковский, З.Гиппиус, М.Ватсон, Г.Вильямс, А.Тыркова, Л.Гуревич, Ф.Сологуб и др. В состоявшемся в тот же день митинге в помещении кинотеатра «Солейль» приняли участие упомянутые Гиппиус один из старейших социал-демократов, редактор газеты «Единство» Лев Григорьевич *Дейч* (1855-1941), публицист и статистик, видный энес (см. прим.11) Алексей Васильевич *Пешехонов* (1867-1933), писатели Мережковский, Сологуб, а также А.Н.Потресов, П.А.Сорокин, А.М.Калмыкова, М.И.Ганфман и др. Общее требование митинга — немедленное освобождение арестованных журналистов и депутатов Учредительного собрания. Отчет см.: Грядущий день. 1917. 28 ноября (12 декабря). С.3.

²² Крыленко сообщал об акте самосуда над бывшим Главнокомандующим Духонинным, который «несмотря на все попытки спасти его, был вырван из вагона на станции Могилев и убит» (Правда. 1917. 4 декабря (21 ноября). С.1). В другой информации приведены свидетельства очевидцев, согласно которым акт самосуда был отчасти спровоцирован приездом Крыленко (Наш век. 1917. 30 ноября (13 декабря). С.1).

²³ *Мстиславский* (наст.фам. Масловский) Сергей Дмитриевич (1876-1943) — эсер (с 1917 — левый), писатель. Член президиума II Всероссийского съезда Советов, в декабре 1917—январе 1918 — член Президиума ВЦИК. Слухи о провокаторстве Мстиславского (см. запись в «Синей книге» от 28 февраля 1917) основывались на двух смутных эпизодах его биографии. Однажды в связи с работой в партии эсеров он был арестован, затем освобожден и даже не потерял места библиотекаря в Академии Генштаба. Кроме того, по сообщению А.Я.Гальперна, в 1915 Мстиславский на одном из масонских заседаний неожиданно предложил организовать покушение на царя, что сразу же вызвало подозрения присутствовавших. (См.: Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.64-66). Впоследствии — известный советский писатель. *Шнеур* Владимир Константинович — с нач. 1900-х на военной службе, с сер. 1900-х выполнял секретные поручения Департамента полиции под кличкой *Шнец*, в некоторых источниках — *Шнец*. Около 1910 удален от агентурных занятий. В ноябре 1917, будучи поручиком 9-го гусарского Киевского полка, по поручению Н.В.Крыленко вел переговоры о перемирии с немцами. Участвовал в операции по захвату Ставки, за что 21 ноября 1917 был произведен в полковники. В связи с разоблачением его дореволюционной провокаторской деятельности 25 ноября арестован, заключен в Петропавловскую крепость и 30 января 1918 приговорен Петроградским ревтрибуналом «к лишению всех гражданских прав и общественного доверия и изгнанию навсегда из пределов Российской республики». По протесту Петросовета приговор после нового рассмотрения дела был изменен на долгосрочное одиночное заключение (Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.370).

²⁴ ВП назначило открытие УС на 28 ноября. Овладевая ситуацией, большевики арестовали 23 ноября прямо на заседании в Таврическом дворце членов Всероссийской комиссии по делам о выборах в УС (Всевыборы) во главе с ее председателем Н.Н.Авиновым и поставили новым председателем этой комиссии М.С.Урицкого (с правом назначения и смещения членов комиссии). Тремя днями раньше СНК обязал П.Е.Дыбенку (наркома по

морским делам) сосредоточить к 27 ноября в Петрограде 10—12 тысяч вооруженных матросов. Члены Всевыборы после четырехдневного ареста (в Смольном) были освобождены, отказались подчиняться М.С.Урицкому и постановлением СНК 29 ноября были смещены. См.: Скрипилов Е.А. Указ.соч. С.185; Набоков В. Временное правительство//Архив русской революции. Вып.1. Берлин. 1922. С.93-95.

²⁵ 26 ноября СНК издал постановление о том, что заседание УС будет открыто лицом, уполномоченным на то СНК, и не раньше, чем в Петроград соберутся не менее 400 депутатов УС (Известия. 1917. 27 ноября).

²⁶ Предупреждение Павлу Николаевичу *Милюкову* (1859-1943), лидеру кадетов, отнюдь не было провокацией — поздно вечером 28 ноября СНК утвердил декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции», в котором кадеты объявлялись «партией врагов народа».

²⁷ *Кишкин* Николай Михайлович (1864-1930) — в октябре 1917 министр государственного призрения ВП. Накануне 25 октября назначен уполномоченным по водворению порядка в Петрограде. *Коновалов* Александр Иванович (1875-1948) — в октябре 1917 министр торговли и промышленности и зам. министра-председателя ВП. *Терещенко* Михаил Иванович (1886-1956) — в октябре 1917 министр иностранных дел ВП. *Третьяков* Сергей Николаевич (1882-1944) — в октябре 1917 председатель Экономического совета при ВП. *Карташев* Антон Владимирович — см. о нем в предисловии к наст. публ.

²⁸ Обращение опубликовано в газете «Грядущий день» (1917. 28 ноября (11 декабря). С.3). При перечислении авторов Гиппиус упустила две фамилии — государственного контролера С.А.Смирнова и министра финансов М.В.Бернацкого. Текст в копии сохранился в архиве Д.В.Философова, который в мае 1919 сделал надпись на конверте: «Письмо членов Временного Правительства из Петропавловской крепости. Доставлено мне с оказией, от Кишкина. Письмо рукою Кишкина. Кажется, в какую-то газету это попало 28 ноября, помнится, газета не вышла. Д.Ф.Философов» (ОР ГПБ. Ф.814. Д.151).

²⁹ *Димой* Гиппиус называла Д.В.Философова, *Дмитрием* — Д.С.Мережковского.

³⁰ *Панина* Софья Владимировна (1871-1956) — тов. министра народного просвещения в последнем составе ВП, член ЦК кадетской партии. В течение первого месяца после большевистского переворота в доме Паниной (Сергиевская ул., 23) происходили заседания находившихся на свободе министров и товарищей министров ВП, здесь же собирался кадетский ЦК.

³¹ *Каледин* Алексей Максимович (1861-1918) — генерал, в 1917-18 войсковой атаман Донского казачества. После Октября отказался признать власть СНК. Боевые действия против «Севера», т.е. большевистски настроенных гарнизонов Дона, начались в ночь на 26 ноября нападением на Ростовский Совет.

³² Борис — Борис Викторович *Савинков* (1879-1925) — знаменитый эсер-боевик, писатель. Летом 1917 — Управляющий Военным министерством ВП, во время выступления Корнилова принял пост Петроградского Военного генерал-губернатора, затем в отставке; после Октября — активный организатор борьбы с большевиками. Сохранившиеся письма Савинкова к Гиппиус

— свидетельство его глубокого доверия к ней. Апрель 1917 г.: «Мне кажется, Россия на краю гибели. <...> Партия меня бойкотирует за “патриотизм”, за Россию. А Илюша [Фондаминский. — Публ.] с партией. Он не бойкотирует меня, конечно. Но он — не свой. Свои ли Вы? Я стою на распутье и не знаю, куда идти, куда понесет течение. Писать, конечно, буду, но не сейчас. Сейчас одно — молитва за Россию. Именно молитва, ибо что я могу и что мы все можем? Абрам [Гоц. — Публ.], Зензинов и др. утешают меня: “Все обстоит благополучно”, “все образуется”, как и кем, и когда? Здесь — Ленин, там — немцы. Ленин и немцы, коммуна и Вильгельм — не значит ли это кровь?”. Июль 1917: «“Свои” ли мы? Не знаю. Не уясняю. Я всей душой с Керенским. Илюша почти чужой. Авксентьев тоже. Нахамкисы всех видов, рангов и положений — почти враги. Окончить войну поражением — погибнуть. Не думаю ни о чем. Живу, т.е. работаю, как никогда не работал в жизни. Что будет — не хочу знать. Люблю Россию и потому делаю. Люблю революцию и потому делаю. По духу стал солдатом и ничего больше. Все, что не война, — далекое, едва ли не чужое. Тыл возмущает. Петроград издали вызывает тошноту. Не хочу думать ни о тыле, ни о Петрограде. Теперь судите — “свои” ли мы?» (ОР ГПБ. Ф.481. Д.84. Л.1, 14). Подробно о Савинкове и Гипшиус см. в публикации Т.Пахмус в кн.: Воздушные пути. V. Н.-Й., 1967; Злобин В.А. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970.

³³ Октябрьский переворот и разгром Ставки 20 ноября (3 декабря) 1917, воспринятые значительной частью армии и населения как отмена всех стеснений, наложенных прежними властями (в том числе и введенного в августе 1914 «сухого закона»), привели к повсеместному разгрому хранилищ спирта и алкогольных напитков, сопровождавшемуся грабежами, пожарами и гибелью сотен людей. В Петрограде «винные погромы» начались в ночь на 24 ноября (7 декабря) 1917 с разграбления погребов Зимнего дворца и продолжались даже после введения в городе 6 (19) декабря 1917 осадного положения и угрозы расстрела погромщиков пулеметным огнем. См. также записи Гипшиуса от 30 ноября, 1, 2, 4, 5, 8 декабря 1917, 22, 24 января 1918.

³⁴ К рабочим и солдатам Петрограда // Известия. 1917. 28 ноября (11 декабря). С.1.

³⁵ В день предполагаемого открытия УС, 28 ноября, в доме Паниной были арестованы члены кадетского ЦК С.В.Панина, А.И.Шингарев, Ф.Ф.Кокоскин, П.Д.Долгоруков — все члены УС. Между тем днем в нескольких церквях города были отслужены благодарственные молебны, в театрах проведены бесплатные концерты, многие улицы в центре украшены флагами и плакатами «Да здравствует Учредительное собрание», «Дорогу народным избранникам» и т.п. Тогда же от Городской думы до Таврического дворца прошла манифестация, приветствовавшая УС (не более 10 тыс. человек, в основном чиновники, студенты, активисты меньшевистских партий, но также и рабочие, в частности Обуховского завода). Несколько десятков депутатов сумели войти во дворец, где провели «частное совещание» и избрали «временным председателем УС» лидера эсеров Виктора Михайловича Чернова (1873-1952).

³⁶ Ср. запись от 1 марта 1917 в «Синей книге»: «С утра текут, текут мимо нас полки к Думе. <...> Мы вышли около часу на улицу, завернули за угол, к Думе. <...> День удивительный: легкоморозный, белый, весь зимний — и весь уже весенний. Широкое, веселое небо. <...> С нами был и Боря Бугаев

(он у нас эти дни). В толпе, теснящейся около войск, по тротуарам, столько знакомых, милых лиц, молодых и старых. Но все лица, и незнакомые, — милые, радостные, верящие какие-то... Незабвенное утро, алые крылья и марсельеза в снежной, золотом отливающей, белости...» (Гиппиус З. Петербургские дневники: (1914-1919)/Пред. и прим. Н.Н.Берберовой. Н.-Й., 1982. С.166; ниже — Петербургские дневники...)

³⁷ Возможно, здесь и далее С.Н. — Сергей Николаевич *Моисеенко*, брат Б.Н.Моисеенко, эсер, знакомый Мережковских со времен их пребывания во Франции (1907).

³⁸ В отличие от первого раза, когда три парламентаря (Шнеур и др.) 13—14 ноября перешли линию фронта с белым флагом, чтобы по приказанию Крыленко начать переговоры о перемирии, к этому моменту была сформирована большая официальная делегация во главе с А.А.Иоффе для ведения переговоров о перемирии с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске. Список ее см. в «Известиях» от 21 ноября. Слух о «картонном рабочем» и «мужике с венком», возможно, восходит к этому списку, где среди прочих названы рабочий Обухов и крестьянин Сташков-Романов.

³⁹ Цитата из стихотворения Ф.Тютчева «Видение».

⁴⁰ Вариант строки из ектеньи, составленной Мережковским. См.: Молитвенник // *Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action. München, 1972. С.756.*

⁴¹ *Пету* (Petit) Евгений Юльевич — сотрудник французского посольства. Мережковские познакомились с ним еще до войны (1914). См. запись в дневнике Философа от 11 сентября 1917 (ОР ГПБ. Ф.814. Д.3. Л.34).

⁴² По-видимому, в эти дни был арестован товарищ председателя ЧСК сенатор С.В.Иванов. Последнее заседание ЧСК состоялось 31 октября 1917, затем две недели было дано комиссия для ликвидации своих дел, после этого отпуск средств на содержание ЧСК был прекращен, а все дела приказано было передать в Следственную комиссию при ВРК. См.: *День. 1917. 16(29) ноября. С.4; Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Л., 1990. С.114.*

⁴³ *Церетели* Ираклий Георгиевич (1882-1959) — один из лидеров меньшевиков, член УС. В декабре 1917 арестовывался дважды — в начале месяца за участие в газете «Революционный набат» и в конце — «для выяснения личности» во время заседания «Союза защиты Учредительного собрания».

⁴⁴ Троцкий Л. От Народного Комиссара по Иностранным делам: К мирным переговорам // *Правда. 1917. 13 декабря (30 ноября). С.1.*

⁴⁵ Генерал-майор Владимир Евстафьевич *Скалон* (1872-1917) 27 ноября 1917 был включен в состав военно-экспертной комиссии на переговорах в Брест-Литовске. О его самоубийстве см.: Петроградский голос. 1917. 1(14) декабря. С.3. Здесь приведен текст его предсмертного письма жене: «Прощай, дорогая, ненаглядная Анюта, не суди меня, прости, я больше жить не могу. Благословляю тебя и Надежду. Твой до гроба Володя».

⁴⁶ В УС было избрано всего 175 большевиков и 40 левых эсеров. Им противостояли 370 эсеров, 16 меньшевиков, 17 кадетов, 2 энеса. Кроме того, 86 депутатов представляли национальные партии и организации. См., напр.: Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С.338.

⁴⁷ См.: Кадетский монархический заговор раскрыт // Правда. 1917. 14(1) декабря. С.1.

⁴⁸ Начало мирных переговоров в Брест-Литовске актуализировало в общественном сознании тему «большевики — немецкие агенты». Слухи об этом упорно циркулировали с лета 1917, в особенности после публикации Г.А.Алексинского и В.С.Панкратова (*Живое слово*. 1917. 5(18) июля), в которой декларировалось получение большевистскими вождями денег от германского Генштаба на пораженческую пропаганду в России. Характерно, что Гиппиус, в июле отнесшаяся к этим обвинениям вполне равнодушно (ср. записи в «Синей книге»), теперь приходит к убеждению в их справедливости, но различает при этом Троцкого и Ленина; в измену последнего (русского дворянина) ей поверить значительно труднее.

⁴⁹ *Гордон Борис Абрамович* — инженер, член правления Петроградского торгово-экспертного акционерного общества.

⁵⁰ *Гржебин Зиновий Исаевич* (1869-1929) — издатель, художник, близкий сотрудник Горького. Гиппиус относилась к нему устойчиво отрицательно, по крайней мере, с первых дней Февральской революции. Ср. записи в «Синей книге» от 7 и 9 марта 1917.

⁵¹ *Туган-Барановский Михаил Иванович* (1865-1919) — экономист, историк. В сентябре—ноябре 1917 — генеральный секретарь (министр) финансов Центральной Рады, объявившей себя 1 ноября 1917 верховной властью на Украине, а 7(20) ноября 1917 провозгласившей Украинскую народную республику. «*Четыре губернии*» — Херсонская, Харьковская, Екатеринославская и Таврическая (без Крыма) — были включены в территорию Украины Декларацией Генерального Секретариата Центральной Рады от 3 ноября 1917 без плебисцита, на котором настаивали социал-федералисты (в т.ч. и Туган-Барановский). «*В Государственный Банк полезли...*» — речь идет о том, что острая нехватка денежных знаков и усиливающиеся сепаратистские настроения привели к решению о введении на Украине собственной валюты (с 23 декабря 1917). Туган-Барановский в конце ноября переехал в Петроград, номинально оставаясь членом украинского правительства. (См.: Киевская мысль. 1917. 4, 8, 17 и 29 ноября; 1, 22 и 23 декабря). Гиппиус была, вероятно, возмущена и самим фактом работы Туган-Барановского в правительстве, содействовавшем большевикам (Центральная Рада объявила нейтралитет во время боев в Киеве большевистских частей с юнкерами, верными ВП), и тем более — его личным участием в переговорах с большевиками — «*перемирие устраивал*».

⁵² Ср.: К слухам о побеге Николая Романова // Наш век. 1917. 3(16) декабря. С.3. «Полагают, что слухи о бегстве бывшего царя, циркулировавшие в течение последних дней, были пущены с определенной целью — дать большевикам возможность спешно провезти в Сибирь несколько отрядов с матрасами в целях борьбы с вождями Сибирской республики».

⁵³ Видимо, *Карташев Иван Михайлович*, освобожденный по предписанию ВРК из «Крестов» 29 октября 1917. С 4 по 9 ноября Карташев производил обыски и аресты по ордерам ВРК в различных районах города, в т.ч. и по ордерам без адреса, а 12 ноября ВРК разбирает дело о соучастии Карташева во взяточничестве при обыске в «Клубе ремесленников». *Куделько И.В.* —

прапорщик-большевик, с 11 ноября 1917 — начальник Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. См.: Память: Исторический сборник. Вып.4. С.371.

⁵⁴ *Андреева* Мария Федоровна (1872-1953) — вторая жена М.Горького, драматическая актриса и общественная деятельница. В РСДРП с 1903. Совместная работа связывала ее с Луначарским и Лениным с 1900-х годов.

⁵⁵ Строки из стихотворения Гиппиус «Пауки» (Гиппиус З.Н. Собрание стихов. М., 1914. С.169-170).

⁵⁶ Екатерина Александровна *Злобина*. В Кисловодске в это время находился ее сын В.А.*Злобин* (Володя, см. о нем в пред. к наст. публ.). Учился на юридическом ф-те Пб. ун-та. С конца 1916 вплоть до смерти Гиппиус — ее личный секретарь. Поэт. Посвятил Гиппиус стихотворный сборник «После ее смерти» (Париж, 1951) и книгу о ее жизни и творчестве «Тяжелая душа» (Вашингтон, 1970).

⁵⁷ Чины и звания были упразднены приказом по Петроградскому военному округу с 3 декабря 1917. «Наружные знаки отличия (нашивки, погоны, ордена, медали, кресты) упраздняются для всех военнослужащих без исключения» (Известия. 1917. 1(14) декабря. С.6). Декретом Совнаркома от 3(16) декабря 1917 это положение было распространено на всю страну.

⁵⁸ Ср.: «Враги народа, черная сотня выползает из своих вороватых при-тонов, чтобы натравить солдат на погром винных погребов, напоить и одурманить их, превратить их из граждан в идиотов, исполняющих волю буржуазных провокаторов» (Правда. 1917. 15(2) декабря. № 204. С.1).

⁵⁹ Газета «Вечерний звон» издавалась с 6 декабря 1917, прекратилась в январе 1918 на № 23. З.Гиппиус принимала в издании активное участие, постоянно печатала в газете свои стихи и публицистику. В архиве Мережковских сохранилась папка с вырезками из газет 1917-18, преимущественно из «Вечернего звона» (ОР ГПБ. Ф.481. Д.34).

⁶⁰ Викжель — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников, в котором решающую роль играли представители социалистических партий. В первые недели после Октября занимал самостоятельную политическую позицию, требуя, в частности, создания «однородного социалистического правительства», передачи в свое подчинение всего железнодорожного хозяйства и т.д. Ср. в записи Гиппиус от 5 января 1918: «викжелянье», т.е. политика компромисса, не устраивающая ни одну из сторон.

⁶¹ Лицо неустановленное.

⁶² С.В.Панина находилась под арестом с 28 ноября; она отказалась передать большевикам деньги Министерства народного просвещения, находившиеся в ее распоряжении. Процесс над ней 10 декабря был первым делом, рассмотренным Петроградским революционным трибуналом. 19 декабря, после того, как ее друзья собрали и передали в кассу Наркомпроса требуемую сумму, Панина была освобождена.

⁶³ *Кутлер* Николай Николаевич (1859-1924?) — финансист, промышленник, член ЦК кадетской партии, член УС. Под арестом, как и многие кадетские лидеры, находился с 28 ноября.

⁶⁴ *Долгоруков* Павел Дмитриевич (1866-1927) — член ЦК кадетской

партии. Под арестом с 28 ноября 1917 по 10 февраля 1918. Подробно об этом рассказал в своих воспоминаниях (Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. Гл.IV).

⁶⁵ Дореволюционное «Общество помощи политическим ссыльным и заключенным» («Красный Крест», далее КК) прекратило свою работу после Февраля. Судя по газетным сообщениям, КК вновь организован 2 декабря 1917 (подробно см.: Память: Исторический сборник. Вып.4. С.354-355). В архиве Философова сохранилась печатная листовка (1918), составленная им по поручению КК, в которой говорилось: «Красный Крест никогда не позволял себе входить в оценку отдельных политических партий и течений. Для него нет ни анархистов, ни монархистов, так как все лица, пострадавшие за свои политические убеждения или преследуемые господствующим режимом по соображениям политическим, имеют право рассчитывать на попечение со стороны Красного Креста, который обязан по своему уставу охранять их интересы. Если при царском режиме Красный Крест помогал преимущественно левым партиям, в том числе и большевикам, то естественно, что теперь в его обязанности входит помогать партиям более правым, вплоть до монархистов». По свидетельству Философова, «членами комитета Красного Креста состояли: Т.А.Богданович — председатель, д-р И.И.Манухин, д-р Пешехонова, А.А.Аристова, Соломина, Кузьмина-Караваева и я, Д.Философов» (ОР ПГБ. Ф.814. Д.165).

⁶⁶ Гиппиус принимала активное участие в благотворительных вечерах как «старого», так и «нового» КК. См. ее письмо Ф.К.Сологубу от 29 декабря 1917: «Дорогой Федор Кузьмич. Не посердитесь за беспокойную просьбу, это во-первых. Просьба же в том, чтобы вы помогли трудному и очень сейчас нужному делу политического Красного Креста, это, как вы знаете, старое, еще нелегальное, учреждение помощи политическим узникам; теперь оно, слава Богу, возродилось и делает самое необходимое. Вот для этого Креста и приходится добывать средства, в крепость надо ежедневно посылать около 100 обедов, не только для узников, которых отказались кормить, но и для команды, чтобы ихнего не съела. Мы хотим просить вас, не откажитесь нам помочь участием в вечере в пользу Креста. Барышни объяснят вам все, и то, что для удобства этот “вечер” мы постараемся сделать днем, и все прочее. Вспоминаю, что давным-давно мы с вами вместе читали в пользу того же Креста в частной квартире. Какой “круговорот бессмысленной природы!”» (РО ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Д.183. Л.49).

⁶⁷ Николая Дмитриевича Соколова (1870-1928) — известного адвоката и общественного деятеля, Гиппиус называет «грешником» из-за его близости к большевикам в первые месяцы после Февральской революции.

⁶⁸ Слухи о предстоящем восстановлении большевиками смертной казни особенно усилились после того, как 4 декабря Троцкий заявил на Крестьянском съезде, что «не осудит народа, который в минуту беспредельного отчаяния, возмущенный саботажем имущих классов, прибегнет к репрессиям и возможно даже — к гильотине» (Гильотина//Петроградский голос. 1917. 5(18) декабря. С.1).

⁶⁹ Строки из стихотворения З.Гиппиус «Им» (Вечерний звон. 1917. 14(27) декабря. С.3).

⁷⁰ *Вася* — вероятно, Василий Александрович Степанов (1871-?) — летом 1917 управляющий Министерством торговли и промышленности ВП, член кадетского ЦК, двоюродный брат Гиппиус. *Савина* Мария Гавриловна (1854-1915) — актриса, работала в группе Александринского театра. *Молчанов* Анатолий Евграфович (1856-1921) — театральный и общественный деятель, в конце 1917 — начале 1918 его квартира использовалась кадетской партией как место встреч.

⁷¹ Утром 14(27) декабря были заняты все банки и кредитные учреждения Петрограда, вечером ВЦИК принял Декрет о национализации банков (Известия. 1917. 15(28) декабря).

⁷² Речь идет о военной миссии (более 100 человек) во главе с гр.Кайзерлингом, прибывшей в Петроград с целью урегулировать вопрос о германских военнопленных и ознакомиться с положением в Петрограде (См.: Немцы в Петрограде: Приезд делегации (День. 1917. 15(28) декабря. С.1).

⁷³ 15 декабря 1917 в Томске Чрезвычайный общесибирский съезд создал временный Сибирский областной совет и провозгласил его главой ученого и общественного деятеля Григория Николаевича *Потанина* (1835-1920).

⁷⁴ На переговорах в Брест-Литовске 12(25) декабря Кюльман от имени германского блока заявил о согласии с принципами, предложенными советской делегацией («без аннексий и контрибуций»), при условии присоединения стран Антанты к этой формуле. По случаю успеха переговоров было решено в Петрограде и др. городах провести демонстрации. См.: Известия. 1917. 16(29) декабря. С.1. — Среди напечатанных лозунгов: «Кадеты — враги народа», «Врагам народа нет места в Учредительном Собрании», «Позор авксентьевцам и черновцам, бежавшим с Крестьянского Съезда!».

⁷⁵ Ср.: «Цензура» Петропавловской крепости усмотрела в письме министра исповеданий проф. Карташева крамольную фразу <...> Помощник комиссара крепости Павлов распорядился посадить министра в карцер. <...> В виде протеста заключенные члены Временного Правительства и В.Л.Бурцев объявили голодовку с требованием немедленного освобождения Карташева из карцера и увольнения Павлова» (День. 1917. 21 декабря).

⁷⁶ Имеется в виду поставленное перед Россией требование отказаться от территорий, занятых германскими войсками: Польши, Литвы, части Латвии и Белоруссии (Известия. 1917. 20 декабря (2 января 1918). С.1).

⁷⁷ *Бьюкенен* Джордж Уильям (1878-1924) — в 1910-17 посол Великобритании в России. Отбыл из Петрограда на родину 25 декабря 1917 (7 января 1918).

⁷⁸ *Авксентьев* Николай Дмитриевич (1878-1943) — один из лидеров эсеров, в июле—августе 1917 — министр внутренних дел ВП, в сентябре—октябре — председатель Предпарламента, член УС. Арестом Авксентьева 17(30) декабря начались преследования социалистов большевиками. Освобожден в марте 1918.

⁷⁹ Речь идет о супругах Фондаминских: Амалии Осиповне и Илье Исидоровиче (см. предисловие к наст. публ.).

⁸⁰ См.: Отрывки из летучих листов в Кисловодске (декабрь 1916 — начало января 1917) //Гиппиус З. Петербургские дневники. С.66-67: «Война

ВСЕ РАВНО так в России не кончится! Все равно — будет крах! Будет! Революция или безумный бунт: тем безумнее и страшнее, чем упрямее отвертываются от бесспорного те, что ОДНИ могли бы, приняв на руки вот это идущее, сделать из него “революцию”. Сделать, чтобы это была ОНА, а не всесметающее ОНО».

⁸¹ *Коллонтай* Александра Михайловна (1872-1952) — нарком государственного призрения в первом большевистском правительстве (до марта 1918). Об эпизоде с «дворником-инспектором» см.: Данков Н. Маленький фельетон: Беседа с народным комиссаром Коллонтай//Вечерний звон. 1917. 6(19) декабря. С.3; Прощение г-жи Коллонтай//Там же. 29 декабря (11 января). С.4.

⁸² *Зензинов* Владимир Михайлович (1880-1953) — член ЦК эсеров, депутат УС. «Дело народа» — орган ЦК ПСР. Выпады против Савинкова содержались в неподписанных (редакционных) ее статьях.

⁸³ *Слонимский* Николай Леонидович (р. 1894) — в 1917 студент физико-математического ф-та Пг. ун-та и Консерватории (фортепиано). Впоследствии американский музыковед, дирижер. Гиппиус посвятила ему стихотворения «Неизвестная» (1915), «На Сергиевской» (1916) (Последние стихи. 1914-1918. Спб., 1918. С.11, 36). Н.Слонимский был автором первой рецензии на этот сборник (Новые ведомости. 1918. 3 июня (21 мая). Веч.вып. С.7). *Слонимский* Михаил Леонидович (1897-1972) — студент историко-филологического ф-та Пг. ун-та; друг В.А.Злобина. Впоследствии — советский прозаик.

⁸⁴ *Ратьков-Рожнов* Николай Александрович — муж Зинаиды Владимировны Ратьковой-Рожновой (урожд.Философовой), сестры Д.В. Философова. Сын Ратьковых-Рожновых — *Владимир* (1891-1918) — впоследствии офицер Добровольческой армии, см. о его судьбе запись от 22 февраля 1918.

⁸⁵ В должность врача при ЧСК Манухин вступил в апреле 1917. При его участии был освобожден из заключения С.П.Белецкий — бывший директор Департамента полиции, переведен в больницу смертельно больной бывший премьер Б.В.Штурмер и т.д. См.: Манухин И.И. Воспоминания о 1917-1918 гг.: Февраль//Новый журнал. 1958. Кн.54. С.95-104. *Карпинский* Александр Петрович (1846-1936) — геолог, с 15 мая 1917 — президент Академии наук.

⁸⁶ Обычные заявления большевиков в это время — что со всеми задачами УС может справиться «вполне и только» съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. См.напр.: Учредительное Собрание и трудовой народ//Известия. 1917. 22 декабря (4 января 1918). С.1. III Всероссийский съезд Советов назначили на 8 января 1918.

⁸⁷ Никодим — ср. Евангелие от Иоанна. 3:1-10.

⁸⁸ Об этом эпизоде см.: К аресту румынского посла//Известия. 1918. 3(16) января. С.3.

⁸⁹ Имеется в виду только что принятый ВЦИК Декрет о Государственном издательстве, в котором содержался пункт о монополизации государством литературного наследия писателей после их смерти. 3 января 1918 в газете «Новый вечерний час» Сологуб и Мережковский отозвались о Декрете резко отрицательно. Противоположную точку зрения в этом же номере газеты заявил Блок.

⁹⁰ Т.е. газета «Известия», редактором которой был Ю.М.Стеклов (Нахамкес). Ср. в номере от 28 декабря 1917: «Несколько выдающихся представителей интеллигенции признало необходимым работать под руководством Советской власти. Между ними известный поэт А.Блок и художник Петров-Водкин. Они поставили себе задачу борьбы с позорным для интеллигенции саботажем». См. также запись от 11 января 1918.

⁹¹ 1(14) января автомобиль, в котором ехал Ленин, был обстрелян на Симеоновском мосту через р.Фонтанку (Правда. 1918. 15(2) января. Веч.вып). 4 января «Новая жизнь» писала: «В большевистских сферах утверждают, что если будет доказано, что в данном случае имел место действительно злой умысел или если подобный случай еще раз повторится, то ответом на такие покушения явится красный террор в самых беспощадных формах» (с.3).

⁹² Разгром редакций социалистических газет и аресты их сотрудников были вторым (после арестов кадетов 28 ноября и в последующие дни) этапом прямой атаки большевиков на своих политических противников перед открытием УС. Из перечисленных Гиппиус четверо — П.А.Сорокин (1889-1968), А.А.Аргунов (1867-1939), А.И.Гуковский (1865-1925), С.А.Кливанский — видные деятели партии эсеров, члены УС. Д.И.Заславский (1880-1965) — член ЦК Бунда, один из редакторов «Дня». М.М.Пришвин (1873-1954) — писатель, один из редакторов эсеровской газеты «Воля народа».

⁹³ 3 января 1918 ВЦИК Советов одобрил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанную Лениным, в которой Россия была провозглашена республикой Советов. На этом же заседании было принято постановление, в тексте которого декларировалось: «Всякая попытка со стороны какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы» (Известия. 1918. 4(17) января. С.1).

⁹⁴ См.: Чернов В. Стыдно //Дело народа. 1918. 5(18) января. С.1. 4 и 5 января «Дело народа» (орган ЦК ПСР) вышла под заголовком: «Все — на мирную демонстрацию, на защиту Учредительного Собрания!».

⁹⁵ См.: Воззвание к населению г.Петрограда //Известия. 1918. 5(18) января. С.1: «Чрезвычайная комиссия по охране города Петрограда получила сведения, что контрреволюционеры всех направлений объединились для борьбы с Советской властью и днем своего выступления назначили 5 января — день открытия Учредительного Собрания. Известно также, что руководителями этих контрреволюционных замыслов являются Филоненко, Савинков и Керенский, прибывшие в Петроград с Дона от Каледина».

Филоненко Максимилиан Максимилианович (ум.ок.1950) — эсер, в 1917 в период корниловского мятежа — Верховный комиссар при Ставке; был близок к Савинкову. О нем см.: Красная книга ВЧК. Т.2. М., 1990, по им. указателю, а также записи в «Синей книге» от 10, 11, 17 августа и 21 сентября 1917.

⁹⁶ 2(15) декабря 1917 войска Каледина взяли Ростов, при защите которого погибли многие моряки Черноморской флотилии, направленные из Севасто-

поля в помощь Ростовскому ВРК. Вскоре после этого в Севастополе по приговору военно-революционного трибунала матросы расстреляли 62 офицера (приговоры выносились на основании отзыхов судовых команд; см.: Массовое убийство офицеров в Севастополе // Вечерний звон. 1917. 29 декабря (11 января 1918). С.2).

⁹⁷ События 5 января 1918 в Петрограде подробно отражены как в мемуарной (В.М.Чернов, М.В.Вишняк, И.З.Штейнберг, Н.П.Огановский, С.Д.Мстиславский, В.Д.Бонч-Бруевич, Л.Д.Троцкий, П.Е.Дыбенко и мн.др.), так и в исследовательской (Н.Л.Рубинштейн, О.Н.Знаменский, Е.А.Скрипилев, Р.Пайпс, Ю.Фельштинский и т.д.) литературе. Важное место занимает подготовленный И.С.Малчевским «Стенографический отчет Всероссийского Учредительного собрания» (М.; Л. 1930). Особая ценность записи Гиппиус определяется тем, что она фиксировала стремительно меняющуюся картину по часам, получая информацию и от приходящих гостей, и из редакций газет, и по телефону прямо из Таврического дворца.

⁹⁸ «Протопоповские места» — Гиппиус имеет в виду точки в городе, где в феврале 1917 по приказанию А.Д.Протопопова (1866-1918), тогдашнего министра внутренних дел, были установлены пулеметы для разгона ожидавшейся демонстрации. О демонстрации 5 января (в ней приняло участие примерно 50 тыс. человек) см.напр.: Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917-1918)//Минувшее: Исторический альманах. Вып.4. Париж, 1987. С.116. Здесь читаем: «Поскольку маршрут процессии был заранее известен, Подвойский расположил свои части таким образом, чтобы преградить демонстрантам дорогу уже в районе Марсова поля. Солдаты с заряженными ружьями и пулеметами заблаговременно заняли улицы и крыши зданий на пересечении Пантелеймоновской и Литейного проспекта. Когда шествие приблизилось к Литейному, его участники натолкнулись на солдат и начали кричать им «Да здравствует Учредительное собрание!» В этот момент большевистские войска открыли с крыш пулеметный огонь. Несколько демонстрантов упало, другие бросились бежать. Однако процессия вскоре перестроилась и продолжала свой путь к Таврическому дворцу. Поскольку выход на Кировую оказался перекрыт войсками, демонстрация двинулась к северу вдоль Литейного. Здесь вновь очутилась под огнем пулеметов Подвойского и вынуждена была повернуть на Шпалерную, где и была окончательно разогнана». Сведений о гибели 5 января 1918 кого-либо из членов УС нами не обнаружено.

⁹⁹ Билеты на вход в Таврический дворец выдавались лишь после регистрации, которую члены УС должны были пройти в комиссии Урицкого (см.прим.24). Т.к. эсеры, рассматривавшие эту процедуру как косвенное признание большевистской власти, отказались участвовать в ней, Урицкий был вынужден прислать в ЦК ПСР входные билеты по числу эсеров-депутатов (Дело народа. 1918. 3(16) января. С.3).

¹⁰⁰ По-видимому, газеты «Речь» («Наш век»), постоянным сотрудником которой был Философов.

¹⁰¹ Спиридонова Мария Александровна (1884-1941) — лидер партии левых эсеров. По ее ходатайству 19 октября 1917 был освобожден арестованный накануне левый эсер П.П.Деконский, незадолго до того разоблаченный

как провокатор. При выборах председателя УС за нее было подано 153 голоса (244 против), за В.М.Чернова — 244 (151 против).

¹⁰² *Ганфман* Максим Ипполитович (1873-1934) — адвокат, журналист, редактор «Речи».

¹⁰³ Т.И. — Татьяна Ивановна Манухина. См. предисловие к наст. публ.

¹⁰⁴ «Демократическое совещание», созванное ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Совета крестьянских депутатов, проходило в Петрограде в сентябре 1917. Выделило из себя Предпарламент (по выражению Гиппиус, заимствованному ею от Савинкова, — «Предбанник» — ср. запись от 19 октября 1917 в «Синей книге») в качестве представительного органа, которому до созыва УС должно было быть подотчетно ВП.

¹⁰⁵ *Штейнберг* Исаак Захарович (1888-1957) — левый эсер, член УС, с декабря 1917 по март 1918 — нарком юстиции.

¹⁰⁶ *Козловский* Мечислав Юльевич (1876-1927) — большевик, в июле 1917 был арестован ВП по обвинению в посредничестве при получении большевиками денег от Германии, в ноябре 1918 председатель Следственной комиссии Петросовета, член коллегии Наркомюста.

¹⁰⁷ *Смирнов* Сергей Алексеевич (1873-?) — гос. контролер ВП, с 25 октября 1917 — под арестом. Частная больница товарищества «Медицина», возглавляемая И.Л.Герзони, находилась на 5-й Рождественской, 4.

¹⁰⁸ «Манифест», подготовленный фракцией эсеров и отредактированный Гиппиус (ср. запись от 4 января), в заседании УС оглашен не был.

¹⁰⁹ *Железняков* Анатолий Григорьевич (1895-1919) — матрос-анархист, по поручению наркома Дыбенко 5—6 января 1918 командовал караулом в Таврическом дворце.

¹¹⁰ Декрет о роспуске УС был принят ВЦИК в ночь с 6 на 7 января 1918.

¹¹¹ Андрей Иванович *Шингарев* (1869-1918) и Федор Федорович *Кокоскин* (1871-1918) — в 1917 — члены ВП и кадетского ЦК, депутаты УС, находившиеся под арестом с 28 ноября (см. прим.35), были убиты анархически настроенными матросами. Это убийство, формально осужденное СНК, в глазах общественности было закономерным трагическим следствием продолжавшейся уже более месяца яростной антикадетской пропаганды большевиков.

¹¹² См.: Телефонограмма Председателя Совета Народных Комиссаров // Известия. 1918. 9(22) января. С.2.

¹¹³ *Бонч-Бруевич* Владимир Дмитриевич (1873-1955) — после Октября — управляющий делами СНК. В ноябре 1917 — феврале 1918 — председатель Комиссии по борьбе с погромами.

¹¹⁴ *Салтыков* Сергей Николаевич (1875-?) — товарищ министра внутренних дел ВП последнего состава. В заключении с 25 октября 1917 по 26 января 1918.

¹¹⁵ *Натансон* Марк Андреевич (1850-1919) — в 1917-18 — член ЦК ПЛСР.

¹¹⁶ *Шрейдер* Александр Александрович (ум.1930) — левый эсер, в январе—марте 1918 — заместитель наркома юстиции. Постановление СНК о

назначении его на этот пост было подписано как раз в тот день, когда Манухин ждал его у Натансона.

¹¹⁷ *Прошьян* Прош Перчевич (1883-1918) — член ЦК ПЛСР, с декабря 1917 по март 1918 — нарком почт и телеграфов.

¹¹⁸ *Миклашевский* (псевд. Неведомский) Михаил Петрович (1866-1943) — литературный критик и публицист. Социал-демократ.

¹¹⁹ Будущая зловещая роль ВЧК, созданной 7(20) декабря 1917 и располагавшейся на Гороховой, 2, в январе 1918 еще не была очевидна. Гораздо более были известны ЧСК Козловского и Комиссия по борьбе с погромами Бонч-Бруевича.

¹²⁰ «Ндраву которой не ставят препятствий» — вольная передача реплики Дикого из драмы А.Н.Островского «Гроза».

¹²¹ *Татьяна* — Татьяна Николаевна Гиппиус (1877-1957) — сестра З.Н.Гиппиус, художница. В «Крестах» она навещала А.В.Карташева.

¹²² *Бурцев* Владимир Львович (1862-1942) — революционер-народник, журналист, историк. Прославился разоблачением провокаторов. В 1917 — редактор газеты «Общее дело». Арестован в связи с печатанием разоблачительных материалов о большевиках. С 25 октября 1917 по 18 февраля 1918 — в заключении. *Белецкий* Степан Петрович (1873-1918) — в 1914-15 — директор Департамента полиции, в 1915-16 — товарищ министра внутренних дел. Арестован при ВП. Расстрелян 5 сентября 1918. О тюремных беседах Бурцева с Белецким см. в воспоминаниях И.И.Манухина (Указ.соч. С.106).

¹²³ *Беклемишев* Владимир Александрович (1861-1920) — скульптор.

¹²⁴ *Рязанов* (наст.фам. Гольдендах) Давид Борисович (1870-1938) был одним из двух большевиков — членов ВЦИК, голосовавших против Декрета о роспуске УС.

¹²⁵ Имеется в виду резолюция Петросовета, осуждавшая убийство Шингарева и Кокошкина и самосуды вообще (Правда. 1918. 9(22) января).

¹²⁶ Нарком по военным делам (ноябрь 1917 — март 1918) Н.И.Подвойский (см.прим.16), будучи членом созданного за две недели до открытия УС Чрезвычайного военного штаба, являлся одним из руководителей разгона и расстрела невооруженных демонстраций 5 января 1918. (Число погибших по разным источникам от 8 до 21).

¹²⁷ *Володарский* В. (наст.фам. и имя — Гольдштейн Моисей Маркович, 1891-1918) — в январе 1918 — член президиума Петросовета, президиума ВЦИК, большевик. С марта 1918 — комиссар Петрокоммуны по делам печати, пропаганды и агитации, обвинитель на процессах против независимой печати. Убит 20 июня 1918 в Петрограде.

¹²⁸ *Войтинский* Владимир Савельевич (1885-1960) — меньшевик, с августа 1917 — комиссар Северного фронта, под арестом с 31 октября 1917.

¹²⁹ Убитых похоронили в годовщину Кровавого воскресенья на Преображенском кладбище, рядом с могилой погибших в 1905 г. См.: Новая жизнь. 1918. 11(24) января. С.2.

¹³⁰ Гиппиус в дневниках и письмах не раз обращалась к августовским событиям 1917 (см.: записи в «Синей книге» от августа—сентября 1917;

письмо Гиппиус А.Н.Потресову для публикации в «Дне» (Звезда. 1933. № 4) и др.), пытаясь искать их разгадку не столько в политических конфликтах эпохи, сколько в психологических мотивах тех или иных поступков главных действующих лиц — Керенского, Корнилова, Савинкова. Ср. также дополняющую ее размышления запись в дневнике Философова от 11 сентября 1917 о Савинкове: «Первый период — время борьбы с Керенским за программу твердой власти. Борьба “внутри” правительства. Второй период, который только что начался, — борьба с Керенским извне, борьба с правительством. У Бориса сильное озлобление. Теперь он борется не только за программу, но и за себя лично, так как его отношения к Корнилову многим непонятны. Умеренные его побаиваются, а левые “друзья” ненавидят. Много тут и старых, эмигрантских счетов. <...> По натуре он человек не “артельный”, не коллективный, не демократ. Он должен властвовать и быть “во главе”. Если у него нет “подданных”, он остается один, но не сдастся.

И его последний провал объясняется тем, что он вел борьбу один. Искал в близких людях моральной поддержки и находил, например, в нас, но политически был одинок. Идея его была вполне правильной. Если б она удалась, все бы его поблагодарили, и он вошел бы в историю как “спаситель” России. Но раз она не удалась, он очутился в положении честолюбца, авантюра которого сорвалась. Он хотел использовать Керенского для возглавления диктатуры трех: Корнилова, Савинкова и Керенского. Он отлично понимал, что такое Корнилов и что такое Керенский. Он видел, что Корнилов без Керенского может попасть в руки контрреволюции, Керенский без Корнилова — окажется рабом либерданов и большевиков. Он хотел быть звеном между революцией — Керенским и армией — Корниловым. Пробыв несколько месяцев на фронте, и притом во времена трагические (наступление 18 июня), он, как человек личного мужества и как старый боевик, умеющий владеть браунингом, понял дух настоящей армии, понял, что идея Керенского — благородная меледа, разлагающая армию. Не смущаясь, он приложил свой штемпель к введению смертной казни. Своей “воинственной” стороной он искренно полюбил честного, прямого вояку Корнилова» (ОР ГПБ. Ф.814. Д.3).

¹³¹ Имеется в виду музыкальная пародия «Франко-прусская война», сочиненная Лямшиным — персонажем романа Ф.М.Достоевского «Бесы».

¹³² Речь идет о делегации в Брест-Литовске, возглавлявшейся Троцким. Она вернулась в Петроград в связи с 10-дневным перерывом на переговорах, объявленным по инициативе советской стороны после того, как Германия выдвинула новые условия (см. прим. 76).

¹³³ Уэллс Герберт Джордж (1866-1946) — английский писатель. Вильямс Гарольд (1876-1928) — английский журналист, корреспондент лондонской «Таймс» в Петрограде до 1918.

¹³⁴ Минор Осип Соломонович (1861-1932) — один из основателей партии эсеров, член УС.

¹³⁵ Речь идет о расколе, происшедшем в начале декабря 1917 на Втором Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов. Тогда часть его делегатов (347 из 790), стоявшая на платформе защиты УС, покинула съезд и в ходе дальнейшей работы назначила свой новый съезд на 8 января 1918. Возможно, в записи Гиппиус речь идет об устройстве на ночлег делегатов

именно этого (фактически нелегального) съезда. В «Астории» и других главных гостиницах города размещались делегаты открывшегося 10 января в Таврическом дворце Третьего съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, а также руководимого левыми эсерами Третьего съезда Советов крестьянских депутатов, открытие которого состоялось 13 января. В тот же день состоялось объединение этих двух съездов и образовался Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который должен был, по замыслу большевиков, заменить собою УС.

¹³⁶ А.И.Шингарев и Ф.Ф.Кокоскин были похоронены на кладбище Александро-Невской лавры.

¹³⁷ См.: Известия. 1918. 12(25) января. С.2.

¹³⁸ Здесь Гиппиус в гротескных тонах пересказывает информацию из статьи «Раскрытие убийства Шингарева и Кокоскина» (Известия. 1918. 11(24) января. С.3). И.З.Штейнберг входил в специальную следственную комиссию вместе с Бонч-Бруевичем и Дыбенко.

¹³⁹ Ясинский Иероним Иеронимович (1850-1931); Блок Александр Александрович (1880-1921); Лундберг Евгений Германович (1887-1965); Рюрик Иванев (наст.фамилия и имя — Ковалев Михаил Александрович, 1891-1981); Князев Василий Васильевич (1887-1938); Андрей Белый (наст.фамилия и имя Бугаев Борис Николаевич, 1880-1934); Серафимович (наст.фам. Попов) Александр Серафимович (1863-1949); Окунев (наст.фам. Окунь) Яков Маркович (1882-1932); Оксенов Иннокентий Александрович (1897-1942); Рославлев Александр Степанович (1883-1920); Карпов Пимен Иванович (1887-1963); Клюев Николай Алексеевич (1884-1937); Есенин Сергей Александрович (1895-1925); Чуковский Корней Иванович (наст.фамилия и имя Корнейчуков Николай Васильевич, 1882-1969); Иванов-Разумник (наст.фамилия и имя Иванов Разумник Васильевич, 1878-1946); Мстиславский Александр Николаевич (1870-1960); Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878-1939); Доливо-Добровольский Александр Иосифович (1866-1932); Рейснер Михаил Андреевич (1868-1928); Рейснер Лариса Михайловна (1895-1926); Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874-1940).

Список, составленный Гиппиус, обусловлен ее представлением о невозможности для порядочного человека, в особенности человека культуры, любой формы сотрудничества с послеоктябрьским режимом. Основанием для обвинений с ее стороны в «связях с сегодняшними преступниками» могла стать публикация в большевистской или левозсеровской печати, участие в митинге или концерте, организованном новой властью, работа в любой из секций Наркомпроса и т.п. В силу такого подхода в список оказываются включенными фигуры самого разного масштаба (в т.ч. почти неизвестные, такие, как Окунев или Рославлев), разных политических ориентаций (издавна близкие к большевикам и вскоре вступившие в партию Серафимович и М.Рейснер; связанные с левозсеровскими изданиями через Иванова-Разумника «скифы» — Есенин, Клюев, Лундберг, Петров-Водкин, а также Белый и Блок; далекие от политики, но не отказавшиеся от участия в культурных начинаниях новой власти Бенуа и Чуковский и т.д.), разной степени близости к кругу Мережковских (от бывших друзей Белого и Блока, многолетних знакомых Бенуа, Чуковского, Мейерхольда, автора книги о Мережковском (1914) — Лундберга, одного из протежируемых молодых поэтов — Есенина до вполне

И (масловский) Сергей Дмитриевич (см. прим. 23);
Бенуа

чуждых Ясинского, Серафимовича, Князева, Рейснеров). За исключением Доливо-Добровольского, чиновника МИДа, первым в своем ведомстве вышедшего на работу (14 ноября 1917) и призвавшего коллег последовать его примеру (о нем см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.1. М., 1990. С.70—71), справки о всех перечисленных Гиппиус лицах содержатся в КЛЭ и других советских энциклопедических изданиях.

Об обвинениях проф. М.А.Рейснера в доносах см.: Рейснер М.А. К общественному мнению! : Мое дело с В.Л.Бурцевым. СПб., 1913; ЦГАОР СССР. Ф.5802 (Бурцев В.Л.). Оп.1. Д.1268. Заявление стоящего первым в списке Гиппиус И.И.Ясинского о его «желании служить новому строю» последовало не позднее 17 ноября 1917. См.: Память: Исторический сборник. Вып.2. Париж, 1979. С.411—412; Негретов П.И. В.Г.Короленко: летопись жизни и творчества. 1917—1921. М., 1990. С.43—46.

¹⁴⁰ *Слонимский* Леонид (Людвиг) Зиновьевич (1850-1918) — юрист, литератор.

¹⁴¹ *Зилотти* (Зилоти) Александр Ильич (1863-1945) — пианист и дирижер, в 1917 — управляющий труппой Марининского театра. Манухин вспоминал о его аресте: «Узнав об аресте, я бросился в Зимний Дворец к Луначарскому. Об освобождении Зилоти не хотел и слышать: он держит всю оперу под своим влиянием, он виновник, что театр бастует: “И вы увидите, — решительно заявил Луначарский, — что без него опера откроется”. После долгих переговоров и настойчивых упрасиваний Луначарский в конце концов пошел на компромисс. <...> А.И.Зилоти я застал в маленькой тесной камере с грязными обшарпанными стенами и тусклым от грязи оконцем. Трудно было вообразить большего несоответствия своеобразно-изящного облика А.И., его тонкой музыкальной души с окружающей его обстановкой! А затем, когда мы вернулись в камеру, указал надпись на грязной стене. Там значилось: “Здесь сидел вор Яшка Куликов”. А вот я сейчас и продолжу, сказал Александр Иванович и четко выписал карандашом “и ученик Листа Александр Зилоти”» (Манухин И.И. Указ.соч. С.108—109).

¹⁴² Т.е. у Манухиных.

¹⁴³ Суханов называл Третий съезд Советов «аттракционом», видимо, потому, что оппозиционных делегатов (не большевиков и левых эсеров) там было немногим более 6% и их достаточно резкие выступления, в том числе и самого Суханова 12 января в прениях по докладу Ленина, не могли изменить большевистский сценарий съезда и повлиять на принимаемые им решения.

¹⁴⁴ Речь идет о начавшейся революции в Финляндии. Ее основной силой была финская Красная гвардия. Правительство П.Свинхувуда обратилось за помощью к Германии и Швеции. В конце апреля эта революция потерпела поражение.

¹⁴⁵ Эта формула Троцкого победила на объединенном заседании центральных комитетов большевиков и левых эсеров 12(25) января.

¹⁴⁶ Ср.: «Тов.Троцкий говорит, что как раз в этот момент румынские войска <...> расстреливают под Гальцой две наши дивизии из тяжелой английской артиллерии. Мы ответили на это наложением запрета на весь золотой фонд Румынии, находящийся в Москве, <...> и высылкой за пределы России всех агентов румынского посольства» (Известия. 1918. 16(29) января. С.2).

¹⁴⁷ См. прим.106.

¹⁴⁸ *Красиков* Петр Ананьевич (1870-1939) — в ноябре 1917 — марте 1918 — председатель Следственной комиссии Петросовета, член коллегии Наркомюста. 11 января СНК по предложению наркома юстиции Штейнберга постановил расследовать деятельность Красикова и Козловского, а в феврале 1918 оба они были оправданы решением того же СНК.

¹⁴⁹ Троцкий на Третьем съезде Советов: «Нет, “похабного мира” быть не может, может быть лишь несчастный мир» (Известия. 1918. 16(29) января. С.3).

¹⁵⁰ Инцидент, о котором идет речь, — один из многих, происшедших в стране в январе 1918, когда власти на местах, не дожидаясь официального принятия Декрета об отделении церкви от государства (проект опубликован 31 декабря 1917) приступили к его частичной реализации. Отряд красногвардейцев и матросов появился в Лавре, выполняя требование Смольного о секвестре имущества Лавры и предоставлении части монастырских зданий для дома инвалидов. Произошло столкновение с богомольцами, был убит священник о.Петр Скипетров. (См.: К захвату Александро-Невской Лавры//Новые ведомости. 1918. 16(29) января; Смольный и православная церковь: Декрет Коллонтай//Новые ведомости. 1918. 20 января (2 февраля)). 19 января патриарх Тихон (Василий Иванович Белавин, 1865-1925) обратился к верующим с посланием, в котором предал анафеме «творящих кровавые расправы», называя их «извергами рода человеческого». Ближайшим следствием событий в Александро-Невской лавре явились и грандиозные крестные ходы, устроенные в Петрограде в знак протеста против «похода большевиков на Александро-Невскую Лавру». 21 января они направились из приходов к Лавре и Казанскому собору.

¹⁵¹ По предположению Д.И.Зубарева и А.Б.Рогинского, под инициалами «П.И.» здесь зашифровано имя Б.В.Савинкова, партийный псевдоним которого «Павел Иванович» — был хорошо известен Гиппиус (хотя бы из савинковских «Записок террориста»). Это последнее из посланных еще в России и сохранившихся писем Савинкова к Гиппиус (ОР ГПБ. Ф.481. Д.86), доставленное с оказией («Таня» — лицо не установленное) и написанное с определенной осторожностью (обращение и другие указания на адресата отсутствуют), как нам кажется, сыграло важную роль в формировании представлений Гиппиус о расстановке политических сил в стране.

«4.1.1918. То, что здесь делается, охарактеризовать вкратце довольно трудно. Есть единая группа — “Союз защиты Родины и Свободы”, и в ней есть три течения:

1. Ген. Алексеев и “алексеевцы”. Ген. Алексеев честен, но в политике слаб и руководим гл.об. из Москвы, людьми в политике либо тоже слабыми, либо, кроме общественных интересов, имеющими в виду и интересы имущих классов как таковых. “Алексеевцы” — офицеры и юнкера, среди которых попадает немало пьянствующих, буйствующих, “лейб-гвардейских” и поющих “Боже, царя храни”. В общем, “алексеевцы” скорее минус, чем плюс, хотя они и помогли взять Ростов.

2. Ген.Корнилов и “корниловцы”. Ген.Корнилов честен, но обуян своей славой и в политике руководим даже и не Москвой, а неизвестными. Называет себя республиканцем, и я этому верю. Офицерство его более демократично,

чем “алексеевцы”, кстати, ненавидящие “корниловцев”. Думаю, что среди этого офицерства есть люди, мечтающие о военной диктатуре Корнилова.

3. Мы, т.е. демократы и республиканцы. По своим намерениям “Союз” официально демократичен — защищает законно избранное Учредительное Собрание и других целей себе не ставит. Думаю, что он и на самом деле неизбежно демократизируется, иначе погибнет. Опасность придет со стороны фронтового казачества и неказачьего населения области — 57% всего населения. Во главе Войскового правительства — Каледин, который не только честен, но и умен и осторожно ведет демократическую политику. Богаевский не руководит им, а подпевает ему. По своему собственному определению, Богаевский — “оппортунист”.

Дело развивается медленно. Его развитию мешает не только относительная временная, конечно, скудость средств, но, главное, множество интриг и сплетен. Уже делают места и в чайнии их говорят “Ваше Высокопревосходительство” и низкопоклонничают. Все это очень человеческое; но картина все-таки грустная — больше самолюбия, чем дела.

Как-никак, а имущие классы и генералитет уже плохо ли, хорошо ли, но организовались. От того, организуется ли демократия, будет зависеть и место ее в будущей России. Спасти Ростов без чистого единения буржуазии и демократии невозможно. Мы имеем смелость, не боясь “запачкаться”, положить начало единению. Вопрос о том, смогут ли “товарищи” — я говорю о государственно мыслящих из них — понять, что им судьба дает переэкзаменовку и что переэкзаменовку эту они обязаны выдержать, иначе притязания буржуазии будут законны, ибо те, кто спасет Россию, ею и будут распоряжаться. До сих пор демократия только разрушала — разрушила, отдав большевикам свободу. Может ли она строить? Или в этот последний час, предсмертный, Зензинов и Бунаков будут блюсти свою чистоту, выпускать воззвания и, умывая руки, предавать и родину и свободу? Пойдут ли они с нами? Сомневаюсь. А что сами они ничего сделать не смогут, что без нас они обречены на окончательную гибель — уверен. И для России, и для свободы, и для социализма мечтаю, что они образумятся и найдут в себе душевные силы, когда все погибнет, забыть о разногласиях и о вражде и вместе с имущими классами начать строительство новой России. Сбудутся ли мои мечтания?

Как бы то ни было, даже если не суждено нам победить большевиков и немцев, лично я буду бороться, пока стою на ногах. Бороться за Россию, во-первых, за Учредительное Собрание, во-вторых. Пусть “товарищи” называют меня “изменником” и “продавшимся буржуазии”. Я верю, что единственная надежда — вооруженная борьба в союзе с имущими классами. И надежды этой я не оставлю. Обнимаю Вас. Ваш Б.Савинков».

¹⁵² Видимо, речь идет о «Комитете общественной безопасности», органе Петроградской городской думы, созданном незадолго до 25 октября 1917 и в начале 1918 доживавшем последние дни.

¹⁵³ «Утро о России» — так назывался вечер в пользу политического Красного Креста помощи заключенным. В зале Тенишевского училища выступали А.Ахматова, Ф.Сологуб, З.Гиппиус, Д.Мережковский. «В прочитанных З.Н.Гиппиус стихах — ряд переходов от первых опасений за русскую свободу в ее первые, еще светлые дни, до печальной иронии по адресу тех,

кто сделал “нецензурным” стихотворение об Учредительном Собрании» (Новые ведомости. 1918. 22 января (4 февраля)). «Не меньший успех имеют и короткие стихи, две строки которых особенно ярко запомнились:

“Плевки матросские у нас размазаны на блax,
И только согласители работают в це-ках”

[Неточная цитата из стихотворения З.Гиппиус “Сейчас”. — Публ.]. Ахматова читала стихотворение “Молитва”, “Высокомерием дух твой омрачен”, Сологуб — “Гимны родине...”. См.: Петроградское эхо. 1918. 22 января (4 февраля).

¹⁵⁴ 20 января (2 февраля) 1918 был принят Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах — об отделении церкви от государства, школы от церкви (Известия. 1918. 21 января (3 февраля). С.1).

¹⁵⁵ Гермоген — русский патриарх в 1606-12, призывал к борьбе с поляками. Умер в заточении.

¹⁵⁶ *Батюшков* Федор Дмитриевич (1857-1920) — критик, историк литературы, общественный деятель, знаком с Мережковскими с начала 1890-х. О его ограблении см.: Новые ведомости. 1918. 24 января (6 февраля). С.5.

¹⁵⁷ *Вольф-Израэль* Евгения Михайловна (1897-1975) — актриса.

¹⁵⁸ «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря» был опубликован в газетах 25 января 1918.

¹⁵⁹ *Орленев* (наст.фам. Орлов) Павел Николаевич (1869-1932) — русский актер; роль Павла I среди лучших его работ. Первое представление «Павла I», исторической драмы Мережковского, опубликованной в 1908, но запрещенной к постановке в России до 1917, состоялось 2 (15) февраля 1918 в Театре Незлобина.

¹⁶⁰ Ср. статью Гиппиус «Люди и нелюди» (Новые ведомости. Веч.вып. 1918. 28(15) марта. С.2): «Надо различать. Первый признак, атрибут человека — ответственность. <...> За культурной, человеческой частью интеллигенции есть вина: мы часто сами способствуем процессу превращения в безвозвратную “нелюдь” тех, кто еще мог бы стать человеком. Мы поощряем милую канареечку какого-нибудь юного поэта, ничего от него, кроме песен, не требуя, с преступным равнодушием следя за его вырождением. А ведь это не канарейки! <...> Конченые — останутся, чем были. Мы их не прощаем... мы их даже не судим». К «безответственным» писателям-«нелюдям» — автор относит А.Бенуа, А.Блока, С.Есенина, В.Розанова.

¹⁶¹ Ср. начало записи от 13 января. Заявление российской делегации в Брест-Литовске было сделано 28 января (10 февраля) 1918. Зачитанное Троцким, оно — кроме него — было подписано А.Биценко, В.Карелиным, А.Иоффе, М.Покровским и Л.Караханом, а также представителями Советской Украины Е.Медведевым и В.Шахраем.

¹⁶² М.М.Пришвин был под арестом со 2(15) по 17(30) января 1918. Подробно об этом см. в его очерке «Капитан Аки».

¹⁶³ Киев был взят войсками Советской России 26 января (8 февраля) 1918.

¹⁶⁴ Здесь и ниже инициалами *Б.Н.* обозначен, вероятно, *Моисеенко* Борис Николаевич — эсер, давний знакомый Мережковских. Убит в Омске в ноябре 1918.

¹⁶⁵ Ср.: Обязательное постановление комитета охраны города Петрограда о расчистке улиц//Правда. 1918. 12 февраля (30 января).

¹⁶⁶ 27 января (9 февраля) 1918 был подписан мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией — с одной стороны — и Украинской Центральной Радой — с другой.

¹⁶⁷ Ср.: «Сегодня ночью отбыли в Стокгольм большевики Рязанов и Колонтай и левые с.р. Устинов и Натансон для созыва Циммервальдской конференции и ознакомления социалистов Западной Европы с ходом русской революции и действиями советской власти» (Новые ведомости. 1918. 2(15) февраля. С.2).

¹⁶⁸ Временными правилами о порядке издания периодических и непериодических изданий в Петрограде (Правда. 1918. 13 февраля (31 января). С.3) фиксировались нормы ответственности издателей перед властью; ужесточался контроль над печатью; определялся порядок прекращения деятельности изданий и т.п. В тот же день состоялось первое заседание Петроградского революционного трибунала печати. Оно было посвящено закрытию газеты «Питер» и завершилось постановлением, требовавшим ареста ее сотрудников и предания их суду.

¹⁶⁹ *Коварский* Илья Николаевич (1880-1962) и, видимо, *Л.Е.Эльязев* — эсеры, первый — член ЦК партии и депутат УС.

¹⁷⁰ А.М.Каледин покончил с собой 29 января 1918, петроградские газеты сообщили об этом 2 февраля.

¹⁷¹ Убийство митрополита Киевского и Галицкого *Владимира* (в миру — Василий Богоявленский, 1848-1918) произошло в Киево-Печерской лавре вечером 25 января, при занятии города красными войсками.

¹⁷² В ответ на заявление Троцкого от 28 января (10 февраля) германская сторона 3(16) февраля объявила, что через два дня прерывает перемирие. 5(18) февраля австро-германские войска начали наступление и в тот же день заняли Двинск.

¹⁷³ О каком тексте, в составлении или редактуре которого принимала участие Гиппиус (ср. ее запись от 2 февраля) и который был подписан, по-видимому, В.М.Черновым, идет здесь речь — неизвестно.

¹⁷⁴ Сравнением горьковской газеты «Новая жизнь» (выходила с апреля 1917 до июля 1918) с дореволюционным суворинским «Новым временем» Гиппиус в очередной раз хочет подчеркнуть горьковскую, с ее точки зрения, «беспринципность», стремление угождать вкусам толпы и одновременно ладить с правительством, защищать (хотя и в неявной форме) его интересы. В правительство «новожизненцы» никогда не входили, хотя Суханов в эти месяцы еще сохранял положение члена ВЦИК, а на Третьем съезде Советов был даже избран в его президиум.

¹⁷⁵ В ночь с 5(18) на 6(19) февраля объединенное заседание центральных комитетов большевиков и левых эсеров приняло ленинскую точку зрения на заключение мира. Затем эту же позицию занял СНК, и утром была отправлена радиограмма германскому правительству, подписанная Лениным и Троцким, с протестом против нарушения перемирия и согласием подписать мир. Во второй половине дня пришел ответ, требовавший официального

письменного подтверждения новой позиции СНК. В тот же вечер в Двинск, в штаб германской армии, был отправлен дипкурьер.

¹⁷⁶ Ср.: Евангелие от Иоанна. 19:23-24; Псал. 21:19.

¹⁷⁷ Фрэнсис Дэвид *Роланд* (1850-1927) — посол США в России. Нуланс Жозеф (1864-1939) — посол Франции в России.

¹⁷⁸ *Семенов* Евгений Петрович (наст. фамилия и имя Коган Соломон Моисеевич, 1861-1944) — журналист сомнительной репутации, в годы Мировой войны занимался антигерманским сыском, публикуя разоблачительные материалы на страницах бульварной прессы; после Октябрьского переворота — посредник в продаже «секретных документов Совнаркома» правительствам стран Антанты. См. о нем: Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Н.-Й., 1989. С.134-148.

¹⁷⁹ Германские войска в ходе общего наступления заняли 6(19) февраля Минск, 7(20) — Полоцк, 8(21) — Режицу и Оршу, через день — Псков и Юрьев, 12(25) — Борисов и Ревель, наконец, 20 февраля (2 марта) — Нарву.

¹⁸⁰ Цитата из стихотворения З.Гиппиус «Петроград» (1914) из сб. «Последние стихи».

¹⁸¹ В феврале 1918 Петросовет предложил установить памятник Карлу Марксу на одной из площадей Петрограда в связи со столетием со дня его рождения (5 мая 1918). Был объявлен конкурс на лучший проект. См.: От Петроградского Совета: Вниманию художников и скульпторов //Красная газета. 1918. 22(9) февраля. С.1. Памятник работы А.Матвеева был открыт лишь 7 ноября 1918 на Лафонской площади, у Смольного.

¹⁸² *Рутенберг* Петр Моисеевич (1878-1942) — в октябре 1917 помощник уполномоченного по водворению порядка в Петрограде, один из организаторов защиты Зимнего Дворца.

¹⁸³ *Пальчинский* Петр Акимович (Иоакимович) (1875-1929) — товарищ министра торговли и промышленности ВП. С 28 августа 1917 помощник военного губернатора Петрограда, перед 25 октября — помощник уполномоченного по водворению порядка в Петрограде.

¹⁸⁴ Об ограблении М.С.Урицкого, у которого среди белого дня сняли шубу, и Петра Ивановича *Стучки* (1865-1932; в начале 1918 зам.наркома юстиции) см.напр.: Утеранная печать//Новый день. 1918. 2(15) февраля. С.4; Бонч-Бруевич В.Д. Избр.соч. Т.3. М., 1963. С.133.

¹⁸⁵ 9(22) февраля ряд газет был приостановлен во исполнение Декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности», принятого накануне. В пункте 7 этого Декрета заявлялось: «...все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонных работ» (Правда. 1918. 22/9 февраля. № 32. С.1).

¹⁸⁶ Новые (более жесткие) немецкие условия мира были получены утром 10(23) февраля и немедленно приняты на заседании большевистского ЦК (Гиппиус путает его с заседанием ВЦИК) большинством 7 против 4 (Бухарин, Ломов, Урицкий, Бубнов) при 4 воздержавшихся. В течение дня это

решение обсуждалось на объединенном заседании центральных комитетов большевиков и левых эсеров, затем на совместном заседании фракций левых эсеров и большевиков ВЦИК и, наконец, в ночь на 11 (24) февраля оно было принято ВЦИК 116 голосами при 85 против и 26 воздержавшихся.

¹⁸⁷ *Кюльман*, Рихард фон (1873-1943) — статс-секретарь по иностранным делам Германии, возглавлял немецкую делегацию на переговорах в Брест-Литовске.

¹⁸⁸ Из стихотворения «Так есть» (Гиппиус З. Последние стихи. 1914-1918. Спб., 1918. С.59).

¹⁸⁹ *Иоффе* Адольф Абрамович (1883-1927) был руководителем первой делегации в Брест-Литовске, членом второй, от участия в третьей так же, как и Г.Я.Сокольников, вначале отказывался (на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) февраля — см.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.35. М., 1962. С.386), затем согласился ехать в качестве консультанта.

¹⁹⁰ *Карахан* (наст.фам. — Караханян) Лев Михайлович (1889 -1937) был членом и секретарем во всех трех делегациях в Брест-Литовске; в последнюю, кроме него, входили: Г.Я.Сокольников (председатель), Г.В.Чичерин, Г.И.Петровский и уже упомянутый А.А.Иоффе в качестве консультанта.

¹⁹¹ В этой записи переплелись впечатления Гиппиус от напечатанных статей Ленина (в частности, Несчастный мир//Правда. 1918. 24(11) февраля) и слухи о его различных устных выступлениях в дни борьбы за принятие немецких условий мира.

¹⁹² Речь идет о Николае Ивановиче *Бухарине* (1888-1938), возглавлявшем группу «левых коммунистов», сторонников «революционной войны» с Германией.

¹⁹³ *Сухомлинов* Владимир Александрович (1848-1926) — в 1909-15 — военный министр. В сентябре 1916 приговорен судом к бессрочной каторге за неподготовленность армии к войне; каторга была заменена заключением в Петропавловскую крепость; 1 мая 1918 освобожден как достигший 70-летнего возраста; эмигрировал. *Хвостов* Алексей Николаевич (1872-1918) — в 1915-16 — министр внутренних дел, арестован при ВП, расстрелян 5 сентября.

¹⁹⁴ Возможно, этот ложный слух возник из-за подготовки к переезду в Вологду американского посольства. Одновременно готовился и переезд советского правительства в Москву. См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т.5. М., 1974. С.281.

¹⁹⁵ *Гофман* Макс (1869-1927) — начальник германского Генштаба, Верховный главнокомандующий на Восточном фронте. В декабре 1917 — феврале 1918 фактически возглавлял германскую делегацию в Брест-Литовске. По его приказу германское наступление продолжалось до самого подписания Брестского мира.

¹⁹⁶ Слух о том, что Михаил Владимирович *Родзянко* (1859-1924; до революции лидер октябристов, после Февраля — глава Временного комитета Государственной думы) и П.Н.Милюков были захвачены большевиками, оказался ложным. Ср.: Новые ведомости. 1918. 11(24) февраля.

¹⁹⁷ Совет Московского совещания общественных деятелей (далее СОД)

был создан в конце августа 1917 как надпартийный орган, координирующий работу российских несоциалистических партий и общественных сил (профессура, инженеры, генералитет, кооператоры и т.д.). После Октября деятельность СОД временно прекратилась и возобновилась в начале февраля 1918 в форме заседаний, на которых читались доклады и происходил обмен мнениями по политическим вопросам. В феврале—марте 1918 СОД включал в себя «всех видных представителей буржуазных кругов Москвы» (Красная книга ВЧК. Т.2. С.22). Доклад, оказавшийся в руках Гиппиус, был прочитан в заседании СОД публицистом А.С.Белевским (Белоруссовым). В качестве формы будущего правления в России в нем предлагалось конституционная монархия.

¹⁹⁸ До переезда правительства в Москву петроградская печать подвергалась гораздо более жестким репрессиям, чем московская. Всего в январе—феврале 1918 в Петрограде и Москве было закрыто около 70 изданий.

¹⁹⁹ Этот, как и более ранние слухи (см. предыдущие записи в публикуемом дневнике) о переезде Ленина в Москву, был ложным. Ср.: Сообщение ВЦИК о ложности слухов относительно эвакуации правительства // Известия. 1918. 1 марта. Ленин уехал в Москву 10 марта, правительство — на следующий день.

²⁰⁰ Ср. этот же эпизод в воспоминаниях Манухина, где также упоминается выкупленный за 100 тысяч рублей А.И.Вышнеградский (Указ.соч. С.110).

²⁰¹ Камков (*Кац*) Борис Завидович (1885-1938) — вместе с М.А.Спиридоновой лидер партии левых эсеров.

²⁰² См. статьи Б.Савинкова в «Русских ведомостях» 1918: Памяти Кокшанина (21 января. С.3); О словах и делах (25 января. С.1); По поводу одной заметки (28 января. С.4); Письмо из Петербурга (10 февраля. С.1).

²⁰³ 16 февраля (1 марта) Петросовет установил нормы жилплощади (не более одной комнаты на взрослого члена семьи или двоих детей). Лишние комнаты должны были быть освобождены (мебель в них должна была быть оставлена нетронутой) и заселены безработными и семьями красногвардейцев. Правила об их «вселении в квартиры буржуазии» см.: Наш век. 1918. 23 февраля (8 марта). Всего таким образом до лета 1918 было «обеспечено жильем» 300 тыс. человек.

²⁰⁴ 16 февраля (1 марта) в Брест-Литовске советская делегация, дав согласие на подписание германских условий без дальнейших переговоров, отправила в Петроград две телеграммы: первую с извещением, что мир подписывается, вторую — с просьбой о поезде для возвращения. Вторая телеграмма была получена раньше первой и была расценена как знак провала переговоров. Результатом недоразумения стала радиограмма Ленина, переданная в тот же вечер: «Всем совдепам. Всем. Всем» с предупреждением о возможном наступлении германских войск и призывом принять меры к обороне. См.: Сокольников Г.Я. Брестский мир. М., 1920; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т.5. С.289.

²⁰⁵ По воспоминаниям Манухина, Авксентьев был освобожден позднее, перед самым выходом левых эсеров из состава СНК: «Штейнберг И.З., комиссар юстиции, вызвал меня и заявил: “За вами числится около двадцати поручительств. Вот я их разрываю, иначе вы попадете в ужасное положение,

но прежде чем с вами проститься, прошу вас об одном личном одолжении: освободите из больницы «Крестов» моего товарища по партии Н.Д.Авксентьева. Вот бумага на его освобождение. Я не знаю, как это делается, но сделать это надо сегодня же...» Вечером я сообщил Штейнбергу, что Авксентьев на свободе» (Указ.соч. С.110).

²⁰⁶ Вопрос о недоступности полного текста договора не только для рядовых граждан, но и для делегатов проходившего через две недели после записи Гиппиус IV съезда Советов, который должен был этот мир ратифицировать, обсуждался на съезде. Ср. в выступлении Мартова 15(2) марта: «Так не знали крестьяне на волостном сходе, какие бумажки заставляли подписывать их бойкие земские начальники и подписывали такие бумажки, от которых потом попадали в кабалу лет на 30. Вот что хотят с вами сделать стоящие во главе России. У нас до сих пор нет текста договора (*шум, оратору бросают текст договора*), по крайней мере, я до сих пор не получал и мои товарищи не получали» (Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного Съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С.31).

²⁰⁷ Германия, подписавшая мир с Центральной Радой, не пропустила через линию фронта направлявшуюся в Брест-Литовск делегацию Народного секретариата Украины во главе с В.П.Затонским.

²⁰⁸ Ср.: Немецких аппаратов не было//Красная газета. 1918. 9 марта. С.1.

²⁰⁹ Григорий Евсеевич *Зиновьев* (Радомыльский, 1883-1936) был избран председателем Петросвета 13 декабря 1917; 26 февраля(10 марта) 1918, в день переезда Ленина в Москву, стал председателем Совета комиссаров только что созданной Петроградской трудовой коммуны.

²¹⁰ *Тимирязев* Василий Иванович (1849-1919) — министр торговли и промышленности в 1905-06, 1909, к 1917 — председатель советов и член правлений около 10 крупнейших акционерных обществ, финансист (Минувшее: Исторический альманах. Вып.1. М., 1990. С.83-84). В начале 1918 входил в специальную комиссию по пересмотру русско-германского торгового договора. См.: Наши ведомости. 1918. 13(26) января. С.5.

²¹¹ В эти же дни Манухин обратился к Ленину с письмом об оставшихся в заключении деятелях дореволюционного режима — Белсцком, Хвостове, Щегловитове. Однако освобождены они не были (ленинскую резолюцию на письме — «передать в Комиссариат юстиции» — см. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т.5. С.300) и в сентябре стали одними из первых жертв «красного террора» (см. прим.300, 305).

²¹² Вероятно, имеется в виду «сажать на престол». Великий князь *Михаил Александрович* (1878-1918) — брат императора Николая II. В феврале 1918 арестован в Гатчине, увезен в Пермь, затем расстрелян.

²¹³ Ср. в письме подковника Моллера к Гиппиус: «8-го в бою под Ростовом убит наш Володя Ратьков-Рожнов. Бедный Ратьков пополз в цепи за тяжело раненным офицером гренадером и был убит наповал пулей в грудь и голову. Т.к. казаки отказались драться против большевиков, мы 8-го покинули Ростов и ушли на юг. Тело Ратькова мы вывезли и похоронили в станице Ольгинской, причем с трудом удалось убедить местного попа похоронить его, т.к. тот боялся, что большевики его потом зарежут...» (ОР ГПБ. Ф.481. Д.234).

²¹⁴ Ср. слова Симеона Богоприимца, обращенные к Богородице: «И Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец» (Лук. 2,35). Образ использован в стихотворении Гиппиус «Адонай», (сб. «Последние стихи»).

²¹⁵ Убийство семерых молодых людей в ночь с 1 на 2 марта (н.ст.) 1918 широко освещалось в печати. Юноши были арестованы по подозрению в заговоре, на вечеринке, устроенной по случаю отъезда троих из них — братьев Ганглез (Генглези), сыновей директора Гатчинского приюта — во Францию, отведены в Смольный, а оттуда в район Александро-Невской лавры, где и расстреляны. Бонч-Бруевич как управляющий делами СНК сделал заявление, что «ни одно из правительственных учреждений, находящихся в Смольном, не давало указаний или распоряжений о расстреле» (Наш век. 1918. 24 февраля (9 марта). С.3). Для расследования убийства власти создали специальную комиссию, выяснившую, что расстрел был произведен по приказу комиссара первого партизанского рабоче-крестьянского отряда при ЦИК В.Л.Панюшкина (Новая жизнь. 1918. 7(20) апреля. С.1).

²¹⁶ Гиппиус Наталья Николаевна (1880-1963) — одна из трех сестер З.Н.Гиппиус; окончила Академию художеств по классу скульптуры. Постоянно жила с сестрой Татьяной. Одна из ее работ — «Три грации» — сохранилась в Санкт-Петербурге на углу Потемкинской и Каляева (в квартале от дома, в котором жили Мережковские) и, по позднему свидетельству автора скульптуры, изображает трех сестер Гиппиус.

²¹⁷ См.: От Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов//Красная газета. 1918. 12 марта. С.1.

²¹⁸ Годовщина Февральской революции 1917.

²¹⁹ Левые эсеры, протестовавшие на Четвертом съезде Советов против ратификации Брестского мира, сразу же после голосования (785 голосов за ратификацию, 261 против, 215 воздержавшихся) заявили об отзыве своих представителей из СНК. При этом они подчеркнули, что поскольку СНК «будет проводить в жизнь программу Октябрьской революции, партия [левых эсеров. — Публ.] обещает ему свое содействие и поддержку». В тот же день 2(15) марта левозэсеровские наркомы покинули свои посты. Однако вплоть до июля члены партии продолжали занимать видные должности в правительственных ведомствах и комиссиях. Так, например, из 20 членов Коллегии ВЧК 7 были левыми эсерами. (См. подробно: Фельштинский Ю.Г. Большевики и левые эсеры: Октябрь 1917 — Июль 1918: На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1975. С.119-123).

²²⁰ Ср.: «“Власть народа” сообщает, что крестьяне окрестных сел устроили в г.Глухове Варфоломеевскую ночь. Убито до 500 человек, главным образом, местной интеллигенции. Имущество разграблено» (Наш век. 1918. 3(16) марта. С.2).

²²¹ См.: Разоружение преображенцев//Новые ведомости. 1918. 3(16) марта. С.5.

²²² Дыбенко Павел Ефимович (1889-1938) — с 26 октября 1917 по 16 марта 1918 — народный комиссар по морским делам. Арестован 16 марта 1918 в Москве во время заседания III съезда Советов. Следствие над ним было назначено по требованию комиссаров нарвских отрядов, обвинявших

Дыбенко в пьянстве и беспричинной сдаче Нарвы наступающим германским войскам. В тот же день ушла в отставку с поста наркома социального обеспечения его жена А.М.Коллонтай. См. прим.233.

223 Никакие отъезды левых эсеров на Волгу в марте 1918 нам не известны. Ср., однако: «Вчера ночью с экстренным поездом уехали в Курск лидеры левых с.-р. Камков, Карелин, Прошьян и Штейнберг. <...> Лидеры левых с.-р. направляются в Курск для организации партизанских отрядов» (Новая жизнь. 1918. 7(20) марта. С.2).

224 О регистрации семьи Романовых по указу ЧК см.: Наш век. 1918. 6(19) марта. С.3. Проводил это мероприятие только что назначенный председатель Петроградской ЧК Урицкий.

225 Речь идет об обстреле Парижа из дальнобойных орудий (в частности, из пушки «La colossale», о которой Гиппиус упоминает ниже) в ходе общего немецкого наступления на Западном фронте, начавшегося 8(21) марта.

226 «Русские ведомости» были закрыты без права выхода под другим названием, а редактор П.В.Егоров приговорен к трехмесячному заключению, 22 марта (4 апреля) 1918 решением Московского революционного трибунала печати за публикацию статьи Б.Савинкова «С дороги», где автор призывал «бороться с немцами и бороться с большевиками». Тем не менее окончательное закрытие газеты состоялось только в июле 1918.

227 В ночь с 11 на 12 апреля (29-30 марта) чекисты с помощью красноармейцев осуществили по приказу Совнаркома массовый разгром вооруженных анархистских групп, было арестовано более 400 человек. См.: Новый день. 1918. 13 и 14 апреля.

228 К. — А.В.Карташев. Сохранилось его письмо от 31 марта 1918, которое подтверждает факт конфликта, но не объясняет его: «Д.С., З.Н., Д.В., Т. и Н. “Простите меня, отцы и братья, и благословите”, — говорят в таких случаях простые люди.

Но я могу вам сказать только первое: “простите”, что пред моим действием не вел долгих разговоров. Я всегда в этом был “фаталистом”: национальность, кровь, род, сословие, воспитание для меня всегда были сутью личности, и я никогда не видел случая слияния и объединения личностей. Все — разные в живом.

Однако я все-таки хочу и ищу синтеза, а потому имею в сердце с вами общее. Я знаю, что ваша любовь ко мне условна, и не смею уже что-нибудь строить на ней. Но моя любовь к Т<атьяне> и к “общему” безусловна, и я разрывать здесь не смогу.

Бог укажет, как быть дальше. Антон» (ОР ГПБ. Ф.481. Д.220).

229 Л.Г.Корнилов был убит 13 апреля (31 марта) 1918.

230 Из стихотворения Гиппиус «На поле чести» (Сб.«Последние стихи»).

231 Посол Германии, граф Вильгельм Мирбах (1871-1918) прибыл в Москву 23(10) апреля.

232 По-видимому, имеется в виду Временное Сибирское правительство, возглавлявшееся П.Я.Дербером, созданное в конце января в Томске и вынужденное в марте бежать на Дальний Восток.

233 Развитие «дела Дыбенко» (арест, образование следственной комиссии

во главе с другим бывшим наркомом Н.В.Крыленко, освобождение под поручительство Коллонтай, исчезновение Дыбенко и Коллонтай из Москвы, приказ Крыленко об их аресте, их заявления и допросы) — одна из центральных тем мартовских и апрельских газет. Суд, на котором Дыбенко был оправдан, состоялся 19(6) мая 1918.

²³⁴ Т.е. памятник Николаю I на Марининской (ныне Исаакиевской) площади.

²³⁵ Речь идет о проекте установки памятника Карлу Марксу (см. прим.181).

²³⁶ *Лебедев* Владимир Иванович (1883-1956) — в 1917 — представитель морского министерства в ВП.

²³⁷ Слух о гибели Филоненко оказался ложным.

²³⁸ *Кускова* Екатерина Дмитриевна (1869-1958) — журналистка и общественная деятельница. В редактируемой ею «Власти народа» весной 1918 (газета была закрыта 23 мая 1918) проводилась мысль о необходимости для интеллигенции консолидированной общественной и культурной работы даже и при большевиках. Одновременно Кускова и ее муж С.Н.Прокопович играли важную роль в установлении контактов между зарождавшимися в этот период различными антибольшевистскими организациями. См.: Красная книга ВЧК. Т.2. По именному указателю.

²³⁹ Речь идет об обстоятельствах празднования 1 мая (18 апреля), совпавшего в 1918 со Страстной Средой. Ср.: Иванов Ст. Праздник среди руин//Новый день. 1918. 3 мая (20 апреля). С.1.

²⁴⁰ Запись появилась на следующий день после публикации статьи А.В.Карташева «Пасха Крестная» (Наш Век. 1918. 4 мая (21 апреля). С.3). «Не праздновала ли она [Россия. — Лубл.] в прошлом году Пасху воскресную без Пасхи крестной, не хвалилась ли она своим воскресением, не свершив своей Голгофы?» — писал он здесь. Для Гиппиус упование на очистительную силу страдания в общенациональном масштабе уже не было близко. Кроме того, ее, очевидно, возмутило настойчиво подчеркнутое Карташевым в этой статье слово закон (религиозный). Позднее, в эмиграции, Карташев называл 1917 годом своего возвращения к православной церкви (после 11 лет «исканий»).

²⁴¹ *Скоропадский* Павел Петрович (1873-1945) — гетман Украины (избран 29(16) апреля) в период австро-германской оккупации; провозгласил создание Украинской державы.

²⁴² См. об этом: Мурман, Финляндия и Германия//Новая жизнь. 1918. 18 (5 мая). С.2.

²⁴³ Газеты были закрыты за отчеты о митингах (на Обуховском и Путиловском заводах 9 мая (26 апреля)), на которых звучали требования положить конец «комиссародержавию» и созвать УС.

²⁴⁴ В лекции «Россия будет», прочитанной в зале Тенишевского училища, Мережковский, по словам газетного обозревателя, утверждал, что «социалисты, как полено, бросили Россию в мировой пожар. Но они не имели понятия о ценности бросаемого. В безумии тело восстает на душу, народ — на отечество. Тело убивает душу, народ — отечество. <...> Русский народ

преступен. Но он искупит свою вину, т.к. несет миру две драгоценности: «идею мира и идею социализма». Этот социализм особенный, т.к. лектор уверен в том, что мгновение сумасшествия народа (атеизм) пройдет» (Петроградский голос. 1918, 14(1) мая. С.2).

²⁴⁵ Горьковский ответ в «Новой жизни» (1918. 10 мая (27 апреля). С.1) на упреки Д.В.Философова (Наш век. 1918. 3 мая (20 апреля). С.1) в «культурном соглашательстве», стремлении навязать интеллигенции собственное отношение к большевистской власти заканчивался прямыми политическими обвинениями: «Не стоило бы говорить о выходках г.Философова, не так уж он значителен в своих выдумках, чтобы опровергать их. Но ведь его статья напечатана в «Нашем веке» не по «недосмотру» редактора, а, вероятно, по солидарности взглядов. <...> Революционная демократия должна знать, что наиболее враждебным для нее является политическое течение, организуемое «Нашим веком». Это враг непримиримый, ибо — это враг по духу». На следующий день «Наш век» был закрыт (издание возобновилось в июне), однако неясно, было ли это связано со статьей Горького.

²⁴⁶ Весной-летом 1918 происходит раскол среди кадетов «по ориентациям». Часть видных деятелей партии (в т.ч. Милюков), не веря в союзников, стала рассматривать Германию как единственную серьезную антибольшевистскую силу и высказалась за необходимость той или иной формы сотрудничества с ней. Украинские кадеты вошли в правительство Скоропадского.

²⁴⁷ Ср.: Рорбах о России//День. 1917. 6(19) декабря. С.4. *Рорбах* Пауль (1869-?) — немецкий публицист и экономист.

²⁴⁸ В решениях Совета партии эсеры впервые поставили в качестве «очередной и неотложной задачи всей демократии» ликвидацию большевистской власти — главного препятствия к установлению власти УС. Помощь союзников в борьбе с большевиками исключалась и признавалась желательной только в борьбе против Германии, но лишь при условии соглашения с правительством, опирающимся на УС. (См. пояснения Марка Янсена в кн.: Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива ПСР. Амстердам, 1989. С.18-19).

²⁴⁹ Красноармейские отряды, в том числе и чехословацкий революционный отряд («военнопленные»), объединенные в Даурский фронт, 15(2) мая начали наступление против войск «Временного Забайкальского правительства», возглавлявшегося Григорием Михайловичем Семеновым (1890-1946).

²⁵⁰ Эта краткая запись, по-видимому, фиксирует иронически-недоверчивое отношение Гиппиус к московским кадетско-эсеровским кругам, к спорам внутри формировавшихся в это время подпольных интеллигентских организаций («Союз возрождения России», «Национальный центр» и др.).

²⁵¹ *Маклаков* Василий Алексеевич (1869-1957) — адвокат, член ЦК кадетской партии. В 1917 назначен ВП русским послом во Францию. Приехал в Париж в самый день Октябрьского переворота, аккредитован не был, но фактически на положении посла прожил почти 7 лет, до установления в октябре 1924 дипломатических отношений между СССР и Францией.

²⁵² «Культура и свобода» — «просветительское общество в память 27 февраля 1917 г.», было создано по инициативе Горького в марте 1918 и просуществовало до июля 1919. В оргкомитет входили виднейшие социалисты

старшего поколения — В.Н.Фигнер, Г.А.Лопатин, А.Н.Потресов и др. Своей основной задачей общество видело поднятие культурного уровня народа, вовлечение его в культурную работу, объединение сил старой и новой, рабоче-крестьянской интеллигенции и т.д.

²⁵³ В «Биохронике» В.И.Ленина такой встречи не зафиксировано.

²⁵⁴ Вероятно, речь идет о братьях В.О. и А.О.Фабрикантах. Владимир Осипович — эсер, в конце 1917 — начале 1918 был связным А.Ф.Керенского, его «ангелом-хранителем». В архиве Мережковских сохранилась его записка, по-видимому, соответствующая по времени записи Гиппиус от 7 мая: «Дорогой Дмитрий Владимирович, будучи в Петрограде, хотел зайти к Вам рассказать московские новости, да пришлось спешно уезжать в Москву. Рекомендую Вам моего брата, Алекс. Осип. Фабриканта, который расскажет Вам здешние новости, и очень прошу дать ему нужные указания — привет З.Н. и Д.С. — Крепко жму руку. Ваш В.Фабрикант» (ОР ГПБ. Ф.481. Д.205).

²⁵⁵ А... — А.Ф.Керенский. Елена — Барановская Елена Всеволодовна (1892-1967) — двоюродная сестра О.Л.Керенской, мать дочери Керенского, родившейся в Париже. Ол<ьга> — Керенская Ольга Львовна (1886-1975) — жена Керенского и мать его сыновей Олега (1905-1984) и Глеба (р.1907).

²⁵⁶ Гиппиус, по-видимому, противопоставляет здесь Савинкова Керенскому.

²⁵⁷ Лившиц Яков Борисович — журналист, сотрудничал в «Речи», «Современном слове», «Русских ведомостях» и т.д. Видимо, только что приехал из Москвы.

²⁵⁸ Новгородцев Павел Иванович (1866-1924) — юрист, философ. Член ЦК партии кадетов, весной—летом 1918 — один из руководителей подпольного «Правого центра».

²⁵⁹ Декрет Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны о переводе стрелки на два часа вперед был приведен в исполнение в 10 часов вечера 2 июня (20 мая) (Новые ведомости. 1918. 3 июня (21 мая). С.7).

²⁶⁰ Гиппиус не единственная, кто обвинял Горького в том, что он использовал бедственное положение многих «бывших» для пополнения своих коллекций. Следует, однако, помнить, что громадные усилия в послереволюционные годы Горький тратил на проводившуюся в рамках Наркомпроса работу по спасению художественных ценностей и зачастую его интерес к погибающим или продающимся произведениям искусства был связан именно с этой работой. См.: А.М.Горький в экспертной комиссии Наркомвнешторга /Публ. С.Белѣва//Новый мир. 1963. № 4. С.247-250; Архив А.М.Горького. Т.ХIV. М., 1976. С.78-90.

²⁶¹ См.: Москва на военном положении//Новая жизнь. 1918, 31 (18) мая. С.2; Арест кадетов//Там же. 1918, 1 июня (19 мая). С.3; Новый заговор//Там же. 1918, 2 июня (20 мая). С.3.

²⁶² В печати мы встречали сведения о трех обысках у Плеханова 31 октября и 1 ноября 1917. См., напр.: Русское слово. 1917. 8(21) ноября. С.2.

²⁶³ Сазонов Егор Сергеевич (1879-1910) — эсер; член «Боевой организации», по заданию которой в 1904 убил министра внутренних дел Плеве. Прокофьева Марья Алексеевна (1883-1913) — член боевой организации

эзеров (отряд Б.Н.Никитенко), выданной Азефом. В августе 1907 приговорена в вечному поселению (процесс о покушении на цареубийство; см.: Былое. 1925. № 3(11). С.133—176). Бежала за границу. В январе 1909 участвовала в расширенном заседании ЦК эзеров после разоблачения Азефа, требовала его немедленной казни. В 1909-10 — член новой боевой организации, созданной Савинковым. Ее переписка с Сазоновым хранится в архиве Межрежковских (ОР ГПБ. Ф. 481).

²⁶⁴ См.: Иванов-Разумник. Клопные шкурки: Литература и общественность//Заветы. 1913. № 2. Отд. II. С.105—114; Он же. Литература и общественность//Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 138—151.

²⁶⁵ Вариант записи о смерти Плеханова под названием «Стыд и преступление» был напечатан в газете «Новые ведомости» (1918. 5 июня (23 мая). Веч. вып. С.5).

²⁶⁶ Речь идет о только что созданных по Декрету ВЦИК от 27(14) мая прототрядах.

²⁶⁷ Пильский Петр Моисеевич (1876-1942) — писатель, фельетонист, литературный критик. В его статье «Смирительную рубашку» (Петроградское эхо. 1918. 22(9) мая. С.2) никаких «документальных доказательств» о том, что «правлящие большевики» находились на лечении в психиатрических лечебницах, не содержалось. Решением Революционного трибунала печати «Петроградское эхо» 29(16) мая было закрыто без права выхода под другим названием, сам Пильский арестован, допрошен (отказался дать показания), но вскоре освобожден. Впоследствии он указывал, что источником для его утверждений 1918 служили рассказы врачей — психиатров и невропатологов, лечивших Ленина, Дыбенко и Раскольников. См.: Пильский П. Сумасшествие Бела Куна//Сегодня. Рига. 1927. 29 июня. С.2.

²⁶⁸ По-видимому, имеются в виду попытки руководства «Правого центра» вступить в контакт с представителями германского посольства в Москве. В первые недели пребывания в России Мирбах полагал, что «наши интересы требуют сохранения власти большевистского правительства» и считал необходимым «продолжать снабжать большевиков минимумом необходимых средств, чтобы поддержать их власть» (13 мая (30 апреля)). Однако через месяц он уже пришел к выводу, что «большевизм достиг конца своей власти» и что следует «позаботиться о том, чтобы заполнить пустоту, образующуюся после его исчезновения, режимом, который будет соответствовать нашим планам и интересам». В этих условиях стала возможной встреча Мирбаха с представителями «Правого центра» С.М.Леонтьевым и С.Д.Урусовым, на которой и прозвучали предложения, близкие к зафиксированному Гиппиус. Однако уже 3(16) июля 1918 на специальном совещании в Спа (Бельгия) под председательством кайзера Вильгельма II было решено не предпринимать «попыток свергнуть в настоящее время большевиков». См.: Фельштинский Ю.Г. Указ.соч. С.130—135; Красная книга ВЧК. Т.2. С.72.

²⁶⁹ Фрагмент записи от 24 мая 1918 был опубликован. См.: Гиппиус З.Н. Ясное об «ориентациях»//Новые ведомости. 1918. 14(1) июня. Веч. вып. С.5.

²⁷⁰ Ася — Анна Николаевна Гиппиус (1872-1942) — сестра З.Н.Гиппиус, врач.

²⁷¹ Запись Гиппиус от 30 мая (12 июня) 1918, начинающаяся перечисле-

нием важнейших политических событий тех дней (мятеж чехословацкого корпуса — 26 мая, провозглашение в Томске Временного сибирского правительства — 31 мая, взрыв артиллерийских складов в Киеве и т.д.), постепенно переходит в саркастический перечень языковых новообразований революционной эпохи (ср. ее фельетон: Антон Крайний. Дыр. Бул. Шур//Вечерний звон. 1917. 16(29) декабря).

²⁷² Чичерин Георгий Васильевич (1872-1936) — с марта 1918 исполнял обязанности наркома иностранных дел, с 30 мая — нарком. 26(13) мая его посетил Мирбах, результатом чего был обмен нотами о создании двух параллельных комиссий в Берлине и Москве для разработки условий дополнительного договора к Брестскому договору (был подписан в Берлине 27 августа 1918). См.: Новые ведомости. 1918. 27(14) мая. С.4.

²⁷³ Исключение эсеров (правых и центра) и меньшевиков из Советов Декретом ВЦИК от 14(1) июня 1918 и их аресты были вызваны в основном двумя причинами: 1) захватом восставшим чехословацким корпусом важнейших городов (26 мая — Челябинск и Новониколаевск, 28 мая — Нижнеудинск, 29 мая — Канск, Пенза, Сызрань, 31 мая — Петропавловск, Томск, 2 июня — Курган, 7 июня — Омск, 8 июня — Самара); результатом последнего стало принятие на себя власти в этом городе Комитетом членов УС (состоявшим из эсеров), формирование им Народной армии для борьбы с Германией и большевиками; 2) тем, что в те же недели в Петрограде и Москве активно развивается движение «уполномоченных фабрик и заводов», поддержанное эсерами и меньшевиками, проходят митинги с требованиями отмены продотрядов, права на организацию независимых профсоюзов, обвинениями большевиков в антирабочей политике. Значительные аресты в ответ на все это были проведены большевиками 13 июня, а 14-го Декретом ВЦИК эсеры (кроме левых) и меньшевики были исключены из Советов как контрреволюционеры.

²⁷⁴ С лета 1918 Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) возглавлял подотдел учета и регистрации при Отделе печати Моссовета, без наряда которого «ни одна типография не могла приступить к набору, ни одна фабрика, ни один склад не могли выдать бумагу. <...> Не будучи советским цензором “де юре”, он им все-таки очутился на деле» (Ходасевич В. Белый коридор: Воспоминания. Н.-Й., 1982. С.66—67).

²⁷⁵ В первой половине 1918 Блок печатает свои важнейшие послереволюционные произведения — статью «Интеллигенция и революция», стихотворение «Скифы», поэму «Двенадцать» — в левозерской газете «Знамя труда». Его творчество занимало значительное место и в первом номере журнала той же партии «Наш путь». В мае 1918 Гиппиус, написавшая о Блоке немало резких строк в статьях этого года (см., напр.: Крайний А. Люди и нелюди//Новые ведомости. 1918. 10 апреля; Она же. Неприличия//Современное слово. 1918. 16 июня), посылает ему свой сборник «Последние стихи» со стихотворением «А.Блоку» в качестве дарственной надписи. Ср. эпиграф к этому стихотворению («Дитя, потерянное всеми...») с записью в публикуемом тексте от 11 января 1918 («за чертой»). Финал стихотворения развивает эту мысль: «Я не прошу. Душа твоя невинна//Я не прошу ей никогда». В ответ Блок 1 июня послал Гиппиус только что вышедшую в партийном левозерском издательстве «Революционный социализм» свою книгу «Две-

надцать. Скифы», надписав на обороте обложки стихотворное послание «З.Гиппиус», начинавшееся с обращения: «Женщина, безумная гордячка!» и заканчивавшееся: «Высоко — над нами — над волнами — //Как заря над черными скалами — //Веет знамя — Интернационал!». Возможно, получение книги (ныне — Д.253 фонда Мережковских в ГПБ) послужило толчком к упоминанию имени Блока в *этой* записи. См. неотосланное письмо Блока к Гиппиус от 31 мая 1918: Блок А.А. Собр.соч. Т.7. М.; Л., 1963. С.335—336, а также записи о Блоке в «Синей книге» (от 24 октября 1917) и в «Черной книжке»: Гиппиус З. Петербургские дневники... С.27, 267.

²⁷⁶ В.Володарский был комиссаром по делам печати Петрокоммуны, инициатором закрытия многих меньшевистских газет, обвинителем на процессах против них.

²⁷⁷ Зорина Е.А. — сотрудница Смольного, жена Зорина (Гомбарга) С.С. (1890-1937) — в июне 1918 — председателя Ревтрибунала Петрограда.

²⁷⁸ А.Н.Иоффе, видный петроградский меньшевик, возвращался в одном автомобиле с Зиновьевым с предвыборного митинга на Обуховском заводе. Далее Гиппиус пересказывает его показания следователю. См.: Наш век. 1918. 21(8) июня. С.2.

²⁷⁹ См.: Убийство комиссара Володарского//Новый вечерний час. 1918. 8 июня. С.2. Сравнивая два убийства, газета намекала, что новый террористический акт может стать, как и в 1904 году, началом крушения режима.

²⁸⁰ Бывший император в этот момент жил под арестом в Екатеринбурге: его брат Михаил в ночь с 12 на 13 июня (30-31 мая) 1918 был увезен из гостиницы в Пермь, где он жил после высылки из Петрограда в марте, и расстрелян в лесу вместе со своим секретарем Джонсоном. Убийцы (местные большевики во главе с Г.Мясниковым) сделали анонимный звонок в Пермский Совет и сообщили, что великий князь похищен своими сторонниками. Совет, в свою очередь, распространил эти сведения по России, что и привело к появлению множества слухов в газетах. См.: Убит ли царь?//Новые ведомости. 1918. 22(9) июня. С.1; Современное слово. 1918. 16(3) июня. С.3; Новый вечерний час. 1918. 21(8) июня. С.1.

²⁸¹ Брасова (урожд.Шереметьевская, в первом браке Мамонтова, во втором — Вульферт) Наталья Сергеевна — морганатическая жена великого князя Михаила Александровича; умерла в эмиграции. Подробнее о ней см.: Аксакова Т.А. Дочь генеалога//Минувшее: Исторический альманах. Вып.4. М., 1991. С.11—15.

²⁸² Усадьба *И.Е.Репина* «Пенаты» находится на Карельском перешейке в пос.Куоккала (ныне Репино). После получения Финляндией независимости в конце 1917 Репин, не покидая своего дома, оказался на положении эмигранта.

²⁸³ Речь идет о похоронах Володарского. На Марсовом поле хоронили с 1917 по 1933.

²⁸⁴ *Щастный* Алексей Михайлович (1881-1918) — капитан I ранга, командующий морскими силами Балтийского флота (20 марта — 26 мая 1918). Арестован и обвинен в том, что «сознательно и активно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота» (Известия. 1918. 22(9) июня). Верховный революционный трибунал при ВЦИК приго-

ворил Щастного к расстрелу, несмотря на то, что смертная казнь в России была отменена Вторым съездом Советов.

²⁸⁵ На чрезвычайном собрании Петросовета, посвященном памяти убитого Володарского, 22(9) июня Урицкий объявил, что убийство было подготовлено «партией правых эсеров, вступивших в союз с английской буржуазией» (Наш век. 1918. 23(10) июня).

²⁸⁶ *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862-1938) — писатель. В 1918-21 (до эмиграции) трижды подвергался аресту. См.: Амфитеатров А. Горестные заметы. Берлин, 1922. С.1, 13.

²⁸⁷ См.: От комиссара по делам печати//Наш век. 1918. 27(14) июня. С.1. Короткое время после Володарского должность комиссара Петрокоммуны по делам печати занимал, очевидно, *Кузьмин* Николай Николаевич (1883-1939), член КП с 1903, с сентября 1918 — на высших командных постах в Красной Армии.

²⁸⁸ Речь идет о редакторе «Новых ведомостей» и «Петроградского голоса» — критике Александре Алексеевиче *Измайлове* (1873-1921), в одном из летних писем к Ф.Сологубу он подробно описал свой визит к Кузьмину (РО ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Д.300).

²⁸⁹ *Мейер* Александр Александрович (1875-1939) — философ, видный участник Петербургского религиозно-философского общества. В конце 1917 вокруг него сложился религиозно-философский кружок. Визит к Мережковским мог быть связан с приглашением их на заседание кружка, на котором должен быть слушаться доклад «Судьба России». См.: Анциферов Н.П. Три главы из воспоминаний/Публ. С.Еленина и Ю.Овчинникова (А.Б.Рогинского и А.И.Добкина)//Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.112.

²⁹⁰ Красная дача находилась в местечке Дружноселье под Лугой, Мережковские отдыхали в тех местах в течение многих лет.

²⁹¹ Имение, о котором идет речь, принадлежало князю Витгенштейну и находилось по соседству с «Красной дачей».

²⁹² Речь идет о выступлении левых эсеров в Москве и нескольких других городах, начавшемся 6 июля (24 июня) после убийства Я.Г.Блюмкиным и Н.А.Андреевым германского посла Мирбаха. В Петрограде левозсеровские силы сосредоточились в здании бывшего Пажеского корпуса, но при начале обстрела сразу же сдались (8 июля). Большинство из арестованных по этому делу в Москве были, действительно, быстро отпущены (за исключением немедленно расстрелянных 13 сотрудников ВЧК во главе с В.А.Александровичем и осужденных в ноябре, но тут же амнистированных М.А.Спиридоновой и Ю.В.Саблина). Не ошиблась Гиппиус и в оценке позиции Германии — на отношения этой страны с Советской Россией убийство Мирбаха принципиально не повлияло.

²⁹³ Ср. постановление пленума Петросовета от 10 июля (Наш век. 1918. 17(5) июля. С.1), где предлагалось разработать «ряд самых решительных мер в области перераспределения квартир, принудительного привлечения к обязательному труду в борьбе с холерой» и организовать «ввиду скопления незарытых гробов на кладбищах особые коммунистические отряды для рытья могил».

²⁹⁴ Восприятие Гиппиус известия о расстреле Николая II было близко к общей реакции на это событие со стороны немонархической интеллигенции, от меньшевиков до либералов. Ср. в «Нашем веке» 20(7) июля: «Мы не будем распространяться о той обстановке, при которой погиб Николай. Казни без суда, казни по суду и расстрелы во имя спасения революции для нас явления, одинаково квалифицируемые, над кем бы они ни происходили. Но несомненно, что с точки зрения общественной психики расстрел Николая Романова занимает особое место, именно потому, что на нем тяготели не только личная ответственность, но и грехи многих поколений». Упоминание в связи с убийством царской семьи фамилии известного большевика Г.Л.Пятакова — ошибка. Он в то время находился на Украине и к Уральскому Совету отношения не имел.

²⁹⁵ *Эйхгорн*, Герман фон (1848-1918) — главнокомандующий германскими войсками на Украине; убит в Киеве 30 июля 1918 левым эсером Б.Д.Донским при содействии И.К.Каховской.

²⁹⁶ См. заявление комиссара по делам печати Н.Кузьмина «Довольно буржуазной лжи и клеветы» (Красная газета. 1918, 4 августа (22 июля). С.1): «Предложено закрыть во всех городах все буржуазные газеты вперед до особого распоряжения». В Москве газеты были закрыты раньше — постановлением Отдела печати Моссовета от 8 июля. Непосредственным поводом к закрытию периодических изданий (всех, кроме правительственных и коммунистических) послужили события 6 июля. 26 июля «Правда» объявила, что это запрещение «остается в силе впредь до полного укрепления и торжества» РСФСР. Правовой основой запрещения была принятая в июле 1918 Конституция РСФСР, лишавшая «нетрудовые элементы» всех политических прав и свобод.

²⁹⁷ События и слухи, упомянутые Гиппиус: высадка американской морской пехоты в Мурманске (24 мая); десант войск Антанты в Архангельске (2 августа); взятие Казани войсками Самарского КОМУЧа (7 августа); распоряжение нового германского посла Гельфериха о переезде миссии из Москвы в Псков за демаркационную линию и его собственный отъезд в Берлин.

²⁹⁸ Ср. запись о событиях в Москве в те же дни: «7-го августа вышел приказ всем бывшим офицерам до 60-летнего возраста явиться на сборный пункт. И вот все эти тысячи (кто говорил 10, кто 28) явились и попали как бы в ловушку <...>. Страх расстрела, ссылки и факт голодного содержания и бессония за несколько ночей. Никому не известно, что это: регистрация, заложничество, сыск или просто хамство рабочей диктатуры?» (Окунев Н.П. Дневник москвича: 1917-24. Париж, 1990. С.208-209).

²⁹⁹ «Петроградская газета» («Новая петроградская газета») издавалась художником и публицистом Фомой Родионовичем *Райляном* с 1917, прекратилась 11 августа (29 июля) 1918 на № 170.

³⁰⁰ Поводом к объявлению *красного террора* послужили убийство 30 августа Леонидом Самуиловичем Канегиссером (1898-1918) председателя ПетроЧК Урицкого и покушение в тот же день Ф.Е.Каплан на Ленина. Сообщение о расстреле 500 человек и списки 512 заложников были помещены в «Красной газете» 6, 10 и 11 сентября под заголовком «Ответ на белый террор». См. также: Северная коммуна. 1918. 6—8 и 10 сентября.

³⁰¹ В циркулярной телеграмме наркома внутренних дел РСФСР Григория Ивановича *Петровского* (1878-1958) говорилось: «Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых с.-р., представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников» (Красная газета. 1918. 5 сентября. С.2).

Нота с протестом против красного террора была вручена представителями нейтральных государств наркому Чичерину 5 сентября 1918. Его ответная нота («во всем капиталистическом мире господствует режим белого террора против рабочего класса», «никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимает оружие против рабочих и беднейших крестьян России») была опубликована в «Известиях» 13 сентября 1918, т.е. за день до записи Гиппиус. Об участии германского консульства в акции протеста нам неизвестно.

³⁰² Резкий поворот Горького в сторону новой власти произошел после покушения на Ленина и встречи с ним в начале сентября в Москве. Только с этого времени Горький, сохраняя за собой некоторую свободу критики, перешел к активному сотрудничеству с большевистским правительством. Первыми результатами этого стали организация под руководством Горького издательства «Всемирная литература», щедро финансируемого правительством, а также назначение М.Ф.Андреевой заведующей ТЕО Петросовета (11 сентября) и комиссаром театров и зрелищ Союза коммун Северной области (20 сентября).

³⁰³ Проект реформы русской орфографии, готовившийся с 1904, был утвержден Академией наук еще 11 мая 1917, а введен в жизнь декретом Наркомпроса 27 декабря 1917. Как и многие литераторы, Гиппиус отнеслась к реформе резко негативно. В апреле 1919 она писала З.И.Гржебину: «Я очень прошу Вас <...> дать мне честное слово, что нигде, никогда, и ни при каких обстоятельствах вы не выпустите моей книги по советской орфографии» (ОР ГПБ. Ф.248. Д.87).

³⁰⁴ Большой Кулак — имеется в виду Ихэтуаньское («боксерское») восстание в Северном Китае в 1899-1901.

³⁰⁵ С.П.Белецкий, А.Д.Протопопов, И.Г.Щегловитов, находившиеся в заключении с первых дней Февральской революции, были расстреляны в Москве 5 сентября 1918. П.И.Пальчинский был арестован Петроградской ЧК в июне 1918 как бывший член ВП, в сентябре 1918 объявлен заложником, в феврале 1919 доставлен в Москву и вскоре освобожден.

³⁰⁶ В архиве Мережковских сохранилась визитная карточка В.Д.Форста. См. о нем запись в «Черной книжке» (Петербургские дневники. С.76). *Berliner Tagesblatt* — Ежедневная берлинская газета (нем.).

³⁰⁷ Слух основывался на реальном участии в боях на Восточном фронте интернациональных частей Красной Армии, сформированных, в частности, и из немецких и венгерских военнопленных, а также, возможно, на появлении в газетах имени начавшего выдвигаться в качестве красного военачальника В.К.Блюхера, которого в антибольшевистских кругах с охотой принимали за бывшего немецкого офицера или даже генерала.

³⁰⁸ Речь идет о великом князе *Гаврииле Константиновиче* (1887-1938). Манухин вспоминал: «В самый лютый, самый кровавый период первых лет большевистского террора арестовали и засадили в бывшую Пересыльскую тюрьму на Шпалерной улице великих князей Павла Александровича, Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича и князя Гавриила Константиновича. Я неоднократно обращался к Горькому с просьбой хлопотать об их освобождении, потому что только Горький, он один, мог тогда это сделать через Ленина. <...> Благодаря настоятельной просьбе Горького Ленин согласился на освобождение Гавриила Константиновича, и князя перевезли в частную лечебницу д-ра Герзони. Вскоре же Горький сказал: “Освободить-то его освободили, а что же дальше? Если оставить его у Герзони, — его там убьют. Нет другого выхода, надо взять его ко мне. У меня в квартире его не посмеют тронуть”. И Горький взял Гавриила Константиновича к себе... <...> Несмотря на попечительное отношение к Гавриилу Константиновичу и его жене, опекаемые были Горькому в тягость. Люди разных мировоззрений и, вероятно, и разного мироощущения, совершенно других интересов, стремлений и горизонтов. Горькому было с ними трудно и скучновато, но изменить он ничего не мог. В конце концов он не выдержал и со свойственной ему откровенностью как-то раз мне признался: “Ну и надоели же они мне, а положение безвыходное. Впрочем, выход есть, — отправить за границу, но сделать это может только Ленин”. <...> Ленин и на эту настоятельную просьбу Горького отозвался, разрешив Гавриилу Константиновичу выехать за границу» (Указ.соч. С.112—114). См. также: Берберова Н. Железная женщина // Дружба народов. 1989. № 9. С.135—136.

³⁰⁹ *Меньшиков Михаил Осипович* (1859-1918) — один из ведущих публицистов «Нового времени». Расстрелян в Валдае в присутствии его детей. Выражение «подкладной ягненок» по отношению к Меньшикову, со слов Гиппиус, принадлежит В.С.Соловьеву. См. ее письмо к А.С.Суворину от 28 марта 1908: «Боязнь жиды может перейти в болезненное чувство. Это я наблюдаю — не у Меньшикова, он просто все врет, этот “подкладной ягненок”, как давно назвал его Вл.Соловьев (еще во времена его “толстовства” — провидец!)» (ЦГАЛИ. Ф.459. Д.2631. Л.30).

³¹⁰ «Испанская болезнь» («испанка») — тяжелая форма гриппа, эпидемия которого наблюдалась в 1918.

³¹¹ Имеется в виду ответ на ноту президента США от 14 октября, содержащую в качестве условия начала переговоров о перемирии требование к Германии освободить оккупированные территории (Правда. 1918. 22 октября. С.1).

³¹² *Чигаев Николай Федорович* (1859-?) — доктор медицины. В начале 1890-х лечил Гиппиус от туберкулеза.

³¹³ *Иксуль фон Гильденбрандт* Варвара Ивановна, баронесса (1846?-1929) — общественная деятельница, меценатка, издательница. В 1890-е часто бывала у Мережковских.

³¹⁴ *Стасова Елена Дмитриевна* (1873-1966) — с 30 августа 1918 до марта 1919 — член Президиума ПетроЧК. *Яковлева* Варвара Николаевна (1884-1941) — в сентябре—декабре 1918 — заместитель председателя, затем председатель ПетроЧК.

³¹⁵ См. постановление Президиума Моссовета от 23 октября 1918 о муниципализации частных книгоиздательств, книжных складов, магазинов, лавок, библиотек общественного пользования (Известия. 1918. 25 октября). Опротестованное Луначарским (В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы // Литературное наследство. Т. 80. М., 1971. С. 91—92), это постановление вызвало оживленную дискуссию в правительстве, приведшую к созданию в мае 1919 Госиздата РСФСР.

³¹⁶ Речь идет о революции в Австрии, которая началась 30 октября 1918 массовой демонстрацией рабочих и солдат в Вене. Карл I (1887-1922) — в 1916-18 — император Австрии и король Венгрии.

³¹⁷ *Шальяпин* Федор Иванович (1873-1938) — в годы гражданской войны — солист государственных театров, гастролировал по Советской России, участвовал в концертах по случаю революционных праздников; 13 ноября 1918 Совет комиссаров Северной области «даровал» ему звание «народного артиста».

³¹⁸ *Розанов* Василий Васильевич (1856-1919) — мыслитель, публицист; в это время жил в Сергиевом Посаде, бедствовал, был тяжело болен. В связи со слухом (оказавшимся ложным) о его расстреле Гиппиус, по ее позднему свидетельству, отправила резкое письмо Горькому (Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. Мичиган, 1978. С. 40—41).

³¹⁹ О расстреле жены и детей Николая II в Советской России в 1918 официально не сообщалось. Сведения могли быть получены Гиппиус или из западной печати, или из устных источников — через линию фронта: в Екатеринбурге после занятия его белыми проводилось энергичное следствие по делу об убийстве царской семьи.

³²⁰ В преддверии революции германское правительство 4 ноября (22 октября) 1918 заявило о разрыве отношений с Россией, высылке из Берлина советского полпредства и других советских учреждений. Поводом к разрыву были объявлены революционные листовки, обнаруженные в якобы случайно разбившемся ящике дипломатического багажа. 6 ноября Иоффе и другие советские сотрудники выехали из Берлина.

³²¹ Автоцитата из стихотворения «Сейчас», датированного 9 ноября 1917 и вошедшего в сб. «Последние стихи»: «Как скользки улицы отвратные // Какая стыдь // Как в эти дни невероятные // Позорно жить».

³²² К годовщине Октября ряд улиц и площадей Петрограда были переименованы, в т.ч. Владимирский проспект и Таврическая улица — в честь погибших в 1918 большевиков *С.М. Нахимсона* (Гиппиус издевательски контаминирует его фамилию с фамилией здравствовавшего тогда Ю.М. Стеклова-Нахамкеса) и *А.И. Слуцкого*.

³²³ 3—6 ноября (21—24 октября) 1918 в Петрограде происходил съезд комитетов деревенской бедноты Северной области. На организационном совещании перед съездом обсуждался вопрос о размещении делегатов (более 20 тысяч!). «800 делегатов будут размещены в Зимнем дворце, остальные по близлежащим гостиницам: “Вена”, “Франция”, “Московская” и другим» (Правда. 1918. 25 октября. С. 1). Поскольку ни один зал Петрограда такого количества вместить не мог, съезд начал работу на Дворцовой площади. См.

отзывы В.И.Ленина: Полн.собр.соч. 5 изд. Т.37. С.180 — и М.Горького — очерк «В.И.Ленин».

³²⁴ Революция в Германии (1918-1919) началась 3 ноября 1918 восстанием моряков в Киле. 9 ноября произошли массовые демонстрации в Берлине. Вильгельм II (1859-1941) бежал в Нидерланды. Было объявлено о его отречении от престола, социал-демократы провозгласили Германию демократической республикой. На следующий день собрание Советов Берлина утвердило новое правительство Германии — Совет народных уполномоченных, сформированное из социал-демократов. Вождь «спартаковцев» Карл Либкнехт (1871-1919) в правительство не вошел. В Москве на здании германского посольства, действительно, в знак приветствия революции был вывешен красный флаг (Известия. 1918. 12 ноября). По-видимому, флаг вывесил «Революционный Совет германских рабочих и солдат в Москве», созданный 10 ноября (28 октября) и в тот же день признанный Наркоминделом временным представителем интересов германских граждан в России.

³²⁵ *Андреевский* Сергей Аркадьевич (1847-1918) — поэт, критик, юрист. Был близок с Мережковскими с начала 1890-х годов.

³²⁶ Речь идет о Компьенском перемирии, подписанном между Германией и союзниками 11 ноября (29 октября) 1918. *Шейдеман* Филипп (1865-1939) — один из лидеров германских социал-демократов, в ноябре 1918 — феврале 1919 — председатель (вместе с Ф.Эбертом) Совета народных уполномоченных.

³²⁷ В записях Гиппиус от 28—31 октября (10—13 ноября) 1918 зафиксирована эйфория большевиков в первые дни Германской революции, вызванная разноречивыми сведениями, поступавшими из Берлина, и надеждами на то, что там пришли к власти их единомышленники — либкнехтовцы. В эти дни Москва стала рассылать по России радиogramмы о переходе власти в городах Германии в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, ВЦИК принял решение отправить в Германию два эшелона с хлебом «в распоряжение борющихся за диктатуру пролетариата Советов рабочих и солдат», полпреду Иоффе было предложено вернуться в Берлин и т.п. Иллюзии большевиков были развеяны холодной телеграммой нового правительства Германии от 14(1) ноября 1918. Единственным реальным результатом Германской революции в эти дни стало аннулирование Брестского мира ВЦИК 13 ноября (31 октября) 1918.

³²⁸ *Петлюра* Симон (1879-1926) — с ноября 1917 по апрель 1918 — генеральный секретарь (министр) по военным делам в правительстве Украинской Центральной Рады. При гетмане Скоропадском — в оппозиции, некоторое время под арестом. С 14 ноября 1918 — член Украинской директории, военный руководитель восстания против гетманского режима.

³²⁹ *Сазонов* Сергей Дмитриевич (1860-1927); *Извольский* Александр Петрович (1856-1919); *Набоков* Константин Дмитриевич (1874-1927). Первые двое — крупные дореволюционные дипломаты, причём Сазонов в 1910-16 — министр иностранных дел; Набоков — посол ВП в Лондоне. «Ультиматум», о котором упоминает Гиппиус — по-видимому, один из документов созданного в Париже осенью 1918 «Русского политического совещания», куда входили дипломаты (в т.ч. и все перечисленные), бывшие министры ВП (в

т.ч. Г.Е.Львов — премьер ВП первого состава), некоторые видные общественные деятели (напр., П.Б.Струве). Претендовавшее на роль законного представителя России в международных делах, «Политическое совещание» («Совещание послов») реально не имело влияния в правительственных кругах бывших союзников.

³³⁰ В 1918-20. Вячеслав Иванович *Иванов* (1866-1949) заведовал секцией в театральном отделе Наркомпроса. См.: Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. Париж, 1990. С.78-81.

³³¹ *Гиппиус* Владимир Васильевич (1876-1941) — поэт-символист, критик, преподаватель в гимназии Стоюниной и в Тенишевском училище, с 1917 директор училища; троюродный брат З.Гиппиус.

³³² *Рузский* Николай Владимирович (1854-1918). С августа 1915 по апрель 1917 командовал Северным фронтом. О встречах с ним в Кисловодске см. запись Гиппиус от 19 июля 1917 в «Синей книге». В сентябре 1918 арестован в Эссентуках как заложник, перевезен в Кисловодск и там расстрелян (по другой версии — зарублен пашками).

³³³ *Сперанский* Валентин Николаевич (ум.1957) — историк философии, профессор Высших Женских Курсов и Психоневрологического института, литератор.

³³⁴ *Изгоев* (Ланде) Александр Соломонович (1872-1935) — публицист, кадет. Арестован 5 ноября 1918, отправлен не на «каторжные», как пишет Гиппиус, а на «принудительные работы» в Вологду, освобожден 6 января 1919. По его воспоминаниям, интеллигентов арестовывали по спискам кандидатов в гласные петроградских районных дум на выборах 1917: «Большевики тоже принимали участие в выборах, а теперь превратили их в западню. Взяли афиши от партии народной свободы, трудовых и социалистов-революционеров и, воспользовавшись указанными там адресами кандидатов, произвели повальные обыски и аресты». (Изгоев А.С. Пять лет в Советской России//Архив русской революции. Т.10. Берлин, 1923. С.5).

³³⁵ Речь идет о неудачной попытке восстания в Берлине против правительства Эберта-Шейдемана в начале января 1919. После подавления восстания скрывшиеся в подполье вожди коммунистов Роза Люксембург и Карл Либкнехт были арестованы (15(2) января) и убиты.

³³⁶ *Вырубоза* (урожд.Танеева) Анна Александровна (1884-1964) — с 1904 — фрейлина императрицы Александры Федоровны, доверенный друг царской семьи и Распутина. Арестовывалась после Февральской революции и — дважды — после Октября. Осенью 1920 выехала в Финляндию. Гиппиус посвятила ей очерк в книге «Живые лица».

³³⁷ *Радек* Карл Бернгардович (1885-1939) — публицист, один из основателей Коминтерна. В 1918 руководил отделом Центральной Европы в Наркоминделе. Во время Германской революции нелегально находился в Берлине, помогал в организации германской компартии и в руководстве ею; писал статьи в советские газеты о событиях в Германии.

³³⁸ Ошибки: Ленин и Зиновьев летом 1917 скрывались не в Кронштадте, а в Разливе и Финляндии; Троцкий после июльских событий был арестован и провел в заключении около двух месяцев.

³³⁹ Ироническое производное от имен — *Либер* и *Гоц*. *Либер* (Гольдман) Михаил Исаакович (1880-1937) — один из членов Бунда и партии меньшевиков; *Гоц* Абрам Рафаилович (1882-1940) — член ЦК партии эсеров. В 1917 оба играли ведущую роль в Петросовете и во ВЦИК 1-го созыва.

³⁴⁰ Сентябрьская встреча (состоялась 20 сентября (3 октября) 1918), зафиксированная в этот же день Блоком (Блок А. Записные книжки. М., 1965. С.430) и — позднее — со слов Гиппиус, 27 октября в дневнике К.И.Чуковского (Новый мир. 1990. № 7. С.146), стала последней в продолжавшихся 16 лет отношениях двух поэтов. (Подробно см.: Минц З.Г. А.Блок в полемике с Мережковскими//Блоковский сборник. IV. Тарту, 1981. С.116—222). В мае 1919 между ними состоялся еще один (после мая—июня 1918 — см.прим. 275) обмен стихотворными посланиями — Гиппиус через Мережковского передала Блоку вложенное в конверт без адреса стихотворение «Б<ывшему> рыцарю Прекрасной Дамы», Блок же написал ответ («Вы жизнь по-прежнему нисколько...») на экземпляре своей только что вышедшей книжки «Катилина» (Пг., 1919), но книгу так и не отослал (см.: Блок А.А. Собр.соч. Т.3. М.; Л., 1960. С.373; Минц З.Г. Указ.соч. С.212—213). Это означало, по-видимому, полную исчерпанность отношений и потерю интереса (даже полемического) к адресату.

³⁴¹ Цитата из поэмы А.Блока «Двенадцать» (1918).

³⁴² Имеется в виду предложение президента США от имени Совета десяти о созыве на Принцевых островах в Мраморном море мирной конференции, куда были бы приглашены и представители «всех политических группировок в России» (в т.ч. и Советского правительства). См.: Декларация союзных держав//Правда. 1919. 25 января. С.2.

³⁴³ Речь идет о занятии Нарвы войсками Эстонской республики 19(6) января 1919.

Д.И.Шаховской

ПИСЬМА О БРАТСТВЕ

Публикация Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной

Историкам русского либерализма хорошо знакомо имя князя Дмитрия Ивановича Шаховского (1861-1939) — одного из создателей конституционно-демократической партии, члена Временного правительства. Для исследователей русской культуры Д.И.Шаховской — это прежде всего знаток П.Я.Чаадаева, изучением которого он занимался на протяжении всей своей сознательной жизни. Имя Шаховского не обходит ни один биограф В.И.Вернадского: это его ближайший друг, начиная со студенческих лет.

Работ, специально посвященных личности Д.И.Шаховского и его творчеству, пока не появлялось.

Д.И.Шаховской родился 18(30) сентября 1861 в Царском Селе. Отец, Иван Федорович Шаховской (1826-1894), — ротмистр Конногвардейского полка (с 1866 — генерал). Мать, Екатерина Святославовна, из незнатного польского рода Бержинских, умерла рано. С 4-летнего возраста Шаховской в Варшаве, месте службы отца, в 1880 окончил 6-ю Варшавскую гимназию. Учился в Московском, перешел в Петербургский университет. Был дважды арестован в числе участников студенческих сходок. Окончил историко-филологический факультет (1884). Отказался остаться при кафедре для приготовления к профессорскому званию, предпочтя практическую работу в земстве. Заведовал начальным образованием в Весьегонском уезде Тверской губернии (1885-88), занимался земской статистикой. С 1887 находился под надзором полиции. С 1893 до конца жизни — в основном в Москве, но подолгу — также в Ярославле и Петербурге. С 1890-х годов погрузился в политику, стал всероссийским «собирателем оппозиции». Налаживал межгубернское общение земцев. Выпустил анонимно несколько своих брошюр в вольной русской печати («Земские адреса», «Ходынка», «Царские милости»). В 1902 — один из учредителей Союза Освобождения. «Главный вербовщик» организационного съезда Конституционно-демократической партии (январь 1906), бессменный член ее ЦК (1906-18). Секретарь 1-й Государственной думы (1906). За подписание Выборгского воззвания (1906) приговорен (1907) к 3-месячному заключению, которое отбывал (1908) в Ярославской тюрьме; отстранен от выборов в Думу и земские органы. Работал в русской кооперации (с начала 1910-х годов). Недолго был министром государственного призрения во Временном правительстве (май—июль 1917); после Октября еще почти два года продолжал оставаться в числе руководителей московской потребительской кооперации, пытался наладить снабжение города. Затем служил в Госплане. С середины 20-х годов — на пенсии, написал ряд работ по истории русской культуры и освободительного движения¹. Многие из них остались

¹ Отметим основные. До революции — о М.М.Щербатове и А.И.Тургеневе (Известия Имп. Академии наук. Сер. VI. 1910. №9; Минувшие годы. 1914. №4; Там

ненапечатанными, а часть пропала. Арестован в июле 1938, 14 апреля 1939 приговорен к «вышей мере» и расстрелян в Москве на следующий день.

Основные вехи становления своих общественных воззрений Шаховской обозначил в автобиографии, написанной в 1913: «Я — внук декабриста и всегда помнил это, насколько себя помню. И в рассказах моего отца, гвардейского генерала, но в душе своеобразного демократа, с особого рода свободомыслием, о моем деде, которого он никогда не видал, так как родился через пять месяцев после отцова ареста, кончившегося ссылкой в Туруханск и сумасшествием в ссылке, а еще более в рассказах двух своих бабушек, молодевших в выражении своей ненависти к виновнику гибели дорогого им человека, я уже давно почерпнул непоколебимую веру в правоту либерального дела в России. <...> Но и у славянофилов я находил родственные нотки. <...> Земство рисовалось мне практическим путем к осуществлению двух самых дорогих мне начал в общественной жизни: свободы и народности».

«К созданию партии к.-д. я всегда шел твердо и не раскаиваюсь в этой деятельности, совершенно не согласный с тем, будто мы слишком рано разгордились по партиям. Без партий ответственная политическая деятельность невозможна, а деятельность политическая у нас идет полным ходом, хотя на пути и нагромождаются большие камни и еще больше — разного хламу».

«В служении русской кооперации я вижу теперь важнейшую свою задачу. <...> Здесь все, что делаешь, — свое, кровное, бесхитрое, родное, и никого не надо уговаривать и убеждать, а надо дружно делать одно с дорогими товарищами дело, равно для всех нас близкое. Ничего своего не надо подавать для успеха, а лишь с наибольшей полнотой раскрывать свою сущность и тем самым достигать наибольшего общения с другими и наибольшего успеха в деле. Потому что русский демократ-интеллигент по сущности своей прежде всего член великого сложного кооператива, имя коему — человечество»².

В течение многих десятилетий развитие духовных и политических воззрений Шаховского, формирование стиля его личностного и общественного поведения проходило в тесном кругу друзей-единомышленников, объединившемся в середине 1880-х годов и именовавшем себя Братством³.

же. 1915. №11), о Союзе Освобождения (Зарницы. Вып.2. СПб., 1909). После революции — о становлении кооперативного движения (Вестник сельского хозяйства. 1920. №4), о П.Я.Чаадаеве и декабристах (Литературное наследство. Т.19-21. М., 1935; Там же. Т.22-24. М.- Л., 1935; Декабристы и их время. Вып.1-2. М., 1928-1932). Сохранившиеся материалы научного архива Шаховского (ИРЛИ. Ф.334), связанные с Чаадаевым, в последние годы стали активно вводиться в оборот современными исследователями. См.: Чаадаев П.Я. Полн. собр. сочинений и избранные письма. Т.1-2. М., 1991.

² Шаховской Д.И. Автобиография. М., [1917]. С.13—14, 26—28.

³ О Братстве см.: Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1916. Кн. VIII; Гревс И.М. В годы юности: За культуру // Былое. 1918. №12; 1921. №16; Вернадский Г.В. Братство «Приютино» // Новый журнал. 1968. Кн.93; 1969. Кн.95-97; Аксенов Г.П. Сила братства // Природа. 1988. №2; Он же. «И все великое не сон...» // Прометей: Историко-биографический альманах. Т.15. М., 1988; Борисов В.М., Перченко Ф.Ф., Рогинский А.Б. О социаль-

Это сообщество сложилось в Петербурге в основном из студентов и курсисток. 1885 год — год оформления Братства — стал и временем осознания им себя как «коллективной личности» (в духе Вл. Соловьева). Центр Братства с самого начала оказался четко очерченным. Наиболее устойчивое и долговременное ядро составили Д.И.Шаховской, В.И.Вернадский, Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбургги, И.М.Гревс, А.А.Корнилов⁴. Организованного членства не было («У нас братство без присяги», — подчеркивал Шаховской⁵). Кого считать «братом» — эту границу друзья проводили по-разному.

Дружеская «компания» (тоже самоназвание), составившая ядро Братства, зародилась еще раньше, в начале 80-х годов, и сначала состояла только из студентов университета. В конце 1884, незадолго до окончания большинством из них курса наук, друзья договорились купить в будущем небольшое имение, куда они могли бы съезжаться и обновлять свое общение. Этот уголок своей земли должен был стать и местом отдыха, и убежищем в возможных превратностях судьбы. Ему заранее дали имя — Приютино. Копили для Приютина капитал, подбирали конкретное место в русской провинции, обсуждали все детали. Обстоятельства помешали осуществить намерение, но за 3 года «приютинских» забот вокруг этой идеи сплотился тесный кружок молодежи.

Некоторое время «Приютино» и «Братство» различались (хотя и немного) как по составу участников, так и по поставленным целям, но к концу 1887 они полностью слились (что позволяет нам употреблять эти термины как синонимы). На разных этапах развития «компании», «Приютина» и «Братства» кто-то присоединялся к ним, а кто-то постепенно отходил (или — крайне редко — резко «отщеплялся»).

Основой, скреплявшей их союз, были общие идейно-нравственные начала. Но, сверх того, Братство было пронизано личными дружескими связями, родственными отношениями братьев-сестер (Ольденбургги, Корниловы, Тимофеевы, Зарудные-Старицкие), а затем и мужей-жен (М.С.Зарудная вышла за И.М.Гревса, А.Н.Сиротинина — за Д.И.Шаховского, Н.Е.Старицкая — за В.И.Вернадского, А.П.Тимофеева — за С.Ф.Ольденбурга, Т.А.Корнилова — за Н.В.Харламова).

Основывая Приютино, члены «ольденбургского кружка» (так называли «компанию» со стороны) договорились встречаться ежегодно 30 декабря. Кто не мог приехать, — должен был отправить письмо остальным.

Первая встреча 30 декабря состоялась в 1885. Последняя, точно приуроченная к традиционной дате (по новому стилю — 12 января), в 1938⁶. Но и

но-психологических источниках учения В.И.Вернадского о ноосфере // Механизмы культуры. М., 1990.

⁴ Корнилов Александр Александрович (1862-1925) — историк, секретарь ЦК конституционно-демократической партии; Гревс Иван Михайлович (1860-1941) — историк-медиевист, профессор ЛГУ; Ольденбург Федор Федорович (1862-1914) — педагог, деятель народного образования; Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) — востоковед, академик, Непременный секретарь Академии наук; Вернадский Владимир Иванович (1863-1945) — кристаллограф, биохимик, академик.

⁵ ИРЛИ. Ф.334. Д.710-722. Л.143.

⁶ Последний по времени документ Братства был написан в 1944. В живых к тому времени оставалось двое — Вернадский и вдова Шаховского, Анна Николаевна.

собрание у Вернадских 25 января 1941 было типично братским и по составу (В.И. и Н.Е.Вернадские, А.Н. и А.Д.Шаховские, Н.Д.Шаховская-Шик и ее сыновья, Г.Е.Старицкий), и по содержанию (чтение старых писем и стихотворных посланий Шаховского): «Чтение его писем заменяло его отсутствие, как будто он сам говорил с нами, его манера говорить, его язык, его выражения...»⁷. Эта встреча «трех поколений» Братства, посвященная памяти погибшего в НКВД Дмитрия Ивановича, фактически оказалась последней.

Начальная эпоха Братства (80-90-е годы) — время выработки его членами «программы жизни» и первых серьезных попыток ее реализации.

Особенно много значил для них в эту пору голос Толстого. Его «не противьтесь злу насилеи» воспринималось ими как «творите, а не разрушайте», «не прибавляйте разрушения к разрушению». Влияние Толстого явственно прослеживается и в программном документе Братства «Что нам делать и как нам жить?», написанном Шаховским в 1886⁸.

Шаховской исходил из трех «аксиом» (положений, которые, как он считал, в кругу приятинцев не нуждаются в доказательствах): так жить нельзя; все мы ужасно плохи; без братства мы погибли. «Русская молодежь, — писал Шаховской, — давно уже чувствует, что *так жить нельзя*. И под влиянием этого сознания она набросилась на существующую жизнь и хотела ее насильно уничтожить. Она не понимала, что если *так жить нельзя*, то это прежде всего значит: *МНЕ* необходимо зажить как-то иначе». По мнению Шаховского, революционное движение в России как «общее дело лучшей части молодежи» кончилось, ибо стало ясно, что «и так — убивая и стремясь убийством уничтожить теперешнюю жизнь, стремясь в сущности лишь к водворению или уничтожению некоторых внешних форм — ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ». «Борьба была внешняя, и связь требовалась внешняя: партии, комитеты, дружины». «Теперь нужно *братство*, как свободное и любовное соединение людей, преследующих одни цели и работающих вместе».

Письмо Шаховского аккумулировало ранние размышления внутри дружеского студенческого кружка («компаний») о способах выхода из того тупика, в котором оказалась русская интеллигенция, и особенно молодежь, после первоапрельской катастрофы, когда революционная пропаганда выглядела очевидно неуместной, торжество власти казалось отвратительным, кровь — и с той, и с другой стороны — заставляла отшатываться и от правых и от

Ей было 84 года, Вернадскому — 81. Поздравляя его с «юбилеем», она, видимо, сбился со счета лет: «Теперь в Тебе одним воплощаются наши приятинские мечтания служить не только своему народу, своей родине, но и всему человечеству, всему миру. Невольно возвращаюсь к первому источнику, нас всех связывавшему и давшему первый толчок всему нашему кружку, — *Мите*, он первый выступил на этом поприще и шел безукоризненно по этому пути. Всякий раз поздравляя Тебя — поздравляю и его мысленно, и всех тех замечательных людей, как оба брата Ольденбурги, и другие. Всей душой чувствую, какое счастье было знать таких людей, касаться их, разделять их мысли и взгляды. Для меня Твоя работа и Твой юбилей — юбилей всех приятинцев, всего нашего братства. И всегда с великой благодарностью к Творцу Вселенной вспоминаю их всех и Твою Наташу. Твоя по Приятину любящая сестра Анята Шаховская». (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.61. Л.182).

⁷ ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.220.

⁸ См. ниже, с. 200.

левых. Разраставшемуся в этой смутной атмосфере нравственному кризису приютинцы противопоставили единение в Братстве («одному нельзя жить среди людей, которых жизнь кажется бессмысленной и которых жизнью решился не жить» — Д.И.Шаховской), совместную выработку жизненных принципов, основанных на началах доверия, любви и труда, совместное (хотя бы и на различных поприщах) — служение этим идеалам, проведение их в мир, с тем, чтобы они стали достоянием *всех*. Процесс такой работы должен был сопровождаться духовным ростом Братства и каждой личности в нем, их взаимопроникновением и взаимовлиянием, их свободным развитием, не втиснутым в узкие рамки политических (безразлично — революционных или государственно-бюрократических) структур.

Становление «приютинской идеологии» не было явлением, изолированным от эпохи. Оно происходило в тесной связи с исканиями интеллигенции последней трети XIX века, когда мыслители самых разных направлений (В.В.Берви-Флеровский, В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, на Западе — О.Конт и многие другие) были встревожены проблемой «уединяющегося человека» (Ф.М.Достоевский) и стремились найти пути к преодолению «небратского состояния» мира⁹. В этом контексте особенностью приютинцев был не сам факт обращения к идее братства, а сочетание интенсивного осмысления многочисленных проблем, связанных с этой идеей, и постоянной потребности реализации выработанных идеалов в своей повседневной практике. Дальняя цель виделась в «братстве человечества»; думали приютинцы и над возможностями «организации отдельных братств, т.е. тесно сплоченных групп людей» (Ф.Ольденбург)¹⁰, о необходимости налаживания связей между ними (при этом внешние формы братств, с их точки зрения, могли быть любыми — артели, коммуны, кружки интеллигентов и т.д.), но прежде всего их волновали поиски живого конкретного общего дела, которое они могли бы делать вместе — немедленно, сейчас.

Таким важнейшим общим делом приютинцев в 80-е годы стали студенческое научно-литературное общество Петербургского университета, сплотившее молодежь вокруг ценностей науки, образованности, уважения к личности (и оставшееся уникальным не только по уровню самоорганизации, но и по составу: более 20 его участников стали членами научных Академий), кружок народной литературы (тематические издания книг, комплектование библиотек и составление указателей литературы для народного самообразования), откуда вышло немало известных впоследствии деятелей книги, комитет грамотности, школьное дело... В этой общей работе укреплялось счастье и чувство братской общности: «Чувствуешь себя какой-то нераздельной частью чего-то *живого* большого — отдельные части которого работают и бьются где-то в других местах, но все они соединены неразрывною крепкою цепью <...> Братство в обществе является отдельной своеобразной «личностью»» (В.И.Вернадский. 1888)¹¹.

⁹ Ср. название соч. Н.Ф.Федорова: «Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. мирного, состояния мира, и о средствах к восстановлению родства».

¹⁰ ААН. Ф.726. Оп.1. Д.17. Л.12об.

¹¹ Там же. Ф.208. Оп.3. Д.429. Л.141—142.

Это самоощущение Вернадского, характерное и для других членов Братства, несколько не означало растворения индивидуального начала в коллективе. Идеал братских отношений, к которому стремились приютинцы, предполагал гармоническое сочетание коллективизма и индивидуальной свободы, при этом одной из высших ценностей всегда оставалась духовная автономия, независимость каждой входившей в Братство личности («Бережение личности» — любимое выражение Вернадского). «Личность, ее достоинство и свобода, как воплощение этого достоинства, и культура, как орудие ее развития, свобода и культура для всех и работа за всех — то были элементы “декларации прав”, входившей в жизнь молодого союза» (И.М.Гревс. 1921)¹².

На этом первом этапе жизни Братства его члены сознательно отказывались от политической деятельности. В письме к 30 декабря 1887 Гревс, осмысляя пройденный за два года путь, вспоминал о самом начале Братства: «Идеал политический отступал у нас на задний план, взамен его выступал идеал нравственный. <...> Можно даже сказать, что по политическим симпатиям мы были довольно разрозненны и неопределенны, но душевный наш строй одинаковый необыкновенно сильно проникал нас всех и сковал нас быстро в довольно крепкую группу, одушевленную общим чувством и готовую идти по дороге, куда это чувство толкало, и по мере движения выяснять, что *делать*»¹³.

Приютинцы были одушевлены верой в прогресс, культурный и общественный, орудиями же борьбы за него видели воспитание (самовоспитание) личности, науку, просвещение, наблюдение за жизнью народа и посильное воздействие на нее. Однако конкретная работа — университетская, научно-организационная, земская, по народному образованию, помощь крестьянам во время голода (1891-92) — на каждом шагу сталкивала их с политической реальностью, заставляла искать новые, действенные пути преобразований, неизбежно вела к прямому участию в борьбе за гражданские свободы. Развитый общественный темперамент не позволил им удержаться в рамках природных установок Братства и заставил выйти на политическую арену. Уже к середине 90-х Братство — один из идейных центров формирования русского либерализма. И хотя профессиональным общественным деятелем из приютинцев сделался один Шаховской, но все шестеро «коренных братьев» были (в разной степени) причастны к работе Союза Освобождения, все стали активнейшими членами конституционно-демократической партии от самого ее зарождения. Путь от Братства к созданию этой партии казался столь органичным, что Вернадский вспоминал: кадетом он стал «незаметно», «бытовым образом», в тесной дружеской среде. Именно борьба за свободу виделась приютинцам первоочередным общим делом с 90-х годов XIX века до самой эпохи Второй русской революции.

Четверть века, отданные этой борьбе, неминуемо изменили очертания духовной работы приютинцев. Участие в общественном движении требовало постоянного внимания к сиюминутным политическим проблемам. Не менее важной была и напряженная профессиональная работа, которую вел каждый в отдельности; возникало и множество новых человеческих связей за преде-

¹² Былое. 1921. №16. С.140.

¹³ ААН. Ф.726. Оп.1. Д.17. Л.1—2.

лами «Приютина», и конкретные задачи (политические, научные, общественные, педагогические) решались в союзе с этими новыми знакомыми и друзьями. Каждый совершал свою «работу жизнью» (выражение Вернадского), но шла она все в том же «братском» направлении, которое было сообщено намечено в юности¹⁴.

Братская общность и вытекающие из нее установки вновь вышли на первый план в жизни приютинцев в середине 1920-х годов. С.Ф.Ольденбург в 1927 признавался, что жизнь лишь «внешне разорвала» связи Братства, «но внутренне мы сохранили эту связь до настоящего времени, когда в живых остались уже немногие из нас»¹⁵. О том же писал и Шаховской: «Я всегда чувствовал, что мы все продолжаем жить вместе и участвуем как живой вечный коллектив в жизни каждого из нас. Чувство это могло быть то сильнее, то слабей, но оно всегда *было*»¹⁶. Им было ясно, что следует продолжить совместное «осмысление жизни» (термин Шаховского), т.е. определить место сегодняшнего дня в историческом процессе (русском и мировом), отыскать в настоящем зерно будущего (вера в прогресс в них отнюдь не исчезла), найти способ служения ему. Во многом это было возвращение к себе, к исканиям молодости. Шаховской прямо заявлял: «Борьба с самодержавием была только эпизодом в жизни нашего братства; этот эпизод в главном закончен, и мы снова возвращаемся к своей основной задаче»¹⁷.

Попытка возрождения Братства в эту эпоху происходила на фоне широкого движения русской интеллигенции (уже устранившейся с политической, но

¹⁴ Вокруг каждого из «братьев» сформировался и свой, профессиональный, «братский» союз. А.А.Корнилов с момента основания конституционно-демократической партии и до 1917 — 1-й секретарь ее ЦК (с небольшими перерывами), сосредоточивавший в своих руках все ниточки-связи центра и либеральной провинции. Автор первого систематического курса истории России XIX века и ряда работ о М.Бакунине, он как бы и в своей политической, и в научной работе стал связующим звеном между различными поколениями русской либеральной интеллигенции. И.М.Гревс основные силы отдал преподаванию, живому общению. Всюду при его участии или под его руководством складывались кружки с особой атмосферой дружбы и творчества: в гимназиях, университете, Экскурсионном институте, на Бестужевских курсах, в общении краеведов. С.Ф.Ольденбург четверть века занимал пост неперемennого секретаря Академии наук; главную его работу в этой области справедливо оценил В.М.Алексеев: «Его идеей было братское общение всех востоковедов». И в качестве организатора науки он «был тесно связан со своими товарищами и современниками, организуя их в поколение, имеющее лицо, — все при помощи своего удивительного умения подойти к каждому, не вторгаясь в уклад его жизни, не враждуя с его особенностями, не мстя холодностью за неотвст на приветливость и вообще тщательно, какую угодно ценою ища научного братства, в которое он верил до конца жизни» (Наука о Востоке. М., 1982. С.16, 22). Ф.Ф. Ольденбург стал одним из виднейших школьных деятелей. В Твери вокруг него сложился тесный круг педагогов земской учительской семинарии, которой он руководил без малого тридцать лет. Когда Ф.Ольденбург умер, в некрологах отметили, что «не в печатные труды, а прямо в души учениц он без остатка перелил свою».

¹⁵ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.15. Л.7.

¹⁶ Там же. Оп.5. Д.18. Л.55.

¹⁷ См. ниже, с. 224.

еще не окончательно с общественной арены деятельности) за сохранение культуры. Братство выделялось здесь широтой поставленных задач, стремлением превратиться в такую общественную силу, которая могла бы распространять свое влияние в общенациональных масштабах. Общее дело приютинцев в 20-е годы — создание «вольной народной российской академии» — массового краеведческого движения, которое должно было объединить (и объединило) тысячи интеллигентов в разных концах страны. В этой работе в разной степени приняли участие все члены Братства.

Послереволюционная эпоха в жизни Братства — это время попыток «делать дело, которое останется при всех переменах». Оно вобрало в себя, помимо краеведения, еще и работу над декабристами и Чаадаевым Шаховского, над книгами по медиевистике и биографией Тацита — Гревса, подвижническую научно-организаторскую деятельность Ольденбурга. В эти же годы Вернадским создавались его главные труды.

Одновременно это — пора подведения итогов. Тема «итожного времени» — едва ли не основная в братской переписке 1930-х годов.

К письмам у приютинцев существовало отношение, воспринимаемое как максимальное развитие традиции, известной по первой половине XIX века. Их пересылали от «брата к брату», копировали, обдумывали, обсуждали. Некоторые «круговые письма» (многие из них писались к «30 декабря») сохранились в нескольких экземплярах, иногда различающихся текстуально. «Напряжение сознания», как любил выражаться Вернадский, было так велико в переписке, что и через 30-40 лет приютинцы вспоминали о письмах 80-х годов, как будто они написаны вчера. В основном в форме писем отложился колоссальный «приютинский архив»: сотни писем, тысячи неопубликованных листов, разбросанных по разным государственным и частным коллекциям. Стержень всего — и количественно, и идейно — письма Д.И.Шаховского.

Он признавался, что любит сидеть над листом почтовой бумаги. В юности — потому что это «изложение одиноких мечтаний». В старости — потому что таким образом мысль обретает «добавочную прочность». Часто писал сериями, обращая очередной поток своих посланий к одному адресату, потом — новую серию — к другому. Сведенные вместе, его письма образуют единый, не разрываемый ни временем, ни темами монолог, парящий над бытом и лишенный обид, жалоб, издевательских ноток, злорадства, острой иронии — всего того, что мешало свободному движению его мысли, обращенной неизменно в будущее.

На письмах — сильнейший ответ историософии Шаховского. Историзм бытия был для него способом личного существования. Среди его ближайших предков — историк М.М.Щербатов («суровый антагонист Екатерины II», по определению Шаховского), пострадавший в «Семеновской истории» (1820) И.Д.Щербатов, члены Общества Соединенных славян М.М.Спиридонов, братья Петр и Михаил Чаадаевы. Дед Дмитрия Ивановича — декабрист Ф.П.Шаховской. «Родовое предназначение» — оппозиция власти — глубоко осознавалось. Сегодняшний день виделся страничкой истории, а судьбы лично знакомых кружков и лиц — ее «главками» и «подглавками». Постоянным был поиск исторических аналогий, предубаждений, предостережений. В историческом прошлом Шаховской неустанно искал и находил единомышленников, союзников, с помощью которых, по его мнению, только и могли быть решены проблемы насущные, нащупаны пути к завтрашнему дню.

«В этом ведь все и заключается: живя настоящим, идти к будущему не только фактами, а и сознанием, стоять лицом души к будущему, а не к прошедшему, хотя будущее есть всегда зияющая бездна, а прошедшее — очень часто прекрасная, возвышающая душу картина, которой можно любоваться, но с которой нельзя жить воистину живому человеку»¹⁸.

«Лицом души к будущему» он остался стоять и в пореволюционное время.

Объяснение — видимо, не только в идейных установках, но и в типе его личности, в особой направленности ее. Окружающее зло, как очевидно осужденное завтрашним днем истории, в сознании таких людей оттесняется к периферии их мироощущения. Сознание сфокусировано на другом: высмотреть неочевидное, питающее веру, дающее надежду; поддержать свет в себе, перелить его в других.

«В чем его сила? — задавалась вопросом в своем дневнике А.В.Тыркова, — В преданности идее? В умении понимать людей? Или в том, что так сильна в нем способность пропускать коллективную эмоцию, свою и чужую, сквозь ясную и прозорливую работу мысли?»¹⁹ Нам кажется, что точнее других стержень личности Шаховского определил И.М.Гревс, писавший, что Дмитрий Иванович «всегда отличался верующей смелостью в осуществлении добра»²⁰.

Из значительного эпистолярного наследства Д.И.Шаховского мы отобрали для публикации лишь те письма (и то — небольшую их часть), которые имеют, с нашей точки зрения, непосредственное отношение к Братству, причем не столько к реальной (событийной) его истории, сколько к «идеологии» (или к стилистике взаимоотношений в кружке: таков, например, незавершенный шуточный текст Шаховского «Повесть о том, что будет с каждым из нас, когда мы будем большие»). Этим, в частности, объясняется и хронологический «провал» в публикации между 1890-ми и 1920-30-ми годами. Важная, с точки зрения историков освободительного движения, переписка приютинцев 1900-1910-х годов для нас имеет второстепенное значение. Братское сознание как пьинтэссенция общего духовного опыта в этих письмах то исчезает, то появляется вновь; размышления о Братстве возникают лишь эпизодически.

Мы отдали предпочтение (и это сказалось на соотношении объемов) пореволюционным письмам, хотя ранних «братских» писем в нашем распоряжении отнюдь не меньше. Произошло это потому, что опыт духовной работы приютинцев в советскую эпоху кажется нам особенно важным для понимания ценностей, накопленных русской интеллигенцией прошлого века и сохраненных ею, несмотря ни на какие внешние обстоятельства века нынешнего.

¹⁸ Собрание Д.М.Шаховского.

¹⁹ ЦГАОР. Ф.629. Оп.1. Д.18. Л.35об.

²⁰ Былое. 1921. №16. С.143. Ср. в письме И.И.Петрункевича к Ф.И.Родичеву: «В современном мире Шаховской — это образ святого (отнюдь не юродивого) подвижника, и я могу с ним во многом не соглашаться (будучи далек от святости), но никогда не усомнюсь в чистоте его веры». (ЦГАОР. Ф.5839. Оп.1. Д.53. Л.29).

Текст писем дается в современной орфографии; особенности авторского стиля сохранены. Авторские подчеркивания передаются курсивом. Ряд писем печатается с сокращениями, которые отмечаются только в середине текстов; купюры в начале и в конце писем не отмечены. Купюры, восстановления авторских сокращений, предположительные чтения даются в угловых скобках; любые конъектуры — в квадратных. Датировка документов унифицирована. Заголовок публикации дан нами.

Все письма публикуются по автографам, хранящимся в Архиве АН СССР (ААН), Институте русской литературы (Пушкинский Дом; ИРЛИ), Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР), в личном собрании Д.М.Шаховского.

Приносим нашу благодарность Д.М.Шаховскому, открывшему доступ к семейному собранию документов, Г.Г.Суперфину, начавшему еще в 1960-е годы подбор архивных материалов о Братстве, В.М.Борисову, многие соображения которого из нашей общей работы повторены здесь, а также М.Я.Гефтеру, А.И.Добкину, Н.Г.Охотину, Б.Н.Равдину, чьи замечания были учтены при подготовке писем Д.И.Шаховского к печати.

І. Из писем 1881–1890

М.С.Громеко¹

29 мая 1881, Москва

Завтра утром, т.е. через 9 часов, я еду в Петербург. Экзамены и первый год пребывания в Московском университете кончились. Следовало бы оглянуться, посмотреть, что я сделал в этот год, подвинулся ли куда-нибудь, и если подвинулся, то куда.

Вы, вероятно, помните, с какими надеждами я вступал в университет. Я редко говорил с Вами об этих делах, но я писал Вам из деревни об одной из них, тогда одной из главных — именно научиться жить с людьми, обращаться с ними. Это казалось мне одной из важнейших целей. Я не буду Вам объяснять, что я называл «жить с людьми». Здесь есть отчасти просто мысль о «светском обращении» <...>, но есть и более важное. Собственно <...> мне кажется, что все это неумение главным образом сводится к двум причинам: 1) недостатку крепкой и горячей любви к человеку вообще и в отдельности, к неумению действительно живо привязаться к чему-то живому, привязаться так, чтобы эта привязанность побеждала все прочее, 2) к излишнему самолюбию, боязни смешного, то есть выставить себя в смешном свете — помните — в «Воине и мире» князь Андрей перед Аустерлицом, не перед самым, а много раньше, где-то в обозе чувствует это при ссоре с каким-то, казачьим что ли, офицером.

[Октябрь] 1881, С.-Петербург

Ни с кем пока не подружился. Недавно провел вечер у Крыжановского. И он, и товарищи его мне очень понравились, и я сильно на них рассчитываю².

2 апреля 1882, С.-Петербург

Вчера вечером я был у Ольденбургов. Как я Вам, вероятно, писал, весь наш кружок, то есть варшавские студенты и я, собираемся иногда у них, кое-что читаем и часто о многом рассуждаем. Вначале собрания эти велись даже довольно правильно, но теперь собираемся мы редко — экзамены на носу — и далеко не в полном составе, что, впрочем, случалось и раньше. В будущем году у нас, может быть, и образуется что-либо более или менее правильное. Вообще это дело очень хорошее и для всех нас, я полагаю, очень полезное. Рассуждаем и спорим мы вполне по душе, засиживаемся по большей части ужасно поздно, горячимся — и вообще хорошо. Но, к сожалению, в

других отношениях <...> настоящего кружка людей, хорошо знающих друг друга, еще далеко нет. Но люди все хорошие — и, надо надеяться, мы как-нибудь сойдемся и вообще поближе. Ольденбурги мне вообще нравятся, и я много ожидаю пользы от своих связей с ними³.

ЦГАОР. Ф.635 Оп.1. Д.379. Л.108, 111, 113.

[Запись на отдельном листке]

7 февраля 1884, С.-Петербург

Мы признаем себя оторванными, одинокими, колеблющимися. Мы оторвались от всего, что было нам дорого в детстве и что сохранило цену свою еще и теперь. У нас не завязывалось таких хороших новых отношений, каких мы требуем и без которых не можем правильно жить. Нас ослабила борьба со всем, что мы любили, и сомнение во всем, что мы считали священным.

Оторвавшись от старых других людей, мы не пристали тесно к каким-либо новым другим людям; усумнившись в старом, мы не выработали себе еще нового мирозерцания. Поэтому мы одиноки и слабы.

Но мы не можем вернуться к старому, закрыв глаза на то, что узнали, не можем вернуть и прежних связей под условием отказа от зачатков нового, в нас развивающихся. И если нам надобны связи, то мы должны их составить, сойдясь друг с другом. Мы должны сказать друг другу о нашем одиночестве и нашей слабости, об оторванности и незнании, мы должны попросить друг у друга помощи, предлагать друг другу свою сильную помощь. И, может быть, совокупные дружные усилия сократят трудный для всей русской молодежи переходный период и скорее кончатся наши ужасные сомнения и полное одиночество⁴.

ИРЛИ. Ф.334. Оп.1. Д.4. Л.1об.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, ЧТО БУДЕТ С КАЖДЫМ ИЗ НАС, КОГДА МЫ БУДЕМ БОЛЬШИЕ

[1886]

Мне очень любопытно знать, что будет со всеми нами, когда мы будем большими. Как действительно сложится жизнь каждого из нас, когда определятся наши вкусы и наклонности, [каким] окажется размер силы, когда мы больше будем жить и меньше готовиться к

жизни, когда будем действовать на свой страх, когда нельзя будет больше отрицать жизнь, не создавая какой-нибудь жизни.

И я должен признаться, что в общем у меня на этот счет большущий туман. И это происходит от того, что мы мало знаем настоящую жизнь друг друга, что мы сходимся обыкновенно как бы выпрыгнув из своей жизни и, во-вторых, потому что мы еще маленькие, значит довольно трудно без глубокого знания каждому из нас или же без особого жизненного чутья (<некоторые> еще не дошли до этого...) определить, что с нами будет, когда мы перестанем быть маленькими, а станем большими.

Но хотя в общем у меня в голове на это счет дебри, смущение, я все же решил представить вам несколько соображений по этому предмету. Сначала я, впрочем, колебался: мы собирались заниматься все такими важными материями, разгадывать такие глубокие тайны, решать столь общие вопросы — о судьбе России, о свойствах русского народа — что едва ли уместны у нас соображения о нескольких юных русских интеллигентах. Общего значения они ведь иметь не могут, а от них мало что зависит.

Но двоякого рода соображения заставили меня остаться при первом решении.

Первое соображение следующее. Мы не простые русские интеллигенты, а сыновья благородных семейств, по большей части генеральские дети... И я совсем не шучу, по-моему это важный факт. Ведь отцы наши — сравнительно богатые люди, и мы поэтому пользовались сравнительно очень многими благами цивилизации, недоступными для других; пройдя университет, мы еще воспользовались большими затратами со стороны своих семейств и со стороны народа (которому каждый из нас обошелся в тысячу рублей) и должно быть стали еще сильнее. Соединившись вместе, мы непременно в той или иной степени еще усилились. И поэтому в общем мы хоть и маленькая сила, но все же такая, которую следует принять во внимание при рассмотрении судеб русской интеллигенции, которая имеет некоторое значение для развития той части русского народа, которая не удаляется почетного титула интеллигенции.

Второе соображение следующее. Всякий может читать то, что считает для себя наиболее интересным, если только не отнимает этим у других очень много времени. А для меня не может быть ничего интереснее в нашем кружке, как жизнь каждого из нас и наши взаимные отношения. Никаких важных вопросов мы здесь не разрешим, знаний передадим другу другу не много — но разойдясь или останемся хорошими друзьями и связанными друг с другом людьми — или же совсем разрознимся, будем жить каждый по себе, не зная друг о друге и не понимая друг друга. И этот вопрос для меня важнее всех остальных. Так что, хотя и на него я так же мало жду определен-

ного ответа, как на все остальные глубокие вопросы (сама жизнь все покажет), но почему же не высказать кое-чего, что я по этому вопросу думаю.

Так слушайте.

Сергей [Ольденбург] хотя и живой еще молодой человек, тем не менее уже может быть назван взрослым. Смотрите, как он во всякое время с совершенно одинаковым хищническим и вместе с тем [1 слово нрзб.] движением набрасывается на книгу и как заблестят глаза его, если в книге этой окажутся так мало говорящие сердцу и уму каждого из нас каракульки. И какое же постоянство чувства и определенность решения, отсутствие колебаний — есть или скоро будет и во всем остальном в жизни... До? Я впрочем сам затрудняюсь утверждать это. А то Владимир Иванович [Вернадский] обвиняет меня в чрезмерной любви к аналогии — а я только и наблюдал Сергея за книжками. Впрочем, может быть, ведь вся его жизнь и будет за книжками? Вот не знаю, хорошо ли это и не надо ли для развития тех частей нашего организма, которые работают при книжных наших занятиях, соответственного развития тех частей нашего организма, которые работают при других обстоятельствах. Говорят, без притока крови к мозгу последний бездействует, а насколько мне известно, кровь имеет какое-то отношение к сердцу... Надо справиться у наших естественников... Я знаю, что у Сергея сердце есть и даже очень хорошее сердце, только не старается ли он его упразднить за ненадобностью будто бы при мозговых занятиях?

Этот пункт для меня неясен, и в этом отношении Сергей еще маленький. Но кто же из нас сомневается, что труды по занятиям Индией Сергея Федоровича Ольденбурга составят славу русской науки — а для этого надо ему любить и делать то же самое, что он любит и делает теперь. Значит он, будучи большим, будет делать то же, что делает теперь, — а это ведь и значит, что он теперь уже большой.

Я не знаю, можно ли назвать вполне взрослым человеком Лельку [Оболянинова]... Говорят, ему предсказано, что он всю жизнь свою будет сидеть в халате в кресле и пользоваться услугами двух любвеобильных тетушек; они будто бы будут подносить ему пиво и трубку, зажигать последнюю, когда она потухнет, подымать с полу, когда она вывалится из рук вследствие глубокой-преглубокой задумчивости... Может быть, это действительно так надо предположить по его характеру: я, признаться, характера этого хорошо не знаю. Лельку я и за книжкой редко выдаю, и так как он мне всегда внушал некоторый страх, то особенно вникать в его жизнь я не осмеливался... Для меня это признак, что он взрослый, потому что страх мой совсем такой,

какой бывает у детей по отношению к взрослому, который всякую минуту готов сказать, что все, что они думают и говорят, — милые и глупые пустяки.

Но насколько я знаю, нельзя безусловно поверить существующему о нем предсказанию — а может быть надо его понимать как-нибудь аллегорически: например, оно означает безмятежное наслаждение семейной жизнью на лоне природы (любвеобильные тетки — эмблема семьи, халат — олицетворение простоты, а глубокие кресла — всеобъемлющая природа...) не без некоторых научных занятий (на что, может быть, указывает глубокомысленное курение трубки). Во всяком случае все, что он делает, не похоже на прямо понимаемое предсказание...

В общем я думаю, что он взрослый человек, но односторонний: впечатления у него были сильные и их было много — но они не касались многих областей, и он слишком много доверяет знаниям в тех областях жизни, которые ему известны. А так как ему, вероятно, придется познакомиться еще с другими областями, то он хотя и взрослый, может еще много расти и кое в чем перемениться... Действительно взрослый человек, который прожил много и притом разнообразного, — я полагаю, и не может наводить на детей страха.

Николай Григорьев сын Ушинский⁵ — самый российский человек из всей нашей компании. Даже единственный он совсем настоящий российский человек: все остальные ведь или питерцы, или варшавяне и потому не могут быть названными настоящими российскими людьми восьмидесятих годов девятнадцатого века. Ушинский кроме того совсем артельный человек, так что ему тоскливо в казенной, деловой, суетливой и себялюбивой нашей столице. Притом же Ушинский широкая натура — и ему здесь тесно — так и тянет в широкую, безалаберную, но добродушную, ленивую, но полную настоящей жизни — малообщественную, но многообщительную — матушку Москву. Я не знаю, как относятся к этому совсем русскому в характере Ушинского некоторые южные черты в его организации. Не знаю особенно, откуда в нем взялось это южное. Но по характеру его, мне кажется, это придает только известную напряженность остальных, т.е. самых русских черт — известную стремительность и требовательность при неудовлетворении потребностей...

Когда у нас будет революция, он не будет вожаком (по крайней мере в начале), но станет рядовым борцом за великие идеи братства, свободы и равенства и отсутствия частной собственности и во имя этих великих идей пойдет резать тех братьев, которые с ними (идеями) не совсем согласны... Не знаю, позволительно ли сомневаться в том, что в России скоро будет революция, но надеюсь, могу предположить, что весной будущего года ее еще не будет. Так что вопрос

о будущем его остается открытым. И я очень затрудняюсь ответить на этот вопрос. Чтобы судить о будущем человека (желательном), надо видеть его при такой деятельности, которая его удовлетворяет, а я вижу Ушинского все с неудовлетворенными потребностями... Но я его не довольно много вижу, чтобы сказать, что он не нашел себе уже деятельности, соответствующей его организму, что организм его не стоит уже на верной дороге приспособления к окружающему... в таком случае мы скоро услышим много нового и интересного о нервной системе лягушки, а затем и о многом другом.

Впрочем, если бы даже оказалось, что Николай Григорьевич не соблаговолит посвятить себя науке, я все-таки не осмелюсь причислить его к детям нашей компании, а разве что к подросткам. И это потому, что у него в одном вкусы вполне определились: в отношении к простому русскому человеку. <...>

Однако я до сих пор ничего не сказал об Его Превосходительстве [Н.В.Харламове]. Генерал — а не на первом месте... Впрочем, это такой добрый генерал, что не обидится: и если похвально называть всякого генерала генералом-от-чего-нибудь — то наш генерал, разумеется, генерал-от-добродушия... В каждом из нас есть известная доля добродушия, и оно входит в общую сумму свойств, которую мы и называем своей природой; но у Его Превосходительства добродушие составляет по крайней мере половину всей этой суммы. Другие свойства как-то и незаметны; и вы не верите ему, когда он сделает грозный вид и с таким язвительным тоном, с таким величественным жестом спрашивает: «А какое мы имеем право, Сергей Ефимыч [Крыжановский]? А подумали ли Вы о том, Сергей Ефимыч?...» Он право здесь-то всего добродушнее и есть, — да, впрочем, всякий это видит и никто этому грозному тону и не верит.

Вероятно, я потому и не заговорил раньше о будущем Его Превосходительства, что мне оно совсем не интересно. То есть мне все интересно, интересно и это, но нет такого сильного стремления разгадать будущее Николая Васильевича: я и так знаю, что он всегда будет прежде всего добродушнейшим человеком — может быть еще чем-либо, но только так, между прочим, промеж дела. И поэтому он и теперь взрослый человек, и единственный недостаток, который я за ним примечаю, недостаток волос на голове, делает его еще более взрослым даже на вид.

Впрочем, об одном мне бы очень любопытно было узнать относительно его будущего: что *он* будет делать, когда у нас будет революция? Я полагаю, что он сильно рассердится, но что за сим воследует — для меня совершенно не ясно.

Александр Александрович Корнилов, vulgo Адька, самый великий

художник компании. Если в прозе с ним может поспорить Вернадский, особенно когда он не отделяет своих произведений, то в стихах, конечно, с ним никто тягаться не будет — а его портреты пользуются столь прочно установившейся репутацией среди всех нас, что распространяться об этом считаю напрасной тратой золотого времени.

Поэтому делаю прямо вывод: Адька прекрасный наблюдатель, он умеет хорошо схватить, что видит и слышит, он очень восприимчив.

Вследствие этого насчет его будущего может быть очень много сомнений, оно немало зависит от окружающих обстоятельств, и дело было бы довольно плохо без многих счастливых данных во всем его развитии. Адька самый семейственный человек из всех нас. А семья, говоря высоким слогом, есть самое лучшее, что Бог дозволил до сих пор выработать человеку... О всем остальном высоком Бог позволил нам только думать, а семью человек уже создал. И вот семейственность делает восприимчивую Адькинскую природу хорошей, подчиняющейся — но гораздо охотнее хорошему, чем дурному...

Так что при некотором недостатке выдержки и деятельной силы жизнь его пройдет хорошо — он сумеет помириться с окружающим и, прилепляясь сильнее к добру, чем к злу, — без всяких усилий устроится среди добра.

И вы только вникните, как хорошо устроилась теперешняя жизнь его: как это хорошо, что они живут с их превосходительством, как хорошо — как славно и семейственно они обходятся с Орловым — подумайте обо всем этом, милые друзья, — и вы признаете, что я прав.

Избегая всякого пасквильного тона, я до сих пор не касался внешних свойств уважаемых сочленов — но одно важное свойство Адьки так важно, что нельзя пройти его молчанием... Я подумал о нем — и даже надежда на счастливое будущее Александра Александровича начинает колебаться. Неужели Вы не догадались, что я говорю о вечно грозящем, нежданно грядущем противном конце... Вам смешно, господа, но право как подумаю я об этом, то поневоле соглашаюсь со Спенсером, что и несварение желудка — важный элемент нашего счастья ([1 слово нрзб.] стр. 288) и что есть много булок — большой грех. <...>

Сережка [Крыжановский] — большой и умный ребенок. Посмотрите на его добродушную рожицу, на всю фигуру, выражающую готовность сокрушить всякого приятеля и неприятеля, на его космы, на все его ухватки — и сразу станет ясно, что перед вами не взрослый человек. Перед вами самый добродушнейший разрушитель, который по отношению ко всем добродушен, но никого и ничего еще не полюбил как следует, и если бы для него существовало какое-либо затруднение, то он весьма бы затруднился в том, как ему жить — как

приступить к этому самому хитрому — и самому простому делу... И мне странно, что он, как мне известно из достоверных источников, испытал уже радости и муки любви — я себе всего этого никак не могу представить...

Усматривая очевидную нелепость всяких теоретических взглядов, он никаких взглядов и не может придерживаться, видя чепуху всякой деятельности при теперешних порядках. <...> Признавая вредными всякие потребности — он не может определить свою жизнь сообразно с ними... Положение затруднительное, и по-моему очень печально, что из университета выходят подобные студенты. Много прочтено книг, много передумано, кое-что и прожито — а видано да слышано очень немало — а жизнь еще совсем не определилась — и всему предстоит еще сложиться. И все сложится хорошо — Сережка уживчив и бодр, очень бодр — парень он к тому же теплый, и все образуется... не беспокойтесь — но сколько-то еще придется потолкаться и поурезывать в себе всего того, что не влезает в жизнь: такая уж судьба наша, что влезть мы должны всегда в то или другое из нескольких платьев, нам предложенных и не нами сшитых... и только от долгой и упорной носки оно приноравливается к нашей природе и принимает удобную для нас форму — а если мы причудничаем и не живем в платье, потому что то не совсем по нас сшито, то так нагишом и будем век вековать.

Но вспомните, каким был наш приятель года три назад — и вы увидите, что у него и пропало многое, что мешало ему напялить платье. Посмотрите-ка на него... Ведь еще годик, два — и не узнаем мы нашего Сережку — и как бы хорошо, господа, посмотреть его чрез два, три годика — и как бы вообще распрекрасно нам опять быть вместе, и как мы глупы, что не понимаем того счастья, что вот теперь еще мы все сидим здесь, видим друг друга, можем все сказать друг другу... и как будем мы себе завидовать через два года — и как жалеть о многом...

Самые маленькие дети нашей компании — это самые солидные на вид ее члены — Федор [Ольденбург], Вернадский и Шаховской. В них даже очень много общего, и так как это общее очень хорошо выразилось в лице одного моего хорошего знакомого — Федора Ивановича Шахвербурга — то я и хочу сказать несколько слов об этом любопытнейшем субъекте. Приведенное мною имя, впрочем, давно уже оставлено лучшими его приятелями, которые называют его постоянно Чудальон Принципович Рассудкин. И действительно приятель мой настоящий чудалион: от чудака чудалион отличается, как известно, тем, что первый обладает какими-нибудь свойствами, необычными организмам того вида, к которому он принадлежит, между тем как второй отличается отсутствием каких-либо свойств, кото-

рые обычны организмам его вида. И отсутствие свойств обыкновенных живых людей происходит из тех особенностей моего приятеля, которые означены в остальных частях его имени: главное развитие в ущерб всему остальному получил у него рассудок — и поэтому, сознательно или бессознательно — но всегда огромную роль во всей его жизни играл всегда принцип — рассудочное поведение, а не следование непосредственному чувству. Я наперед извиняюсь, что принужден прибегать к психологическим терминам, но иначе об этом никак не могу говорить — а высказаться хочется. Так особенность рассудкинова организма та, что между тем как у обыкновенных людей известное душевное движение обыкновенно переходит в действие, у него за одним душевным состоянием следует другое душевное же, за мыслью мысль — и так текут оне одна за другой... Нервное возбуждение не переходит в мускульное, а в другое нервное. А что больше упражняется, то и развито больше. И поэтому тот чудальон довольно ловко орудует с разными отвлеченностями и иногда даже довольно здраво орудует — но ничего не понимает в жизни — и отношения его к внешнему миру сравнительно слабы и неправильны. Он много мечтает, воображение его довольно сильно работает — но очень неправильно; недаром говорится: слепому много видится, глухому много слышится. Так и у него ненормальны отношения ко всем вообще внешним впечатлениям — должно развиться воображение — но воображение, не знающее меры, односторонне увлекающееся, безжизненное.

Он никогда не был влюблен. И вообще отношения к людям, при бесспорной доброте и желании добра — лишены у него настоящей сердечности и теплоты. Он всегда видит не только то, что у него перед глазами, — а еще множество другого: видит то общее, чего видимое им является частным случаем, видит причины и следствия непосредственно им ощущаемого, противопоставляет ощущаемому предмету его желательный образец — и таким образом в конце концов ничего сильно не ощущает — и ничему не может отдаться. Поэтому как нет для него любви, так не было у него и настоящего семейного чувства: он довольно хорошо помнит, как известные обстоятельства детства подействовали на его развитие — как в нем разрывалась то та, то другая черта его характера; но совсем в нем не осталось тех совсем теплых и бессознательных семейных ощущений, которые гораздо важнее всяких теоретических и опытных познаний. Для него семейная жизнь есть история его развития, а не ряд дорогих сердцу жизненных чувств.

Конечно, крайне интересно знать: как же относится к этой страшной уродливости своей сам Чудальон Принципович? Ответить на это очень трудно. Иногда ему казалось, что его жизнь-то и есть самая нормальная человеческая жизнь и что живя по принципу, пропуская

всю свою деятельность через фильтр рассудочности — он очищает ее от всего низкого — а не лишает ее жизненных элементов. Но по большей части он сам сознает, что это ненормальная жизнь: и когда он был помоложе, то ему все-таки казалось, что это ничего; что одним людям дано жить нормальной жизнью, а другим — и в том числе ему, в этом отказано — и он будет жить ненормально — но всегда бессознательно от себя он подставлял сюда картину полной удовлетворенности, он готов был помириться с этой ненормальностью и ставил ее как-то даже еще выше. Но как в жизни природы существа совершенствуются от соприкосновения с окружающим миром и более соответствующие данным условиям мира выживают менее соответствующих — и таким образом правда постепенно выживает ложь — так и в мире человеческих мыслей и чувств ложное, не находя соответствия во внешнем — постепенно уступает место тем мыслям и чувствам, которые делают человека сильнее и умнее.

И Рассудкин понял, что надо перемениться, что законы жизни и для него писаны и что без жизни он не может быть жизненнее живых людей. Но не вдруг меняется человек — и Чудальон наш только и мог понять это рассудком — отвлеченно, без принятия в расчет своих сил, способностей и склада натуры. «Надо перемениться — значит переменяемся. С понедельника будущей недели станем переменяться». И хотя все это сопровождается беспощадной критикой самого себя, сознанием своей полнейшей несостоятельности и уродливости — но как-то поневоле наряду с этой отчаянной картиной рисуется другая — где Чудальон уже совсем порядочный человек, он уже любит и живет. И только новое столкновение с жизнью показывает, что не довольно еще рассудить, что я плох, и пожелать стать лучше — чтобы действительно перемениться — и понемногу растет сознание уж не рассудочное, а настоящее сознание — сопровождаемое и *представлением* правильным — о своей природе. К чему придет Чудальон Принципович, прочувствовав все это взаправду, — я не знаю. Дай ему Бог прийти к добру, к любви и к жизни, не потеряв того, что развилось в его уродливой юности — логического развития, сильной сознательности, критической оценки окружающего, стойкости убеждений... Ведь развитие есть в своем роде уродливость, и задача состоит не в том, чтобы *всякая* уродливость стиралась, а часто чтобы она умерялась другими сторонами развития.

Я, однако, как истый филолог, увлекся. Стал разбирать интересного в психологическом отношении субъекта и еще гораздо больше желал бы нагородить — да ведь меня ждут мои добрые приятели...

Какова будущность Федора [Ольденбурга], я никак не разберу. Да никто этого не знает и знать не может. Сам Рассудкин, поумнев несколько, сказал мне однажды, что Федору предстоит еще ужасно

мучительный период перехода от *мыслей* обо всем к *жизни*, которая всегда есть в данный момент частное, и что до наступления этого перелома ничего определенного сказать о нем нельзя. Вероятно поэтому-то и нам он представляется в виде вечного студента, учащегося, развивающего других студентов, заставляющего их покупать и читать книжки, желающего все видеть и не могущего уйти до конца ни с диспута, ни с похорон профессора.

Влад<имир> Ив<анович> Вернадский — однако постоит, я чуть было не забыл самого главного: прежде всего Владимир Иванович совсем не русский — помните, помните, господа, что он совсем, совсем не русский. Какой он затем национальности — трудно установить. Он хочет быть хохлом, точь-в-точь так, как Чудальон до смерти желал быть живым человеком, влюбиться, быть притом немного легкомысленным и многим другим — а Дмитрий Иванович ужасно желает быть русским человеком. Впрочем, и Владимир, и Дмитрий Ивановичи не лишены и этих самых благородных стремлений Рассудкина. Вернадский как раз теперь изо всех сил собирается жить — кутить, ходить в театр и заниматься музыкой. Уже довольно давно он осознал, что в сущности совершенно ничего не знает, но вместе с тем хочет свои знания привести в порядок — и ожидает от сего порядка очень хороших последствий.

Владимир Иванович очень хороший человек — и это все знают. Но что с ним будет — этого никто не знает совсем. Может быть уедет за границу, может быть останется при университете — и это только то, что он высказывает: а если бы рассказал он все, что думает о своем будущем, эти все разнообразные планы, которые он подчас строит, то вы бы просто ужаснулись и с удивлением бы спросили: откуда у него хватает времени читать так много и как он успел столько узнать? Да, слепому много видится.

Дмитрий Иванович Шаховской единственный из всей компании кончил совсем университет — и очень похож на цыпленка, вылупившегося из яйца, которое его стесняло, — а между тем без чужой помощи он совсем пропащее создание — и суется во все стороны глупо и бессвязно. Только у цыпленка есть мать, да и сам он быстро разовьется, станет на ноги, будет знать, чего хочет, и то, чего он будет хотеть, действительно будет нужно и достижимо. Ну, а что будет с Дмитрием Ивановичем — это еще неизвестно.

Нос его несомненно изобличает известную стремительность характера — то же самое можно вывести из наблюдения его при быстрых передвижениях по улицам столицы в его гороховом пальто. Но с другой стороны, иногда он до того вял, скучен и невозмутим,

так бессмысленно смотрит и бессвязно издает какие-то звуки, что просто в тупик становишься.

Ему несомненно неприятно, что он княжеского рода и поэтому ничего не умеет делать; но он, кажется, думает, что с известного дня он вдруг все будет уметь делать — а до тех пор (так как он действительно ничего не умеет) — ничего и не стоит делать. У него вообще есть барское требование, чтобы хорошее было совсем хорошо, чтобы понимание было без всякого недоразумения, чтобы правда достигалась вдруг и безусловно целиком — а за отсутствием возможности этого всего он часто как бы уходит от жизни. Но вместе с тем он прекрасно понимает невозможность всех своих прихотей, да и вообще довольно хорошо понимает свою уродливость <...>.

Дмитрий Иванович — большой любитель Достоевского и, по мнению Владимира Ивановича, мистик. Вообще может быть ему даже угрожает православие — потому что к славянофилам он издавна питает слабость, задумывается иногда о Боге (в которого, однако, едва ли верит) и не во всем согласен удовлетворяться выводами науки.

Самые счастливые минуты его бывают двоякого рода: он совсем бывает иногда счастлив, когда сидит перед своим столом, он совсем один — перед ним книга — и мысли от нея уходят далеко-далеко — и загораются глаза и все шире и шире область захватывает его воображение... и думает он о разных хороших вещах и верит в то, о чем думает, и через день ему стыдно вспомнить об этих мыслях и кажутся они ему такими праздными и глупыми.

Второе счастливое состояние — это когда он в компании — и разойдется. Когда мускулы напрягаются при всяком желании, он легко и решительно движется, говорит, что на уме, поет, орет, скачет, толкается, дерется... И опять чрез неделю — хоть вспоминает он это с улыбкой и что-то теплое шевелится в душе — но все-таки несколько конфузно и совестно и кажется все это пустяками.

Хотя я знаю, что Дмитрию Ивановичу в этом очень неприятно сознаваться, и даже я боюсь, как бы мне от него не досталось за мою откровенность, но мне кажется, что он в сущности очень горд и в этом отношении тоже сказывается его барская порода.

Разумеется, всякие предсказания здесь неуместны.

Андрей Николаевич Краснов⁶ будет знаменитым ботаником: он не только обогатит науку важными открытиями, но также много сделает для распространения полезных сведений среди нашего общества и народа при помощи популярных лекций и брошюр для народного чтения.

Вероятно, у него будет и какая-нибудь личная жизнь. Но какова она будет, я не знаю.

ААН. Ф.726. Оп.1. Д.15/4. Л.1-12.

А.Н.Сиротининой⁷

24 мая 1885, Рождествено⁸

Я все жду чего-то, где я отдамся совсем, — все мне хочется во что-то окунуться и вынырнуть как-то обновленным. <...>

Мне противно сознание своей силы, которое иногда поневоле прерывается презрением к слабости.

Мне противно мое совершенное незнание жизни и неумение взяться за дело — и еще противнее — стыд за это.

Мне противны мои бросания и увлечения.

Мне противно мое требование сильного ощущения — простора полного, полноты красок и звуков, полнейшей их гармонии и самой благоприятной для их восприятия обстановки — чтобы восхититься.

Мне противна моя требовательность.

Мне ничего не надо, чтобы жить, но надо бесконечно много, чтобы удовлетвориться. <...>

Мне кажется, что теперь все зависит от моего отношения к Толстому — и целому ряду сопредельных с ним мыслей — о смирении, покорности, единении с миром, труде, простоте жизни. А в чем я уверен, что что бы у нас ни вышло, все будет хорошо — только-только благодаря Толстому⁹. И он так ужасно подымается в моих глазах, что мне становится легко и я верю в Россию и ее великое значение. И еще то ужасно важно, что мы все-таки, любя Толстого и веря в него, совсем не отказываемся от собственного суждения и так сильно его критикуем. Ничего нового не сказал Толстой. Я все это давным-давно знаю. Но в том-то и есть его ужасное величие. Все-таки, пока я у него этого не услышал, я был не тот, что теперь, и я чувствую ужасную благодарность ему. Я уже давно замечаю, что Толстой нас сближает ужасно. И на него я больше всего надеюсь.

29 июля 1885, Рождествено

... уже 2 недели гостит у меня Фед<ор> Фед<орович> [Ольденбург]. Мы не очень много, но все же поболтали по окрестностям, разумеется много говорим и рассуждаем. Федор с бабушкой¹⁰ и остальным здешним народом сошелся хорошо, так что мы провели время недурно. По утрам я все-таки занимался Домостроем¹¹, но далеко не усердно. <...>

Завтра мы с Ф<едором> Ф<едоровичем> собираемся к Толстому, а там — немножко постранствовать. Хотя *немножко* надо походить, хотя это и кажется немного глупым: так безо всякой нужды взять да пойти — устать и дрогнуть без пользы для кого бы то ни было. <...>

Труд, труд. Как бы хорошо побольше да потолковее трудиться — да поартельнее, побольше бы народу — подружней и посообщительней. Вот и сегодня ничего не делал, и так сравнительно мне плохо.

Фед<ор> Фед<орович> сегодня немедленно хотел сесть на корову (это его давнишняя мечта), и почти удалось... А вообще мы с ним эти два дня слишком много рассуждаем, просто беда: философствуем ужасно — и иногда вместо того, чтобы дело делать или о деле говорить. Я думаю, когда он поедет в Питер, я провожу его до Москвы.

7 августа 1885, Калуга
1 час пополудни

Наше настоящее странствие закончилось. Мы провели два дня у Толстого. Было вообще интересно и хорошо. Но печально немножко. Я на вокзале перед отъездом получил Ваше письмо — и оно не могло понравиться мне по сообщаемому там.

Толстой произвел нехорошее впечатление. Т.е. он сам, как всегда, замечательно симпатичен, а к тому же теперь спокоен и весел. Шьет сапоги (между прочим), пишет — и не ест мясо. Но так как-то решительно его взгляды переплелись с воззрением на науку, государственность и интеллигентскую жизнь как на ненужное зло, от которого надо отвернуться, а не разыскивать в нем, что хорошо, что дурно, — что все кажется, что всем нам, которые знаем, что все это ложь, — и вместе с тем уверены, что Толстой глубоко понимает истину, — всем нам придется дорабатываться до истины одним, без помощи этого человека. И когда мы до этого довольно ясно договорились и я понял, как сильно в нем это убеждение, — мне перестало хотеться с ним спорить, т.е. просто не мог совсем.

С молодежью мы резвились и бегали — но все-таки не по-прошлогоднему¹². Фед<ор> Фед<орович> отлично подошел к компании — и в общем мы довольны этими двумя днями.

В Оптину пустынь мы вышли прямо от Толстых утром 2 августа, пришли туда утром 5 августа (к обеду). Прошли мы верст 120 — и шли хорошо, хотя часть пути сравнительно довольно скучно. О разных приключениях и встречах лучше рассказать так. В Оптиной провели день, а после обедни ранней выступили в Калугу, куда пришли сегодня часов в 10 утра. Это очень хороший, довольно интересный и чрезвычайно веселый был переход. О чем только мы не рассуждали! Главное о будущем годе — о петербургской жизни

Фед. Фед. и моей весьегонской. Особенно интересных встреч не было, но интересных — было очень много. И вообще мы путешествием очень довольны. Все было замечательно удачно. И погода, и все¹³.

10 ноября 1885 [Весьегонск]

Я совсем не знаю, что я вообще за человек, — и в этом мое горе. Какая-то такая сила во мне есть, но какая? Что-то такое я понимаю, но как? Я думаю, что Толстой с необходимыми поправками говорит истину. Но как я отношусь к этой истине? Могу ли я служить ей или же только и умею болтать о ней и хвастаться ею, когда я в хорошем настроении? Во всяком случае, когда я в дурном, я на всяком шагу ей противоречу и, продолжая верить в нее, совсем перестаю верить в возможность для себя ей следовать — или если уж следовать ей — так убежать в лес, жить по-звериному, порвать все... И вот теперь, если спросить меня, как я о себе думаю, я совсем не буду знать... Я очень склонен объяснять всякие свои грехи неблагоприятными внешними условиями и т.д. — и вот думаю, что здесь, в Весьегонске, я увижу, как я могу построить свою жизнь при условиях благоприятных — и поэтому увижу, кто я таков¹⁴. Понимаете ли Вы муку совсем не знать: что я такое, — и постоянно об этом думать.

15 декабря 1885

Мне на днях ужасно захотелось музыки, церковного пения, церковной тишины и одиночества, как всегда — хотелось и Бога... Я вчера зашел в церковь на всенощную. Ни одиночества, ни тишины, да и пение плохое, совсем как-то не церковно. Но мне все-таки так надобно было влечение какое-то к Богу, что мне даже православие показалось возможным¹⁵. Так истосковалась душа по теплу, да и тело — какой у нас холод эти дни! Просто беда! Бедная северная природа — зимой — с хорошими, но однообразными картинами, мало дающими душе, мало жизни, а тут еще холод, вьюга, ветер. А в церкви — тепло, светло, красиво, поют, много народу. А одному нельзя жить, да еще зимой-то у нас! Пусть они так верят, как надо, поневоле пойдешь к ним — и с ними хоть что-нибудь дашь душе. Что-то вроде этого, еще более бессвязное, чем это, мелькало в голове.

ИРЛИ. Ф. 334. Д. 688-698. Л. 43об. 45-46, 72-73об., 76-77; Д. 699-709. Л. 102об.-103; Д. 710-722. Л. 118об.-119.

Л.Н.Толстому

1 января 1886

Лев Николаевич. Не обманывайте себя, не лукавьте. Ведь Вы знаете, что Вы барин и что в Вас есть дурные черты барства. Ведь Вы знаете, что дурная жизнь вызывает ошибки в рассуждениях. Ведь Вы знаете, что и Ваши рассуждения не так ясны, чтобы Вы могли спокойно, с чистой совестью и с полным сознанием сказать: «нет во всем, что я говорю, ошибки». Ведь Вы знаете, что Ваша жизнь была нехорошая и еще теперь не совсем хорошая. Вы все это знаете и все это высказываете. Так будьте же осторожнее и относитесь с большим уважением к тому, что Вам говорят другие люди.

Если было сумасшествием при размышлении о том, как люди живут и как им надо жить, закрывать глаза на жизнь многого множества миллионов, так же точно большая глупость считать сразу бессмыслицей и стоящей только огульного осуждения жизнь десятков тысяч людей образованных, жизнь, которой Вы не знаете во всей полноте. Вы не знаете науки. Вы подмечаете только слабые стороны людей науки. И поступаете так, как поступил бы человек, пришедший в деревню в праздник и заставший там огульное пьянство, который бы сказал: «нечего мне учиться у этих людей». Как прежде Вы бессознательно (наряду с инстинктивным природным уважением) презирали людей, трудящихся физически, так теперь Вы (оставаясь таким же барином) презираете людей, трудящихся умственно, — и, не зная их труда, говорите: «это не труд».

Не будьте жестоки и бесчеловечны к интеллигентным людям. Вспомните, что Вы сами говорили о ненормальных отношениях Ваших к простому народу, и помните, что, значит, в природе Вашей есть склонность относиться несправедливо к людям. Ведь Вы все-таки тот же человек, которого вы считаете до пятидесяти лет сумасшедшим. Помните это и относитесь с осторожностью к рассуждениям этого человека и за 50 лет. Нельзя, чтобы ум вдруг и совершенно просветлел — если не стала совсем светлой жизнь. И не в осуждение Вам это говорится, а чтобы Вы помнили, что *должны* относиться осторожно к суждениям своим, к суждениям человека, который не живет по-божески.

Если не обман и не фраза то, что Вы говорите о сознании своих недостатков, о том, что Вы просите поддержки и помощи у других людей и просите указаний, — то глупость, гордость и бесчеловечность — то, что Вы говорите нередко о науке, интеллигенции и умственном труде.

Пожалуйста, Лев Николаевич, относитесь поосторожнее к своим приговорам и постарайтесь поглубже вникнуть в жизнь многих

интеллигентных людей, в смысле науки и искусства. Поймите, что Вы всего этого не знаете. Или прямо скажите, что вы все это знаете, и покажите свое знание. Я думаю, Вам докажут Ваше невежество.

Ваше дело великое и хорошее. И я, и не один я, все тверже в него верю. И тем больше и ужаснее Ваши ошибки.

Димитрий Шаховской¹⁶.

Музей Л.Н.Толстого. Отдел рукописей; ААН. Ф.208. Оп.2. Д.4. Л.30об.-35. Копия.

А.Н.Сиротининой

24 января 1886

От Аматуни получил письмо: он был у Тимофеевых, слушал Фрея¹⁷. Вообще, конечно, очень хорошо. Хотя я этого теперь не чувствую, как надо. <...>

Чувствую потребность физического труда и абсолютно хорошей жизни, хотя не умею жить даже посредственно хорошо.

И так далеко чувствую себя от всех окружающих меня здесь очень хороших людей. И вместе с тем ужасно дорожу до уродства — их о себе мнением.

Только братство может выручить. Одному нельзя жить среди людей, которых жизнь кажется бессмысленной и которых жизнью решил не жить.

Только в братстве это можно¹⁸.

Собрание Д.М.Шаховского

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ И КАК НАМ ЖИТЬ?¹⁹

В основание своих воззрений на то, что надо делать, я кладу следующие три положения, которые кажутся мне несомненными и хороши тем, что могут быть приняты большинством лиц и, следовательно, для большего числа лиц служат общей им точкой отправления.

Аксиома I. ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ.

Аксиома II. ВСЕ МЫ УЖАСНО ПЛОХИ.

Аксиома III. БЕЗ БРАТСТВА МЫ ПОГИБНЕМ.

Все это совсем общеизвестные вещи, которые каждый из нас не раз перечувствовал и в большей или меньшей степени чувствует постоянно. Но все же важное дело перевести эти подчас смутные чувства в сознание: облечь их в определенную формулу, а еще более

важное дело было бы перевести это смутное чувство не только в сознание отдельных лиц, [а] и в общее сознание всей русской молодежи, так чтобы все или многие не спорили больше об этих положениях, а согласились на них и *поняли* бы в этом друг друга и стали бы вместе стараться вывести из этого дальнейшие заключения и соответственно с этим построить свою жизнь. И если бы вся русская молодежь или большая часть ее вполне сознательно, честно, без уверток, искренно приняла эту или другую подобную формулу во всей ее полноте, это было бы великое дело.

Русская молодежь давно уже чувствует, *что так нельзя жить*. И под влиянием этого сознания она набросилась на существующую жизнь и хотела ее насильно уничтожить. Она не понимала, что если *так жить нельзя*, то это прежде всего значит: *МНЕ* необходимо зажить как-то иначе. У нее не было того, что я называю религиозным чувством — и без чего никакая сознательная нравственность невозможна. Я думаю, что революционное движение в России, как такое общее дело лучшей части молодежи, — кончилось, и молодежь чувствует, что и так — убивая и стремясь убийством уничтожить теперешнюю жизнь, стремясь в сущности лишь к водворению или уничтожению некоторых внешних форм, — *ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ*.

И это сознание, оставляющее нас без *той* даже определенности стремлений, которая была все-таки у революционеров, связано с сознанием, что мы плохи и, чтобы что-нибудь делать, должны прежде всего сами стать лучше. А одному это не по силам. Нужно братство.

Одному было не по силам и переменить существующий порядок вещей. Но тем надо было соединиться не в братство, а в партии, комитеты, дружины. Борьба была внешняя, и связь требовалась внешняя.

Теперь требуется не того. Теперь нужно *братство*, как свободное и любовное соединение людей, преследующих одни цели и работающих вместе. Замечу здесь, что я не думаю, чтобы при устройстве братств требовалась строгая организация, но необходимо организовать связь братств между собою, и это я считаю делом очень осуществимым и простым, раз только организуются братства. Так люди соединяются в братства, чтобы помогать друг другу жить и работать лучше. И раз братство образовалось, у него должно быть хотя бы самое смутное представление о том, как лучше жить. Представление это я выражаю в следующих положениях, хотя сомневаюсь, чтобы последнее было всеми принято.

Правило 1. Работай *как можно больше*.

Правило 2. Потребляй на себя *как можно меньше*.

Правило 3. На чужие нужды смотри, как на свои. Просящему у тебя дай (если ему нужно или может быть нужно) и не стыдись *попросить* у всякого; не бойся просить милостыню²⁰.

Вся теперешняя жизнь построена на отрицании этих трех начал. Счастьем считается работать поменьше, потреблять побольше *своего*, т.е. иметь полную возможность не допустить к пользованию известными предметами тех, кто в них нуждается, но зато ни к кому не обращаться с просьбой о чем-нибудь, в чем мы нуждаемся. Но молодежь ведь не может жить этой теперешней жизнью — и готова принять по крайней мере два первых правила. И так бы, казалось, ей было просто принять их. Но так еще [не] пришло в сознание и в систему неясное чувство молодежи, что и тут нередко приходится спорить.

А относительно третьего правила со мной почти никто не соглашался. Для меня же принятие третьего положения *во всем его объеме* (не стыдись просить милостыню — при исполнении первых двух правил) служит лучшим признаком, принимается ли действительно человеком новое учение, надежный ли он его последователь.

Мешает просить других о том, что мне действительно нужно, — одна лишь гордость и *отделение своих* интересов, потребностей и вещей от интересов, потребностей и вещей других людей. <...>

Я часть мира и должен трудиться не для себя, а для мира. Собственно, даже и нет вполне отдельных моих интересов от интересов мира. И только жизнь с миром и для мира может дать настоящее счастье и настоящую свободу. Весь мир есть единое целое, которое мы должны любить (а иначе нехороша будет наша жизнь), и я — органическая часть не только своей семьи, своего сословия, своего государства, своего племени, даже не только органическая часть всего человечества, — а органическая часть всего мира. Но степень моей связи с различными частями мира различна. Еще разнообразнее сознание моей связи с различными частями мира. Я думаю, что человечество доросло теперь до того, что сознание связи людей с окружающим настолько расширилось, что они могут теперь же определенно стремиться к сознательной организации своих отношений к остальным людям (к человечеству) на основании этой связи. Большинство людей еще далеко не создало этого. Сословное и племенное чувство — патриотизм, основанный на ненависти к врагам, даже семейное чувство, идущее в разрез со служением человечеству, вне семьи находящемуся, — еще очень сильны. Но, я думаю, люди стали уже способны понимать, что настоящая нравственность немыслима без полной любви ко всему человечеству. И евангелие, и наука, и торговля, и другие отношения (даже и самые войны) не даром действовали. (Пути сообщения, печать, союзы, данные науки, переводы). И хотя доступно уже людям в довольно значительной степени сознание связи с миром и вне человечества и иногда чувствуешь любовь к таракану и дереву, так что понять полную цельность и

единство органического мира нашей Земли уже не трудно (а может быть, благодаря Фаминцину²¹ и Вернадскому поймем *органическую* связь и мира *неорганического*, но все же, вообще говоря, построить свои отношения на основании этого еще не можем. Пустое занятие будет убеждать волка, что надо трудиться, а не резать овец. Довольно глупо будет не противиться самым решительным насилием злему тигру, который готов растерзать вас. И тут, повторяю, много можно узнать и внести нового в свои отношения к миру животных (а может быть, и растений), но в общем только *неточным*, но верным будет сказать, что надо жить так, чтобы как можно лучше было *человечеству*, и сообразно с этим трудиться, потреблять, давать и брать. <...>

Надо поступать нравственно; *а нравственно* — НЕ то, что принесет пользу в данном отдельном случае, а то, что будет полезно, ставши общим *принципом* поведения.

Это самое важное — основное положение, при котором только и возможна сознательная нравственность.

<...> Всякий человек прежде всего должен стараться сам зажить свято, и, разумеется, если святую жизнь понимать правильно, этой своей святой жизнью он и принесет больше всего пользы. А для святой жизни совсем необходимо *трудиться*. А у меня еще очень смутно понятие о том, что значит трудиться. Для меня довольно ясно, что трудом может быть и умственный труд. Но здесь страшно трудно определить границу между трудом и нетрудом. Страшно трудно также произвести оценку умственного труда.

Я думаю, что исследование этого вопроса важно и интересно, но здесь это заняло бы слишком много места и времени и большого практического значения для меня в настоящую минуту не имеет.

Гораздо важнее для меня другой вопрос — о необходимости для всякого *физического* труда. Необходимость эта теперь никем не оспаривается. Гимнастика всеми признается полезной. Доктора во всем друг другу противоречат, но относительно этого все согласны. Но ведь при всей бессмысленности строя человеческой жизни мало найдется таких аномалий, как обременение физической работой одних, между тем как другие рядом страдают от недостатка работы и, вместо того, чтобы помочь первым, делают гимнастические упражнения! Вместо того, чтобы колоть дрова, колотят воздух! И это побороть даже в своей жизни страшно трудно. Отдельному человеку, не выдающемуся силой (нравственной) или не поставленному в какие-нибудь счастливые условия, — почти невозможно. Но это одно из важных положений: 1. Не стыдиться физического труда и исповедовать это отсутствие стыда делом. 2. Выучиться трудиться физически. 3. Побороть в себе лень, мешающую физически работать, так на третий, иногда на пятый, шестой день. Вот тут артельное дело —

взаимная поддержка совершенно необходимы. Прежде всего необходимо привыкнуть к таким работам, которые постоянно нужны бывают в своем обиходе: чистить сапоги, платье, убирать постель, комнату, зашивать, пришивать, штопать, приклеивать; надо также выучиться ставить самовар, топить печь, колоть лучину, дрова, пилить. Носить тяжелые вещи. Хорошо уметь что-нибудь стряпать. Это все простые и ясные вещи. Замечу однако, что для человека, ко всему этому не привыкшего, здесь встречается не одно затруднение. И братство должно помочь всем выучиться этому и внести это в жизнь, как привычку. К перечисленному много можно бы прибавить еще (приготовление чернил, заправка ламп и т.д.). <...>

Постараюсь свести к нескольким положениям свои мысли о труде.

1. Труд человеческий должен состоять не из отдельных усилий в разных направлениях, над разными предметами, — а в обхождении с одним или несколькими предметами, которые человек действительно умеет делать.

2. Произведения труда человеческого должны быть предметами, удовлетворяющими законным потребностям человека.

3. Труд должен быть и физический и умственный, и между ними должно быть какое-то равновесие.

4. Человек должен уметь удовлетворять сам свои мелкие повседневные потребности.

5. Желательно, чтобы человек был в состоянии прокормить себя в случае нужды одним физическим трудом.

<...> Надо здраво смотреть на вещи и порассудить, на что мы способны и чем можем довольствоваться. Сколько можно прожить? На сколько рублей в месяц мы можем жить? Собрание фактических данных об этом было бы чрезвычайно важно. Насколько можно позволить себе удовольствия (напр. театр, музыку, вечеринки)? Как нужно питаться? Какую иметь мебель? Сколько семья должна иметь комнат?

Несомненно, что законы те потребности, которые необходимы для известной работы, и поэтому от разрешения первого вопроса — о труде зависит и разрешение всех этих вопросов — о потребностях.

Но помогать друг другу в этом очень необходимо. Все же наука может ведь дать здесь множество указаний — в вопросах питания, одежды, освещения и т.д. И мы как-то этими указаниями совсем не пользуемся. Отчего это? И личный опыт каждого может дать чрезвычайно много.

Замечу здесь еще одно: у нас, как у мечтателей, развивается здесь иногда излишняя простота. Мы готовы (по крайней мере в теории) отказать себе в чем-нибудь дорогом, что на самом деле скажется в

общем дешевле, а еще чаще в чем-либо дорогом, но чрезвычайно облегчающем и увеличивающем производительность работы. Отчего не купить хорошую шубу, хорошую лампу, термометр, часы и все проч.? Только не считайте это все таким, чем можете пользоваться только Вы. Ведь несомненно, что с этими предметами человечество может больше сделать, чем без них. Так что, чем доступнее они станут, тем лучше, и отчего не купить их? <...>

Скажу несколько о том еще, как я понимаю теперешнее положение и каковы *теперь* насущнейшие нужды, куда должен быть направляем наш труд (для пользы человечества). Герцен, Достоевский, Толстой, Соловьев, Громека, Успенский, Энгельгардт, Кавелин — все довольно ясно говорят, что западноевропейский мир в чем-то разочаровался — узнал что-то важное, но у него не хватает сил воплотить это важное в жизнь. С западным миром узнала это важное и наша интеллигенция. Но и она приняла в себя с этим сознанием много яду, который испортил ее жизнь. И яд этот проникает все дальше и дальше и все больше захватывает русский народ.

Я мог бы много наговорить на тему о том, в чем состоит этот яд. Коротко я бы сказал, *что он состоит* в развитии личности не как части целого, а как чего-то отдельного, существующего для своих индивидуальных целей, своим индивидуальным умом, своими личными усилиями.

Рационализм и индивидуализм составляют это зло. Простой народ не всегда ясно сознает, что хорошо. Но до сих пор еще жизнь его построена на началах, противоположных началам рационализма и индивидуализма. Но с каждым днем к нему эти два начала все больше проникают, и если не найдутся люди, которые сознательно и словом и делом укажут ему истину, — он погибнет. <...>

Изучение общин, артелей, поддержка кустарных промыслов, устройство земского дела, распространение хороших книг — в этом отношении ужасно важно. Но важнее всего личное сознание и личный пример. Необходимо знание народа и его жизни, необходима самая настоящая близость к нему, необходима работа в провинции.

Надо, чтобы новые люди имели и силу, и сила эта должна состоять в связи их друг с другом. Поэтому необходимы самые теплые и деятельные сношения и со столицей. Но главное — деятельность в провинции, непосредственное прикосновение к народу. <...>

Так жить нельзя. Надо зажить иначе и другим сказать. Прежде всего народу; он и живет иначе и почти хорошо (но все-таки не совсем)*. Надо, чтобы он понял, что живет хорошо почти, и сознательно зажил бы хорошо совсем; а то теперь *он изо всех сил стремится жить как мы, т.е. так, как жить нельзя*. А мы, зная это, молчим

* В списке Е.С.Зарудной: «но все-таки совсем не хорошо». (Прим. публ.).

и таким образом обманываем его и соблазняем. Толстой в «Так что же нам делать» это совершенно ясно показывает. Этим и определяются наши стремления*. Педагогическое дело — великое дело, ужасно трудное, но жизненное, как всякий переход от мечтаний к делу**.

Мне ужасно страшно подумать, как вообще мы станем жить, когда кончится восторг мечтаний, споров, дум, где так много нового, интересного, увлекательного, и начнется время осуществления мечтаний на деле — настоящая работа, тихая, трудная, кропотливая, однообразная, без которой, однако, все наши мечтания — пустые звуки и глупый обман. Все препятствия можно преодолеть, раз мы способны к какому-либо ровному делу; я только не знаю, способны ли мы.

Д.Ш < аховской >

ААН. Ф.208. Оп.4. Д.94. Л.1-24.

Ф.Ф.Ольденбургу

8-9 ноября 1887, Малашкино²²

Жизненная близость, спокойная дружба, дружеское участие и поддержка, простое любовное чувство. Как это необходимо в жизни, как этого недостает Анюте, и как бы это было бы важно для братства. Насколько это важнее всех твоих предположений — правда, насколько это и труднее.

Мы совсем собрались ехать. Все уложено, только дорога нас держит. То совсем становится похоже на зиму, то совсем дорога рушится.

Илюша еще вырос и пополнил, но все кашляет, простудился, должно быть, несмотря на башмаки Надежды Федоровны²³. Да и немудрено. У нас несет от стен, и температура иногда очень низкая. Интересно, как ты представляешь себе теперь Малашкино. Вокруг бело, пусто... Но хорошо. Вечера ужасно длинные... Это совсем не то, что городские длинные вечера. Вот теперь все мы вчетвером сидим за столом в столовой. Илюша спит около печки, с ним нянька — молодая, наша бабушка ушла третьего дня. Я с Анютой пишем письма, Анюта — Маше²⁴, я вот Тебе, Надежда Даниловна²⁵ читает «Воспитание и обучение», Клавдя²⁶ — письма парижан²⁷, которые я привез с собой. Скоро десять часов и пойдем спать, хотя, вероятно, немало еще поговорим с Анютой. <...>

* В списке Зарудной фраза отсутствует. (Прим. публ.).

** Фраза из списка Зарудной (ИРЛИ. Ф.445. Д.7. Л.21об.-26об.). Имеется и ряд других разночтений. (Прим. публ.).

Ну, что же было в Питере? В общем я остался доволен поездкой. Очень доволен. *Прежде всего* я оторвался от ряда мелочных гнетущих впечатлений, которые здесь слишком одолевают, наваливаются и давят, и многое передуманное и перечувствованное сложилось в сравнительно стройное и ясное целое. <...>

1) Я понял, как много у меня сравнительно жизненного опыта. Я единственный из всей, кажется, компании, который принялся за новое, живое, увлекательное дело и пережил уже первый период оживления и увлечения, медовый месяц работы. <...>

2) У меня явилось сознание всей важности и высокой ценности духовной жизни и некоторое представление о тех требованиях, которые этой жизнью вызываются. Конечно, не стоит жить трудами своих рук, если это поведет к утрате жизни духовной. И, разумеется, духовная жизнь дороже всяких денег и предметов — и если я буду есть, пить и одеваться за счет мужика, но подыму в нем его духовную жизнь, то не я ему, а он мне будет обязан.

3) В связи с этим протест против тех крайностей, которые принимает наша теория простой и трудовой жизни. Собственно, крайности эти, разумеется, нисколько не вытекают из самой теории, потому что в ней [нет] отрицания ничего такого — и я например всегда, всегда прочно помнил, что хлеба теперь уже настолько много производится на земле, что мысль человеческая должна стремиться не к тому, чтобы производить хлеба больше, а к другим вещам, веря, что служащий человечеству и на других путях не помрет с голоду. <...> Я думаю, что увлечение если не чисто материальным вопросом о том, чтобы было на земле побольше хлеба, то по крайней мере — экономически, чтобы — самое главное — хлеб этот был справедливо распределен — при каких бы то ни было других условиях — все-таки имел несколько слишком большое значение у нашего поколения. Но главное то, что вопросы подобного характера: о том, чтобы мне не брать лишнего от народа, — были почти единственные, которые стали у нас в братстве *общим и сознательным* принципом, — и поэтому в наших взаимных отношениях и общей выработке принципов это начало получило решительное преобладание и почти вытеснило многое другое. Опять-таки по теории оно не должно было вытеснять — достаточно вспомнить ясное сознание необходимости журнала, дальнейшей живой работы по выработке взглядов — в то время, когда больше всего верилось в верность и достаточность (кажется) сделанной формулировки.

4) Сознание односторонности принятого направления общей мысли есть совсем не только у меня: односторонность эта вполне доказана и прямым заявлением с разных сторон (особенно парижанами) и теми проявлениями мелочности и непонимания, которые случались не один раз.

У Саши²⁸ определенно ставятся вопросы: о наших взглядах религиозных и политических. Мне не хочется употреблять тут слова — политические взгляды — для меня вопрос сводится вообще к удовлетворению и служению духовным потребностям — и ставится вопрос о свободе с этой точки зрения, как о необходимой для человека вещи, если ему надо развиваться полно. Должны быть общая вера в свободу, общее уважение духовной жизни и общее служение ей. Но мне почему-то кажется, что особенно мы, весьегонцы, имеем право открыто и с чистой совестью заявлять о своих требованиях духовных, — и это связано именно с тем, что я говорю о своем жизненном опыте, который познакомил нас с массой мелочности и легкостью потухания всего умственного и духовного в провинции, в глуши, в деревне. Глядя из Петербурга, не можешь ценить этого справедливо. Там надо больше увлекаться простотой и социальными требованиями. Но нам, которые живем в условиях, заключающих менее социального зла, поневоле представляется вопрос о необходимости сохранить в этих условиях духовную высоту полной справедливости и важности этих условий.

5) Ясно стало, какой важный жизненный опыт приобретен мною с другой стороны: это знакомство с тверскими либералами и усвоение того высокого — высокочеловеческого, что есть в их взглядах.

6) Необходимо изучать революцию и декабристов — «я понял, что надо думать не только о своих обязанностях, но и о правах — или — что иногда первой обязанностью человека становится крепко стоять за права свои и других людей»²⁹.

7) Я понял, что у нас слишком мало времени и свободной энергии, чтобы была возможна настоящая полная жизнь братства. Не говоря уже о проведении в жизнь общесоциальных идеалов, даже и самая систематическая выработка таких идеалов является совсем невыполнимой в этом году. У меня на это, я знаю, нет сил. У других тоже меньше, чем два года тому назад. А и тогда ничего не вышло. Поэтому для меня фактически братства не существует.

8) А что есть от братства — и что проявилось для меня с полной силой и ясностью — это какие-то совсем особые доверчивые и близкие отношения между несколькими лицами, которые для всех нас должны иметь важное значение. Это то, что так хорошо характеризовано в письме Владимира [Вернадского] Сергею [Ольденбургу] — и что как-то, я думаю, не вполне понято было парижанами. Именно особенная уверенность друг в друге — это и есть единственное, что объединяет братьев и выделяет их из небратьев. Я хорошо понял суть этого чувства и пытался формулировать составные его элементы. Обращаясь к тому, кто мне братья, я понял, что след <уощие>: Ольденбурги 3, Гревсы 2, Вернадские 2, Шаховские

2. И только. Все элементы братского чувства у меня только и являются по отношению к этим лицам. И даже Анюту [Шаховскую] я включаю сюда только условно. Я считаю ее *братом*, но знаю, что те условия, которые для меня влекут за собой исключение кое-кого, — для других повлекут за собой и исключение Анюты из братьев.

9) Страшно важно устранение этих условий по отношению к Анюте, большая жизненная близость к ней других — и особенно женского персонала братства. Анюта и сама пишет об этом Маше [Гревс]. Шура [Ольденбург] непременно должна бы писать ей больше. И всем бы надо тут помочь... Ты понимаешь? <...>

Я не определил еще, в чем же братское чувство? Вера в *искренность*, тождество слова с поступками, чувство симпатии, некоторое знание, представление себе другого стоящим на *прочном* и симпатичном пути, участие в общем порыве, в общем подъеме душевном, который как-то особенно, чудесно сближает, возможность действовать сообща в самых важных жизненных делах, нечто общее в убеждениях.

10) Я тут не перебираю некоторых частных, вытекающих из моей теории уважения духовности и свободы. Кое-какие частности у меня сложились.

11) Мы действительно ужасно безобразно меняемся мыслями. Письма плохо храним, лениво пересылаем, невнимательно читаем, страшно небрежно и неполно отвечаем. При общих разговорах говорим непродуманное, не узнаем мнения друг друга, ни до чего не доходим (все это хорошо изложено в твоём письме).

Напиши, пожалуйста, где мои старые письма — и вообще, как привести в порядок это. Я бы назначил архивариусом Катерину Сергеевну [Зарудную]. В такой образцовый порядок привела она свои письма к Маше из Парижа.

И такая систематизация рассуждений, по-моему, необходима прежде всего по тому вопросу, который — в противоположность братству, которое на время потеряло для меня всякий определенный реальный смысл, как форма общечития, — (который вопрос) является особенно реальным и практически важным: Приютино.

Под Приютином я разумею союз, имеющий целью поддержку друг друга, прежде всего Приютинцев, но затем и других — окружающих лиц, особенно таких, которые лишились нормальной жизни вследствие того, что не могут жить этой жизнью, ненормальность которой признаем и мы. Союз этот имеет реальную цель — приобретение земельной собственности — и страшно много определенности в отношении. К нему со всех сторон примыкает множество лиц. Я не могу об этом распространяться. Веду же я вот к чему. Необходимо признать самой первой обязанностью всякого Приютинца, гораздо важнее всяких сборов, представить к 30 декабря

настоящего года письменное изложение, полное и определенное, своего взгляда на Приютино: на то, чем оно должно бы быть и как надо стремиться к его осуществлению. Мы набросали в Петербурге и программу вопросов, но я ее там оставил — и запишу здесь те, которые вспомню.

У нас окончательно решено именно так категорически и определенно поставить обязательность такой работы для каждого к 30 декабря.

Кто в Приютине? Как принимать?

Сколько земли? Обработка. Доходы. Прислуга. Рабочие.

В какой местности? Какое население? (русские? великороссы?)
Нужна ли связь с местной общественной жизнью и какая (земство)?

Близость к столицам, к городу, к железной дороге. Условия внешние: вода, лес, соседи, обстановка: дом. Как удовлетворить требованиям отдельных семей? Будет ли это только летней дачей или постоянно обитаемым местом? Не будет ли каких полезных для населения учреждений? Школа, библиотека, больница, агрономическая станция? Кто будет хозяйничать? Библиотека, картины, собрание фотографий и писем.

Как нам готовиться к осуществлению? Практические сведения. Собрание книг. Выработка навыков, которые сделали бы возможной совместную жизнь. Изучение ремесла.

Должно ли стать Приютино убежищем для тех, кто лишен средств по непригодности к ненормальной жизни?

Собрание Д.М.Шаховского. Копия.

ПИСЬМО К 30 ДЕКАБРЯ 1887

28 декабря 1887, Весъегонск

Мысль о Приютине в первый раз, кажется, была высказана при мне Михаилом Степановичем Громекой — летом 1880 года. И всегда с этой мыслью, как и со многим множеством других мыслей, у меня соединяется воспоминание о нем. — Мне часто хочется, чтобы и другие знали о нем получше и потому, что для меня дороги эти воспоминания, и потому, что в них, я думаю, много воспитательного. Мне это припомнилось, потому что вообще пронеслась в мысли вся история Приютина. У Приютина две цели, и в его истории на первый план выдвигалась то та, то другая, и очень интересно было бы проследить эту перемену в воззрениях на него. Для меня это дает важный материал для суждения о том, чем оно должно быть.

Первоначально назначением Приютина было служить нам приятным местом свидания и отдохновения. Приютино должно было быть только в прекрасной и не очень отдаленной местности, где бы

можно приятно прожить (вместе), ловить рыбу, охотиться, купаться, гулять. И такое воззрение, у меня по крайней мере, было вполне твердо до зимы прошлого года. Я думал, что таково мнение большинства, и считал Приютино просто летней дачей нашей, которая, пожалуй, может еще служить временным приютом и более продолжительным и более жизненно важным кому-либо из нас, выкинутому из колеи спокойной жизни. Конечно, такое предствление о Приютине не удовлетворяло очень многих жизненных потребностей, но оно было сравнительно легко (казалось) осуществимым, не предполагало непременно общности воззрений на желательную деятельность, являлось чем-то вполне нейтральным — и все же важным и хорошим.

30 декабря 86 года, когда зашла как-то речь о Приютинской школе — Сережка [Крыжановский], которого я считал главным представителем охоты и купанья, сказал, что *кто же и когда же* думал, что Приютино — только дача и место свиданий. Что раньше, когда-то, может быть, такой взгляд и был возможен, но теперь он давно изменился. Признаюсь, я и тогда еще придерживался такого взгляда на Приютино, но если дело приняло такой оборот, то, конечно, я этому только обрадовался — и с тех пор мысль о Приютине стала работать в другом направлении — Приютино явилось уже органом нашей общей деятельности, средством проведения в жизнь наших стремлений и убеждений. Это-то и есть вторая цель Приютина, — и главный вопрос, на который надо ответить и от ответа на который зависят все дальнейшие ответы, — для меня именно этот: насколько Приютино дача, насколько оно орган нашей деятельности активной.

Год тому назад я, может быть, сказал бы, что лучше пусть это будет больше местом отдохновения, потому что слишком трудным казалось наметить те общие всем стремления, которым стало бы служить Приютино. Теперь мне кажется, у нас у всех так много внешних задач и так настоятельно требуется немедленное служение им всеми силами, остающимися свободными от удовлетворения самых насущных потребностей, так ясно сама жизнь указывает, каковы эти задачи, и так легко столкнуться по главным пунктам, что для меня задача Приютина — прямо способствовать постановке вопроса и первая задача Приютина осуществляется, оказывается, всего проще и лучше.

Я думаю, у нас должна быть теперь вот такая цель. Занять твердую позицию в Петербургском университете и в Тверском — в частности в Весьегонском — земстве. Захватить в свои руки часть власти и влияния — необходимо. Но слишком это теперь трудно через государственную службу. У меня много и других соображений и убеждений, почему желателен путь другой. Но теперь, я думаю, слишком ясно, что необходимо постараться поставить себя возможно независимо от нынешнего правительства. Итак, поближе к жизни, наука и

общественная деятельность — вот область, куда надо направить наши сплоченные силы. И направлять надо скорее и пользуясь тем, что имеется под руками.

Таким образом, требования от Приютина у меня вот какие:

1. Близость Петербурга.

2. Возможность захватить власть в том месте, где оно будет.

Таким образом осуществляются все те требования, которые я предъявляю к Приютину. Мы в состоянии будем и дать приют, и доставить деятельность, и приблизиться к жизни, и отдыхать вместе, и съезжаться (я не могу себе представить лучшего съезда, как например на земское собрание), и свяжемся с почвой (что, по-моему, страшно важно), и приобретем сильное орудие деятельности. Таким образом, Приютино — это довольно значительное имение не очень далеко от Питера в уезде, где некоторые из нас живут постоянно, в котором у нас есть прочные связи жизненные и идейные, где мы близки ко власти местной. И притом, где все это не надо приобретать путем продолжительных усилий, а можно добиться сейчас и теперь же рассчитать со знанием дела все шансы на успех.

Я думаю, кроме всего, что само собою ясно, из рассказов Федора о Твери Вы увидите, что самым лучшим местом является Весьегонский уезд. Правда, он несколько слишком далеко, но зато тут так много преимуществ, что, мне кажется, колебаний быть не может³⁰.

Я изложил общую свою точку зрения на Приютино и вытекающей отсюда вывод о том, что оно должно быть в Весьегонском уезде. Пожалуй, на частностях после этого нечего было бы останавливаться. Но я считаю обязанностью каждого приютинца на них добросовестно ответить, к чему и приступаю.

1) Кто приютинцы?

Федор [Ольденбург], Сергей [Ольденбург], Шура [Ольденбург], Иван [Гревс], Маша [Гревс], Сережка [Крыжановский], Владимир [Вернадский], Наташа [Вернадская], Лобко, Орлов, Генерал [Харламов], Таня [Харламова], Адька [Корнилов], я с Анютой, Катерина Сергеевна [Зарудная], Ольга Павловна [Тимофеева].

Больше я, собственно, никого не знаю; и не думаю, чтобы к этому вопросу можно относиться так, как к неважному. Конечно, Приютино будет служить не только этим перечисленным — но настоящие приютинцы, которым Приютино дает определенные права и на которых оно налагает определенные обязанности, — только эти. Я не считаю приютинцами Краснова и Ушинского, а отказ Лельки [Обольянинова] имеет для меня силу³¹.

Я думаю, что принятие новых приютинцев должно происходить с согласия всех без исключения старых.

2) Количество земли. По-моему, следовало бы иметь десятин

300-500. Земля могла бы сдаваться в аренду, часть обрабатываться — мне в настоящую минуту безразлично как.

3) [Пропуск в оригинале. — *Публ.*]

4) Желательно было бы, чтобы Приютино давало некоторый доход — и чтобы хозяйничанье в нем было практичное и хорошее. Но если оно не будет давать дохода, не беда.

5) Самое лучшее управление было бы такое, чтобы там жил кто-либо из нас. Во всяком случае управлять должен, кажется, непременно человек хороший — это не безразличное условие.

6) В Приютине должен быть один большой общий дом, где можно было бы жить и зимой, где можно было бы собираться летом и хранить многие вещи. А затем в нем могут быть дома, принадлежащие отдельным приютинцам.

7) Связь с населением не должна, по-моему, выражаться непременно в том, чтобы у нас была школа, больница и т.д., а в той самой тесной связи, которая должна установиться у нас со всем уездом. Если у нас будут деньги на школу, то мы откроем ее там, где лучше для населения, а не непременно у нас. Но у нас должна быть и тесная связь с окружающим населением — и поэтому оно само собою будет пользоваться Приютином, как просветительным центром (библиотека, совет и т.д.).

8) Как будут жить — я не знаю, и как-то ничего на это и не пишется.

9) Я уже сказал, что, по-моему, отдельные приютинцы могут иметь свои дома, и вообще я признаю вполне законной потребность в замкнутой сравнительно семейной жизни, в стремлении семьи отъединиться иногда внешним образом от всего окружающего³².

10) Я даже думаю, что части имения могут быть сдаваемы в наследственную собственность отдельных семей, если те захотят устроить сад, завести свое маленькое хозяйство с определенной системой и т.д.

11) Я думаю, переезды с совсем маленькими детьми на непродолжительное время будут очень неудобны, но зато проводить с ними все лето — очень хорошо.

12) Я уже сказал, что уезд, где Приютино, должен быть наш — и поэтому все вопросы об удовлетворении потребностей населения должны ставиться нами не как добрыми помещиками, а как беспристрастными земскими уездными деятелями. И я не придаю значения тому, чтобы у нас была школа и больница в имении. Близость того и другого — разумеется, чрезвычайно желательное условие. Я прежде думал, что быть с ребенком сколько-нибудь далеко от медицинской помощи совершенно почти невозможно. Опыт этого лета поколебал эту мысль — и я думаю, что при некоторой опытности отсутствие врача очень близко не особенно страшно. Иметь школу в

другом отношении очень хорошо. Частная школа — учреждение очень независимое, прожить в деревне при готовом помещении и хозяйстве очень легко, и при незначительных сборах можно путем частной школы дать хорошее, полезное, живое дело человеку, который иначе не имел бы его. Вместе с тем такую школу легко сделать образцовой, а кроме того в ней испытывать достоинство книг и т.д.

13) *Лес, вода, соседи хорошие* — все-таки, разумеется, важные условия — и при выборе места надо иметь это в виду — но все это условия второстепенные. Впрочем, совершенное отсутствие леса, версты за 2 и больше — для меня лично — особенно в виду детей и больных — ужасно важное условие. Соседи собственно пустыки, потому что с близкими дурными можно не знаясь, а ездить к дальним хорошим, а такие непременно предполагаются по самому существу моих взглядов (не забывайте учителей, священников, докторов, хотя и хорошие помещики необходимы. У них взгляд шире).

14) Я больше всего хотел бы, чтобы Приютино от железной дороги было верстах в 20. Но и расстояние до 60 верст не есть важное препятствие. Я думаю, это отчасти показал опыт лета.

15) см. 1).

16) Вопрос о приютинских капиталах и ссудах для меня совсем отделяется теперь от земельного Приютина — и связан с такими соображениями, о которых здесь говорить не место.

17) Я думаю, нам теперь же необходимо решить, где покупать и какой суммой мы можем теперь располагать. Необходимо совершить покупку до лета 1889 года, когда будут новые земские выборы. Можно заложить имение в банке (дворянском). Так что, я уверен, матерьяльных препятствий не встретится. Все мы по возможности должны знакомиться с земским делом вообще и в частности с делами той местности, где будет куплено Приютино, занимать по возможности места в том уезде и губернии, знакомиться с хозяйством и разными ремеслами, которые будут иметь значение в нашем хозяйстве и в том краю вообще (в нашем хозяйстве особенно столярничанье и т<ому> под<обные> вещи). Страшно важно, конечно, поближе познакомиться с сельским хозяйством.

Мне бы следовало еще сказать о Малашкине и его отношении к Приютину. Я не буду об этом много говорить. Скажу только, что при теперешнем положении дел я не могу сказать: берите, если хотите, Малашкино в Приютино. А если мне скажут: мы покупаем в Весегонском уезде Приютино, но иди жить и хозяйничать в нем, — что я скажу? На это следовало бы ответить. Но ничего еще не отвечаю.

Вот только еще. Я вполне способен теперь (не поговоривши с Анютой, говорю только свое мнение) совсем кинуть и Весегонский уезд, если бы пошли завоевывать другой уезд. Хотя мне это и было бы тяжело, и я совершенно не верю, чтобы где-нибудь это можно

было сделать с большим удобством, чем в Вьесгонском. Единственное препятствие здесь — это подозрительность правительства.

18) Относительно простоты не хочу говорить ничего. Это не важно, и от этого ничего не зависит.

19) Библиотека должна быть хорошая уездная. А затем должна, разумеется, быть и своя хорошая библиотека Приютина, но размеры ее зависят от количества приютинцев, которые переселятся в уезд совсем, и от степени связей с окружающим интеллигентным населением.

20) *Окружающее население* должно быть хорошее... Это я шучу; а не шучу, что мне бы хотелось великороссов, но при широких уездных связях не беда, если ближайшие соседи в великорусском уезде будут хоть карелы.

21) Ясно, что Приютино в моем смысле, в связи с уездной деятельностью — и даже губернской, — должно быть и убежищем и выходом в жизнь для множества выброшенных из жизни людей. Разумеется, действовать тут надо осторожно. Ужасно много поможет в этом деле жизненная связь с земскими деятелями других местностей. Будет ли убежищем само Приютино — зависит от множества причин, и я не нахожу возможным дать здесь на это обстоятельный ответ.

22, 23) Я ничего не имею против рабочих и прислуги и твердо убежден, что возможны с ними отношения вполне человеческие.

24) *Что кому надо делать?* Всем покупать цензы (можно купить и имение с несколькими цензами — дес<ятин> в 1000 ненужной земли), Харламову поступить к нам секретарем управы, кому-нибудь идти к нам в мировые судьи или непременно члены; жалко, что нет у нас никого врачей. Амаланти [Н.И.Аматуни] бы надо поступить кандидатом на судебную должность в Кашинский окружной суд, кому-нибудь в податные инспекторы.

Ну, будет. Для меня Приютино не есть какое-либо конечное разрешение вопроса, и я совсем не знаю, удастся ли то, что я говорю... Для меня ясно, что мы должны попытаться теперь сделать то, что я говорил выше. А удастся или нет, я не знаю — и если удастся, то опять явится новая постановка вопроса³³.

Митя.

ААН. Ф.726. Оп.1. Д.17. Л.23-30об.

Ф.Ф.Ольденбургу

11 октября 1890, Михайловское

Высшая моя мечта — чтоб мой сын мог сказать рабочим, народу:

я такой же работник, как и вы, — и чтобы они его поняли и согласились с ним и признали его своим; — это моя высшая мечта потому, что я не смею мечтать о том, чтобы мой сын мог так же сказать: я такой же рабочий, как вы, и сын такого же рабочего, как вы. Вот моя мысль, которая подала повод к недоразумению. Я знаю, что ученый, писатель, общественный деятель тоже работают. Но мне кажется, что между работой этих лиц и работой народа лежит теперь пропасть, которая делает взаимное понимание их почти невозможным. Мы не принимаем почти участия в создании предметов, необходимых для поддержания жизни *всех людей*, в создании пищи, жилища, одежды, тепла для пользования людьми. Народ же почти не пользуется теми благами, на добывание которых направлена вся наша работа. И я считаю это разделение вредным и нежелательным — и вовсе не необходимым. Конечно, для установления понимания и сближения нет в сущности необходимости принимать участие в работе народа: для этого было бы в сущности достаточно дать ему сознательно пользоваться результатами нашего труда. И в сущности моя мечта была бы осуществлена, если бы мой сын — хотя бы профессор санскрита, не выдавший никогда косы и плуга, — сказал бы народу те слова и его бы поняли. Но я не верю, чтобы народ мог понять моего сына при таких условиях. А я хочу полного, взаимного, живого общения моего сына с рабочим народом — рабочей массой. Поэтому я убежден, что ему необходимо принимать личное участие в добыче предметов первой необходимости, если не всю свою жизнь, то по крайней мере в какой-нибудь период своей жизни.

И я твердо стою на этом главным образом потому, что убежден в важности этого и во многих других отношениях. Я убежден, что участие в народном труде необходимо мыслящей части человечества и для производительности ее труда. Я убежден, что известная решительность характера, сила воли, смелость и даже известные элементы благородства вырабатываются и поддерживаются в человеке известным физическим напряжением и преодолением физических трудностей, и думаю, что никакая гимнастика не заменит в этом отношении физического труда. Три великих образа более всего пленяют мое воображение, когда я думаю о здоровом человеке: равномерно развитый грек, благородный Эгмонт и, может быть, воображаемый Герценом декабрист, к которому пришел из сибирских лесов старец раскольник и сказал, что они их, декабристов, знают и считают своими (оба были с заткнутыми за пояс топорами). И я не могу не видеть, что благородство всех этих трех образов в большей степени зависит от их физического развития и прежде всего от *их участия в войне*. Война и природа воспитали благородство в человечестве наряду с отвлеченной мыслью. Полное равенство людей (не думайте, что я понимаю это равенство в узком смысле, — под равенством я

разумею *равноправность*) невозможно, когда есть класс людей, не способных прожить своим трудом.

Но самое сильное мое соображение то, что и воспитание детей, каким бы оно ни было, — не может быть правильным и здоровым без участия в физическом труде и без общения с природой. Я считаю, что грехи нашего среднего образования — совсем не в числе уроков латинского и греческого языков, а в том, что детям, в которых надо развивать мускулы и простые элементы чувств и мысли, преподносят высшие обобщения и *ОТВЛЕЧЕНИЯ* одной духовной стороны жизни, гонят их от всего, чем им естественно заниматься, к тому, чем они естественно заинтересуются через много лет. Я думаю, что в основе нашего образования лежит роковая ошибка, заключающаяся в том, что, по мере перенесения начала учебных занятий с 20-30-летнего возраста на 7-10-летний, в программах занятий не делалось значительных изменений. Если монаху средней Европы естественно было начать свою науку латынью, то это не значит, что с этого надо начинать науку нашим детям. — Я очень неясно выражаюсь, боюсь, что Вы не то поймете, что я хочу сказать.

Прежде приступали к науке люди уже пожившие, прошедшие на практике науку жизни, а теперь мы передвинули ту отвлеченную науку в детство и почти вытеснили самую все-таки важную для образования человеческой личности — науку жизни.

Мы демократы. Мы желаем полной равноправности. Мы стремимся к возможно полному и всестороннему развитию личности. Мы хотим свободы — не только в правительственных учреждениях, а и в сознании людей, мы хотим дать им возможность не служить тому, что они признают за зло. Мы хотим братства всех людей и полного их взаимного понимания. Мы не хотим взнуздывать зверя — народ, но не хотим и того, чтобы он разрушил наши музеи и сжег наши книги. Мы хотим быть смелыми и сильными. А для всего этого мы должны по возможности сами [трудиться] и побуждать детей участвовать в том великом человеческом труде, который направлен на добычу предметов первой необходимости. <...>

Надо сказать несколько слов и об осуществлении этих отвлеченных мыслей. Жизнь так сильна, что я не считаю возможным одному человеку завоевать себе возможность полной духовной жизни с человечеством и вместе с тем общей с народом трудовой жизни. И добиться такой полной жизни только и можно, если люди отвлеченной мысли сойдутся в одну общину с людьми народного труда. Для общины — это не только возможно, но даже является необходимым условием правильной и полной жизни общины. — Самое лучшее было бы так или иначе пристроиться к людям, с которыми у нас есть общее понимание и которые всерьез сядутся на землю. Такие люди есть. Но я не знаю, возможно ли сойтись с ними. Другой путь —

укрепиться на земле кому-нибудь из нас. И я постоянно действую, как будто я этот укореняющийся. Но я спешу разрушить иллюзии, которые могут создаться у людей, мало знающих нашу жизнь и судящих об ней по словам беглых наблюдателей. Мы, т.е. собственно Анюта, несем тяжесть деревенской жизни, но нисколько или очень мало приобретаем силу деревенских людей. В сущности я менее тружусь физически, чем трудился бы в Петербурге, шагая из конца в конец по улицам его. Настоящих знаний приобретается тоже мало. Больше приходится возиться с очень противными денежными делами, настоящим образом входить в хозяйство почти не приходится. — Так что: 1) может быть, нам будет не под силу и мы сбежим, 2) я не являюсь умелым деревенским жителем и надежным корнем служить не могу.

Я сравниваю компанию с каким-то растением, которое чувствует надобность вращаться в землю, но не имеет корней и волочится по земле отчасти по велениям ветра, отчасти по высшим замыслам. Мы нижняя часть компании, примыкающая к земле и стремящаяся за что-нибудь уцепиться и во что-нибудь вращаться. Но ни за что не укрепляемся и ни во что не вращаемся, не даем компании устойчивости и платимся своими боками за близость к земле, о которую бьемся и в которой не можем укрепиться.

Д.Шаховской

ААН. Ф.887. Он.2. Д.255. Л.9-14.

В.И.Вернадскому*

14 октября 1890, Михайловское

Я удивляюсь, как Адька [Корнилов] может думать, что деятельность в России невозможна³⁴. Это объясняется только тем, что он представляет нас обладающими определенной программой. Ее-то действительно во всей полноте в России нельзя проводить, но ее-то у нас нет, и нам еще придется до нее доработаться. А для того, чтобы она была сильною, работа должна происходить в России (только лучше не в Конске). Я согласен, что терроризм — путь не для нас. Но все остальные пути: хождение в народ, участие в государственной деятельности и литературе — для нас и открыты, и обязательно нам по ним идти.

Старого хождения в народ, конечно, не будет и не надо, но приближение к народу и общение с ним — необходимо, возможно и осуществляется множеством людей, между прочим и наших знакомых.

* Круговое письмо, вначале направленное Вернадскому. (Прим. публ.).

Участие в деятельности государственной возможно было даже и в сравнительно свободной степени в земстве — и, конечно, немалое преступление, что мы им не воспользовались, каково будет в новом земстве — не знаю³⁵.

В журналах нам не позволят напечатать манифеста и будут урезать наши статьи, но ведь сколько мы можем сказать русскому обществу такого, что ему необходимо прослушать, до манифеста. Возбуждать любовь и интерес к мысли, свободе очень и очень можно, были бы вера и талант. <...>

Я понимаю, что русского человека может охватить такая ненависть к существующему строю, что он бежит за границу. И оттуда с этим строем будет бороться. Но, конечно, такое настроение не имеет места в данном случае.

Я понимаю и Мадзини³⁶, который вступил в борьбу без видимых оснований возможности фактического успеха, но у него была вера в родной народ, а у нас такой веры, я думаю, нет (то есть мы не видим в народе скорых союзников). <...>

Считаю возможным выработать такой социальный идеал, при котором наша деятельность была бы вполне понятна и народу. Но это вопрос будущего, я полагаю. Нам прежде всего надо много и много поработать.

Как же нам работать? Ведь надо же что-нибудь делать. <...> надо выступать в литературе кто как может.

Надо изо всех сил способствовать просвещению русского общества, важную заботу в этом отношении составляют библиотеки.

Надо по возможности принимать участие всяческое в самоуправлении.

Надо быть поближе к народу. Я бы прямо посоветовал познакомиться хорошенько с Весьегонским уездом.

Суть не в том, что мы должны готовить из себя писателей, а [в том, чтобы готовить] из русского общества аудиторию до лучших дней, время наступления и характер которых много будет зависеть от усилий если не нас, то единомышленников наших.

Но где же ваша программа, могут спросить меня. <...> Полной программы у меня нет, и я думаю даже, ни у кого в России нет.

Самая определенная из всех вышесказанных, мне кажется, в свободной России. Кроме нее — Земский собор. Но что это значит?

Во всяком случае, самый первый пункт — это вопрос о разделении власти между главой и народом. Второе — провозглашение прав всякого гражданина, и прав не только политических, но и социальных. А именно: всякий имеет право на труд и только на продукт своего труда, всякий имеет равное с другими право в пользовании продуктами, не являющимися результатами труда, всякий немощ-

ный имеет право общественного призрения, всякий имеет право на школу.

Для выписки этого места я взял свою тетрадь (почти пустую), озаглавленную «Политическая экономия, политика, земство», и выписываю из нее следующее затем место: «Свобода и полное развитие человеческой личности. Только ставя на первое место и даже только сводя к этому началу, можно освободиться от исключительности и недоразумений».

ЦГАОР. Ф.635. Оп.1. Д.293. Л.143-148.

А.А.Корнилову

25 октября 1890, Михайловское

Я говорю, что я, разумеется, социалист, и вместе с тем, что социализм — понятие весьма смутное. Поэтому я должен объяснить, в чем заключается мой социализм. <...>

1) Я социалист прежде всего в том смысле, что считаю каждого вправе пользоваться только продуктами своего собственного труда, продуктами же природы и чужого труда пользоваться не по захвату, а по другому, высшему принципу. Настоящим таким принципом должно быть распределение представителями общества. Но для того, чтобы этого можно было достигнуть, необходимо совершенное преобразование общества, развитие в нем сознательности и установление настоящего представительства. <...>

2) Продуктов моего личного труда в сущности нет. Все, что я произвожу, производится мной при помощи других. Я на все смотрю как на общую собственность, которой я могу в данном случае быть распорядителем.

3) Жизнь отдельной личности не имеет настоящего смысла. Только жизнь в человечестве имеет смысл, и всякий должен поэтому чувствовать себя частицей этого человечества и руководствоваться его интересами.

4) Жизнь людей только может быть полной и счастливой при общинном строе.

5) Я считаю несправедливым получение процентов с денежных капиталов и несправедливой жизнью на проценты. <...>

Таким образом, мне кажется, я не подвергаюсь опасности увлечься индивидуализмом и капитализмом. И тому и другому я противопоставляю социализм как *теорию*, признающую мерилom ценности труд, а все от него независимое — общественным достоянием, и тесную зависимость личности от общества как чувство необходимо-

сти единения с другими людьми и воспитания навыков совместной жизни, и как живое сознание этого единства.

Конечно, необходимо воспользоваться привычкой русского народа к жизни общинной и построить сознательную правовую теорию, которая бы имела силу закона теперь же, пока фактически все отправления его жизни основываются на общинном начале. <...> Программу в этом отношении надо еще создавать.

Общинным институтам русского народа я придаю значение громадное. И дрожу при мысли, что мы своими чуждыми народу правовыми понятиями всякий день и час разрушаем — не инстинкты эти — их надо уничтожить, заменив сознанием, — а возможность сознания, находящегося в согласии с инстинктом. А для того, чтобы такое сознание стало возможным, нужно воспитание народа на началах *права и совместная деятельность* на судебном поприще интеллигенции и народа.

Собрание Д.М.Шаховского. Копия.

А.А. [Штевен?] ³⁷

[6 апреля 1894]

Братья для меня те, кто не ждет пробуждения, а сам всеми силами своей души, по-своему или по-моему, и все-таки непременно по-своему будят — и будят прежде всего — бестрепетно и беспрестанно — свою собственную душу. И я смело называю братом того, кто хотя бы и по-своему, но вместе со мной будет, я знаю, делать не только какое-нибудь хотя бы самое великое, но все же частное дело, а вот это величайшее общее дело пробуждения бесконечного своей души и души человеческой = души мировой = вообще.

Еще вот что. Ведь для меня политика сама по себе — совершеннейшие пустяки. Для меня важно (*кажется*) только одно: рост сознания. Если сознание постоянно в своем росте толкается о низкий свод и в своем стремлении к другим сознаниям постоянно наталкивается на бессмысленные перегородки, то надо разрушить этот свод и эти перегородки, может быть — построить новые. Но это только одно небольшое механическое дело, нужное для роста сознания. Оно, впрочем, нужно не потому, что оно полезно, но потому, что оно прежде всего необходимо, потому что низкий свод и перегородки — постоянное оскорбление растущему сознанию³⁸.

Собрание Д.М.Шаховского. Копия (выписки). Заголовок оригинала: «Из писем Папы к А.А. (списано с копии тети Наташи)». Помета: «6 апр. 1894 г.»

II. ИЗ ПИСЕМ 1921-1938

В.И. и Н.Е.Вернадским³⁹

5 января 1921, Москва

Дорогие и близкие души Наташа, Владимир и Ниночка!⁴⁰ Я хотел написать: «Вы представить себе не можете, какое трепетное ликование я чувствую, когда испытываю сознание близкого свидания и возможность снова стать на одно дорогое дело, рука об руку, испытывая наличность дружеской поддержки вблизи». Но я сообразил, что Вам слишком легко себе это представить, заглянув внутрь себя. И в ожидании скорого свидания после, кажется, вековой разлуки — хочется сказать только одно: начинается снова великая эпоха национального строительства, и прилагать к нему руки — величайшее счастье, какое дано испытывать на земле человеку. Особенно — после полосы безвременья, которое мы пережили и изжили, если не окончательно, то в значительной части.

Я решительно стою за возможно быстрый переезд Ваш в центры, на наш снова становящийся деятельным север. Вот только в климатическом отношении не знаю, насколько благоразумен такой переезд в теперешнее время года для Наташи и Нины. Может быть, перенесая душу сюда, повременить с общим переездом до лучших по теплу материальному дней. Тепла же духовного и умственного на севере Вы найдете более чем достаточно, за это смело беру поруку.

Очень тороплюсь. И стынут руки. Простите за неряшливость письма и поверьте, что в душе все прибрано, уютно, тепло и спокойно.

Крепко, крепко Вас обнимаю.

До свидания!! Ваш неизменный

горячо Вас любящий друг Митя.

13 января 1921

Дорогие Наташа, Владимир и Ниночка. Пишу Вам несколько слов. Неудержимо хочется передать Вам хотя бы неясным намеком то ощущение совершающихся вокруг великих процессов жизни, ощущение, которым я как-то до краев полон эти дни. Так значительно это переживаемое нами время и такое оно благодатное для себя или лучше для оплодотворения готового воспринять все благое и действительно народного духа. Надо смело приступать к творческой работе всем, кто сознательно жил и вынес из этой жизни прочно уверенное понимание окружающей жизни. Свободная всесильная наука. Вольная сильная личность. Русское крестьянство. Русская кооперация, как синтез крестьянства и русской интеллигенции⁴¹. Вот

перечень намеков, которые хотелось бы Вам перекинуть в ожидании возможности вести нескончаемые беседы и встать на общую дружную работу.

А пока принимаюсь за свою маленькую работу.

До свидания. Ваш Митя.

Аня⁴² все сидит. Анюта⁴³ в Дмитрове. Наташа⁴⁴ вчера туда поехала.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1838. Л.1-2.

И.М.Гревсу

13 января 1921

Дорогой Иван. Очень как-то захотелось среди дела написать Тебе хоть словечко. Знаешь, какое у меня чувство? Как будто из-под земли вдруг встала какая-то простая и великая в своей простоте истина, самое существо вещей, воздающее всем по заслугам и творящее суд над всеми элементами народной жизни. Чувствуешь ли Ты это, Ты, историк и взвешиватель культурных ценностей?⁴⁵ Если да, давай Твою руку. Хотелось бы вместе, прислушиваясь к шорохам земли, угадывать их смысл и ожидающую нас судьбу. Если нет, хочется настойчиво внушить Тебе: вслушайся внимательно и не пропусти этой великой предрассветной поры. Оцени ее красоту, величие и поучительную силу.

30 января 1921

Не буду говорить о том дорогом и согласном, чем полно свыше меры Твое письмо. Хочу отметить разногласное, потому что время сейчас дорогое, а в этом несогласном и важное очередное дело.

Ты в переживаемом подчеркиваешь испытание и искупление. Это совершенно верно. Но есть в нем и оправдание и даже обетование. Ты вот этого еще не замечаешь, с трудом поднимаешься во мраке на гору, ступая через силу и поддерживая эту силу только мечтой и сознанием долга. А ведь стоит на время поднять голову или, может быть, взобраться на дерево повыше или отойти в сторону, где расступились горы и через пропасти видна даль — чтобы воочию усмотреть солнце, уже поднявшееся над горизонтом, и даже обогреться его лучами. Ты мне много приписываешь хорошего. Дело не в этом якобы присущем мне хорошем, а дело в том, что я мог и хотел в жизни не подчиняться технической повседневности и поэтому сохранил большую чуткость к общим явлениям, атмосферическим влияниям, сейсмическим предуказаниям — и поэтому загорался скорее и вернее многих окру-

жающих. Вот этот отблеск наступающего перелома есть то, чем я служу друзьям и другим современникам.

ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.1-3.

ВЫЗОВ СТАРИКАМ И МОЛОДЫМ

[Отрывок из письма]

[Начало 1925]⁴⁶

Декабристами жива Россия, и ими в глубине души жив каждый из нас. Нам надо вполне осознать это и по возможности передать это сознание другим. Без этого мы не можем достаточно послужить великой задаче, которая поставлена декабристами и пока не выполнена нами:

осуществить русскую правду.

Тезисы.

1. Настало время для интеллигенции опять заделать свое дело: осмысливать жизнь.

2. В этом доля обязанностей лежит и на нас — братстве.

3. Хотя мы и составляем жалкие остатки разбитого корабля, но, как всякое живое духовное единство*, продолжаем или можем продолжать жить**, как цельный корабль, с умершими, как с живыми, и совокупные с ними мы и теперь большая сила или должны быть таковой.

4. Борьба с самодержавием была только эпизодом в жизни нашего братства; эпизод этот в главном закончен, и мы снова возвращаемся к своей основной задаче.

5. Ее мы должны осознать и дать при этом отчет в своем деле самим себе, обществу, которое нас выдвинуло, народу, который нас вскормил, новому поколению, которое мы вырастили и которое нас сменит.

6. Очередная наша задача на ближайший год может быть определена двояко:

1) как *максимум* — осуществить русскую правду, которая нужна не только нам, но и всему миру.

2) как *минимум* — не забывать декабристов.

7. Если относиться к своим обязанностям жизненно и добросове-

* В др. списке: церковное. (*Прим. публ.*).

** В др. списке: жизнь. (*Прим. публ.*).

стно, то по существу между этими двумя программами — минимальной и максимальной — нет большой разницы.

ААН. Ф.518. Оп.2. Д.71. Л.1, 1об.

И.М.Гревсу

15 ноября 1925, Москва

Так ясно становится, что все дело декабристов еще впереди. Петр Первый направил все усилия на то, чтобы с корнем вырвать русское прошлое. Николай Первый хотел искоренить ростки русского будущего. Дело первого торжествовало 200 лет. Дело второго — сто лет. Мы жили без прошлого и без будущего. И только революция даст нам и то, и другое. Декабристы — это заключенное Николаем русское будущее. Всех их казнить было нельзя. Пришлось их изолировать и тщательно следить, чтобы не поднимались на очищенном поле новые ростки будущего. Для этого надо было оградить народ от общения с мировым движением и превратить школу, церковь и государство в казарму с застенком. Но «будущее» в конце концов побеждает. Однако за продолжительное пребывание в казарме с одной только мыслью, как из нее вырваться, утратили настоящее представление о своем будущем. В чем оно? Это великая загадка, которую приходится разгадывать. И, право, лучшим ключом к пониманию служит глубокое изучение декабризма в целом и разновидностях. Скоро минет год, как я поставил себе и близким эту задачу.

Я не знаю, удастся ли мне в моем докладе выполнить то, что я хотел бы сделать⁴⁷. Более всего меня трогает одна мелочь из «Щербатовской хроники». Как известно, братьев Чаадаевых воспитывала их тетка, княжна Анна Михайловна Щербатова. Жихарев говорит про нее, что она была «разума чрезвычайно простого и довольно смешная, но, как видно из ее жизни, исполненная благодати и самоотвержения». Она только и жила своими племянниками и для них. Из времени малолетства их известен такой случай. В отсутствие Анны Михайловны и ее воспитанников сгорела вся усадьба. Опасаясь поразить Анну Михайловну прискорбным известием, ее старались подготовить к этому удару и осторожно предупреждали о приключившемся несчастье. А она — посмотрела направо, посмотрела налево, убедилась, что оба мальчика при ней, и спокойно сказала: «Какое же могло приключиться несчастье, когда и Миша, и Петя при мне». Я помню и вижу как живую свою бабушку, как она рассказывает этот эпизод из жизни своей тетушки и обоих двоюродных братьев и

жестом повторяет движения Анны Михайловны. И мне так хочется, чтобы образ этого милого человека не умирал, а продолжал служить миру своей величавой добротой. И я чувствую, что это можно сделать и что это во что бы то ни стало должно быть сделано. Между прочим и потому, что в этих словах и в этом жесте — вся культура великого народа. И безвестная, никогда не помышлявшая чему-нибудь великому служить и оставить свой образ в назидание потомству «смешная старушка» может еще много поработать на пользу высокого, чем полна была ее душа, чем она жила.

И то, что мне чудится в живых последствиях скромного жития тетки знаменитого мыслителя — разве не должно быть применимо к той жизни или к тем жизням и к их общему делу, — которых мы были свидетелями и единственными держателями действенных тайн которых мы являемся.

Твой Митя.

ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.43-44об.

ПИСЬМО К НАШЕМУ ДНЮ В НАЧАЛЕ 1926 ГОДА⁴⁸

30 декабря / 12 января 1926

Прошел год юбилеев⁴⁹. Накануне его наступления я предлагал поставить во главу очередной программы мысль о декабристах, их смысле и их завете, мысль действенную, как действенна должна быть всякая мысль, одушевляющая братство. Не буду говорить о том, как кто отнесся к тому, что я тогда говорил и вслед за тем писал. Я это плохо знаю. Боюсь, что за исключительным лозунгом и за величавой тенью декабристов незамеченной осталась основная мысль моего тогдашнего утверждения: пора братству, как и всей русской интеллигенции вообще, заделать снова свое основное дело — осмысливать жизнь. С одним Адей удалось побеседовать до полного понимания. Но Ади уже нет в живых. И есть опасность, что недостаточно живой будет и мысль, по крайней мере наша *общая*, наша действенная мысль о нем.

1

Год юбилеев был и годом смертей. Умерли Харламов и Адя. И чуть не половина нашего первоначального состава уже в могиле. Это не только налагает на нас важный долг их увековечить в слове. Это

кроме того должно напомнить нам, что не много времени еще дано на дело увековечивания⁵⁰.

И первая из частных задач, которую я выдвигал год тому назад, — осознать перед собой свою суть и дать перед молодым поколением и перед обществом отчет за сделанное — еще более настоятельно стоит перед нами.

И близость к могиле со столь ощутимым влиянием* вечности, и переживание нами знаменательных мировых событий, важной поступью в таинственной тиши совершающих свое роковое шествие с неотвратимостью судьбы, — и частное, и общее должно нам внушить чувство общения нашего с отшедшими, сознание того, что мы вместе с ними — единая живая церковная сущность и что мы действуем или по крайней мере можем действовать силой, чувством и мыслью отшедших, как и своими. И это чувство, и это сознание обязывает нас закрепить образы и деяния отшедших, но с нами остающихся и нам содействующих братьев — в слове и на письме.

В этом мой первый тезис.

Деловым образом он выражается в предложении немедленно собрать письма и писания отшедших, привлечь к делу их поминаения всех их друзей и придать собранному материалу законченную литературную форму.

Для начала дела надо кому-либо из нас по крайней мере на месяц засесть за эту работу и сообща оплатить труд, на это обращенный.

2

Еще сильнее и явственнее, чем год назад, развернулись в нашей народной жизни те явления, которые наметились уже тогда. И основная задача интеллигенции — осмысливать жизнь — стала еще более осуществимой и неотложной. Один из наших основных устоев — действительность. Не дух Вагнера, а дух Фауста, влагающего прежде всего *дело* в изначальный смысл *Логоса*, везде и всегда вплоть до последнего шага перед могильной ямой, толкающего и себя и других к новым достижениям, не в могиле, а на деле, без примирения с уже достигнутым.

И хотя я по-прежнему считаю, что мир *декабризма* — лучший ключ к стоящей перед нами работе осознания, хотя работа над изучением декабризма еще не завершена, а тем более — хотя не завершена работа претворения русской правды в жизнь нашу и жизнь мировую — все же приходится на этом большом светлом пути выдвигать и частные очередные задачи.

Такой очередной задачей ближайшего года я считаю борьбу за

* В др. списке: веянием. (Прим. публ.).

единство русской культуры и за сознательное вовлечение в эту борьбу народных масс. Внешнее выражение этого всенародного овладения наукой и всенаучного завоевания народа — есть *краеведение*⁵¹.

И если бы я не боялся затемнить сущность символом, я бы выразил свою мысль предложением положить начало вольной русской *народной* академии. При данной обстановке в слове *русская* уже содержатся оба понятия: *вольная* и *народная*. Революция не только совершилась. Она еще и пребывает. И русская академия тем самым, чтобы быть русской, не может не быть *вольной* и *народной*. Конечно, это только образ. Я имею в виду не внешнее учреждение, а живой центр деятельной научной работы, сознательно и бодро ставящей перед собой новые методы познания, расширяющий (центр) область науки вширь и вглубь, придающий ей единство и вовлекающий в научный круговорот все население.

Я считаю, что именно этот идеал в действенном его противоречии мы ставили перед собой и 40 лет тому назад. И участие в борьбе против самодержавия, которой мы затем отдали свои силы, было только эпизодом неизбежным и законным, потому что самодержавие стояло поперек нашего пути и без его сокрушения мы не могли далее ступить ни шагу.

Но теперь, после того как задача, конечно, не нашими слабыми силами, выполнена, перед нами снова наша давнишняя цель. И во всех своих дальнейших планах мы из нее должны исходить.

Я не буду формулировать здесь оснований нашего понимания научной истины. Укажу только на одну сторону дела, которую хотел бы подчеркнуть, чтобы обменяться об ней мыслями. В числе источников житейской и научной правды мы ставили выше всего нравственные начала, подчиняя им все остальные. Я думаю, что эта наша индивидуальная черта имеет, однако, и национальный корень, в форме признания полного единства жизни в противоположность дуализму и всяческому формальному рассечению жизненных и познавательных процессов.

3

Я давно решил на этот раз заблаговременно довести свои мысли до общего сведения, чтобы ко дню свидания подготовить материал для более глубокого и продуманного обмена. Хотелось бы заблаговременно напомнить и то, что говорилось год тому назад. К сожалению, ряд случайностей помешал мне выполнить свое намерение вовремя. И я только теперь смог набросать свои мысли. Но так как встреча наша по случайным обстоятельствам отодвигается, то все же оказывается возможным дать в руки каждого этот набросок. Хорошо

было бы, если бы всякий со своей стороны обдумал и написал, что кто думает, и дал бы это в руки всех остальных.

А затем следовало бы наметить время общей встречи, если не удобное, то по крайней мере возможное для большинства из нас.

Я бы полагал наметить его на 25-28 февр < аля > нов < ого > стилия в Ленинграде⁵².

ААН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 71. Л. 2-3 об.

Н. Д. Шаховской

[1926]

Я исхожу из того, что дважды два четыре. Если в этом мы с Тобой несогласны, то разговор становится затруднительным⁵³. И в самых высоких выступлениях ума пребывают вечными и обязательными законы логики. И блеск истины должен освещать, но не слепить. И вот обращаясь с требованиями логики к Твоему письму, я имею кое-что возразить.

Во-первых, Ты не усмотрела в моем письме многое и самое главное, что сводит на нет *некоторые* из Твоих возражений.

Ты говоришь — «нет культуры без признания за другими методами познания кроме научного, только относительно и условно открывающего нам истину». Да разве не в этом главная *философская* суть моего письма? Я ведь прямо это самое и доказываю и все мои занятия Чаадаевым и пр. доказать и жизненно осветить это положение и имеют. И если Ты, отрешившись от слишком настороженной оппозиционности и недоверия к тому, что может быть что-либо глубоко и вне рамок узкой церковности, продумаешь мои тезисы о братстве, краеведении и вольной *русской* народной академии — то Ты увидишь довольно легко, что все это лишь действенное в условиях времени и места раскрытие истины, которую Ты *против* меня защищаешь. Конечно, это не значит, что между нами нет разногласий. Но они не там, где Ты их видишь.

Во-вторых. Ты говоришь: дверь раскрылась не сейчас или не только сейчас. Ведь и это так бесспорно, что смешно об этом говорить. Ежечасно открывается перед человеком дверь в жизнь, если ее усиленно жаждет раскрыть душа. И собственно вся жизнь человека должна бы быть более или менее непрерывным раскрытием дверей. Ты так и говоришь в одном месте: «нет культуры без тесной преемственности с историей человечества от самых его (sic) истоков». Но ведь как раз исходя из все время защищаемого мною начала соборности и вселенскости раскрытия истины есть моменты, когда дверь не для одной души, а для многих или для всех растворяется особенно широко и в особенно обширные и благодатные области. И ты сама

называешь один такой момент раскрытия двери — 1926 лет тому назад. Неужели Ты думаешь, что здесь может быть спор? Спор начинается только тогда, когда Ты это раскрытие в одном месте готова признать за единственное, хотя на следующей странице явственно пишешь, что и то раскрытие, которому мы являемся свидетелями, — не маленькое. Потому что как же иначе, как величайшим раскрытием какой-то даже не двери, а каких-то царских врат надо считать следующее место Твоего, да, да, да — Твоего письма:

«в сознании народном, как и в сознании интеллигенции, поставлен с никогда *еще небывалой* остротой, с катастрофичностью, *единственной в истории* запрос более насущный, более общий, без ответа на который жить нельзя». Ты ставишь мне вопрос, кажется ли мне, что «дверь в жизнь» раскрывается только сейчас. Это и смешно и грустно. Мне Твоя всеобъемлющая широта кажется еще все-таки слишком узкой, а Ты думаешь, что я впихиваю всю необъятность в какой-то личный густок мироощущения под влиянием преходящих обстоятельств. — Но я усматриваю в этом не случайное недоразумение, а важный недостаток твоего логического мышления, потому что все Твои возражения и недоумения были мною тщательно взвешены и предусмотрены, когда я писал свое письмо, и там расставлены вестовые знаки, явственно указывающие направление моей мысли.

Теперь *в-третьих*. В некоторых местах Твоего письма Ты рассуждаешь так, как будто человек, объяв суть жизни, должен замереть в сладострастном созерцании ее — и все человеческое становится слишком незначительным — или вернее — превращается в ряд действий, вызываемых этим общим овладением истины с одной стороны, указаниями повседневной действительности — с другой.

Вот тут Твоя постоянная и очень крупная логическая ошибка. «Так как я поняла главное, то надо только *жить*, исходя из этого понимания — и ничего более».

Вся беспредельная цепь между познанной истиной и повседневной действительностью выпадает или, правильнее, предоставляется самоочевидной и не требующей для уяснения огромных борений, сомнений, усилий ума, всесторонних изучений и соборного преодоления в мировых размерах.

Поэтому тебе кажется, что раз Ты обрела истину и почувствовала себя членом церкви, то все остальное пустяки.

Возвращаясь к письму, напоминаю: Ты пишешь: «Потому я не могу поставить краеведение в центре своего внимания и обсуждать возможность и своевременность создания вольной народной академии».

Вот в этих словах ясно обнаруживается, что Свет не освещает Твоего пути, а слепит Тебя. Раз «краеведение» не в центре всего, то нечего о нем и думать... Но ведь кроме истины есть еще и пути ее

познания и ее закрепление в деяниях жизни, и не только личной и семейной, но и общественной, народной, всемирной. Помимо того, что находится в центре, есть еще огромное поле, которое надо заполнить осмысленной согласованной работой. Помимо вечных задач, есть еще задачи дня, вокруг которых должны объединяться в общем порыве люди. Может быть, не краеведение и не русская академия, а другие вопросы должны быть выдвинуты в порядке дня. Так и надо их указать. А отвергать *эти* только потому что они не в центре, — логическая несообразность и большой грех нравственный, потому что он ведет к бездеятельности и омертвлению в целых обширных областях жизни.

А затем помимо этих устранимых и долженствующих быть устраненными логических ошибок пребывают еще существенные и жизненные разноречия, но может быть и они окажутся не столь страшными, раз логике будет дано право жить.

Собрание Д.М.Шаховского. Копия.

[март 1926]

Дорогая Наташа, по примеру прошлого года посылаю Тебе отчет о нашем дне. Надеюсь при этом, что Ты по примеру прошлого года не сожжешь его. Впрочем я, наученный опытом (не называю его горьким, потому что во всяком опыте есть своя горечь), на этот раз сниму копию, потому что утрачивать этот отчет не хочу⁵⁴. На беседе самый большой успех выпал на долю Твоего письма. Мысли естественно обращались на *смену*. И с особенной теплотой говорилось о том, что наши дети, несмотря на исключительно неблагоприятные обстоятельства, все же как-то внутренне между собой связаны. *Катю*⁵⁵ с нами не было, но она прочитала заранее письмо, и Маша [Гревс] от ее имени заявила, что она к нему всецело присоединяется. Я изложил свои возражения, но они, по-видимому, особенного успеха не имели. Я, впрочем, остался вполне верен доктрине $2 \times 2 = 4$. Единственного признания они, однако, не получили.

Впрочем, если Катя вполне присоединилась к твоим мыслям, то у остальных, выразивших к ним или по крайней мере к способу их выражения чрезвычайное сочувствие, как будто отношение не совсем пока ясное. Сергей-то [Ольденбург] даже правее меня в этом вопросе: он как-то совмещает крайнее уважение к религиозности и интерес к религии с непримиримой личной арелигиозностью. Владимира [Вернадского] отношение так не развивается, но выражение его точки зрения укрывается за какие-то трансцендентные или трансцендентальные туманы. Иван [Гревс] тоже не высказался совсем определенно, но как будто думает, что точки зрения наши гораздо легче примирить, чем это кажется на первый взгляд.

Вопросы, затронутые в моем письме (очередные задачи: отчетная история братства и поминовение словесное умерших, краеведение, русская академия) в общем встретили сочувственное отношение, но дальше выплыли еще два вопроса, не предусмотренные программой: трансцендентальный — вопрос о самом бытии братства — и вопрос об эмпиризме как о несчастье и о коренном зле, а может быть, до некоторой степени и о бессмыслице русской жизни. Последний вопрос остался затронутым только совершенно слегка, т.е. затронут он был глубоко, но тем недостаточнее развитие спорных пунктов. По вопросу же о бытии братства обнаружилось чрезвычайно важное жизненное значение, которое в ощущении и мыслях всех — по крайней мере всех высказавшихся — занимает братство — как живой возбудитель жизненных импульсов в каждом. Но и этот вопрос доведен до конца не был, а он, конечно, для нас — коренной. Может быть, некоторый материал для суждения о положении вопроса может дать один промелькнувший в собрании эпизод, изложением которого я и закончу свой отчет.

Сергей доказывал, что для него братство живо и что умершие братья являются во всех важных случаях ценными советниками, с которыми он общается как с живыми. А еще ранее Иван указывал, что у него с Сергеем близкое общение как-то порвалось, и Сергей не только не отрицал этого, а указал и на причину этого — на слишком большое подчинение Ивана какой-то охватившей душу его чуждой Сергеем силе...

Сергей еще говорил, когда Наташу [Вернадскую] вызвали к телефону. Сергей стал было продолжать свою речь, но потом мы попросили его дождаться возвращения Наташи. Все сосредоточенно молчали, погруженные в свои мысли. И в это время, в течение каких-нибудь пяти минут, произошло вот что.

Я, помню, витал в мыслях своих по многим странам и во многих временах, вместе с тем пристально уставился на дверь. Квартира Вернадских ремонтируется, и только накануне дверь эта была выкрашена в белую краску.

Эту блестящую белизну ярко освещал солнечный луч, и все время белое полотно двери было у меня перед глазами. И несмотря на это, три раза как-то таинственно отворилась дверь, и вошли один за другим три человека. Сначала Шура [Ольденбург], затем Федор [Ольденбург], наконец Адя [Корнилов]. Шура направилась прямо к Сергею, стала у его ног, взяла обеими руками руку его и стала ее тихо гладить. Федор прошел в угол за диваном, стал там, прижал к переносице очки и стал во всех нас всматриваться. Адя проковылял с какой-то маленькой палочкой к стулу, освобожденному Наташей, сел на него, вынул свою записную книжку и стал в ней что-то писать или чертить. В это время почти вбежала Наташа. Она остановилась в

недоумении у стула, на котором ранее сидела и который оказался занятым, хотела что-то сказать, но в это время стала говорить Шура, и Наташа застыла в положении летящей и вместе с тем неподвижной птицы. А Шура тихо сказала всего две фразы: «Как я счастлива, что Ты не одинок», — потом еще тише: «И еще как я счастлива, что вы вместе». В это время Федор крепко пожал руку Ивану, около которого стоял (Иван сидел на диване), и сказал: «Милый, милый Иван, ты помнишь?» — и две слезы скатились из глаз. Но он встряхнул голову, как это он делывал, когда хотел заставить напречься своим мыслям, обнял руками свою голову и сказал: «Почему это ты, Сергей, как будто ждешь смерти своих братьев, чтобы сделать их своими советниками?» Потом он обернулся к полкам с книгами, снова прижал очки к переносице и стал внимательно разглядывать заглавия. А Шура наклонилась к руке Сергея, которую держала в своих, и нежно ее поцеловала. Сергей сидел сосредоточенный и страдающий, и морщины набежали ему на лоб. Тут Адя оторвался от своей книжки, поднял голову, поправил пенсне на носу и сказал: «Да, не легко вам будет столкнуться, а так много надо сделать — и вы это можете, если будете искать ключ вместе». В это время он повернул голову и заметил Наташу. Лицо его озарилось блаженной улыбкой, он стал подниматься со словами: «Ах, извините, Наташа, я, кажется, занял Ваше место», но в это время послышался стук в дверь и торопливо вошла Прасковья Кирилловна «Наталья Егоровна, Ферсман требует вас скорее к телефону, какие-то москвичи едут по радио, и им непременно надо свидеться с Владимиром Ивановичем».

Наташа сказала: «Сейчас, сейчас», — и умоляюще: «Пожалуйста, не уходите». Но только отворила она дверь, как таинственные гости наши исчезли, и мы опять остались одни, каждый со своими мыслями и мечтами.

Разговор продолжался, как будто ничего этого не бывало. И, знаешь, у меня самого в дальнейшей беседе все это вылетело из головы. И только наутро, проснувшись, со свежей головой, я все это явственно припомнил и вполне понял смысл происшедшего.

ААН. Ф.208. Оп.5. Д.18. Л.174-176.

И.М.Гревсу

11 мая 1926

Я очень хорошо понимаю огромную трудность и тягостность отношений с Сергеем [Ольденбургом]. Скажу даже, что трудности эти обычными приемами совершенно непреодолимы. Приходишь к челоуеку — и застаешь какое-то бюро с миллионом выдвижных ящиков, которые все время открываются и закрываются перед Твоими

глазами, как будто нарочно для того, чтобы мельканием подробностей заглушить голос основного стержня жизни. — Ты в этом прав совершенно. Но все-таки за этим бюро есть хотя и похороненный под грудой бумажек и внешних поверхностных сношений, очередных канцелярских и просительных дел (иногда касающихся всей судьбы людей, иногда до смешного пустяковых — но трагедия та, что сразу не разберешь, касается ли дело жизни человека или глупой мелочи — а душевной энергии на разборку одинаково требует и то, и другое) — но все же живой и близкий человек. <...>⁵⁶

Все-таки в Тебе мало веры в то, что душа в Сергее несмотря ни на что — живая. Очень буду рад, если Ты оправдаешься. Это обвинение в недостатке веры у Тебя. Еще больше буду рад, если Сергей докажет осязательно наличность своей живой души. Должен вместе с тем признать, что вера моя есть только *вера*, правда, основанная на фактах, но только на фактах прошлого.

ААН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 62-64.

В.И.Вернадскому

22 августа 1926, Москва

Самое главное, что я хотел писать, это про Сергея и проч. Для меня сейчас — кризис братства. На братстве не сошелся клином свет. Отлично можно жить и без него. Но с ним — много лучше. А совсем невозможно — с видимостью братства, а на деле без него. Вот эта видимость — совершенно невыносима и пагубна. Можно смотреть так, что братство отслужило свое (для нас, а как форма людского общения вообще оно имеет непреходящую ценность) и уступило место другим видам общения. Я так и смотрел до начала прошлого года. Но Адя и Иван меня выписали на 30.XII.1924, мы все были, Сергей с грехом пополам, но все же был, я сделал доклад, написал после тезисы, получил ответное письмо от Елены Григорьевны [Ольденбург] — правда не по существу, и оставшееся неисполненным обещание Сергея прислать настоящий ответ. Я счел общение как живую действительную форму возобновленной и сообразно с этим направляю свой бег. С грехом на три четверти повидались мы в марте 1926. С моей стороны подготовка была на этот раз серьезнее. Но я не получил настоящего ответа даже на мой предварительный вопрос: существуем ли *мы*. А хуже всего, что моя попытка продолжить нить, все-таки чуточку завязанную, осталась в конце концов обрезанной дружеской, братской рукой. Как это понимать? Повторяю — не клином свет сошелся на братстве. Но оно и не шутка. Если оно еще живо, то из этого вытекают неисчислимы последствия. Оно тогда должно служить исходной точкой для массы решений и действий в

настоящий столь великий исторический момент. Я не буду далее распространяться — потому что все это предварительный вопрос к предварительному вопросу. И если вообще ответ возможен, то он возможен и на сказанное. А если он невозможен, так и разговора быть не должно и надо перенести прошлое в прошлое, сделать из него икону и не таскать труп в живую действительность.

Любящий Тебя Митя.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1838. Л.15об.-16об.

12 сентября 1926

Наряду с разрушением революция несет огромные новые возможности. И странное дело: никогда не было такой тяги к изучению старины, в частности XVII века, как сейчас, и изучение идет не отвлеченное, как у славянофилов сороковых годов, а самое доподлинное, по архитектурным памятникам, по произведениям искусства, затем — пока очень слабо — по литературным памятникам и по актам. Но всего этого накапливается в музеях и выброшено на поверхность такая масса (икон, рукописей, актов), что волей-неволей придется и за это взяться. И это не только в столицах. Нет, в губернских и уездных городах перед изумленным вниманием вырастают старинные памятники, как нечто новое, на что впервые открываются глаза, создаются музеи, появляются влюбленные в музейное дело, преданные до самозабвения делу изучения старины и окружающей действительности, толково во всем этом разбирающиеся люди.

С другой стороны, самое понимание нашего прошлого в целом, без ограничения какими-либо хронологическими рамками (я разумею особенно XVIII-XX в.) определение нашего места в историческом процессе — становится впервые возможным, вся наша история обзревается с огромной высоты, на которую возносит нас пережитое нами.

Но наряду с необъятным обилием новых объектов изучения, с армией новых работников на этом поприще, с открывающейся возможностью плодотворных обобщений — совсем нет централизирующей все это научной мысли. Университетская наука переживает переломный период. Даже и издательская деятельность поставлена силою вещей в такие условия, что не может дать требуемых жизнью обобщений. И книг-то не достанешь, необходимых для углубленной работы.

Для русской культуры открываются как будто обширнейшие возможности — и не хватает центра, который помог бы их реализовать. Неужели все это не налагает на Академию великих обязательств?
<...>⁵⁷

Скажу только, что надлежащую постановку краеведения как сред-

ства вовлечения в науку массы, оздоровления национальной мысли и поднятия ее до уровня поставленных перед нами задач — я считаю главной задачей, которая должна захватить в той или другой мере, той или другой стороной — всех без исключения сознательных людей.

Когда Ты будешь в Москве?

Любящий Тебя Митя.

19 сентября 1926

Радуюсь свиданию, но весьма опасаясь, что оно будет чисто внешним. Нелегко пробить туннель через горы и через годы пережитого каждым по-своему. Для меня все эти годы и горы ничего непроходимого не представляют. Я так ясно вижу то единое солнце, которое выше гор и давнее всех годов, но в Тебе как-то звучат иногда нотки какого-то сомнения, которое так не гармонирует с ясностью и ясновидением Твоего научного бега. Еще Александра Михайловна Калмыкова бывало трунила над Твоей быстрой политической эволюцией — в минералогии. Но я не верю Твоему неверию и вопреки всех твоих предостережений смело прыгну напролом, несмотря на все Твое академическое и мировое величие. Я верю, что наша лодочка давно привязана к такому кораблю, который нас везет в обетованную страну, и что с ходом этого корабля придется посчитаться всем величиям, как бы они не казались самодовлеющими. Ну, так до свидания.

ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1838. Л. 17-21 об.

И.М.Гревсу

4 марта, 1928

Мы во многом не согласны с Сергеем. И по философским, и по практическим вопросам. Так несогласны, что и спорить не приходится — а приходится более или менее почтительно молчать. Но вот он провозглашает лозунг — *Культурная революция*.

Можем ли мы сказать, что мы с этим не согласны? Можем ли мы сказать, что он себя, нас и всю страну бессовестно надувает? — А если мы не можем сказать ни того, ни другого, то можем ли мы молчать?

Ведь мы испокон века культурные революционеры. И когда подымается наше знамя, можем ли мы не стоять в рядах под ним? И тут недостаточно — сомневаться, соглашаться, размышлять... Нет, надо стать под знамя, надо найти свое место в рядах. У нас все благополучно.

Любящий Тебя Митя.

6 июня 1928

Видел Н.[П.Анциферова ?]⁵⁸ и услышал от него поразившую меня весть: Ты против подведения итогов. — «Итоги подведет могила». Неужели ты дошел до такого материализма? Могила — факт внешний и не зависящий от Твоей воли — подводит итоги *твоего* делания, в котором *ВСЯ* твоя личность, т.е. целый законченный мир, комок мировой свободы! Это ужасное отречение — не от себя, а от вечного и беспредельного мира, потому что именно подводя итоги сколько-нибудь грамотно, ты отрекаешься от *себя*, а судишь и себя и все внешнее с точки зрения того неумирающего и всеобщего, что в Тебе живет до могилы. Это жест ленивого раба, жаждущего могильного отдыха и отлынивающего от предназначенного ему в отведенной на его долю полосе жизни священного урока. — Почитай, почитай Чаадаева и отрекись от своих заблуждений самоубийственных, — если только Ты, как я надеюсь, не пошутил...

10 июня 1928

Устав Академии [Наук] дает право не только учреждениям, а каждой группе научных деятелей и даже отдельному деятелю официально и формально, но непременно обоснованно выставлять кандидатуру любого ученого в академики⁵⁹. Ты находишь, что вся выборная кампания производится в условиях ненормальных. Я с Тобой согласен. Но никак не могу признать, что эта общая ненормальность оправдывает или извиняет Твои ненормальные действия. Побороть ненормальность только и можно так, чтобы возможно большее число людей принялись поступать нормально. А можно ли себе представить более ненормальное поведение, как Твой отказ, человека, лучше всех способного оценить научные заслуги Петрушевского⁶⁰ и проделавшего работу такой оценки — подать свой мотивированный голос за его выборы, когда этот *ненормальный* порядок все же призывает Тебя принять участие в этом важном акте и дает полную возможность откликнуться на этот призыв?

<...> Академии придется вести борьбу с навязыванием ей по разным мотивам недостойных кандидатов. Силы Академии ограничены. И конечно — она поневоле сдаст во многих случаях, если ее оставят лицом к лицу с опасностью те, кто действительно понимает и ценит науку. Неужели же может кто-либо остаться в стороне от этого академического испытания, поставленного в рамки общенародного дела, если он может и по существу обязан сказать в нем свое слово, неужели можно ограничиться умытием рук, чтобы потом

этими руками метать камни в академиков, которые окажутся не на высоте задачи?.. <...>

Любящий Тебя Митя.

1 августа 1928, Москва

Продолжаю свои размышления о братстве и о Чаадаеве <...>. Чаадаев, мне кажется, с полной ясностью поставил и удачно разрешил основной вопрос современного философского мышления, который вследствие не выясненности своей в разных видах служил и служит камнем преткновения для современного человека. Мы в братстве инстинктивно разрешили этот вопрос правильно или по крайней мере стояли на правильном пути к его разрешению, но не до выяснили его ни себе, ни другим. Пора выполнить этот основной наш долг. И не только не поздно это сделать, а напротив — самое время.

Задача вот в чем. Как помирить всеобщий закон со свободой. Как понять присущую всякому сознательному действию субъективность при несомненно пребывающей (но только как и где) объективной истине. Что в человеке вечно и что преходяще. Как может человек вообще познать истину, когда он играличе жизненных волн, т.е. жертва случая.

Все это — один вопрос. Коренной вопрос религии, философии, науки, политического и личного поведения. И странно: он *во всей своей глубине* по-настоящему не ставится ни в религии, ни в науке (вот это особенно поразительно! Наука позитивная даже считает его совсем вне своих пределов, так что грешно им и заниматься!), ни в политике, ни в личной этике. И еще поразительнее то, что стоит только вопрос этот добросовестно перед собою поставить, чтобы одна за другой отпали все трудности, и кажущаяся безнадежной запутанность сменилась полной ясностью и одно за другим разрешались все роковые противоречия и сомнения. <...>

Чаадаевское же разрешение в том, что в человеке две сущности, слитые воедино. Он есть — всякий человек — выражение *всего*. Он вовсе не подчинен этому всему, а оно в нем пребывает — и только из этого пребывания человек почерпает знание. Но мудрый мировой закон поставил всякую человеческую личность и весь род людской в положение постепенного восхождения к истине по ступеням конечных впечатлений; и после того как он утратил сознание своей вечной сущности или пока он снова не обрел этого сознания, он кажется самому себе рабом внешнего, между тем как довольно обратиться ему (и инстинктивно он всегда это делает) к своей вечной сущности, чтобы все стало ясно и он стал в центре свободного царства добра и

правды, нисколько не мешая быть таким же центром всякому другому *сознательно* мыслящему существу...

Я выдал в двух словах этот чаадаевский секрет, скрытый в душе всякого и вместе с тем всякому, кто только захочет смело войти в дверь, настолько открытый, Михаилу Владимировичу [Шику]⁶¹. И он сказал: да это и есть учение отцов церкви. — Тем лучше. Конечно, и евангелие именно это и говорит и в этом все заключено.

Так видишь ли, вот это, правда, не полное сознание, а полусознание, было присуще братству, составляло его отличительную черту среди житейского моря, не всегда давало ему руль в руки, но всегда выносило на простор жизни и не давало пойти ко дну.

А теперь, на краю могилы, пора это сокровище осмыслить и не держать под спудом, как нельзя утаивать всякий свет, могущий сиять людям, осветить их путь и утешить ночные страхи, прогнать привидения и наваждения лукавой ночи.

29 ноября 1928

Теперь несколько слов о братстве. Конечно, братство не библиографическое бюро и не архивный склад ветоши и макулатуры, как можно понять из вчера написанного. Ты, разумеется, так не поймешь, но все же я скажу несколько слов и о том, как я понимаю основной смысл работы по истории братства и самый процесс работы.

1

Я считаю самый принцип братства, как нравственного начала и как социальной формы, чрезвычайно плодотворным и требующим выявления, обоснования и пропаганды. Особенно у наших детей, которые совершенно не понимают — и всецело по нашей вине — смысла нашей жизни, и жестоко от этого страдают.

История и должна этот принцип и его применения у нас выявить.

2

Но у братства было и совсем конкретное содержание. И в первую голову оно сводилось к борьбе с рационализмом. А для детей — мы представляемся крайними, нетерпимыми, непереносимыми рационалистами, от рационализма которых они готовы очертя голову кинуться куда угодно, хоть в омут. Наше философское *credo*, невыявленное, но все же совершенно определенное, должно быть сформулировано. Философское = религиозное.

3

Это credo не мешает поставить на вид и нам самим.

4

Мы были и особенно стали в известную пору жизни братства под напором событий и в силу своих религиозных принципов — обществениками en traine*. И это надо объяснить, оправдать, — но и ввести в должные рамки.

5

Надо вскрыть неумираемость братства, присущий ему характер вечности, как при всяком явлении неэгоистического и вместе соборного порядка.

6

И, наконец, история братства должна научить нас поверить в смерть, оценить всю ее действительность, благо — и красоту нетленную.

1 декабря 1928, утро⁶²

Революция — это баня пакибытия, купель кровавого крещения. — Новые очи, новые уши, новые души у нас народились, но не дано нам пустить их в дело, пока мы не поймем, что они — новые и что их надо поэтому по-новому пустить в ход.

Страшно сказать: ведь был год — 1876 — когда за одним столом могли сойтись Достоевский, Толстой, Фет, Некрасов, Бакунин, Кропоткин, Успенский, Михайловский, Вл.Соловьев и его отец Сергей Соловьев, Гончаров, Менделеев, Стасов — и поговорить о судьбах России. Могли — и не сошлись. Как это могло случиться? Вот что не сошлись, а могли сойтись — это так страшно, что у всякого, сознательно проделавшего баню пакибытия и соприкоснувшегося с духом великого писателя (напр. в «Бр<атях> Карамазовых») — должны волосы стать дыбом.

Но есть все же что-то еще более страшное. Как теперь, после всего

* Здесь: по необходимости (фр.)

пережитого, люди могут сидеть по уголкам и не понимать призыва к великому, не ощущать, что «наш век исполнен драматизма», не чувствовать себя участниками активными этой драмы. — Конечно, в одиночку нельзя в ней выступать. Но на то между различными формами и есть — братство.

3 декабря н.ст. понед <ельник>

Написав в субботу утром предыдущее письмо, я прочитал его за чаем Анюте и Ане. К удивлению моему, оно произвело впечатление. Конечно, гораздо более по вложенному в него чувству, чем по изложенным в нем мыслям. Спасибо и на этом. — Но все же в слове важны не только чувства, а и мысли. Пожалуй, последние даже важнее. И вот по отношению к мыслям письмо вызвало недоумения, чрезвычайно характерные. Дело было перед началом дневных занятий, и обстоятельный обмен суждений не был возможен. Может быть, тем интереснее вырвавшиеся замечания.

Больше всего, кажется, поразило последнее слово письма: братство! — Да где же оно? с недоумением спросили слушатели. <...>

Аня спросила: да что же это такое — братство? И кто же это — братство. Я кратко ответил на оба вопроса. На первый, впрочем, довольно неопределенно, сославшись на сложность темы и невозможность исчерпать ее в двух словах. — Я только заметил, что, по моему мнению, в наше сложное время без соединения людей в форме братских объединений невозможно никакой личности сознательно и деятельно участвовать в жизни... На второй вопрос — кто? — я с недоумением к самому вопросу сказал: да Иван, Владимир, Сергей, я... Это вызвало ответное полнейшее недоумение, чтобы не сказать — насмешку. «Да разве у вас есть друг к другу братское чувство? Разве ты относишься к Сергею, как к брату?» — Конечно, отношусь... — «Ну, а он, разве у него есть сознание братства?» — Конечно, есть, и я даже определил это отношение и вам его сообщил: для него братство в общении с умершими — с Шурой, Федором, Адей. Он думает, что советуется с ними в решении вопросов жизни... По-моему, это самообман, но все же в этом его причастность к братству. — «Это — Твой рассказ о видении?» — Да, но я в нем привел подлинные слова Сергея, и в этой части своей это точное изложение бывшего.

Анюта выходила по хозяйственным делам в этой части беседы. — Вернувшись, она сказала: «Да ведь братство было всегда какое-то отвлеченное», она на это ответил: «Может быть, так для Тебя. Для меня оно было и остается реальным». <...> И все не только внутри меня, а и в мире — склоняется к братству. <...>

Наше понятие о братстве было прямым выводом из всей жизни того поколения, завершением которого были Толстой и Достоевский.

И не только они, а [и] те другие, которых я желал видеть участниками великого *συμπόσιον* 1876 года⁶³.

Но непосредственно на нас особенно сильно повлияли они, да пожалуй еще — Влад. Соловьев. — Конечно, отнюдь не Фрей — это ты, Иван, оставь. Не вводи себя и почтенную публику в заблуждение. И сам-то Фрей явился к нам в значительной степени отражением Толстого... <...>

Я не знаю *братств* в нашем смысле вне русской жизни. Может быть, эта форма — примитив, который или умирает или выливается в нечто более резко оформленное — партию, монашеский орден, секту, школу, компанию, заговор. В первом случае (умирания) истории нечего делать с такой зачаточной формой, во втором (перехода в оформленную организацию) мы в истории имеем дело с этой установившейся формой (монастыри, масонские ложи, философские школы, карбонары и т.п.). Самое блестящее и богатое последствиями братство — оформившееся в церковь с уверенностью, что и врата адавы ее до окончания века не одолеют, — христианская община I века. Я, впрочем, не очень рылся в исторических аналогиях и вероятно кое-что упустил.

Но в русской истории тягу к братству мы видим. Беру только XIX век. Несомненно, что поколение, следующее за масонством XVIII в., было весьма склонным к братской форме общения. Вокруг Андрея Тургенева, вокруг Жуковского, вокруг Якушкина (Чаадаевы, Щербатов, Облеухов), у колонновожатых несомненно группировались люди в своего рода братства. Братьями называли друг друга и члены русской группы генералов 1812 года — Ермолов, Закревский, Волконский, Сабанеев, Воронцов.

Мне кажется, после 1825 года это не повторилось. Дружба Огарева с Герценом, конечно, была братством *a deux** — но именно потому она имела своеобразный характер. Идеалисты сороковых годов — были опять каким-то своеобразным союзом, которого я бы не называл братством.

Конечно, были очень хорошие товарищеские кружки, но какого-то привкуса именно того, что было у нас и что сразу вызвало у нас наименование братства (так сразу огорошившее Лельку [Обольянинова] и не без некоторого непродолжительного колебания воспринятое некоторыми из нас), — так этого чего-то, мне кажется, в других кружках не было. Соединения или оставались дружескими сообществами, или же переходили в артель, союз, партию.

Мне кажется, наше соединение ближе, чем все другие, известные

* Вдвоем (фр.)

мне, подходило в начале *церковности*. Я сейчас не хотел бы вдаваться в выяснение, что я под этим разумею. Я и так слишком углубился в историю и философию. Лучше перейти к делу.

Мы несомненно думали о новой религии, когда создавали братство. И вместе с тем вовсе не мечтали быть какими-то полными *новаторами*, мы вместе с тем, по-моему, не были и рационалистами или были ими лишь постольку, поскольку не могут ими не быть следующие шаблону жизни молодые люди в эпоху перелома. И конечно, отнюдь не была религией Фрея та религия, которую мы смутно искали. Повторяю то, что сказал вчера: Достоевский и Толстой — отчасти Соловьев были нашими вдохновителями, но заведомо нас не удовлетворяли. — Общение с народом — глубокое и широкое было *conditio sine qua non**. А затем — безусловная свобода. — Даже Сергей искал тогда религии. И он как раз дал своим — и нашим поискам этот оттенок свободы: *chercheurs*** — вот какая у нас должна быть религия: свободные искатели, ищущие правды — но только не внешней, а очень глубокой.

А затем —

1. Так жить нельзя (Толстой)
2. Все мы ужасно плохи (Достоевский)
3. Без братства мы погибли (— *бодрый выход* в новое)

Вот эти три тезиса я считаю самыми коренными нашими признаниями, на которых все строилось.

С чувством свободы, с верой в науку — скорее в народ и в глубь открывающейся живому чувству жизненной тайны — вот с чем мы шли в жизнь. И конечно, в близком будущем мы видели перед собой оформленную общими усилиями — с участием народа — религиозно-философскую доктрину.

Мы наткнулись на реальное зло всей жизни, без устранения которого пустым фанфаронством или самоуслаждением самодовольного умствования была бы наша работа, — *произвол*. <...>

---

* Непременное условие (*лат.*)

** Искатели (*фр.*)

Борьба с ним встала поперек дороги, и мы пошли на эту борьбу — не жертвуя ничем из своей святыни.

Конечно, наряду с политикой еще две стороны жизни ослабили *рост* братства как такового — *семья* и *Fach**. На эти три стороны дела:— семью, специальность и политику — должны были направиться и направились наши силы.

Но сейчас та же реальная действительность разве не заставляет нас вернуться к исходной точке? И теперь, как прежде, разрешение очередных задач непосильно в одиночку. И *братство* как раз та форма людского общения, которая лучше всего приурочена к организации достойной и полной человеческой жизни в новых условиях осложнившейся жизни человечества, и братство единственная форма, при помощи которой мы смогли бы внести нечто существенное в разрешение огромных задач духовного порядка, ставших сейчас поперек дальнейшего пути нашего общества — а пожалуй, и всего человечества.

30 декабря 1913 г. в последний раз состоялось собрание братства. У меня имеется написанный за полгода до смерти Федором отчет о нем (я на нем не был). — В 1924 году Иван [Гревс] и Адя [Корнилов] воззвали к возобновлению. Мы собрались — и старались поднять нить прошлого. Владимира [Вернадского] не было. Сергей [Ольденбург] не очень горячо откликнулся — как всегда последнее время — было очень некогда — и нельзя подвести точного итога. — На следующий год был Владимир, а Ади уж не было. — Следующие два года мы не собирались — и хорошо сделали — и теперь время собраться!

8 декабря 1928. Поздно веч <ером >

Итак, продолжаю.

Прежде всего одно замечание, пришедшее мне на ум только сегодня. Как перевести слово «братство» по-европейски? Я как раз сегодня прочитал где-то формулу французской революции — и почему-то в таком порядке:

fraternité, égalité, liberté**

Мы в начале жизни братства несомненно мыслили себе «братст-

* Специальность (нем.)

** Братство, равенство, свобода (фр.)

во» как существеннейшее дополнение более формальным членам триединого лозунга — свободе и равноправию — или даже социалистическому уравниению. Мы именно так понимали те два члена:

свобода — полная политическая свобода — даже с оттенком анархизма или непротивленчества, — но и свобода внутренняя, духовная — которая прежде всего;

равенство — прежде всего полнейшее равноправие, и не только политическое, а и нравственное — признание за всякой человеческой личностью полноты внутренней жизни, уважение к ней — «все мы из одного теста» — но вместе с тем — и всеобщее поравнение, борьба со всяким выдвигенчеством, не говоря уже об эксплуатации, Федор [Ольденбург] даже совершенно определенно утверждал: мы не коллективисты, мы коммунисты: всякому по потребностям, а отнюдь не по вложенному в общую работу труду, — и идеал воспитания был — в борьбе с проявлениями индивидуальной собственности. Но все это дополнялось и одухотворялось главным, потому что совсем уж не формальным, а жизнетворческим требованием третьего основного блага:

братство. И несомненно, мы вкладывали в него богатейшее, исполненное конкретности, вполне жизненное — живительное — содержание.

А как выходит по-«европейски»? *Fraternité, Bruderschaft**, как это сравнительно отвлеченно и далеко от живой плоти людских отношений! Это какое-то «братолюбие», какое-то свойство, добродетель, принцип, — форма отношений, а не живой организм, обремененный в плоть и кровь, с живыми людьми, составляющими тело — осязаемое и болящее, движущее и других двигающее — и придвигающее человечество к каким-то новым откровениям — не скажу конечным, последним, заключительным, — может быть, напротив, бесконечным, но вечно новым, вносящим по существу все новое, и как-то без остатка забирающее все частицы этого общего тела.

И так, согласно русскому значению слова, братство должно было воплотиться и воплотилось.

Вместо словесного сопоставления я незаметно для себя написал очень много из того, что хотел сказать о первом периоде жизни братства. Но не все. Был у нас и определенный чисто религиозный элемент. Мне не хочется распространяться о нем. Может быть, этому надо посвятить особое письмо. Во всяком случае — это в значительной мере дело истории — раскрыть, что в нас было от религии, чем

---

* Братство (нем.)

ограничено было это религиозное и почему оно не развилось. Мне достаточно здесь утвердительно сказать: *оно было*.

А по существу мне хочется скорей перейти к настоящему. Истории я не хочу касаться.

Но надо сказать еще, какие же взаимные связи давало и накладывало на нас братство?

1. Высшее взаимное доверие. Это величайшее благо... Но это так ясно, что не стоит говорить.

2. Совокупность усилий по выработке общего мировоззрения.

3. Взаимная связь и расширение своего кругозора, постоянное вхождение в интересы друг друга, взаимное обогащение друг друга жизненным, научным и религиозным опытом.

4. Коллективная совесть.

5. *Свободная* общность имущества. Всякий хозяин своего, и все-таки все знают, что все общее, и не только знают, а и пользуются этим.

6. Круговая друг за друга порука — всегда и во всем, — опять-таки без малейшего подавления личности и инициативы каждого.

7. Содействие друг другу в преодолении житейских трудностей, завоевание общими усилиями существования, достойного наших стремлений, дающего возможность им осуществляться и развиваться.

Пожалуй — все. Никаких внешних формул и внешних рамок этот статут не имел. Все попытки облечь его в какой-нибудь мундир — если и делались, то быстро отмирали и сразу обнаруживали свою никчемность и подчас смехотворность. Но по существу это содержание братства было живо, никогда не угасало и очень много давало.

ААН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 173, 223, 226-228, 240-241 об., 256, 257-262 об., 264-265 об.

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК С ПРЕДВАРЕНИЕМ 30 ДЕКАБРЯ В СТАРОМ СТИЛЕ. НА НОВЫЙ 1929 ГОД⁶⁴

№ 1. Владимиру [Вернадскому]

Ты настоящий № 1. Скептик *par excellence**. Скептицизм свой соединяешь с вечной и горячей верой в вечное. И вера эта вырастает в стройное и большое целое. Главное то, что ты умеешь направить свой скепсис и против самого скепсиса. Поэтому он и грозит более

* По преимуществу (фр.)

самому себе, чем вере. Скепсис общий дает трещину, а вера обещает скоро залить всю душу, — вера, очищенная свободной работой разума и долгим многосторонним опытом жизни. С одним еще не могу примириться: как можешь ты сожалеть о том пути, которым шла, а значит и не могла не идти жизнь. В результате этого изумительного ненаучного подхода к жизни не может не возникать сомнение в русском народе и в высшей разумности тех огромных жизненных процессов, в которых протекала твоя жизнь. Ты умеешь находить разумное в жизни существ почти лишенных разума и отрицаешь разумность в жизни авангарда разума на земле или по крайней мере на одной шестой ее части. Здесь очистительная работа скепсиса еще не закончена или скепсис роется не там, где надо.

№ 2. Наташе [Вернадской]

Ты «единственная». Поэтому Тебе — № 2. Вечно верная и вечно стремящаяся или готовая к новым устремлениям. Хотя обуреваешься Ты морем повседневности и иногда платишь ей дорские взятки, выбрасывая за борт святые предметы. — Но непоколебим оплот настоящего понимания в глубине души — и основан он на мысли и на чувстве. И поэтому никогда не сокрушат этого оплота силы зла.

№ 3. Сергею [Ольденбургу]

Ты живешь в сфере ожесточенного разрушения всех алтарей, надеясь при этом уберечь священный алтарь науки. Грозит обрушиться под Твоими ударами или вследствие Твоего запущения и алтарь братства. Всегда знаю, что в душе Ты горячий и верный его рыцарь, воюющий за его идеалы в далеких пределах, с вынужденной утратой прямой связи с родной стихией. — Возвращайся скорей из далекого похода. Пока Ты воюешь на чужбине, враги и время могут подкопать Твой дом и разграбить духовное сокровище.

№ 4. Ивану [Гревсу]

Любвеобильный историк и практик любви. Так много теплого чувства к самым благородным проявлениям человеческого духа вносишь Ты в жизнь. Об одном не могу умолчать. Почему ты, достойно преклоняясь перед розой, жалуешься на то, что шипы ее царапают руки. Роза без шипов — елочное украшение, а не живое органическое существо, своей простотой, свободной и чистой красотой пленяющее весь мир. Под этим моим образом скрыто многое — к сожалению, мало понятное. Ты, кажется, не понимаешь или не разделяешь кое-каких оттенков братских отношений, составляющих особенность

слагавшегося у нас типа их. Если напишешь настоящую историю братства — все поймешь и прочувствуешь.

№ 5. Аниуте [Шаховской]

Тебе дано было первой услышать, в письме Громеки, благовестие братства. Но ты его забыла. Иногда вспоминаешь Ты «чудное виденье», но принимаешь его за сновидение. — Все-таки и за это — благодарение судьбе. Но, лишая себя самого реального, что было в Твоей жизни, Ты несешь неминуемую кару: влачишь самую жизнь, как сонное видение, и лишаешь себя здорового ночного сна, источника обновления духовной силы. О, если бы ты могла проснуться!

№ 6. Маше Гревс

Вы все не можете поверить, что «наш век исполнен драматизма» и что все мы — не зрители и не жертвы, а вольные или невольные участники драмы, и даже можем, а тем более должны быть в числе ее творцов. Я — в своих представлениях — на противоположном берегу, — и поэтому так часто Вас сержу. Но измениться не могу.

№ 7. Наташе Шик

Ты мать четырех внуков братства — и много грехов с тебя будет за это сложено. Но все-таки обязателен и для матери путь *большого* участия в *общем* строительстве, чем твой путь, и без такого участия мать при всем героизме материнства еще не полная мать. Кроме пупа земного, есть и пуп небесный, и пуп этот не весь в церковности. Без живой связи со всеми сторонами беспредельности плод любви самой чистой растет односторонне, а следовательно и болезненно.

№ 8. Апе [Шаховской]

Ты будешь могучим братом, но только, когда освободишься из-под тяжелой и действующей незаметно от тебя самой власти инквизитора. Сила этой власти не в кострах инквизиции, не в красном одеянии кардинала, не в той силе убеждения в своей правоте, с какой он является к Христу в темнице, а в готовности людей признавать себя рабами и сгрудиться в стадо. Люди так легко забывают, что всякое существо, в коем живо сознание, после Христа уже не раб, а сын Божий, с искрой божества в душе. Искра тлеет — и разгорается пламя, каким ему надлежит быть, только в свободном сердце. Важнейшим богом на Земле ты справедливо считаешь *прекращение раздоров*, но как же можно послужить этому делу плодотворно, не

внося в свое служение свободного уразумения основ жизни? И не есть ли «братство» неизбежный этап к достижению этой цели?

№ 9. Михаилу Владимировичу [Шикуну]

Вы ближе всех стоите к тому пути, на котором больше всего страдают и счастья, — к пути крестному. Путь этот столькому научает, что уста смолкают и не поворачивается язык произнести пожелание. Только одно бы хотелось сказать: не умаляйте важности переживаемого времени и веру в его исключительную значимость умейте передать всем.

№ 10. Кате Гревс

Для меня Вы проходите жизнь свою в молчании. Я не надеюсь дождаться непосредственного слова. Но хотелось бы все-таки услышать хотя бы отдаленные его отголоски.

Дм.Шаховской

№ 11. Катерине Антипьевне Корниловой⁶⁵

В Вас живет так много Адиной души, а он такой коренной наш брат, что мне странно, почему так мало у нас общения по коренным жизненным вопросам, когда все мы, старики, уже на краю могилы. В этом — мера нашего слабого горения. Как ни странно, я все не могу отказаться от мысли усилить это горение. Может быть, Адя лучше всех понял бы и разделил бы эту мысль.

№ 12. Наташе и Феде Ольденбург⁶⁶

Федор был самый горячий зачинатель и самый верный наш рыцарь. И никак не можешь поверить, что дети его совсем равнодушны к судьбе братства. В кажущемся или действительном равнодушии, конечно, виноваты мы все. И хотелось бы исправить эту вину. В новый год позволительно высказать не только это пожелание, но и веру в его выполнимость.

Дм.Шаховской

№ 13. Александру Зарудному

Я жду и боюсь Твоего письма. И так как я писал Тебе, еще не дожидаясь нового года, и ответа пока не имею, то мне нечего прибавлять. Очень хочу настоящего обмена мыслей, но с определенным конкретным содержанием — и я уверен, что такое содержание найдется.

№ 14. Елене Григорьевне [Ольденбург]

Я не понимаю Вашего отношения к тому, что я упорно продолжаю считать живым, — к братству. Это непонимание мешает мне что-либо положительное Вам сказать. Я *слишком* не понимаю... Поэтому у меня одно желание: хоть немножко понять!

№ 15. Лиле [Шик]⁶⁷

Братство давно не живет организованной жизнью. Поэтому можно вышивать на его фоне любые фантастические узоры. Вот я и вплетаю Вас в свой узор братства. И даже считаю Вас наиболее обещающим членом. Во-первых, из всех нас Вы обещаете больше всех пронести по земле те идеи, которые Вас одушевляют или могут одушевить. Во-вторых, у Вас за спиной очень хорошие задатки. А в-третьих, и это самое главное, относительно Вас можно легче всего предаваться надеждам — и даже упованиям, значит мы здесь ближе всего подходим к царству вечного и беспредельного. Братству давно нужно обновление, толчок, сдвиг с мертвой точки отживших чувств и омертвелых формул. И, говоря о *надеждах* и упованиях, я имею в виду не Вашу личную жизнь, а эволюцию братства, которое для меня, ни на что не взирая, — все же способный к жизни организм. Нам надо встряхнуться. А для этого нужен приток новых сил. Это, конечно, еще не значит, что Вы захотите и сможете стать такой новой силой в таком застарелом учреждении. Но совсем уже бесформенно мечтать — праздное занятие, в красочных надеждах есть элемент движения вперед — и я в Вас сейчас олицетворяю обновление братства. Это никому не повредит, а мечты получают более живую окраску.

И в новый год я в Вашем лице желаю братству новой жизни. В братстве или извне — встряхивайте нас. <...>

№ 16. Всем

Мы так плохо собираемся, что приходится, обращаясь ко всем вместе, писать каждому в отдельности. Я это и делаю. Но все же какую-то сводку надо делать и общую. Не буду много рассуждать. Все рассуждения повиснут в воздухе. Скажу только несколько слов.

1. Братство наше живо, не как сонное мечтание и не как отшедшее в небытие прошлое, а как живая действительность, таящая в себе богатые возможности.

2. Для осуществления этих возможностей надо, помимо многого другого более важного, предпринять несколько действий организационного порядка.

3. Надо определить наличный, в пределах СССР, состав братства.
4. Надо его несколько обновить...
5. Надо сформулировать сущность братства.
6. Надо упорядочить его архив и написать его краткую историю.

Отделить при этом руду от шлака.

Прошу всех ответить на каждый вопрос: да или нет, а если можно, то и вскрыть содержание своего *да* или своего *нет*⁶⁸.

* * *

День каждый братства нашего обзревая храм,
Его от пошлости и от измены берегу я,
Его алтарь, откуда ввысь несется фимиами,
От вражеского взора строго стерегу я.
Алтарь давно уж пуст. В тоскливом ожиданьи
Одни умерших образы витают в нем:
Но братским все влекомые огнем —
На братское еще сберемся мы свиданье!

ААН. Ф.518. Оп.2. Д.71. Л.5-22; ААН. Ф.208. Оп.5. Д.18.
Л.177об.-181.

В.И.Вернадскому

15 января 1929

Дорогой Владимир. Я совсем оторвался от ваших академических дел. Была большая потребность поделиться с Тобой своим настроением, но как-то боялся написать что-либо во всех отношениях — невпопад — так как ничего не знал о Твоем отношении к ходу дел, ни о самом этом ходе. Мне казалось, что Академию ни в каком случае нельзя сейчас делать не только орудием (это слишком очевидно), но даже и *местом* политической борьбы, и поэтому следует идти на все уступки, просто став выше всей этой мелкой (хотя и тяжело отражающейся на самых важных интересах науки) злобы дня. Мне казалось, что и Ты так смотришь и в начале умел даже сохранять олимпийское спокойствие, подчас даже, может быть, чуточку *слишком* олимпийское. Но к данному моменту оно было самое правильное. Непременно хотел Тебе это написать — и особенно еще потому, что выборы 12 января совпадали с днем 30 декабря и мне как-то хотелось, чтобы Ты знал, что ни малейшего чувства осуждения и горечи не вызывало бы во мне полное проведение списка 42.

Результаты 12 января для меня были совсем неожиданные. Думаю, что они действительно до некоторой степени случайны. Но они вызывают чувство какого-то огромного удовлетворения, может быть,

легкомысленного — а может быть, и совсем наоборот. Повторяю, я ничего не знаю, а в таком сложном и важном вопросе довольно странно и даже глупо рассуждать, не имея понятия о деле.

Тем не менее — хотелось Тебе высказать и чувство полного примирения с политикой уступок, и чувство глубокого удовлетворения, что эта политика дала маленькую трещинку⁶⁹. А затем — самое главное — пожелать Тебе сил и здоровья — и спокойствия. Надеюсь, что оно Тебя не покидает.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1839. Л.22-22об.

Н.Е. и В.И.Вернадским

26 июня 1929

Дорогие бабушка и дедушка⁷⁰. Я получил письмо Владимира, но не успел тотчас ответить, потому что уезжал на экскурсию в Рождествено-Васькино, место жизни Щербатовской семьи с 1795 года; там разворачивалась драма Натальи Дмитриевны между Якушкиным и Шаховским в 1819 г., там, на фундаменте XVII века, приводящем в восхищение швейцарских коммунистов, здесь хозяйничающих, построен как раз в 1825 г. уютный дом без вычур, там до 1885 года, по возможности не ломая старого уклада, жила моя удивительная бабушка Елизавета Дмитриевна — и там проводил с ней свои студенческие лета — я. Здесь побывали Федор и Иван и, к сожалению, не были другие. Но — *es kann noch kommen**, потому что тени и люди — живы и гораздо ближе друг другу, чем 25, 50, 75 и 100 лет назад. И природа все та же и так же тклет жизнь из солнечных лучей. И даже, знаете, милые друзья, хотя не без недоразумений и временных перебоев — но все же *лучше* прежнего... а уж наверное — с более светлыми и прочными возможностями в будущем, чем те, о которых боозливо мечтали в прошлом.

Так вот я вернулся из этой экскурсии, помешавшей мне вовремя ответить, и привез из нее кусочек вечного неба, успокоительной зелени и целый океан любви — моей к этим старикам, молодежи и детям, которых там видел, а главное — другой океан непоколебимой уверенности, что и они все способны, готовы и хотят меня любить и кое в чем уже сейчас эту любовь проявляют.

С таким богатством можно — и жить, и умереть.

Пока можно жить, не надо умирать.

Итак, обращаюсь к письму Владимира <...>. Рад очень обращению его к философии при непрекращающейся деятельной научной и литературной работе. Но разве можно философствовать в одиноч-

* Здесь: прибытие еще возможно (нем.)

ку? Частице мира как в отрыве от него найти истину? Это значит — обречь наперед всю работу на неудачу. Конечно, усилие только и может быть индивидуальным, личным. Но оно должно быть и социальным, братским. <...> С немцами каши не сваришь в философских построениях. Заимствуй у них усовершенствованный прибор для варки и ложку, чтобы мешать варево, но самое варево каши надо производить со своим, родным, особенно если оно такое бурливое и радиоактивное, несмотря на навешенные по разным направлениям замки, как современное русское. <...> Конечно, привлечь к этой работе внучку следует, особенно раз она носит священное имя Татьяны, но все же с ней одной далеко не уедешь, искать истину надо соборно или по меньшей мере — братски. Потому что надо знать не только направление, но и размер сил. <...>

Теперь вот еще какое дело. Собери Ты, пожалуйста, Наташа, Ивана в Москву, право же ему здесь будет хорошо и полезно. Я даже стихи ему приготовил. Не постель, а стихи. Но вы, столичные и заграничные люди, — маловеры и не умеете взять от жизни самое ценное или по крайней мере недостаточно используете одной стороны жизни, которая вот так и брызжет в моем Рождестве-Васькине. Я думаю, что вместо далеких «санаториев» вот туда надо бы ехать за здоровьем и обновлением духа. Фундамент XVII века, а просветы всюду в бесконечность: и в небо и в будущность человечества в живой смене поколений, которую (смену) так здесь легко наблюдать, особенно если к ней подойти краеведчески.

<...> Привет всему широкому *безграничному* миру и до свиданья — где? Хотелось бы сказать: на братской беседе, если бы я не знал, что для многих братство только история, а не будущее, — или вернее — не вечность. Пока еще не настало время. Жизнь нас еще не достаточно научила. А, кажется, уж как старалась наградить своими уроками... Но все идет своими чередом, шаг за шагом, как будто все по одному и тому же ровному месту — и вдруг, когда приспелет время, открывается безбрежная даль и все становится ясным и понятным.

Как будто, знаешь, доживаем мы со всем человеческим до такого расширения кругозора. Правда, может быть, это «сейчас» будет и через тысячу лет, но веру в возможность наступления просветления *завтра* надо хранить в душе всегда, — и без такой веры не может наступить самое освобождение.

ААН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 469. Л. 68-71об.

И.М.Гревсу

9 февраля 1930

Милый друг. Только что прочитал Твое письмо. У нас дела фак-

тически очень плохи, хотя катастрофы всякие только еще нависли, но пока не разразились.

Дом и скот хозяина квартиры, где живут Шики, отобрали в «колхоз», но наших еще не выселяют, они ищут квартиру другую, но это, конечно, очень трудно, к тому же совсем неизвестно, на каком расстоянии от Москвы можно будет селиться, впрочем, паника у хозяев идет далее всех юридических норм, так что им найти дачу даже и сравнительно очень далеко от Москвы будет трудно, как бы ни определилась эта юридическая норма.

Другую катастрофу ждем мы в виде лишения страховой пенсии. Пенсионеров также чистят, и у меня уже отобрана пенсионная книжка. Решение должно последовать к 20 февраля. И более вероятно, что решение это будет — лишение пенсии⁷¹.

Вот тяжелые ожидания в близком будущем. <...>

Я не смотрю на будущее безнадежно и вижу в том, что у нас сейчас происходит, глубокий смысл и справедливую расплату не только за *старые* грехи, а за *живущие в нас и сейчас* недостатки. Но и рука не подымается эти недостатки и грехи перечислять и размазывать, и смысла в этом я не вижу.

Пока можно — просто ухажу от этого созерцания и от споров — в свою работу. То же делаешь и Ты. К сожалению, работа подвигается не так быстро и успешно, как бы хотелось, но личное удовлетворение и удовлетворение жизненное она несет с собой. <...>

К счастью, чудесная Эдита Раден сохранила нам в целости письма любимого ею друга — Самарина, зачинателя всего движения⁷². Что же мы видим, знакомясь с этой перепиской? Самарину не с кем делиться в конце шестидесятых и первой половине 70-х годов своей *православной* живой мыслью. В общении с решительной и последовательной протестанткой, безнадежно для обоих корреспондентов отрезанной от религиозного настроения русского православия, находит Самарин единственную возможность общения с кем-либо по религиозным вопросам! И Соловьеву приходится начинать сначала весь этот путь духовного прозрения — и оставить его снова не законченным удовлетворительно и снова без настоящих премирников! <...>

Боюсь, что я не передаю Тебе всего трагизма, мною ощущаемого, трагизма, конечно, весьма далекого от безнадежности. Совсем напротив, я уверен, что концы с концами еще свяжутся и что как раз в пятом поколении, деловом и чистом от многих грехов поколений предшествующих, найдутся настоящие продолжатели и осмыслители всего — и предстоит какой-то синтез. Чаадаев предчувствовал, что для этого должна произойти катастрофа.

Но и нам надо было вложиться сюда по мере сил — и хотя бы в теории приобщиться будущему делу. <...>

Я предыдущее письмо Твое все очень живо перечувствовал и, конечно, в общем вполне с Тобой согласен и глубоко Тебе посочувствовал. Но только все-таки, как ни печальны наши чувствования, ведь жива объективная истина и прекрасен тот мир, в котором она, что там ни говори, воплощена. Так зачем же унывать *всецело*? Чего же тебе еще? <...>

*И разрешение всего — формула Чаадаева*⁷³.

В ней, конечно, на словах слабо отражено то из трех течений христианства, которому, я считаю, ходом истории предназначено вывести человечество на путь веры — православие (только не русское православие, а все православие в совокупности — восточная доктрина старая, и греческое предание, и новые философские течения, растущие на фоне православного религиозного сознания, чувства и опыта, включая и религиозные переживания русского народа). Но на деле вся формула Чаадаева *durch und durch** «возвышенно православная, потому что по существу Чаадаев был коренной представителем русского духа и нес собой, или лучше — в себе, — именно русскую идею». <...>

Искание *истины* — вот что на первом месте, вот чему все подчинено, и, конечно, искание это не может быть бросанием из стороны в сторону, а предполагает *существование* объективной истины и приближение к ней *общими* усилиями и организованным преемством этих усилий. И это постепенное завоевание истины предполагает не одни усилия ума, а участие всех духовных сил, даже не человечества одного, а всего мира (не определяя заранее, в чем эти силы заключаются), и объединение этих сил, приближающихся к истине, *постепенно* складывается в определенный организм, вытесняющий все другие виды человеческих союзов или, по крайней мере, подчиняющий их себе.

16 февраля 1930

Как и Россию, Чаадаев любил христианство в *будущем*, он ждал и жаждал полного переворота, и величайшим историком считал — автора Апокалипсиса <...>. Это однако никак не значит, что переворот есть светопреставление. Чаадаев ждет *возрождения* церкви — той католической церкви, поклонником и приверженцем которой его считают, и все свое упование возлагает на демократический элемент папства, делающий возможным под давлением духа времени возведение на престол высшего духовного авторитета на земле, независимого от оков происхождения, всевластия преданий и рамок традиции носителя этого духа, *духа* все обновляющегося и все же тождественного в себе с того дня, как он носился над хаосом и бездной творимого

* Совершенно и насквозь (нем.)

мира, до того, как исполнятся последние обетования, этому миру дарованные в высшей его организованности...

30 июня 1930
(переписываю — 21 июля 1930)

Я думал, что мы, русские, должны внести в сознание человечества. Это познание духовной стороны бытия, конечно, вовсе не вследствие каких-то исконных присущих нам свойств, а по историческому ходу нашего развития и по тому положению, которое мы занимаем в истории мира. Христианство застало нас на самых ранних ступенях человеческого развития, и оно легло более прочно, чем где бы то ни было, в основу национального идеала. <...> Мне казалось, что русские, соединяющие в себе свойства людей и востока и запада, способны внести в человечество живое осознание великого источника внутреннего познания. <...>

И вот это чаяние терпит сейчас жесточайшее крушение. По отношению к человечеству в целом крушение это, конечно, лишь временное. Какими-либо путями, может быть через Индию, монгольский мир или путем жестокого кризиса европейской цивилизации, а верней всего — в результате всех многообразных процессов развития, стержневая линия деятельного человечества выйдет на настоящую дорогу, на то простое разрешение задачи, которое мне представлялось недавно столь возможным и легким (в своем высшем проявлении — американской) внешней действительной силой — сейчас нельзя трактовать иначе, как ни на чем не основанную мечту. Сейчас этот американизм не сочетается с нашей духовностью, а беспощадно топчет ее, не внешним насилием, а победой изнутри <...>. Перед нами такое яркое проявление бессилия европейской силы и силы русского бессилия, что никакой реальной базы для синтеза пока нет.

3 июля 1930

Не уничтожат ли религию те ограничения, которые я ей ставлю, или, по крайней мере, — не разрушат ли они в корне христианства? Что за христианство без веры в загробную жизнь, в воздаяние по грехам после смерти, в воскресение — эту видимую победу над смертью, в чудеса, в прямое вмешательство Бога и его изблюбленных в личную жизнь каждого человека?.. Конечно, скачок большой от исторически сложившихся и окостеневших форм христианства к той его основной истине, которая могла бы еще и сейчас принести спасение миру.

Но что это значит? Не значит ли это только то, что христианство перестало быть безболезненным соборным исканием истины — а

только в этом истинный смысл всякой религии, — а стало выражением одного фазиса этого искания, перестало отражать в себе жизнь человечества и теперь, для того чтобы сохранить свое выражение истины в высшей ее форме, доступной человечеству, должно существенно перестроиться — или вернее — продолжить раскрытие своей же сущности?

Как едино бытие, так едина и истина, едины и общие условия искания ее. И к установлению религиозной истины надо неуклонно применять все имеющиеся в распоряжении человечества приемы искания и проверки. <...>

Я придаю христианству значение центрального и самого важного факта во всей истории человечества <...>. Оно вносит в сознание человечества начала высшей свободы всякого отдельного сознания и беспредельного совершенствования, т.е. непрерывного движения к одной абсолютно сущей, но постепенно постигаемой и осуществляемой человечеством истине.

Между тем церковь нашла возможным признать процесс завоевания истины законченным, она думала замкнуть истину в раз навсегда установленные формулы. И что же из этого получилось? Раздробление единства церкви, распыление религиозных исканий среди одной части христиан, омертвление этих исканий — среди другой. <...>

Основной завет Христа: свободное водворение во всем мире царства божия, т.е. коренное преобразование человеческих сознаний и всех человеческих взаимоотношений, был забыт. <...>

Учение Христа в полуанабиотическом состоянии в христианстве живо и сейчас. Оно может в нем возродиться, я думаю, с полной силой, но для того, чтобы выполнить свое назначение, ему именно предстоит возродиться. <...>

В ответ на несколько моих намеков о религиозных мнениях и сомнениях сестра моя недавно напомнила мне дорогое ей изречение блаженного Августина:

В главном — единство,
во второстепенном — свобода,
во всем — любовь.

ААН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 329-332 об., 334-335 об., 356-361 об.

В.И.Вернадскому

22 октября 1930

Мне кажется, что я по существу овладел чаадаевским материалом, хотя все еще чувствую большие пробелы в своих познаниях в области философии, кроме того есть еще и довольно существенные недостатки

в области текстовой работы и некоторых архивных изысканий, но это последнее сравнительно небольшое дело и технически сравнительно легко может быть довершено. По части же философии, хотя я и сделал некоторые успехи, но все же чувствую еще свою большую слабость.

Несмотря на эту слабость, у меня все же твердо сложилось убеждение, что в философии имеются такие же странные провалы в человеческих знаниях и в методе подхода к построению истины, какие Ты постоянно открываешь в области научного знания. Мне кажется, что область внутреннего наблюдения и опыта, столь же обширная и дающая в сущности более непосредственное и совершенно столь же достоверное или, если хочешь, столь же мало достоверное знание, как и наука, основанная на внешнем наблюдении, — так эта область внутреннего познания пока не пошла далее самых элементарных достижений, да и они-то у нее шатки и не осмыслены надлежащим образом. Западная философия или уродливо рационалистична, или детски элементарна, психология занимается лишь простейшими элементами и совсем не изучает настоящих *жизненных* душевных проявлений, не говоря уж о проявлениях высших, а ведь ясно, что действительный интерес должны бы возбуждать именно эти высшие проявления духовной жизни, как в науке наибольшую ценность имеют достижения самых выдающихся и мощных умов, и притом не в отдельности, а в совокупности. Религия, которая, казалось бы, должна хорошо изучить явления духовной жизни по существу, принципиально обрекает себя на бессилие в этой области, так как достигнув некоторых результатов в познании духовных явлений, она немедленно закрепляет эти результаты как некое *poli me tangere** и таким образом вместо прорыва в бесконечное постижение истины ставит прорвавшихся в первое приближение к ней перед стеной непреодолимой, — во имя уважения к этой самой застенной истине.

Мне кажется, что русская философия или лучше русская мысль, способна поставить дело внутреннего опыта на более высокую ступень — и вообще разрешить эту великую задачу. Но пока она еще не имеет мужества поставить ее во всю ширь или, если ставит, то сразу увлекается первыми проблесками своих успехов и, преждевременно торжествуя победу, обрекает все свое построение на быстрое разрушение в дальнейшем. К тому же ведь в этой области, как и в теперешней науке, единичные усилия вообще не много стоят, если нет должного организованного общения между ищущими истины со знаниями. Чем была бы наука без подобного постоянного и свободного общения? А в области внутреннего опыта, мне кажется, *свободного общения* пока нет. И лучший пример его отсутствия — то, что

* Не терпящее вмешательства (*лат.*)

мы между собой не беседуем об этих вопросах. Я несколько лет тому назад делаю попытку в этом направлении, но почва оказалась совершенно неподготовленной даже среди нас четверых, еще не ушедших из жизни мужских сознаний нашего общения. Может быть, сейчас почва более подготовлена, но зато мысль каждого из нас, вероятно, еще более заострилась в своих собственных построениях и лениво отнесется к ходу мысли соседа.

По-моему, Чаадаев стоял на верном пути в своих поисках истины и является настоящим родоначальником дальнейших русских попыток этого рода — в первом очень глубоком приближении — славянофильских, затем Владимира Соловьева и, наконец, Сергея Трубецкого и отчасти Лопатина. У всех позднейших, мне кажется, есть также какой-то верный инстинкт — даже у Мережковского, Бердяева — и еще более у скончавшегося, к сожалению, так рано Эрна, но не хватает у них какой-то силы. Уверенности в себе, может быть, даже слишком много, но это не та уверенность, соединенная с самоограничением, которая нужна в этом деле и которую так ценил Чаадаев. Я многого совсем не знаю, не знаю даже Лосского, который, может быть, сказал уже что-то совсем настоящее. Не знаю и последних европейских и американских достижений, но насколько с ними знакомлюсь, я все же вижу в них этот первородный грех западного мышления — отмеченную еще Владимиром Соловьевым зависимость от отдельных *отвлеченных начал*: или сенсуализм, или рационализм, или же какое-то соединение того и другого, а не решительное признание наряду с научным, в теперешнем понимании, подходом к истине путем внешнего наблюдения — еще другого столь же законченного и совсем первому подходу не враждебного, а с ним всецело согласуемого подхода путем внутреннего наблюдения.

Повторяю, я слишком неосведомлен, чтобы с уверенностью стоять на своем. А кроме того, я вообще считаю безумием пускаться в плавание единоличными силами и особенно на краю могилы, когда овладение суммой человеческих усилий в известной области, поскольку даже такое овладение вообще доступно одному лицу, уже опоздало. И несмотря на все это, я решаю утверждать, что здесь заключена очень важная, очень простая и даже неоспоримая истина, неоспоримая, раз только человечество вынуждено будет добросовестно и глубоко поставить перед собой вопрос об источнике нашего внутреннего знания и сделать все необходимые выводы из факта его очевидного существования. За этим последует целый ряд новых допущений. Не буду на них останавливаться уже потому, что не ожидаю с Твоей стороны никакого интереса к постановке вопроса в этой плоскости. Мне кажется, что в жизни собственного твоего личного сознания Ты очень щедро черпаешь знание из этого внутреннего опыта, но в теоретических своих построениях совершенно

его игнорируешь и думаешь, будто истиной можно овладеть бесконечным совершенствованием внешнего наблюдения. Во всяком случае, для того, чтобы вести беседу, необходимо было бы хотя бы в самых общих выражениях узнать, 1) какое положительное содержание скрывается под твоим скепсисом и философским юмором и 2) какие наивысшие точки западной и американской мысли ты такими считаешь, чтобы можно было над ними задуматься.

Я пока скажу только еще два слова: 1) я считаю религиозную веру неотъемлемой частью истинной философии и 2) вопросы нравственной оценки я считаю неразрывно связанными с достижениями так называемого положительного знания. Впрочем, еще 3) надо к исканиям истины подходить с представлением об идеальных пределах явления. — Все эти три положения — чисто Чаадаевские. К удивлению, их же, или по крайней мере два последних, выдвигал как будто и Фулье, но у него, поскольку я успел с ним познакомиться, все-таки слишком много западного мышления за спиной, и он, признавая новые творческие пути, в собственных поисках, кажется мне, топчется на месте.

Признаться, я последние годы думал, что нам предстоит путем более глубокого восприятия достижений сути западной цивилизации и укрепления на этой базе деятельной работы мысли своего исконного стихийного миропонимания возвести человечество на высшую ступень знания. Я не совсем еще от этой мысли отказался, но во всяком случае я уверен, что если не мы, то другие восточные нации — например, индийцы, восприняв европейского червяка неустанного преодоления жизни, выполнят эту задачу.

Собственно, Сергей [Ольденбург] бы и должен это осмыслить — и, несмотря на атрофию его религиозного инстинкта, он мог бы это сделать, потому что атрофия эта, по-моему, вовсе не прирожденная и не окончательная, а временная и случайная. Скажу еще, что весь ход политической и экономической жизни мира мне представляется знаменующим ясно его эволюцию в чаемом мною за истинное направление. Самый спорный вопрос — именно вот наша, русская духовная природа — на что она способна, есть ли в ней что-либо прочное или это просто глина, из которой любой проходимец может лепить горшки на свой лад. Одна только вера заставляет предполагать противное. Для Чаадаева устоями такой веры служили — Петр, Ломоносов, Пушкин. Когда я читаю Пушкина, я тоже верю. Но русский народ его не читает и не очень горюет из-за его отсутствия.

23 октября 1930

«Октябрь уж наступил»... Так начинается та знаменитая болдин-

ская «Осень» Пушкина, из конца которой я вчера приводил выписки. Я отношу эти слова к нам. Наступил октябрь нашей жизни. Может быть, было бы даже правильнее сказать — Декабрь. Но прикрываясь пушкинским текстом, пусть будет октябрь. Твое письмо дышит таким порывом творческой энергии, что даже пахнет августом, яблоками и орехами. Во всяком случае, пора подводить итоги — последние итоги. Слагаемых много. Даже и независимо от наступления конца необходимо осмыслить прожитое.

И кажется бесспорно — последний итог — религиозное мировоззрение <...>.

Мы уже приперты к последней стенке, и откладывать еще — не приходится. «Выкладывай теперь же все, что имеешь за душой». Я думаю, что мы правильно поступали, не отдавая много сил на разработку подобных проблем. Силы требовались на другое — общепольное, всенародное дело, и отвлекать их даже на эти важнейшие вопросы духа не приходилось. Но теперь пришло время именно их ставить, и, мне кажется, пора сделать попытку подойти к их решению до некоторой степени совместно. Как Ты об этом думаешь?

ААН. Ф. 518. Он. 3. Д. 1840. Л. 8об.-14об.

Ф.И.Родичеву

31 октября 1930

Милый, милый, милый, милый Ф<едор> И<змайлович>. ⁷⁴

Мы оба уже скоро умрем. До этого надо сказать Вам два слова. Сердце мое все до самых краев полно чувством горячей благодарности к Вам за то, что Вы дали мне в жизни, не той жизни, которая тянется длинной лентой дней, месяцев и годов, а той, которая вся одна и неделима. Чувство это, как видите, не только переполнило сердце, но и бьет ключом через край. Все так прекрасно, трогательно и разумно в Ваших ко мне отношениях, как прекрасна, трогательна и разумна Ваша душа. Встреча у Кавелина, уезд, Вятка, иконостас с портретом честного и прямого Якушкина, Рождество 1888 года, Ваша любовь к Герцену. Ваша жизнь свободой, Ваш бич по всему недостойному, Ваша вера в идею человеческого совершенствования, Ваше отчаяние перед косностью и тупостью окружающего, Ваше внимание ко всякому проблеску сознания и порыва ввысь, Ваша прямая оценка действительности — все это такие дары, которые счастливили и возвышали все, что к Вам прикасалось. И мне выпало незаслуженное счастье прикасаться много к этой драгоценной чаше Вашей души. Я не один, я один из очень, очень многих. Пускай же чувства этих многих помогут Вам до конца спокойно совершать свой путь. Знайте при этом, что одна мысль о том, что Вы живы и что еще работает

Ваш ум и Ваше сердце, независимо от новых материальных результатов этой работы, подымает наши сердца, живит наши умы. И будьте спокойны и за будущее. Тютчев когда-то сказал про убитого Пушкина: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет». По внешности может иногда показаться, что Пушкин забыт, а следовательно умерло сердце России. Но стоит прочитать нам, пережившим так много, самого Пушкина, чтобы убедиться, что он незабываем и что и сердце народа, его породившего, бессмертно. В заключение и благодарность за все — укажу две книги: прочтите их. Записки Чичерина, 2 тома, сочинения Блока в одном томе.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1840. Л.16, 16об. (Копия).

Н.Е.Вернадской

2 февраля 1931

Но сердцу ближе другая дата: 1885⁷⁵. Это первые шаги поколения, собиравшего силы на свой путь после катастрофы 1 марта 1881 года, закончившей шествие предшествующего (второго после Пушкина и Чаадаева) поколения, поколения эпохи реформ и наполнившего своей деятельностью двадцатилетие — 1855-1880.

В нашей жизни 1885 год стал отправным и решающим. И не только в нашей, маленького кружка наивных тогда мечтателей, жизни. А и в жизни целого поколения. Оно начало с работы просвещения: себя и народа. Искания и внесения в народ усвоенного и обретенного. И постановки на очередь общих и переоценивающих добытые предшествующим поколением так называемых истин. — Мне приходится сейчас вплотную заняться этим знаменательным годом. — С «Посредником», Фреем, началом жизни и жизненных связей. — И я очень прошу Тебя покопаться в бумагах и памяти и вытащить оттуда побольше ценного материала.

ААН. Ф.518. Оп.7. Д.469. Л.81об.

А.Д.Шаховской

27 мая 1931

Перед отъездом из Москвы, 20 апреля⁷⁶, — я записал:

План письма Ане

творчество — радость — право — долг

органичность жизни

цельность жизни

Со времени написания этих слов прошло столько времени, столько людей и впечатлений, что я уже не ощущаю того общего, что

продиктовало тогда эти слова, помню только, что в них тогда полностью отражался мир. Мне хотелось если не переломить Твое отношение к жизни, как к ряду частных, объединяемых только чем-то таким, что с моей точки зрения само частность, а для Тебя хотя и не частность, но заведомо не является источником понимания всего, так если не переломить, то по крайней мере заставить задуматься над жизнью — над жизнью как действительным объединением, источником и синтезом всего — всего, всего, всего — des Allen*. И как бы ни понимать божество, надо кроме этого божественного объединения мыслить себе и земное, то есть не отрешенное от земной жизни и не относящееся к ней, как к *пустому* призраку, а в этом земном живущее и его, земное, освежающее...

Бог — благо. Но благо это в жизни, во всяком его проявлении, если только пронизать, пронзить это проявление сознанием, не сознательностью, а сознанием, высшим, но не отрешенным от жизни, не отвлеченным, не урезанным, а цельным, живым пониманием. *Долг* человека — использовать все свое право на жизнь; отрицать в себе *право на радость* — полную, несокрушимую, незапятнанную — есть непростительное богохульство, хула на святого духа. Радость дана людям, и радоваться — их право, а значит и их долг, потому что внося радость в свою душу, мы множим радость мира, а бескрайнее радование мира есть высшее счастье, единственная награда его творцу.

Но сейчас и это все «предисловие». Реминисценция того, уже теперь в своей конкретности неповторимого, что я хотел вложить в свое письмо 1¹/₂ месяца назад и что теперь уже отошло, потому что жизнь органична и на тогдашнем стволе выросли уже новые листья.

Листья эти — вот этот кабинет Владимира, в котором пишу письмо, с его сотнями томов текущей литературы всего мира. Ленинград, раскинувшийся на берегах могучей реки, столь близкой морю и столь на море похожей, целый мир архитектурных созданий около царственной и увы! царской реки, Академия — гордо стоящая и высящая к небу свои руки, несмотря на работу пигмеев, тупыми топорами рубящих ствол и подкапывающих рылами корни, Академия, которая должна и *может* еще быть центром знания у нас, а служит для нас предметом глумления и суда невежд, вся глубина Чаадаева — и четыре поколения, сменившиеся на Руси за сто лет 1830-1930, и пятое поколение, в руках которого все ее будущее и в головах которого пока еще пусто, а сердце которого пока еще никому не ведомо, а скрыто в тумане будущего, и еще *католичество*, при

---

* Всего (нем.)

ознакомлении с которым, даже самым поверхностным, видишь всю *детскость* нашей веры и всю преступность нашего незнакомства с тем, что сделано в царстве мысли на белом свете, и вот наконец: самое это царство мысли, которое должно прийти на смену всех прежних земных царств — силы, власти, богатства, пышности, самоуслаждения, гордости, самости.

И еще братство — как начало (принцип) жизни и как деловое ее выявление (практика).

Я живу одиноко и отвлеченно, спешу это оговорить, чтобы Ты не подумала, что я пережил какие-либо новые сближения или обновил старые. Нет, живу в книгах, наблюдениях, обобщениях, воспоминаниях. Не дано еще перелить все это в жизненные выявления и проявления. Еще не назрело в душах сознание, несмотря на тьму поучительных уроков, грозных и отрадных знамений, крушение старых идолов и рост заглушавшихся и теперь вырвавшихся на волю возможностей, от века заложенных в мире.

Хочу только сказать одно: надо Тебе приехать и пожить здесь полной, свободной умственной жизнью.

Вглядеться в весь мир души Владимира, обнять одним взглядом вселенную и вечность и не только отвлеченное положение в нем человека, а то настоящее положение, которое он в них занимает и за расширение и прояснение которого борется. И помочь кое в чем и Владимиру, и Наташе, и Гревсам, и Ольденбургам, но больше всего через помощь другим — себе. Это так просто — и так недоступно для непонимающего...

Что может быть проще, как взять билет в Ленинград, сесть в вагон, приехать сюда, сказать себе и людям: я хочу и имею право жить, а жить — значит относиться сознательно ко всему и уметь всему радоваться и с улыбкой, с полным чувством своего права на *все*, все обнимать и со всем сливаться, спокойно, но полной горстью брать жизнь и всю до дна ее прозреть...

Так приехать — и начать свой путь в царстве мысли, в царстве, где нет царя, потому что все равно цари и хозяева всего, покоряясь одному: истине.

Так это просто понимающему. Дело только в том, чтобы понимать. А если не понимаешь — так как это сложно! Надо бросить своих, надо истратить деньги, надо прокормиться, надо найти поме-

щение, надо уметь вскрыть покровы, закрывающие жизнь и делающие все предметы покрытыми какой-то непроницаемой оболочкой...

Надо с себя прежде всего эту непроницаемую оболочку снять и притом снять так, чтобы не повредить своего нутра... Да, это большое искусство, но искусство, доступное всякому, кто рвется к творчеству и ощущает жизнь как нечто нам на один раз дарованное, зато дарованное целиком, без удержки и торга, нечто *неповторимое*.

Собрание Д.М.Шаховского. Копия.

11 июня 1931

Кабинет В.И.Фауста [Вернадского]

Я <...> хотел бросить взгляд на окружающее меня вот здесь, в этом крайне беспорядочном всегда, а теперь загроможденном снеженной мебелью, полуразрезанными или совсем не разобранными книгами, массой исписанной бумаги — и даже кухонными принадлежностями, разместившимися на двух полках, предназначенных для совсем других предметов.

И здесь, куда ни кинешь взор, до чего ни дотронешься, — наблюдаешь огромную работу во всех областях человеческого знания, охватывающего одну за другой различные области мироздания и все глубже их пронизывающего — и затем — вот это главное — работу концентрации всех этих усилий духа, которая задавит людей, желающих суммировать результаты стольких усилий, если сосредоточение будет подведением итогов, а не настоящим высшим синтезом (как перевести это слово по-русски?).

Но я сейчас думаю не столько о своей этой великой творческой работе самой по себе, сколько об отношении к ней отдельных людей <...>. Разве может кто-либо оставаться в стороне от нее? Кажется, *всем* кроме меня кажется, что безумие ожидать, чтобы все принимали в этой работе участие. И приведут тысячи и тысячи доказательств этой невозможности. А для меня всякое из этих доказательств в отдельности и сводки их в одно утверждение — со своей стороны доказывают не безумие мое, а безумие жизни и необходимость это безумие коренным образом свергнуть, и необходимостью каждому в этом необходимом и неизбежном свержении сознательно и деятельно участвовать.

Земство, кооперация, краеведение — были этапами этого свержения. И церковь только тогда настоящий союз душ, имеющий будущее, когда ставит перед собой решительно и продуманно этот вопрос.

<...> Я пойду далее не путем выхватывания отдельных предметов, — книг и заданий, а средним путем, мысленно обратясь к хозяину и творцу всего здешнего скопления, разумного порядка и хаотического беспорядка — к профессору, академику, великому ученому и органи-

затору науки — Фаусту, живущему на земле под псевдонимом В.И.Вернадского.

Сколько лет суждено ему еще кидаться в разные стороны, всюду оживлять область людских представлений, излучать радий своих исканий на дно океана, в центр земного шара, в сложное строение вчерашнего еще неразложимого ядрышка-атома, в звездные пространства, в пространство миллионов веков жизни в прошлом и будущем?

Он стоит в центре — даже не одной, а многих организаций и обширных совокупных исследовательских работ. Но по-людски ли все это делается, получается ли максимум возможных достижений, передается ли кому-нибудь эта работа высших обобщений и общего обозрения во все стороны из одного центра, как осмысленное, живое, органическое целое?

Сомневаюсь в этом. А затем кто наследует все это сокровище одного охвата? Конечно, все сделанное не пропадет для науки и протянутся по всей ее ткани ниточки, выпряжденные в этой духовной мастерской. Но ведь это все не живое человеческое, общечеловеческое творчество, каким должно было бы быть делание двигателей знания.

ААН. Ф.518. Оп.2. Д.48. Л.28-29

В.И.Вернадскому

25 июня 1931. Кабинет

Дорогой Владимир. Получил Твое письмецо. Спасибо большое за него. Оно, как всегда, исполнено и мудрости, и странных недоразумений. Ты замкнулся в свою башню, творишь там великие чудодейства, но слишком уединился в своем восхищении — и, в общем правильно, как и подобает человеку, пишущему в высокой башне, — привык смотреть на людей — этот довольно, надо признаться, пока что еще гнусный продукт природы — сверху вниз.

Но как ни справедлива такая точка зрения, она все же не может не отражаться пагубно на ее обладателе, и это в конце концов отражается и некоторой трещинкой в его мышлении. Одному нельзя объять мир. Приходится так или иначе взяться за руки многим — и всегда (теоретически) можно составить такую длинную цепь, которая охватила бы по крайней мере весь земной шар. Наука и создает такую цепь. Создает — да не очень. Не вполне. Есть прорывы. И держатся люди за руки часто не любовно, а... всячески, но не любовью. Да и руки в науке слишком заняты, каждая пара (рук) своим и не очень-то склонны отдаваться в чужие руки.

Есть, конечно, и много других путей и способов соединения рук: религия, философия, семья, род, государство... Но, мне кажется, наш

юношеский инстинкт верно указал нам еще один, своеобразный давний, но недостаточно оцененный человеческим сознанием путь — *братства*.

Все написанное сейчас — предисловие, уклонение, частность — или слишком большая общность, почти трюизм.

Твое письмо было и мой ответ должен быть — об архиве, архивах и роде. Я, конечно, знаю, что чувство рода у Тебя сильно и даже всеильно. У Тебя вообще сильные инстинкты. Но это чувство у Тебя, к сожалению, не успевает расти в меру роста всей Твоей духовной личности — в буре мирового взлета к истине, которую (бурю) мы переживаем, одни — в трепетном ужасе, другие — в трепетном устремлении ввысь.

Тобою само понятие о *роде* мыслится, мне кажется, *слишком* — конкретно и отвлеченно. И обособленно от всей совокупности Твоих и мировых проблем.

Для настоящих обстоятельств, в расстоянии нескольких часов или дня ходьбы и 2 часов переезда сказанного довольно о роде.

А об архиве и архивах. Твоя мысль о том, что Ты этим займешься, — мечта. Т.е., Ты займешься, но при условии, чтобы этим занялся и кто-то другой. И нельзя этого занятия откладывать ни на час. Как все в мире, и это — органическая часть, живое звено цепи. И сейчас настал час сковать это живое звено. Если оно не скуется, значит — нет ему места во вселенной. Лучшего стечения обстоятельств, чем сейчас, для *некоторого* упорядочения архивного нашего дела, нельзя придумать — не то что ожидать. И никогда больше это взаимоотношение светил небесных не повторится. Поверь мне. И проверь мои слова.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1840. Л.37-38об.

А.Д.Шаховской

20 августа 1931

Мое впечатление от смерти Лили [Шик], в конце концов столь же светлое, как у Наташи, совершенно противоположное и по всему построению. Ничего я для нее в жизни не боялся бы (кроме недостатка общения) и рад был бы необходимости ей бороться со всеми соблазнами и опасностями. Мы рождены для борьбы, и борьба — счастье и сущность жизни, — как же можно радоваться, что такой ценой избегнута эта опасность, когда в преодолении ее весь смысл, без этой борьбы нельзя понимать смысла. — Но смерть одно из условий этой борьбы, мне жаль, что ушел боец, мне жаль, что он не испытывает радости и напряжения боя, и не продолжается его творчество жизни, но суть чувства не в сожалении, а в поучении от этой

смерти и в любви к ушедшему живому .....* его ухода. Надо использовать для общей мировой борьбы то, что *сделано* ушедшим бойцом и что им не *доделано* — и прежде всего вывести урок — урок всякого дня и получаемый нами от всякого действия — урок не откладывать главного в жизни, а это главное — полнота общения живых на земле сознаний и братское объединение их в общем делании. Ведь в этом *все*. Если бы энергия людей была бы направлена на это, а не на раздоры (спор не есть раздор, а единение) — сразу вся жизнь обратилась бы в светлое торжество победы над злом. И о том, что в жизни Лили с этой точки зрения было и много недоделанного — приходится, признав это, жалеть и стараться — за себя и за нее — и в память ее удвоить усилия, чтобы это — не доделать, конечно, но приблизить. Смерть мне напоминает всегда великий урок жизни:

Не опоздай.

<...> мне кажется, что точка зрения Наташи, вероятно общая т.наз. верующим, ошибочна — о душах предстоящих Господу — весьма тонкий, но тем более опасный эгоизм и обособление. В общении с божеством всякая индивидуальность должна ранее или позднее сгореть в общем, как в своем родном и дорогом, независимо от минутного, как озарение молнией, обособленного пребывания. Я знаю, как глубоко с этим не согласны многие, как на таком обособлении (потому что это все-таки обособление) основывают свою нравственность и даже любовь к миру, даже любовь к ближнему, но тем не менее я уверен, что неспособность полюбить мир при условии моего полного в нем исчезновения есть не идеал любви и религиозного подъема, а его вопиющий недостаток, влекущий за собой целую систему эгоистической морали, как ее ни разукрашай и ни заслоняй всякими добавочными представлениями и рассуждениями, в конце концов ложными и рационалистическими, надуманными. Особенно все это ясно на таком гениальном представителе этого ложного, по моему мнению, взгляда и недоочищенного чувства (не довершившего своего горения и воспарения), как Достоевский. Настоящий предел эгоизма здесь, надо перешагнуть эту грань. Я бесследно сольюсь со всем миром — и тем более я этот мир люблю и готов не за страх, и даже не за совесть, а простым изливанием всей моей личности — им гореть и служить ему.

Мне кажется, это так просто, так бесспорно, так радужно и так прекрасно, что я даже не могу понять, на чем может держаться противоположная точка зрения, кроме как на косном убеждении, раз

* Пропуск в оригинале — *Публ.*

человеческое сознание и в разуме и в воле уже усвоило другую, более высокую степень любви и самоутверждения.

ААН. Ф.518. Оп.2. Д.48. Л.30-31. Копия.

В.И. и Н.Е.Вернадским

13 сентября 1931

Милые, дорогие, горячо любимые друзья!

Предположения мои о вторичном приезде в Ленинград пока приходится оставить. Я чувствую себя очень плохо, не успел до сих пор разделаться со здешними делами, без окончания которых есть мне невозможно, а главное — сейчас так плохо работается, что в таком состоянии ехать не имеет смысла.

С глубокой благодарностью вспоминаю свое пребывание у вас летом, так много передумалось и переживалось за те месяцы. Теперь совсем не то, только бы кое-как справиться с самым необходимым и неотложным. Все литературные дела мои как-то остановились. Заключать договор о «Философических письмах» Чаадаева Academia не согласна ранее первого января, не выходит все сборник «Декабристы и их время» с моей статьей «Якушкин и Чаадаев», уже около года сборник совсем готов, давно прочитаны последние корректуры, но в последний момент пришлось выкинуть набранных и сверенных несколько статей и заменить их другими, и это все отодвигает выход сборника — и оплату гонорара. Наши домашние дела тоже не блестящи: Наташина семья в Малоярославце оказалась без зимнего помещения, есть надежда все еще там устроиться, но окончательное согласие хозяев из-за разных формальностей все откладывается, так что Наташа со всей семьей, составивши вещи в сарай, временно переехала в Москву и ютится главным образом у нас, часть детей находится у родных в Москве. Смерть Елены Владимировны [Шик] внесла в свою очередь много волнений и затруднений в жизнь. Родители Михаила Владимировича [Шика] лишились одной из двух своих комнат, им грозят и дальнейшие квартирные стеснения, а с другой стороны, они, конечно, очень тяжело переживают свою ужасную утрату.

И Наташа, и ее муж удивительно стойко и бодро переживают все затруднения. Но внешний разброд и полная неопределенность положения дают себя знать на всем ходе жизни.

Аня все продолжает работу по исследованию полезных ископаемых в Б.Дмитровском уезде. Вчера она к нам приехала из деревни на три дня, надеялась, что в половине сентября работа закончится, но, по-видимому, придется протянуть ее до половины октября. Аняте приходится довольно много возиться с хозяйством и с детьми и мало

отдыхать. Она, как и мы все, постарела, и ей отсутствие покоя дается нелегко. Отсутствие Ани поэтому ей очень тяжело.

Вот наши невеселые обстоятельства. Повторяю — дух у младшего поколения все же бодрый. Сейчас не могу этого сказать про себя⁷⁷.

Очень не хватает договоренности со старыми друзьями. Очень много дает и то, что получаешь от общения, но хотелось бы выявить до конца позиции каждого, хотя бы и без надежды вполне сойтись даже и в главнейшем.

Как-то вы устроились на зимнем положении? Очень интересно, во что отлилась работа Владимира. Мне все кажется, что он недооценивает внутреннего восприятия разумом мира, высшей обобщающей силы души, силы, которая, конечно, тесно связана с суммой научно познанного, но все же является *самостоятельным источником знания*. Я страшно многим обязан Владимиру за его отдельные указания и проблески его мысли, но в общем не понимаю его отношение к вопросу о взаимоотношениях между наукой и философией и думаю, что, проделав до конца работу своей мысли, он придет к необходимости признать что-то ценное в знании ненаучном и столь же окончательное, как и в данных и обобщениях ученых. Мне как-то странным представляется выделение научного знания как единственно достоверного и общеобязательного. Ведь и в научной области все условно и изменчиво, все достижения вчерашнего дня пересматриваются сегодня и могут замениться противоположными «истинами» завтра, а в области философского знания возможны столь же обязательные для всякого правильно работающего сознания приемы и положения, как и в научной работе. Очень бы хотелось в этой области подвести итоги своей мысли и узнать, к чему пришли другие близкие, мне кажется, здесь — разрешение основных загадок истории и выход из современных затруднений, переживаемых человечеством. Потому что ведь все сводится к вопросу о значении человека, о смысле жизни.

Любящий Вас Митя.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1840. Л.41-42об.

Наука и философия⁷⁸

14 октября 1931

Оба пути приближения к истине предполагают работу совокупного, общечеловеческого сознания.

И истина никак не есть то, что уже добыто этим сознанием, она есть совокупность *всего сущего* в его полноте — цельности и многообразии.

Различие двух путей по-моему в том, что в науке мы идем от частного к целому, предварительно раздробив это целое на отдельные явления, в философии же мы, основываясь на органически сливающейся в нашем сознании совокупности всего познанного, пытаемся схватить самую сущность целого. Я знаю, как спорно и несовершенно, и даже заведомо недостаточно это определение философского пути. Его можно и следует уточнить и исправить. Но мне сейчас важно только указать, что помимо научного изучения *явлений* у нас есть потребность и способность схватывать сущности бытия (потому что мы сами — *мыслящий тростник*), причем здесь мы стремимся сразу познать самое *общее*, насколько мы в силах его схватить, и затем идем к частному от этого общего, сообразно с этим рассмотрением частного, внося поправки и в свои общие представления.

Самый этот особенный способ философского постижения еще не выяснен человеком, и первый долг философии заключается в установлении точного понятия об этом особенном пути, а затем перед философией, как и перед наукой, стоит задача выработки метода его использования, и при этом, конечно, дело по существу сводится к объективированию своих достижений.

Вследствие огромных успехов науки, ранее философии окончательно выбившейся из-под опеки церкви, которая преследовала цель именно сделать общим и непрерывным достоянием общие постижения человечества, но застыла в своих формулировках, самое существование особых источников познания помимо научного изучения стало под сомнение и мысль об их использовании была почти заброшена. Не мудрено, что развитие философии (как совокупности человеческих исканий на основании внутреннего обобщающего постижения) пока в зачатке... А поэтому и настоящее развитие философии еще впереди.

Мне кажется, что сейчас мы на переломе, и сознание человечества, дойдя до какого-то рубежа в исчерпании научного метода, а с другой стороны — встретившись с восточными исканиями истины, шедшими во многом другим путем, становится способно уделить должное внимание и этому второму и, может быть, более важному пути, если только можно говорить о сравнительной важности двух вещей, одинаково необходимых, неизбежных и взаимно дополняющих друг друга.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1840. Л.44, 44об.

И.М.Гревсу

4 апреля 1932

Всей душой сочувствую Твоим бедам и напастям⁷⁹. Переводить

что-то о сигах и ершах — это действительно ужасно. И вместе с тем — это подвиг, к которому я был бы совершенно неспособен. И конечно, дело не в вынужденном переводе, а в том, что дышать нечем и живешь в каком-то бесправном мучительстве. Очень понимаю и сочувствую, но как тут помочь?

Я утратил способность писать и потому, что сам чувствую себя очень плохо, а еще потому, что ни за что [не хочу] вверять своих писем чужому вниманию, конечно, не потому, чтобы я мог писать что-либо, за что пришлось бы нести ответ, а просто противно, чтобы душевные настроения, переживаемые в настоящее время, попадали в ненадлежащие руки. — Может быть, это и глупо, а писать мешает.

Я очень как-то стал немощен, неработоспособен и плох. Надеюсь, как-нибудь еще отойду, вот, может быть, к лету подтянусь, а теперь совсем мое дело дрянь и ничего настоящего сказать Тебе не могу — кроме общего выражения своего горячего участия, нежной любви и желания по возможности помочь Тебе.

6 марта 1934

Дорогой друг Иван. Нас всех очень тронуло Твое письмо по поводу кончины Сергея [Ольденбурга]⁸⁰. Большое Тебе за него спасибо.

Я во многом разделяю Твои мысли, тоже дивлюсь на какое-то равнодушие такого тонкого ума, каким был Сергей, к целой области вопросов, без которых нельзя понимать жизнь и нельзя жить полной жизнью, но так уже успел привыкнуть к этому равнодушию, что уже перестал ему удивляться...

Мне кажется все это довольно ясным и простым. Сергей прежде всего был человеком реального дела, непреклонным служителем долга, ценящим результаты и подлинное дело. При этом в нем было много самоуверенности, и при постоянном вращении в среде, стоящей гораздо ниже его, это вылилось в какое-то самомнение, а огромные задачи, им на себя принятые и им с удивительным умением проводившиеся, всецело поглотили все его душевные силы и сделали его рабом принятого на себя тяжелого ответственного служения.

Я его как-то всецело понимаю и не могу не относиться с уважением к этой последовательно проводимой раз навсегда избранной им линии, хотя с болью думаю о страшных духовных потерях, которые вытекли из такой постановки дела.

<...> Очень уж все стало чуждо, и не видишь нигде просвета в *близком* будущем. Все идет, как должно идти и иначе не может идти. Но себя чувствуешь совершенно неспособным сейчас к этому приладиться и найти в этом себе место.

Особенно потому, что всякая старая идеология и всякое старомодное христианство мне еще менее по нутру, чем все это новое — тупое, одичалое, оголтелое — но все же к чему-то новому ведущее.
<...>

20 марта 1934

Заходил на днях Николай Павлович [Анциферов], заносил книгу. Он вспомнил один эпизод из момента похорон Лапы Данилевского⁸¹. Кажется, Наталья Дмитриевна Гизетти⁸², когда все кончилось и осталась небольшая группа близких, сказала: «Вот и все кончено» или что-то в этом роде. И Сергей [Ольденбург] живо и с протестующим тоном, как бы с вызовом сказал: «Ничего в жизни не кончается». Слова эти, очевидно, поразили Николая Павловича и глубоко врезались ему в память. Вероятно, он ставил себе вопрос, не о личном ли бессмертии думал при произнесении этих слов Сергей. Я понимаю их, конечно, совсем иначе. Он думал о том, что всякое дело человеческое, совершенное на земле, имеет свои последствия, — и при этом выражал надежду, и пожелание, и веру, что дело Александра Сергеевича будет иметь и сознательных преемников, которые соединят продолжение его дела с сознательным отношением к его личности. Я, во всяком случае, именно так смотрю на дело. Для меня личное бессмертие не осмысливает жизнь, а лишает ее истинного смысла, чего-то завершенного, один раз свершающегося в неповторимой своей полноте и этим самым своим однократным актом пребывающего вечно.

Но характерно чрезвычайно для Сергея это уверенное в себе решительное выступление, может быть, вразрез с чувством окружающих, какой-то вызов — и без полного объяснения сути своей мысли. Ее бы, может быть, не поняли. Я Тебе уже писал — у Сергея было сознание, не лишнее основания как вынесенное из долгого опыта и самых разнообразных отношений с множеством людей — о своем превосходстве над окружающей средой. Он был очень высокого мнения о себе и имел на это право. И вместе с тем никогда не превозносился, не задира л нос, напротив — в каждом умел найти и стоящее внимания и любви — в нем было даже много настоящего смирения — и все же — внутренне чувство превосходства жило в нем и многое в нем объясняло. Вспомни конец эпитафии к «Евгению Онегину»: «Suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire»*. В этом чувстве превосходства есть некоторое *преувеличение*, оно было и в Сергее, но умерилось, почти совсем стиралось его огромной нравственной культурностью.

* Вследствие чувства превосходства, может быть, мнимого (фр.).

И поверхност[ност]ь некоторая была. Конечно. Так, может быть, она тоже — следствие этого *sentiment de supériorité* — а, с другой стороны, — и сознание долга, особой *правдивости* — тоже с преувеличением, даже с некоторой позой. Все хорошее имеет свою изнанку. Всякое достоинство таит в себе недостаток. Совокупность всего есть личность. <...>

Не думать, что его уже нет, а благодарно вспоминать, что он был. И в том, что он был, есть элемент вечности. И то, что он как будто не пребыл до конца тем, чем мы бы хотели его видеть, не должно нас смущать.

ААН. Ф. 726. Он. 2. Д. 334. Л. 555; Там же. Д. 335. Л. 92-93; 61 об. - 64.

В.И. и Н.Е.Вернадским

8 мая 1934

Дорогие друзья. Я так был тронут совершенно неожиданной и ничем с *моей* стороны не заслуженной заботой о нашем положении, что утратил даже способность сразу как следует ответить на такой сверхбратский ваш поступок⁶³. Ведь в ответ на него надо бы написать настоящую душевную исповедь и дать исчерпывающий отчет о своем положении и своей работе, а я этого сделать не могу. Моя работоспособность очень понизилась, а лежащая передо мною задача представляет такие трудности, что и при более ответственном настроении, и при более благоприятных условиях работы не легко было бы с ней справиться. Однако распространяться об этом и втягивать других в свои мучительные переживания нет смысла: исход борьбы все равно только от меня самого зависит, ни на кого переложена и даже ни с кем разделена она быть не может.

В самом общем виде дело обстоит так. Приступая к работе, я думал и обещал дать только текст и перевод писаний Чаадаева с объяснениями формального характера. Но в процессе работы я убедился, что, ограничившись такой постановкой дела, я не помог бы уяснению личности и мысли Чаадаева, а окончательно запутал бы представление о нем. Мысль свою он так своеобразно, а подчас совершенно неудовлетворительно излагает, что необходимо сопроводить ее *надлежащим* объяснением и рядом с текстами дать другой материал. Во всяком случае сейчас я еще не вполне к этому готов. Приходится еще над ней работать. Мне кажется, что смогу, но работа подвигается туго. Конечно, и здоровье очень пошатнулось. Но при создавшихся условиях не вижу никакой возможности его поправить. Внешним же образом — в смысле питания и всякого обслуживания все идет у нас сравнительно очень удовлетворительно, правда, благо-

даря подчас непосильной работе Анюты и хлопотам Ани, отрывающим ее от служебных занятий и совсем заброшенной научной работы. Но тут опять только коренное изменение моей работоспособности могло бы повернуть дело. В среднем — это общая участь, и жаловаться нам не на что.

Материальные условия Наташи и ее семьи пока удовлетворительны, в этом отношении нет ни нужды, ни тягостного чувства необходимости прийти на помощь и бессилия это сделать. Напротив, от всякой за это ответственности не только фактически, но и нравственно мы совсем свободны.

Таким образом, положение вещей таково, что будь я более работоспособен, мы бы должны были и могли бы вполне справиться собственными силами. Все у нас ведь сравнительно еще очень благополучно...

Ваша помощь, конечно, чрезвычайно существенное подспорье и дает полную возможность сравнительно спокойно работать еще два месяца. <...>

Так еще раз — спасибо сердечное. Радуюсь всегда при мысли о Твоей, Владимир, большой, такой содержательной и нужной, неустанной и бодрой работе и о Твоей, Наташа, особенно живой отзывчивости на всякую нужду, которая становится сразу Твоей нуждой.

ААН. Ф.518. Он.3. Д.1841. Л.9-10.

И.М.Гревсу

8 октября 1935

<...> Я вообще чувствую, что мы на каком-то критическом повороте, как будто бросившийся в голову какой-то ужасный угар проходит. Под влиянием слишком грозных и поучительных по своей нелепости, взывающих к любви по бессмысленной жестокости событий человечество должно, наконец, образумиться — и не только должно, но и начинает это делать. Я сужу по персональным настроениям, словам и мыслям. Какой-то круг завершен, и мы по спирали подошли к пункту, стоящему много выше наших прежних позиций в области познания истины и добра, — а вследствие этого и понимания красоты — но именно точно *над* этими прежними позициями, а не на противоположной части орбиты. После долгой мучительной ночи снова хочет засиять день. И ночь была благодетельным к нему приготовлением. Да воцарится же свет и в Твоей душе. Я уверен, что она уже чувствует снисходящее на нас тепло и готова смягчиться и стать способным к высшему творчеству над собственным ставшим мягким, как воск, и поддающимся обработке материалом.

ААН. Ф.726. Он.2. Д.335. Л.151об.

Н.Е. и В.И.Вернадским

8 сентября 1936

Дорогие милые друзья — Наташа и Владимир.

Вот пришла и Ваша золотая свадьба... Так всем нам жаль, что не можем видеть в этот день всех вместе и Вас вместе.. Но это случайное обстоятельство нимало не влияет на горячность и полноту чувств и мыслей, которые нас в этот день объединяют. Что-то совсем особенное, светлое, незапятнанное, содержательное, полное, цельное, последовательное и вместе с тем столь разнообразное по содержанию соединяется с этим полустолетием Вашей общей жизни. И столько во все периоды ее проявилось удивительной доброты и неизменной помощи по всякому случаю, трогательной заботы и постоянного внимания. Так радостно думать, что союз Ваш не омрачился ни одной смертью детей⁸⁴ и золотая свадьба соединяет всех семейных в одно живое и так бодро и талантливо делающее все дело-целое. Тяжела разлука и географическая разбросанность⁸⁵. Но в этот день как-то все тягостные ее последствия теряются как частности в живом ошущении внутренней спаянности и непоколебимого единства.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1842. Л.7.

В.И.Вернадскому

14 марта 1937

№ 1. Пушкин

Хочу завести ежедневную почтовую переписку с милым Узким⁸⁶ и с его еще более милыми обитателями — увы — лишь временными. Собственно — следовало бы построить в Узком академический поселок, запретить академикам жить в шумной столице, а дать каждому домик с садиком, который бы обязательно обрабатывался силами академиков и их семейных. Ни о какой инвалидности при этом не может быть и речи. Плох тот ученый, который не умеет овладеть природными силами при помощи не своих мускулов, а при помощи мудро примененной нервной силы, силы сознания. Разве мы не живем в ноосфере?⁸⁷ То есть несомненно еще не живем в ней, даже ее еще не видим — *мы*, то есть все, то есть чернь. Но академики могут и должны ее видеть, а следовательно и могут, при некоторых усилиях, и устроиться в этой новой пока еще даже и для них *сфере*.

Но при чем тут заглавие Пушкин?

Это будет видно из последующего.

15 марта 1937

№ 2. Пушкин

Открытку Твою я вчера получил и все сделаю сегодня.

Ты спрашиваешь, при чем здесь Пушкин... Впрочем, Ты ничего не спрашиваешь, а я за Тебя спрашиваю. Ты напротив готов сказать: Alles das [ist] dummes Zeig*. Ты хоть и дальновидный, но все же ученый и поэтому недостаточно вникаешь в практическую неотложную важность немедленного применения к жизни добытых крупиц истины. А вот именно к этой-то цели и клонится моя мысль при писании открыток. «Секира при дереве», и надо употребить все силы, чтобы отвести удар. А Пушкин — высокий громоотвод. Это постепенно и выяснится в самом изложении. Он все проникает. Аполлон Григорьев когда-то сказал: «Пушкин — наше все». И это слово воочию теперь сбывается. Конечно, еще далеко не в должной мере и не с желательной быстротой. Юбилей отпразднован, и Пушкина многие готовы сдать в архив. Но выставка и театры, все еще работающие над Пушкиным и никак не успевающие справиться с его постановкой, будут еще несколько месяцев напоминать нам, что в Пушкине не все умерло и что с ним связаны еще не разрешенные проблемы, и понемножку мы начнем понимать, что не Пушкина надо поднимать до нашего уровня, а нам надо подняться до него, чтобы понять его и им воспользоваться.

16 марта 1937

№ 3 и предпоследний. Пушкин

<...> Конечно, мне было бы очень приятно посвящать ежедневно 10 минут беседе с людьми, мне милыми и дышащими воздухом Узкого. Но я понял, что это совсем не годится для отдыхающих или обязанных отдохнуть и поправиться людей. Все-таки хочу докончить начатое, но вникну все бесконечное разнообразие в самые сжатые схемы.

Тезис первый. Ты должен поправиться. Это самое важное. Как же без Тебя будет жить ноосфера? Она даже еще порядком не окрещена. А ей надо жить и для жизни пробить себе путь через много преград. Конечно, рано или поздно она найдет свое место. Но время не терпит. Во-первых — ведь нам, нашему поколению, естественно желать быть свидетелями торжества важной идеи, а во-вторых — она, как всякое большое обобщение, имеет громадное практическое значение. Если

* Все это чушь (нем.).

бы все проникнулись мыслью, составляющей сущность Твоей работы, сознательно оглянулись кругом и поняли время и место, в которых они живут, то война и распри стали бы не только отвратительным безобразием, но еще безрассудной нелепостью. — А дела, Ты знаешь лучше всех, еще много. И хотя Ты теоретически сознаешь, что надо *сузить фронт*, но на деле все же не применяешь мудрых указаний науки — и европейской, и индийской — о полном отдыхе на известные промежутки времени. А в этом секрет поправки.

17 марта 1937

№ 4 и, надеюсь, последний. Пушкин

Сегодня врезаюсь *in medias res**. Места и времени мало.

Тезис второй. В ноосфере наука должна воздействовать на поведение людей и народов. Modo geometrico** доказать это Тебе ничего не стоит. Если человек в ноосфере становится творцом в жизни планеты, да еще через сознание — и притом через сознание *общее* или, лучше сказать *соборное* (то есть совокупное, но *органически* совокупное), то ясно: — прежде всего должно быть обработано это общее или соборное *орудие*.

Практически дело сложнее. Но и в этой области сейчас положение благоприятно. Вчерашнее обращение людей науки, литературы, искусства к мировому общественному мнению, как прецедент, облегчает мою задачу доказательства практического⁸⁸. Еще больше облегчается конференциями прошлого (1936) года летом в Америке и Англии. Подгоняют нас или должны бы подгонять Гитлер, Муссолини и взбесившиеся милитаристы.

Спорный и мудреный вопрос начинается, когда перейдем к линии Твоего личного поведения в процессе перехода науки от нейтралитета (безразличия) к воинственному участию в судьбах мира. Но это выходит далеко за пределы открытки.

Тезис третий. Пора нам поднять Пушкина. Это совсем не легко. Но сейчас легче, чем когда-либо ранее. Но требует соединенных усилий всех, кто Пушкина любит. — Через Пушкина, воспринятого наконец русскими, русская культура займет подобающее ей место в мире, а без победы *культурной* завоевания революции не могут быть прочными. В ноосфере все решает культура.

Тезис четвертый. Пушкин *единственный* наш национальный поэт. И этим самым — поэт мировой. Доказательства или излишни, или требуют не открытки, а книги.

* В самую суть дела (*лат.*).

** *Здесь: с математической точностью (лат.)*.

Тезис пятый. Россия, как синтез Запада и Востока, настоящий арбитр мира. Это понял Чаадаев. Но пока не поняли мы. Если мы это поймем, то Пушкин и наука победят и Гитлера, и войну, и капитализм и водворят ноосферу не только в книгах и в умах нескольких ученых, а в ведущих силах нашей планеты.

Меня вчера спросила В.Н.Фигнер, сколько на это надо лет. Я сказал: пять.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1842. Л.12-15.

В.И. и Н.Е.Вернадским

31 марта 1937

От безумных я избавил вас открыток,
Но одну, последнюю все же должен вам послать.
В старости я что-то страсть как прыток,
Да и надобно мне кое-что узнать.
Пусть Владимир час обратного пути
Формулу мою продумает... Ты этим не шути.

Время не терпит. Надо готовить пути ноосфере. Но как объяснить, что это такое? Я понимаю так:

Ноосфера по учению академика Вернадского — это наступающая эпоха жизни планеты — земли, когда человеческое сознание, объединенное непреложным мировым (научным) знанием, становится мощной геологической силой, властью влияющей пока еще в ограниченных, но все же ощутимых размерах, на самую судьбу родной планеты.

Я хорошо не понимаю вот чего: эпоха — отрезок времени, сфера — отрезок пространства. Правильна ли терминология, выражающая правильную мысль?

Во всяком случае для меня Узкое давно уже носит имя: Ноосфера. В просторечии ее будут звать: Новая вера. А всего лучше бы — Вернадовка. Желаю Вам благополучно проехать из Вернадовки до Долгого переулочка...

Митя.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1842. Л.18.

Е.Г.Ольденбург

9-12 ноября 1937

Я эти дни в каком-то склонном к крупным обобщениям настроении, вероятно, сказывается известный, завершающий некий этап

исследовательской работы по Чаадаеву, момент, да и самый дух этого замечательного человека, по самому существу своему склонного во всем обдумываемом и во всем наблюдаемом схватывать самую сущность дела и выразить эту сущность в метком и смелом слове. Так вот у меня все вертится в голове такое определение задачи настоящего биографа...⁸⁹ Он должен сам стать до некоторой степени душой изучаемой личности, душой очищенной, просветленной, озаренной. Нужен, наряду с внешним овладением фактической стороной жизни, еще какой-то внутренний подход к самому жизненному зерну изучаемой особи...

Вот на эту сторону дела я пока не замечаю у вас отклика. Может быть, это вполне законно. Еще не закончено собирание и обобщение фактов. И ранее, чем окропить всю их совокупность живой водой, надо пока их окачивать мертвой водой, чтобы мертвое тело срослось и приняло прежние формы к моменту, когда его можно будет одухотворить водой живой. Как это сделал Финн с растерзанным Русланом. А с другой стороны, этот внутренний подход к самой сущности личности должен долго зреть в душе и постоянно создаваться и многожды проверяться и совершенствоваться. Но никогда не должна застывать эта внутренняя работа, рост в себе очищенной души любимого человека.

<...> откуда же взялись Ольденбурги и Шаховской? Главный источник — общественное настроение после 1 марта 1881 г., толстовство в этом составляет лишь частность, правда, существенную. Надо понять этот общий фон, а там на нем уже рисуются отдельные фигуры. От отца Ольденбургов, я думаю, получено очень мало в смысле положительного содержания стремлений, но две очень важные вещи: 1) нравственный облик, который я определяю, как монашески-рыцарский, в самом лучшем смысле обеих этих составных частей и 2) очень высокий культурный уровень. Не знаю, насколько Вы знакомы с основными эпистолярными фондами нашими восьмидесятыми годов. Они, конечно, довольно много могли бы дать.

<...> я еще перечитал Ваше письмо. В самом конце его, мне кажется, Вы правильно поставили вопрос *об эпохе*. И не в том дело, что в ней *не все было реакционно*, как Вы пишете, — а в том, что надо по существу себе ее представить, и мы все, понемногу оглядываясь и еще очень мало друг о друге зная, в ее потоке шлифовались и к чему-то общему подошли. И надо как можно скорее к этому общему подойти в рассказе, а не тянуть разрозненные нити отдельных существований. — Письма, письма, письма... Заграничные письма четы Ольденбургов, я думаю, дадут вам очень много. <...>

О толстовстве. Искание более глубоких основ жизни при неудовлетворенности одних политических лозунгов — вот основа интересов к толстовству после краха 1 марта 1881 — но углубление философ-

ских, социальных, научных, нравственных основ у нас никогда не доходило до толстовского отрицания политики и культуры вообще. Вам надо прочесть мое раннее письмо к Толстому, очень характерное, чтобы отчетливо это понять. Т.е. это даже и само собой без всяких объяснений понятно, но письмо мое — хорошая иллюстрация. Сближение со Свешниковой⁹⁰ состоялось *только* через школу Максимовича.

Это и определяет хронологию. Первым встретил ее я — у *Черткова*. Потом я же с Корсаковым⁹¹ вел переговоры о приглашении ее начальницей в школу Максимовича. Там она встретила и близко сошлась с Федором [Ольденбургом] и через это естественно и неизбежно — совсем логически — стала нашим другом. А вот что совсем, кажется, вне поля Вашего зрения — это тверские земцы: Корсаков, Родичев, потом Петрункевичи. Вот и для Свешниковой и для *всего* Федора, для *всего* Шаховского — а в отблеске для *всего* кружка эти тверские земцы были чем-то страшно важным, противовес толстовству, — страшные враги его. Мы сражались с ними в защиту толстовства, как сражались с толстовцами (а отчасти с самим Толстым) в защиту культуры. Мы были культурными толстовцами и толстовскими культурниками. Вот почему Фрей, увлекшись Толстым и обжегшись на нем, и отдохнул на нас. И, конечно, линия наша между толстовством и русской культурой, с признанием правды обеих огромных этих сил, была твердо установлена еще до Фрея. Но Толстой увлекал нас своим радикализмом («Так жить нельзя» — ведь это *первый* наш тезис) — и всенародностью, демократизмом, осмыслением опрощенства, подведением нравственной основы под требования политического и социального обновления, мы получали такую основу нашего поведения, которая не зависела нимало от внешних результатов, была вне вопроса об удаче или неудаче фактической.

У меня это отчеканилось в 3 девизах, которые я письменно не изобразил ни в каком документе:

1. Nicht können und doch wollen*.
2. Res victris diis placut, victa — Catoni**.
3. Претерпевший *до конца* спасется.

Второй свой тезис я как-то сказал Сергею, который его не знал и был им поражен донельзя.

Теперь, кажется, все. — Я вынес этот латинский тезис еще из гимназии, немецкий — сложился у меня после университета.

* Не мочь — и все же хотеть (нем.).

** Оказавшееся победителем — было угодно богам, потерпевшее поражение — осталось убеждением Катона (лат.).

<...> я написал на Ваше письмо 7.XI большой ответ, по возможности исчерпав, как мне кажется, все, о чем Вы спрашивали.

Но подожду его отсылать. Хотелось бы иметь его здесь во время пребывания Ивана Михайловича [Гревса]. Биография С.Ф.Ольденбурга — такая важная страничка в истории заканчивающихся наших жизней, что, может быть, придало нашим мыслям и словам большую глубину и разнообразную самостоятельность, но меня всегда мучит и даже оскорбляет мое артельное сердце. Как бы то ни было, такова правда нашей жизни. Поэтому не льщу себя уверенностью, но утешаю себя надеждой, что, может быть, в этот час, который, может быть, есть последняя наша встреча, мы и задумаемся и сговоримся до чего-нибудь общего — а во всяком случае мы дадим друг другу новый толчок для самостоятельной плодотворной мысли на общей основе.

16 января 1938

Теперь приведу мои формулы новые братства.

Определение братства.

Братство есть понимание трех слов Христа: «Все люди братья».

А вместе с тем, практически это:

союз людей, решившихся применить эти слова к своей жизни и убедить в их истине весь род людской.

Ныне мы доподлинно знаем (главное из рассуждений Вернадского), что если бы эта задача была решена, это изменило бы судьбу вселенной.

18 января 1938

Ответ на Ваши мучительные недоуменные и действительно коренные жизненные вопросы один:

Все люди братья.

Удивительно, как такое простое и банальное слово теперь зазвучало в душе (и, думаю, зазвучит в душах, если не во всех, то в очень многих) с новой, неслыханной, — вероятно и ранее испытываемой, но такой полузабытой или совсем забытой — силой. И особенно удивительно — и это как раз самое знаменательное: слово это одинаково сильно применительно и к самому общему и к самому частному. Оно требует только одного: вполне искреннего и вполне полного и по возможности вполне сознательного, но отнюдь не только головного, а также и сердечного, но непременно радостного и уверенного (и в себе и в других) применения в жизни. — И притом — надо крепко

привязать всех чертей. Конечно — своих. Чужих не так-то легко поймать за хвост.

ААН. Ф.208. Оп.5. Д.18. Л.29-30, 32об, 36-38, 40об.-41об., 42об.-43, 93, 94.

И.М.Гревсу

24 апреля 1938

Приходится уйти в себя и быть молчаливым свидетелем происходящего вокруг. — Мне так это ясно, что я не имею охоты аргументировать. Уверен, что если Ты пробежишь мысленно перечень вопросов и событий, по которым хотел бы писать и получить письменный позыв, то без всяких доказательств Ты согласишься, что мы живем в период молчания и нечего к другим мукам присоединять еще мучительства насильственного кропания писем без единого живого чувства искренности и даже фактической внешней правды <...>⁹²

Чувствую, что всякое письмо не увеличит, а уменьшит то чувство взаимной любви и близости, которое в нас живет и которым поневоле приходится питаться в переживаемую нами мрачную полосу. Ужас ее в том, что чувствуешь ее непреодолимость в данный момент и бессилие не только преодолеть окружающее зло, но даже и бороться с ним. Надо просто стараться пережить его.

Очень бы хотел только одного общения с Тобой: чтения одних и тех же книг.

ААН. Ф.726. Оп.2. Д.335. Л.327, 327об.

СТАРИК СТАРИКУ⁹³

Открытка первая

1

Вы завидуєте молодости. Но и у старости есть свои дары, которые не купишь ни за какие деньги: отсутствие карьеризма, жизненный опыт, накопленный запас знаний и — у непродавшихся и необезумевших — самый важный в настоящее время товар, уж совсем рыночный, — совесть.

2

И настает время, когда этот товар начинает цениться.

3

После беседы 10 июня 1938, 23 часа

Главный недуг старости — склероз. Пошел слух, что это вовсе не обязательный старческий недуг, а особая болезнь, как и всякая другая, и название ее не артериосклероз, как ее часто называют, а атеросклероз; беда только в том, что пока не знают, как этот недуг лечить, и, по-видимому, самое против него действенное средство — душевное спокойствие, то есть опять-таки нечто сродни спокойной совести. Пока врачи и биологи в этом не разобрались и биологическую сущность спокойной совести не определили, будем рассуждать по-своему.

Открытка вторая

4

Ночь наступила с 10 на 11,
но я еще не сплю.

Открыток цепь, предвижу, будет бесконечна,
Для размышления — сюжетов тьма кругом...
И самая статья моя... С тревогою сердечной
Она слагается в сознании моем...
Чаадаев и монархия июля —
Последняя ведь также *реставрации* ступень,
Измена революции... Измена — ядовитая пилюля...
Нам ясно то во Франции — как день.

5

Опять уже ночь — с 11 на 12

Я знаю, что вирши мои топорено-рубленные, да еще не острим, а обухом. Но для краткости и для вступления не мешает грубо ударить — в предупреждение маниакальности последующего.

6

Потому что ведь сейчас, чтобы что-нибудь понять, — непременно надо быть маньяком. Надо ухватить какую-то общую идею, но только взятую не из прописей, а из мучительного жизненного переживания и тщательного изучения фактов — и этой идее всецело отдаться... Может быть, это и есть секрет молодости.

Открытка третья

7

Ночь все еще тянется, да и
прошло ее полчаса...

Все ясно так, как на ладони.
все ясно так, что можно умереть...
История несется, бешеные кони
Стремглав мчат колесницу мира... Разглядеть
Однако можно все: идеи, лица, цели,
И надо все, как следует, уразуметь...
На это нам даны не годы, не недели.
Немедля мы должны на все ответить смель.

8

Русская революция... Есть ли она просто русский бунт... Беспощадны бывают и бунты, и революции. Но бессмысленны бывают лишь бунты. Революция всегда исполнена смысла. Но каков же смысл русской?

9

Надо разобраться в том, кто ее подготовил. Милый Гаврош в *Miserables*'ах* у Виктора Гюго всю вину французской революции приписывает Вольтеру и Руссо: куплеты предсмертной песенки он закончил словами: «C'est la faute a Voltaire, c'est la faute a Rousso»**, .
Винновники русской революции — Пушкин и Лев Толстой.

Открытка четвертая

10

В 1824 году Пушкин, говоря о достоинствах стиха Расина, указывал на те свойства, которые делают стих образцовым:

Смысл, точность и гармонию.

Если в эти три термина вложить более глубокое содержание, то эти три свойства должны заключаться во всяком значительном слове значительного писателя. И им так исчерпывающе полно отвечает

* «Отверженные» (*фр.*).

** Это вина Вольтера, это вина Руссо (*фр.*).

мысль Пушкина, сформулированная им в 1829 или 1830 году, но, конечно, бороздившая складки его мозга еще с 1825 года:

«Я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина»⁹⁴. В словах Пушкина отражена вся его революционность. А весь смысл Толстого в его вопле на весь мир:

Так жить нельзя!

И если Вы разберете всю сущность Пушкина и всю сущность Толстого — и особенно сопоставите друг с другом их пути и выровняете их в один царственный путь русской литературы за сто лет — 1810-1910, то вы убедитесь, что эти два гиганта — настоящие столпы русской революции.

Открытка пятая

11

Свежее утро 12 июня
 Меры все я перемерил
 И пути все исходил.
 Что же? В Русь одну поверил.
 Дале рыскать нету сил.

12

Русь! Чтобы ее понять и оценить, надо вернуться к декабристам. Потому что тогда она предстала во всей красоте и силе своей юности еще ничего не изведавшей, но на подвиг готовой. Движение декабристов считают дворянским. Не близорукая ли это точка зрения? Оно было и не могло не быть национальным. Только выразителями его, естественно, оказались дворяне, обладатели вершин той культуры, вскормленной трудовым народом, которая к тому времени вошла в настоящее общение с культурой европейской, то есть с ведущей передовой силой основания Земли-планеты.

Вот так надо и можно сейчас использовать декабризм. И такое исследование, наряду с изучением Пушкина и «Слова о полку Игореве» XII века — очередная задача.

Открытка шестая

13

Возмужавшая Русь выливается в настоящую революцию. Но бессмысленно воображать, будто пройденный этап ее есть окончатель-

ный подвиг народа. Это пока лишь жест Самсона, доведенного до отчаяния, как это пророчески указал лучший оратор Государственной думы, крестьянин Лосев⁹⁵. «Погибай, душа моя, с филистимлянами!».

14

Но русский Самсон не погиб под развалинами разрушенного им здания. Он вышел на волю, израненный, но живой. И только теперь начинается его великая творческая мировая работа.

15

Он занял часть земной суши, завоевал полюс и распоряжается, пока еще неумело, огромной частью главного источника энергии на земле — солнца. Он в целом не запятнал себя враждой ни к одному народу; презрением — ни к одной части многоликого человечества.

16

«В гаванях твоих, славянин, будет цвести торговля и морская сила, а в городах, посредине земли твоей, справедливость для тебя обитать станет»⁹⁶.

Открытка седьмая, и последняя

17

Так верили и вещали «Соединенные славяне». Они понимали непобедимую силу народов, раз он перестанет быть рабом и одну справедливость ставит себе владыкой. И достаточно вдуматься в современное положение иноземных стран и населяющих эти страны народов, чтобы понять всемогущество «страны победившего социализма», то есть народа, выполнившего отрицательную часть своего мирового предназначения.

18

Теперь все дело в том, чтобы осуществить и положительную его программу, не возобновляя той жизненной неправды, которую ему удалось сокрушить.

19

Вернувшись из Ялты и от моря,
 Должны вы мудрости нас высшей научить,
 Заставить, презирая море горя,
 Горе свой взор и мысли устремить.
 Но ни на миг не забывать земных печалей,
 От отсебятины и эгоизма быть подалье...
 Лишь этим мы весь мир преобразим
 И змия зла навеки поразим.

ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1842. Л.без номера.

В ночь с 26 на 27 июля 1938 на семьдесят седьмом году жизни Дмитрий Иванович Шаховской был арестован⁹⁷.

Примечания

¹ *Громеко* Михаил Степанович (1852-1883) — гимназический учитель и старший друг Шаховского; знакомый Л.Н.Толстого. Автор книги «Последние произведения графа Л.Н.Толстого» (СПб., 1884). «Он и благословил нашему кружку быть, — вспоминал Шаховской в 1937, — и знал отлично всех его первоначальных участников» (ААН. Ф.208. Оп.5. Д.18. Л.31).

² «Ольденбургский кружок», из которого впоследствии выросло Братство, начал складываться с осени 1881. Одной из его составляющих была дружеская компания выпускников 1-й Варшавской гимназии, о которой идет речь в данном письме. В нее входили: из выпуска 1879 — будущий земский деятель Лев Александрович *Обольянинов* (дружеское прозвище — Лелька, 1861-1927) и служивший впоследствии в МВД России Николай Васильевич *Харламов* (Генерал, 1860-1925); из выпуска 1880 — А.А.*Корнилов* (Адъка) и С.Е.*Крыжановский* (Сережка). Университетскую жизнь первые трое начали как математики: Обольянинов и Харламов — в Варшаве, Корнилов — в Петербурге. Крыжановский начинал учиться на юридическом ф-те в Москве. Лето 1881 собрало их в столице, где они заново выбрали специальность (Обольянинов стал естественником, остальные — юристами) и поселились на одной квартире.

Крыжановский С.Е. (1862-1935) — сын директора 1-й Варшавской гимназии, где учились все (за исключением Шаховского) «варшавские» члены Братства. В 1880-е многие приятники причисляли его к Братству. Впоследствии сделал государственную карьеру, о чем, по-видимому, думал еще в студенческие годы (одно из писем Корнилову шутливо подписал: «юрист 1-го курса — будущий министр юстиции». — ЦГАОР. Ф.5102. Оп.1. Д.651. Л.2об.). С 1911 — государственный секретарь, затем — сенатор, член Государственного Совета. После революции — в эмиграции. Автор «Воспоминаний» (Берлин, б.г.). «Умный, энергичный, честолюбивый, — вспоминал о нем Вернадский в 1942, — он был от природы добрый. Хороший товарищ <...>. Элементы цинизма и правильного скептицизма в моральной силе окружающих, больше того, у него было недоверие в добрую природу человека,

которое характеризует и Победоносцева, и Витте... Резкий — неожиданный для нас отход его от нашего кружка». (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.31. Л.85).

³ Реально «ольденбургский кружок» сформировался в процессе борьбы в Студенческом научно-литературном обществе (СНЛО) Петербургского университета в 1882. Здесь впервые будущие «приютинцы» выступили как единое целое, защищая выработанную ими общую позицию. В противовес группе студентов-«аристократов», стремившихся политизировать СНЛО, связать его с «государственными интересами», Шаховской, Ольденбурги и их друзья ставили своей задачей «объединить идеалистическое студенчество около научной работы, <...> противопоставить такую одушевленную благородною целью «жить для других» научную работу как карьеризму, так и преждевременному политиканству и революционерству» (Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души//Русский исторический журнал. 1920. №6. С.59). К осени 1882 «аристократы» вышли из СНЛО и «ольденбургский кружок» сделался его ведущим ядром. Общество, просуществовавшее до 1887 (было закрыто правительством после ареста А.И.Ульянова и его товарищей), «сплотило вокруг себя работающее научно студенчество самых разных политических направлений <...>, оказало большое влияние как хорошая школа общественно-культурной работы» (С.Ф.Ольденбург. — ААН. Ф.208. Оп.2. Д.15. Л.2).

⁴ В мае 1884 по инициативе Шаховского и А.Н.Краснова (1862-1914; ботаника и географа, друга Вернадского с гимназических лет) сфера деятельности ольденбургского кружка была расширена: начал действовать кружок народной литературы (далее — КНЛ). Это помогло Шаховскому преодолеть душевный кризис, пережитый им в начале 1884. В КНЛ сразу вступили бестужевки О.П. и А.П.Тимофеевы, А.Н.Сиротинина и др. Через него в ольденбургский кружок вошли И.М.Гревс и его жена М.С.Гревс. Последняя привлекла свою сестру художницу Е.С.Зарудную, брата А.С.Зарудного и двоюродную сестру Н.Е.Старицкую. Среди работавших в КНЛ в последующие годы — А.И.Яроцкий, М.О.Григорьева, Н.П.Тимофеева, Е.А. и М.А.Бекетовы, Н.В.Чехов, И.И.Горбунов-Посадов, П.И.Бирюков, А.К.Дитерихс, М.А.Аргамакова, Н.А.Рубакин, Б.Э.Кетриц, Н.А.Рейтлингер, Б.Б.Глинский. Большую роль в КНЛ сыграла Александра Михайловна *Калмыкова* (1849-1926), пришедшая туда в 1885 и вскоре, после отъезда Шаховского в провинцию и отхода Краснова от общих дел, занявшая в кружке ведущее место и ставшая личным другом Вернадского, Шаховского и Ф.Ольденбурга.

В КНЛ исходили из того, что главная проблема — не в обучении масс технике чтения, а в приобщении их к культуре. Члены кружка перерабатывали литературные произведения, стремясь сделать их доступными народу: А.Тимофеева — «Мучеников» Шатобриана, О.Тимофеева — «Айвенго» Вальтера Скотта, Н.Старицкая — «Делателей золота» Шоко, А.Сиротинина — сказки Андерсена, С.Ольденбург — индийские сказки, которые иллюстрировала Е.Зарудная. КНЛ собирал литературу, закупал ее, рассылал в деревни. Уезжая из Петербурга на лето, члены кружка вели с собой небольшие библиотечки для распространения на местах. Важнейшее направление деятельности КНЛ — изучение существовавших к тому времени каталогов «библиотек для народа» и выработка новых, более совершенных (См. напр.: Шаховской Д. К вопросу о книгах для народа//Русский народный учитель.

1885. №8-9; Калмыкова А., Кетриц Б., Ольденбург А. Опыт периодического указателя книг для детского и народного чтения. 1887. №1). С начала 1885 КНЛ был тесно связан с толстовским издательством «Посредник», в 1886 члены КНЛ вошли в С.-Петербургский комитет грамотности при Вольном экономическом обществе («чтобы спасти учреждение от замирания и бездействия» — Былое. 1921. №16. С.158), где вскоре стали играть ведущую роль. По инициативе КНЛ (взявшего на себя сбор средств и административные хлопоты) в конце 1887 была открыта в столице первая бесплатная народная читальня (имени Пушкина). КНЛ прекратил собираться около 1890.

⁵ Ушинский Николай Григорьевич (1863-1934) — врач, физиолог, доктор медицины. Профессор Варшавского, Новороссийского ун-тов. См. некролог ему, написанный В.И.Вернадским (Природа. 1935. №2).

⁶ Об А.Н.Краснове см.: Вернадский В.И. Памяти А.Н.Краснова // Природа. 1916. №10; Профессор Андрей Николаевич Краснов. Харьков, 1916.

⁷ Сиротинина (Шаховская) Анна Николаевна (Анюта, 1860-1951) — знакома с Шаховским с 1880, с лета 1886 — его жена. Из семьи московского купца; училась на Высших женских курсах В.И.Герье в Москве, затем — на Бестужевских в Петербурге (естественное отделение физико-математического ф-та). После окончания курсов и до 1886 жила уроками, вела занятия в воскресной школе.

⁸ Рождествено — село Серпуховского уезда Московской губ., где находилось родовое имение Щербатовых.

⁹ Шаховской был знаком с Л.Н.Толстым (через М.С.Громеко) с 1880 и испытал сильнейшее воздействие его «нового мирозерцания». Неоднократно встречались с Толстым и другие приятинцы. В середине 1880-х они активно распространяли неподцензурные произведения Толстого, издали (на гектографе) «Исповедь», «В чем моя вера», «Так что же нам делать?», «Переписку Фрея с Толстым» и др. Сблизившийся с приятинцами в 1890-х П.Б.Струве писал о них: «Этот круг лиц отличался особенной окраской своих моральных исканий. Лев Толстой оказал огромное влияние на весь духовный склад этих людей. Они не были “толстовцами”, но без Толстого я не могу мыслить себе приятинцев как особой группы, как особого духовного типа» (Струве П.Б. Памяти Ф.Ф.Ольденбурга // Русская мысль. 1914. Октябрь. С.204). «Толстой увлекал нас, — вспоминал Шаховской в 1937, — своим радикализмом и всенародностью, демократизмом, осмысливанием опрошенства, подведением нравственной основы под требования политического и социального обновления» (ААН. Ф.208. Оп.5. Д.18. Л.38). Подробнее об отношении приятинцев к Толстому см.: Корнилов А.А. О знакомстве с Л.Н.Толстым // Русская литература. 1960. №4. С.160-162; Ольденбург С.Ф. Толстой — учитель жизни: Из воспоминаний 1880-х годов // Толстой: Памятники творчества и жизни. Вып.2. Пг. 1920. С.113-130; Шаховской Д.И. Толстой и русское освободительное движение // Минувшие годы. 1908. №9. С.313-320. См. также: Мочалов И.И. Л.Н.Толстой и В.И.Вернадский // Русская литература. 1979. №3.

¹⁰ Бабушками Шаховской называл как свою родную бабушку (мать отца) Наталью Дмитриевну Шаховскую (ур. Щербатову; 1795-1884), так и ее

сестру Елизавету Дмитриевну *Щербатову* (1792-1885), о которой в данном случае идет речь.

¹¹ Исследование «Домостроя» — древнерусского памятника сер. XVI века — было темой кандидатского сочинения Шаховского, над которым он работал в 1884-85 на кафедре славянской филологии Петербургского университета до своего отказа от университетской карьеры в середине 1885.

¹² О посещении Шаховским Ясной Поляны в августе 1884 см. записи в дневнике Толстого 23 августа: «Шаховской приехал. Он шалун, animal spiritio (пылкий, жизнерадостный) и честный. Только прямой ли?». 25 августа: «Не помню, нынче или вчера говорил с Шаховским и весь дрожал, показывая ему правду: что дела дьявола — войну, суд, присягу, нельзя говорить о Христе». (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. Т.48-49. М., 1952. С.118).

¹³ Ср. впечатления Ф.Ф.Ольденбурга в письме А.А.Корнилову: «Но самое интересное, это было небольшое путешествие, которое мы предприняли вдвоем. Облекшись в русские рубашки, закинув через плечо на веревочках пакеты с переменным бельем, завернутым у Д.И. в газетную бумагу, у меня в дамский клетчатый платок, захвативши с собой большой жестяной чайник, куда уложили стаканы, чай, сахар, — мы отправились сначала по железной дороге до Козловки, первой станции за Тулою, а оттуда версты три пешком в Ясную Поляну. У Толстого остались более двух суток, говорили и с ним много, познакомились и со всею семьею <...>. Оттуда мы отправились пешком в Оптину пустынь около Козельска за 125 верст (трое суток ходьбы). В пустыни видели отца Амвросия [старец Амвросий, в миру — А.М.Гренков, 1812-1891. — *Публ.*], с которого Достоевский писал своего Зосиму. <...> В монастыре мы оставались около суток; но отдых был плохой: службы, да поджидания на крыльце у Амвросия. Оттуда пешком же по великопленной дороге немного более чем в сутки в Калугу, а там по Оке в Серпухов.

Видели очень много интересного — одни ночлеги чего стоят! Были и на городском постоялом дворе, и в монастыре, и в избе в деревенском постоялом — на полатах среди мужичков за положенную семитку [две копейки серебром. — *Публ.*]. Одну ночь пришлось и под открытым небом переночевать. Путешествовать таким образом — просто чудо что такое» (Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга //Русская мысль. 1916. Кн.VIII. С.65).

¹⁴ Письмо написано через полмесяца после приезда Шаховского в Вессьгонский уезд Тверской губ. Об обстоятельствах его появления там вспоминает Ф.И.Родичев — он встретился с Шаховским в Петербурге у К.Д.Кавелина в 1885: «Молодой, застенчивый, с наивным внимательным взглядом, Шаховской проповедовал учение Льва Толстого, аскетизм, самопожертвование, любовь. К политике он был равнодушен и собирался идти в учителя русского языка. Он горел жаждой подвига. <...> Я соблазнил его: “Вместо учительства в гимназии поезжайте заводить народными школами, ваше дело будет и административным, и педагогическим. Вы будете помогать учителям в преподавании, будете связью между ними. Это подлинное дело на пользу народа, то непосредственное знакомство с его нуждами, о котором вы мечтаете”. Шаховской не сразу сдался. Вероятно, братья [имелись в виду приютинцы. — *Публ.*] обсуждали вопрос. Но они одобрили, и он согласился. <...> Среди учителей земских школ появление Шаховского произвело не-

обыкновенную сенсацию. Молодой князь, сын военного генерала, мужиком в полушубке и в валенках, норовит идти пешком и ездит на одиночке. В Весьегонке своими руками возделывает огород, не допуская никакой помощи. И при этом незлобив и скромен, как девица. В нем нет ни тени самохвальства, — совершеннейшая искренность и простота обезоруживает насмешку и осуждение. Все, в ком была способность духовного подъема и одушевления, были приподняты влиянием Шаховского: учителя, служащие в земской управе, священники и дьячки, врачи и гласные, кроме немногих, имевших личные цели». (Родичев Ф.И. Воспоминания //Современные записки. 1933. Т.53. С.59,60).

Основу школьной сети Весьегонского уезда составляли 44 училища, созданных земством; кроме того, действовали 7 церковно-приходских школ и 24 школы грамотности — всего около 4 тысяч учащихся, почти все — дети крестьян. Три с половиной года, проведенные Шаховским в «Весьегонии», были до предела насыщены повседневной работой: посещением уроков и экзаменов, налаживанием связей между учителями и школами, организацией методической взаимопомощи, хозяйственными заботами (финансы, дрова, керосин, учительские огороды) и т.д. Одновременно это был период интенсивного общения Шаховского с «тверскими земцами», годы становления его общественных воззрений.

¹⁵ В.И.Вернадский, подводя итоги жизни Шаховского, писал, что он, «верующий православный, в религии, наиболее глубоко проявлении смысла жизни, пошел самостоятельным путем» (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.29. Л.83). Постоянное «влечение к Богу», о котором Шаховской говорит в письмах к своей будущей жене, как правило, сопровождалось у него отчуждением от церковности, подчас даже резким отрицанием ее: «Про церковь мне не понравилось, что Вы как будто забыли, что наряду с этим высоким чувством она есть прямо зло — и именно для тех, которым, по-Вашему, особенно нужно вот это умиление, церковное настроение, она и есть губящее, отводящее глаза от корней жизненного вопроса зло. Я отлично понимаю, сколько в церковности есть поэтичного и высокого, не только понимаю, а и умею чувствовать, но ведь тут и обман — во всем есть обман, не для меня и, вероятно, не для Вас, а именно тех, которым, по-Вашему, она особенно нужна. Ведь церковь — это локализация добра, красоты и правды, которыми должна бы быть проникнута вся жизнь, в одном месте... и это отвлечение прямо способствует тому, чтобы в жизни царствовало зло, безобразие и ложь». (К неизвестному адресату. Б.д. — Собр. Д.М.Шаховского. Копия). Поздний Шаховской свое религиозное мироощущение, которое он желал «громко исповедать до смерти», сформулировал («в пасхальную ночь, под звон московских колоколов») как «чувство открытости через мир мысли — в бесконечность всего мира — и в путь вселенского объединения верующих, как в средство спасения всех сознаний в одном спасающем жизнь и возводящем ее в вечность чувстве» (И.М.Гревсу. — ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.188).

¹⁶ По-видимому, существовали и более ранние письма Шаховского Л.Н.Толстому. Ср. в письме к А.Н.Сиротининой от 25 мая 1885: «Писал Вам, потом Толстому — я ему давно написал письмо — но казалось очень плохо, а вчера перечел и решил отправить, кое-что прибавив» (ИРЛИ. Ф.334. Д.688-698. Л.48об.).

¹⁷ Фрей Вильям (*Гейнс* Владимир Константинович, 1839 -1888) — моралист, общественный деятель. Окончил в России Артиллерийскую академию и Академию Генерального штаба по геодезическому отделению. Отказался от военной карьеры, уехал в Америку. «Прошел там все стадии черного труда: был земледельцем, наборщиком и, в то же время, участвовал во многих социалистических мероприятиях, имеющих целью улучшить жизнь не насильем и революцией, а личным примером лучшей жизни», — писал он в автобиографии. Коммуны, в которых участвовал и которые организовывал Фрей, строились на принципах общности труда и имущества, свободы вероисповедания и т.д. Среди основных лозунгов — «От каждого по способностям, каждому по потребностям — Равенство, Дружба, Братство». К началу 1880-х стал ясен провал американских коммунистических экспериментов Фрея. В 1885, увлеченный «религией человечества» Конта, Фрей приезжает для ее пропаганды в Петербург. Здесь знакомится с новыми произведениями Толстого и ставит себе главной задачей — сделать Толстого своим единомышленником, знаменосцем «позитивной религии» в России. А.М.Калмыкова, рекомендуя Толстому Фрея, писала 13 августа 1885: «Хотелось бы знать, какое впечатление он произведет на вас. За него — уход из России, где было обеспечение материальное, карьера служебная и т.п., 18 лет жизни в Америке в борьбе с нуждой и искании истины; против него какая-то неприятная поза самоуверенности, которая звучит во всех его речах, какая-то практичность. Но такие люди нужны: пусть будят логикой, если не могут жечь сердца людей иной душевной силой» (Музей Л.Н.Толстого). Беседы с Толстым, однако, показали Фрею, что их взгляды значительно расходятся, и в конце февраля 1886 он, разочарованный, уехал в Англию. С приятниками Фрей встречался в 1885-86 неоднократно (у Калмыковой, Крыжановского, Тимофеевых, И.Е.Репина) и так же, как и Толстому, старался доказать им, что те, кто перерос рамки ортодоксального христианства, но сохранил в себе религиозное чувство, должны принять новую религию, основанную на учении Конта. «Никто из нас не увлекся этой проповедью, не сделался последователем Религии, которой он учил нас с таким увлечением, такой горячностью. — вспоминал С.Ф.Ольденбург после смерти Фрея. — Но если проповедь Религии Человечества не нашла отклика в наших сердцах, то слово и пример этого человека, который все оставил, от всего отказался, что манит людей в жизни, для того чтобы остаться верным своей идее, который обрек себя на добровольную ссылку, чтобы искать истину, чтобы найти лучшую жизнь, — глубоко запали нам в душу. Нам — переходящим от компромисса к компромиссу, нам — привыкшим так легко прощать себе все трусости, все отступления от правды, — захотелось исправиться, захотелось хоть немного походить на него» («круговое письмо» из Лондона, 21 октября (2 ноября) 1888. — ААН. Ф.208. Оп.5. Д.31. Л.30-31). По мнению Ф.Ф.Ольденбурга, «Фрей произвел громадное впечатление именно потому, что он выразил вполне определенно и ясно то, о чем мы думали раньше» (ААН. Ф.518. Оп.5. Д.68. Л.52).

¹⁸ В дневнике Екатерины Сергеевны *Зарудной* (в замужестве *Кавос*, 1861-1917) сохранилась запись о той встрече с Фреем, которая послужила последним толчком к оформлению Братства: «5 января [1886]. Перечитала письмо Фрея; вчера вечером были мы <...> у Крыжановского на Вас<ильевском> О<строве> — был Фрей и долго говорил. — Было ужасно интересно и долго бы слушала его — но что-то внутри говорило, что это не может

удовлетворить, что это все не то, что-то нужно проще, скорее. <...>. (ИРЛИ. Ф.445. Д.5. Л.17об). И далее: «На 3-й день после Фрея Маша, Иван и братья О<льденбурга> долго и очень хорошо говорили, тогда-то и решили устроить этот кружок, т.е. нельзя так выражаться, тут в сущности ничего не устраивалось, а так вышло, так мы сошлись, почувствовали, что все любим друг друга, хотим всеми силами друг другу помогать жить хорошо...» (Там же. Л.17об. 19, 19об.).

¹⁹ «Что нам делать и как нам жить?» явилось ответом Шаховского на письма Ф.Ольденбурга, Н.Старицкой и др., в которых сообщалось про образование Братства и выражалась уверенность в том, что Шаховской станет его членом. Автограф, хранящийся в ААН, частично поврежден. Пробелы, где было возможно, восполнены по списку Е.С.Зарудной; в конце письма отмечены некоторые разночтения. Письмо при публикации сокращено нами примерно наполовину. Сокращения коснулись главным образом рассуждений о роли физического труда. Купированы также некоторые повторы и то место, где поврежденный текст не удалось восстановить.

²⁰ Первые два правила в общем виде были приняты в Братстве легко, однако их практическое применение сразу поставило множество спорных вопросов, как крупных — насколько необходим физический труд и какие именно его формы, следует ли ставить предел личному аскетизму (С.Ольденбург держал себя и жену на полуголодном рационе), так и более частных, например: допустимо ли в Приютине пользоваться услугами кормилицы, имеют ли право приютинцы, находясь за границей в научных командировках, тратить средства на ознакомление с культурной жизнью Европы, и многие другие. И хотя все сходилось в том, что «конечно, не стоит жить трудами рук своих, если это приведет к утрате жизни духовной» (Шаховской — Ф.Ольденбургу, 1887. — Собрание Д.М.Шаховского), но ответы формулировались непросто и их обсуждение занимает десятки страниц в дружеской переписке. Третье правило принималось с большим трудом, особенно его вторая часть. Материальная безвозмездная помощь друг другу проходит через всю историю Братства, но *брат* оказывалось куда более трудным делом, чем *давать*. Характерно в этом отношении письмо Обольянинова к С.Ф.Ольденбургу в 1889, когда Ольденбург был отстранен от преподавания в университете, а Обольянинов хотел ему помогать как мог — «небольшими кушами»: «Только ты отбрось, пожалуйста, ту ложную традиционную или наследственную денежную щепетильность, которая бессмысленна, не вяжется с нашими взглядами, а все-таки есть больше или меньше во всех нас» (ААН. Ф.208. Оп.3. Д.707. Л.1,2). Ср. более позднюю реакцию Гревса на подобную помощь со стороны Вернадских: «Дорогой друг Наташа! Испытывая умиленное чувство, видя ваше, твое и Владимира, доброе и деятельное участие к тяжелым трудностям нашей жизни. <...> Хотелось бы освободить вас от забот, но ощущение братского союза, который тут открывается, смягчает смущение, вызывает душевную радость» (ААН. Ф.518. Оп.7. Д.157. Л.26).

²¹ *Фаминцын* Андрей Сергеевич (1835-1918) — ботаник и физиолог растений. Профессор Петербургского университета (с 1872), академик (1884).

²² Кулпенная Шаховским усадьба *Малашкино*, где летом 1887 и 1888 происходила, по выражению А.И.Яроцкого, «небольшие репетиции» Приюти-

на, находилась в Весегонском уезде примерно в 12 верстах от г.Красный Холм и «представляла собой довольно большую деревянную дачу с мезонином, почти без всяких хозяйственных пристроек и с небольшим клочком земли при ней. <...> Жизнь была налажена возможно проще. Обедали, ужинали и чай пили за небольшим некрашенным столом без скатерти, сидели на скамейках. Спали трое молодых людей, т.е. Ф.Ф.Ольденбург, Д.И.Шаховской и я, в нашей столовой, рядом на полу, на трех сениках. <...> Конечно, разная работа по хозяйству была распределена более или менее между всеми. Когда погода улучшилась, начался сенокос, мы косили, убирали сено. <...> Наш круг был далек от наивного отношения к мужику людей, ходивших в народ в 70-е годы. <...> Все те из нас, которые пошли для культурной работы в провинцию, в сущности рассчитывали не на непосредственное свое воздействие на крестьянскую массу и направляли свои усилия на то, чтобы поднять культурный и политический уровень сельской интеллигенции. <...> Но, несомненно, в то время имелось в нашей среде и стремление стать в более тесные отношения с крестьянской жизнью, признавалась необходимость для нас уметь делать крестьянскую работу — косить, уметь запречь лошадь, немного уметь пахать». (Воспоминания А.И.Яроцкого. — ИРЛИ. Ф.258. Оп.1. Д.100. Л.10-12).

²³ Ольденбург (ур.*Берг*) Надежда Федоровна (1831-1909) — мать братьев Ольденбургов, жившая вместе с ними в Петербурге. Илюша (1887-1916) — сын Шаховского.

²⁴ Гревс (ур.*Зарудная*) Мария Сергеевна (1860-зима 1941-42), жена И.М.Гревса (с 1885). В 1883 окончила Бестужевские курсы. С 1885 — учительница, с 1892 — библиотекарь 1-го Василеостровского училища Русского технического общества.

²⁵ *Кившенко* Надежда Даниловна — сельская учительница, последовательница Л.Н.Толстого. После отъезда Шаховского поселилась в Малашкине. Через несколько лет умерла от туберкулеза. Ее «Дневник сельской учительницы» печатался в 1887 в «Русском богатстве» (№7-10).

²⁶ *Сиротинина* Клавдия Николаевна (ум.1941 или 1942), младшая сестра А.Н.Шаховской.

²⁷ «*Парижане*» — С.Ф. и А.П.Ольденбурги. В мае 1887 С.Ф. выехал с женой в длительную заграничную командировку. Накануне их отъезда, 16 мая, состоялась приятинская (братская) встреча, на которой было установлено правило о пересылке писем по кругу. В Париже Ольденбурги находились с мая до конца октября 1887; переехали оттуда в Лондон. По оценке Гревса, «пребывание в Париже сильно подвинуло их вперед, особенно в области политического развития. Жизнь среди западноевропейских народов и люди дали им много для уяснения того, насколько хорошие общественные формы важны для прогресса народной жизни; а эта идея для них, увлекавшихся тогда мыслью, что лучшее будущее можно подготовить путем одного нравственного возрождения отдельных личностей, пополнила важный пробел в их мирозерцании» (ААН. Ф.208. Оп.4. Д.18. Л.7).

²⁸ Видимо, имеется в виду *Зарудный* Александр Сергеевич (1863-1934). Окончил Училище правоведения, в 1885 примкнул к КНЛ. В 1886-87 — в кружке В.В.Водовозова, издававшего нелегальные сочинения. В апреле 1887

арестован на несколько месяцев по делу о покушении 1 марта 1887. В 1902-17 — присяжный поверенный в Петербурге. Выступал защитником на крупнейших политических процессах (Совета рабочих депутатов, П.П.Шмидта и др.). В 1917 — министр юстиции второго коалиционного ВП. В 1920-е — член коллегии адвокатов в Ленинграде. В 1930-е — юристконсульт ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльпоселенцев. «Очень одаренный, очень честный и страстный человек, с некоторой парадоксальностью взглядов» (В.И.Вернадский — ААН. Ф.518. Оп.2. Д.31. Л.61).

Очень редко в кругу Братства называли Сашей Александру Павловну Ольденбург (обычно — Шура).

²⁹ Источник цитаты не установлен.

³⁰ В других письмах приютинец к 30 декабря 1887 вопрос о сути Приютина и его взаимоотношениях с Братством также всесторонне рассмотрен. Наиболее подробное изложение канвы событий — у Гревса: сначала варшавяне и петербуржцы основали «идеальное Приютино», а «около двух лет тому назад в доме Жаклара Ольденбурги с Гревсами под напльвом действительно альтруистического чувства и под обаянием коммунистических [позже исправлено: альтруистических. — Лубл.] идей, возбужденных фреэвскими беседами, учредилось “братство”. К нему, как известно, примкнули Шура и Ольга Павловна с одной стороны, Наташа, Катя, Александр — с другой, вскоре к ним присоединился Владимир и еще раньше Дмитрий Иванович. — Зерно составилось <...>» [3 декабря 1886, когда в Петербург приехал Шаховской] «произошло соединение между Приютином и братством <...> Теперь Приютино есть только способ осуществленья братских бытовых форм жизни <...> Оно должно быть кусок земли и жилище, являющееся общей духовной родиной всех настоящих и будущих членов братства» (ААН. Ф.726. Оп.1. Д.17. Л.1,3,4об.). Аналогичная точка зрения, но в более развернутом виде содержится в письме А.А.Корнилова и Н.В. и Т.А.Харламовых: «В прошлом году, вы помните, трудно было нам решить, как относится Приютино к братству. Хотя члены того и другого принадлежали к одной компании, но чувствовалось, что все же Приютино и братство не равно, но теперь, я думаю, мы настолько успели если не согласиться во всем друг с другом, то настолько полюбить друг друга и так ясно почувствовать свою связь с каждым из членов нашей компании, что Приютино и братство практически совсем почти слилось. <...> Я думаю, что теперь мы все представляем одну компанию с некоторыми общими правилами жизни, задачами и целями и члены которой чувствуют себя братьями друг другу. <...> Наша компания, если на нее смотреть с этической стороны, является братством, соединенным любовно членами друг с другом и некоторыми этическими правилами; если же на нее смотреть с социальной точки зрения, то мы являемся “Приютинцами”, соединенными общей идеей служенья народу, так что, пожалуй, в некотором смысле приютинцы — почти все равно что народники» (Там же. Л. 14-15).

³¹ В начальный период жизни Братства в него вошли Н.И.Аматуни, Н.Е.Вернадская, В.И.Вернадский, В.В.Водовозов, Е.М.Гревс, И.М.Гревс, М.С.Гревс, Е.С.Зарудная, А.С.Зарудный, А.М.Калмыкова, А.А.Корнилов, С.Е.Крыжановский, Л.А.Обольянинов, А.П.Ольденбург (Тимофеева), С.Ф.Ольденбург, Ф.Ф.Ольденбург, О.П.Тимофеева, Н.П.Тимофеева, Н.В.Харламов, Т.А.Харламова (Корнилова), А.Н.Шаховская (Сиротина),

Д.И.Шаховской. Вернадский в письме к 30 декабря 1887 писал, что он намечает «в не очень отдаленном будущем» вовлечь в Братство В.К.Агафонов, А.В.Гизетти, Н.Д.Гизетти (ур. Бекарюкову), В.В. и Л.В.Келлеров, Т.С.Постников, М.И.Свешникова. Ближе к Братству в конце 1880-х стояли также Б.Б.Глинский, М.А.Дьяконов, А.А.Кауфман, М.И.Крыжановская (ур. Щербатская), А.С.Лаппо-Данилевский, Е.П.Свешникова, П.Е.Старицкий. Обычно в составе Братства называют еще А.Н.Краснова и Н.Г.Ушинского: по-видимому, эта традиция восходит к поздним воспоминаниям Вернадского и «Главнейшим биографическим датам», составленным А.Д.Шаховской (Прометей: Историко-биографический альманах. Т.15. М., 1988). Краснов и Ушинский действительно входили в «компанию», однако к началу 1886 отошли от нее, оставшись лишь друзьями Вернадского. В письмах к 30 декабря 1887 никто, даже Вернадский, не включил в число приютинцев ни Краснова, ни Ушинского. Большинство не назвало также двух признанных приютинцев — Н.П.Лобко и А.Г.Орлова.

³² Одним из принципов, принятых при основании Братства, было требование «жить открыто». Оно поддерживалось всеми приютинцами, и в процессе становления внутривратских отношений пришлось преодолевать не мажорную или монастырскую замкнутость — ее в Братстве не было, а противоположную крайность, искать меру автономии личности и семьи внутри Братства. Рассуждение Шаховского в публикуемом письме о «вполне законной потребности замкнутой сравнительно семейной жизни» возникло, по-видимому, как результат осмысления опыта совместной жизни в одной квартире в 1886-87 двух молодых семей — Гревсов и С.Ф. и А.П.Ольденбургов. Ср. в письме Н.Е.Вернадской И.М.Гревсу 17 июля 1896: «Мы не понимали, что для того, чтобы сохранить близость, необходима *полная* внутренняя свобода, что благодаря отсутствию такой полной свободы рвутся самые счастливые браки и что она тем более или столько же необходима в самом широком, неограниченном виде в кружках близких людей» (ААН. Ф.726. Оп.2. Д.48. Л.14).

³³ Сомнения Шаховского оказались оправданными. Уже в этот период многим членам Братства было ясно, что практическое осуществление Приютина следует отложить. «Из всего собрания 30 декабря ясно выразилось пока одно, что теперь сразу мы приступить к устройству Приютина *не можем* <...>. В том, что нас жизнь толкает, ничего нет ужасного — оно так должно быть — постой, это неясно — вот в чем дело: мы все идем по той или иной дороге, какая нам открывается жизнью, и все эти дороги для нас дороги, и мы считаем их важными <...>. Приютинино должно осуществляться не сейчас, и мы бросать для него *живое* дело не можем... Жизнь так складывается, что нельзя быть уверенным в том, что всегда останешься на том деле, за какое взялся, всегда останешься на месте, и я думаю, что нам пока нельзя всем братья за одно дело и нельзя всем связываться с одним учреждением, хоть бы с земством, которое *легко* может быть изменено» (Вернадский — Шаховскому. 4 февраля 1888. — ААН. Ф.208. Оп.5. Д.30. Л.5-5 об).

³⁴ К 1890 А.А.Корнилов уже более трех лет был комиссаром по крестьянским делам в Конском уезде Царства Польского. Личный опыт государственной службы заставил его разочароваться в реформаторских возможностях государства и направил его усилия на поиски других путей изменения жизни.

В конце 1880-х он отправил В.И.Вернадскому письмо, в котором изложил программу тех политических требований, «осуществления которых нам следовало, по моему мнению, добиваться в нашей практической деятельности. Программа эта очень близко подходила к позднейшей программе конституционно-демократической партии» (А.А.Корнилов. Воспоминания. — ААН. Ф.518. Оп.5. Д.68. Л.13). В этом же направлении мыслил и Ф.Ф.Ольденбург: «Основное положение: теперь время не боевой деятельности и заговоров: а широкой подготовительной работы, время течений и партий. Неотложная задача: выработка хотя бы самого-самого несовершенного, неполного и временного *сredo* политического» (Там же. Оп.3. Д.1198. Л.59-60). Создание такого «*сredo*» стало для приютильцев делом коллективным — каждый из них, как это видно и из публикуемого письма Шаховского, в процессе обсуждения высказывал свое понимание насущных задач общественно-политической деятельности. Важным этапом выработки общей программы стала написанная в 1892 Корниловым записка «О необходимости организации партии протеста» (Там же. Оп.5. Д.69). Политизации приютильцев немало способствовал и их опыт непосредственного контакта с народом в 1892, когда они приняли участие в деле помощи голодающим. Помочь удалось тысячам крестьян. Организатором был Вернадский, на месте, в Тамбовской губернии, вокруг Вернадовки, работали Корнилов и Оболянинов, продовольствие закупал в Твери и отправлял Ф.Ольденбург. Корнилов, в вышедшей по свежим следам книге-отчете, писал, что итогом было «глубокое нравственное удовлетворение» оттого, что удавалось преодолевать «недоверие крестьян ко всякому культурному человеку», что «дело любви нашло отклик в сердцах и принимается народом действительно как дело любви, а не как чиновничье действие низшего начальства, присланного на помощь народу начальством высшим» (Корнилов А.А. Семь месяцев среди голодающих крестьян: Отчет о помощи голодавшим некоторым местностей Моршанского и Кирсановского уездов, Тамбовской губернии в 1891-92 г. М., 1893. С.220, 217, 214).

³⁵ Положение о земских учреждениях от 12 июля 1890 и предшествующее ему введение института земских начальников (1889), сравнительно с узаконениями 1864, увеличивали роль дворянства в земстве и усиливали административный контроль над его исполнительными органами. Призванная, в замысле, притушить оппозиционные политические настроения в земской среде, реформа 1890 на деле почти не оказала тормозящего влияния на развитие политической и культуртрегерской самостоятельности земства.

³⁶ *Мадзини* Джузеппе (1805-1872) — лидер республиканско-демократического крыла итальянского Рисорджименто. Основатель «Молодой Италии».

³⁷ По-видимому, письмо адресовано Александре Алексеевне *Штевен* (1865-1933) — близкому другу Шаховского, деятельнице народного образования Нижегородской губ.

³⁸ Три с половиной года, прошедшие между этим письмом и предшествующим из публикуемых нами, стали рубежными в жизни Братства. Смерть Александры Павловны *Ольденбург* (1863-1891) не только нанесла тяжкую душевную травму ее мужу (по его собственному признанию, он несколько лет был на грани безумия; лишь избрание в 1900 в Академию и связанное с этим новое — организационное — поприще помогли С.Ф.Ольденбургу выйти

из тупика), но и окончательно обозначила переход приютинцев в русло либерального движения. Над могилой А.П. Ольденбург друзья, по предложению Шаховского, дали клятву борьбы с самодержавием. «Шурина могила — наши Воробьевы горы», — вспоминал Шаховской 40 лет спустя (ААН. Ф.518. Оп.7. Д.469. Л.76). «Со смертью Шуры мы прощаемся с тем направлением, которое нас объединяло и воодушевляло <...> братскому движению настает конец в нашей среде» (Гревс И.М. К 30 декабря 1891. — ААН. Ф.518. Оп.3. Д.458. Л.12, 12об.). Специфически «приютинские» идеалы отступали перед необходимостью формулировать и решать новые задачи, и в 1893 Шаховской шутливо (но и с грустью) предложил друзьям собрать старые письма, чтобы составить «Антологию Приютинского братства или Цветник изречений доблестных мужей, воспевших Приютину создателя, ничего же для сия своего славныя мечты не сделавших» (ААН. Ф.887. Оп.2. Д.255. Л.28об.).

Обмен письмами «К 30 декабря» и традиционные встречи, приуроченные к этой дате, в 1890-е годы становятся все менее регулярными и происходят от случая к случаю. И хотя дружеские связи, пусть и не в полном объеме, сохранялись, но дух общения стал иным. Не только Шаховской осознал эти перемены как утрату каких-то важных жизненных начал. 23 июля 1900 В.И.Вернадский писал жене из Парижа: «Еще тяжелее было чувство, связанное с друзьями. 10 лет и такая разница отношений и я думаю во многом этом моя вина больше других, так как я жизнью поставлен был в лучшие, чем многие из них, условия, и я чувствую, что сильнее других. Но и здесь все рушилось... Удастся ли создать вновь? Собрать и не дать распасться уцелевшим — очень все же большим и еще сохранившим связи частей — обломкам. Ничего больше я не желаю, как этого, и я чувствую, что если бы удалось не дать порваться старым дружеским связям, много бы можно было сделать и лучше, более ясна была бы жизнь...» (ААН. Ф.518. Оп.7. Д.46. Л.36-37). Н.Е.Вернадской ситуация виделась по-другому: «Я совсем в ином настроении, чем ты. У меня больше совсем нет иллюзий насчет кружка и нет веры. И главное, я не хочу ни обмана, ни самообмана, не хочу приподнятого настроения, не соответствующего глубине чувства. Для меня несомненно, что кружок давно погиб, уцелели отдельные дружеские связи, но такие, какие существуют между многими людьми кругом, — не то исключительно святое, о [котором] мечтали. Зачем пытаться воскрешать мертвое. Нет ни религии, ни веры, ни идеи, объединяющих кого-нибудь из вас, больше, чем других образованнейших русских людей. Нужно уметь примиряться с фактами. Мне кажется, есть гордость и сила также и в сознании — трезвом и печальном — существующего...» (В.И.Вернадскому. 28 июля 1900. — ААН. Ф.518. Оп.3. Д.266. Л.84). Рефлексия — «Братства нет!» — проходит через всю полувековую историю Приютинца, и в этом смысле «трезвый взгляд» Н.Е.Вернадской не представляет собой чего-то особенного. Однако сам факт такой рефлексии обозначал актуальность для каждого из приютинцев проблемы Братства, идеи которого не только не умирали, но и развивались (как например, в публикуемом письме к А.А.Штевен), и по-своему воплощались в жизненной практике каждого..

³⁹ Шаховской и Вернадский не виделись более трех лет. Вернадский в ноябре 1917 подписал известное воззвание ВП с призывом защитить УС (подробнее об этом: Мочалов И.И. «...Ко всем гражданам Российской республики» //Огонек. 1991. №21. С.10-13) и сразу же после этого под угрозой

ареста был вынужден уехать из Петрограда. Во время Гражданской войны находился на Украине (здесь вышел из кадетской партии, был избран президентом Украинской АН), затем в Крыму. Приход Красной Армии застал его на посту ректора Таврического университета. Дальнейшее пребывание его в Крыму было признано большевиками политически недопустимым, одновременно и сам ученый стремился возвратиться в Петроград для продолжения научной работы, что и удалось осуществить при помощи С. Ф. Ольденбурга в начале марта 1921. Восприятие происходящего зафиксировано в его многочисленных дневниковых записях этого периода. См. напр.: «Развал жизни, разрушение, неудачные и довольно мало осмысленные попытки творчества, зерна и нити больших идей, которые закрыты поднявшейся грязной пеной и муťou. Огромное количество преступлений, крови, мучений, мелких и крупных страданий, непрощаемых совершавшими — подлостей и гадостей из-за страха, из испуга, слухов и слухов без конца. Люди живут в кошмарной обстановке и в психозе. Страх охватывает не только гонимых и победенных, но, что удивительно, гонителей и победителей. Жизнь вошла в такие страшные рамки, что в обыденном ее проявлении — кроме трафаретных газетных статей, официальных митинговых, и то без свободы (т.е. потерявших характер митинга), выступлений — исчезла совершенно идеология коммунизма и большевизма» (ААН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 46. Л. 11).

Д. И. Шаховской все годы революции оставался в Москве. По его инициативе 6 ноября 1917 московские кооператоры приняли резолюцию о противодействии власти большевиков «всеми возможными для кооперации средствами» и выдвинули неотложной задачей «организацию общественного мнения и сил вокруг идей демократической власти, способной довести страну до Учредительного собрания». Весной—осенью 1918 участвовал в заседаниях «Национального центра», «Союза возрождения России», руководил, вместе с Н. Н. Щепкиным кадетским ЦК, в который внес свои тезисы о задачах партии в настоящий момент: «Сила большевиков в том, что они беспощадно и действительно *(как это и приходится делать в моменты революции)* ведут борьбу с язвами русской жизни: казенщиной, мечтательностью, барством». Партия народной свободы, по его мнению, «продолжая стоять на государственной точке зрения и не увлекаясь беспочвенными мечтаниями, должна и с своей стороны проявить готовность и способность *решительно и успешно бороться с этими же основными пороками нашего строя* и воспитанного в нем общества. При этом партия должна указать пути, *лучше* обеспечивающие успех борьбы и не столь разрушительно, как большевистские способы действия, влияющие на основные устои народной жизни». Призывая «вести в свою работу больше демократизма» и «немедленно начать действительную борьбу с большевиками», Шаховской предлагал «планомерно использовать <...> местное самоуправление», «войти в постоянные и систематические отношения с органами Всероссийской Православной Церкви» и опереться на «общественные и массовые объединения». Среди таких объединений главное место следует отвести, считал он, «кооперации, которая и должна стоить для членов партии безусловно обязательным местом приложения своих сил» (Изъятие во время одного из обысков, эти тезисы были напечатаны 12 июля 1918 в «Известиях ВЦИК». Их черновик хранится ныне в ЦГАОР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 748. Л. 1, 2, 3, 6). Именно практической кооперативной работе были отданы основные силы Шаховского в эти годы.

⁴⁰ Вернадская (ур. *Старицкая*) Наталья Егоровна (1860-1943) — жена В.И.Вернадского; *Вернадская* (с 1926 *Вернадская-Толль* Н.В.) Нина Владимировна (1898-1986) — дочь Вернадских.

⁴¹ Кооперация, как ее понимали Шаховской и его единомышленники, была отнюдь не только хозяйственным механизмом. Кооперация для них — это кропотливый, медленный, постепенный труд многих, это осознанное, планомерное, целеустремленное жизнестроительство, основанное на, казалось бы, хозяйственном интересе каждого, но в итоге ведущее к осуществлению самых высоких духовных общественных идеалов. В процессе кооперативного труда человек (человечество) проходит путь от индивидуального сознания к коллективному, всеобщему. Кооперативное хозяйство, объединяя людей общим практическим интересом, исключает в отношениях между ними ложь и обман (они невыгодны, так как уменьшают общую, а следовательно и каждого — выгоду), личные интересы в нем гармонически слиты с общими. На собраниях кооператоры, отставив свои личные мнения, но и прислушиваясь к чужим, приучаются выработать общие решения. На выборных должностях в кооперации они учатся общественному служению. Участие в кооперации — это участие не в выгодах или убытках, но, прежде всего, в общей работе. Кооперация изначально обеспечивает своим членам равенство (количество внесенных тем или иным кооператором паев не увеличивает числа его голосов на общем собрании), она воспитывает человека творческого, инициативного (ибо основана на самостоятельности), важнейшим принципом кооперации является эволюция. Кооперация, для которой не имеет никакого значения национальная принадлежность ее участника, легко преодолевает государственные границы. Таким образом, кооперация виделась Шаховскому путем к будущему всеобщему братству (в отличие от коммун или общин, которые могли объединить лишь узкие кружки идеалистов-единомышленников). Бурный рост кооперации в годы мировой войны и в начале революции, казалось, подтверждал убежденность Шаховского. И в 1918 руководимое Шаховским московское потребительское общество «Кооперация», насколько это было в ее силах, противостояла разрушительным действиям большевиков в области торговли и продовольственной политики: «Кооперация» кормила треть Москвы, поддерживала ряд культурных очагов в городе. Московские кооператоры с надеждой встретили вместе новый, 1919 год: «Когда часовая стрелка подошла к двенадцати, Д.И.Шаховской обратился к собравшимся с теплой речью, в которой обрисовал те великие соблазны, которые русская кооперация должна мужественно преодолеть, — соблазн власти, соблазн самомнения и соблазн покоя, успокоения на достигнутом. Одолеет их наша кооперация — и ее победа, ее великая роль в строительстве русской жизни обеспечены. В основе же всего должна оставаться в кооперации нерастраченною, ничем не подточенную вера в человека, в его личность и творческие силы. И тогда кооперация исполнит миссию, какую возлагает история» (Кооперация. 1919. №2). Как видно из публикуемых писем, надежды на будущее русской кооперации Шаховской сохранял и в начале 1920-х, хотя к этому времени новой властью разрушение кооперативного движения было уже почти завершено и потребительская кооперация фактически была превращена в распределительный аппарат Наркомпрода.

⁴² *Шаховская* Анна Дмитриевна (1889-1959) — дочь Д.И.Шаховского.

Окончила Высшие женские курсы В.И.Герье. В 1918-22 — зав. музеем Дмитровского края; в 1921 была арестована, содержалась в Бутырской тюрьме. В 1920-30-е жила литературным трудом. После ареста в 1937 личного секретаря В.И.Вернадского Е.П.Супруновой, заняла ее место и до 1943 являлась референтом Вернадского. Затем — хранитель Кабинета-музея Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии АН СССР.

⁴³ Жена Д.И.Шаховского — Анна Николаевна.

⁴⁴ Шаховская (*Шик-Шаховская*) Наталья Дмитриевна (1890-1942) — дочь Д.И.Шаховского. Начала печататься до революции (В.Г.Короленко: Опыт биографической характеристики. М., 1912; Кн. Даниил Галицкий. М., 1914; В монастырской вотчине XIV-XVII века: Св. Сергей и его хозяйство. М., 1915). В 1929-37 выпустила ряд популярных книг, в основном биографического характера (об И.П.Кулибине, М.Фарадее и др.). В 1920-30-е жила под Москвой (Сергиев Посад, Малоярославец); подрабатывала ведением экскурсий, для чего приезжала в Москву. Подвергалась различным стеснениям как жена священника (М.В.Шика), одно время была лишена избирательных прав. Много лет болела туберкулезом. Умерла в больнице в Москве, пережив перед этим немецкую оккупацию в Малоярославце.

⁴⁵ В первые послеоктябрьские годы Гревс был тяжело подавлен происходящим: «Так тяжело, как никогда даже не чаялось, что может быть так. Выхода не видно. Позор и ужас. Унижение и рабство» (ЦГАОР. Ф.5102. Оп.1. Д.528. Л.9). В 1917 он начал писать воспоминания («Теперь, когда все заволакивается грозною тучею мрачного, черного настоящего — возвращаться к лучшему в прошлом, думать о будущем и вечном — значит очищать душу» — ААН. Ф.726. Оп.1. Д.15/1. Л.1). К лету 1918 были завершены главы о Студенческом научно-литературном обществе и о первых годах Братства. Преподавательская деятельность его в эти годы продолжалась. В 1920 он начал работать и в Богословском институте, через несколько лет закрытом.

⁴⁶ К 1925 году жизнь друзей по Братству претерпела ряд изменений.

В.И.Вернадский в 1922 уехал в Сорбонну, сохранив советское гражданство. Из Киева в связи с «делом Киевского областного центра действия» (1923), когда был арестован его друг и сооснователь УАН историк Н.П.Василенко, Вернадскому писали, что возвращение грозит новым арестом и ему. С.Ф.Ольденбург, сколько мог, продлевал ему заграничную командировку (См.: «Я верю в силу свободной мысли...»: Письма В.И.Вернадского И.И.Петрункевичу //Новый мир. 1989. №12. С.204-221). Даже сам для себя Вернадский затруднился предсказать ближайшее будущее; в августе 1924 он написал: «Париж — старость. Может быть опять поворотный пункт? Если останусь жив — куда? Америка? Чехия? Опять с украинцами? Или не эмиграция?» (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.46. Л.60об). Друзья имели основания предполагать, что Владимир Иванович изберет эмиграцию.

Гревс в 1923 был удален из университета и сосредоточился на работе в Центральном Бюро краеведения (ЦБК). Потеря кафедры была для него сильнейшим ударом. Среди ближайших его учеников, оказавшихся в эмиграции, — Г.П.Федотов, Л.П.Карсавин, Н.П.Оттокар. Несколько книг, написанных им в этот период, остались неизданными: «Данте Алигьери, мировой поэт и учитель жизни», «Развитие культуры в краеведческом исследовании» и др.

С.Ф.Ольденбург, сохранявший пост Непременного секретаря АН, с самого

17-го года непрерывно занимался собиранием русских научных и культурных сил, распыленных революцией и войной. Он оказался в роли своеобразного посредника между большевистской властью и старой интеллигенцией, постоянно преодолевая неприязнь и взаимное неприятие той и другой стороны: «На каждом шагу чувствуешь, как трудно достижима и в большом и в малом масштабе гармония жизни, видишь, как в сущности, в жизни гораздо больше “или, или”: чем “и, и”, все больше надо выбирать, чем соединять» (ААН. Ф.208. Оп.5. Д.15. Л.15об-16). В сентябре 1919 Ольденбург был арестован, через две недели выпущен — но совсем седым. Его единственный сын Сергей эмигрировал. В 1923 Ольденбург женился на Е.Г.Головачевой (1875-1955, ур. Клеменц, преподавательница истории и русской словесности в женской гимназии в Чите, в 20-е годы — научный сотрудник Эрмитажа).

А.А.Корнилов в 1917-21 жил вместе с семьей в Кисловодске. В июле 1921 он возвратился в Петроград. Будучи тяжело больным, активно работать уже не мог. Все усилия сосредоточил на написании «Воспоминаний» (их оригинал после смерти Корнилова в 1925 сохранял у себя Вернадский; ныне готовятся к печати; отдельные главы см: Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. Париж, 1991. С.9-118).

О судьбе Н.В.Харламова, Л.А.Обольянинова в послереволюционную эпоху известно мало. В середине 20-х оба скончались.

⁴⁷ 26 ноября 1925 Шаховской выступал в обществе «Старая Москва» с докладом «Из хроники щербатовского дома на Девичьем поле, 1810-1836». Приводимый далее эпизод из жизни А.М.Щербатовой, М.Я. и П.Я.Чаадаевых описан, с различием в деталях, в воспоминаниях М.Н.Лонгинова (Русский вестник. 1862. №11. С.121; см. также: Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т.2. М., 1991. С.641).

⁴⁸ 24 января 1926 Шаховской сообщал Гревсу: «Как я писал Тебе, я написал 30 декабря/12 января письмо, которое хотел предварительно сообщить всем, как материал для суждений. Письмо это меня не удовлетворяет. Много лишнего и много недописано. Но так как это письмо имеет одно преимущество перед будущим, а именно: оно написано, а того еще нет, — то посылаю Тебе копию для предварительного размышления. Ты знаешь, что я считаю приличным старости хватать день суший, — он, м.б., последний» (ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.47).

⁴⁹ Имеются в виду 200-летие Академии наук и 100-летие восстания декабристов.

⁵⁰ А.А.Корнилов умер 26 апреля 1925, незадолго до этого скончался Н.В.Харламов. Каждая смерть вызывала у Шаховского стремление «основательно повидаться» и возобновить жизнь Братства: «ведь живы, если мы живем братством, и умершие. <...> Всех надо пустить в дело — и рать сразу пополнится молодежью. Не сомневайся. Это верно» (6 апреля 1925. — ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.50об.). Через несколько месяцев тому же Гревсу: «Думаю о Федоре. И все более убеждаюсь, что мы совершенно безотлагательно должны начать работу по увековечению их памяти, то есть по вовлечению их в новую работу на победу воодушевлявших их и их, и нас начал» (15 ноября 1925. — Там же. Л.43об.).

Когда до Шаховского дошло письмо Вернадского на смерть Корнилова, он превратил его в круговое, отправив Гревсу сделанную своей рукой копию

(«Письмо так содержательно и глубоко, что не хочу с ним расставаться и очень надеюсь на Твою аккуратность в смысле *срочности* возврата и использования: да и нашей молодежи следует дать прочесть это письмо, а пускать по рукам *unicum* противоречит азбуке архивного дела». — 8 августа 1925. — Там же. Л.34). Приводим полный текст письма В.И.Вернадского Д.И.Шаховскому (Там же. Л.23-26об. См. также: Минувшее. Вып.11. С.11-13.). Отточия в тексте авторские. Оригинал, видимо, утрачен после ареста Шаховского.

«Bourg la Reine (Seine)

4 rue de Chemin de Fer

15.V.925

Дорогой Митя — сегодня совершенно неожиданно узнал от Анички [Вероятно, А.Е.Любощинская, сестра Н.Е.Вернадской. — Публ.] о смерти Ади... Признаюсь, у меня даже явилось сомнение, так как она не получила никакого отголоска в печати, которая, впрочем, из России не доходит сюда регулярно. Но, может быть, печатя ее и не отметила?

К смерти в нашем возрасте и в наше время относишься иначе, чем относился раньше. Для меня, который сейчас очень углубился в изучение живого и опять охвачен философским и религиозным исканием, смерть не является ужасом, и я к ней отношусь с еще большим спокойствием, чем относился раньше. Но это отношение — не безразличие, и я очень хотел бы иметь известия о его болезни, как он умер, сохранил ли сознание, знал ли о ее наступлении, страдал ли? Что Талочка [Дочь Корнилова — Наталья. — Публ.] и Екатерина Антипьевна? Сообщи все, что можешь.

В последние недели хотел узнать его адрес — я знал, что он переехал на свою прежнюю квартиру, — но так и не дождался адреса, чтобы написать ему.

Переписка как-то замолкла в трудных условиях жизни и в трудности выразить, что хочешь, с уверенностью или с большими шансами, что письмо при этом дойдет. Но я вполне понимаю, что отказываться от нее было слабостью — одной из многих слабостей нашей жизни.

Круг близких, дорогих близких братьев все более сжимается, и остается нас совсем немного — и мы в разброде, каждый в своих идейных исканиях, но на своем жизненном посту, замираем единицами, не как целое... Была ли ошибка в нашей молодой конструкции? Явились ли мы раньше времени? Не хватило ли смелости мысли? волевого хотения?

Понемногу, когда уходили из жизни дорогие, близкие люди — Шура, Федор, — когда жизнь совершенно изменила окружающее — все же мы чувствовали, что моральные — и идейные — основы нашего жизненного пути остались нетронутыми и мы им не изменили, но шли однако к ним *отдельно*, а не *вместе*. Наш кружок — теперь кружок стариков — доживал — но не жил общей жизнью. И сейчас смерть Ади, которого болезнь давно уже оторвала от гущи жизни, очень ярко ставит передо мной те же мысли.

А между тем для меня является все более и более ясным будущее — и большое — некоторых из тех идей, которые были нашей спайкой: примат морали и отрицание средств действия, противоречащих ей, уважение к человеческой личности и свобода, в разной форме религиозное искание — и сознание — при этой широкой нравственной атмосфере — первостепенного

научного искания, научного творчества, ничем не ограниченного и не могущего быть ограниченным, искание нового строя личности в подъеме семьи и свободной личности, ее высоте... Я думаю — во многом из этого таятся будущее, и, может быть, напрасно прошли наши жизни, хотя мы не сумели дать им форму яркого выражения и как-то сами скрылись — в нашем единении — в гуще жизни.

Мы коснулись правды, остались ей верны — но поднять ее и внести в жизнь в нашем составе не смогли.

Новые поколения подойдут к тому же с большей смелостью и с большею решимостью...

Жизнь идет, и все меньше остается личных связей с будущим; связи в прошлом — в ушедших. Из моей семьи — я остался один. И из дорогого кружка друзей остались осколки.

А наши дети при их нетронутости в чистоте их личностей едва сохраняют отпечатки нашей духовной близости...

Конечно, в этом мы вольны были сами, когда убедились в невыполнимости нами той формы жизни, которую мы создать — слабо, правда, — пытались, когда мы физически ее оставили замирать.

Аде, мне кажется, пришлось пройти больше тяжелого, чем пока пришлось испытать нам, оставшимся. Меня всегда страшил — впрочем, это не то слово, так как *страха* я не испытывал — охват той медленной смерти, теряя возможность полного духовного проявления своей личности, которую я видел так близко и тяжело на моем отце и к которой так близко подошел Адя...

Не знаю, как сложится моя дальнейшая судьба, — но мне иногда сейчас хочется перед своим земным концом — дать в яркой форме те мысли и искания, касающиеся вечных вопросов бытия, которые сложились в моей духовной жизни и начинают сейчас выливаться в ясные формы. Благодаря этой работе мысли я чувствую эти года — странным образом — как бы вторую молодость, связанную с большим спокойствием к жизни и к смерти и к все увеличивающимся чувством бесконечности, мига жизни и связи своей со всем живым. Не знаю, решусь ли я изложить эти всегда идущие во мне достижения, или так же, как в братском строении нашей молодости, и я в этой работе мысли и интуиции, как мы все в свое время в идее братства, — остановлюсь перед осуществлением в жизни ощущаемого в мысли как должное...

Я знаю, что Адя в последние годы стал ближе подходить к религиозным вопросам, в которые раньше он не проникал глубоко. Но уже силы его угасали, и не знаю, смог ли он что-нибудь создать или все осталось невысказанным...

Очень часто думаю о Тебе, мой дорогой, хотя ни разу не писал Тебе. Сейчас я все время в работе и большом подъеме мысли — но успеваю сделать ничтожно мало по сравнению с тем, что было бы нужно и что хотел бы.

Что Наташа и Аня? Ты теперь дедушка? Я думаю, что это гораздо более глубокое достижение, чем обычно считается, — так как мы миг в цепи поколений и часть нас переходит только в потомство.

Горячо и нежно Тебя, мой дорогой, обнимаю. Твой Владимир.

Что Иван и Маша — о них давно не имели известий. Наш горячий привет тебе и Анне Николаевне».

⁵¹ Краеведческое движение провинциальной и выброшенной в провинцию столичной интеллигенции началось в годы революции и Гражданской войны

как движение за спасение гибнущих культурных и природных ценностей. В декабре 1921 краеведы, собравшиеся на I Всероссийскую конференцию по изучению края, решили объединить свои организационные усилия и обратились к РАН с просьбой принять их под свое покровительство. Так создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) при РАН, под председательством С.Ф.Ольденбурга. В 1922 открылись два отделения ЦБК — Петроградское и Московское. В декабре 1924 ЦБК было отделено от РАН и преобразовано в самостоятельное учреждение (под прежним руководством Ольденбурга). В середине 1920-х в пору своего расцвета краеведческое движение было широким и массовым, с двумя тысячами местных организаций, с 50 тысячами членов и множеством музеев, державшихся в основном на общественной инициативе. Движение отличалось высоким уровнем самоорганизации; цели и направление работы многие краеведы на местах и наиболее авторитетные руководящие деятели ЦБК определяли себе сами (или, по крайней мере, стремились к этому). Виднейшим теоретиком движения был И.М.Гревс, руководивший методическим бюро ЦБК и разработавший концепцию «гуманитарного краеведения». Смена руководства и перевод в 1927 ЦБК в Москву подорвали движение, создав условия для его огосударствления. В связи с «делом АН» в 1929-30 были произведены массовые аресты среди краеведов, в результате чего «гуманитарное краеведение» было окончательно сломлено.

Период наивысшей краеведческой активности Шаховского и время наибольших его надежд, связанных с краеведением, приходятся на 1925-28. В эти годы он особенно много занимался подмосковными «культурными гнездами». Потенциальные возможности краеведения Шаховской рассматривал сквозь призму «взрыва мировых научных достижений» и растущей тяги «миллионов душ русского народа к воссозданию духовных ценностей»: «Здесь действуют такие гигантские силы, перед которыми должны пасть ниц все маленькие капризы и вождения людшек, — лишь бы нашлись люди, которые осознали настоящую сущность двух этих силищ — науки и массы — и умело прослужили бы делу их соединения — этой действительно мировой задаче» (12 января 1928. — ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.141об., 142).

⁵² Встреча состоялась не в конце февраля, а в марте, на квартире у только что вернувшихся из-за границы Вернадских.

⁵³ В понимании Шаховского (а в ранние годы — и других приютинцев), Братство должно было существовать не только в «горизонтальном измерении», но и в «вертикальном», охватывая второе (дети) и последующие поколения приютинцев. Однако «дети» не восприняли тот «приютинский идеал», который исповедовали «отцы». «Можно жить рядом, — писала Н.Д.Шаховская Нине Вернадской еще в 1912, — и давать друг другу бесконечно много, но настоящая внутренняя жизнь души, настоящая глубокая работа мысли и чувства идет и должна идти отдельно в каждой человеческой душе. И с любовью и страхом могут думать о ней близкие, но без права вмешаться и без радости помочь. «Одиночный ум всегда заблуждается», — говорит мой отец. Только в одиночной мысли подлинная жизнь — не могу не чувствовать я» (Собрание В.М.Муратова). Особенно очевидной разница в понимании многих проблем (и мировоззренческих, и политических) приютинцами и их детьми стала в 1920-30-е годы.

⁵⁴ Сохранившийся экземпляр письма имеет помету Шаховского: «Письмо дочери Наташе после нашего свидания в начале 1926 года. Когда приехали Вернадские из-за границы. К этому мое письмо к 30 декабря 1925/12 января 1926» (ААН. Ф.208. Оп.5. Д.18. Л.174). Посылая его вместе с несколькими другими историческими документами Братства Е.Г. Ольденбург для ознакомления, Шаховской сделал общую помету: «Старина, которую не прошу читать, а прошу во всяком случае сохранить».

⁵⁵ Гревс Екатерина Ивановна (1887—зима 1941-42) — дочь И.М.Гревса. Бестужевка, ученица отца (специализировалась на средневековой культуре, никогда не имела возможности работать по специальности).

⁵⁶ На опущенных страницах письма Шаховской укоряет Гревса за отсутствие его на поминках А.М.Калмыковой, устроителями которых были С.Ф. и Е.Г.Ольденбурги. Неприход Гревса, по мнению Шаховского, это уклонение от встречи с Сергеем Ольденбургом, отношения Гревса с которым к этому времени оказались почти прерваны. Гревс считал, что Ольденбург в своей «академической политике» идет на слишком большие компромиссы, предает идеалы молодости. Шаховской, не оспаривая оценок Гревса, говорит о необходимости помочь Ольденбургу выбраться «из-под груды хлама», направить братскую энергию на вызволение друга из «невыносимого тупика». О состоянии Ольденбурга он говорит с грустью: «Я вчера видел Сергея, был у него. Почти вся беседа шла в невыносимо тяжелых тонах, да еще в обычном и почти непреодолимым присутствии третьих лиц, да и в обстановке беседы с человеком, жалующимся на полное переутомление, болезнь и массу дел выше головы. Но все-таки удалось, оставшись минутой с глазу на глаз, *поставить* основной вопрос фальши внешних отношений. <...> Сила его действительно надломлена. А он других спасал, а сам себя спасти не может мочь» (ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.64-64об.).

⁵⁷ В опущенной части письма Шаховской касается задач Академии наук по изучению русской истории. Но дело, по его мнению, не только в истории. «Ведь наука едина. <...> И ни один крупный ученый не может относиться равнодушно к тому, что по большим секторам науки в Академии полное неблагополучие. Это не может не отражаться на целом, и в частности — и на его секторе». Оценить состояние науки и возможности его преодоления — невозможно в одиночку. «Вот здесь-то и выступает роль братства, объединяющего узам взаимного доверия, с проверенным размером компетентности и увлекательности каждого участника, хотя бы и ограниченный круг людей. Круг этот, как бы ни был он ограничен, все же устраняет или ослабляет неизбежный в индивидуальном мышлении субъективизм и односторонность восприятий, а чем сильнее ум, тем такая неизбежная односторонность опаснее и зловреднее».

⁵⁸ Анциферов Николай Павлович (1889-1958) — историк, краевед, музейный работник. Ученик Гревса, его младший друг. В заключении 1929-33 (дело кружка Мейера, затем «дело АН») и 1937-39. Биографию Анциферова и библиографию его трудов см.: Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции (20-22 декабря 1989). Л., 1989. Обобщенный портрет Братства глазами Анциферова: «Я любил быть свидетелем их встреч, слышать их “ты”, их ласковую беседу. <...> Все они напоминали своими длинными бородами и длинными волосами (но не до плеч) греческих философов: мудрая ясность

отражалась на их лицах. Тип этих лиц исчезнет вместе с ними. Первыми его представителями у нас были Герцен и Огарев. Друзья Гревса — последнее звено в этой цепи. <...> Герцен писал, что у него оставалась “религия личности”. Эта же “религия” досталась кружку Ивана Михайловича. История их дружбы, верю, дождется еще своего исследования» (Анциферов Н.П. Из воспоминаний о И.М.Гревсе// Памятники культуры. Новые открытия. 1985. М., 1986. С.65, 66).

⁵⁹ Письмо связано с кампанией по выдвижению кандидатов в АН СССР. После утверждения СНК СССР 18 июня 1927 нового Устава АН СССР, были объявлены выборы в Академию, причем Постановлением СНК от 3 апреля 1928 число академических кафедр было увеличено до 85. На первой стадии выборов выдвигалось более 200 кандидатов. Шаховской увидел в новой процедуре возможность демократизации науки: «Совершенно удивительная вещь — выборы 40 академиков! Всенародный конкурс! Всякий может мотивировать свой выбор! Неужели и это нас не расшевелит? <...> Но конечно опасность в том, что Академии придется решать вопрос вовсе не об ее задачах по существу, не о том, что она должна дать народу, а придется ей усиленно догадываться, чего от нее требуют держатели власти и кошелька. <...> Но только не будем, ради всего святого, глазеть на это со стороны, а — вмешиваясь в гущу жизни, которая подступила к самому нашему горлу» (ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.189об.). Шаховской пытался побудить Гревса занять активную позицию по отношению к академическим выборам: «Мы переживаем дома и в мире времена апокалипсические (Апокалипсис — конечно, драма высочайшего стиля). И поэтому пассивность сейчас совсем не у места для человека, который хочет жить духом века. <...> и в драме есть персоны, вся цель которых — молчаливо стоять неподвижно (жандарм в “Ревизоре” почти не говорит). Но как раз в нашей драме наступает момент осознания и высшего сознательного напряжения всех народных сил — и вот в этот момент должны заговорить все персонажи — и тут пассивность не у места. “Культурная революция”, “прорыв блокады”, безусловная неизбежность для строительства социализма опереться на науку, приобщение к знанию громадных народных массивов, лихорадочное и часто бессильное искание нового смысла для новых условий, взрывы научной гениальности, усматриваемые Вернадским, “эмергентная революция” в философии, комиссия по истории знания Академии, всенародное венчание на царство мысли 40 признанных вождей ума в русском народе, а в личной жизни нашей — последние дни, отведенные нам судьбой для завершения наших земных дел, — все это говорит против пассивности, все это элементы драмы» (Там же. Л. 191, 191об.).

⁶⁰ *Петрушевский* Дмитрий Моисеевич (1863-1942) — историк-медиевист, член-корреспондент (1924), академик (1929) АН СССР.

⁶¹ *Шик* Михаил Владимирович (1887-1937) — муж Н.Д.Шаховской. Гимназический товарищ Г.В.Вернадского. Философ по образованию, ученик С.Н.Трубецкого. Всю первую мировую войну прослужил в армии рядовым. После Октября — сотрудник Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры. В 1925 сослан в с.Турткуль (Каракалпакская АССР), где через 2 года принял священство. Соавтор Н.Д.Шаховской; наиболее известна их книга «Загадка магнита: Повесть о жизни и трудах Майкла Фарадея, бывшего маленьким переплетчиком и ставшего великим

ученым» (М.-Л., 1937; при переизданиях 1947 и 1968 название изменено и имя Шика снято с обложки). Перед последним арестом работал у Вернадского по переводу естественнонаучных статей Гете. Арестован 25 февраля 1937 в Малоярославце и после семимесячного заключения в Москве приговорен к «10 годам без права переписки». Письма-запросы Вернадского о нем, обращенные к Берия и Калинин, см.: Вестник АН СССР. 1990. №5. С.114-117. По мнению Вернадского, М.В.Шик оказал сильное влияние на религиозную мысль Д.И.Шаховского.

⁶² Письмо открывает серию писем, написанную Шаховским в течение «неумышленной недели о братстве», как он сам под конец ее назвал. Этот эпистолярный блок, в силу значительного его объема, публикуется здесь в сокращении. В опущенной части много места уделено Достоевскому, которого перечитывал в те дни Шаховской.

⁶³ Образ «симпозиона» Платона неоднократно возникает в письмах Шаховского. «Симпозион = братская трапеза или братчина. Братчина — объединение людей. Так повелось, что люди лучше всего сходятся за общим столом. И евхаристия — частный случай этого общего закона. — Но, мне думается, пора заменить общее вкушение одной и той же телесной пищи общим вкушением одной и той же пищи духовной. И таким путем надо сообщаться и создавать единое людское существо» (И.М.Гревсу, 23 февраля 1931. — ААН. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.476об.).

⁶⁴ Перед новым 1929 годом Шаховской предпринял последнюю попытку собрать возможно более широкий братский круг. Он написал всем, в ком надеялся вызвать отклик, в т.ч. из старшего поколения — Е.А.Корниловой и Е.Г.Ольденбург, а из младших — детям Ф.Ольденбурга, Гревса и своим, а также М.В.Шик и его сестре. Каждому — маленький листок: «Новогодний подарок с предварением 30 декабря в старом стиле. На новый 1929 год». Один и тот же общий текст («Всем» — № 16), одно и то же стихотворение (восемь строк, помеченных датой 21 марта 1928), но сверх того — особый крохотный текст, каждому свой.

⁶⁵ Корнилова (ур. Федорова) Екатерина Антиповна (Антиповна) (1867-1942) — жена А.А.Корнилова.

⁶⁶ *Ольденбург* Наталья Федоровна (1894-1942) — дочь Ф.Ф.Ольденбурга. Жена сына А.А.Корнилова — Владимира. В 1920-30 жила в Твери, с 1938 — в Ленинграде. Работала в области внешкольного образования и детского театра; *Федор* — ее брат. В 1920-30 жил в Ленинграде. Научный сотрудник Ленинградского областного бюро краеведения, библиотекарь. Погиб на фронте.

⁶⁷ *Шик* Елена Владимировна (ум. 1931) — сестра М.В.Шика.

⁶⁸ На вопросы-требования Шаховского молодое поколение ответило или вяло (Н.Ф.Ольденбург), или энергично, но отрицательно (М.В.Шик и обе дочери Шаховского). Из письма М.В.Шика, к которому присоединилась, подписав его, Н.Д.Шик-Шаховская: «Да, братство существует! Называется оно Христовою Церковию. В него входят не только те и даже не все те, кто выбрал тот или иной патент на ортодоксию, но и многие сами того не предполагавшие. Центральное ядро Церкви — братства во Христе — четко кристаллизовано, а периферия текуча, находится в состоянии становления, непрекращающегося обмена с тем и теми, кто «вне» стоит. Этот процесс

обмена и всасывания в себя Церковь «внешних» и есть чаадаевская стихия Истории...

Существует ли Ваше братство, продолжение приютинского, как некое ограниченное персональное единство, я с полной уверенностью не знаю. Но знаю, что приютинское братство было живой идеей осущестления Царства Божия, а потому упиралось в Братство-Церковь. И потому то, что живо от приютинского братства, а живо от него несомненно многое, не выключено из братских объятий Церкви. Вы правы, что в этом таятся богатые возможности» (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.71. Л.23).

Из ответа А.Д.Шаховской: «1) Я считаю, что «братство» внесло очень много хорошего в мою жизнь, в мое отношение к людям. Оно помогло с раннего детства принять начала аскетизма, самоограничения для других, направило интересы на общую пользу, расширило кругозор ума и сердца. И за это я приношу братству великую благодарность и глубоко чувствую свою тесную кровную связь с братством. Говорю это по правде, с полной искренностью.

2) Но член ли я сама братства? По любви к одним из членов его, по расположению к другим и по уважению ко всем — я могла бы им быть. Но разве только это требуется от члена братства? Конечно, нет. Нужно «верить» в него, нужно создавать его деятельность, нужно обособиться в определенную группу. Всего этого я не могу. Не могу потому, что считаю себя членом братства Христова, которое одушевляет и осмысливает мою жизнь и делает излишними какие-либо еще организации...

3) Если братство живо в настоящем, если в нем еще сокрыты богатые возможности, то оно должно более ярко, более определенно связать свою работу с христианством (понимая это в широком смысле, как ты понимаешь). Но я лично думаю, что оно не живет уже своей жизнью, его силы, его творческие мысли уже преобразились во втором поколении (не только кровных, но и вообще всей русской интеллигенции) в иные порывы и устремления, не те же самые, но развившиеся из них.

4) Поэтому я считаю важнейшими задачами: дружеское общение членов его, поддержку друг друга, бережное и любовное хранение всех реликвий братства, написание его истории.

5) Прием же новых членов и организацию новой деятельности я по совести не могу поддерживать, так как для меня не ясны ни будущая деятельность, ни объединяющая новый состав членов идея» (Там же. Л. 24-25).

⁶⁹ Шаховской имеет в виду выборы новых академиков. В ходе предварительного обсуждения кандидатур в выборных комиссиях был достигнут некоторый компромисс между требованиями Академии и власти. Общее же собрание 12 января 1929 забаллотировало трех наиболее одиозных кандидатов (Лукин, Деборин, Фриче). Подробнее см.: Перченко Ф.Ф. Академия Наук на «великом переломе» //Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.163-238.

⁷⁰ 9 мая 1929 в Праге родилась Татьяна Николаевна Толль, единственная внучка В.И. и Н.Е.Вернадских.

⁷¹ В октябре 1930, заполняя анкету, Шаховской ответил на вопрос о специальности: «историк». О месячном заработке: «Только одна пенсия 75 руб. и очень незначительный и случайный литературный заработок не более

200 руб. в год». О профсоюзе: «Членом не состою за выходом на пенсию по инвалидности» (ИРЛИ. Ф.334. Оп.1. Д.1).

⁷² См.: Переписка Ю.Ф.Самарина с баронессою Э.-Ф.Раден: 1861-1876. М., 1893; Самарин Юрий Федорович (1819-1876) — историк и публицист славянофильского направления.

⁷³ Возможно, имеется в виду следующий пассаж из «Апологии сумасшедшего», в известном смысле объединявший близкие Шаховскому интеллектуальные и нравственные потенции в наследии Чаадаева: «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природою вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. М., 1991. С.534). Впрочем, в разные годы Шаховской у Чаадаева выделял разные мысли. Ср. в одной из записей 1930-х: «Мой Чаадаев подходит к концу. Я, кажется, овладел им вполне. Вы знаете, в чем его главная мысль? “Единичного сознания, как и вообще всего единичного, не существует. То, что мы мним нашим сознанием, есть продукт сознания мирового — каждый из нас есть лишь один из ликов многоликого человечества”. И, осознав это, претворив это сознание, в свою очередь продукт жизни, в свою природу, и преобразив свою природу этим сознанием, — человек переходит в существо высшего порядка, причем он отнюдь вследствие своего преобразования не обезличивается <...>, а напротив, приобретает недоступную ему без такого перехода на высшую ступень широту и силу. И эта простая, как Колумбово яйцо, мысль, не есть индивидуальное сознание Чаадаева, она составляет отправную, и вместе с тем высшее достижение всей русской философии...» (ИРЛИ. Ф. 334. Д. 624. Л. 1).

⁷⁴ Родичев Ф.И.(1854-1933) — общественный деятель, публицист. Женат на Е.А.Свечиной — двоюродной сестре Зарудных-Старицких. С 1876 жил в родовом имении — с.Вятка Весьегонского у. Тверской губ., многие годы занимался активной земской деятельностью. Предводитель уездного дворянства. Один из лидеров к.-д. партии, член Государственной думы всех созывов. После Февраля 1917 — комиссар ВП по делам Финляндии. После Октября — в эмиграции.

Начало дружбы Родичева и Шаховского относится к зиме 1884/85. Наряду с К.Д.Кавелиным, П.А.Корсаковым и др., Родичев оказал значительное влияние на формирование политических взглядов Шаховского, а через него и всех приютинцев. Черновик публикуемого письма, адресованного в Женеву, Шаховской переслал В.И.Вернадскому со следующим пояснением: «Отсылаемая копия несколько выправлена редакционно. Этот черновик посылаю в распоряжение Наташи [Вернадской], письмо никакого положительного содержания не включает, а только выражает всякие сантименты, впрочем — мне очень дорогие и, может быть, и для Федора Измайловича и его жены не совсем безразличные, потому что мы многое очень дружно и очень хорошо вместе пережили» (ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1840. Л.19).

⁷⁵ Открытка озаглавлена: «1885». Начало: «Две даты сейчас особенно сильно занимают мой ум и волнуют сердце: 1830 и 1885. Даже 1820 на время

студебался» (В это время Шаховской занимался в архивах «Семеновской историей» 1820). Далее в открытке следовал список событий 1830-го, кончающийся Болдинской осенью Пушкина и «Философическими письмами» Чаадаева. «Все это отправные пункты истории последних ста лет — 1830-1930. Все это ширит ум». Затем шла публикуемая часть открытки.

76 В апреле 1931 Шаховской после долгого хождения получил ходатайство Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Центральном архиве о допущении его к занятиям в архивах по истории декабризма. Примерно 2,5 месяца он жил в Ленинграде на квартире Вернадских. Перед поездкой Шаховской писал Вернадскому: «Работа моя меня очень радует. Как будто близок какой-то перелом, когда от бесконечного накопления можно будет переходить к началу завершения... И вот эта моя поездка должна сомкнуть свод. Я на нее смотрю, как на последнюю свою поездку в Ленинград, полный еще для меня прошлой жизни, — прошлой, в ней же нет ничего отжившего, а все живое, не только чреватое будущим, а его прямо и полно объемлющее. Хотелось бы не разбазаривать этого чувства и этого ясного и твердого сознания, а облечь их в настоящее дело» (ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1840. Л.30). Свободное время Шаховской использовал для приведения в порядок «приюгинских» архивов. Бумаги А.А.Корнилова он разбирал вместе с И.М.Гревсом и С.Н.Черновым: «Мы три раза были у Корниловых и познакомились там с архивом. Там очень много интересного. Надо определить его дальнейшую судьбу. Мне кажется — надо все сдать в Архив Академии через Комиссию по истории знаний, но до сдачи необходимо использовать то, что нас и нашей эпохи в связи с нами касается. А то — это будет вторичное и окончательное погребение и исчезновение с этого света Корнилова и его действия, как живой личности. Раскапывать крупницы во всей его переписке, непонятной без писем самого Корнилова, а их-то в архиве и не будет, — никто не станет. Тут перед нами стоит срочная и неотвязная задача. Думаю и остатки архива у Сергея [Ольденбурга] изучить непременно. Постараюсь это сделать 25<го>, когда у меня почти свободный день: все мои архивы закрыты, открыт только читальный зал Академии и Публ<ичной> библи<отеки>. Заняться можно с большой пользой — но все же можно этот день оторвать от очередной работы. И архив Вернадских необходимо привести в полный порядок. Это *последняя* возможность. Но эта возможность сейчас есть. Преступно и безумно ее не использовать» (В.И.Вернадскому в Узкое. 23 июня 1931. — Там же. Л.35об.-36).

77 Причина такого настроения — не только домашние обстоятельства. Из письма к Н.Е.Вернадской от 24 сентября 1931: «Живу под впечатлением грозных событий, развивающихся и на западе, и на востоке <...>. Каким-то безумием стал полон мир. В безумии этом чувствуется какой-то высший смысл, когда рассматриваешь ход событий объективно, но всматриваясь в стремления и поступки людей, приходишь в ужас от полного их неумения справиться с жизнью, — перейти на новые рельсы, использовать те величайшие достижения, которые обогащают человечество, но вместо блага несут ему пока разорение и смерть. <...> “Все дозволено” — становится лозунгом человеческих действий <...>. Все держится еще равновесием и неподвижностью жизненных отношений, установившихся в прошлом. Но это равновесие нарушается грандиозными обвалами и, для всех ясно, не может более служить опорой жизни» (ААН. Ф.518. Оп.7. Д.469. Л.83об.).

⁷⁸ Письмо-статья «Наука и философия» публикуется в сокращенном примерно на две трети объеме. Статья написана в ответ на неизвестное нам письмо Вернадского. «Пытаясь установить отличительные черты философии и науки, — начинает свой ответ Шаховской, — Ты бьешь в основную жилу роковых вопросов современности. Но выводы Твои, насколько могу судить по краткому изложению в письме, не кажутся мне убедительными». Шаховской старается исходить из формулировок Вернадского, «может быть, даже слишком придирчиво цепляясь за слова»:

«1) Понятия в философии, по Твоим словам, якобы всецело выражаются в словах и “анализ слов до конца является одной из основных задач философии”; в науке же “понятия отвечают реальному предмету, поэтому часть науки (NB) — факты и эмпирические обобщения — являются для всех общеобязательными” — правда, в очень ограниченной области (в ней, по-Твоему, “наука обладает истиной”!) <...>

2) Второе различие Ты видишь в том, что “философия (как искусство — NB так Ты пишешь, и я этого сопоставления не понимаю. — Д.Ш.) проникнута личностью, а между тем основа прогресса науки мыслится в обезличении ее результатов”».

По мнению Шаховского, оба эти различия «сводятся собственно к одному: к степени личного творчества и к способности придать своим достижениям характер общеобязательных положений». Шаховской разбирает соотношение между фактами и обобщениями, проблему достоверности в обеих областях знания — науке и философии, в которую он включает и веру. По его мнению, «раскальвание науки на общеобязательную и гипотетическую части недопустимо. Точной границы между ними нет и быть не может». «Слабость достижений философии» в деле придания ее выводам характера общеобязательных положений «зависит только от неразработанности методов и от отсталости философской организации, в смысле системы добывания знаний совокупными усилиями, как это имеет место в науке, что и составляет силу последней». «И проявление личного творчества, и стремление сообщить плодам этого творчества свойство общеобязательной силы не составляет особенности одного из двух путей приближения к истине, различие должно быть в чем-то другом» (ААН. Ф.518. Оп.3. Д.1840. Л.43-44).

⁷⁹ В это время Гревс, лишившийся работы в ЦБК, должен был жить случайными литературными заработками (например, переводом научных работ Гете — это ему устроил Вернадский). В 1930 его привлекли к «делу Академии наук», регулярно вызывали на допросы. В 1932 Вернадский записывал в дневнике: «Он в ужасном настроении. Не может достать работу. Катя, не поправившись настоящим образом, эксплуатируется в работе. <...> Очень их тяжелая жизнь — фактически надвигается проголодь. И невозможность найти труд. Многие боятся давать работу Ивану, учитывая его “неблагонадежность”» (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.17. Л.26, 37).

⁸⁰ С.Ф.Ольденбург скончался 28 февраля 1934 в Ленинграде.

⁸¹ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863-1919) — историк и философ. Академик (1905). Близкими родственными узами был связан с Ольденбургами, Гревсами, Гизетти. О нем см.: Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // Русск. истор. журнал. 1920. Кн. 6.

⁸² *Гизетти* (ур. *Бекарюкова*) Наталья Дмитриевна — писательница, двоюродная сестра И.М.Гревса. Ее родные сестры — *Мария* и *Елена* — были замужем соответственно за Ф.Ф.Ольденбургом (старшим) и А.С.Лаппо-Данилевским.

⁸³ Очевидно, имеется в виду денежная помощь Шаховским со стороны Вернадских.

⁸⁴ В.И.Вернадский в «Хронологию» отметил у Шаховского «несчастье в детях»: дочь *Александра* (1895-1912) и сын *Илья* (1887-1916) покончили с собой (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.29. Л.83).

⁸⁵ Дети Вернадских жили в эмиграции. Сын, *Георгий Владимирович* (1887-1973), специалист по русской истории, перед эмиграцией (1920) был профессором Таврического университета. Дочь, *Нина Владимировна Вернадская-Толь*, уехала вместе с родителями в 1922, получила медицинское образование в Праге, осталась за границей. Сын переехал в Америку в 1927, дочь — в 1939. Осенью 1936 В.И. и Н.Е.Вернадские в последний раз получили возможность увидеться с ними в Европе (больше Вернадских за границу не выпускали).

⁸⁶ В Узком, бывшей усадьбе кн.Трубецких, где размещался дом отдыха ученых, Вернадские жили неоднократно, Шаховской отдыхал там в 1922. Особая притягательная сила усадьбы была связана для Шаховского с воспоминаниями о С.Н.Трубецком и Вл.Соловьеве, скончавшемся в Узком.

⁸⁷ Концепция ноосферы продумывалась Вернадским, начиная с середины 20-х годов, и обсуждалась им в сравнительно узком кругу ученых и друзей. Впервые публично он заявил о ней 26 июля 1937 в докладе на XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве.

⁸⁸ Имеется в виду обращение «Против фашистских вандалов, против поджигателей войны», опубликованное в центральных газетах 16 марта 1937.

⁸⁹ Шаховской, рассматривавший историческую судьбу не только Братства, но и каждого из «братьев» как «большую главу культурной истории России», деятельно помогал Е.Г.Ольденбург в сборе материалов к биографии ее покойного мужа и в осмыслении их. Ср. в его письме к Е.Г.Ольденбург в ноябре 1936: «В его служении интересам общественным, и в частности — интересам Академии, я видел великий подвиг, им на себя принятый и честно им исполненный. <...> Была у Ольденбургов и вообще какая-то монашеско-рыцарская потребность жертвы. А затем была еще в Сергее и подлинная страсть к администрированию и редкая способность организатора, которая и манила его и обязывала пустить ее в ход, так как никто лучше его не мог стоять на его месте и совершить те настоящие чудеса, которые он выполнил... Мне кажется, не следует много думать о том, что он мог бы сделать и что осталось не сделанным, а надо ясно установить прежде всего, как много он сделал и восполнить кое-что из недоделанного...» (ААН. Ф.208. Оп.5. Д.18. Л.3-4).

⁹⁰ *Свешникова* Елизавета Петровна (1847-1918) — педагог, детская писательница; в 1870-х заведовала частной школой для совместного обучения девочек и мальчиков, с 1888 по 1905 — начальница земской учительской школы в Твери.

⁹¹ Корсаков Павел Ассигритович (1846-1912) — адвокат, деятель тверского земства, член I Государственной думы (к.-д.).

⁹² Несмотря на попытки власти обречь интеллигенцию на молчание, приютинцы и во второй половине 30-х годов — в самую мрачную из эпох, пережитых ими, — все же находили возможность высказать свое отношение к происходящему. У Шаховского оно нашло отражение в его научных записях о Чаадаеве, у Гревса, вернувшегося к преподаванию в университете, — в книге о Таците (издана в 1946), многие места которой передавали не только атмосферу древнего Рима, но воздух того года, когда она создавалась — 1938. «За последнее пятнадцатилетие, — цитирует Гревс Тацита, — множество граждан погибло: одни от горестных случайностей, другие жертвами жестокости государя. Все мы наперечет — те, кто пережил не только других, но, так сказать, и самих себя, потеряв в середине жизни столько лет в бездействии и молчании». Однако даже и в этой книге ошутимо присущее Братству чувство исторического оптимизма: «Деспотизм напрасно надеется заглушить голос народа римского, поработить свободу сената и — самое важное — задавить сознание человеческого рода, уничтожить людскую совесть, силу независимой мыслящей личности: сила эта воскреснет, сознание это вновь оживет» (С.215-216). Ср. также дневник В.И.Вернадского за 1938 (Дружба народов. 1991. №2, 3).

⁹³ Оригинал этого текста нам неизвестен. Машинописная копия его, сделанная, по всей видимости, А.Д.Шаховской, завершает в ААН комплекс писем Д.И.Шаховского к В.И.Вернадскому. Заголовок и характер текста позволяют, кажется, считать его последним круговым приютинским письмом.

⁹⁴ Высказывания Пушкина о Ж.Расине в письме к Л.С.Пушкину от нач. февраля 1824 и в набросках Предисловия к «Борису Годунову» см.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 17 тт. Т. XIII. М.;Л., 1937. С.86; Т.XI. М.;Л., 1949. С.141.

⁹⁵ Вероятно, имеется в виду Иван Терентьевич Лосев, тамбовский плотник, депутат I Думы, примкнувший к Трудовой группе (впоследствии выборы отменены).

⁹⁶ Цитата из «Правил Соединенных Славян», программного документа одноименного декабристского общества (Восстание декабристов. Т.V. Л., 1928. С.13; Т.XIII. М., 1975. С.384).

⁹⁷ Утром 27 июля 1938 дочь Шаховского, Анна Дмитриевна, приехала в санаторий «Узкое», где отдыхали Вернадские, сообщила об аресте отца и, видимо, с ее слов Вернадский записал в дневнике: «Обыск. Взяли какое-то издание по земству, письмо Наташи о бессмертии и т.п. <...> Это яркий пример — если его еще нужно — ареста невинного человека — разрушения культуры. Разрушают свое собственное дело. <...> Что-то впереди?» (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.19. Л.2об.).

Ордер на арест Шаховского за номером 554, подписанный наркомом Н.И.Ежовым, был заготовлен заранее — каллиграфическим почерком на бланке были выведены имя, отчество, фамилия, адрес, месяц и год. Оставалось внести число и фамилию исполнителя. Их позднее вписали — неаккуратно, карандашом, по-видимому, в спешке (здесь и далее: Центральный оперативный архив КГБ СССР. Следственное дело Д.И.Шаховского).

Почти месяц Шаховского держали во Внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, добиваясь признания о существовании кадетской нелегальной организации, «ставившей себе целью свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР при помощи интервенции со стороны фашистского строя, а также подготовлявшей против ряда деятелей ВКП(б) и советского правительства террористические акты» (Л.108).

В следственном деле за этот месяц нет протоколов допросов; первая собственноручно подписанная Шаховским бумага появилась только 15 августа 1938; характер записи — «решил стать на путь правдивых показаний» — заставляет думать, что это решение было получено под пытками. О том же свидетельствует письмо племянника Вернадского — Г.Г.Старицкого: «Мой знакомый сидел с ним на Лубянке во внутренней тюрьме НКВД <...>. Он мне говорил, что Дмитрия Ивановича заставляли назвать имена его знакомых, но он отказался. Дмитрия Ивановича долго держали на следствии, заставляли стоять сутками без сна, и у него опухли ноги» (Письмо из Норильска. 4 августа 1944. ААН. Ф.518. Оп.2. Д.28. Л.86). Никаких нужных следствию показаний добиться от Шаховского не удалось, августовская слабость была им тут же преодолена и единственным достижением следователя старшего лейтенанта Мироновича было признание Шаховского, что «ЦК кадетской партии как самостоятельный орган существовал до 1923-24(?) [так! — Лубл], после чего ЦК прекратил свое существование. Тем не менее продолжала существовать подпольная кадетская организация, контактировавшая свою контрреволюционную деятельность с текапистами, трудовиками, отдельными эсерами и привлекавшая к совместной деятельности против политики партии в крестьянском вопросе агрономов, статистиков и т.п.» (Л.108).

Через несколько дней Шаховского перевели в Бутырскую тюрьму. Допросы следовали чуть ли не ежедневно, в любое время суток — «но он был тверд и не терял бодрости духа» (Цит. письмо Г.Г.Старицкого). «То, что можно называть моей контрреволюционной деятельностью, — показывал Шаховской 20 августа 1938, — сводится к критике проектов партии и правительства и их выполнения. <...> Мне казалось, что необходимо как можно полнее использовать в деле пореволюционного строительства накопленные русской жизнью культурные ценности в виде лиц и учреждений. Некультурная страна — самое главное препятствие в деле нового строительства. <...> Из таких организаций, устранение которых вызвало упреки и горькие сетования, назову кооперацию и краеведение, как широкое общественное движение» (Л.124,126).

Все попытки следователя Мироновича получить эффектный материал окончились неудачно: «О существовании кадетской организации и своем в ней участии я до своего ареста не слышал» (Допрос 25 декабря 1938. Л.34); «Указанного центра никогда не существовало или по крайней мере о существовании его я ничего не знал» (7 февраля 1939. Л.47). Не помогли ни очные ставки (с С.А.Котляревским), ни уличающая информация источников — на последнем допросе при закрытии дела (20 февраля 1939) Шаховской заявил: «Виновным себя не признаю» (Л.108).

Остававшийся на свободе Вернадский был одним из главных фигурантов следствия над Шаховским. В НКВД пытались сделать все возможное, чтобы дело кадетского заговора переросло в дело Академии наук во главе с В.И.Вернадским. Академик характеризовался как «наиболее реакционная

фигура в АН», объединяющая «вокруг себя группу таких же реакционеров, как Чаплыгин, Зелинский, Курнаков, Левинсон-Лессинг» (Л.59). Наряду с этими учеными, олицетворявшими старую Академию, в деле неоднократно упоминалось имя молодого и энергичного академика призванного 1929 года — Н.И.Вавилова — в качестве связного между академиками-контрреволюционерами и заграничными организациями; упоминалось и о деятельности близких друзей Шаховского — С.Ф.Ольденбурга и И.М.Гревса.

Тем временем Вернадский использовал все свое влияние, чтобы облегчить участь Шаховского. 17 декабря 1938 он пишет А.Я.Вышинскому:

«Многоуважаемый Андрей Януарьевич,

Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой уделить мне четверть часа. Я хочу переговорить с Вами о судьбе дорогого мне друга Дмитрия Ивановича Шаховского, одного из благороднейших и морально высоких людей, с которыми я встречался в своей долгой жизни. Дмитрий Иванович является одним из лучших исследователей истории русской культуры и в последнее время подготовлял к изданию «Философические письма» Чаадаева, состав которых он впервые выяснил.

Он был арестован (Зубовский бульвар, 15) в ночь с 26 на 27 июля по ордеру 554 из центра. 5-го августа ему переданы деньги в тюрьму на улицу Дзержинского. 21 августа деньги стали принимать в Бутырскую тюрьму, а с 29 октября до 12-го декабря принимают в Лефортовской тюрьме. Опись вещей была произведена 2-3 октября, причем семья (жена и дочь) указала, что его бумаги — большой архив имеет научное и историческое значение, так как, помимо чаадаевских бумаг, в них хранится семейный архив. Дед Дмитрия Ивановича — Шаховской умер в тюрьме. Сотрудники НКВД обещали принять это во внимание и отдельно перевязали архив. Документы и вещи вывезены 15-23 октября, и комната его занята посторонними 23 октября.

Ввиду холодов и состояния его здоровья, жена его дважды обращалась к т.Ежову, прося дать ей право передать в тюрьму теплые вещи, но никакого ответа или распоряжения от т.Ежова не получила.

Я очень беспокоюсь о состоянии здоровья Дмитрия Ивановича при таких условиях. Он духом силен, но силы его слабы, и холод может пагубно отразиться на его больных руках.

Очень прошу Вас указать (по телефону Г-1-59-16), когда и где Вы можете меня принять.

С совершенным уважением (подпись)»

(ААН. Ф.518. Оп.2. Д.28. Л.84-84об.)

20 декабря 1938 встреча Вернадского с Вышинским состоялась; в дальнейшем Вернадский неоднократно пытался еще раз переговорить с Вышинским, но отвечал только секретарь последнего. После одного такого разговора Вернадский записал: «Вчера звонил к секретарю Вышинского о Мите. Очень мне за него жутко» (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.19. Л.20об.). Спустя два месяца: «Мысль о Дм<ятрие> Ив<ановиче> неотступно» (Там же. Л. 26об.). Предчувствие не обмануло Вернадского.

14 апреля 1939 состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. Председательствовал В.Ульрих, заседали Романых и Суслин. Из протокола заседания: «Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что

виновным себя признает в том, что до 1920 года вел активную борьбу с Советской властью. Что же касается последней его антисоветской деятельности, то в этом виновным себя не считает, т.к. никакой антисоветской работы не проводил, поскольку примирился с существованием Советской власти» (Л.119-119об.).

Так и не признавший себя виновным Шаховской был приговорен к «высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества». Справка под грифом «секретно» свидетельствует: «Приговор о расстреле Шаховского Дмитрия Ивановича приведен в исполнение в городе Москве 15.IV.1939 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том №18, лист №52». Подпись — «Начальник 12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР лейтенант госбезопасности Кривицкий» (Л.121).

Ни друзья, ни родные Шаховского об этом не знали. Им сообщили, что он осужден на «10 лет без права переписки». Вернадский направил 6 июля 1939 еще одно письмо Вышинскому: «То, что случилось с ним, — и так же просто и легко могло случиться с каждым из нас — с Вами и со мной, — вполне вытекает из того положения, которое было создано в нашей стране...» (Вестник АН СССР. 1990. №5. С.105). 8 мая 1940 он обращается к новому наркому — Л.П.Берия: «Я дружен с Дмитрием Ивановичем почти 60 лет — все время мы прожили друг с другом душа в душу, находясь в непрерывном, ни разу [подчеркнуто автором. — Лубл.] не нарушенном, идейном общении. Между нами не было тайн, и я, как и все ему близкие, страдающие от несчастья, его постигшего, не сомневаемся в том, что несчастье это плод рокового для него недоразумения. <...> Д.И.Шаховской — один из самых замечательных людей нашей страны — глубокий, широкого образования, искренний и морально чистый демократ. Морально исключительной высоты» (Там же. С.112. Подлинник — в следственном деле). Ответом на это письмо стало возникшая на следующий день в аппарате НКВД дата смерти Шаховского — январь 1940, которую и сообщил 10 мая 1940 академику посланный от Берии (см.: ААН. Ф.518. Оп.2. Д.64. Л.79об.). Официальное извещение Шаховские получили только 19 октября 1940, в нем говорилось, что Д.И.Шаховской скончался «от эндокардитного паралича сердца 25 января в дальних лагерях». Подлинная дата гибели стала известна только в 1991.

* * *

«Дмитрий Иванович замучен <...>. Но его благородная личность оставила глубокий след, который даст свои плоды. В нашем братстве его роль была исключительная».

Вернадский В.И. Хронология — ААН. Ф.518. Оп.2. Д.29. Л.83.

А.В.Тыркова

ПЕТРОГРАДСКИЙ ДНЕВНИК

Публикация М.Ю.Сорокиной

Среди личных фондов деятелей российского либерализма, хранящихся в ЦГАОР СССР, есть и небольшой архив Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс — известной журналистки, писательницы, одной из основательниц феминистского движения в России, члена ЦК конституционно-демократической партии¹. Всего-навсего два десятка дел, и примерно половина из них — дневники Тырковой за разные годы начала века.

Казалось бы, нет большой необходимости характеризовать их автора — А.В.Тыркова оставила обширное мемуарное наследие: две книги воспоминаний, вышедшие несколькими изданиями², десятки журнальных очерков и статей³; ее жизни и творчеству посвящена книга ее сына, А.А.Бормана⁴. Но вся эта литература в течение долгих лет была достоянием спецхрана, а монографии советских историков, где изредка упоминалось ее имя, отнюдь не изобиловали биографическими сведениями. Поэтому сначала несколько слов об А.В.Тырковой-Вильямс⁵.

Она родилась 14 (26) ноября 1869 в Петербурге в семье мирового судьи, чьи предки принадлежали к старинному новгородскому роду, упоминаемому в летописях с XIV века. Окончив гимназию А.А.Оболенской (матери будущего коллеги Тырковой по кадетской партии кн. В.А.Оболенского), где она училась вместе с Н.К.Крупской, Л.К.Давыдовой (будущей женой М.И.Туган-Барановского) и Н.А.Герд (будущей женой П.Б.Струве), Тыркова поступила на

¹ Значительно более полные фрагменты личного архива А.В.Тырковой-Вильямс находятся в составе Бахметьевской коллекции Колумбийского университета и в Британском Музее.

² На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952; То, чего больше не будет. Париж, 1954. Указаны первые издания.

³ См., например: Про старое, про бывалое // Возрождение. 1949. Кн.5; Далекое голоса // Там же. 1954. Кн.32,33; Тени минувшего // Там же. 1954. Кн.33,34; 1955. Кн.37,41,42; Ф.И.Родичев // Новый журнал. 1954. Кн.38; Подъем и крушение // Возрождение. 1956. Кн.51-53,55,57; 1957. Кн.74; 1958. Кн.82 и многие др.

⁴ А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон; Лувэн, 1964. Недавно опубликованы фрагменты хранящихся в ЦГАОР воспоминаний А.А.Бормана: Москва — 1918: Из записок секретного агента в Кремле // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн.1. Л., 1991. С.115-149.

⁵ О ней еще см.: А.В.Тыркова // Новый журнал. 1970. Кн.98. С.266-268; Борман А.А. Памяти А.В.Тырковой-Вильямс // Вестник РСХД. 1969. Кн.94. С.41-46; Раки-тин А. Жизнь Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс // Возрождение. 1962. Кн.123; Филиппов Б. Памяти А.В.Тырковой // Грани. 1963. Кн.53. С.55-60; и др.

Высшие женские курсы по математическому отделению. Занятия на курсах продолжались недолго — в 1890 она вышла замуж за Альфреда Бормана, морского инженера, а с середины 90-х годов серьезно занялась журналистикой. Ее корреспонденции стали появляться в различных газетах, но особенно плодотворным было сотрудничество с ярославской газетой «Северный край», развивавшееся под сильнейшим влиянием Д.И. Шаховского. Именно он, по собственному признанию Тырковой, оказал решающее воздействие на формирование ее общественных идеалов и устремлений. Вместе с Шаховским она дважды побывала в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого, а осенью 1903 по просьбе Д.И. помогла в нелегальной транспортировке журнала «Освобождение». Эта акция стала одной из первых «вех» общественной деятельности Тырковой, во многом предопределившей всю ее дальнейшую судьбу. На ст. Белоостров при провозе 333 экземпляров журнала «Освобождение» она была арестована; состоявшийся 28 апреля 1904 суд приговорил ее к лишению прав и к двум с половиной годам исправительно-арестантского отделения (позже срок был уменьшен до 1 года тюремного заключения). Однако сразу после суда временно отпущенная под залог Ариадна Владимировна нелегально эмигрировала в Европу. Недолгое пребывание в Штутгарте, лечение в Женеве (здесь она часто общалась с Крупской и Лениным), и — в сентябре 1904 — проезд в Париж, куда к ней были привезены ее двое детей. Во Франции значительное место заняли в ее жизни три человека — П.Б. Струве (незадолго до этого переселившийся из Штутгарта в Пасси), А.В. Гольштейн и М.А. Волошин. В окружении Струве познакомилась Тыркова со своим будущим вторым мужем — английским журналистом Гарольдом Вильямсом⁶. После Манифеста 17 октября и политической амнистии Тыркова возвращается в Россию и активно включается в работу конституционно-демократической партии, с апреля 1906 становится членом ее ЦК. Принадлежа к правому крылу партии, Тыркова ярко выражала либерально-консервативное начало, выступала «присяжным антагонистом» лидера партии П.Н. Милюкова. В годы Первой мировой войны работала во Всероссийском Союзе городов по организации санитарных отря-

⁶ Вильямс Гарольд (1876–1928) — английский журналист, этнограф и филолог, второй муж А.В. Тырковой-Вильямс. Родился в Новой Зеландии. Некоторое время был методистским пастором; обладал способностями полиглота — знал более 50 языков. В 1904 получил звание доктора Мюнхенского университета за грамматику иллоканского языка (Филиппины). Русский язык изучал по «Анне Карениной» и «В чем моя вера?» Л.Н. Толстого, стал его последователем и в январе 1905 побывал у писателя в Ясной Поляне. В 1904 познакомился с А.В. Тырковой в Штутгарте, где сотрудничал с П.Б. Струве и журналом «Освобождение». В том же году приехал в Россию в качестве корреспондента ряда европейских газет. Автор книги «Russia of the Russians» (1914). После Октябрьской революции был аккредитован в качестве корреспондента при Добровольческой армии ген. А.И. Деникина и «весь отдался поддержке белого движения... В нем было твердое и абсолютно полное отрицание коммунизма и советчины. Он считал, что всякое сближение с большевиками при всех обстоятельствах всегда вредно для тех, кто стремится к такому сближению». (Борман А. Указ. соч. С.209). После возвращения из России в 1920 работал директором иностранного отдела газеты «Times». После смерти Вильямса А.В. Тыркова-Вильямс написала о нем книгу: «The cheerful giver; the life of Harold Williams, by his wife» (London, 1935).

дов, с одним из которых выезжала на фронт. После Февральской революции входила в состав Продовольственного комитета, возглавлявшегося А.И.Шингаревым; осенью 1917 была избрана от кадетской партии во Временный Совет республики.

Как и все кадетские деятели, Тыркова встретила октябрьские события резко отрицательно: узурпация власти, насильственный переворот — именно так характеризовалось ею происшедшее. Квартира Тырковой в Петрограде стала одним из основных перевалочных пунктов для отправки людей на Дон. В марте 1918 вместе с Г.Вильямсом она уехала через Мурманск в Англию, где стала деятельнейшим членом организованного по инициативе М.И.Ростовцева Russian Liberation Committee в Лондоне. Здесь же Тыркова подготовила и издала одну из первых книг о российской революции — «From Liberty to Brest-Litovsk» (London, 1919). Возвратившись в Россию в июле 1919, возглавила Отдел пропаганды за рубежом Осведомительного агентства при Добровольческой армии ген. А.И.Деникина. После эвакуации в 1920 из Новороссийска Тыркова поселилась в Лондоне, где ее дом стал своеобразным англо-русским центром. В последующие годы она много времени уделяла литературному творчеству, главным результатом которого стало двухтомное исследование «Жизнь Пушкина» (Париж, 1929-1948). Во время Второй мировой войны Тыркова жила в Гренобле (Франция), а в 1951 переехала в США, где ее дом стал средоточием духовно-религиозного общения русских эмигрантов. Скончалась 12 января 1962 в Вашингтоне.

Публикуемые ниже дневниковые записи А.В.Тырковой — последние по хронологии из хранящихся в ЦГАОР; они представляют собой две тонкие «ученические» тетрадки, датированные ноябрем 1916 — апрелем 1917. От знаменитой первоноябрьской речи П.Н.Миллюкова в Государственной Думе до создания Временного правительства, от России монархической до России республиканской — таков внешний диапазон этих записей. В отличие от других, более ранних, они довольно фрагментарны — одну от другой отделяют 2-3 недели; в тексте самих записей есть и некоторые указания на то, что не все и не сразу заносилось Тырковой в тетрадь; по-видимому, был и предварительный этап — какие-то заметки на листках календаря, блокнота и т.п. Нельзя исключить и того обстоятельства, что в тырковских материалах Колумбийского университета или Британского Музея могут быть и другие дневники, восполняющие хронологические и тематические пробелы публикуемых. Как бы то ни было, значение их определяется не только шириной общественного кругозора автора, степенью его осведомленности и личного участия в описываемых событиях, но и соединением в лице автора политического деятеля и писателя: некоторые страницы дневника — завершённые литературные фрагменты, «заготовки» для будущей книги.

Жесткая, беспощадно-критическая позиция Тырковой по отношению к деятельности кадетов и их лидеров в феврале-октябре 1917, занятая ею в годы гражданской войны (и сохранявшаяся позднее), в этих дневниках еще не определена, хотя многие абзацы заканчиваются характерным знаком вопроса — своего рода предощущением грядущих неудач. Нельзя не отдать должное пронизательности автора — с истинно женской интуицией и настоящим чутьем политика-прагматика Тыркова составила вопросительные знаки именно там, где и были заложены многие причины провала кадетов: недоо-

ценка массовых настроений, узость социальной базы («генералы без армии»), отсутствие тактической программы («что же дальше...»), и т.п.

«Мы в России были мечтатели, прямолинейные идеалисты, не реальные политики, не твердые, не умные», — резюмировала она в одном из писем 1924 года трагическую причину политического краха российского либерализма⁷. И все же История корректирует столь суровый вывод, оставляя скорее знак вопроса...

Публикуемые записи находятся в ЦГАОР СССР (Ф.629. Оп.1; тетрадь 1-я — Д.19. Л.2-11., тетрадь 2-я — Д.20. Л.2-13; автограф). Сокращения, раскрытые публикатором, и слова, прочтенные условно, берутся в угловые скобки, конъектуры — в квадратные. Подчеркивания автора выделяются курсивом.

---

⁷ Борман А. Указ. соч. С.211.

I

1916 г., 4 ноября

Речь Миллюкова, сказанная 1/XI в Думе, была не просто парламентской речью, а парламентским действием¹. Обвинение, предъявленное Штюмеру², сводилось к вопросу — глупость или измена? И так резко было поставлено — вы изменники, что казалось или надо его сейчас же арестовать, или... А что или? Мнения разбивались. Только ясно было, что мы на гребне.

В тот же вечер, провожая Шаховского в Москву, я встретила Новгородцева³. Мы все не находили настоящей оценки. А дальше что? Неужели на улицу идти?

— Но я не теряю бодрости, — сказал Новгородцев, — велик Бог земли русской.

Это и мы оба твердо знали. Но и великому Богу нужны верные служители на земле. А как служить?

Во фракции 2/XI устроили Миллюкову бурную овацию. Он был спокоен и доволен. Понимал, что сразу стал героем. И тут же льнул к нему Некрасов⁴. Давно ли он пытался свалить Миллюкова, даже подsunуть вместо него в председатели ЦК Винавера⁵. А теперь был полон какой-то растерянной ласки. Мажет бжить, действительно гордился лидером. Ведь и в Думе кадеты ходили именниками. Но никто не знал, что же дальше? Штюмер хотел привлечь Миллюкова по 103 ст.⁶ Потом как будто раздумал. Роспуск? Нет, говорят, Совет министров счел неприличным распускать на слове измена. Штюмер хотел ехать к царю с докладом. Ему сказали: «Вы заинтересованное лицо. Лучше пошлем гр. Игнатьева»⁷. Это все толки. А то, что Штюмер накануне Думы прислал товарища министра иностранных дел Нератова к послам с просьбой, чтобы они после речи Родзянко⁸ спешили в Государственный Совет, это уже факт. Послы потолковали между собой, удивились тому приказу и ждали, что будет. Во время самого заседания, после речи Родзянко, М-те Штюмер пришла в дипломатическую ложу и напомнила им об этой просьбе. Не желая входить в конфликт, дипломатический корпус уехал в Совет, пробыли там ровно столько же времени, сколько и в Думе, и уехали, не услышав ни декларации, ни речей ни тут, ни там. Только на следующий день к вечеру посол⁹ уже от Вильямса узнал точное содержание речи Миллюкова и только сегодня от нас же послал ее текст. Вообще положение осложняется тем, что иностранные державы, в особенности Англия, втягиваются в нашу внутреннюю борьбу. Недаром сегодня утром Штюмер неожиданно явился к послу.

Бьюкенен рассказывал об этом чинам посольства, когда после

фехтования шел в своем фланелевом костюме вверх одеваться к обеду. Те слушали и, вероятно, думали, что история любит шутить — поставила этого слабого, не особенно умного человека в такую минуту на такой пост, где от его проницательности и энергии зависит, м<ожет> б<ыть>, судьба двух великих народов. Старик был доволен, что Штюмер забегал. Два дня тому назад рус<ский> премьер не встал, когда вся Дума, стоя, приветствовала представителя Англии. А теперь прибежал уверять в неизменности своей дружбы и спрашивать, не думает ли посол протестовать против того, что Мил<юков> привел его слова в своей речи¹⁰. Бюкенен ответил, что цитата была взята из публичной речи.

10 ноября

Третьего дня извозчик вез меня. Плелся. Я попросила его ехать скорее. Он, повернув, укоризненно покачал головой: «Эх, барыня, я вас пожалел, *согласился* вас везти, а вы еще и торопите».

На завтра назначено: в 10 ч. Велихов¹¹, идем вместе к город<скому> голове насчет столовых. Позже в главный штаб за матерьялами для брошюры об увечных. Днем америк<анец> Эммери приедет пить чай. Вечером бюро обществ<енных> столовых.

21 ноября

Из-за румын ходячее слово — *c'est pas une nation, c'est une profession* (намек на рум<ынский> оркестр)¹². Даже Пуришкевич¹³, докладывая Думе о своих впечатлениях в Румынии, отзывался очень пренебрежительно о румынской армии. Милюков укорил его за это и сказал, что надо бороться с тем высокомерным тоном, который усвоили русские офицеры по отношению к румынам. Пуришкевич с этим согласился.

В заседании нашего ЦК 16 ноября, т.е. за три дня до Думы, никто не знал, что будет¹⁴. Самые противоречивые слухи — Трепов¹⁵ подал в отставку. Никто не подал. Это Протопопова¹⁶ выгнали. Нет, не выгнали. Когда Junge¹⁷ узнала, что Штюмер уволен, она упала в обморок. Пришла в себя и потребовала поезда. Трепов заявил, что пути заняты военными поездами. Кажется, рассчитывал проскочить раньше ее. Но не успел. Поехали она и Протопопов вслед за ней. Трепов позже всех. Вся эта скачка только доказывает, что они держатся одним — кто раньше забегит.

В ЦК поразил меня Шингарев¹⁸. Он сказал, что политическое положение не соответствует решимости в стране, что Дума не может остаться на такой высоте, на кот<орую> она поднялась, и что

лучший выход это роспуск Думы. Словом, сказал то, что твердят левые.

Бог знает, отчего это на него напало. Устал или трудно ему выдерживать слишком сложное политическое положение. Он человек ума среднего, больше всего приспособленного к задачам практическим, отдельным. Честный работник, он переварил бюджетные статьи, но за все время своей напряженной и неустанной возни с бюджетом он не дал ни одной не только новой мысли, указывающей на даровитость государственную, но даже нового обобщения. Он пропа < ган > дист, пленяющий простотой и общедоступностью своих речей и статей, человек для толпы, п < отому > ч < то > сам толпа. Но в то же время популярность его основана на вере в его бескорыстную преданность интересам народа. И в этом инстинкт массы не ошибся:

А все-таки я не могу забыть, как перед открытием «Русской молвы» Шингарев сказал мне: «Новых идей нет и быть не может». Это в доказательство ненужности газеты.

12.XII.

Неделя слухов. Сначала все ждали к 6 дек < абря > торжественного приема Думы и [Государственного] Совета. Какого-то акта, чуть не министерства доверия (!!). А получили рескрипт Питириму¹⁹, прямой вызов тем, кто и в Думе, и в Совете, и на Дворянском съезде говорил о злом влиянии темных сил. Потом высылка кн. Васильчиковой²⁰. Текста письма никто не видел. Она написала и сама опустила в почтовый ящик. По-видимому, ей в голову не приходило, что этот поступок может иметь и не личный характер. Когда ее выслали, светские дамы стали собирать подписи под заявлением, что и они присоединяются к этому письму. Говорят, собрали около 200 подписей и потеряли лицо. Ну и Бог с ними, хотя протест из такой среды может быть лично чувствительнее.

Упорно говорили, что Брусилев²¹ умолял Государя наступать, видя в этом военную необходимость, и еще упорнее уверяли, что он получил не только резкий отказ, но и револьвер — можете, дескать, стреляться. Конечно, оказалось вздор (последнее), но как слух характерно.

Еще до заявления Вильсона в еврейских кругах, газетных и деловых, уверяли, что Бетман-Гольвег выступал потому, что у него уже есть тайное мирное соглашение со Штюрмером²². Не все этому верят. Но факт тот, что мы нигде не попробовали наступать, когда немцы гнали русыи.

Даже англич < анин >, верно предсказавший выступление Бетман-Гольвега, уверяет, что через три месяца будет мир. Т.к. у немцев очень туго с продовольствием, то этому можно поверить. Но ведь и

у нас с едой плохо. Недаром ходит анекдот: Что стоит госуд < арственный > заем? 95 р. — А фунт масла? 3 р. 50 к. — А когда будет мир? Когда заем будет стоить 3 р. 50 к., а масло 95 р.

Шингарев не придает значения америк < анскому > выступлению и считает, что лето еще повоюем.

Это все разговоры. А факт — это Григорий Распутин. Запрещение не только съездов, но и заседаний союзов, и распоряжение петроградского градоначальника, чтобы никто не разговаривал не только о ложных, но и о «неложных слухах о правит < ельственных > распоряжениях, обществ < енном > бедствии или иных событиях». Иначе штраф 3000.

Милюков рассказывал, что о нем существуют легенды: хотели его арестовать, но англ < ийский > посол вызвал его к себе, держит в посольстве и арестовать не позволяет.

19/ХІІ.

Легенды становятся плотью. Уже два дня живем среди сведений и слухов.

В субботу была в магазине. Хозяин, чудаковатый купец, говорил по телефону: «Что? Распутина убили? Врешь!» Поехала домой. На повороте улицы услышала, как газетчик кричал городовому: «Иди сюда. В Биржевке сказано — Распутина убили». Конечно, выскочила, купила, прочла, громко высказала свою радость и поехала домой! И радовалась, что одним гадом меньше, и не было ни капли человеческой жалости. Распутин и те, кто его слушались, убили столько молодых жизней, что одной смертью с ними не расквитаешься²³.

Дома телефоны. Кто? Что? Имя Юсупова сразу назвали мне. Пришел В < ильямс >, позвонил в посольство. Там еще не знали. Сейчас же дали шифрованную телеграмму. Потом оказалось, что в тот день и на следующий никаких телеграмм за границу не пропускали. Даже в пропуске диплом < атических > телеграмм не были уверены.

И всюду одно — наконец. И все видят, что это начало их конца. Потом узнали, что убийство задумано в великокняж < еских > кругах. Как будто был семейный совет. Очевидно, спасают династию, хотят вышвырнуть из дому позорящего их временщика. Уверяли, что Дм < итрий > Пав < лович > рассказывал об этом открыто, гордится.

Ну, а дальше? Кто следующий?

Вчера видела Идельсона²⁴. Умный человек, но прежде всего сказал: «Вел < икие > кн < язь > стреляют в Распутина, а потом будут и в нас». Другой еврей подтвердил. Отчего в моей русской голове такой мысли нет? Я считаю, что убийство Распутина — удар по Вильгельму, значит, мне радость. Недаром в сим < фонической > зале в субботу

требовал < и > гимна «по случаю победы». После рескрипта Питириму я предсказала: до конца января произойдут покушения. Это начало.

Англичане, смеясь, уверяют, что уже пущены слухи об участии воен<ной> англ<ийской> миссии в убийстве. Конечно, вздор, но характерно.

1917 г., 28 февраля.

Вчера в 11 ч. узнала, что войска перешли на сторону народа. Пошли в Думу. На улицах былолюдно и тихо. Без трамваев, ломовых и извозчиков безмолвен был город. Полицейского ни одного. Когда шли по Таврической, слева, из-за сада раздавалась стрельба, то пачками, то отдельно. Сама Дума имела обычный вид. Депутаты лениво бродили, лениво толковали о роспуске: «Что же вы думаете делать?» — Не знаем. «Что улица? Кто ей руководит? Есть ли комитет?» Не знаем.

Приехал Терещенко²⁵, рассказал, как при нем вошли в арт<иллерийское> управл<ение>. Заняли его. Сначала думали, что Маниковский²⁶ убит. Пожалели.

Но все-таки не знали, что делать. Вот совет старейшин решит, кто-то соберется. Сейчас Родзянко толкует с Гучковым, пишет телегр<амму> царю²⁷. Вот они там что-то сделают. Было тяжело смотреть. «Ведь вы все-таки, господа, народные представители, у вас положение, авторитет». Жмутся. Пришла Панина²⁸. Она все время стояла на углу Серг<иевской> и Лит<ейного>, наблюдала солдат. «Они ждут приказа. Ждут членов Думы. Идите к ним. Возьмите их в свои руки. Ведь это растерянное стадо». Ее слушали молча. Или говорили: «Пусть они сначала арестуют министров». Но эти разговоры по телефонам дошли до Мил<юкова>. Он пошел на улицу и привел солдат к Думе. Это было около 2-х часов. Сразу картина стала меняться. Явился центр, к которому потекли и люди, и сведения. На крыльце левые депутаты говорили речи солдатам и молодежи. Скобелев²⁹ призывал к сдержанности и порядку взвод преображенцев. Рябой солдат смотрел ему в рот, кричал: «Ура! Точно так!».

Солдаты держали себя сдержанно и неуверенно. Многие признавались — страшно! Двум смертям не бывать и т.д. Офицеров не было. Командовали несколько человек штатских, кот<орые> случайно начали распоряжаться. В этот первый день революции никакой руководящей организации не было. Все началось стихийно, как долго копившийся прорыв. Только в три часа слышала я, как небольшая группа, опять-таки штатских людей, отдавала приказы об аресте членов правительства³⁰.

II

23 марта

Сегодня похороны³¹. Только по телефону знаю, что все идет в большом порядке. Сама не иду. Нет физических сил, да и В<ильямс> сегодня свалился больной. Нельзя отойти. Но и без этого я не собиралась. Что-то было в этом шумное, не благоговейное, что многих из нас заставляет сдерживаться. А м<ожет> б<ыть>, и то, что не в борьбе, не на баррикаде, не как рядовые револ<юционной> армии, а чаще как случайные прохожие, были эти люди убиты. Но сегодня я счастлива, что шепоты и слухи, тревожно шнырявшие по городу, не оправдались. Все, что порядок, радует. Значит, силен жизненный дух. А в этом спасенье.

Ведь за эти четыре недели революции мы часто думали, что погибнем. Или, как говорил Шаховской, — «Мы, в Москве, каждый вечер думали, что все пропало, и каждое утро, просыпаясь, опять видишь — все стоит крепко».

Два дня тому назад телеграфист принес пакет депеш от англ<ийских> общественников. И, как всегда это бывает, разговорились. Худой, бледный, щеки ввалились, а глаза счастливые.

— Я прямо счастлив. Ну даже не верю себе, что все кончилось, что я теперь свободный человек. Я человек больной. У меня пятеро детей. Жалованья 55 р. Хлеб едим черный, да и то едва достаем. Ну я все, решительно все готов претерпеть. Даже 12 ч. в сутки работать и ничего не кушать, только бы новый порядок удержать. Ведь если они опять вернуться, ведь тогда ложись и умирай. Ведь это уже не стерпеть. Вы как думаете, удержимся? Я давно к вам хожу, я знаю, что вы этими делами занимаетесь. Ну, как вы думаете?

И мне было хорошо от этих слов, от этих глаз. Это был товарищ, так же страстно, как и я, влюбленный в свободу, в свободную Россию. Такие голоса постоянно слышишь, и от них крепнет вера. Она все эти мятежные дни держится на сером маленьком человеке. Толпа ни разу не была оскорбительна. Крикуны, вожак, интеллигенты были безвкусны, и глупы, и преступны (приказ №1)³². Митинги в Думе часто злят и тяготят. Вчера днем я на минуту забежала в Екатор<инский> зал. Солдаты рядом со мной добродушно посмеивались. За ними, в середине, небольшая толпа рабочих и работниц. Оттуда несся исступленный, крикливый, срывающийся женский голос. Женщина немолодая, некрасивая, с четырехугольным серым лицом вопила: «То-ва-а-а-рищи... Земля...я...я... Во-о-оля...я...я!» (Говорят, это жена Громана³³. Тогда не мудрено, что она так [2 слова нрзб.]). Рукой откидывала прямые стриженные волосы, и, видно, она уже не понимала, что, как и где... Не в словах ее, а в самой исступ-

ленности было смешное и глупое, а для меня противное. Как противен был доктор, кот <орый> перед Измайл <овским> полком в этой же зале, за несколько дней перед тем, таким же нелепым воплем выкрикивал те же слова: земля...я! воля...я! А сам свирепо чертил по воздуху магический круг, точно искал врага, искал, кому проткнуть живот, и не мог найти. Хорошо, что после него душа отдохнула. Вышел молодой полковник с повязкой и красиво, просто, умно и точно пользуясь словами, говорил о свободе и порядке. «Вот видите эту сестрицу? Разве наша матушка Россия не такая же сестра милосердия, которая принесет всему миру ласку “исцеления”. Но чтобы она могла это сделать, мы должны победить немцев». Ура, ура, ура — и солдаты подняли его на руки и понесли. Он улыбался, приветливый и уверенный. А говорят, что те же солдаты чуть не убили его. В первые дни они ворвались в его квартиру. Он, раненый, приехал с фронта. Запасной полк его не знал. Когда они вошли, он заявил: «Вы ищете у меня пулеметов? Ищите. Если найдете, вы расстреляете меня. Если нет, я застрелю вон этого штатского, который пришел с вами». Штатский сразу исчез, а полковник стал любимцем полка и выборным командиром.

Эти полковые выборы, сколько они зла наделали! Я помню, как 1 марта ко мне в Гос <ударственной> Думе подошли четыре бравых подпрапорщика Преобр <аженского> полка. Все в крестах, через грудь висят золотые и серебряные. Суют бумажки. «Вот мы выбранные. Как было приказано. Куда нам явиться?» Лица сияют тем революционным доверчивым добродушием, кот <орым> мы все горели. Я не могла не ответить улыбкой на улыбку, не зная, что эти их бумажки есть уже следствие проклятого приказа №1. Послала их по наивности к коменданту. Я еще была под идиллическим впечатлением предыдущего дня, когда я заглянула в комнату полк <овника> Энгельгардта³⁴ и увидела, что там идет перепись «присоединившихся» офицеров. Мне казалось, что дело налаживается. А на самом деле кончались два первых безоблачных дня русской революции.

Я увидела приказ и спросила Шингарева — что это? Он пожал плечами — безумие, но что мы можем сделать? Мы говорили с ним в небольшой закуренной и грязной угловой комнате. Громан, невыспавшийся, с красными глазами, с опухшим, точно пухом присыпанным лицом, почесываясь, не понимая, не слыша, бормотал что-то. Это было 1 марта. Правительства еще не было, но уже был прод <ольственный> комитет Государственной Думы и Совета раб <очих> деп <утатов>. Он образовался 27 февраля ночью, в первое заседание Совета р <абочих> депутатов. Почему-то и меня выбрали. Я была на первых заседаниях и видела, как левые быстро и ловко заполняют все места своими, а милый, деликатный до слабости Шингарев только пожимался. «Вижу, что происходит засилие.

Ну, что же поделаться». Сразу сказался дефект партии. Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре. Или не хватает. Но в те первые дни мы не отделяли себя от левых. Когда я услышала речь Скобелева к солдатам — свобода и порядок неразрывны, — я подумала, что значит мы вожди. И слово товарищи, вообще для меня чуждое, жужжавшее кругом, казалось естественным. Соборность, слитность, низложенный космос — вот что расширяло душу. Нашла свою запись от 1 марта:

«До Тавр<ической> дворца дошли без выстрелов (в тот день еще полицейские пулеметы караулили прохожих). На Тавр<ической> улице около дворца кучка солдат и прохожих, кружился автомобиль, на кот<ором> были солдаты. Полковник Якубович говорил им речь: “Идите в казармы. Чем скорее вы вернетесь, тем больше будет порядка. Свободу мы взяли, теперь должны сделать порядок. А для этого нам нужны автомобили. Нельзя зря их гонять”. Солдаты весело блестя глазами и кричали: “Так точно-с! Правильно!” Но те, что были в автомобиле, сидели крепко.

У ворот, со Шпалерной, по которой колыхалась толпа, нас задержали входящие и выходящие части. Шли стройно рядами писари из штаба, одуревшие, не особенно уверенные, оглядываясь на пеструю толпу, наполнявшую сад. Нельзя было попасть в главный подъезд. Пошли через церковный вход. В передней топтались арестованные. Испуганный околоточный в штатском говорил: я что, я добровольно сдался. Другой шел мрачный, с разбитым окровавленным лицом. По коридору двигались солдаты, рабочие, офицеры, опять арестованные. У стены, между двух солдат со штыками, стоял маленький Теляковский³⁵, директор театров. Я засмеялась: “Зачем вы его арестовали?” Отвечать было некому. Тел<яковский> бормотал: “Ну зачем? Я никогда не был ретроградом”. И м<ожет> б<ыть>, в эту минуту думал — какой я ретроград, когда я Мейерхольда пускаю? Среди Екат<ерининской> залы уже мелькали офицеры. Накануне их не было видно. Одни солдаты или почти одни сделали поворот. И это худо. Молоденький преображенец — оф<ицер> кричал: преображенцы, сюда! — и к нему шли. Как будто больше порядку. Министерство формируется. Львов во главе. Керенский юстиция. Телеграфом заведует Черноуситов³⁶. Идет заседание пред<овольственной> комиссии под председ<ательством> Громана. Вначале острый спор с левыми из-за того, что Родзянко подписал приказ о назначении Востротина³⁷. Они считали, что здесь сказывается рознь между Сов<етом> Р<абочих> Дел<утатов> и Комит<етом> Г<осударственной> Думы. Нужно, чтобы все решалось вместе. “Мы огню не хотим розни, мы знаем, что это может дать”. Шингарев их уговорил. Затем появился главный интендант Богатко и с ним еще генерал. Они выразили полную готовность работать с новым

прав <ительством>. В это время еще только был слух, что государь где-то около Бологое и что ему послано условие отречения. Интендантов выслушали милостиво, подали им дядьку в лице молодого с <оциал>-д <емократа> БА.Шелова. Они с чисто военной выдержкой стали с ним сговариваться. Но все-таки косились одним глазом на Шингарева, радуясь, что хоть одно есть лицо знакомое. Рядом в коридоре среди шума и гвалта от шнырявших солдат, журналистов, депутатов, агитаторов и непонятных девиц, студентов, офицеров стоял, улыбаясь, англ <ийский> военный агент Нокс³⁸ и искал начальство, которое даст ему для посольства провизию. Таким начальством оказалась я. Достала требование, к кот <орому> какой-то лохматый товарищ приложил свою подпись, а один из интендантских генералов свою. Не знаю только, получил ли Нокс что-нибудь по этой странной бумажке».

В четверг 2-го уже пошли дурные толки о том, что делается в полках. Я встретила Скобелева. Мы радостно (еще радостно) пожали друг другу руки. Я благодарила его за первые его речи. «Да, в понедельник? Это еще, когда у нас с Вами болталась веревка вокруг шеи». — «А вы не боитесь приказа №1?» — «Нет. Ведь на это даже Милюков согласился». И убежал. Откуда он это взял?

Из 3/III у меня записано:

«Пятый день русской революции. Порядка в городе больше. Стрельбы уже вчера не было. Не было и нелепой гоньбы на автомобилях. У нас несколько раз спросили пропуск. По всему городу идут различные митинги. Что говорят, не разберешь, так охрипли ораторы. Солдаты и рабочие носят красные плакаты: “Земля и Воля”, “Демократическая республика”. Всюду пение. Солнце светит морозное, ясное. Какая-то новая, неиспытанная легкость. Никогда не думала, что можно себя так чувствовать. — С утра переговоры по телефону. Потом была в Гос <ударственной> Думе. Было еще рано. Войск почти не было. Как будто налаживается какой-то порядок. Солдаты исправно несут караулы. Мне надо было вывезти свой отдел пит <ательных> пунктов в городскую думу. Унылый секретарь никак не мог понять, можно ли и кто позволил? Пришел с <оциал>-д <емократ> Франкорусский³⁹, загнанный, замученный с полуумными глазами. Он сразу понял и на все был согласен, только бы свалить с себя часть груза. У нас с ним как будто общее желание устроить жизнь как можно скорее. А секретарь все бормотал, Франкорусский схватил его за руку: “Товарищ, вы большевик?” — тот испуганно: “Нет”, — “Ну так сразу бы и сказали!”»

М <ожет> б <ыть> их большевики гнетут еще больше. Потом пришлось истратить несколько часов на физические препятствия. Не

было бензина. Поехали в городскую думу. Там шла обычная работа. После кипения Госуд<арственной> Думы было странно, что есть сторожа, подают чай и не все «товарищи». Удалось устроить комнату для отд<ела> пит<ательных> пунктов. Это уже первый шаг к порядку. Пришлось тащиться на Обводный канал. Там спокойно работал городской гараж. Оттуда к Соне. Испуганная прислуга все ждет, что ворвутся. Это уже оборотная сторона революции. Так же как и разбитые лавки. В Техн<ологическом> институте все кипит. Солдаты, милиция, столовая, партийные совещания. Точно штаб корпуса во время боев. В 4 ч. попала в Таврич<еский> Дворец. Кругом опять войска и войска. Еле пробралась. В коридоре Маклаков⁴⁰ спорил о форме правления: «У нас все-таки есть основные законы. Улица не может их менять». Мы немного изумленно оглядывались — разве еще есть законы, да еще основные? Дальше у окна полковник с горечью говорил: «Разве можно иметь выборных полковых командиров? Разве это будет армия?» Дальше Лопатин⁴¹ рассказывал: «Стоит солдат-преображенец и жалуется — что же вы с нами сделали? Вы просили нас свергнуть старую власть. Мы это сделали. Так дайте же нам новую власть и порядок. Разве без дисциплины м<ожет> б<ыть> войско». Сам Лопатин считает даже некот<орые> требования меньшевиков чрезмерными. Он думает, что до учред<ительного> собрания нужна была монархия.

К 4 ч. в Екат<ерининской> зале шел посредине митинг. Направо и налево от него тянулись ряды рабочих. Они шли в зал заседаний. Верно рады были посидеть на депутатских креслах. А вокруг шел третий ряд. Несколько сот приставов, унылые, бледные, несмотря ни на что жалкие, стояли, окруженные юнкерами с саблями. Нокс пойма<л>-таки Соколова⁴², который уверил его, что солдаты все за продолжение войны. — «Что же мы даром кровь проливали». Сегодня вообще легче, чем вчера. Но опасно еще. Недаром Гучков хочет отказаться.

Апрель, 3.

Постараться записать, как мы боролись с приказом №1.

Вчера я видела обе головы нового русского двуглавого орла. Днем в Госуд<арственной> Думе попала на прием Плеханова и союзных социалистов⁴³. Вечером у Милюкова.

Социалисты. 3 француза и 3 англ<ичанина> приехали еще в пятницу вечером. Их едва встретили. Всю субботу они ждали ответа от Чхеидзе⁴⁴. Были у Милюкова. Просили у него рекомендации в С<овет> Р<абочих> Д<епутатов>. Он засмеялся и объяснил, что им это не выгодно. Наконец, в воскресенье, их пригласили. Была длинная беседа в Исп<олнительном> Комитете. По-видимому, ан-

гличане объяснили, что англ<ийский> пролетариат желает по-настоящему разбить немцев. Подробностей еще не знаю.

Приехал Плеханов, окруженный товарищами из «Единства»⁴⁵. Мы с Шаховским прошли на хоры. В зале заседаний душно, грязно, пахнет казармой и махоркой. Оратор в погонах — не то чиновник, не то офицер — длинно рассказывает какие-то запоздалые постановления. Его прерывает председатель. Затем речи англич<ан> и франц<узов>. Аплодисменты хорошие, дружные. И настоящая овация Плеханову.

Он — оратор, мастер франц<узской> школы. Умеет держать толпу, заставить ее выслушать себя. Этот приберет их к рукам, и как кадетка я даже подумала, что этот отберет от нас немало голосов на выборах.

Вечером Милюков в первый раз позвал нас, кадетов, в свои министерские апартаменты. Шелк, золото, лакеи. Точно мы по ошибке попали в ненадлежащее место. Мне было смешно, так плохо вяжется демократизм Милюковых с этой внешностью министерской жизни. И мы невольно спрашивали друг друга — надолго ли это? Не придет ли на смену Павлу Ник<олаевичу> товарищ Мирон?⁴⁶

Были речи. Много бодрости. Некрасов смотрит именинником, все уверяет, что нет ни давления, ни двоевластия. Мы с Шаховским заговорили о партии, о том, что в ней есть генералы и нет солдат.

Работы впереди так много, что голова кружится.

Примечания

¹ Имеется в виду знаменитая речь П.Н.Милюкова, с которой он — по решению ЦК своей партии — выступил в день открытия Государственной Думы. Резко критикуя политику правительства, он обвинил его в стремлении заключить сепаратный мир с Германией. Каждое из обвинений он заканчивал словами: «Что это — глупость или измена?» По свидетельству В.А.Оболенского, «эти слова били как молотом по голове, ибо они формулировали как раз то страшное, что всех мучило. При каждом повторении этой фразы точно электрический ток проходил по нервам всех присутствовавших». (Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С.502). Несмотря на цензурный запрет, текст речи получил широкое распространение. Петроградское охранное отделение отмечало: «Кадеты достигли в последнее время невероятного политического влияния», а Милюков «стал подлинным героем дня» (ЦГАОР. Ф.523. Оп.3. Д.546. Л.169). Через несколько лет, в октябре 1919, ретроспективно оценивая свое выступление 1 ноября 1916, Милюков в письме И.И.Петрункевичу констатировал: «В истории бывают моменты, когда личность служит ее орудием. И я послужил орудием истории в этом случае. Конечно, в таких случаях нужно благоговейно преклонить голову и провозгласить, как Мария: “Се раба твоя, да будет мне по глаголу твоему”. Но я как я, как маленькая личность все-таки припоминаю и мои скромные личные мотивы. Я, кажется, думал в тот момент, что раз революция стала неизбежна — а я

считал ее уже неизбежной — то надо попытаться взять ее в свои руки. Но это была *та*, другая революция — не та, которая действительно готовилась. И повторяю, за ту, которая совершилась, я все-таки не согласен нести полную ответственность...» (ЦГАОР. Ф.579. Оп.5. Д.184. Л.6).

Милюков Павел Николаевич (1859-1943) — депутат III и IV Государственной Думы, председатель ЦК кадетской партии. Министр иностранных дел ВП (март-май 1917).

² *Штюрмер Борис Владимирович* (1848-1917) — в январе-ноябре 1916 — председатель Совета министров.

³ О *Д.И.Шаховском* см. в публикации его писем о Братстве в наст. вып.; *Новгородцев Павел Иванович* (1866-1924) — профессор истории философии права Московского университета, член ЦК кадетской партии.

⁴ *Некрасов Николай Виссарионович* (1879-1940) — инженер-технолог, профессор Томского Технологического института, депутат III и IV Государственной Думы. Член кадетского ЦК, один из лидеров «левой оппозиции» в партии. О его неприязненных отношениях к Милюкову А.В.Тыркова-Вильямс писала: «Подстраивал, бегал, собирал голоса и вообще интриговал» на VI съезде партии, «жаден к почету и неразборчив в средствах» (ЦГАОР. Ф.629. Оп.1. Д.9. Л.42); ср. также у В.А.Оболенского: «Под личиной его внешнего добродушия и даже некоторой слащавости чувствовался внутренний холодок и двоядушье алчного карьериста, каковым, как мне кажется, он и был. Чрезвычайно характерна для него двойственная тактика<...> На заседаниях фракции и ЦК<...> постоянно нападал на Милюкова за его умеренность, он в Думе выступал исключительно по деловым вопросам, избегая в своих речах всякой политической заостренности в правую или левую сторону. Это давало ему возможность одновременно слыть умеренным в правых кругах Думы и тайным революционером в левых ее кругах... Выдвинув его на высокий политический пост [товарища председателя Государственной Думы. — Лубл.], Милюков избавился от беспокойного противника внутри партии, ибо Некрасов, заняв место на председательской трибуне, сразу поправел. Известно, чем кончилась бы карьера Некрасова, если бы не произошла революция. Вероятно, тем или иным способом он достиг бы министерского поста». (Указ. соч. С.444-445). Оболенский оказался прав: после Февральской революции Некрасов стал министром путей сообщения, а во 2-м коалиционном составе — заместителем министра-председателя и министром финансов (уже как представитель республиканско-демократической партии, одним из создателей которой он был). После Октября Некрасов отошел от политической деятельности. В начале 1918 сменил фамилию на Голгофский, уехал в Уфу, работал там в кооперации, в дальнейшем — член правления Таткоопсоюза (Казань). Здесь был опознан и как бывший министр ВП арестован, но вскоре освобожден. В 1921-30 — заведующий отделом и член правления Центросоюза, преподавал в МГУ и Институте народного хозяйства. В 1930 вновь арестован, попал на строительство Беломоро-Балтийского канала. Впоследствии расстрелян.

⁵ По-видимому, имеются в виду события, происшедшие на конференции кадетской партии 23-24 октября 1916, провинциальные делегаты которой упрекали Милюкова в том, что его заграничные поездки мешают ему следить за изменениями в настроении общества. Это было использовано левым крылом

партии для усиления своего влияния. *Винавер* Максим Моисеевич (1863-1926) — адвокат, один из основателей кадетской партии и заместитель председателя ЦК.

⁶ 10 января 1917 Миллюков получил уведомление об обращении Штюрмера в Совет министров о возбуждении против него уголовного дела за клевету в речи 1 ноября 1916. Дальнейшего хода дело не имело.

⁷ *Игнатъев* Павел Николаевич, граф (1870-1926) — в январе 1915 — декабре 1916 — министр народного просвещения, был известен своими либеральными настроениями и дружескими связями с кадетами.

⁸ *Нератов* Анатолий Анатолиевич (1863-1928) — в 1910-17 — товарищ министра иностранных дел; с 1916 член Государственного Совета. *Родзянко* Михаил Владимирович (1859-1924) — один из лидеров партии октябристов, председатель III и IV Государственной Думы.

⁹ *Бьюкенен* Джордж Уильям (1854-1924) — в 1910-18 — посол Великобритании в России.

¹⁰ 4 ноября 1916 императрица Александра Федоровна писала в Могилев Николаю II: «Во вчерашней речи Меллюков [так в тексте. — *Лубл.*] привел слова Бьюкенена о том, что Шт<юрмер> изменник, а Бьюк<енен> в ложе, к которому он обернулся, промолчал, — какая подлость! Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена...» (Переписка Николая и Александры Романовых: 1916-1917 гг. Т.5. М.:Л., 1927. С.129).

¹¹ *Велихов* Лев Александрович (1875-?) — кадет, депутат IV Государственной Думы. После Февраля — комиссар ВП в Одессе, после Октября преподавал, с 1923 — профессор Северокавказского университета, доктор философии.

¹² Это не нация, это профессия (фр.). Высказывание германского канцлера Отто фон Бисмарка (1815-1898).

¹³ *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870-1920) — один из основателей «Союза русского народа», после раскола которого возглавил «Союз Михаила Архангела», депутат II—IV Государственной Думы.

¹⁴ После думских выступлений П.Н.Миллюкова, В.В.Шульгина и др. 1—3 ноября 1916 многим в царском окружении стало очевидно, что без изменений в правительстве не обойтись. Штюрмер был уволен в отставку, правительство возглавил А.Ф.Трепов, собиравшийся уволить также министра внутренних дел А.Д.Протопопова — одну из наиболее одиозных фигур, поддерживаемую Г.Распутиным. Однако этого не произошло.

¹⁵ *Трепов* Александр Федорович (1862-1928) — 10 ноября—27 декабря 1916 — председатель Совета министров.

¹⁶ *Протопопов* Александр Дмитриевич (1866-1918) — министр внутренних дел в сентябре 1916 — феврале 1917. «Какой-то причудливый симбиоз грандиозного Хлестакова и коварного, беспринципного иезуита, слабовольного, трусливого болтуна и целеустремленного интригана, мягкого, податливого влияния человека и оголтелого карьериста, удерживающего свои позиции любыми средствами. Последнее превалировало. Непомерное тщеславие маленького человека — вот, пожалуй, та формула, которая полнее всего

выражает сущность Протопопова». (Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 133).

¹⁷ Junge — «Молодая императрица» — Александра Федоровна (1872-1918). В думской речи Милюкова 1 ноября 1916 одно из центральных мест было замаскировано цитатой из немецкой газеты «Neue Freie Presse», в которой якобы говорилось о назначении Штюмерера премьером: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert» (Это победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой императрицы).

¹⁸ *Шингарев* Андрей Иванович (1869-1918) — депутат II—IV Государственной Думы, член ЦК кадетской партии. В марте—апреле 1917 — министр земледелия ВП; в мае—июле — министр финансов и зав. продовольствием.

¹⁹ Питирим (в миру *Павел Окнов*, 1858-1921) — с 1915 митрополит Петроградский и Ладожский. Креатура Г. Распутина. 6 декабря 1916 (тезоименитство императора), в «Правительственном вестнике» был опубликован высочайший рескрипт на его имя, в котором ему жаловался «крест для предношения в священнослужении».

²⁰ Речь идет о княгине Софье Николаевне *Васильчиковой*, которая, в отличие от своей знаменитой однофамилицы фрейлины М. А. Васильчиковой, известной своими попытками способствовать достижению сепаратного мира между Россией и Германией, послала Николаю II письмо, направленное против германофильской позиции императрицы Александры Федоровны. Княгиня и ее муж — член Государственного Совета Б. А. Васильчиков — за это письмо были подвергнуты высылке из столицы.

²¹ Генерал Алексей Алексеевич *Брусилов* (1853-1926), командующий Юго-Западным фронтом, осенью 1916 сумел настоять на отмене приказа Николая II — Верховного Главнокомандующего — о приостановке наступления, продолжал его («брусиловский прорыв»), что вызвало противодействие Распутина.

²² 29 ноября 1916 Германия (в лице рейхсканцлера Теобальда фон *Бетман-Гольвега* (1856-1921) направила странам Антанты официальное предложение мира. За ним последовала инициатива президента США Вудро Томаса *Вильсона* (1856-1924), пригласившего обе стороны сформулировать свои условия мира. Союзники отвергли возможность переговоров с противником до тех пор, пока центральные державы не изложат своих мирных предложений, а в ответ на инициативу Вильсона 28 декабря передали свою программу будущего мира, состоявшую из 8 пунктов, в т. ч. восстановление статуса Сербии и Черногории, очищение захваченных территорий Франции, России и Румынии с надлежащими репарациями и др.

²³ Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916. Участники убийства — Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич, вел. кн. Дмитрий Павлович.

²⁴ Возможно, *Идельсон* Наум Ильич (1885-1951) — юрист и математик, в описываемый момент служил в инженерно-строительной команде на фронте, но мог быть в отпуске в Петрограде. В 1917 — следователь Чрезвычайной следственной комиссии.

²⁵ *Терещенко* Михаил Иванович (1886-1956) — перед Февралем — председатель Киевского военно-промышленного комитета, примыкал к партии прогрессистов; со 2 марта 1917 — министр финансов ВП.

²⁶ *Маниковский* Алексей Алексеевич (1865-1920) — генерал, в 1915-17 начальник Главного артиллерийского управления.

²⁷ *Гучков* Александр Иванович (1862-1936) — крупный промышленник, основатель и лидер партии октябристов. Во время I Мировой войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета. Военный и морской министр первого состава ВП.

27 февраля в 12.40 Родзянко направил Николаю II телеграмму с просьбой об отмене царского указа о роспуске Государственной Думы и о необходимости ответственного министерства ввиду крайнего обострения политической ситуации. Он писал: «Час, решающий судьбу Вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно» (Красный архив. 1927. Т.2. С.6-7). Поздно вечером того же дня от имени Государственного Совета направил царю телеграмму и А.И.Гучков.

²⁸ *Панина* Софья Владимировна, графиня (1871-1957) — общественная деятельница. С 1917 член ЦК кадетской партии.

²⁹ *Скобелев* Матвей Иванович (1885-1938) — один из лидеров меньшевиков. Депутат IV Государственной Думы. Во время Февральской революции зам. председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, зам. председателя ВЦИК I созыва. Министр труда первого коалиционного состава ВП.

³⁰ Еще 27 февраля одним из первых был арестован бывший министр юстиции И.Г.Щегловитов, а затем 28-го — бывшие премьеры Б.В.Штюрмер и И.Л.Горемыкин, министр внутренних дел А.Д.Протопопов и бывший таковым ранее — Н.А.Маклаков, бывший военный министр В.А.Сухомлинов, председатель Союза русского народа А.И.Дубровин и др.

³¹ Речь идет о состоявшихся на Марсовом поле похоронах павших в дни Февральской революции (около 200 человек).

³² Приказ №1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по Петроградскому гарнизону был принят 1 марта 1917; он зафиксировал существование уже возникших на практике солдатских комитетов в армии, установил, что воинские части во всех политических выступлениях подчиняются только Совету рабочих и солдатских депутатов, оружие офицерам не выдается и должно находиться в распоряжении ротных и батальонных комитетов. Приказ провозглашал гражданские права солдат, их равенство с офицерами вне службы и строя, отменял титулование.

³³ *Громан* Владимир Густавович (1873-1940?) — экономист и статистик, меньшевик. С начала Февральской революции стоял во главе продовольственного дела в Петрограде, с 1918 — председатель Северной продовольственной управы. Арестован в 1930, погиб в заключении.

³⁴ *Энгельгардт* Борис Александрович (1877-1962) — полковник Генерального штаба, националист, затем октябрист. Депутат IV Государственной Думы. В 1 ч. ночи 28 февраля назначен комендантом Петроградского гарнизона.

³⁵ *Теляковский* Владимир Аркадьевич (1860-1924) — директор императорских театров в 1901-1917.

³⁶ Кроме князя Георгия Евгеньевича *Львова* (1861-1925), председателя

ВП и министра внутренних дел, и Александра Федоровича *Керенского* (1881-1970), ставшего министром юстиции, в первый состав ВП вошли: П.Н.Мялюков — министр иностранных дел, А.И.Гучков — военный и морской министр, Н.В.Некрасов — министр путей сообщения, А.И.Коновалов — министр торговли и промышленности, М.И.Терещенко — министр финансов, А.А.Мануйлов — министр просвещения, В.Н.Львов — обер-прокурор Святейшего Синода, А.И.Шингарев — министр земледелия, И.В.Годнев — государственный контролер, Ф.И.Родичев — комиссар по делам Финляндии.

Черносвитов Кирилл Кириллович (1866-1919) — присяжный поверенный, кадет, депутат I—IV Государственной Думы. Временным комитетом Думы направлен комиссаром в министерство почт и телеграфов. Летом 1919 арестован ВЧК по делу «Национального центра», расстрелян.

³⁷ *Востротин* Сергей Васильевич (1864 — не позднее 1946) — сибирский золотопромышленник. Депутат III и IV Государственной Думы, член ЦК кадетской партии. Вместе с Шингаревым Востротин вошел в состав Продовольственной комиссии, возглавлявшейся В.Г.Громаном. До этого момента комиссия действовала только от имени Петросовета, а после введения Шингарева и Востротина — и от имени Временного комитета Государственной Думы, что и вызвало недовольство левых.

³⁸ *Нокс* Альфред (1870-1964) — генерал, военный атташе Великобритании в России.

³⁹ *Франкорусский* — меньшевик, член избранного вечером 27 февраля 1917 Временного Исполкома Петросовета.

⁴⁰ *Маклаков* Василий Алексеевич (1869-1957) — юрист, политический деятель. Депутат II Государственной Думы, член ЦК кадетской партии. После Февральской революции — посол во Франции.

⁴¹ *Лопатин* Герман Александрович (1845-1918) — старый революционер, первый переводчик «Капитала» в России. После неудачной попытки воссоздать разгромленную «Народную волю» арестован и в 1884-1905 был узником Шлиссельбурга.

⁴² *Соколов* Николай Дмитриевич (1870-1928) — социал-демократ, один из авторов Приказа №1, председатель комиссии Петроградского Совета по его разработке.

⁴³ Члены французской социалистической делегации (М.Кашен, Э.Лафон, М.Мутэ) и английской (Д.О'Греди, В.Сандерс, В.Торн) 2 апреля участвовали вместе с Георгием Валентиновичем *Плехановым* (1856-1918) в работе Всероссийского совещания Советов.

⁴⁴ *Хейдзе* Николай (Карло) Семенович (1864-1926) — один из лидеров меньшевиков, в дни Февральской революции — член Временного комитета Государственной Думы, в феврале-августе 1917 председатель Исполкома Петросовета.

⁴⁵ «Единство» — организация социал-демократов-оборонцев, возглавлявшаяся Г.В.Плехановым.

⁴⁶ За две недели до того как была сделана эта запись, 11 марта, «Биржевые ведомости» опубликовали обвинение в провокаторстве (как агента Петроградского охранного отделения) Мирона Ефимовича *Черномазова* (1882-1917;

партийная кличка «*Мирон*») — большевика, члена Русского бюро ЦК с 1913. 20 марта он был арестован, а через 5 месяцев — 27 августа — отравился или был отравлен в «Крестах», петроградской тюрьме.

Характер записи Тырковой не позволяет однозначно решить, идет ли в ней речь о конкретном лице или о некоем собирательном образе, символизирующем для автора определенные политические силы. Во всяком случае, само выражение «товарищ Мирон» вполне могло быть (вольно или невольно) навеяно описанными выше событиями.

МОНАРХИСТ И СОВЕТЫ

Письма Б.В.Никольского к Б.А.Садовскому 1913–1918

Публикация С.В.Шумихина

И долго буду я для многих ненавистен
Тем, что растерзанных знамен не опускал,
Что в век бесчисленных и лживых полуистин
Единой Истины искал.

Борис Садовской

В №5 за 1919 год одного из последних независимых изданий, вскоре закрытого журнала «Вестник литературы», появился следующий некролог:

«Б.В.Никольский

Как видно из официального сообщения, в Петрограде расстрелян профессор историко-филологического и юридического факультетов Воронежского университета Борис Владимирович Никольский. У него при обыске оказались оружие и документы, указывавшие на его причастность к заговору против советской власти. В эпоху царизма Никольский принимал деятельное участие в политике. При образовании политических партий в 1905 г. он вступил в состав Союза русского народа и состоял членом Русского Собрания. Когда возникли раздоры между известным доктором Дубровиным, Пуришкевичем и Марковым, Никольский примкнул к первому из них.

Никольский оставил немало ученых трудов по римскому праву и историко-литературного характера. Таковы: «Наследование по истории римского права», «Дарения между супругами», «Новое слово цивилистики», «Поэт и читатель в лирике Пушкина», «Последняя дуэль Пушкина», «Сборник стихотворений» и др. В издании Академии наук должен был выйти труд Никольского — «Пушкин и его современники». В присланной покойным Никольским в одну литературную организацию просьбе о зачислении его в члены переименованы подготовленные им к изданию работы, частью напечатанные уже в университетских ученых записках, частью имевшие появиться; между прочим, по поручению военно-научной секции А.В.Д., он готовил к печати первый русский перевод с подлинника римского писателя Вегетия о военном деле с соответствующими толкованиями и введением¹.

Рядом, на соседней странице, были помещены сообщения о еще четырех расстрелянных в Киеве, «при не совсем выясненных обстоятельствах», про-

¹ Вестник литературы. 1919. №5. С.12–13.

фессорах: слависте и византологе Т.Д.Флоринском, хирурге Н.А.Щеголеве, политэкономе и статистике Н.М.Цитовиче, минералоге П.Я.Армашевском.

Расстрелянный Петроградской ЧК 49-летний Борис Владимирович Никольский (1870-1919) принадлежит к числу полузабытых в наши дни деятелей. Более 60 лет не переиздавались и произведения его адресата, писателя Бориса Александровича Садовского (1881-1952)².

Публикуемые семь писем Никольского Садовскому хранятся в фонде Садовского в ЦГАЛИ СССР³. Все письма, кроме первого, написаны в период с декабря 1917 по ноябрь 1918, то есть в первый год власти большевиков, и в значительной степени посвящены откликам на происходившие события.

Письма Никольского способны изменить (или, по крайней мере, серьезно поколебать) устоявшуюся точку зрения на взаимоотношения между большевиками и крайне правыми течениями русской политической и общественной мысли (проблему, надо сказать, вообще слабо изученную). Как Никольский, так и его корреспондент, принадлежали к числу убежденных монархистов, причем наиболее право-радикального, даже черносотенного толка. Высказывания Никольского, одного из признанных интеллектуальных лидеров правого лагеря, было бы ошибочно трактовать только как его частное мнение (хотя этот деятель и был известен независимостью суждений). Поэтому его письма Садовскому дают основание пересмотреть традиционную для отечественной историографии, логичную лишь на первый взгляд, а на деле предельно упрощенную схему, согласно которой монархисты всех оттенков — от умеренных консерваторов до черносотенцев — автоматически оказывались на противоположном от большевиков полюсе и а priori зачислялись в разряд их непримиримых врагов.

В мыслях Никольского можно найти некоторое сходство с идеями будущего сменовеховства, т.е. признания и оправдания большевистской власти с русской национальной точки зрения (лидер правого крыла сменовеховства Н.В.Устрялов ввел в употребление термин «национал-большевизм») ⁴. Любопытно было бы также сравнить мотивы, толкавшие монархиста Никольского к оправданию большевистской практики (в том числе таких крайних ее проявлений, как террор), с желанием В.В.Розанова пойти «в крепость» к новой власти ⁵ или с анонимным свидетельством о точках идейной близости между большевиками и правыми, приписываемым (надо сказать, без достаточных на то оснований) Н.И.Бухарину ⁶.

Биографические сведения о Никольском в основном содержатся в давней публикации В.И.Беззубова и С.Г.Исакова «Блок — участник студенческого

² Первая, после 1928 года, книга, содержащая историко-фантастическую прозу и эссеистику Садовского, не так давно вышла в издательстве «Советский писатель» (Садовской Б.А. Лебединые клики. М., 1990).

³ ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Д.145.

⁴ См. об этом: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

⁵ См. примечание 2 к письму № 4 настоящей публикации.

⁶ «Только мы [большевики], да еще, может быть (как это ни странно), самые крайние правые, разные Говорухи-Отроки, только мы разгадали русский сфинкс...» (Наш современник. 1990. №8. С.159). Категорически отвергается причастность Бухарина к этому тексту в журнале «Коммунист» (1991. №1. С.80-84).

сборника»⁷. За почти два десятилетия, прошедшие со времени выхода в свет этой статьи, ничего о Никольском в печати не появлялось, поэтому работа Безубова и Исакова, несмотря на отдельные фактические неточности и недоговоренности (например, год смерти Никольского обозначен авторами как 1920-й; не говорится о том, что он был расстрелян и т.д.), сохраняет свое значение и в наши дни.

В первую очередь в этой незаурядной личности поражает то, что идеи, кажущиеся нам в исторической ретроспективе несовместимыми, сочетались в Никольском вполне органично, без тени какого-либо душевного дискомфорта. С одной стороны, это был многосторонне одаренный человек: поклонник и глубокий исследователь творчества Фета, осуществивший наиболее полное посмертное издание его стихотворений по рукописям, которыми Никольский владел; крупнейший специалист по творчеству Гая Валерия Катулла; пушкинист, поэт, критик отмеченный печатью несомненного таланта; вдобавок — один из лучших ораторов своего времени, легко овладевавший вниманием любой аудитории. С другой — перед нами активный член «Союза русского народа» и не менее одиозного «Русского Собрания», юдофоб, устроивший после оправдания в 1913 году Бейлиса демонстративный обед в честь прокурора и обвинения на процессе; ортодоксальный монархист. Его знаменитая «Всеподаннейшая речь», прозвучавшая в кульминационные дни Первой русской революции (декабрь 1905) и неоднократно переизданная впоследствии в виде отдельной брошюры, обратила на автора внимание Николая II; вскоре его пригласили преподавать у великих князей Олега и Гавриила Константиновичей (о первом из них, смертельно раненом в начале войны 1914 года, Никольский оставил воспоминания). Одновременно «правый трибуна» позволял себе резко критиковать правительство. В частности, не принималось все, связанное с деятельностью Распутина и ставленников «старца»: здесь Никольский был солидарен с В.М.Пуришкевичем, В.В.Шульгиным, В.Ф.Джунковским.

Богатый архив Никольского сохранился довольно полно. Он распределен между двумя архивохранилищами (ЦГАОР СССР. Ф.588 и ЦГИА СССР. Ф.1006). Интересен дневник Никольского, хранящийся в Петербурге и являющийся важным источником не только об общественно-политических событиях, но и по истории литературы⁸. Никольский был заметной фигурой в литературных кругах своего времени, со студенческих лет знал многих видных литераторов, философов, государственных деятелей. Можно отметить неожиданные сближения: так, нарком иностранных дел Советской России Г.В.Чичерин в своей автобиографии (написанной от третьего лица) вспоминал о большом влиянии, которое оказала на него философия Никольского как своеобразная разновидность отечественного нищезанятия: «Он [Чичерин] нашел отзвуки своим философски-пессимистическим настроениям в творчестве реакционера — Б.В.Никольского. Надо заметить, что лишь наименее интересные произведения последнего были опубликованы. В творчестве Ни-

⁷ Блоковский сборник II: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А.Блока. Тарту, 1972. С.325-332.

⁸ Небольшие извлечения из дневника Никольского 1905-1907 и записи о Г.Е.Распутине были напечатаны в «Красном архиве» (1934.№2. С.55-97; 1935.№1. С.157-161). Записи о Блоке приведены в публикации В.И.Безубова и С.Г.Исакова.

кольского Ч. нашел возведенное в абсолют презрение к жизни, к себе и ко всему сущему. Но в окончательном развитии этих настроений самое презрение ко всему расплывалось в пустоте: «На высоте, где спит презренье; где спит восторг, нельзя и петить; грачам — полет, орлам — паренье; кто видит все — куда лететь». Ход развития основной мысли в творчестве Никольского в конце концов оказался доведением до абсурда его исходной точки и тем самым помог Ч. нащупать противоположный путь»⁹. Некоторые факты позволяют предположить личное знакомство и общение Чичерина с Никольским в 1890-е годы.

Несколько раз упоминает о Никольском и желании с ним познакомиться в своем Дневнике поэт Михаил Кузмин, друг юности и одноклассник Чичерина по гимназии. Так, 18 октября 1905 он записывает:

«Сегодня объявлена конституция; на улицах небывалый вид, незнакомые заговаривают, вокруг каждого говорящего собираются кучки слушателей, красные гвоздики, кашнэ, галстуки имеют вид намеренности. <...> Речи ораторов, гуляющие, глазающие дамы, пошлость и общедоступность либерализма делают то, что с тоской и какой-то противоестественной жадой думаешь о Б.Никольском, Русском Собрании, именно теперь, когда они со своею, м.б. не меньшею пошлостью (но меньшею популярностью), затоплены торжествующей болтовней». 22 ноября того же года в Дневнике появляются следующие строки: «В Михайловском манеже был митинг «Союза русского народа». «Русь», конечно, беспардонно клеветает, что там были только дворники, но что она, паспорта, что-ль смотрела? и потом, почему дворники меньше изображают народ, чем рабочие или студенты. Устраивает какой-то доктор Дубровин. Никольский уже вернулся из Москвы и говорил на юбилее Семеновского полка; он молодец и не боится ни кастетов, ни тьякьянэ газетных мосек»¹⁰.

Вполне отчетливо звучат правые убеждения и у адресата Никольского, писателя Б.А.Садовского. Правда, его близкий знакомый В.Ф.Ходасевич писал (не без стремления обелить своего друга перед либеральной частью эмиграции): «Мне кажется, <...> что тут им руководило скорее эстетическое любование старой, великодержавной Россией, даже влюбленность в нее, — нежели серьезно обдуманное политическое мировоззрение»¹¹. Думается, здесь Ходасевич был неправ: монархизм Садовского не сводился только к эстетическим предпочтениям, а составлял именно основу его мировоззрения, его «хватанье за устои» было глубоко принципиально.

С Никольским Садовского свела в начале 1912 общая страсть — увлечение творчеством Фета, в котором оба видели великого поэта, недостаточно оцененного современниками. Познакомил их писатель А.А.Кондратьев, служивший тогда секретарем в канцелярии Государственной думы. 26 января 1912 он писал Садовскому: «Сегодня я говорил по телефону с Борисом Владимировичем Никольским. Его даже к телефону трудно бывает обыкно-

⁹ Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Репринт. М., 1989. С.755.

¹⁰ ЦГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Д.51. Л.105-107.

¹¹ Последние новости. [Париж]. 1925. 3 мая. (Статья Ходасевича — это некролог, написанный после того, как в Париж дошли ложные слухи о смерти Садовского).

венно получить, так как он занят своей адвокатской деятельностью, лекциями, уроками у великих князей и... Русским Собранием. Я сообщил ему о Ваших занятиях Фетом и желании с ним познакомиться. Сообщил также, что Вы пробудете в Петербурге лишь до воскресенья. Он просил меня передать Вам, что весьма рад будет видеть Вас у себя и поговорить с Вами»¹².

Через несколько дней, 31 января 1912, Садовской писал в Нижний Новгород отцу: «Был у знаменитого Бориса Никольского — по поводу Фета — и он обещал мне полное содействие; в сравнении с его коллекцией фетовских рукописей, черногубовская¹³ гроша не стоит. У Никольского — огромная квартира, на столе портреты великих князей с подписями, визитные карточки министров, библиотека в 25000 томов (четыре комнаты). <...> Подарил мне свои издания — есть очень любопытные»¹⁴.

Общность интересов, дополненная идейной близостью, заложила основу последующей дружбы. В своих «Записках» Садовской оставил такой портрет Никольского:

«Борису Влад<имировичу> Никольскому было в то время лет за сорок. Представительный, плотный, лысый, с монгольского склада лицом и длинными седящими усами, он держался ровно. Но под наружной выдержкой кипел горячий характер. Смеялся Никольский громко, говорил много. Холодные глаза его всегда оставались неподвижными, точно незаведенные часы.

Огромная квартира на Офицерской была запружена книгами. В несметной библиотеке имелись редкие библиографические сокровища. Издания Катулла, все, от первого до последнего (Никольский был специалист по Катулле); уники Лондонского библиографического общества, отпечатанные особым шрифтом, с отдельными рисунками для титульных букв; редчайшие фолианты по римскому праву. Из магазинов прибывали ежедневно кипы новейших изданий. Библиотека занимала две огромные комнаты и кабинет; книги теснились в гостиной, в передней и в задних покоях. В 1913 году к Никольскому перешло по завещанию пять тысяч томов библиотеки тестя его С.Н.Шубинского, редактора "Исторического вестника"; для нее пришлось нанять на Подъяческой отдельную квартиру. <...>

Никольский владел рукописями Фета и разрешил мне заняться ими. В библиотеке он поставил для меня отдельный столик, приготовил бумагу, карандаши и выдал все фетовские тетради. Ходил я заниматься недели две. В кабинете рядом сидел хозяин за грудой бумаг.

Это был изумительный собеседник, обладавший способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно. Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их. По точности, с которой он представлял живых, известных мне современников, я мог судить о сходстве в его передаче мертвых Майкова, Полонского, Страхова, Победоносцева и Вл.Соловьева»¹⁵.

¹² ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Д.114. Л.5-5об. В своих «Записках» Садовской пишет, что его познакомил с Никольским Валерий Брюсов.

¹³ Черногубов Николай Николаевич — хранитель Третьяковской галереи в Москве, коллекционер. Много лет собирал материалы по Фету, в свое время обследовал бывшее имение поэта Воробьевку и извлек все находившиеся там его бумаги.

¹⁴ ЦГАЛИ. Ф.464. Оп. 2. Д.277. Л.57.

¹⁵ Встречи с прошлым. Вып.6. М.,1988. С.129.

Февральская революция, отречение императора, образование Временного правительства — все эти события были восприняты и Садовским, и Никольским трагически. В письме к Садовскому от 20 июня 1917, не называя из осторожности имени Никольского, А.А.Кондратьев сообщал: «Того, о ком Вы спрашиваете, я вижу сравнительно редко. Он с первых дней революции от всего отстранился, хотя события подействовали на него подавляющим образом. Я считал своим долгом несколько раз навестить его в эти тяжелые, полные криков и выстрелов дни, когда, словно нарочно, в рядом стоящих домах толпы граждан производили обыски и аресты. Я не буду разыгрывать из себя героя и откровенно скажу, что, ввиду вышеприведенных обстоятельств, визиты мои в такие дни не были очень длительными (с полчаса, не больше). Конечно, он лишился всех своих кафедр и одно время думал получить таковую за границей (иногда вместо кафедры — юрисконсульство). Кажется, это не состоялось...»¹⁶

На восприятие Садовским революции как события апокалипсического повлияли также те внешние обстоятельства его жизни, о которых можно было бы умолчать, если бы они не имели решающего значения для дальнейшей духовной эволюции писателя. Осенью 1916, за два-три месяца до революции, 35-летнего Садовского разбил паралич, и следующие 35 лет он мог передвигаться только с посторонней помощью или на инвалидной коляске. Паралич явился следствием перенесенной за десять с лишним лет до того венерической болезни. Лечить сухотку спинного мозга (*tabes dorsalis*) пытались лучшие врачи того времени (в том числе и известный Плетнев); в отчаянии прибегал Садовской также к услугам многочисленных шарлатанов, но все было тщетно. В письмах Садовского, начиная с 1910 года, постепенно меняется почерк, превратившись к 1917 в дрожачие каракули, выводимые еле удерживаемым в руке карандашом.

Совпадение во времени двух событий — всемирно-исторического и частного, но полностью определившего дальнейшую жизнь писателя; ощущение расплаты за грехи, постигшей как страну, так и его лично, причем расплаты не абстрактной, не умозрительной, но воплощенной в жестокую конкретность Божьей кары, — все это полностью перестроило сознание Садовского.

Политические взгляды Садовского в интересующий нас период являлись почти точным сколком со взглядов боготворимого им Фета. Здесь уместно будет процитировать статью молодого литературоведа Юрия Никольского «История одной дружбы. Фет и Полонский», на появление которой в «Русской мысли» Садовской обращал внимание однофамильца автора в одном из писем:

«Но, наконец, нужно понять, хотя бы теперь, когда Россия стала республикой и к защите самодержавия можно отнестись исторически, теократический взгляд Фета на природу власти. Он видел перед собой не отживающие формы, а правопорядок в его сущности, как она, быть может, рисовалась московским идеологам XVI века. Не веря в новое устройство, что оно обеспечит ему внешнее спокойствие, что за ним есть тоже трансцендентные силы, которые сохранили бы дорогое ему поэтическое безумие, Фет видел в гибели самодержавного правопорядка — гибель правопорядка вообще и защищал свои убеждения с почти гениальным упорством. То, что казалось

¹⁶ ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Д.114. Л.66.

ему только внешним устройством людей, и анархизм — были одинаково ему враждебны»¹⁷.

Отношение обоих корреспондентов к личности последнего российского императора отнюдь не было ни однозначным, ни, тем более, таким сусальным, как у нынешних «монархо-патриотов». С одной стороны, Николай II был легитимным монархом, «помазанником Божиим». С другой — и Никольский, и Садовской видели в императоре человека, который своими необдуманными действиями, а иногда необъяснимой пассивностью в такой степени подорвал престиж своей власти и невольно способствовал как военным поражениям, так и сравнительно легкой победе революционеров, как никто другой из его окружения. По этому поводу В.Ф.Ходасевич писал:

«Никогда не забуду, как встретились мы [с Садовским] однажды в “Летучей Мыши” на репетиции. Кажется, это было осенью 1916 года. Вдребезги большой, едва передвигающий ноги, обутые в валенки (башмаков уже не мог носить), поминутно оступающий, падающий, Садовской увел меня в еле освещенный угол пустой столовой, сел за длинный, дубовый, ничем не покрытый стол — и под звуки какой-то “Катеньки”, доносящейся из зрительного зала, — заговорил. С болью, с отчаянием говорил о войне, со злобной ненавистью — о Николае II. И заплакал, а плачущий Садовской — не легкое и не частое зрелище. Потом утер слезы, поглядел на меня и сказал с улыбкой:

— Это все вы Россию сгубили, проклятые либералы. Ну, да уж Бог с вами»¹⁸.

После отречения и, особенно, после екатеринбургского расстрела, отношение к императору существенно изменилось. Последний российский государь стал восприниматься, как фигура трагическая в своем безволии и раздвоенности. Характерна переключка неопубликованной трагедии Садовского «Агнец»¹⁹ с пушкинским «Борисом Годуновым». Те же мотивы — в подписанном инициалом К. стихотворении «Царь», находящемся среди собранных Садовским рукописей²⁰.

Высказывания Никольского после Октябрьского переворота могут показаться неожиданными. Ни позор «похабного» мира с Германией, ни внушительный мартиролог расстрелянных царских сановников, приводимый Никольским (см. письмо №7 настоящей публикации), ни даже известия о расстреле царской семьи не помешали Никольскому заявить: «Худого лично мне и мой семье большевики ничего не сделали, а хорошего много... Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану; сотрудником их я не был и не буду, но я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не Божией милостью, то Божиим гневом и попущением».

Насколько искренни были подобные признания? Участвовал ли Никольский в контрреволюционном заговоре или стал жертвой «дубового» дела, сфабрикованного петроградскими чекистами? Подобные вопросы не могут не

¹⁷ Русская мысль. 1917. №5/6. С.123 (2-я пагинация).

¹⁸ Последние новости. 1925. 3 мая.

¹⁹ ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.4. Д.20.

²⁰ См. «Приложение» 1.

возникнуть, но ответ на них на сегодняшний день можно дать только предположительный.

Психологически откровенность писем Никольского убедительна; все, что нам известно о его характере, позволяет скорее предположить презрение к тайной заговорщической деятельности и «эзопову языку». Бездна надежды индивидуальной борьбы с большевиками в настоящем была для Никольского очевидна: он видел дальше многих. В стихотворении об убийстве Цезаря (письмо № 6 настоящей публикации), можно усмотреть некоторые автоассоциации; несомненно, Никольский до некоторой степени отождествлял себя с Цезарем. Цезарь Никольского принимает смерть как бы из презрения, считая ниже своего достоинства сопротивляться, ибо актом самозащиты низвел бы себя до уровня заговорщиков.

Тем не менее, уверенно утверждать непричастность Никольского к антибольшевистскому заговору, опираясь только на содержание его писем к Садовскому, равно как и видеть в этих письмах лишь изощренную конспирацию — одинаково некорректно. Прояснить этот и многие другие вопросы можно будет тогда, когда исследователи приступят к изучению архивов КГБ. События последнего года внушают в этом смысле некоторые надежды, хотя — может быть — и преждевременные.

Никольский был казнен без гласного суда и процесса. В своей «Черной книжке» З.Гиппиус привела такой, вероятно, все же легендарный, но показательный для «духа эпохи» эпизод: «На днях сына [Б.В.Никольского] потребовали во «Всеобуч» (всеобщее военное обучение). Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотом объявил (шутники эти комиссары!): «А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили».

Зверей Зоологического Сада, еще не подошедших, кормят свежими трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость близко, — это всем известно. Но родственникам, кажется, не объявляли раньше. Объявление так действовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду. (Имя комиссара я знаю)»²¹.

Так, или почти так закончился жизненный путь Бориса Никольского. Осмысление событий привело его к позиции сочувственного нейтралитета по отношению к советской власти. Быть может, в его сознании вырисовывались контуры возможного «черносотенно-большевистского» симбиоза. Однако этим чаяниям не суждено было осуществиться.

* * *

Письма Б.В.Никольского к Б.А.Садовскому публикуются в современной орфографии, с сохранением некоторых особенностей правописания и синтаксиса оригинала. На ряде писем оттиснут прямоугольный штамп с адресом и телефоном Никольского, а также датой, исполненной нумератором.

²¹ Гиппиус З.Н. Петербургские дневники 1914–19. Нью-Йорк, 1982. С.37.

1

26 сентября 1913

Многоуважаемый Борис Александрович, прилагаю статью Тинякова, смелую и симптоматичную, с двумя моими замечаниями карандашом. Оба места легко переделать. Во всем остальном заявить ничего не имею.

Очень буду рад видеть у себя Тинякова. Захватите его как-нибудь с собою¹. Может быть, вместе с ним подумаете о нашем разговоре касательно единения правых.

Всегда готовый Вам к услугам

Б.Никольский

---

¹ Александр Иванович *Тиняков* (1886 — после 1934) — поэт, литературный критик, крайне односторонняя фигура литературной жизни 1910-20-х годов. О нем писали В.Ф.Ходасевич, Г.В.Иванов, К.И.Чуковский и др. Под инициалом Т. он упомянут в «Повести о разуме» М.М.Зощенко. Своеобразный «человек из подполья», обладавший некоторым талантом, но беспредельно циничный, Тиняков сделал своей главной поэтической темой смакование темных сторон жизни и воспевание наиболее примитивных человеческих инстинктов («В свои лишь мускулы я верую // и знаю: сладостно пожрать! // На все, что за телесной сферой, // Мне совершенно наплевать»). На литературном горизонте Москвы и Петербурга появился около 1904 и быстро обзавелся многочисленными знакомствами среди писателей, поэтов, журналистов. Современники (Ходасевич, Брюсов, Блок, Садовской, В.Юнгер) вначале оказывали Тинякову литературное покровительство, прощая и алкоголизм, доходивший до белой горячки, и помещения в психиатрическую лечебницу, и всевозможные безобразные выходки; кое-кто даже видел в нем «российского Верлена», отечественную модификацию *poete maudit*. Наибольшее участие в судьбе Тинякова принимал Садовской, ссужая его деньгами, рекомендуя в редакциях как талантливую поэту и даже одалживая одежду из своего гардероба. Очень скоро Тиняков пришел к сотрудничеству не просто в правой, а в откровенно черносотенной прессе. Под псевдонимом «А.Куликовский» поместил в сентябре—октябре 1913 три антисемитские статьи (о деле Бейлиса) в газете «Земщина». Об одной из этих статей и упоминается в письме Никольского, который отредактировал ее. 11 ноября 1913 Тиняков писал Садовскому: «Вчера отправил уже 3-ю статью в “Земщину”<...> Очень прошу Вас, дорогой Б.А., сообщить мне точные адреса Розанова и Б.Никольского» (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Д.212. Л.26). Садовской познакомил Тинякова с Никольским и Розановым; после этого Тиняков стал бывать у Никольского, однако частым посещениям мешало его запойное пьянство. В письме от 26 сентября 1914 он признавался Садовскому: «У Бориса Владимировича я не был и, должно быть, пойду к нему не скоро, потому что шюртук, и брюки, и пальто я уже заложил. Поистине, я обречен на собачье существование! Пропьешь какую-нибудь десятку, а после голодай. Но не могу же я выносить

все время ужасного одиночества комнаты: надо же человеку куда-нибудь пойти!» (Там же. Л.37). Трещина в отношениях между Садовским и Тиняковым прошла весной 1915, когда Тиняков напечатал осудительную заметку о книге статей своего бывшего благодетеля «Озимь». Садовской, в свою очередь, рассказал о сотрудничестве Тинякова в «Земщине», но скрыл при этом свою роль. 6 июня 1915 в личном письме Тиняков чуть ли не угрожал Садовскому: «Бог Вас знает, за что Вы желаете истребить меня из литературы! Я Вам зла не делал и не желал, а Вы разным паршивым жуликам рассказали что-то про какую-то “Земщину”, — и они этим уже начали пользоваться в своих низких целях. Те, кому Вы это рассказали, — прирожденная чернь, холопы хозяйского рубля, косные тупицы, всесторонняя обозная сволочь. А мне стыда от этого не будет, ибо я органически выше и шире партийных и газетных перегородок. Сознаю в себе, как святыню, мою арийскую душу и не могу загнать себя ни в какую жидовскую каморочку. <...> И вот Вы — ученик и поклонник Фета, — стали на сторону газетной рвани! Не могу я этого осмыслить, тем более, что этим Вы грозите вырвать у меня последний кусок хлеба. Но Вы забыли, что Вы сами черносотенец и юдофоб, что Вы познакомили меня и с Никольским, и с Розановым, и что у меня есть копия письма Б.Никольского к Вам по поводу одной статьи [речь идет о письме, опубликованном выше. — С.Ш.]. А когда Вы у меня будете хлеб отнимать, я буду бороться, как зверь, как гад и как дьявол — вместе!» (Там же. Л.42-43). Осенью появилась неодобрительная рецензия Тинякова на сборник рассказов Садовского «Адмиралтейская игла», а Садовской поместил в №11 «Журнала журналов» (март 1916) под псевдонимом «Б.Борисов» стихотворный памфлет на Тинякова, где прозрачно намекалось на сотрудничество в «Земщине» и обыгрывался псевдоним Тинякова «Одинокий» (перепечатано: Русская стихотворная сатира 1908-1917-х годов. Л.,1974. С.457). В ответ Тиняков поместил в «Журнале журналов» свою «Исповедь антисемита», где раскрыл всю подоплеку действий Садовского и рассказал об инспирировании им своих черносотенных «исканий». Садовской довольно болезненно переживал то, что его имя стало связываться с «Земщиной»; так, он писал отцу в Нижний: «В “Журнале журналов” прочтешь пасквильную статейку на меня, где говорится, что я участвую в “Земщине”. Не смущайся этой клеветой, ибо она уже обнаружена и ликвидирована» (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Д.277. Л.144).

Более подробно о «тиняковской истории» и о реакции на нее знакомых Садовского — В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона см. в примечаниях и приложениях к публикации писем В.Ф.Ходасевича к Б.А.Садовскому Р.Хьюза и Д.Малмстада (Slavica Hierosolymitana. Vol. V-VI. Jerusalem, 1981. P.467-500).

О дальнейшей судьбе Тинякова вкратце можно сказать, что с той же легкостью, с какой он пришел к сотрудничеству в черносотенных изданиях, он стал писать под псевдонимом «Герасим Чудаков» коммунистические пропагандистские и антирелигиозные брошюры; выпустил книгу «Русская литература и революция», где представил всех русских писателей — от Пушкина до Бальмонта и Брюсова — явными или скрытыми контрреволюционерами; оставил воспоминания о Гумилеве и Блоке. Остаются непроверенными утверждения о якобы сотрудничестве Тинякова в 1920-е с ВЧК-ОГПУ (воспоминания В.Ф.Ходасевича и Г.В.Иванова). Зато достоверно известно, что в середине 1920-х он сотрудничал в ленинградских газетах, а

уже в конце 1920-х опустился до профессионального попрошайничества, прося подавания с плакатом «Писатель» на груди (см. у Зощенко и в «Современниках» Чуковского). В начале 1930-х побывал в заключении, выйдя из которого, умер. Нам неизвестно, в чем он обвинялся, а также ни точная дата, ни обстоятельства смерти Тинякова. См. также: Писатели Орловского края: Биобиблиографический словарь. Орел, 1981. С. 165.

2

10 декабря 1917

Многоуважаемый Борис Александрович, возвратясь из Юрьева, где меня две недели продержало безвыездно переполнение поездов бегущими с фронта солдатами, нашел Вашу «Обитель смерти»¹ и спешу поблагодарить Вас за память и внимание. Своего в ответ ничего послать еще не могу, но прилагаю брошюрку одного моего молодого приятеля, только что выпущенную в продажу и весьма, по-моему, интересную.

Я слышал от Змия², что Вы были очень серьезно больны, и хотел Вам написать, но поездки в Юрьев, лекции в Университете и отъезды самого Змия так и лишили меня возможности своевременно узнать Ваш адрес. Теперь с удовольствием прочел его на Вашей бандероли, хотя название улицы пишу по догадке: манускрипт более напоминает «Шилоновская», чем «Тихоновская».

По поводу стихотворения «Цари и поэты»³ не могу не упрекнуть Вас в нескольких несправедливостях. Прежде всего, Александра I «пел» гораздо характернее Карамзина Жуковский; Карамзин был в оппозиции. Но и Карамзин, и Жуковский бледнеют перед пушкинскими: «Вы помните ль, как наш Агамемнон...» и: «О други, с мест! Вторую наливайте!..» и пр. С другой стороны, разве не Пушкин характеризовал царствование Александра I тем, что лира наших поэтов о нем безмолвствовала? Относительно Николая I и Пушкина ничего не возражаю, кроме разве слова «был»: не только был, но и есть, и будет, и во веки веков; но «воспевание» Александра II Тютчевым — весьма условный факт. Всего же более несправедливо упоминание по поводу Александра III одного Фета. А Майков? А Голенищев-Кутузов? Если Вы скажете, что стихи Фета лучше, то я скажу, что вообще стихов, достойных Александра III, я не знаю. Наконец, Фет воспевал в равной мере и Александра II, и Александра III, и даже не в равной мере: в Александре III он воспел только его коронацию, а в Александре II предложенное им Герцену помилование. Правда, Фет после вычеркнул окончание и дату стихотворения, но что написано пером, того не вырubiшь и топором. Словом, *факты* слишком громко говорят не в тон Вашему стихотворению, чтобы не заглушить той доли поэтической истины, которой оно внушено. Кстати, по

поводу последнего куплета: не помните ли Вы, к кому обращено стихотворение Майкова «Царственный юноша, трижды спасенный...»⁴ и пр.?

О событиях ничего не пишу: противно о них и думать-то. Как-то Вы пережили Ваши нижегородские происшествия? Рад буду, если как-нибудь напишете о себе.

Желаю Вам здоровья и душевного спокойствия. И то, и другое не только дороже, но и ценнее всего, даже хлеба, сахара и сапог.

Неизменно Вам преданный и готовый к услугам

Б.Никольский

---

¹ Речь идет о стихотворном сборнике: Садовской Б. Обитель смерти. М. (на титуле — Нижний Новгород), 1917.

² «Змий» — неустановленное лицо.

³ «Цари и поэты» — стихотворение из сборника «Обитель смерти». Название, очевидно, навеяно стихотворением А.Фета, обращенным к Тютчеву, одобрявшему в стихах подавление Польского восстания М.Н.Муравьевым:

Нетленностью божественной одеты,
Украшившие свет,
В Элизии цари, герои и поэты,
А темной черни нет.

Поскольку «Обитель смерти» представляет сейчас чрезвычайную книжную редкость, нелишним будет воспроизвести здесь стихотворение Садовского, которое разбирается в письме Никольского:

ЦАРИ И ПОЭТЫ

Екатерину пел Державин
И Александра Карамзин,
Стихами Пушкина был славен
Безумца Павла грозный сын.

И в годы, пышные расцветом
Самодержавных олеандр,
Воспеты Тютчевым и Фетом
Второй и Третий Александр.

Лишь пред тобой немела лира
И замирал поэтов строй,
Царь-мученик с лицом вампира,
Несчастный Николай Второй!

На экземпляре с собственноручной карандашной правкой Садовского, одно время думавшего о переиздании своих сочинений, последняя строфа имеет вариант:

Лишь пред тобой немели лиры
И замирал хвалебный строй,
Невольник трона, раб порфиры
Несчастный Николай Второй!

В конце концов, вероятно, под влиянием критики Никольского, Садовской вообще вычеркнул это стихотворение из сборника.

⁴ Стихотворение Аполлона Майкова «На спасение Государя Наследника в Японии» (Майков А.П. Полн. собр. соч. Т.2. СПб., 1901. С.424) было посвящено неудачному покушению на Николая II, когда тот, в бытность свою наследником престола, во время предпринятого им путешествия 23 апреля 1891 подвергся в Японии нападению полицейского Санзо Цуда, ударившего его саблей по голове. Никольский (умышленно или бессознательно) цитирует неточно (у Майкова: «Царственный Юноша, дважды [курсив наш. — С.Ш.] спасенный!», где под первым спасением подразумевается крушение царского поезда, в котором ехал со своей семьей Александр III, у станции Борки 17 октября 1888).

3

29 декабря 1917

Многоуважаемый Борис Александрович,

Ваше письмо пришло ко мне сегодня, — как раз в такой день, когда вечер у меня свободен, писать сыну нечего, так как он приедет с фронта, где командовал за последние дни батальоном Семеновского полка, не завтра, так послезавтра, писать Анне (которую Вы, по-видимому, причисляете к большевикам, так как сочли нужным переименовать ее в Александру Борисовну¹) нечего, так как сегодня объявлено о полном прекращении сообщений с югом, а она эвакуирована в Харьков, где нынче весною должна кончать курс, а другим писать никому не хочется или еще рано. Впрочем, настроение мое с февраля так печально, что едва ли мои письма кому-нибудь могут доставить много удовольствия. Вместо того, чтобы хворать, как Вы, пьянствовать, играть или спекулировать, как другие, я с февраля непрерывно работаю изо всех оставшихся сил. Написал по-латыни книгу о Катулле, докончил и заново переработал перевод всего Катулла размерами подлинника, напечатал 10 листов критического издания Катулла, напечатал 19 листов моих исследований о Пушкине и написал, кроме того, еще листов 30 о нем же, но дальнейшее печатание и Катулла, и Пушкина стало из-за общего положения дел². Переработал учебник римского права Ефимова³ и напечатал 25 листов, набрано еще листов 6 и остальные листов 10–12 готовы к печати. Написал много (для меня) стихотворений. В Юрьеве потерял кафедру по циркуляру жалкого дурака Мануйлова⁴, но переизбран доцентом классической филологии и читаю филологам соответствующие курсы. Езжу туда и читаю лекции при непрерывном росте

аудитории. Жена моя с двумя младшими детьми живет то в Любани, то здесь. Кстати, если ответите мне *вскоре*, то пишите прямо в Юрьев, Эстл <яндия>, Монашеская ул., 5, профессору Б.В.Н., но пишите непременно заказными. Я буду в Юрьеве примерно от 7-го до 15-го января. Засим, когда бываю в Петрограде, у меня по-прежнему собираются друзья. Оживленными наши собрания могу назвать всего более потому, что мы оживаем, встречаясь хоть изредка, после тех чувств и настроений, которые переживаем у себя дома. В остальном — зябнем, живем впроголодь, мало пользуемся светом, и на сердце у нас и холодно, и темно, и безотраднo. Все силы ума уходят на то, чтобы как-нибудь измыслить средства к существованию, а все силы души на то, чтобы не впасть в отчаяние и перетерпеть ужасное время. Решимостью приходится запасаться без ограничений, так как ныне каждое завтра темнее вчерашнего и неизвестность полная для всех и во всем.

Брошюру, которую Вы желали бы получить, пока выслать Вам не могу, но постараюсь сделать это в непродолжительном времени. А кто старое помянет, тому глаз вон. Что же касается переводов, то трудно в таком деле советовать. Если Вы хотите заняться кем-либо из древних, то попробуйте свои силы — конечно, не на Марциале: ни по свойству его таланта, ни по теперешней минуте он Вам, я думаю, совершенно не подходит, а на Георгиках Вергилия: в эпоху гражданских войн и смут поэты неудержимо тянутся к идиллии, а читатели жаждут ее наипаче в эпоху успокоения. Стих Вергилия — едва ли не прекраснейший во всей римской литературе, а Георгики — изумительно мудреная по прозаичнейшему, казалось бы, заданию и столь же изумительно прекрасная по выполнению поэма, невероятно трудная, но чрезвычайно заманчивая именно трудностями своими для переводчика. Суметь остаться в ней все время поэтом, ни одним стихом не завязнуть в жестокой прозе, передать всю негу, всю точность, всю музыкальность, всю утонченность и вместе непринужденность изящного стиха Вергилия — задача высокая и достойная многолетнего труда. А древние поэты, тем более столь ученый и взыскательный поэт, как Вергилий, все равно требуют, чтобы их изучали годами. Новые нам, конечно, доступнее, но Мёрике⁵ я переводить бы не стал. Я вообще сомневаюсь, чтобы можно было переводить целиком одного кого-нибудь из современных поэтов, как можно древних, или, по крайней мере, старых. Да и Мёрике не такая звезда, чтобы избирать ее своею, даже по рецепту Боратынского («Взгляни на небо: много звезд...»)⁶. Но вот если бы Вы вздумали дать русской литературе прелестную идиллию, писанную благоуханнейшей, очаровательною прозою, в которой каждая строка стоит стихотворения, — попробовали бы, отвечая Вашему настроению и несомненному вкусу ближайших мирных годов, дать нам достойный пе-

ревод Paul et Virginie Бернардьен де Сен Пьера⁷, — то Ваш труд не пропал бы даром. Сабашниковы не отказались бы со временем его издать. А Шекспир... Знаете, Шекспир, Гомер, Данте, — это подвиги целой жизни. Их перевод должен явиться непредвиденным для самого переводчика результатом долгой любви и долгого изучения. — Наконец, в последнюю очередь я предложил бы Вам перевести Фарсалию Лукана⁸: он несомненный поэт, а его поэма, посвященная жестокой гражданской войне, имела бы всю прелесть современности для нашей эпохи. Она же и не была ни разу переведена стихами на русский язык.

Вы спрашиваете меня в заключение, можете ли мне писать, не прибегая к эзоповскому языку, и объясняете свой вопрос тем, что боитесь меня подвести. Полноте: перед кем и как можно меня подвести? Разве вот эзоповским языком, всегда подозрительным. Мой принципиальный монархизм и патриотизм всем известны и ни одна душа в мире не предполагает, чтобы я хоть на иоту в них поколебался и хоть иотою в них поступился. Я думаю даже, что теперь и самый исступленный большевик начинает признавать не только правизну, но и правоту моих убеждений. Патриотизм и монархизм одни могут обеспечить России свободу, законность, благоденствие, порядок и действительно демократическое устройство, и только патриоты-монархисты смогут вывести ее из нового лихолетья. Во всяком случае, как бы ни думали другие, все знают, как думаю я, а история развертывает свою панораму — и я молча указываю моим друзьям, врагам и всему потомству на дни, дела и события перед зеркалом моих воззрений. Какие можно дать доказательства разительней и страшнее? Нет, милый Борис Александрович, мое положение таково, что ни мне, ни моим корреспондентам ничто не угрожает. А вообще, от тюрьмы да от сумы не отказывайся. Да я и не отказываюсь: я все-таки ничем не рискую. Если сбывается все самое худшее, чего я боялся и что сулил, то нельзя же меня в чем-либо считать виновным. Иначе нужно сажать в тюрьму астронома, вычислившего время и место появления кометы, когда она явится с точностью планиды небесной по его предугаданию: разве он ее вывел на небосклон? Правда, бывало — сажали, и даже на кострах жгли. Но ведь кого же, в конце концов, не сажали и не жгли! Чем бы ни грозило мне от теперешних людей и событий пристрастное и тревожное воображение друзей, моего спокойствия не возмутят не только никакие опасения, но даже никакие насилия обезумевших, остервенелых и совершенно ослепленных тущинцев⁹ из Смольного:

Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!

Как видите, письмо вышло длиннее, чем сам я думал, не только

Вы. Поправляйтесь, ради Бога, в новом году и пишите иногда неизменно готовому Вам к услугам

Б.Никольскому

¹ Намек на псевдонимы, которыми пользовались большевистские деятели. Кроме А.Б.Никольской и «младших детей», в письмах упоминаются сыновья Никольского — Роман и Владимир, сведениями о которых мы не располагаем.

² Эти работы в свет не вышли. Есть сведения, что в начале 1930-х директор Гослитмузея В.Д.Бонч-Бруевич приобрел у наследников Никольского гранки его пушкиноведческих исследований, но эти материалы в архивах пока не разысканы.

³ *Ефимов* Василий Владимирович — профессор римского права Спб. ун-та. Автор «Лекций по истории римского права» (1892). В 1918 в Сенатской типографии была выпущена 1-я часть «посмертного, переработанного издания» под названием «Догма Римского права. Общая часть. Вещное право», отредактированная Никольским.

⁴ *Мануйлов* Александр Аполлонович (1861-1929) — министр просвещения ВП первых двух составов. Никольский, вероятно, имеет в виду подписанный им циркуляр от 15 апреля 1917 «О порядке замещения профессорских кафедр» (Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 6. С.49-50), согласно которому право определять, кто займет ту или иную кафедру, предоставлялось непосредственно ф-там ун-тов, без испрашивания предварительного разрешения министра, на конкурсной или иной основе. Учитывая недружественное отношение к Никольскому в университетских кругах из-за его правых взглядов (как пишут В.И.Беззубов и С.Г.Исаков, в 1915 докторская диссертация Никольского была отклонена юридическим ф-том Пг ун-та), можно сделать вывод, что Никольский при перевыборах профессоров был забаллотирован в Юрьевском ун-те. Вскоре появилось следующее газетное сообщение: «Уволены, согласно прошениям, профессора Юрьевского университета Н.Н.Вестенрик, Г.А.Адольфи, М.И.Догель и Б.В.Никольский...» (Речь. 1917. 26 апреля).

⁵ *Мёрике* (Mörike) Эдуард Фридрих (1804-1875) — немецкий поэт и прозаик.

⁶ Неточная цитата из стихотворения Е.А.Баратынского «Звезда» (1824). У Баратынского: «Взгляни на звезды: много звезд // В безмолвии ночном...»

⁷ В 1917, когда Никольский предлагал Садовскому взяться за перевод «Поля и Виргинии», роман имел только очень устаревший русский перевод Подшивалова (два издания, 1793 и 1806) и перевод Бекетовой (1892). Ни один из них, по-видимому, не удовлетворял Никольского.

⁸ *Лукан* М. Анней (39-65), племянник философа Сенеки. Входил в круг друзей Нерона, затем оказался в опале; в 64 году принял участие в заговоре Пизона и по приказу Нерона покончил с собой. Из многочисленных поэтических и прозаических произведений Лукана сохранилась только историческая поэма «Фарсалия, или О гражданской войне» («Bellum civile»), повест-

вующая о войне между Цезарем и Помпеем; полный текст поэмы до нас не дошел, известно 10 книг. В 1917 существовал только устаревший и неполный перевод С.Филатова (1819), сделанный, к тому же, с французского перевода. Новый русский перевод «Фарсалии» был издан только в 1951.

9 Тушинцы — от «Тушинского вора», прозвища, данного Лжедмитрию II, чья резиденция и военный лагерь в 1608-1610 находились в подмосковном селе Тушино. Никольский называет большевиков тушинцами, вероятно, под влиянием первых известий о начале 9 (22) декабря мирных переговоров в Брест-Литовске, когда Германия в ультимативной форме потребовала отторжения от России значительной части территории.

4

24 февраля 1918

Многоуважаемый Борис Александрович,

Ваше письмо от 16-го января я застал в Петрограде 27-го и в тот же день уехал обратно в Юрьев, откуда написать Вам из-за множества дел и хлопот не успел. Теперь временно застрял здесь и пользуюсь этим для приведения в порядок моей небольшой, но все же утомительной переписки. Она становится еще дороже по новой таксе, но для меня, увы, все необходимее. Жалею, поэтому, что Ваше письмо так пассивно: Вы только уклончиво отвечаете, а материалов для дальнейшей беседы не даете. Поневоле ограничиваюсь и я немногим. В Юрьеве у книгопродавца Миллистфера выставлен в витрине Ваш Самовар, а на прилавке лежит Полдень¹. К добру это или к худу, не знаю. Со своей стороны, я открыл новый промысел: читаю публичные лекции — и не говорю: с успехом («Что слава? Яркая заплата...» и пр.), но говорю: с прибылью, что гораздо важнее. Без шуток, две лекции в январе дали мне 1000 р. чистого дохода. Долго так идти не может, но ловить момент необходимо. Вообще, я в Юрьеве теперь едва ли не самый популярный профессор: так-то переменчивы времена, так-то переменчивы люди! Теперь только бы меня переизбрали юристы профессором — и я почувствую твердую почву под ногами в материальном отношении. Приват-доцентом-то они, дьяволы, меня уже переизбрали. Но пока немцы быстро подвигаются и я не знаю, когда попаду в Юрьев. Во всяком случае, буде вздумаете ответить, то адресуйте письмо, если мое придет к Вам при явной близости заключения мира, так: Юрьев, Эстл<яндия>, Монашеская ул., 5, книгопродавцу Рааг для передачи профессору Б.В.Никольскому, в собственные руки. В этом адресе необходимо каждое слово. Если же натиск немцев и смута будут еще продолжаться, то пишите в голодающий Петроград, на Офицерскую. Жить в нем — невыносимо. Во время бессонницы сложил недавно стихи; вот они:

Когда на стогнах Петрограда
Мороз и голод, в грозный год,
Людского гибнущего стада
Застигли трепетный разброд,
Когда, в безбрежном море стонов,
Безумств, насильства и вражды,
Без власти, права и законов,
Без очагов и без еды,
Во мраке ночи беспросветной,
Всемирной казни предана,
Терзалась мукой беззаветной
Моя несчастная страна,
Когда бывые злодеянья
Гордыней блещущих веков
В глухую бездну воздаянья
Россию свергли с облаков,
Когда ужасный жребий вышел
И я слова его читал —
О, что я видел, что я слышал,
Что пережил, перестрадал!
Игра, балы, театры, встречи,
В казармах рынки, в школах мгла,
Холопством дышащие речи,
Растрленно-рабские дела,
Измена, ставшая гражданством,
Изменой верность, долгом ложь,
И ложью долг, и мудрость пьянством,
И подлость подвигом... И все ж
Тоска сознания не затмила,
Что есть над нами небосвод
И незакатные светила —
Бог, царь, отчизна и народ!..

На чем остановитесь Вы со своим намерением переводить иноязычных поэтов? Я не люблю переводов стихами, но уж если братья за это дело, то именно так, как я Вам писал: одна жизнь — один поэт, никуда не торопясь, по мере накопления чувств, мыслей, слов и стихов. Так я переводил и перевожу Катулла. Дайте мне еще 47 лет жизни, я все его буду переводить и переправлять, ничуть не заботясь об издании. Представится случай — издам, не представится — не издам. — Вы пишете, что Розанов бедствует². По человечеству мне его жаль, но по литературе — нисколько. Все, за что я его жалею, как человека, он заслужил, как писатель. — Здесь меня прервали известием, что немцы, будто бы, заняли Псков. Не верю. Паническое воображение неосведомленных людей создает события, не считаясь с физической возможностью³. Что касается меня, то, считаясь с физической невозможностью долее писать — завтра я с утра экземе-

ную в Училище Правоведения⁴, — мысленно жму Вашу руку, желаю Вам всего хорошего и жду от Вас известий.

Всегда готовый Вам к услугам

Б.Никольский

¹ Книги Б.Садовского «Самовар» (М., 1914) и «Полдень. Собрание стихов 1905-1914» (Пг., 1915).

² Сохранилось (в копии) письмо В.В.Розанова к Садовскому, написанное в декабре 1917. Предполагая напечатать в 1926 это письмо в журнале «Новая Россия», Садовской писал в предисловии: «Письмо Розанова является страшным, мучительно-безнадежным воплем человека, выброшенного из жизни. Пресловутый цинизм покойного писателя сослужил ему плохую службу. Розанов гордился, что прожил всю жизнь за занавеской; этой занавеской являлся для него огромный номер «Нового Времени», когда же его не стало, философ очутился на улице голодный и холодный. По-моему мнению, <...> письмо должно считаться крупным человеческим документом из числа многих, порожденных революцией». В 1926 редактор «Новой России» И.Г.Лежнев не опубликовал письмо Розанова по цензурным соображениям; впервые в печати оно появилось лишь в начале 1990. Розанов, в частности, обращался к Садовскому с такими словами:

«Неужели ни один человек в России не захочет и не сможет меня спасти? Что делать: научите, спасите, осветите путь жизни. Воображение мое еще полно мыслей, я могу и многое могу: но я — ничего не умею. Однако способен чистить сапоги, ставить самовары, даже носить воду, и вообще способен к «домашним услугам». Не говоря о «чудных вымыслах», к которым храню дар как Фет. Крепостное право я всегда рассматривал, как естественное и не унижительное положение для таких лиц или субъектов, как я: ну, что же, мы не находим себе места в мире, мы не находим модуса, формы труда. Мы не можем изобрести, придумать: как нам жить? И мы можем стать только за спину другого, сказав: «веди, защити, сохрани. Мы будем тебе покорны во всем. Послушны. Работящи (о лени нет и вопроса). Мы будем все делать тебе. А ты дай нам, и с семьей, которая тоже идет в крепость к тебе, — пропитание, хлеб, тепло, защиту».

Мне всегда это казалось правдой и естественным состоянием неумелых, а следовательно и незащитных людей». (Литературная учеба. 1990. Кн.1. С.76-77).

³ Псков был оккупирован и удерживался германскими войсками с 26 февраля по 25 ноября 1918. В день, когда Никольский писал свое письмо, бои под Псковом и Нарвой продолжались.

⁴ Императорское училище правоведения, где Никольский читал курс римского права, — закрытое привилегированное учебное заведение, состоявшее в ведомстве Министерства юстиции. После Февральской и Октябрьской революций некоторое время существовало по инерции, закрылось 1 сентября 1918 (см. письмо № 6 настоящей публикации).

5

21 апреля 1918

Многоуважаемый Борис Александрович,

Все, что творится вокруг нас, столь же неизбежно и естественно, сколь печально. Горькая чаша нами, увы, еще не допита до дна и дна еще не видно, хотя чувствуется его близость. Ясно, как великие события отражаются на существовании отдельных людей: этим объясняется, что я Вам отвечаю столь неспешно, получив Ваше письмо еще 19/III-1/IV с.г.

Пугнуть жиды Ясного¹, чтобы не погасло, вы можете всего лучше следующим образом. Составьте в Нижнем у нотариуса полную судебную доверенность на имя присяжного поверенного Роберта Иосифовича Блюменфельда (помнится, Вы с ним познакомились у меня) на ведение всех Ваших дел с издателем Ясным, с правом передоверия и дальнейшего передоверия, получать деньги, кончать дела миром, подавать апелляционные и кассационные жалобы и т.д., и пошлите эту доверенность Роберту Иосифовичу заказным отправлением со всеми имеющимися у Вас квитанциями, документами, письмами и т.д., рассказав ему обо всем деле. Блюменфельд мною предупрежден, вести Ваше дело согласен и человек безупречно порядочный и деловой. Его адрес — Петроград, Петропавловская улица (улица, улица, а не крепость), 8.

С книгопродавцами сношения по почте ныне невозможны, а потому рекомендую Вам поступить следующим образом. Напишите Константину Аркадьевичу Губастову, Песчаная, 33, Петроград, приложив марками или рублями цену нашего Сборника в память Леонтьева² и заказной его пересылки (должна обойтись примерно рубля два), и попросите сего милого старца-сановника выслать Вам книгу, сославшись на то, что сношения с книгопродавцами ныне невозможны, книги в Нижнем нет, а склад издания, сколько знаю, у Губастова. Что касается книги Замысловского, то теперь ее нигде не достанете ни за какие деньги³.

Спасибо Вам за намерение посвятить мне Вашу пьесу. С удовольствием и нравственным удовлетворением всегда встречаю этот вид публичного выражения лестных для меня и дорогих мне чувств и мнений.

Что касается Ваших снов обо мне — увы...⁴ На реставрацию не надеюсь, а если бы реставрация состоялась, то я не стану во главе не только Публичной Библиотеки, но и чего бы то ни было. Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится. Та монархия, к которой мы летим, должна быть

цезаризмом, т.е. таким же отрицанием монархической идеи, как революция. До настоящей же монархии, неизбежной, благодатной и воскресной, дожить я не надеюсь. До нее далеко, и путь наш тернист, ужасен и мучителен, а наша ночь так темна, что утро мне даже не снится.

Статьи Никольского о Фете и Полонском не читал⁵, так как ничего нового не читаю и стараюсь не читать. Может быть, когда-нибудь буду; сейчас я весь поглощен заботами о хлебе насущном для моей семьи и о ее существовании. Служу временно в инженерной обороне Петрограда чем-то вроде юрисконсульта, хлопочу по службе в тысячах учреждений, собираюсь изобретать побочные заработки, — увы, все это так тяжело и трудно, кормимся мы так плохо и скудно, утомление так непомерно, впечатления так убийственно печальны, что жизнь становится не пыткой, но муками преисподней. Да будет воля Божия.

Остается ответить на Ваш вопрос об испанском подданстве. Не Вы первый хватаетесь за такую мысль и не Вам первому я отвечаю: бросьте, будьте мужчиной, а не истерической женщиной, мечущейся в трудную минуту от одной беспочвенной фантазии к другой. Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов, Штюрмеров и Протопоповых? Ничем. Россиєю правят сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее зияющих ранах. Оказаться испанцем в Нижнем было бы сейчас просто смешно. А позже оказалось бы и еще смешнее. Сидите себе на месте, делайте свое литературное и житейское дело и не покушайтесь на формальное выяснение своего личного отношения к мировым событиям.

Очень бы хотел послать Вам дивную новую поэму Ивана Пересветова⁶, но боюсь, что украдут на почте. Вот, может быть, найдется оказия — тогда другое дело.

Спасибо за присланное Вами стихотворение. Хотел бы Вам ответить чем-нибудь в том же роде, но, увы, нового ничего нет. Вот, разве, мое декабрьское послание Ивану Пересветову на начало его поэмы:

И родина гибнет, и сын на войне,
И дети с женой голодают,
И думы нещадные губельно мне
Печальное сердце терзают...
Ах, если б теперь ему чудом предстал
Сегодняшний, новый Никольский,
Былого трибуна бы в нем не узнал
Развенчанный узник Тобольский!

*

Но если печальную зимнюю темь
В сермяжном ее балахонце

Прорежет нежданно в тоскующий день
Лучами пресветлое солнце,
Заискрится празднично белая даль,
Снега засверкают огнями, —
То чья же осветится сладко печаль
Желанного солнца лучами?

*

Так ты, Пересветов, печали моей
Тюремной балладой ответил —
И будничный день мой от шутки твоей
Наряден и празднично светел.
Челом тебе бью на утешенном дне!
Иван Пересветов, спасибо!
Твое вдохновенье напомнило мне,
Что я человек, а не рыба,

*

Что слово начало всему и конец,
Что духу и тюрьмы истесны,
Что тайны событий, умов и сердец
Единому Богу известны,
Что сердце не умерло, воля жива,
Хоть горя не допита чаша,
И вещи, как прежде, святые слова:
Да здравствует родина наша!

До свидания, Борис Александрович. Всегда бываю рад получить о Вас известия.

Неизменно готовый Вам к услугам

Б.Никольский

¹ *Ясный* Михаил Авраамович, купец 1-й гильдии, директор акционерного общества Ливентофского стеклянного и пробочного производств, приобрел в 1914 книгоиздательство и книжный магазин М.В.Попова. Под маркой «Книгоиздательство быв. М.В.Попова, влад. М.А.Ясный» в 1915 вышли две книги Садовского: сборник рассказов «Адмиралтейская игла» и повести «Лебединые клики». Вероятно, обращение Садовского к Никольскому содержало просьбу помочь разрешить проблемы, возникшие при расчетах с издателем.

² Имеется в виду издание: Памяти Константина Николаевича Леонтьева [ум.] 1891: Литературный сборник. Спб., 1911. Никольскому принадлежала в сборнике статья «К характеристике К.Н.Леонтьева», где он, в частности, говорил о влиянии философа на становление своего мировоззрения: «Пишущий эти строки на себе испытал в молодые годы эту раскрепощающую силу

произведений Леонтьева и немногим писателям так благодарен, как именно этому великому освободителю. Против затхлого, заплесневелого и закоснелого в своем убожестве российского либерального доктринерства и бесшабашного невежественного нигилизма он выступает такой же элементарно-властной и одиноко-властной фигурой, какою на наших глазах П.Н.Дурново обрисовался на фоне сановных трусишек бюрократии наверху, а внизу — камаринских товарищей.

К.А.Губастов (1845-?) — действительный тайный советник, сотрудник Министерства иностранных дел; после отставки — товарищ председателя Русского генеалогического общества и казначей Императорского Русского Исторического общества. Друг К.Н.Леонтьева, участник сборника в его память.

³ Имеется в виду Георгий Георгиевич *Замысловский* (1872-?), один из лидеров «крайней правой» в III и IV Государственных думах, был среди главных инициаторов и вдохновителей «дела Бейлиса»; пропагандист антисемитизма. В письме Садовского речь может идти о книгах Замысловского «Умученные от жидов» (два издания 1911 и 1914) или «Убийство Андриюши Ющинского. Исследование в 3-х частях» (Пг., 1917). Последнее было издано на деньги, полученные от царского Министерства внутренних дел (см.: Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.49. Прим.14).

⁴ Садовской, подобно А.М.Ремизову, записывал свои сны, затем литературно их обрабатывая. Один из снов о Никольском, записанный уже после его расстрела, в 1919, см. в книге: Садовской Б.А. Лебединые клики. М., 1990. С.442.

⁵ Имеется в виду статья Ю.А.Никольского «История одной дружбы. Фет и Полонский» (Русская мысль. 1917. №5/6). Юрий Александрович *Никольский* (1893-1922) — подававший большие надежды молодой литературовед, участник Пушкинского семинария С.А.Венгерова. 30 апреля 1918 просил содействия у Садовского в своих занятиях биографией Фета (Ф.464. Оп.4. Д.9). По свидетельству В.Ф.Ходасевича, Никольский служил одно время в Добровольческой армии (Письма В.Ф.Ходасевича Б.А.Садовскому. App Arbor, 1983. С.40). Г.Струве писал о Ю.Никольском: «Эвакуированный из Крыма в конце гражданской войны, он попал на Балканы, но вскоре вернулся в Россию, чтобы вызвать оттуда кого-то близкого ему, и умер там от сыпного тифа» (Русская мысль (Париж). 1978. 4 мая. Цит. по: Huges R.P., Malmstad J.E. Op. cit. P.490). В своей повести «Встречи с ясновидцами», по-видимому, основанной на свидетельствах очевидцев и документах, писатель Д.А.Жуков сообщает, что Никольский 12 сентября 1921 отплыл на шхуне из Варны в Крым на поиски своей невесты. Будучи арестован, Никольский умер от тифа в ЧК. (См.: Слово. 1990. №6. С.84-86).

⁶ «*Иван Пересветов*» — по-видимому, псевдоним. Установить, кто скрывался за ним, не удалось. Сатирические стихи Пересветова помещались в журнале «Лукоморье», издававшемся А.А.Сувориным. В свое время был популярен стихотворный памфлет Пересветова «Тоска по городовому», широко расхвалившийся в списках в 1917-1918, где были такие строки:

Прекрасен клич восставшего народа,
Волнуют грудь великие дела,

Но без тебя и самая свобода
Запуганному сердцу не мила...

О, появися вновь с багрово-красным ликом,
С медалями, крестами на груди,
И обойди всю Русь с твоим могучим криком:
«Куда ты прешь, подайся, осади!..»

6

24 июня 1918

Многоуважаемый Борис Александрович¹,

27-го мая — 9-го июня получил Ваше письмо с сонетом, которым был очень тронут. Тогда же начал Вам ответ, но бесчисленные события лишили возможности его кончить и отослать. Могу ответить только сейчас. Пока, увы, не чувствую вдохновения, чтоб ответить стихами, а потому примите благосклонно сухую прозу. Впрочем, вот и стихи, недавно сложенные и весьма сочувственно встреченные:

I

Иван-Царевич, русский витязь!
Твой серый волк, я невредим!
Убийцы подлые, кичитесь
Успехом каинским своим!
Но, кто не умер, не воскреснет,
Бессильна попранная смерть,
И соли духа не опреснит
Иудам гибельная твердь.
Бесплодный сук над ней подьмет
Предателя Христова прах,
Братоубийцы не приемлет
Земля в могильных глубинах,
Благоуханное нетленьё
Дано целительным мощам
И воскресеньё, воскресеньё
Предречено сухим костям.
Я — серый волк! Я знаю, знаю,
Тоскуя голодно в ночи,
Где воды льют земному краю
Животворящие ключи:
Живую, мертвую мне воду
Тот черный ворон принесет,
Что, славя карканьем свободу,
Теперь глаза твои клоует!
Я соберу твои останки,

Иван-Царевич бедный мой,
Обрызну их из звонкой склянки
Живой и мертвою водой, —
О том вся мысль моя, все песни,
Пока мой голос не умолк!..
Иван-Царевич мой, воскресни!
Я невредим, твой серый волк!

II

В белой тоге с алою каймою,
Свято чтя в себе патрициат,
Я моей дорогою прямою
Прохожу медлительно в сенат.
Буйный форум — яростное море:
Колобродит, бесится, ревет
И, с землей и небесами в споре,
Сквернословит, пакостит и жжет.
Не в прекрасном мужестве Гармодий
На тирана скрыл в цветы кинжал:
Хищный маг, женоподобный Клодий
Наглостью коварных палинодий
Все подонки Рима взбунтовал.
Но спешить патрицию невместно
Там, где гибель может угрожать:
Умереть всегда легко и честно,
Но достойно должно умирать.
Не ко всякой смерти мчится слава
Со всемирно-звонкою трубой:
Я ль державный пурпур латиклава
Опозорю схваткой площадной?
Пусть кругом смыкается пыгливо
Любопытства робкого стена:
Я туда иду неторопливо,
Где святыня курии видна.
Мне в моем теченьи неуклонном,
Солнца луч, пример твоя стезя:
По законам, надписям, колоннам,
Изваяньям, портикам скользя,
Ты обходишь форум иступленный,
А вонзишься огненным копьем
Между древней Мения колонной
И закатным курии столпом, —
Возгласят глашатаи: «Suprema!» —
И, близка ли, нет ли ночи тень,
Знает город Ромула и Рема,
Что для форума закончен день.
Так и нам, и днесь, и присно, боги,
Жизни путь судите совершать

И лучом прямой своей дороги
Озарять, учить и возвещать.
Что нам колья, копыя и кинжалы,
Что угрозы яростной толпы,
Коль богов прекрасных идеалы
В устремленье мраморном столпы
Диадемой каменной фронтона
Так нетленно кроют на холмах,
Как Атлант громадой небосклона
Мир земной на мощных раменах?
Если ж, город Ромула и Рема,
Мне сената нынче не видать
И судьба мне возвестит: «Suprema!» —
Римлянам ли ново умирать?
На алтарь, зовимый Вечным Градом,
Возлагая тела естество,
Я убийцу встречу ясным взглядом,
Назову по имени его!
Не бляенье твари бессловесной,
В жертвенных гирляндах и цветах,
Огласит тоскливо свод небесный:
Опочиет слово на устах
И, главу молитвенно скрывая
Гордой тоги вольной пеленой,
Я угасну, тело увивая
Пред богами пурпура каймой,
Да в потомстве, славою гремящий,
Буду музами животворим,
Жертва, жрец и жертву приносящий
За великий, вековечный Рим!

Во втором стихотворении, в котором мне, кажется, удалось затронуть небывалые в поэзии темы и впервые использовать для поэзии мою классическую ученость, обратите внимание на толкование мною предсмертных жестов и слов Цезаря. Я давно хотел написать о них ученую статью, а написал, как видите, стихотворение².

Был очень обрадован, что Вы пишете уже собственноручно³. Желаю Вам и полной автономии в самом близком будущем. Буду ждать вестей от Вас из Москвы и из Нижнего. Хотелось бы, чтобы они были вестями отрадными.

Сперва дела. Доверенность нынче годится всякая, лишь бы в ней были упомянуты перечисленные мною полномочия и была приложена каучуковая печать. Ваше дело, если Ясный не покончит с Вами миролюбиво, в новом суде имеет все шансы на скорое и благоприятное для Вас решение. Сам я на днях блестяще выиграл очень неприятное дело, по которому был ответчиком. Буржую Ясному на пролетарском судилище не устоять против товарища-поэта Садов-

ского⁴. И потому посылайте Блюменфельду всякую доверенность, какую Вам признают возможным выдать. Здесь нотариусы функционируют и выдают все доверенности, какие угодно.

Я недавно видался с Сириусами⁵, и они меня спрашивали о Вас и о Ваших делах. Я рассказал все, что знаю. Ледоход Ваш, увы, движется медленно, хотя в настоящую минуту расходятся даже очень тихходные издания и терять надежды не следует; однако они не скрывают, что очень бы мечтали о расчете независимо от Ледохода. Я обещал Вам об этом передать.

От гражданки Папер⁶ получил не совсем вменяемое письмо, на которое, как и на многие другие, не успел еще ответить, — сейчас прочитаете, почему. При первой возможности напишу, хотя корысти ей с моего ответа мало будет.

С апреля месяца моя судьба не изменилась. Живу на чужой квартире, стараюсь пристроить мою библиотеку в бесплатное помещение и развязаться с моими хоромами на Офицерской. Сейчас у меня явились в этом отношении кое-какие светлые надежды, но я боюсь им отдаваться: слишком печальны и неустойчивы наши события. Работаю здесь во 2-м Военном Строительстве писарем. Училище Правоведения закрывают с 1-го сентября⁷. Конечно, можно продлить агонию, но это все-таки лишь агония. Зато наш Университет переживает что-то совершенно непостижимое: провалился где-то в немецкой слякоти и не убо явися, что будет. Денег оттуда, увы, не получаю. Заработал немного от Академии Наук: целый том моих мелких заметок о Пушкине, объемом листов 18 печатных, взят в издание «Пушкин и его современники»⁸. Жду корректуры первых листов. Затем здесь я приглашен написать вступительную статью об Аристофане и редактировать русский перевод стихами четырех его комедий, сделанный [покойным] академиком Никитиным и казанским профессором Шестаковым. На днях должно начаться печатание. Первый том отредактированного мною посмертного издания учебника римского права покойного Ефимова поступил в продажу и понемногу расходуется; второй набирается; осталось уже немного⁹. Пристраиваю в Москве мой перевод всего Катутлла размерами подлинника, сделанный почти сплошь в 1893 году и с тех пор непрерывно мною пополнявшийся, поправлявшийся, перерабатывавшийся и т.д. По-видимому, в принципе дело решено¹⁰. Зато юрьевские мои книги застряли. Пока немцы не пропустят меня туда для ликвидации моих дел, подвинуть эти книги — т.е. отпечатанные 20 листов статей о Пушкине и отпечатанные 13 листов латинского текста и указателя Катутлла — нет никакой возможности.

Это по части литературы. В остальном все сводится к заботам о хлебе насущном, которого, как Вы знаете, везде мало. Моя дочка все еще в Харькове; ни слова от нее не имеем уже очень давно и когда ее

ждать — не знаем. Она кончила курс с первой золотою медалью. Роман поступил писарем в одну военно-спортивную канцелярию: получает 350 р. в месяц, льготный проезд по трамваям и солдатский съестной паек. Это дает нам два пайка на нашу семью, потому что и я такой паек получаю. А Володя только что был арестован по какому-то провокаторскому доносу. Его продержали 9 дней под арестом, Урицкий допросил его и, убедившись в совершенной лживости доноса, выпустил. Однако из-за этой подлой и грязной истории он должен теперь оставить военную службу. Впрочем, его сразу пригласили в провинцию на великолепное место. Близко от Петрограда, на хлебной и вообще съестной (в прямом смысле слова) должности, 550 рублей в месяц и полная возможность доканчивать экзамены по Училищу Правоведения. Служба военная же, т.е. охранная, со своими прежними сослуживцами и солдатами, только не в полку. Но тем и лучше. Выпустили его 24-го мая, взяли 15-го (по Божьему времени, а не по собачьему)¹¹. Я несколько за него не боялся, так как был вполне в нем уверен, но, само собою разумеется, хлопот по этому делу было много: обыск в той квартире, где мы с ним вместе живем, необходимость ежедневно справляться о нем (свидания не разрешались), носить ему еду (кормили более чем плохо и скудно) и пр. — все это отнимало страшно много времени. Отчасти всеми этими приятными событиями объясняется и то, что я сильно запустил мою переписку и другие дела.

Вот Вам мой краткий отчет. Пока живем и изворачиваемся, но что будет дальше — одному Богу известно. Немцы меня не надуют: они бесповоротно проиграли войну и, какие бы внешние успехи ни одерживали, разбиты со времени их апрельского наступления, когда не смогли прорваться в Кале. Рана их смертельна, и война может повернуться даже к осени. Конечно, все сроки — вздор, но я говорю примерно. А если немцы разбиты, то и весь их шарлатанский балаган в России так и останется только балаганом. Реакции настоящей у нас, однако, я жду не ранее, как осенью — зимой, и самое раннее весной — летом 1919 года. До тех пор много придется нам перенести такого, что и нынешнее существование покажется раем. Я не буржуев пужаю мрачными пророчествами, но как взрослый и зрелый человек предусматриваю неизбежное, гляжу опасности в глаза и потому не пугаюсь никакой действительности.

Рад буду, когда Ваше здоровье позволит получить от Вас более подробные известия. Пока желаю скорейшего выздоровления.

Всегда готовый Вам к услугам

Б.Никольский

¹ В штамп на этом письме вписан новый адрес Никольского: Фонтанка, 38, кв.11.

² Некоторые реалии и персонажи, упоминаемые в стихотворении Никольского, требуют комментария:

Патрициат — родовая аристократия в Риме, принадлежать к которой можно было по праву происхождения, путем усыновления или будучи гражданином (последнее — со времен Константина).

Гармодий — сообщник Аристогитона в заговоре против афинских тиранов, братьев Гиппарха и Гиппия, сыновей Писистрата. В 514 до н.э. Гиппарх был убит, а Гармодий изрублен телохранителями тиранов на месте; Аристогитона казнил Гиппий. С 5 в. до н.э. за Аристогитоном и Гармодием закрепилась слава тиранноубийц, их потомки пользовались особым почетом и уважением.

Клодий — просторечная форма имени древнего патрицианского рода Клавдиев. В 59 до н.э. его принял пользовавшийся дурной славой Публий Клодий Пульхр, перешедший в сословие плебеев, чтобы быть избранным в трибуны. Клодию удалось провести, отчасти при содействии Цезаря, законопроект, ограничивающие полномочия сената, а также указ о бесплатной раздаче хлеба городскому плебсу. Был убит в 52 до н.э.

Палинодия — впервые применено к песне Стесихора, в которой он отрекся от нападок на Елену Прекрасную из своей более ранней песни о ней. В более широком смысле — вообще всякое отречение.

Латиклав (точнее, латяклавия) — окаймленная широкой пурпурной полосой тога у сенаторов.

Курия — в Древнем Риме граждане делились на 30 курий; по куриям собирались народные собрания; отсюда курия как обозначение места собраний и жертвоприношений. Позднее так именовалось место заседания римского сената.

Suprema — употребляется в значении «последний час», «смертный час».

³ В периоды обострения болезни Садовского его пальцы не могли удерживать карандаш (пером он после 1916 уже не писал); под его диктовку писали близкие. Письмо, написанное собственноручно, свидетельствовало об улучшении состояния здоровья Садовского. Ср. в письме Ходасевича от 3 апреля 1919, которое является ответом на не дошедшее до нас письмо Садовского, где тот сообщил о своей попытке самоубийства: «О состоянии Вашем давно я привык судить по почерку. На сей раз он очень меня порадовал. Да здравствует эшафот: оказывается, это панацея!» (Письма В.Ф.Ходасевича Б.А.Садовскому. Ann Arbor, 1983. С.39).

⁴ Выражение «товарищ-поэт» может быть откликом Никольского на сообщение Садовского о своей преподавательской практике в советских вузах. Прикованный к постели в своей квартире в Нижнем Новгороде, Садовской в продолжение нескольких лет вел нечто вроде литературного семинара на дому для студентов Нижегородских педагогического и археологического институтов. Это обстоятельство дало ему впоследствии повод, ходатайствуя о пенсии, именовать себя «красным профессором» (на самом деле у Садовского не только не было ученой степени, но и университетского курса в свое время он не окончил).

⁵ Книга Садовского «Ледоход. Статьи и заметки» (издание автора), была

отпечатана в Петрограде в 1916 в типографии «Сириус». «Сириусы» — совладельцы издательства С.Н.Тройницкий, А.А.Трубников и М.Н.Бурнашев. Как вспоминал С.К.Маковский: «При поддержке А.А.Трубникова (только окончившего Училище правоведения), вместе с М.Н.Бурнашевым (тоже правоведом), Тройницкий основал маленькую типографию для печатания необычных по выбору книжек, изданных с “любительским” вкусом, — “Сириус”. <...> Издано было “Сириусом” немало книжек всякого содержания и вида (иногда совсем крошечных), с иллюстрациями и виньетками, порой “в ограниченном количестве экземпляров” (таких, что не могли бы быть пропущены цензурой), и становились они немедленно библиографической редкостью» (Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С.305-306).

6 Папер Мария Яковлевна (ум.1918) — поэтесса, автор сборника «Мечты растоптанной лилии». В кругу Садовского пользовалась репутацией экзальтированной и назойливой графоманки.

7 См. примечание 3 к письму № 4 настоящей публикации.

8 Пушкиноведческие статьи Никольского в издании «Пушкин и его современники» не были напечатаны.

9 Второй том учебника В.В.Ефимова в переработке Никольского в свет не вышел. См. также прим. 3 к письму № 3 настоящей публикации.

10 Это издание тоже не осуществилось.

11 Т.е. по старому (грегорианскому) стилю.

7

28 октября 1918

Многоуважаемый Борис Александрович.

Письмо Ваше от 20 сентября — штемпель отправления 5/X 1918 — мне доставлено, и я на него тотчас отвечаю, — тотчас, т.е. не по приходе письма, а по возвращении моем из деловой поездки в Москву и Воронеж. Я теперь профессор Воронежского Университета¹, но пока живу и ликвидирую дела в Петрограде. Ликвидирую весьма медленно, а надо бы там быть к середине ноября. Но посмотрим.

Письмо Ваше привело меня в недоумение: у Вас удивительная привычка ничем не обнаруживать, доходят ли до Вас мои письма, получили ли Вы хоть одно из них и вообще — ведете ли Вы со мною переписку, или мы оба пишем в пустоту безответную. Я Вам послал в последнем письме — сдано заказным в Москву 25-го июня с.г. — мои стихи: тоже не вижу, прочли Вы их, или нет. А между тем Вы уверяете, будто бы ждете от меня письма, как манны небесной. Я всегда Вам отвечаю, хотя не всегда сразу, но редко знаю, получили Вы мое письмо, или нет. Но что касается новостей, особенно политических, то я таковых не имею: газет не читаю, разговоров не слушаю,

ни с кем почти не вижусь, ибо нынче политические разговоры — сплошное неврастеническое блудословие. А вот Вас, между прочим, сразу могу уличить в неточных сообщениях. Вы хнычете о своей судьбе как «захолустного обывателя» (дал бы Вам покойник Леонтьев за такие выражения!), не имеющего никаких новостей, и ни слова о том, что под Вашею редакциею вышел Опасный Сосед², и не в захолустье, а в первопрестольной, первосовдепной, первосовнаркомной Москве, — да, в Москве! — как восклицал, по свидетельству Феофилакта Косичкина, Николай Иванович Греч³. Стыдно. Стыдно. И у меня этой книжки нет. А я в Москве познакомился с «Библиофилом», т.е. Вашим нижегородцем Сотниковым, совместно с каким-то похабнейшим с виду жидом, лично торгующим в лавочке «Библиофил» по Большой Никитской, 22, угол Хлыновского переулка. Что это за человек? В отношении книг он, как будто, кое-что понимает. Говорил, что имеет библиотеку в 14 000 томов. Возможно, хотя мне сомнительно: не зачеркнуть ли ноль?

Теперь я Вам расскажу о канарейке. Жила-была в клетке канарейка. Сия птица, как полагается канарейкам, пила воду и брызгалась, клевала семя и сорила, и потому под ее клетку подкладывали газеты. По мере углубления революции и покровительства просвещению со стороны советской власти школы, типографии, издательства и газеты стали закрываться, а советские газеты стоить дороже бывших книг. Подкладывать под клетку становилось нечего. Стали изыскивать новые подкладки. Вспомнили о целом ворохе старой бумаги, не то на чердаке, не то в чулане. Вспомнили, достали, развязали, подложили. По счастью, пришел гость и обратил внимание на старинную бумагу. Спросил, откуда. Посмотрел еще ближе — сомнительно: как это так, не разобравши бумаг, да прямо под канарейку! Отдайте лучше мне — Да, а что мы под канарейку подложим? — А я Вам газет сколько угодно дам в обмен. — Отлично. По рукам.

Привез сей счастливый гость — о, если бы это был я! — сколько следовало газетных вязок и увез бумаги. В них, не говоря о массе всего другого-прочего, *двадцать три* (23) безусловно доселе неизвестных тетради (да, тетради!) рукописей Пушкина, в которых более 12 печатных листов безусловно доселе неизвестных текстов. Согласитесь, что можно пожертвовать и ученою степенью, и кафедрой, и даже — даже несколькими фунтами сахара за то, чтобы быть этой канарейкой. А у нее, глупой, нет даже имени! Даже имени хозяина мне не сообщили! Даже подробностей никаких сверх того, что я Вам написал! Но факт достоверен: из первоисточника, т.е. из Пушкинской Комиссии при Академии Наук. И то, говорят, мы Вам слишком много сообщили. Еще бы, говорю. Эта находка поважнее пяти октябрьских революций, даже оказавшихся в ноябре⁴.

Вы спрашиваете, одни ли Хвостов и Щегловитов расстреляны.

Нет, не одни: кроме них Белецкий, Протопопов, Макаров, Восторгов, Маклаков-министр, протоиерей Орнатский, генералы Ванновский и Кайгородов, М.О.Меньшиков, сенатор Судейкин, говорят, генерал Зейн (финляндский генерал-губернатор). Сейчас схвачен и доставлен в Москву скрывавшийся А.Д.Самарин⁵. Что касается императора Николая II, то о его смерти я ничего не знаю, даже недостоверного, кроме официальных сообщений в газетах. Вот Вам мое четверостишие на эту кончину.

Царь отреченный убит — и смерть Иоанна Шестого
Взятый неправдою трон худшей неправдой взяла.
Отче наш, да будет Твоя правосудная воля!
Цареубийцы, убить Бога сумеете во мне!

О судьбе Зимнего Дворца ничего рассказать Вам не могу. Не бывал я там при царях, не пойду и без царей. Правда, был на приеме у Луначарского, но это в счет не идет. Мог бы Вам сообщить мои стихи, но не знаю, доходят ли они до Вас, и потому воздержусь.

26 окт.1918 — 8 нояб. 1918⁶

Мне поразительно не везет с письмами к Вам. Всегда выходит так, что, неожиданно располагая свободным вечером, я начинаю ответы почти сразу по получении Ваших посланий, но затем что-нибудь меня прерывает, задерживает, отвлекает — и я заканчиваю и отсылаю свои аккуратно начатые ответы с невероятным опозданием. Так выходит и нынче — чуть ли не в четвертый раз.

С 15/28 октября ничего в моей личной жизни не изменилось. Тоскливо тянем канитель изо дня в день — ехать в Воронеж не едем, собираться, как следует, не собираемся, — жизнь впотьмах, и физически, и нравственно, и умственно, и политически. В свободные (?) минуты все пишу новые заметки о Пушкине — довел их число до 132, а число печатных листов академических превысило 25. Сейчас думаю, что дней через 10-14 уеду в Воронеж. Приходится здесь устраивать массу дел. Пока обеспечил свою библиотеку — по крайней мере впрямь до переворота, когда бы и с чьей бы он стороны ни произошел. Я Вам должен сказать, что с советским режимом я мирюсь откровенней, искренней и полнее, чем с каким бы то ни было другим, не говоря уже о Распутинско-Штюмеровски-Протопоповском. Худого лично мне и моей семье большевики ничего не сделали, а доброго и хорошего много. Враги у нас общие — эсеры, кадеты и до октябристов включительно. Демократическим элементам их программы сочувствую, не во всем, конечно, а все-таки, даже то, в чем не сочувствую, считаю исторически неизбежным, как временное бедствие: лес рубят — щепки летят. В активной политике они с не скудеющей энергиею занимаются самоубийственным для них раз-

рушением России*. Это разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, аще не умрет. И они торопят, они не только торопят: они действительно ускоряют события. Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудие исторической неизбежности. Разумеется, к ним прилипли, как железные опилки к магниту, все мерзавцы — по крайней мере худшие — старого порядка и все мерзавцы нового; но лучшие в их собственной среде сами это чувствуют, как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; а с другой стороны в этом их Немезида: несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!

Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцирь тяжелый его утопил!⁷

Мы были сильны традициями, культурой, инерцией; все у нас слезалось, сам навоз, хоть и вонял, был контрфорсом для расползающихся стен; а они все поджигают и опрокидывают; но среди смердящих и дымящихся пожарищ будет необходимо строить с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей, — а у них никого, кроме обезумевшей толпы. И вот они делают последнее, что им остается, — истерически расталкивают всю глубину русского моря до самого дна. Они как Садко, играющий расплясавшемуся морскому царю. Европа гибнет — но гибель идет от нас. Мы очнемся, когда она будет в самом разгаре бреда. Наша революция покажется детской невинною забавою перед тем, что должно разразиться на Западе и кончиться только в Америке. Вы знаете, до какой степени я не большевик и даже не социалист; но я, увы, много учился, много думал, и совесть и правда мне дороже всего. Заслуг у вождей нашего большевизма нет, как нет заслуг у бомбы, которая взрывает, как нет заслуги у рычага, который опрокидывает, у тарана, который проламывает: заслуга (или преступление) в той разумной воле, которая ими движет (когда такая воля есть); но они стихийные, неуправляемые и верные исполнители исторической неизбежности. Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану; сотрудником их я не был и не буду; но я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не Божию милостию, то Божиим гневом и попуцением. Они в моих глазах наилучшее доказательство того, что несть власти, аще не от Бога. Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того и не хочет, и не думает. Я жду — и вижу, что глубока чаша испытаний и далеко еще до дна. Доживу ли я до

* Одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая, вопреки своей воле и мысли, новый фундамент для того, что сами разрушают, как продавившее свой недостаточный старый фундамент. (Прим. Б.В.Никольского).

конца — кто знает? Вон вчера мне сказали, будто бы расстрелян Розанов. Я этому не верю, но, разумеется, это возможно. Да, великие требования предъявляет к нам история, и только претерпевый до конца, той спасется. Вот Вам стихи, сочиненные мною в Москве:

Поруган мир преданий кровных
И осквернен.
Молчит колоколов церковных
Певучий звон.
Кресты и главы золотые
Еще блещут,
С икон угодники святые
Еще глядят,
Еще собираются к молитве
Остатки паств,
Но алчный голод уж грозит вам
Последних яств
Лишеньем, в испытаний чаше
Все ждущем дна,
И — да не дрогнет сердце ваше! —
Она полна,
Страданий полон путь безвестный,
Темнее ночь,
И мы должны под ношей крестной
Не изнемочь.
И тьма, и крест, и скорби в чаше,
И льды пустынь...
Да не смутится ж сердце наше!
Аминь. Аминь.

Все это я дописываю на досуге по случаю празднования годовщины совдепской революции: два дня без трамваев — что же делать, если не писать? Мое письмо да будет Вам поэтому октябрьским юбилейным подарком!

Дома у меня печально. О Володе ни слуху, ни духу. Получил весть, что он где-то в деревне в Полтавской губернии, но где, не знаю. Так как он туда поехал легально, с разрешения советских властей, то меня изумляет, что он ничего не пишет или что его письма не доходят. По моему мнению, он должен вернуться, и чем скорее, тем лучше. Пускай запишется в наш Воронежский Университет и сдает экзамены до конца. Но куда и как ему это сообщить? Недоумеваю. Прочие наши здесь. Роман служит в Стрельбище, много зарабатывает. Ашенька-таки приехала из Харькова, принята в Воронежский Университет, а пока служит, тоже в Стрельбище, только в другом. Я дослуживаю в моем Строительстве. Но бедная жена моя не выдержала и впала в полную неврастению. Положение не безнадежное, слабоумия полного нет, но тяжкая анемия мозга на почве недоеда и полный надрыв нервов, ослабление задерживающих центров и ме-

ланхолия с припадками бессмысленных угрызений совести. Мучительно видеть упадок человека близкого, бесконечно дорогого и которого прекрасную душу вполне узнал за 23 года супружества. Ее-то болезненное состояние для меня и служит главной помехой к выезду в Воронеж. Как это все еще обернется — и ума не приложу. Теперь я в самом разгаре всевозможных хлопот по этому поводу. На наступающей неделе хотел бы все покончить: удается ли?

Буду рад вестям о Вас. Пишите пока в Петроград, Знаменская ул., 12, кв.21: мы живем в квартире моей тещи, впавшей в старческое слабоумие и сданной в особое убежище. И о ней-то я должен заботиться... Ох, тяжела жизнь!

Всегда готовый Вам к услугам

Б.Никольский⁸.

¹ В связи с наступлением германских войск, оккупировавших Юрьев в конце февраля 1918, ун-т был частично эвакуирован в Воронеж, где на его базе силами профессорско-преподавательского состава был основан новый Воронежский ун-т, первоначально в составе трех ф-тов: медицинского, физико-математического и юридического. По Юрьевскому договору 1920 все имущество Юрьевского ун-та было возвращено Эстонии, но Воронежский ун-т не был ликвидирован и действует до сих пор.

² Имеется в виду издание: Пушкин В.Л. Опасный сосед/ Вступительная статья и примечания Бориса Садовского/ Приложение: Путешествие NN в Париж и Лондон, соч. И.И.Дмитриева. М.,1918. (Книга была издана, как обозначено на обороте титульного листа «иждивением книжного магазина "Библиофил"»).

³ Цитируется статья А.С.Пушкина (Феофилакта Косичкина) «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831).

⁴ Речь идет о рукописи Пушкина «История Петра I», которая была найдена в Лопасне, под Москвой, в усадьбе, куда переехал летом 1917 внук поэта Григорий Александрович. Была полностью опубликована только в 1938, в 10-м томе Большого академического издания сочинений Пушкина. См. об этом: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М.,1985.

⁵ *Хвостов* Алексей Николаевич (1857-1918) — в 1915-1916 — министр внутренних дел, шеф корпуса жандармов. После Февральской революции арестован, позднее расстрелян.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861-1918) — в 1917 председатель Государственного совета. После Февральской революции арестован, позднее расстрелян.

Белецкий Сергей Петрович (1873-1918) — бывший директор департамента полиции. После Февральской революции арестован, позднее расстрелян.

Протопопов Александр Дмитриевич (1866-1918) — последний министр внутренних дел царской России. После Февральской революции арестован, позднее расстрелян.

Макаров Александр Александрович (1857-1919?) — в 1916-17 — министр

юстиции. В советских энциклопедиях указывается год смерти — 1919-й, однако факт расстрела в литературе не оспаривается.

Восторгов Иоанн Иоаннович (1867-1918) — протоиерей, один из организаторов «Союза русского народа». Арестован Московской ЧК после Октября, затем расстрелян.

Маклаков Николай Алексеевич (1871-1918) — министр внутренних дел в 1913-1915, затем — член Государственного совета. Расстрелян.

Орнатский Философ Николаевич (1860-1918) — настоятель Казанского собора в Петрограде. Расстрелян.

Ванновский — возможно, С.П.Ванновский, сын известного военного министра и министра просвещения П.С.Ванновского (в 1905 был в чине полковника).

Кайгородов — неустановленное лицо. Генерал Михаил Никифорович Кайгородов (1853-1920) — согласно известным справочникам, не подвергался репрессиям.

Меньшиков Михаил Осипович (1859-1918) — публицист, сотрудник «Нового времени». Расстрелян в Валдае.

Судейкин Власий Тимофеевич (1851-1918) — сенатор, служил во 2-м департаменте Правительствующего Сената. Расстрелян.

Зейн Франц-Альберт Александрович (1862-1918) — генерал-лейтенант и финляндский генерал-губернатор с 1909; отстранен от должности 16 марта 1917. Сведений, подтверждающих факт его расстрела, мы не обнаружили.

Самарин Александр Дмитриевич (1869-1932) — член Государственного совета, бывший обер-прокурор Синода. Был в числе обвиняемых на процессе Московского совета объединенных приходов 11-16 января 1920 (см.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. Т.1. М., 1989. С.316-319).

⁶ Число проставлено Никольским тем же нумератором, что и на штампах.

⁷ Из стихотворения И.Пересветова «Панцирь паладина». Машинописный список, по-видимому, полученный с оказией от Никольского, сохранился в фонде Садовского (см. «Приложение» 2).

⁸ Окончание письма написано на обороте типографского обращения Никольского по-французски к иностранным букинистическим и антикварным фирмам, датированного августом 1909, где он просит о высылке каталогов книг интересующей его тематики.

Приложение 1

ЦАРЬ

И многолетье возглашали,
И клир отвечивал еще, —
Но были видимостью дали
И дней уже исчислен счет.

Как в дни былых десятилетий
Для многих были дни легки —
И пел в плетнях сентябрьский ветер,
Как встарь, дремали городки.

Украинские те же дали,
Над Петербургом та ж заря,
И отщепенцы не устали
Кричать про русского царя —

Когда пришедший из Сибири
Принес предвестие конца
И тишину сибирской шири
К решетке Зимнего дворца.

Вот прусские мелькнули каски,
Вот Польшу застывает дым —
Он тишину семейной ласки
Любил, в предчувствии беды.

А лик войны пред ним неистов,
И вот над ним вороний грай:
Недаром он из монтекристо
Стрелял вослед круживших стай.

Его беззвездная томила
И ослепляла вышина,
И только ночью приходила
И целовала тишина!

А дни последние, как камень,
Обрушившийся на алтарь.
Он, убиенный, перед нами,
Он и воскресший государь.

К.

Ф.464. Оп.3. Д.11.

Приложение 2

ПАНЦИРЬ ПАЛАДИНА

Не мне, монархисту, в лихую годину
Роптать на событий естественный ток.
Пусть сволочь дерется, деля воровщину,
Пусть в страхе буржуй заперся на замок, —
Я, чуждый корысти, не склонный к испугу,
Охотно на время предамся досугу,
И новых людей я разглядывать рад
Сквозь вещие строфы старинных баллад.

В грязи междуцарствия, в смраде обмана
Мне весело слышать от новых господ,

Что гвардия Либера, Гоца и Дана,
Престол сокрушая, спасала народ.
Охота сплетать вам такие тирады...
Сказали бы лучше из старой баллады:
«Изменой слуга паладина убил, —
Убийце завиден сан рыцаря был...»

С улыбкой гляжу на воришек проворных,
Спешащих упиться добычей своей,
На хамов, сидящих в каретах придворных,
На «бабушек», гадящих в спальне ЦАРЕЙ...
Справляй же, каналья, свои маскарады,
А я же напомним из старой баллады
Как «шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел...»

Но сколько бы РУСЬ вы ни драли на части,
Удел ваш — издохнуть, добычу деля;
Безжалостна месть ниспровергнутой власти,
Спокойно карает родная земля.
И каждый из вас, домогаясь пощады,
Услышит последние строки баллады:
«Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцирь тяжелый его утопил».

В нас сила проснулась, в нас вера окрепла,
Мы знаем: очищенный знойным огнем
Престол наш восстанет, как феникс из пепла,
Сквозь горе и муки мы к свету придем.
А ныне, престола еще не достойный,
Народ пусть поплачет в республике гнойной,
Где воры, в забвении старых баллад,
Свирепо дерутся за найденный клад.

И.Пересветов

Там же

ИЗ ХВАЛЬИНСКА В ПЕТРОГРАД Письма К.А.Поссе к Н.С.Таганцеву и В.А.Стеклову (1917-1918)

Публикация А.А.Сергеева

Предисловие Б.Н.Равдина и А.А.Сергеева

Интеллигенция и революция — проблема, которая обсуждается ныне с не меньшей остротой, чем в начале века. Она вернулась сегодня почти в том виде (без учета исторической перспективы), как была сформулирована и решена по истечении очередного и очевидного революционного цикла в истории России. Увлеченная политической актуальностью (а не увлечся было — нельзя), критика отвела интеллигенции в истории России последнего времени место бессознательного провокатора и разрушителя, предложила ей исхлать и знать свое место. Проблема распадается на множество частных вопросов. Можно ли и время ли попытаться сегодня ответить на некоторые из них? Например, действительно ли именно политические иллюзии являются *основным «кладом» интеллигенции* в историю и культуру России? Какова судьба интеллигентов-общественников в ту пору, когда наступил кризис в их мирозерцании? Какова их итоговая самооценка и в каком виде она представлена?

Автор публикуемых ниже писем, как нам кажется, — не только характерный российский общественник, но и один из собирателей и пропагандистов тех нравственных установок, которыми определился тип отечественного интеллигента.

Константин Александрович Поссе (1847-1928) — по специальности математик, профессор Петербургского университета, на его лекциях и учебных пособиях воспитывалось не одно поколение математиков, и не только их. Наряду с научной и педагогической деятельностью огромную роль в его жизни играла деятельность общественная. Возможно даже — не в упрек профессору — что в связи с этой стороной его биографии он дал науке лишь часть того, на что был способен. К.А.Поссе — член Комитета Литературного фонда, один из основателей Академического союза, член-учредитель многочисленных культурно-просветительских начинаний, участник разного рода благотворительных акций (ежемесячно даже музицирует — фортепиано — в концертах Петербургского общества камерной музыки). Он постоянно за кого-то хлопочет, пытается смягчить конфликты радикальной молодежи с властями. Полагая, что основа и опора прогресса — в просвещении, культуре и уровне нравственности, он не просто служит, он «работает на ниве(ах)». В эпоху определенного (не самого пикового) общественного подъема — имя его на слуху и деятельность на виду. Можно догадываться, что цену себе он знал, но как бы не придавал ей значения. Можно также представить, какие разрушения в его мир внесла революция 1905, что пережил он, прочтя в 1909 сборник «Вехи», обращенный как бы непосредственно к нему и в то же время

направленный его недавними союзниками против него, призывавший его саморазоружиться и демонстрировавший примеры такого саморазоружения. А затем все чаще и чаще история призывала его к отказу от разного рода иллюзий, события превращали его из убежденного интеллигента в интеллигента растерянного. Уровень его авторитета во всех слоях общества падал все ниже, он уже не вписывался ни в какие общественные структуры и замыкался на быте, семье, отношениях с коллегами и давними друзьями, чувствительно реагируя на внимание и невнимание к нему с их стороны.

От многих идеалов приходилось отказываться, но инерция мышления, стилистика поведения, письменных экзерсисов продолжала все еще сохраняться, пусть и в редуцированном виде. Об этом могут свидетельствовать письма К.А.Поссе из провинциального Хвалынска Саратовской губернии конца 1917 — начала 1918. Он уехал туда накануне Октября и какое-то время почти не отличал октябрьские дни от февральских. Почему Хвалынец? Вероятно потому, что продолжалась и активизировалась ситуация, когда не важно — куда бежать, важно — откуда; бежать можно было и по кругу, с некоторыми остановками. Вряд ли основополагающей причиной его отъезда из Петербурга была надежда провести остаток жизни в относительно покое, вдали от бурной политической жизни столицы, надвигающейся на город разрухи. Для Поссе (в отличие от нормального обывателя) причина для бегства скорее была другая: он пытался уйти от эпох, отраженных в нем и отчасти созданных им.

И все же события докатывались до провинции, хотя и с опозданием. Кроме того, К.А.Поссе связан со столицей прежней деятельностью, оставленной в ней семьей, испытывает потребность в дружеском участии со стороны коллег, надеется, что и они нуждаются в аналогичном участии с его стороны. К друзьям, коллегам и обращения публикуемые письма: Николаю Степановичу Таганцеву (1843-1923), известному юристу, профессору Петербургского университета, недавнему сенатору и члену Государственного совета, и Владимиру Андреевичу Стеклову (1864-1926), математику, академику, впоследствии одному из организаторов советской науки.

У столичного интеллигента, по той или иной причине оказавшегося в провинции, существовала очевидная обязанность: дать в письме в столицу очерк провинциальной жизни, пространной или через ряд остроумных деталей, и не забыть при этом для равновесия и себя представить в несколько иронично-комическом виде. Автор помнит об этой обязанности, перешедшей к нему по наследству от Гоголя, Салтыкова-Щедрина или публицистов-народников, но действительность настолько пугающая, что его едва хватает даже на простейшее «sic!». Он способен только воспроизвести (да и то не в лицах) несколько сюжетов, но стремления к их анализу (общественному анализу) у автора, судя по письмам, нет. Недавний столичный университетский профессор и общественник, а ныне преподаватель в провинциальном военном училище и обыватель, настолько потрясен всем происходящим, что не в силах применить к оценке реальности свой отточенный за долгие годы аналитический аппарат. Действительность не могла быть описана в знакомых ему категориях разумного. К тому же его возможности хоть как-то влиять на события сводились лишь к внутреннему отторжению происходящего, а он привык к реальному участию в жизни общества, к прямому воздействию на мир. Надежды, энергия, силы утрачены, войти в профессиональную полити-

ческую деятельность он не собирался и не мог, заняться чистой математикой уже не было сил и возможности. Вот и рассыпаны в письмах взамен аналитических рассуждений — свидетельства всеобщей гибели и поиски дополнительных доказательств наступившего Апокалипсиса.

И все же способность к духовной регенерации сохраняется. Дружба и семья суть ценности, еще живые для Поссе, но их источник — только недавно доминировавшая в сознании идея общественного единства — уже утрачен.

Есть и другие периферийные приметы сохранившейся ментальности: пунктуация письма — характер использования восклицательных и вопросительных знаков, кавычек, многоточий — то, что прежде было эзоповым знаком иронии, теперь — символы отчаяния, но традиция и стоящая за ней модель мира, таким образом, всё еще живы, что бы ни заявлял во всеуслышание или самому себе автор.

Не всегда понятно, какие сюжеты, формы, оценки обусловлены возрастом автора (напомним, что ему 70 лет), а какие — личностью, типом. Что такое, например, облык: последний знак отличия, смертельная опасность или мелочь, едва заслуживающая внимания на фоне событий и возраста корреспондента.

Или постоянная для писем тема смерти — откуда она? Воспринимается ли смерть как естественное и таинственное явление или это, в соответствии с устоявшейся в кругу автора традицией, по-прежнему и по преимуществу факт общественный.

Переписку революционных лет, созданную бывшими общественниками, можно воспринимать как материал к их гражданской панихиде. И все же нравственные принципы, перешедшие не без помощи деятелей типа К.А.Поссе из вербального мира разных сословий в мир реальный, сформировавшие само понятие российской интеллигенции, остаются жизнеспособными и сегодня. На этом можно бы и закончить, поставить точку. К.А.Поссе, проведший последние годы жизни в интернате Дома ученых на ул. Халтурина, 7, — поставил бы, по меньшей мере, многоточие...

Письма К.А.Поссе к Н.С.Таганцеву хранятся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (Ф.760. Д.397. Л.50-71 об.); письма к В.А.Стеклову находятся в Ленинградском отделении Архива Академии наук (Ф.162. Оп.2. Д.355. Л.25-37 об.). При подготовке к публикации письма подвергнуты незначительным сокращениям и приведены в соответствие с современными требованиями орфографии и пунктуации. Смысловые добавления публикатора заключены в квадратные скобки, угловыми отмечены купюры в тексте писем и дописанные публикатором слова.

1

Н.С.Таганцеву

25 октября 1917, Хвалынк

Дорогой Николай Степанович,
пока я в силах только сообщить, что твой старый друг добрался до
места ссылки на 12-й (!) день по выезде из Петрограда, жив,
здоров и никогда тебя не забудет. Крепко тебя обнимаю. Мой адрес:
г. Хвалынк, Саратовской губ., Телеграфная улица, д. Солдаткина.
Твой К.Поссе.

2

Н.С.Таганцеву

19 ноября [1917]. Хвалынк, Телеграфная, д.Солдаткина

Дорогой друг, Николай Степанович, вчера получил твое письмо
от 12 ноября. Спасибо.

Я знаю все, что происходит в России, хотя газет петроградских
давно не читаю, а московские приходят нерегулярно. Только и могу
сказать: «Quousque tandem!»¹ Неужели так-таки и погибнем и не
найдется Спасителя? Кажется, дальше нельзя было идти, еще до
Октябрьских дней, а ушли, да еще как далеко! Видно прогневался на
нас Господь и карает за наше «непротивление злу». Мое душевное
состояние таково, что я даже не с силах его выразить словами. Жить
сравнительно спокойно и знать, что гибнут все родные и близкие,
невыносимо, особенно ввиду полной невозможности им помочь.
Дело свое здесь я веду через силу, голова плохо работает, устаю
невъразимо, но вынужден его тянуть, пока не содохну.

Крепко обнимаю тебя (пока еще мы оба живы) и остаюсь любя-
щий тебя

К.Поссе.

3

Н.С.Таганцеву

24 ноября [1917]. Хвалынк, Телеграфная, д.Солдаткина

Дорогой друг,
душевно соболезную тебе и Евгении Александровне в Вашей горест-
ной утрате доброго друга и брата². Видно, не выдержало большое

сердце всех тех мук, которые испытывает теперь всякий, кто еще что-либо чувствует. Сегодня прочитал в газетах (московских, петроградские до меня не доходят) об убийстве Духонина и сдаче ставки. Когда получишь это письмо (если вообще получишь), может быть Учредительное Собрание будет разогнано, может быть уже война с союзниками, может быть... Господи, спаси и помилуй! Неужели же, действительно, в бездонную пропасть мы стремимся, как я предчувствовал уже давно и все надеялся, что предчувствие меня обманет!

Прости за отчаянное письмо и не поминай лихом любящего тебя
К.Поссе.

4

Н.С.Таганцеву

6 декабря [1917]. Хвалынский Саратовской губ.,
Телеграфная, д.Солдаткина

Дорогой друг, Николай Степанович, вчера получил твоё письмо, где ты пишешь о том, что скончался любимый тобою друг, родственник Александр Александрович. Я тоже его любил за прямую и честную душу и больно почувствовал его утрату. В предыдущем письме я несколькими словами выразил тебе и Евгении Александровне мое соболезнование, не знаю, дошло ли это письмо до тебя и другое до Анны Юльевны³. Конечно, жизнь всех нас — сплошная душевная мука, но и смертный час, когда он придет, будет отравлен сознанием, что мы оставляем наших близких на испытание тех же, а может быть еще больших страданий. Поэтому, если у кого-нибудь еще теплится надежда на прекращение того кошмара, который нас давит, то пусть этот смертный час не приходит к нам. У меня этой надежды нет, по крайней мере в близком будущем, а все-таки я не могу примириться с мыслью, что умру, оставив дорогие мне существа на гибель и мученья. А потому и тебе я от всей души желаю пережить этот кошмар и дождаться лучших дней.

Прости за мрачное содержание этого письма, за нескладные мысли, в нем выраженные, и прими заочное крепкое лобзание от вечно любящего тебя

К.Поссе.

P.S. Прошу тебя передать мой сердечный привет Евгении Александровне и Анне Юльевне.

5

В.А.Стеклову

11 декабря [1917]. Хвалынский Саратовской губ.,
Телеграфная ул., д.Солдаткина

Многоуважаемый Владимир Андреевич, сегодня получил письмо от А.А.Маркова⁴, из которого могу заключить, что Вы с О.Н.⁵ еще живы, жалованья не получаете. Я совершенно в том же положении: жив, но жалованья не получаю — денег училищу из Петрограда сперва совсем не высылали, а недавно выслали, но очень мало. А лекций я читаю 12 в неделю, 4 — по аналитической геометрии и два раза по 4 — дифференциальное и интегральное исчисление (повторяю одно и то же в двух отделениях). Мои коллеги преподают в остальных девяти отделениях (юнкеров 340, а помещения класса более 30 человек не вмещают). Работа каторжная и бесполезная, ибо в шесть месяцев весь двухгодичный курс не вместить, как ни сокращай программу. Впрочем, по общему состоянию нашей несчастной родины, как-то даже странно говорить о каких-то программах, лекциях, жалованьи и т.д.

Я получаю от жены и дочери письма, в которых они стараются успокаивать меня относительно своих условий жизни; выехать из Петрограда они не решаются, и, думаю, правильно. Здесь я бы их устроил, может быть, спокойнее, но им ехать теперь, конечно, невозможно. Писал И.И.Иванову, С.Е.Савичу, Г.М.Фихтенгольцу⁶ и другим. Ни от кого ответа не получил. Если найдется минутка свободная, напишите о себе и о всех, о ком что-нибудь знаете. Живы ли, здоровы ли они? Об общих делах лучше не пишите: тяжело писать, тяжело и читать!

Будьте здоровы, передайте поклон Ольге Николаевне и не забывайте старого

К.Поссе.

6

Н.С.Таганцеву

13 декабря 1917. Хвалынский Саратовской губ.,
Телеграфная ул., д.Солдаткина

Дорогой друг, Николай Степанович, узнав, что Академия наук избрала тебя и графа Игнатьева в свои почетные члены, я еще более ценю оказанную мне Академией честь⁷.

Поздравляю тебя с этим новым признанием твоих заслуг. Э.Р.Ульман⁸ пишет, что ты недоволен моим мрачным настроением. Прости за принесенные неудовольствия, но скажи, положи руку на сердце, есть ли какое-либо основание к перемене этого настроения? Конечно, если бы можно было ни о чем не думать, а только смотреть на белоснежную поверхность Соборной площади, на которую выходят два окна моей комнаты, освещаемые ярким солнечным светом даже в декабрьские дни, тогда... но увы, не привык ни о чем не думать и предаваться чистому созерцанию, и лишь на короткие минуты освобождаюсь от гнетущей меня тоски.

Если бы была возможность мне вернуться домой (надежда на то, что мне удастся своих сюда перевезти, — исчезла), я тотчас бы уехал, но теперь этой возможности нет и будет ли она в скором времени, сомневаюсь.

Не упрекай меня в мыслях твоих, прими наилучшие пожелания на праздники и будь здоров. Крепко любящий тебя

К.Поссе.

7

Н.С.Таганцеву

28 декабря [1917]. Хвалынский Саратовской губ.,
Телеграфная ул., д.Солдаткина

Дорогой друг, Николай Степанович, получил сегодня (на 15-й день после отправки!) твое письмо от 14 декабря. Две недели как я не имею вестей от своих, и это не утоляет моей печали о всех моих близких, которых я добровольно покинул. Думал я, что здесь найду более спокойное место не только для себя, но и для них, но в этом я жестоко ошибся. Нет теперь места в России, где можно спокойно жить, и лучше было бы мне остаться на месте: пропадать, так лучше уж вместе, а не врозь. А вернуться теперь в Петроград совершенно немыслимо: пассажирское движение от Сызрани и от Вольска — ближайшей железнодорожной станции — совершенно прекратилось. Ходят только нетопленые товарные вагоны, набитые солдатами. Если не убьют, то замерзнешь! А мирное (?) житье и в Хвалынске уже близится к концу. Из Сызрани, которая в руках большевиков, угрожают *покорить* Хвалынский, требуют, чтобы юнкеры сдали оружие местному Совету с <олдатских>, р<абочих> и кр<стьянских> депутатов, и в случае неисполнения намереваются направить на Хвалынский два эскадрона конницы и пулеметы. А у нас вся сила — 110 винтовок у юнкеров и по 15 патронов на каждую. Кроме того, намечено уже несколько богатых купцов, которых гро-

зятся ограбить и даже «стереть с лица земли». В уезде уже разгромлено несколько хуторов, в том числе и нашего хозяина. Был уже погром лавки одного из торговцев. Атмосфера уже насыщена запахом крови. Без кровопролития вряд ли обойдется. Можешь себе представить, как идут занятия науками в училище! Газет из Петрограда давно нет. Московское «Утро России» иногда доходит, но сведения, доставляемые им, скудны и крайне мрачны. Я писал многим знакомым в Петроград, но только от тебя и два раза от В.Я.Евдокимова получил ответ. Жена и дочь до сих пор писали часто и аккуратно, но последние две недели, как я уже сказал, и от них ничего нет. Да, еще имел письмо от Э.Р.Ульмана, в котором он сообщает, что едет в Ялту, где дом, в котором живет его семья, подвергся обстрелу с крейсера, выпустившего несколько снарядов по городу. Семья Ульмана не пострадала, т.е. осталась жить.

Прощай, дорогой друг. Сердечно любящий тебя

К.Поссе.

8

Н.С.Таганцеву

4 января 1918. Хвалынский Саратовской губ.,
Телеграфная, д.Солдаткина

Дорогой друг, Николай Степанович, то, что я опасался, то и случилось. Большевики разоружили юнкеров и офицеров В < оенно > - т < ехнического > училища, арестовали некоторых из них, училище закрыли, кто мог уехал из Хвалынска, а я и некоторые другие — семейные или хилые — остались ждать весны, ибо ехать на *крыше вагона, привязанным к трубе, или стоя*, в течение 2-х суток (все факты), мы не можем решиться. Всякая возможность выбраться отсюда без риска погибнуть в дороге — исключается. Тяжко мне было здесь даже при деле, которое хотя ненадолго отвлекло меня от мрачных мыслей, а теперь будет еще тяжелее.

С 6 часов вечера до 6 часов утра новая власть запретила выходить из домов, а чтобы слушались, стреляют по вечерам куда попало и в кого попало. Почти все волжские города во власти большевиков. Вольск представляет исключение, но до него 80 верст на лошадях, а от него, хотя и есть железная дорога, но поезда не ходят. Из Сызрани ходят неотопливаемые товарные вагоны, набитые солдатами, «буржуев» в вагоны не пускающими. (Езда на крыше прибывшего на днях невольного путешественника этим и объясняется). Сегодня здесь

получено несколько номеров московского «Утра России». Прочел призыв Крыленко к «священной» войне с немецкой (?) буржуазией и «калединцами»!⁹ Вот когда уместно вспомнить «Матушка, пожалей твоего бедного сына!»¹⁰

Война всемирная и гражданская, и голод — вместо мира и хлеба — кажется довольно для того, чтобы прозрели несчастные обитатели бывшей России, а между тем — нет и доказывай, Фердинанд Поприщин¹¹ благополучно продолжается. Пришибли нас до потери сознания. Пожалей и ты твоего старого друга, который для чего-то все еще шевелится, чему уже три года тому назад удивлялся монтер, как его забыть! Может быть, для того, чтобы еще раз заочно крепко тебя обнять.

К.Поссе.

9

Н.С.Таганцеву

24 января 1918. Хвалынский Саратовской губ.,
Телеграфная, д.Солдаткина

Дорогой глубокоуважаемый друг, Николай Степанович, твое письмо от 14 января пришло сегодня (24-го) одновременно с тремя письмами от других обитателей Петрограда и его окрестностей, в том числе от С.Е.Савича. Не нужно никаких особых химических способов для извлечения из этих писем той квинтэссенции, о которой ты упоминаешь в начале письма. Достаточно прочесть эти четыре письма, чтобы получить такую дозу сильно действующего на сердце напитка, от которого оно сжимается до боли у всякого, не потерявшего еще человеческого облика существа. Мое существование здесь отличается от вашего петроградского — только тем, что я сыт, а вы голодные, в остальном — разницы почти нет. То же отсутствие какой-либо надежды на улучшение, то же томительное [ожидание] окончательной гибели всего, чем привык дорожить, и всех, кого любишь и жалеешь. Что сделалось с Э.Р.Ульманом? Я ему писал в Ялту, где он хотел быть на праздниках, писал в Петроград, думал, что он должен был уже вернуться. Прошло три недели, ответа нет. Уж не погиб ли он? (Общество 1881 г.¹², кажется, конфисковано).

Меня здесь все успокаивают тем, что весной, когда возобновится навигация, лучше будет. Но мне и теперь здесь не худо, в смысле животном. Благо сыт, сплю, сколько хочу. Да не в этом дело, а в том, что по-человечески жить и весной вряд ли придется. Весна не за горами, а просвета нет, но, что бы ни случилось, если мне не удастся

сюда вывезти моих, я поеду к ним, хотя бы на совместную погибель. Разлуки с ними я долго не вынесу.

Обнимаю тебя. Твой К.Поссе.

10

В.А.Стеклову

31 января 1918. Хвалынский Саратовской губ.,
Телеграфная ул., д.Солдаткина

Многоуважаемый Владимир Андреевич, не получив от Вас ответа на два письма, адресованные в Петроград, я заключил было, что Вы уехали из сей юдоли печали и вздыхания, но, получив вчера от Андрея Андреевича [Маркова] сообщение, что Вы все еще там, пытаюсь опять Вам писать, в надежде, что это письмо, не в пример предыдущим, до Вас дойдет и Вы на него откликнитесь. Я знаю, что Вам всем тяжело жить, а потому, может быть, и тяжело писать. Тем не менее, хотелось бы знать, как Вы и Ольга Николаевна переживаете наши кошмарные дни.

Обстановка, в которой я живу, в смысле питания, конечно, лучше Вашей, хотя и здесь начинает чувствоваться недостаток многих продуктов, а имеющиеся стоят безумно дорого. В других отношениях разница невелика. Военно-техническое училище прекратило свое существование, разогнанное местным Советом солдатских и рабочих депутатов. Юнкера и часть офицеров разбежались (именно разбежались, потому что ехать было не на чем), кто куда мог. Оставшиеся поневоле подвергаются разным репрессиям. В городе осадное положение — т.е. можно стрелять без предупреждения, и стреляют каждый день с 7 часов вечера, в кого и зачем — неизвестно, но после 7 часов никому из дому выходить не полагается. Произведены были повальные обыски, искали оружие; и меня сия чаша не миновала. Жалованье за два месяца получил, а с 1 января, когда разогнали училище, конечно, ничего больше не получу. Уехать до открытия навигации невозможно — погибну в дороге. И обречен я сидеть здесь, отрезанный от родных и близких, еще более двух месяцев; а что будет через два месяца, и куда ехать? Эту задачу разрешить не возьмется, я думаю, никто из смертных. Томительно тянутся долгие дни и ночи, и не видно им конца. Не в добрый час я сюда выехал; все мои расчеты на возможность устроиться здесь с моими родными рухнули. <...>

Если знаете что-нибудь об Я.В.Успенском, Я.Д.Тамаркине¹³, общите, а если увидите их, передайте им мой привет. Если они удосудятся мне написать о себе, буду очень рад. Что Вы знаете об Александре Михайловиче¹⁴? Если он в Одессе, то вряд ли ему легко

живется. Впрочем, «кому теперь на Руси живется хорошо!» Да и Руси-то, строго говоря, уже нет, а что теперь на ее месте воздвигнуто, определить невозможно. *Finis Rossiae!*¹⁵

Крепко, хотя и заочно, Вас обнимаю. Ольге Николаевне сердечный привет.

Душевно преданный Вам К.Поссе.

P.S. Очень меня тревожит судьба Э.Р.Ульмана: он тоже на мои последние письма не откликнулся. Жив ли он? если семья его осталась в Ялте, где была осенью, она тоже, может быть, пропала при последних событиях в Крыму.

А с харьковцами (Д.М.Синцовым¹⁶ и др.) что? Как себя чувствует теперь Н.А.Котляревский¹⁷ с его восторгом по поводу *fine fleur*¹⁸ революции? Об А.Н.Крылове¹⁹ знаю от П.О.Сомова²⁰, что он жив и здоров. Поклонитесь ему от меня.

Еще раз прощайте, но не забывайте старика, который Вас никогда не забудет, пока жив.

К.П.

11

Н.С.Таганцеву

[январь — март 1918]. Хвалынский Саратовской губ.,
Соборная пл., д.б. Вишнякова, кв. директора гимназии

Дорогой и многолюбимый друг,

со времени получения твоего последнего письма произошли такие события, что у меня появилась непреодолимая жажда узнать, как ты переносишь те физические лишения и нравственные страдания, на которые обречены мы — «бывшие» люди. О том, что сделано с «бывшей» Россией, конечно, писать не буду, ты это и знаешь лучше и чувствуешь сильнее меня. Но о том, что касается личной жизни, хотел бы побеседовать. Позволь сперва сообщить о моих делах, а потом просить ответить на мою просьбу и написать, если можешь, о твоих делах. После разгона Военного училища в январе, о чем я уже тебе писал, я остался без заработка и без дел. Особых репрессий по отношению ко мне, если не считать тщательного обыска вооруженными людьми, не применялось. На прошлой неделе, однако, произошло следующее: владельцу дома, где я жил, было заявлено, что его дом нужен для помещения Комиссариата торговли и промышленности (?), и ему предложено было его очистить в течение ближайших дней. Из снисхождения ему оставили пока, до приискания квартиры, две комнаты. Мне пришлось искать квартиру в другом месте, что мне и удалось благодаря любезности директора здешней

гимназии, с которым я раньше познакомился. Лично я не потерял от этой перемены, так как от одних хороших людей попал к другим хорошим и даже более симпатичным людям. Условия питания также остались вполне удовлетворительными. Пенсию пока я получаю, но вследствие прекращения уплаты процентов по кредитным купонам, жена и я остались при этом единственном источнике средств существования. Жена решила продать мебель, но до сих пор никто ничего не купил, и она живет у сына в Царском Селе. Сын находится под угрозой потери службы в правлении М<осковско>-В<индаво>-Р<ыбинской> железной дороги, перешедшей в ведение рабочих. Как видишь, перспектива не блестящая. Сознание того, что многим «бывшим» людям, может быть, еще тяжелее жить, конечно, должно бы служить утешением, но только в смысле изречения «на людях и смерть краше», а для жизни — утешение слабое. Живу я здесь надеждоу, что с открытием навигации мне явится возможность вернуться домой и разделить с моими близкими горестное их существование. Однако и эта надежда может не сбыться, т.к. пароходные общества объявлены «народным достоянием» и неизвестно, как они будут функционировать. Да и водой можно будет добраться только до Твери, а дальше как? Путешествие по железной дороге теперь совершенно немыслимо, и будет ли оно возможно летом — неизвестно.

Здесь я окружен трогательными заботами новых моих хозяев и самым теплым участием целого ряда новых знакомых, местных учителей, но все это меня не может утешить и все мои мысли там, где страдают мои родные и близкие друзья. Чем лучше мне здесь живется, тем больше я испытываю скорбь за них. Переселить сюда, не говорю уже всех родных, но даже одну дочь и внучку, невозможно. Здесь, как и везде, дороговизна жизни колоссальная и никаких средств не хватит ее оплачивать, ввиду невозможности что-либо заработать. Кроме того, здесь опасаются голода весной и летом до нового урожая, на который, как говорят, надежда плоха. От жены я получаю письма довольно аккуратно. Все они носят успокоительный характер, но между строк я читаю, как тяжело ей и всем моим близким живется. От друзей же уже давно не имею ни строчки. На мои письма ответы не получаю. От тебя последнее письмо, на которое я немедленно отвечал, было от 14 января старого стиля. От Э.Р.Ульмана ни звука после начала декабря. Уж не пропал ли он или не эмигрировал? События в Крыму, где жила его семья, и конфискация «Общества 1886 г.» могли на нем отразиться гибельно. Мои математики также совсем меня забыли. Смертельно жажду получить от тебя весточку. Если знаешь, напиши об Э.Р.Ульмане.

Крепко обнимаю тебя, целую ручку Евгении Александровне <....>
Сердечно любящий тебя

К.Поссе.

12

Н.С.Таганцеву

20 (7) марта 1918. Хвалынский Саратовской губ.,
Соборная пл., квартира директора гимназии

Дорогой и сердечный друг Николай Степанович, как ни грустно было мне читать твое письмо от 8 марта, полученное сегодня, я все-таки сердечно благодарю тебя за него. Да и от кого теперь можно получить негрустные письма? Разница только в размере горя, а уж очень широки размеры твоего горя! Дай Бог только, чтобы твои опасения о судьбе Володи²¹ не оправдались!

Я живу теперь только одной мыслью — дожидаться возможности вернуться к своим — на горе или на радость (?), все равно. А до половины или конца апреля этой возможности не будет, да и удачи ли живым доехать домой — неизвестно. У нас также террор Совета солдатских и рабочих депутатов и красногвардейцев. 85 состоятельных людей выселили из их собственных домов, арестовали и подвергают всяким истязаниям за неисполнение требования внести миллион рублей наличными деньгами на покупку хлеба будто бы, а в сущности — на разграбление. Арестованным дают только хлеб и сырую воду, многие заболели, а заступиться некому. Россию, бывшую, продали немцам, остатки ее грабят и уничтожают свои же. Воистину счастливы только те, кого больше нет на свете, но счастье мертвецов не облегчает живых, не знающих, какие ужасы еще придется им переживать. С сжатым до боли сердцем кончаю это письмо.

Да хранит тебя Бог!

Твой старый друг К.Поссе.

13

Н.С.Таганцеву

12 апреля (30 марта) [1918]. Хвалынский Соборная пл.,
кв. директора гимназии

Дорогой друг Николай Степанович, вчера получил твое письмо от 1 апреля (19 марта). Приближается время, когда я намереваюсь сделать попытку вернуться в Петроград, делить со всеми вами голод и горе. Хотя я здесь не голодаю, но выносить дольше мое одиночество не в силах. На Волге уже местами тронулся лед. Недели через две, говорят, откроется навигация, но... говорят 1. пароходы будут ходить очень редко из-за недостатка

топлива, 2. тарифы будут повышены для «буржуев» на 270% ! Билет до Рыбинска обойдется около 375 рублей. А мне надо будет еще оплатить дорогу туда и обратно провожатому и прокормить его в течение 12 суток езды (6 в одну сторону и 6 в другую). Один я ехать не могу. По железной дороге условия езды мне недоступны. Все это меня тревожит и угнетает. Средства мои свелись к одной пенсии, и на них далеко не [уедешь]. Впрочем, может быть, сведения мои неверны и так или иначе я доберусь домой.

Из твоего письма я узнал, что Э.Р.Ульман жив и, по-видимому, погибать не собирается. Если увидишь его опять или можно с ним снестись по телефону, передай ему мой привет. От него я не имею ни строчки с половины декабря. Письма, которые будто бы он мне писал, как сказано в твоём письме, я не получил.

Рад был узнать, что ты, хотя и с «горя», мог написать некролог или биографию А.А.Кадыяна²². Да сохранит Бог драгоценную твою способность не терять свежести мысли даже при тех ужасных условиях, в которых мы живем. Я уже не в силах ничего полезного делать и влачу, поистине, унылое и жалкое существование. Окружающие меня люди ничего, кроме хлеба насущного, мне дать не могут. Для души нет ничего, а мозг не работает.

С слабо теплощейся надеждой свидеться с тобою через 3-4 недели, крепко обнимаю тебя заочно и остаюсь любящий тебя

К.Поссе.

Всем твоим сострадальцам мой сердечный привет.

P.S. С пенсией у меня хлопоты: пока дали 245 рублей за февраль (без процентов прибыли), да и то казначей сделал это на свой страх. По декрету надо было получить разрешение комиссара Министерства финансов, а что таковой [надумал], еще не выяснилось.

14

В.А.Стеклову

13 апреля (31 марта) 1918. Хвалынск, Соборная пл.,
кв. директора гимназии

Многоуважаемый и дорогой Владимир Андреевич, наконец-то сегодня я получил Вашу открытку от 5 апреля. Не получая ответа на мои два письма, написанные давно, я очень тревожился за Вас. Из письма А.А.Маркова я знал, что Вы из Петрограда не уехали, и объяснял Ваше молчание разными мрачными предположениями. Писал И.И.Иванову, прося справиться о Вас, но и от него ответа не получил. Считать, что мои письма не доходили по адресу, казалось мне невероятным, потому что на все мои письма жене и дочери я

получал ответы, хотя и с запозданием. Теперь я, по крайней мере, знаю, что Вы «живы и целы», но, как все жители Петрограда, голодаете. Я же жив, цел и даже сыт. Вы пишете, что оставаться в Петрограде на лето немислимы, а я только о том и думаю, как бы вернуться к своим, хотя на голод и горе, но оставаться здесь мне немисливо. Тоска по своим, сознание, что я сыт, а они голодны, совершенно немислимы. Несколько времени тому назад еще я мог изредка посылать им немного муки и круп, теперь вывоз каких бы то ни было съестных припасов совершенно запрещен. Езда по железной дороге от Сызрани и на лошадях до Сызрани (80 верст) мне была недоступна: я знал, что живой не доберусь. Решил ждать навигации. Теперь она не за горами, но сведения об условиях езды на пароходе крайне неутешительны. Говорят, что пароходы будут ходить очень редко за недостатком топлива, а цены будут адские — до Рыбинска, например, 375 рублей (!), а я еще один ехать не могу и должен нанять провожатого — зрячего. Во что мне обойдется дорога — и подумать страшно. К тому же все мои вещи, которые я сюда привез, — платье, белье, книги, кровать — весом до 25 пудов, пожалуй, в Рыбинске застрянут, если не отменят предельный вес багажа. Все это меня волнует и тревожит. С нетерпением жду первых пароходов, чтобы самолично узнать условия предстоящего мне тяжелого путешествия. Перевезти своих сюда немисливо уже по одному, что всех нельзя перевезти — сын и зять не могут уехать, не лишившись всяких средств существования, а рвать семейство на части значит обречь их на ту же нравственную муку, которую я пока один испытываю. Помимо этого жизнь здесь становится небезопасной. Господствует террор красногвардейцев, и если я от него еще не пострадал, то ни за один день ручаться нельзя.

В одном из предыдущих писем я Вам писал, что Военное училище разогнали 1-го января. С этого срока прекратилось мое жалованье, а я остался при одной пенсии. Но и с нею у меня возникли затруднения благодаря лишним 6 рублям 25 копейкам в месяц против предельной нормы в 300 рублей, и эти затруднения до сих пор еще не устранены вполне. Казначей Хвалынска за свой страх выдал мне основную пенсию в 245 рублей за февраль, а теперь все зависит от какого-то комиссара Министерства финансов, без разрешения которого мне пенсия нельзя выдавать. Когда это разрешение получают — неизвестно, во всяком случае — не скоро. Из дома, где я жил до начала февраля, меня выгнали вместе с хозяевами. К счастью, я нашел приют у директора гимназии, которого пока не трогают. У прежнего хозяина отобрали сперва имение, затем дом, оставив из милости две комнаты — ему и жене (оба старики), потом вместе с 85-ю другими состоятельными гражданами арестовали и продержали 10 дней на хлебе и воде, вымогая огромные суммы денег наличными, которых,

конечно, у них не было в требуемых размерах. С одного моего хозяина требовали 600000 рублей, с другого даже миллион, но видя невозможность получить эти суммы, отпустили за выкуп, тысяч по 70 с каждого. Гарантии, что не потребуют снова, — никакой. У крупных домовладельцев все дома отобраны и заняты Советом и разными комиссариатами, у торговцев отобрали все товары, торговля вольная прекратилась.

Судьба Военного училища до сих пор не выяснилась. Оно не упразднено, но не функционирует. Где оно будет существовать, если его не расформируют — никто не знает. В Петроград, конечно, оно не вернется. Вот условия, в которых я живу, т.е. доживаю. По аннулировании процентных бумаг я и жена остались при единственном средстве существования — моей пенсии, т.е. в лучшем случае 300 рублей в месяц. Это при цене 3-5 рублей за фунт хлеба!

В последних номерах газеты «Утро России», ныне закрытой вместе с другими навсегда, прочитал о десанте немцев, о десанте японцев во Владивостоке, о страшных боях на Западе, о боях советских войск с украинцами и немцами и т.д. *Finis Rossiae!* Если удастся добраться до Петрограда, авось еще увидимся, а пока...

[Всегда] душевно преданный Вам

К.Поссе.

О.Н. привет.

Примечания

¹ До каких же, наконец, пор! (*лат.*) — из речи Цицерона против Катилины.

² *Евгения Александровна* (урожд. Кадыан) — жена Н.С.Таганцева. Речь идет о смерти ее брата, профессора — хирурга Александра Александровича Кадыяна (1849-1917). В молодости А.А.Кадыан — участник революционного движения, Н.С.Таганцев был его адвокатом на процессе 193-х.

³ *Кадыан Анна Юльевна* (1860-?) — жена А.А.Кадыяна, библиотекарь, казначей Высших женских (Бестужевских) курсов.

⁴ *Марков Андрей Андреевич* (1856-1922) — математик, академик.

⁵ *Стеклова Ольга Николаевна* — жена В.А.Стеклова.

⁶ *Иванов Иван Иванович* (1862-1939) — математик, профессор Пг. ун-та. *Савич Сергей Евгеньевич* (1864-1936) — математик, профессор Пг. Электротехнического ин-та и Высших женских (Бестужевских) курсов. *Фихтенгольц Григорий Михайлович* (1888-1959) — математик, профессор Пг. ун-та.

⁷ *Игнатъев Павел Николаевич* (1870-1926) — общественный деятель, в 1915-16 министр народного просвещения; К.А.Поссе был избран почетным членом АН в декабре 1916.

⁸ Ульман Эдуард Рейнгольдович — инженер-технолог, предприниматель.

⁹ Имеется в виду приказ Н.В.Крыленко «по армиям», где речь шла о том, что «американские и французские капиталисты дают деньги на вооружение калединцам», что «немецкая буржуазия готова войти в союз с ними, чтобы удушить русскую революцию». Приказ содержал призыв к созданию «социалистической гвардии» и «к священной войне против российской, немецкой, англо-французской буржуазии».

¹⁰ Неточная цитата из «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя.

¹¹ Поприцин — персонаж «Записок сумасшедшего».

¹² Имеется в виду товарищество «Электротехник», учрежденное в 1881. Э.Р.Ульман был директором «Общества 1886 г.», как впоследствии именовалось товарищество.

¹³ Успенский Яков Викторович (1883-1947) — математик, профессор Пг. ун-та, академик. В 1929 уехал в США. Тамаркин Яков Давидович (1888-1945) — математик, преподавал в различных петроградских вузах. В 1920-е годы эмигрировал.

¹⁴ Ляпунов Александр Михайлович (1857-1918) — математик, академик. В 1918 уехал в Одессу, где через три дня после смерти тяжело больной жены покончил с собой.

¹⁵ Конец России! (лат.).

¹⁶ Синцов Дмитрий Матвеевич (1867-1946) — математик, профессор Харьковского ун-та.

¹⁷ Котляревский Нестор Александрович (1863-1925) — историк литературы, академик.

¹⁸ Настоящий цветок (фр.).

¹⁹ Крылов Алексей Николаевич (1863-1945) — академик-математик, механик, кораблестроитель.

²⁰ Сомов Павел Осипович (1852-1919) — математик, профессор Варшавского ун-та и Политехнического ин-та.

²¹ Таганцев Владимир Николаевич (1890-1921) — профессор-географ Пг. ун-та, расстрелян по делу Петроградской боевой организации.

²² Н.С.Таганцев посвятил А.А.Кадьяну две главы в своей книге «Пережитое» (Вып.2. Пг., 1919; частично: Из пережитого// Былое. 1918. Кн.9).

В.П.Семенов-Тянь-Шанский

ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Публикация Ф.Благовещенского

Публикуемые отрывки взяты из мемуаров Вениамина Петровича Семенова-Тянь-Шанского (1870-1942) — географа, картографа, статистика, художника-пейзажиста, музееведа.

К 1917 году В.П. был известен как редактор-составитель многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». В среде специалистов его ценили как ведущего деятеля демографической, торговой и промышленной статистики, инициатора серии «Торговля и промышленность Европейской России по районам», автора картографических находок, сразу же закрепившихся в отечественной традиции. Главные работы В.П. в области теоретической географии были созданы им уже после Октября, однако публикация их с годами все более затруднялась, и многое осталось неизданным.

В канун революции В.П. считал Россию страной, находящейся на среднем уровне своего культурного развития и нуждающейся прежде всего в просвещении. К советской власти он был вполне лоялен, а беды нового времени ощущал как продолжение прежних. «Действительно, нигде не было такого неуважения к традициям, такой ленивой рутинной, таких длительных и прочных периодов реакции, такой безумной порки горячки в деятельные периоды, таких бросаний многочисленных неоконченных трудов, таких откладываний всякого дела в долгий ящик, таких длительных периодов кустарного существования для всяких новых начинаний, такой неуверенности в завтрашнем дне у всякого серьезного труженика», как в России. Задолго до Октября В.П. почувствовал, что в российских условиях можно «уверенно рассчитывать только на чисто индивидуальную работу, в которой сам являешься полным хозяином от начала до конца», — и постоянно вел такую индивидуальную независимую творческую работу — и столь же постоянно становился организатором коллективных исследовательских предприятий, которые рано или поздно обрывались силою внешних обстоятельств. Ученого спасали философски-спокойное отношение к происходящему («Россия — страна случайностей»), неистребимая страсть к «запойному» труду, поддержка со стороны домашних.

Заслуживает быть отмеченным то сочувствие, с которым В.П. относился к идее особой «миродержавной» роли России. В своих историко-географических работах он особенно высоко ставил «великую восточно-славянскую колонизацию»: «Это движение в течение почти тысячи лет одно твердо несло в своих руках свет европейского образования на негостеприимный северо-восток Евразии. И в этом его главная заслуга перед человечеством». «Мирный великан на севере Евразии» — такая Россия виделась ему «лучшей порукой

политического равновесия в Старом Свете»¹. В полном тексте мемуаров В.П. мы найдем противопоставление «великих» национальных культур «малым», обнаружим иронические замечания в адрес финнов, эстонцев, итальянцев, братьев-славян (поляков, «малороссов») и ряда других народов. Более резкая ирония достается германцам и неизменная — евреям. Симпатичным ему лицам из числа последних В.П. дает положительные характеристики, но определения «еврей» не пропускает никогда.

После революции главным делом жизни В.П. стало создание Центрального Географического музея (далее — ЦГМ), бессменным директором которого (1918–37) он оставался до самого разгрома этого учреждения². Этой теме и посвящены в основном те главы воспоминаний В.П., из которых взяты публикуемые ниже фрагменты. Размещенные как бы на полях главного сюжета (истории ЦГМ), эти фрагменты можно было бы назвать — БЫТ И ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ ГЛАЗАМИ ПЕТРОГРАДСКОГО УЧЕНОГО. Тематическая выборка сделана нами из 14-й и 15-й глав воспоминаний В. П. («Начальные годы революции и рождение Географического музея (1917–1922)» и «Годы музейного кустарничества (1923–1929)», соответственно) и составляет по объему шестую часть этих глав. Написаны они в Ольгине, под Ленинградом, летом 1940, вскоре после смерти жены В.П.

Текст печатается по автографу (АГО. Ф.48. Оп.1. Д.98) с соблюдением современных требований орфографии и пунктуации. Купюры обозначены знаком <...>, смысловые конъектуры взяты в квадратные скобки.

Мы ограничились минимальным комментарием поясняющего характера, почти не выходя при этом за пределы мемуаров В.П.³ Цитаты из них даны без ссылок на источник.

¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. Единство России и великое тысячелетнее восточно-славянское переселенческое движение // Архив Географического общества СССР (далее — АГО). Ф.48. Оп.1. Д.102. Л.17,18,34.

² Об истории ЦГМ см.: Полян П.М. Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский. М., 1989; Он же. «Любимое детище...» В.П.Семенова-Тян-Шанского: Судьба Географического музея // Природа. 1989. № 3.

³ В предыдущие годы некоторые материалы из мемуаров В.П. были использованы без указания его имени и архивных ссылок, см.: Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.137, 139; Минувшее: Исторический альманах. Вып.1. Париж, 1986 (репринт: М.,1990). С. 265–267.

В день Октябрьской революции у меня начался грипп, продержавший меня некоторое время в постели. В это время я получил на великолепной, так называемой «царской» бумаге, на которой писались только всеподданнейшие доклады министров, за подписью бывшего причисленного к моему Статистическому отделению молодого человека, ставшего за это короткое время уже директором канцелярии министра, грозный письменный приказ немедленно сдать все дела¹. Я ему тотчас же письменно ответил, что, лежа в постели в гриппе с повышенной температурой, сделать это лишен физической возможности и что ему, как бывшему причисленному к Отделению статистики, отлично известно, что никаких «дел» в Отделении нет и никогда не было, а есть лишь разрабатываемые статистические материалы. Они находятся в шкафах, шкафы всегда открыты, и продолжать дело разработки можно беспрепятственно в любой момент. Никакого ответа на это не последовало, но вместо меня руководителем разработки был назначен какой-то ветеринарный врач, пригласивший с улицы случайных сотрудников, среди которых были старшие дворники и уличные девицы. Моя пожилая статистическая сотрудница, столоначальник Вера Александровна Егунова сделала попытку спасти законченные разработки материалы и попросила своего старого знакомого, бывшего министра торговли и промышленности Василия Ивановича Тимирязева переговорить с кем-то из власть имущих о спасении материалов. Тимирязев на свое ходатайство получил от одного из помощников всемогущего тогда председателя Петроградского Совета тов. Зиновьева категорический ответ: «Нам буржуазная статистика не нужна».

Года через два я получил от Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) из Москвы отношение, предлагавшее мне продать за какую угодно цену якобы спасенные мною статистические материалы, которые нужны до зарезу. Я ответил, что, во-первых, материалы составляют государственную собственность, а не мою частную, и продавать их кому-либо я не могу, во-вторых, что и материалов-то у меня нет, ибо при переводе органов государственной статистики в Москву я был приглашен в здание бывшего министерства торговли и промышленности для разыскания статистических материалов, и на площадке министерской лестницы мне указали гору всяких дел и материалов, достигавшую потолка. Разрыв ее до полу с помощью бывшего счетчика Статистического отделения Минаева, я обнаружил в этом хаосе лишь случайные разрозненные обрывки наших материалов, которые я и переправил на хранение в комиссию производительных сил при Академии Наук, куда и надлежит обратиться за их получением. <...>

Осенью [1918] я наконец получил постоянный заработок после моей первой невольной безработицы, длившейся 10 месяцев. С.П.Бобин², по своей инициативе, рекомендовал бывшему Историко-филологическому институту, теперь обратившемуся в Педагогический институт при университете, в котором он был уже несколько лет преподавателем географии, пригласить и меня, на первых порах, преподавателем географии России, с тем, чтобы, при первой же возможности, предоставить мне профессуру. Институт на это пошел, и я получил приглашение, на которое и согласился <...>

Ректором в институте был известный профессор романо-германской словесности Федор Александрович Браун, знакомый мне еще по субботам покойного В.И.Ламанского³, на которых он бывал, а помощником ректора — профессор средневековой истории Лев Платонович Карсавин, которого я раньше не знал, брат известной балерины Карсавиной. Он был красив и похож наружностью на философа Владимира Соловьева. Браун был в хороших отношениях с комиссаром народного просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским и с его петроградским помощником Захарием Григорьевичем Гринбергом (бывшим преподавателем физики в Варшаве)⁴, а потому уверенно и энергично они оба (Браун и Карсавин) вели дело Педагогического института при университете. Среди профессоров института были такие крупные величины, как Ф.Ф.Зелинский, С.А.Жебелев, А.И.Малеин и др., из солидных преподавателей там были, кроме С.П.Бобина, историк А.М.Ловягин и др. Все это были гуманитарии по образованию, а из натуралистов я был, кажется, первой ласточкой, и с моей легкой руки вскоре появились Л.С.Берг, В.И.Шарый и др.

Меня вскоре выбрали в профессора, хотя ученой степени доктора или магистра я тогда не имел, да эти степени вскоре и были отменены. Было образовано естественно-географическое отделение, председателем которого избрали меня.

Однажды Браун, не спрашиваясь, записал весь профессорско-преподавательский состав института поголовно в профессиональный союз работников просвещения, против чего никто ничего не возразил, хотя это и было для всех неожиданно.

Я был профессором Педагогического института при университете до самого его упразднения в 1922 году и читал лекции для старшего курса. Студенты, получившие филологическую подготовку, не чувствовали себя достаточно сильными в естественных науках, а потому мне на лекциях по географии не раз приходилось, по просьбе слушателей, провизировать им предварительно вступительную лекцию по геологии и другим естественным наукам, после чего моя лекция по географии становилась им уже вполне понятной. В Институт, из-за холода в аудиториях, надо было утром в 9 часов (когда обычно начиналась моя лекция) приходиться прямо в студенческие дортуары

и стучаться к непроснувшимся еще студентам; они вскакивали, быстро одевались, хлебали чай, усаживали меня в кресло за стол, и тут же моя лекция и происходила. За такую простоту и непритязательность они меня очень любили. <...>

[В 1918г.] репрессии начались еще пока мы находились на даче, а потом долго продолжались и после нашего возвращения на зимний сезон в Петроград. Нас коснулись два таких повальных обыска, но, конечно, у нас ровно ничего не нашлось, так как ничего никогда и не было, о чем старший обыскиватель немедленно доносил из нашей квартиры по телефону.

При массовости единовременных обысков исполнители их набивались наскоро «с бора да с сосенки», были мало дисциплинированы и сильно охотились за недостающим продуктом — сладким, конечно, для себя лично. Среди приходивших к нам обыскивателей был между прочими мальчишка-трамвайчик лет 15-ти, который садился на стул и поминутно засыпал, а остальные его поддразнивали.

Как раз в это время Володя и Роман⁵, через своего бывшего директора Выборгского училища Петра Андреевича Германа, получили постоянную платную работу в петроградской кооперации, где служащим раздавались сладости, и они только что принесли свою долю домой. Спасти эти сладости оказалось, однако, весьма просто — стоило только перенести банки из тех комнат, в которых еще не производился обыск, в те комнаты, где он только что закончился, что успешно и не спеша произвела Вера⁶. Но зато обыскиватели навалились на сундучок нашей уехавшей в отпуск на родину под Копорье кухарки Маши, в котором изъяли все ее скромные запасы сахара и мыла. По возвращении Маши ей с большим трудом удалось вернуть часть этих запасов.

Затем пошла реквизиция одеял для красноармейцев, причем у меня взяли мое личное, лучшее в доме одеяло, несмотря на слезную просьбу Веры. Одна добрая дама, узнав случайно об этом, вскоре, впрочем, компенсировала нашу потерю, предоставив нам обоим два своих новых одеяла, без которых могла обойтись.

Вскоре после нашего возвращения с дачи в Петроград я получил адресованное мне еще на прежнюю квартиру на Бассейную извещение об обложении меня на такую астрономическую сумму денег, что если бы продать все без исключения предметы, находившиеся в моей квартире, то их стоимость не составила бы и одной десятой этой суммы. Я никак не реагировал на это извещение и вторичного не получил.

Затем я был как-то вызван в Василеостровский совет рабочих и солдатских депутатов, или Совдеп, как он тогда назывался, по какой-то незначительной справке о роде моей службы или о чем-то подобном. Меня направили к какому-то солидному матросу, которого

пришлось ждать. В это время в комнату, где я ждал, вошла группа матросов с тяжелым мешком. Они его раскрыли и, вынимая оттуда серебряные и золотые предметы, спрашивали объяснений у какого-то штатского, интеллигентного по виду молодого человека, видимо, владельца этих предметов, дававшего им весьма обстоятельные ответы на их вопросы. Затем они его отпустили и стали распределять по группам всю эту груду предметов, причем очень сильно между собой спорили, ссорились и бранились. Я ничего в этом не понял и не знаю, чем это кончилось, ибо солидный матрос как раз тут позвал меня в свой кабинет. Там, получив от меня ответ по справке, он сам, по своей инициативе, сказал мне: «Вы и Ваш брат Андрей Петрович числитесь у нас на самом что ни есть лучшем счету, а вот Ваш брат Валерий Петрович — как раз наоборот». Я выразил свое недоумение по поводу брата Валерия, но он ничего больше не сказал и отпустил меня⁷.

Затем как-то мне надо было отправиться на центральную телефонную станцию на Морскую для регистрации моего телефона. Там меня направили опять-таки к какому-то вооруженному матросу, который помещался в кабинете один. Когда я туда вошел, то застал очень бурную сцену. Группа рабочих ругалась с ним очень грубо, сильно и агрессивно, причем выражала явно анархические идеи. Я тогда, видя, что матросу, пожалуй, несдобровать, не выдержал, вмешался, взял слово и стал убедительно говорить о губительности анархии, о том, что у нас установлена ясная и твердая советская власть, которой нельзя не подчиняться безусловно во всем и пр. Рабочие успокоились и ушли. Мы остались вдвоем с матросом, который не находил слов благодарить меня за то, что я его выручил, так убедительно за него заступившись, и затем быстро и любезно выполнил все по регистрации моего телефона. <...>

В 1918 и последующие годы [я] получил заказ для Института изучения «Поверхность и Недра», возглавлявшегося горным инженером профессором П.А.Пальчинским. <...> Один из первых его арестов совпал с писанием им экономического очерка Боровичско-Тихвинского района. Без какого бы то ни было ходатайства с моей стороны я неожиданно получил однажды из Чрезвычайной комиссии (ЧК), руководимой Дзержинским, письменное приглашение явиться к Пальчинскому на Шпалерную в дом заключения для согласования составляемой мною карты этого района с рукописным текстом автора. Я не замедлил явиться туда с картой и был введен в обширную светлую комнату, где не было никого. Через несколько минут из другой двери явился Пальчинский в арестантском халате, не сопровождаемый никем; мы оставались наедине с ним с глазу на глаз около часа времени, просматривая и согласовывая работу. Никому из нас и в голову не приходило разговаривать о чем-либо, не

имевшем отношения к этой работе. Когда мы ее закончили, Пальчинский сначала ушел в одну дверь, а затем я в другую, прошел все необходимые формальности в комендатуре и вернулся домой⁸. <...>

Голод в Петрограде в 1919-20-21 годах зависел вовсе не от неурожая где бы то ни было, а от разрухи сообщений во время гражданской войны с «кладбищами» паровозов и вагонов близ крупных станций, вследствие чего Петроград остался в стороне от каких-либо грузовых завозок. Причина отсутствия топлива и электричества была та же. В городе были введены карточки на все главные продукты потребления, распределяемые народным комиссариатом продовольствия, или так называемым Наркомпродом, который в Петрограде помещался в бывшем Дворянском банке на набережной Невы близ Сенатской площади у старого Адмиралтейства. Я лично получил карточку 1-го разряда, как «занятый умственным трудом неограниченное количество часов», совершенно так же, как и Ленин (в то время умственный труд явно еще ставился на первое место, а неработающие вообще были предупреждены лозунгом Ленина «кто не работает, тот не ест»). Вообще же карточки распределялись по учреждениям, по количеству работающих в них, и по фабрикам и заводам. Но так как Наркомпрод всеми силами старался выдать как можно меньше карточек, то учреждения, в свою очередь, хитрили и старались получить для себя как можно больше карточек, преувеличивая в заявках количество своих работников вдвое. Но по карточкам полочки были так микроскопичны, что и полуторного количества едва хватало, чтобы не умереть от голода, от которого люди то и дело пухли, получали цингу и пр. На Васильевском острове был случай, когда один отставной пожилой одинокий моряк, служивший где-то, умудрился получить две карточки — одну на себя, а другую на «Василия Ивановича Котова», т.е. на своего кота. Вдобавок были устроены столовые общественного питания, которые у населения носили непочтительное название «столовки». Питались кониной (это был деликатес), затем тюленьиной (о прибытии свежей тюленьиной в «столовках» вывешивалось торжественное объявление), пшеном, ржаной кашей, турнепсом и мороженой картошкой. Последняя так почиталась, что если при получении мешка такой картошки контроль случайно забывал оторвать талон, то счастливец сейчас же обязательно становился в хвост, чтобы получить по тому же талону второй мешок этой «прелести». В «столовках» обязательно подавался суп с «сущицом», т.е. мелкой сушеной рыбой. Обеды было обязательно поглощать в «столовке», а можно было уносить и домой. У нас дома за каждым обедом Л.С.Берг⁹, как ихтиолог с мировым именем, обязательно с большим терпением выуживал из супа мельчайшие рыбьи косточки, раскладывал по краям тарелки в порядке зоологической классификации и называл по-латыни и по-русски тот вид,

которому каждая косточка принадлежала. Состав суповой фауны оказывался сложным, и в нем иногда попадались редкие виды. Затем вместо хлеба огромное распространение получило пшено, от неумеренного употребления которого делалась особая болезнь «пшенка». Жиров не было вовсе. Поэтому жарили, скажем, конину на касторке или на спермацете, то есть на кашалотовом жиру, употребляемом в аптеках для масел и имевшем вид стеарина, и это считалось очень вкусным. Как-то у нас в доме не было целый день буквально ничего, кроме необрушенного проса. Роман взял его, отваял посредством маленького, им самим сделанного жестяного пропеллера, приводимого в действие электричеством (благо электрический ток случайно, на счастье, появился ненадолго), и сжарил затем на «буржуйке» из полученного таким образом пшена лепешки на спермацете, которыми только мы и питались целые сутки, спасаясь от невыразимого голода. Сахара совершенно не было, и он был заменен вредным для здоровья сахарином. Неслуховский съел кошку, а профессор зоологии Стрельников с другими гражданами съел только что подошедшего от голода в Зоологическом саду крокодила и говорил, что мясо его было очень вкусно, напоминая осетрину¹⁰. На улицах и во дворах Петрограда совершенно исчезли столь изобильные прежде голуби, которые были все поголовно съедены населением. Раз появились в изобилии грачи, свившие себе гнезда на деревьях сада Академии Художеств и других, но вскоре исчезли, вероятно, тоже в целях питания населения, а гнезда их были разорены.

Вера, в отчаянии, как-то пошла прогуляться по улицам, в надежде на счастье увидеть что-либо съестное, так как мешочники на железных дорогах не пропускались заставами в Петроград. На 3-й линии ее догнала какая-то очень толстая деревенская баба и шепотом спросила: «Не хотите ли картошки?» Вера, разумеется, ответила утвердительно. Баба попросила зайти с ней к нам в кухню. Когда они пришли, Вера спросила: «А где же картошка?» Баба ответила: «А вот», — быстро расстегнула, картошка посыпалась из ней, застучала массами по полу кухни, и баба стала совсем тонкой. Так она благополучно проехала мимо застав «военного коммунизма» и нам сделала благодеяние.

Еще изумительнее был случай в одной «столовке», которой завела одна знакомая дама. Как-то к концу обеда из Наркомпрода привезли новую провизию, которую эта дама и принимала. Там оказался, между прочим, большой мешок, сплошь заполненный конскими копытами. Заведующая столовой тотчас же позвонила по телефону в Наркомпрод и недоуменно спросила, что с ними делать. На это она получила ответ: «Раздайте копыта гражданам бесплатно; они сами сумеют, что с ними делать». Заведующая буквально исполнила распоряжение, благо не все еще разошлись, и, к ее изумлению,

многие граждане молча взяли копыта, положили их к себе в карманы и мирно разошлись по домам.

А вот на что однажды разобиделась публика и начала скандалить, — это когда раз как-то, кроме уменьшенного количества пшена, стали в дополнение к нему раздавать немолоченный овес. «Мы не лошади», — кричали разобиженные почему-то на этот раз граждане и сильно, хотя и безуспешно, скандалили.

Рассказывали, что некоторые граждане рылись в помойках и отхожих местах, извлекая оттуда для себя кое-что съестное. Рассказывали также, что в какой-то «столовке» рабочие почему-то так разбушевались, что приехавшего навестить «столовку» председателя Петроградского Совета Зиновьева они облили горячим супом, так что он должен был потом залечивать ожоги.

При таких условиях питания вес мой катастрофически снизился до менее чем 3-х пудов. В это время, по настоянию Максима Горького, с апреля 1919 года, стали вводить особый «ученый паек» наиболее выдающимся ученым, состояние здоровья которых того требовало. Географическое общество, не сказав ни слова, представило меня к этому пайку, и я его получил в апреле, в числе первых 125 ученых РСФСР, даже раньше президента Академии Наук А.П.Карпинского, состояние здоровья которого было удовлетворительнее моего.

Но семья моя голодала, и вот однажды в самый разгар голода Володя с родственником своего товарища по школе Мити Фан дер Флита, Васей Ивашевым, отправились с пустыми мешками по железной дороге в Могилев на Днепре добывать провизию, благо надзор за мешочниками был в тот момент милостивый. Когда Володя благополучно вернулся оттуда, было порядочно за полночь. Тем не менее, наша голодная семья устроила тотчас же ночной «пир горой» из части привезенных им припасов.

Академический паек раздавался сначала в Аничковом дворце, причем получатели должны были прибывать за получением пайка лично, несмотря на то, что трамваи не ходили. Приходилось зимой тащить с собою салазки, а летом — какую-нибудь ручную тачку или тележку. Паек, по сравнению с тем, что получалось по карточкам, был «райским». Только раз нас почему-то угостили одним лавровым листом, перцем и желатином в неумеренном количестве. После этого говорили, что ученых «увенчали лаврами». Пайковым снабжением заведовал французский ресторатор Родэ, знакомый Горького.

Комиссия по улучшению быта ученых была настоящим благоделем. У Романа не было шубы, и он очень мерз зимой. Однажды летом кто-то надоумил меня, что в комиссии улучшения быта ученых, по заявлениям, выдают даром шубы, полученные из какого-то национализированного частного ломбарда, и что таким образом я

смогу получить вторую шубу. Заявление я подал и получил извещение, что могу прибыть за шубой в такой-то день и час. Я отправился с Верой. Оказалось, что все шубы уже разобраны, за исключением двух. Одновременно со мной прибыл с той же целью неизвестный мне научный работник совсем другой фигуры и роста, чем я. Одна из шуб мне подошла великолепно, не требуя никаких переделок, и я ее взял с тем, чтобы отдать свою шубу Роману, а другая шуба оказалась поповского покроя с длинными расширяющимися к концу раструбами рукавами и притом на громадный рост. Делать нечего, научный работник взвалил ее себе на плечо и со вздохом побрел домой.

Помню, как я встретился во дворе Аничкова дворца с пришедшим за пайком моим учителем профессором А.А.Иностранцевым, вспоминавшим былое. Я его видел в последний раз, так как через некоторое время он умер в мое отсутствие, и его, как говорили, хоронили в гробу с надставкой: он был высокого роста, а гробов, иначе как маленьких, не нашлось. Поэтому в ногах сделали надставку, да еще, как говорили, из картона за неимением дерева.

Позже выдача академического пайка производилась в Доме ученых, основанном Горьким. Под этот дом был отдан бывший дворец великого князя Владимира Александровича на набережной Невы недалеко от Зимнего дворца. Во время одного заседания там я встретился единственный раз в жизни с Горьким. Нас познакомил мой брат Андрей, видевшийся с ним раньше. Помню, как Горький, говоря по-волжски на «о», держал речь к собравшимся ученым и при этом сказал, что лично он ценит чрезвычайно высоко «науку для науки», без которой наука вообще немыслима, но что у нас рабоче-крестьянское государство и хозяева его, как люди чисто практические, будут прежде всего требовать прикладной науки, и что он это говорит на основании долговременного знакомства с ними. Он просил присутствовавших принять это в самое серьезное внимание. Я нашел, что фотографии и портреты не передают наружности Горького полностью и что у него было что-то неуловимое, что ускользало от них, и притом это неуловимое — в его пользу.

Когда академический паек раздавался в Доме ученых, однажды из-за границы прибыла небольшая группа иностранных ученых с писателем Гербертом Уэллсом, изложившим потом свои впечатления в книге «Россия во мгле». Это посещение имело следствием дальнейшую материальную помощь ученым и из-за границы. Так была однажды получена мануфактура и обувь из Чехословакии, даже из Германии что-то. Затем американцы организовали свою помощь не только русским ученым в виде неоднократно получавшихся «американских пайков», но во время катастрофического всеобщего голода в Поволжье, — всему его населению вообще. Кроме того, была орга-

низована американская «АРА», то есть учреждение, доставлявшее продовольственные посылки советским гражданам от заграничных родственников и знакомых.

Особенно много присылали своим петроградским родным и знакомым нью-йоркские евреи. Служившая в «АРА» сестра Веры Ольга Владимировна Поллиц рассказывала, что петроградские евреи обнаруживали наибольшую озабоченность в деле получения таких посылок и что русские, по своей беспечности, не шли ни в какое сравнение с ними в этом отношении. Евреи то и дело осаждали «АРА» с различными вопросами и справками. Однажды туда пришла в ноябре пожилая еврейка, заявившая, что она очень заинтересована в получении, в срочном порядке, до своего отъезда в Америку, какой-то ожидаемой ею с нетерпением посылки из Нью-Йорка. Когда американец, с которым она разговаривала, сказал ей: «Охота Вам ехать в такое время! Ведь теперь в океане очень бурно и часто бывает невыносимая качка», она возразила: «Качки я несколько не боюсь, так как у меня билет 2-го класса».

Кроме раздачи пайков, в Доме ученых были организованы библиотека, лекции, вечера музыкальные и танцевальные. На музыкальных вечерах лучшими артистами исполнялись классические произведения. Вечера очень охотно посещались учеными и их семьями. Были выбраны старшины клуба ученых — и среди них мой брат Андрей Петрович. Позже к этим концертным вечерам был привлечен даже балет, танцевавший на эстраде, балалаечники Андреева и пр.

Дом ученых был местом, где узнавались сразу же всякие новости, ибо радио еще не было во всеобщем употреблении. Так в 1920 году, прибыв однажды в Дом ученых, я узнал от академика Н.Я.Марра, что только что скончался академик А.А.Шахматов от последствий голода и непосильных личных физических трудов по рубке, колке и переноске дров. На панихиде по нем с большим чувством пел тенором библиотекарь университета и Географического общества И.П.Мурзин. Около того же времени умер от дизентерии академик-египтолог Б.А.Тураев, у которого я успел приобрести экземпляр его печатного курса истории ближнего Востока. Говорили, что он скончался в то время, когда сам пел себе отходную. Удивительная сила человеческого духа! Женат он был на старинной знакомой семье Ламанских Елене Филимоновне Цсретели, сделавшейся потом «монахиней в миру». <...>

Наша квартира отапливалась всего одной «буржуйкой» в спальне, электрический свет по вечерам отсутствовал и заменялся коптищами керосиновыми ночниками без стекол. Разруха сообщений была не только в сельских местностях, она была в самом Петрограде. Электроэнергии явно далеко не хватало для трамвайной сети. И вот для заглушеывания этого факта одним из зиновьевских мудрецов

было придумано такое положение: центральные части города населены буржуями, которые могут ходить и пешком, а окраины — рабочими, нуждающимися в трамвайном сообщении и между собою, и с центром. Поэтому трамвайное движение было сохранено только на рабочих окраинах, а через центр сохранены только 2-3 линии. Через Васильевский остров единственная действовавшая линия проходила только по кратчайшему направлению с Петроградской стороны мимо биржи на Дворцовый мост и Невский проспект.

К этому времени улицы Петрограда заросли травой с цветами. У нас между Большим и Средним проспектами на 2-й — 3-й линии образовалась посреди улицы от лопнувшей водопроводной трубы узкая, местами расширявшаяся постоянная лужа различной глубины. В ней не только в изобилии завелись комары, но были также и лягушки, кваканье которых можно было слышать. В.Л. Комаров написал интересную научную работу «Флора петроградских улиц в 1918-20 гг.», но цензура не пропустила ее к печати.

С гранитных набережных граждане ловили рыбу в Неве удочками с поплавками или нахлестом (спиннингом) с катушкой. Однажды так была выловлена кем-то с Николаевского моста громадная щука. Я как-то в жару при безоблачном небе посреди бела дня был свидетелем такого случая на углу Сенатской площади и набережной Невы. Из Невы вышел при публике совершенно голый взрослый человек без трусов и направился в подворотню или одну из дверей сенатского здания. Очевидно, этот гражданин, купаясь в Неве, опасался, как бы у него не украли одежды, а потому, ради ее сохранности, попросту оставил ее дома на квартире.

И в другие времена года состояние петроградских улиц и нравы горожан-обывателей были столь же примитивны. Однажды я шел пешком к Шокальскому, жившему на Торговой улице¹¹. Была оттепель в конце зимы. Темнело. Немного не доходя Торговой, у одного из домов по Английскому проспекту у ворот стояла огромная, глубокая лужа. В ней сидел по пояс пьяный в новом пиджаке и наслаждался ванной, производя какие-то весьма довольные, благодушные звуки и не думая из нее выходить.

Другой раз осенью, в слякоть и темноту (так как электричество на улицах не действовало) я должен был спешно идти по какому-то делу по Большому проспекту Васильевского острова к брату Андрею на 8-ю линию. Почти ничего не было видно, а Большой проспект и некоторые линии были изрыты канавами и глубокими ямами для починки водопровода, ничем не огражденными. Милиции тоже нигде не встречалось. По 4-й линии недалеко от Большого в глубокую яму въехал легковой извозчик без пассажира и должен был один спасать свою тонувшую там лошадь. Подойдя к 5-й линии, я услышал в канаве какое-то бульканье и сопенье, но без каких-либо члено-

раздельных звуков. Наклонившись над ней, я старался что-либо разобрать, но там было темно, как в чернильнице, и решительно ничего нельзя было различить. Ко мне подошли какие-то 2-3 гражданина, стали уверять, что туда несомненно упал пьяный, и начали принимать меры к его извлечению. У меня времени не было, и чем дело кончилось, я не знаю, так как пошел ощупью дальше. Я видел как-то валяющуюся посреди улицы дохлую лошадь, а в другой раз — огромную раздавленную дохлую крысу с кровавыми пятнами, и никому до них никакого дела не было.

Зимой снега и льда никто не счищал на улицах, и только на тротуарах, обратившихся в естественные катки, «мальчишек радостный народ коньками звучно резал лед», так что невольный обход тротуаров прохожими стал более обычным явлением, чем хождение по ним, а тут еще были выбиты целые плиты — и никто не думал заменять их новыми в течение десятилетий. Говорили, что работа камнетесов на Путиловских ломках близ Ладожского озера поддерживалась только нью-йоркскими евреями, заказывавшими им надгробья для своих родственников, умерших в Петрограде в это время.

В первые же годы революции в Советском Союзе было введено, одновременно с метрической системой, и международное поясное время. Но это было чистой фикцией. Очень скоро, по каким-то фабрично-заводским соображениям, все часы были переставлены сначала на 3 часа вперед. При едва показавшемся над горизонтом солнце, а зимой задолго до наступления света, весь городской служилый люд направлялся на свою службу, причем часы показывали 9 часов. Потом смилостивились на 2 часа, а один час так и остался в долгу перед истинным поясным временем, и о нем совершенно забыли. Традиционная пушка в Петропавловской крепости, стрелявшая со времен Петра Великого аккуратно в полдень, сначала стала беззастенчиво врать против астрономии, а потом и вовсе замолкла. Через несколько лет это жуткое молчание сменило радио с подвиранием на 1 час против поясного времени. Часы же у горожан поисчезали из карманов: сначала по случаю голода их спускали деревенские за сельскохозяйственные продукты мешочников, потом не было материалов у часовщиков для их починки, а если, смилостивившись, они и брали чинить, то возвращали с подмененными механизмами худшего сорта, так что карманные часы становились ни к черту не годными в конечном результате. А деревня как жила спокон веков по дедовскому солнышку, так и продолжала жить по старинке. <...>

Прохождение курсов в Политехникуме у Володи и Романа, как и вообще у тогдашних студентов высших учебных заведений, из-за голода шло ненормально. Необходимо было где-нибудь дополнительно служить ради получения там казенного, хотя бы и скудного пайка, чтобы не страдало здоровье от вечного недоедания. Все это,

вместе взятое, растянуло у Володи время пребывания в Политехникуме с 5 до 9 лет, а у Романа, которого его дополнительные службы еще больше отвлекали, — до 12 лет. Таких исключительных бытовых особенностей не случилось ни до революции, ни после 1930 года.

Романа, вследствие продолжительного пребывания его в Политехникуме, даже пробовали исключить. Об этом поднимала вопрос какая-то группа студентов, сама сильно замешкавшаяся в Политехникуме. Дело рассматривалось на Казанской улице в Отделе народного образования. В какой-то комнате, имевшей сзади темный угол, за столом сидел кто-то из ответственных работников отдела и просматривал списки студентов, предполагаемых к исключению. Я лично поехал туда с Романом. Когда очередь дошла до него, то он дал соответствующие настолько убедительные объяснения, что этот соответствующий работник взял перо и собирался уже вычеркнуть его из списка исключаемых, но взглянул в угол, бросил перо и сказал: «Не могу». Я обернулся в темный угол и увидел там двух или трех студентов, очевидно, подмигнувших ответственному работнику. Тогда я плюнул на это дело и написал Калинин, прося защиты. Тем временем хороший человек, коммунист Иван Иванович Корель, которого я знал по музейным делам, ездил в Москву и добился там неисключения Романа. <...>

Однажды Зиновьев своей «диктаторской» властью внезапно «закрыл» музей без объяснения причин. Как раз в тот момент, когда я получил об этом официальное извещение, Г.Ю.Верещагин случайно ехал в Москву по делам Гидрологического института. Я тотчас снял копию с этого замечательного постановления, вручил ему ее и попросил сходить с ней лично в Народный комиссариат просвещения, где добиться немедленной аудиенции у Луначарского. Верещагин так и сделал, и в результате Луначарским совместно с его заместителем Покровским за их подписями была послана Зиновьеву в Петроград телеграмма-молния о том, что Географический музей — центральный, непосредственно подчиненный Москве и потому никаких распоряжений по нему местная власть делать не имеет права. Зиновьев был ошеломлен, позвал своих помощников и обрушился на них за то, что они его «подвели».

Вообще Зиновьев (настоящую фамилию его одни называли Апфельбаум, а другие — Радомысльский) держался типичным сатрапом в Петрограде, жестоким, двуличным и в то же время трусливым, стараясь обмануть Ленина, исподтишка не выполняя его указаний и пр. Когда же его уличали, он либо «каялся в ошибках» с тем, чтобы тотчас же повторить, либо сваливал вину на других.

Мне случилось слышать о нем несколько позднее, от вполне заслуживающих доверия очевидцев из академической среды, такой эпизод. В то время стали входить в моду так называемые «смычки»

различных групп трудящихся, ученых, государственных служащих и пр. Одна такая смычка с академиками происходила в большом зале Дворца труда (б. Ксениинском институте) близ Николаевского моста. Один из академиков был Н.Я.Марр, только что вернувшийся из «яфетической» командировки в Испанию и Францию¹². Ему была сделана в кредит такая овация еще до его речи, какой он никак не ожидал и которой был смущен. Затем выступил С.Ф.Ольденбург, тоже куда-то перед тем ездивший. Перед концом его речи плотно запертая дверь в зал со стороны эстрады, у которой стояли двое часовых, таинственно распахнулась и из нее вышли две «золотые» девы; у них волосы были золотистые и одинакового фасона, платья тоже золотистые. Они направились молча и сели за стол перед кафедрой, к общему недоумению. Двери потихоньку за ними закрылись и через несколько минут снова распахнулись. Так же точно вошел сам Зиновьев в шарфе, кивнул на ходу Ольденбургу и уселся в кресле посредине стола с девами, выждал конец речи Ольденбурга и конец оваций ему и потом сам произнес речь, которую записывали золотые девы, оказавшиеся стенографистками. Когда он кончил, присутствовавший профессор Глушков, директор Гидрологического института, задал ему несколько ехидных вопросов, на которые Зиновьев ничего не ответил, затем в том же порядке вышел в дверь сначала он один, а через несколько минут золотые девы. Внизу Зиновьев сел в бывший личный автомобиль Николая II и укатил.

Лица, бывавшие у него в кабинете на дому, говорили, что этот кабинет у него — весь был по стенам золотистый, и все вещи и мебель в нем имели золотистый или золотой цвет.

Но самое замечательное было тогда, когда Зиновьев разговаривал по телефону в качестве председателя Коминтерна. Лица, при этом присутствовавшие, говорили, что он говорил таким тоном «владыки мира», каким никогда не говорили еще никакие монархи на свете. Появление Коминтерна на парадах Зиновьев старался обставить как можно импозантнее. Мне рассказывал художник-моряк, член Совета Географического музея К.Н.Вагнер, не раз по должности присутствовавший с воспитанниками морского училища на этих парадах на площади Зимнего дворца как раз близ трибуны, занятой Коминтерном, что значительная часть представителей цветных рас в нем была гримированными статистами, да иначе и не могло быть при тогдашней разрухе сообщений.

У Зиновьева был сын от Лилиной, который воспитывался в бывшем Тенишевском училище, и благодаря этому училище было обставлено так роскошно, как никакая другая школа. Затем он, по окончанию училища, послал его за границу для получения высшего образования, откуда тот так и не вернулся. <...>

У заведующего петроградским Акцентром М.П.Кристи вместо

прежнего секретаря появилась в 1921 году молодая секретарша Ольга Николаевна Веселаго; она была не то вдовой, не то разведенной женой какого-то морского офицера, чисто русская, чрезвычайно бойкая и державшая его под своим башмаком.

Она уподоблялась той даме в популярном в свое время французском водевиле «Le digesteur», которая влетает во время присутствия в этом учреждении в кабинет занятого делами директора, садится на его письменный стол как раз там, где находятся электрические кнопки от звонков ко всем служащим, и производит таким образом общую тревогу, по которой все учреждение сбегается в кабинет директора. Ольга Николаевна как-то раз в присутствии Кристи и села к нему на стол при других служащих. Он в это время разговаривал со стоявшим рядом старшим бухгалтером с огромными рыжими усами. Вмешавшись в их разговор и не согласившись в чем-то с бухгалтером, она его дернула за роскошные усы. И все это ей сходило. Затем она имела обыкновение зимой в холодные дни сидеть на службе в горностаевой мантии, доставанной из каких-то дворцовых гардеробов. Н.Я. Марр страшно этим возмущался и говорил, что он положительно не может разговаривать «с секретарем в порфире». Директор Гидрологического института профессор Виктор Григорьевич Глушков всегда добивался своего у Кристи, предварительно преподнося Ольге Николаевне конфеты и, шутя, ставил на вид другим директорам, что они этого делать не умеют, а потому успехом у Кристи не пользуются. В ее сопровождении Кристи ездил и на акт Петергофского научного института к Дерюгину. Кристи не был оратором, но ему, по обязанности, в торжественных случаях приходилось говорить речи, которые в большинстве случаев оказывались чрезвычайно неудачными и часто просто анекдотичными. В особенности это случалось с его приветственными юбилейными речами, обращенными к артистам. Раз ему в одном из театров даже зашикали с галерки и крикнули «дурак». Это было на юбилее Ершова или Юрьева. Ольга Николаевна Веселаго в конце концов сплывала в Париж в торговое советское представительство. <...>

[Зимой 1922-23 года] из комиссии по улучшению быта ученых прислали анкету о семейном положении всех получавших академический паек. Так как в это время постоянную штатную должность с постоянной заработной платой из всех живущих в нашей квартире имел только я, а у всех остальных членов семьи их служебные пайки прекратились, то я написал в анкете, что у меня фактически 10 иждивенцев, что вполне соответствовало действительности¹³. Анкета моя была, вместе с другими, рассмотрена в комиссии и, без какой бы то ни было просьбы с моей стороны, мне был прибавлен второй академический паек по многосемейности в том же размере и сохранен на все время существования пайковой системы. Пример того, как тогда внимательно относились к действительным нуждам ученых.

Дело выдачи академических пайков было организовано во всех отношениях удачно. Но этого нельзя было сказать про другое дело регистрационного порядка. В ведение комиссии по улучшению быта ученых были, в конце концов, записаны все научные работники. Нужно было внести какой-то порядок во всю эту массу, и потому поделили ее по категориям. При болезненной, органической, несчастной, неизлечимой ничем склонности русских к бюрократизму и канцелярщине, здесь вскоре появились все типичные черты табели о рангах и связанного с ней местничества.

Все ученые и научные работники вообще были классификационно поделены на пять категорий.

Первую категорию составляли начинающие научные работники. Эта категория не возбуждала ни в ком никаких сомнений, тем более что тогда «ставки на молодежь» с политической целью еще не было и в помине.

Вторая категория, немногочисленная по составу, была пестра. Сюда, с одной стороны, попадали наиболее талантливые и деятельные из молодых научных работников, а с другой — деликатно выражаясь, «скромные труженики науки», т.е. полные бездарности, дятлы, явные тупицы или выжившие из ума старые работники. Об этой категории меньше всего говорили.

Третья категория была самая обширная. Сюда попадали все так называемые «средние» ученые, немолодые, составившие зачастую себе заслуженное имя, но по скромности не попавшие выше. Когда было некуда деть ученого, а заслуги у него были, так его определяли в третью категорию, которая составляла главную массу.

Четвертую категорию представляли либо действительно выдающиеся ученые, либо занимавшие видные посты, хотя бы их деятельность талантливостью не отличалась, либо ловкие карьеристы и пролазы, которым море было по колено.

Наконец, пятую, высшую категорию представляли исключительно высшие жрецы науки — академики, безотносительно к их действительным достоинствам. Таким образом, в то время она была заполнена почти исключительно петроградцами.

Петроград позволял себе роскошь отбирать в высшие категории довольно щепетильно, зато Москва и провинция из кожи вон лезли, чтобы повышать всеми правдами и неправдами категорию своих научных работников. Это увеличивало фактическую неравноценность и случайность отбора.

Были некоторые науки, не признававшиеся в глазах жрецов науки за науки, по их слишком поверхностному и малому знакомству с этими науками. К таким наукам отнеслась между прочими география, считавшаяся, совершенно неправильно, «лишь комплексом наук», тогда как она, вместе с астрономией, представляют единственные

основные науки о пространстве, т.е. их удельный философский вес исключительно велик. При таком отношении в Академии не было кафедры географии (точнее, кресла, т.к. кафедры всегда связаны с преподаванием, а академические кресла с ним не связаны), значит, в 5-ю категорию попасть, хоть тут лопни, никто не мог. Ученый секретарь Географического общества, академик В.Л. Комаров спохватился и перевел в 4-ю категорию председателя Общества Ю.М. Шокальского, и последний, при своем честолюбии, никак не мог допустить, чтобы кто-нибудь из географов с ним сравнялся, и при этом боялся всегда конкурентов, хотя бы и невольных, а потому и не заикнулся о том, чтобы еще кого-нибудь из географов, например Берга, провести в 4-ю категорию. Только позже, для выравнивания с Москвой и провинцией, плотину само собой прорвало и целый ряд лиц был повышен в 4-ю категорию.

В этой печальной стадии ученых категорий талантливый и симпатичный молодой зоолог профессор Ю.А. Филипченко занялся серьезно вопросами наследственности и через комиссию по улучшению быта ученых разослал ученым 4-й и 5-й категорий весьма интересную анкету, результаты которой и докладывал в клубе ученых. Я присутствовал на этом докладе и в прениях высказался в том смысле, что со статистической точки зрения общие его выводы далеко не полноценны, так как материал 4-й и 5-й категорий очень случаен и не отражает истинных научных сил в надлежащей полноте, причем раскритиковал принятую систему категорий. Филипченко сконфузился, но согласился со мной. Позже он разослал дополнительные анкеты еще ряду лиц, невзирая на категории, и тогда получил значительно более ценный научно материал¹⁴. К сожалению, Филипченко рано умер от какой-то случайной болезни, и работы его оборвались. Кроме того, в это время поднялся, из тенденций всеобщей уравниловки, поход против теории наследственности вообще, загубивший эту отрасль науки у нас вконец. Ей, как и некоторым другим научным отраслям, было запрещено развиваться, причем в виде брандера была, как и всегда, выпущена не соглашавшаяся с ней по молодости лет часть молодежи. <...>

С образования Комиссариата народного просвещения в 1918 году в нем было зарегистрировано огромное количество научно-исследовательских учреждений, стихийно возникших во время голода ради казенного пайка, спасавшего от голодной смерти научных работников. Что это были за учреждения, видно из примера одного из них, находившегося в Новгороде или в Новгородском уезде. Это было философское общество «для изучения причин явлений и вещей», основанное группой близких между собой родственников. Понятно, что от такогохлама и сора надо было очистить ведомство. Но тут, как всегда, переборщили и стали рубить направо и налево без достаточ-

ных оснований. Таким образом, при Географическом обществе, например, был в 1922 году закрыт Комитет Севера. <...>

В 1923 году я был вовлечен С.Ф.Ольденбургом в великое краеведческое движение в качестве товарища председателя вновь возникшего при Академии Наук Центрального Бюро краеведения, председателем которого был Ольденбург, а секретарем — астроном и фенолог Даниил Осипович Святский, очень достойная и прекрасная по душевным качествам личность¹⁵. Другим товарищем председателя был академик А.Е.Ферсман, но будучи «летучкой» по всему СССР от Хибин до Памира, он имел далеко недостаточно времени, которое следовало посвящать этому делу, хотя и относился к нему горячо. Позднее заместителем председателя ЦБК стал академик Н.Я.Марр, отдававший краеведению больше времени, чем Ферсман. Через некоторое время ЦБК перешло в ведение Комиссариата просвещения, что ухудшило его положение. Вскоре я стал именоваться членом Совета ЦБК, что уменьшало мою личную ответственность, но, за недосугом всех трех академиков, на меня была взвалена обязанность фактического бессменного председателя во всех ординарных заседаниях Бюро с многочисленными краеведами, наезжавшими со своими нуждами из всех провинциальных уголков нашего обширного отечества. Д.О.Святский был до революции, при царском режиме, революционером и однажды отсиживал некоторое время в Орловской тюрьме (его родиной был город Севск Орловской губернии, где он был сыном протоиерея). Во время Октябрьской революции Святский служил в Петроградской городской Думе и ему, как революционеру, хотя и не коммунисту, был лично вручен Урицким револьвер вместе с поручением ехать во главе комиссии для расследования каких-то злоупотреблений с поставками продуктов в Петроград. Помощником у Святского по ЦБК был инженер В.А.Казицын, между прочим, тщательно записывавший все слышанные им где бы то ни было анекдоты советской эпохи, с указанием источника.

Краеведческое движение я называю «великим» потому, что это было действительно беззаветное общее движение провинциальной интеллигенции спасти от бесчисленных в то время случайностей все многочисленные памятники культуры как в городах, так и в сельских местностях. К сожалению, через некоторое время радикально повредил этому делу эмигрант Миллюков, со свойственной ему органической бестактностью написавший в своей заграничной газете «Руль», что краеведение — это единственный якорь спасения провинциальной интеллигенции, вследствие чего оно было немедленно же взято под подозрение¹⁶. Но это было позднее, первые же годы краеведческого движения протекали в светлой, отрадной обстановке всеобщего доверия и благоволения, по времени совпавшей с НЭПом.

Раздвоение учреждений между Петроградом и Москвой вызвало

невероятное количество поездок ответственных их представителей между обоими городами. Особенной нетребовательностью к дорожным удобствам отличался А.Е.Ферсман, однажды наживший в теплушке «Максима», как тогда называли товаро-пассажи́рский поезд между Москвой и Петроградом, сыпной тиф, из которого он, впрочем, счастливо выкарабкался, несмотря на свое плохое сердце. Про Ольденбурга академик Федор Ипполитович Щербатской говорил, что он скоро обратится в проводника международных спальных вагонов — так он ездил. Ольденбург с вице-президентом Академии В.А.Стекловым между прочим собственноручно устраивали в Москве Дом ученых в бывшем особняке фабриканта Коншина, нося на себе какие-то тяжести. В одну из своих первых поездок в Москву Ферсман подал правительству мысль об образовании особой государственной плановой комиссии (учрежденной в феврале 1921 года) и в те же времена открыл и мобилизовал хибинские апатиты, будучи сказочно вездущим. Об этом тогда говорили.

Центральное Бюро краеведения пока что находилось в ведении Академии Наук, а позже, когда оно уже состояло в ведении Комиссариата народного просвещения, долгое время управлялось из Петрограда. При этом сначала оно заседало в узком малом конференц-зале Академии, стены которого были украшены многочисленными портретами умерших академиков с репинским портретом своего президента великого князя Константина Константиновича в центре. Эта торжественная обстановка невольно придавала и некоторую торжественность заседаниям Бюро. Москва имела только отделение ЦБК, от которого являлись от времени до времени представители.
<...>

Заведовал музейным отделом Акцентра Григорий Степанович Ятманов, из бывших саратовских лодочников, автор получившего впоследствии широкое распространение произношения «лаболатория» вместо «лаборатория». Это был честный, прямой, весьма доброжелательный к Музею человек, не злой, но упрямый и грубый. На его обязанности было возить мешки с бумажными деньгами для Акцентра и подведомственных ему учреждений из Москвы. Ятманов и Кристи не выносили друг друга, но Ятманов был членом коммунистической партии, а Кристи был беспартийным, и потому по отношению к Ятманову он был бессилен. На их постоянном взаимном антагонизме и построил Молас¹⁷, бывший помощник у Ятманова, политику равновесия по отношению к Музею, очень ловко и удачно.

Для Ятманова характерен такой случай. Акцентр как-то разослал правлениям подведомственных музеев приглашение обязательной явки куда-то ответственного представителя музея. Такой представитель, не помню от кого — от Эрмитажа или от Русского Музея, не

явился, и в свое оправдание прислал письменное объяснение, что у него в этот день была «невральгия». Ятманов красными чернилами зачеркнул слог «не» и подчеркнул двумя красными чертами остаток слова «вральягия», очевидно, считая это очень остроумным, но представителя после этого оставил в покое.

В другой раз Акцентр устраивал в Мраморном дворце днем торжественный прощальный завтрак уезжавшему во Францию гостю французскому профессору-индологу Сильвену Леви, другу Ольденбурга, на который были приглашены все директора музеев, в том числе и я. Когда настало время ехать на вокзал, французский гость извинился, произнес прощальное благодарственное приветствие, откланялся, и в сопровождении А.П.Карпинского и С.Ф.Ольденбурга уехал в автомобиле, а пиршество продолжалось без них, под председательством Кристи. Надо сказать, что, по чьему-то совету, подававшие кушанья официанты были наряжены в оставшиеся от царских времен придворные красные фраки, с белыми чулками и башмаками. Сидевший на одном из видных мест Ятманов недовольно морщился и наконец громко сказал Кристи, что такие костюмы совершенно неуместны после произошедшей революции. Тогда Кристи подозвал старшего официанта и сказал ему, чтобы тот поговорил а parte со своими товарищами и спросил их, как они себя чувствуют в красных фраках. Официант исполнил поручение, пришел со всеми своими товарищами и заявил громогласно, что все они чувствуют себя прекрасно, полноправными советскими гражданами. Кристи торжествовал, а Ятманов поневоле смолк. Эта дискуссия о красных фраках была поистине замечательна. <...>

20 января 1924 года в Горках под Москвой после тяжелой болезни скончался Владимир Ильич Ленин (Ульянов) и на посту председателя Совета Народных Комиссаров его заменил указанный им, но не пользовавшийся авторитетом, молчаливый, угрюмый и слегка заикавшийся Рыков, давнишний знакомый вице-президента Академии Наук академика В.А.Стеклова и его студенческого товарища, сотрудника Академии Наук Раевского. Ленин был атеистом, не сочувствовавшим религиям вообще и церковности; поэтому никаких служб по нем совершать было невозможно. А между тем в те времена Луначарский писал в прессе, что смерть, т.е. переход от существования к несуществованию — вообще настолько важный момент, что он должен так или иначе отмечаться человеком с известной торжественностью. Формы так называемой «гражданской панихиды», т.е. чередования речей в память умершего с инструментальной музыкой печали, тогда еще твердо не установились, также как и похоронные процессии с траурными маршами, а почтить память Ленина с торжественностью как-то было надо. Поэтому Акцентр прислал в подведомственные ему учреждения приглашения с извещением о том,

что в память Ленина, не помню точно где, будет исполнен, с участием артистов Мариинского театра, рекемие Моцарта. Выход был найден: латинские слова католического богослужения были понятны очень немногим, а музыка великолепная. Впоследствии, впрочем, к таким способам почтения памяти больше уже не прибегали. Я сразу же почувствовал всю неестественность такого выхода и потому передал свой пригласительный билет М.И.Велию, которая потом говорила, что исполнение рекемиа было великолепное.

Терявший свое значение, но еще не удаленный из Петрограда, Зиновьев пожелал выслужиться и со своей стороны сделать торжественный жест в память Ленина (которого он при жизни исподтишка старался неоднократно при случае не слушаться) и предложил переименовать «творение Петрово» из Петрограда (название, заимствованное из пушкинского «Медного всадника» при переименовании в 1914 году из Петербурга) на этот раз в Ленинград, тогда как филологически было бы правильнее Лениноград. Тогда же в газетах, в ответ на это предложение Зиновьева, вдова Ленина Н.К.Крупская и одна из сестер Ленина Ульянова написали, независимо одна от другой, что покойный Ленин органически был абсолютно чужд какой-либо тени тщеславия и потому принципиально не признавал никаких переименований вообще. Но на эти их авторитетные заявления не было обращено ровно никакого внимания, наоборот, почтовое ведомство объявило, что с такого-то числа все почтовые отправления, внутренние и заграничные, с адресом Петроград, доставляться не будут вовсе. <...>

Интересно, что когда в начале Первой империалистической войны, не знаю по чьей инициативе, был возбужден вопрос о переименовании всех немецких географических названий в Петербургской губернии в русские, при петербургском губернаторе была образована особая комиссия, в которую я был откомандирован от Совета Географического общества. Там я, ссылаясь на обязательное постановление международного географического конгресса в Берлине, высказался против переименований вообще. Затем в 1917 году министерство иностранных дел Временного правительства почему-то запросило мнение Географического общества насчет переименования открытых Борисом Андреевичем Вилькицким в 1915 году Земли Николая II и острова цесаревича Алексея. Совет Общества, собравшийся летом в мое отсутствие, единогласно высказался против каких бы то ни было переименований, ссылаясь все на то же обязательное постановление Берлинского международного географического конгресса. <...>

23 сентября в Ленинграде сделалось великое наводнение, уступившее по высоте всего лишь 1 фут знаменитому наводнению, бывшему за сто лет раньше и воспетому Пушкиным в «Медном

всаднике». Это новое наводнение сильно отличалось по характеру от прежнего пушкинского, когда над «омраченным Петроградом дышал ноябрь осенним хладом». В противоположность ему это было наводнение солнечное, теплое, еще летнего характера, и ничего мрачного в нем не было.

В этот день после 4 часов, при ясной солнечной погоде окно моего городского кабинета внезапно распахнулось от необычайно сильного порыва теплого ветра и разбилось вдребезги. Я в это время занимался за своим письменным столом, моментально вскочил и стал затягивать большими кусками первой попавшейся под руки бумаги образовавшуюся брешь. В это время, один за другим, неистовствовали дальнейшие ураганные порывы ветра. Все это длилось несколько минут, и вдруг наш двор весь залился водой. «Сухопутные» гуси и утки, которых держали жильцы нашего надворного рабочего флигеля, раньше страдавшие от безводья, теперь воспламенились внезапной бурной радостью и стали стремительно плавать и безумно кружиться в новорожденном озере с полным ликования громким гоготаньем и шумным хлопаньем крыльев. Весело было на них смотреть. «Быть великому наводнению!» — промелькнуло у меня в голове.

Так и случилось.

Леня Гречин, отлучившийся перед тем в какую-то лавчонку, вернулся по пояс в воде. Спасся к нам и случайно проходивший мимо нашего дома приятель наших сыновей Гутик Пресняков (впоследствии профессор геологии Евгений Александрович Пресняков, сын профессора Александра Евгеньевича Преснякова). Ввиду быстрого повышения воды, внизу, в квартире № 1, занятой Тагеевыми, стали поднимать вверх по парадной лестнице вещи и расставлять их около нас на площадке и привели к нам престарелую бабушку Александру Карловну Тагееву, которая у нас отсиживалась. Вода дошла как раз до последней ступеньки перед их дверями.

Солнце село, стало темнеть, но электричество не зажигалось, так как трансформатор затопило водой в подвале. Остался один только телефон, по которому мы и вели непрерывные разговоры со всеми родными и знакомыми, делясь впечатлениями.

До нас дошел слух, что по Среднему проспекту от Кадетской линии прошел буксирный пароход, скоро впрочем свернувший по одной из линий в Малую Неву.

По 3-й линии гнало по воде много дров, и наша молодежь, надев болотные сапоги, когда вода начала сбывать, и открыв дверь подъезда, крючьями и палками загоняла их внутрь дома к парадной лестнице.

Наконец, в полночь явился застрявший где-то Роман и сказал, что он пришел с баржи, вынесенной наводнением на набережную Невы у Зимнего дворца. На этой барже он со своими товарищами-

сослуживцами, по долгу службы, плыл от Шлиссельбурга вниз и попал в наводнение. Для того, чтобы баржа не разбилась о мосты, они остановились у Дворцовой набережной, а потом выбросились на ней на эту набережную. Затем он пошел в темноте обратно на баржу, где у них было установлено дежурство. За этот подвиг по спасению казенного имущества начальство представило их всех потом к денежным наградам, но это представление «затерялось» где-то в Москве, вернее, из экономии, его положили просто под сукно.

Все картины от разрушений, причиненных в Ленинграде наводнением, по спаде воды, были особенно ясно видны на следующее утро, когда погода продолжала быть безоблачной и стала совершенно тихой, вследствие чего огромные толпы любопытных бродили целый день по всем улицам и площадям города, точно в большой праздник <...>

В это время я написал статью «Наблюдения по антропогеографии» для сборника «В помощь краеведу» под редакцией профессоров С.А.Советова и В.П.Буданова (было два издания — в 1925 и 1926 годах, оба — Брокгауза-Ефрона). Тут вышел такой случай. Когда все уже было отпечатано, ленинградская цензура с чего-то в последний момент заартачилась. Перельман, главный представитель издательства, отправился в цензуру и стал добиваться причины. Дама-цензор указала на мою статью. Перельман просил ее точно указать, в чем же моя статья прегрешила. Она ответила, что ровно ни в чем, а «так, общий ее дух мне что-то не нравится». Перельман тотчас же полетел к Ферсману, который в этот же вечер случайно уезжал на несколько дней в Москву, дал ему для ознакомления сборник и просил его похлопотать в Москве. А.Е.Ферсман охотно взял книжку с собой, в вагоне прочел мою статью и представил ее лично в главную цензуру в Москве. Там прочли, сказали, что ровно никаких возражений не имеют, и приказали выпустить в свет сборник.

В другой раз мне пришлось самому пойти в ленинградскую цензуру, помещавшуюся на Казанской улице в бывшем здании ведомства императрицы Марии, для получения, в виде исключения, разрешения на напечатание нескольких прежних карт в прежней транскрипции вследствие хлопотливости и дороговизны их перечеркивания. Проходя мимо окна общей цензуры, у которого стояла общая очередь, я заметил, что когда у цензора выходило пререкание с клиентом, то, не желая слушать настойчивых объяснений, он просто молча захлопывал окно перед его носом и дожидался, пока тот с недоуменным видом уйдет, а затем снова открывал свое кассовое окно для следующего клиента. В следующей комнате помещалась специальная картографическая цензура. Ввиду того, что развернутые карты занимают много места, здесь была другая система, а именно, касс не было, и их заменяли открытые столы, по одной стороне

которых сидели цензоры, а с другой подходили клиенты. Тут тоже были очереди, хотя и более короткие. Я стал за каким-то гражданином, на которого цензор страшно напустился почему-то, грубо его ругал и кричал на него. Гражданин пожал плечами и ушел. Подошел я в момент, когда ругательный пыл цензора еще совершенно не успел остыть, и он крикнул мне громко грубым голосом: «Что вам надо?» Я, чтобы остудить его пыл, также грубо и еще громче крикнул: «Стул!», схватил первый попавшийся стул, с громом поставил перед ним, сел на него и, выпуча глаза, стал молча смотреть на цензора, а он — на меня. Несколько секунд длилась эта немая сцена, он понял, остыл от полученного им «душа», самым любезным тоном заговорил со мной и, спросив у меня некоторые разъяснения, очень охотно дал разрешение.

Но бывали курьезы и другого рода. Так, профессор, а вскоре после того академик Франц Юльевич Левинсон-Лессинг, ученик Иностранцева и потому мой старый знакомый, бывший на 9 лет старше меня, печатал свой университетский курс петрографии. Цензор, пропускавший это учебное пособие после переименования Петрограда в Ленинград, красными чернилами зачеркнул в заголовке труда слово «петрография» и заменил его словом «ленинграфия». Пришлось немало хлопотать, чтобы восстановить слово «петрография» на обложке книги. <...>

В те времена происходили бесконечные перекочевки с места на место различных учреждений, «les transhumances», сказали бы французы. Это напоминало крыловский «Квартет». И вот однажды, возвращаясь по Николаевскому мосту на Васильевский остров, я видел такую сцену. Навстречу мне, с Васильевского острова, переселялось какое-то, видимо, крупное учреждение, так как его обоз занял всю длину моста. На подводах ехали бесконечные пачки письменных материалов. Значительную часть их составляли пачки каких-то заполненных анкет на плотной великолепной разноцветной бумаге. Плохо завязанные, они в нескольких местах развязались и усыпали весь мост в его длину. Возчики зевали и ничего не замечали. А публика, шедшая навстречу с разными рыночными манатками, тщательно их подбирала как хорошую оберточную бумагу, в которой чувствовался настолько острый недостаток, что на рынке селедки и прочую жирную снедь заворачивали в те времена в секретные крупномасштабные военно-топографические карты, и этого никто не замечал, кроме специалистов*. Можно себе представить, что доехало

---

* Это интересно сопоставить с последовавшим через полтора десятка лет таким сверхзасекречиванием всяких, самых невинных карт, что от этой диалектической противоположности житья не стало географам и картографам¹⁸. А Баранский меня вдобавок уверял, что это наверняка продлится до самой Всемирной пролетарской революции, то есть до второго пришествия.

до места от этой, видимо, весьма важной анкеты, судя по тому, что она была начертана на такой шикарной бумаге!

Несколькими годами позже, идя в том же направлении по Николаевскому мосту, я был свидетелем другой сцены. По одной стороне моста мне навстречу ехал обоз с огромными бутылками серной кислоты. Вдруг одна бутылка лопнула и кислота полилась потоком на мостовую, а обоз остановился. Не желая шагать через этот поток, я поспешил перейти на другую сторону моста, там параллельно мне двигалась на Васильевский остров — очевидно, на Смоленское кладбище — процессия красных похорон, а непосредственно вслед за нею, носом к затылку, ехал ассенизационный обоз. И все это жестко и безжалостно подгонялось сзади вьюгой-поземкой, неизвестно откуда налетевшей. <...>

В 1925 году торжественно праздновалось 200-летие Академии Наук. Из Москвы приезжал Калинин и произнес приветственную речь в юбилейном заседании. Я его видел и слышал впервые. Затем был банкет в зале Этнографического отдела Русского музея. Там тоже был Калинин. Я участвовал в банкете. Популярный костромской краевед Василий Иванович Смирнов, впоследствии переключившийся на геологию, и его брат, тоже популярный переяславль-залесский краевед Михаил Иванович Смирнов ходили чокаться с Калининым. Президиум Академии Наук вначале предполагал включить Зиновьева в число членов юбилейного организационного комитета, но Рыков заявил, что Зиновьев окончательно «запутался в Коминтерне» и что его включать нельзя. Поэтому Зиновьев отсутствовал¹⁹.

В январе 1926 года в Москве собрался всесоюзный статистический съезд для окончательной подготовки всеобщей переписи населения. Я был делегатом от Академии Наук и от Географического общества и ездил в Москву в сопровождении С.П.Руденко. Заседания съезда происходили в Центральном статистическом управлении, а мы с Руденко останавливались в общежитии Комиссии по улучшению быта ученых на Кропоткинской набережной у Крымского моста. У меня была задача настоять на составлении, для нужд Комиссии племенного состава, особой картотеки по материалам предстоящей переписи по каждому населенному пункту в отдельности, как бы мал он ни был, с указанием числа жителей каждой национальности в данном пункте. Выхлопотать это мне удалось.

На одном из общих собраний съезда выступил Рыков с речью относительно предстоявшей переписи населения. Я его видел первый и последний раз в жизни. Слушая его, я заметил, что он заикался. Про него рассказывали, что он любил выпить. <...>

По смерти Ленина Москва, по примеру Ивана Калиты, собиравшего в ней Русь, стала усиленно собирать в ней все учреждения, так

или иначе носившие всесоюзный характер. Эта работа растянулась на много лет, но шла непрерывно — не мытьем, так катаньем.

Краеведение было одним из первых объектов этой деятельности. Ф.Н.Петров решительно заявил С.Ф.Ольденбургу о необходимости выделения Центрального Бюро краеведения из Академии Наук в Главнауку в Москву, с сохранением в Ленинграде филиала Бюро, и Ольденбург уступил, несмотря на то, что работа ЦБК в Ленинграде была поставлена несравненно лучше, чем в Москве, и в Москве же она впоследствии и замерла.

Началась незаметно провинциализация Ленинграда, прежде всего его прессы. Большие газеты, унаследованные еще от того времени, когда Петроград был столицей России, выходившие дважды в день, как например, «Биржевые ведомости», названные Володарским «Красной газетой» и также выходившие долго дважды в день, стали сначала появляться раз в день, а к концу 1930-х годов и вовсе прекратились, так что у Ленинграда с его населением, достигшим к этим годам более трех миллионов, остался всего один глубоко провинциальный листок «Ленинградская правда», но вместо того московские две главные газеты стали получаться, посредством самолетов, в тот же день. Централизация прессы достигла высшего предела. На книгах стало печататься «Москва — Ленинград», хотя бы они выходили в Ленинграде, одним словом, «Ленинград стал лучшей частью Москвы», как говорили сами же москвичи, стараясь позолотить пилюлю. <...>

Примечания

¹ С 1909 В.П. заведовал Отделением статистики Министерства торговли и промышленности. После 25 октября 1917 он не стал участвовать в забастовке чиновников, не обеспеченной материально, но удалился от дел. Семья автора решила из Петрограда не уезжать. «Это и оправдалось впоследствии: около трех четвертей всей моей научной и научно-художественной продукции пришлось на советское время и шло в полном согласии с новыми требованиями и условиями».

² *Бобин* Сергей Павлович (1868-?) — географ, преподаватель, автор пособий по географии. «Вообще это был один из самых культурных, знающих и разносторонне образованных преподавателей географии в Петербурге. Кроме того, у него был несомненный дар живописца и вкус. Он, как энтузиаст географии, трогательно переиздавал на свои скромные заработки некоторые экономгеографические работы Воейкова, а также переводил и издавал “на свой кошт”, как выражались в старину, некоторые иностранные работы по экономической географии, например Эрнста Фридриха. Все это составляло серию чтений по географии. При этом за материальными выгодами он не гонялся, и его интересовала только идейная сторона». Один из инициаторов первого географического вуза в России — Высших географических курсов при Докучаевском почвенном комитете (1916; с 1918 Географический ин-т). После Октября — профессор различных вузов, один из ближайших сотрудников В.П. по ЦГМ. В 1936 арестован, получил 10 лет лагеря, замененных высылкой в Актюбинск, потом в Малую Вишеру.

³ С семьей слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833-1914) В.П. сближился еще в студенческие годы; в 1896 женился на дочери Ламанского — Вере.

⁴ Ср. следующий отзыв В.П. о З.Г.Гринберге (1889-1949): «Во время нашествия Юденича ко всем событиям замечательно спокойно и с большим достоинством относился заместитель А.В. Луначарского в Петрограде доброжелательный и веселый Захарий Григорьевич Гринберг, ставший любимцем всех петроградских ученых и удивительно успокоительно действовавший на всех служащих Петроградского отдела» Наркомпроса. Именно благодаря его «энергичному и благожелательному содействию» были получены «первые ассигнования на географический музей в виде целых мешков кредитных знаков». При этом Г. заявил, что «никакого организационного комитета комиссариат не знает, а знает лишь одного Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, которого высоко уважает и которому безусловно доверяет, а потому отпускает все средства в личное его распоряжение».

⁵ Сыновья В.П., впоследствии — инженеры-кораблестроители.

⁶ Семенова-Тян-Шанская (ур. Ламанская) Вера Владимировна (1876?-1940), жена В.П.

⁷ Семенов-Тян-Шанский Андрей Петрович (1866-1942) — энтомолог, с 1890 до конца жизни служил в Зоологическом музее АН, много лет возглавлял Русское Энтомологическое общество. Кроме того — поэт, переводчик Горация. Умер в блокадном Ленинграде, пережив В.П. на два месяца. Семенов-Тян-Шанский Валерий Петрович (1871-?) — юрист. До Октября служил в Сенате, потом — в возникшем на его месте архиве, где стал одним из ведущих научных сотрудников. Ненадолго арестован в конце лета 1918. «Неуклонный законник», протестовавший при обысках, опираясь на тщательно изученные им советские законы. «Этим он совершил непоправимую ошибку во вред себе же, озлобив малограмотных обыскивателей, привыкших легко относиться к своим правам. <...> После одного своего протеста брат Валерий был на несколько часов снова арестован и снова же отпущен, за неимением какой-либо вины. Узнав об этом, Рязанов [руководивший В.П. по службе в архиве. — Публ.] доложил народному комиссару просвещения А.В.Луначарскому. Луначарский, бывший в это время в Петрограде, приехал в Василеостровский Совдеп урезонивать товарищей, но успеха не имел и через Рязанова передал брату Валерию, что оппозиция против него в Совдепе, к сожалению, слишком сильна и что ему несдобровать, а потому самое лучшее для него — смыться куда глаза глядят», что тот и вынужден был сделать.

⁸ Эпизод, видимо, относится к 1918. Несмотря на то, что расстрелянный впоследствии Петр Иоакимович (Акимович) Пальчинский (1875-1929) был объявлен крупнейшим вредителем, В.П. в своих воспоминаниях пишет о нем с неизменной доброжелательностью.

⁹ О Л.С.Берге (1876-1950) ср.: «Лев Семенович или, правильнее, Симонович Берг, родом из Бендер в Бессарабии, сын нотариуса, принадлежал к тем идеальным, почтенным и благородным евреям, которые в древности в своих крупнейших представителях дали многочисленных ветхозаветных пророков, а во времена Римской империи — апостолов, их учеников, евангелистов, первых христиан, самой историей противоположавшихся по психике евреям, обладавшим рядом неудобных для общезнания национальных черт, обличавшихся еще некоторыми ветхозаветными пророками».

¹⁰ Неслуховский Константин Францевич — педагог. До революции — инспектор классов и преподаватель истории в Петербургском пехотном юнкерском училище,

после — преподаватель географии и картограф. *Стрельников Иван Дмитриевич* (1887-?) — в нач. 1920-х — ученый секретарь Научного института им. П.Ф.Лесгафта.

11 Ср. о географе Юлии Михайловиче *Шокальском* (1856- 1940): «как бывший морской генерал-лейтенант царской службы, был в полном смысле вопросительным знаком для советской власти. К тому же он отличался глухотой, что еще больше увеличивало его загадочность для нее».

12 Н.Я.Март вернулся из-за границы в июне 1921. Описываемый эпизод, скорее всего, относится к 1923-24.

13 Летом 1922 в квартире В. П. поселилась большая семья *Н.А.Гречина* — их давнего знакомого, врача, хлопотавшего в то время о работе под Петроградом.

14 См.: Филиппченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга //Известия Бюро по евгенике. 1922. №1; он же. Наши выдающиеся ученые //Там же.

15 Ср. О Данииле Осиповиче *Святском* (1881-1940), астрономе, метеорологе, историке, арестованном в марте 1930: «Впоследствии, когда Святский и другие привлеченные краеведы были освобождены, они говорили мне, что в полных списках краеведов, принимавших деятельное участие в Центральном Бюро краеведения, бывших на руках у следователей, имена Ольденбурга, Марра и мое были энергично вычеркнуты красным карандашом, как будто нас не существовало, и ни об одном из нас никогда совершенно не расспрашивали».

16 П.Н.Милюков выпускал не «Руль», а газету «Последние новости» (Париж), хотя некоторые свои статьи печатал в «Руле» (Прага). Статью, о которой говорит (явно понаслышке) В. П., обнаружить не удалось. В любом случае его представление о роли этой статьи преувеличено.

17 *Молас Борис Николаевич* (1877-?) — юрист, музеевед. В.П. был с молодых лет знаком с его семьей. Перед 1917 — чиновник Госконтроля, камер-юнкер, в первые послереволюционные годы служил в Отделе по делам музеев Главнауки; в это время под его руководством была создана первая сеть провинциальных корреспондентов ЦГМ. В трудном для Музея 1923 выполнял обязанности ученого секретаря ЦГМ: «Сколько раз судьба музея висела на волоске, но он ни разу не терялся, спокойно, с величайшей выдержкой, деловитостью и дипломатическим тактом тушил разгоравшийся пожар и направлял дело в надежную колею». С 1923 — в аппарате АН. Арестован в декабре 1929, в 1931 осужден на расстрел с заменой 10 годами концлагеря. В конце 1936, когда Молас был в архангельской ссылке, В.П. привлек его к работе над путеводителями.

18 Эпизод, относящийся примерно к 1932: «В то время, после многочисленных процессов, широко распространилась секретомания в связи с шпионофобией. Цензура поняла ее уподобленно: “Тащи и не пушай”. Поэтому, когда мой сотрудник по редакции карт кадастра Дьяконов представил в цензуру мелкомасштабную карту Ленинградской области, цензор не пропустил на ней ни одного подхода железных дорог к Ленинграду (как к важному стратегическому пункту) и хотел заставить все железнодорожные линии испариться в поле, среди которого поставить Ленинград мелким кружком. Я передал цензору через Дьяконова, что он, цензор, совершеннейший идиот, после чего цензор смирился и пропустил карту беспрепятственно. Несколько лет спустя «справы с цензурой уже не оказались никакой».

19 Сам факт невключения Зиновьева в юбилейный оргкомитет чрезвычайно важен. Возможно, в этом отразилась внутрипартийная борьба, однако маловероятно, чтобы Рыков в 1925 делился этой информацией с беспартийными, даже с руководством АН.

НЕЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД: ИЗ АРХИВА В.Н.ФИГНЕР

Публикация Я.В.Леонтьева и К.С.Юрьева

В течение многих десятилетий имя Веры Николаевны Фигнер (1852-1942) было окружено особым ореолом в глазах демократической интеллигенции. «В чем состояла эта сила, это обаяние, которым она пользовалась, трудно сказать. Она была умна и красива, но не в одном уме было дело, а красота не играла большой роли в ее кругу, никаких специальных дарований у нее не было. Захватывала она своею цельностью, сквозившею в каждом ее жесте; для нее не было колебаний и сомнений. Не было, однако, в ней и той аскетической суровости, которая часто бывает свойственна людям этого типа», — такой запомнил ее Н.К.Михайловский¹. Легендарная народоволка, участница покушений на Александра II, смертница по «Процессу 14-ти», а затем многолетняя узница «русской Bastии» — Шлиссельбурга. С годами в облике Фигнер все более выступают сакральные черты, а ее нравственный авторитет превращается в самодовлеющее начало: несломленная, живая мученица идеи.

Именно в таком, «житийном» оформлении предстает перед нами В.Н.Фигнер на страницах посвященных ей статей и книг. Большею частью они касаются народовольческого периода ее биографии. О том, что было с нею по выходе из заточения в 1904 и, особенно, в советские годы, — написано сравнительно мало². Между тем ее литературная и общественная активность этого времени заслуживает серьезного внимания.

Выйдя из крепости, Фигнер попала сначала в ссылку, а потом за границу, где вскоре вступила в партию социалистов-революционеров, которую считала естественной приемницей программной и тактического наследия «Народной воли». Однако довольно скоро она вышла из партии (в 1908, после разоблачения Азефа) и в общем как должное приняла сказанные ей на прощание слова Н.Д.Авксентьева: «Вы и не должны были примыкать ни к какой партии,

¹ Михайловский Н.К. Из воспоминаний о В.Н.Фигнер // Полн. собр. соч. Т.10. СПб., 1913. Стлб.56.

² Исключение составляет работа: Гарелин И. (Бацер Д.М.) В.Н.Фигнер и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (Публ.А.Б.Рогинского) // Память: Исторический сборник. Вып.3. Париж, 1980. С.393-402. См. также публикации последнего времени: Женщина русской революции: литературные и психологические аспекты архива Веры Фигнер / Обзор Ю.Красовского // Встречи с прошлым. Вып.4. М., 1987. С.330-363; Коржихина Т. За пять лет до 1937-го // Московские новости. 1988, 6 ноября; Воронихин А.В. В.Н.Фигнер и В.И.Ленин, 1914-1924 гг. К истории отношений революционеров различных поколений освободительного движения России // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: Межвузовский научный сборник. Вып.5. Ч.2. Саратов, 1989. С.102-113; Боль сердца нашего... : Письма сельской учительницы [к В.Н.Фигнер] о 30-х гг. в деревне / Публ. и комм. Е.Д.Жуковой // Факел: Историко-революционный альманах. М., 1990. С.226-236.

потому что Вы принадлежите всем»³. Ощущение «принадлежности всем» (конечно же, внутри левого лагеря русской интеллигенции) стало важным элементом ее самосознания, постоянно находило подтверждение в отношении к ней окружающих (в 1922 в оргкомитет по ее чествованию вошли на равных бывшие эсеры, кадеты, эсдеки, околопартийные литераторы, анархисты: Д.И.Шаховской, А.Н.Потресов, С.П. Мельгунов, Е.П.Пешкова, В.В.Вересаев и др.⁴) и в значительной степени определило специфику ее общественной позиции в 1910-30-е годы.

Другим важным фактором, определявшим эту специфику, было возраставшее с годами у Фигнер чувство исторической ответственности. Она несла эту ответственность не только и не столько за себя (в конце концов, имея за плечами 22 года крепости, можно было не слишком беспокоиться за смысл прожитой жизни), но и за все революционное движение, неотъемлемой частью которого она продолжала себя ощущать. И каждая смерть (Лопатина, Плеханова, Кропоткина) только увеличивала степень этой ответственности.

* * *

Крушение самодержавия и становление новых институтов власти произошло на ее глазах. От имени «старого поколения революционеров, поднявшего знамя Народной Воли и боровшегося под этим знаменем за свободу и счастье трудового народа» Фигнер приветствовала открытие Первого съезда Советов крестьянских депутатов (май 1917). «Переворот 25-го октября ст.ст., — писала она в 1926 в «Автобиографии», — которым началась наша социальная революция, и все последовавшее затем я пережила крайне болезненно. К борьбе социалистических партий — этих родных братьев — я была не подготовлена»⁵.

При всем том, ни эти заявления общего характера, ни известные факты независимого поведения Фигнер после Октября (некоторые из них приведены в публикуемых ниже документах) не описывают всей сложности ее отношения к событиям 1917 года. Еще в сентябре, в перерыве между заседаниями Демократического совещания, в работе которого, как затем и в работе Предпарламента, ей довелось принимать участие, она с грустью делилась с двоюродной сестрой Н.П.Куприяновой своими наблюдениями и неуверенностью в перспективах развития революции:

«Все утомлены фразой, бездействием и ввязем безнадежно в трясину наших расхождений. Только большевики плавают, как щука в море, не сознавая, что своей необузданностью и неосуществимыми приманками темных масс постыдно предают родину — немцам, а свободу — реакции.

Ни у кого нет и следа подъема благородных чувств, стремления к жертвам. У одних, <потому> <что> этих чувств и стремлений у них вообще нет, а у других, потому что они измучены духовно и телесно, подавлены величиной задач и ничтожеством средств человеческих и вещественных для выполнения

³ Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга // Полн. собр. соч. Т.3. М., 1932. С.309.

⁴ Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2/3. С.84.

⁵ Фигнер В.Н. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С.253-254.

их. У меня лично, конечно, оттого, что в прошлом был громадный, тяжелый опыт, разбивший [бес]полезные иллюзии относительно духовного облика средних людей, — с самого начала не было радостного возбуждения, великого чаяния, что свобода будет водворена без тяжких потрясений, а Россия не раздавлена несчастной войной»⁶.

Конечно, Фигнер испытала сильнейшее унижение от разгона большевиками Учредительного собрания (В.Н. была избрана туда по Астраханскому округу), но острое чувство горечи она вынесла уже из предоктябрьских событий, когда в полной мере убедилась в неспособности российской демократии к эффективным политическим действиям. Чувство это с годами не ослабло, и даже в 1930, полемизируя с историком Е.Е.Колосовым, бывшим эсером, она резко упрекает революционеров — деятелей 17-го года в недостатке решимости, отступлении от принципов революционного народничества: «В некоем царстве, в некотором государстве совершилось падение монархии, образовалось временное правительство, но оно не объявляет республики... Что же, мы, революционеры, хвалить его будем? Вот настоящие широко-общественные деятели — не какие-нибудь якобинцы! Или, несмотря на народный вековой взгляд, что земля ничья, божья, и должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, несмотря на полувековой стон народа: "Земли, земли!", — в разгар революции, когда фактически он уже завладел землей, — временное правительство, из боязни узурпировать права будущего народного представительства, не решается и не декретирует, что частная собственность на землю упраздняется... Что? Это неякобинство тоже наиболее соответствует истинно-революционному сознанию?»

Если голос народа ясно и определенно говорит, то *революционное* временное правительство своим декретом только санкционирует *Народную Волю*⁷.

Жизненный опыт и трезвость исторического взгляда заставляли Фигнер принять победу большевиков как данность. Реальный ход событий убедил В.Н. в том, что страна оказалась не готовой перейти к свободе. Конечно, нравственное чувство Фигнер, ее развитое правосознание, представления о демократии, да и просто здравый смысл не позволяли ей смириться с практикой новой власти. Вместе с тем она была против и какой бы то ни было борьбы с правящей партией. Она не считала для себя возможными даже публичные оппозиционные выступления, полагая их «несвоевременными». Оставаясь социалисткой, Фигнер видела дальнейший путь развития страны не в партийной борьбе или классовых столкновениях, а в возврате к истокам социалистических ценностей, следующим через усиление личного начала в человеке. 11 апреля 1925 в газете российских рабочих организаций США и Канады «Рассвет» была опубликована статья за подписью «Вера Ф.», которая с большой долей вероятности может быть атрибутирована как текст одного из выступлений Фигнер в Кропоткинском Музее: «Вы спрашиваете, — что делать? Нужна революция. Да, снова революция. Но наша задача слишком грандиозна. Революция слишком необычна, и надо серьезно готовиться к ней. Что толку, если снова угнетенные сядут на место бывших властников? Они

⁶ ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.231. Л.115об.-116об.

⁷ Кузьмин Дм. (Колосов Е.Е.) Народовольческая журналистика. М., 1930. С.239-240.

сами будут зверьми, даже, может быть худшими. <...> Нам надо сегодня же начать серьезную и воспитательную работу над собой, звать к ней других <...>. Когда человек поймет в человеке, что он высокая индивидуальность, что он большая ценность, что он свободен также, как и другой, тогда только станут обновленными наши взаимоотношения, только тогда совершится последняя светлая духовная революция и навсегда отпадут заржавленные цепи»⁸.

Такое понимание исторического момента определило характер и масштаб общественной деятельности Фигнер в 1920-30-е годы. Она возглавляла или принимала участие в работе свыше 15 общественных организаций. Историческое просвещение, правозащитная работа, народное образование, помощь голодающим и беспризорникам — таковы основные, но далеко не все направления ее занятий. Поэтому при оценке места затронутых в публикуемых нами документах сюжетов в общем объеме деятельности Фигнер важно избежать привычной политизации: для В.Н. в это время организация ручного труда в школе могла значить не меньше, чем попечение о судьбе заключенных эсеров. Да и последнее не должно быть понято узко: основным приемом правозащитных усилий Фигнер было последовательное вразумление власть предержащих, упорное отстаивание принципов права, т.е. по существу — та же культуртрегерская работа, одушевленная задачей вочеловечить настоящее.

Ту же цель преследовала и литературная деятельность Фигнер: мемуарная и научно-историческая — по сути главное дело ее жизни в 1920-30-е годы. Объем созданного ею в это время огромен: два издания собрания сочинений (в 6 и 7 томах) и одно «Избранное» (в 3-х), три полновесные книги воспоминаний, десятки биографических очерков, исследований, статей и заметок, редакторская работа в словаре Гранат, подготовка нескольких сборников документов по истории революционного движения.

Героическое прошлое, реальное положение крупного общественного деятеля и — не в последнюю очередь — подчеркнутая политическая лояльность, — все это составляло основу того особого статуса, в котором Фигнер пребывала практически до самой смерти. Современники подчас весьма упрощенно толковали этот статус лишь как попытку большевиков использовать легенду о народолюбцах в собственных целях. Американская анархистка Эмма Гольдман приводит по этому поводу свидетельство бывшей народоволки П.С.Ивановской (зашифрованной под именем «Г-жи X»): «Я высказала свое удивление тем, что Короленко оставляют на свободе, несмотря на его частые выступления против власти. Г-же X это не показалось странным. Она объяснила мне, что Ленин очень умный человек. Он знал, где у него козырные карты — Петр Кропоткин, Вера Фигнер, Владимир Короленко, — с этими

⁸ Ф <игнер> Вера. Без заглавия // Рассвет (Нью-Йорк). 1925, 11 апреля. С.2. Близкие мысли содержатся и в аутентичном тексте выступления Фигнер на вечере памяти Кропоткина 9 декабря 1924: «Со времен Христа очень мало, кто идет по пути, начертанному Христом, который учил, что самопожертвование есть высшее, к чему способен человек. Основа нравственности состоит в стремлении к наибольшему счастью наибольшего числа людей, и в каждом человеке для осуществления такого строя должна происходить какая-то внутренняя серьезная работа над самим собой». (Полн. собр. соч. Т.5. М., 1932. С.464).

именами надо было считаться. Ленин понимал, что пока можно указывать на них, остающихся на свободе, удастся успешно опровергать обвинение в том, что при его диктатуре пользуются лишь ружьем и кляпом. И весь мир проглотил эту приманку и молчал, пока распинали истинных идеалистов⁹.

Как бы то ни было, но значение статуса В.Н. в послереволюционной жизни было шире политической неприкосновенности: она не только была влиятельным общественным деятелем (многие большевики старшего поколения, еще не отделившие себя от общей традиции революционного движения и до поры не устранившиеся от власти, прислушивались к мнению старой народоволки), но и одним фактом своего бытия поддерживала существование самой общности. Расцвет многих независимых легальных структур в 1920-е годы непосредственно связан с ее именем. С годами положение менялось: свертывалась социальная среда, в которой жил ореол вокруг личности Фигнер — одни пали жертвами репрессий, другие поменяли ценностные ориентиры, третьи просто умерли. Попытки освоения легенды о народовольцах государственной идеологией сменялись изъятием этой эпохи из истории освободительного движения¹⁰. Большевики, с которыми Фигнер еще могла состоять в диалоге, выбывали из государственной жизни, а порой и из жизни вообще. Наконец, давал себя знать и возраст: В.Н. пошел девятый десяток. К середине 1930-х годов влияние Фигнер и ее роль в общественной жизни сходят на нет. Да и сама «общественная жизнь» в это время прекращается.

* * *

Основной массив публикуемого материала извлечен нами из личного фонда В.Н.Фигнер (Ф.1185), хранящегося в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (далее — ЦГАЛИ). Письма Фигнер к Ф.И.Седенко-Витязеву находятся там же (Ф.106). Все документы публикуются впервые, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Место и дата написания каждого документа указаны перед началом текстов, а архивный шифр — в конце. Данные, установленные составителями, а также фрагменты, прочтенные условно, заключены в квадратные скобки, недописанные части слов — в угловые. Авторские примечания, переводы иноязычных выражений и указания на дефекты оригинала помещены в низу страниц. Зачеркнутые и вписанные над строкой фрагменты текста, а также исправленные составителями очевидные ошибки и опечатки специально не оговариваются.

Публикация состоит из трех самостоятельных разделов. Внутри каждого из них документы расположены хронологически. Примечания следуют после каждого из разделов. Все цитаты из мемуаров, статей и речей В.Н.Фигнер даются по полному собранию ее сочинений в семи томах (М., 1932).

Публикаторы выражают признательность Д.И.Олейникову, Т.М.Гарасе-

⁹ Цит. по: Негретов П.И. В.Г.Короленко: Летопись жизни и творчества: 1917–21 /Под ред. А.В.Храбровицкого. М., 1990. С.258.

¹⁰ См. подробнее: Цензорская правка «Голубой книги» Зоценко /Публ. С.Печерского (А.Б.Рогинского) //Минувшее: Исторический альманах. Вып.3. М., 1991. С.383–388.

вой, Г.С.Кану, В.В.Кривенькому, А.Л.Никитину, Е.В.Старостину, И.В.Чубыкину, Д.М.Фельдману, М.Э.Фигнер, Л.Ю.Флоровской, сообщившим ряд ценных сведений. Особенно благодарим за поддержку нашей работы А.В.Ратнера и С.В.Шумихина.

I

В ЗАЩИТУ ПРАВА

В послеоктябрьское время правозащитная деятельность и гуманитарная помощь преследуемым за убеждения стали для многих старых революционеров органическим продолжением их дореволюционных усилий в том же направлении. В.Н.Фигнер не была здесь исключением, хотя, например, в Политическом Красном Кресте (далее ПКК), возглавлявшемся Е.П.Пешковой¹, как и во многих других организационных начинаниях новой эпохи, она участвовала далеко не в полную силу: «Другое дело, в кот<орое> я тоже души не вкладываю, — писала она 2 июня 1923 старому эсеру Е.Е.Лазареву, — это помощь заключенным, кот<орая> вся лежит на Эк<атерине> Пав<ловне> Пешковой; на нее официально возложена ответственность за ведение этого дела. Я посвящаю лишь немного времени на сбор, сортировку и отправку книг в тюрьмы Москвы и в лагеря, находящиеся вне ее (немногие)»².

С Пешковой Фигнер связывала совместная работа в основном политэмигрантами из царской России Обществе помощи политическим каторжанам, иначе — «Парижском Комитете» (1910-14) и в возникшем после Февраля 1917 на родине Обществе помощи освобожденным политическим. Фигнер активно действовала во главе обеих этих организаций. После Октября ни ее интерес к делу помощи политзаключенным, ни личное доверие к Е.П.Пешковой, вероятно, не ослабли, однако, по-видимому, в это время все, что не касалось непосредственно мемуарного творчества, отступало для Фигнер на второй план. Отчасти это можно объяснить возрастом, ясным осознанием ограниченности своих сил. Кроме того, непривычной для старой революционерки была и сама легальность деятельности ПКК. Первый из публикуемых документов ясно показывает, что она вполне оценивала нравственную сложность такой работы в советских условиях.

¹ Московский комитет ПКК (др. назв. Комитет помощи политическим ссыльным и заключенным, сокращенно Помполит) существовал с февраля 1918 до середины 1937. Екатерина Павловна *Пешкова* (урожд. Волжина, 1876-1965) — жена (1896-1904), друг и помощник А.М.Горького, в прошлом член партии эсеров. Некоторые сведения о ПКК см.: Марков О. (Левин М.Р.) Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным // Память: Исторический сборник. Вып. I. Нью-Йорк, 1978. С.313-324; Минин Дм. (Бацер Д.М.) Еще о Политическом Красном Кресте // Там же. Вып.3. Париж, 1980. С.523-538; Книпер А.В. Фрагменты воспоминаний / Публикация К.Громова и С.Боголепова (И.К.Сафонова и Ф.Ф.Перченка) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. I. М., 1990. С.142-151, 183-190.

² ЦГАОР СССР. Ф.5824. Оп.2. Д.80 Л.18.

Все перечисленное не помешало Фигнер стать впоследствии почетной председательницей ПКК, организовывать лекции, концерты и вечера, сбор от которых шел в его кассу, привлечь к работе в ПКК своих родных: сестру Е.Н.Фигнер, зятя М.П.Сажина, кузин Л.П. и Н.П.Куприяновых. Из всех преследуемых в советское время Вере Николаевне ближе всего были эсеры, однако в деле заступничества она не делала разницы между политическими течениями: все заключенные были для нее «жертвами нашей междоусобной войны и распри»³. С другой стороны, подопечные Фигнер, принадлежавшие к разным партиям и группировкам, были также едины в своем пиетете по отношению к ней, для всех них она оставалась непререкаемым нравственным авторитетом.

Не меньшее значение в 1920-е годы, чем практическая помощь политзаключенным, имели те протесты в защиту права, которые раздавались со стороны старых революционеров⁴. Голос Фигнер среди них был слышен совершенно отчетливо. Формы протестов были различны: от отказа принимать участие в деятельности Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (далее — ОПиС)⁵ до прямых обращений в высшие государственные органы.

В этих обращениях примечательно стремление авторов найти общий язык с адресатами, привести логические доводы, вступить в диалог. Сначала Фигнер пытается объяснить Ярославскому, что в загнанных в ссылку юных социалистах взрастет неприязнь к советскому строю. Затем бывшие узники царской каторги растолковывают Президиуму ЦИК, что смертная казнь не очень-то укладывается в провозглашенные «первым социалистическим государством» принципы исправления провинившихся. Нам думается, что было бы неправильно объяснять все эти подходы исключительно политической наивностью старых революционеров. В конкретном историческом контексте 1920-х годов их чаяния «вразумить» власть не выглядят иллюзорными. Требование отменить навсегда смертную казнь, ставившееся Фигнер и ее товарищами, заслуживает внимания еще по одной причине. Для многих из подписавших его, террористов по своему революционному прошлому, сама безусловность такой постановки вопроса — свидетельство серьезной эволюции от преклонения перед «революционной целесообразностью» к легитимизму и общечеловеческим ценностям.

³ Фигнер В.Н. Автобиография. Указ.изд. С.255.

⁴ См. подробнее: Гарелин И. Указ.соч. См. также прим.9 к настоящему разделу.

⁵ См. там же.

1.

В.Н.Фигнер — Московскому Комитету ПКК

[Москва] 8 апреля 1919 г.

Я тронута вашим письмом от 3 апреля и благодарю за выраженные в нем чувства, как и за избрание меня почетным членом Комитета.

Вполне понимая все трудности положения и моральные преодоления, которые вам приходилось испытывать, я приветствую вашу решимость и настойчивость в преследовании поставленной цели.

Работа в Комитете помощи амнистированным после революции 27 февраля 17 года, как будто, исчерпала для меня возможность активно помогать вам. Я сожалею об этом.

Вера Фигнер.

Ф. 1185. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Машинопись.

2.

Подсудимые социалисты-революционеры — В.Н.Фигнер.

[Москва]. 7 июля 1922 г.

Дорогая Вера Николаевна, прикованные к скамье подсудимых, защищая те же самые идеалы, за которые Вы боролись всю жизнь, мы шлем Вам наши самые горячие приветы. Ваш образ вдохновлял наши первые шаги на революционном поприще в дни юности, Ваш пример стоит перед нами в эти моменты нашей, может быть, последней схватки с противником. Нам не трудно выполнить наш долг социалистов и революционеров, ибо Вами и Вашими соратниками давно уже указано, как должно его выполнять¹.

Революцион < ный > Трибунал

Е.Тимофеев. А.Гоц. Д.Раков. Е.Ратнер. Д.Донской.
М.Гендельман. Л.Герштейн. Флор < иан > Федорович.
М.Лихач. М.Веденяпин. В.Агапов. Г.Горьков-Добролюбов.
Н.Артемьев. С.Морозов. Н.Иванов. А.Либеров.
А.Альтовский. М.И.Львов. В.Утгоф. П.Злобин².

Ф. 1185. Оп. 1. Д. 113. Л. 2. Автограф неустановленного лица. Подписи-автографы.

3.

Социал-демократы — В.Н.Фигнер

Берлин [июль 1922 г.]

Шлем искреннее горячее приветствие борцу за освобождение трудящегося народа, воплотившему в себе все героическое прошлое русской революции. Да здравствует Вера Фигнер, гордость русского социализма!

Аксельрод, Мартов, Дан, Абрамович,
Николаевский, Бройдо, Югов, Юдин,
Аронсон, Далин, Шварц, Дюбуа и товарищи³.

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 69. Л. 1. Телеграмма

4.

В.Н.Фигнер — Е.Ярославскому⁴

[Москва], 10 марта 1926 г.

Т.Ярославский,

президиум О<бщест>ва политич<еских> каторжан пригласил меня выступить после Калинина и Вас на торжестве 12 марта, и я в первую минуту согласилась⁵.

Но потом, быть может, после 2-х недавних выступлений⁶ во мне что-то всколыхнулось, и я решительно не могу участвовать ни в первой части, ни присутствовать во 2-й, во время апофеоза освобождения заключенных.

Мне стыдно, стыдно, п<отому> ч<то> и теперь существуют изоляторы, в кот<орых> должны оставаться социалисты 5 и даже 10 лет, а по разным углам России и Сибири томятся в ссылке до 2000 молодежи обоого пола, часто в возрасте от 17-18 лет. Томятся и воспитываются в неприязни к существующему строю нашей СССР.

С рукопожатием В.Фигнер.

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 9. Л. 1-1об. Автограф.

5.

В.Н.Фигнер — издательству «Колос»⁷

[Москва, не позднее 1927 г.]

Прошу отпустить книги, которые я просила для тюрем.

Вера Фигнер
Кузнецкий,16⁸

Ф.106. Оп.1. Д.253. Л.5. Автограф.

6.

Старые революционеры — Президиуму ЦИК СССР⁹

[1927 г.]

Заявление

15 октября сего 1927 года Центральный Исполнительный Комитет, в ознаменование десятилетия Октябрьской Революции, обнаружил Манифест (Изв.ЦИК от 16/Х-27 № 238).

В пп. 9 и 10 этого Манифеста выражена твердая воля ограничить применение смертной казни и смягчить репрессию в отношении некоторых категорий, осужденных как по суду, так и в порядке административном¹⁰.

Во исполнение означенных пунктов Манифеста предстоит выработка и опубликование акта амнистии.

Ввиду этой амнистии и в связи с торжеством празднования десятилетия существования Советской Власти мы считаем своею обязанностью сказать искренно Высшему Органу Сов<етской> Власти все, что нас тревожит и волнует.

Прежде всего, нахождение в Уголовном Кодексе смертной казни в качестве меры социальной защиты.

Пунктом 9 обнаруженного Манифеста она ограничивается, но не устраняется.

А между тем Октябрьская Революция уже в самом начале декретировала великодушно отмену смертной казни «навсегда», и хотя через некоторое время все-таки был введен расстрел, она отменила его применение в 20-м году, как только затих гул пушечных орудий. Потом применение смертной казни было опять восстановлено, но всегда и до сих пор мера эта рассматривалась и рассматривается как стоящая вне общей системы мер социальной защиты, как мера временная, исключительная¹¹.

Но если исключительная и временная, то поистине и смело можно сказать, что время для нее уже минуло, что наступила пора с нею расстаться действительно «навсегда». Смертная казнь стоит в решительном противоречии со всей нашей карательной системой, которой чужда идея отщизнения. Она целиком построена на другой идее, близкой социалистическому строительству, — на идее трудового исправления.

Нет оправдания для применения смертной казни и в условиях нашей теперешней жизни.

Уже десятилетие отделяет нас от бурного периода 17-го года. Уже 5 лет, как закончилась гражданская война. Уже власть наша успешно строит по-новому новую жизнь во всех областях. Уже ей не страшны ее противники в строительстве. И в особенности не страшны политические противники и из них менее всего социалисты других взглядов, ибо в споре с Советской Властью они не ставят себе целью свержение Советского строя.

Итак, мы думаем, что применение смертной казни надлежит исключить из нашего закона без всяких ограничений, и об этом просим Высший Орган Советской Власти.

Но, если это будет признано пока несвоевременным в отношении всех без изъятия преступлений, мы просим отменить навсегда применение смертной казни в порядке внесудебном.

Ибо если совесть человеческая не мирится вообще со смертной казнью, то еще ужаснее ее внесудебное применение. Доказывать это, пожалуй, излишне: так очевидна недопустимость присуждения к смерти без судебных гарантий, без возможности для обвиняемого в публичном заседании, под контролем общественного мнения, дать свои объяснения, не говоря уже об общепризнанном праве каждого иметь защитника для отстаивания в законном порядке своих законных прав. Присуждение к смертной казни в порядке внесудебном понижает сознание человеческого достоинства и ценности человеческой жизни, создает атмосферу угнетения и понижает общий уровень гражданской самодеятельности. А между тем всем известно, что смертная казнь по постановлениям ОГПУ — не редкость и что она применяется не только к преступлениям уголовным, но и к политическим, и что производство по делам в ОГПУ происходит в порядке келейном, при котором обвиняемый видит только допрашивающего его следователя, никогда не видит своих судей и лишен возможности дать перед ними свои объяснения.

Мы просим этот порядок по крайней мере в отношении всех преступлений, по которым будет допущено применение смертной казни, отменить.

Впредь же до общего разрешения вопроса об отмене смертной казни мы просим помиловать всех, которые уже присуждены к этому

наказанию, и ввиду этого немедленно, до опубликования акта об амнистии приостановить исполнением все смертные приговоры, чтобы ни один человек не погиб из-за формальностей при исчислении календарных сроков.

В отношении п.10 Манифеста мы опасаемся, что внесенное в него ограничение применения амнистии по отношению к политическим преступлениям в том виде, как оно выражено, может дать повод для расширительного толкования. Поэтому в амнистии это ограничение должно быть выражено более точно¹².

Мы считаем правильным толковать это ограничение в том смысле, что амнистия не будет применена лишь к тем, кто в деятельности своей прибегал к террору или к тем или иным методам вооруженной борьбы.

Считаем своим долгом обратить внимание, что смягчение мер социальной защиты, постановленных в административном порядке, предполагаемое п.10 Манифеста, следует провести не только в смысле уменьшения сроков.

До тех пор, пока будет признаваться допустимой высылка по политическим делам в административном порядке органами ОГПУ, необходимо, по крайней мере, надлежащим образом упорядочить высылку во всех ее моментах¹³.

Поэтому мы считаем уместным обратить внимание на тот ненормальный порядок, при котором высылка в порядке внесудебном определяется на очень продолжительные сроки, в настоящее время даже до 10 лет, причем при назначении мест высылки недостаточно считается с индивидуальными особенностями выслываемых лиц, например, уроженцев и обитателей юга высылают на Крайний Север. Кроме того, самая процедура высылки растягивается нередко на продолжительные сроки с долгими пребываниями на этапах, в тюрьмах, до крайности переполненных, причем политические содержатся в общих с уголовными камерами.

На месте ссылок высланным назначается совершенно нищенский паек в 6 руб., что обрекает их почти на голод. Если при этом принять во внимание, что на месте высылки не всегда можно найти работу и нередко, в тех случаях, когда такая работа находится, высланные не могут ее получить, ибо в значительном числе случаев они лишаются избирательных прав и не могут состоять членами профсоюзов¹⁴, то станет очевидным, что положение политических ссыльных делается трудно переносимым и, во всяком случае, выходит по своей тяжести далеко за пределы того наказания, которое формально им назначается, не говоря уже о тех случаях, когда высланные направляются в такие отдаленные места Крайнего Севера, как Полярный круг или другие глухие места, где они самым фактом высылки обрекаются на голод и даже гибель.

Но, может быть, самое главное зло этой формы административной репрессии сводится к ее, можно сказать, бесконечности. Обычны случаи, что по отбытии ссылки в данном пункте высланный пересылается в другой пункт на новый срок и, по отбытии высылки в новом месте, присуждается на новый срок к «минус шесть», — и вот вместо первоначальных трех лет высылки, такой ссыльный оказывается высланным на 6 и 9, а то и больше лет.

Все изложенное приводит нас к общему выводу, что ОГПУ должно быть возвращено в то первоначальное положение, которое дал ему наш закон в 1922 г.: ГПУ надлежит обратиться в орган дознания и следствия, собирающий материалы для суда.

«Теперь следующая стадия законности. Сущность ее заключается в том, что каждый человек знает, что если он подвергается репрессии, как со стороны государства, так и при спорах и конфликтах между отдельными гражданами, то ему гарантируются определенные процессуальные формы», — эти слова тов. Калинина, сказанные им в 22 году, надлежит воплотить в жизнь¹⁵.

Советский суд — суд, органически связанный со всей нашей политической системой, в полной мере охраняет государственные интересы, но он в то же время бережет права и интересы каждого отдельного гражданина.

Итак, мы, которые долго боролись за Революцию, перенесли многие, многие годы тюрьмы и каторги, подчас были лицом к лицу с самою смертью, мы во имя той же Революции и ее окончательного торжества просим: отменить расстрел или по крайней мере его внесудебное применение, просим широкого помилования всех политических заключенных, просим смягчения режима ссылки, просим уничтожения административных репрессий с тем, чтобы только суд назначал меры социальной защиты.

Подлинное подписали:

Вера ФИГНЕР, Евг<ения> ФИГНЕР-САЖИНА,
А.ГЕДЕОНОВСКИЙ, М.ДРЕЙ, М.ШЕБАЛИН,
Н.КОГАҢ-БЕРНШТЕЙН, М.БРАМСОН,
Ф.МОРЕЙНИС-МУРАТОВА, М.ЧЕРНАВСКИЙ,
Э.И.СТУДЗИНСКИЙ, Л.ДЕЙЧ, Е.КОВАЛЬСКАЯ,
М.ФРОЛЕНКО, М.ВАСИЛЬЕВ-ДИГАММА,
А.ЯКИМОВА-ДИКОВСКАЯ, ШВЕЦОВ.

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 1. Л. 5-6об. Машинописная копия.

7.

Старые революционеры — в Президиум ЦИК СССР

[1928 г.]

Заявление

Из разных мест Союза до нас доходят сведения о тяжелом материальном положении политических высланных. Тяжесть материального положения их чрезвычайно усугубляет <ся> тем, что очень часто на местах высланных лишают возможности трудиться, служить. Бывают случаи, когда лицо, получившее уже работу в том или ином государственном учреждении, снимают с должности под тем предлогом, что высланный лишен политических прав и поэтому не может быть сотрудником учреждения. Наблюдаются также такие случаи, когда высланного вообще не принимают на работу и всюду он встречает отказ, только потому, что его постигла административная репрессия. Нужно отметить, что такие отказы бывают и в местах, где далеко нет безработицы и где высланные могли бы легко применить свои познания и опыт.

Нетрудно себе представить, в какое подчас трагическое положение отказ в приеме на работу ставит людей, для которых труд является единственным источником существования и которые по большей части не имеют никакого имущества и никакой поддержки. На этой почве создается часто невыносимая обстановка нищеты, голодания и даже полной материальной гибели.

Нам кажется, что если в том или ином случае и необходимо применить репрессию в отношении данного лица, недопустимо все же лишение человека фактических прав на работу, которая для трудящихся одновременно является правом на жизнь. Если труд по-прежнему есть оздоровляющее начало человеческого существования, то тем более недопустимо запрещение трудиться у нас, в государстве, которое своей задачей ставит приобщение самых широких масс к творческой трудовой деятельности. С другой стороны, очевидно, что высылка, преследуя специальные цели, отнюдь не имеет в виду обречь высланного на уничтожение лишением его заработка.

Яркой иллюстрацией сказанного является обращение во ВЦИК гр-на ПОКРОВСКОГО Г.К., выдержки из которого в копии прилагаются¹⁶.

Мы просим обратить внимание на это заявление и одновременно разрешить общий вопрос в том смысле, чтобы на места были даны

указания о том, что высылка трудящегося не является препятствием в приеме его на службу на общих основаниях.

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 3. Л. 5-5об. Машинопись.

8.

Сотрудники ПКК — В.Н.Фигнер

7 июля 1932 г.

Дорогая Вера Николаевна, работники «Помощи Политическим Заключенным» от всего сердца поздравляют Вас сегодня, 7/VII-32 г., в день Вашего рождения.

Мы гордимся тем, что Вы с нами, в нашей среде, и это сознание дает нам радость и бодрость в работе, служит утешением в тяжелые минуты.

Ваша жизнь, энергия, воля и труд прекрасны, и мы желаем, чтобы еще многие годы Вы были с нами.

Зная, что Вы не любите длинных писем и высокопарных слов, на этом кончаем — обнимаем Вас.

Ек < атерина > Пешкова, М. Винавер, В. Ман,
М. Водовозова-Хорошева, Л. Куприянова, М. Шебалина,
П. Н. Малянтович, Ив < ан > Прозоровский, Гедеоновская Е.,
Н. Куприянова, М. Селюк, В. Перес, П. Ман, Е. Королева, Н. Перес
Ф. 1185. Оп. 1. Д. 117. Л. 24. Машинопись. Подписи-автографы.

¹ Этот и следующий документы являются приветствиями Фигнер ко дню ее 70-летия. Процесс над 12 членами ЦК и 10 активистами партии эсеров проходил в московском Доме Союзов с 8 июня по 7 августа 1922. Кроме того, к суду были привлечены 12 бывших членов ПСР (т.н. «вторая группа»), роль которых на процессе сводилась к поддержке обвинения, выдвинутого против эсеров «первой группы». По существу это был последний открытый неинсценированный политический процесс в России. На нем традиция поведения, сформированная еще революционными народниками 1870-х, оборвалась вплоть до 1960-х. Наследуя этой традиции, подсудимые «первой группы» отвергли большинство из предъявленных им обвинений и использовали гласный суд как агитационную трибуну, выступив на нем с политическими обвинениями большевиков. В свою очередь организаторы процесса развернули широкую пропагандистскую кампанию по всей стране, направленную против партии эсеров в целом. Верховный революционный трибунал приговорил 12 человек (из них 8 цекистов) к смертной казни, 10 других — к тюремному заключению. (Подсудимые «второй группы» были амнистированы сразу после суда). После того, как против смертного приговора была органи-

зована международная акция протеста с участием М.Горького, Ф.Нансена, А.Франса и др., Президиум ВЦИК приостановил исполнение этого приговора и поставил его в зависимость от поведения эсеров, находившихся на свободе. Борьба «смертников» против условий заключения, закончившаяся 21 декабря 1923 самоубийством одного из них — члена ЦК С.Морозова — и широко освещавшаяся в зарубежной социалистической прессе, заставила власти пересмотреть приговор: 14 января 1924 смертная казнь была заменена на лишение свободы. Однако почти все эсеры, подписавшие публикуемое обращение к Фигнер, погибли впоследствии в сталинских лагерях и ссылках. На свободу вышел только А.И. Альтовский, умерший в 1975.

² По какой причине отсутствуют подписи двух подсудимых — Е.С.Берга и Е.А.Ивановой, нам установить не удалось.

³ Обращает на себя внимание, что в то время как эсеры прислали приветствие Фигнер из заключения, социал-демократы обращались к ней, находясь в эмиграции. Среди подписавших это приветствие находим представителей разных оттенков движения: как составлявших большинство партии и костяк редакции «Социалистического вестника» («мартовцев»), так и принадлежавших к правой внутрипартийной оппозиции.

⁴ Ярославский Емельян (наст. фам. и имя Губельман Миней Израилевич, 1878-1943) — в 1925-35 староста ОПиС.

⁵ 12 марта (н.с.) 1917 — дата освобождения политических заключенных из царских тюрем. Этот день ежегодно торжественно отмечался бывшими политкаторжанами и ссылнопоселенцами. (См. далее в тексте слова Фигнер об «апофеозе освобождения заключенных»). Он же впоследствии стал днем основания ОПиС (1921).

⁶ Вероятно, речь идет об участии Фигнер в торжествах, посвященных 100-летию восстания декабристов и организованных по инициативе Объединенной юбилейной комиссии, в которой В.Н. работала с 1924. Первое из этих ее выступлений состоялось 26 декабря 1925 на открытии II съезда ОПиС в Большом Театре. Другое — возможно, на специальном заседании Объединенной юбилейной комиссии 12 января 1926, приуроченном к столетию восстания Черниговского пехотного полка.

⁷ См. прим.1 ко второму разделу настоящей публикации.

⁸ По адресу Кузнецкий мост, 16 (ныне №22 — Приемная КГБ СССР) в Москве находился Политический Красный Крест. Ранее по этому адресу помещалось издательство московских эсеров — «Земля и Воля».

⁹ «Старые революционеры» — те, кто активно включился в революционную деятельность до образования в России массовых политических партий. В 1927 самому старшему из подписавших публикуемое заявление (М.Ф.Фроленко) было 79, а самому младшему (М.В.Брамсону) — 65 лет. Три четверти из них были народолюбцами, двое попали на каторгу еще до образования «Народной воли», а двое принадлежали к «Черному переделу». Все авторы заявления подвергались репрессиям за революционную деятельность: три четверти из них были каторжанами, причем четверым бессрочная каторга была назначена взамен смертного приговора. В 1900-е половина подписавших прошла через членство в ПСР, Е.Н.Ковальская принадлежала к эсерам-максималистам, Л.Г.Дейч был старейшим социал-демократом. В 1920-е все,

кроме В.Н.Фигнер, входили в ОПиС. К деятельности в ПКК, кроме Фигнер, были причастны Е.Н.Фигнер-Сажина и С.П.Швецов. Партийные привязанности и личные несогласия отошли на второй план при создании этого документа: с Дейчем большинство бывших народовольцев разорвали отношения еще в начале 1920-х (см. Неопубликованное письмо Я.В.Стефановича Л.Г.Дейчу /Публ. Л.Я.Лурье и А.Б.Рогинского // Ученые записки Тартуского гос. университета: Труды по русской и славянской филологии. XXXVI: Литературоведение. Тарту, 1975. С.166-167).

Данное заявление было не первым обращением «старых революционеров» к высшему органу власти. Состав подписавших одно из них в 1925 (его частичную публикацию см. Гарелин И. (Бацер Д.М.) Указ.соч.) не установлен: сохранилась лишь его машинописная копия без подписей (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.3. Д.1. Л.2-4об.). Однако известно, что число подписавших его, как и в публикуемом ныне документе, равнялось шестнадцати. Возможно, что это были одни и те же люди. В бумагах Фигнер сохранился адресованный ей ответ от 7 мая 1926, связанный с одним из таких обращений: «Уважаемый товарищ, в ответ на Ваше письмо от 15 апреля с.г. по поводу представления группы старых революционеров об изменении высшей меры социальной защиты, секретариат Президиума ЦИК Союза ССР, по поручению секретаря ЦИК Союза ССР тов. А.С.Енукидзе, сообщает Вам, что вопрос этот будет рассматриваться в Президиуме ЦИК Союза ССР. Зав.секретариатом Президиума ЦИК Союза ССР М.Черлунчакевич. Секретарь Н.Немов» (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.3. Д.1. Л.1.). Сведениями о результатах этого рассмотрения мы не располагаем.

¹⁰ Речь идет о Манифесте ЦИК Союза ССР «Ко всем рабочим, трудящимся крестьянам и красноармейцам СССР. К пролетариям всех стран и угнетенным народам мира», опубликованном в ознаменование «десятилетия октябрьского переворота» и состоявшем из преамбулы и десяти разнородных пунктов с декларациями политического и экономического характера. Документ был подписан председателем ЦИК СССР М.И.Калининым и секретарем ЦИК А.С.Енукидзе. Пп.9 и 10 были сформулированы следующим образом: «9. Исключить из действующих уголовных кодексов союзных республик применение смертной казни в качестве меры социальной защиты по всем делам, кроме дел по преступлениям государственным, воинским и вооруженному разбою. 10. Поручить Президиуму ЦИК Союза ССР смягчить установленные судебными приговорами или в административном порядке меры социальной защиты в отношении всех осужденных, за исключением активных членов политических партий, ставящих себе целью уничтожение советского строя, злостных растратчиков и взяточников».

¹¹ Формально смертная казнь в Советской России была отменена с 28 декабря 1917 по 21 февраля 1918 и с 17 января по 11 мая 1920, однако на практике во второй из этих периодов она широко применялась: см. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг: 1918-1956. Т.1. М., 1989. С.423 и др.

¹² Конкретный порядок применения амнистии определялся циркулярами Наркомюста и следовавшими за ними многочисленными директивами и разъяснениями ЦИКа, Прокуратуры и ОГПУ.

Сроки ссылки по амнистии 1927 были сокращены на четверть. Устные источники утверждают, что эта амнистия вообще не распространялась на тех,

кто находился в политизоляторах, а для многих политссылных она ограничилась заменой ссылки на «минус», т.е. запрет проживания в ряде городов (наиболее распространенным в те годы был «минус 6»: Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Одесса, Ростов-на-Дону). См. также: Олицкая Е.Л. Мои воспоминания. Т.2. Франкфурт-на-Майне, 1971. С.37-38.

¹³ Административная ссылка и высылка не только широко применялись на практике, но и фиксировались в различных нормативных актах, начиная с 7 декабря 1917. Вводившиеся время от времени формальные ограничения на права ВЧК-ОГПУ в этой области действовали недолго и носили в значительной степени декларативный характер. См. также: Известия ЦК КПСС. 1989. №10. С.80-82.

¹⁴ «Высланные в административном порядке» были лишены избирательных прав декретом ВЦИК от 10 августа 1922 (СУ РСФСР. 1922. №51. Ст.646), а отказ лишенцам права состоять в профсоюзах зафиксирован в циркуляре ВЦСПС только в 1927. Однако на практике все эти ограничения стали действовать под разными предлогами еще раньше. См. также публикацию о лишенцах в наст. вып.

¹⁵ Возможно, имеется в виду речь М.И.Калинина на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 28 января 1922. Однако точный источник приведенной цитаты нами не установлен: ср. Калинин М.И. Избранные произведения в четырех томах. Т.1. М., 1960. С.325-329.

¹⁶ Покровский Георгий Константинович (1880-?) — участник революционного движения, эсер. Из крестьян. По окончании сельской школы служил писарем в земстве. В 1907 избран в члены II Государственной Думы. После роспуска Думы арестован и выслан. В 1910 выдержал экзамен на аттестат зрелости и поступил на юридический ф-т Московского ун-та, после окончания которого занимался адвокатской практикой. Продолжил образование в Народном ун-те Шаняевского. Служил юрисконсультом Дмитровского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, преподавал на Пречистенских рабочих курсах в Москве. В 1917 член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, входил во Временный Совет республики (Предпарламент), был избран депутатом УС. В 1918-22 — на преподавательской работе, сначала в Кубанском политехническом институте по кафедре политэкономики, а затем в Тимирязевской сельскохозяйственной академии по кафедре сельхозэкономики. Сотрудничал в столичных и провинциальных журналах и газетах («Кооперативное дело», «Местное самоуправление на Северном Кавказе» и др.). Автор книг по экономике. В начале 1920-х — член Центрального Оргбюро ПСР. Арестованный в Москве 7 июня 1922, был приговорен к 10 годам заключения, которое отбывал в московских тюрьмах и Тобольском политизоляторе. В результате болезни был помещен на обследование в Институт психиатрической экспертизы, а затем досрочно освобожден и в 1928 сослан в Саратов. Здесь жил уроками, бедствовал. Отчаявшись найти работу, обращался с заявлениями во ВЦИК, к прокурору республики, помощнику начальника Секретно-оперативного отдела ОГПУ Андреевой, ведавшей делами ссыльных и заключенных социал-демократов, наконец — в Политбюро ЦК ВКП(б). Среди бумаг Фигнера, принявшей живое участие в судьбе Покровского, сохранилось описание некоторых характерных черт положения политссылного: «Пытался отыскать частные уроки. Но и этот

труд оказался для него под запретом, потому что Саратовское окошко отказало ему в зарегистрировании, без чего занятие частными уроками запрещено под угрозой уголовной ответственности. И тоже только потому, что он — административно высланный. За пределами работы в госучреждениях и занятий частными уроками — безработица или служба в частных торговых предприятиях. Помимо того, что от последней работы Покровского отталкивает весь строй его привычек, и в частных предприятиях боятся дать ему работу по той же причине». (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.3. Д.3. Л.1-10б.). Сведениями о дальнейшей судьбе Покровского мы не располагаем.

II

ПЕРЕПИСКА С ВИТЯЗЕВЫМ

Среди материалов, касающихся забот В.Н.Фигнер о политзаключенных и ссыльных, обращает на себя внимание ее переписка с историком общественной мысли и издателем, участником революционного движения, бывшим эсером Ферапонт Ивановичем Седенко (псевд. П.Витязев, 1886-1938)¹.

Знакомство Фигнер с Витязевым произошло, по всей вероятности, в 1917. В это время оба они входили в Совет Музея Революции. Имена Фигнер и Витязева находим также в списке членов-учредителей Общества изучения истории революционного и освободительного движения в России (1919). Витязев входил в состав петроградской группы Комитета по организации 70-летнего юбилея Фигнер. В возглавлявшемся им издательстве «Колос» вышла книга воспоминаний В.Н.

Публикуемая переписка Фигнер с Витязевым и сюжетно примыкающий к ней отрывок из письма Р.В.Иванова-Разумника повествуют не только о судьбе историка-социалиста в советскую эпоху. Их частная, на первый взгляд, тема содержит в себе возможность более широкой постановки вопроса: что произошло с Историей и Социализмом в новой жизни? Растерянное недоумение, с которым Витязев сетует на «социалистическую революцию», сокрушившую его многолетние кропотливые усилия по воссозданию истории социалистических идей и революционной борьбы, — заставляет нас задуматься и о самоощущении старых революционеров в 1920-30-е годы. И на страницах иступленных витязевских жалоб, и за сдержанными увещаниями В.Н. — отчетливо проступает саднящее чувство исторической ответственности за происходящее.

¹ См. подробнее в примечании 1 к публикации и в: Везирова Л.А. Ферапонт Иванович Витязев (1886-1938)//Книга: Исследования и материалы. Вып.53. М., 1986. С.79-96; Ратнер А.В. Под псевдонимом «Петр Витязев» //Советская библиография. 1986. №3. С.55-56; «Поздно мы с вами познакомились...»: Из переписки И.Ф.Масанова и Ф.И.Витязева /Публ. Е.Н.Никитина // Советская библиография. 1991. №1. С.125-132; №2. С.115-126; «Вольная» культурная работа...»: П.Сорокин, И.Павлов, П.Кропоткин в защиту свободы печати /Публ. Я.В.Леонтьева //Человек. 1991. №4. С.107-111.

Заслуживает внимание и та интонация, в которой написаны эти письма Фигнер. Здесь нет избыточных обещаний, малоценных подбадриваний, театральных жестов. Не имея возможности чем-либо реальным Витязеву помочь, Фигнер лечит душу адресата своим ворчанием, не дает ему впасть в отчаяние, даже упрекает его в малодушии, хотя несомненно осознает про себя всю трагедию историка, у которого отняты и результаты многолетнего труда и условия для того, чтобы этот труд продолжить. Трудно сказать, была ли такая интонация специфическим результатом бессилия в советских условиях, или она выработалась у Фигнер вследствие многолетнего общения с гонимыми.

1.

Ф.И.Седенко-Витязев¹ - В.Н.Фигнер

26 июля [1928 г.]

Москва, Крестовоздвиженский переул <ок> № 9 кв.1.

Глубокоуважаемая Вера Николаевна!

Посылаю Вам книгу — «А.И.Спиридович — Партия соц<иалистов>-револ<юционеров> и ее предшественники 1886-1916 Издание *второе дополненное*, Петроград 1918 г.»² Книга эта лежит у меня, отложенная для Вас, очень давно, да все не мог Вас застать в Москве. Мне говорил Разумник Васильевич³, что Вы искали эту книгу. А у меня 2 экземпляра, из которых один охотно уступаю Вам.

Мне удалось устроить в «Федерацию» книгу Разумника Васильевича о Салтыкове. Теперь он получает по 200 руб<лей> в месяц в течение 6 месяцев⁴. Он немного отдохнет от беспросветной нужды, в которой находился с момента гибели «Колоса».

Сам я заканчиваю статью — «П.Л.Лавров и Гр.З.Елисеев»⁵. К статье будут приложены 4 письма Лаврова к Елисееву с обширными комментариями. Кроме того, составляю указатель имен к 5-му тому Собрания сочин<ений> Н.К.Михайловского.

Кстати, в феврале 1929 года исполнится 25 лет со дня смерти этого большого человека. Мне хотелось по этому поводу поговорить с Вами. Лично я выпускаю ключ к собранию сочин<ений> Н.К.Михайловского. Сюда войдет — 1) указатель всех личных имен ко всем X томам собрания сочин<ений> Н.К.Михайловского 2) предметный указатель 3) хронологический список работ Н.К.Михайловского с указанием первого места печати 4) список работ, не вошедших в собр<ание> сочинений. Над этим ключом нас работает 12 человек⁶. Хорошо бы, если «группа народовольцев»⁷ откликнулась 1) сборником 2) вечером в память Н.К. Кроме того, возможны вечера в «Обществе Любителей Российской Словесности», «Всероссийском Союзе Писателей», «Государственной Академии Художественных Наук» и в «Обществе любителей книги»⁸. Я уже говорил об этом с

С.Я.Елпатьевским, Неведомским, Поповым и другими⁹. Только с Вами не успел поговорить на эту тему. А надо бы! И очень надо! Я было хотел на денек приехать в Михайловское, но потом не решился Вас беспокоить и поэтому ограничиваюсь письмом.

Слышал, что скоро выходит I том Вашего собрания сочинений¹⁰. Сердечно Вас поздравляю и с нетерпением жду первой книжки.

Крепко жму руку
Всего хорошего от сердца
Душевно преданный

Ф.И.Витязев

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 21. Л. 10-11 об. Автограф.

2.

В.Н.Фигнер — Ф.И.Седенко-Витязеву

[Михайловское], 29 июля 1928 г.

Славный Витязь! Спасибо за Спиридовича. Эта книга дорогая, и я предлагаю Вам взять за нее деньги.

Рада, что устроили работу Разумника. Он отказался, кажется, от *подачи* заявления о пенсии¹¹. Но Вересаев сказал мне, что общест<венный> союз писателей постановил возбудить ходатайство об этом от себя¹². Это было еще в апреле; но с тех пор не было известий о ходе дела. Вересаев теперь в Крыму, и надо ждать его возвращения, чтоб подогнать хлопоты.

О чествовании Михайловского. Сомневаюсь, чтоб разрешили. По поводу вечера Лаврова вышел такой конец, что устроителя сослали, а оратора посадили в Ярославл<ьский> изолятор, где он сидит и по сию пору¹³.

У нас ораторами могли бы быть только Вы и Леонович¹⁴, и он мне уже говорил о необходимости устроить вечер*.

О помещениях могу сказать, что Акад<емия> Худож<ественных> наук едва ли даст его, п<отому> ч<то> у них постановлено допускать только художественные вечера.

О сборнике имени Михайловского нечего и думать, п<отому> ч<то> среди старых народолюбцев решительно никаких писателей нет и никто не возьмется за это.

Колосов теперь сослан в Ташкент (писать до востреб<ования>), и Вы могли бы списаться с ним: не напишет ли он о Мих<айловском>? В П<етер>б<урге> он произнес великолепную речь на

* Елпатьевский и Неведомский это хорошо (Прим. В.Фигнер).

подобном торжестве, затем Пешехонов (в Риге), если Вы напишете ему, мог бы тоже что-нибудь прислать¹⁵.

Кстати, о его передвижении необходимо бы напомнить властям. Но я решительно не могу быть скоро в Москве. Я оч<ень> занята работой — продолжением книги «После Шлисс<ельбурга>» до революции 17 года¹⁶. Кроме того, у меня на руках корректуры русские и немецкие. Я ездила на 15-16.VII и это отняло целую неделю, благодаря тому, что поездка была утомительна, в плохом автомобиле и надо было 2 дня отдыхать после нее.

Насчет приезда сюда. Что же, приезжайте. Всего лучше запишитесь заранее в канцелярии (Б.Лопухинский, 5)¹⁷ на вторник или четверг, п<отому> ч<то> в субботу слишком много желающих ехать. Имейте в виду, что приезжать, как и уезжать можно только по этим дням. На Театр<альной> площади есть автобус, кот<орый> везет до Красной Пахры; (1р. 50к.); но оттуда пешком до Михайловского 12 верст. Едва ли Вам это подходит. Говорят, Вы болели, и верно ослабели.

В.Ф.

Вы приезжайте с автобусом из О<бщест>ва; а отсюда, когда захотите, Вас отвезут (12 в.) до Красн<ой> Пахры на здешней лошади, прямо к тому часу, когда отсюда идет казенный автобус (есть к 1/2 11 утра) до Театр<альной> площади, где Метрополь. Эта комбинация наилучшая.

Ф. 106. Оп. 1. Д. 168. Л. 8-9об. Автограф.

3.

Р.В.Иванов-Разумник — В.Н.Фигнер

14 мая 1931 г.

Детское Село
Октябрьский бульвар, 32

Глубокоуважаемая Вера Николаевна, отсылая сегодня с С.Н.Валком¹⁸ часть присланных Вами материалов (подробнее об этих делах пишет Вам сегодня же Варвара Николаевна¹⁹), хочу воспользоваться случаем и написать Вам с этой okazji, без Шпекиных и перлюстраций. Впрочем — ничего особо интересного для Шпекиных: просто хотел сообщить Вам, что получил известия о Ф.И.Витязеве-Седенко, и просить — не может ли что-либо сделать для него Красный Крест в отношении продовольственных посылок? Мы здесь делаем все, что можем, но обстоятельства у многих тугие, а рынки — пустые. Если бы оказалось возможным

что-либо сделать, то вот его адрес: *Майзуба* АКССР. ОСУ. СЛАК. Заключенному Ферапонту Ивановичу Витязеву-Седенко. Что же касается каких-либо хлопот об изменении его участи, то, конечно, они совершенно бесполезны: ведь и сославшие его прекрасно знают, что все обвинения против него были совершенно бессмысленны. Надо было избавиться от неудобного человека — и избавились. Судя по письмам, он бодр духом, хотя и прихварывает. Я посылаю ему по указанному выше адресу не столько пищу телесную, сколько духовную: книги, в которых там большая нужда. <...>

Сердечно преданный

Р.Иванов

Р.С. «Дм. Кузьмина» читал, читал и Ваш разнос, с которым невозможно не согласиться. Слышал я, что Колосов собирается выставить какую-то тяжелую артиллерию доводов. Навряд-ли!²⁰

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 28. Л. 1-1об. Автограф.

4.

Из письма Ф.И.Седенко-Витязева

[Май 1931]²¹

В деле моей биографии *нет*. Она очень важна для хлопот обо мне. Я имею заслуги и как участник 1905 г. и как революционер вообще²². *Все* зависит от Веры Николаевны Фигнер. Пусть посетит Енукидзе²³ и вручит ему биографию. Клянусь ей, что я никакого отношения к платоновскому делу не имею. Следовательно не захотел, чтобы моя биография была в деле. Это вполне понятно. Мое революционное прошлое слишком яркое. А из меня сделали участника монархической организации Платонова²⁴. Что может быть возмутительней и нелепее этого дела. Учтите мою психику старого революционера, которого превратили в контрреволюционера. Я весь дрожу, когда думаю об этом. Я верю в справедливость и особенно центра, если им все сказать. Прозябать здесь 5 лет — духовная гибель для меня. Я тупею, мало читаю и память дает провалы.

Все зависит от моих дорогих друзей. Тот же Михаил Петрович Сажин может поговорить с М.Н.Покровским и Рудзутаком и с Ярославским²⁵. Пусть передаст им биографию. — О Вере Николаевне Фигнер и говорить не приходится. Она ведь хорошо знает меня. Неужели еще можно сомневаться в моей невиновности?.. Если Вера Николаевна позвонит в Кремль секретарю Енукидзе — Минервиной, ее немедленно примут²⁶.

Я работаю на пилке дров и чувствую себя хорошо, но духовно разрушаюсь.

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 21. Л. 1-1об. Копия рукой неустановленного лица.

5.

В.Н.Фигнер — Ф.И.Седенко-Витязеву

Москва, 24 апреля 1933 г.

Барыковский пер. 9, 38

Дорогой Ферапонт Иванович. Довольно плакаться по-московски, а если Вы будете так нервничать, то не буду писать «дорогой», а только «многоуважаемый». Право, посадить бы Вас в Шлиссельбург, научились бы владеть собой. Так нельзя. Ваша участь несравненно лучше многих других, а Вы готовы себе волосы на голове рвать. Я еще тогда удивилась, когда Ник<олай> Кон<стантинович>²⁷ дал мне прочесть Ваше письмо из Нижнего. К чему такая экспансивность? Если горько и обидно — надо молчать. Вы снова спрашиваете о книгах и о картотеке. Но ведь Вы были у Вл<адимира> Ив<ановича>²⁸. И он сказал Вам, что книги в библи<отеке>, бывшей Румянцева, а картотека, вероятно, в ГПУ, да где же ей быть иначе? Туда попадает все в случае, подобном Вашему, и оттуда, кажется, не выносятся. В программе изд<ательства> политкаторжан стоит полное изд<ание> соч<инений> Лаврова²⁹. Быть может, когда по состоянию бумажной продукции это станет на очередь, и Ваше участие будет нужным. Но когда?! Во всяком случае время теперь жесткое, и нервы надо держать под контролем. Я сознательно пишу Вам это нравоучение, чтоб Вы рассердились. Это спасительно: прочтите одну из первых глав 1-го т. «Запеч<атленного> Труда». Если у Вас нет — пришлю. Узнайте, как в крепости меня учил сосед. Хорошо учил³⁰.

Я и Мих<аил> Петр<ович> посылаем Вам 75 р. ввиду дороговизны — только чур! по-московски не кланяйтесь и извините, что не 75 миллионов.

У меня опять раза 2 был не грипп, а гриппок и часто по 5-6 дней не выхожу. Вот уже с 15-го каждый день сыро, дождь, гадость.

Читайте «Литературное Наследство». Оттуда был запрос о значении и влиянии на революц<ионеров> соч<инений> Щедрина³¹. Что Вы об эт<ом> (о себе) скажете? Непременно ответьте на эт<от> вопрос. Мне надо насчет этого просветиться — я никогда на думала об этом; и никакого значения не придавала, кроме значения *общего* хора передовой журналистики на наши поколения 70-80 гг.

Всего хорошего. Я чувствую себя не в себе. Если хотите быть

расстроенным, возьмите: «Поднятая целина» Шолохова. Вышла прекрасная книга Козьмина «От 1 февраля к 1-му марта»³².
В.Ф.

Ф.106. Оп.1. Д.168. Л.11-11об. Автограф.

6.

В.Н.Фигнер — Ф.И.Седенко-Витязеву

Москва, 7 мая 1933 г.

Барыковский, 9, 38.

Ферапонт Иванович. Я вступила в письменные сношения с Марией Ильинишной³³, чтобы иметь порцию валерьяновых капель для Вас.

Она пишет, что хлопоты продолжают, и она надеется получить желаемое перемещение Вас, но повестит Вас лишь тогда, когда дело будет сделано. Я, кажется, не написала Вам в ответ на Ваш запрос о книгах и картотеке. Это потому, что Вам уже было известно, когда Вы были здесь. Тогда Владимир Иванович Вам ведь сказал, что книги в Ленинской библиотеке, а картотека в ГПУ. А Вы все повторяете этот вопрос. Ваша просьба Михаилу Петровичу написать письмо властям, конечно, взволновала его, но после небольшого колебания он отказался от этой мысли. Я думаю, Вам лучше было взять это на себя, а то не хорошо: сам не делаете, а другому предлагаете. Посмотрите во 2-ом т. моих книг, стр. перв. изд.* в конце³⁴.

С приветом и пожеланием запастись спокойствием.

В.Ф.

А Н.К.Лебедева постановлено выслать на 3 ф. в Северный край (Вологда и там дальнейший маршрут).

Недели 4 назад туда отправлен один знакомый, студент: 500 км от Вологды, 200 в. от ж.д., 100 в. шел пешком по грязи в т° 38° до деревни. Обострился ревматизм. На дорогу имел 110 р. Пришел без копейки. Целена хлеба 7р. и 10р. фунт. Променил шапку на картошку. «А дальше?», — спрашивает он и отвечает: «воровать или умирать». «На первое не пойду». Причина — донос товарищей.

Ф.106. Оп.1. Д.168. Л.12-13. Автограф.

* В тексте оставлено незаполненное место (Прим. публ.)

7.

Ф.И.Седенко-Витязев — В.Н.Фигнер

[Ульяновск, май 1933 г.]

Чего собственно я добиваюсь? Вопрос простой и ясный. 2 ноября 1931 г. судебное заседание Коллегии ОГПУ *отменило* после *пересмотра моего дела* прежний приговор и дало мне минус 12 на 3 года. Но отменивши приговор, до сих пор не отменили его *последствий*. Каковы же эти последствия? Конфискация всего моего имущества и архива. Вот я и добиваюсь своего возврата в Москву и возвращения мне моего имущества — библиотеки, архива. И книги, и имущество можно вернуть из различных запасных фондов. Я хочу, чтобы мне дали возможность работать над Лавровым. Чтобы не пропадала зря 22-х летняя работа и мои знания. Вот мы кричим о «наследстве» и его «приятии». А в то же время разве есть *опись этого наследства*? Мы не имеем списка работ — Г.Елисеева, Берви-Флеровского, Лаврова. У нас не собраны письма писателей. У нас не раскрыты тысячи анонимных статей в руководящих русских радикальных журналах, начиная с 60-х годов. Даже нет списка публицистических статей Салтыкова. И в то же время люди вроде меня, которые имеют знания, которые могли поработать над «духовной описью» нашего наследства, должны прозябать в Ульяновске!

Вы все время пишете о «картотеке» и весь вопрос сводите к ней. Да разве в ней дело? Чтобы Вы уловили суть вопроса, я Вам расскажу, что у меня было. 1) свыше 400 томов в переплетах различных работ Лаврова и о Лаврове; 2) 800 оттисков *всех* журнальных работ Лаврова, начиная с 1852 года, нарезанных мною; 3) 50 папок (синего цвета) с газетными и журнальными вырезками о Лаврове, начиная с 70-х годов, т.е. за 50 лет!; 4) полный подбор *всех* заграничных подпольных брошюр Лаврова и его многочисленных речей, сказанных за 30 лет своей эмиграции; 5) замечательная коллекция всех изданий «Исторических писем», включая немецкое, французское, литографированные и даже рукописные. Был даже личный экземпляр Лаврова с целым рядом отметок на полях, сделанных его рукою; 6) полный комплект всех заграничных органов, где печатался Лавров, — «Вперед», «Вестник Народной Воли», «С родины и на родину» и т.д.; 7) все энциклопедические словари (военный и словарь русских литераторов 60-х годов), которые редактировал Лавров, различные сборники, где он участвовал, и т.д.; 8) целый ряд книг с автографами Лаврова и с его пометками на полях; 9) целый ряд подлинных писем Лаврова и к нему, его рукописи, заметки и т.д. Словом, это была целая *мастерская, лаборатория* по изучению Лаврова. И все это смешали

в одну кучу, «обезличили» и неизвестно куда дели! Разве это не преступление, не величайшее вредительство и вандализм?! Если бы мне *доказали*, что для интересов революции все это надо уничтожить и Витязева стереть с лица земли, клянусь Вам, Вера Николаевна, я бы все сжег своими же руками и, не задумываясь ни одной секунды, пустил себе пулю в лоб! Но в том-то и дело, что доказать эту бессмыслицу нельзя, в том-то и дело, что для *интересов революции* все это надо было сохранить, а мне дать полную возможность работать.

Вот Вы все говорите о «картотеке». Да знаете ли Вы, что я многое туда не заносил, т.к. имел все под руками (вырезки, например, а их были тысячи!!!). Многое держал не в ящиках, которые были набиты карточками, а в конвертах, разных папках и т.п. И из всего этого сделали *мешанину* и многое просто *уничтожили, сожгли*. Дело в том, что ОГПУ не запечатало мою комнату, хотя мне *клятвенно* было обещано это сделать. И вот кто-то подобрал ключ, комнату открыли и *целый месяц ее расхищали*. Приходили люди прямо с улицы и набирали книг и мелких вещей. Когда об этом внучка Лаврова дала знать Рязанову³⁵, он ахнул от ужаса, позвонил в ОГПУ и только тогда ее запечатали. Но этого еще мало. В мою комнату кого-то вселили, а библиотека, архив не были еще вывезены. В ней *2 раза сменялись* жильцы, причем, разумеется, масса моих бумаг *уничтожались* для «хозяйственных надобностей» как хлам, как макулатура. Жили люди не литературные, простые, серые мешчане, и соседи потом рассказывали мне, что целый ряд моих заметок, бумаг выбрасывался в кухню, прихожую как хлам, загружающий комнату, мешающий им жить! А Вы все говорите «о картотеке»... Вот я Вам пишу, а сердце обливается кровью... Дрожу от негодования!

А теперь я Вам расскажу, как вывозили мою библиотеку, имущество и архив. Сделали это в один день в *ударном порядке*. Список на *остатки* моего имущества был составлен. Но списка книг, которые были вывезены, *составлено не было*. И любопытно, вывезли в августе 1931 года, а 2 ноября меня освободили. Другими словами, 2 1/2 месяца все погубили! Ах, если бы раньше Вы все начали хлопотать за меня!! При вывозе книг и имущества масса бумаг, карточек, пакетов бросалась на пол, по ним ходили, их топтали. Огромную кучу всяких бумаг свалили в прихожей, как хлам, как макулатуру. Мои знакомые, соседи и Александра Ивановна³⁶, которая была в Москве в это время, запаковали этот «хлам» в рогожи и его оказалось — 3 тюка по 4 пуда каждый! Все это было положено на чердак. И теперь, когда я проезжал Москву, я целую ночь и день потратил на разборку этих тюков. Там я нашел ящики *с картотекой на Лаврова*, но увы...из 4000 карточек оказалось всего 2000. Остальное сожгли, выбросили. В этих тюках оказалось очень много бумаг от покойной «Задруги»³⁷,

но сохранились некоторые письма Лаврова, статьи, рукописи. Из трех тюков оказался только один *с моим архивом*. Я его привез сюда в Ульяновск и сейчас сижу за этими остатками, за этими жалкими «крохами».

Вот Вы пишете «“картотека” вероятно, в ОГПУ». Ошибаетесь. ОГПУ здесь *ни при чем*. Ручаюсь Вам, что у них нет ни единой бумажки из моего архива. Остатки картотеки у меня, остальное попросту сожжено. Часть архива и рукописей, несомненно, в Румянцевском Музее. Невский или Вас *обманывает* сознательно, или сам находится в неведении того, что у него делается. В декабре 1931 г. он заявил Арькову Ф.Е.³⁸, который ходил к нему по моей просьбе, что «никакой библиотеки Витязева и архива к нему в библиотеку не поступало, а вот неизвестно откуда к ним принесли лишь небольшую пачку книг и бумаг Витязева». Не верите — спросите Арькова, — он подтвердит это. Надо сказать, что я был очень в дружеских отношениях с Невским, он даже запросто, как-то вечером заходил ко мне. И вот теперь, когда я посетил его в Москве, он встретил меня как-то странно. На его лице явно была написана фраза — «и какой только черт тебя притащил ко мне!». И вот теперь слушайте. Он мне официально заявил, что «никакой библиотеки и моего архива к нему не поступало, что это надо искать в ОГПУ, куда он уже звонил тов. Агранову³⁹, который ему ответил, что ничего не помнит по этому поводу». Я же от Александры Ивановны и *самых служащих* знал, что все было перевезено в Румянцевский Музей. Тогда я *категорически* заявил Невскому, что он ищет мой архив и библиотеку совсем не там, где надо, и что все это находится у него же в Румянцевском Музее. Невский *замялся, смутился очень заметно* и быстро заявил, что он немедленно проверит, наведет справки и просит меня зайти второй раз, при этом он сразу резко встал, давая мне этим понять, что аудиенция закончена. Я удалился, а на другой день Невский где-то был на съезде и я не мог его повидать. С тем и уехал в Ульяновск. Теперь из Ваших писем узнаю, что Невский подтверждает уже, что моя библиотека у него. Мне это он не только не заявлял, а *пытался отрицать*. Теперь ясно, что у него же остатки моего архива, разные рукописи, письма, заметки. Картотеки, т.е. трех ящиков с карточками у него *действительно нет* — они у меня. Ведь книги были вывезены в один день и на одной подводе вместе со всеми остатками моего архива и прямо-прямохонько в Румянцевский Музей.

Почему же Невский скрывает это? Юлит, кривит душой? Да очень просто. Библиотека моя поступила без всякой описи, архив также. А это значит — бери все, что хочешь и сколько хочешь! Вероятно, ее основательно пограбили, а затем «обезличили», т.е. отдали в запасной фонд на пополнение и т.д. Словом, мою «лавровиаду» распилили и

растащили. А с другой стороны, Невский отнюдь не расположен чего-либо возвращать. Я думаю — это главное. О первом он мог и не знать и все выяснил, когда стал наводить справки после моего визита. Во всяком случае, это путаная история и кто прав, кто виноват — разобраться трудно. Но библиотеку погубили — это факт. Собрание — единственное в своем роде!

Вы мне пишете «Ваша участь несравненно лучше многих других». Если Вы имеете в виду физические лишения — голод, холод и т.п., то для меня они играли и играют *нулевое значение* в жизни. Не в них суть! Я бы предпочел сидеть в тюрьме, адски голодать, но знать, что мой архив и библиотека целы и находятся в верных руках. Здесь мы говорим с Вами на разных языках и слова — «худшее», «лучшее» измеряем разными критериями. Для того, чтобы уяснить мою мысль, я приведу Вам один факт. У одного ученого погиб целый сундук с рукописями, которые он собирал всю свою жизнь. Наутро его нашли совершенно седого с потухшим к жизни взором, постаревшим лет на 30. Ну так вот — попробуйте его утешить и сказать ему, что есть люди несчастнее его. Вы, чуткий человек, тонко чувствующий жизнь и ощущающий сочеловека, скажите, положив руку на сердце, — разве эти слова будут иметь хоть какое-нибудь для него значение?

Вы пишете о Шлиссельбурге. Но ведь Вы исключение и эпоха Ваша исключительная. А исключение не может быть правилом. А главное, зачем сравнивать несравнимое? Вы боролись, а удары врага даже сладостны. При всех ужасах, которые были в Шлиссельбурге, он имел огромный *смысл* и значение. Я помню себя юношей в 1902-1903 г. Ах, если бы Вы знали — какой сладостной, притягивающей к себе романтикой был обвеян Шлиссельбург! Как нас волновало Ваше имя, имя женщины, сидящей на пустынном острове. И я хорошо помню, как я и мои товарищи по гимназии страшно боялись, что вот вдруг падет самодержавие, а мы не успеем с ним побороться, *пострадать за революцию!* Видите, мы хотели страдания, ибо *осмысленное страдание* никогда не страшно. Теперь возьмите мое положение. Я никогда не был врагом ни революции, ни советской власти. Я, издавший в 1919 году в разгар Гражданской войны «Парижскую коммуно» Лаврова⁴⁰, и вдруг объявлен контрреволюционером! Что за нелепость! Я много сидел при самодержавии и одну ночь провел в камере смертников, ожидая приговора военно-полевого суда⁴¹. Но там все было ясно: я бил — меня били. А здесь меня бьют, сажают, объявляют своим врагом — на деле же я совсем не враг, никогда им не был и не буду. Жил революцией и умру с пожеланием скорейшего осуществления ее идеалов. Ну, скажите — разве может быть более глупое и дурацкое положение? Психология Шлиссельбурга и моя теперешняя — это несравнимые, совершенно разные вещи. Родная

Вера Николаевна, я согласен перенести все, что угодно, но осмысленно. Быть же экспонатом человеческой глупости, простите меня — на эту роль я не гожусь. Вы 22 года сидели в Шлиссельбурге, в этом был глубокий смысл — и в прошлом, и в наши дни. Я 22 года сидел за Лавровым и окончил тем, что эти годы оказались бессмысленными.

Вы спрашиваете о влиянии Салтыкова. На меня он не оказал никакого влияния, как и на моих товарищей. Это было «собрание сочинений», куда мы не заглядывали. А когда я его открыл, я уже прошел первую сибирскую ссылку и без него уже был революционером⁴². Что касается 70-х и 80-х годов, то это Вам виднее. Но судя по материалам этих 2-х десятилетий, — это не был «властитель дум» вроде Флеровского, Лаврова, Бакунина, Михайловского. Он не выделялся из «общего хора», как Вы правильно заметили. Это был не солист, ведущий хор, а только его участник — как Елисеев, Кривенко⁴³ и многие другие. Он был, как и Елисеев, выдающимся редактором, но это дело организационное, которое до людской толпы не доходит.

Неужели Николаю Константиновичу придется уехать из Москвы? Отказываюсь этому верить. Думаю, что это Вам удастся предотвратить. Уверен в этом! А жаль — у него в руках память П.А.Кропоткина.

Вы делаете ссылки на «Запечатленный труд», на 2-й том собр<ания> соч<инений>. Увы... их у меня нет. Если пришлете, буду бесконечно благодарен. И, конечно, с наслаждением прочту их вновь. Есть книги вечные, которые много раз перечитываешь, и к таким относится «Запечатленный труд». Книга эта мне дорога по многим причинам.

Что касается книги Козьмина «От 19 февраля к 1 марту», то видел ее в магазине Гос<ударственного> Издат<ельства>. Это, оказывается, сборник его старых статей, которые он печатал раньше в разных изданиях. Заглавие довольно претенциозное и в тысячу раз шире, заманчивее ее скромного содержания, состоящего из случайных статей под одной общей обложкой. Для чего такое громкое «радиовещание?» Быть может, она и «прекрасна», как Вы пишете, — не знаю, ибо всю ее не читал, а отдельные статьи помню. В них много было спорного — в особенности в работе о Ткачеве. Одно я ему простить не могу — если берешься писать историю отдельных органов печати — «Век», «Устой», «Русское Богатство», то раскрой все псевдонимы сотрудников. А он от этого уклоняется, ибо это большая работа. Ее же все равно придется кому-нибудь сделать. Поверьте мне, что одна страница с раскрытыми псевдонимами и анонимными статьями в тысячу раз ценнее и дороже всех его многословных рассуждений об этих журналах. Книга, конечно, полезная и, если я разбогатею, обязательно куплю ее⁴⁴.

Между прочим, просматривая лондонское «Накануне», я встретил

ряд очень интересных статей о «Народной Воле» под заглавием «Легенда и действительность» 1901 г. №№ 25,26-27, 28,29,30,31-32,33. Подписаны они *А.Галин*. Это псевдоним, я знаю даже чей, но пока не скажу. Вот, если прочтете, тогда открою⁴⁵.

Что сказать о себе? 25 апреля 1933 г. исполнилось 3 года моей Одиссеи и пошел 4 год ненужному бродяжничеству. Мне дали минус 12; если считать со дня ареста — 25 апреля 1930 г., то я уже свободный человек, если же считать со дня заседания коллегии 2 ноября 1931 г., то срок кончится только в 1934 году!! В самом постановлении не указано — *с какого срока считать?* Буду просить Марию Ильинишну выяснить это.

В Ульяновске я привел в порядок остатки своей картотеки по Лаврову и стал опять ее пополнять. Затем сделал одну работу для изд<ательства> «Academia»: проредактировал по подлинным рукописям одну главу «Дневников» Штакеншнейдер под заглавием «П.Л.Лавров»⁴⁶. А сейчас сижу за примечаниями к одной неизданной статье Лаврова, которую думаю напечатать со своим небольшим предисловием⁴⁷. На очереди — редакция писем Лаврова к Зотову, дневник дочери Лаврова, мои воспоминания о В.В.Воровском, И.А.Саммере и т.д.⁴⁸ Каменеву в издат<ельство> «Academia» хочу предложить сборник статей Лаврова⁴⁹. Словом хочу жить и работать. Но если бы Вы знали, как трудно это делать в Ульяновске — здесь мало книг и многого в библиотеке совсем не имеется. Нет даже «Словаря» каторжан⁵⁰.

Посылаю Вам вырезку о смерти А.А.Кропоткина для Кропоткинского Музея. Нашел в своем архиве. Вероятно, это из «Рус<ских> Ведомостей»⁵¹. Кроме того, я нашел у себя 4 вырезки с рецензиями на Вашу книгу «После Шлиссельбурга» издат<ельства> «Колос»⁵². А все-таки, как хорошо издал эту книгу «Колос» — посмотрите какая бумага, краска, шрифт. Разве можно сравнивать с изданиями Каторжан? Чувствую, что Вы сердитесь, и умолкаю.

Целую Вашу руку, дорогая Вера Николаевна, и еще раз от всего сердца благодарю Вас за душевную заботу и трогательное внимание. От всей души желаю Вам солнечных, радостных дней! Сердечный привет Мих<аилу> Петровичу⁵³, Ник<олаю> Константиновичу, Наталии Александровне⁵⁴.

Душевно преданный Ф.И.Витязев.

Ф.1185. Оп.3. Д.21. Л.12-18об. Автограф.

8.

В.Н.Фигнер — Ф.И.Седенко-Витязеву

[Михайловское], 8 июля 1933 г.

Ферапонт Иванович! Где Вы? что Вы? С Кузнецкого меня извещают, ч<то> вы свободны. Я говорю, он и так был свободен и из Нижнего переехал в Ульяновск. А он хотел жить в М<оскве>. Ну, ответили: дело его прекращено и он может жить в Москве. Так что ж Вы медлите? Ведь «учреждение» не имеет обыкновения объявлять временно или вечно обязанному: «возьми одр свой (сиречь картотеку) и иди»⁵⁵.

Я на Ваш<ем> месте переселилась бы. Кстати, лето, и многие уехали на время, так что до приискания комнаты есть где пережить. Я — в Мих<айловском>, и Мих<аил> Петр<ович> тоже здесь с 4.VI. Он дал для Вас 100 р., ибо верно на переезд нужны деньги. Сейчас боюсь послать, п<отому> ч<то> не знаю, улетели ли Вы на обожженных крыльях радости. Тогда возня с возвращением их. Поэтому напишите немедленно: Москва. 34. Чистый пер. 3; кв. 2. Наталье Петровне Куприяновой⁵⁶. Деньги я передала ей, и она тотчас вышлет.

С рукопожатием В.Ф.

Лебедевы разрешились от бремени, и теперь в деревне.

У нас в Музее ремонт; закрыли на 2 месяца. Леб<едев> отказался быть секретарем и будет в архиве и в муз<ейной> ком<иссии> только. На его место поступил Перелешин, кооператор (на 250 р. в месяц) и новая метла чисто метет⁵⁷. Много у нас перемен. Надеемся на ваше участие. Я думаю, ч<то> надо спросить Марью Андр<еевну>⁵⁸, не можете ли Вы, пока устроитесь, пробыть в нашей квар<тире> в библиотеч<ной> комнате и спать на софе.

С рукопожатием В.Ф.

У нас лето дождливое.

Ф.1185. Оп.1. Д.168. Л.14-15. Автограф.

9.

Ф.И.Седенко-Витязев — В.Н.Фигнер

[Ульяновск], 17 июля 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна!

Сердечное спасибо за весточку и неизменные заботы обо мне. Я бы давно на «крыльях радости» улетел в Москву, но задержался исключительно из-за денег. Официальное извещение меня отнюдь не задерживает и не в нем дело. Тем более, в ответ на мой запрос по этому поводу М <ария> И <льинична> прислала мне 12/VII следующую телеграмму: «Проживание Москве разрешено, приезжайте, зайдите, *Ульянова*». К сожалению Центральный Литер <атурный> Музей задерживает вот уже 3 месяца уплату мне 800 руб. Я и сел на «волжской мели». Ведь билет стоит 42 руб., да багаж 60 р. — кроме того, перевозка всего на вокзал (4 версты). Деньги я смогу получить от друзей после 20/VII в конце месяца. Помощь Ваша с Михаилом Петровичем, конечно, играет огромную роль, и я не знаю, как и благодарить Вас. Ваше участие и трогательное внимание меня не только волнует, но и *бодрит*. Много радости вносит это в мою жизнь, и за эту красиво-жизненную радость спасибо безмерное Вам и Михаилу Петровичу, которому я сегодня также пишу. «Хранительнице капитала» — Наталии Петровне я уже написал письмо с просьбой переслать его в Ульяновск.

Так как вся наша жизнь развивается сугубо диалектически, путем «отрицания отрицаний», то я предвижу массу неприятностей в Москве, где объектом скрещивающихся «отрицаний» станет моя личность. Отмена минусов одно, а получение паспорта и въезд в Москву это совсем другое. Боюсь, что тут произойдет большая путаница понятий. Вот пример. Легко телеграфировать М <арии> И <льиничне> — «приезжайте». А в Рязани стоит специальный кордон для проверки документов и в Москву пропускают только тех, у кого есть московский паспорт или служебная командировка. Вот Вам первое отрицание с первого шага. Его я надеюсь *обойти*, но я не уверен в успехе. А сейчас «на радостях» я бросил книги, бумаги и целые дни езжу на лодке по Волге на острова. Песок, целое море солнца жгучего, яркого, волжские просторы под необъятной синевой неба и бесконечные освежающие купанья. Чего еще надо? На мое самое активное участие в делах Музея можете смело рассчитывать. Крепко жму и целую Вашу руку. Еще раз спасибо за все, за все! Желая светлых радостных дней.

Душевно преданный Ф.И.Витязев

Ф.1185. Оп.3. Д.21. Л.1а-1аоб. Автограф.

¹ *Ф.И.Витязев* род. в Аккермане Бессарабской губ., в семье штурмана. Революционную работу начал после окончания гимназии в 1904. Неоднократно подвергался репрессиям. Сотрудничал в провинциальной печати (газ. «Аккерманское слово», «Вологодский листок», «Эхо» и др.). В 1910 поступил на юридический ф-т Пб ун-та, но на будущий год выслан из столицы за участие в студенческих беспорядках. В Вологде сблизился с семьей П.Л.Лаврова и взял на себя материальную заботу о его престарелой дочери М.П.Негрескул. В 1914 восстановился в ун-те, в 1915 вместе с А.А.Гизетти и П.А.Сорокиным редактировал двухнедельник «Народная мысль» (Пг), а в конце того же года ушел на фронт. В 1917-18 — член правления кооперативного книгоиздательства эсеров «Революционная мысль», один из организаторов Музея Революции, автор работ о классиках народничества. Витязев — деятельный организатор изучения творчества П.Л.Лаврова, редактор его сочинений, пропагандист идейного наследия этого мыслителя, один из учредителей Об-ва изучения истории освободительного и революционного движения в России (1919).

Другой доминантой жизни Витязева была его работа в «Колосе», кооперативном книгоиздательском товариществе народнического ориентации, правление которого он неизменно возглавлял с момента образования 11 июля 1918 до закрытия в 1926.

Наряду с изданиями классиков народничества (П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского) и мемуарами старых революционеров (В.Н.Фигнер, Л.Г.Дейча, А.В.Прибылева, И.И.Попова), «Колос» выпускал и книги известных ученых (В.М.Бехтерева, П.А.Сорокина, Г.Г.Шпета, Н.И.Кареева и др.). Здесь же выходили литературоведческие труды Р.В.Иванова-Разумника, историко-биографические работы Н.Д.Кондратьева, А.Е.Преснякова, О.В.Аптекмана, издавались серии «Библиотека исторических романов», «Библиотека художественной литературы» и т.д. Некоторое представление об издательской атмосфере «Колоса» может дать отрывок из предисловия Г.Г.Шпета к «Очерку развития русской философии»: «Исключительную благодарностью считаю себя обязанным книгоиздательству “Колос”. Когда мы убедились, что затеянная нами многотомная коллективная *История русской философии* по обстоятельствам времени надолго откладывается, был задуман мой “Очерк” <...> Невзирая на возраставшие таким образом технические трудности и материальные затраты, издательство в лице, преимущественно, Ф.И.Витязева, неизменно выражало сочувствие и ободрение моей работе. Я уж не говорю о том, что несмотря на некоторые идейные расхождения с общим направлением “Колоса”, мне даже и намек не приходилось слышать, который мог бы оказать давление на свободу моих убеждений, взглядов или на мою научную совесть, я хочу только подчеркнуть, что и со стороны чисто “издательского” отношения и материальных условий, в которые я был поставлен, “Колос” обнаружил предельную *liberalitatem*. Это вынудило меня в тяжелейшие дни нашего тяжкого времени и сохранило во мне много душевной бодрости». (Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 18-19).

В начале 1920-х контора издательства находилась в Петрограде (Литейный. 21), а склад и магазин — в Москве (ул. Герцена, 22). Среди сотрудников «Колоса» было немало бывших эсеров (напр., членом правления и заведую-

щим технической частью стал бывший (1917) секретарь военной комиссии ПК ПСР Л.В.Алисов). Обстоятельства закрытия товарищества весной 1926 не выяснены до конца, однако с большой долей вероятности можно предположить, что — как и в судьбе других кооперативных и частных издательств — здесь большую роль сыграло финансовое давление со стороны государства. Сказался и идеологический диктат: «Дорогой Ферапонт Иванович, — писал Иванов-Разумник, — с тех пор, как над “Колосом” стряслась беда, мне не приходилось еще писать Вам. Больно и грустно было за дело, которое просуществовало ряд самых тяжелых лет — и должно закончить свое существование теперь, когда наша блестящая кооперация достигла, по газетам, довоенного уровня. Что делать! Сегодня — ты, а завтра — я, вчера — Вольфила, сегодня — “Колос”. Вот и нас лопают Левиафан “советской общественности”: думаю, что слопает когда-нибудь и индивидуально». (ЦГАЛИ. Ф.106. Оп.1. Д.64. Л.117об.)

Заметна была роль Витязева и в организации издательского дела в стране. В 1921-25 он — председатель правления Союза петроградских кооперативных издательств, автор брошюры «Частные издательства в Советской России» (1921), в которой остро критиковал государственную монополизацию издательского дела. По предложению А.В.Луначарского участвовал в подготовке Постановления Совнаркома о частных издательствах. В 1922 Витязев вошел в состав Комиссии при СНК по изданию работ русских классиков, социалистов и мыслителей, возглавлявшейся Л.Б.Каменевым, в 1920-е состоял в секции ОПиС по изучению общественного движения в России 1830-70-х гг.

После закрытия «Колоса» занимался литературной работой, в 1929-30 был секретарем редакции кооперативного издательства «Мир» в Москве. 25 апреля 1930 арестован в Ленинграде по «академическому делу» (см. прим. 24). Постановлением «тройки» ОГПУ при Ленинградском военном округе приговорен к 5 годам заключения. 2 ноября 1931 Коллегией ОГПУ приговор был заменен на 3 года «минуса», который Витязев отбывал сначала в Н.Новгороде, а затем в Ульяновске. По возвращении поселился в Москве, сотрудничал в «Звеньях» и «Литературном Наследстве», выполнял задания Литературного Музея. В конце 1937 вновь арестован, получил 10 лет лагеря, погиб в заключении. Реабилитирован.

О судьбе его архива см. в письме В.Д.Бонч-Бруевича к Л.П.Берия от 28 июня 1939: «Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство: мне стало известно по нашей музейно-архивной линии, что при аресте тех или других лиц из литературной среды, архивы этих лиц не сохраняются, а просто уничтожаются, сжигаются в печке. <...> При аресте Ф.И.Витязева те лица, которые были уполномочены на этот обыск, и управляющий дома, в котором проживал Витязев, <...> картотеку и все письма просто сожгли в печке». (Сообщено С.В.Шумихиным. ЦГАЛИ. Ф.612. Оп.1. Д.3339. См. также «Знание-сила» 1989. №6. С.72). Сохранившаяся часть архива Витязева находится в ЦГАЛИ (Ф.106) и в Московском областном краеведческом музее (Эйдельман Н.Я. Первый декабрист. М., 1990. С.166-167).

² Речь идет о книге Александра Ивановича *Спиридовича* (1873-1952), бывшего генерал-майора Корпуса жандармов, начальника Киевского охранного отделения, затем мемуариста.

³ Иванов Разумник Васильевич (псевд. *Иванов-Разумник*, 1878-1946) — историк общественной мысли, социолог и литературовед. До революции сотрудничал в изданиях народнической ориентации, в 1917-23 — один из литературных лидеров и организаторов левозероверской печати. Формально к ПЛСР не принадлежал, но в 1918 был избран в ее ЦК как член редколлегия центрального органа (газеты «Знамя труда»). В 1919-24 — один из руководителей Вольной философской ассоциации (Вольфилы). После выхода в изд-ве «Колос» его книги «Вершины: Александр Блок. Андрей Белый» (1923) на оригинальное творчество Иванова-Разумника был наложен негласный запрет, и он мог выступать в печати лишь как переводчик, литературовед и редактор: при его участии издавались сочинения классиков, литературные мемуары и пр. В феврале 1933 был арестован вместе с группой ленинградских литераторов и биологов, бывших эсеров (Н.В.Брюллова-Шаскольская, А.А.Гизетти, Д.М.Пинес и др.) по обвинению в «идейном руководстве народническим центром». Иванова-Разумника «уличали» в переписке с М.А.Спиридоновой, связях с народовольцами А.В.Прибылевым, А.П.Прибыловой-Корба, М.П.Сажиным, бывшим эсером Е.Е.Колосовым и др. При аресте у него были изъяты и письма В.Н.Фигнер. 28 июня постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ приговорен к 3 годам ссылки, которую отбывал в Новосибирске и Саратове. Вернувшись, жил в Кашире под Москвой, где комментировал «Письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику. 1912-1932». В сентябре 1937 был снова арестован по обвинению в том, что вместе с А.В.Прибылевым и Е.Е.Колосовым «вел контрреволюционные разговоры, обсуждая возможности свержения советской власти», а также в «налаживании связи группы Седенко-Витязева с заграницей». (Дочь Иванова-Разумника до своего ареста в 1933 ходила в заграничные плавания). Все возведенное на него отверг. В июле 1939 освобожден, после чего при содействии Бонч-Бруевича был назначен представителем Гослитмузея в Ленинграде. Вместе с семьей жил в Пушкине, оказавшемся в октябре 1941 под оккупацией, депортирован. Последние годы жизни работал над мемуарами, часть которых была опубликована за рубежом после его смерти в Мюнхене («Тюрьмы и ссылки», «Писательские судьбы»). См. о нем подробнее: [Блок А.] Переписка с Р.В.Ивановым-Разумником. / Вст. ст., публ. и комм. А.В.Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Кн.2. М., 1981. С.366-414.

⁴ Речь идет о монографии Иванова-Разумника «М.Е.Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество», первый том которой вышел в 1930 благодаря активным хлопотам Витязева. Второй и третий тома были подготовлены к печати, но не вышли из-за ареста автора. Впоследствии утеряны. Изд-во «Федерация» (Москва) выплачивало Иванову-Разумнику авансовую часть гонорара с июля по декабрь 1928; в 1929 материальную поддержку ему оказала Фигнер.

⁵ *Елисеев* Григорий Захарович (1821-1891) — публицист народнической ориентации, один из редакторов «Отечественных записок». Статья Витязева о Лаврове и Елисееве была принята в 7-й выпуск «Звеньев» (впоследствии не вышедший). По сообщению Л.А.Везириной, на эту тему он должен был делать доклад в ОПИС. (Указ. соч. С.96).

⁶ Полное собрание сочинений Н.К.Михайловского выходило в Петербурге в 1906-14, вышли тт.1-8,10. Научно-справочные штудии, о которых пишет Витязев, света не увидели и, вероятно, остались незавершенными.

⁷ Имеется в виду *кружок народовольцев*, действовавший в рамках Московского отделения ОПиС. В его работе принимали участие как «старые» (Фигнер, М.Ю.Ашенбрэннер, А.В.Якимова-Диковская, М.Ф.Фроленко, М.П.Шебакин и др.), так и «молодые» (Н.И.Ракитников, М.В.Брамсон, Л.В.Фрейфельд, В.В.Леонович и др.) народовольцы. В 1928-31 выпустил 3 сборника трудов. Аналогичная группа существовала в Ленинграде.

⁸ Речь идет о «Русском обществе друзей книги» (1920-30).

⁹ *Елпатьевский* Сергей Яковлевич (1854-1938) — врач и литератор, общественный деятель, один из основателей партии народных социалистов, член ее ЦК; входил в редколлегию журнала «Русское богатство». *Неведомский* М. (наст. фам. и имя Миклашевский Михаил Петрович, 1866-1943) — публицист, меньшевик. Автор очерка о Н.К.Михайловском (1919). В 1920-30 — член Ком-та по увековечению памяти П.А.Кропоткина. *Попов* Иван Иванович (1862-1942) — революционер-народник, писатель, один из организаторов «Молодой партии Народной Воли». В 1920-х участвовал в работе кружка народовольцев при ОПиС. Первые два тома его воспоминаний («Минувшее и пережитое») были опубликованы в изд-ве «Колос» в 1924.

¹⁰ 1-й том Собр. соч. В.Н.Фигнер вышел в 1928 в «Издательстве Политкоржан».

¹¹ Подчеркивая слово, Фигнер, вероятно, намекает на нежелание Иванова-Разумника просить что-либо у государства, с политикой которого он не был согласен: «подаванчество» (т.е. подача политическим каторжанином или ссыльным прошения царю о помиловании) традиционно расценивалось в революционной среде как недостойное малодушие, было основанием для морального ostracism, а после революции — для отказа в праве быть членом ОПиС.

¹² *Вересаев* В. (наст. фам. и имя Смидович Викентий Викентьевич, 1867-1945) — писатель, в 1928 — председатель Всероссийского Союза Писателей.

¹³ Посвященный столетию со дня рождения П.Л.Лаврова вечер состоялся 15 июня 1923 в московском Политехническом музее. Его устроителями были арестованные вслед за тем левые эсеры К.Н.Прокопович и О.Л.Чижиков и максималист Г.А.Нестроев; председательствовала сама Фигнер, а основным докладчиком выступал левый эсер Я.В.Браун, который — действительно — затем оказался в Ярославском политизоляторе, но к 1928 уже был в ссылке в Усть-Сысольске. Эти последствия вечера предвещал следующий комментарий корреспондента «Правды» Льва Римского: «Странное чувство испытали мы на вечере памяти Лаврова <...> словно попали не на историческое чествование революционера и мыслителя, а на насмешливые неумелыми руками обывательско-эсеровский митинг <...> “Ни к одному насильническому акту Совправительства Лавров не приложил бы руки”, — уверял докладчик Браун, и тут же рахитичным <...> голосом доказывал цитатами из Лаврова, что наш нэп есть в сущности союз захватившей власть компартии с буржуазией против рабочих и крестьян. <...> Анархист Боровой, правда, ближе всех держался темы, много говорил об элементах анархического мировоззрения в лавризме, но и он не удержался от соблазна лягнуть Советскую власть, сравнив ее с тиранией римских времен. Выступавший от имени эсеров-максималистов некто в черном произнес махровую речь, отли-

вавшую всеми цветами блогвардейской радуги, и в заключение дал торжественное обещание от имени своей партии и “далее высоко нести знамя борьбы с тиранией”. Кто же эту дребедень слушал? Крайне любопытен состав аудитории: ни одного рабочего, ни одного красноармейца, зато много родных и тетушек, лица которых нам особенно пригляделись на первых трех скамьях во время прошлогоднего процесса эсеров» (1923, 19 июня). Сохранившаяся неотредактированная стенограмма вечера дополняет картину, изображенную Л.Римским. Приводим фрагмент из нее: «БРАУН: — Ибо здесь, как Вы видите, заложниками коммуны объявлялись лишь...

ГОЛОСА: — Клевещете на Лаврова.

В.Н.ФИГНЕР: — Соблюдайте, товарищи, порядок. [Давайте] закончим благополучно этот вечер.

БРАУН: — Значит, разница заключается в том, что здесь очевидно заложниками объявлялись лица, заведомо виновные, что вина была доказана вооруженной борьбой против коммуны, лишь после того, как над ними производился суд, я подчеркиваю “суд”.

ГОЛОСА: — Довольно. Аплодисменты...

БРАУН: — Приговор над ними выносился в 24 часа судом, я подчеркиваю — всего лишь в 24 часа, и после этого их не казнили, а объявляли заложниками. Вы понимаете разницу между этим и... Аплодисменты... Крики...

ГОЛОСА: — А работа эсеров в Сибири?!

БРАУН: — Лавров всегда утверждал, что мы не имеем права бороться с буржуазией ее же средствами и это...

ГОЛОСА: — Неправда... Аплодисменты... Продолжайте, довольно... Крики... Аплодисменты...

БРАУН: — Здесь меня перебивают какие-то недоучки, которые [воображают], что против Лаврова можно сражаться криком. Аплодисменты...

БРАУН: — Но пусть, говорю я... Крики.

В.Н.ФИГНЕР: — Дайте кончить оратору.

ГОЛОСА: — Довольно. Аплодисменты... Просим...

БРАУН: — Но пусть Вам ответу не я, пусть Вам ответит Лавров. Я цитирую Лаврова... Читает <...>

ГОЛОС: — Дайте высказаться коммунисту.

В.Н.ФИГНЕР: — Товарищи, здесь не митинг и очень жалко, что здесь такой беспорядок <...> Теперь прошу соблюсти несколько минут молчания. Прочтут приветствия, присланные из многих городов и даже из-за границы по поводу нашего сегодняшнего собрания.

НЕСТРОЕВ: Читает приветствия. Аплодисменты.

ГОЛОС: — От рабочих нет телеграммы.

НЕСТРОЕВ: Читает.

В.Н.ФИГНЕР: — Считаю собрание закрытым». (ЦГАЛИ Ф.1023. Оп.1. Д.116. Л.46-49).

В середине 1920-х аресты еще не стали единственным средством борьбы с меньшевистской идеологией: 1 июля 1926 вечер, посвященный 50-летию смерти М.А.Бакунина, был попросту сорван. Когда С.Г.Кропоткина (см. прим. 4 к последнему разделу настоящей публикации) попыталась заговорить на нем об отсутствии в стране свободы слова, то «терпеливо переносившая вначале выходки и ребяческие утверждения анархистов <...> публика стала

терять запасы терпения и старой Кропоткиной не пришлось окончить свою речь» (Вечерняя Москва. 1926, 2 июля). Состоялся ли вечер памяти Михайловского — неизвестно; во всяком случае 26 января 1929 А.А. Гизетти писал Витязеву: «Дорогой Ферапонт Иванович! До меня дошли слухи, что чествование памяти М.<ихайловского> состоится в кр<ужке> народов<ольцев> уже 2-го числа. Очень хотел бы получить от Вас весточку, намечается ли реализация какого-нибудь из планов моего участия в докладах на эту тему в Об<ществе> пол<ят>кат<оржан> или в Союзе Писат<елей> (ЦГАЛИ. Ф.106. Оп.1. Д.35. Л.23). Указанием на то, что вечер все-таки имел место, служит «Вступительное слово на вечере (10 февраля 1929) 25-летия со дня смерти Н.К. Михайловского»: «Николай Константинович Михайловский, — говорится в нем, — был учителем и руководителем молодых поколений 70-х, 80-х и 90-х годов. Не революционер, как он сам говорит о себе в письме к Лаврову, он вел нас к революции, а как противник капиталистического, буржуазного строя — к социализму <...> В своем умственном развитии я очень многим обязана произведениям Михайловского, но я не понимала его и не могла подойти к нему, как к человеку. Для моего молодого фанатизма он был слишком от мира сего, и я не могла принять его. Как человек — он был далек для меня». (Фигнер Н.В. Полн. собр. соч. в 7-ми тт. Т.5. М., 1932. С.475-476).

14 *Леонович* Василий Викторович (псевд. Ангарский, 1875-1932) — участник революционного движения, литератор. Род. в Иркутской губ. в дворянской семье, отец — каторжанин, участник польского восстания 1863. Образование получил в Иркутской учительской семинарии, с 1894 учился на юридическом ф-те Пб ун-та, но курса не кончил. Литературную деятельность начал в газ. «Восточное обозрение». Участвовал в народовольческих организациях в Иркутске и Петербурге («Летучий листок»). Неоднократно арестовывался и ссылался (в 1896 по делу Лахтинской типографии, затем по делам петербургской группы эсеров, о покушении эсера Дулебова на уфимского губернатора Богдановича и т.п.). В 1904-05 — член ЦК ПСР, участник «Северного боевого летучего отряда». В 1907 эмигрировал во Францию, сотрудничал в эсеровских изданиях. В годы Первой мировой войны — интернационалист. Вернувшись в Россию после Февральской революции, отошел от политической деятельности, преподавал литературу в учебных заведениях, был секретарем Союза общественных организаций по обмундированию Красной Армии и Флота. В 1925-27 — сотрудник Музея Революции. Участвовал в работе и изданиях ОПиС. Умер от пневмонии.

15 *Колосов* Евгений Евгеньевич (1879-1937) — участник революционного движения, литератор, историк. Родился в семье офицера, революционера-шестидесятника. Окончив реальное училище, учился в Технологическом ин-те в Томске, слушал лекции в Пб ун-те. Принадлежал к Северному союзу эсеров, затем к ПСР, одно время входил в ее ЦК. Несколько раз репрессировался (первый арест — в 1897). В 1917 — лидер енисейских эсеров, один из руководителей Красноярского Совета, редактор социалистической (непартийной) газ. «Наш голос», депутат УС. В 1919 — один из организаторов Сибирского земского политического бюро — части Иркутского Политцентра, руководившего антиколчаковским демократическим движением в Сибири. В 1920, как представитель земства, входил в состав делегации Политцентра, отправленной в Томск для переговоров с представителями компартии и

Красной Армии. Затем выехал для дальнейших переговоров в Москву, но по дороге был арестован и посажен в омскую тюрьму. Спустя некоторое время выпущен, работал конторщиком в Сибздраве. Затем переехал в Петроград. Сотрудничал в «Красной газете», «Былом» и др. В начале 1925 был арестован и приговорен к 3 годам Верхнеуральского политизолятора. В 1928–31 отбывал ссылку в Ташкенте, работал в библиотеках. По возвращении жил под Москвой, некоторое время работал в научно-библиографическом отделе Библиотеки им.Ленина. Неоднократно арестовывался, в нач. 1935 был отправлен в Суздальский политизолятор. Затем сослан в Тобольск, где работал в местном музее. Там в 1937 снова арестован и, по свидетельству Ю.Г.Оксмана, расстрелян в омской тюрьме.

Вспоминая речь Колосова на «подобном торжестве в Петербурге», Фигнер имела в виду его доклад «“Народная Воля” и Михайловский, как борец за свободу», прочитанный на торжественном заседании памяти Н.К.Михайловского в Михайловском театре 7 мая 1918.

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) — общественный деятель, публицист, один из лидеров энесов. В 1917 — министр продовольствия, товарищ председателя Совета республики (Предпарламента), депутат УС. В 1922 выслан за границу, где вскоре заявил о признании Советской власти и выпустил брошюру «Почему я не эмигрировал?» (Берлин, 1923). С 1927 стал консультантом торгпредства СССР в Латвии. Умер в Риге, похоронен в Ленинграде.

¹⁶ В предисловии к 3-му тому 2-го издания собр. соч. (общее название «После Шлиссельбурга») Фигнер писала, что в конце 1927 «Издательство Политкаторжан» предложило ей довести содержание книги «После Шлиссельбурга», вышедшей в «Колосе» в 1925, до революции 1917, что и было сделано.

¹⁷ По этому адресу находился клуб ОПИС. В селе Михайловском Подольского уезда Московской губ., способ добраться до которого далее объясняет Фигнер, помещался Дом отдыха ОПИС (в имени Шереметьевых). В.Н. неоднократно жила в нем в конце 1920-х — начале 1930-х.

¹⁸ *Валк* Сигизмунд Натанович (1887–1975) — историк и археограф. Ученик А.С.Лаппо-Данилевского, В.И.Семевского и А.Е.Преснякова. С 1918 работал в Историко-революционном архиве в Пг. В 1920-е работал в Ленинградском отделении Центрархива и преподавал в ун-те. Вместе с Б.П.Козьминым руководил библиографической комиссией ОПИС. В конце 1920 — начале 1930-х Валк редактировал библиографический указатель «Русская подпольная и зарубежная печать» (вышел I вып.), готовил издание архивов «Земли и Воли» и «Народной Воли» (вышло в 1932), публиковал документы по истории революционного движения. (Подробнее см.: Кушева Е.Н. Воспоминания о Сигизмунде Натановиче Валке // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С.154–156). Позднее от занятий историко-революционной тематикой отошел.

¹⁹ Иванова (урожд. Оттенберг) *Варвара Николаевна* (1881–1946) — жена Р.В.Иванова-Разумника (с 1903), его помощник по литературной работе. В конце 1920 — начале 1930-х — машинистка В.Н.Фигнер. После ареста мужа в 1930-е работала делопроизводителем в туберкулезном санатории, подрабатывала машинописью. Умерла в Рендсбурге (Германия).

²⁰ Речь идет о книге Е.Е.Колосова (псевд. — Дм.Кузьмин) «Народовольческая журналистика», вышедшей в 1930 в «Издательстве политкаторжан» с послесловием («разносом») Фигнер. Признавая библиографическую ценность книги, В.Н. обрушилась на автора в основном за преувеличение, с ее точки зрения, роли Н.К.Михайловского в идейной жизни и практической пропагандистской работе «Народной воли». При этом особенную недобросовестность Колосова Фигнер усматривала в том, что Михайловского автор поднимал за счет Льва Тихомирова — реального лидера народовольческой журналистики. Сама по себе полемика такого рода была вполне обычной, однако статья Фигнер получила большой резонанс, особенно вследствие того, что появилась внутри самой книги Колосова. Первоначальное предложение об этом Фигнер получила со стороны издательства, несогласного с концепциями Колосова («переоценка роли Мих<айловского> и возведение теории “героев и толпы” в социологическое обоснование н<ародо>в<ольческой> тактики», — из письма Н.И.Ракитникова к Фигнер от 13 июня 1929: ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.681. Л.1) и готового печатать книгу лишь при наличии предисловия Фигнер. Разделяя взгляд издательства на рукопись, В.Н. согласилась. Однако возмутился автор: «Я не стану возражать, — писал он ей 2 августа 1929, — если предисловие будет писать кто бы то ни было из членов редакции — коммунистов “Каторги и ссылки”: — пусть пишут, что им угодно! Но против Вашего предисловия при данных условиях, я категорически возражаю. Я бы его мог принять только при том условии, если бы мы с Вами могли предварительно лично обо всем переговорить, чтобы выяснить вопрос и устранить все возможные недоразумения. Но сделать это невозможно. Это единственное условие, при котором я бы мог пойти на уступки. Я очень извиняюсь перед Вами за то, что этим письмом осложняю Ваше положение, но я не могу поступить иначе, так как здесь затрагиваются многие принципиальные вопросы. Разумеется, я предоставляю Вам поступать так, как Вы найдете лучшим, и я лишь доведу до Вашего сведения о своем мнении, хотя, правда, об этом меня никто и не спрашивал». (Там же. Д.485. Л.5). Компромисс был найден, по-видимому, только в том, что предисловие Фигнер перешло в конец книги и стало послесловием к ней. Далеко не все из старых друзей Фигнер поддерживали ее в этом конфликте. Например, П.С.Ивановская, хотя и с известной осторожностью, высказала свое осуждение: «Ты меня прости, — писала она Фигнер 29 июня 1931, — но мне кажется, никогда не было, чтобы в книге той же самой писалась критика на текст. Разве ты бы позволила писать в том самом томе, где помещено о А.И.Писар<еве>, опровергать тебя, исправлять неверное и т.д.? Этот слюсок критики не весьма удобен и для автора, и для критика, а в практике такой прием нигде не практиковался пока. Мысль при чтении должна двигаться <...>. Впрочем, теперь нетерпимость к чужой мысли перешла всякие границы, не терпят никого и ничего, кроме себя, обладателей абсолютной истины. Между тем тот же Вл<адимир> Гал<актионович> [Короленко] указывал, что она, истина, в бесконечности, и нам дано только искание ее». Думается, что мы меньше всего должны бы быть нетерпимыми к человекам вообще (разумеется, кроме людоедов) и особенно к человеку много испытавшему и все же сохранившему лучшие силы души (Кол<осов> Е.Е.)». (Там же. Д.441. Л.5об.). Недоумевала по этому поводу и А.П.Прибылева-Корба (Там же. Д.675. Л.114-114об.). Не сомневаемся, что и сама Фигнер осознавала спорность использованного ею приема, тем более, что

автор критикуемой книги находился в тот момент в очередной ссылке. Однако это не помешало ей решиться на столь необычный (и неоднозначно оцениваемый окружающими) шаг. Пожалуй, дело было не столько в том, что Фигнер усмотрела в позиции Колосова политиканство: его попытки, путем преувеличения роли эсеровского кумира — Михайловского — в идеологии народолюбчества, возвысить прошлое собственной партии (ПСР) не могли всерьез затронуть В.Н. — к эсерам она относилась не без сочувствия. Скорее, причиной ее болезненной реакции было то, что в книге Колосова она увидела попытку «вычеркнуть» из истории «Народной воли» Тихомирова, который для нее, пусть и стал впоследствии ренегатом, даже черносотенцем, но тогда, в «героический период», был одной из самых ярких и важных фигур. Защищая Тихомирова от Колосова, она протестовала против искусственного стирания Памяти, вычеркивания из Истории ее реальных персонажей, процесса подмен и фальсификаций, в особенности проявившегося в конце 1920 — начале 1930-х и прямо коснувшегося ее в связи с юбилеем «Народной воли» и полемикой вокруг нее. Фигнер, как и самого Колосова, не слишком волновали писания коммунистов-историков на эту тему, но позволить вольно обращаться с фактами человеку близкого круга она не могла. Кажется, она даже усомнилась в революционном прошлом Колосова — С.Н.Валк вспоминал, что именно в это время Фигнер с некоторой настороженностью расспрашивала его о биографии Колосова — действительно ли арестовывался до революции, сколько раз и т.п. (устное сообщение). Наконец, было и еще одно — психологическое — обоснование: для Фигнер правду знали только те, кто ТОГДА БЫЛ РЯДОМ. Интерпретировать может каждый, сколько ему угодно, но рассказать, КАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ, могут только живые очевидцы, участники событий. «Только мы можем рассказать правду о нашем прошлом», — это был ее лейтмотив в последние два десятилетия жизни. Поэтому ценная своей фактурой, насыщенная материалами (но неверно понятыми и поданными) книга Колосова вызвала особое раздражение Фигнер. Она осознавала себя выполняющей свой долг, потому ни странность публикации критики внутри колосовской книги, ни ссыльное положение автора не могли ее остановить.

21 Происхождение этого документа в бумагах Фигнер не выяснено: не установлены ни адресат письма, ни его переписчик. Не исключено, что выдержку из письма Витязева мог послать Иванов-Разумник, но был ли первым адресатом он сам — неизвестно.

22 В 1905 Витязев организовал забастовку учащихся Аккермана, во время которой его избрали председателем коалиционного Совета учащихся. В октябрьские дни того же года участвовал в отряде самообороны, защищавшем еврейские кварталы города от погромщиков. Летом 1906 организовал в Аккермане группу ПСР и стал одним из ее лидеров. Осенью того же года он вошел в состав Одесского комитета ПСР, представлял эсеров в стачке моряков Одесского порта, а затем в Новороссийском ун-те. В конце 1906 — начале 1907 был во главе Боевой Организации при Одесском комитете. В январе 1907 арестован и сослан на 3 года в Тару Тобольской губ. Поступив в Пб ун-т, принимал активное участие в толстовских днях осенью 1910, был в числе организаторов студенческой демонстрации против смертной казни 11 ноября. В январе 1911 арестован и выслан из Петербурга на 5 лет. Осенью

1911 Витязев доставил в Россию из Румынии транспорт нелегальной литературы эсеров. Затем, выполняя поручение ЦК ПСР, восстанавливал эсеровские организации в южных городах. В 1912 административно сослан в Грязовец Вологодской губ., где пробыл до 1914. В общей сложности в дореволюционный период Витязев арестовывался 5 раз, провел в тюрьмах 3,5 г. и 5 лет в ссылках.

²³ *Енукидзе* Абель Сафронович (1877-1937) — в 1931 секретарь Президиума ЦИК СССР.

²⁴ *Платонов* Сергей Федорович (1860-1933) — историк, академик, председатель Археографической комиссии, директор Библиотеки Академии наук. В ноябре 1929 печатно был обвинен в сокрытии в БАН «важных политических документов» (архивов ряда партий, материалов УС и др.). Вслед за этим начались аресты его сотрудников и учеников. Сам Платонов был арестован 12 января 1930 по обвинению в «активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации». Аресты в среде гуманитариев по этому делу продолжались до осени 1930. Всего по нему проходило 115 чел., среди них были академики Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, Е.В.Тарле, чл.-корр. АН СССР В.Г.Бенешевич, В.Г.Дружинин, Ю.В.Готье, Д.Н.Егоров, А.И.Яковлев и др. Платонов и его подельники были обвинены в создании «Всенародного Союза борьбы за возрождение свободной России» (одно из обвинений — монархический заговор с целью посадить на престол вел. кн. Андрея Владимировича) и осуждены к различным срокам заключения и ссылки.

²⁵ *Сажин* Михаил Петрович (1845-1934) — муж Е.Н.Фигнер, участник революционного движения 1860-70-х гг., член ОПиС. *Покровский* Михаил Николаевич (1868-1932) — в 1931 член Президиума ЦИК СССР, зам.наркома просвещения РСФСР; *Рудзута* Ян Эрнестович (1887-1938) — в 1931 член Президиума ЦИК СССР, зам.председателя СНК и СТО СССР; *Е.Ярославский* — в 1931 член Президиума и секретарь ЦКК ВКП(б).

²⁶ О результатах хлопот Фигнер о Витязеве свидетельствует следующее письмо к ней от А.И.Доброхотовой (см. прим.36): «Ленинград 7/ХІІ 31 г. Глубокоуважаемая Вера Николаевна! <...> 26 ноября я и все друзья Ферапонта пережили счастливый день его возвращения. Радости возвращения доброго товарища и друга мы все обязаны, дорогая Вера Николаевна, Вам. Это Вы своим ходатайством помогли ни в чем не повинному человеку вернуться к культурной жизни, к любимому им труду — к книгам. Если Вы уже в Москве, то верно видели его, т.к. по проезде через Москву он в первую очередь собирался земно поклониться Вам и рассказать о своей дальнейшей судьбе. После лагеря он обязан 3 года прожить в Н.Новгороде, и мы имеем уже от него известие. Однако живет надеждой, что ему удастся добиться разрешения жить и работать в Москве, о чем он уже подал ходатайства Енукидзе и Сольцу. Физически он чувствует себя удовлетворительно и горит желанием заняться любимой работой. Наш долг теперь поддержать его 2-3 месяца материально, дать ему возможность отдохнуть и осмотреться, чтобы снова он был здоров и работоспособен. Главное сделано, он свободен, а все остальное устроится и приложится. <...> От всей души желаю Вам, дорогая Вера Николаевна, доброго здоровья и силы на все Ваши добрые дела, которые Вы неустанно делаете для всех, нуждающихся в Вашей помощи. Искренно преданная и глубоко Вас уважающая А.Доброхотова». (ЦГАЛИ Ф.1185. Оп.1.

Д.401. Л.1-3). Упомянутый здесь Арон Александрович *Сольц* (1872-1945) — в 1931 — член ЦКК ВКП(б) и Верховного суда СССР.

²⁷ *Лебедев* Николай Константинович (1879-1934) — географ и историк, анархист-федералист. Родился в семье приказчика. Окончил Народный ун-т Шаняевского в Москве, затем продолжил образование за границей, в Париже получил докторскую степень, в 1906 познакомился там с П.А.Кропоткиным, душеприказчиком которого впоследствии стал. Автор работ по истории и теории синдикализма. После революции редактировал «Рабочую жизнь» (орган Союза химиков и парфюмеров), сблизился с Союзом анархо-синдикалистской пропаганды, сотрудничал в издательстве этого Союза «Голос труда» (после раскола синдикалистского движения — на позиции газеты «Вольный голос труда»). Помимо выпуска популярных книг по геологии и географии, редактировал сочинения и труды Кропоткина, в 1921-33 был одним из руководителей и секретарем Кропоткинского Комитета (см. предисловие к последнему разделу настоящей публикации), организатором и автором его изданий. В 1933 покинул пост секретаря Комитета, оставшись только в его Музейной комиссии. Умер в Москве. Большая часть архива Лебедева погибла в годы Отечественной войны.

²⁸ *Невский* Владимир Иванович (наст. фамилия и имя Кривобоков Феодосий, 1876-1937) — участник и историк революционного движения, большевик, в 1924-35 — директор Библиотеки им.Ленина. Отойдя в начале 1920-х от активной политической деятельности, в оппозиционных партийных группировках участия не принимал, но держался с подчеркнутой независимостью: допускал критические высказывания в адрес партийных верхов, принимал на работу в библиотеку «бывших», а также вернувшихся из тюрем и ссылок «политиков», членов их семей и т.п. (Сообщено Т.М.Гарасевой и Е.А.Новиковой-Бацер). 23 февраля 1935 арестован, приговорен к 5 годам Суздальского политизолятора, затем расстрелян. Реабилитирован.

²⁹ Издания полного собрания сочинений П.Л.Лаврова «Издательство Политкаторжан» не предпринимало, но в 1934-35 вышли 4 тт. «Избранных сочинений на социально-политические темы» под общей редакцией И.А.Тедодоровича (подготовка к печати, комментарии и примечания И.С.Книжника-Ветрова). Это издание первоначально анонсировалось в 8 тт. Принимал ли какое-либо участие Витязев в его подготовке — нам неизвестно.

³⁰ Вероятно, речь идет о следующем эпизоде, относящемся к началу пребывания Фигнер в крепости: «Однажды сосед, незнакомец мне человек, спросил: что я делаю? — Думаю о матери и... плачу, — отвечала я. Сосед на меня обрушился. Он спрашивал: читала ли я в «Отечественных Записках» воспоминания Симона Мейера, коммунара? Помню ли я сцену на корабле во время морской качки, когда коммунарам начинают брить головы? Он ставил мне в пример этого Симона Мейера, одного из многих тысяч коммунаров. Он поучал. И это меня взорвало. Воспоминания Симона Мейера, коммунара, я читала. Сцену на корабле и многое другое помнила. «К чему это поучение? — думала я. — Не нуждаюсь я в этом поучении». Но в поучении-то именно я и нуждалась. Если бы сосед посочувствовал, стал ласково утешать — ничего не вышло бы, его слова совпали бы с моим настроением. Но он явно порицал; он настаивал и возбудил досаду. И досада была спасительна». (Полн. собр.

соч. Т.2. М., 1932. С.24). Ссылку Фигнер в письме на т.1 собрания сочинений, а не т.2, можно объяснить только забывчивостью В.Н. Ср.прим.34.

³¹ Отвечая на анкету «Литературного Наследства» о М.Е.Салтыков-Щедрине, Фигнер писала: «В моем развитии и духовной жизни вообще Щедрин никакого влияния не имел». (Встречи с прошлым. Вып.4. М.,1987. С.335).

³² Книга I «Поднятой целины» печаталась в «Новом мире» (№№1-9) за 1932. В том же году вышла отдельным изданием в изд-ве «Федерация». О книге Б.П.Козьмина см. прим. 44 к настоящему разделу.

³³ Ульянова Мария Ильинична (1878-1937) — в нач. 1930-х — член ЦИК СССР и ЦКК ВКП(б), зав. Бюро жалоб Наркомата РКИ СССР, Витязев познакомился с ней в вологодской ссылке. В 1910-е она участвовала в деятельности Краковского союза помощи политическим заключенным, созданного социал-демократами и тесно связанного с Парижским комитетом помощи политическим каторжанам. Вероятно, наряду с Фигнер, М.И. сыграла не последнюю роль в досрочном освобождении Витязева.

³⁴ По-видимому, после 1931 (см.документ №4 в настоящем разделе) Витязев обратился к М.П.Сажину с просьбой о заступничестве еще раз. Причины отказа последнего могли быть разнообразны: от нежелания поощрять «подаванчество» (ср. прим.11), на что, собственно, и намекает здесь Фигнер, до стремления не использовать свое влияние «по мелочам». Бессспорно, что среди мотивов поведения Сажина не было ни опасений за собственное благополучие, ни следов нерасположения к Витязеву, с которым он тесно сотрудничал, по крайней мере, с 1915. Судя по предыдущей фразе, Фигнер хотела напомнить Витязеву известный факт из своей биографии — ее разговор с тюремным смотрителем после вынесения приговора по «процессу 14-ти»: «Военные, приговоренные к смертной казни [М.Ю.Ашенбреннер, Н.Д.Похитонов, Н.М.Рогачев, А.П.Штрюмберг и И.П.Ювачев. — Я.Л.], решили подать прошение о помиловании, — сказал он. — Но барон Штрюмберг колеблется и просил узнать ваше мнение, как поступить ему: должен ли он, ввиду желанья товарищей, тоже подать прошение [известно, что прошение о помиловании подали только Н.Д.Похитонов и И.П.Ювачев, после чего смертная казнь была им заменена вечной каторгой. — Я.Л.] или, не примыкая к ним, воздержаться от этого? — Скажите Штрюмбергу, — ответила я, — что никогда я не посоветую другим делать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама». (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. Т.1. М., 1932. С.356-357) Ссылку Фигнер в публикуемом автографе на второй том, а не на первый, а также пропуск ею номера страницы, мы можем объяснить, как и в предыдущем случае (прим.30), забывчивостью В.Н.

³⁵ О какой из внучек П.Л.Лаврова идет речь — Ольге Эммануиловне Миртовой или Зинаиде Эммануиловне Полянской, — не установлено. Рязанов Давид Борисович (наст. фамилия Гольдендах, 1870-1938) — до 1931 — директор Института К.Маркса и Ф.Энгельса, академик. 16 февраля 1931 был арестован по обвинению в связях с заграничным меньшевистским центром, исключен из партии и выслан сначала в Ленинград, а затем (1933) в Саратов; в 1937 вновь арестован и погиб в заключении.

³⁶ Доброхотова Александра Ивановна — эсерка, секретарь правления

изд-ва «Колос». До середины 1930-х жила в Ленинграде. Вероятно, арестована в Уфе в 1937. (См.: Политический дневник: 1964–1970. Амстердам, 1972. С.712). Дальнейшая судьба неизвестна.

³⁷ «Задруга» — кооперативное товарищество печатного и издательского дела в Москве (1911–22). Возникло по инициативе С.П.Мельгунова, Т.И.Полнера и А.А.Титова. Соединяло в себе черты акционерного общества и кооператива. (Слово «задруга» у южных славян означало общину, основанную на родственных отношениях и сплоченную экономическими интересами). Ориентация «Задруги» поначалу была близка к основным установкам народных социалистов (энесов), с 1917 большое место в деятельности издательства занимала пропаганда запрещенных до революции произведений Л.Н.Толстого. К середине 1919 число членов «Задруги» составляло уже 551 чел. Среди них мы встречаем имена К.Д.Бальмонта, Н.А.Бердяева, В.Ф.Булгакова, С.А.Венгерова, Л.Г.Дейча, М.А.Ильина (Осоргина), А.Ф.Керенского, А.А.Кизеветтера, Н.Д.Кондратьева, В.П.Кранихфельда, Е.Д.Кусковой, Н.А.Морозова, Н.П.Огановского, С.В.Петлюры А.Н. Потресова, А.М.Ремизова, П.Н.Сакулина, Ф.А.Степуна, В.Н.Фигнер, Г.И.Чулкова, Н.Н.Щепкина и др. Коллективными членами товарищества были: Кооперативное товарищество по изданию журнала «Голос минувшего», Общество «Культура и свобода», товарищество «Русское богатство», кооперативные объединения и союзы и др. Выступая на праздновании 10-летия издательства как представитель ПКК, Фигнер сказала: «Может быть, не всем известно, что такое Политический Красный Крест? Это организация вне всяких партий, по своей цели выше всех организаций, но по своим средствам наиболее слабая <...> И вот эта организация приветствует и благодарит «Задругу» за поддержку. «Задруга» давала нам и средства, и книги. Мы уверены, что «Задруга» поможет нам и в новом нашем начинании — в издательском деле. Но наши связи были бы еще теснее, если бы возможно большее число членов «Задруги» вошло в состав Политического Красного Креста. Желаем «Задруге» еще много лет продолжать свою плодотворную деятельность». (Отчет чрезвычайного собрания членов товарищества «Задруга» и общественных организаций в день 10-летнего юбилея 25 декабря 1921 г. Пб., 1922. С.39–40). Ликвидация издательства произошла после ареста и высылки в 1922 председателя Совета и Правления С.П.Мельгунова, его заместителя В.М.Кудрявцева и др. руководителей товарищества. Непосредственным поводом для закрытия «Задруги» послужило издание в Париже в 1922 «Писем Короленко к Луначарскому» с маркой заграничного отдела «Задруги» и обнаружение при обыске в книжном магазине издательства 50 тысяч томов запрещенных книг (сочинений П.Н.Милюкова, А.И.Шингарева и др.). 14 мая 1924 Отдел Печати Моссовета разрешил товариществу открыть «книжную лавку для продажи старых книг и авторских экземпляров».

В «Задруге» были изданы книги Фигнер — «Шлиссельбургские узники» и «Запечатленный труд». Витязев рассказывал, как ГИЗ пытался перехватить некоторые книги «Задруги», в частности, воспоминания Фигнер. Потребовалось вмешательство автора и «бурное объяснение» с главой ГИЗа Вейсом в присутствии Луначарского, чтобы интересы «Задруги» были восстановлены. (Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пб. 1921. С.16–17). Но и на этом злоключения книги не кончились. 25 мая 1921 В.М.Кудрявцев, объясняя Фигнер причину задержки печатания «Задругой» «Запечатленного

труда», сообщил ей о разгроме типографии. Три дня спустя В.Н. писала Н.П.Куприяновой: «На меня вчера пало несчастье: первая часть моей книги могла недели через 3-4 выйти; листов 10 было уже набрано и отпечатано, а 21.V по распоряжению полиграфич<еского> отдела приехали рабочие и день и ночь разбирали типографские машины, получая за разбор каждый 600 т<ысяч> и 1 миллион! В 3 дня вся типография была разгромлена. Это, когда восстанавливают кооперацию. (Задруга — кооперативное издательское Товарищество писателей). Потом приехали ломовики и стали все увозить. Калинин — председатель ВЦИК, давал телефонограмму приостановить это варварское разрушение еще в январе *национализированной* типографии Задруги — тщето, хулиганское распоряжение полиграфич<еского> отдела продолжило злое дело. Вот еще страница к скорбной истории моей книги». (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.231. Л.136об). Сразу после этого по решению совместного заседания Правления с рабочими-печатниками — членами Товарищества — была направлена делегация в ВСНХ, где в результате переговоров с заместителем председателя ВСНХ В.П.Милютиним конфликт удалось уладить. В 1922 Фигнер была членом Совета «Задруги». В середине 1920-х изд-во «Колос» перемалось в Москве по бывшему адресу «Задруги» (Крестовоздвиженский пер., 9).

³⁸ Арьков Федор Ефимович — педагог и издательский работник, хороший знакомый Фигнер. Образование получил в Учительском ин-те, Саратовском и Московском ун-тах. В 1920-30-х — секретарь редакции «Каторги и ссылки», управляющий делами «Издательства Политкаторжан». Был арестован по «оговору одного из членов Общества политкаторжан и ссылнопоселенцев в декабрьские дни 1934». Как сообщал сам Арьков Фигнер, поводом для его ареста послужили обнаруженные во время поиска запрещенные издания: книга П.Н.Милюкова «Вторая русская революция», биография П.Н.Краснова и др. Был осужден ОСО НКВД к 5 годам заключения с конфискацией имущества. Отбывал наказание в Дальневосточном ИТЛ. Несколько раз обращался к Фигнер с просьбой о помощи в возвращении имущества его семье и о ходатайстве об изменении ему меры наказания. «Получить в таежной глуши, — отвечал Арьков 15 августа 1935 на одно из писем Фигнер, — письмо от человека, имя которого известно не только всему культурному миру нашего Советского Союза, но и всем западноевропейским странам — есть величайшее счастье. Проникнутое исключительной задушевностью, сердечной мягкостью и простотой, согретое теплой дружбой, Ваше письмо доставило мне много радости и восторга. <...> Сейчас я чувствую какую-то особую неловкость и даже не отдаю себе ясного отчета в том, чем вызвано такое исключительное ко мне отношение, и это в то время, когда все многочисленные друзья по воле забыли меня. <...> До сих пор никак не могу ни поверить в свою долгосрочную изоляцию, ни понять той конкретной вины, за которую я получил такое суровое наказание, хотя Вы и считаете 5-летний срок лагерного заключения пустяковым <...>. Поверьте, что за время моего заключения не было ни одного дня, когда бы я не вспомнил Ваше 20-летнее сидение в Шлиссельбурге и многолетнее скитание в ссылке и эмиграции, и в этом черпаю большое утешение и облегчение. В возможность сокращения срока я мало верю». (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.278. Л.11-12). Умер в 1970-е.

³⁹ Агранов Яков Саулович (1893-1938) — с 20 февраля 1933 — зам. пред.

ОГПУ СССР. (Сообщено Н.В.Петровым). В августе 1938 расстрелян. Не реабилитирован.

⁴⁰ Книга П.Л.Лаврова «Парижская Коммуна: 18 марта 1871 г.» была выпущена «Колосом» двумя изданиями, получившими, по словам Витязева, более ста «хвалебных отзывов и статей». Среди рецензентов «Парижской Коммуны» были Л.Д.Троцкий, И.И. Скворцов-Степанов, В.А.Быстрицкий, Н.М.Лукин-Антонов и др. видные большевики.

⁴¹ Имеется в виду эпизод с арестом Витязева в 1907. Он попал в засаду на одесской квартире, «где провалились бомбы». После допроса был посажен «в камеру смертников в Бульварном участке, но приговор не состоялся» и его перевели в Одесскую тюрьму (ЦГАЛИ. Ф.106. Оп.3. Д.5. Л.2).

⁴² В письме к Фигнер от 30 января 1935 Витязев пишет о М.Е.Салтыкове-Щедрине: «За последнее время я перечитал немало писем Салтыкова. Ну и злой он человек! Порой мне кажется, что его природная злость к человечеству и есть — источник его литературного таланта. А ведь это довольно жуткая штука!» (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.3. Д.21. Л.4об.).

⁴³ *Кривенко* Сергей Николаевич (1847-1906) — публицист, сотрудник «Отечественных записок», «Русского богатства». В 1870-80-е был тесно связан с революционным подпольем, примыкал к «Народной Воле». Позднее — легальный народник.

⁴⁴ Речь идет о книге историка, заведующего редакцией «Каторги и ссылки» Бориса Павловича *Козьмина* (1888-1958) «От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»: Очерки по истории народничества» (М.: «Издательство Политкаторжан», 1933). Скептическое отношение Витязева к этому автору обусловлено, по-видимому, тем, что Козьмин, вслед за другими историками-марксистами, противопоставлял шестидесятников, «настоящих революционеров» («якобинца» Ткачева) — семидесятникам, «представителям мелкобуржуазной идеологии» («кающемуся дворянину» Лаврову). Утверждение Козьмина о том, что до 1873 «Лавров был совершенно чужд революционному движению», не могло встретить понимания у Витязева, отдавшего много лет изучению и пропаганде наследия этого выдающегося революционера. Витязев воспринимал оппозицию «Ткачев — Лавров» так остро, возможно, еще и потому, что видел за ней центральные узлы дискуссии об этике и тактике в революционном движении, ведшейся в среде демократической интеллигенции уже на протяжении ряда десятилетий. (Позиция Фигнер в этой дискуссии нам неизвестна). Критикуя Козьмина за нераскрытые псевдонимы, Витязев имеет в виду его статьи в том же сборнике: «Артельный журнал “Век” 1862 г.» и «Два артельных журнала начала 80-х годов. 1. “Русское богатство” (1880-1881 гг.). 2. “Устой” (1881-1882 гг.)».

⁴⁵ «Накануне» — социально-революционное обозрение, выходившее в Лондоне в 1899-1902 под ред. Э.А.Серебрякова. И.Ф.Масанов отождествляет *А.Галина* с эсеровским публицистом Яковом Лазаревичем Юделевским (1868-1957) («Словарь псевдонимов...». Т.4. С.543). Я.Л.Юделевского Фигнер хорошо знала по Парижу и Лондону. Возможно, Витязев имел другое мнение: аналогичное масановскому раскрытие этого псевдонима встречалось в печати и до 1933 (см., напр.: Бурцев Вл. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С.251).

⁴⁶ Дневник и записки (1854-1886) дочери известного русского архитектора Елены Андреевны *Штакеншнейдер* (1836-1897) вышли в 1934 в изд-ве «Academia» под редакцией и с комментариями И.Н.Розанова. Витязев сверил с рукописью и откомментировал главу о встречах автора с Лавровым и подобрал иллюстрации для всей книги. «Понравился ли Вам “Дневник” Е.А.Штакеншнейдер? — спрашивал он у Фигнер 30 января 1935. — По-моему — одна из умнейших русских женщин. Быть может, он слишком даже интеллектуален и умозрителен. Автор не живет сам, а наблюдает тонко, пристально, иной раз “въедаюсь в душу” отдельных лиц. И наряду с этим удивительная непосредственность. Но главное колорит эпохи, ее “запахи”, которыми дышит каждая страница книги. <...> Приходится только сожалеть, что русская литература имеет так мало дневников. Мне кажется, что среди них Штакеншнейдер занимает одно из первых мест». (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.3. Д.21. Л.4-4об.).

⁴⁷ Вероятно, речь идет об анонимной статье П.Л.Лаврова «О задачах современной критики: Письмо провинциала», впервые напечатанной в «Отечественных записках» за 1868. Была опубликована со вступительной статьей и примечаниями Витязева в 6-м выпуске «Звеньев» (М.;Л., 1936).

⁴⁸ *Зотов* Владимир Рафаилович (1821-1896) — литератор, хранитель архива «Народной Воли»; *дочь Лаврова* — Негрескул Мария Петровна (1851-1919), — публикации писем Лаврова к Зотову и дневника М.П.Негрескул не состоялись.

Советского дипломата Вацлава Вацлавовича *Воровского* (1871-1923) Витязев хорошо знал по вологодской ссылке, с революционером-большевиком Иваном Адамовичем *Саммером* (1870-1921), работавшим после революции в кооперации и совнархозах, — был дружен. Воспоминания о встречах с ними он намеревался поместить в журнале «Пролетарская революция» под заглавием «Тени старых большевиков».

⁴⁹ Издательство «Academia» существовало с кон. 1921 до 1937, когда было слито с Гослитиздатом. В 1933-34 его возглавлял вернувшийся из минусинской ссылки Л.Б.Каменев. Привлечению Витязева к сотрудничеству с «Academia» активно содействовал Е.Е.Колосов, также освободившийся из ссылки незадолго до этого.

⁵⁰ Скорее всего, имеется в виду словарь «Деятели революционного движения в России: От предшественников декабристов до падения царизма», тома которого «Издательство Политкаторжан» выпускало в 1927-34. Издание осталось незавершенным. Оно выходило под редакцией Ф.Я.Кона, В.И.Невского, И.А.Теодоровича, Я.Б.Шумяцкого, Б.П.Козьмина и А.А.Шилова.

⁵¹ *Кропоткин* Александр Алексеевич (1841-1886) — брат анархиста, за участие в революционном движении был сослан на поселение в Минусинск. В юности вел обширную переписку с П.А.Кропоткиным. Застрелился в Томске 25 июля 1886.

⁵² Вышла в 1925.

⁵³ Вероятно, речь идет о М.П.Сажине или М.П.Шебалине.

⁵⁴ *Критская* Наталия Александровна (ум. после 1945) — жена и соавтор Н.К.Лебедева, научный сотрудник Музея Кропоткина.

⁵⁵ Ср. Евангелие от Матфея. 9:6.

⁵⁶ *Куприянова* Наталья Петровна (1868-1950) — дочь Петра Христофоровича Куприянова — дяди Фигнер по матери, общественная деятельница. В 1900-10-х — председательница Об-ва взаимного вспомоществования учителей в Казанской губ., организатор помощи голодающим крестьянам. В 1906-10 Об-во находилось под запретом за собрания, на которых «вырабатываются политические приемы борьбы с органами правительственной власти». С марта 1917 Куприянова была гласным Казанской городской думы, занималась просветительской работой. В сентябре 1918 эвакуировалась вместе с войсками и учреждениями Кочуча сначала в Уфу, а затем в Омск. После падения Колчака работала делопроизводителем Иркутского губревкома. Okolo 1921 вернулась в Казань, вошла в местную организацию Всероссийского Общественного Комитета помощи голодающим и возглавила эту работу в Тетюшском уезде. После ликвидации Комитета была ненадолго арестована. С 1922 вместе с сестрой — Лидией Петровной, в прошлом секретарем редакций журналов «Былое» и «Минувшие годы», жила в Москве, где они обе активно включились в работу ПКК. Сестры Куприяновы входили в ближайшее окружение Фигнер, за которой Н.П. ухаживала до самой смерти В.Н. Сама Н.П. умерла и похоронена в Москве. Подробнее о ней см.: Жукова Е.Д. На полках старинного шкафа... М., 1990.

⁵⁷ *Перелешин* Владимир Александрович (1869-1950) — брат народовольца Д.А.Перелешина, председатель правления Московского народного банка, редактор журнала «Кооперативная жизнь». В последние годы жизни — председатель Кассы взаимопомощи пенсионеров—научных работников. Умер персональным пенсионером.

⁵⁸ *Марья Андреевна Данилова* — домоправительница Фигнер.

III

КРОПОТКИНСКИЙ КОМИТЕТ

Поверхностный просмотр публикуемых ниже документов, характеризующих отношения В.Н.Фигнер и возглавлявшегося ею до 1934 Всероссийского общественного комитета по увековечению памяти П.А.Кропоткина (далее ВОК), может создать впечатление, что речь идет только об удушении большевиками одной из множества послереволюционных культурно-общественных инициатив и о старой революционерке, уступавшей из-за усталости давлению власти. Между тем дело обстояло значительно сложнее.

Попытки создания ВОК начались сразу после похорон Кропоткина: комиссия по их устройству (в нее входили Н.К.Лебедев, Г.П.Максимов, Е.Х.Ярчук и др.) при своей ликвидации 17 февраля 1921 предложила собранию анархистов в Москве намеченных ею кандидатов в будущий ВОК. В образованный тогда временный комитет вошло 8 человек, включая вдову и дочь покойного — С.Г. и А.П.Кропоткиных, получила приглашение и В.Н.Фигнер. Однако уже на первых заседаниях этого комитета возникли разногласия: из-за того, что большинство склонилось в пользу узко анархического направления деятельности, Фигнер и С.Г.Кропоткина покинули комитет. Вокруг них в июне 1921 образовалась новая инициативная группа, в которую вошли анархисты А.М.Атабекян, А.А.Карелин, Н.К.Лебедев и

председатель Русского Технического Общества П.И.Пальчинский. 20 июня эта группа направила в различные анархистские, научные и общественные организации обращение, в котором предлагалось, чтобы ВОК состоял из нескольких секций. Каждая самостоятельно разрабатывала бы ту сторону деятельности Петра Алексеевича, в которой была наиболее компетентной. В обращении выражалась надежда, что все, «кому дороги память Петра Алексеевича и его идеи, горячо откликнутся на <...> призыв и, оставив в стороне те или иные расхождения в своих взглядах, присоединят свои усилия, чтобы достойным образом увековечить память великого русского человека, революционера, ученого и гуманиста»¹.

Аналогичные группы и комитеты возникли в других городах (Петроград, Ростов-на-Дону, Харьков) и за границей (Германия, Франция, Англия)². Наконец, 18 сентября 1921 на собрании инициативной группы в Москве был образован ВОК, состоявший поначалу из двух секций — Анархической и Научной. Впоследствии предполагалось открыть также Общественно-экономическую, Литературно-художественную и Библиографическую секции. Был принят проект «Положения», согласно которому задачами ВОК были организация Музея Кропоткина в Москве, пропаганда различных сторон его деятельности, издание бюллетеня на 4 языках (вышло всего 2 номера), сборников и т.д. Членство в ВОК было обусловлено тем, что в него включались представители только тех учреждений, организаций и групп, «задачи и деятельность которых не противоречат основным принципам и идеям П.А.Кропоткина». Средства Комитета должны были состоять из добровольных взносов организаций, групп и лиц, «пожелавших сделать таковые на условиях, приемлемых для Комитета», и доходов от изданий, лекций и т.п. Во главе ВОК стояло избранное 6 ноября 1921 Исполнительное Бюро (далее ИБ), председателем которого стала Фигнер³.

Главной причиной, по которой Фигнер, сдержанно относившаяся — как уже отмечалось — ко многим общественным начинаниям новой эпохи, согласилась возглавить ВОК, было, по-видимому, то, что с Кропоткиным ее связывали дружеские отношения, проникнутые особой теплотой и взаимным уважением, несмотря на относительную непродолжительность их знакомства. «В нем гармония писателя и человека полная, — писала В.Н. в некрологе, — и это производит чарующее впечатление. Да и вся его жизнь, в великом и малом, вплоть до мелочей повседневности, чиста и гармонирует с его революционными взглядами и социальными идеалами»⁴. Восхищенная преданность памяти Кропоткина не мешала Фигнер скептически оценивать возможность ВОК: «Главные средства, — горько сетовала она в уже цитированном письме к Е.Е.Лазареву, — получают из-за границы, и это тоже больно:

¹ Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. Пг.; М., 1921. С. 13-14.

² В Петрограде во главе местного Кропоткинского Комитета стал близкий друг Фигнер — М.В.Новорусский. (Там же. С.17-19). См. также: Старостин Е.В. Историко-революционный мемориальный Музей П.А.Кропоткина // Великий Октябрь и непролетарские партии: Материалы конференции. М., 1982. С.196.

³ Кроме нее, в ИБ входили С.Г.Кропоткина (почетная председательница), П.И.Пальчинский (зам. пред.), Н.К.Лебедев (секретарь), А.А.Карелин и Н.К.Муравьев.

нищенствуем! Хорошо ли, чтоб русское учреждение в память русского выдающегося человека дышало субсидиями его почитателей англичан и американцев? Да и субсидии-то не великие. <...> Так что в общем я в это дело не верю»⁵.

В ВОК были представлены Музей Революции, Центральный Географический Музей, Русское Библиографическое о-во, Русское Географическое о-во, Геологический комитет, Пушкинское о-во, Толстовский Музей, издательства «Задруга», «Голос труда» и другие научные и общественные организации, учебные заведения и т.п. Заметную роль играли в ВОК и почти все существовавшие течения анархизма: анархисты-коммунисты, анархо-синдикалисты, анархисты-универсалисты, анархисты-федералисты, анархисты-индивидуалисты, толстовцы, группа «Почин» и др.⁶ Среди членов Комитета были общественные деятели (В.В.Вересаев, Д.И.Шаховской, И.И.Горбунов-Посадов, В.Г.Чертков), старые революционеры (М.Ф.Фроленко, А.В.Якимова-Диковская, М.П.Сажин, М.О.Шебалина, Н.И.Ракитников, А.И.Корнилова-Мороз) и др. Пестрота состава ВОК, в котором можно было встретить и могокан народовольчества, и анархистскую молодежь, и ученых с европейскими именами, и деятелей кооперации, — не только придавала неповторимый колорит облику этой организации, но и создавала трудности в ее работе.

Тем не менее, ни финансовая скованность, ни неопределенность отношений с властями, ни разноплановость намерений и ожиданий членов — не помешали ВОК за короткое время превратиться в значимый и своеобразный культурно-просветительный центр.

Стержнем деятельности ВОК стало создание общественного Музея Кропоткина. Решение об отдаче под него дома №26 по Штатному пер. (ныне — Кропоткинский), в котором родился П.А., было принято Моссоветом еще 15 февраля 1921. В том, что 9 декабря 1923 Музей уже открылся, вероятно, большую роль сыграло подвижничество Н.К.Лебедева, Н.А.Лебедевой-Критской, С.С.Анисимова, Е.П.Ростковского и других непосредственных его создателей. Заведующим и хранителем фондов стал М.П.Шебалин (1857-1937), казначеем — Е.П.Ростковский.

Конечно, вполне независимым в решении вопросов экспозиции Музей Кропоткина не был. (О том свидетельствует, например, письмо одного из ветеранов анархического движения К.Н.Медынцева к М.П.Шебалину от 3 сентября 1926: «Михаил Петрович! Я прислал Вам года четыре тому назад портрет Льва Черного [известного анархиста-босвика П.Д.Турчанинова, расстрелянного в 1921. — Я.Л.]. Но очевидно он не подходит к общей конъюнктуре Музея Кропоткина, так я возьму его обратно». — ЦГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.1020. Л.1). Между тем свободный доступ в Музей (вход был бесплатным), наличие при нем библиотеки с кабинетом для чтения, устраивавшиеся при нем лекции и доклады⁷ — все это могло бы сделать Музей центром анархической пропаганды. К тому же, Анархическая секция ВОК

⁴ Фигнер В.Н. Памяти Кропоткина // П.А.Кропоткин и его учение: Интернациональный сборник. / Под ред. и с прим. Г.П.Максимова. Чикаго, 1931. С.295.

⁵ ЦГАОР. Ф.5824. Оп.2. Д.80. Л.17.

⁶ Персонально упомянем А.А.Борового, Н.Отверженного (Н.Г.Булычева), А.А.Солоновича, И.В.Хархардина, К.Н.Медынцева, З.Б.Гандлевскую.

была одной из последних легально существовавших в СССР анархических организаций. Однако как раз эта сторона деятельности ВОК была наименее успешной. Более того, именно она была главным источником внутренних конфликтов в жизни Комитета. Эти конфликты, с одной стороны, происходили в результате межфракционной борьбы в Анархической секции, с другой — были вызваны попытками части анархистов противопоставить себя остальным членам ВОК.

Первый серьезный кризис поразил Комитет в 1925. До этого времени Анархическая секция, руководимая А.М.Атабекианом, Г.Б.Сандомирским, И.В.Хархардиным, Н.И.Петровым-Павловым и др., дважды в неделю проводила свои занятия в библиотеке-читальне Музея при открытых дверях. Члены секции легально пропагандировали анархические идеи, игнорируя при этом мнение С.Г.Кропоткиной и ИБ, что тем самым они ставят под угрозу само существование Музея. Обсудив ухудшение взаимоотношений с ИБ, представители Анархической секции 8 марта 1925 заявили о необходимости реорганизации Научной секции ВОК и переизбрания в ИБ на паритетных началах анархистов и «общественников», потребовав при этом экстренного созыва ИБ. Они считали, что «представительство в Исп<олнительном> Бюро организованно неправильно», с перевесом в сторону лиц, имеющих мало общего с «политическими» идеями П.А.Кропоткина». В ответ на это ИБ постановило временно прекратить заседания секций в стенах Музея. 5 апреля состоялось общее годовичное собрание ВОК. Во вступительном слове Фигнер отметила обострение отношений между Анархической секцией и ИБ. Соглашение с анархистами, не принимавшими участия в конфликте, было достигнуто за счет избрания заместителем Фигнер А.А.Борового. Однако часть членов Анархической секции покинула заседание и послала письменное уведомление Фигнер о том, что они намерены, по-прежнему, продолжать свои собрания в Музее. Когда 26 апреля, несмотря на протесты С.Г.Кропоткиной, анархисты вновь собрались в библиотеке («проникли» в нее, как они сами выразились), то пришлось выдворять их оттуда с помощью милиции. Следствием этого инцидента была широко организованная «изгнанными» кампания по дискредитации Кропоткиной, Шебалина, Фигнер и др. руководителей ВОК. 10 мая Анархическая секция сделала «публичное заявление», опубликованное позднее в парижском «Деле труда», в котором вызов милиции был расценен как «ложный политический донос». Констатируя, что «донос был сделан М.П.Шебалиным, с ведома и согласия почетной председательницы Комитета — вдовы Кропоткина», анархисты возлагали «моральную ответственность за него» на всех членов Комитета — не анархистов. Другим документом этой кампании стала обращенная к «революционному общественному мнению» «Краткая история Кропоткинского Музея»⁸, безапелляционность и эмоциональный накал которой гораздо ближе к стилистике передовиц тогдашней «Правды», чем к речевой манере классиков анархизма. Логическая схема авторов «Истории» такова: Кропоткинский Музей должен во что бы то ни стало принадлежать *идейным последователям КРОПОТКИНА*, ибо ведь «нельзя

⁷ См. также: Музей П.А.Кропоткина: Краткое описание и план музея. Л.; М., 1928; Старостин Е.В. Указ. соч.

⁸ Экземпляр этого документа хранится в архиве А.А.Борового: ЦГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.887. Л.10-30.

себе представить Толстовский Музей, организованный атеистами и активными революционерами, или Музей памяти ЛЕНИНА, созданный руками, примерно, правых эсеров». Руководителей ВОК авторы «Истории» упрекали в непонимании анархизма, а также в политической нечистоплотности. Главным инициатором антикомитетской кампании А.М.Атабекян, считавший себя личным другом Кропоткина, заявлял в одном из своих «открытых писем»: «Пресловутые “общественники” могут любоваться плодами своей “деятельности”. Все <эти> Фигнеры, Якимовы-Диковские, Горбуновы-Посадовы, Шаховские, Кабановы, Боровые молчат, следовательно они солидарны и нравственно ответственны за беспримерный в истории политический донос»⁹. Ожесточенным нападкам подвергались также Н.К.Муравьев, Н.К.Лебедев, Н.А.Лебедева-Критская, и, особенно, П.И.Пальчинский. Завершением этого конфликта стал выход А.М.Атабекяна и его сторонников из ВОК.

Конечно, агрессивные атаки на «общественников» не были единственным содержанием деятельности Анархической секции. По ее инициативе в рамках ВОК действовал «Черный Крест» — организация помощи заключенным анархистам и их семьям. Во главе «Черного Креста» был секретариат, состоявший из А.В.Андреева, А.О.Солонович, В.В.Поспеловой и И.Н.Иловой-ской. Средства на эту работу складывались из частных пожертвований, доходов от благотворительных лотерей и концертов, поступлений от зарубежных анархистских организаций. Просветительская активность Анархической секции на первых порах проявилась в попытках создать Комитет по увековечению памяти М.А.Бакунина. Кроме того, из читателей музейной библиотеки были образованы кружки по изучению наследия Кропоткина и Бакунина. Руководили кружками Н.Р.Ланг и Д.А.Бем.

После ухода из ВОК группы Атабекяна руководство Анархической секцией перешло к лидерам Всероссийской федерации анархистов и анархистов-коммунистов (далее ВФААК) А.А.Карелину (1863–1926) и А.А.Солоновичу (1887–1937), бывшим одновременно приверженцами «мистического анархизма». Это учение было близко по истокам к концепции, проповедовавшейся Г.И.Чулковым в 1900-е, но в советскую эпоху приобрело иное организационное оформление: параллельно с открытой пропагандой своих взглядов в Анархической секции ВОК Карелин и Солонович пытались создать из своих сторонников — анархо-мистиков — орденскую систему.

Об этой стороне их деятельности известно крайне мало, как в силу ее конспиративного характера, так и из-за недоступности архивов ОГПУ-НКВД. Тем не менее современный специалист считает установленным¹⁰, что одним из зачинателей и руководителей анархо-мистических орденов в СССР был Карелин, полагавший необходимым в советских условиях сочетать легальную пропагандистскую работу с подпольным просветительством. Поэтому с 1919 наряду с официальным основанием ВФААК и оргбюро Всероссийского союза анархистов (с апреля 1920) он предпринимает активные усилия по

⁹ ЦГАЛИ. Ф.1023 Оп.1. Д.1044. Л.2.

¹⁰ Помещаемые ниже сведения об анархо-мистиках получены нами от А.Л.Никитина, специально занимающегося этой темой и составившего по нашей просьбе справку по ней. Пользуемся случаем выразить ему нашу глубокую признательность. См.: Никитин А.Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991. №8. С.89–101.

созданию в среде научной и творческой интеллигенции разветвленной сети орденских кружков (тамплиеров и розенкрейцеров). К концу 1924 такие кружки были уже в разных городах России (Ленинграде, Нижнем Новгороде, Свердловске и др.). Их деятельность поддерживалась из Москвы по анархистским каналам, сходящимся в Кропоткинском Музее. В самой Москве главную роль играли «Орден Света» и его аналог среди театральной интеллигенции — «Храм Искусств», во главе которых стояли П.А.Аренский, Л.А.Никитин, В.С.Смышляев и Ю.А.Завадский.

После смерти Карелина руководство как орденским движением, так и Анархической секцией ВОК перешло к Солоновичу, который одновременно возглавил Комитет по увековечению памяти Карелина в Кропоткинском Музее¹¹ и вошел в Совет самого музея. Активную роль по связи с кружками и снабжению их литературой (теософской, антропософской, анархической и пр.) играл Н.И.Проферансов (1885-1934). Подобно Карелину, Солонович считал политическую борьбу с властью в советских условиях бесперспективной, а потому и вредной, т.к., по его мнению, она ставила под удар все развитие некультурной, деградировавшей страны, которой предстоял еще длительный и трудный путь духовного созревания. Орденские кружки — по мысли их создателей — должны были стать притягательными центрами для наиболее талантливых сил нации. Здесь должна была процветать взаимная поддержка самосовершенствующихся личностей¹². Идейное содержание орденской деятельности строилось на сочетании христианской этики с духовными программами, почерпнутыми у оккультных движений. Солонович объявлял Бакунина, Кропоткина и Толстого «пневматиками», «языческими волхвами с Востока», принесшими миру благовест анархии. По условиям времени взгляды анархо-мистиков могли найти место на страницах только зарубежной печати, в издававшихся в США газете «Рассвет» и журнале «Пробуждение».

Орденским аналогом «Черного Креста» было «Братство милосердия» при «Ордене Света». В отличие от «Черного Креста», оно организовывало тайную благотворительность, обязательно анонимную. Во главе «Братства» стояла В.Р.Никитина.

Расхождения в идеологии и тактике не могли не вызвать трений у анархо-мистиков с анархо-синдикалистами и анархистами других толков. Главным оппонентом мистиков в ВОК был А.А.Боровой (1873-1935), яростно споривший с ними на публичных диспутах в Кропоткинском Музее. В течение 1927 он неоднократно обращался к анархистам различных направлений, убеждая их вернуться в Комитет. Исходя из того, что старый конфликт (1925) уже исчерпан и что «было бы возможно сплотить анархические силы около

¹¹ Число членов этого Комитета достигало 30 человек.

¹² Интересно, что в 1920-е к орденской тактике тяготел и стоявший во главе ряда петроградских интеллигентских объединений религиозный философ А.А.Мейер. В 1922 он внушал своим слушателям: «Наша обязанность — жить сообразно нашей идее. Христианство обязывает начать жить с себя, а если из нас составится сила, она сделает, что нужно, не захватывая власти. Не строить партий, а создать с.б., ордена, которые пробудили бы идею в своей жизни, которая потом даст эффект волне». Цит. по: Анциферов Н. Три главы из воспоминаний /Прим. С.Еленина и Ю.Овчинникова (А.Б.Рогинского и А.И.Добкина) // Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С. 112.

учреждения, представляющего, несомненно, общественную ценность и вместе [с тем] являющегося единственным легальным оплотом анархизма», Боровой рассчитывал также консолидировать в рамках ВОК своих сторонников, чтобы противопоставить их «карелинцам». В результате его усилий к концу 1927 сформировалась группа лиц, пожелавших вступить в Научную секцию ВОК. Ранее трое из них (В.Бармаш, Г.Мудров и Н.Рогдаев) были избраны в Общественно-экономическую секцию. В январе 1928 ИБ по предложению Борового приняло в Комитет рекомендуемых им лиц. Свое вступление именно в Анархической секции, ставшей «прибежищем „мистического анархизма“». В ответ на это члены последней выдвинули версию, что неофиты намерены «превратить музей в клуб для анархической агитации», после чего в ИБ был поднят вопрос о пересмотре их приема в ВОК. Инициаторами этого решения были С.Г.Кропоткина, А.А.Солонович и Н.И.Проферансов. Ответным шагом со стороны Борового и его товарищей был выход из Комитета вместе с примкнувшим к ним П.С.Пиро 25 марта 1928. Тогда же эта группа приняла заявление, ставшее позже достоянием зарубежной анархической печати: «С 1925 года, — говорилось в этом заявлении, — частью по глубокому, равнодушию к анархизму, частью по прямому попустительству членов Исполнительного Бюро Комитета, Музей анархиста-материалиста и позитивиста Кропоткина стал цитаделью анархо-мистиков». В очень резком тоне анархо-мистики обвинялись в «глумлении» над мировоззрением Кропоткина. Более сдержанному В.Худолею пришлось даже сделать приписку: «Согласен с общей декларацией, но нахожу неуместным термины „предатели“ и „провокация“»¹³.

Обстоятельства совершившейся драмы и позиция, занятая в этом конфликте В.Н.Фигнер, все еще пользовавшейся в среде анархистов, несмотря на идейные расхождения с ними, громадным нравственным авторитетом, ярко зафиксированы в дневниковой записи Борового от 23 апреля 1928: «Сегодня [был] у В.Н.Фигнер для разговора о Ч<черном> К<ресте>. Шел с тяжелым неприятным чувством. Не хотелось возвращаться к опустылевшей истории, ворошить крупные и мелкие мошенничества Солоновича, говорить о безграничной глупости и апломбе Агнии [Солонович], Новикова [научного сотрудника Музея. — Я.Л.] etc. Вышел чудесный душевный разговор. Мы сразу почувствовали полное доверие друг к другу, и я мог высказать себя почти до конца.

Психология ее решения, в конце концов, мне понятна <...>. Ее прельщают хоть маленькие, но позитивные дела; бунтарством она довольно жила и *это* бунтарство кажется ей маленьким, посторонним, внутренне для нее недостаточно оправданным. — В анархизм и его будущее она, конечно, не верит; его истории и драм она не чувствует. Подполье для нее — преодоленный пункт.

— Я осталась, п<отому> ч<то> хочу сохранить музей; если я уйду, он погибнет, его возьмут. Я совершенно не разбираюсь в ваших взаимоотношениях. Почти все, что Вы говорите, — новость для меня.

Это правда. Никогда никого из них я не вводил в существо наших

¹³ Дело труда (Париж). 1929. №39-40. С.21-22. Публикация этого заявления вынесла конфликт на международную анархическую арену и послужила началом широкой «антирассветовской» кампании в «Деле труда».

взаимоотношений. Представлялось бесполезным. Тактическая ошибка? Может быть!

Против заявлений — моего и ушедшей группы у нее возражений, по-видимому, нет. Спрашивала — могло ли произойти то, что было, если бы она находилась в Москве. Я отвечал, что — да и что я счастлив, что ее не было. Расстались мы сердечно. Она выразила уверенность, что наши личные отношения не пострадают от этой истории и смотрела своим милым, внимательным, наивно-вопрошающим и вместе строгим взглядом. Я расчувствовался и с увлечением целовал ее руки¹⁴.

На заседании ИБ 4 декабря 1928, на запрос корреспондента из Парижа по поводу заявления группы Борового, оно постановило довести до сведения заграничных товарищей следующее: «Утверждение Борового и К^о, что Кропоткинский Музей с 1925 года “стал цитаделью анархо-мистиков” и что “в Доме Кропоткина нет более места ни Кропоткину, ни анархизму”, — совершенно неверно. <...> Признавая полную свободу мышления, Кропоткинский Комитет не требует от своих членов определенного “символа веры” и ставит только одно условие: чтобы в деле увековечения памяти П.А.Кропоткина деятельность членов и секций Комитета не противоречила бы принципам и идеям Кропоткина. <...> Но в то же время Комитет считает, что Музей Кропоткина должен быть Музеем, а не служить ареною для политической и межфракционной борьбы»¹⁵.

Нетрудно заметить, что для Фигнер значение ВОК и Музея далеко выходило за рамки их собственного идейного наполнения: она видела в них прежде всего центр независимой общественно-культурной работы. Вполне сознавала она и свою консолидирующую роль в этом начинании, и ответственность за его судьбу. В том же 1928 одна из создательниц Музея Н.А.Лебедева-Критская писала ей: «Разве и в Кропоткинском Комитете не Вы объединяете всех нас? Как часто опускались у нас руки и от безденежья, и от безучастного отношения многих, и только в Вас мы находили поддержку. Ваши слова “Раз начатое дело надо довести до конца” стали нашим лозунгом»¹⁶. Думается, понимала Фигнер и то, что ореол вокруг ее имени способен еще некоторое время уберечь ВОК от неизбежной ликвидации. Вместе с тем складывающаяся в Комитете и вокруг него психологическая атмосфера не могла радовать старую народолюбку: она не намеревалась покрывать своим именем бурю внутрианархических конфликтов, от понимания сути которых она была далека. Тем более чуждой была для Фигнер стилистика этих конфликтов. Именно в свете перечисленных обстоятельств и следует, на наш взгляд, рассматривать намерение Фигнер в 1928 уйти с поста председателя ВОК и ее отказ от этого намерения, о которых идет речь в первом из публикуемых ниже документов.

Конфликт 1928 года привел к окончательному размежеванию в анархической среде. Посыпались взаимные обвинения в провокации. Трудно исключить участие ГПУ в таком повороте событий, однако каких-либо данных на этот счет у нас нет. Во всяком случае, репрессии в 1929–30 обрушились на анархистов всех толков. Летом 1929 в Москве были арестованы сторонники Борового (А.Андреев, В.Бармаш, Н.Рогдаев, Ф.Гецци и др.), а также И.В.Хар-

¹⁴ ЦГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.173. Л.3а–4.

¹⁵ Дело труда (Париж). 1930, №44–45. С.25

хардин и другие оставшиеся на свободе анархисты. Большинство из них было отправлено в Верхне-Уральский и Суздальский политизоляторы. Сам Боровой был сослан на 3 года в Вятку. К осени 1930 оказались разгромлены и все орденские кружки. Подавляющее большинство их участников также попали в политизоляторы и ссылки. Анархическая секция ВОК практически перестала существовать.

С конца 1920-х ухудшилось финансовое положение ВОК и Музея: «Музейная касса пуста, — сообщал Н.К.Лебедев в письме С.Г.Кропоткиной 23 сентября 1929, — так как получек вот уже почти полгода ниоткуда не было. Я не знаю, как будем жить дальше <...> Мы потеряли всякую надежду на границу, потому что и те, кто присылал раньше, почему-то перестали присылать. Не знаю, что Вы думаете сами о существовании музея и о дальнейших перспективах?»¹⁷

В 1933 была конфискована ОГПУ значительная часть музейной библиотеки, а один из центральных персонажей ВОК, его секретарь Н.К.Лебедев (см. прим. 27 ко второму разделу настоящей публикации) был вынужден покинуть свой пост.

Обращения Фигнер к Менжинскому и Бубнову (док. №2 и 3) по поводу изъятия книг и грозившей Лебедеву высылки, по существу, представляют собой последнюю попытку спасти ВОК. Содержащиеся здесь обстоятельные разъяснения о научной ценности материалов Музея и их международном значении, прозрачная угроза предать гласности происшедшие события, нарочитое затушевывание политического аспекта хранившихся в Музее материалов — все это следует рассматривать, на наш взгляд, как комплекс тактических приемов. Не то чтобы Фигнер не верила в научную значимость Музея, скорее — не это было для нее в нем главное. Стратегическую задачу она видела в сохранении независимого центра общественной мысли, пусть бы даже и с чуждой ей политической окраской. Осторожными движениями она пыталась подвести к этой идее и власть предрержащих, используя при этом понятный им язык. Однако все эти попытки в политической реальности середины 1930-х оказались безуспешными.

Собрание ВОК 28 мая 1933 утвердило новое «Положение» о Комитете. Оно лишь формально зафиксировало то, что уже произошло на практике. Ни о какой пропаганде взглядов великого революционера речи уже не шло. Акцент деятельности ВОК был перенесен на научную часть: обработку архива и подготовку «критически проверенного» собрания сочинений Кропоткина. В сочетании с недостатком средств это превращало ВОК в захудалое научное учреждение. Изменились и правила приема: выпал пункт, требовавший, чтобы деятельность членов ВОК «не противоречила основным принципам и идеям П.А.Кропоткина». Добровольные взносы были заменены на обязательные. И т.д.

С.Г.Кропоткина была оставлена пожизненной почетной председателем ВОК, но реальную власть получил его новый секретарь В.А.Перелешин¹⁸, о котором Фигнер с горькой иронией отзывалась в публикуемом нами во втором разделе письме к Витязеву от 8 июля 1933.

¹⁶ ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.544. Л.33.

¹⁷ Ударцев С.Ф. Кропоткин. М., 1989. С. 23.

Крах попыток спасти ВОК как независимую общественную структуру убедил Фигнер, что ее личный авторитет и ореол старой революционерки уже мало что значат. В 1934 она заявляет об уходе с поста председателя Кропоткинского Комитета¹⁹. После смерти 25 февраля 1937 М.П.Шебалина заведование Музеем перешло к А.Н.Макаревскому. Тяжелое финансовое положение и ухудшающаяся политическая конъюнктура вынудили С.Г.Кропоткину 2 октября 1938 передать Музей в дар Советскому правительству. В следующем году Музей, оказавшийся в ведении Наркомпроса РСФСР, прекратил свое существование²⁰. Та же участь постигла и ВОК.

1.

Исполнительное Бюро ВОК — В.Н.Фигнер

Москва, 22 декабря 1928 г.

Председательнице Всероссийского
Общественного Комитета по
увековечению памяти П.А.Кропоткина
В.Н.Фигнер

Глубокоуважаемая
Вера Николаевна!

Исполнительное Бюро Кропоткинского Комитета с тяжелым чувством выслушало Ваше заявление, что Вы не можете по состоянию своего здоровья нести обязанности председательницы Кропоткинского Комитета дальше 30 марта 1929 г.

За семь лет Вашего пребывания в Кропоткинском Комитете при Вашем содействии был создан в Москве Музей имени Кропоткина. Вы были тем звеном, которое объединяло всех нас. Вы были лучшим другом Музея, оказывавшим всяческую поддержку сотрудникам Музея в деле увековечения памяти П.А.Кропоткина.

Ваш уход с поста председательницы Кропоткинского Комитета является незаменимой утратой для Комитета и Музея.

И только Ваше заявление, что дальнейшая Ваша деятельность в качестве председательницы Комитета может вредно отразиться на Вашем здоровье, заставляет нас с глубоким огорчением и сожалени-

¹⁸ Его подпись и стоит под новым «Положением». (ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.97. Л.21-23).

¹⁹ Может быть, формально этот уход и не был зафиксирован (ср. письмо к Фигнер от А.Н.Макаревского в июле 1937, в котором тот подчеркнуто именует ее главой ВОК и Музея //ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.574. Л.7-7об.), но фактически деятельность В.Н. в ВОК с 1934, по-видимому, прекратилась.

²⁰ В 1941 году экспонаты и материалы фондов Музея были переданы в Музей революции.

ем дать Вам обещание не настаивать больше на том, чтобы Вы не покидали нас, особенно в то тяжелое время, какое переживают Комитет и Музей.

Позвольте выразить нашу надежду, что Вы останетесь другом Кропоткинского Музея и впредь.

[Печать]

Члены Исполнительного Бюро
С.Г.Кропоткина, В.Чертков,
Агния Солоневич, А.А.Солоневич,
Г.Аносов, Ростопчин, Н.Лебедев,
Н.Критская, Е.Ростковский,
М.Шебалин, Л.Гогелиа

Ф. 1185. Оп. 1. Д. 97-а. Л. 1-1об. Машинопись. На бланке ВОК. Подписи-автографы.

2.

В.Н.Фигнер — В.Р.Менжинскому¹

[Москва], 20 марта 1933 г.

Вячеслав Рудольфович.

Вы знаете, я не анархистка, но будучи председ <ателем> Комитета по увековечению памяти П.А.Кропоткина обязана блюсти интересы Музея его имени, как науч <ного> учреждения, и сохранять все его имущество. По поводу этого я хотела бы представить вам некоторые соображения мои.

3 марта секретарь Музея был вызван вторично в ГПУ и ему словесно было заявлено, что <то>б <ы> Музей доставил в ГПУ все издания, поступившие в Музей при ликвидации изд <ательства> «Голос Труда»², и другие анархические книги и брошюры, имеющиеся в *большом* количестве. Это ныне исполнено.

Кроме того, с секретаря была взята *подписка* *подготовить к сдаче всю имеющуюся в Музее печатную литературу, не представляющую собой музейных экспонатов и не имеющую прямого отношения к освещению жизни П.А.Кропоткина.*

Если после сдачи этой литературы в Музее окажется анархическая антисоветская литература, не известная и не разрешенная ГПУ, то Лебедев привлечется к самой строгой ответственности.

Музей, как всякое научное учреждение должен иметь свою библиотеку, т <ак> к <ак> существенной целью его является служить пособием для научно-исследовательской работы. Предполагалось, что в нашем Союзе найдутся серьезные писатели, кот <орые> пожелают работать в спокойных условиях Музея, пользуясь привезенной

из Англии библиотекой П.А.Кропоткина и тем книжным материалом, кот <орый> накопится в Музее по разным отраслям науки и литературы. П.А.Кропоткин был не только анархист <ским> писателем, но и ученым в области географии, геологии, истории и естествознания; был автором «Этики» и публицистом, защищавшим в Европе при царизме дело русской революции³.

Поэтому в библиотеке Музея должны быть сочинения самого разнообразного характера и содержания, а также журналы, брошюры, памфлеты и т.д.; трудно найти отрасль, которая не была бы смежной с 40-45-летней литературной деятельностью П.А.Кропоткина. И ограничивать книгохранилище Музея книгами, имеющими непосредственное отношение к жизни Кропоткина, прямо невозможно.

Изъятие из Музея части литературного материала, помимо нашего желания, конечно, будет общеизвестно.

Между тем Музей создавался и поддерживался денежными пожертвованиями отовсюду из-за границы, т <ак> к <ак> имя Кропоткина славится и в Америке, и в Англии, Германии; его знают в Китае и Японии, где переведены его произведения. Первые годы после смерти Кропоткина, благодаря связям Софьи Григорьевны Кропоткиной⁴, средства, приходившие в Музей из Англии, Америки и Германии, превышали то, что жертвовали русские.

Иностранцы посещали и посещают Музей, когда бывают в Москве. Между другими посетителями были: китайский маршал Фын-Ю-Сян и известный Чан-Кай-Ши⁵; профессора и ученые Франции, Германии, Италии, Англии и Америки.

И не удивительно: во всем мире только *один* Музей Кропоткина — в Москве, и все ценят его культурную ценность, единственную в своем роде. Умалять и урезывать его едва ли целесообразно.

К тому же во всех библиотеках есть теперь т <ак> наз <ываемый> «закрытый фонд»⁶. У нас нет читальни и «читающей публики», и то, что Музей имеет, носит характер «закрытого фонда».

Почему же ему не иметь образцов всей существующей анархической литературы, которая вообще-то очень не велика.

Вера Фигнер.

Ф.1185. Оп.3. Д.8. Л.1-2об. Автограф.

3.

В.Н.Фигнер — А.С.Бубнову⁷

[Москва, не ранее мая 1933]

В Народный Комиссариат по просвещению тов. Бубнову
Веры Николаевны ФИГНЕР,
живущ <ей> по ул Кропоткина, д.17, кв.38

Докладная записка

В 1921 году после смерти П.А.Кропоткина образовался под моим председательством Всероссийский общественный комитет по увековечению его памяти. С.Г.Кропоткина вошла в него в качестве почетного председателя.

Тогда же, по ходатайству Комитета, Моссовет предоставил ему дом по Кропоткинскому пер. 26, в котором в 1842 году родился П.А.Кропоткин.

В доме этом был организован музей, основные коллекции которого предоставила ему С.Г.Кропоткина, перевезшая впоследствии из Лондона в музей и всю библиотеку Петра Алексеевича.

С тех пор, в течение уже 12 лет, музей существует, не состоя на госбюджете, исключительно на средства, которые собирал для него Комитет от вечеров, концертов и т.д. и частью на средства, которые С.Г.Кропоткина собирала до текущего года среди друзей и почитателей П.А.Кропоткина за границей. Кроме того, Моссовет снабжал музей дровами для отопления.

Представляя по объему своей деятельности Общество друзей музея П.А.Кропоткина, Комитет действует на основании особого положения, представляющего по существу своему инструкцию для его деятельности.

Личный состав Комитета в настоящее время нижеследующий: * Бессменным секретарем музея, в течение всех 12 лет, состоит географ-писатель Н.К.Лебедев, друг и литературный душеприказчик П.А.Кропоткина, редактор его посмертных изданий.

В половине февраля с.г. Н.К.Лебедев был вызван в ОГПУ, и ему предъявлено было обвинение в продаже одному из магазинов ОГИЗа, по заказу последнего, 100 экз. книги Бакунина из запасов музея. После допроса ему было предложено отобрать из книг музея все, что не представляет собой сочинений самого П.А.Кропоткина или сочинений о нем, кроме книг Лондонской библиотеки Петра Алексееви-

* В тексте оставлено незаполненное место⁸. — Прим. публ.

ча⁹. В то же время от Н.К.Лебедева была отобрана подписка о невыезде.

Распоряжение следователя было исполнено и сдано из литературы музея 6 возов, после чего следователь ОГПУ, произвел проверку всего книжного имущества музея, для которого теперь составлен список всего в количестве* названий.

30 апреля Н.К.Лебедев был снова вызван в ОГПУ, и ему предложено в 3-дневный срок выехать в Северную область, сроком на три года. Распоряжение это в настоящее время отменено, впредь до особого распоряжения. По моему ходатайству дело о высылке Н.К.Лебедева пересматривается ВЦИК.

Считая эти действия ударом по музею, прошу выяснить, считается ли желательным или допустимым дальнейшее существование Музея им. П.А.Кропоткина под моим председательством и под почетным председательством С.Г.Кропоткиной, или мы должны его ликвидировать.

Ф. 1185. Оп. 3. Д. 4. Л. 1. Машинопись.

4.

**В.Н.Фигнер — Исполнительному Бюро ВОК
по увековечению памяти П.А.Кропоткина**

Москва, 14 января 1934 г.

Барыковский, 9, 38

В исполнительное бюро Комитета
по увековечению памяти П.А.Кропоткина

Еще три-четыре года назад я отказывалась от звания председателя Кропоткинского Комитета, но осталась, уступая просьбам товарищей.

Теперь же окончательно заявляю, что слагаю с себя звание председателя Комитета, члена Исполнительного бюро и члена Комитета по увековечению памяти П.А.Кропоткина, о чем и прошу довести до сведения Общего Собрания Комитета.

Вера Фигнер.

Ф. 1185. Оп. 1. Д. 97-а. Л. 2. Автограф.

* В тексте оставлено незаполненное место. — Прим.публ.

¹ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874-1934) — председатель ОГПУ в 1926-34.

² «Голос труда» (далее ГТ) — книгоиздательство Союза анархо-синдикалистской пропаганды (далее — САСП), который был организован в Петрограде летом 1917 анархо-синдикалистами, вернувшимися из эмиграции. Выпуск ими журнала и газеты «ГТ» прекратился в 1918 из-за нехватки средств и ухода сотрудников на фронт. С весны 1918 САСП действовал в Москве, где провел до конца года две всероссийские конференции. Тогда же из него выделялась группа «Вольный голос труда». В 1919 в Петрограде начала работать типография САСП. Чтобы преодолеть препятствия, чинимые ей со стороны Полиграфической секции Петроградского СНХ, САСП через известного анархиста И.С.Гроссман-Рощина просил о содействии председателя Петросовета Зиновьева. Была ли удовлетворена эта просьба — неизвестно, хотя несмотря на критику РКП(б) со стороны САСП, отношение большевиков к анархо-синдикалистам было довольно лояльным: из всех анархических течений САСП был наиболее терпим к государственности, признавая необходимость «переходного» периода к безгосударственному обществу. Некоторые теоретики анархо-синдикализма пытались примирить бакунизм с ленинизмом: «Именно анархисты должны всеми силами, всеми помыслами защищать Советы, — писал И.Гроссман-Рощин, — быть вместе с большевиками, героическими защитниками этой идеи во всемирном масштабе». Вопрос об издании газеты возник вновь в 1920, когда на базе САСП была создана Российская конфедерация анархо-синдикалистов. Стоявшие во главе ее Г.Максимов, С.Маркус и Е.Ярчук обратились за содействием во ВЦИК, однако получили отказ, хотя и в мягкой форме — 24 июня 1920 Президиум ВЦИК постановил: «признать, к сожалению, невозможным в данный момент удовлетворить просьбу анархо-синдикалистов». Тем не менее ГТ приступил к выпуску первого собрания сочинений М.А.Бакунина, книг по теории и истории синдикализма (см.: Каталог книгоиздательства Союза Анархо-Синдикалистов «Голос Труда». М., 1924). Уже в 1920 возник конфликт ГТ с представителем Госиздата Заксом, отказавшимся отпускать бумагу ГТ на издание произведений Кропоткина. Нарушая волю автора, не желавшего печататься в ГОСУДАРСТВЕННЫХ издательствах, ГИЗ заявил, что сам будет издавать его работы. Потребовалось вмешательство пленума Моссовета, постановившего 15 февраля 1921 «оказать через Государственное издательство возможное содействие книгоиздательству анархистов “Голос труда” в издании сочинений товарища Кропоткина». Были препятствия и более серьезные: заведующий «Голосом труда» рабочий-анархист Е.Г.Рубинчик (Мейер) был дважды арестован в 1922 и 1923, а затем сослан в Томск. Регистрация ГТ в Главлите состоялась только 17 марта 1923, а устав, подписанный А.Боровым, О.Таратутой, П.Герасимчуком и др., был принят 23 июня 1924 (ЦГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.873. Л.18, 24-26). Время от времени издательская деятельность ГТ подвергалась запрету: комиссар печати и пропаганды Петрограда Лисовский запретил печатать 4-й и 5-й тома сочинений Бакунина, работы Кропоткина «Анархия», «Государство и его роль в истории» и др.; заведующий типографией ГТ П.П.Герасимчук был сначала оштрафован, а к 1927 находился уже в Суздальском политизоляторе; наконец, 25 июня 1924 начальник Административного отдела Моссовета Шнеерсон пытался прекратить деятельность типографии с помощью милиции.

Потребовалось вмешательство ВЦИК и Каменева, чтобы это распоряжение было отменено. Окончательная ликвидация ГТ произошла в 1929, когда начались аресты анархистов. Некоторые материалы архива ГТ сохранились в ЦГАЛИ в фонде А.А.Борова, заведовавшего издательством в конце его существования.

³ О разнообразии талантов и интересов Крототкина свидетельствует его библиография. См.: П.А.Крототкин (1842-1921): Библиографический указатель печатных трудов /Сост. Е.В.Старостин. М., 1980. Ч.1-2.

⁴ *Крототкина* (урожд. Рабинович) Софья Григорьевна (1856-1941) — жена П.А.Крототкина с 1878. В кон. 1870-х изучала биологию в Женевском ун-те. В Швейцарии и познакомилась с будущим мужем. С Фигнер познакомилась в Лондоне в 1908, сближение их произошло на почве совместной деятельности по оказанию помощи политзаключенным и ссыльным. Вместе с А.Ю.Фейтом и Фигнер Крототкина пыталась организовать побег с каторги М.А.Спиридоновой, для чего было собрано 3,5 тыс. руб. Однако подготовка к побегу была раскрыта и он провалился. До самой своей смерти Крототкина входила в ближайшее окружение Фигнер, хотя отношения между ними не всегда были равными. Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

⁵ *Фын Юйсян* (1882-1948) — китайский военный и политический деятель, член гоминьдановского правительства; *Чан Кайши* (1887-1975) — китайский государственный деятель, глава гоминьдановского правительства с 1926 по 1949.

⁶ Исследователи, изучавшие проблему создания «закрытых фондов» или «спецхранов» (А.П.Шикман, С.В.Шумихин) считают, что каких-то особых законодательных актов об их создании не существовало. Однако декрет СНК от 6 июня 1922 предписывал Главлиту в тесном сотрудничестве с ГПУ составлять списки запрещенной литературы и издавать правила, распоряжения и инструкции по делам печати, обязательные и для библиотек. В принятом 28 января 1929 «Положении об архивном управлении РСФСР» устанавливалась категория «секретных» архивных материалов. По-видимому, подобные распоряжения отдавались и по музейному ведомству. Какими именно инструкциями руководствовались организаторы общественного Крототкинского Музея, создавая «закрытый фонд», нам неизвестно.

⁷ *Бубнов* Андрей Сергеевич (1883-1940) — в 1929-37 — нарком просвещения РСФСР.

⁸ В 1933 в ВОК состояло 48 членов. По данным справочника «Вся Москва» на 1930, в нем числилось 73 члена. Такую существенную разницу, очевидно, нужно объяснять репрессиями, обрушившимися на членов ВОК. В состав Исполнительного Бюро в 1933 входили: С.Г.Крототкина, Фигнер, М.П.Шебакин (зам. пред.), М.П.Неведомский-Миклашевский (председатель Музейной комиссии), Н.К.Лебедев (секретарь), В.А.Перелешин, Л.В.Гогелия (Гогелиа), С.С.Анисимов.

⁹ Поступившая в Музей лондонская библиотека П.А.Крототкина была размещена в одном из залов, воссоздавшем рабочий кабинет Крототкина в Лондоне.

РАЗГОВОР «ЧЕРЕЗ РЕШЕТКУ»

Публикация А.Серкова

Предмет нашей публикации — переписка середины 1930-х годов между Парижем и Москвой двух старых друзей: писателя М.А.Осоргина и врача А.С.Буткевича.

Михаил Андреевич Ильин (Осоргин — это псевдоним писателя) родился 7 октября 1878 в Перми в небогатой дворянской семье. С 1897 учился на юридическом факультете Московского университета. После студенческих беспорядков ненадолго выслан по месту жительства. Тогда в Перми и началась газетная работа Осоргина. В 1902 он окончил университет и стал адвокатом в Москве.

Накануне революции 1905 Осоргин примкнул к партии эсеров (наиболее близок был к фракции максималистов). Он всегда критически относился к партийным функционерам, находился в постоянной оппозиции к ним, не стремился к занятию «почетных» постов. Черновой работы не гнушался — редактировал прокламации, писал воззвания; квартира и дача Осоргина стали местом постоянных заседаний Московского комитета партии эсеров, здесь находили приют многие революционеры, скрывавшиеся от преследований властей (например, эсер-террорист П.А.Куликовский или — в отсутствие Осоргина — В.И.Ульянов).

В декабре 1905 Осоргин был арестован, провел шесть месяцев в Таганской тюрьме, приговорен к пяти годам заключения, но, воспользовавшись кратковременным отпуском под залог на свободу, бежал в конце весны 1906 в Финляндию, откуда затем переехал в Италию. Там прожил до возвращения в Россию (1916). К годам первой эмиграции относится и становление Осоргина как журналиста: он был постоянным корреспондентом «Русских ведомостей».

Февральская революция застала Осоргина в Москве. Предложение Временного правительства занять пост посла в Италии он не принял. Активно занимался журналистикой, издал несколько книг, стал одной из ведущих фигур в литературно-общественной жизни Москвы: входил в издательское товарищество «Задруга», был избран председателем Всероссийского союза журналистов, товарищем председателя московского отделения Союза писателей, играл видную роль в работе Книжной лавки писателей.

В конце августа 1921 Осоргин был арестован вместе с другими членами Комитета помощи голодающим (в котором он редактировал газету «Помощь») и вскоре выслан из столицы. Через несколько месяцев ему разрешили вернуться, но уже осенью 1922 поставили перед выбором: покинуть Россию в недельный срок или — расстрел.

Год он прожил в Берлине, затем перебрался в Париж, где в основном сотрудничал в «Последних новостях» П.Н.Мялюкова. Выпустил 9 книг, которые были переведены на множество языков (ни одна не была издана в России). В июне 1940 Осоргин уехал в Шабри, в неоккупированную зону Франции. Там он и умер 27 ноября 1942.

Другой участник публикуемой переписки — Андрей Степанович Буткевич родился в 1865 в имении отца, отставного майора, выходца из польского дворянского рода, в сельце Русаново Одоевского уезда Тульской губернии. В 1884 окончил Тульскую гимназию, из которой едва не был исключен в 1881 за распространение революционной прокламации, составленной старшим братом Анатолием (отделался карцером, брат же был сослан)¹.

Летом 1885 студент второго курса медицинского факультета Андрей Буткевич, его брат, вернувшийся из ссылки, и друг Андрея — В.В.Рахманов, увлеченные учением Л.Н.Толстого, отправились в Ясную Поляну. Они получили от Толстого его запрещенные произведения и занялись их изданием на гектографе и распространением².

Увлечение Толстым испытала и Евгения Васильевна Рахманова (сестра В.В.Рахманова), ставшая в 1887 женой Андрея Буткевича. После окончания университета он возвратился с женой в отцовское имение и вступил в толстовскую земледельческую колонию, основанную там его братом Анатолием.

В 1895 внутри колонии наступил кризис, Андрей Степанович вышел из нее, а в сентябре 1895 поехал к Толстому и в резкой форме высказал писателю сожаление о «бесплодно потерянных на земле годах жизни»³.

С 1895 по 1898 Андрей Степанович работал земским врачом в родном Одоевском уезде, а затем переехал в Москву, в земскую лечебницу на Благущу. Занимался Буткевич и литературной деятельностью: переводил французские романы, писал популярные брошюры.

В издательстве «Жизнь и правда», которое печатало «народные листки» Буткевича, он знакомится с Осоргиным и становится одним из ближайших его друзей. В начале революции 1905 года Буткевича арестовали на квартире Осоргина. После кратковременного заключения в Таганской тюрьме он в 1906 уехал в Женеву (выбрав между трехлетней высылкой в Нарым и возможностью отъезда за границу)⁴. Через несколько лет возвратился в Москву, где и оставался до конца жизни (1948).

Первые принципиальные разговоры в переписке Осоргина с Буткевичем возникли в 1907, были посвящены вначале отходу молодежи от революционной деятельности, а потом и другим темам. Продолжались эти споры 30 лет⁵: бывали очень острыми, подчас заканчивались шутками⁶, но иногда чуть ли не разрывом.

¹ См.: Буткевич Анатолий С. Автобиография // ОР ГБЛ. Ф.599. К.5. Д.1. Л.40-43.

² Там же. Л.130-132; Буткевич Андрей С. Толстой и толстовцы: Воспоминания // ЦГАЛИ. Ф.508. Оп.1. Д.246. Л.1-23; Рахманов В. Толстой и «толстовство» в конце 80-х и начале 90-х годов // Минувшие годы. 1908. №9; Семенов С.Т. Воспоминания о Л.Н.Толстом. СПб., 1912.

³ Буткевич Андрей С. Указ.соч. Л.36.

⁴ См. примечания Т.А.Сидоровой к письмам М.А.Осоргина к А.С.Буткевичу: ОР ГБЛ. Ф.599. К.2. Д.22. Л.3.

⁵ ОР ГБЛ Ф.599. К.2. Д.23. В эти споры был вовлечен и С.Н.Дурьлин. См. предисловие Г.Е.Померанцевой к книге: Дурьлин С.Н. В своем углу. М., 1991. С.14-17.

⁶ Осоргину принадлежит пародия на переводы Буткевича: ОР ГБЛ. Ф.599. К.2.

Встречи сменялись расставаниями, но оба старых друга всегда помнили и собрания 1905, и совместную жизнь за границей — в Париже и в русской колонии на вилле Мария в Сори (Италия).

Не только Андрей Степанович, но и вся семья Буткевичей — Евгения Васильевна (1861-1939), дочери Татьяна (1887-1983) и Нина (1893-1990) — стала родной для Осоргина. Нину Андреевну Буткевич (Махнову) он называл своей дочерью, впоследствии она стала его доверенным лицом, получала за него гонорары за перевод пьесы Карло Гоцци «Принцесса Турандот», которая не сходила со сцены Вахтанговской студии и после отъезда переводчика за границу⁷.

Близкие Буткевича и жена Осоргина — Татьяна Алексеевна — постоянные персонажи публикуемой переписки. В России письма Осоргина не только обсуждались в семье, но и прочитывались ближайшими друзьями.

Не раз возникает на этих страницах и имя Максима Горького. Осоргин был с ним знаком с 1903, встречался в Италии, Москве, в последний раз в 1926 в Сорренто, переписывался с писателем и именно с его влиянием связывал надежды на публикацию своих произведений в России. Надежды постепенно исчезали. 14 июня 1936 Осоргин писал Е.Д.Кусковой: «Горький, кажется, умрет. Маленький человек и большой писатель. Он очень много делал для писательской молодежи, многое ему за это простится. Широты ему не хватало: ум уездный. Я очень хотел бы, в случае его смерти, написать некролог, почтительный, сдержанный и справедливый, потому что к Горькому относились гнусно и безобразно, тем самым и оттолкнув его, отчасти, на столь невыразительный конец карьеры. Его болезнь для меня — удар: так мои московские дела и не вышли (задерживают выдачу гонорара моим родным). К тому же надеялся через него выяснить мое “гражданское” положение»⁸.

«Гражданское положение» Осоргина оказалось непростым. Хотя он и был выслан из России, однако продлевал советский паспорт и даже свой брак зарегистрировал в советском консульстве. Занимал Осоргин и отдельную от большинства эмигрантов политическую позицию. Многие из его знакомых, например, М.С.Маргулиес, один из заметных в эмиграции общественных деятелей, считали главной своей задачей антибольшевистскую пропаганду, именно в этом видя смысл своей заграничной деятельности. 16 марта 1932 Осоргин писал к Маргулиесу: «Если бы мы жили в России, я бы с Вами согласился; борьба за свободу и братство у себя — одна из настоящих задач <...> там было бы за нами знание, полная уверенность, подлинность и близость целей. Здесь этого нет и быть не может. Здесь налицо только злоба обиженных судьбой неудачников, полнейшее невежество в целях и настроениях России, потеря почвы и скудость мысли, утомленной и утратившей ясность. <...> Там иное дело, там даже и неправая, она [борьба — *Лубл.*] была бы благородной

Д.23; а также известная «Молитва социал-демократа» (Голос минувшего. 1916. №46. С.142).

⁷ См.: ОР ГБЛ. Ф.599. К.2. Д.26. Доверенным лицом Осоргина до Н.А.Буткевич некоторое время была Е.П.Пешкова.

⁸ ЦГАЛИ. Ф. 1464. Оп.1. Д.159. Л.2об.

в своей искренности; здесь она более, чем бесплодна, противна и низка. И не один я так думаю»⁹.

Скепсис Осоргина относительно эмигрантской политической деятельности и сознательное в ней неучастие отнюдь не означали какого-либо благодушия по отношению к ситуации в России. На происходящее «там» он смотрел (или старался смотреть) трезво, мнений своих не скрывал ни от сотоварищей по эмиграции, ни от старого друга Андрея Буткевича, оставшегося в Москве. Надо помнить при этом, что позиция Осоргина, представлявшаяся многим в эмиграции аполитичной, нарочито объективистской, в Советском Союзе прочитывалась совершенно иначе — как резко критическая и едва ли не непримиримая. Сам факт чтения таких писем в 1936-37 мог стать роковым для адресата, даже если он, как это делал Буткевич в своих ответах, активно защищал советскую жизнь. Однако никаким репрессиям за переписку с Осоргиным, давно уже числившимся «врагом Советского Союза, пролетарской революции и коммунизма»¹⁰, Буткевич не подвергался. Он продолжал врачебную практику все в той же больнице на Благущей, читал лекции, следил за литературными новинками, возился в своем саду. И — неумоимо противопоставлял в письмах в Париж ценности нового строя «абстрактному гуманизму» Осоргина, соглашаясь лишь с «частичными недостатками», которые, с его точки зрения, никак не влияли на общую радужную картину.

Почему же стал возможным подобный «разговор через решетку», при неминуемом присутствии надзирающей инстанции, способной в любой момент этот разговор оборвать, а то и покарать одного из собеседников? Здесь возможны два ответа.

Первый. Мы недостаточно хорошо представляем себе политическую обстановку в СССР в 1930-е годы, подчас преувеличиваем степень вмешательства «органов» в частную жизнь, не представляем той степени правдивости, которая была возможна в переписке тех лет. Чтобы подтвердить такое объяснение, необходимо найти аналоги переписке Осоргина с Буткевичем.

Второй. Переписка была разрешена в силу особого статуса Осоргина. В разгар репрессий режим был заинтересован в возвращении известных представителей эмиграции в Советскую Россию. Осоргин, сохранивший советское подданство, мог рассматриваться в качестве одного из возможных кандидатов. Его влияние в среде молодой эмиграции, уважение, которым он пользовался у тогда начинающих, а теперь хорошо известных писателей — М.А.Алданова, Гайто Газданова, В.Л.Андреева, В.Б.Сосинского, В.С.Яновского и других, — все это в глазах власти сообщало дополнительную привлекательность идее заманить Осоргина в СССР. Заявления о выплате ему гонораров в случае возвращения, обещание издавать его книги только в этом случае — как кажется — подтверждают это предположение. Буткевич, в таком случае, сам того не ведая, играл определенную роль в сценарии, автором которого был НКВД.

В 1937 Осоргина вызвали в советское дипломатическое представительство для выяснения его гражданского положения, разговор о возвращении шел в

⁹ Бурыйшин П.А. История Досточтимой ложи Северной Звезды. [Рукопись]. Гл.2. С.14-16 (Выписки из этой рукописи любезно предоставлены Т.А.Осоргиной).

¹⁰ Цит. по предисловию О.Ю.Авдеевой к кн.: Осоргин М. Сивцев Вражек. М., 1990. С.27.

резких тонах. По следующему приглашению Осоргин в консульство не явился, тогда было заявлено, что он «не в русле советской политики»; тем самым писателя лишили гражданства. Вслед за тем прекратилась и переписка с Буткевичем.

Отрывки из писем Осоргина к Буткевичу были впервые опубликованы Т.А.Осоргиной (*Cahiers du Monde Russe et Sovietique* 1984. V. XXV. №2); выдержки из этой публикации появились и в советских изданиях. Здесь вниманию читателей предлагаются письма обоих корреспондентов. Они публикуются по автографам: ОР ГБЛ. Ф.599. К.2. Д.24; ЦГАЛИ. Ф.1464. Оп.1с. Д.320. Особенности орфографии и пунктуации авторов сохранены.

Автор выражает глубокую признательность Т.А.Осоргиной, Н.А.Сидоровой, Д.Н.Антонову, Н.Б.Буткевич, И.Н.Угримовой за помощь и советы при подготовке данной публикации.

1.

М.А.Осоргин — А.С.Буткевичу

29 янв<аря> <19>36

Дорогой Андрей Степанович, — а в твоём лице и Евгенья Васильевна и все потомки обоёго пола! Потому что вас так много, а нас всего двое. Получили и новогоднее письмо, тройное по поводу моих маленьких рассказиков, посланных Таней. Мне обидно, что до сих пор ты, старейший мой друг, читал только безделушки моей фабрикации: надеюсь, что скоро получишь «Сив<цев> Вр<ажек>» или хоть другую книгу.

Что до печатания в Москве, то я конечно согласен: но вряд ли подойдут мелочи посланные, разве что «Пенсне»¹. Это<т> рассказ вошел в одну из моих старых книг и печатался на разных языках в иностр<анных> газетах. Но это не важно. Сим облаеаю тебя правом печатать все, что захочешь из моих вещей. Я постараюсь прислать что-нибудь подходящее, вернее всего из исторических набросков, несколько стилизованных под эпоху. По ряду причин мне очень хочется что-ниб<удь> напечатать в Москве, хоть пустяк. Очень подходящи были бы именно исторические рассказы, которых у меня набралось на две книги, а здесь издавать не буду.

Мы сейчас сидим в деревне — стережем квартиру Эм<мы> Ник<олаевны>, которая уехала на время. Раз в неделю ездим в Париж, а на днях и совсем туда вернемся. Прекрасная теплая погода, даже некоторые весенние цветы цветут, так что мы возимся в нашем саду над расчисткой и приготовлением гряд. Я готов и совсем поселиться в деревне, да это недоступно, у нас есть земля и нет дома.

Ниночке скажи, что и «Толк<овый> Словарь» и том 9 «Энциклопедии» получил. Хочется все иметь, но учитываю затруднение с деньгами.хлопоты о выдаче их Нине я предпринял, но будет ли успех — не знаю, не очень верю. Должно бы в течение месяца высниться.

Я довольно усердно слежу за новой литературой, так как здесь в магазинах получается почти все, что выходит в СССР. Лет пять назад был некоторый расцвет, а сейчас полное снижение, что очень обидно. Большая часть беллетристов, особенно новых, подражает старым народникам, но уж очень слаба грамотность! Хорошие головы, не хватает учебы. Европа идейно мертва, но искусству писания нужно у нее учиться долго и настойчиво, как учились раньше. Одно хорошо — стали учить исторический стиль и фольклор; завелись недурные мастера (из них Ал. Толстой — не лучший). Но все-таки я ждал гораздо большего расцвета литературы! Еще придет, конечно. Очень

хороши детские книги. Вот юмористов совсем нет (кроме Зощенки, который сильно устал и выдохся!). Язык статей, в том числе литературных, ужасен! Я получаю «Лит<ературную> Газету» моск<овскую> и ленинградскую. Стиль старых канцелярий и популярных брошюр начала девятисотых годов. Новому времени приличествовал бы и обновленный хороший язык, а уж особенно в специальных литературных изданиях. А ужасающее незнание языка русского, за малыми исключениями. Хуже даже, чем в здешних изданиях обитранившихся людей.

Раньше в Европе переводили много советских писателей, сейчас перестали — нечего! Надо полагать, что эта мертвая полоса пройдет. И при всем том — какие огромные тиражи! Я изучал статистику печатного дела: «темпы» замечательные! Хорошо быть сейчас писателем *дома*. Есть для кого писать.

Танечка вложит записку Нине. Сведения о Вахт<анговской> студии кажется правильны — мне то же написали из Праги (из тамошнего театра). По-видимому поездка расстроилась, что ввергает меня в большую печаль. Жить нам весьма тяжело.

Кланяюсь вам низко, мои любимые! На мой приезд надежды слабы, хотя стараюсь выяснить возможность. Нет средств и нет достаточного здоровья. Таня могла бы ехать хоть сейчас, но без меня не двинется, да и родители здесь. А говорим об этом часто.

Шлю вам свою любовь! Ваш

Мих.Осоргин.

2.

М.А.Осоргин — А.С.Буткевичу

27.3.36

Дорогой Андрей Степанович.

Во избежание недоразумений: рассказы, тебе посланные, были напечатаны (и по русски, и на иностр<анных> языках). Тебе послал лишь почитать и как образцы. Никуда их посылать не нужно, это будет тебе неудобно. А вот укажи мне адрес, куда я мог бы сам попытаться послать. Под псевдонимом я не хочу печататься. А вообще говоря — к чорту! Я дома не существую, очевидно я — иностранный писатель. Пусть так и будет. Теряю от этого только я, а не русская литература, которой желаю процветания.

Горькому я писал и ответа не получил. Очевидно или не может или просто не хочет. Но если он будет в Москве и если ты мог бы с ним повидаться (а писать ему не стоит!), то можешь с ним говорить откровенно. Как он ни переменился, все же от прежнего что-нибудь

да осталось. Мы никогда не были друзьями, но и отношений никогда не прекращали и были в постоянной переписке. Он предлагал мне похлопотать о возможности моего приезда. А мне хочется покончить с нелепостью положения (хотя бы и формально). И нужно, чтобы Нина могла получать деньги от Всероскомдрама. А главное — я хочу, чтобы ты получил мои книги. Это может сделать только он.

О литературе. Я считаю большим мастером, конечно, Ал. Толстого, хотя он некультурный человек. Знаю его, мы были друзьями и на «ты». Знал я начинающим Леонова — из него вышло меньше, чем я ожидал. Когда-то я пустил в литературу его отца², писателя-самоучку, слабого: я редактировал и печатал книжку его стихов. Сынок оказался талантливее. Это между прочим. Знаю (и лично) Бабеля — большой талант. Гладков бездарен. Шолохов хорош. Очень хорошо написано «Исполнение желаний» Каверина; вторую часть я еще не читал. Лавренев, конечно, нуль. И Пант <елеймон> Романов и Новиков-Прибой, — все это мелкие литераторы. Зоценко прекрасный талант, но вянет от халтуры. Илья Эренбург, хорошо знаю давно и близко, был отличным злым сатириком, а стал Иоанном Златоустом; он совсем не способен изображать положительные типы! Его «День второй» — книга интересная, а последний роман «Не переводя дыхания» — чистая ерунда³. Он «изучает» СССР глав <ным> обр <азом> сидя в Париже в кафе. Писатель конченный. Федин хорошо начал, а сейчас вылинял: но он больной человек, без легких. Писатель совсем средний. Хорошо писал Е. Замятин — но ходу ему не дали. Он культурный человек; сейчас живет в Париже⁴.

А вот из иностранцев непременно прочитай роман норвежской писательницы Сигрид Унсет «Кристина дочь Лавранса». Первый том вышел в Госиздат <овской> «Художеств <енной> Литер <атуре>» в Ленинграде⁵. Замечательный роман!

Из детских писателей я очень ценю Маршака (для младших) и его брата, научного популяризатора М. Ильина (его псевдоним). Хорошие книги и сам симпатичный малый. Детские журналы ужасны (напр. «Мурзилка»).

Все-таки кое-что раньше выходило («Растратчики» Катаева, «12 стульев» Ильфа и Петрова, «Конармия» Бабеля, мелочи Леонова), а сейчас — пустыня! Почему? Говорят о литературе много, и «бригады», и всякая ерунда, а толку никакого⁶. Европа разочарована! И зачем присылать в Париж дурачков!⁷ Был не успех, а чистый скандал при всей сердечности приема. Разве может Алеша Толстой представлять «новую Россию»? Он беспринципнейший человек. А «принципиальные» оказались смешными и малограмотными. Очень обидно!

Ну, будь здоров, обнимаю тебя и Евг<ению> Вас<ильевну> и кланяюсь поколениям.

Твой Мих.Осоргин.

3.

М.А.Осоргин — А.С.Буткевичу

24 апр<еля> <19>36

Дорогой Андрей Степанович, твой лестный отзыв доставил мне большую радость; хочется делиться с тобой литературными радостями и печальями. Твоя семья — мои первые читатели *дома*; не считаю нескольких экземпляров книги, которые кем-то для чего-то покупаются и затем исчезают, даже не попадая в библиотеки. — Ты спрашиваешь о переводах. «С<ивцев> В<ражек>» был начат еще в Казани в 1921 году⁸, а кончен здесь в 1927. С рукописи был переведен на англ<ийский> и немецк<ий> языки, вышел в Берлине, в Лондоне, Нью-Йорке, Праге, Амстердаме, Стокгольме и Копенгагене, печатался в газете по-словенски, переведен (но не вышел) на итал<ьянский> язык, фельетонами (по-немецки) шел в Швейцарии, кусками печатался во франц<узском> париж<ском> журнале, но книгой не вышел. В Америке роман был премирован, и я получил за него огромные деньги, которые давно промотал (остался только кусок земли)⁹. Затем я издал книгу «Повесть о сестре» (отчасти автобиографическую), которая вышла в англ<ийском> и амер<иканском> изданиях, по-голландски и печаталась в Любляне (словенск<ий> яз<ык>). Ее купило франц<узское> изд<ательст>во, но не издало. Дальше — «Св<идетель> Ист<ории>» и «Кн<ига> о концах» — вышли на голл<андском> и шведск<ом> языках, а сейчас готовятся в датском издании. Еще издал две книги рассказов — по отдельности они печатались на многих языках, даже на эсперанто. Мой последний роман («Вольный Каменщик») только что кончен, выйдет осенью на русском и переводится на голланд<ский> язык. Этот последний роман мне очень дорог; ему придана форма почти юмористическая, но он чисто — философский, гуманистический, его герой — маленький человек, бывший рус<ский> почтовый чиновник в провинции, ставший в Париже масоном. Роман — по сюжету — бытовой, пересыпан легкой фантастикой. Для здешнего читателя (рус<ского>) он слишком дерзок и задорен. — Очень много писал рассказов исторических и статей по биографии — моя любимая область. Вот тебе моя литературная жизнь.

Но, должен сказать, ваш отклик для меня дороже нескольких

сотен иностранных отзывов газет, журналов и радио. Возможно даже, что буду еще писать, — хотя хотел бросить это занятие.

Из книг иностр<анных> писателей, тобой названных, я знаю и очень ценю Фейхтвангера. Его «Еврей Зюс<с>» — замечательная книга. Хорош и его роман из мюнхенской жизни (забыл название, он издан в Москве)¹⁰. Современные французы слабы, сильнее северяне. Из англичан люблю Голсуорси. — Но всех и всего дороже мне старики — Толстой и Диккенс, два непревзойденных Учителя! Их могу читать всегда.

Нина пишет, что в Москве стаял снег; а у меня в саду давно цветут тюльпаны и незабудки, отцветают примулы, нарциссы, отцвели гиацинты, уже в бутонах розы, усыпана цветами смородина, малина, начинает наливаться крыжовник. Но последние дни очень холодны! По ночам бывает 2-4 градуса тепла всего. Все же рад, что мы опять переселились в деревню.

Благодарю тебя за письмо и за память. Отчасти ты, конечно, прав: в европейской «келье под елью» легче мыслить. Но жизнь пуста, лишена движения.

Обнимаю вас всех

Твой Мих.Осоргин.

4.

М.А.Осоргин — А.С.Буткевичу

12.5.36.

Дорогой Андрей Степанович, под свежим впечатлением твоего письма, отвечу если не очень толково, то достаточно пространно. В том, что ты пишешь о «гуманизме», новости для меня нет, об этом говорено, переговорено и будет говориться без конца. Вообще имей в виду, что здесь, на нашей невольной воле, слышно все, что где-нибудь говорится и думается, — никаких для этого границ и застав не существует, и я, конечно, вполне в курсе и российской действительности (хорошего и худого) и новой идеологии, которой ты, как живой человек, отдаешь законную дань. Но дело в том, что «нового под луной» вообще мало. Каждая эпоха считает себя и важнейшей и необыкновенной, уверяя, что такого «не бывало»; каждое поколение считает себя правым и самым мудрым. И однако мудрость говорит, что было и это, было и большее, а люди не поумнели и не стали счастливее. Жизнь всегда требовала «жертв искупительных» и всегда требовать будет: можно с этим мириться и можно против этого

восставать — результат будет один. Ты под «гуманизмом» понимаешь какую-то слащавость («проливать горькие слезы»). В основе гуманизма настоящего не жалость, а гордость, уважение к человеку, и к себе и к другому, вообще к человеческому достоинству. Человек должен быть целью, но средством быть не должен. «Историческая перспектива», будто бы иногда оправдывающая то, чем гуманизм возмущается, — подобна всякой перспективе, в том числе и зрительной: она уменьшает отдаленное и преувеличивает близкое; и получается, что настоящее может оправдать прошлое. Для обывателя это достаточно — для философа слишком мало; мы обычно останавливаемся посерединке. Но свободный человеческий дух не мирится ни с постоянными, ни с временными узам, ни с вредным, ни с «полезным» насилием. Вот ты пишешь о фашизме. Сейчас фашизм во всех его формах — величайшее зло и огромнейшая сила. Зло — потому что отрицание человеческого достоинства, личной и общественной свободы, давление на совесть, возвеличивание кулака и оружия. Сила — потому что он увлек *народные* массы, главным образом молодежь. И Гитлер, и Муссолини опираются на *подавляющее большинство населения*, и паразитического, и трудового; фашизм воспитал в людях скотское, тупое подчинение, свободу от мысли (думает вождь) и от решений (решает вождь). Все идет к чорту — да здравствует спорт; к чорту наука — да здравствует техника; к чорту гуманизм — да здравствует моя раса, моя нация, моя страна. Фашизм гораздо страшнее и самодержавия, и буржуазного строя (с которым он только внешне соприкасается, но от которого весьма отличен). Недаром и Муссолини, и Гитлер оба называют себя революционерами, причем первый был, а второй и сейчас считается «социалистом». Во Франции фашизма нет, как нет и фашистов, типа итальянского или немецкого; но французская молодежь такова же, как везде в Европе: *желает быть стадом*, за которое будет думать и решать пастух; из этих молодых людей выходят сносные юристы, врачи, техники, спортсмены, мужья, избиратели, депутаты, министры, но *личностей* нет. Новое поколение везде готово воевать, вернее — защищаться, так как нападать в Европе никто ни на кого не хочет, кроме Гитлера, глядящего на Восток, а вовсе не на Францию, и Муссолини, удовлетворившегося Эфиопией. Огромное заблуждение думать, что кто-то, кроме Гитлера, покушался на СССР! Почему о такой чепухе писали! Но немецкий паша на все способен.

Так вот, я и говорю, А<ндрей> С<тепанович>, что против фашизма, положительно захватывающего прямо или косвенно всю Европу, бороться можно только проповедью настоящего гуманизма (если вообще какая-нибудь борьба возможна): чистого, без всяких ограничений и изъятий! Когда к ясному принципу начинают делать поправки и поправочки — идеи больше нет! В идее святости, т.е.

независимости, достоинства, неприкосновенности человеческой личности, никаких оговорок быть не должно. Моя «бесперспективность» принципиальна, я никогда не изменял *идеи* ни по каким расчетам и соображениям. Ты пишешь: «Гуманизм в наше время неизбежно должен выродиться в слезливую слащавость, сентиментальность или в лицемерное ханжество. Время сейчас боевое, а на войне как на войне надо занимать место по ту или иную сторону баррикады». Я отвечаю на это, что пусть он лучше выродится в сентиментализм, чем в свою противоположность — в отрицание человеческой личности (как это и случалось *везде*). «Время сейчас боевое» — да! Правда, оно всегда боевое, потому что гуманизм всегда под угрозой. Мое место неизменно — по ту сторону баррикады, где личность и свободная общественность борются против насилия над ними, чем бы это насилие не прикрывалось, какими бы хорошими словами не оправдывало себя. Муссолини уверяет, что он защищает свободу внутри и вне Италии! В фашистском гимне поется: «Спасение нашей свободы в фашизме». Эфиопию раздавили «во имя борьбы против рабства». Гитлер на своем знамени пишет ту же свободу; «Свобода, равенство, братство» от великой революции докатилось до тюрем и монет: стали надписями. Дальше покатались по всем «культурным» странам, и теперь этими словами (во всяком случае двумя первыми) прикрывается всякое варварство, всякое насилие. Муссолини говорит от имени своего, своей страны и пролетариата (его последняя речь). Гитлер тоже говорит от имени пролетариата. У обоих с уст не сходит слово «свобода», оба твердят о социальной справедливости, о праве на труд, о принадлежности государства трудящимся, о представительстве профессиональных организаций в деле управления страной, о величии момента, о строительстве, о мире всех народов, об уничтожении рабства во всех видах, в том числе экономического. И все вожди лупят кулаками и ногами несогласных с их выкриками, называя их насильниками и защищая от них страну, которая им аплодирует. У всех вождей один язык — только произношение различно. И идея одна: строить крепкую государственность, подавляя личность гражданина. Если вы думаете, что в Европе царствует капитализм и буржуазия, — глубоко заблуждаетесь! Это было и прошло; над Европой реет знамя так называемого «государственного социализма», который в переводе означает — тоталитарное государство: власть — все, личность — ничто, народ — стадо, которому нужен пастух и погонщик. Слово «социализм» — для красоты и для услады слуха дураков. При таких условиях выбора нет — гуманист знает о своем поражении и остается умирать на баррикаде «свободы без оговорок», «права личности без ограничений», уважения к человеку не в будущем, а в настоящем.

Ограничение гуманистической идеи «условиями времени»,

А <ндрей> Ст <епанович>, есть по существу, чистейший либерализм и оппортунизм! В свое время у нас кадеты тоже допускали с ограничением условиями времени и тепленькую свободу, и легонькую конфискацию недвижимости, и постепенное участие народа в управлении. Мы же, революционеры, просто и без ограничений говорили, что человек должен быть свободным, совесть его — не стеснена, личность его — неприкосновенна, жилище его — недоступно наглому вторжению, право на труд — обеспечено, продукт этого труда не должен принадлежать капиталисту, как и продукт обрабатываемой им земли. За это люди боролись и умирали. И это были не сладенькие гуманисты, а истинные гуманисты, пусть наивные. Кое-чего эти люди добились, и теперь удовлетворенный обыватель, ссылаясь на «обстоятельства времени», просит их пообождать с дальнейшим, а несогласных переводит в разряд «искупительных жертв». Как отвратительна фраза Некрасова, никогда жертв не приносившего, а лишь ковавшего денежки на «гражданской скорби»! Как видишь, мой гуманизм не сладенький, а боевой. Но встает вопрос более страшный: стоит ли вообще все будущее, любой обещаемый земной рай одной пролитой капли крови ребенка (или итальянского солдата в Эфиопии, если так говорить проще)? Мой гуманизм не знает и не любит мифического «человечества», но готов драться за человека. Собой я готов пожертвовать, но жертвовать человеком не хочу и не могу. Лучше пускай идет к чорту будущее, в которое я, как мыслящий, верить не могу — не зря же мы учили и учим историю! Но тут, Андр <ей> Степ <анович>, мы уж никак не согласимся. Я идеи прогресса не принимаю, ни в природе, ни в человеческом обществе. Может быть, с этого было правильнее начинать — и говорить было бы не о чем. Идея прогресса для меня не обосновывается ни научно, ни логически, ни даже метафизически. И «приносить себя в жертву» можно не во имя будущего, а лишь по невозможности мириться с настоящим. Очень завидую тем, у кого есть в перспективе царство небесное и золотой век Астреи, но я в данном случае реалист. Поэтому и нет и не может быть у меня «исторической перспективы». Если я говорю о проповеди чистого гуманизма, то потому, что не могу не кричать против насилия; если поминаю павших в борьбе за человеческое достоинство и за свободу личности, то в них я уважаю и ценю не пожелавших жить под игмом, — хотя могу ценить и мечтателей, даже если и не разделяю их мечтаний. Поскольку мне свойственно творить, я готов строить — пусть даже для будущего, я не о себе забочусь, — но строить Хеопсову пирамиду на человеческих костях не хочу. Мне шелудивый Ванька дороже его благородных потомков.

Все это — не совсем то, что я хотел тебе ответить, но и без того наговорил лишка. Очень хотел бы, чтобы ты прочитал мой последний роман, который я издам осенью на русском языке (раньше

выйдет по-голландски). Это — «Вольный Каменщик». Там — среди легкомысленных сценок и обывательского вздора — будет не мало «парадоксов», которые открыли бы тебе многое во мне.

А теперь на твои вопросы. Только еще одну минутку — об отдельных фразах твоего письма. Ты пишешь о «торгашеской Англии» и о «шкурных соображениях» Франции. Неужели ты когда-нибудь думал, что Франция, Англия или иная какая страна (т. е. правительство какой иной страны) руководятся в своей политике моральными соображениями? В том и состоит «государственная мудрость» (чорт бы ее драл), чтобы использовать момент и нажать на чужом несчастье или несообразности? Муссолини отлично учел момент — и нажился. И Гитлер умело «занял собственную территорию». Пакты, военные союзы, Лига наций — все это чистейший вздор и ни копейки не стоит. СССР хорошо делает, что никому не верит. Впрочем и никто никому не верит. Но на решительные действия также никто не идет, потому что все боятся войны. Пока боятся — жить можно; а как перестанут бояться — все полетит кувырком.

Так вот. Трудно было бы рассказать тебе, «в какой среде мы живем». С французами я мало встречаюсь, с русскими — только с простыми и неинтересными людьми (т.е. неинтересными по деятельности). Знаю я всех, но ни к каким обществам не принадлежу, ни на каких собраниях не бываю и никаких споров не веду. Свой маленький мирок простых людей и отношений. А что французы меня не издают — причина та, что и свои писатели у них сидят без издателей: кризис. Да я им и не интересен, как мне не интересна их мертвая литература (по форме отличная, по содержанию — пустота). — В Америке «Сивц<ев> Вр<ажек>» был объявлен «очередной книгой» Book of the Month Club, учреждения, которое каждый месяц выбирает из мировой литературы одну книгу и рекомендует ее своим членам; это — премия, так как у клуба свыше пятидесяти тысяч членов, что создает огромный тираж, и даже деньги выплачиваются вперед. По договору треть я должен был отдать издателю английскому, и все же получил около 250 тыс. франков. Потом о моей книге много писали, читали какие-то лекции и проч. Успеха я не использовал — еще издал в Америке только одну книгу и не подходящую; а быстрого заказа на новый роман исполнить не мог — не умею писать на заказ. И из фильма ничего не вышло.

Очень прошу тебя передать через Нинку Ник<олаю> Влад<имирови>чу¹¹ (на его вопрос), что возглас «прошло четверть часа нашей жизни» делается в неаполитанском монастыре на Вомеро дежурным монахом. А когда была статья Горького с упоминанием моего романа — не помню, была она в «Известиях» (это тоже спрашивает Ник<олай> Вл<адимирович>)¹².

Роман Фейхтвангера, который я имел в виду, именно «Успех». Читал его в советском издании.

Очень кланяюсь Евг < ении > Вас < ильевне > и благодарю за письмо. Я рад, что угодил. Но — простите меня — до чего же вы отвыкли от литературы «не злободневной», т.е. широкого масштаба, если мою малость возвели на степень большого творчества! Сам я считаю «Свид < етеля > Ист < ории >» и «Кн < игу > о концах» — очень неудачными книгами, и не люблю их. Но похвалы ваши авторскому сердцу приятны, скрывать не буду! И именно ваш отзыв мне всего дороже; здешняя критика мне безразлична, а иностранные отзывы уже перестал получать, не подписываюсь на вырезки.

Очень хотел бы знать, будет ли какое движение моим письмам к Горькому, вернулся ли он в Москву? Главное — хотел бы быть полезным Лялечке¹³ в качестве «американского дедушки». Но, в ожидании «авторского вмешательства» (в которое верю мало) сам никакой ругани в Всероскомдрам пока не посылаю.

Обнимаю тебя и, посылно, весь дом со всем содержимым.

Твой Мих.Осоргин.

5.

М.А.Осоргин — А.С.Буткевичу¹⁴

7 июля 1936

Дорогой Андрей Степанович, я совершенно не согласен, чтобы твоя семья подвергала тебя цензуре, а меня опеке. Пиши мне, что хочешь, и ругай меня, как хочешь. Расхождения между нами могут быть только чисто философского характера, а это отношений портить не может. Ты хочешь знать, кто я? Я, приблизительно, то, чем был и ты, как я тебя понимал. Я не переменял своих взглядов ни на личность, ни на коллектив, ни на их взаимоотношение. Личность может быть целью, но никогда — средством. Коллектив имеет смысл лишь как общение свободных личностей. Вопрос о человеке должен ставиться глубоко. Нельзя считать человека только социальным существом, определяемым целиком обществом. Человек самоценен, и его духовные начала возвышают его над окружающим миром. Если, во имя коллектива, лишить его духовной природы, он не может быть активным, он делается ограбленным материальным существом. Я не только верю в соборное творчество, я его ищу. Но для соборного творчества нужна наличность многих условий: первое из них — полная свобода личности; второе — сговор свободных воль, единое

духовное устремление. Малейшая стесненность моей личной свободы вызовет во мне отталкивание. Ради коллектива я откажусь от многого, — но откажусь сам, добровольно, а не по принуждению. И не из чувства «долга», а по естественному побуждению. «Чувство долга» — низкое, рабское чувство; Кантов нравственный критерий возбуждает во мне брезгливость. Поэтому и соборное сотрудничество для меня возможно только в среде, мною избранной для меня, в которой я не буду ни командиром, ни подвластным. Художник иначе рассуждать не может, а смысл жизни в творчестве. И сама жизнь — посильное наше творчество.

Нельзя, конечно, так разговаривать, без темы и сюжета. Но я хотел кратко изложить тебе основу моего мировоззрения. Выводы ты сам сделаешь.

Мы с тобой говорили о гуманизме. Нельзя стремиться к полноте человечности, игнорируя социальную сторону человека и социальную борьбу. Поэтому мы, как гуманисты, не можем мириться с современными деспотиями, среди которых одна из наглеших — фашизм. Но, с другой стороны, социальный вопрос есть вопрос духовный, вопрос о судьбе человека и полноте человечности, а полнота человечности предполагает духовную жизнь, независимо от социальной среды, потому что человек — ценность, которая выше ценности общества, науки, государства; он — самооценность. В этом нет противоречия, но это значит, что кроме явных цепей есть много цепей скрытых, и часто словом «гуманизм» прикрывается деспотизм пущий.

Ужаснее всего, Андрей Степанович, что гуманизм превратился в пережиток, в религию старцев; современная молодежь (я говорю об Европе) жаждет поводыря, который указывал бы ей пальцем в каждом житейском случае. Она решительно не хочет мыслить и готова предоставить это кому угодно, лишь бы этот человек (или эта партия) за нее думал и решал. Она поклоняется силе, команде, окрику, мускулатуре Муссолини, лакейским усикам Гитлера, девизу «цель оправдывает средства», резиновой палке, пулемету, воздушному флоту. Ей совершенно не нужно ни свободы, ни равенства, ни братства. Было бы просто, если бы Гитлер или Муссолини были деспотами, управляющими страной при помощи кучки негодяев; плохо то, что за ними огромное большинство их страны, в частности молодежь. Рабы приветствуют свое рабство, вот в чем трагедия! Она гораздо глубже, чем многие думают. За Гитлером не «капиталисты и буржуазия», а Германия! За Муссолини — Италия. А против них бессильные группочки идеалистов и гуманистов. Мир сошел с ума; предмет его помешательства — вождизм, нация, военная сила. Если вы этого не знаете, то вы ничего не знаете! Только в старой Франции еще жива и не бессильна демократия или, вернее, мелкая буржуазия (включая,

конечно, рабочих). Во Франции пролетариата в нашем старом смысле очень мало; у редкого безработного нет сберегательной книжки, не говоря уже о работающих. Быть безработным значит быть вынужденным жить на капитал, проживать кровные сбережения. Франция — страна мелких капиталистов. И вот эти-то мелкие буржуа и защищают во Франции принципы демократии (под водительством миллионера Блюма¹⁵). Франция боится фашизма, который лишит мелких собственников их сбережений, истратит их на военные авантюры. Она боится всякого покушения на собственность. Но если нынешний «социалистический опыт» не удастся, — ей, из двух диктатур, ближе всего грозит фашистская, это все сознают, в том числе и правительство.

Пишу тебе эти общеизвестные вещи потому, что иногда с удивлением убеждаюсь, как мало у нас знают Европу и как превратно, по-детски, толкуют события. Социальная эволюция совершается здесь в формах сложнейших и всюду различно. Потому столь различны и политические движения.

Если все это тебе не скучно (а мне подавно!), готов поговорить о литературе. Прочитал (точнее — попробовал прочитать) «Гравюру на дереве»; но я не могу читать вещей безграмотных!¹⁶ Я писал тебе про роман Каверина, потому что это — совсем грамотный писатель, что стало большой редкостью. Меня интересуют художники, а не идеологи (если автор «Гравюры» идеолог). Грамотность в СССР и здесь чудовищно понижена, и меня это пугает. Нельзя что-нибудь «сказать», не умея «говорить». Лавреневу нужно учиться русскому языку и стилю; он пишет, как школьник или как передовик «Литературной Газеты» (верх безграмотности!). А вот в «Литературном Современнике» я читал грамотные статьи. Хороша повесть «Браслет II», неизвестного мне автора Брандта¹⁷.

Сейчас я читаю книгу Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека», взял почитать в книжном магазине (стоит 125 руб.)¹⁸. Отличное издание, полная научность — и потрясающая неграмотность языка! Что это такое делается? И какие кретины пишут предисловия к таким отличным изданиям, как «Academia»? Я даже выписки иногда делаю. Плохо, А<ндрей> Ст<епанович>, обстоит дело с «культурой»! Не обобщаю, конечно, есть и хорошего не мало. Но грамматика и синтаксис хромают у огромного большинства.

Боюсь, что тебе надоели мои рассуждения.

Занят я своим садом. Ничего дельного не пишу с начала весны. И вообще пора мне перестать писательствовать — не для кого и ни к чему. Едим смородину, малину, крыжовник. Знаешь ли ты серую малину (разновидность черной, замечательно нежна, вкусна и ароматна)? У меня несколько кустов.

Значит — пиши мне без семейной цензуры. Ругайся, как хочешь.

Кланяюсь Евг<ени> Вас<ильевне> и всему дому низко и дружелюбно.

Твой Мих.Осоргин.

6.

А.С.Буткевич — М.А.Осоргину

[Не позднее 31 июля 1936]

Дорогой Мишук! Нелегкая это задача распутать клубок противоречий твоего письма. А чем более в него вчитываешься, тем больше удручает глубокий беспросветный пессимизм, его проникающий. Как можно с такими взглядами на жизнь не только жить, но еще и творить. Начну с того, с чего по твоему надо было начать. «Идеи прогресса не *принимаю* ни в природе, ни в обществе». А биология *знает* и прогресс в виде усложнения организма с расширением его жизненных функций, и регресс с упрощением организма и ограничением его функций (паразитизм в природе, фашизм в обществе). И эволюция мозга неоспоримо доказывает, что человек «поумнел». Да ведь без ума до танков и ядовитых газов не додумаешься. Верно то, что техника обогнала этику (гуманизм плохо выручает), но, ведь, прогресс не прямая линия. Движение тут зигзагообразное. Но как никак жизнь течет! Куда? В социалистический ли рай или к чертушке в омут дело, конечно, веры. Одно для меня непонятно. Ты борешься не во имя лучшего будущего, а «потому что не можешь мириться с настоящим». Но вот именно это «святое недовольство» настоящим и являлось вечным двигателем истории и здоровый реализм именно в постепенном высвобождении человечества из житейской грязи. Но что же это за реализм, который обрекает человека на бессмысленное барахтанье в грязи без надежды выбраться на берег к лучшему будущему. Уж тогда реалистичнее будет совет того хохла, который убеждал кума: «Опускайтесь, куме, на дно, тонуть так тонуть! От судьбы не уйдешь!». Все, что ты пишешь о фашизме, — святая истина, но ведь это вода на мою мельницу. Ведь недаром же всю свою гнусность фашизм прикрывает фиговым листком принципов гуманизма. Это то самое лицемерное ханжество, о котором я писал. Мир тонет во лжи, а почему? Святость провозглашена во всей ее высоте и блеске, и рядиться в нее всякому соблазнительно, но осуществлять или сил не хватает, или не охота, или не выгодно. Остается одно: притворяться, морочить себя ли, других ли *напускным святотатством* и обманными посулами. Вот где источник Гитлеровского «социализма» и Муссолиниевской «свободы». Все то же православие, т.е. лживое приспособленчество, что в религии, что в политике. Конечно,

гуманизм не виноват, что его превращают в маску. Гуманистические идеалы необходимы, как компас, как маяки, определяющие направление, чтоб человечество не сбивалось с пути. Но требовать, чтоб эти идеалы «без уступочек», «без оговорочек» воплотились в действительность все равно, что требовать от усталого путника одним прыжком перескочить через житейское болото, да еще не запачкавшись в его грязи с соблюдением полной чистоты и невинности. Трудно понять, чего ты хочешь. Ты презрительно отбрасываешь кадетский либерализм и оппортунизм. Ты заявляешь себя революционером, но где же и когда революция проводилась без насилия, с соблюдением неприкосновенности личности и жилища, не превращая людей «в средство» и т.д. и т.д. А революция, ведь, не момент, она затягивается на годы. Ты не миришься с кадетской «постепеновщиной». Но вот тебе противоположный решительный образ действий. Видел ли ты, как собаку, желая научить плавать, берут за шиворот без всякого уважения к ее собачьему достоинству и швыряют в глубокую воду. Вот также бросили и Россию в море коллективизации, бросили грубо, не считаясь с человеческим достоинством не только кулака или нэпмана, но и интеллигента, словом с перегибом палки вовсю для убыстрения темпов. Сам Сталин вынужден был одернуть зарвавшихся коллективизаторов. И что же? Россия не потонула, полпыла и вот сейчас доплыла до Конституции. Что она на деле, покажет будущее, но перспектива многообещающая. А все дело в том, что есть диктатура и диктатура, как есть вожди и вожди. Одна диктатура стремится к самоутверждению, другая к самоупразднению, одна отупляет стадо, другая его развивает, подготавливает к самостоятельности. И Сталин ни чета Гитлеру, один ведет вперед, другой тянет назад, один сеет мир, другой войну, один объединяет национальности, другой их изолирует и стравливает. И есть только две силы, сейчас противостоящие друг другу: фашизм и коммунизм. — *Tertium non datur*¹⁹. И боевой гуманизм должен стать на ту или другую сторону, как это сделали Ромен Роллан и Андре Жид (см. «Путь Андре Жида», Правда от 18-го июня). Иначе гуманизму грозит участь превратиться в аскетизм, в «столпничество», в уход от жизни, в ее отрицание, чему уже ты начинаешь отдавать дань. «Собой я готов пожертвовать, но жертвовать человеком не могу и не хочу». Высшая мораль говорит: возлюби ближнего как самого себя. Не больше. И если есть нечто высокое, чему можно принести в жертву себя, тому же принесешь в жертву и ближнего. Ради спасения жертвы, не задумываясь, пожертвуешь палачом. Здесь индифферентизм был бы равноценен бесчеловечности. «Гуманист, — пишешь ты, — знает о своем поражении и остается умирать на баррикаде “свободы без оговорок”, права личности без ограничений, уважения к человеку не в будущем, а в настоящем!» Красиво, но малоутешительно, потому что бесплодно.

Но не в этом дело. Почему для тебя, дерущегося за человека, за личность, сумма этих личностей, человечество, превращается в миф? Скорее мифом можно было бы признать изолированную личность, ибо человек животное общественное, а всякое общество есть ограничение прав отдельной личности, свобода условная, с оговорками. Государства могут быть более или менее демократическими и «государственный социализм» третьей империи есть, конечно, наглое издевательство над личностью, яркой иллюстрацией которого является хотя бы тот же роман «Успех» Фейхтвангера. С уважением личности и у нас долгое время обстояло неладно, но и здесь разница громадная в том, что в Германии оно, если только возможно, падает все ниже, а у нас начинает успешно культивироваться. Помимо проекта Конституции, познакомься хотя бы с перерождением преступников на работах Беломорско-Балтийского канала или с замечательной книгой Макаренко «Педагогическая поэма» о работе с беспризорниками. Первые две части этой книги были напечатаны в Альманахе Горького № XVII, а третья вышла отдельной книгой. Мы читаем ее сейчас с восторгом (вот она передо мной и страница 170 могла бы тебе многое за меня ответить). Человечество коллективизируется и личность должна терять свою эгоистическую обособленность, становиться социальной, т.е. такой, для которой все общественное делается личным, а личное общественным. Стадность, массовое обезличение — явление отрицательное, но не менее отрицательным является и противоположная крайность: анархический индивидуализм. «Человек не должен быть средством», совершенно верно, но в коллективе встречаются наряду с натурами активными и натуры пассивные, и последние обычно и притом совершенно добровольно становятся орудиями первых, подчиня и не физическому, а нравственному их воздействию. Всегда и везде были и будут герои и толпа: важно лишь — чтоб в герои не возводились негодяи и преступники вроде Гитлера или Муссолини. И при коллективизации общественный рост будет совершаться не столько самосовершенствованием отдельных личностей, сколько дружными при взаимной поддержке усилиями масс. И не в том ли идея Андреевской «Тьмы», что если «каждый за всех и за все виноват», то и нравственный подъем должен стать массовым. При круговой вине и круговая ответственность и круговое лечение и исцеление.

31/VII. Отсюда после долгого вынужденного перерыва продолжаю и с твоего благословения буду отчаянно ругаться, потому что не могу примириться, что твоя парижская келья, замуравив тебя от жизни, превратила тебя в такого отчаянного формалиста. А формализм у нас здесь гонят сейчас изо всех областей: из литературы (недавняя горячая дискуссия²⁰), из сферы Тануси (отход от дальто-

низма к дунканизму²¹) и наконец из воспитания (провал педологии²²). Не возразив мне ничего на мой отзыв о романе Каверина, ты теперь сопоставляешь его с «Гравюрой на дереве». Величины действительно несравнимые. Быть может я сам безграмотен (забыл грамматику), но безграмотности Лавренева не замечаю: я не учитель правописания, а он не школьник, сдающий диктант. Но «Гравюра на дереве» произвела на меня впечатление, а роман Каверина оставил только недоумение. У Лавренева тематика Достоевского (Каверин берет темой плоское жульничество, уснащая ее рядом бесцветных никчемных эпизодов, ни в какой связи с темой не стоящих. Действия вне времени и пространства, герои — манекены, ни типологии, ни ярких сцен или типов. И зачислять Каверина в лоно художников являлось бы злой по отношению к нему иронией. Пусть у него не хромает ни орфография, ни синтаксис, пусть за правописание он получает «отлично», пусть он будет прилежным школьником (или безукоризненным писцом), но до писателя ему далеко). Грамматическим аршином писателя не меряют. Я могу представить себе гениальнейшего художника величайшим орфографическим греховодником. Легкость стиля еще не создает тоже художника. Толстой писал, как тяжелый воз вез. Не легок стиль Достоевского, который сам возмущался своим языком. Ты пишешь «меня интересуют художники, а не идеологи». Не представляю себе безыдейного художника. Нельзя «говорить», не зная, что сказать. Прежде содержание, а потом форма, а не наоборот, как проповедует формализм. Содержание найдет себе форму, форма без содержания ничто.

Чудесное, так красиво написанное «романтическое письмо»; эту бочку меда ты тоже сумел испортить каплей дегтя формализма. Для тебя самый акт самопожертвования является подвигом независимо от мотивов, от идеологии. В число героев попал и гитлеровец. Итак озверелая орда, несущая свои жизни на алтарь отечества, для тебя героиня, для меня же дикий скот, в гипнотическом угаре сеющий вокруг себя разрушение. Для меня не безразлично, во имя чего жертвует собой человек, содержание, а не только форма подвига.

Посылаю тебе в подарок книгу, о которой я уже упоминал: Макаренко «Педагогическая поэма» в 3 частях, история семилетней работы автора с беспризорниками, эту поэму перековки личности, возрождения отбросов общества влиянием коллектива. Она ответит тебе на вопрос о взаимоотношениях личности и коллектива. Ни одна книга со времени революции не имела еще такого колоссального успеха, не была так единодушно горячо встречена критиками и читателями. В 2-3 месяца книга разошлась в 50 000 экземпляров. Книга перечитывается по нескольку раз, над ней, как выразилась одна учительница, «и плачут и смеются», с ее героями читатель так сживается, что хочет обязательно знать их дальнейшую судьбу. Книга

ума, пропитана теплым хохлацким юмором, она жестоко бьет формализм в воспитании в лице педологии, изучающей воспитанника как объекта, анатомически разлагающей личность на ее элементы и бессильной воссоединить эти части трупа в живое целое, в живого человека. Я читал эту книгу 12-летнему Олегу²³. Он не давал мне отдыха: мы прочли всю первую часть в один день. В некоторых местах он буквально захлебывался от восторга. Прочтите книгу с Танечкой вслух, получите величайшее наслаждение, если только книжка в свой черед не будет отброшена в разряд «безграмотных». Ее девизом не будет: «нужно умереть», а будет бодрое: «нужно жить, бороться, творить...» В чем успех Макаренко? Во-первых: тепло и дружески, не считаясь с прошлым, даже не желая его знать, подходит он к человеку, с уважением и доверием к его личности. Во-вторых, открывает перед личностью воспитанника бесконечно радостные дали совершенствования (рабфак, вуз) и наконец, в-третьих, связывает творчество воспитанника с творчеством всей страны.

Пару слов в ответ на твою философию. Ну, да, не личность для коллектива, а коллектив для личности. Но правильные идеальные между ними взаимоотношения не даются даром, готовенькими. И ошибка твоя в том, что ты хочешь пересадить идеал в действительность, минуя исторический прогресс, минуя движение к цели, минуя борьбу за этот идеал. Для соборного творчества подавай тебе совершенные условия, а не дают — «отталкиваюсь!». Куда? Ну, в пустыню, конечно, в ту же келью, особенно если келья такая прелесть: и с розами, и с малиной. Ревизионист Бернштейн когда-то писал: «движение все, цель ничто». Афоризм нелепый: бессмысленно движение без цели, но и цель без движения не менее бессмысленна. «Человек самоценен». Опять-таки верно, но не надо забывать, что, кроме характера, полученного наследственно, от природы, все конкретное содержание духовное, т.е. все, что придает личности ценность, он получил от среды, коллектива. Вот ты читаешь книгу «Дитя шимпанзе и дитя человека». Не знаю ее, но убежден, что дитя человека, воспитанное среди обезьян, превратится в обезьяну, быть может, чуть более смысленую. «Человек должен быть целью, но никогда средством». Согласен. Но в переплете невероятно сложных взаимно перекрещивающихся влияний среды, коллектива подчас трудно бывает разобрать, где и когда он бывает целью, и где и когда средством. Ведь что такое вся необозримая область бессознательных гипнотирующих воздействий коллектива, как не превращение человека в «средство», в орудие чужой воли. «Цель» и «средство» тут чередуются и так сливаются подчас, что никаких границ не проведешь.

Ты прав: гуманизм, отвлеченный чистый гуманизм хороших слов и мечтаний, действительно стал «религией старцев», т.е. попросту стариком, ибо годов ему по христианскому летоисчислению без

мало 2 тысячи. И ввиду его старческого бессилия молодежь естественно от него отшатнулась. Что же касается гуманизма боевого, представителем которого является сейчас Коммунизм, то здесь по видимому дело обстоит не так уже безнадежно. У нас по крайней мере молодежь, при всем ее уважении к вождям, и мыслит и работает. Да и в Германии: не могли же кануть в воду 6 000 000 коммунистов: многим отрубили головы, до 200 000 томятся в тюрьмах и лагерях, остальные согнули и примолкли под деспотическим нажимом Гитлеровской пяты. Прочти «Испытание» Бределя или «Историю одного наци» (автора не помню). Вынести все эти пытки нужно не мало мужества и более робкие конечно затаились. Вряд ли в Германии жаждут войны, но... пойдут, конечно, если ее объявят. По отношению к Франции ты не прав, причисляя к капиталистам рабочих, проживающих свои трудовые сбережения. А что Франция до смерти боится войны и не за свою мелкую собственность, а просто за свою жизнь, так это неоспоримый факт. Отсюда и дружба с нами, и единый фронт. Но что меня сейчас удивляет, так это равнодушие, с каким правительства Франции и Англии смотрят на вмешательство Германии и Италии во внутреннюю жизнь Испании. Что было бы, если на это рискнули мы? Какой вой поднялся бы во всем мире!..

В последние дни был на двух интересных литературных вечерах. На вечере в память Горького в нашей библиотеке выступал между прочим поэт Железнов, бывший беспризорник и вор, которому Горький помог выбиться из омута. Он прочел ряд своих очень сильных оригинальных стихотворений. В одном из них он рассказывает, как в дни своего бродяжничества, не имея ни бумаги, ни карандаша, он лихорадочно записывал, зайдя на телеграф, на телеграфном бланке прикованным на цепочке пером маячившие в его голове стихи, вызывая недовольство очереди. Очень симпатичный парень без всякого зазнайства.

Другой вечер был посвящен обсуждению «Педагогической поэмы» с участием приехавшего в Москву автора, встреченного бурной овацией. Один рабочий говорил, что читая поэму завидуешь воспитанникам Макаренко и жалеешь, что сам не беспризорник. Раздавались также голоса сравнивающие автора с Львом Толстым. Ему горячо советовали продолжать писать, попытаться перейти на беллетристику, но он заявил решительно, что останется верен педагогике и уже написал книгу для родителей²⁴, у которых дети часто более беспризорны, чем на улице. Сейчас Макаренко занимает важный пост на Украине заведующего всеми трудовыми колониями Украины. Адрес его краток: Киев. НКВД. Макаренко. Между прочим, на этом вечере Антон Семенчук встретил бывшего своего воспитанника, студента инженерного института Колю Камардинова (Дзержинск). Трогательная встреча. «Почему-то, — говорил Макаренко, — боль-

шинство моих воспитанников избрало карьеру инженера, но одного пришлось вернуть с этого пути в художественную студию в Киеве. Крупнейший комический талант, будущая мировая величина».

«...» Сейчас я сторожу яблони. Очень надоело не спать ночей. Радуюсь, что на следующий год яблочек не будет <...>. Не сердчай. Ругаюсь любя. Целую тебя и Танечку.

А. Буткевич.

7.

М.А. Осоргин — А.С. Буткевичу

7 авг <уста> <19>36

Дорогой Андр <ей> Степ <анович>, сейчас получил твое письмо — и не хочу медлить с ответом. Ты бранишь меня любя, я же, любя тебя не меньше, принужден сдерживаться и подчинять себя своей собственной цензуре. Но все же, узнав от тебя, как отлично перевоспитывают преступников на работах Беломорско-Балтийского канала, я не буду слишком стесняться: в случае чего — ты не проиграешь. Вспоминаю, как пошла тебе на пользу дружба со мной в 1905 году, познакомившая тебя с Италией и Парижем. С тех пор в некоторых областях жизни перемен не произошло; только несколько усложнились условия дружеской переписки.

Позволь начать с того, в чем между нами царит согласие: мы с одинаково-безоговорочным отрицанием относимся к фашизму германскому, итальянскому и, надеюсь, испанскому. Потому их перечисляю, что между ними общего не так много, как ты думаешь (Гитлер глуп, как обезьяна, Муссолини — один из умнейших европейцев, оба — изверги). Будем, потому, вести разговор не политический, а философский, по возможности отвлеченный. Буду брать фразы из твоего письма и посылить отвечать.

Моему неприятию прогресса ни в природе, ни в обществе (т.е. идеи прогресса — не говоря уже об отсутствии его проявления) ты противопоставляешь такую «истину»: «А вот биология *знает* прогресс (усложнение) организма с расширением <ею> жизни <ею> функций». — Биология наблюдает явления усложнения и упрощения, причем первое явление она называет прогрессом столь же условно, как второе — регрессом (в математике «прогресс» заключается в сведении сложного к простейшему!). Но биология не доказывает и не может утверждать, что в мире (и даже не только на земле) происходит поступательный процесс усложнения организмов и развития их функций, что этот «прогресс» превышает «регресс» в общем развитии жизненных явлений. Мы знаем (поскольку мы вообще

что-нибудь знаем), что жизнь сменяется смертью, а смерть родит жизнь, т.е. сложное распадается на простые элементы, слагающиеся затем в сложный организм. Но это не прогресс, а круговорот, вводящий в понятие вечности; признав существование закона прогресса, мы поколеблем мироздание, вместе с этим самым прогрессом. Как ты знаешь, древняя философия строилась на понятии регресса (от золотого века к железнному), но, по крайней мере, делала поправку на циклы; ты повторяешь ошибку без поправок. Биология невесть какая точная наука, но все же нельзя ей приписывать нелепые утверждения! Ведь не мог же ты, любящий знание, застрять на дарвинизме? Для естествознания это — средние века!

Твой пример: «Эволюция мозга неоспоримо (?) доказывает, что человек поумнел». — Андрей Степанович, нельзя, экскурсируя в науку, оперировать понятиями ненаучными, чисто житейскими. Что значит «поумнел»? Стал способнее к абстрактному мышлению? Или практичнее житейски? Возможно, что эволюция мозга есть для человека «прогресс»; столь же возможно, что развитие «ума» есть регресс, — и во всяком случае, если оно происходит в ущерб развитию интуиции, того малоизвестного явления, которое у некоторых живых существ мы называем ничего не значащим словом «инстинкт», разумея под этим нечто «низшее», чем человеческий ум. Интуиция с умом не в ладах, а творчество интуитивно. Можешь ли ты сказать, что эволюция мозга ведет к прогрессу интуитивных способностей? Чем тогда объясняется регресс творчества, оспаривать который, все-таки, было бы нелепо? Наконец, как врач, ты знаешь, что человек «умнеет» и от прогрессивного паралича, — как яблона пышнее цветет, если ее поранишь. Ты может быть отчасти и прав, но я удивляюсь категоричности заявления при столь слабом развитии науки в этой области. Сам же ты оговариваешься, что «без ума до танков и ядовитых газов не додумаешься» (кстати и танки — деревянный конь у Гомера — и ядовитые газы всегда были, сейчас только усовершенствованы).

И вот тебе невольно приходится оговариваться и, послав Дарвина к чорту (по кр<айней> мере отчасти), придумывать для прогресса «зигзагообразное развитие». Давай, назовем его вообще «загогулей», которая чорт ее знает куда загибается и ведет. Иначе тебе приходится говорить нечто, с твоей ортодоксальной точки зрения, вообще преступное: «куда течет жизнь — дело, конечно, веры». Вот с этим я согласен! По-моему, например, она течет именно «к чортушке в омут». Об этом говорит и наше, хотя и слабое, познание природы. Но во мне, А<ндрей> Ст<епанович>, это не пессимизм! Я свое миропонимание строю именно на «круговороте», на вечном возрождении. Мне было бы трудно тебе это пояснить — пришлось бы исписать много страниц. Моя философия натуралистична. Если ты

прочитаешь когда-нибудь мой новый роман, ты меня отчасти поймешь. Или могу как-нибудь посвятить этому особое письмо. Пока же пойду дальше в нашей «полемике».

О борьбе во имя «лучшего будущего» я писал. Да, я подвергаю для себя пересмотру это, казалось бы, бесспорное положение. Я не мирюсь с настоящим и поэтому не сижу сложа руки, не могу; иначе говоря — борюсь не для того-то, а потому-то. Борюсь, как могу и как умею: пишу, говорю, дерусь, сижу в тюрьмах, спорю с тобой и с другими. Если ты припомнишь, я в свое время принимал революционный террор, как неизбежность (следствие любви, ненависти, негодования, невозможности поступать иначе), но отвергал с таким же негодованием его целесообразность. Террор правительственный всегда целесообразен (все равно — фашистский или иной, разницы нет). Так же точно я могу понять самосуд (вплоть до суда Линча), но «законный» суд отрицаю. Любви к будущему я себе не представляю. Будущего человечества я не знаю и не пытаюсь себе представить. Жертвовать для будущего человека жизнью и свободой настоящего, уже родившегося и живущего, притом делать это сознательно, с расчетом, с заранее обдуманном намерением, — ничего отвратительнее нельзя себе представить! Готов — чисто альтруистически — сделать для «будущего человечества» все, что в моих силах, принести себя самого в жертву, — но я не хладнокровный мясник, чтобы резать собаку и ее мясом кормить предполагаемых у другой щенят. Чувство долга? Это — чувство низменного порядка! Кант — отвратительный мещанин, когда говорит, что естественное влечение ниже чувства долга, так как «нет заслуги». Важно в себе воспитывать именно естественность влечения к добру. Сознание «долга» тесно сожительство с лицемерием. Твоя ссылка на «высшую мораль» («возлюби ближнего как самого себя» — не больше) есть также приказ по линии долга, потому что за это сулится царствие небесное — возьми его себе! Я же люблю того, кого любитесь, и при том бесплатно. Но тут хоть речь идет о ближнем; а любить ницшеанского «дальнего», сверхчеловека будущего, никак обещать не могу, тем более, что он мне представляется или рабом, или палачом, или ублюдком этих двух пород. Но за свой счет согласен поработать и для него, в слабой надежде, что это поможет ему не стать полной сволочью. За свой счет, однако, а не за твой, не за счет ближнего!

Дальше позволь отметить, что ты охотно принимаешь мои тезисы, и «свободу личности», и «человек не должен быть средством», и все принципы, за которые боролись лучшие люди всех времен, — и каждое свое «да» сопровождаешь «но». Там, где есть «но», — там не может быть «да». Свобода с оговорками — не свобода. Гуманизм с поправками — смягченное словами насилие. Для «уважаемых личностей» тюрем не строят. Кто сказал тебе, что я верую в возможность

немедленного превращения идеалов в действительность? Наоборот, я не считаю идеалом то, что может быть осуществлено. Идеал есть истина, и, как она, он не достижим потому, что конечной истины нет, она отходит вглубь по мере того, как к ней приближаешься. Но идти к идеалу «зигзагообразно», сворачивая на тропинки, ведущие в сторону противоположную, на пути к свободе строить тюрьмы, во имя гуманизма рубить головы, во имя нравственной чистоты оправдывать средства целью, есть величайшее лицемерие, широко практикуемое именно фашизмом всякого вида. Ты совершенно прав: революция в перчатках не делается. Ты только совершенно не прав в определении понятия «революция». Революция есть государственный переворот, не более; социальный переворот совершается не революционно, а эволюционно. Конец революции — ее победа, захват власти. Революция не всегда «прогрессивна» (в нашем понимании слова); революцию произвели и Муссолини с Гитлером, самую подлинную. С момента окончательного захвата власти — революции больше нет, а есть государственное насилие, которое и будет длиться до следующей революции. Я знаю, что это толкуется иначе («перманентная» и проч.). Точно так толкуют свою революцию фашисты, и точно так оправдывают все «поправки» и «оговорочки» гуманизма и всяческих свобод. Ты целиком к ним присоединяешься, ты действительно, по сегодняшним высказываниям, — типичнейший фашист, прости меня! Попробуй перевести на русский язык даваемые тобой определения: «диктатура, стремящаяся к самоутверждению» и «диктатура, стремящаяся к самоупраждению»; по-русски это значит: «насилие, стремящееся к тому-то и тому-то». Разница в стремлениях огромная! Правда — истории второй случай неизвестен и не будет известен. Но все равно: насилие в обоих случаях, и насилие самое обычное, рядовое, знакомое: государственное. Все это — азбука, которую ты знал, когда считал себя анархистом; с тех пор правописание изменилось — и в этом все дело. Я им был и им остался. Рассуждая «реалистически», как ты этого от меня требуешь, я знаю, где что «утверждается» и где в какой-то мере это же «самоупраждается». Я и не смешиваю СССР с фашистскими странами (хотя имел бы право смешивать, так как к моим взглядам обе диктатуры относятся одинаково). Но это относится к области «веры», а не знания, идеализма, а не реализма. Ты, кажется, хочешь заподозрить меня в «анархическом индивидуализме»? Нет, я коммунист, гораздо более чистой воды, чем ты и твои начальники. Но мой коммунизм — идея, а не реальность. Он относительно реален в природе, не знающей экспериментов, догм, программ, как не знающий добра и зла, — но он в приложении к человеческому обществу слишком утопичен, чтобы искать реальности. Всякий высокий идеал утопичен. Я готов на любую уступку твоей реальности, это стоит дешево; твой дом — дворец, наша страна — рай,

будущее прекрасно. Искренне рад принять это, потому что люблю тебя и предпочитаю с тобой чувствовать едино. Но идеи — ценности, которыми не швыряются, потому что без них мир был бы невыносим. И тут уступок не может быть. Не обзывай «свободой», «человечностью», «гармонией личности и коллектива» того, что этим не стало и никогда не станет, пока должно сопровождаться оговорками. Всякое прилагательное уничтожает чистый смысл существительного. Если ты государственный — не произноси слов, для которых твои уста не чисты.

Вот. А что до собаки, которую надо взять за шиворот и, швырнув в воду, научить плавать, — то это дело вкуса. Я никогда не смотрел на человека, как на собаку, хотя и считаю, что собачья порода опошлена близкой дружбой с человеком. Плавать я научился сам, а если кто-нибудь вздумал бы меня учить по твоему способу, то я научил бы его топиться.

Прежде чем перейти к «общим рассуждениям», позволь, милый А <ндрей> Ст <епанович>, вернуть тебе одно выражение: мою «келью под елью», да еще с розами. Как ты мог это написать! Выведи меня из этой кельи, дорогой друг и согражданин свободнейшей из стран! Зачем ты, хозяин этой страны, меня в ней держишь, как держал раньше твой предшественник Николай Второй? А мои другие «кельи», домашние, помнишь²⁵? Так вот вы какими стали, гуманисты! Возвращаю тебе эти слова и прощаю тебя за них, мой старый друг.

8 авг <уста> <19> 36

В отношении к нашей стране между нами не может быть различия. Я люблю Россию не наивной любовью человека русской культуры, созданной поколениями идеалистов и реалистов. Я прожил за границей почти четверть века. Проклинаю и благодарю за это реалистов русской политики, по праву власти калечивших мою судьбу. Я не стал европейцем, просвещенным мещанином, крохоборцем и служителем полицейского культа. Но я *знаю* Европу, и потому люблю Россию: ты любишь ее, потому что не знаешь Европы, но зато ты, конечно, лучше меня знаешь СССР.

Почти двадцать лет вы живете за китайской стеной, не имея представления о том, что произошло в Европе в пореволюционный период. Я читаю все советские газеты с их процеженными сквозь цензурное сито сведениями, как стыдно, что вы — малолетние! Я живу в стране, где пресса коммунистическая совершенно свободна, как и партия, как и все остальные газеты и партии. Это тем хорошо, что я могу быть беспристрастным в оценках. И потому я радуюсь, когда вижу, что жизнь нашего Союза идет к расцвету, к материаль-

ному и духовному богатству. Во всем мире нет другой такой страны, в этом не может быть сомнения. Но, при всем необычном темпе развития, наша страна еще страшно отсталая; ее прекрасный новый человек лепечет склады. Больше всего поражает научная отсталость; за немногими (прекрасными, изумительными) исключениями, русские ученые — типичные гимназисты. Я просматриваю академические издания, отчеты о лекциях, восторги «достижений» и поражаюсь их малости и их наивности. Вот маленький пример из твоего письма — о «новой» системе воспитания коллективом беспризорных и «преступников». О том же мне писал Горький. 28 лет тому назад в Риме я принимал участие в работе знаменитого по тому времени «судьи Майетти», воспитывавшего беспризорных и преступных детей тем же самым методом пробуждения в них гражданского сознания участием в жизни коллектива, — с изумительными результатами. Я писал об этом тогда в «Вестнике воспитания»²⁶. Но в этой системе было все, кроме принудительности: двери приюта были настежь открыты днем и ночью, — уходи, куда хочешь. Вряд ли то же на Беломорском канале!

Оставим в покое науку и педагогию. Возьмем литературу. Даже то немногое, что может доходить до вас, должно показать, насколько в Европе, при всем *упадке* литературы, она стоит выше, чем в нашем Союзе! Возьми французского Ромена Роллана, английского Олдоса Хаксли, испанца — очень молодого — Рамона Х.Сендера²⁷, немца Фейхтвангера (упоминаю только тех, кто пользуется в СССР признанием и преимущественно новых писателей), — кого ты им противопоставишь у нас? А Томас Манн, Гамсун, недавно умерший Голсуорси, Андре Жид, Стефан Цвейг. Кто у нас? Перелетная пташечка, фальшивый стяжатель Алеша Толстой, уехавший из Парижа со словами: «Я хоть жрать там буду, а вы тут подохнете»? Леонов, прекрасно начавший (он читал мне первые вещи), но себя не нашедший? Бесталанный Федин, не пошедший дальше одной хорошей книги («Города и годы»). Изболтавшийся Пильняк? Есть множество славных малых, не дурно пишущих, — и ни одного настоящего писателя! А могли бы быть! Но нужна для этого свобода мысли — ей нет простора. Ты вот удивляешься, что я требую от писателя грамотности. Да! Без этого нет писателя! Говоря корявым языком — никого не убедишь. Неграмотность советских авторов *потрясающа*. Это не формализм, Андрей Степанович. Курьезно, что я только что напечатал ряд статей против формализма с требованием идейности романа²⁸. Но искусство требует высоты грамотности и культуры, этих великих орудий воздействия на душу читателей. Даже в научных трудах это необходимо. Я писал тебе о книге «Дитя человека и дитя шимпанзе», вышедшей в Москве. Ее автор Н.Ладыгина-Котс совершенно неграмотна. Книга эта рассчитана на научную сенсацию (сто-

ит она 125 рублей!). Но она лишь слабым лепетом повторяет изыскания в той же области американца Келлога²⁹.

Я помню московские восторги по поводу метро. Мы с тобой в Париже пользовались услугами метро в 1908 году. Сейчас в Париже почти ежемесячно проводится новая линия длиннее московской, — и мы лишь иногда читаем об этом в газетах петитную заметочку для осведомления. Вот то же и в других областях.

Я писал тебе о том, что средний парижский безработный вынужден проживать свои сбережения. Ты пишешь: «ты неправильно причисляешь его к капиталистам». Но ведь он, по сравнению со мной, пролетарием, капиталист! Имеете ли вы понятие о заработках французских рабочих? В сравнении с рабочим русским они — капиталисты и буржуа! Считать на деньги трудно — считай на хлеб и башмаки. Белый хлеб у нас здесь стоит сейчас 2 фр <анка> кило; месячный заработок рабочего — от 300 до 750 килограммов хлеба, от 20 до 50 пар хороших башмаков. Безработный получает четыре кило белого хлеба в день (8 фр.) и оплату квартиры. В фашистской Италии заработки выше. При этом считается, что жизнь во Франции непомерно дорога; однако я покупаю рубашки за 5 и за 10 фр <анков> (по курсу — ок <оло> 2-3 рублей, в действительности от 50 к. до 1 руб.), Таня носит летнее платье не дороже 1-2 р. Дорога к нам из Парижа (28 килом.) стоит в прекрасном автомобиле с мягкими кожаными креслами, на ваши деньги, меньше рубля. Только что Таня купила на базаре дешевой посуды: чашки, молочники, цветочные вазы, каждая — несколько копеек. И эти цены нам все-таки кажутся ненормально дорогими.

Но это все вздор. А вот ты сторожишь по ночам свою яблоню. Француз, дикий собственник, на твоём месте повесился бы! У нас в саду при доме, прямо против всегда открытой и ночью калитки, стоят велосипеды, и никто их не оберегает. В городе так же точно оставляются на улице автомобили. Ты знаешь французский обычай — выставлять мелкие товары (съестные продукты, парфюмерию, безделушки, отрезки материй, башмаки) на улице на лотках без всякого присмотра. Кому надо — возьмет и пойдет в магазин заплатить. Газетчики, уходя поесть и выпить, оставляют на улице пачки газет и блюдечко; подошедший берет газету и кладет монету. А за кражу никого, конечно, не расстреливают. Все это наводит на размышления. В Финляндии, еще до войны, я наблюдал, как нашедший на улице кошелек с деньгами клал его на тумбочку в расчете, что потерявший придет и возьмет; так и бывало. В Англии не существует багажных квитанций: вещи вынимают из багажного вагона, и каждый пассажир берет свое. Как-то я зашел в лавочку купить папирос, взял коробку и увидел, что забыл дома деньги. Я было отдал коробку обратно, но лавочник удивился и сказал: «Но ведь вы можете занести

деньги после?». Если даже он видит меня в первый раз — почему он должен думать, что я — мошенник? Нет, я не расскажу в капиталистической Европе, что ты сторожишь дома яблоню! Умолчу из простого патриотизма!

Я не идеализирую Европы, которая мне отошнела, но все-таки, радуясь нашим, российским достижениям, нужно знать и помнить многое. Вот мы дожили или на днях доживем до конституции. Я внимательно перечитывал ее текст; он всегда передо мной на столе. Я знаю тексты и других конституций, но тексты меня никогда не очаровывают: важна действительность, а не буквы. Я — советский гражданин, имею на это документ, плачу налоги. Я — революционер, и, как умел, боролся за свободу моей страны. Вот я возьму чемодан и приеду — что дальше? Но нет, это слишком. Лучше и проще: я пришлю тебе почтой свои книги на основании ст. 125 проекта конституции, — получишь ты их? Я очень доверчив: в согласии со ст. 128 я отправляю тебе это письмо, полное «преступной ереси». Надеюсь, что хоть на этот раз мое доверие не будет обмануто. По ст. 118 я имею право на труд и мне гарантирована его оплата в СССР. И вот второй год не только я не получаю (что уж мечтать о такой «гарантии»!), но перестали мой заработок выдавать Нине по законнейшей доверенности, засвидетельствованной генконсульством. Изменится это хотя бы в день принятия проекта конституции? Посмотрим!

Я предугаываю и отлично знаю все «оговорки» и «поправки», которые ты держишь в уме, читая эти строки. Сам за тебя их скажу. Ничто сразу не делается, никаких абсолютных свобод не существует и они не возможны; важно не то, что уже достигнуто, а то, в каком направлении идут завоевания; когда создается счастье коллектива, личность не играет большой роли; ход процесса зигзагообразен и прочее. Решительно то же самое говорится и здесь правителями буржуазного капиталистического государства, и они тоже правы. Я не пользуюсь здесь, как никто из граждан, такой неприкосновенностью личности, какую я проповедую; но за 25 лет к моей личности никто не прикасался, к жилищу также, к переписке также. Я говорю, пишу и печатаю решительно все, что хочу; и я, и любой француз, ругающий на чем свет стоит правительство, капитализм, буржуазию, полицию, религию, собственность. Сейчас, впрочем, правительство ругают именно буржуа и капиталисты, а защищают его коммунисты и социалисты, но это дела не меняет: свобода слова и печати остается. Вероятно, завтра все это полетит вверх тормашками, но пока существует, и уже давно. Не существует этого только в странах диктатуры: фашистских и СССР, в которых больше всего говорится о свободе и гуманизме. Оговорки везде одинаковы, слово в слово! Должны же мы иногда пытаться смотреть со стороны, с возможным бесстрашием!

Вот я пытаюсь смотреть и не скрываю от тебя своих впечатлений. Они тяжки. Всякие «режимы» насильничают надо мной уже почти сорок лет — и просвета нет. И ты хочешь, чтобы я радовался и ликовал? Ты, честный труженик, которого я знал свободным мыслителем, социалистом, даже анархистом, — ты своими оговорками если не защищаешь, то извиняешь насилие, поешь в хоре рабов голосом раба, — чего мне еще ждать и на что надеяться! Стереди свою яблоню, мой старый и дорогой друг, стреляй из ружья в разрушителей твоего права частной собственности, в беспризорных, еще не воспитанных по новой системе, в тех, чей «гарантированный» труд не дает возможности жить без кражи. Я предпочитаю стеречь те идеалы, которым всю жизнь служил и не могу изменить просто ввиду своего характера, а не как фетишам. Я не мог бы, как многие совписатели, лицемерными холопскими голосами каяться в «уклонах» и несоответствии генеральной линии. Это так противно, что даже Горький, которого не заподозришь в несочувствии советскому строю, писал мне однажды по этому поводу: «Стыдно за людей, которых я знал и даже уважал». Правда, он писал это пять лет тому назад.

И знаешь в чем дело, А <ндрей> Ст <епанович>? Дело в том, что вы нашли *истину*, ту самую, которую много тысяч лет ищут мыслители и художественные творцы. Вы ее нашли, записали, выучили наизусть, возвели в догму и воспретили кому-либо в ней сомневаться. Она удобная, тепленькая, годная для мещанского благополучия и выхода в новые дворяне. Нечто вроде христианства и православной церкви: оправдывает и человеколюбие и смертную казнь. Рай с оговорочками, выпуск по билетам, на воротах икона чудотворца с усами. С теми счастливицами, которые нашли истину, тщетно говорить языком ищущих, да и опасно, потому что реалист строго охраняет свою яблоню. Но я боюсь (или радуюсь), что идущая за нами молодежь слишком много слышала пышных слов, чтобы не уверовать хотя бы в часть их. И она доищется до подлинного и безоговорочного смысла таких слов, как «свобода», как «гуманизм», как «человек не должен быть средством». Я не меньше тебя верую в советскую молодежь и многого от нее жду, вот только распахнутся двери в иной мир и потянет свежим воздухом. Если Европа сумеет победить фашизм, на что надежды пока не много, она вряд ли удивольствуется вашим православием. Пока же — я охотно соглашусь — СССР — единственная страна великих возможностей. И мне больно и горько, что ты, законодатель и хозяин своей страны, не пускаешь меня туда и затыкаешь мне рот. Нечего делать — умру здесь.

Не хочется начинать новую страницу. ПРОСТИ! Люблю вас всех.
Твой М.

8.

А.С.Буткевич — М.А.Осоргину

[не ранее августа 1936]

Дорогой Мишук! Охотно беру назад «келью с розами и малиной». Это, конечно, была шутка, но шутка непреднамеренно оказалась злой, коснувшись большого места. Отнеси ее к «розам» полемики, — которые своими терниями нечаянно язвят и которыми (кстати сказать, ты в долгу не остался) так обильно усеян твой ответ. Я бы тоже мог просить тебя взять назад квалификацию фашиста, но мало ли какого вздора можно наговорить в пылу полемики. Я не обижаюсь, хотя горшей обиды ты не мог мне нанести. Наоборот, я вместе с тебе сочувствующими искренне восхищаюсь ядом твоего сарказма. Как, например, убийственно звучит это «стереги свою яблоню, а я буду стеречь свои идеалы». Ну, а между прочим, что бы стал делать «стерегущий идеалы», если бы чьи-нибудь наглые руки пытались оборвать его розы или жадные рты покушались на его малину. Безмятежно, или, быть может с гуманистическим приветом, созерцал бы это опустошение? Не знаю кому, французской ли культуре или французской полиции обязан ты тем, что спокойно наслаждаешься трудами рук своих, но во всяком случае личной твоей заслуги тут нет никакой и с высоты своего нравственного величия обливать презрением «стерегущего яблони» «стерегущему идеалы» не придется. Когда-то слюнявый идеал непротивленчества оттолкнул меня от толстовства и в этом отношении я остался себе верен до сих пор. Да и так ли благополучно обстоит дело с неприкосновенностью собственности на Западе? А парижские апаши, ограбления с убийством, мошеннические аферы? А в воровской Италии? Вспомни сорийскую Терезу, уносившую от нас под полой вино, которое мы покупали у ее же матери трактирщицы. Добавлю, что культура начинает проникать и к нам: по слухам, в некоторых театрах вводятся буфеты без продавцов.

Перейду к философии. Параллель между биологией и математикой не выдерживает, конечно, критики. Это науки антиподы. Математика — наука абстрактная, формальная, точная с непреложными истинами. Биология, поскольку она занимается эволюцией мира, не может уклониться от определения направления процесса. Ты ловишь меня на «преступлении»: допускаю в этом определении элемент «веры». Это, конечно, не религиозная вера: *credo quia absurdum*³⁰, а вера, основанная на фактах, на знании, то что мы называем научной гипотезой. И вот «гипотеза», что жизнь регрессивна, течет «к чортушке в омут» лишена всякого научного обоснования. Ведь сколько бы

не спорить о прогрессе, но отрицать, что развитие жизни от величайшей ее простоты в лице амебы до величайшей ее полноты в лице человека есть самый несомненный прогресс, можно только не желая считаться с очевидностью. Что касается характера этой эволюции, то я не сторонник дарвиновского пассивного приспособленчества и прогресс не только в человечестве, а и во всем животном мире, вижу в росте не только способности приспособляться, но и приспособлять, не только в подчинении среде, но в овладении средой. Сам организм для меня по существу есть аккумулятор активности, действенной энергии. Не понимаю твоего издевательства над зигзагообразностью процесса, словно для тебя откровением является азбучная истина, что общественное развитие представляет из себя смену подъемов и падений, революций и реакций. Я не знаком с твоей теорией «возрождений», но если ты имеешь в виду расцвет и крушение цивилизаций, то разве это не «загогулины» только более широкого масштаба. Да, наконец, что такое диалектика истории с ее отрицанием и отрицанием отрицания, как не «зигзаги».

Прежде чем продолжать, объясню тебе свои «но». Дело в том, что жизнь слишком сложна, а ты слишком прямолинеен. Твой пряменький аршинчик бессилён измерить все ее изгибы. Знаком ли ты с философией Бергсона? Жизнь течет непрерывным потоком и не останавливается на твои «да» или «нет?», потому что сегодняшнее «да» становится завтрашним «нет». Жизнь индивидуальна и всякое обобщение, всякое незыблемое правило, всякая догма есть ложь и обман. Выражу это в афоризме: всякое правило постольку имеет право на существование, поскольку допускает исключения: иначе оно превращается в мертвую букву.

И вот с твоим ригоризмом в такую мертвую букву ты, революционер, хочешь превратить революцию. «Революция, — определяешь ты, — это захват власти». Власти для чего? По-твоему, для водворения анархии, для того, чтобы, бросив вожжи и кнут, предоставить полную свободу колеснице истории катиться, куда ей вздумается, а куда она скатится, дело ясное: вернется к старому. Тогда новая революция с теми же результатами. Кому же нужно это толчение воды в ступе, эта сказка про белого бычка. А по-моему, власть нужна для борьбы, для выкорчевывания старого, а это история длительная и без применения ненавистной тебе силы здесь никак не обойдешься. Или ты думаешь, что уничтожить вековую эксплуатацию, вымести капиталистов и кулаков можно вежливым причитанием: «позвольте вам, милостивые государи, выйти вон!». Прошло чуть не 20 лет со времени нашей революции, а как показывает процесс троцкистов, враг еще не раздавлен, борьба не закончена и приходится выпалывать сорняки фашизма, ползущие к нам извне. Что это? Перманентная ли революция или «социальная эволюция», называй

как хочешь, но власть должна продолжать борьбу, борьбу государственной силой, которую тебе угодно величать «государственным насилием». В том-то и несчастье твое, что с высот своего анархического идеализма или, вернее, идиллизма ты не различаешь разницы между силой и насилием. А почему? Потому что тебе как формалисту безразлично, во имя чего применяется сила. Приложил гуманистический аршинчик: как!? Вместо свобод — насилие, да еще — «государственное» (как будто мы знаем жизнь вне государства?) Да ведь это «фашизм»! Караул! Вот так-то и попал я совершенно неповинно в фашисты... Какой невероятный сумбур понятий! Вот сейчас в Испании идет борьба: обе стороны борются теми же средствами «насилия», по твоей гуманистической терминологии, и однако все наши с тобой симпатии на стороне не фашистов, а республиканцев.

Пойду дальше. Для вас, абстрактных гуманистов, как-то поразительно бесследно проходят уроки истории. Сколько революций погибло из-за гуманистической маниловщины, из-за утопического фрондерства, из-за предательского соглашательства. Остановившись на полдороге, кровью заплатила за свою нерешительность Парижская коммуна. Потерпела поражение первая испанская революция из-за пилатовской позиции анархистов: «не станем марать рук из-за пустяков — все или ничего!» (Твой лозунг!). И дорогой ценой расплатились за эту измену единому фронту астурийские горняки. Германскую революцию предали двурушники социал-демократы. Они же предали и австрийскую революцию. За мягкотелость, за то, что промямлили экспроприацию земли, сметены с арены истории эсеры. А сейчас из-за чего льется кровь в Испании, расстраиваются десятки тысяч? Только из-за того, что молодое правительство справляло медовый месяц всяких свобод вместо того, [чтобы] заняться ликвидацией своих бесчисленных врагов, арестовывая, набивая тюрьмы, даже расстреливая, словом, все то, что так глубоко возмущает твой гуманизм, но что гуманно спасло бы страну от ужаса правового фашистского разгула. И вот на фоне всех этих неудачных революций ярким исключением выделяется наша революция. В ее успехе даже враги перестали сомневаться. Строительство идет, страна стала неузнаваемой, иностранцев поражают темпы ее развития. Вместе со страной эволюционировал и я, хотя совсем не в том смысле, какой навязываешь мне ты. Никогда не был я анархистом, всегда был и остался социалистом или, по новой терминологии, коммунистом. А вот ты-то [то] объявляешь себя анархистом (им был, им и остался), то через несколько строк ты уже коммунист, да еще «чистой воды», какой-то «не реальный», а «утопичный». Словом, «темна вода во облацех». А чтобы тебе стало ясным, какую эволюцию проделал я, совершим маленькую историческую экскурсию. После Октября интеллигенция наша, как всем известно, была глубоко

разочарована. Чаяли жадно свобод, а попали в тиски хуже прежних. Роптали, саботировали. Сам Луначарский кобенился принять пост наркома просвещения, протестовал открыто в печати известный педагог Шацкий³¹, проделавший потом в провинции замечательную педагогическую работу и умерший на посту директора Московской консерватории, ворчал и ругался Павлов, умерший славословя советскую власть за свою дивную лабораторию³². Я не саботировал и добросовестно работал, памятуя, что работаю для страны, для народа, но тоже брюзжал. И вот сейчас, оглядываясь на это прошлое и трезво расценивая тогдашние условия, поражаюсь гениальной тактике большевиков, сумевших направить народные силы в нужное русло. Не могу себе представить, что было бы, если бы выполняя твой рецепт «социальной эволюции», советская власть дала бы тогда желанные свободы, присоединяя к всеобщей тогдашней разрухе разброд мнений и действенный развал воли. Буржуазия не преминула бы использовать эту смуту и, конечно, засела бы вновь на наши плечи. А сейчас сплоченной массой в единстве настроений и воли готовимся мы провести в жизнь новую Конституцию.

Не думай, что я закрывал и закрываю глаза на темные стороны нашей действительности. Но я мирюсь с небольшими недостатками большого механизма, помня, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. Я не государственный: государство зло и в конечном счете должно исчезнуть, но уничтожится оно не от заклинаний и проклятий мечтателей и утопистов вроде тебя, а реальными усилиями работающих над совершенствованием и смягчением государственных форм вплоть до их полной ликвидации. У нас в Союзе имеются представители 3 категорий людей, одни — строители социализма, более или менее ревностные работники, вторые — враги-вредители, сующие палки в колеса строительства. Их становится все меньше по мере утраты надежд на провал социализма. И, наконец, третьи — это брюзги. Работая, потому [что] нужно есть, они вечно скулят, обвиняя во всякой своей невзгоде большевиков, это их *bete noire*³³.

Отвечу на некоторые частности. Относительно «долга» с тобой согласен, хотя и здесь не обойдусь без «но». Долг — тиранит и жить у него в вечном рабстве тяжело. Жизнь должна быть радостна. Но вот ты пишешь: «важно в себе воспитывать естественность влечения к добру». Естественное это природное и его воспитывать нечего. А во всяком воспитании есть элемент самопринуждения. Жизнь — не из одних приятностей, есть в ней и неприятное, но важное и необходимое, что приходится выполнять усилием воли, сознанием долга, долга о котором упоминает Макаренко (III часть стр.170). В этой самодисциплине и заключается воспитание твердости характера.

Известная доза долга в жизни неизбежна (можешь еще раз попрекнуть меня моим же «но»).

«Всякое прилагательное, пишешь ты, уничтожает чистый смысл существительного». Характерная обмолвка для художника слова, который, казалось бы, должен знать цену эпитетам. Какое же жалкое убожество должно представлять из себя это голенькое, бледное, не от мира сего существительное без прилагательных, которые одни только могут сообщить ему определенность и яркость, влить жизненную мощь, пропитать светом и ароматом. И вполне понятно, почему так чахлы эти твои чистенькие существительные, эти художочные абстракции: они оторваны от земли, лишены живой с ней связи, питания, стали утопиями. Ты вознес на небеса эти свои абсолюты, превратил их в фетиши, куришь перед ними фимиамы, оберегаешь от «нечистого» прикосновения таких грешников, как твой старый друг, и с высоты своей святости плюешь на подлое человечество «ублюдков рабов и палачей», будущую «сволочь», которой все равно, «но суждено скатиться к чортушке в омут». Ты стережешь свои идеалы от уступочек и оговорочек, но для кого, при таком мизантропическом отношении к людям, предназначаешь ты этот мизантропический маринад? Я стерегу свою трудовую яблоню не только для того, чтобы есть яблоки самому и угощать друзей (с каким наслаждением угостил бы тебя, дорогой друг, если бы не боялся, что ты подавишься такой «нечистой» добычей), но и для того, чтобы всякие падкие до дармовщинки бездельники усвоили себе великий принцип «не трудившийся да не ест».

Конец твоего письма для меня, прости, сплошной ребус. Какую это мы нашли истину, которую задоматизировали? Если «истина» это наши идеалы, то они у нас с тобой общие, с той лишь разницей, что, по-моему, они должны руководить работой, а по-твоему, красоваться иконой в божничке. Мещанское самодовольство нам чуждо: много достигнуть с твердым сознанием, что еще большего остается достигнуть. «Новые дворяне» знатные люди труда — стахановцы. Человеколюбие требует уничтожения палачей для спасения жертв. До рая — далеко. «Оговорочки» — признак искания, в то время как твердокаменные «да» и «нет» — симптом застоя. «Чудотворцы» действительно сотворили немало чудес, поражающих иностранцев, в том числе и такое чудо света, как московское метро, пред которым парижское метро такое ничтожество, что не заслуживает даже упоминания в текущей прессе.

О нашей научной отсталости судить не берусь, но, кажется, на международных научных съездах мы не сраимся. В искусстве и спорте дело обстоит яснее. В футболе, беге, шахматах, полетах на высоту и дальность мы ставим мировые рекорды. В педагогике опыт Майетти мало для нас показателен, ибо относится к периоду нор-

мальной жизни, а не такой глубокой разрухи, как наша. Кстати: ты ничего не пишешь о том, получил ли ты книги Макаренко.

Что касается литературы, то упадок ее я объясняю себе иначе, чем ты. В водовороте жизни, когда все силы отвлечены стройкой, условия неблагоприятны для писательства. Если литература зеркало жизни, то не всегда выберешь время в него смотреться. Все питомцы Макаренко захотели быть инженерами стройки, а не «инженерами душ». И сам он — несомненно крупный литературный талант — на все настояния, чтоб он посвятил себя литературе, отвечал твердо: был и останусь педагогом. А для современности совершенно не характерно, что ты берешь из литераторов Запада стариков или даже мертвецов: Гамсуна, после «Пана» и «Виктории» написавшего ряд нудных романов и ставшего фашистом, Ромен Роллан и Андре Жид (завоеванные нами), Стефан Цвейг — все это не молодое поколение. Гельсуорси заурядность, каких у нас много, тоже уже сошел со сцены. А Томасу Манну не могу простить его скучнейшей двухтомной «Волшебной горы». Только «чахлый» писатель мог избрать тематикой — жизнь чахоточного санатория. Сендера и Хаксли не знаю. Изгнанник Фейхтвангер пишет сейчас в России и, значит, наполовину наш. А твой перечень нашей молодежи необычайно скуден. Куда же ты девал Казакова, Соболева, Шухова, Левина, Бруно Ясенского, Авдеенко³⁴, Катаева, даже тех же Ильфа и Петрова. Многие самородки еще не определились, многим не хватает «культуры языка», многие пишут (как и учатся летать) «не отрываясь от производства». Насчет литературы я с тобой совершенно не согласен: Запад беднее нас и авторами, и тематикой. Там пустыни (если не считать немцев-эмигрантов, живописующих фашизм). У нас если не расцвет (почки не успели еще лопнуть), то во всяком случае обещающие ветви.

Продолжаю после долгого, очень долгого перерыва, вызванного воплями пуганых ворон о недопустимости нашей переписки, и лишь после того, как трезвые эксперты не нашли в твоих высказываниях ничего, из-за чего стоило бы волноваться, а тем более страдать «бессонницей» (вчера получил ваше письмо). Очень рад, что книжки Макаренко тебе понравились, но что *всех нас без исключения* поразило, так это заключение по существу: «фабрика нравственных уродов». В чем открыл ты уродства? Кажется, все воспитание проникнуто гуманизмом (кормят даже дармоедов), никаких насилий, «преображаются» в людей даже такие безнадежные казалось бы типы, как Ужиков. Чем не угодили тебе такие подлинные «молодцы», как врач Бурун, ветеринар Братченко, комик Огнев, педагог Карабанов, в своей колонии на 1000 ребят оставляющий далеко позади своего учителя, наконец, все эти инженеры социалистической стройки, бывшие воспитанники Макаренко, вся эта братская семья дельных, бодрых, жизнерадостных, отзывчивых работников. Объяснись об-

стоятельно: тема безопасная. Неужели ты солидарен с представителями наробраза товарищами Зоей, Бречeko и иже с ними. Был на днях у брата профессора³⁵, спрашивал у него, насколько справедлив твой отзыв о нашей научной отсталости. Он решительно его опровергает. Творчество в науке (хотя бы в ближе всего ему знакомой агрономии) развивается у нас шире и плодотворн<ее>, чем на Западе. Строительство лабораторий ведется с широким размахом (даже хаты-лаборатории), но, правда, у нас подчас ощущается недостаток технического оборудования. Мичурин, Лысенко, Цицин³⁶ — все это новаторы, творцы в этой области.

С волнением следим мы за событиями в Испании. Ты мечтал туда ехать. Зачем? Пером там не пособишь, а пушечного мяса там более чем достаточно. Необходимо положить конец контрабандной интервенции. А если Франция и Англия этого сделать не в силах, они должны прийти на помощь законному испанскому правительству хотя бы отменой запрещения на снабжение оружием, чего требуют металлисты от Блюма. Но тому более улыбается играть роль повара из басни «Кот и повар». Немного запоздалое выступление Ромена Роллана нужно поддержать всей силой давления общественного мнения Европы. Проскользнуло было известие о восстаниях в Португалии, об арестах в Италии, но все опять смолкло. Вспомнишь Гарибальди, являвшегося всюду, где вырастала угроза свободе. Франция трусливо боится войны, хочет удержаться на пилатовской позиции, но фашизм все равно эту войну нагло спровоцирует, и Блюм только заставит Францию «потерять лицо», выражаясь китайским языком.

Вернусь к некоторым деталям твоего письма. Когда я говорил, что человек неоспоримо поумнел, я разумел рост человеческой психики вообще и в торжестве техники (ума) над этикой (интуицией). Я, в полном согласии с тобой, видел регресс или, по твоей остроумной терминологии, «загогулину» вниз. Гипертрофия ума, вооружив человека орудиями истребления, сделала его опаснейшим из зверей.

Ты укоряешь меня в том, что я пою голосом раба. Поскольку мы зависим от внешних сил, мы все в большей или меньшей степени рабы. Но подлинным рабом человек становится лишь тогда, когда он начинает славословить свое рабство и лизать пятки господина. Я в этом не грешен, Беломорстроем меня не запугаешь и я готов по мере сил бороться за свое и твое освобождение. Надеюсь, что в силу новоявленной Конституции и советская власть пойдет нам в этом навстречу.

По твоему делу был третьего дня у М <ихаила> Л <ьвовича>, но он оказался в отпуску до 20 сентября. Попал я к Е <катерине> П <авловне>³⁷. Приняла вне очереди. Спрашивала, пишешь ли ты сейчас у нас или сотрудничаешь в «белой» прессе. Обещала поговорить с Крючковым³⁸, бывшим секретарем Горького (о чем и зачем?

не понимаю). Просила зайти через неделю. Настроена, по-видимому, не особенно доброжелательно, и я на нее надежд не возлагаю. Не надо ждать ли с обращением сюда до приезда М <ихаила> Л <ьвовича> и Н <иколая> В <ладимировича>³⁹, который сейчас с Лилей в Крыму и вернется тоже в конце сентября. Был в помещении бывшего «Всероскомдрамы». На улице доска: СССР. Союз советских писателей. Управление по охране авторских прав. Одна из сотрудниц подтвердила мне это переименование адреса, прибавив «Большой» Гнездиновский пер., д. № 10.

Мне пришло в голову, что если у тебя сохранились письма к тебе Горького, то недурно было бы их здесь напечатать в одном из журналов. Этим А <лексей> М <аксимович> оказал бы тебе посмертную услугу. Затем, знаком ли тебе Ромен Роллан? Если нет, то советую горячо с ним познакомиться, съездив к нему в Швейцарию, и преподнести ему свои книги. Ведь жена у него русская и с удовольствием прочтет твои вещи⁴⁰. Помимо интереса, какой представляет сама личность Романа Роллана (а я убежден, что вы с ним близко сойдетесь), знакомство это будет для тебя ценно еще и потому, что он пользуется у нас здесь громадным нравственным авторитетом, и друг Романа Роллана будет и нашим желанным другом.

Мнение одного из наших знакомых (большой умницы) о нашей полемике: «Оба неправы». Мне жестоко влетело за мои розовые очки и излишек доверия, тебе — за абстрактность твоей философии. «Жизнь, к сожалению, не столько воплощение добра, сколько выбор наименьшего из зол»...

Второе романтическое письмо получил. Вы шлете нам, очевидно, старое, уже бывшее в печати. А что, если бы тебе попытаться написать что-нибудь свеженькое для нашей печати. Очень было бы интересно, как отнеслись бы к твоему сотрудничеству наши журналы.

Кстати сказать мой список наших молодых авторов далеко не полон. Включи туда: Караваеву (ее «Двор» небольшая, но прелестная вещь), талантливую Замойскую (после «Лаптей» «Соседи»), Островского, Микитенко (Утро), Черненко (Моряна), Чумандрина. Недавно прочел его «Год рождения 1905». Не бездарная вещь. Александра Яковлева (Без берегов)⁴¹, «безграмотного» Лавренева. Только что кончил его «Большую землю» на тему челюскинской эпопеи. Превращение американца изображено не дурно, а вообще Лавренев никогда по крайней мере не скучен. В последние дни в литературе затишье. Будем верить, — что это перед бурей.

Последнее твое письмо меня очень огорчило. Не люблю разводящих панику. Не кайся в том, что мне поверил, и квалифицируй нашу полемику, как «трепанье языком». Искренно надеялся, что удастся поколебать твою ортодоксальность, но философия, правда, пока по боку, потому что ни до чего не договорившись, стали повторяться.

Жду ответа на безобидные литературные темы и прежде всего на загадочный приговор над работой Макаренко. А с письмом по поводу денег давай подождем наших юрисконсультов.

Приходится в заключение пожелать вам с Танечкой, как Лялька, уходя к себе в кроватку: «Покойной ночи, приятного сна!» Целую и прошу прощения, что столько «натрепал» и надо думать зря.

А.Буткевич.

9.

А.С.Буткевич — М.А.Осоргину

[Не ранее 26 февраля 1937]

Дорогой Мишук! Нина ничего не написала тебе о книгах, потому что я ничего ей о них не сказал. Дело в том, что М<ихаил> Л<ьвович> посылки не получал и получить не надеется. А по поводу твоего дела говорил опять, что задержка выдач незаконна и что суд должен высказаться в твою пользу. «Еще вернее, — сказал он, — было бы, конечно, получить самому, если бы М<ихаил> А<лександрович> знал бы сам, хочет он действительно вернуться или нет». Предложил мне подождать приезда Ек<атерины> П<авловны>, «посоветоваться сообща», но, как и надо было ожидать, никакого доброго совета от нее не добились. Я высказал ей надежду, что, быть может, она могла бы оказать влияние на правление союза через свои литературные связи, но она решительно заявила, что «никого не знает...». Тогда я попытался сам предпринять что-нибудь в этом направлении, используя пленум правления. Но А<лексея> Толстого не оказалось в Москве: по болезни из Ленинграда не приехал. Пошел к твоему литературному крестнику Л<еонову>⁴². Он москвич. Он высказал предположение, не наложен ли запрет на выдачу не без давления со стороны. От обращения к председателю Ставскому или заведующему драм.отделом Киришону он толку не ждет⁴³. «Их пугает уже одно слово “эмигрант”». Я протестовал против такой квалификации. Ты же полноправный советский гражданин. Советовал Л<еонов> возбудить вопрос о возвращении на родину через консула или даже через полпреда Потемкина. Когда в беседе я охарактеризовал тебя как ярого антифашиста и упомянул о твоей ценности как писателя, «все это хорошо, — отозвался Л<еонов>, — но нужно осознать момент. Сейчас идет драка; драка в мировом масштабе, от исхода которой зависят судьбы миллионов. Кто же в пылу этой драки будет считаться с участью какого-нибудь цветочного горшочка, хотя бы даже с таким прекрасным цветком, как гуманизм. Стоять сейчас в стороне благородным свидетелем, значит вычеркивать себя из жизни».

В «Известиях» от 26-го февраля промелькнуло краткое сообщение, что московской городской коллегией защитников организована Консультация по авторскому праву. Не мешало бы проверить утверждение М < ихаила > Л < ьвовича > о незаконности действий правления, проверить через эту коллективную инстанцию, но для этого нужно, мне кажется, получить изложение всего дела от тебя.

Переписка наша оборвалась не по моей вине. В последнем своем письме я предлагал ограничить ее литературными темами и между прочим просил тебя объяснить, почему назвал ты колонию Макаренко «фабрикой нравственных уродов». Ты на этот вопрос не ответил.

Затем меня очень интересует: читал ли ты фельетон Лежнева⁴⁴ в «Правде» от 15-го декабря 36-го года «Вакханалия переизданий»? Если ты пропустил его, разыщи в библиотеке и прочти: яркая картина постановки у нас издательского дела. Были напечатаны потом 3 отклика на этот фельетон, но все они не затрагивают вопроса по существу. Пытался откликнуться и я, но моего отклика не напечатали. Могу, если тебя это заинтересует, прислать его тебе.

Продолжаю свою лекционную работу. Беру книги из библиотеки, слежу за литературой. В последнее время стало появляться много переводных романов, но в большинстве — хлам, которого не стоило ни переводить, ни издавать. При библиотеке организовался литературный кружок. В связи с Пушкинскими днями были доклады о творчестве и жизни поэта <...>.

Жду письма.

Твой А.Буткевич.

10.

М.А.Осоргин — А.С.Буткевичу

27.3.37.

1, Place de Beau Site
Ste Genevieve-des-Bois (S.et O.)
France

Дорогой Андрей Степанович, я очень благодарен тебе за хлопоты, но не думаю, чтобы стоило их продолжать: ничего не выйдет. Я мог бы, думается, без особого труда устроить свой приезд в Москву, потому что меня здешнее консульство спрашивало, почему я об этом не хлопочу. Я ответил, что пора бы меня об этом попросить, а не от меня ждать прошения. Но все равно я не могу приехать: что мне делать после более чем сорока лет литературной работы? И кому я

нужен, если даже в литер<атурно>-биограф<ическом> словаре мое имя пропускают. Увы — я иностранный писатель, шведский, голландский, какой угодно, и привык быть самим собой, а не тем, что захотели бы из меня сделать. И не стоит говорить обо мне с мальчишками, вроде Леонова, воспитанными в иных условиях и ничего не понимающими. Когда Л<еонову> было года два, я издал книгу его отца с моим предисловием и моими исправлениями; а сейчас я, в свои 58 лет, моложе Л<еонова> и сердцем, и духом, и на всякую борьбу способнее.

Вероятно, на днях я пошлю Союзу Писат<елей> письмо решительного содержания, на которое мне, наконец, ответят; я не знал, что там сидят невежи, с которыми нужно говорить их языком. А судиться отсюда я, конечно, не могу. Вообще же должен признаться, что мне все это надоело и глубоко противно; за долгие годы отвык от некультурности и чиновничества, а бюрократизма писательского вообще никогда не знал. А ведь Союз когда-то учреждал я, даже его первый устав писал вместе с покойным Гершензоном, был членом правления с основания до дня отъезда, и был тов<арищем> председателя Союза. Был также председателем Всер<оссийского> Союза журналистов, который также учреждал в Москве.

О чем бы тебе рассказать — не знаю. Как ты, конечно, знаешь, Европа успокаивается, но из-за Испании война остается возможной; итальянцев в Испании побили, и Муссолини грозитя продолжать посылку «добровольцев». Франция готовится к выставке, которая не готова, но в мае откроется. Пока она представляет из себя целый город незаконченных воздушных строений. Мы собираемся уехать от городского шума в деревню, что и сделаем 15 апреля (адрес пишу в заголовке). Там уже все цветет: примулы, крокусы, нарциссы, гиацинты, анемоны, спиреи, скоро распустится сирень, есть уже бутоны на розах. Зима была исключительно теплая, а сейчас нормально холодновато. Вчера мы были в деревне, работаем в саду, — лучшее в мире занятие! Цветут персики и сливы.

Иногда вспоминаю Париж, в каком мы с тобой жили почти тридцать лет тому назад на улице Клод Бернар. Мы и сейчас живем неподалеку. Чудовищно разрослись окраины за счет дешевых и рабочих домов, линии метро протянулись на много километров в бывшие дачные местности, автобусы соединяют города и стали удобнее и дешевле железных дорог, на днях в Париже уничтожен последний трамвай, — но старый, центральный Париж, самый лучший и самый красивый, все тот же, только начинают исчезать милые и нелепые улочки, которые застраиваются высокими домами. Это, конечно, жалко, но привыкаешь и забываешь. Все та же Сена, и Лувр, и Нотер-Дам, и серо-желтые дома на набережных, — а вот люди не совсем те; уже редко встретишь живописную фигуру художника и

студента на Буль-Мише и в чудесном Люксембургском саду; оригинальность и простота не в моде, все рядятся одинаково. Еще можно видеть в Париже лошадь, правда не часто, — и я вспоминал, как по набережной в наше с тобой время ходили паровые «конки» с имперьялом. Время от времени случаются «события», маленькие и большие столкновения полуфашистов с полуккоммунистами (в чистом виде таковых не много), но в таком большом городе это незаметно. Газет, как всегда, множество, больше уличная печать. Из коммунистических, которых не мало, в большом ходу только «Юманите», давно тебе знакомая. Так называемых «правых» не много (значительнее прежняя «Аксион Франсэз»), а буржуазно-желтых, конечно, большинство; средний тип — радикально-социалистический. Экономически Франции живется не легко, особенно в связи с девальвацией, введением 40-часовой рабочей недели, коллективных договоров и проч. Заработки увеличились, но дороговизна может их догнать. Безработных меньше прежнего, но все же есть, особенно иностранцы, которых в работе стесняют процентом. Блюм очень популярен и держится крепко, отчасти благодаря поддержке рабочих групп, вплоть до коммунистов, — но если приглядеться, то Франция изменилась мало и социализируется с постепенностью.

Недавно я читал книжечку Ирины Эрбург (дочь Эренбурга), изданную «Молодой Гвардией»⁴⁵. Хорошая книжка! Читал ли ты? И для здешней молодежи характерная. Только зря в предисловии (чьем-то) написано, что во Франции «детям рабочих трудно поступать в учебные заведения». Как же не знать, что во Франции низшая и средняя школы совершенно бесплатны, а обучение обязательно! Кто это у вас пишет такой вздор! Плохого во Франции много, но в этом она не повинна! Бесплатные школы, дома отдыха, больницы, библиотеки, клубы рабочих, льготные тарифы, все это здесь вне упрека! Как ни печальны финансы, а все же нищих и беспризорных почти нет. Нищенствует наш брат — интеллигент, это правда. Безработные обеспечены, особенно многосемейные, хотя бы квартирой (за нее платится) и минимумом питания. А вот писателям, артистам, художникам — плохо! Издательства трещат, типографии едва доступны. В общем жизнь во Франции относительно очень дорога (в сравнении, например, с Италией или странами северными).

О французской литературе, современной, не стоит говорить: Ромен Роллан, Андре Жид — и все. В чести Моруа, писатель весьма средний. Из новых довольно противный мне Селин⁴⁶. В общем пустыня почти такая же, как за последние годы в СССР. Интересны сейчас писатели стран северных, датчане и шведы. В Англии замечателен Гексли⁴⁷. Впрочем, ты сам можешь судить по переводам, как мало сейчас выдающегося в Европе. Советских писателей раньше много переводили, сейчас перестали, да и некого. И с искусством

плохо. Музыка в славе только русская, которую Европа наконец узнала и высоко оценила.

Отчествовали Пушкина. В Париже и сейчас еще не закрылась отличная выставка неизданных рукописей Пушкина, портретов, книг о нем и принадлежавших ему вещей; была хорошая выставка в Варшаве. Вообще работало за границей 85 пушкинских комитетов в 37 странах; участвовало много иностранцев. Вчера я получил из Рима роскошное итальянское издание (в стихах) «Евгения Онегина». И французы переводят. Здесь превосходно изданы письма Пушкина к жене (подлинники их в Париже). Выставку открыл внук Пушкина, живущий в Бельгии. Знаю, конечно, большинство советских изданий Пушкина и о нем; все это также было на выставке.

Я не писал тебе в свое время о книге Макаренко подробно, потому что это было бы трудно. Мой язык ведь не на привязи и к ней не привик — наболтал бы лишнего.

Сегодня получил письмо Евг<ени> Вас<ильевны>, которую обнимаю⁴⁸. Твое письмо было в свое время получено. Все-таки беспокоит меня, как Ниночка обходится без вспомогательных доходов. Сам же грущу, что больше нельзя получать из Москвы книг, — но это дело второстепенное.

Но когда же придет время, когда вы будете ездить за границу? Или — вечная китайская стена? Много на свете нелепости! Вон французы катают всюду безо всяких виз, как до войны (кроме, конечно, стран диктатуры). А впрочем у вас и дома много интересного.

Прости меня за нескладную болтовню. Вечная усталость от работы и вообще от зимы мешает строить мысли. Помнишь, как когда-то в тюрьмах говорили с родными через решетку; так вот — вроде этого. И много хочется говорить — и нечего сказать.

Обнимаю вас всех!

Твой М.Осоргин.

Примечания

¹ Рассказ «Пенсне» впервые опубликован в берлинской газете «Дни» (1924. 25 декабря), затем включен в книгу: Осоргин Мих. Чудо на озере. Париж, 1931. Советское издание см.: Осоргин М.А. Сивцев Вражек. М., 1990. С.531-534.

² С М.Л.Леоновым М.А.Осоргин познакомился в начале 1900-х, когда они оба участвовали в издании народных листовок под маркой издательства «Жизнь и правда». М.А.Осоргин был автором предисловия к книге: Леонов М.Л. Стихотворения и рассказы. М., 1905.

³ Знакомство М.А.Осоргина с И.Г.Эренбургом относится ко времени, когда Эренбург писал для редактируемой М.А.Осоргиным газеты «Понедельник» (литературное приложение к кооперативной газете «Власть народа»).

⁴ Историю выезда Е.Замятина во Францию см.: Чудакова М.О. Еретик

или матрос на мачте //Замятин Е.И. Сочинения. М., 1988; Малмстад Д., Флейшман Л. Из биографии Замятина (по новым материалам) //Stanford Slavic Studies. Vol.1. Stanford, 1987.

⁵ Трилогия Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса» в русском переводе была опубликована в 2-х томах в 1935-1939. В 1928 норвежская писательница удостоена за это произведение Нобелевской премии.

⁶ Имеется в виду широко распространенная в 30-е годы практика создания коллективов-«бригад» писателей для подготовки «социально-значимых» произведений.

⁷ В июне 1935 в Париже находилась делегация советских писателей (среди них — Н.Тихонов, А.Фадеев, Вс.Вишневский и др.) участвовавшая в работе Международного антифашистского конгресса в защиту культуры.

⁸ В августе 1921 М.А.Осоргин был выслан в Царевококшайск, но с разрешением остаться в Казани, где он прожил до весны 1922.

⁹ Значительная часть этих средств пошла на помощь русским эмигрантам.

¹⁰ Имеется в виду роман «Успех».

¹¹ Речь идет о *Н.В.Бармаше*, с которым М.А.Осоргин был знаком со времен жизни в русской колонии в Сори (Италия).

¹² Такой статьи в «Известиях» не обнаружено. О «Сивцевом Вражке» М.А.Осоргина Горький упоминал в статье «О белоэмигрантской литературе. Послесловие к книге Д.Горбова» (Правда. 1928. 11 мая).

¹³ Речь идет о Нине (Елене) Борисовне, дочери Н.А.Буткевич (Махновой).

¹⁴ Начиная с письма 5-го, в архивных делах письма расположены не в хронологическом порядке. В данной публикации мы сочли возможным этот порядок восстановить.

¹⁵ Леон Блюм в 1936-1938 возглавлял правительство Народного фронта во Франции; лидер и теоретик Французской социалистической партии, автор доктрины «гуманистического социализма».

¹⁶ Рассказ Б.А.Лавренева (1928).

¹⁷ *Брандт* Лев Владимирович — детский писатель-анималист.

¹⁸ Речь идет о книге зоопсихолога Надежды Николаевны *Ладыгиной-Котс* «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях», вышедшей в количестве 775 экземпляров в Москве в 1935. Осоргин откликнулся на нее рецензией в газете «Последние новости» (1936. 16 июля).

¹⁹ Третьего не дано (*лат.*).

²⁰ Имеется в виду дискуссия, вызванная появлением в «Правде» (28 февраля и 6 января 1936) статей, направленных против литературы «чистой формы», ориентирующейся на «избранных».

²¹ «Дальтон-план» — форма организации учебного процесса в школах (разработанная в США и популярная в СССР в 20-е годы); реализовывала идею индивидуализированного обучения (отмена урочной системы, классов

и т.п.); осуждена как «буржуазная» постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

22 4 июля 1936 было принято постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», официально закрепившее разгром педологии — направления экспериментальной педагогики и психологии, разрабатывавшегося Л.С.Выготским, П.П.Блонским и др., и признававшего обусловленность развития ребенка социальными и биологическими факторами, в частности наследственностью.

23 Речь идет о внуке А.С.Буткевича — Олеге Викторовиче, ныне архитекторе.

24 Первое издание «Книги для родителей» А.С.Макаренко вышло в 1949.

25 М.А.Осоргин имеет здесь в виду свои аресты в 1905, 1919, 1921 годах.

26 См: Осоргин М.А. Добрый судья Рафаэле Майетти //Вестник воспитания. 1912. № 5.

27 Книги Рамона Хосе Сендера, посвященные революционному движению в Испании, неоднократно издавались в СССР в 1933-1934.

28 См., например: О писательском ремесле //Последние новости (Париж). 1936. 3 августа; Ошибки начинающих //Там же. 1936. 8 мая; 8 июня.

29 По-видимому, Осоргин пишет о В.Н.Келлоге (р.1898), авторе работ по компаративистской психофизиологии.

30 Верю, потому что нелепо (лат.).

31 Станислав Теофилович Шацкий (1878-1934) — педагог, организатор первых клубов для детей рабочих (1905), детской трудовой колонии (1911), а при советской власти — первой опытной станции по народному образованию. Член коммунистической партии.

32 С 1926 под руководством академика физиолога Ивана Петровича Павлова (1849-1936) в с.Колтуши работала биологическая станция по изучению условных рефлексов. В 20-30-е годы Павлов неоднократно публично выступал с критикой советской власти.

33 Предмет особой ненависти (фр.).

34 Советские писатели, авторы произведений, в которых индивидуализму противопоставляется коллективный труд «нравственно здоровых людей».

35 Речь идет о Владимире Степановиче Буткевиче (1872-1942), биохимике и физиологе растений, члене-корреспонденте Академии наук с 1929.

36 Цицин Николай Васильевич (1898-1980), ботаник и селекционер, академик.

37 Речь идет о Михайле Львовиче Винавере (1880-1942), работнике Политического Красного Креста, погибшем в заключении, помощнике Екатерины Павловны Пешковой (урожд. Волжиной, 1876-1965) по работе в ПКК.

38 Петр Петрович Крючков (1889-1938) — секретарь А.М.Горького и одновременно сотрудник ГПУ.

39 Речь идет о М.Л.Винавере и Н.В.Бармаше.

40 Жена Р.Роллана — Мария Павловна Кудашова (1895-1985).

41 Перечисленные работы советских писателей были посвящены теме

обреченности собственнической психологии и жизни рабочего класса и крестьянства.

⁴² Речь идет о писателе Леониде Максимовиче *Леонове* (р.1899).

⁴³ *Ставский* (Кирпичников) Владимир Петрович (1900-1943) — советский общественный деятель; *Киришон* Владимир Михайлович (1902-1938) — советский драматург.

⁴⁴ *Лежнев* (Альтшуллер) Исая Григорьевич (1891-1955) — редактор-издатель сменовеховского журнала «Россия» (1922-1925), в 1930-е — сотрудник «Правды».

⁴⁵ Эрбург И. Лотарингская школа: Заметки французской школьницы. М. 1935. См. рецензию Осоргина на эту книгу: Последние новости. 1937. 4 февраля.

⁴⁶ *Селин* (наст.фам. — Детуш) Луи Фердинанд (1894 -1961) — французский писатель.

⁴⁷ Имеется в виду Олдос Хаксли.

⁴⁸ По воспоминаниям Н.А.Сидоровой, внучки А.С.Буткевича, решение о прекращении переписки с М.А.Осоргиным было принято на семейном совете Буткевичей и высказано в письме Е.В.Буткевич к М.А.Осоргину.

III

С.В.Яров

КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ В ВОСПРИЯТИИ ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ

(по неопубликованным документам)

Политические оценки Кронштадтского восстания 1921 в рабочей среде не являлись ранее предметом специального изучения. Однако рассмотрение этой, казалось бы, частной проблемы позволяет не только получить дополнительную информацию о политической психологии масс в период затяжных кризисных ситуаций, но и уточнить наши представления об одном из переломных этапов в истории советского общества — переходе к нэпу.

В историографии Кронштадтского восстания прослеживается два основных подхода, которые почти не имеют точек соприкосновения. С одной стороны, всеобщее осуждение рабочими мятежа рассматривается как аксиома; с другой — преувеличивается реальная значимость и масштабы прокронштадтских настроений масс. Последняя точка зрения сегодня становится доминирующей, и, по-видимому, базируется на распространяющейся убежденности во всеобщей и постоянно существовавшей оппозиции режиму большевиков. Источники дают возможность уточнить оценки.

В основу настоящей работы положены документы, хранящиеся в Ленинградском партийном архиве. Главное место среди них занимают политсводки о настроениях масс и положении на предприятиях и в районах. Впрочем, хотя термин «политические сводки» и встречается чаще других, какого-либо общепринятого заглавия подобные документы не имели: нередко встречаются и названия-синонимы — «сведения», «отчеты», «доклады».

Составление сводок о настроении масс для начала 20-х гг. не было новшеством. Сбором подобного рода сведений занимались уже в 1917. В качестве примера можно привести анкеты об отношении масс к перевороту, разосланные Петроградским комитетом РСДРП(б) по районам уже 28 октября 1917. В дальнейшем эта практика расширилась и стала обычным явлением для всех уровней партийной структуры, и не только партийной. Во время относительного «затишья» и политической стабильности такие отчеты, несмотря на жесткие предписания, представлялись нерегулярно, были однообразны и зачастую декларативны. В кризисных условиях все менялось: информация такого рода учитывалась при разработке военно-политических мер воздействия на ситуацию.

Кронштадтским событиям предшествовали волнения среди рабочих Петрограда. Их начало — вторая неделя февраля, и возникли они, в первую очередь, на экономической основе, в связи с неоднократным, начиная с января, уменьшением хлебных норм, трудностями с отовариванием пайка, стремлением рабочих уравнивать пайки (снять многочисленные категории), отсутствием промышленных товаров первой необходимости. Выдвигались требования отмены заградотрядов, лишения рабочих возможности поисков продуктов за пределами города; мобилизованные в трудовую армию рабочие настаивали на своем возвращении в родные места, мотивируя это ухудшающимися условиями петроградской жизни. Начались забастовки («волынки»), разного рода демонстрации. Волнения достигли пика 24 февраля, когда на улицы вышло несколько тысяч рабочих — толпа была рассеяна курсантами.

25 февраля в городе объявили военное положение, был организован Комитет обороны Петрограда, активизировался Агитпроп. Некоторая часть «смутьянов» была арестована, отдельные предприятия закрыты «на перерегистрацию» (локаут), было предложено раскассировать «сомнительных» по другим заводам и фабрикам. Наряду с этими действиями, в те же и в ближайшие дни на уровне общероссийских и губернских органов был принят ряд мер по обеспечению рабочих продовольствием и товарами первой необходимости (что оказалось осуществимо: в городе насчитывалось всего около 90 тысяч рабочих); тем, кто с 1 марта выйдет на «нормальную работу», пообещали выплатить по тарифу за все дни «ненормального хода работы»; постановили снять заградительные отряды по Петроградской губернии; решили вопрос о демобилизации привлеченных по трудовой повинности (выплата им двухнедельного жалования, бесплатный проезд домой). К началу марта напряжение в городе удалось снять.

Предысторию Кронштадтского мятежа обычно начинают именно с этих петроградских событий. И действительно, между ними существует прямая связь. Рабочие забастовки стали следствием ряда причин, но только экономических, но и политических, о чем с очевидностью свидетельствуют резолюции, принятые во второй половине февраля на многих предприятиях. В них требовали пере выборов Советов, свободы слова, легализации политических партий, отмены мобилизации труда, свободы торговли. Вообще недовольство экономическим курсом правительства с середины февраля начинало принимать отчетливую политическую окраску.

Петроградская волна докатилась до Кронштадта 28 февраля. В этот день на линкоре «Петропавловск» матросами была принята резолюция, некоторые пункты которой почти дословно повторяли политические требования петроградцев. На следующий день, 1 мар-

та, на общебригадном собрании резолюция предыдущего дня была расширена. В итоге в нее вошел корпус положений социалистического толка, увенчанный известным лозунгом «Власть Советам, а не партиям!». В повестку дня были поставлены немедленные пере выборы Советов. Внимание крестьян должен был привлечь пункт об их праве на равные с рабочими политические права; внимание рабочих — тезис о «пересоздании казенных профсоюзов в вольные объединения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции». Попытки власти блокировать принятие резолюции и нейтрализовать конфликт успеха не имели. 3 марта последовало официальное извещение о восстании в Кронштадте, 5 марта в ультимативной форме восставшим было предложено сдаться. Практические действия кронштадтцев на первом этапе развития мятежа ограничились резолюцией, арестом какой-то части активных коммунистов флота, созданием новых общественных комитетов, попыткой привлечь внимание к событиям. На втором этапе добавилось организованное сопротивление войскам, дважды штурмовавшим крепость.

Ежедневные доклады о настроениях среди рабочих стали поступать в Губком РКП(б) и Губпрофсовет еще в первые дни февральских забастовок. По мере обострения обстановки власти активизировали сбор информации, сведения собирались уже не только на предприятиях, но и на улицах, вокзалах, в очередях, чайных. Включенный в 20-х числах февраля механизм интенсивного отбора сведений работал исправно и сразу же стал фиксировать реакцию рабочих на мятеж, хотя отмеченные в те дни «случаи подачи неточных и непроверенных райкомами фактов о работе на заводах во внутренних сводках»¹ были не только обычны, но и неизбежны.

Первичной формой сводок были отчеты коммунистических ячеек или «ревтроек» на фабриках и заводах. Их источником служили не только личные впечатления организаторов (секретарей) ячеек, но и сообщения, поступающие от рабочих-коммунистов. Эти сведения вкрупне с материалами уличных наблюдателей служили основой для общей сводки по району, составлявшейся районными «ревтрояками» либо райкомами РКП(б), либо какими-то их подразделениями. Данные, поступающие из районов, в свою очередь систематизировались в общегородской сводке Штаба внутренней обороны Петрограда. Должны были бы существовать еще сводки для ЦК и РВС — возможно, они были тождественны справке Штаба внутренней обороны, составлявшейся обычно дважды в день. Какой-либо единой инструкции о сборе информации нами не найдено, а может быть, ее и не было — во всяком случае, документы сильно отличаются и по объему, и по форме, и по тематике.

В архиве сохранились все отмеченные виды внутригородских сводок, что позволяет во многих случаях уточнять информацию,

нередко утрачивавшую при поступлении «наверх» свою конкретность. Нами изучены сводки коллективов РКП(б), «ревтроек» предприятий и районных «ревтроек» Василеостровского, Смольнинского и 1-го Городского районов, сообщения Информационного отдела Петроградского РК РКП(б), политсводки Штаба внутренней обороны города с 3 по 19 марта 1921 года, т.е. с момента объявления о начале мятежа и до его ликвидации. Общее число справок — 87, из них 35 составлены низовыми структурами, 43 — районными и 9 — городскими. Кроме того, нами привлекаются и иные материалы, в частности, протоколы совещаний организаторов (секретарей) комячеек фабрик и заводов, содержащие иногда детальные сведения с мест. Комплекс этих документов, полагаем, дает достаточно ясное представление о настроениях петроградских рабочих в «кронштадтские дни», их политической психологии. Сводки трудно назвать аналитическими обзорами событий, это скорее инвентаризация различных слухов, обрывков услышанных разговоров и, наконец, редко мотивированных «общих впечатлений».

Конечно, можно было бы сопоставить имеющийся комплекс с аналогичными документами по линии ВЧК и докладами независимых представителей ЦК в Петрограде в эти дни; хотелось бы найти доказательства, что сводки не были заранее как-то сориентированы Губкомом и Г.Е.Зиновьевым, «проморгавшими» Кронштадт, да и февральские волнения рабочих, — но все же представляется, что анализируемый нами материал в целом — достаточно репрезентативен, хотя, конечно, заведомо не полон. На полноту и достоверность сведений, конечно, влияла не только методика их сбора и отбора, но и психологический климат в городе. Еще 26 февраля в опубликованном обращении Комитета обороны «Остерегайтесь шпионов! Смерть шпионам!» содержалась угроза ареста «тех, кто распространяет злостные слухи, сеющие панику и смуту». Многие мартовские отчеты наблюдателей на улицах и вокзалах фиксируют: «разговоры тихие, при приближении замолкают», «на улицах, как и вчера, боязливость и отсутствие политразговоров», «при приближении молчат. Интеллигенция молчит», «на улицах кучки исчезают, политические разговоры замолкают», «обыватель боится», «боятся, кронштадтских разговоров нет»². Столь же отчетливо проявлялась данная тенденция и на заводах³. В этих условиях, понятно, сбор точных сведений был затруднен. Поэтому сейчас сложно даже приблизительно определить количественное соотношение групп рабочих, заявивших о той или иной позиции по поводу Кронштадта. Можно лишь говорить о большей или меньшей распространенности порой полярных политических оценок.

Уже первые массовые отклики на кронштадтские события были весьма противоречивы. Одни рабочие отнеслись к мятежу враждебно,

другие поддержали его, реакция какой-то части рабочих осталась неясной, невыясненной. И все же на основании сводок, зарегистрировавших весь спектр общественных настроений, создается впечатление, что в большинстве своем рабочие отнеслись к мятежу «пассивно», если воспользоваться терминологией информаторов тех дней. Так, документы откровенно указывают на безразличное отношение к мятежу значительной части рабочих таких предприятий, как Финляндская верфь, 1-й кожевенный завод (б.Осипова), 2-й кожевенный завод (б.Брусницына), 1-я государственная словолитня, 2-я табачная и Центрально-фасовочная фабрика, и многих других⁴. Такое настроение, видимо, в еще большей степени господствовало на менее крупных предприятиях. «Работницы не интересуются политикой и к событиям относятся пассивно, говорят тогда, когда слышат выстрелы» — сообщалось, например, в сводке коллектива РКП(б) Пращечной фабрики № 2 от 11 марта⁵.

Характерно, что на предприятиях практически не было отмечено ни одного конфликта, выступления, так или иначе связанного с Кронштадтом. Так, согласно политсводке «ревтрояки» Смольнинского района от 14 марта, все трения на заводах возникали только из-за выдачи неравномерных пайков⁶. В сводке «ревтрояки» 1-го Городского района от 16 марта указывалось, что «нарушают нормальный ход работы споры о распределении обуви и одежды, которое происходит по всем предприятиям. Это больше всего интересует рабочих, чем все кронштадтские события»⁷. В том же районе лица, дежурившие на улицах, передавали в первой декаде марта: «Очереди политикой не занимаются, речь о хлебе, что дают, где и пр.», «на улицах больше говорят о пропусках, проезде, обмене», «преобладают разговоры спекулятивно-хозяйственные», «говорят, власть все равно, уж скорей бы хлеба прибавили»⁸.

Конечно, «пассивность», «молчание» рабочих, отмеченные в сводках, не могут быть однозначно истолкованы. Они часто означали лишь отсутствие прямых, открытых выступлений по поводу мятежа, нежелание публично давать ему оценки. Так, на 5-й парусиновой фабрике, согласно сообщениям информотдела Петроградского РК РКП(б) от 4 марта, «когда рабочим был задан вопрос, как они на это смотрят, то они ответили, что им все равно», «мы это слышали, отстаньте, не мешайте работать»⁹. Однако, если принять во внимание весь корпус сохранившихся материалов (в том числе и воспоминаний), то следует признать, что слово «пассивность» нужно понимать буквально. Эта пассивность, разумеется, существовала не только в отношении Кронштадта, она отражала общую политическую индифферентность значительной части рабочих, существовавшую и до революции и сохранившуюся после нее.

Следует, однако, уточнить, что Кронштадт все же всколыхнул

немалое число рабочих и они высказали определенное отношение к нему. Первая реакция масс была преимущественно негативной. Отметим, однако, что информация о восстании дошла до рабочих в специфическом агитационном «оформлении». (Почти все кронштадтские попытки — а их было чуть ли не около 200 — доставить в Петроград те или иные сведения о событиях, обращения, резолюции, — разбивались о тщательное патрулирование береговой линии материка; немедленно арестовывались не только связные, но и очевидные перебежчики). Утверждалось, например, что мятеж возглавляет царский генерал Козловский, что матросы исполняют роль безмолвных статистов, «будучи обманутыми», что вообще речь в данном случае идет о монархической реставрации. Скажем прямо, это хотя и мало соответствовало истине, но на рабочих оказало заметное влияние. Кстати, тезис о реставрации стал одной из ключевых тем коммунистической агитации в городе еще до Кронштадта, во время февральских забастовок. Тогда «волынки» тоже считались прологом к установлению монархии. Понятно, что коль скоро во время восстания среди его участников мелькнул человек с «царским» прошлым, это было подхвачено прессой как доказательство прозорливости предупреждавших. Правда, забастовки к 1-2 марта в основном прекратились, но там, где сохранилась возможность их повторения, сводки зафиксировали резкое изменение настроений. Показательна в этом отношении позиция рабочих Трубочного завода, известных своими оппозиционными взглядами и сыгравших немалую роль в детонации февральских стачек. Согласно сводке Василеостровской «ревтройки» от 3 марта, на заводе «по единогласному заявлению разведчиков в настроении рабочих произошел крутой перелом вообще и в особенности после того, как стало известно, что в Кронштадте к власти приблизились старые генералы»¹⁰. На следующий день «ревтройка» сообщала, что «события в Кронштадте повлияли на некоторую часть рабочих, они раскаиваются в происшедшем»¹¹. Подобные случаи не единичны. На нефтяных складах «Нобель», согласно сводке от 10 марта, относились к мятежу «как к авантюре заблудившихся товарищей, которые благодаря доверчивости допустили генералов»¹², а в политсводке Штаба внутренней обороны по Володарскому району от 9 марта зарегистрированы разговоры на заводах о том, «что в Кронштадте встали не рабочие, а капиталисты»¹³. На собрании организаторов и инструкторов коллективов РКП(б) Смольнинского района от 11 марта, упомянув, что «на Невской бумагопрядильной ф-ке настроение хорошее», подчеркнули: «в особенности на рабочих повлияло выступление генерала Козловского»¹⁴.

Трудно сказать, насколько бы изменилось отношение рабочих к Кронштадту, не появись здесь генерал Козловский. Есть лишь одно свидетельство на сей счет — это сводка информотдела Петроградско-

го РК РКП(б) о положении на Артскладе. «Как не было генерала, еще ничего было, но как только генерал выходит на сцену, то рабочие не могут быть за них» — такими словами были встречены тут вести о восстании¹⁵.

Столь ощутимо сказавшийся «фактор Козловского» может объясняться не только скудостью информации у рабочих или последствиями их интенсивной идеологической обработки, но и особенностями политической психологии масс в то время. Насколько можно судить по имеющимся источникам, рабочие достаточно настороженно относились к политическим партиям вообще, а возможность обновления политических институтов допускали преимущественно в социалистических формах (хотя речь могла идти и о различных оттенках социализма). Ни либерализм, ни монархизм внутренне не принимались основной частью рабочих, альтернативные же большевизму идеи, высказанные социалистами, им было усвоить легче. И потому уже одно упоминание о Козловском (даже вне связи с последовавшей затем пропагандистской кампанией), компрометирующее социалистическую программу восставших, могло оттолкнуть многих рабочих.

Были, конечно, и другие причины неприязни рабочих к Кронштадту. Массы устали от войны, от различных вариантов осадного положения и связанных с этим бесчинств, от неизбежных «чисток», сопутствовавших почти всем кризисным ситуациям. Кронштадтом, как казалось рабочим, мог начаться новый цикл бойни. В сообщенных в 1-й Городской райком РКП(б) сведениях «Об отношении к Кронштадтским событиям рабочим 3-й государственной электростанции» подчеркивалось, что «часть рабочих проявляла заметное беспокойство в судьбе Петрограда, вызывалось это тем, что в связи с Кронштадтским мятежом может выступить Финляндия на стороне мятежников, а это создаст новую войну»¹⁶. «Все жалуются на голод, но вместе с тем боятся и происходящих событий» — указывалось в политсводке Василеостровской «ревтроеки» о заводе б.Осипова 4 марта¹⁷. «Боязнь, что бой приблизится», «с тревогой подготавливаются к предстоящему обстрелу» — такие впечатления о настроении масс получили наблюдатели на улицах 10 марта¹⁸.

Впрочем, враждебность к Кронштадту могла иметь и иные, иногда труднообъяснимые причины. Видимо, в какой-то мере она существовала и на уровне «бытовом», причем не обошлось здесь и без влияния пресловутого «клеша». «Отношение к клешникам враждебное» — отмечалось в сводке по 11-й и 15-й хлебопекарням. Вместе с тем имеются косвенные свидетельства, заставляющие предположить, что это раздражение «клешничеством» являлось не только чисто обывательским, но имело, видимо, и определенную политическую подоплеку. Возможно, для отдельных рабочих оно становилось

символом анархии и ассоциировалось с эксцессами 1917-20-х, когда матросы как бы персонифицировали в себе новый государственный порядок. «Носились с клешниками, вот и доносились» — эта фраза, подслушанная на фабрике «Светоч»¹⁹, показывает, что оценки роли матросов в трехлетней «революционной практике» среди масс не были однозначными. Примечательно, что когда 9 марта поползли слухи о взятии Кронштадта, на Лиговке были слышны высказывания: «комиссаров поприжмут теперь, лучше станет»²⁰. В 22-й типографии, узнав, что из Кронштадта не выпускают жителей, тут же дали этой новости следующую интерпретацию: «Эти клешники прячутся за спины женщин и детей»²¹. За всеми этими фактами проглядывает какое-то плохо скрываемое раздражение, даже озлобление по поводу матросов. Трактовки их действий заметно выходят за рамки чисто политических оценок мятежа. Они приобретают специфический «личностный» характер и тем самым указывают на давность происхождения этих настроений.

Вызывало раздражение рабочих и материальное обеспечение матросов, весьма сносное на фоне голода зимы—весны 1921 года, и к тому же приукрашиваемое рабочими. «Что клешникам не хватает», «были одеты, обуты лучше других, а теперь натворили», «чего им не хватает» — эти разговоры, зарегистрированные мартовскими сводками²², весьма симптоматичны для рабочей среды, которая, если верить документам начала 1921 года, была раздражаема спорами о неравномерных пайках. И слышны они были тогда, когда Кронштадт не без влияния прессы стали считать одним из виновников продовольственного кризиса. «Волнений никаких выдающихся не замечено, кроме недовольства на недостаток продовольствия, и это погашается их сознанием, что всему виноваты мятежники, по ликвидации которых рабочие снова заживут мирно трудовой жизнью» — таковы были, например, настроения в Петроградском районе, отмеченные в сводке от 12 марта²³.

«Матросов надо проучить» — такое требование, отмечаемое в те дни на заводах²⁴ и имевшее, как видим, довольно сложное происхождение, было естественным заострением широко распространенного отрицательного отношения к Кронштадту²⁵. При этом не только открыто выражалось желание поскорее покончить с Кронштадтом, как это было, например, в 1-й и 5-й типографиях, на фабриках Пеклие и Керстен, и др.²⁶, но коммунисты даже обвинялись в затяжке ликвидации мятежа (об этом упоминают сводки из 22-й типографии и с фабрики Торнтон²⁷).

Однако в те дни были отмечены и иные настроения. Поддержка Кронштадта, хотя она, видимо, и не была широкой, тем не менее существовала (при оценке качества имеющихся данных необходимо делать поправку и на маскировку кронштадтских симпатий их носи-

телями, и на сознательную или неосознанную корректировку нежелательных сведений информаторами, работавшими по определенному социальному заказу).

«Очень незначительная группа отнеслась к восставшим благожелательно, и конечно, благожелательность проявлялась не открыто» — в этой сводке о положении на 3-й электростанции²⁸ последнее обстоятельство понималось как само собой разумеющееся. «8 1/2 утра, рабочие торопятся на работу группами и в одиночку, разговоров уловить не удалось, т.к. идут все быстро, но были слышны возгласы: “так их и надо, и побьют их”, но к кому относились эти слова, выяснить не пришлось» — данное сообщение с завода Сан-Галли²⁹ наглядно характеризует условия, методику и результативность сбора сведений в то время. Разумеется, при такой ситуации информаторы могли лишь приблизительно различать оттенки «кронштадтских» настроений, а зачастую даже и не пытались этого делать. «Симпатия больше к кронштадтцам», «часть рабочих к последним событиям относится скептически», «часть относится со злорадством», «несколько сочувствующие кронштадтцам слухи», «некоторые ждут улучшения со стороны Кронштадта», «есть группа рабочих, сочувствующая кронштадтцам и призывающая поддержать их» — эти скудные сведения, поступившие в разное время с Балтийского, Кабельного и Трубочного заводов, с Петроваты, Автозавода, прачечной фабрики № 2 и ряда предприятий 1-го Городского района³⁰, никак не уточнялись и не конкретизировались.

Понятно, почти не сообщалось и о мотивах симпатий к матросам, а ожидания «белых булок», которые принесут восставшие, сильнее проявлялись на вокзалах и на «толкучках», чем в заводских стенах. Никаких активных действий по поддержке мятежа рабочие не принимали. В 8-й авторемонтной мастерской «в связи с кронштадтскими событиями было собрано 52 подписи для того, чтобы сделать общее собрание»³¹, на 4-й парусиновой фабрике угрожали «присоединиться к кронштадтцам», если «инструкторам опять дадут мук»³² — но дальше этого дело, судя по всему, не пошло.

При том, что прямые свидетельства о взглядах рабочих на мятеж отрывочны и противоречивы, дополнительную ценность имеет информация о широко распространявшихся в массах оценках борьбы с восставшими как братоубийственной войны. В 8-й авторемонтной мастерской откровенно сетовали: «почему нельзя было избежать кровопролития»³³, в 5-й типографии говорили, «что только прольется кровь понапрасну, что рабочие этого не хотят»³⁴. Последняя фраза почти дословно была воспроизведена в сводке «ревтройки» 1-го Городского района от 12 марта: «про Кронштадтские события говорят, что напрасно проливается кровь рабочих»³⁵.

Отсюда и резкие нападки на начавшуюся 7 марта бомбардировку

крепости, нараставшие по мере усиления обстрелов. «О стрельбе говорят, что по братьям», «о стрельбе говорят: наши своих бьют», «к стрельбе относятся как к братоубийственной», «наблюдается некоторое недовольство обстрелом Кронштадта», «осуждают действия Военсовета за бомбардировку Кронштадта без переговоров от всех рабочих Петрограда» — так оценили это событие на предприятиях Петроградского, Смольнинского и 1-го Городского районов³⁶. На Кабельном заводе 17 марта во время сильной артиллерийской канонады звучали возгласы: «затяли кровавую бойню, пора прекратить»³⁷.

Все это также указывает на отсутствие единой позиции рабочих по отношению к мятежу. Проскальзывающие предложения о переговорах с кронштадтцами (они даже получили отражение в слухах) показывают, что рабочие не осознавали всей остроты антагонизма между восставшими и властями.

Понять отношение петроградского пролетариата к мартовским событиям 1921 отчасти помогают и циркулировавшие в городе слухи, которые, воспринимая рефлексы действительных происшествий и конструируя с их помощью гипотетические (желаемые и нежелательные) события, в какой-то мере манифестировали массовые настроения, что довольно часто отражается в сводках (источник слухов здесь, правда, не оговаривался, заменяясь безликими «на заводе», «среди рабочих» и т.д.).

На раннем этапе мятежа, до военной операции 8 марта, когда была предпринята неудачная попытка штурма крепости, о какой-либо «разветвленности» и «многослойности» слухов говорить не приходится. Слухи этого периода, несомненно, были трансформацией газетных сообщений, в которых тезисы об инспирированности мятежа извне (этим объяснялась и живучесть восстания) и «обманутых матросах» легли в основу официальной пропагандистской конструкции. Так, на Артскладе были зарегистрированы «слухи о том, что Финляндия дает помощь кронштадтцам и тем они держатся»³⁸. Почти такие же слухи были зарегистрированы на 3-й электростанции, однако здесь в числе «помощников» была названа и Эстония³⁹.

Правда, уже в последующие дни сводками отмечена специфическая «радикализация» слухов, что было связано, видимо, с провалом наступления на Кронштадт 8 марта и с отсутствием в печати сведений не только об итогах, но и о самом акте операции. Уже 9 марта в 1-м Городском районе появились слухи «о выжидательном положении крупных заводов, сочувствующих Кронштадту»⁴⁰, а 9-12 марта в сводках Штаба внутренней обороны были отмечены уличные и заводские слухи о некоем сигнале к восстанию в Петрограде, который будет дан из Кронштадта 12 марта. Рождались предположения о возможной высадке в городе десанта кронштадтцев⁴¹. 9 марта в

Петроградском районе зафиксированы разговоры о том, что «“Арсенал” присоединяется к восставшим»⁴². На следующий день на 2-й фабрике производства одежды (2-й Городской район) уже говорилось о том, что «10 марта арсенальцы пойдут по фабрикам [выступать] за прекращение стрельбы»⁴³. Примечательно, что брожение на заводах и возможное осложнение военной ситуации оказались почти единственной темой слухов, возникших непосредственно после операции 8 марта. Столь однообразная реакция на попытку штурма крепости позволяет думать, что пессимизм в отношении возможности овладения Кронштадтом был более широко распространен, нежели это можно увидеть по донесениям «ревтрок». Не случайно, как нам представляется, и отраженное в слухах внимание к поведению рабочих завода «Арсенал». Ориентация предприятий Петрограда на крупные заводы была традиционной и очень ярко проявилась в феврале 1921 г. «Арсенал» был далеко не последним в списке тех предприятий, прекращение или возобновление работы которых во время февральских «волынок» определяло тактику более мелких заводов и фабрик. Поэтому характер его поведения, моделируемого слухами, в известной степени свидетельствует о привлекательности для части рабочей массы «прокронштадтского» оборота событий или, по крайней мере, о неопределившихся настроениях значительного числа рабочих, об их стремлении обрести какие-то ориентиры для осознания реальности и для своих дальнейших шагов.

Новый толчок слухам был дан 14 марта экстренным анкетированием членов РКП(б) на предприятиях. Причем в слухах, разумеется, интерпретировались не только причины заполнения анкет коммунистами, но и перспективы развития кронштадтских событий. Официальная версия о том, что коммунисты мобилизуются на фронт, судя по сводкам, мало кого убеждала. В низах предпочитали говорить о предстоящей эвакуации города. Так, в сводке по 4-й парусиновой фабрике от 14 марта отмечалось, что в одном из отделений «по поводу мобилизации коллективистов [членов РКП(б). — С.Я.] выражают сомнения, пойдет ли кто-нибудь на фронт»⁴⁴. Один слух немедленно порождал другой, «уточняющий» предыдущий, и в тот же день на 2-й фабрике производства одежды появились «слухи об отъезде коммунистов с Варшавского вокзала, о переезде из “Астории” на Троицкую, о неизбежности переворота»⁴⁵.

Анкетирование коммунистов подхлестнуло другие слухи. Предстоявший их отъезд в глазах рабочих естественно должен был свидетельствовать об ухудшении положения советских войск под Кронштадтом. Отсюда и появление 14-15 марта толков, преувеличивавших успехи матросов. Так, в 1-м Городском районе 14 марта зафиксированы слухи о том, что «Ораниенбаум взят мятежниками, курсанты отказываются идти в наступление и не подчиняются комсоставу, что

коммунисты все перебиты во время последнего наступления»⁴⁶. В политсводке Штаба внутренней обороны подчеркивалось, что в Нарвско-Петергофском районе «ходят слухи, что подъем курсантов подерживается тройным пайком и дачей спирта, 2 дивизии отказались идти в бой, после 9 ч. возят расстрелянных»⁴⁷.

Прекращение стрельбы 15 марта вызвало новую волну толков. Примечательно, что зарегистрированные сводками по предприятиям различные слухи почти единодушно расценивали это как пролог к заключению мира с восставшими⁴⁸. Это вполне объяснимо, если учесть распространенные в те дни (и отмеченные выше) пессимистические оценки состояния Красной Армии. В этом смысле симптоматично, что политсводка «ревтройки» 1-го Городского района от 16 марта, зафиксировав разговоры рабочих о перемирии, передает возникшие среди них слухи о том, «что нет у нас снарядов и сил, половина курсантов перетонула подо льдом»⁴⁹.

Таким образом, если ранние слухи были скорее отражением официозных трактовок и это вполне соответствовало тому отрицательному впечатлению, которое на первых порах оказал Кронштадтский мятеж на рабочих, то после 8 марта положение меняется. Каждое новое событие, будь то заполнение коммунистами анкет или прекращение стрельбы, вписывается уже в иную систему «слуховой» интерпретации кронштадтских событий, в которой акценты расставлены совершенно иначе, нежели в сообщениях советской прессы⁵⁰. Для этого периода характерна неопределенность отношения к Кронштадту, неуверенность в скорой победе над ним, ощущение предстоящего военного краха. Насколько многочисленна была группа рабочих, охваченная этими настроениями, — выяснить крайне трудно, неполнота сводок позволяет судить об этом весьма приблизительно. Но важно, что такие настроения существовали и должны быть учтены при восстановлении полной картины происходившего в городе в марте.

В заключение необходимо упомянуть о том, как рабочие восприняли ликвидацию мятежа, начавшуюся в ночь на 17 марта и законченную окончательно утром 18-го. В целом массы встретили это известие, видимо, относительно спокойно. Источники почти не зафиксировали каких-либо волнений по данному поводу, исключение здесь, пожалуй, составил только Балтийский завод⁵¹. Происшедшие кое-где 17 марта остановки цехов и предприятий объяснялись, как правило, боязнью артиллерийской стрельбы⁵².

Ряд документов свидетельствует, что рабочие восприняли ликвидацию мятежа более одобрительно, чем другие слои населения. В связи с этим небезынтересно проанализировать сообщения трех политсводок о положении в 1-м Городском районе. Первая из них, датированная 17 марта, отмечает противоречивую реакцию масс на

бои под Кронштадтом: «Сегодня на фабриках и заводах было объявлено об успехах красных войск в Кронштадте. Это известие произвело двойное впечатление. Часть рабочих вместе с коллективистами шумно изъявляли свою радость по этому поводу <...>, созывали экстренные собрания коллектива <...>. Другая же часть очень недоверчиво отнеслась к известиям, выражала сомнение, говорила, что все эти новости дутые»⁵³. Вторая сводка помечена 18 марта. В этот день из-за праздника (дня Парижской коммуны) многие предприятия не работали, так что информация собиралась в основном вне заводских стен. Здесь уже интонация сообщений несколько иная, чем в предыдущей сводке: «Ликвидация Кронштадтского мятежа в массе населения не произвела того впечатления, какого следовало ожидать. В большинстве случаев это недоверчивость к свершившемуся факту, чаще всего слышатся возгласы, что не могли пехотные части взять морскую неприступную крепость, тут что-то не то. Ходят упорные слухи, что в лагере белых существует хорошо подготовленный заговор, о котором нам ничего не известно, но который с наступлением весны будет приведен в исполнение. Тогда уж нам так легко не отделаться <...>. Таково настроение на улицах, в столовых, чайных, на вокзалах»⁵⁴.

Третья политсводка, составленная 19 марта на основании преимущественно данных с заводов, рисует почти однозначно оптимистическую картину. Правда, здесь настораживает стиль сообщения, в целом построенного по канонам агитационной статьи и заметно отличающегося от скупых и конкретных отчетов предыдущих дней. Но если очистить его от риторических наслоений, оно подтверждается и другими сведениями. Можно предположить, что окончательные известия из Кронштадта резко изменили настроение рабочих — примеры таких колебаний обнаруживаются на всех этапах развития мартовского кризиса. «Настроение рабочих — отмечается в сводке — в связи с известием о взятии Кронштадта сильно поднялось, газеты разбираются нарасхват и читают с неподдельной радостью <...>, все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов <...>. Изредка раздаются возгласы бессильной злости. Противники Советской власти, обыватели и мелкие хозяйчики стараются вселить сомнение и недоверчивость в рабочие массы по поводу нашей победы <...>. Но эта агитация очень редко встречает сочувствие и общего настроения изменить не может»⁵⁵.

Анализ сводок показывает, что победное ликование имело место исключительно на предприятиях. Понятно, что возможности для агитации здесь имелись: по инициативе заводских коммунистов состоялись многочисленные митинги, «летучки» и даже импровизированные шествия. Определенная часть рабочих также оказалась охваченной эйфорией победы, хотя мотивы их реакции на захват крепости, как правило, оставались вне поля зрения информаторов.

Изученный материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Во-первых, отношение рабочих Петрограда к Кронштадтскому «мятежу» отнюдь не было четким и однозначным. Разнонаправленность и быстрая смена настроений создавали своего рода эффект информационного «биения», что коррелировало с кризисной ситуацией и усугубляло ее.

Во-вторых, характер настроений, их колебания зависели не столько от политической, сколько от «бытовой» ситуации в городе.

Дальнейшая детализация «психологической карты» Петрограда в период Кронштадтского восстания возможна при широком привлечении новых источников⁵⁶, документирующих настроения разных слоев петроградского населения и выявляющих событийную канву этих трагических дней.

Примечания

1 Ленинградский партийный архив. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.136.

2 Там же. Л.8 об., 55, 57, 58, 270.

3 Там же. Л.55; Ф.6. Оп.1. Д.1226. Л.7, 19.

4 Там же. Ф.4. Оп.1. Д.312. Л.41; Д.315. Л.93, 223; Ф.6. Оп.1. Д.64. Л.54, 54 об.; Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.103, 109, 111, 124, 266; Ф.2106. Оп.1. Д.57. Л.10.

5 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.91.

6 Там же. Ф.2106. Оп.1. Д.307. Л.73.

7 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.45.

8 Там же. Л.8 об., 56, 58.

9 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.1226. Л.19.

10 Там же. Ф.4. Оп.1. Д.315. Л.85.

11 Там же. Л.33.

12 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.266.

13 Там же. Л.152 об.

14 Там же. Ф.2106. Оп.1. Д.57. Л.10.

15 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.1226. Л.10.

16 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.111.

17 Там же. Ф.4. Оп.1. Д.312. Л.33.

18 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.52, 270.

19 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.64. Л.53.

20 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.277 об.

21 Там же. Ф.2106. Оп.1. Д.307. Л.14.

- 22 Ленинградский партийный архив. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.55. 279 об.
- 23 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.1226. Л.42.
- 24 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.57, 106.
- 25 Там же. Л.52, 279, 279 об., 280; Ф.4. Оп.1. Д.315. Л.161 об.; Ф.6. Оп.1. Д.64. Л.52-53.
- 26 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.1226. Л.2, 54, 54 об.; Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.106, 169; Ф.2106. Оп.1. Д.307. Л.14.
- 27 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.168; Ф.2106. Оп.1. Д.307. Л.14.
- 28 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.111.
- 29 Там же. Л.273.
- 30 Там же. Ф.4. Оп.1. Д.312. Л.33, 53; Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.57, 119, 280.
- 31 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.1226. Л.2.
- 32 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.279.
- 33 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.64. Л.53.
- 34 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.292.
- 35 Там же. Л.50.
- 36 Там же. Ф.2106. Оп.1. Д.57. Л.10; Д. 307. Л. 66 об.; Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.57, 91, 177, 280.
- 37 Там же. Ф.4. Оп.1. Д.312. Л.76.
- 38 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.1226. Л.10.
- 39 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.280.
- 40 Там же. Л.57.
- 41 Там же. Л.152 об., 167.
- 42 Там же. Л.153.
- 43 Там же. Л.177.
- 44 Там же. Л.122.
- 45 Там же. Л.168.
- 46 Там же. Л.87.
- 47 Там же. Л.169.
- 48 Там же. Л.48. 119.
- 49 Там же. Л.48.
- 50 Естественно, что при формировании мнений и слухов «работала» не только их собственная внутренняя логика развития, но и скорректированные — часто от противного — официальные известия, а также устная информация о реально происходящих событиях (от исследования последних в рамках настоящей статьи мы отказались — отчасти намеренно, отчасти из-за недостатка данных).
- 51 Там же. Ф.4. Оп.1. Д.312. Л.76.
- 52 Там же. Л.79.
- 53 Там же. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.53.

⁵⁴ Ленинградский партийный архив. Ф.1842. Оп.1. Д.113. Л.43.

⁵⁵ Там же. Л.54.

⁵⁶ Мы отдаем себе отчет, что и более подробное изучение политсводок (а оно, как нам кажется, очень перспективно), и их источниковедческую оценку необходимо проводить с учетом инструктивных документов по их составлению, а также материалов, раскрывающих политику власти в области формирования общественного мнения.

ДВА ЭПИЗОДА БОРЬБЫ С ЦЕРКОВЬЮ В ПЕТРОГРАДЕ

Публикация М.В.Шкаровского

Основы будущего бесправного положения церкви в СССР были заложены уже через несколько месяцев после Октябрьской революции — декретом СНК РСФСР от 20 января 1918 «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», по которому все имущество церкви объявлялось народным достоянием, она лишалась права собственности и тем самым прав юридического лица. Параллельно с этим актом, который касался основ имущественного и правового положения церкви, Советское государство искало пути к подрыву авторитета церкви (и религии в целом) в сознании верующих. Этой задаче была подчинена развернутая с начала 1919 кампания по вскрытию, экспертизе, публичной демонстрации и изъятию мощей канонизированных святых русской православной церкви. Комплекс целей по кардинальному «решению вопроса» о месте церкви в новом государстве преследовала еще одна крупная антицерковная кампания — по изъятию церковных ценностей (1922).

Публикуемые ниже документы (№ 1-18) посвящены ходу этих двух кампаний в Петрограде.

Первые, нерегулярные, случаи вскрытия мощей относятся к лету 1918¹, но сигналом к массовым акциям этого рода послужило вскрытие мощей в Олонецкой губернии, предпринятое по решению Президиума исполкома Союза коммун Северной области от 19 декабря того же года — «О посылке комиссии в Александро-Свирский монастырь для исследования “мощей”»². Деятельность комиссии была соответствующим образом освещена в массовой печати, и, похоже, «епархия» Г.Е.Зиновьева была избрана опытным полигоном для задуманной кампании, активно начавшейся в феврале 1919. Первыми известными распоряжениями центральных органов власти по этому поводу явились решение коллегии Наркомата юстиции от 14 февраля, циркулярное письмо Наркомата внутренних дел от 28 февраля, а также разъяснение VIII отдела Наркомюста³, опубликованное в «Известиях» 14 марта 1919. Вскоре, в конце марта, Комиссариат юстиции Союза коммун Северной области запросил разрешение Президиума Петроградского Совета на вскрытие останков св. Александра Невского (док. № 1). В разрешении было отказано, вероятно, в связи с опасениями, что осквернение мощей одной из наиболее почитаемых религиозных святынь города может вызвать массовый протест верующих, еще в январе воспрепятствовавших попытке властей захватить

1 Регельсон Л. Трагедия русской церкви 1917-1945. Париж, 1977. С.241.

2 ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.143. Оп.1. Д.2. Л. 16об.-17.

3 Отдел проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства. Образован 9 мая 1919, аналогичные подразделения были созданы в губернских Совдепах и губернских комиссариатах юстиции.

помещения обители и к тому же организовавших (в связи с декретом от 20 января) Братство защиты Александро-Невской лавры. Не увенчалась результатом и повторная инициатива Комиссариата юстиции 24 апреля 1919 (док. № 2), в случае успеха которой Петроград мог бы «стать вровень» с Москвой, осуществившей только что вскрытие раки св. Сергия Радонежского. Петросовет продолжал держаться осторожно и предпочел пока отказаться от вскрытия мощей Александра Невского, тем более что в дополнительном циркуляре отдела управления НКВД от 23 апреля настоятельно рекомендовалось «цивилизировать подобные акции, не создавать ситуаций, провоцирующих применение вооруженной силы» (док. № 3).

Хотя прямых посягательств на осквернение мощей Александра Невского со стороны петроградских властей в ближайшие месяцы не предпринималось, духовенство и миряне опасались рецидива февральско-апрельской кампании. 15 сентября митрополитом Петроградским Вениамином к председателю Петросовета была направлена депутация авторитетных священнослужителей и мирян (А. Введенский, Н. Сыренский и др.) с заявлением по поводу предстоящих, по слухам, арестов представителей духовенства (док. № 4). В этот же день митрополит направил еще одно, личное, послание Зиновьеву в защиту мощей Александра Невского от возможных посягательств (док. № 5).

К лету 1919 в целом по стране было произведено не менее 39 вскрытий мощей, к лету 1920 — 58. Тогда же было решено полностью завершить кампанию. 29 июля Совнарком в основном одобрил предложения Наркомата юстиции «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе» (док. № 6, 7), а 25 августа Наркомост издал обобщающий циркуляр. Но выполнить намеченные планы полностью не удалось. Сохранившийся авторитет церкви остановил безмятежное посягательство на ее святыни. В секретном циркуляре Наркомата юстиции от 1 апреля 1921 фактически признавалось частичное поражение на втором этапе кампании (док. № 8).

Ситуация изменилась в 1922. В обстановке развораживающегося террора и провокационной политики государства в отношении церкви митрополит Вениамин не смог воспрепятствовать вскрытию мощей Александра Невского и был вынужден 12 мая присутствовать на публичном осмотре останков благоверного князя. Вскрытие происходило под наблюдением нескольких сот представителей «общественности»: от воинских частей, предприятий, райкомов и укомов РКП(б), причем все они предварительно регистрировались по специальным удостоверениям в Смольном и получали мандаты на присутствие (док. № 9)⁴. Серебряный саркофаг князя был изъят и по частям на грузовиках перевезен в Эрмитаж. Однако сами мощи духовенство во главе с митрополитом тогда все же отстояло — ковчег с ними после осмотра был снова запечатан и, вопреки циркуляру Наркомата юстиции, помещен на хранение в алтаре собора Александро-Невской лавры. На окончательное же их изъятие власти осмелились спустя несколько месяцев, почти сразу же после расстрела митрополита Петроградского в августе 1922⁵.

Мощи Александра Невского были вскрыты в ходе кампании, открывшейся Декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 об изъятии церковных ценностей с целью сбора средств в помощь голодающим Поволжья.

⁴ ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф. 1000. Оп. 6. Д. 60. Л. 167.

⁵ Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925-1941. Париж, 1977. С. 69.

Еще с августа 1921 православная церковь стала собирать пожертвования для голодающих, был создан Церковный комитет помощи голодающим (не признанный властями). Декрет ВЦИК от 23 февраля, имевший очевидную антицерковную направленность, вызвал всеобщее возмущение верующих. В послании патриарха Тихона от 28 февраля насильственное изъятие определялось как святотатство; допускалось добровольное жертвование церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления; добровольное пожертвование священных сосудов и прочих богослужебных предметов запрещалось под страхом церковной кары.

Во многих областях России использование Декрета ВЦИК вызвало сопротивление. Считается, что в целом по стране имело место не менее полутора тысяч столкновений, связанных с применением силы. Сопротивление, оказываемое, как правило, мирянами, было использовано властями как повод для разгрома руководства церкви, арестов и судов над священнослужителями и активистами-мирянами. Один из первых «церковных» процессов, которому был придан ярко выраженный политический характер, проходил 26 апреля — 7 мая в Москве. Из 48 подсудимых 11 были приговорены к расстрелу (расстреляны 5).

В Петрограде первоначально складывалась относительно мирная ситуация, что, как выяснилось впоследствии, не отвечало далеко идущим замыслам инициаторов кампании.

Митрополит Вениамин, стараясь прямо не преступать осуждающей воли патриарха, все же стал проводить сравнительно компромиссную политику. Вениамин соглашался выдать ценности как вольную жертву (напомним, что еще по январскому (1918) декрету церковь была лишена права собственности, а следовательно, и права пожертвования). В начале марта 1922 в Смольном состоялось совещание местного отделения Помгола с представителями духовенства, на котором присутствовал и митрополит.

В результате было достигнуто соглашение, учитывавшее ряд предложений Вениамина. Президиум губисполкома, видимо, дал комиссии Помгола право пойти на многие (порой существенно отступавшие от инструкции Наркомюста) уступки духовенству, особенно в отношении контроля над приемом ценностей и их расходом. Духовенству предоставлялась возможность участвовать в процессе изъятия, в опечатывании, установлении точного веса ценностей в губфиноделе, надзирать за переплавкой их в слитки. Состоялась даже предварительная договоренность, что два представителя от петроградских верующих могут сопровождать церковные ценности на пути их превращения в хлеб⁶.

Можно согласиться с предположением одного из участников будущего процесса петроградского духовенства⁷, что Петроградский Совет вначале считал единственной целью декрета об изъятии — приобретение средств для борьбы с голодом и потому держался примирительной политики, стремился, не отступая от декрета по существу, провести его в жизнь в форме, не

⁶ ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1000. Оп.6. Д.226. Л.51.

⁷ Валентинов А.А. Черная книга (Штурм небес). Сборник документальных данных о борьбе Советской власти против религии. Париж, 1925. С.205.

вызывающей осложнений с верующими. Однако центральная власть вскоре разъяснила Петросовету истинную суть кампании по изъятию ценностей⁸.

Результаты первоначального соглашения с духовенством отчасти нашли отражение в инструкции Губкомиссии районным подкомиссиям по изъятию ценностей (док. № 10). Однако на практике соглашение не было реализовано. Посланцам Вениамина, явившимся через несколько дней в Петропомгол для уточнения деталей соглашения (о чем была предварительная договоренность), было заявлено, что ни о каких пожертвованиях, ни о каком участии представителей духовенства или мирян речи быть не может⁹. Для того, чтобы дезавуировать недавние уступки Петропомгола, его состав был сменен: его ответственным руководителем 18 марта был назначен бывший председатель петроградского ЧК И.П.Бакаев¹⁰. Городские газеты начали кампанию против «князей церкви» (уже давно шедшую по стране).

Митрополит отреагировал на изменившуюся ситуацию посланием, в котором выражалось сомнение в том, что пожертвованные святыни будут употреблены исключительно на помощь голодающим, говорилось о необходимости относительной самостоятельности церкви в вопросе о ценностях и обязательном благословлении патриарха¹¹.

Положение обостралось тем, что 15 марта у Казанского собора, а 16 — на Сенной площади произошли столкновения членов комиссии по изъятию ценностей с верующими, первых пытались избить. Объединившиеся в группы прихожане отличались гораздо большей непримиримостью, чем священнослужители.

На заседании Петроградского Совета 20 марта уже прямо говорилось, что церковь предпринимает попытку антисоветского заговора: «Товарищи, вы видите, что здесь самая форменная черная реакция пытается высунуть свой нос». Звучали также упреки в адрес комиссии Помгола в прежней слабости, попытках договориться с церковниками¹².

Лишь один депутат, Красильников, пытался выступить против насильст-

⁸ Трудно сказать, чем была вызвана примирительная политика Петроградского Совета: его неинформированностью относительно скрытых целей кампании; изменившимся в процессе кампании замыслом ее руководителей или заранее спланированным намерением спровоцировать протест духовенства с целью дальнейшей расправы над ним — при предварительном умиротворенном тем же духовенством населении Петрограда. Во всяком случае, похоже, что известное письмо Ленина от 19 марта по поводу решения проблемы «церковь—государство» не было первым документом с предложением относительно «кардинального» решения вопроса. Да и сам ход развития событий заставляет вспомнить ситуацию с Всероссийским общественным комитетом помощи голодающим, который был утвержден с намерением привлечь внимание российской и мировой общественности к положению в стране и распущен, когда эта задача комитетом (надевшимся на реальную работу) была выполнена, после чего члены его арестованы и обвинены в попытке создания антисоветского центра.

⁹ Валентинов А.А. Указ. соч. С.207.

¹⁰ ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1001. Оп.1. Д.320. Л.11об.

¹¹ Петроградская правда. 1922. 30 марта.

¹² ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1000. Оп.6. Д.226. Л.59,70.

венного изъятия ценностей (док. № 11). Резолюция, принятая на заседании, откровенно искажала позицию петроградского духовенства, общую ситуацию в городе (док. № 12).

Вероятно, эта резолюция уже учитывала наличие к этому времени в составе духовенства группы будущих обновленцев (Красницкий, Введенский, Белков, Боярский и др.). 24-25 марта в газетах было опубликовано их воззвание с призывом пойти на «всевозможные жертвы» ради спасения умирающих от голода. Стремясь предотвратить усиление позиций группы Введенского и не желая вступать с государством в прямую конфронтацию, последствия которой могли оказаться губительными для церкви, митрополит Вениамин считал возможным вступить в переговоры с властью, тем более, что даже группа Введенского говорила, что «верующие охотно придут на помощь государству, если не будет насилия <...> отдадут, если надо, даже самые священные сосуды, если государство разрешит, под самым хотя бы своим строгим контролем, им самим кормить голодных»¹³. Конечно, власти не собирались разрешать церкви самостоятельную помощь голодающим, но в ходе возобновленных с митрополитом Вениамином переговоров (через Введенского и Боярского), они все же пошли вновь на ряд уступок, хотя и менее существенных, чем в начале марта¹⁴. Со своей стороны митрополит Вениамин 10 апреля обратился через печать к пастве, убеждая ее в том, что даже «если гражданская власть, ввиду огромных размеров народного бедствия, сочтет необходимым приступить к изъятию <...>, со стороны верующих совершенно недопустимо проявление насилия в той или иной форме»¹⁵.

Усилия митрополита по предотвращению возможных кровопролитий при изъятии церковных ценностей дали результаты: по секретной «Сводке общего политического и административного состояния г.Петрограда и губернии за март месяц 1922 г.» (раздел «Агитация духовенства» — док. № 13) столкновений на почве изъятия ценностей зарегистрировано не было. За все время кампании (основная часть церковных богатств была экспроприрована в апреле) случилось менее двух десятков инцидентов, их инициаторами, как правило, являлись не священники. Это наглядно видно из сообщений о ходе соответствующих мероприятий в 1-м Городском (док. № 14, апрель), Нарвско-Петергофском (док. № 15, апрель) и Смольнинском (док. № 16, апрель—июнь) районах. В секретной «Обзорной сводке политического и административного состояния гор.Петрограда за апрель 1922 года» (раздел «Духовенство и изъятие ценностей» — док. № 17) констатировалось, что процесс изъятия ценностей протекал «нормально и без серьезных недоразумений».

29 мая митрополит Вениамин был арестован. На последовавшем процессе (10 июня—5 июля) подсудимых — митрополита, священников, мирян, конечно же, обвинили в том, что «первый, состоя главой православной церкви в Петроградской губернии, а последние — членами правления общества церковных приходов, добивались изменения декрета об изъятии церковных ценностей, для чего использовали свою организацию, действуя тем самым <...> в целях возбуждения религиозного населения к волнениям, в явный

¹³ Красная газета. 1922. 25 марта.

¹⁴ Там же. 14 апреля.

¹⁵ Там же.

ущерб диктатуры рабочего класса и пролетарской революции»¹⁶. Все немногочисленные эпизоды сопротивления верующих изъятию церковных ценностей были объявлены результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного сообщества» во главе с митрополитом. Однако, как мы видели, никаких реальных оснований для подобного обвинения митрополита Вениамина не было. Очевидно, что арест авторитетного иерарха, вероятно, спланированный заранее, был связан не только с кампанией по изъятию ценностей, но в не меньшей степени и с позицией Вениамина по отношению к покровительствуемым властями обновленцам — 28 мая, накануне ареста, митрополит, отказавшись от компромиссов с ними, отлучил их петроградских руководителей от церкви¹⁷.

Петроградское духовенство попыталось спасти своего митрополита. 6 июня в Губисполком было направлено коллективное ходатайство об освобождении его — «на поруки всего духовенства г.Петрограда» (док. № 18). Последовал отказ. 10 священнослужителей и мирян были приговорены к расстрелу. Состоявшиеся в Петрограде демонстрации протеста были разогнаны силой¹⁸. Шестерых из приговоренных к смертной казни помиловал ВЦИК, четверо, среди них и митрополит Вениамин, были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа.

В публикации использованы материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда: фонды Петроградского Совета (Ф.1000), Ленгорисполкома (Ф.3784), Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области (Ф.142) и Отдела управления Петрогубисполкома (Ф.1001). Тексты публикуемых материалов приводятся, как правило, полностью, в отдельных, оговоренных, случаях — в выдержках. Заголовки документам даны публикатором. Купюры и раскрытые сокращения заключены в угловые скобки, смысловые конъектуры — в квадратные.

¹⁶ Красная газета. 1922. 9 июня.

¹⁷ Петроградская правда. 1922. 30 мая.

¹⁸ ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1001. Оп.169. Д.1420. Л.44.

1

**Комиссариат юстиции Союза коммун Северной области —
Президиуму Петросовета. 24 марта 1919.**

По вопросу, возбужденному Тверским губисполкомом о необходимости издания общего циркуляра, регулирующего вскрытие мощей, коллегия Народного комиссариата юстиции вынесла следующее решение: 1) Ввиду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия и проверки мощей применительно к местным условиям (по постановлению съездов Советов губисполкомов, но всегда в присутствии представителей служителей культа и врачебного персонала), особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на местах, 2) Для устранения возможности использовать в дальнейшем обман с мощами предложить губисполкомам по истечению некоторого времени, достаточного для того, чтобы массы могли убедиться в обмане, открытые раки со всем содержимым после описи передать распоряжением губисполкомов для направления в местные музеи, в отделы церковной старины (протокол № 145 от 14/II-1919).

На запрос ликвидационной комиссии церковных и монастырских имуществ одного из губернских городов по поводу необходимости участия при вскрытии мощей ее официальных представителей VIII отдел Народного комиссариата юстиции дал следующие разъяснения:

«Вскрытие мощей, производимое на местах по инициативе самих рабочих, необходимо приветствовать, так как во всех случаях, как и следовало ожидать, на поверку оказывается, что никаких “мощей” не существует, и при этом ясно для всех вскрывается многовековой обман служителей культа, а также и спекуляция эксплуататорского класса на религиозных чувствах темной и невежественной массы. Уклоняться от участия во вскрытии “мощей” комиссии отнюдь не следует. Наоборот, ее участие в этом акте должно гарантировать соблюдение известного такта по отношению к религиозным чувствам сторонников православной религии. Комиссия должна соблюсти, чтобы вскрытие “мощей” было произведено в наиболее благоприятное для данной операции время, отнюдь не во время богослужения и не в дни какого-либо особенного скопления в монастыре молящихся. Для участия при акте вскрытия необходимо пригласить представителей по возможности от всех отделов губисполкома, представителей от горисполкома, от губернского комитета Российской коммунистической партии, от рабочих организаций, от волостных совдепов и пр. Кроме того, при вскрытии должны непременно присутствовать врачи, которые и составят за своими подписями особый

акт медицинского освидетельствования всего содержимого в раке. Самый процесс вскрытия (распоясание, снятие одежд, извлечение черепа, костей и проч. содержимого в раке) необходимо поручить представителям духовенства, которые должны быть обязательно привлечены к осмотру “мощей”, лучше всего во главе с местным епископом. Под актом осмотра “мощей” подписи служителей культов крайне важны. Было бы также полезно пригласить на вскрытие “мощей” операторов с кинематографическим аппаратом и самый процесс вскрытия запечатлеть на особой ленте». (Известия (Московск.), № 56, 14/III-1919 г. Статья «Революция и церковь»).

На основании вышеизложенного, IV отдел комиссариата юстиции по отделению церкви от государства доводит до сведения президиума Петроградского Совета, что о мощах св.в.кн. Александра Невского циркулируют со времени привоза их Петром I в Петроград слухи, самые разнообразные, противоречивые, смущающие и волнующие ум темного, непросвещенного и суеверного народа; одни передают, что Петр I привез пустую раку без мощей, а потому и забросил ключи от нее в реку Неву, а монахи эксплуатируют веками воспитанную в духе предрассудка и суеверия народную массу; другие, наоборот, утверждают, что мощи существуют, а первые слухи называют вздорными, пустою болтовней и выдумкой безбожников, желающих унижить православную церковь. Во время и после первой революции, с 1905 г. появились новые слухи, что монахи, опасаясь поругания и осквернения святых, извлекли мощи св. Александра Невского и куда-то их скрыли.

Ввиду этого, IV отдел комиссариата юстиции по отделению церкви от государства, находя со своей стороны необходимым и своевременным исследовать эти мощи и тем самым положить конец разнообразным слухам, пререканиям и спорам, могущим вызвать народное волнение, просит разрешения президиума Петроградского Совета на расследование этого дела путем вскрытия раки.

Ф. 1000. Оп. 3. Д. 119. Л. 8-9.

2

Отдел юстиции Петросовета — Президиуму Петросовета. 24 апреля 1919

Отдел юстиции отношением от 24 марта сего года за № 2264 просил разрешение президиума Петроградского Совета на вскрытие раки с мощами св. Александра Невского.

Теперь, когда совершилось вскрытие раки с мощами преп. Сергия Радонежского в знаменитой Троице-Сергиевской лавре, отдел юстиции находил бы со своей стороны своевременным вскрыть мощи и

в Александро-Невской лавре и тем положить конец разнообразным, противоречивым, смущающим и волнующим ум темного, непросвещенного и суеверного народа слухами об этих мощах.

Ф. 1000. Оп. 3. Д. 119. Л. 7.

3

**Циркуляр Отдела управления НКВД — Всем губисполкомам
23 апреля 1919
№ 2456**

О вскрытии «мощей»

В дополнение к распоряжению циркулярного письма НКВД от 28 февраля 1919 года, по поводу вскрытия «мощей» настоящим сообщаем, что:

1) При обследовании «мощей» должны присутствовать, кроме ответственных членов советских организаций, уполномоченных от верующих и священнослужителей и свидетелей, также и представители медицинского персонала, обладающие достаточным авторитетом в области науки и в массах.

2) Составляется подробный акт (протокол) обследования «мощей», опись всех обнаруженных вещей, которые подписываются всеми вышеуказанными лицами.

3) Всем губ и горисполкомам ставится в обязанность снабжение отдела управления НКВД достаточными информационными материалами по этому поводу в виде копий актов обследования и описей найденных вещей, фотографий и кинематографий, производившихся при обследовании.

4) Разоблаченные при указанных условиях «мощи» могут быть или оставлены только на несколько дней для осмотра в новом виде на том же месте и по истечению срока в прежнем виде водружаются на прежнее место или «мощи» остаются в разоблаченном виде навсегда на прежнее место или наконец в разоблаченном виде доставляются в музей или другие общественные здания для публичного постоянного осмотра.

Второе и особенно последнее место наиболее желательно. Однако во всех случаях опирайтесь исключительно на авторитет Советской власти, на индифферентизм верующих и впечатление от разоблачения.

Ни в коем случае не действуйте так, чтобы потом пришлось опираться на вооруженную силу. Каждое разоблачение широко используйте в печати, лекциях, митингах. В случае перевозки «мощей»

в разоблаченном виде на новое место — каждый раз требуется разрешение НКВД. Немедленно передайте исполкомам.

Ф.142. Оп.1. Д.5. Л.27-27об.

4

**Представители духовенства и мирян Петроградской епархии —
Исполкому Петроградского Совета
рабочих и красноармейских депутатов. 15 сентября 1919.**

Петроградская церковь взволнована в настоящее время вздорными, как нам кажется, но упорными слухами о поголовном аресте (или высылке) петроградского духовенства ввиду их контрреволюционности или же в качестве заложников.

Зная политику Советской власти в отношении церкви, мы не верим этим слухам. Декрет об отделении церкви от государства исключает, при последовательном его проведении в жизнь, возможность политических взаимоотношений между государством и церковью. Мы и стоим именно на этой точке зрения. Духовенство тем самым, как таковое, не может быть белым или красным: духовенство — Христово, оно вне политики. Поэтому оно не может быть ни объектом института заложничества, ни быть арестовываемо за политическую деятельность. Политическая деятельность запрещается нам и высшей церковной властью. Если отдельные духовные лица пожелали бы, вопреки запрету церковной и гражданской власти, вести политику, то конечно, они могут понести все последствия наряду с прочими гражданами, занимающимися политикой.

Но петроградское духовенство твердо стало на декрете об отделении церкви от государства. Мы занимаемся исключительно религиозной деятельностью. Религия же в РСФСР не гонится. В центре, где мы работаем, мы это знаем: планомерное проведение декрета об отделении церкви от государства не должно оскорблять или притеснять верующих людей за то, что они верующие. Мы объясняем себе слухи и вести о тех или иных эксцессах в этом отношении тем, что не всюду советские работники правильно проводят декрет в жизнь.

Петроград — советский центр, здесь всегда декреты осуществлялись в наиболее чистом виде. Твердая церковная политика власти создала среди духовенства и верующих петроградской церкви искренне-лояльное отношение к этой власти. И нам думается, что все эти слухи, напрасно волнующие верующие массы, будут опровергнуты высшей властью — исполнительным комитетом, так как это будет только продолжением той политики к церкви, о которой мы с

чувством удовлетворения читали в обращении «К верующим», в речах Калинина и т.д.

Ф.1000. Оп.79. Д.24. Л.16-17.

5

**Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин —
Председателю Петросовета Г.Е.Зиновьеву. 15 сентября 1919.**

В первых числах текущего сентября на лекции «О коммунизме и религии» члена ВЦИК Красикова и М.В.Галкина была поставлена на голосование резолюция, предлагающая все мощи изъять из церквей и сконцентрировать в особом музее, в частности, так поступить и с находящимися в Петрограде мощами Св. Александра Невского. Слухи об этом весьма взволновали православное население Петрограда. Гробница Св. Александра Невского одна из главных святынь нашего города. Сотни лет она стоит совершенно закрытой, и богомольцы прикладываются к сделанному на ней изображению Св. князя. Делать об отделении церкви от государства возмещена свобода совести и каждому гражданину предоставлено веровать или не веровать. Поэтому кажется удивительным и непонятным, почему хотят тревожить великую святыню Петрограда и вскрывать заделанный гроб благоверного князя. Достоверно известно, что в гробнице находятся обгоревшие кости Св. князя вследствие пожара еще в 1491 г. во Владимире, где находились раньше св. мощи (О чем см. в учебном трактате профессора Голубинского: История канонизации святынь в Русской церкви, стр.69, примеч.2). Это подтвердилось [и] при тщательном обследовании гробницы и содержащегося в ней летом 1917 г., ввиду предполагавшейся эвакуации Петрограда. Вскрытие заколоченного гроба Св. князя нового ничего не обнаружит, но только больно повлияет на верующие души. Встрепанные слухами верующие постоянно тревожно спрашивают меня: правда ли, что назначено вскрытие и изъятие мощей, и просят принять меры для предотвращения великого огорчения религиозного чувства.

Желая успокоить верующих и выяснить положение вопроса о вскрытии раки благоверного князя, обращаюсь к Вам, гражданин Зиновьев, как состоящему во главе Петроградского правительства, с просьбой от лица многих тысяч верующих, в числе которых немало рабочих и крестьян, приведенной в начале резолюции, не придавать значения и не приводить ее в исполнение и этим дать мне возможность успокоить многие тысячи взволнованных людей. Доброжелательная церковная политика Петроградского правительства дает мне уверенность надеяться, что настоящая просьба многих тысяч граж-

дан будет услышана и исполнена, их религиозная свобода не будет ограничена и стеснена.

Ф. 1000. Оп. 79. Д. 24. Л. 14-15.

6

**Предложения Наркомата юстиции о ликвидации мощей
во всероссийском масштабе. 29 июля 1920.**

1. Опираясь на революционное сознание трудящихся масс, планомерно и последовательно провести полную ликвидацию мощей на местах, избегая вредной нерешительности и половинчатости мероприятий.

2. Ликвидацию названного культа мертвых тел и кукол осуществить или путем помещения так называемых «мощей» в музеи в отделы церковной старины, или путем их захоронения.

3. Губисполкомы обязаны проверить все конкретные условия проведения мероприятий по ликвидации мощей, провести соответствующую агитацию как на фабрично-заводских, красноармейских и иных собраниях в городах, так равно и в деревне, в особенности среди малосознательной части отсталого крестьянства и уже после сего утвердить соответствующее решение на пленуме исполкома с точным обозначением как времени, так равно и способа ликвидации каждых отдельных «мощей».

4. При обнаружении дальнейших случаев шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты, как со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств, — отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствия целесообразно поручить следователям по важнейшим делам Наркомюста и при отделах юстиции, а само дело разбирать при условии обеспечения самой широкой гласности процесса.

Ф. 1000. Оп. 4. Д. 73. Л. 84.

7

Постановление СНК РСФСР. 29 июля 1920.

Совет Народных Комиссаров в заседании от 29-го июля с.г. по вопросу о ликвидации мощей во всероссийском масштабе постановил:

В принципе утвердить предложения Наркомюста по этому вопросу, поручив Наркомюсту прибавить к ним краткую историю и

результаты 58 произведенных вскрытий мощей. До того же срока поручить Презид < иумам > Московского и Петроградского Советов прислать свои возражения по этому вопросу, если они будут, а также лично оппонентов, в СНКом.

Ф. 1000. Оп. 4. Д. 73. Л. 83.

8

**Циркуляр VIII отдела Наркомата юстиции —
Всем губисполкомам и губкомпартам. 1 апреля 1921.**

Совершенно секретно.
Всем губисполкомам и губкомпартам.

Как выяснилось из донесений с мест, ликвидация культа мощей не всегда и не везде производилась с соблюдением всех условий, требуемых циркуляром Наркомюста от 25/VII-20 г. Кое-где на местах перед проведением операции вскрытия мощей, местные партийные и советские органы недостаточно вдумчиво относились к учету местных конкретных условий, как-то: состав населения, закоренелость предрассудков в силу невежества, силу и авторитетность советских организаций и т.д. и обращали слишком слабое внимание (а кое-где и вовсе не обращали) на то, чтобы предпослать операции вскрытия самую широкую агитацию и пропаганду, правильно поставить культурно-просветительную работу во всех ее видах и формах как своими силами, так и с помощью содействия соответствующих центральных органов так, чтобы смысл советского мероприятия был вполне понятен широким трудовым массам.

Почему VIII отдел Наркомюста всем губкомам и губкомпартам настоятельно рекомендует:

1. Не производить ликвидацию мощей в таких условиях, когда получается впечатление, что орган местной власти, совершенно не поддерживаемый сколько-нибудь солидной частью трудящихся и при полном несочувствии всего населения, а только опираясь на силу своего служебного положения, производит эту операцию, как бы повинувшись лишь предписанию из центра. В результате такого способа действий нередко, как показал опыт, получается самая недопустимая растерянность и непоследовательность местных органов, принимавших ликвидацию после того, как приступ к ней вскрыет недовольство населения, выражающегося иногда в острых формах.

2. Часто наблюдается, что органы власти, без подготовки и твердо продуманного плана приступившие к ликвидации и встретив неожиданное для них сопротивление и агитацию церковников, кулаков, обывателей, малодушно пасуют и не доводят до конца предпринятой

операции. В результате таких непродуманных действий оказывается: мощи разворочены, лежат там же, где и были, т.е. в церкви (из которой вывезти Советы не решаются), раздражая своим видом страсти обывателей, и являются явным доказательством бессилия и безрукости местных органов, служат предметом самой невыгодной агитации. Если у данной местной советской и партийной организации нет правильного учета своих сил, учета сторонников вскрытия, своего авторитета, плана и т.д., то такое неумелое, непланомерное, покидаемое на полпути вскрытие едва ли принесет пользу в деле борьбы с предрассудками.

3. Часть местных работников, как это ни странно, повергает в нерешительность открытие при исследовании т.наз. мощей наличности мумифицированного и не совсем сгнившего трупа, это показывает, насколько предпринятые действия происходят неподготовленно, непланомерно и без знания дела. Местные работники как будто и не подозревают, что в каждой старой гробнице исследователь кое-где может найти мумифицированный труп, а не только куклу или труху.

VIII отдел Наркомюста вновь предлагает проводить эти операции планомерно и последовательно и, раз начав их, никоим образом не останавливаться на полдороге, всякая такая половинчатость в действиях исполкома и партийных органов необходимо будет рассматриваться, как полная неумелость данных органов руководить борьбой с клерикализмом и народными предрассудками. Ввиду этого VIII отдел Наркомюста предлагает раньше операции ставить его в известность о приступе к таковой с информированием о всех конкретных обстоятельствах и о плане действий.

Ф.1000. Оп.5. Д.230. Л.384-384об.

9

**Из протокола № 30 заседания
Президиума Исполкома Петросовета. 8 мая 1922.**

Слушали: 1. О вскрытии мощей Александра Невского.

Постановили: 1. а) Вскрытие мощей произвести во время изъятия серебряной раки Александра Невского. б) Организацию вскрытия поручить председателю губкомиссии по изъятию церковных ценностей в Петрограде. в) Считать необходимым присутствие представителей верующих, рабочих организаций и красноармейских частей во время вскрытия мощей. г) Ответственными представителями Петроградского губисполкома во время вскрытия мощей назначить: т.т. Комарова Николая Павловича и Кондратьева Ивана Ивановича.

Ф.1001. Оп.1. Д.320. Л.33.

**Инструкция районным подкомиссиям
по изъятию церковных ценностей
(Принята на заседании губкомиссии по изъятию ценностей).
[Начало марта 1922].**

1) Вся работа по изъятию церковных ценностей по всем районам города проходит под непосредственным руководством губернской комиссии.

2) Губернская комиссия осуществляет свое руководство в деле изъятия церковных ценностей через районные подкомиссии в лице их председателей.

3) Районные подкомиссии организуются в составе: председателя райисполкома или его заместителя, заведующего церковным столом и члена райкома, причем в подкомиссии вводятся по два представителя от губкомиссии на правах членов.

4) Подкомиссии приступают к работе на местах немедленно по их сконструированию, вырабатывают план действий, руководствуясь постановлением ВЦИК и инструкцией к нему НКЮ, и не позже 48 часов с получения сего сообщают в губкомиссию: о персональном составе подкомиссий, начале и о порядке работ, причем к фактическому изъятию ценностей приступают только по получении санкции губкомиссии.

5) Председатели подкомиссии ежедневно дают сводки о ходе работ в районах секретарю губкомиссии (губфинотдел. комната 356).

6) Подкомиссии могут допускать выкуп ценностей, подлежащих к изъятию, однородным металлом соответствующего веса.

7) Священная утварь церковная предьявляется для учета самим священником обследуемого храма и только в случае отказа священника комиссия изымает их сама.

8) Подкомиссии о времени начала работ и месте изъятия свое- временно ставят в известность П<етроградское> о<тделение> Главмузея, каковое высылает своего представителя на место изъятия.

9) Все изъятые подкомиссиями церковные ценности обезличивать ни в коем случае не следует, а по каждой церкви надлежит составлять отдельные описи с указанием в них наименования церкви, изъятия из нее предметов и их количество.

10) В ту же опись отдельным пунктом вносятся предметы в благородных металлах и камнях, оставленные в церкви как необходимые для богослужения, но подлежащие замене менее ценными.

11) Опробирование ценностей не производить и не указывать в описях веса предметов, так как эта работа проводится в губфинотделе специальной комиссией.

12) Упаковка должна производиться также по каждой церкви в отдельности, причем внутрь каждой упаковки вкладывается опись, а на самой упаковке обозначается название церкви.

13) Упаковка должна быть совершенно прочной, хорошо обвязанной и опечатанной надлежащими печатями.

14) Все без исключения переносные ценности в указанном в настоящей инструкции виде направляются немедленно с надежной охраной и препроводительным отношением в губфинотдел.

Ф. 7384. Оп. 33. Д. 128. Л. 10-10об.

11

Из стенографического отчета заседания Петросвета. 20 марта 1922.

Красильников. — Товарищи, не первый раз государство в трудную минуту жизни брало те или другие ценности из церквей. Николай I перед самой Севастопольской кампанией заставил Киево-Печерскую лавру дать на 20 миллионов таких вещей. Но не пошло это ему впрок. Севастопольская кампания... (Голоса: «Довольно». Шум. Звон колокола председателя). Товарищи, я говорю правду. Во-первых, я должен прямо сказать: я сын бывшего крепостного крестьянина, я не иду против Советской власти, я желаю ей благополучия, но я каждый раз говорю: не идите против бога... (Шум). Товарищи, если бы вы дали мне только 10 минут говорить, я доказал бы каждому, что бог есть, вы убедились бы в этом... (Шум, свист). Я говорю прямо и откровенно... (Шум). Ведь я же вкратце, ведь я в 5 минут кончу. (Голоса: «Говорите о ценностях»). Ценности вздор, не это меня волнует. (Голоса: «Довольно»).

Зиновьев. — Товарищ Красильников того мнения, что ценности вздор. (Шум). Тов. Красильников держится того мнения, что на свете существует бог. Допустим, что это так, но из этого разве вытекает, что 20 миллионов крестьян должны помириться с голоду? Мы только поставили вопрос о помощи голодным. У нас не диспут происходит. Здесь политическое собрание, заседает Совет, орган власти. Обсуждается вопрос о том, надо ли и как именно надо изъять ценности для того, чтобы помочь голодающим крестьянам. Если тов. Красильников желает по этому вопросу дать какие-нибудь советы, тогда мы можем слушать, но не превращать собрание в диспут о том, есть бог или нет (Голоса: «Правильно»).

Красильников — Я тогда в двух словах скажу. Духовенство действительно само отдает предметы, которые есть в храмах, но чтобы ни малейшего насилия не было произведено. Если будет хоть малейшее насилие, то я смело скажу, что мы будем иметь дело не с духовенст-

вом, которое мелочь, а с высшим существом, которого вы не желали... (Шум, хохот, свист. Звонкок председателя. Голос: «Довольно, тов. Красильников, здесь детей нет»).

Зиновьев. — Слово имеет тов. Тюшин.

Ф. 1000. Оп. 6. Д. 266. Л. 60-61.

12

**Резолюция Петросовета по третьему пункту повестки дня
20 марта 1922.
(«Об изъятии церковных ценностей»)**

Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов постановляет: Ужасы голода, настигшие Поволжье, превосходят всякую меру. Страдания, обрушившиеся на десятки миллионов крестьян Поволжья, заставляют содрогнуться сердце каждого честного труженика. Сотни и тысячи наших братьев умирают от голода каждый день. Беспомощно гибнут тысячи и тысячи крестьянских детей. Многие десятки тысяч голодных беженцев рассеялись по всей России, оторванные от своих хозяйств, больные и разоренные. Рабочий скот погиб. Голодная смерть косит все новые и новые ряды крестьян Поволжья. Поволжье, житница России, засухой нынешнего года превращено в пустыню. При таком положении вещей вся страна обязана прийти на помощь умирающему Поволжью. Надо напрячь последний мускул, чтобы произвести хотя бы частичное обсеменение полей Поволжья, иначе голод неминуем и в 1922 году. Советская страна, истощенная, измученная тяжелой войной, делает все возможное, чтобы помочь голодающим. Рабочие и крестьяне всей страны, сами испытывающие громадную нужду, делятся последним куском с голодающими, Но этого мало. Это только капля в море. ВЦИК, избранный трудящимися всей России, счел своим долгом прибегнуть к экстренной мере: издать декрет об изъятии части ценностей из церквей и монастырей — когда гибнут от голода тысячи и десятки тысяч крестьян, преступлением против народа было бы не обратить драгоценности в хлеб насущный для голодающих. Часть представителей духовенства поняла свой долг перед народом. Но другая часть высшего духовенства упорствует и вступает на путь борьбы против правительственного декрета. Те самые служители церкви, которые во время грабительской империалистической войны предлагали Николаю Кровавому отдать церковные драгоценности на войну, теперь не хотят отдать их на кусок хлеба для голодающих миллионов крестьян. В частности, митрополит петроградский Вениамин в Петрограде встал на этот путь. Комиссия помощи голодающим обратилась к митрополиту Вениамину с лояльным предло-

жением сотрудничества и с готовностью пойти навстречу религиозным чувствам верующих. На это приверженцы митрополита Вениамина ответили тем, что пытались мобилизовать против голодающих часть купцов и спекулянтов Сенного рынка.

Петроградский Совет заявляет: Советская власть уважает религиозные чувства верующих, она ни в коем случае не мешает каждому исповедовать какую ему угодно религию. Но она не позволит кучке высших представителей духовенства, привыкших служить царям и помещикам, срывать помощь голодающим.

Смерть новых десятков тысяч крестьян, которых можно еще спасти, падет на голову тех, кто не хочет отдать золота и бриллиантов. Даже часть заграничной буржуазии помогает хлебом голодающим нашего Поволжья, а русские служители церкви отказываются от этого, покрывая себя вечным позором.

Петроградский Совет требует выполнения декрета. Петроградский Совет поручает всем своим членам разъяснить населению смысл [и] значение декрета. Петроградский Совет предупреждает всех и каждого, что попытки сорвать помощь голодающим будут пресечены суровой рукой.

Ф. 1000. Оп. 6. Д. 266. Л. 73-74.

13

Отдел управления Петросовета.

Из «Сводки общего политического и административного состояния г. Петрограда и губернии за март месяц 1922 г.»
[Апрель 1922]

Агитация духовенства.

Почва для выступления духовенства с антисоветской агитацией была крайне благоприятна в связи с занятой в марте м<еся>це позицией «князьями церкви» против декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей.

В г. Петрограде повсеместно наблюдалось стечение толп около церквей в связи с провокационно распространяемыми слухами «о насилии» большевиков над церковью. Характерно при этом отметить, что в наиболее густо населенном рабочими Выборгском районе был лишь один случай скопления толпы у церкви. Состав толпившихся около церквей почти повсеместно одинаковый: богомольные старухи и старики, торговцы и спекулянты, просто любопытные и в числе их много детей. Протеста против фактического изъятия ценностей назначенными комиссиями, оппозиционеры высказались за «автономию» церкви в деле помощи голодающим. По сообщениям

районных отделов управления, за март не зарегистрировано столкновений между «приверженцами» церкви и комиссиями по изъятию. За этот период проведен ряд митингов и собраний, преимущественно на фабриках, заводах и мастерских, давших положительные результаты и в значительной мере подготовивших массы к изъятию ценностей.

То же самое настроение оппозиции духовенства и их приспешников вытекает из сообщений уездных отделов управления. В городе и уездах ведется тщательное наблюдение за духовенством, в соответственных случаях сообщается Политуправлению и Политбюро.

Ф.1001. Оп.3. Д.1418. Л.5-5об.

14

**Справка Первого Городского райисполкома
об инцидентах при изъятии ценностей в <...> районе
за апрель 1922. [Май 1922].**

В нижеуказанных церквях прошли инциденты при изъятии ценностей: 1) Братская церковь, Боровая, 52 (Побои, нанесенные членам комиссии толпой).

2) Творожское подворье, угол Раменской и Екатеринославской (Нападение на членов комиссии и побои).

3) Церковь Александра Свирского, Разъезжая, 23/1 (Швыряние в членов комиссии камнями с разбитием стекол в автомобиле).

4) Коневская часовня, Загородный, 7 (Избиение членов комиссии).

5) Череменецкое подворье, Боровая, 40 (Нападение на членов комиссии и побои).

Все подлежащие изъятию ценностей церкви были разбиты на категории: большие (соборы, Лавра) — 10 церквей; средние (коренные приходские, подворье) — 18 церквей; малые (домовые на правах приходских) — 14 церквей. В остальных церквях изъятие производилось аппаратом самой комиссии при содействии коллектива Совета. Кампания по изъятию ценностей началась 21 апреля 1922 года.

Ф.7384. Оп.33. Д.128. Л.3

15

**Нарвско-Петергофский райисполком.
Из сводки «Общего политического состояния <...> района
за апрель-[май] м <еся>цы 1922 г.» [Май 1922].**

...4 мая при изъятии церковн<ых> ценностей из церкви Ник.

Чудотворца (Улица Стачек, 70, около Путил<овского> завода) собравшейся толпой было сделано бесчинство и нападение на участников изъятия и представителей охраны. Несколько лиц было избито, в их числе уполномоченный от райкомиссии по изъятию т. Левицкий (рабочий зав. «Треугольник»), красноармеец Ив. Иванов и пом. нач. 1 уч <астка> милиции тов. Розанов.

Причина: Как от непринятия соответствующих мер со стороны приходского Совета, в лице которого большинство — несознательные, так и от агитации отдельных личностей.

Какие приняты мероприятия: Произведены аресты виновных и дело передано через управление раймилиции в Петрогубревтрибунал.

Ф. 1001. Оп. 3. Д. 1420. Л. 79об., 83.

16

Председатель подкомиссии Смольнинского района по изъятию ценностей.

**Доклад в губкомиссию о ходе изъятия ценностей в районе
за апрель—июнь 1922. [Начало июня 1922].**

Настоящим доношу, что подкомиссия по изъятию церковных ценностей в Смольнинском районе работу по изъятию закончила, ценности изъяты из церквей всех культов, как домовых, так и приходских и часовен. Всего изъято: из 15 закрытых церквей (домовых) серебра 20 пудов 29 фунтов 2 золотника; золота 13 фунтов 45 золотников 72 доли; металла 1 пуд 31 фунт 1 золотник и из 32 приходских церквей и 13 часовен серебра 73 пуда 18 фунтов 53 золотника; золота 8 золотников 84 доли и металла 1 пуд 23 золотника. Драгоценных камней изъято лишь в двух церквах: из Георгиевской церкви на Георгиевском кладбище — накладка с розочкой и бриллианты, караты которых не установлены, и в Афонском подворье найдена и изъята коронка с бриллиантами и жемчугом, розочка и алмазы, караты которых пока не установлены. Кроме того, в этой же церкви изъяты два бриллианта по 1/4 карата и один 1/2.

Благодаря тому, что перед изъятием ценностей из церквей в районе была проведена агиткампания по всем государственным учреждениям и фабрично-заводским предприятиям, изъятие в общем прошло безболезненно. Во время изъятия ценностей возле некоторых церквей собирались толпы, но среди собравшихся никогда не были видны рабочие, были исключительно дети, подростки и женщины.

В первую очередь было приступлено к изъятию из домовых церквей, которых в районе числится всего 23. Из них еще ранее были

ликвидированы 8 и потому изъятие проводилось лишь в 15. Церкви после изъятия закрыты за исключением временно открытых в убежищах престарелых.

В большинстве случаев попы и завхозы церквей шли навстречу комиссии и помогали последним. Лишь в двух закрытых церквях комиссия встречала противодействие. В Свято-Троицкой общине по 2-й Рождественской ул., д. 18, поп Левенцев категорически отказался выдать ключи от церкви. По предложению комиссии он зафиксировал свой отказ на бумаге и кроме своей подписи закрепил ее еще 142 подписями из толпы собравшихся вокруг подкомиссии. Толпа выкрикивала по адресу подкомиссии всевозможные оскорбления, а присутствующие тут же врачи общины и другие лица громко высказывали свое недоверие членам подкомиссии и Советской власти. Во второй церкви при больнице Раухфуса также отказались допустить к изъятию. Но подкомиссия тем не менее произвела изъятие подчистую, а церковь запечатала. О всех препятствиях в работе подкомиссии было донесено в Госполитуправление.

С пасхальной недели приступили к изъятию ценностей из приходских церквей. Из райкома были востребованы 20 испытанных и выдержанных товарищей рабочих, преимущественно слесарей, которые были проинструктированы и оказались очень добросовестными и исполнительными помощниками комиссии по изъятию ценностей. При изъятии все время присутствовал также представитель Главмузея тов. Лушкарев. Перед каждым изъятием в исполком вызывались настоятель и приходской совет данной церкви для переговоров о содействии работам комиссии. При этом представители церкви предупреждались, чтобы во время изъятия не устраивались бы какие-нибудь демонстрации у церкви, во избежание разграбления ценностей толпой. Обо всем этом с них бралась подписка. В большинстве случаев представители церквей сами назначали день и час изъятия, во избежание совпадения с церковной службой и могущей произойти демонстрацией. Только в двух церквях — Рождества Христова и Бориса и Глеба настоятели церквей и церковный совет просили комиссию самой назначить время изъятия, боясь, что приход может прийти к церкви, если заблаговременно узнают о дне и часе работ подкомиссии. В церквях Святого духа, Афонского подворья и Казанской Б<ожьей> матери, что угол Панфиловой и Полевой, сами настоятели с членами церковного совета снимали ризы с икон и во всем помогали комиссии.

В некоторых церквях работа осложнялась противодействием духовенства. Так, в церкви Бориса и Глеба настоятель в назначенный день отказался допустить подкомиссию на изъятие, ссылаясь на то, что нет налицо представителей церковного совета. После этого настоятель был вызван в исполком, куда он явился в тот же день

испуганный и сознался, что был неправ, не допустив комиссию к изъятию. Далее настоятель сообщил на вопрос комиссии, что в церкви имеется серебро, снятое во время нашествия немцев и спрятанное, которое он обещал выдать комиссии по ее настоянию. На следующий день он действительно указал место, где было спрятано серебро в количестве 7 или 8 пудов, которое и было изъято комиссией. Священные же сосуды с престола настоятель и члены приходского совета категорически отказались выдать, о чем и был составлен соответствующий акт. Комиссия же забрала ценности подчистую. Возле церкви собралась толпа, но немногочисленная.

В римско-католической церкви ксендз также не допустил комиссию в алтарь, упав перед дверью на колени и заявив, что только через его труп комиссия проникнет в алтарь. Комиссия в алтарь не пошла, так как по описи там хранились лишь ценности, не подлежащие изъятию, как необходимые для богослужения. Помимо того комиссия избегала конфликта, потому что в церкви собралось поляков человек 30, а возле церкви была толпа человек в 300, где преобладали хулиганы, ребятишки и женщины. Вывести ценности удалось безболезненно. Изъятие ценностей в районе сопровождалось скопищами народа, преимущественно подростков и женщин, от 300 до 500 человек.

Иногда в членов комиссии кидали камнями, как это было на Б.Охте у церкви Святого Духа, где хулиганами была сбита дверь и избит один член подкомиссии. Пришлось вызвать вооруженную охрану из курсантов в 30 человек, во избежание разграбления ценностей хулиганами.

На Малой Охте у церкви Марии Магдалины повторялось то же самое, что не помешало, однако, изъять все ценности. Хулиганами из толпы были побиты два члена подкомиссии. На 6-й Рождественской у церкви Рождества Христова собралась толпа до 800 человек — малолетние, подростки и женщины, так как церковь сама не высока, хулиганы залезли на окна и осыпали комиссию бранью и проклятиями. Была и здесь вызвана охрана в 30 человек кавалеристов, которая оттискивала толпу. Обо всех этих событиях своевременно было донесено в Госполитуправление.

На Б.Охте в Мариинской церкви на Единовержеском кладбище под полом в склепе хранились престол и гробница для плащаницы. Пол пришлось проломать и раскопать цемент, чтобы получить возможность собрать серебро в склепе, так как вытащить гробницу за отсутствием соответствующих приспособлений не оказалось возможным. Комиссия проработала здесь почти целый день. Всего серебра было извлечено 7 п <удов> 15 фунтов. Настоятель объяснил, что серебро было скрыто от германского нашествия.

В церкви Тихвинской Б <ожьей> матери, Очаковская ул., № 7 по

описи недоставало одной чаши с принадлежностями и одного кадила, о чем был составлен протокол. Настоятель и верующие заявили, что эти предметы были похищены во время кражи, о чем своевременно было сообщено в уголовный розыск. Показания свои они подтвердили подписями. В церкви Коневского монастыря по описи не оказалось одного дискоса, который, по заявлению представителей церкви, во время войны был внесен в один из монастырей. Здесь также составлен протокол, направленный с другими материалами в Госполитуправление для расследования. В церкви Скоропослушницы по 2-ой Рождественской ул. была совершена кража накануне изъятия. О краже было донесено в центральный уголовный розыск и по требованию настоятеля в церковь введена собака-ищейка, но без результатов. В этой церкви все имущество взято под охрану Главмузея и у настоятеля имеется соответствующая бумага за подписью тов. Луначарского.

В некоторых церквях района были оставлены ризы на иконах, так называемые «особочтимые», и другие малоценные предметы с обязательством замены в семидневный срок однородным металлом по весу. Замена принесена своевременно. Кроме того, были оставлены немногие ризы, которые по техническим условиям нельзя было снять, требовалась пожарная лестница. Оставлена икона в церкви Марии Магдалины на Малой Охте. В церкви Рождества Христова оставлена плащаница, так как комиссия затрудняется определить металл, для чего необходима присылка эксперта.

К вышеизложенному необходимо добавить, что очень много представителем Главмузея тов. Лушкаревым оставлено за отделом старины и искусства, и чуть ли не в каждой церкви возникали между ним и членами комиссии споры, доходившие чуть ли не до скандала. В церкви Скоропослушницы возникло недоразумение из-за престола, который весь серебряный, но сделан в стиле храма. Тов.Лушкарев категорически отказался снять с престола серебряные предметы, мотивируя это тем, что испортится весь престол. Вопрос оставлен открытым до решения губкомиссии. В заключение необходимо указать, что в церквях района не было инвентарных книг до 1917 г. вопреки постановлению ВЦИК. Предварительный допрос священников и представителей церковных советов производился районной милицией, после чего весь материал будет направлен в Госполитуправление.

Председатель подкомиссии
Смолянинского района
по изъятию церковных ценностей.

Отдел управления Петросовета.
Из «Обзорной сводки политического и административного
состояния г. Петрограда за апрель 1922 года». [Май 1922].

Духовенство и изъятие ценностей

Что касается агитации духовенства против Советской власти, то по сведениям районных отделов управления за апрель месяц представляется следующая картина. Открытой, явной агитации против изъятия ценностей почти не было, за исключением свящ. Левенцова, который решительно отказался выдать ценности Свято-Троицкого подворья (Смольнинский район) и под свое заявление-протест собрал 140 подписей из толпы около церкви... Но, опасаясь открытого выступления против власти, духовенство усиленно агитирует против изъятия подпольно, путем нашептывания и будирования масс, причем пускаются в ход различные злостные слухи о судьбе отбираемых ценностей. Для предупреждения последствий нашептывания проведен целый ряд митингов и собраний преимущественно среди рабочих масс с разъяснением вопроса о помощи голодающим, Володарский райотдуправ сделал еще в марте решительное предостережение попам, что и было принято ими во внимание; Пороховской отдуправ организовал тайную слежку, вызывал священников к себе, где велись беседы и давались разъяснения агитационного характера; о задаче Советской власти — побороть голод в Поволжье. Что касается самого процесса изъятия ценностей, то оно повсеместно протекало нормально и без серьезных недоразумений. Почти повсюду изъятие ценностей сопровождалось присутствием отдельных лиц, недовольных действиями Советской власти и, очевидно, сожалевших о «непротивлении» церкви. Влияние подобных личностей весьма ограничено, однако, в Нарвско-Петергофском и Петроградском районах изъятие сопровождалось и эксцессами, правда весьма незначительными (единичные избиения), причиной чего явилась недостаточная подготовка комиссии по изъятию, а поводом — непринятие соответствующих мер приходскими властями. Во всех подобных случаях лица, виновные в нарушении общественного порядка, задерживались и в случае установления их действительной виновности предавались суду. Наиболее внушительная толпа до 7000 человек собралась в какие-нибудь 40 минут при изъятии ценностей из церкви у Клинского рынка (28 апреля), что объясняется неудачно выбранным временем для работы комиссии, т.е. в 7 часов вечера, когда закрывается рынок. Однако факт скопления семитысячной толпы в сорок минут доказывает наличие предварительной агитации с попыткой

вызвать эксцесс; но и в этом случае надежды зачинщиков не оправдались, т.к. умелыми маневрами взвода курсантов и милиции толпа была рассеяна в полчаса и изъятие кончилось вполне благополучно.

Ф.1001. Оп.3. Д.1418. Л.6об.-7.

18

**Временно управляющий Петроградской епархией
епископ Ямбургский Алексей (Симанский) —
Петроградскому губисполкому. 6 июня 1922.**

В Петроградский губисполком

На состоявшемся с разрешения отдела управления Пастырском собрании духовенства г.Петрограда 5-го июня сего года, в коем приняло участие свыше 150 чел. духовенства, по заслушанию доклада протоиерея Введенского и др. о положении церкви в настоящее время вообще и в частности в Петроградской епархии, состоялись и приняты единогласно следующие резолюции:

1. (3-я резолюция) Просить Советскую власть об освобождении — на поруки всего духовенства г.Петрограда — митрополита Вениамина, как совершенно непричастного, по нашему глубокому убеждению, к контрреволюционным выступлениям и действиям каких-либо политических партий; и

2. (5-я резолюция) Засвидетельствовать перед Советской властью абсолютную аполитичность православного духовенства г.Петрограда, и, в частности, полную непричастность его к резолюциям политического характера, вынесенным на Карловацком церковном соборе, и к деятельности тех или иных политических партий и организаций.

Ввиду сего, считаю своим долгом ходатайствовать пред Петрогубисполкомом об освобождении митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) на поруки тех представителей духовенства, которые будут указаны гражданской властью в случае принципиального согласия ее на удовлетворение изложенной просьбы.

Временный управляющий
Петроградской епарх <ией>
епископ Ямбургский Алексей.

Ф.1000. Оп.6. Д.41. Л.135-135об.

М.Н.Покровский

К ОТЧЕТУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК ЗА 1926 г.

Публикация М.Юрьевой и Д.Рейзлина.

Лакуны в истории академической науки советского периода в последнее время постепенно заполняются¹. Однако механизм партийно-государственной экспансии в этой области, а также персональная роль конкретных идеологов этого процесса изучены еще мало. Именно с этой точки зрения публикуемый документ представляется ценным.

18 июня 1927 Совнарком СССР утвердил первый советский Устав АН СССР. Через два дня Отдел научных учреждений (ОНУ) СНК запросил у Академии перечень академических учреждений и кафедр с указанием руководящего административного персонала, особо интересуясь при этом вакантными кафедрами. 21 июня в Академию поступило требование предоставить отчеты о ее деятельности в 1925 и 1926², т.е. с момента получения ею статуса общесоюзного учреждения и выхода из непосредственного ведения Наркомпроса РСФСР. И, наконец, в тот же день Совнарком образовал специальную комиссию для рассмотрения этих отчетов (далее — Комиссия СНК). Через некоторое время функции Комиссии расширились — ей предстояло ознакомиться и дать заключение по плану работ АН СССР и ее смете на 1927/28. Впервые за советское время научная деятельность и организационное устройство АН подвергались столь серьезной ревизии со стороны высшего органа государственного управления. Момент для ее проведения был выбран не случайно.

1927 — год 10-летия Октября — стал той рубежной для Академии наук датой, после которой ее более или менее автономное существование прекратилось. В разговоре с Непременным секретарем АН С.Ф.Ольденбургом летом 1928 заведующий ОНУ СНК Е.П.Воронов высказал это недвусмысленно: «Правительство 10 лет ждало и дало много авансов, но <...> на 11-м году оно

¹ См., напр.: Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Вып.1. М., 1991. С.163-235; он же. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. №4. С.96-104; Репрессированная наука: [Сб. статей] / Под общ. ред. М.Г.Ярошевского. Л., 1991.

² Само по себе требование представить отчет Академии выглядело довольно странно. Его текст был издан Издательством АН СССР еще в январе 1927, накануне традиционного публичного заседания Академии 2 февраля, где с ним выступил Непременный секретарь С.Ф.Ольденбург. «Отчет», опубликованный в двух томах, насчитывал около 700 страниц и охватывал все стороны академической работы — от индивидуальной деятельности академиков и членов-корреспондентов до самых конкретных сведений о работе отдельных структурных подразделений институтов, музеев, лабораторий и т.п.

поступит с АН по-своему. АН не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в советском государстве»³.

Первая половина 1927 прошла под знаком подготовки власти к будущей реорганизации Академии: в марте состоялось первое организационное собрание коллектива ВКП(б) АН и, хотя набралось всего 5 членов партии и 2 кандидата (среди них ни одного научного работника), тропа была проложена; в апреле начала свою деятельность Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО), созданная как прямой противовес аполитичной Академии⁴; наконец, в мае в «Ленинградской правде» появилась статья под характерным названием «Академический ковчег», обозначившая начало активной антиакадемической кампании в прессе⁵. Таким образом предпосылки для работы Комиссии СНК были созданы: общественное мнение подготовлено, «пятая колонна» в лице низших академических служащих и пробольшевистски настроенных московских ученых мужей набернована, страсти искусственно накалены.

Даже беглое знакомство с составом Комиссии СНК — а в нее вошли — В.П.Милютин (председатель), А.Н.Бах, А.Я.Вышинский, Д.Б.Рязанов, М.Н.Покровский, В.П.Волгин, Н.П.Горбунов, П.С.Осадчий — показывает, что она была по преимуществу сформирована из деятелей, негативно относившихся к старому руководству АН. У каждого из них были свои основания для этого, но абсолютно всех объединяло стремление реформировать АН в советском духе.

Основные документы Комиссии СНК имели гриф «секретно». Когда отчет АН и первые составленный ею план были даны на отзыв членам Комиссии, в заседании 26 августа 1927 специально постановлено было «считать, что индивидуальные заключения членов Комиссии <...> являются секретным материалом Комиссии и оглашению не подлежат»⁶. Эта новая для Академии особенность делопроизводства относилась и к публикуемому документу.

Его автор — историк Михаил Николаевич Покровский (1868-1932) — один из создателей советской системы управления наукой и культурой. Зам.наркома просвещения в 1918-32, он одновременно руководил Комакадемией, Институтом красной профессуры, Обществом историков-марксистов, Централрхивом, редакциями нескольких журналов, Экспертной комиссией по присуждению премий им.В.И.Ленина и т.п., и к 1925-27 достиг наивысшего уровня своего влияния и власти. Его отношение к академической и вузовской науке, по-видимому, в значительной степени было обусловлено личными переживаниями. Еще в конце 1900-х ученая среда отвергла его притязания на профессуру, а в 1918-25 Российская академия наук систематически ущемляла его ведомственные амбиции: формально подчиняясь в то время Наркомпросу, она последовательно стремилась — и умела при необходимости

³ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.50. Л.34.

⁴ См.: Тугаринов И.А. ВАРНИТСО и Академия наук // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. №4; он же. История ВАРНИТСО, или как ломали Академию в год «великого перелома» // Природа. 1990. №7.

⁵ См.: Горяинов А.Н. «Ленинградская правда» — коллективный организатор «великого перелома» в Академии наук // Вестник АН СССР. 1991. №8. С.107-114.

⁶ ААН. Ф.1759. Оп.2. Д.18. Л.333.

— выйти прямо на СНК (сначала на Ленина, затем на Рыкова), нарушая тем самым еще не устоявшуюся иерархию. Психологическая готовность Покровского к широкой организационной экспансии и «великому перелому» в науке также созрела примерно в 1927, когда он уже мог опереться на разившиеся структуры Комакадемии, РАНИОНа, ИКП и других союзников.

В заключении Покровского легко прочтываются несколько ведущих идей. Во-первых, навязчивый призрак абсолютной централизации управления научной деятельностью. Идеал Покровского — вертикаль с жестким подчинением, пронизывающая всю структуру науки — от отдельного научного работника до большого исследовательского коллектива. Здесь нет места инициативе, поиску, плюрализму взглядов и методов; главенствует социальный заказ с точной прописью, как и в какие сроки следует совершать «нужные» научные открытия.

Во-вторых, очевидно стремление любыми средствами уничтожить и запретить все классово чуждое, а значит — органически сложившиеся в Российской академии организационные структуры, коллективы ученых, системы отношений в них, нравственный климат, традиции, да и привычный инструментарий наук, прежде всего гуманитарных. К ним у Покровского особый интерес: профессиональный историк, ученик Ключевского, он яснее многих мог оценить потенциал историко-филологического отделения Академии, представить масштаб его влияния на университетскую молодежь. Свою задачу он видел в том, чтобы этому влиянию ожесточенно противостоять. Потому острое агрессии Покровского направлено в первую очередь против его коллег по научной профессии.

Наконец, еще одно. Эмоциональный вектор публикуемого текста примитивен: от иронии к ненависти. На этом пути автор не может остановиться, его ведет за собой испепеляющая жажда власти: достается не только Академии, — Покровский, не смущаясь, бьет по своим. Тем самым, быть может бессознательно, автор сеет семена гибели для своих последователей. Похоже, что система, в которой претензия лидера на абсолютную гегемонию не сдерживается ни моральными, ни рациональными факторами, обречена на самоуничтожение.

Тем не менее Покровскому многое удалось. Во-первых, его заключение стало прологом, а может быть и сценарием происшедшего с АН в 1929-30. Последнее, конечно, требует дополнительных доказательств, которые станут возможны лишь на основе исчерпывающего знакомства исследователей с мало доступными пока материалами СНК, ВКП(б) и ОГПУ. Во-вторых, в значительной степени с легкой руки Покровского сложились стиль, логика и даже сама ментальность советского отношения власти к науке, которые надолго пережили автора публикуемого текста.

Документ хранится в личном фонде М.Н.Покровского (Архив АН СССР. Ф.1759. Оп.2. Д.18. Л.88-102). При публикации особенности авторской пунктуации и стилистики сохранены.

Академию Наук — до 1925 года Российскую, с этого года Всесоюзную — принято считать крупнейшим научно-исследовательским центром в нашей стране. Что это — крупнейшее в Союзе научно-исследовательское учреждение, точнее крупнейший комплекс научно-исследовательских учреждений, в этом не может быть сомнения. Но первое, что поражает в отчете Академии, это полная ее *изолированность* от всех других научно-исследовательских учреждений страны. Если не считать таких, совершенно случайных, фактов, как то, что многие академики состоят одновременно членами различных других научно-исследовательских учреждений и профессорами ВУЗ-ов, да обмена книгами, изредка коллекциями с этими другими учреждениями, никакой связи Академии с остальным ученым миром СССР по отчету уловить нельзя. «Центр», если судить по его отчету, никого и ничего не объединяет, кроме своих членов и входящих в состав самого центра институтов, музеев, лабораторий и т.д.

Это громадный пробел не только в деятельности Академии Наук но в научной деятельности Союза вообще. Наивно было бы думать что бюрократические учреждения, в роде «Главнаук» Наркомпроса различных союзных республик¹, могут объединить научно-исследовательскую работу, ведущуюся в этих последних. «Главнауки» — аппарат *снабжения* субсидируемой государством научно-исследовательской работы и, в лучшем случае — если их собственный аппарат составлен из вполне компетентных и безусловно надежных людей аппарат *контроля* за этой работой. Но руководителями этой работы главнауки могли бы стать лишь в том случае, если бы сами превратились в академии — стали коллегиями руководителей высших научных учреждений, и то было бы совершенно нерационально поскольку тогда контролировать хозяйственно-административную деятельность этих последних было бы некому. У Союза должен быть не научно-административный, а научно-исследовательский центр объединяющий всю работу в научной области определенным *планом*. Этого в настоящее время нет. Это должно быть — и этим центром должна стать *реорганизованная* Академия Наук, по крайней мере в отношении наук точных и естественных. План превращения Академии в такой, действительно руководящий, центр научно-исследовательской работы всей страны существовал в Наркомпросе РСФСР в пору всех его грандиозных начинаний — в 1918 году². Тогда существовал проект и иного формирования Академии, чем это делается теперь — путем избрания академиков на всереспубликанских (Союза тогда не было) научных конгрессах. План постигла участь всех тогдашних планов Наркомпроса. Но к нему придется вернуться — за исключением, может быть, способа избрания академиков, слишком

отдающего пацифистскими иллюзиями 1918 года в отношении интеллигенции³.

Во всяком случае, теперешняя Академия, судя по ее отчету, не только таким центром не является, но и не может стать, пока она работает так, как привыкла работать два столетия. Оторванность ее работы ото всей научной жизни страны сложилась не со вчерашнего дня — напротив, сейчас она менее полна, чем это было 30-40-50 лет назад. Достаточно сказать, что теперь Академия все же связалась с *краеведческой* работой (что, почему-то, слабо отразилось в отчете)⁴, что у нее возникли такие составные части, как КЕПС, КИПС и ОКИСАР⁵, чтобы видеть, что из своего «блестящего одиночества» Академия начинает выходить — но только начинает, и едва ли выйдет окончательно без посторонней помощи.

Едва ли выйдет, поскольку на нравах и привычках Академии явственно сказывается ее двухвековая традиция. Сами руководители Академии это чувствуют — и стараются наперед отпарировать возможные упреки. «Время кунсткамер давно и, казалось бы, бесповоротно, прошло», говорит неперменный секретарь Академии в своей речи. Но, хотя легкое сомнение С.Ф.Ольденбурга («казалось бы») им самим относится к «Западу», где «музейная мысль (речь идет в данном месте о музеях) во многих случаях еще недостаточно интенсивно работает», у нас же «такая постановка дела изжита»⁶, — на самом деле сколько угодно следов «кунсткамеры» можно отыскать и в данном отчете. Когда в антропологический музей доставляются «мозг и внутренние органы таджика» (т. I, стр. 197), то мы имеем перед собою несомненную «кунсткамеру», поскольку таджик не есть особый редкостный зверь, а представляет собою одну из разновидностей граждан СССР, антропологически весьма близкую к среднему восточно-европейскому типу, в частности великорусскому (отчет, т. II, стр. 130)⁷. Нет никаких оснований думать, чтобы его желудок, печень и селезенка представляли сколько-нибудь интересные, в антропологическом отношении, отклонения от таковых же самих уважаемых академиком. Правда, данный таджик умер не совсем обычной смертью — был посажен на кол, — но возможные от этой причины изменения в его органах могут быть интересны для музея здравоохранения в Москве, а не для музея Антропологии и этнографии. К слову о таджиках — экспедиция Академии с ними, действительно, склонна была обращаться, как с «опытными животными», что вызвало негодование местного населения (отчет, т. II, стр. 130-136)⁸. Надо бы нашим почтенным антропологам объяснить, что своих сограждан не пригодно трактовать, как трактуют «дикарей» разные колонизаторы в Конго или Австралии. Тут мы имеем дело с «традицией» столь же отвратительной, сколько опасной политически.

Чистейшей кунсткамерой является приписанная почему-то к

тому же музею Антропологии и Этнографии «Галерея Петра I»⁹, которой, для довершения картины, заведует специалист по якутам Пекарский. Если внутренности таджика простой анекдот — хотя и весьма характерный — то петровская кунсткамера несравненно серьезнее. Благоговейно охранять реликвии одного из Романовых — не дело советских учреждений, тем паче не дело высшего научного учреждения Союза. При царском режиме культ Петра был понятен — но когда в 1926 году 13000 народу собираются посмотреть «штампованное изображение Петра I, поднимающего заздравный кубок вместе с другими семью военными чинами» (I, 213), то это может иметь смысл или как составная часть монархической пропаганды, или не имеет вовсе никакого смысла. Я ни на секунду не думаю ставить какой-нибудь «дилеммы» — я охотно соглашаюсь, что только последнее предположение может иметь место: «галерея» — бессмысленный остаток прошлого, так же, как и, вероятно еще не выкинутый из «галереи» манекен Петра, с париком из подлинных его волос. Но место таким реликвиям не в музеях, преследующих просветительные цели («галерея» очень гордится своими тринадцатью тысячами посетителей). «Галерея» подлежит немедленному расформированию. Реликвии можно с выгодой продать американским коллекционерам¹⁰ и получить в обмен целый трактор, вещи же, имеющие подлинное художественное или историко-бытовое значение, передать в соответствующие коллекции других музеев, Эрмитажа, Русского или московского Исторического, — ибо связаны эти вещи между собою не тем, что они принадлежали когда-то Петру, а принадлежностью к известной эпохе, в ряд материальных остатков которой они и должны быть поставлены.

«Добрый старым временем» веет не только от иных коллекций Академии — и способов их собирания, — его отпечаток лежит и на документах, выпускаемых ею в наши дни. Традиционны не только вещи, но и отношение к вещам, образ мыслей и взгляды. Отчет о посещении представителем Академии — самим ее высокоуважаемым президентом — мадридского геологического конгресса¹¹ так бесподобно имитирует стиль путешественников XVIII века, что даже «Письма из Испании» умершего полвека назад Боткина покажутся сравнительно с этим отчетом живой современностью. Но прежде всего другого — отчет свидетельствует, насколько пустяковой церемонией являются все эти торжественные «всемирные конгрессы». Без конца всяких празднеств, обедов и банкетов, а «резюльюции конгресса в окончательном отпечатанном виде еще не сообщены его участникам. Поэтому в настоящее время трудно дать общий обзор всех научных достижений съезда». Зато были роскошные приемы, один «в городском парке с изумительным обилием розовых кустов с огромными цветами». Зато были посещения «достаточно известных

художественных собраний Прадо и Эскуриала» — действительно, вполне достаточно известных, чтобы стоило упоминать о них в научном отчете геолога. Но автор отчета, видимо, обращается к публике далекого прошлого, и находит стоящим времени упоминать не только о картинных галереях, известных всякому образованному человеку почти так же хорошо, как наш Эрмитаж, а и о том, что «как известно, в Италии, после средневековых потемок, возникло научное возрождение». Для современников Карамзина и это могло быть новостью — и они, вероятно, не заметили бы ошибки автора, считающего центром итальянского Возрождения Болонью, тогда как им была Флоренция (Болонья была крупнейшим центром тремя столетиями раньше, в эпоху возрождения римского права). И эти современники с удовлетворением прочли бы, что в Сарагоссе, «из предоставленного (нашим академикам) помещения на главной улице можно было с балкона наблюдать грандиозную процессию по случаю праздника *Congrus Domini*¹², в которой участвовали представители всего населения (слушайте!) — губернатор, мэр, командующий войсками, епископ, войска, учащиеся всех возрастов — с сохранением полного порядка». Интересно, от кого же можно было ожидать нарушения порядка — от епископа или от учащихся.

Не мудрено, что общение с представителями Академии привело членов конгресса к выводу, что если Россия изменилась круто, то Российская Академия ни в чем не изменилась и «несмотря на тяжелые годы, когда наши ученые были лишены научно-литературной связи с внешним миром, они остались теми же беспристрастными искателями истины, какими были ранее» (II, 9). Не вижу, почему «беспристрастному исканию истины» противоречило бы беспристрастное оглашение того факта, что конгресс открывал испанский король, не замаскировывая сего последнего в «главу государства, дона-Альфонса», как читаем мы на стр.3-ей II тома. Гораздо лучше было бы остаться «беспристрастным искателем истины» и в этом случае.

Мне в голову не пришло бы критиковать маститого А.П.Карпинского, как автора, — тем более, что он, действительно, родился ближе к XVIII веку, чем к XX-му, — не будь его произведение включено в официальный отчет Академии Наук, т.е., в конечном счете, в политический документ, который прочтут во всех странах земного шара. А в таком документе нельзя подчеркивать, что наши ученые остались тем, чем были при царях, и что они только «беспристрастные искатели истины», а не строители, вместе со всеми другими, социалистической культуры и социалистического общества. Нельзя первому научному учреждению нашего Союза социалистических республик отгораживаться от всей системы учреждений рабочего государства и настаивать, что академики только «ищут истину», не более — и если

в чем отступили от «традиций», то лишь в том, что не решаются называть кошку кошкой, а короля королем. Едва ли нужно упоминать, что о социальном положении в Испании, о режиме Риверы¹³ и т.д. в отчете нельзя найти ни одной буквы. Это не относится к геологии, мне скажут. А музеи Прадо и Эскуриала и «кусты с огромными цветами» относятся?

Отчетом о международном геологическом конгрессе я позволю себе закончить перечень того «кунсткамерного», что есть в отчете, — хотя перечень мой весьма далек от того, чтобы быть исчерпывающим. Я перехожу к другой стороне дела, также достаточно выявляемой «отчетом». Я упоминал в самом начале, что Академия не является тем, регулирующим, центром научно-исследовательской работы в нашей стране, каким она должна бы была стать, — что роль верховного руководителя и контролера общего плана этой работы ей была бы не по плечу. И не только в силу архаического подхода к науке, как «беспристрастному исканию истины» в индивидуальном порядке — не более, но и потому, что такой метод заранее осуждает на бесплановость работу самой Академии. Трудно планировать чужую работу тому, кто сам привык работать без плана. А в работе самой Академии найти какой-либо план так же трудно, как и какую-нибудь связь с общей научно-исследовательской работой Союза. Возьмемте Геологический Музей. Он занимается и палеонтологией — то есть доисторической зоологией и доисторической ботаникой, если можно так выразиться, и каменными строительными материалами; при нем есть геохимическая лаборатория, и таковая же имеется у его соседа, минералогического музея: зачем их две в одной и той же Академии, понять нельзя¹⁴; равным образом невозможно понять, почему зубы ископаемых слонов нужно изучать в остеологическом отделе геологического музея (I, 95), а кости ископаемых быков — в музее зоологическом (I, 131). Явным образом и там, и тут, без плана и системы, в разных углах Академии занимаются одним и тем же — потому что, в порядке индивидуального «искания истины», когда-то и там, и тут заинтересовались одними и теми же проблемами, а потом, по традиции, эта работа развивалась и продолжалась.

Специалисты наверно найдут в естественно-научной части «Отчета» много таких параллелизмов — и так как этим специалистам (не из среды академиков), конечно, будет дан случай высказаться, я перехожу к проявлениям этого параллелизма в деятельности учреждений, более близких к моей специальности, где, притом, этот параллелизм принимает размеры, прямо угрожающие дезорганизацией других, родственных по задачам, научных учреждений. Среди этих дезорганизаторов на первое место нужно поставить пресловутый «Пушкинский Дом»¹⁵. Изучать Пушкина и его эпоху делом совсем не вредное. Собирать для этого материалы, конечно, необходимо. Но,

когда, под предлогом собирания материалов для изучения Пушкина и его эпохи, люди тащут к себе рукописи Гаршина и Лескова, письма Тургенева к Фету, письма Леонида Андреева, архив Гарина-Михайловского, наконец, архивы журналов «Вестник Европы» и «Летопись» (1916-1917 гг.) и газеты «Новая жизнь» — т.е. собрания, коих преобладающий интерес политический и которые имеют к Пушкину ровно столько же отношения, сколько имеет Парижская Коммуна, то это есть просто безалаберное и бесцеремонное распыление ценнейших архивных материалов, над объединением которых в одном центре государство хлопочет с 1918 года¹⁶. Тут просто нужно, как можно скорее, принять соответствующие меры — отобрать у ПД все, что не имеет отношения к Пушкину и его эпохе, и передать письма и архивы журналов и газет в соответствующие отделения общих архивных органов (где уже имеется масса аналогичного материала), а рукописи — в рукописные отделения наших больших библиотек, без которых Пушкинский Дом все равно обойтись не может даже в области разрешения своих прямых задач: вынужден был, например, командировать своего научного сотрудника в Ленинскую Библиотеку (в «Отчете» называемую, конечно, по-старому, «Румянцевским Музеем», с прибавкой «б» — «бывший»: нечто в роде «дона Альфонса») «для занятий над рукописями Пушкина». Да кстати запретить ПД командировывать на государственный счет своих сотрудников для отыскания надгробной плиты отца друга поэта Державина, Львова (II, 123), — ибо с режимом экономии подобного рода командировки мало вяжутся¹⁷.

Другим дезорганизатором того же типа — но меньшего калибра — является «Постоянная историко-археографическая комиссия» Академии Наук (ПИАК)¹⁸ — замаскированный обломок двух учреждений царской эпохи, «императорского Русского Исторического Общества» и «Археографической Комиссии». В свое время оба этих учреждения довольно плохо издали большое количество ценных документов — но эти несомненные заслуги предков нисколько не уполномачивают потомка мешать работе новых, советских учреждений, отнимая у них необходимые им материалы. Колоссальное значение для истории русского землевладения и русского крестьянства имеют монастырские архивы: монастыри были крупнейшими вотчинниками старой России. Теперь поставлена на очередь концентрация монастырских архивов и издание наиболее ценных из них — и уже издано — из-за недостатка средств скромнейшим образом, на стеклографе — 2 тома архива Троицкой лавры. В это время ПИАК торжественно перевозит из Архангельска припрятанное с 1917 года от неособенно зоркого, нужно признаться, взора местных органов Центрархива «Архангельское епархиальное древлехранилище», с ценнейшими архивами ряда северных монастырей (один архив Ан-

тониева Сийского монастыря содержит более 13 тысяч преимущественно земельных актов). Я не думаю оправдывать ротозеев из архангельского Губархбюро: но нельзя же ученым учреждениям советской страны жить по принципу «на то и щука в море, чтобы карась не дремал». Между тем ПИАК, судя по «Отчету», ничем кроме практической децентрализации архивного дела в РСФСР, по-видимому, не занимается — не брезгая, притом, и мелочами: в списке «приобретенный» значится «небольшое собрание документов 1714-1771 гг., принадлежавшее Паниным»; надо знать, что *весь* панинский архив находится ныне в Москве, в «Древлехранилище» (на Девичьем поле, бывший архив министерства юстиции); несколько документов из него когда-то было, видимо, утрачено. Казалось бы, найдя на улице кошелек, стараются отыскать владельца: но есть «ученые» места, где найденные кошельки торжественно зачисляют в «приобретения».

Централизация разбросанного вне ведения советских органов материала удастся гораздо хуже, чем децентрализация того, что уже сосредоточено в пределах СССР. Сколько было в свое время хлопот и разговоров с приобретением пресловутого «Онегинского музея» в Париже (собрание рукописей и реликвий Пушкина). Представитель Академии прожил там, для этой цели, чуть ли не несколько лет. Наконец, сделка состоялась: «Онегин» (настоящая фамилия, кажется, Отт), в обмен на продление Советской властью пенсии, дарованной ему когда-то Николаем II, «завещал» свои коллекции СССР. Но сделка была юридически так неудачно оформлена, что французское правительство получило возможность не выдать «завещанного» — и поездка академика Платонова (директора одновременно ПД и ПИАК) в Париж за «наследством» кончилась ничем (II, 19-20)¹⁹.

Я сказал выше, что ПИАК, кроме собиранья случайно «беспризорного» архивного имущества ничем, по-видимому, не занимается. Но это впечатление отчета самой ПИАК исправляется отчетом ПД. Из последнего (I, 191) видно, что ПИАК занимается и просветительной деятельностью — устраивала, совместно с ПД, выставку в память 100-летия Карамзина. Было бы очень любопытно знать, в каком освещении был подан посетителям самый монархический из русских историков, казавшийся реакционером даже современникам Пушкина — и даже таким современником, как Погодин 1820-х годов. А для правильного освещения Тита Ливия крепостнической России материал имеется огромный — собранный еще тем же Погодиным.

Существование ПД в его теперешнем виде и ПИАК — нам кажется, во всяком виде — резко подчеркивает, что в деятельности АН, помимо просто обветшавшего, есть злостно обветшавшее, помимо непланового есть нечто такое, что будет всегда мешать плановой работе других учреждений. Но можно привести и другие случаи, где

плановая работа Академии вовсе не нужна, хотя она и ведется, — отчасти потому, что она лучше ведется уже другими учреждениями, отчасти потому, что объект этой работы утратил, с течением времени, свое значение. Первое приходится сказать о комиссии по составлению справочника «Наука и научные работники в СССР» (НР)²⁰. НР усердно рассылает и собирает анкеты — собрала их 4300, тогда как экспертная Комиссия ЦКУБУ (куда, между прочим, входят представители АН) располагает по одной РСФСР уже 13000 таких анкет. Естественно, что ученые, однажды «отанкетировавшись» в ЦКУБУ — что имеет практическое значение, — вяло отвечают на призывы АН. Но зачем последней тратить лишний труд — и лишние материальные средства, без сомнения — на собирание того, что уже собрано другими? Почему не связаться просто с экспертной комиссией ЦКУБУ и не использовать ее материал, — проверенный представителями той же Академии. Нельзя не сказать, что мы имеем здесь один из тех случаев, где «блестящее уединение» Академии выступает с особенным блеском.

Образчиком же устарелости плановой работы Академии может служить ее словарная комиссия (КС). Что словарь современного русского языка необходим — это давно видел Ленин, и по его заказу такая работа была начата при Главнауке Наркомпроса РСФСР. Успехом предприятие не увенчалось — хотя материал был собран большой. Нельзя ожидать, чтобы успех академического предприятия был большой. Если словарь и пойдет дальше буквы «Н», на которой он застыл с 1917 года, это не будет словарь живого разговорного языка, а словарь старого русского книжного языка. Судите сами: «Производились новые выборки материала из произведений писателей: “Русские ночи” В.Одоевского, “Мои воспоминания” Буслаева, из соч. Карамзина (тт. I–IX) и др. Приобретен сохранившийся в остатках словарь к поэтическим произведениям кн. П.А.Вяземского». Приобретен еще словарь Завершеева, составленный в 1846 году... Какую цену может иметь словарь, не идущий далее второй трети прошлого столетия? А между тем, около этого мертвого предприятия сгруппирован целый штат постоянных научных сотрудников, с ученым секретарем. Может быть, сам по себе состав этих сотрудников и не дурен, но кто-то должен им дать совершенно новые задания²¹.

Наконец, нельзя пройти мимо еще одного из учреждений Академии — Кавказского Историко-Археологического института (КИАИ). Находясь теперь как раз на Кавказе, я постараюсь собрать на месте более свежие данные о его деятельности — моя местная информация относится к 1922–23 годам и может оказаться устаревшей. Тогда о нем говорили как о совершенно нерациональном остатке царистского прошлого, около которого группируется все, что не желает признать нового режима в Закавказье и ищет «легальной» формы для

деятельности в досоветском духе. Это не только рассказывали, — это подтверждали документами. Но это было 4–5 лет назад. Некоторые места «Отчета» наводят, однако же, на мысль, что с тех пор мало что изменилось. Отчет осторожно советует КИАИ «сильно поработать над собой, чтобы выбраться на широкий путь увязки совместной научной работы с национальными организациями народов советского Кавказа» (I, 244). Итак, увязки с новым Кавказом и сейчас нет. В то же время КИАИ претендует на роль «единственного на Кавказе научного учреждения краевого характера» и «естественной базы для научных работников по гуманитарным дисциплинам, приезжающих для научных работ в Закавказскую Федерацию». А в чем связь с этой Федерацией, в чем ее контроль — из отчета совершенно не видно. Видно только, что средства Института крайне мизерны и что работает он, главным образом, при помощи местных, национальных научных учреждений, в особенности грузинских (см. особ. стр.240). Из отчета нельзя понять — он ли нужен этим учреждениям, или, напротив, они ему нужны для того, чтобы вести какую-нибудь работу. По-видимому, существование КИАИ до 1927 года объясняется главным образом отсутствием общесоюзных научных центров в Закавказье. Их нужно создать как можно скорее — и тогда, конечно, в этом своеобразном рудименте досоветского прошлого не будет надобности²².

ВЫВОДЫ:

1. Академия не может более оставаться на положении обитатели «беспристрастных искателей истины», соблюдающих благожелательный нейтралитет по отношению к советской власти и практически последнюю обслуживающих. Академия должна открыто солидаризироваться с происшедшими в нашей стране переменами и в какой-нибудь более или менее торжественной декларации заявить, что участие в социалистическом строительстве она считает своим первым и основным долгом. Совершенно неприлично, когда в речи неперменного секретаря «индустриализация» (слово «социализм» тщательно обходится) противопоставляется «свободному научному исследованию», как будто первое может мешать второму.

2. Должен быть положен конец бесплановой деятельности Академии. Подобно другим учреждениям ею должен быть составлен *производственный план*, лучше не на год, а на трех- или *пятилетие*²³. План этот должен быть подвергнут всестороннему обсуждению с участием всех руководителей научных учреждений СССР — или, по крайней мере, важнейших из них. Работа Академии должна быть тесно увязана с работой этих учреждений. Каждое из них, и сама Академия в первую очередь, должно иметь вполне определенную целевую установку, не дублируя чужой работы и, в особенности, не дезорганизуя последней. На основе рассмотрения планов всех этих

учреждений должен быть выработан план научно-исследовательской работы в СССР.

3. При рассмотрении этого плана должны быть перебраны одно за другим все учреждения, входящие в состав Академии, и относительно каждого должен быть поставлен вопрос: нужно ли оно? Не выполняет ли ту же работу, и притом лучше, другое учреждение? Не следует ли, наоборот, в иных случаях передать Академии работу других учреждений? Тщательно должны быть устранены при этом, конечно, в первую голову, дублетные части в аппарате самой Академии. Можно быть уверенным, что после этой операции с теми же денежными средствами можно будет достигнуть несравненно большего эффекта, чем какой получается теперь.

4. Специальному рассмотрению при этом должен быть подвергнут вопрос: ограничивается ли работа Академии областью точных и естественных наук, или же в ее задачи входит и работа в области наук общественных? Из этих последних *правовыми дисциплинами* Академия, кажется, никогда не занималась. *Политической экономией* перестала заниматься с тех пор, как фактически выбыл из ее состава П.Б.Струве (кстати, не мешало бы проверить, выбыл ли он и юридически, формально; весьма характерным образом, к «Отчету» не приложен список членов Академии — а в старых списках — советского уже времени — Струве фигурировал)²⁴. Но работу *по истории* Академия, видимо, стремится развернуть — в ее состав только что избран Е.В.Тарле²⁵. *Историей литературы и этнографией* Академия занимается в широчайших размерах, и, как мы видели, вполне в духе доброго старого времени. Нужно или радикально реорганизовать, и в смысле личного состава²⁶ и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть. С точки зрения экономии сил и средств последнее, конечно, было бы правильнее: для этой цели у нас существует целый ряд учреждений (Академия Истории Материальной Культуры, два Института Литературы и Языкознания, в Москве и в Ленинграде, Географический Институт в Ленинграде, Антропологии и Этнографии в Москве, Исторический Институт в Москве с филиалом в Ленинграде, экономическая, аграрная и правовая секции Коммунистической Академии и т.д.).

5. В административно-хозяйственном отношении Академия должна быть введена в ряд общесоюзных научных учреждений — т.е. подчинена «Ученому Комитету» при ЦИК СССР²⁷.

Примечания

¹ Характеристика Главнаук Наркомпросов союзных республик как «бюрократических учреждений», по-видимому, подразумевала прежде всего Главнауку (Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями) Наркомпроса РСФСР и отражала внутреннюю борьбу за власть в комиссариате, характерную для него в течение всех послереволюционных лет. Наркомпрос РСФСР, возглавлявшийся малоавторитетным в государственном и особенно партийном аппарате А.В.Луначарским, фактически был разделен на сферы влияния заместителей наркома и начальников ведущих управлений, которые постоянно конфликтовали между собой и не упускали случая нанести ущерб репутации соперников. Покровский, стремившийся сосредоточить в своих руках управление всей подведомственной НКП наукой, при удобных случаях подчеркивал недостатки руководителя Главнауки РСФСР Ф.Н.Петрова (1876-1973). В конечном итоге (не без помощи партийцев Наркомпроса) он добился в 1928 его смещения и назначения М.Н.Лядова (1872-1947). Происходившее в Наркомпросе не было тайной для руководителей Академии наук. «Марр рассказывал о смене Ф.Н.Петрова, — записал в дневнике В.И.Вернадский. — Стучилось для него неожиданно. С Петр<овым> сжились и он во всяком случае старался сделать лучше, хотя мог немного. Он [Ф.Н.Петров. — Публ.] очень тяготился (и большие прак<ические> неудобства), что он не был членом президиума в Нар<одном> ком<иссариате> пр<освещения>. Он указывал Яковлевой [зам. наркома просвещения. — Публ.], что пять лет его службы дают ему право выйти из бесправн<ого> положения. Я<ковлева> обещала дать ответ. Время шло — она не давала и П<етров> обратился к Луначарскому. Л<уначарский> сказал — вот Я<ковлева> скоро уедет в отпуск и я тогда Вас устрою. В отпуск уехал, однако, Л<уначарский> и неожиданно П<етров> узнал, что на его место назначен Лядов (Мандельштам). Сейчас П<етров> не уходит, но должен будет вторично уйти.

Случилось следующее: Лядов — старый коммунист, начальни<к> Свердлов<овского> Унив<ерситета>, он бездеятелен и стар (он 60-<ти> л<ет>) и его хотели на почетный покой — истмат (что-то по историческому материализму) — Марр не мог мне объяснить: туда назначают для почетной sinecure, как раньше в Сенат важных сановников). Л<ядов> обиделся и заявил, что он еще чувствует себя в силах и хочет работать. Когда Лун<ачарский> уехал, Я<ковлева> захотела закрыть путь П<етрову> и провела Ляд<ова> в президиум Нар<одного> ком<иссариата> просвещения. К ее удивл<ению> Л<ядов> был назначен парт<ийной> орг<анизацией> не только в президиум, но и на место Петр<ова>.

Говорят, что идущая сейчас такая неожид<анная> смена (Свердлов, бывший в отпуску, узнал, что в В<ысшем> С<овете> Нар<одного> Хоз<яйства> он заменен Каменевым, Ходоровский — инициатор изгнания студентов из высш<их> уч<ебных> зав<едений> — Вышинским, бывш<им> «ректором» Моск<овского> ун<иверситета> и чекистом. Сейчас здесь был Кристи: он не знает, что будет, должен был ехать в отпуск на отдых, но боится.

С Ферсманом об Акад<емии>. Он очень мрачно [настроен] в связи с выборами: провокация для того, чтобы потом создать назначенную Акад<емию>. (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.14. Л.43-44. 16 сентября 1928).

² Выраженное здесь желание Покровского возвратиться к «научно-организационным идеям» Наркомпроса РСФСР 1918 года весьма симптоматично. В одном из первых официальных проектов реорганизации науки во всероссийском масштабе, с которым весной 1918 выступил Наркомат просвещения Союза коммун Северной области, предусматривалась ликвидация Академии наук «как совершенно ненужного пережитка ложно-классической эпохи классового общества» (Вестник просвещения СКСО. 1918. №6-8. С.19-20). В другом проекте того же времени — плане Российской ассоциации наук, разработанном Научным отделом Наркомпроса РСФСР (В.Т.Тер-Оганесов, Л.Г.Шапиро), четко проводилась мысль о полном централизованном государственном руководстве научной деятельностью, исключавшем какую-либо ее автономию (подробнее см.: Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917-1922). М., 1973. С.97-107). Планам Наркомпроса РСФСР не суждено было осуществиться, но их стержневые идеи тем более привлекали Покровского в 1927, что послеоктябрьские отношения Академии наук и возглавлявшегося им ведомства дали неожиданный для Покровского результат. «Академия оказалась <...> одним из очень немногих учреждений, которое удалось отстоять от всяких разрушительных нападков, — констатировал вице-президент АН В.А.Стеклов в конце 1923. — Более того, ее престиж в правящих сферах постепенно все более и более возрастал и она признана теперь первенствующим научным учреждением Наркомпроса. Последний, не имея в своей среде людей государственного масштаба, близко интересующихся и понимающих важность и значение науки не на словах только <...> оказывал и оказывает всем нашим начинаниям препоны. Зависть к успехам академии процветает в низших слоях так называемого ученого мира, особенно московского <...>. Эта зависть творит клевету и злословие». (Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С.293).

³ По-видимому, под «пацифистскими иллюзиями 1918 года в отношении интеллигенции» Покровский подразумевал контакты Н.П.Горбунова, секретаря В.И.Ленина, с Непременным секретарем АН С.Ф.Ольденбургом, стремившихся установить приемлемые для обеих сторон отношения. Горбунов, в отличие от Покровского, отвергал силовые методы воздействия на интеллигенцию. В одном из писем Луначарскому, крайне отрицательно оценивая деятельность Научного отдела Наркомпроса РСФСР, занимавшегося, по его словам, «демобилизацией и отпугиванием от Советской власти, советских учреждений научных сил», он отмечал: «Если ученые убедятся в возможности работать у нас — они пойдут, пойдут с увлечением физики, химики, геологи, ботаники, физиологи и прочие <...>. Создайте им возможность спокойно, уверенно работать, будут работать, и как еще». (Горбунов Н.П. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1986. С.188).

⁴ Здесь, как практически и по всему тексту, Покровский идет на заведомую фальсификацию. Краеведческое движение, с которым Академия, по Покровскому, «все-таки связалась», на самом деле поддерживалось ею с самого основания. Во главе Центрального бюро краеведения в течение ряда лет стоял С.Ф.Ольденбург, а само оно располагалось в Петрограде-Ленинграде. Перевод ЦБК в Москву (т.е. фактическая потеря им «академического иммунитета») в 1927 — стал важным этапом на пути огосударствления и, в конечном итоге, свертывания этого массового в 1920-е движения. Характерно,

что массовые аресты среди краеведов в 1929-30 были следствием «дела Академии наук» — факт, свидетельствующий о том, что и в сознании карательных органов краеведение прямо связывалось с Академией.

⁵ КЕПС — Комиссия АН по изучению естественных производительных сил России. Основана в 1915 по инициативе В.И.Вернадского. КИПС — Комиссия АН по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Основана в 1917 по инициативе С.Ф.Ольденбурга. ОКИСАР — Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик. Образован в 1926, председатель — А.Е.Ферсман. По видимости, благожелательное отношение Покровского к этим научно-координационным структурам не помешало в дальнейшем Комиссии СНК прийти к заключению о необходимости изменения их статуса и прежде всего — слияния этих трех учреждений.

Несомненно, Комиссия СНК знала и о внутриакадемической оппозиции этим структурам. Непримиримым противником КЕПС в АН был А.Н.Крылов. «Благодаря всем этим расплодившимся как клопы и присосавшимся к телу Академии как клещи КЕПСам и ОКИСАРАм, Академия сама себе роет могилу, и Вы, своим авторитетом поддерживая КЕПСы, ей в этом усердно помогаете», — писал он С.Ф.Ольденбургу 8 августа 1927 (ААН. Ф.459. Оп.4. Д.68. Л.13). В новом Уставе АН, по его словам, было «покрыто и узаконено незаконное детище Академии КЕПС со всеми ее выблюдками и ублюдками» (П.П.Лазареву, 17 сентября 1927. Там же; см. также: Вопросы истории естествознания и техники. 1982. №1. С.97-103). Наиболее упорно планам уничтожения КЕПС сопротивлялся Вернадский.

После долгой борьбы последовал ряд преобразований: ОКИСАР, поглотивший в 1927 Комиссию по научным исследованиям, в 1928 был реорганизован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ), а в 1930, одновременно с КЕПС, ликвидирован (на их основе тогда же возник Совет по изучению производительных сил СССР, работа которого свелась к организации экспедиций; председатель — И.М.Губкин). КИПС была в том же 1930 реорганизована в Институт по изучению народов СССР, через три года слившийся с Музеем антропологии и этнографии (они составили новый Институт антропологии, этнографии и археологии).

⁶ С.Ф.Ольденбург имел в виду, что музеи в системе АН превратились к тому времени прежде всего в исследовательские центры.

⁷ В «Отчете» АН речь шла о поступлении новых научных материалов в Отдел антропологии Музея антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ; основан в 1714 как Кунсткамера Петра I), в т.ч. и тех препаратов, о которых упоминает Покровский, — от доктора Л.Е.Верхолат из Педжекента.

⁸ В «Отчете» имелась в виду работа Среднеазиатской экспедиции АН под руководством академика В.В.Бартольда, антропологическая секция которой изучала морфологические, физиологические и биохимические особенности ряда племенных групп Средней Азии.

⁹ Галерея Петра Великого передана в МАЭ из Эрмитажа в 1910. В 30-е годы была проведена обратная передача ряда материалов.

¹⁰ К 1927 был накоплен уже значительный опыт продажи антикварных ценностей за границу. И хотя конкретная роль Покровского в этом известна

мало, по-видимому, в силу занимаемого положения он не мог не участвовать (прямо или косвенно) в таких операциях. Во всяком случае, высказанная в публикуемом документе идея начала активно реализовываться осенью 1928 через продажу сокровищ Эрмитажа и пригородных петербургских дворцов. Подробнее см.: Мосякин А. Продажа. //Огонек. 1989. № 6-8; он же. Антикварный экспортный фонд. //Наше наследие. 1991. № 2,3; Николаев А. Грабеж. //Смена. 1988. №18, 19; Семенова Н. Сталинские распродажи //Декоративное искусство. 1989. № 2.

¹¹ Президент АН СССР А.П.Карпинский (1847-1936) участвовал в работе XIV Международного геологического конгресса, проходившего 24-31 мая 1926 в Мадриде.

¹² Тело Господне (лат.).

¹³ Речь идет о диктатуре генерала М.Примо де Ривера, пришедшего к власти в результате военного переворота в сентябре 1923.

¹⁴ История создания *Минералогического Музея* восходит к Минеральному кабинету, образованному в 1716 при Кунсткамере. В 1836 был организован самостоятельный Минералогический Музей, который в конце 1890-х переименовали в Геологический, в 1903 — в Геологический Музей им. Петра Великого. Т.о., *Геологический и Минералогический Музеи АН*, образованные как самостоятельные единицы в 1925, имели общее происхождение. В 1927 их возглавляли соответственно Ф.Ю.Левинсон-Лессинг (1861-1939) и А.Е.Ферсман (1883-1945). В 1930 Геологический Музей был реорганизован в три самостоятельных института — Геологический, Петрографический и Палеозоологический, в свою очередь в конце 1930-х подвергнутых дальнейшим преобразованиям. Минералогический Музей остается практически в неизменном виде до сих пор (лишь в 1935 он был переведен из Ленинграда в Москву, а в дальнейшем получил имя А.Е.Ферсмана).

¹⁵ Пушкинский Дом (ПД) основан в 1905, окончательно организован и утвержден в качестве академического учреждения в 1918. В 1930 реорганизован в Институт новой русской литературы. Подробнее см.: Баскаков В.Н. Пушкинский Дом. Л., 1980.

¹⁶ Согласно декрету СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» (1 июня 1918), все архивы прежних правительственных учреждений были ликвидированы «как ведомственные», а их фонды вошли в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Заведование ЕГАФ было возложено на Главное Управление архивным делом (Главархив, в системе НКПроса РСФСР). В 1922 все архивные учреждения РСФСР образовали Центральный архив РСФСР и были переданы в ведение ВЦИК. Центрархив, под руководством Покровского, претендовал на значительную часть архивных фондов АН, которая в своем сопротивлении опиралась на тот факт, что с 1925 она являлась учреждением общесоюзным, а Центрархив — лишь республиканским. Все же в 1929 в ходе чистки АН было произведено фактическое ограбление фондов Пушкинского Дома в пользу Центрархива.

¹⁷ В августе—сентябре 1926 ученый хранитель ПД Б.И.Коплан был командирован в Тверь и Москву для выяснения судеб архива и библиотеки Н.А.Львова (1751-1803) и изучения историко-литературных материалов о нем и его знаменитых современниках.

¹⁸ Постоянная историко-археографическая комиссия АН (ПИАК) была образована в апреле 1926 путем слияния Постоянной исторической (осн. 1903) и Археографической (осн. 1834) комиссий. Ее председателем стал С.Ф.Платонов (1860-1933). Существовала до 1931, когда вошла в состав Историко-археографического института АН, ликвидированного в 1936.

¹⁹ Парижский Пушкинский музей А.Ф.Онегина-Отто был приобретен для ПД в 1909. Однако начало I мировой войны, а затем революционные события в России, прервали на некоторое время отношения АН с его владельцем. Все же в 1928 собрание Онегина-Отто прибыло из Парижа в Ленинград и поступило в распоряжение ПД. Подробнее см.: Баскаков В.Н. Указ. соч. С. 57-59.

²⁰ Комиссия по изданию справочника «Наука и научные работники в СССР» (НР) была создана еще в 1916 под названием «Наука в России». У ее истоков стояли С.Ф.Ольденбург, А.С.Лаппо-Данилевский и др. В 1924 переименована в «Комиссию по созданию справочника «Наука и ее работники в пределах СССР»». Периодически обновляемый шеститомный справочник, готовившийся комиссией, должен был охватывать не только лиц, работающих в науке, но и все научные учреждения с их внутренней структурой (том «Научные учреждения Ленинграда» с данными на начало года вышел как раз в 1926). Комиссии, в отличие от упоминаемой Покровским ЦЕКУБУ, удалось создать несколько томов справочника, в т.ч. по Москве и периферии. Последний том вышел в 1934 — «Научные работники Ленинграда». Изданные НР тома и по сей день являются самым полным информационным материалом по истории научных кадров в 1920-30-е.

Как и в случае с ПД и ПИАК, Покровский явно стремится уничтожить или по крайней мере заменить эту академическую структуру (о его планах замещения АН — Комакадемией см.: Пять «вольных» писем В.И.Вернадского сыну//Минувшее: Исторический альманах. Вып. 7. Париж, 1989). В поддержку планам Покровского относительно НР высказывался и другой член Комиссии СНК А.Я.Вышинский, полагавший, что это учреждение не имеет «никакого права на существование». В 1932 НР была реорганизована в Комитет по учету и изучению научных сил СССР, ликвидированный в 1934. Материалы, собранные НР, хранятся в ЛО ААН СССР (Ф. 155).

²¹ Словарная комиссия (КС; председатель — В.М.Истрин) образована в 1922 под названием «Комиссия по составлению словаря русского языка», материалы для которого начали собираться в конце XIX в. (ряд выпусков Словаря под ред. сначала Я.К.Грота, а затем А.А.Шахматова вышли в свет в 1895-1916 гг.). Осенью 1917 картотека Словаря вместе с другими рукописями, книгами и др. имуществом учреждений была эвакуирована из Саратова в Петроград. В 1922-1930 были изданы очередные выпуски Словаря, подвергнувшиеся ожесточенной критике в партийной печати. Несмотря на попытку спасения издания (путем включения словарного материала из сочинений В.И.Ленина, А.В.Луначарского и т.п.), на протяжении второй половины 1930-х оно по-прежнему резко критиковалось за «засоренность идеологически чуждыми материалами» и в конце концов в 1937 картотека Словаря была подвергнута кардинальной чистке. Картотека упоминаемого Покровским и неосуществленного «Современного литературного справочного словаря» (так называемого «московского словаря»), работа над которым с

начала 1920-х велась — по инициативе В.И.Ленина — при Наркомпросе РСФСР, была влита в «академическую» картотеку в 1934. Подробнее см.: Лингвистические источники: Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 10-19, 281-301.

²² Кавказский историко-археологический институт (КИАИ) организован ак. Н.Я.Марром (1865-1934) в Тифлисе в 1917; в 1918-21 считался экстерриториальным учреждением в независимой Грузии. В 1930 преобразован в Закавказский историко-археологический институт, в 1931 — в Институт кавказоведения, который считался «научно-исследовательской базой АН на Кавказе», в 1932 — в Закавказский филиал АН СССР (ЗаКФАН). В 1935 Грузинское и Азербайджанское отделения ЗаКФАНа стали самостоятельными филиалами; позже на их базе образованы дочерние по отношению к общесоюзной Академии АН ГССР и АН АзССР. Т.о., КИАИ стал инструментом, посредством которого общесоюзный Центр сумел осуществить организацию местной науки на Кавказе.

²³ План АН на 1927-28 также рассматривался Комиссией СНК. Одновременно его отправили на изучение в СНК союзных республик, заключения и пожелания которых Отдел научных учреждений СНК направил в августе—сентябре 1927 Президиуму АН. Годом позже АН СССР вынуждена была составить и свой первый пятилетний план на 1928-33. Жесткое планирование научных работ вызывало острое недовольство многих академиков. Ак. Костычев предпослал «своему» разделу в этом плане замечание: «Составить пятилетний план работ исследовательского учреждения, призванного быть на передовых позициях исследовательской работы мировой науки и разрабатывать новые идеи, появляющиеся иной раз совершенно неожиданно, по существу невозможны» (цит. по: Кольцов А.В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР: 1926-1932. Л., 1982. С. 89).

²⁴ Петр Бернгардович *Струве* (1870-1944) — выдающийся экономист, философ, публицист; был избран ординарным академиком РАН по политэкономии и статистике 13 мая 1917. Исключен из АН в числе других эмигрировавших ученых негласным решением Президиума АН в июне 1928 (утверждено Общим собранием в декабре).

²⁵ *Тарле* Евгений Викторович (1875-1955) — историк, специалист по истории Франции, истории международных отношений, внешней политике России. Академик с 1927 по февраль 1931 (исключен). Арестован в январе 1930 по «делу АН». В августе 1931 выслан на 5 лет в Алма-Ату. В 1933 возвращен в Ленинград; восстановлен в АН решением Общего собрания в сентябре 1938.

²⁶ Перестройка деятельности АН мыслилась властью неотрывно от коренного изменения персонального состава Академии. В августе—сентябре 1927 в Комиссии СНК по АН состоялся письменный обмен мнениями относительно «кандидатов в академики», как озаглавлен был список из 46 лиц («секретно»), розданный на заседании Комиссии 26 августа; письменный отзыв по каждой из кандидатур признавалось желательным получить не позднее 10 сентября. Этот первичный просев кандидатов состоялся за несколько месяцев до официального оповещения об открытии вакансий в АН и почти за год до начала избирательной кампании. Сам список вакансий надлежало подогнать к конкретному перечню желательных лиц. В список кандидатов лета 1927

входили: Архангельский А.С., Багалей Д.И., Базаров В.А., Барыкин В.А., Бах А.Н., Бехтерев В.М., Блонский П.П., Боголепов М.И., Бухарин Н.И., Вавилов Н.И., Варга Е.С., Вересаев В.В., Воробьев В.П., Городцов В.А., Горький А.М., Граве Д.А., Грушевский М.С., Губкин И.М., Деборин А.М., Каблуков И.А., Кольцов Н.К., Кржижановский Г.М., Крицман Л.Н., Крымский А.Е., Ларин Ю. (Лурье М.А.), Лукин Н.М., Луначарский А.В., Лященко П.И., Маслов П.П., Мензбир М.А., Миткевич В.Ф., Орлов А.С., Осинский В.В., Покровский М.Н., Пресняков А.Е., Прянишников Д.Н., Рождественский Д.С., Ротштейн Ф.А., Рязанов Д.Б., Сакулин П.Н., Скворцов-Степанов И.И., Струмилин С.Г., Фриче В.М., Чичибабин А.Е., Шокальский Ю.М. Здесь уже было заключено все коммунистическое ядро, введенное в АН в январе—феврале 1929: Бухарин, Губкин, Деборин, Кржижановский, Лукин, сам Покровский, Рязанов, Фриче (Скворцов-Степанов, видимо, тоже считался беспорной кандидатурой для первых же выборов, но умер до их объявления), а также несколько коммунистов, проведенных в АН в последующие годы: Варга, Луначарский, Осинский, Ротштейн. Среди тех, от кого власть отказалась, обращают на себя внимание имена писателей Горького и Вересаева, экономистов Базарова и Крицмана, биологов Кольцова и Барыкина, востоковеда Крымского, географа Шокальского, педагога и психолога Блонского, а также профессора Военной академии Новицкого, который предлагался в АН как «стратег и историк военного искусства» (в Академии предполагали открыть одну или две военные кафедры, но это не осуществилось). Покровский написал для Комиссии одобрительные отзывы о семи кандидатах (В.П.Волгина добавил сам) и положительно отзывался («характеристики излишни») еще о четырех. Вот некоторые его оценки историков: «по научному калибру вполне может быть противопоставлен любому буржуазному профессору по западной истории» (о Лукине), «вполне солидная научная величина» (о Ротштейне), «небольшой по объему научный багаж не может служить препятствием» (о Волгине), «мало популярен в нашей музейной среде, что, по-моему, является дополнительной рекомендацией в его пользу» (о Городцове), «сейчас очень приблизился к нам идеологически», «при наличии нашего крыла в гуманитарном отделении Академии несомненно примкнет к нам» (о Преснякове). Из суждений об экономистах: «считается очень близким к нам в политической области (противопоставляется с этой стороны Чайнову, Кондратьеву и др.)» (о Лященко), «хорошо уживается с буржуазной профессурой, ни в какой мере не поддаваясь ее влиянию» (о Крицмане), см.: ААН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 18. Л. 381-383.

²⁷ Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР (Ученый комитет) существовал с апреля 1927 (на правах временного — с января 1926) по апрель 1938. Сначала ему подчинялись Комакадемия и ряд других новых, изначально идеологизированных учреждений. Функции ОНУ СНК СССР были переданы Ученому комитету в декабре 1929; с начала 1930 и АН СССР перешла в его ведение.

ЛИШЕНЦЫ: 1918–1936

Публикация А.И.Добкина

Лишение избирательного права по политическим и экономическим мотивам существовало в нашей стране с июля 1918 по декабрь 1936 года. Мысль о том, чтобы отнять избирательное право у некоторой части зрелого и дееспособного населения не следует считать большевистской новацией: цензы оседлости и имущественный были в России и при царе. Недолгий опыт подлинного применения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на выборах в Учредительное собрание в 1917 вряд ли можно считать состоявшимся. Рассматриваемая тема видится актуальной, поскольку фактические ограничения прав граждан по мотивам прошлой деятельности и происхождения дожили чуть ли не до сегодняшнего дня, а призывы к новой их легализации ныне можно услышать не только от так называемых «сторонников старых порядков», но и от их политических противников. Для читателя среднего и молодого поколения, для которого только недавно (да и то не везде и не всегда) выборы в органы власти перестали быть пустой и скучной формальностью, трудно вообразить, что означало для жителя СССР в 1920–30-е годы быть «лишенцем». Этому мешает как незнакомство с моральным климатом и психологическим состоянием общества той эпохи, так и незнание всех тех последствий, которые влекло для человека лишение его избирательного права.

«Когда я вспоминаю о той жизни шестьдесят лет спустя, — свидетельствует мемуарист, — то прежде всего на ум приходит ненависть, упорно и злобно насаждаемая сверху. <...> Страшным орудием, карающим людей, не совершивших никаких преступлений, более того, карающим их детей, в том числе и малолетних, стал закон о лишении избирательных прав»¹. Безработица, выселение из квартиры и города, лишение продуктовых карточек, медицинской помощи и пенсии, изгнание детей из школы, отчуждение друзей, сослуживцев и родных — такова была перспектива для лишенного права избирать и быть избранным в Советы².

¹ Голицын С. Записки уцелевшего // Дружба народов. 1990. №3. С.105.

² Сама процедура выборов и структура власти были совершенно не похожи на то, к чему мы привыкли за сорок доперестроечных лет. Выборы органов власти почти не были прямыми: формально руководившие всем в центре и на местах съезды советов комплектовались из представителей нижестоящих советов и съездов, только состав сельских и городских советов по закону непосредственно зависел от воли избирателей. Равенство также не соблюдалось: квоты делегатов от города и деревни отличались на порядок. Тайное голосование было большой редкостью: в городские (районные в больших городах) и сельские советы выбирали, как правило, открытой подачей голосов на собраниях, созывавшихся по предприятням, учреждениям, профсоюзам, воинским частям и селениям (в городах для «неорганизованных» избирателей — домохозяек, кустарей и проч. — были собрания по территориальным участкам). Все эти собрания устраивались исполнительными органами власти при участии

Ленин утверждал, что лишить буржуазию избирательного права придумал Плеханов еще в 1903 году³. Однако то, что формулировал Плеханов в условно-сослагательной форме, сам основатель советского государства заострил до однозначной ясности: «Избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается» (апрель 1918)⁴.

Принятая в июле 1918 первая советская Конституция, декларируя, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» (ст.7), определяла, что «не избирают и не могут быть избранными <...> а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором». (ст.65). Кроме того, ст.23 гласила, что «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»⁵.

Нарочитая широта последней формулировки открывала простор для произвольных толкований как в центре, так и на местах, поскольку объекты, субъекты и условия правоприменения не были определены в этом законе вообще. В письме к американским рабочим в августе 1918 Ленин с гордостью заявлял: «Советская Конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь»⁶. Однако прочь было отброшено и многое другое.

Отвлекаясь несколько в сторону, следует заметить, что обзор высказываний Ленина об ограничениях избирательного права дает богатый материал для изучения ментальности не только самого вождя, но и всей последующей отечественной номенклатуры.

Задетый до потери самообладания вышедшей в августе 1918 брошюрой

профсоюзов, партии и комсомола, проходили под их руководством, а само голосование — как правило — сводилось к утверждению предложенных президиумом списков кандидатов. Следует отметить еще и перманентность всего избирательного процесса: срок полномочий депутатов был установлен от трех месяцев до года. Чем меньше была региональная единица, тем чаще там должны были происходить выборы и съезды советов (в волостях не реже раза в месяц, сельсовет должен был собираться не реже 2 раз в неделю). На практике все это происходило не так регулярно, но с 1922 по 1931 непрерывным атрибутом советской жизни была ежегодная избирательная кампания.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд.5-е. Т.37. С.290-291.

⁴ Там же. Т.36. С.203.

⁵ См. напр.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 20 июля. №51. Отдел первый. С.600, 602, 607.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.63.

Каутского о диктатуре пролетариата, Ленин — по свидетельству современников — «пылал гневом», когда писал полную ругательств ответную работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Сам принцип лишения избирательных прав представлялся в ней как нечто выношенное, личное, глубоко интимное. «Вопрос о лишении эксплуататоров избирательного права есть *чисто русский вопрос*», — восклицал Ленин. Успокаивая Европу, что там пролетарская революция не обязательно будет сопряжена с лишением избирательного права, он в то же время и пугал ее: «Мы ловим вас на слове и требуем, в интересах этих масс, расширения а ш е й буржуазной демократии, *дабы подготовить массы к революции для свержения вас, эксплуататоров*. И если вы, эксплуататоры, попытаетесь оказать сопротивление нашей пролетарской революции, мы вас подавим беспощадно, мы вас сделаем бесправными, мало того: мы не дадим вам хлеба, ибо в нашей пролетарской республике эксплуататоры будут бесправны, будут лишены огня и воды, ибо мы всерьез, а не по-шейдемановски и не по-каутскиански, социалисты»⁷.

Похоже, что в лишении избирательных прав не было и не задумывалось прямого политического смысла (т.е. у большевиков не было реальных причин опасаться поражения на выборах со стороны тех, кто находился у власти до революции). «Число таких людей ничтожно в общей массе населения», — заявлял Ленин уже в декабре 1918⁸. Это почти правда: за все время существования лишенцев их процент от числа лиц избирательного возраста колебался примерно от 1 до 10 по отдельным местностям, в редких случаях достигая 25, что неизменно рассматривалось уже как «левый перегиб»⁹. Во всяком случае лишенцы никогда и нигде не составляли большинства¹⁰. Так что в качестве серьезных политических противников большевики никогда не имели реальных оснований их рассматривать.

Конечно, неоднократные заверения, что лишение избирательных прав является «временной мерой» и приглашения «хочешь быть рабочим — милости просим» мало кого могли обмануть. Чем дальше, тем больше все понимали, что речь идет о сознательном выключении из жизни целого слоя населения. Тем поразительнее то упорство, с которым большевики держались за данную законодательную норму. Вот 1922 год, уже окончился военный коммунизм и введен НЭП. Ленин пишет Молотову: «Я сейчас получил 2 письма от

⁷ Там же. С.265, 291.

⁸ Там же. С.370.

⁹ О численности и доле лишенцев от общего числа лиц избирательного возраста см.: Бродович С.М. Советское избирательное право. Л., 1925. С.52; Болдырев М.Ф. Оживление советов. М.; Л., 1926. С.14; Выборы в советы РСФСР в 1925-26 гг.: Ч.1: Горсоветы, сельсоветы, волсезеды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С.6-7, 40, 42; Выборы в советы по РСФСР в 1927 г. М., 1928. С.6,52; О перевыборах советов в 1931 г. М., 1931. С.17-19; ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1000. Оп.96. Д.5. Л.48; Там же. Д.4. Л.47-55; Там же. Оп.11. Д.269. Л.146; Там же. Ф.7384. Оп.13. Д.2. Л.17,21; Там же. Д.35. Там же. Д.52. Л.14 и др.

¹⁰ Даже, если сравнивать их число с количеством явившихся на выборы: минимальная доля таковых была зафиксирована в селах РСФСР в 1922 — 22,3%. (См. напр.: Карташев Г. Перевыборы советов на селе. Л., 1934. С.41).

Чичерина (от 20 и 22). Он ставит вопрос о том, не следует ли за приличную компенсацию согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо 1) немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т.п. будет <...> величайшей угрозой для всех переговоров»¹¹.

Механизм реализации конституционной нормы о лишении избирательного права фиксировался в многочисленных инструкциях о выборах в Советы, которые издавались как центром, так и местными органами. Первые были либо еще менее детальны в определении круга лишенных избирательных прав, чем Конституция — «кулаки и контрреволюционеры лишены <...> избирательного права», — скупое замечает Инструкция 1919 года¹² — либо буквально повторяли текст Конституции.

Практика между тем значительно опережала не поспевавшие за нею законодательные и инструктивные нормы. В качестве примера одного из первых подходов к выявлению будущих лишенцев интересна анкета, которую осенью 1919 вынуждены были заполнить многие жители Петрограда в соответствии с приказом №30 Отдела управления Петровета¹³. В поле зрения власти благодаря этой анкете попало около 900 человек: от 20-летних барышень и молодых людей, по воле судьбы оказавшихся перед революцией владельцами недвижимости или акций, до 80-летних старцев, занимавших при царе сколько-нибудь значимые посты или по выслуге лет ставших в конце прошлого века действительными статскими советниками. Попытки уклониться от заполнения этой анкеты или сообщение о себе неверных сведений карались по законам революционного времени. Немногие, подобно бывшему служащему Сената В.Ф.Абакумову, отваживались на остроты. В ответ на вопрос об отношении к советской власти он с горькой ехидцей написал: «как добросовестный работник к своему хозяину»¹⁴.

По мере развития государственной машины растет и формальная регламентация в вопросе о лишении избирательного права, исподволь расширяется контингент лишенцев. Конституция 1924 года легализовала практику включения в число лишенцев не только тех, кто использует наемный труд или живет на «нетрудовой доход» ныне, но и тех, кто был таковым до революции. В равной степени это относилось к духовенству и членам семей всех указанных категорий (недаром наиболее распространенный в советской художественной литературе 1920-30-х годов образ лишенца — сын дьячка или поповна). Группа «бывших служащих полиции, жандармерии, охранных отделений» была пополнена в новой Конституции «лицами, прямо или косвенно руководившими» этими органами государственного аппарата при

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.136.

¹² Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских советов депутатов. М., 1919. С.4.

¹³ ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1001. Оп.1. Д.19-21.

¹⁴ Там же. Д.19. Л.1.

царе. Развивая это положение, Инструкция ВЦИК 1926 года приводила длинный перечень должностей, чинов и званий прошлого, лишивших их обладателей (и членов их семей) избирательного и других прав в настоящем. Вот отрывок из него: «Бывшие министры, их товарищи, директора департаментов, генерал-губернаторы, главноначальствующие при чрезвычайной охране, военные и гражданские губернаторы, вице-губернаторы, губернские и уездные предводители дворянства, чиновники для особых поручений, старшие председатели и члены уголовных департаментов, а также прокуроры судебных палат, следователи по важнейшим делам, председатели, члены, прокуроры, помощники прокуроров и следователи военных судов всех наименований, председатели и члены следственных комиссий, действовавших на территории, занятой белыми контрреволюционными правительствами, члены губернских правлений, земские, крестьянские и уездные начальники, исправники, чины министерства внутренних дел и все служащие тюремного ведомства»¹⁵.

Инструктивные акты о лишении избирательного права непрерывно изменялись, уточнялись и разъяснялись на протяжении 1920-х — первой половины 1930-х. Эти перемены чутко отражали основные тенденции политической и правовой реальности того времени. Еще в 1922 в число лишенцев были включены «высланные в административном порядке». С 1924 среди мотивов к лишению избирательного права то появляется, то исчезает «нелояльность по отношению к советской власти». Инструкция ЦИК СССР от 16 января 1925 положила конец нормотворчеству на местах и потребовала «в недельный срок» привести местные инструкции в соответствие с центральной¹⁶. Кроме того, в ноябре 1926 ВЦИК России специально подчеркнул, что «лишению избирательных прав лиц, не попадающих под действие ст.69 Конституции РСФСР и ст.14 и 15 настоящей Инструкции, постановлениями местных органов власти — не допускается»¹⁷.

Эти черты централизации успешно сочетались с борьбой против «попустителей» и «перегибщиков». Критикуя прошедшую избирательную кампанию в выступлении на профактиве в Ленинграде в январе 1927, Молотов возмущался тем, что «при наличии <...> 3-4 процентов кулачества, у нас лишенными избирательных прав оказалось на круг только один процент», в то время как он считал, что «в отдельных, особенно кулацких округах, этот процент устранившихся от выборов может и должен быть поднят до 6-7%»¹⁸. С другой стороны, в марте 1930 ЦИК СССР постановляет: «Разъяснить, что дети лиц, лишенных избирательных прав, достигшие совершеннолетия с 1925г. и лишенные избирательных прав только потому, что они в прошлом находились на иждивении этих лиц, должны быть восстановлены в избирательных правах, если они в настоящее время занимаются общественно полезным трудом»¹⁹. Тогда же получили избирательное право и те, кто

¹⁵ См., напр.: К перевыборам советов. М., 1927. С.60.

¹⁶ Бродович С.М. Указ. соч. С.5; Аншелес И.И. Новый закон о выборах в советы. М., 1925. С.35, 56.

¹⁷ К перевыборам советов. М., 1927. С.66.

¹⁸ Молотов В.М. Выборы в советы и задачи рабочего класса. Л., 1927. С.14-15.

¹⁹ Инструкция ЦИК Союза ССР о выборах в советы. М.; Л., 1930; Володарский

получал доход от вкладов в сберкассы, выигрышей и процентов от госзаймов. Все эти мелкие «откаты» не стоили бы упоминания, если бы не находились в тесном идейном родстве с известной статьей Сталина «Головокружение от успехов».

Сам процесс лишения избирательного права заключался в том, что утвержденные исполкомами предыдущего созыва местные избирательные комиссии, созданные на предприятиях, в волостях и при жилконторах, составляли списки лишенцев. Основывались они при этом как на документах тех же исполкомов, госархивов (крайне редко), ГПУ, финорганов, так и на частных доносах. Правда, последние со второй половины 1920-х имели вес лишь при документальном подтверждении государственных органов. Составленные таким образом списки развешивались перед выборами на видных местах или публиковались в печати, иногда даже выходили отдельными изданиями²⁰. Точный учет лишенцев должны были вести административные отделы исполкомов, они же ведали применением к лишенцам других мер воздействия, помимо недопущения их к выборам. С начала 1930-х годов, по-видимому из-за возросшего бумагооборота, а также в связи с началом коллективизации, на местах стали создаваться специальные органы по делам лишенцев.

Из кого же состояли лишенцы и каковы были административно-юридические и социально-культурные последствия функционирования этого института в жизни советского общества?

Данные о числе лишенцев за разные годы далеко не полны. Сведения по всей стране отсутствуют. В 1927 в РСФСР было свыше 2 млн. лишенцев (из них 1 млн. 400 тыс. — в сельских местностях. более 700 тыс. — в городах)²¹. В том же году в Ленинграде — 80 тыс. лишенцев²². Авторы выходившей тогда же статистической литературы связывали динамику как общей численности лишенцев (по отдельным категориям населенных пунктов), так и их отдельных групп с изменениями избирательной инструкции и разными принципами учета²³. Нам кажется, что не менее важную роль здесь играли высылки или принудительные миграции. Достаточно сказать, что в Ленинграде из 80 тыс. лишенцев в 1927 к 1931 осталось 12 тыс., а к 1934 — 4 тыс.²⁴.

Возрастной состав лишенцев никогда не изучался, а сохранившиеся на этот счет первичные данные также крайне отрывочны. Анализируя списки лишенцев Василеостровского и Центрального городского районов Ленинграда

П.Г., Терехов П.В. Избирательное право и революционная законность. М., 1930. С.50.

²⁰ В ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина хранятся списки лишенцев, изданные в Архангельске (1930), Краснодаре (1929-31), Липецке (1931), Мелекесе (1929), Одессе (1926), Перми (1931), Самаре (1930-31), Свердловске (1929-30), Симферополе (1930-31) и Сталинграде (1933). Каждый из них содержит от 1 до 10 тыс. фамилий, в целом они являются ценным источником для социологического изучения лишенцев.

²¹ Выборы в советы по РСФСР в 1927 г. М., 1928. С.6, 52, 54.

²² ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.7384. Оп.13. Д.2. Л.17, 21.

²³ Выборы в советы РСФСР в 1925-26 гг. Ч.1. М., 1926. С.7.

²⁴ ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.7384. Оп.13. Д.35. Л.16; Там же. Д.52. Л.14.

(1927), а также Свердловска (1929), мы заметили, что родившиеся в 1874-89 составляют по 40% в каждом из списков, что вдвое превышает долю этих возрастов среди взрослого (старше 18 лет) населения указанных городов. Удельный вес родившихся в 1890-е годы среди лишенцев в полтора раза выше, чем среди всего взрослого населения²⁵. Допустимо ли объяснять эти различия тем, что социально и профессионально сложившимся людям было труднее вписаться в новую жизнь и разорвать связи со своей семьей и средой, чем представителям более молодых поколений? Можно ли констатировать, что значительная группа носителей социального опыта, еще достаточно активная для реализации этого опыта, была сознательно выключена из жизни? Данных для определения соотношений между прослеживаемыми тенденциями к «атомизации» и «инфантилизации» общества — пока недостаточно.

О национальном составе лишенцев известно еще меньше, но при изучении упомянутых списков по Ленинграду и Свердловску бросается в глаза, что доли евреев, немцев, китайцев и греков среди лишенцев этих городов в несколько раз превышают доли соответствующих этнических групп в населении тех же местностей.

Более подробные данные можно получить о *социальной* структуре этого слоя населения — по мотивам лишения избирательных прав, поскольку прошлая и настоящая деятельность этих людей не дифференцировалась. Художественная литература преувеличивает: духовенство не было самой значительной категорией лишенцев, даже вместе с домохозяевами в селах РСФСР их доля не превышала 20 процентов (в городах 5-8). Самую многочисленную категорию лишенцев составляли торговцы и торговые посредники: в городах РСФСР их доля редко была ниже 40%, в Липецке в 1931 — достигала 70%, в селах также была весомой. Следующая по мощности группа состояла из «предпринимателей», т.е. использовавших наемный труд или когда-либо получавших так наз. «нетрудовой доход», иными словами, чем бы то ни было владевших: их доля постепенно возрастала как в городах, так и в селах (до 27%). Особенно резко в Ленинграде к 1934, когда в лишенцы попали и те, кто когда-либо были кустарями или извозчиками — до 38% к 8% в 1926.

Конечно, «бывшими» можно считать всех лишенцев, но и среди них можно выделить собственно «бывших», т.е. чиновников, полицейских, предводителей дворянства, а зачастую — по неграмотности властей — и просто дворян, а также офицеров белых армий, которым не довелось послужить в Красной, т.е. всех тех, кого прав лишили исключительно за прошлую деятельность. Их доля с 1922 по 1925 стремительно растет, достигая чуть ли не 30 процентов (видимо, совершенствуются механизмы выявления), а затем столь же стремительно начинает падать: к началу 1930-х — 2-4 процента. По всей видимости они переходили в категорию лишенных прав по суду или административно высланных²⁶.

²⁵ Там же. Ф.1000. Оп.11. Д.615; Именной список лиц, лишенных избирательных прав по гор. Свердловску и Верх-Исетскому заводу Свердловского округа, Уральской области. Свердловск, 1929.

²⁶ Данные о социальной структуре лишенцев рассеяны в печатных и архивных источниках. См. напр.: Бродович С.М. Указ. соч. С.52; Выборы в советы РСФСР в

Было бы интересно проследить судьбу тех, кто пытался, вопреки обстоятельствам, занять в новой жизни новое место. К сожалению, данных для этого недостаточно. Есть отрывочные сведения по Ленинграду и области 1928-30, которые позволяют предположить, что около 60 процентов лишенцев всех категорий стремились осесть на землю, самостоятельно заниматься сельским хозяйством²⁷. Известно также, что многие бывшие полицейские ушли в дворники, служащие трампарков, билетные кассиры; служащие тюремного ведомства (разумеется, мелкие) почти до 1926 удерживались на прежних местах службы, а жандармы и филера, отбыв или не отбыв положенные сроки заключения, оказались на железной дороге (ревизорами, кондукторами, а то и просто путейскими рабочими)²⁸. Впрочем, эти «экологические ниши» оказались малонадежными: судя по протоколам ОСО и «троек», все категории лиц с «компрометирующим прошлым» успешно отлавливались и уничтожались как в период «большого террора», так и во время войны.

Уклониться от лишения избирательных прав было довольно трудно, т.к. «незаконное» участие в выборах и даже просто присутствие лишенца на избирательном собрании влекло за собой уголовное преследование по ст.91 УК РСФСР и аналогичным статьям кодексов других республик. Каралось и сообщение о себе неверных сведений в избирательную комиссию.

Разумеется, лишенные прав люди стремились их вернуть. Если в 1925/26 через ВЦИК РСФСР прошло 469 жалоб и заявлений о восстановлении в избирательных правах, то в следующем году по одному только Ленинграду и губернии — более 500. В 1929 во ВЦИКе рассмотрели уже 35,5 тыс. заявлений. В 1932 — только через Ленинград — туда передали свыше тысячи²⁹. Писали в этих жалобах разное: примерно половина обращавшихся приводила те или иные юридические доводы, треть — открыто заявляла о мотивах материального порядка, остальных — более всего мучил нравственный аспект их положения. Приводимые лишенцами в их заявлениях о восстановлении в правах оправдательные мотивы рисуют впечатляющую картину смены ценностных установок и потери причинно-следственной ориентации в пореволюционную эпоху. Выпускник Пажеского корпуса В.В.Шрамченко, служивший позднее в гвардии и налоговом ведомстве, подчеркивает, что в свое время был изгнан из полка «за участие в революционных кружках и женитьбу на чистокровной пролетарке». «ГПУ известно мое прошлое, — пишет он далее, — однако оно не предпринимало никаких шагов

1925-26 гг. Ч.1. М., 1926. С.8; Выборы в советы по РСФСР в 1927 г. М., 1928. С.6, 53; Список лиц, лишенных избирательных прав по Сталинграду и поселкам. Сталинград, [1933]; Список лиц, не имеющих права избирать и быть избранными в горсовет, согласно ст. 69 Конституции РСФСР и Инструкции по выборам по гор. Липецку и его району. Липецк, [1931]; ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.7384. Оп.13. Д.2. Л.21; Там же. Д.35. Л.16; Там же. Д.52. Л.14.

²⁷ Там же. Ф.1000. Оп.14. Д.82. Л.211.

²⁸ Там же. Ф.1000. Оп.9. Д.349; Там же. Д.350; Там же. Оп.11. Д.265-269; Там же. Оп.79. Д.560, 604 и др.

²⁹ Володарский П.Г., Терехов П.В. Указ. соч. С.41-42; ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.7384. Оп.2. Д.25. Л.174.

по отношению ко мне»³⁰. Бывший служащий дворцовой полиции в Петергофе И.З.Захаров оправдывается тем, что «за все время службы никому вреда не делал, служил из-за куска хлеба и <...> ни в чем предосудительном замечен не был» [подчеркнуто нами. — А.Д.]³¹. Агроном А.И. Масленников, служивший в 1918-20 младшим офицером у атамана Семенова в Забайкалье, пытается доказать свою лояльность так: «За все это время я никогда не мог проявить себя как противник советской власти, потому что являюсь убежденным и преданным ее сторонником по всему складу своей натуры и, кроме того, убежденным сторонником РКП(б), в ряды которой почел бы счастьем вступить, если бы меня приняли»³². Служивший до революции в Министерстве иностранных дел, а после — в Центральной библиотеке русской драмы, Ю.А.Нелидов обращает внимание властей на то, что «никогда никаких административно-полицейских функций не исполнял по тому простому соображению, что чины, в ведении которых я по этому ведомству состоял <...> сами такую властью не обладали»³³.

Нередки в заявлениях лишенцев описания голода и нищеты, явившихся для них следствием утраты избирательных прав³⁴. Часто повторяются слова о «позорном пятне», которое легло на тех, кто попал в это незавидное правовое положение³⁵. Права «голоса и пайка» были тесно сплетены и взаимно обусловлены.

По закону лишенцы, помимо устранения от выборов, не имели лишь права быть членами профсоюзов³⁶ и занимать должности в органах власти. Но по мере огосударствления экономики «органом власти» становилось практически любое место работы. Известное положение Ильфа и Петрова «пиво только для членов профсоюза» на практике было вовсе не так смешно, как в литературном произведении: заборные книжки кооперативов играли в жизни горожан 1920-х куда большую роль, чем наши сегодняшние талоны. Кроме того, предприятия общественного питания лишенцев также не обслуживали.

С начала 1930-х положение лишенцев в городах становится еще хуже: на комиссии по делам избирательных прав обрушивается масса запросов от руководителей предприятий, не состоят ли их сотрудники или их ближайшие и отдаленные родственники в списках лишенцев — в стране полным ходом разворачивается военизация промышленности, так что каждая кинобудка и пункт утильсырья становятся «оборонным объектом».

Не лучше дело обстояло и с жильем: в Ленинграде кампании по выселению лишенцев проводились на регулярной основе, в 1929 очередная такая кампания предоставляла в распоряжение города 24 тыс. кв. метров жилой площади (собственно, выселять-то было уже почти некого), но руководитель Отдела коммунального хозяйства Горисполкома Никитин считал, что «если крепче

³⁰ Там же. Ф.1000. Оп.79. Д.596. Л.49-50.

³¹ Там же. Оп.11. Д.265. Л.727.

³² Там же. Д.267. Л.27.

³³ Там же. Л.316-317.

³⁴ Там же. Оп.13. Д.133. Л.124; Оп.12. Д.135. Л.230 и др.

³⁵ Там же. Оп.12. Д.134. Л.224.

³⁶ Хотя формально это правило было зафиксировано в циркуляре ВЦСПС только 25 августа 1927, однако на деле оно применялось и гораздо раньше.

надавить на наши районы, то эта цифра может быть увеличена бесспорно процентов на 25-30»³⁷.

Новую ноту в жилищное положение лишенцев внесла начавшаяся в 1933 паспортизация: в больших городах лишенцев не прописывали ни при каких условиях, поэтому, например, все заявления, поступившие в ленинградскую комиссию по делам лишенцев в 1934-36, отправлены уже не из Ленинграда³⁸.

Относительно положения лишенцев в деревнях в 1920-е надо заметить, что их начали выселять оттуда и лишать имущества задолго до раскулачивания и коллективизации. Конечно, масштаб акций после «великого перелома» увеличился, но основные механизмы были отработаны ранее, и историку коллективизации есть над чем поработать за рамками изучаемого им периода.

Как любая акция такого рода, процесс лишения избирательных прав был связан со значительным нравственным уроном обществу: сплетни, личные счеты, клевета, доносы — всего этого было в избытке.

Особенно тяжкий удар государственное преследование лишенцев наносило по институту семьи. 28-летняя дочь священника Мария Георгиевна Любынская работала машинисткой в Новгородском окружном суде, не зависела материально от отца, скорее она содержала семью. Когда в 1928 опубликовали списки лишенцев с фамилией отца, она переехала в другую квартиру, но потом вернулась в отчий дом: «Не вижу ничего предосудительного, — пишет она в заявлении о восстановлении в правах 17 июня 1929, — и в проживании в родительском доме: ведь я все время жила в родном городе и при теперешних квартирных условиях всего естественнее жить при родителях, если у них имеется свободная комната, чем мне скитаться по чужим углам, а им стеснять себя присутствием постороннего человека; кроме того и мать моя последние годы часто и подолгу лежала в постели и бросить ее в такое время было бы просто бесчеловечно. Опасаться же вредного влияния на меня отца и семью нет оснований, т.к. я не подросток с неустановившимися взглядами, а человек вполне зрелый, способный разобраться во всем самостоятельно»³⁹. Просьба ее удовлетворена не была. Однако были случаи и еще более грустные.

Изложенное, по-видимому, позволяет заключить, что лишение избирательных прав представляло собой широкомасштабный репрессивный процесс,

³⁷ Стенографический отчет совещания по вопросу о выселении нетрудовых элементов 24 октября 1929 (ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.7384. Оп.13. Д.4. Л.4). Здесь же прозвучал и ряд колоритных историй о выселении, характеризующих атмосферу эпохи: «Приходит участковый надзиратель выселять старика, а с ним паралич случился. Звонит мне: как быть? Говорю: конечно, не выселяй. Через 4 дня старик умер. Сам очистил помещение, освободил. <...> У нас еще была волынка с букинистами. НКВД завел канитель. Мы запросили Ленсовет, Ленсовет запросил НКВД, как быть с букинистами, так как среди них есть положительный элемент, который принес много пользы, собирая книги, выявляя ценные экземпляры книг. Вопрос тянулся долго, потом пришло разъяснение, что Ленсовету дозволяется определить, если этот букинист полезный человек, его не выселять, а если вредный, то выселять. <...> Сейчас у меня этих букинистов имеется 30 человек». (Там же. Л.10).

³⁸ ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.7384. Оп.2. Д.25. Л.184; Там же. Д.39. Л.130.

³⁹ Там же. Ф.1000. Оп.13. Д.130. Л.275.

сравнимый по значимости и последствиям с террористическими кампаниями Гражданской войны и конца 1930-х, раскулачиванием, депортацией народов в 1940-е. Антиэкономическая направленность этой акции достаточно очевидна: она ударила прежде всего по небольшим по численности, но хозяйственно наиболее активным слоям населения, и обеспечила тотальное разрушение воссоздававшейся в годы нэпа инфраструктуры. Одним из социально-культурных последствий лишенчества следует признать маргинализацию значительных групп населения, искренне пытавшихся вписаться в складывающуюся после революции новую реальность. Другим таким последствием был «удар по семье», который пришелся в первую очередь по тем слоям общества (дворянство, духовенство, зажиточные крестьяне), в которых до революции семейные отношения оставались еще сравнительно прочными, почему и могли еще служить ценностным ориентиром для остальных.

* * *

Публикуемые документы характерны для рассмотренного явления, но, естественно, не претендуют на полный его охват. При подготовке их к печати мы устранили очевидные ошибки и опечатки, привели тексты в соответствие с современной орфографией и пунктуацией, по возможности сохранив особенности авторской лексики и стиля. Заголовки даны составителем. Пользуемся случаем поблагодарить сотрудников ЦГАОРСС г. Ленинграда Л.Я.Федулину и М.В.Шкаровского за помощь в работе.

1

Донос на юную поповну

Председателю Петрогубисполкома
от красноармейца быв. отряда
Гдовского уезда Комдезертир
Степана Евдокимовича Лакисова

Прошу Вашего распоряжения вычистить наш Исполком Гдовского уезда, потому что туда засели не те, кому следует, засели туда духовенство: дьячок и его сын, и попова дочь, и бывшего купца дочь Евдокима МИХАЙЛОВА, потому что они делают все не так, как надо, и потому таких людей у нас в Советской России не должно быть, они не есть защитники рабочих и крестьян. По приходу Юденича они ясно и открыто говорили, что теперь они Вам покажут. Когда мои братья ушли из деревни с красными полками, [то] через таких людей их дом был сожжен, и в то время, когда были белые, то эта попова дочка вынуждала крестьян ездить с нею в Гдов в театры, за которой я ездил сам лично, и потому прошу обратить внимание и на Гдовский уездисполком, так что я неоднократно подавал заявления, но ответа не получал и от них, никакого результата не добился, они теперь не обращали никакого внимания, в чем и подписуюсь.

Лакисов. 12 марта 21г.

ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1001. Оп.3. Д.1175. Л.6.

Ответ гдовских властей на возбужденное этим заявлением беспокойство Петрограда гласил, что хотя ныне в уездных органах и служат трое детей духовенства (их них один — пятнадцатилетний), но занимают низшие технические должности, да и «почти все уже мобилизованы на службу в волостях», ранее же заявлений от Лакисова не поступало. В следующем месяце все государственные структуры (от села до уезда) в губернии были очищены от следов духовенства: всего удалось найти 24 человека.

Власть не обманешь

7 июля 1921

В Отдел управления Петросовета
Информационно-инструкторский
п/отдел

Возвращая настоящую переписку Отдел Управления крайне удивлен той наглой лжи в заявлении гр. ЗУБОВА, указывая на гр. Лазаревского, как на крестьянина, а фактически он был купец первой гильдии, крупный лесопромышленник. Если у гр. ЗУБОВА хватает наглости требовать возвращения имущества тестя, так почему же кстати не просит вернуть ему фабрику, которую он имел в Новгородской губернии по выделке спичек. Отдел Управления просит сообщить ЗУБОВУ, что мы не для того отняли фабрики и заводы от капиталистов, чтобы возвратить им обратно, а для того, чтобы владеть всем только трудящимся. Если в заявлении указывается, что течет крыша и не ремонтируется дом, так необходимо указать, что по милости таких ЗУБОВЫХ до сих пор не дают возможности приступить к налаживанию нашего хозяйства. Гр. ЗУБОВА и ЛАЗАРЕВСКАЯ живут в лучших условиях, чем большинство крестьян и рабочих, занимают 2 комнаты и кухню в 1-м этаже большого купеческого дома и хорошо приспособленный для жилья теплый чердак. Необходимо указать гр. ЗУБОВУ, что возврата к прошлому быть не может. Если он честный гражданин, пусть забудет о прошлом и честно старается для пользы Республики, а Республика Советов в состоянии содержать его семью. <...>

Заведующий Отделом Управления
[Новолодожского уисполкома] [Подпись]
ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1001. Оп.3. Д.1143. Л.6.

Поводом к этому отношению послужило заявление агента Топливной части Отдела Управления Петрогубисполкома Зубова о восстановлении в избирательных правах и прекращении притеснений его жены и тещи, живших в Новолодожском уезде в *одной* из комнат бывшего своего дома, которую к тому же грозилась забрать под клуб. На документе резолюция сотрудницы Петросовета Г.Янковской: «Согласиться с Новолоад. Упр. Дело считать законченным. 29/VII [1921 г.]»

Судьба вишневого сада

В Президиум ленинградского губернского исполнительного комитета
гр <ажданина> деревни Кулаково,
Колчановской волости, Волховского уезда,
Ленинградской губернии
Владимира Карловича Тюрнер <a>

Заявление

Полагая при сем в копиях нижепоименованные документы, подлинники которых имеются у меня на руках, прошу постановления об утверждении меня в правах гражданства и причисления к трудовой интеллигенции, так как Колчановский исполком в лице бывшего председателя Исполкома тов. Соколова при каждом случае чинил препятствия и накладывал на возбуждаемые ходатайства резолюции, не соответствующие действительности.

Незадолго до революции я с сыновьями, из которых один теперь бывший красноармеец, участвовавший в Гражданской войне и получивший знак отличия, другой же допризывник, призывающийся в 1925 году, стали обрабатывать личным трудом землю и до сих пор все время и обрабатывали. В 1922 году мы получили в аренду небольшой участок земли из состава бывшего нашего имения.

Все время после революции мы проживали здесь, работали, служили в советских учреждениях и ни в чем предосудительном замечены не были.

Покойный мой отец происходил их крестьян Эстляндской губернии и бывшее имение в количестве около 400 десятин удобной и неудобной земли, ценою в 7000 довоенных рублей, заложенное моему отцу бывшими дворянами Верховскими, осталось за моим отцом, вследствие невыплаты денег по закладной.

После смерти отца бывшее имение перешло по завещанию мне, но с обязательством непродать его до совершеннолетия моих сыновей. Ввиду его бездоходности и других причин мною были возбуждаемы ходатайства о продаже его, но бывшим Правительствующим Сенатом все мои ходатайства не были удовлетворены, и таким образом бывшее имение и осталось за нами и с 1906 по 1917 г. [я] должен был его содержать, для чего пришлось заняться сельским и лесным хозяйством, хоть это и не было моею специальностью.

Родился в 1876 году, первоначальное и среднее образование получил в Петрограде, ныне Ленинград; в 1893 году покойным моим

отцом был отправлен в Германию, где получил не только специальное теоретическое, техническое и химическое образование, но и практическое, проработав на заводе простым рабочим полтора года...

По возвращении в Россию работал в Химической лаборатории и служил на наждачном заводе Н.Струка шесть лет заведывающим заводскою техно-химическою лабораториею.

После смерти отца, как уже выше было упомянуто, вследствие получения в наследство имения, должен был оставить службу и заняться хозяйством.

В 1916 году вновь поступил на службу в Общество химической и стеклянной посуды И.Ритинг и прослужил там почти до конца 1918 г., когда ввиду продовольственного кризиса и семейных обстоятельств принужден был оставить службу и уехать в бывшее имение, где уже находилась моя семья, где обрабатывать стали землю и, кроме того, служил еще в Колчановском лесничестве — объездчиком, а потом в Мурманском железоме — статист <ик>ом.

Состоял членом в профсоюзе конторских служащих в Ленинграде, и в союзе Соработлеса.

Заболев после Вятки, куда ездил за хлебом, ревматизмом, с 1921-1923 гг. был болен и не служил.

За невозможностью здесь существовать одною землею, и будучи неспособным к физическому труду, должен [был] приискать себе место службы, которую однако ввиду моего настоящего социального положения, как бывшего собственника, мне получить представляется весьма затруднительным.

Недавно мы сгорели, лишились дома, где проживали, и потеряли большую часть своего имущества, а потому теперь тем более необходимо найти себе место службы, чтобы иметь источник существования, так как вследствие происшедшего пожара, восстановить все сгоревшее и жить здесь за отсутствием средств не представляется возможным как мне, так и моим сыновьям.

Прошу удовлетворить мое ходатайство, приняв во внимание, что собственником стал лишь по завещанию и в силу обстоятельств и необходимости, и то только недолгое время.

До смерти отца, в военное и революционное же время служил на заводе и в разных учреждениях, ни в чем предосудительном замечен не был и ни в каких контрреволюционных выступлениях не только что не участвовал, но даже нигде не был на замечании.

Прошение моих сыновей Кирилла и Виктора отдельно при сем прилагаю, которые также ходатайствуют о тождественном.

При сем прилагаются ниже следующие документы в копиях:
<...>.

18 марта 1925 г.

В.К.Тюрнер.

ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1000. Оп.9. Д.349. Л.70-71.

Из справки земельного управления уезда: «Отношения местного населения к гр. Тюрнеру хорошие <...> его бывшая усадьба сгорела и последний скитается где ночь, где две по углам крестьянских хат (живет очень бедно)...» (Там же. Л.68). Из справки Колчановского волысполкома: «Копии с подлинными верны, что говорит за то, что Тюрнер является невинным для населения, а также и с личных слов населения выяснилось, что возражений против его оставления на месте со стороны населения не имеется» (Там же. Л.69). Исход дела Тюрнера неизвестен. 3 августа оно с отрицательным отзывом Адмоддела было передано в Орготдел Ленгубисполкома, который от заключения по нему воздержался, предложив дожидаться решения Комиссии по выселению бывших помещиков.

4

Судьба бывшего священника

В Ленинградский губернский
исполнительный комитет
Гр. дер. Кречетово Анциферовского
общества Чернослободской волости
Вытегорского уезда Ленинградской губернии
Беляева Бориса Никандровича

Заявление

В апреле 1925 г. мной было возбуждено ходатайство пред соответствующими органами правления о восстановлении в правах гражданства, и низовой административный аппарат, как-то сельсовет и ВИК на основании постановления граждан о-ва и зная меня лично, дали свое заключение, что препятствий к восстановлению в правах гражданства не имеют, но президиум Вытегорского уисполкома [постановлением] от 21-го мая 1925 года в ходатайстве мне отказал, мотивируя тем, что в 1922 г. [я] состоял служителем религиозного культа. Признавая для себя настоящую ошибку, допущенную в 1922 г., я хочу в настоящем заявлении указать причину, почему поступил священником и каким образом был оттуда уволен.

3-го апреля 1922 г. умер мой отец — священник Исольского прихода (где я живу в настоящее время), к этому времени я имел от второй жены (первая ушла в 1918 г.) сына, кроме него на моем иждивении находилось еще четверо малолетних детей (семейство теперешней жены от первого мужа, погибшего в империалистическую войну). Таким образом все семейство состояло из 7 человек, и покуда я служил учителем, да обрабатывал землю, как принявшийся в дом (к теперешней жене), владеть хотя и полуголодное существо-

вание было можно, но согласно Конституции из учительства мне пришлось уволиться. Ремесла я никакого не знаю, а на одном крестьянстве без сторонних заработков прокормиться невозможно. Положение в то время было прямо невыносимое, на службу не принимают, хлеба своего недостаточно, а дети-малолеты ежедневно просят есть. Что мне оставалось делать? Был бы я один в то время, как в 1918 г., тогда, конечно, священником бы не пошел никогда (ведь была же мне возможность в 1918-1922 г.). А тут полугодовалая семья, на которую больно было смотреть, вынудила поступить на мирские хлеба, но недолго пришлось есть этих хлебов, всего 3 месяца. Меня как второженца епархиальная власть выгнала, командировав на мое место другого священника, снабдив его документами, что он один только может служить, а Беляев как двоеженец не может.

Вот 1922 г <ода> моя служба, до 1924 г. я опять жил в д.Кречетово, занимаясь летом крестьянством, а зимой извозом груза, но и тут ставится тормоз. Как служителя культа меня прокатывают [в] местном органе на страницах газеты, и учреждения стали воздерживаться давать мне и этот заработок. Что опять делать? И вот в 1924 г. для Хопяновской религиозной общины четыре месяца исполнял обязанности священника без ведома епархиальной власти. Вот вся моя поповская служба в 1918-1925 гг. Теперь окончательно сбросил это звание и на страницах местного органа дал соответствующую отповедь, одновременно возбудив ходатайство о гражданстве. И несмотря на то, что местные власти и крестьяне общества, с которыми я живу 25 лет, дают обо мне отзыв, как о человеке, пригодном для общества, и — мало того — проводят на общественные должности. На основании вышеизложенного прошу ГубИК рассмотреть настоящее заявление и предоставить права гражданства; о последующем поставить в известность. К сему заявлению гр. Борис Беляев подписуюсь. 1925, 3 июня.

ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1000. Оп.9. Д.349. Л.16-16об.

Ходатайство Б.Н.Беляева, скорее всего, было отклонено, т.к. Вытегорскому УИКу ленинградское начальство разъясняло, что одного только публичного снятия сана недостаточно для автоматического восстановления в правах.

Контрреволюционно ли Временное правительство?

В Ленинградскую губернскую
избирательную комиссию
Члена Ленинградской Губколлегии
защитников ЗАРУДНОГО Александра
Сергеевича, жит < ельствующего >
по Нижегородской ул. д. №23а

ЖАЛОБА

Постановлением ленинградской Центральной Городской районной комиссии я включен в число лиц, лишенных права избирать членов Горсовета.

Постановление это я считаю неправильным по следующим основаниям:

Районная комиссия признала меня лишенным избирательных прав как «министра юстиции».

Между тем по ст. 15 п. «л», утвержденной постановлением Президиума ВЦИКа Инструкции о выборах городских и сельских советов, опубликованной в №92/579 «Вестника Ленинградского Совета» от 24 ноября 1926 года, не могут пользоваться избирательными правами лишь министры и товарищи министров, служившие при царском строе, либо при белых контрреволюционных правительствах.

Хотя я и служил при Временном Правительстве 1917 г. товарищем министра юстиции с 4 марта по май 1917 г. и министром юстиции с 22 июля по 2 сентября 1917 г., но названное Временное Правительство, созданное февральской революцией, члены которого утверждались Ленинградским Советом Рабочих и Красноармейских Депутатов, — не может быть относимо к числу царских либо «белых» контрреволюционных правительств.

Если бы составители Инструкции намеревались лишить избирательных прав членов Временного Правительства 1917 г., то им незачем было бы употреблять выражение «белых контрреволюционных», а достаточно было бы упомянуть о министрах всех правительств, кроме Советского: очевидно, что министры «белых контрреволюционных» правительств противопоставляются в Инструкции министрам каких-то других правительств. Таким другим правительством и надлежит считать Временное Правительство 1917 г., которое, как бы дурно оно ни было, являлось, во всяком случае, правительством революционным.

По этим соображениям и принимая во внимание, что согласно

ст. 17 названной Инструкции местные органы не могут лишать избирательных прав лиц, не попадающих под действие ст. 69 Конституции РСФСР и ст. ст. 14 и 15 Инструкции, я прошу Губернскую избирательную комиссию обжалованное мною постановление Центральной Городской [районной] избирательной комиссии отменить.

Настоящая просьба подается Центральной Городской районной избирательной комиссии для представления в Губернскую Комиссию. 4 февраля 1927 г. Член Коллегии защитников

А.Зарудный.

ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1000. Оп.11. Д.266. Л.709.

Зарудный Александр Сергеевич (1863-1934) — юрист и общественный деятель. Его жалоба послужила причиной специального разъяснения ВЦИК, на основе которого она была удовлетворена. (Там же. Оп.79. Д.604. Л.188, 189).

6

Донос из зависти

В Губотдел союза совторгслужащих
от Комфракции дома по Лермонтовскому пр.5/11

Заявление

Комфракция, узнав, что гр. Васильев прошел на перевыборы в Ленинградсовет на общем собрании безработных совторгслужащих и был избран членом в Ленинградсовет, дает отвод в следующем. Гр. Васильев является хроническим безработным с 1917 года и разъезжающимся по разным городам, как-то Батум—Тифлис и другие местности. Гр. Васильев приезжает домой на извознике и не плотит и обзывается партийцем (в настоящее время он беспартийный), говорит, что коммунисты не плотят, а их возят даром и так уходит домой, гр. Васильев очень часто приходит домой в 3 часа ночи и к нему приходят подозрительные интеллигентные люди утром рано, когда все спят в доме, квартире. По мнению фракции, гр. Васильев является белогвардейцем. Комфракция дома просит дать отвод гр. Васильеву, так как таким руководителям в Ленинградсовете XI созыва не место <...>.

Ответственный секретарь Шварцблок
Члены фракции: Глиот, Шумов.

25 февраля 1927 года.

ЦГАОРСС г.Ленинграда. Ф.1000. Оп.11. Д.265. Л.469.

В результате этого заявления кандидатура безработного студента-вечерника Политехнического института Николая Тимофеевича Васильева была отведена районной избирательной комиссией. Дальнейшая его судьба неизвестна.

7

Счастливое детство

Письмо

1928 года ноября 30 дня

Премногоуважаемому вождю
революционного движения М.И.Калинину
от ученика 4 группы 13-летнего мальчика

1928 года ноября 25 дня был сход бедноты в деревне Старом Селе при председательстве инструктора партии Велижского рика товарища Богданова. Многих граждан лишили права голоса, в том числе и отца, имеющего семь с половиной десятин земли, коня-жеребенка, одну корову, одну телку, сам — инвалид войны, утеряно 75% трудоспособности. Семейное положение из шести человек, старшей девочке 15 лет, младшему мальчику 5 лет. Сам отец толкает к новой жизни революционное движение и я.

Хожу я учиться в 4 группу за неимением учебников и политических книг. Я сам стремлюсь учиться от умных людей, то есть с их слов, которые и проводить в жизнь. Без всякой пощады к ученику член партии Велижского рика Ратковинского с/с деревня Ратковина Евстафий Фамацкий хватил меня за воротник и выбросил вон из помещения, как лишенного голоса кулацкого сына. Я нахожу неправильным, потому что при беседы учительницы в классе она говорит, что каждый партийный человек все может разъяснять и учить к новой жизни. Мой отец никогда не был замечен против движения к новой жизни, то есть революционного времени, а потому нахожу неправильность против такого несознательного человека.

Мы живем в темном уголке, далеко от вождей Советской власти. Наверное, так нельзя делать, как для меня сделали и для всех честных граждан, которые были лишены права голоса: у них хозяйство, как у моего отца. А потому прошу убедительно, дорогие вожди нашей любимой страны, известить мне 13-летнему мальчику по моему письму. Будьте здоровы во все дни вашей жизни.

Прошу передать мой привет тов. Луначарскому, то есть председа-

телю народного образования, учебников у меня нет никаких и покупать негде на честное мое слово, да хотя бы и было где — одно горе: у отца нет средств. Как инвалид войны заработать мало может.

Адрес мой Ленинградской области Великолуцкого округа Велижского рика Ратковинского сельсовета дер. Старое Село Иван Дорофеевич Шелгунов.

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1000. Оп.13. Д.133. Л.97.

В конце этого письма нарисован круг, на котором указаны стороны света, а по окружности следует надпись: «Да здравствует наша дорогая Советская власть во всем шаре». Каким-то образом письмо добралось до ВЦИК, откуда последовало указание за подписью самого адресата рассмотреть дело и «впредь до окончательного решения дела о лишении избирательных прав, оставлять детей в школе». Последовала обильная переписка между разными звеньями управления, закончившаяся 29 марта 1929 справкой о том, что «Шелгунов Дорофей Матвеевич избирательных прав не лишен».

8

Чуриковец: имею право

В Избирательную комиссию Ленинградского Совета при Завкоме №2 Союза металлистов
от рабочего Александра Власовича СКАЧЕНКОВА,
меднолитейная мастерская Н.Н.Николаева,
Воронежская ул. д.122, жит <ельствующего>
Обводный кан. 49 кв.10

Заявление

Прошу Избиркомиссию пересмотреть мое заявление и восстановить меня в правах голоса на перевыборах Ленсовета ввиду того, что я являюсь с 12 лет рабочим и, участвуя два года в Гражданской войне и теперь работая в данном предприятии, подчиняясь всей профдисциплине и всем советским законам, считаю неправильным лишение меня права голоса на перевыборах Ленсовета. Я являюсь не как профессионал-проповедник в какой-либо организации, а просто убежденным чуриковцем и в правде евангельской и, находясь в свободной советской республике, я как свободный гражданин имею право свободно мыслить, ходить и проводить время, где я считаю для себя полезным. 22 декабря 1928 г. [Подпись]

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1000. Оп.13. Д.132. Л.45.

А.В.Скаченков не был восстановлен в избирательных правах, отказывали ему в этом и в последующие годы.

9

История перебежчика¹

В орготдел Ленинградского Совета
гр. Кондрашова А., прожив <ающего> по
Смольному пр. д.1/13 кв.72

Заявление

Настоящим прошу не отказать в моей просьбе, а именно: 13/II с.г. я подавал заявление начальнику Моботделения Ленинградского военкомата с просьбой ходатайствования о восстановлении меня в гражданских правах и перечислении из тылового ополчения². По приложенному к заявлению постановлению Ферганского окрсуда видно, что суд, согласно постановлению ЦИКа СССР, снял с меня судимость и поражение прав, и теперь я прошу Совет, как высшую инстанцию, утвердить постановление суда, т.к. я не считаю себя чуждым элементом или отколовшимся, а что свихнулся по молодости, то за это по сие время искренно раскаиваюсь и больше впредь буду твердым, тем более, что я отбыл такое суровое наказание. Еще раз прошу удовлетворить мою просьбу или принять во внимание, что я уже второй год не имею прав, между тем я рабочий душой и телом пролетарий, и смогу принести пользу своему государству.

12 апреля 1929 г. Ленинград. [Подпись]

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1000. Оп.13. Д.130. Л.121-121об.

---

¹ Избирательные права были утрачены 23-летним заявителем вследствие судимости за попытку перейти границу. Судьба ходатайства нам неизвестна...

² Лишенцы вместо армии должны были служить в тыловом ополчении, в котором условия были весьма суровы.

10

Имя на заборе

В Ленинградский Областной Исполком от колесного мастера, прожив <ающего> в гор. Новгороде по ул. Толстого, 25
Ивана Андреевича Анохина

Жалоба

Неожиданное и тяжелое для моего сознания лишение избирательного права я обжаловал в конце декабря прошлого года в Новгородский избирком.

Мотивом для лишения меня избирательных прав был указан тот, что я в моей колесной мастерской имел двух рабочих-помощников, труд которых я, дескать, эксплуатировал. В жалобе своей я указал, что сам я с детства труженик, что сам работаю до сего времени каждый рабочий день с шести часов утра и до семи вечера для прокормления своей семьи и, надеюсь, с пользой для трудящихся. Относительно же нанятого труда было так: один мастер действительно помогал мне в продолжение шести месяцев, уволился этот человек еще в сентябре прошлого года. Что же касается второго, то это был прохожий-бедняк. Он попросил дать ему возможность заработать на дорогу в Ленинград. Этот последний работал у меня всего неделю. Теперь я работаю с учеником, как самый заурядный кустарь-ремесленник. Указал также на то, что у меня семья, подрастающие дети и вывешивание моего имени на заборе, как бесправного гражданина, порочит мое честное трудовое имя.

Жалоба моя не была удовлетворена, и с теми же мотивами я обратился в Окружной исполком, куда мною было в дополнение представлено удостоверение врача, свидетельствующее о моем нездоровье — у меня в тяжелой форме грижа и работать один я не всегда в состоянии. Указано мною было, что кроме труда моего, я отбыл четыре года на кровавой империалистической войне, по окончании которой я с 1919 г. по сентябрь 1921 г. служил в ГСНХ для военных заготовок в качестве колесного мастера, о чем у меня было приложено удостоверение за надлежащими подписями и печатью.

Но все это не принято было во внимание, а только самое кратковременное пребывание у меня двух помощников наложило на меня печать отверженного.

Неужели это справедливо? Неужели это может быть решением правительства трудящихся?

Считая, что как лишение меня избирательных прав, так и поста-

новление Окрисполкома от 4 февраля с.г., который также оставил мою жалобу без последствий — неправильны, я решил обратиться к Вам с просьбой о восстановлении меня в полных правах трудящихся Республики. 29 марта 1929 года. И.Анохин.

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1000. Оп.13. Д.128. Л.79-80.

И.А.Анохину (1880-?) в возвращении избирательных прав было также отказано.

11

Мебельщик

[Сер. августа 1929]

В Президиум Ленинградского Совета
Волковысского Михаила Соломоновича,
жит <ельствующего> по
4-й Красноармейской улице 20 кв.5

Постановлением Президиума ВЦИК от 7 августа ист <екшего> года (протокол №69 параграф 42) мне отказано в восстановлении меня в избирательных правах, которых я был лишен избирательной комиссией Ленинградского Древлестра.

Я обращаюсь с просьбой возбудить перед Президиумом ВЦИК вопрос о пересмотре означенного постановления по следующим основаниям.

Я — специалист мебельного дела, с первых же дней Октябрьской революции вступивший на Советскую службу и непрерывно на ней находившийся до самого последнего времени. Мои знания и опыт, как специалиста, были оценены, и моя добросовестность и преданность Советской власти вызывали постоянное ко мне доверие и весьма ответственные поручения, в которых я работал. Главный вход в Смольный в Ленинграде устроен по моему проекту; распланировка кресел в Актовом зале в Смольном и временная трибуна были исполнены под моим наблюдением; обмобилировка рефрижераторов «Алексей Рыков» и «Ян Рудзутак» была возложена на меня и я с успехом закончил это поручение; в бытность мою на службе в Севзапсоюзе на заводе имени Каракозова мною было поставлено производство маслбоек, не уступающих по своим качествам заграничным; по моему проекту Древлестром были разработаны образцы стандартного типа шкафов (для хранения спец. и прозодежды), на изготов-

ление которых идут отходы лесоматериала, вследствие чего получается большая экономия для учреждений, нуждающихся в шкафах.

Приведенные факты иллюстрируют то обстоятельство, что я, наравне со всеми честными и преданными Советской власти специалистами, принимал с первых дней Октябрьской революции самое активное участие в хозяйственном строительстве Республики и что лишение меня прав советского гражданина на 11-ом году революции — не заслуженная и ничем не вызванная для меня тяжелая кара, моральное несчастье.

У меня никогда не было капиталов, ни собственных, ни унаследованных; я никогда не был фабрикантом в смысле собственника фабрики — эксплуататором трудящихся. Не был таковым и мой отец, организовавший мебельную мастерскую на заемные средства. Я работал в мастерской отца, учился в ней художественной стороне мебельного дела. И то, что я изучил во время своей работы в мастерской отца, весь мой опыт по художественному изготовлению мебели я принес на советскую службу. Я всегда был трудящимся в буквальном смысле этого слова и отнесение меня ныне к категории нетрудящихся не вытекает из действительных обстоятельств моей жизни, противоречит моей идеологии. Должен отметить, что именно трудовая жизнь, необходимость для меня бороться за свое существование в период болезни отца, совпавший с периодом поступления в учебное заведение, лишили меня возможности отдаться теоретическому изучению художественной стороны мебельного дела и получить образование в Академии художеств.

Считая себя преданным Советской власти гражданином и полезным для хозяйственного строительства Республики специалистом, я прошу, не признает ли Президиум Ленинградского Совета возможным возбудить перед Президиумом ВЦИК вопрос о пересмотре последовавшего 7-го августа ист<екшего> года отказа в восстановлении меня в правах советского гражданина.

[Подпись]

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.1000. Оп.13. Д.128. Л.340-340об.

Несмотря на поддержку ходатайства М.С.Волковысского (1882-?) ректором Академии художеств Э.Э.Эссенем, ему было отказано вновь.

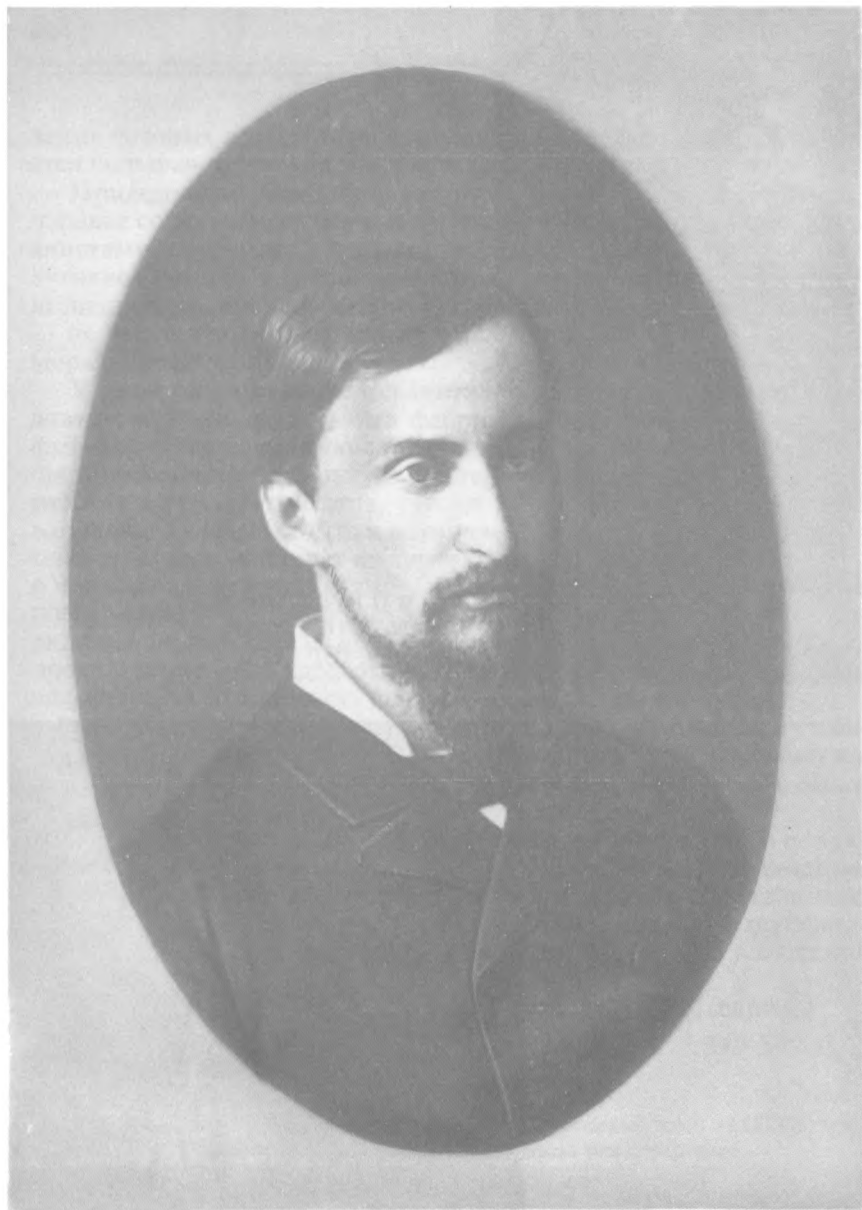

А.О. и И.И.Фондаминские.
Начало 1910-х годов.
Франция. (ОР ГПБ).

З.Н.Гиппиус
в своем кабинете.
1913. (ИРЛИ).

Д.И.Шаховской. 1880-е годы. (ААН).

Братья Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбурги. 1890-е годы. (ААН).

В.И.Вернадский. 1888. (ААН).

И.М.Гревс. 1890-е годы. (ААН).

А.А. и Н.А.Корниловы.
Вторая половина 1890-х годов. (ЦГАОР).

Дети Д.И.Шаховского.
Слева направо: Илья, Наталья, Анна.
1914. (Из собрания семьи Шаховских).

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ОРДЕР № 554

10

Июль 26 дня 1938 г.

Выдан

Государственной Безопасности
тов. *Крестовский* на производство

Ареста и обыска
Шаховского
Дмитрия Ивановича

адрес

Зубовский бульв. 9/15 кв. 23.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР

Место
для
печати

Начальник Второго Отдела
1-го управления НКВД СССР

[Handwritten signature]

справка:

7

Ордер на арест Д.И.Шаховского.
26 июля 1938. (ЦАО КГБ).

Я, Александрович Шаховской,
Если бы мне быта представился чья
хотю бы в одном из моих присутствии
1. конечно, рассказав бы о других присутствующих
темных, которых у меня нет.

Александр Шаховской.

Последний лист следственного дела Д.И.Шаховского. (ЦАО КГБ).

1) Какое и алазмыш
Варнадовичу отдал
2) Брошюры в склад,
что Шаховской Гин
решил и умер в
10/11/40 м.ч. 14/40 не
и сообщим если он
обратится то сообщим.

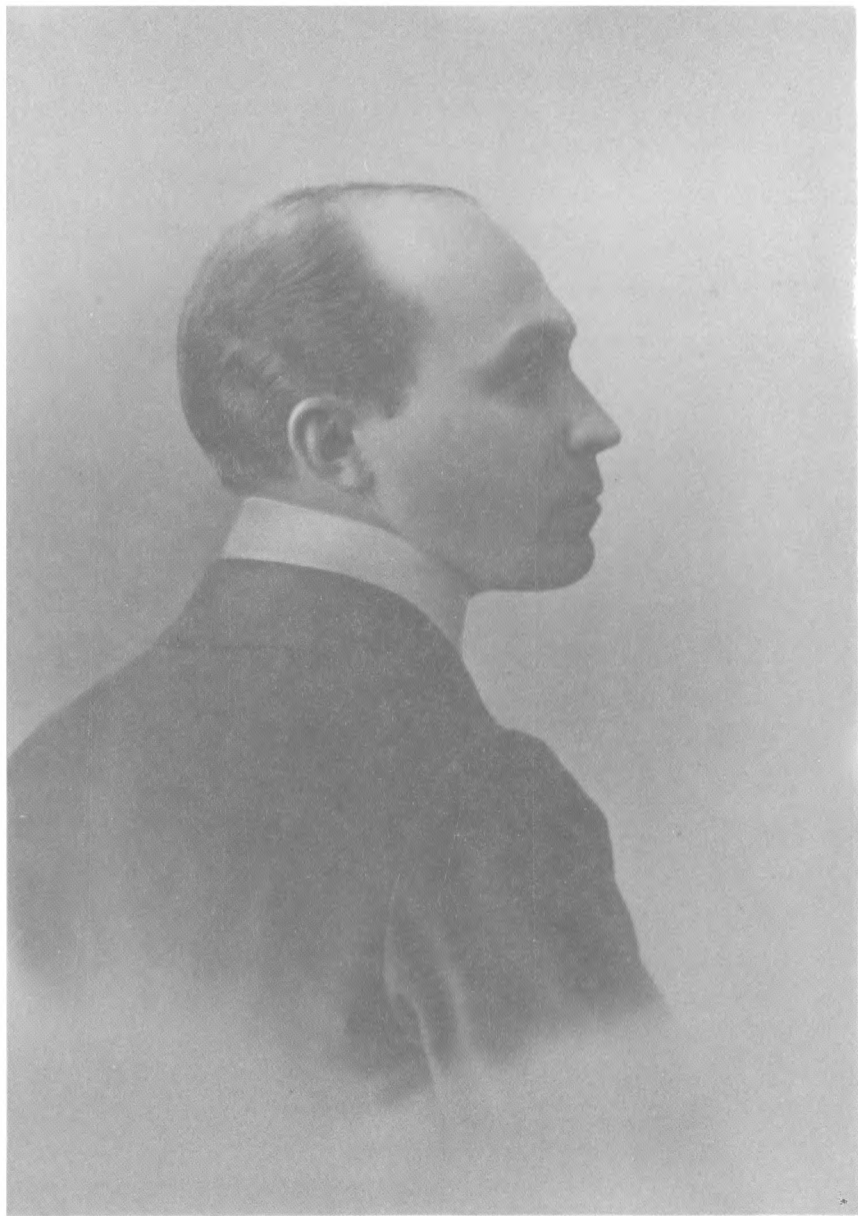
Сделать в картотеке
отметки

5.10.40

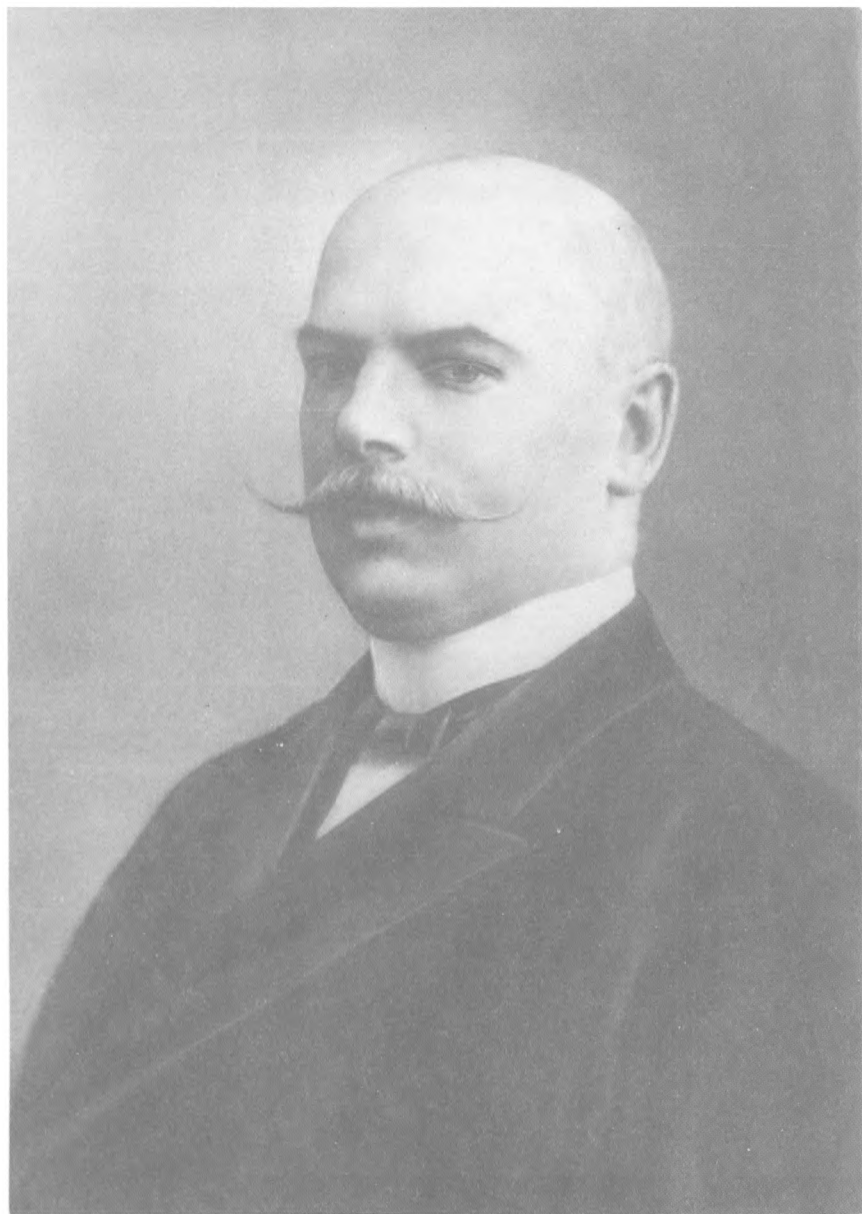
В-2-28-24

Записка сотрудника НКВД.
Между 8 и 10 мая 1940.
(ЦАО КГБ).

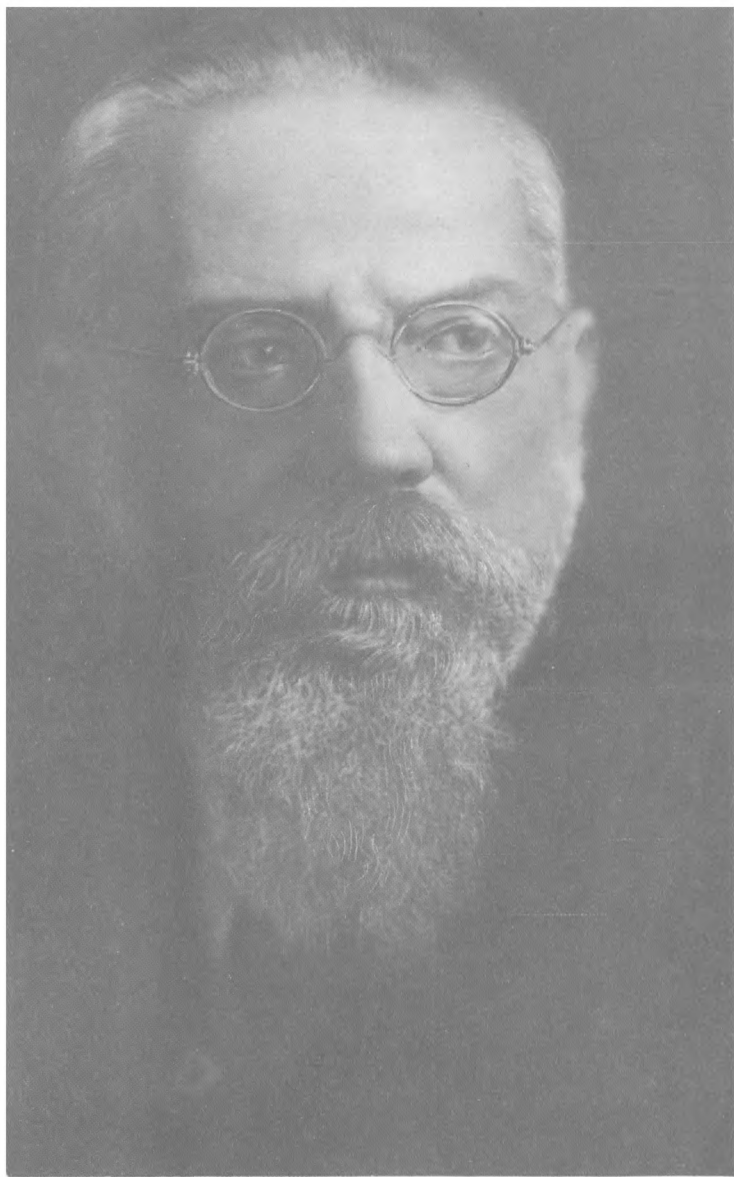

Б.А.Садовской. 1910-е годы. (ЦГАЛИ).

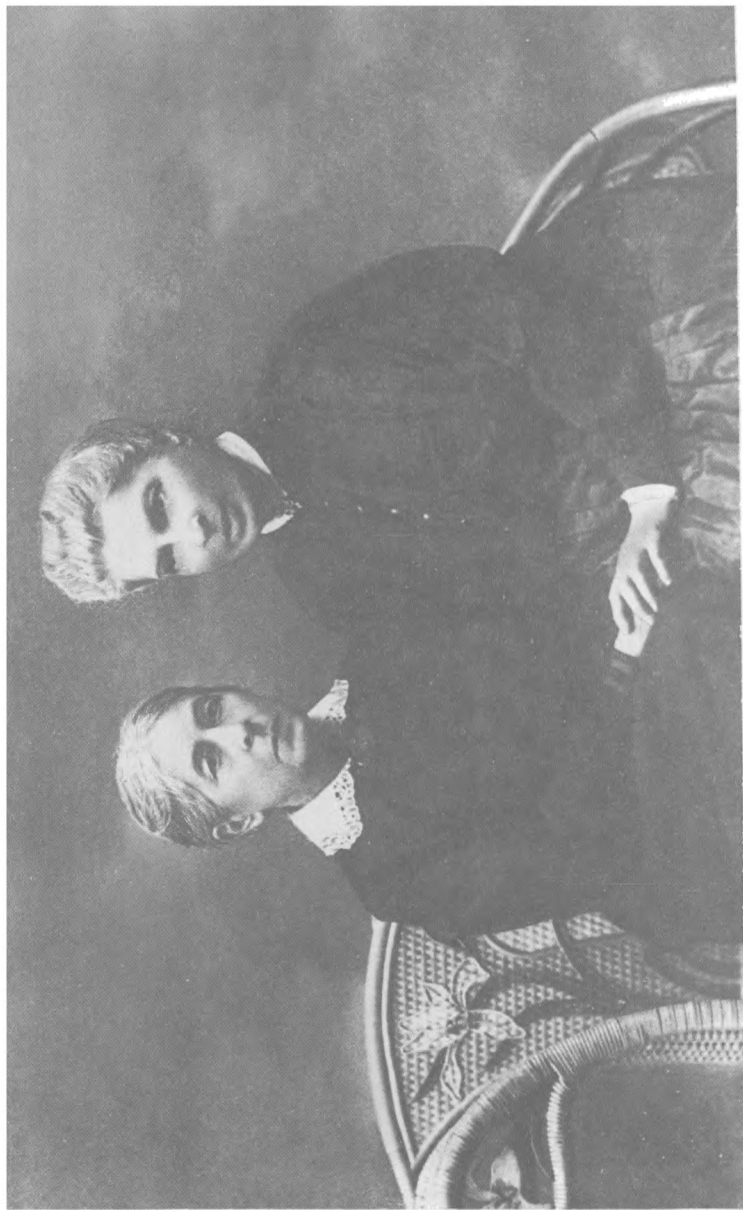
Б.В.Никольский. 1910-е годы. (ЦГАЛИ).

М.Н.Покровский. 1920-е годы. (ААН).

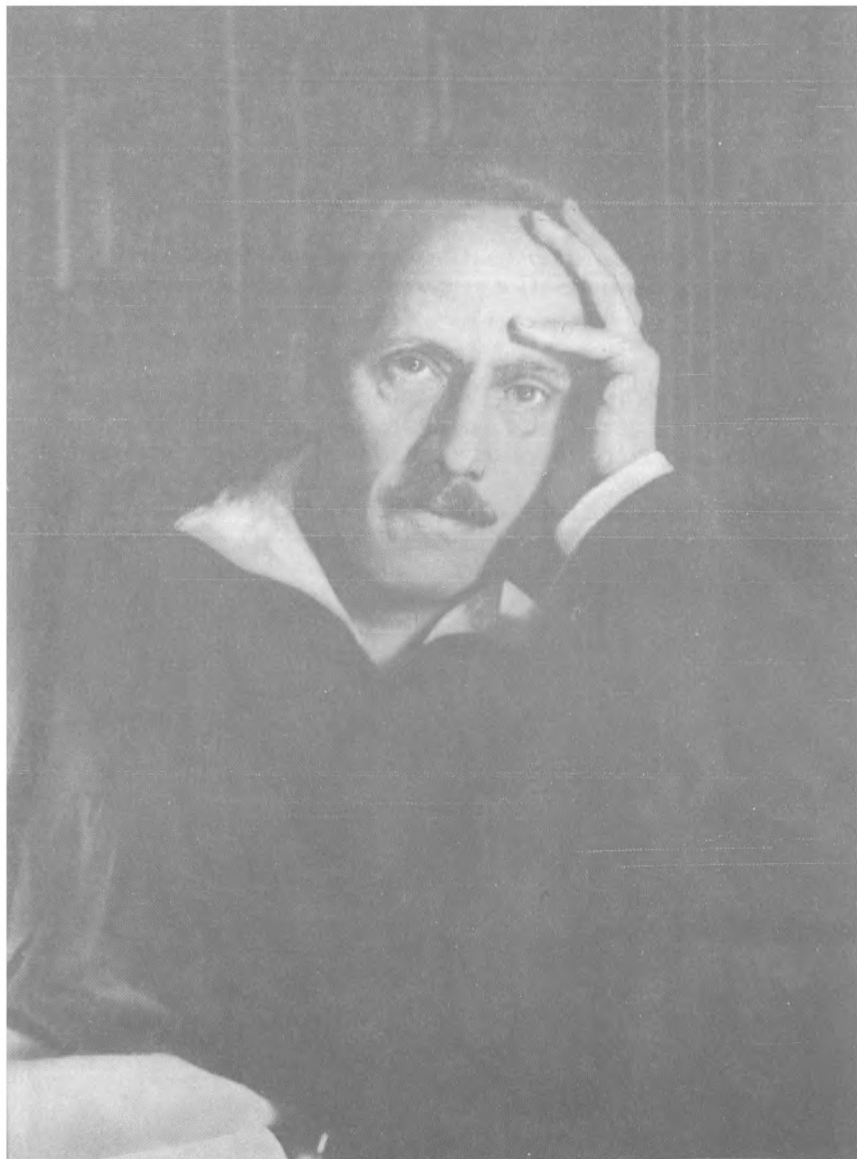
Академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман и Н. Я. Марр.
1927. (ЦГАКФФД).

**В.Н.Фигнер (слева) и Н.П.Куприянова.
1923. (Из собрания М.Э.Фигнер).**

В.Н.Фигнер. 1930-е годы. (ЦГАЛИ).

М.А.Осоргин. 1930-е годы. Париж. (Из собрания Т.А.Осоргиной).

**Семья Буткевичей. В центре — А.С. и Е.В.Буткевичи (сидят).
В нижнем ряду вторая справа — Н.А.Махнова (урожд. Буткевич).
1930-е годы. Благуща (ныне Москва).
(Из собрания Т.А.Осоргиной.)**

12

ОГПУ и раскулачивание

**[Отношение Полномочного Представительства ОГПУ
в Ленинградском военном округе в Президиум Ленсовета]**

3 октября 1932

Возвращая при сем заявление ЛАДАНИНОЙ Клавдии Александровны, сообщаем, что последняя выслана нами летом 1931 г. на Синявинские торфоразработки как дочь кулака, подлежащая выселению в 1930 г. и скрывшаяся.

Отец ЛАДАНИНОЙ лишен [прав] в дер. Поновская Тутаевского р-на И <ваново> - П <ромышленной> О <бласти> [за] кулацкое хозяйство и торговлю, за преступление, пр <едусмотренное> ст.58-10 УК осужден ОГПУ к высылке в Сев <ерный> Край сроком на 3 г., хозяйство все раскулачено. Семья ЛАДАНИНЫХ подлежала выселению, но осталась невыселенной ввиду бегства трудоспособной части.

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.7384. Оп.2. Д.2. Л.91.

13

К чему приводили попытки вступаться

14 января 1933

Секретно

В партком ВКП(б) Оптико-механического завода ЛОМЗ (Невская застава, Бертовский пер. 3.)

Особая комиссия при Президиуме Ленсовета при сем препровождает ходатайство Завкома Вашего завода с перепиской на 5 п/листах на Ваше заключение о ходатайстве, одновременно Особая комиссия Ленсовета обращает Ваше внимание на нижеследующее.

1) Ходатайство за подписью Пред. Завкома и Пред. Цех. комитета не может отвечать за завком в целом (отсутствует выписка из протокола Завкома), а следовательно и именоваться «от завкома», да к тому без штампа и номера завкома.

2) В ходатайстве указывается «по социальному происхождению тов. гр-н Эргарт сын крестьянина»¹. Это в корне неверно, так как Эргарт является не «сын крестьянина», а сын кулака. «Отец его в связи с ликвидацией кулачества в 1931 г. был выслан», выходит, что отца выслали «в связи с ликвидацией кулачества», т.е. по пути прихватили,

это тоже в корне неверно, так как отца выслали не в связи с ликвидацией кулачества, а как прямого классового врага — как кулака.

3) Высылка сына Эргарта А.К. абсолютно не противоречит как Инструкции ВЦИК, [так] и разъяснению ОбЛИКа², так как его выслали не как лишенца, а как члена семьи кулацкого хозяйства и не может быть ни у кого никакого сомнения в том, чтобы органы ОГПУ действовали без соответствующих директив партии и правительства.

4) Ваш завком, ходатайствуя перед правительственными органами, основываясь исключительно по производственным показателям со стороны Эргарта, позабыв политическую сторону данного вопроса, и не согласовал это ходатайство с парторганизацией завода (отсутствуют в прилагаемой переписке данные).

5) Завком не учел и того обстоятельства, что во время раскулачивания, т.е. решительного наступления на кулака, ликвидируя их как класс, последние чрезвычайно ловко маскировались, т.е. посылая сыновей в промышленные центры до момента раскулачивания, а сами одевались в бедняков, т.е. самораскулачивались и уезжали к сыновьям, что было и с Эргартом, т.е. он уехал от отца в момент развернутого фронта коллективизации и это подтверждается тем, что Эргарт после совершеннолетия в 1926 г.³ жил с отцом до мая 1930 г. и держал с отцом связь до октября 1930 г., т.е. три месяца до раскулачивания (см. ходатайство завкома).

Ваше заключение⁴ со всей этой перепиской верните к 20 января 1933 г. для доклада Президиуму Ленсовета.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое — подлежит возврату.

Ответственный секретарь комиссии Ленсовета

[Подпись]

(Румянцев)

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.7384. Оп.2. Д.25. Л.53.

¹ Александр Карлович Эргарт (Эргардт, Эргард? р.1913) поступил на ЛОМЗ в мае 1930; 29 июня 1931 он был выслан на Кольский п-ов; с 1 июня 1932 работал в Хибиногорске водопроводчиком, а с 14 октября 1932 стал студентом Хибиногорской вечерней рабочей консерватории. Коммунисты ЛОМЗа Орехов и Калинин в конце 1932 обратились с ходатайством о возвращении его на завод.

² Согласно этой Инструкции и разъяснениям к ней, дети лишенцев, родившиеся после 1908, не лишались избирательных прав, если занимались общественно полезным трудом.

³ Ср. прим. 1.

⁴ В феврале 1933 вопрос об Орехове и Калинине был «поставлен на разрешение парторганизации за потерю достаточной классовой бдительности». В 1934 или 1935 Эргарту все-таки удалось вернуться в Ленинград, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве следы его попыток вызволить

с Севера своих родных, оставшихся к тому времени без средств к существованию.

14

Дворяне Комаровы

10 апреля 1933

Секретно. В/срочно

**В Комиссию по лишенцам при Президиуме
Ленсовета. Тов. Румянцеву. Смольный¹**

Согласно договоренности сообщаем Вам материалы на гр. КОМАРОВА Ивана Дмитриевича, проживающего Моховая 32 кв.5 для включения его в список лишенцев. Гр. КОМАРОВ с 1881 по 1918 г. состоял на службе в собственной канцелярии его величества чиновником для особых поручений при главноуправляющем канцелярией и статс-секретаре б.царя обер-гофмейстере ТАНЕЕВЕ. КОМАРОВ был в чине действительного статского советника. Выполнял секретные поручения. Впоследствии был назначен начальником отделения собственной канцелярии б.царя. Имел высшие награды — ордена Станислава I ст., II ст., Владимира и др., получал личные письменные благодарности от б.высочайших особ за оказание содействия и в память совместной деятельности по канцелярии его величества.

Кроме того, КОМАРОВ за свои заслуги и церковную деятельность был выбран пожизненным почетным членом Александровского черносотенного братства. После Революции КОМАРОВ состоял секретарем двадцатки церкви «Воскресения Христова».

При КОМАРОВЕ проживает его дочь Зинаида Ивановна КОМАРОВА, 1890 г.р., служащая ВЭО². При начале белой реакции в 1918 г. КОМАРОВА З.И. уехала из Ленинграда на Дон, где служила в министерстве финансов белого правительства ген. Деникина вплоть до разгрома белых, имела тесную связь с белогвардейским офицерством. *Приложение:* фотокарточка Комарова И.Д.

Нач. СПО³ (Горин)

Нач. 3-го Отделения (Садовский)

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 25. Л. 235.

---

¹ Документ на бланке Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе. Результатом этого отношения было посланное 13 апреля в Смольнинский райсовет распоряжение Румянцева немедленно включить отца и дочь Комаровых в списки лишенцев, «о чем сообщить срочно в Паспортный Пункт и Тройку при Райсовете, в ЖАКТ и по месту работы».

Вероятно, райсовет шевелился не быстро, т.к. 20 июля туда отправлено было напоминание.

² ВЭО — Вольное экономическое общество.

³ СПО — Секретно-политический отдел.

15

Психология доноса

В секцию ревзаконности Ленсовета

Заявление

Прошу выявить гр. Деткову П.Н., проживающую по улице Рылеева дом №20 кв.28 о том, что у нее есть на станции Пела Северной ж.д. собственная дача, дом в два этажа, 1 сарай и баня, усадьба 3000 кв. м. земли, две козы и куры, нигде не служит. Муж ее был околodочный и она живет, имеет квартиру на Рылеевой улице в 16 метров и нигде не служит, с тремя детьми и только носит одно золото и серебро и живет душа нараспашку и поговаривает: «дураки работают, а я купаюсь в сыре и масле». У нее зимой живет жилец и с него получает 50 руб. в месяц. Прошу комиссию расследовать.

11 ноября 1933 г.

[Подпись]

ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф.7384. Оп.2. Д.25. Л.205.

«Расследование» заняло несколько месяцев, но — к счастью для жительницы дома №20 по ул. Рылеева — 5 марта 1934. Спецсектор Центрального райсовета рапортовал наверх, что она «не подлежит включению в списки лишенцев. Заявление подано на почве склок и обследованием не подтвердилось» (*Там же. Д.39. Л.96*).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.Ф. 603
Абрамович, социал-демократ 432
Авдеева О.Ю. 492
Авдеенко А.О. 526
Авинов Н.Н. 134
Авксентьев Н.Д. 36, 53, 64, 70, 74,
80, 98, 136, 141, 156, 157, 424
Аврех А.Я. 336
Агапов В.В. 431
Агафонов В.К. 297
Агранов Я.С. 451, 471
Агурский М.С. 341
Адольфи Г.А. 355
Азеф Е.Ф. 163, 424
Аксакова Т.А. 165
Аксельрод Л.И. 432
Аксенов Г.П. 175
*Алданов (Ландау) М.А. 492
Александр I, имп. 350, 351
Александр II, имп. 350, 424
Александр III, имп. 350, 352
Александра Федоровна, имп. 119,
172, 324, 335, 336
*Александрович В.А. 166
Алексеев В.М. 180
Алексеев М.В. 150
Алексий, еписк. Ямбургский (в миру
Симанский С.В.) 579
Алексинский Г.А. 138
Алисов Л.В. 458
Альтовский А.И. 431, 439
Аматуни Н.И. 200, 215, 296
Амвросий, иеромонах, (в миру —
Гренков А.М.) 291
Амфитеатров А.В. 108, 125, 166
Андреев А.В. 477, 480
Андреев В.Л. 492
Андреев Л.Н. 588
Андреев Н.А. 166
Андреева А.А. 441
*Андреева М.Ф. 31, 119, 139, 168
Андреевский С.А. 121, 171
Андрей Владимирович, вел.кн. 466
Анисимов С.С. 475, 488
Анненский Н.Ф. 132
Аносов Г. 483
Анохин И.А. 622, 623
Антонов Д.Н. 493
Анциферов Н.П. 166, 237, 273, 307,
308, 478
Аншелес И.И. 604
Аптекман О.В. 457
Аптер, капиталист 84
Аргамакова М.А. 289
Аргунов А.А. 41, 64, 70, 143
Аренский П.А. 478
Аристова А.А. 140
Аристокитон 368
Аристофан 366
Армашевский П.Я. 340
Аронсон Г.Я. 432
Артемьев Н.И. 431
Архангельский А.С. 599
Арьков Ф.Е. 451, 470

- Атабекян А.М. 474, 476, 477
 *Ахматова А.А. 61, 151, 152
 Ашпенбреннер М.Ю. 460, 468
 Бабель И.Э. 496
 Багaley Д.И. 599
 Базаров В.А. 599
 Бакаев И.П. 18, 558
 Бакунин М.А. 180, 240, 453, 462, 477, 478, 485, 487
 Бальмонт К.Д. 349, 469
 Барановская Е.В. 98, 162
 Баранский Н.Н. 419
 Баратынский Е.А. 353, 355
 Бармаш В.В. 480
 Бармаш Н.В. 502, 528, 534, 535
 Бартольд В.В. 595
 Барыкин В.А. 599
 Баскаков В.Н. 596, 597
 Басов, красногвардеец 56
 Бастракова М.С. 594
 Батюшков Ф.Д. 62, 152
 Бах А.Н. 581, 599
 Бацер Д.М. (*Гарелин И., *Минин Д.м.) 424, 429, 430, 440
 Беззубов В.И. 342, 355
 Бейлис М.-М.Т. 15, 348, 362
 Бекетова Е.А. 289, 355
 Бекетова М.А. 289
 Беклемишев В.А. 51, 146
 Бела Кун 163
 Белевский (*Белоруссов) А.С. 156
 Белецкий С.П. 51, 74, 115, 142, 146, 157, 168, 371, 374
 Белков Е.Х. 559
 *Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 57, 137, 148, 459
 Беляев Б.Н. 615, 616
 Беляков С. 162
 Бем Д.А. 477
 Бенешевич В.Г. 466
 Бенуа А.Н. 58, 148, 152
 Берберова Н.Н. 11, 14, 15, 137, 169, 170
 Берви-Флеровский В.В. 178, 449
 Берг Е.С. 439
 Берг Л.С. 398, 401, 422
 Бергсон А. 522
 Бердяев Н.А. 259, 469
 Берия Л.П. 309, 318, 458
 Бернацкий М.В. 135
 Бернштейн Э. 510
 Бетман-Гольвег Т. фон 325, 336
 Бехтерев В.М. 457, 599
 Бирюков П.И. 289
 Бисмарк О. 335
 Биценко А.А. 152
 *Благовещенский Ф. см.Перченко Ф.Ф.
 Блок А.А. 12, 17, 19, 41, 57, 58, 105, 129, 142, 143, 148, 152, 164, 165, 173, 262, 341, 342, 348, 349, 459
 Блонский П.П. 534, 599
 Блюм Л. 505, 527, 532, 534
 Блюменфельд Р.И. 359, 366
 Блюмкин Я.Г. 166
 Блюхер В.К. 168
 Бобин С.П. 398, 421
 Богатько, интендант 330
 Богаевский М.П. 151
 Богданов, партработник 619
 Богданович Н.М. 462
 Богданович Т.А. 140
 Боголепов М.И. 599
 *Боголепов С. см.Перченко Ф.Ф.
 Болдырев М.Ф. 602
 Бонч-Бруевич В.Д. 47, 84, 144, 146, 148, 154, 158, 355, 458, 459
 *Борисов Б. см.Садовской Б.А.
 Борисов В.М. 175, 183
 Борман А.А. 319, 320, 322
 Боровой А.А. 461, 475, 476, 478-481, 487, 488
 Боткин В.П. 585
 Боярский А.И. 559
 Брамсон М.В. 436, 439, 460
 Брандт Л.В. 505, 534
 Брасова (урожд. Шереметевская) Н.С. 107, 165

- Браун Ф.А. 398
Браун Я.В. 460
Бредель В. 511
Бродович С.М. 602, 604, 606
Бройдо Е.Л. 432
Брусиллов А.А. 325, 336
Брюллова-Шаскольская Н.В. 459
Брюсов В.Я. 105, 164, 344, 348, 349
Бубнов А.С. 154, 481, 485, 488
Буданов В.П. 418
Булгаков В.Ф. 469
Булычев Н.Г. см.*Отверженный Н.
*Бунаков И. см.Фондаминский И.И.
Бурнашев М.Н. 369
Бурцев В.Л. 51, 79-81, 141, 146, 149
Бурышкин П.А. 492
Буслаев Ф.И. 590
Буткевич Анатолий С. 490
Буткевич Андрей С. 490, 492-495,
497, 498, 503, 506, 512, 521, 529,
530
Буткевич В.С. 535
Буткевич (урожд.Рахманова) Е.В.
490, 491, 494, 503, 533, 536
Буткевич Н.А. см.Махнова Н.А.
Буткевич Н.Б. 493
Буткевич Т.А. 491
Буткевичи, семья 536
Бухарин Н.И. 73, 154, 155, 341, 599
Быстрянский В.А. 471
Бьюкенен Дж.У. 36, 141, 323, 324,
335
Вавилов Н.И. 317, 599
Вагнер К.Н. 409
Вагнер Р. 227
Валентинов А.А. 557, 558
Валк С.Н. 445, 463, 465
Вальдерзее, генерал 82
Ванновский П.С. 375
Ванновский С.П. 371, 375
Варга Е.С. 599
Варустина Е.Л. 16
Василенко Н.П. 302
Васильев Н.Т. 618, 619
Васильев-Дигамма М.Н. 436
Васильчиков Б.А. 336
Васильчикова М.Н. 336
Васильчикова С.Н. 325, 336
Ватсон М.В. 134
Введенский А.И. 556, 559, 579
Вегетий 340
Веденяпин М.А. 431
Везирова Л.А. 442, 460
Вейс А., глава ГИЗа 469
Велио М.И. 416
Велихов Л.А. 324, 335
Венгеров С.А. 362, 469
Вениамин, митр. Петроградский (в
миру Казанский В.П.) 556-560,
565, 571, 572, 579
Вергилий 353
*Вересаев В.(Смидович В.В.) 425,
444, 460, 475, 599
Верещагин Г.Ю. 408
Верлен П. 348
Вернадская (урожд. Старицкая) Н.Е.
176, 212, 232, 233, 247, 253, 262,
264, 289, 294, 296, 297, 299, 301,
304, 311, 312
Вернадская-Толль Н.В. 301, 306,
314
Вернадские, семья 177, 208, 222,
232, 252, 269, 274, 276, 279, 306,
307, 310, 312-315
Вернадский В.И. 133, 174, 178, 179,
181, 189, 187, 190, 191, 194, 203,
208, 212, 218, 233, 234, 241, 244,
251, 252, 257, 264-266, 270, 279,
282, 289, 290, 292, 294-299, 301-
304, 308, 309, 311-318, 593, 595,
597
Вернадский Г.В. 175, 308, 314
Верховские, семья 613
Верхолат Л.Е. 595
Веселаго О.Н. 410
Вестеррик Н.Н. 355
Вильгельм II, имп. 36, 116, 118, 121,
122, 136, 163, 171, 326

- Вилькицкий Б.А. 416
 Вильсон В.Т. 115, 118, 130, 131, 325, 336
 Вильямс Г. 55, 134, 147, 320, 321, 323, 326, 328
 Винавер М.Л. 527-529, 535
 Винавер М.М. 323, 335, 438
 Витте С.Ю. 289
 *Витязев П. (Седенко Ф.И.) 442-451, 454-460, 462, 465-472, 482
 Вишневский В.В. 534
 Вишняк М.В. 144
 Владимир Александрович, вел.кн. 404
 Владимир, митрополит Киевский и Галицкий (в миру Богоявленский В.Н.) 65,153
 Водовозов В.В. 295, 296
 Водовозова-Хорошко М.И. 438
 Воейков А.И. 421
 Войтинский В.С. 53, 146
 Волгин В.П. 581, 599
 Волковсский М.С. 623, 624
 Волконский С.Г. 242
 *Володарский В. (Гольдштейн М.М.) 52, 106-109, 113, 132, 146, 165, 166
 Володарский П.Г. 605, 607
 Волошин М.А. 320
 Вольтер 285
 Вольф-Израэль Е.М. 62, 152
 Воробьев В.П. 599
 Воровский В.В. 454, 472
 Воронихин А.В. 424
 Воронов Е.П. 580
 Воронцов М.С. 242
 Восторгов И.И. 371, 375
 Востротин С.В. 330, 338
 Выготский Л.С. 534
 Вырубова (урожд. Танеева) А.А. 127, 172
 Вышинский А.Я. 317, 593, 581, 597
 Вышнеградский А.И. 156
 Вяземский П.А. 590
 Гавриил Константинович, вел.кн. 117, 119, 169, 342
 Газданов *Гайто (Г.И.) 492
 *Галин А. (Юделевский Я.Л.) 454, 471
 Галкин М.В. 565
 Гальперн А.Я. 14, 134
 Гамсун К. 517, 526
 Ганглез (Генглези), братья 158
 Гандлевская З.Б. 475
 Ганфман М.И. 44, 47, 116, 134, 145
 Гарасева Т.М. 428, 467
 *Гарелин И. см.Бацер Д.М.
 Гарибальди Дж. 527
 Гарин-Михайловский Н.Г. 588
 Гармодий 368
 Гаршин В.М. 588
 Гвоздев К.А. 133
 Гедеоновская Е. 438
 Гедеоновский А.В. 436
 Гельферих К. 112, 167
 Гендельман М.Я. 431
 Герасимчук П.П. 487
 Герд Н.А. 319
 Герзони И.Л. 45, 47, 48, 145, 169
 Герман П.А. 399
 Гермоген, патриарх 152
 Герцен А.И. 205, 242, 261, 308, 350
 Гершензон М.О. 349, 531
 Герштейн Л.Я. 431
 Герье В.И. 290, 302
 Гете И.-В. 309
 Гефтер М.Я. 183
 Геци Ф. 480
 Гизетти А.А. 457, 459, 462
 Гизетти А.В. 297
 Гизетти (урожд. Бекарюкова) Н.Д. 273, 297, 314
 Гизетти, семья 313
 Гиппарх 368
 Гиппий 368
 Гиппиус А.Н. 104, 163, 347
 Гиппиус В.В. 172
 Гиппиус З.Н. 11-173, 347

- Гиппиус Н.Н. 85, 158
Гиппиус Т.Н. 51, 60, 108, 146, 158
*Гитлер А. 278, 279, 499, 500, 502, 504, 507, 508, 512, 515
Гладков Ф.В. 496
Глинский Б.Б. 289, 297
Глиот, коммунальный служащий 618
Глушков В.Г. 409, 410
Гогелия (Гогелиа) Л.В. 483, 488
Гоголь Н.В. 379, 394
Годнев И.В. 338
Голенищев-Кутузов А.А. 350
Голицын С.М. 600
Головачева Е.Г. см.Ольденбург Е.Г.
Голсуорси Дж. 498, 517, 526
Голубинский Е.Е. 565
Голубков К.Г. 133
Гольдман Э. 427
Гольштейн А.В. 320
Гомбарг С.С. см.*Зорин С.С.
Гомер 354, 513
Гончаров И.А. 240
Гораций 422
Горбунов Н.П. 581, 594
Горбунов-Посадов И.И. 289, 475
Гордон Б.А. 138
Горемыкин И.Л. 337
Горин-Лундин А.С. 627
Городцов В.А. 599
*Горький М. (Пешков А.М.) 11, 15, 18-20, 23, 30, 31, 34, 48, 96, 98, 100, 105, 107, 114, 117, 119, 124, 129, 131, 138, 139, 161, 162, 168-171, 403, 404, 429, 439, 491, 495, 502, 503, 507, 508, 511, 517, 520, 527, 528, 534, 535, 599
Горьков-Добролюбов Г.Л. 431
Горяинов А.Н. 581
Готье Ю.В. 466
Гофман М. 75, 155
Гоц А.Р. 136, 377, 173, 431
Гоц М.И. 173
Гоцци К. 491
Граве Д.А. 599
Гревс И.М. 176, 179-182, 212, 223, 225, 231-234, 236, 241, 244, 247, 252, 253, 271, 275, 282, 289, 292-297, 302, 303, 305-309, 312-315, 317
Гревс Е.И. 231, 249, 296, 307, 313
Гревс Е.М. 296
Гревс И.И. 248
Гревс (урожд.Зарудная) М.С. 176, 206, 209, 231, 248, 289, 294-296, 305
Гревсы, семья 208, 264, 297, 313
Греч Н.Н. 370
Гречин Л.Н. 417
Гречин Н.А. 423
Гржебин З.И. 19, 30, 85, 114, 138, 168
Григорьев А.А. 277
Григорьева М.О. 289
Гринберг З.Г. 398, 422
Громан В.Г. 329, 330, 337, 338
Громеко М.С. 184, 205, 210, 248, 288, 290
*Громов К. см.Сафонов И.К.
Гроссман-Роцин И.С. 487
Грот Я.К. 597
Грушевский М.С. 599
Губастов К.А. 359, 362
Губельман М.И. см.*Ярославский Е.
Губкин М.И. 595
Гуковский А.И. 41, 70, 143, 350
Гумилев Н.И. 349
Гуревич Л.Я. 134
Гучков А.И. 332, 337, 338
Давыдова Л.К. 319
Далин Д.Ю. 432
*Даи́ (Гурвич) Ф.И. 377, 432
Данилова М.А. 455, 473
*Данков Н. 142
Данте А. 302, 354
Дарвин Ч. 513
*Деборин А.М. 310, 599

- Дейч Л.Г. 134, 440, 436, 440, 457, 469
 Деконский П.П. 44, 144
 Деникин А.И. 320, 321, 627
 Дербер П.Я. 159
 Державин Г.Р. 351, 588
 Дерюгин К.М. 410
 Деткова П.Н. 628
 Джонсон Н.Н. 165
 Джунковский В.Ф. 342
 Дзержинский Ф.Э. 107, 108, 400
 Диккенс Ч. 498
 Дитерихс А.К. 289
 Дмитриев И.И. 374
 Дмитрий Константинович, вел.кн. 169
 Дмитрий Павлович, вел.кн. 326, 336
 Добкин А.И. (*Овчинников Ю.) 12, 166, 183, 478, 600
 Доброхотова А.И. 450, 451, 466, 467, 469
 Догель М.И. 355
 Долгоруков П.Д. 136, 139, 140
 Доливо-Добровольский А.И. 58, 148, 149
 Домерк, французский корреспондент 89
 Донской Б.Д. 167
 Донской Д.Д. 431
 Достоевский Ф.М. 125, 147, 178, 205, 240, 243, 268, 291, 509
 Дрей М.И. 436
 Дружинин В.Г. 466
 Дубровин А.И. 337
 Дулебов Е.О. 462
 Дурново П.Н. 362
 Дурылин С.Н. 490
 Духонин Н.Н. 21, 23, 25, 132, 134, 382
 Дыбенко П.Е. 45, 70, 88, 91, 134, 144, 145, 148, 158-160, 163
 Дьяконов, картограф 423
 Дьяконов М.А. 297
 Дюбуа А.Э. 432
 Евдокимов В.Я. 385
 Егоров Д.Н. 466
 Егоров П.В. 159
 Егунова В.А. 397
 Ежов Н.И. 315, 317
 Екатерина II, имп. 181
 *Еленин С. см.Рогинский А.Б.
 Елисеев Г.З. 443, 449, 453, 459
 Елпатьевский С.Я. 444, 460
 Енукидзе А.С. 440, 446, 447, 466
 Ермолов А.П. 242
 Ершов И.В. 410
 Есенин С.А. 41, 58, 148, 152
 Ефимов В.В. 352, 355, 366, 369
 Жебелев С.А. 398
 Железнов П.И. 511
 Железняков А.Г. 46, 56, 145
 Жид А. 507, 517, 526, 532
 Жихарев С.П. 225
 Жуков Д.А. 362
 Жукова Е.Д. 424, 473
 Жуковский В.А. 242
 Завадский Ю.А. 478
 Завершеев, лингвист 590
 Закревский А.А. 242
 Закс (*Гладнев) С.М. 487
 Замоиский П.И. 528
 Замысловский Г.Г. 359, 362
 Замятин Е.И. 496, 533
 Зарудная (в замужестве Кавос) Е.С. 205, 206, 209, 212, 289, 293, 294, 296
 Зарудная М.С. см.Гревс М.С.
 Зарудные-Старицкие, семья 176
 Зарудный А.С. 208, 249, 289, 295, 296, 617, 618
 Заславский Д.И. 41, 70, 143
 Затонский В.П. 157
 Захаров И.З. 608
 Зейн Ф.-А.А. 371, 375
 Зелинский Ф.Ф. 317, 398
 Зензинов В.М. 38, 92, 136, 142, 151
 Зилотти (Зилоти) А.И. 58, 149
 *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 81,

- 106, 107, 119, 123, 128, 157, 165,
172, 397, 403, 408, 409, 416, 420,
423, 542, 555, 556, 565, 570, 571
- Злобин В.А. 11, 112, 136, 139, 142
Злобин П.В. 431
Злобина Е.А. 111, 112, 139
Знаменский О.Н. 137, 144
*Зорин (Гомбарг) С.С. 165
Зорина Е.А. 106, 165
Зотов В.Р. 454, 472
Зошенко М.М. 348, 350, 428, 495,
496
Зубарев Д.И. 11, 150
Зубов, совслужавший 612
Зубовы, семья 612
Иван Калита 420
Иванов Вяч.И. 124, 172
Иванов Г.В. 348, 349
Иванов И., красноармеец 574
Иванов И.И. 383, 391, 393
Иванов Н.Н. 431
Иванов С.В. 137
*Иванов Ст. 160
*Иванов-Разумник (Иванов) Р.В.
58, 101, 148, 163, 442-445, 457-
460, 465
Иванова (урожд.Оттенберг) В.Н.
445, 464
Иванова Е.А. 439
Иванова Л.В. 172
Ивановская П.С. 427, 464
Ивашев В. 403
*Ивнев Рюрик (Ковалев М.А.) 41,
57, 148
Игнатъев П.Н. 323, 335, 383, 393
Идельсон Н.И. 326, 336
Извольский А.П. 123, 171
*Изгоев (Ланде) А.С. 126, 172
Измайлов А.А. 166
Иксуль фон Гильденбрандт В.И.
118, 169
Иловайская И.Н. 477
Ильин М.А. см.*Осоргин М.
*Ильф И. 496, 526, 608
- Ильяшев см.Эльяшев Л.Е.
Иностранцев А.А. 404, 419
Иоффе А.А. 73, 90, 120, 121-123,
137, 152, 155, 170, 171
Иоффе А.Н. 106, 165
Исаков С.Г. 341, 342, 355
Истрин В.М. 597
Каблуков И.А. 599
Кавелин К.Д. 205, 261, 291, 311
*Каверин В.А. 496, 505, 509
Кавос Е.С. см.Зарудная Е.С.
Кадьян А.А. 382, 391, 393, 394
Кадьян А.Ю. 382, 393
Казаков М.Э. 526
Казицын В.А. 413
Кайгородов М.Н. 375
Кайзерлинг, гр. 141
Каледин А.М. 25, 65, 135, 143, 153
Калинин М.И. 309, 420, 432, 436,
440, 441, 470, 564, 619
Калинин, рабочий 626
Калмыкова А.М. 134, 236, 289, 290,
293, 296, 307
Камардинов Н. 511
Каменев Л.Б. 454, 458, 472, 488, 593
*Камков (Кац) Б.Д. 156, 159
Кан Г.С. 428
Канегиссер Л.С. 113, 167
Кант И. 514
Каплан Ф.Е. 167
Караваева А.А. 528
Карамян Н.М. 350, 351, 590
*Карахан (Караханян) Л.М. 73,
152, 155
Кареев Н.И. 457
Карелин А.А. 474, 477, 478
Карелин В.А. 152, 159
Карл I, имп. Австрия 170
Карпинский А.П. 142, 403, 415, 586,
596
Карпов П.И. 58, 148
Карсавин Л.П. 302, 398
Карсавина Т.П. 398
Карташев А.В. 16, 24, 36, 39, 41, 45,

- 47, 62, 70, 83, 93, 101, 124, 129, 135, 141, 146, 159, 160
- Карташев И.М. 31, 138
- Карташев Г. 602
- Катаев В.П. 496, 526
- Катулл Гай В. 342, 344, 352, 357, 366, 367
- Каутский К. 602
- Кауфман А.А. 297
- Кауфман, машинистка 34
- Каховская И.К. 167
- Кашен М. 338
- Келлер В.В. 297
- Келлер Л.В. 297
- Келлог В.Н. 518, 535
- Керенская О.Л. 98, 114, 162
- Керенский А.Ф. 16, 25, 31, 34, 53, 55, 62, 92, 98, 122, 128, 132, 136, 143, 147, 162, 330, 338, 469
- Кетриц Б.Э. 290
- Кившенко Н.Д. 206, 295
- Кизеветтер А.А. 469
- Киршон В.М. 529, 536
- Кишкин Н.М. 24, 70, 78, 83, 115, 135
- Кливанский С.А. 41, 70, 143
- Клодий см. Публий Клодий П.
- Клюев Н.А. 41, 58, 148
- Ключевский В.О. 582
- Книжник-Ветров И.С. 467
- Книпер А.В. 429
- Князев В.В. 57, 148, 149
- Ковальская Е.Н. 436, 439
- Коварский И.Н. 65, 153
- Коган-Бернштейн Н.О. 436
- Козловский А.Н. 544, 545
- Козловский М.Ю. 45, 59, 60, 77, 145, 146, 150
- Козьмин Б.П. 448, 453, 463, 468, 471, 472
- Кокошкин Ф.Ф. 26, 28, 33, 41, 45, 47, 48, 52, 56, 59, 125, 136, 145, 146, 148, 156
- Коллонтай А.М. 37, 65, 91, 142, 153, 159, 160
- Колоницкий Б.И. 16
- Колосов Е.Е. (*Кузьмин Дм.). 426, 444, 446, 459, 462, 463-465, 472
- Колчак А.В. 15, 473
- Кольцов А.В. 598
- Кольцов Н.К. 599
- Комаров В.Л. 406, 412
- Комаров И.Д. 627
- Комаров Н.П. 568
- Комарова З.И. 627
- Кон Ф.Я. 472
- Кондратьев 599
- Кондратьев А.А. 343, 345
- Кондратьев И.И. 568
- Кондратьев Н.Д. 457, 469
- Кондрашов А. 621
- Коновалов А.И. 24, 28, 39, 47, 48, 53, 64, 135, 338
- Константин Великий 368
- Константин Константинович, вел.кн. 414
- Конт О. 178, 293
- Коншин А.В. 414
- Коплан Б.И. 596
- Корель И.И. 408
- Коржихина Т.П. 424
- Корнилов А.А. 175, 176, 180, 189, 212, 218, 220, 226, 232-234, 241, 244, 288, 290, 291, 296-298, 303-305, 309, 312
- Корнилов В.А. 309
- Корнилов Л.Г. 37, 54, 55, 90, 92, 128, 147, 150, 159
- Корнилова (урожд. Федорова) Е.А. 249, 304, 309
- Корнилова Н.А. 304
- Корнилова Т.А. см. Харламова Т.А.
- Корнилова-Мороз А.И. 475
- Корниловы, семья 176, 312
- Королева Е. 438
- Короленко В.Г. 132, 149, 302, 427, 428, 464, 469

- Корсаков П.А. 281, 311, 314
Костычев С.П. 598
Котляревский Н.А. 388, 394
Котляревский С.А. 316
Кранихфельд В.П. 469
Красиков П.А. 59, 77, 150, 565
Красильников, депутат Петросовета 559, 570, 571
Красницкий В.Д. 559
Краснов (Краслов) Г. 133
Краснов А.Н. 195, 212, 289, 290, 296, 297
Краснов П.Н. 470
Краснов-Левитин А.Э. 556
Красовский Ю.А. 424
Кржижановский Г.М. 599
Кривенко С.Н. 453, 471
Кривенький В.В. 428
Кривицкий, лейтенант НКВД 318
Кристи М.П. 409, 410, 414, 415, 593
Критская Н.А. 454, 472, 475, 477, 480, 483
Крицман Л.Н. 599
Кропоткин А.А. 454, 472
Кропоткин П.А. 240, 425, 427, 453, 460 467, 484, 442, 472-479, 480-488
Кропоткина А.П. 473
Кропоткина (урожд.Рабинович) С.Г. 462, 473, 474, 476, 479, 481, 486-488
Крупская Н.К. 319, 320, 416
Крыжановская (урожд.Щербатская) М.И. 297
Крыжановский С.Е. 184, 189, 190, 191, 211, 212, 288, 293, 296
Крыленко Н.В. 21, 23, 45, 70, 73, 91, 132-134, 137, 160, 385, 393
Крылов А.Н. 388, 394, 595
Крымский А.Е. 599
Крючков П.П. 527, 535
Кудашева М.П. 535
Куделько И.В. 31, 138
Кудрявцев В.М. 469, 470
Кузмин М.А. 343
*Кузьмин Дм. см.Колосов Е.Е.
Кузьмин Н.Н. 109, 166, 167
Кузьмина-Караваева, член комитета Политического Красного Креста 140
Кулибин И.П. 302
Куликов Я. 149
*Куликовский А. см.Тиняков А.И.
Куликовский П.А. 489
Куприянова Л.П. 438, 473
Куприянова Н.П. 425, 430, 438, 455, 456, 470, 473
Куприянов П.Х. 473
Курганов Е.Я. 11
Курнаков Н.С. 317
Кускова Е.Д. 93, 100, 160, 491, 469
Кутлер Н.Н. 33, 139
Кушев Е.Н. 463
Кюльман Р. фон 72, 155
*Лавренев Б.А. 496, 505, 509, 528, 534
Лавров А.В. 459
Лавров П.Л. 444, 447, 443-457, 459-462, 467, 468, 471, 472
Ладанина К.А. 625
Ладанины, семья 625
Ладыгина-Котс Н.Н. 505, 517, 534
Лазарев Е.Е. 429, 475, 595
Лазарев П.П. 595
Лазаревские, семья 612
Лазаревский, купец 612
Лакисов С.Е. 611
Ламанский В.И. 398, 422
Ланг Н.Р. 477
Ланде Л.С. 7
Лаппо-Данилевская (урожд.Гизетти) Е.Д. 314
Лаппо-Данилевский А.С. 273, 289, 297, 313, 314, 463, 597
*Ларин Ю. (Лурье М.А.) 599
Лафон Э. 338
Лебедев В.И. 92, 160
Лебедев Н.К. 447, 448, 453-455,

- 467, 473-475, 477, 481, 483, 485, 486, 488
- Левенцев (Левенцов)
см.Ливенцев М.П.
- Леви С. 415
- Левин Б.М. 526
- Левин М.Р. 429
- Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 317, 419, 596
- Левицкий, рабочий 574
- *Лежнев (Альтшуллер) И.Г. 358, 530, 536
- *Ленин В.И. 14, 17, 18, 20, 21, 30-32, 34, 38, 40, 41, 45, 47-49, 63, 73, 75, 77, 78, 84, 87, 98, 101, 107, 113, 119, 121, 128, 130, 131, 136, 138, 139, 143, 149, 153, 155-157, 162, 163, 167-172, 320, 401, 408, 415, 416, 420, 424, 427, 477, 489, 594, 597, 598, 601-603
- Леонов Л.М. 496, 517, 529, 533, 535
- Леонов М.Л. 533
- Леонович (*Ангарский) В.В. 444, 460, 462
- Леонтьев К.Н. 359, 362
- Леонтьев С.М. 163
- Леонтьев Я.В. 424, 442
- Лесков Н.С. 588
- Лжедмитрий II 356
- *Либер (Гольдман) М.И. 173, 377
- Либеров А.В. 431
- Либкнехт К. 121-124, 126, 127, 171, 172
- Ливеровский А.В. 133
- Ливенцев (Левенцев, Левенцов)
М.П. 575, 578
- Ливий Тит 589
- Лившиц Я.Б. 99, 162
- *Лилина (Радомысльская) З.И. 409
- Лисовский М. 487
- Лист Ф. 149
- Лихач М.А. 431
- Лихачев Н.П. 466
- Лобко Н.П. 212, 297
- Ловягин А.М. 398
- Ломов-Оппоков Г.И. 154
- Ломоносов М.В. 260
- Лонгинов М.Н. 303
- Лопатин Г.А. 162, 259, 332, 338, 425
- Лосев И.Т. 287, 315
- Лосский Н.О. 259
- Лукач Анней М. 354, 355
- Лукин Н.М. 310, 471, 599
- *Лукин, Антонов Н. см.Лукин Н.М.
- Луначарский А.В. 17, 30, 31, 34, 58, 59, 62, 63, 91, 118, 119, 123, 128, 139, 149, 170, 371, 398, 408, 415, 422, 458, 469, 470, 593, 597, 599, 619
- Лундберг Е.Г. 57, 148
- Лурье Л.Я. 440
- Лурье Ф.М. 137
- Лушкарев, служащий 575, 577
- Лысенко Т.Д. 527
- Львов А. 588
- Львов В.Н. 338
- Львов Г.Е. 172, 337
- Львов М.И. 431
- Львов Н.А. 588, 596
- Любавский М.К. 466
- Любоцинская А.Е. 304
- Любынская М.Г. 609
- Люксембург Р. 127, 172
- *Лядов (Мандельштам) М.Н. 593
- Ляпунов А.М. 394
- Лященко П.И. 599
- Мадзини Дж. 218, 298
- Майетти Р. 517, 525, 535
- Майков А.П. 344, 351, 350, 352
- Макаревский А.Н. 482
- Макаренко А.С. 509-511, 524, 526, 529, 530, 533, 535
- Макаров А.А. 371, 375
- Маклаков В.А. 98, 161, 332, 338, 371
- Маклаков Н.А. 337, 375
- Маковский С.К. 369
- Максимов Г.П. 473, 475, 487
- Максимович П.П. 280

- Маленин А.И. 398
Малчевский И.С. 144
Мальмстад Дж. 533, 349, 362
Малыантович П.Н. 133, 438
Ман В. 438
Ман П.Г. 438
Маниковский А.А. 327, 337
Манн Т. 517, 526
Мануйлов А.А. 338, 352, 355
Манухин И.И. 17-20, 22-24, 27, 28,
30, 31, 34, 38, 41, 43, 44, 47-49,
52, 56, 58, 59, 61, 62, 67, 70, 74,
77-79, 80, 83, 88, 85, 108, 105, 115,
119, 140, 142, 146, 149, 156, 157,
169
Манухина Т.И. 17, 44, 105, 145
Маргулес М.С. 491
Марков А.А. 383, 387, 391, 393
Марков Н.Е. 340
*Марков О. см. Левин М.Р.
Маркс К. 70, 91, 160
Маркус С. 487
Марр Н.Я. 405, 409, 410, 413, 423,
593, 598
*Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 157,
432
Марциал 353
Маршак С.Я. 496
Масанов И.Ф. 442, 471
Масленников А.И. 608
Маслов П.П. 599
Маслов С.Л. 133
Масловский С.Д. см.*Мстиславский
С.Д.
Матвеев А.Т. 154
Махнова (урожд. Буткевич) Н.А.
491, 498
Маяковский В.В. 117
Медведев Е.Г. 152
Медынцев К.Н. 475
Мейер А.А. 166, 307, 478
Мейер С. 467
Мейерхольд В.Э. 58, 148, 330
Мельгунов С.П. 154, 425, 469
Менделеев Д.И. 240
Менжинский В.Р. 481, 483, 487
Мензбир М.А. 599
Меньшиков М.О. 117, 169, 371, 375
Мережковские, семья 12, 15-19, 166,
168, 169, 171, 173
Мережковский Д.С. 11, 13-15, 22-
24, 43, 61, 63, 96, 98, 112, 115,
120, 131, 134, 135, 137, 142, 148,
151, 152, 160, 162, 166, 173, 259
Мерен Г.Я. 133
Мёрике Э.Ф. 353
Микитенко И.К. 528
Миклашевский М.П. (*Неведомский
М.) 50, 444, 146, 460, 488
Миллистфер, книготорговец 356
Милюков П.Н. 24, 25, 76, 110, 128,
135, 155, 161, 320, 323, 324, 326,
331, 333-335, 336, 338, 413, 423,
469, 470, 489
Милютин В.П. 470, 581
Минаев, счетчик Стат. отделения
397
Минервина 447
* Минин Дм. см. Бацер Д.М.
Минор О.С. 56, 147
Минц З.Г. 18, 173
Мирбах В. 90, 91, 94, 95, 104, 110,
113, 116, 159, 163, 166
Миронович, следователь НКВД 316
Миртова О.Э. 468
Миткевич В.Ф. 599
Михаил Александрович, вел.кн. 83,
107, 157, 165
Михайлов Е. 611
Михайловский Н.К. 240, 424, 443,
444, 453, 457, 460, 462-465
Мицурин И.В. 527
Моисеенко Б.Н. 74, 65, 137, 152
Моисеенко С.Н. 26, 117, 137
Молас Б.Н. 414, 423
Моллер, полковник 157
*Молотов (Скрябин) В.М. 602, 604
Молчанов А.Е. 35, 141

- Морейнис-Муратова Ф.А. 436
 Морозов Н.А. 469
 Морозов С.В. 431, 439
 Моруа А. 532
 Мосякин А. 596
 Моцарт В.-А. 416
 Мочалов И.И. 290, 299
 *Мстиславский (Масловский) С.Д.
 23, 58, 134, 144
 Мудров Г. 480
 Муравьев М.Н. 351
 Муравьев Н.К. 474, 477
 Муратов В.М. 306
 Мурзин И.П. 405
 Муссолини Б. 15, 278, 499, 500, 502,
 504, 507, 508, 512, 515, 531
 Мутз М. 338
 Мякотин В.А. 132
 Мясников Г.И. 165
 Набоков К.Д. 123, 135, 171
 Нансен Ф. 439
 Натансон М.А. 48, 49, 65, 79, 145,
 146, 153
 Нахамкес Ю.М. см.*Стеклов Ю.М.
 Нахимсон С.М. 170
 *Неведомский М. см.Миклашев-
 ский М.П.
 *Невский В.И. (Кривобоков Ф.И.)
 447, 448, 451, 452, 467, 472
 Негрескул М.П. 457, 472
 Негретов П.И. 149, 428
 Незлобин К.Н. 152
 Некрасов Н.А. 501
 Некрасов Н.В. 240, 323, 334, 338
 Нелидов Ю.А. 608
 Немов Н. 440
 Нератов А.А. 133, 323, 335
 Нерон 355
 Неслуховский К.Ф. 402, 422
 Нестроев Г.А. 460
 Никитенко Б.Н. 163
 Никитин А.М. 133
 Никитин, совслужащий 608
 Никитин 366
 Никитин А.Л. 428, 477
 Никитин Е.Н. 442
 Никитин Л.А. 478
 Никитина В.Р. 478
 Николаев А. 596
 Николаев Н.Н. 620
 Николаевский Б.И. 134, 432
 Николай I, имп. 24, 31, 107, 108,
 110, 138, 225, 350, 570
 Николай II, имп. 167, 170, 335-337,
 342, 346, 352, 371, 409, 589, 596
 Николай Михайлович, вел.кн. 169
 Никольская А.Б. 352, 355, 373
 Никольский Б.В. 340-344, 348, 349,
 351, 352, 355, 356, 358, 361, 362,
 368, 369, 374, 375, 375
 Никольский В.Б. 367
 Никольский Р.Б. 355, 367, 373
 Никольский Ю.А. 345, 360, 362
 Новгородцев П.И. 99, 162, 323, 334
 Новиков, сотрудник музея 479
 *Новиков-Прибой А.С. 496
 Новикова-Бацер Е.А. 467
 Новицкий В.Ф. 599
 Новорусский М.В. 474
 Нокс А. 331, 338
 Нуланс Ж. 154
 Облеухов 242
 Оболенская А.А. 319
 Оболенский В.А. 319, 333, 334
 Обольянинов Л.А. 187, 212, 242, 288,
 296, 303
 Обухов Н.А. 137
 *Овчинников Ю. см.Добкин А.И.
 Огановский Н.П. 144, 469
 Огарев Н.П. 242, 308
 О'Греди Д. 338
 Одоевский В.Ф. 590
 Оксенов И.А. 58, 148
 Оксман Ю.Г. 463
 Окунев Н.П. 167
 *Окунев (Окунь) Я.М. 58, 148
 Олег Константинович, вел. кн. 342
 Олейников Д.И. 428

- Олицкая Е.Л. 441
Ольденбург (урожд. Тимофеева) А.П. 176, 209, 212, 232, 233, 241, 295-299, 304
Ольденбург Е.Г. 234, 250, 279, 304, 306, 307, 309, 314
Ольденбург (урожд. Гизетти) М.Д. 314
Ольденбург (урожд. Берг) Н.Ф. 295
Ольденбург Н.Ф., дочь 206, 249, 309
Ольденбург С.С. 303
Ольденбург С.Ф. 176, 180, 181, 187, 191, 208, 212, 231-234, 236, 241, 242-244, 247, 260, 272, 273, 281, 282, 289, 290, 293-298, 300, 302, 303, 306, 307, 312-314, 317, 409, 413-415, 421, 423, 580, 584, 594, 595, 597
Ольденбург Ф.Ф. 175, 176, 178, 180, 191, 193, 196-198, 206, 212, 215, 232, 233, 241, 244, 249, 252, 281, 289-291, 293-296, 298, 303, 304, 309, 314
Ольденбург Ф.Ф., сын 249, 309
Ольденбурги, братья 184, 280, 289, 294, 295
Ольденбурги, семья 208, 264, 296, 313
Онегин-Отто А.Ф. 597, 589
Орехов, рабочий 626
*Орленев (Орлов) П.Н. 63, 152
Орлов А. 22, 133
Орлов А.А. 374
Орлов А.Г. 190, 212, 297
Орлов А.С. 599
Орлов В.Н. 12
Орнатский Ф.Н. 371, 375
Осадчий П.С. 581
*Осинский Н. (Оболенский В.В.) 599
*Осоргин М. (Ильин М.А.) 469, 489
Осоргина Т.А. 491-493
Островский А.Н. 146
Островский Н.А. 528
*Отверженный Н. 475
Оттокар Н.П. 302
Охотин Н.Г. 183
Павел I, имп. 351
Павел Александрович, вел.кн. 169
Павлов В.Е. 36, 38, 60, 62, 132, 141
Павлов И.П. 442, 524, 535
Павлова М.М. 11, 12
Пайпс Р. 144
Пальчинский П.И. (П.А.) 70, 83, 85, 115, 154, 168, 400, 401, 422, 474, 477
Панина С.В. 25, 26, 33, 47, 135, 136, 139, 337, 327,
Панины, семья 589
Панкратов В.С. 138
Панюшкин В.Л. 158
Папер М.Я. 366, 369
Пахмус Т. 17, 136
Пекарский Э.К. 585
Перелешин В.А. 455, 473, 482, 488
Перелешин Д.А. 473
Перельман Я.И. 418
Перес В.Г. 438
Перес Н. 438
*Пересветов Иван 360, 362, 363, 375, 377
Перченко Ф.Ф. 174, 175, 310, 395, 429, 580
Пети Е.Ю. 27, 137
Петлюра С.В. 123, 130, 171, 469
Петр I, имп. 82, 225, 260, 374
*Петров Е. (Катаев Е.П.) 496, 526, 608
Петров Н.В. 471
Петров Ф.Н. 421, 593
Петров-Водкин К.С. 41, 58, 143, 148
Петров-Павлов Н.И. 476
Петровский Г.И. 155, 168
Петрункевич И.И. 182, 302, 333
Петрункевичи, семья 281
Петрушевский Д.М. 237, 308
*Печерский С. см. Рогинский А.Б.

- Пешехонов А.В. 23, 132, 134, 140, 445, 463
 Пешкова (урожд. Волжина) Е.П. 425, 429, 438, 491, 527, 529, 535
 Пизон 355
 Пилсудский Ю. 15
 *Пильняк (Воган) Б.А. 517
 Пильский П.М. 102, 163
 Пинес Д.М. 459
 Пиро П.С. 479
 Писарев А.И. 464
 Писистрат 368
 Питирим, митр. Петроградский и Ладожский (в миру Окнов П.) 325, 327, 336
 Платон 106, 309
 Платонов С.Ф. 446, 466, 589, 597
 Плева В.К. 107, 162
 Плетнев Д.Д. 345
 Плеханов Г.В. 100, 101, 104, 162, 163, 333, 101, 333, 338, 332, 425, 601
 Победоносцев К.П. 289, 344
 Погодин М.П. 589
 Подвойский Н.И. 22, 52, 133, 144, 146
 Подшивалов В.С. 355
 Покровский Г.К. 437, 441
 Покровский М.Н. 152, 446, 466, 580-582, 593-595, 597, 599
 Поллиц О.В. 405
 Полнер Т.И. 469
 Полонский Я.П. 344, 345, 360, 362
 Полян П.М. 396
 Полянская З.Э. 468
 Померанцева Г.Е. 490
 Помпей 356
 Попов И.И. 444, 457, 460
 Попов М.В. 361
 Поспелова В.В. 477
 Поссе К.А. 378-386, 388-390, 393
 Постникова Т.С. 297
 Потанин Г.Н. 36, 141
 Потемкин В.П. 529
 Потресов А.Н. 133, 134, 147, 162, 425, 469
 Похитонов Н.Д. 468
 Пресняков А.Е. 417, 457, 463, 599
 Прибылев А.В. 457, 459
 Прибылева-Корба А.П. 459, 465
 Примо де Ривера М. 587, 596
 Пришвин М.М. 41, 64, 143, 152
 Прозоровский И. 438
 Прокопович К.Н. 133, 160, 460
 Прокофьева М.А. 101, 162
 Протопопов А.Д. 115, 144, 133, 168, 324, 335-337, 371, 374
 Проферансов Н.И. 478, 479
 Прошьян П.П. 48, 146, 159
 Прянишников Д.Н. 599
 Публий Клодий П. 368
 Пуришкевич В.М. 324, 335, 336, 340, 342
 Пушкин А.С. 260, 261, 276, 277, 285, 286, 311, 315, 350, 349-352, 366, 369, 370, 374, 416, 532, 533, 587-589, 599
 Пушкин В.Л. 374, 595, 599
 Пушкин Г.А. 374
 Пушкин Л.С. 315
 Пятаков Г.Л. 110, 167
 Равдин Б.Н. 183, 378
 *Радек К.Б. 128, 172
 Раден Э.-Ф. 254, 311
 Раевский Н.В. 415
 Райлян Ф.А. 113
 Райлян Ф.Р. 167
 Ракигин А. 319
 Ракитников Н.И. 460, 464, 475
 Раков Д.Ф. 431
 Расин Ж. 285, 286, 315
 *Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 163
 Распутин Г.Е. 172, 326, 335, 336, 342
 Ратнер А.В. 429, 442
 Ратнер Е.М. 431
 Ратьков-Рожнов В.Н. 38, 83, 142, 157

- Ратьков-Рожнов Н.А. 38, 142
Ратькова-Рожнова З.В. 142
Рахманинов С.В. 22
Рахманов В.В. 490
Регельсон Л.Л. 555
*Рейзлин Д. см.Перченко Ф.Ф.
Рейснер Л.М. 58, 148, 149
Рейснер М.А. 58, 148, 149
Рейтлингер Н.А. 289
Ремизов А.М. 362, 469
Репин И.Е. 107, 165, 293
*Римский Л. 460, 461
Ритинг И. 614
Рогачев Н.М. 468
Рогдаев Н. 481
Рогинский А.Б. 12, 150, 166, 174,
175, 424, 428, 440, 478
Родзянко М.В. 76, 155, 323, 327,
330, 335, 337
Родичев Ф.И. 182, 261, 281, 292,
311, 319, 338
Родэ А. 403
Рождественский Д.С. 599
Розанов В.В. 15, 119, 152, 170, 341,
348, 349, 357, 358, 373
Розанов И.Н. 472
Розанов, милиционер 574
Роллан Р. 507, 517, 526-528, 532,
535
Романов П.С. 496
Романовы, имп. фамилия 88, 110,
159
Романычев М.Г. 317
Рорбах П. 97, 102, 103, 161
Рославлев А.С. 58, 148
Ростковский Е.П. 475, 483
Ростовцев М.И. 321
Ростопчин 483
Ротштейн Ф.А. 599
Рубакин Н.А. 289
Рубинчик (*Мейер) Е.Г. 487
Рубинштейн Н.Л. 144
Руденко С.П. 420
Рудзутак Я.Э. 446, 466
Рузский Н.В. 172
Румянцев П.П. 626, 627
Руссо Ж.-Ж. 285
Рутенберг П.М. 70, 74, 83, 85, 154
Рыков А.И. 415, 420
*Рязанов (Гольдендах) Д.Б. 52, 146,
153, 422, 450, 468, 581, 599
Сабанев И.В. 242
Сабашниковы М.В. и С.В. 354
Саблин Ю.В. 166
Саввин Н.Н. 133
Савина М.Г. 35, 141
Савинков Б.В. 16, 25, 30, 37, 38, 42,
54, 55, 58, 60, 63, 76-79, 92, 98,
99, 101, 108, 129, 135, 136, 142,
143, 145, 147, 150, 151, 156, 159,
162, 163
Савич С.Е. 383, 386, 393
Сагалович М.Д. 133
Садовский, сотр.ОГПУ 627
Садовой Б.А. 340, 341, 343-347,
348, 349, 351, 352, 355, 358, 361,
362, 366, 368, 369, 374, 375
Сажин М.П. 430, 446-448, 454-456,
459, 466, 468, 472, 475
Сазонов Е.С. 101, 162, 163
Сазонов С.Д. 123, 171
Сакулин П.Н. 469, 599
Салтыков С.Н. 48, 145
Салтыков-Щедрин М.Е. 379, 443,
447, 449, 453, 459, 468, 471
Самарин А.Д. 371, 375
Самарин Ю.Ф. 254, 311
Саммер И.А. 454, 472
Сандерс В. 338
Сандомирский Г.Б. 476
Сафонов И.К. 429
Свердлов В.М. 43, 593
Свечина Е.А. 311
Свешников М.И. 297
Свешникова Е.П. 281, 297, 314
Свинхувуд П. 149
Святский Д.О. 413, 423
Седенко Ф.И. см.*Витязев П.

- *Селин (Детуш) Л.Ф. 532, 536
 Селюк М.Ф. 438
 Семевский В.И. 463
 Семенов Г.М. 161, 608
 *Семенов Е.П. (Коган С.М.) 154
 Семенов С.Т. 490
 Семенов-Тян-Шанский А.П. 400, 404-406, 422
 Семенов-Тян-Шанский В.В. 399, 403, 407, 408
 Семенов-Тян-Шанский Валерий П. 400, 422
 Семенов-Тян-Шанский Вениамин П. 395-423
 Семенов-Тян-Шанский Р.В. 399, 402-404, 407, 408, 417
 Семенова Н. 596
 Семенова-Тян-Шанская (урожд. Ламанская) В.В. 399, 402, 404, 422
 Сен-Пьер Б. де 354
 Сендер Р.Х. 517, 526, 535
 Сенека 355
 *Серафимович (Попов) А.С. 41, 58, 148, 149
 Сергеев А.А. 378
 Серебряков Э.А. 471
 Серков А. 489
 Сидорова Н.А. 493, 536
 Сидорова Т.А. 490
 Синцов Д.М. 388, 394
 Сиротинина А.Н. см. Шаховская А.Н.
 Сиротинина К.Н. 206, 295
 Скалон В.Е. 29, 137
 Скалон, семья 137
 Скаченков А.В. 620, 621
 Скворцов-Степанов И.И. 471, 599
 Скипетров П., свящ. 150
 Скобелев М.И. 327, 330, 331, 337
 Скоропадский П.П. 94, 96, 130, 160, 161, 171
 Скотт В. 289
 Скрипильев Е.А. 135, 144
 Слонимские, братья 38
 Слонимский Л.З. 149
 Слонимский М.Л. 11, 58, 106, 142
 Слонимский Н.Л. 142
 Слуцкий А.И. 170
 Смирнов М.И. 420
 Смирнов В.И. 420
 Смирнов С.А. 45, 47, 135145
 Смышляев В.С. 478
 Соболев Л.С. 526
 Советов С.А. 418
 Соколов Н.Д. 34, 47, 48, 140, 332, 338
 Соколов, пред. исполкома 613
 *Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 155, 156
 Солженицын А.И. 375, 440
 Соловьев В.С. 176, 178, 205, 204, 240, 242, 243, 254, 259, 314, 344, 398
 Соловьев С.М. 240
 *Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 23, 61, 134, 140, 142, 151, 152, 166
 Соломина 140
 Солонович А.А. 475, 477-479, 483
 Солонович А.О. 477, 483
 Сольц А.А. 466, 467
 Сомов П.О. 388, 394
 Сорокин 64, 70, 134
 Сорокин П.А. 41, 143, 442, 457
 Сорокина М.Ю. 174, 319, 580
 Сорос Дж. 7
 Сосинский В.Б. 492
 Сотников 370
 Спенсер Г. 190
 Сперанский В.Н. 125, 172
 Спиридович А.И. 444, 459
 Спиридонов М.М. 181
 Спиридонова М.А. 43-45, 48, 144, 156, 166, 459, 488
 *Ставский (Кирпичников) В.П. 535, 529
 *Сталин И.В. 507
 Старицкая Н.Е. см. Вернадская Н.Е.
 Старицкий Г.Е. 177, 297, 316

- Старицкий П.Е. 296
Старостин Е.В. 428, 474, 476, 488
Стасов Д.В. 240
Стасова Е.Д. 118, 169
Сташков-Романов Р.Н. 137
Стеклов В.А. 143, 378, 379, 380, 383, 387, 391, 414, 415, 594
*Стеклов Ю.М. 41
Стеклова О.Н. 383, 387, 393
Степанов В.А. 35, 141
Степун Ф.А. 469
Стефанович Я.В. 440
Страхов Н.Н. 344
Стрельников И.Д. 402, 423
Струве Г. 362
Струве П.Б. 172, 290, 319, 320, 592, 598
Струк Н. 614
Струмилин С.Г. 599
Студзинский Э.И. 436
Стучка П.И. 71, 154
Суворин А.А. 362
Суворин А.С. 169
Судейкин В.Т. 371, 375
Суперфин Г.Г. 183
Супрунова Е.П. 302
Суслин А.Г. 317
*Суханов (Гиммер) Н.Н. 17, 20, 52, 59, 74, 132, 149
Суханова Г.К. см. Флаксерман Г.К.
Сухомлинов В.А. 74, 87, 155, 337
Сырэнский Н. 556
Таганцев В.Н. 390, 394
Таганцев Н.С. 380-386, 388, 390, 393, 394, 378, 379, 393
Таганцева (урожд. Кадьян) Е.А. 381, 382, 389, 393
Тадеевы, семья 417
Тадеева А.К. 417
Тамаркин Я.Д. 387, 394
Танеев С.И. 627
Таратута О.А. 487
Тарле Е.В. 466, 592, 598
Тацит 181, 315
Теляковский В.А. 330, 337
Теодорович И.А. 467, 472
Тер-Оганесов В.Т. 594
Терехов П.В. 605, 607
Терещенко М.И. 24, 31, 70, 74, 78, 135, 327, 336, 338
Терещенко Е.М. 31
Тимирязев В.И. 82, 157, 397
Тимофеев Е.М. 431
Тимофеева А.П. см. Ольденбург А.П.
Тимофеева Н.П. 289, 296
Тимофеева О.П. 212, 289, 296
Тимофеевы, семья 176, 200, 293
Тимофеевы, сестры 289
Тиняков А.И. 348-350
Титов А.А. 469
*Тиун (Боцяновский В.Ф.) 133
Тихомиров Л.А. 464, 465
Тихон, патриарх (в миру Белавин В.И.) 61, 94, 150, 57
Тихонов Н.С. 534
Ткачев П.Н. 453, 471
Толь Т.Н. 310
Толстой А.Н. 496, 517, 529
Толстой Л.Н. 89, 131, 177, 196-199, 205, 206, 240, 243, 281, 285, 288, 290-293, 295, 320, 469, 478, 490, 498, 509, 511
Торн В. 338
Трепов А.Ф. 324, 335
Третьяков С.Н. 24, 39, 47, 53, 64, 135
Тройницкий С.Н. 369
*Троцкий Л.Д. 20, 29, 30, 36, 38, 59, 60, 63, 74, 85, 91, 108, 121, 128, 131, 132, 137, 138, 140, 144, 147, 149, 150, 152, 153, 172, 471
Трубецкой С.Н. 258, 314
Трубников А.А. 369
Туган-Барановский М.И. 30, 138, 319
Тугаринов И.В. 581
Тураев Б.А. 405
Тургенев А.И. 174, 242

- Тургенев И.С. 588
 Турчанинов П.Д. (*Лев Черный) 475
 Тыркова-Вильямс А.В. 134, 319-339
 Тюрнер В.В. 615
 Тюрнер В.К. 613, 615
 Тюрнер К.В. 615
 Тютчев Ф.И. 137, 350, 351
 Угримова И.Н. 493
 Ударцев С.Ф. 481
 Ульман Э.Р. 384-386, 388, 389, 391, 393, 394
 Ульрих В.В. 317
 Ульянов А.И. 289
 Ульянова М.И. 416, 448, 454, 456, 468
 Унсет С. 496, 533
 Урицкий М.С. 71, 88, 108, 113, 119, 134, 135, 144, 154, 159, 166, 167, 367
 Урусов С.Д. 163
 Успенский Г.И. 205, 240
 Успенский Я.В. 387, 394
 Устинов А.М. 153
 Устрялов Н.В. 341
 Утгоф В.Л. 431
 Ушинский Н.Г. 188, 212, 290, 297
 Уэллс Г.Дж. 55, 84, 100, 147, 404
 Фабрикант А.О. 98, 162
 Фабрикант В.О. 162
 Фадеев А.А. 534
 Фамацкий Е. 619
 Фаминцын А.С. 203, 294
 Фарадей М. 302, 308
 Федулина Л.Я. 610
 Федян К.А. 496, 517
 Федоров Н.Ф. 178
 Федорова Е.А. см.Корнилова Е.А.
 Федорович Ф.Ф. 431
 Федотов Г.П. 302
 Федулин Л.Я. 610
 Фейнберг И.Л. 374
 Фейт А.Ю. 488
 Фейхтвангер Л. 498, 503, 517, 526
 Фельдман Д.М. 429
 Фельштинский Ю.Г. 144, 158, 163
 Ферсман А.Е. 233, 413, 414, 418, 593, 595, 596
 Фет А.А. 48, 240, 344, 345, 349-351, 588, 360, 362
 Фигнер В.Н. 162, 279, 424-488
 Фигнер М.Э. 429
 Фигнер-Сажина Е.Н. 430, 436, 440
 Филатов С. 356
 *Филиппов Б. 319
 Филиппченко Ю.А. 412, 423
 Филоненко М.М. 42, 92, 108, 143, 160
 Философов Д.В. 11, 12, 15, 24, 43, 47, 48, 77, 88, 111, 112, 115, 120, 135, 137, 140, 144, 147, 161
 Фихтенгольц Г.М. 383, 393
 Флаксерман Г.К. 17, 20, 44, 59, 80, 132
 Флейшман Л. 533
 Флеровский Т.Д. 453
 Флоринский Т.Д. 341
 Флоровская Л.Ю. 429
 Фондаминская (урожд. Гавронская) А.О. 16, 36, 37, 46, 141
 Фондаминский (*Бунаков) И.И. 16, 36, 37, 39, 41, 42, 49, 50, 53, 58, 65, 70, 76, 92, 101, 136, 141, 151
 Фондаминские, семья 16
 Форст В.Д. 116, 117, 168
 Франкорусский, социал-демократ 331, 338
 Франс А. 439
 *Фрей В. (Гейнс В.К.) 199, 242, 243, 281, 293
 Фрейфельд Л.В. 460
 Фридман М.И. 133
 Фридрих Э. 421
 Фриче В.М. 310, 599
 Фроленко М.Ф. 436, 439, 460, 475
 Фрэнсис Д.Р. 95, 104, 154
 Фулье А. 260
 Фын Юйсян 484, 488

- Хаксли О. 517, 526, 532, 536
Харламов Н.В. 189, 212, 226, 288, 296, 303,
Харламова (урожд. Корнилова) Т.А. 176, 212, 296
Хархардин И.В. 475, 476, 481
Хвостов А.Н. 74, 155, 157, 371, 374
Ходасевич В.Ф. 164, 170, 343, 346, 348, 349, 362, 368
Ходоровский И.И. 593
Храбровицкий А.В. 428
Худолей В.С. 479
Хьюз Р. 349, 362
Цвейг С. 517, 526
Цезарь 347, 356, 365
Церетели Е.Ф. 405
Церетели И.Г. 28, 137
Цехновицер О. 12
Цитович Н.М. 340
Цицин Н.В. 527, 535
Цуд Санзо 352
Цшоке (Цшокке) Г. 289
Чаадаев М.Я. 181, 303
Чаадаев П.Я. 174, 175, 181, 238, 255, 259, 260, 262, 274, 280, 284, 303, 311, 312, 315
Чаадаевы, братья 225, 242
Чан Кайши 484, 488
Чаплыгин С.А. 317
Чаянов А.В. 599
Черлюнчакевич М.С. 440
Чернавский М.М. 436
Черненко А.И. 528
Чернов В.М. 26, 27, 36, 40, 42-46, 50, 76, 79, 136, 143-145, 153
Чернов С.Н. 312
Черногубов Н.Н. 344
Черномазов М.Е. 333, 338, 339
Черносвитов К.К. 330, 338
*Черный Лев см. Турчанинов П.Д.
Чертков В.Г. 281, 475, 483
Чехов Н.В. 289
Чигаев Н.Ф. 118, 169
Чижиков О.Л. 460
Чичерин Г.В. 104, 155, 164, 168, 262, 342, 343, 603
Чичибабин А.Е. 599
Чубыкин И.В. 429
*Чудаков Герасим см. Тиняков А.И.
Чудакова М.О. 533
*Чуковский К.И. 16, 58, 93, 148, 173, 348, 350
Чулков Г.И. 469, 477
Чумандрин М.Ф. 528
Чхеидзе Н.С. 332, 338
Шаляпин Ф.И. 119, 170
Шапиро Л.Г. 594
Шарый В.И. 398
Шатобрриан Р. де 289
Шахматов А.А. 405, 597
Шаховская (урожд. Сиротинина) А.Н. 176, 196, 200, 206, 209, 212, 222, 223, 248, 289, 290, 292, 295, 296, 302, 305
Шаховская Александра Д. 314
Шаховская Анна Д. 223, 248, 262, 267, 301, 305, 310, 315
Шаховская (урожд. Бержинская) Е.С. 174
Шаховская (урожд. Щербатова) Н.Д. 252, 290
Шаховские, семья 177, 208, 318
Шаховской Д.И. 174-318, 334, 328, 333, 425, 475,
Шаховской Д.М. 182, 183, 210, 221, 231, 265, 294
Шаховской И.Д. 206, 295, 314
Шаховской И.Ф. 174
Шаховской Ф.П. 181, 252
Шахрай В.М. 152
Шацкий С.Т. 524, 535
Шварц, социал-демократ 432
Шварцблок, коммунальный служащий 618
*Швецов С.П. 436, 440
Шебалин М.П. 436, 460, 472, 475, 476, 482, 483, 488
Шебалина М.О. 438, 475

- Шейдеман Ф. 122, 171
Шекспир В. 286, 354
Шелгунов Д.М. 620
Шелгунов И.Д. 620
Шелов Б.А. 331
Шестаков, профессор 366
*Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 57
Шик Е.В. 250, 269, 309
Шик М.В. 239, 249, 269, 302, 308, 309
Шик-Шаховская Н.Д. 177, 221, 229, 248, 267-269, 275, 302, 305, 306, 308, 309, 315
Шики, семья 254
Шикман А.П. 488
Шилов А.А. 472
Шингарев А.И. 26, 29, 33, 34, 41, 45, 47, 48, 52, 56, 57, 59, 62, 125, 136, 145, 146, 148, 320, 321, 324-326, 329-331, 336, 338, 469
Шкаровский М.В. 555, 610
Шмидт П.П. 296
Шнеерсон 488
Шнеур В.К. 23, 24, 26, 34, 133, 134, 137
Шокальский Ю.М. 406, 412, 423, 599
Шолохов М.А. 448, 496
Шпет Г.Г. 457
Шрамченко В.В. 607
Шрейдер А.А. 48, 145
Штакеншнейдер Е.А. 454, 472
Штевен А.А. 221, 298, 299
Штейнберг И.З. 45, 47, 51, 57, 67, 78, 144, 145, 148, 150, 156, 157, 159
Штромберг А.П. 468
Штюрмер Б.В. 142, 323-325, 334-337
Шубинский С.Н. 344
Шульгин В.В. 335, 342
Шумихин С.В. 340, 429, 458, 488
Шумов, коммунальный служащий 618
Шумяцкий Я.Б. 472
Шухов И.П. 526
Щастный А.М. 108, 165, 166
Щегловитов И.Г. 115, 157, 168, 337, 371, 374
Щеголев Н.А. 340
Щепкин Н.Н. 469
Щербатов И.Д. 181, 242
Щербатов М.М. 174, 181
Щербатова А.М. 225, 303
Щербатова Е.Д. 252, 291
Щербатовы, семья 252, 290
Щербатской Ф.И. 414
Эберг Ф. 171
Эйдельман Н.Я. 459
Эйхгорн Г. фон 111-113, 116, 167
Эльяшев (Ильяшев) Л.Е. 65, 153
Эммери, американец 324
Энгельгардт А.Н. 205
Энгельгардт Б.А. 329, 337
*Эрбург И. см.Эренбург И.И.
Эргарт (Эргардт, Эргард) А.К. 625, 626
Эренбург И.Г. 496, 533
Эренбург И.И. (*Эрбург И.) 532, 536
Эрн В.Ф. 259
Эссен Э.Э. 624
Ювачев И.П. 468
Югов, социал-демократ 432
Юделевский Я.Л. см.*Галин А.
Юденич Н.Н. 15, 422, 611
Юдин, социал-демократ 432
Юнгер В. 348
Юрьев К.С. 424
Юрьев Ю.М. 410
Юсупов Ф.Ф. 326, 336
Ющинский А. 362
Якимова-Диковская А.В. 436, 460, 475
Яковлев А.И. 466
Яковлев А.С. 528
Яковлева В.Н. 118, 169, 593
Якубович Г.А. 330

Якушкин И.Д. 242, 252, 261
Янковская Г. 612
Яновский В.С. 492
Янсен М. 161
Яров С.В. 539
*Ярославский Е. (Губельман М.И.)
430, 446, 432, 439, 466

Яроцкий А.И. 289, 294, 295
Ярошевский М.Г. 580
Ярчук Е.Х. 473, 487
*Ясенский Бруно 526
Ясинский И.И. 41, 57, 148, 149
Ясный М.А. 359, 361, 366
Ятманов Г.С. 414, 415

Список иллюстраций

- А.О. и И.И.Фондаминские. Начало 1910-х годов. Франция. (ОР ГПБ).
- З.Н.Гиппиус в своем кабинете. 1913. (ИРЛИ).
- Д.И.Шаховской. 1880-е годы. (ААН).
- Братья Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбург. 1890-е годы. (ААН).
- В.И.Вернадский. 1888. (ААН).
- И.М.Гревс. 1890-е годы. (ААН).
- А.А. и Н.А.Корниловы. Вторая половина 1890-х годов. (ЦГАОР).
- Дети Д.И.Шаховского. Слева направо: Илья, Наталья, Анна. 1914. (Из собрания семьи Шаховских).
- Ордер на арест Д.И.Шаховского. 26 июля 1938. (ЦАО КГБ).
- Последний лист следственного дела Д.И.Шаховского. (ЦАО КГБ).
- Записка сотрудника НКВД. Между 8 и 10 мая 1940. (ЦАО КГБ).
- Б.А.Садовской. 1910-е годы. (ЦГАЛИ).
- Б.В.Никольский. 1910-е годы. (ЦГАЛИ).
- М.Н.Покровский. 1920-е годы. (ААН).
- Академики С.Ф.Ольденбург, А.Е.Ферсман и Н.Я.Марр. 1927. (ЦГАКФФД).
- В.Н.Фигнер (слева) и Н.П.Куприянова. 1923. (Из собрания М.Э.Фигнер).
- В.Н.Фигнер. 1930-е годы. (ЦГАЛИ).
- М.А.Осоргин. 1930-е годы. Париж. (Из собрания Т.А.Осоргиной).
- Семья Буткевичей. В центре — А.С. и Е.В.Буткевичи (сидят). В нижнем ряду вторая справа — Н.А.Махнова (урожд. Буткевич). 1930-е годы. Благуша (ныне Москва). (Из собрания Т.А.Осоргиной).

ЗВЕНЬЯ
Исторический альманах
Выпуск 2

ФЕНИКС • ATHENEUM

Редактор Е.В. Русакова
Художник Ю.Н.Куликов
Технический редактор И.В.Красный
Корректор Т.Б.Верникова

ИБ/НК

Сдано в набор 5 февраля 1991 г. Подписано в печать 3 августа 1991 г.
Формат 60 X 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Тираж 8000 экз. Заказ № 3233. Цена договорная.

«Феникс»: 103009. Москва, Тверская ул., д. 6, стр. 7

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени 1-й типографии
издательства «Наука». 199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12

3BFEHBR

